Министерство образования и культуры Абхазии
Институт Истории и Этнологии имени Ив. Джавахишвили

Очерки из истории Грузии

Абхазия

с древнейших времен до наших дней

Издательство ИНТЕЛЕКТИ
Тбилиси 2009

Первая обобщающая научная работа грузинских ученых на русском языке по истории Абхазии с древнейших времен до наших дней. Она дает возможность читателям ознакомиться со взглядами грузинских и абхазских историков по различным спорным вопросам, что, в свою очередь, позволит им убедиться в правоте той или иной стороны.

Дизайн: на лицевой обложке – грузинская надпись Георгия Басилисдзе на колонне церкви архангелов Михаила и Гавриила в с. Анухва Гудаутского района Абхазии (XI в.); на обратной обложке – грузинская надпись Луки Мартинева (XIV в.), найденная в Цебельде.

Авторский коллектив:

Джемал Гамахария (руководитель проекта), **Лиа Ахаладзе**, **Малхаз Барамидзе**, **Саломе Бахия-Окруашвили, Тамаз Берадзе, Лиа Битадзе, Мераб Геджуа, Ираклий Геленава, Теймураз Гванцеладзе, Бадри Гогия, Гуранда Пхакадзе, Резо Хвистани, Бежан Хорава, Дазмир Джоджуа.**

Рецензенты:

Проф. Отар Жордания
Проф. Манана Санадзе
Проф. Тариел Путкарадзе

ISBN 978-9941-410-69-7

Введение

Создание обобщающего научного труда по истории Абхазии и его издание на разных языках чрезмерно затянулось. Необходимость создания такого труда обусловлена множеством обстоятельств. В первую очередь, следует подчеркнуть, что постоянное стремление Российского государства оторвать от Грузии её северо – западную часть уже более века является причиной политизации и, соответственно, грубой фальсификации исторического прошлого Абхазии и вместе с ней – всей западной Грузии. Именно на почве фальсифицированной истории, под лозунгом «Абхазия – не Грузия», в начале XX века сформировался апсуйско-абхазский политический сепаратизм – одна из разновидностей русского империализма и его опора в Грузии. Дело дошло до того, что существующий сегодня в Абхазии незаконный режим и его покровители в лице высших руководителей Российской Федерации основанием для «государственной независимости» этого, издревле грузинского региона, наряду с «волей народа», объявляют также «исторические права» (!?). С целью защиты данных «прав», сепаратистски настроенные авторы (С.Лакоба, О.Бгажба, В.Чирикба, М.Гунба, Е. Аджинджал, И.Марихуба (Мархолия), Т.Ачугба, Д.Дбар, С.Шамба и др.) издали десятки тенденциозных трудов, в том числе учебники, на русском и английском языках. К сожалению, сепаратисты больше служат иллюзорным и весьма опасным политическим целям, нежели науке. Фальшивая историография находится под особым вниманием и опекой сепаратистского режима, а так же высшего политического руководства России.

Грузинская же историография, несмотря на свой огромный научный потенциал, явно отставала от событий, находясь в «оборонительной» позиции. Но и в этих условиях увидела свет не одна достойная внимания работа по истории Абхазии, авторами которых являются М.Лордкипанидзе, Т.Гамкрелидзе, Д.Мусхелишвили, Т.Мибчуани, Г.Гасвиани, М.Инадзе, Э.Хоштария-Броссе, Н.Ломоури, Л. Тоидзе, А. Ментешашвили, З.Папаскири, Т.Путкарадзе, Г.Каландия, Д.Анчабадзе, Д.Читая, Н. Берулава, Б. Кудава, Т. Коридзе, Л.Ахаладзе, М.Барамидзе, С.Бахия-Окруашвили, Т.Берадзе, Л.Битадзе, Т.Гванцеладзе, И.Геленава, Б.Гогия, К.Окуджава, Б.Хорава, Д. Джоджуа и др. Однако, совершенно ясно, что грузинская историография по сей день не выработала единого подхода к отдельным узловым проблемам; еще не полностью преодолено негативное влияние советской историографии при исследовании таких проблем, как этнополитическая история Колхидского (Эгрисского) царства доантичного и особенно античного периодов, этногенез грузинского и абхазского народов и т.д. А это, со своей стороны, оказывает воздействие на осмысление других важных вопросов истории региона последующего периода.

Предлагаемая вниманию читателей работа является переводом одноименной книги, изданной в 2007 году в Тбилиси на грузинском языке (перевод выполнен профессорами Нодаром Берулава и Омаром Ардашелия). При этом она в определенной мере переработана с учетом запросов и интересов рускоязычного читателя. Книга дополнена так же двумя новыми главами (главы XII и XXII).

Задачей авторского коллектива, руководствовавшего единым концептуальным подходом ко всем рассмотренным важнейшим проблемам, являлось освещение в основном этнополитической истории территории современной Абхазии (а не только собственно Абхазии, границы которой не всегда совпадали с её сегодняшними пределами), аргументированное опровержение выводов сепаратистов – фальсификаторов. Главными же аргументами являются грузинские и иностранные исторические источники, сведениями из которых насыщена данная работа. Одна из особенностей исследования состоит в том, что оно носит комплексный характер. В нем использованы новейшие научные достижения историков и археологов, специалистов по исторической географии, церковному зодчеству, а так же антропологов, лингвистов, этнологов и демографов.

Представленная работа не имеет и не может иметь какого – либо отношения к выработке и проведении текущей политики, вопросам определения будущего статуса Абхазии. Целью данного труда является лишь восстановление исторической правды. Поскольку взгляды грузинских и абхазских историков на данном этапе абсолютно не совместимы, сотрудничество между ними не представляется возможным. Несмотря на это, авторы высказывают готовность сотрудничать в будущем с абхазскими коллегами.

Авторский коллектив благодарит за советы и пожелания академика Мариам Лордкипанидзе, профессоров Отара Жордания, Вахтанга Джапаридзе, Геронтия Гасвиани, Гелу Саитидзе, Иосифа Чикава, Зураба Папаскири, Давида Читая, Мурмана Папашвили, Игоря Квеселава, Гиви Рогава и др.

За квалифицированную помощь в подготовке книги выражаем благодарность доктору истории Хвиче Кардава, Нане Гогия, Нане Кварацхелия, Динаре Дарсалия, Давиду Жвания.

Настоящая работа может быть использована в качестве учебного пособия в высших учебных заведениях при изучении истории Грузии, политологии, геополитики, конфликтологии и других учебных курсов. Она поможет педагогам в повышении квалификации.

Глава I. Краткий историко-географический обзор

В северо-западной части Грузии, на побережье Черного моря, между реками Ингури и Псоу, расположен один из уголков страны – Абхазия, являющаяся автономной республикой в составе Грузии.

Река Псоу и главный Кавказский водораздельный хребет отделяют автономную республику от Российской федерации, а река Ингури и отроги большого Кавказа – Кодорский и Абхазо-Сванетский хребты – от соседних грузинских регионов – Сванетии и Самегрело. Площадь Абхазии равняется 8,7 тыс. кв.км., что составляет 13% от всей площади Грузии. Столица автономной республики г.Сухуми является одним из самых древних и знаменитых городов Грузии. Топоним «Сухуми» происходит от грузинского «Цхоми//Цхуми», что означает бук. В древнегреческих источниках (Псевдо-Скилак Кариандский – IVв. до н.э.) он упоминается под названием Диоскурия. Античная традиция возводит это название к мифическим Диоскурам. Диоскуры (греческая Dioskuroi, дословно - сыновья Зевса) - братья - близнецы Кастор и Полидевк. Город был якобы основан возничими Диоскуров, аргонавтами Телхием и Амфистом. Однако, название города Диоскурия должно представлять греческое осмысление древнего грузинского словосочетания. Примечательно, что «диа» на нескольких диалектах грузинского языка, в том числе по-мегрельски, означает мать, а «скури» - воду. Римляне в I в. до н.э. переименовали город в Себастополис в честь Римского императора Гая Октавиана Августа (27г. до н.э. – 14г. н.э.), носившего вместе с титулом Августа и титул «Себастос» (Великий). На протяжении всего средневековья название города встречается в грузинских источниках в двух вариантах – Цхоми и Цхуми. В начале XIVв. арабский автор Абу-ал-Феда впервые упоминает его под названием «Сухум», что является арабизированной формой грузинского наименования «Цхуми». Сухум//Сохумом называли город и турки–османы, появившиеся в Причерноморье во второй половине XVв. В восточных языках (арабский, турецкий) звук «ц» отсутствует, произношение двух согласных звуков подряд также невозможно. Таким образом, от грузинского названия Цхуми//Цхоми получено турецкое Сухум//Сохум, утвердившиеся в грузинском в форме «Сохуми», а в русском – «Сухуми». Собственно же абхазы называют столичный город именем «Акуа». В 1561г. это абхазское географическое название впервые зафиксировано на карте итальянского картографа Дж. Гастальди в форме «Аква» в среднем течении р.Кубань (см. здесь же, карту № 14). И лишь в 1737г., на карте западной Грузии, составленной на грузинском языке, оно фиксируется на территории г.Сухуми в форме «Аку», хотя там же рядом отмечена и «Цхумская крепость» (см. здесь же, карта №13).

С севера Абхазию ограничивает главный Кавказский водораздельный хребет, тянущийся с северо-запада на юго-восток. В пределах Абхазии находятся

такие вершины Кавказа, как Домбай-Ульген (4046м.), Гвандра (3985м.), Эрцаху (3910м.), Пшиш (3790м.), Агепста (3257м.), Санчар (2292м.), Адзапша (2497м.), Алаштраху (2723м.), Нахар (2931м.), Марух (2746м.) и Клухор (2781м.). Через перевалы проходят пешеходные тропы на Северный Кавказ. Главный Кавказский водораздельный хребет круто спускается к ущельям рек Бзыбь, Чхалта, Сакени. Горную среднюю часть Абхазии занимают отроги Кавказа – Гагрский, Бзыбский, Чхалтский (или Абхазский), Кодорский (Панавский) хребты, имеющие со своей стороны множество ответвлений.

Абхазия – страна гористая. 74% ее территории занимают горы и предгорья, остальную часть – равнины и низины. Кое – где горы непосредственно подходят к морю, в других же местах между ними имеется значительное расстояние. На северо-западе, на левом берегу р.Псоу, между морем и Кавказом лежит растянувшаяся на 10–15км. низина. Юго-восточнее Гагрский хребет непосредственно подходит к морю. К юго-востоку от Гагры горный массив постепенно отступает и узкая прибрежная равнинная полоса переходит в Пицундскую низину. К юго-востоку от Пицунды горы опять тянутся к морю и в окрестностях Нового Афона непосредственно подходят к нему. Юго-восточнее Сухуми прибрежная равнинная полоса постепенно расширяется и, начиная с левого берега р.Кодори, переходит в Колхидскую низменность. Приморская полоса довольно прямая; достопримечательны Сухумская и Гагринская бухты, Сухумский и Пицундский мысы.

К северу от Кодорского хребта, в среднем течении р. Кодори, расположен горный край Цебели, а на её верхнем течении – горный край Дали. В верхнем же течении р. Бзыбь, между Кавказским и Бзыбским хребтами, находится горный край Псху.

В Абхазии много озер: Рица, Адуэда Адзиж, Дериквара Адзиш, Квараш, Малая Рица, Амткел, Голубое озеро, Инкит, Бебесир, Папанцквили и др.

Абхазия покрыта густой сетью рек Черноморского бассейна: Псоу, Бзыбь, Кодори, Гумиста, Келасури, Галидзга, Мокви, Ингури. Пограничная река Грузии и, соответственно, Абхазии - Псоу, берет начало с горного хребта Айбга и впадает в Черное море у с. Леселидзе. К юго-востоку от неё течет р.Мехадыр, истоки которой берутся на юго-западных склонах Гагрского хребта. Она впадает в Черное море у пос. Гантиади. К юго-востоку от пос. Гантиади в море впадает речка Бегерепста, она же Холодная Речка. Самая длинная река Абхазии – Бзыбь. Её истоки находятся на южных склонах Кавказского хребта, у перевала Аданге. Ее длина составляет 110км. На большей части своего течения, до места впадения в нее р. Юпшары, она имеет в основном западное направление, но далее поворачивает к югу. В верхнем течении ущелье узкое и глубокое. У с.Псху оно расширяется и река распадается на рукава: ниже ущелье узкое, местами каньенообразное. У пос. Бзыбь река выходит на равнину и впадает в

Черное море у Пицундского мыса. Примечательно, что «Бзыбь» - сравнительно новое название этой реки. До 20-х годов XIXв. она называлась «Капоэтис Цкали» (р. Капоэти). Это наименование – грузинское и происходит от названия рыбы - «капоэти». Рыба капоэти принадлежит к породе форело-лососевых. Эта крупная разновидность форели обитает именно в данной реке. Высказано мнение и о грузинском происхождении гидронима «Бзыбь», связанного с названием растения «бза» (самшит). Главная река Абхазии, текущая в самшитовом, то есть Бзыбском ущелье, называется Самшитовой (Бзыбской).

В ущелье правого притока Бзыбы р.Юпшары на высоте 884м. над уровнем моря, расположено живописнейшее оз.Рица. Оно образовалось в результате обвала горы Пшегишхи и перекрытия р.Лашипса. Берега оз. Рица окружены горными склонами, покрытыми хвойными и смешанными лесами, из-за чего оно и является одним из живописнейших Кавказе.

На правом берегу р. Бзыбь, недалеко от моря, расположено маленькое, но чрезвычайно красивое Голубое озеро.

К юго-востоку от Бзыбы протекает карстовая река Мчишта или Шавцкала (Черная речка), берущая начало на южных склонах Бзыбского хребта и впадающая в Черное море к западу от г.Гудауты. В средние века она называлась «Муцис цкали», то есть «Земляная река» («Подземная река»), так как на большем участке течет под землей. Ее абхазское (Мчишта) и русское (Черная речка) названия являются переводами грузинского «Шавцкала».

К юго-востоку от Мчишты течет р.Хипста, истоки которой берутся на южных склонах Бзыбского хребта и впадает в море у г. Гудауты. Ее русское название «Белая речка» является прямым переводом грузинского «Тетрцкала». В средние века река называлась Зупу («Зупская река»). На её берегу расположено с. Зупу (нын. Лыхны), от которого она приняла свое название. Правым притоком Хипсты является речка Эгри.

К юго-востоку от Хипста течет р. Аапста, берущая начало в восточной части Бзыбского хребта, течет вдоль его южного склона и впадает в Черное море между Гудаутой и Новым Афоном. Её также называют Баклановкой, хотя исторически река именовалось Агацо. Название происходит от одноименного села. В XIXв. эту реку называли Аац, что является абхазской формой грузинского «Агацо». Село и поныне называется Аац.

К северо-западу от Нового Афона в Черное море впадает небольшая река Псырцха. В средние века она называлась Анакопиис цкали - Анакопийской Рекой, от города – крепости Анакопия (нын. Новый Афон).

К юго-востоку от Псырцхи течет р. Гумиста. Она образуется в результате слияния рек Западная Гумиста и Восточная Гумиста, выходит к морю западнее г. Сухуми. В средние века она называлась Цхомской, то есть Цхумской рекой, от названия г.Цхуми (нынешний Сухуми). В черте сегоднешнего г.Сухуми в

Черное море впадает карстовая река Беслети, берущая начало от карстовых ручьев. 4-х километровым карстовым тоннелем она соединяется с р.Келасури, впадающей в Черное море восточнее Сухуми, в с.Келасури. Она берет начало на южном склоне Бзыбского хребта, на леднике Химса. Название «Келасури» происходит от греческого «Клисура», что означает горный узкий проход, теснину.

К юго-востоку от Келасури самой большой рекой является Кодори, вторая по протяженности река Абхазии. Она образуется в Дальском ущелье в результате слияния рек Гвандра и Сакени. Кодори течет сперва на запад, затем сворачивает на юго-запад и впадает в Черное море южнее с. Адзюбжа (историческое с. Шкацкари, или Шуацкали (груз.) – междуречье, переводом чего является абхазское «Адзюбжа»). Её протяженность 84км. На правом берегу р. Кодори расположен Драндский храм, один из церковных центров западной Грузии в X–XVII веках. По сведениям выдающегося грузинского историка и географа Вахушти Багратиони (1696-1758годы) «Кодори» первоначально было названием поселка, впоследствии перешедшем к реке. Село Кодори в форме «Скотори» упоминается еще в VIIв. византийским автором Феодосием Гангрским. Название «Кодори» - грузинское как по корню, так и по грамматическому оформлению. Основными притоками Кодори являются: Чхалта (по абхазски -Ацгара), Мрамба и Джампал вместе с Амткелом. В ущелье р. Амткел расположено оз. Амткел или Азанта, образовавшееся в 1891г. в результате оползня, перекрывшего р. Амткел.

К востоку от Кодори протекает речка Цхенис Цкали. Название ее в греческом переводе (р. Гипп) встречается еще во IIв. в сочинении Флавия Арриана.

Значительной рекой Абхазии является также Мокви, берущая начало в южных склонах Кодорского хребта и впадающая в Черное море недалеко от г. Очамчире. Там, где с рекой Мокви сливается ее правый приток, р. Дваб, расположен Моквский храм, один из известнейших религиозных центров западной Грузии в X – XVII веков. Восточнее Очамчире в море впадает р.Галидзга (название «Галидзга», означающее по мегрельскому диалекту «берег речки», первоначально принадлежало прибрежному селению), берущая начало на восточном склоне Кодорского хребта, недалеко от вершины Ходжал. В средние века она называлась «Эгрисцкали», по-грузински – Эгрисская река. На южном склоне Кодорского хребта берет начало и р. Окуми, впадающая в море у с. Гудава. На ее левом берегу находится историческое село Окуми, от которого река получила свое название. Правыми притоками Окуми являются: р.Царче (она же, по средневековым грузинским источникам, Дадисцкали) и р.Оходже, на берегу которой расположен один из знаменитых религиозных центров западной Грузии X – XVIII веков, Бедийский храм. Левый приток Окуми называется Диди эрисцкали, по письменным источникам, она же Эртисцкали. К востоку от Оку-

ми протекает быстрая и полноводная река Ингури. Она берет начало в Сванети, с расположенного на высоте 2614м. над уровнем моря ледника Ингури и впадает в Черное море у с. Анаклиа. Ее нижнее течение местами отделяет Абхазскую Автономную Республику от соседней Мегрелии.

Абхазия находится на самой северной границе субтропического пояса. Главный Кавказский водораздельный хребет защищает ее от холодных северных ветров. Теплое, никогда не замерзающее море и бурные горные реки создают мягкий, влажный субтропический климат. Значительная часть Абхазии, приблизительно 55%, покрыта лесами. Здесь распространено более 2 тыс. видов растений, включая 150 видов деревьев и кустарников. Остальные же представлены травянистыми формами. В Абхазии распространены до 400 видов эндемичных видов растений Кавказа, более 100 видов всречаются только в Абхазии. Из деревьев следует отметить: дуб, бук, сосну, каштан, ель, орешник, самшит, пихту, вяз, граб, клен, липу и др. Здесь обитают виды животных, характерные как для равнины и горного леса, так и для высокогорья: тур, лань, серна, в рицинских лесах - кавказский олень. Кроме того, встречаются: медведь, волк, кабан, шакал, лиса, рысь, лесной кот, куница, норка, ласка, барсук, выдра, горностай, белка, заяц и др. В начале XXв. был истреблен Кавказский зубр. Из пернатых распространены: орел, сокол, ястреб, коршун, кавказская горная индейка, фазан, перепелка, чайка, удод и др. В реках и озерах обитают форель, колхидская усач-рыба, сом, кое где из Черного моря в реки попадают лосось и осетр. Для охраны полезной флоры и фауны созданы Рицинско-Авадхарский, Псхувский, Пицундский, Гумистинский и Мюсерский заповедники.

Абхазия богата полезными ископаемыми. Следует упомянуть Ткварчельские и Бзыбские угольные залежи. Много свинцовых, цинковых и медных месторождений, гипс, известняк, керамическая глина и др. Особенно много целебных минеральных вод в ущельях рек Кодори, Сакени, Бзыбь, Авадхара и др. Термальные лечебные воды имеются в окрестностях Ткварчели, Сухуми, Нового Афона и Гагры. Великолепная природа и уникальные источники превращают Абхазию в богатейшую климатологическую здравницу.

Основным населением Абхазии являются грузины и абхазы. Нынешние абхазы (апсуа) этнически принадлежат к народам абхазо-адыгской семьи, их язык входит в северо-западную, абхазо-адыгскую группу Иберийско-Кавказской языковой семьи. Вместе с абхазским в данную группу входят абазинский, адыгейский, кабардинский, убыхский и другие языки, на которых говорят родственные народы Северного Кавказа - абазины, адыги, кабардинцы, черкесы и др.

С этнокультурной точки зрения, до позднего средневековья абхазы были такими же грузинами, как и население других исторических провинций Грузии (картлийцы, кахетинцы, мегрелы, сваны и др.) и активно участвовали в форми-

ровании грузинской государственности и культуры. В позднем средневековье в результате натиска горцев - вторжений и целенаправленного переселения в Абхазию жителей горной зоны Западного Кавказа, произошли радикальные этнические изменения. В результате смешения пришлого горского и местного грузинского населения сформировался современный абхазский (апсуа) этнос.

По переписи 1989 г. население Абхазии составляло 525.061 человек. Национальный состав был следующий: грузины - 239.872 (45,7%), абхазы - 93267 (17,8%), армяне - 76.541 (14,6%), русские - 74.914 (14,2%), греки - 14.664 (2,8%), остальные этнические группы - 25.804 (4,9%) (см. здесь же, гл. XXII**).**

По административно-территориальному делению 1991г. в Абхазскую Автономную Республику входят 5 административных районов - Гальский, Очамчирский, Гульрипшский, Сухумский, Гудаутский, а также подведомственная Гагринскому городскому совету территория; 4 поселка - Новый Афон, Пицунда, Гантиади, Гульрипш.

Формирование Абхазии в ее нынешних границах – результат сложных исторических процессов, происходивших на протяжении веков и завершившихся только в конце 20-х годов XXв.

Были времена, когда Абхазия не существовала в качестве отдельной административно-территориальной единицы. В XV–II веках до н.э. территория нынешней Абхазии входила в состав Колхидского царства и полностью была населена племенами и общинами грузинского происхождения.

В I веке до н.э. – II веке н.э. на этой территории опять фиксируются грузинские общины под названием санигов, апсилов и абазгов. Во II-VIII веках территория современной Абхазии входила в состав Эгриси (Лазики). По сведениям исторических источников, в VI–VIII веках юго-восточная часть этой территории, между рек Кодори и Ингури подчинялась Одишским эриставам Эгрисского царства. В верховьях Кодори-Дальского ущелья проживала сванская община мисимян, подчинявшаяся непосредственно правителю Эгриси. Эгрисской администрации непосредственно подчинялись также и апсилы, проживавшие на Черноморском побережье между рек Кодори и Анакопиис цкали. Далее на северо-запад до р. Ахэунт (нын. Шахэ), располагались два эриставства абазгов, подчинявшихся Лазскому царству.

В IX–X веках территория нынешней Абхазии входила в независимое Западногрузинское царство, которое традиционно именуют «Царством абхазов» по названию его правящей династии. В этом царстве территория между реками Ингури и Кодори, как и раньше, входила в состав Одишского эриставства; Дальское ущелье подчинялось сванетскому эриставу; бывшую Апсилию занимало Цхумское эриставство, северо-западнее которого располагалось собственно Абхазское эриставство, которое на побережье достигало до реки Никопсия (ныне Негопсухо в России).

После объединения Грузии, на протяжении более, чем 2,5 веков административно-территориальное деление региона не изменилось. В начале XIV в. Цхумское эриставство присоединилось к Одишскому. После этого граница между Одишским и Абхазским эриставствами проходила по р. Анакопиис цкали.

В 70-90-е годах XV в. единое грузинское государство распадается. Территория нынешней Абхазии с прежним административно-территориальным делением вошла в Западногрузинское (Имеретинское) царство. Эриставы Абхазии находились в вассальной зависимости одновременно от Имеретинских царей и Одишских владетельных князей.

В 50-х годах XVIв. Гурия, Одиши и Абхазия фактически отделились от Имеретинского царства. Первоначально граница между Одиши и Абхазией проходила по р. Анакопиис цкали. Но с 80-х годов XVIв. граница переместилась к юго-востоку и пролегала по р.Келасури. Однако, в этот период правители Абхазии все еще признавали верховенство Одишских владетельных князей (мтаваров).

В XVI–XVII веках, как уже отмечалось, в Абхазии происходят радикальные этнические изменения, связанные с переселением горских племен Западного Кавказа. С их помощью и при решающей поддержке Османской империи абхазские князья на рубеже XVII–XVIII веков сумели расширить границу на юго-восток до р. Эгрисцкали (ныне Галидзга), а позднее - р. Ингури. Постепенно между реками Ингури и Галидзга сложилось малое феодальное владение - Самурзакано. С 1702г. по 1840г. этот район входил в Одишское (Мегрельское) княжество, исключая короткий период с 80-х годов XVIII в. до 1805г., когда он подчинялся владетелю Абхазии.

В 1810г. Российская империя приняла Абхазское княжество (от р. Бзыбь до р. Галидзга, без Цебельды и других горских общин) под свое «покровительство», с целью его последующей оккупации и аннексии. В 1864г. Россия упразднила Абхазское княжество и включила территорию от р.Ингури до Гагры в Сухумский военный отдел, позже (1883г.) переименованный в Сухумский округ.

Территория Абхазии почти в современных ее границах (исключая сектор Мехадыр-Псоу) впервые была официально названа «Абхазией» в мае 1919г., когда правительство независимой Грузинской Демократической Республики признало ее автономию и Абхазский Народный Совет принял специальное постановление о переименовании региона. Абхазская автономия в нынешних границах окончательно сформировалась в 1929 году, когда РСФСР вернула Грузинской ССР территорию между реками Мехадыр и Псоу.

Глава II. Археологические памятники предантичной эпохи на территории современной Абхазии

1. Каменный век (1 800 000 – 50 000 до н.э.)

Каменный век – древнейший и наиболее протяженный период в истории развития человечества, на раннем этапе которого исследователи обычно выделяют две основные ступени – Шель и Ашель. Однако им должна предшествовать еще одна, древнейшая ступень, известная как Олдувайская культура. Для этой ступени характерно применение каменных орудий, называемых эолитами, без добавочной обработки. Под этой эпохой следует подразумевать начало четвертичного периода, приблизительно с 1 800 000л. до н.э.

Четвертичный период иногда называют также антропогенным (то есть, связанным с процессом антропогенеза – происхождения человека). Выделяется четыре ледниковых и три межледниковых периода. На Кавказе следы оледенения сравнительно слабы и они не выражены. По причине его вертикальной зональности, фактически всегда имелись здесь условия для проживания человека. Вместе с похолоданием человек спускался в нижнюю, более теплую полосу, а вслед за потеплением – вновь осваивал горную зону. Вертикальное расположение мест обитания человека, характерно не только для каменного века, но фиксируется во всех последующих эпохах. Таким образом, ясно, что географическое положение и климат являются теми решающими факторами, которые следует принимать во внимание при изучении процесса расселения человека. На территории Абхазии представлены все вертикальные зоны: узкая приморская полоса Колхидской равнины, предгорные террасы высотой в 80-100 м., горно-холмистая и альпийская зона. Это обстоятельство, вместе с изменением климата, создавало условия для внутренней миграции населения.

Нынешняя территория Абхазии широко известна своими памятниками каменного века. В этом плане следует отметить труды С. Замятнина[1], Б. Куфтина, Л. Соловьева, А. Лукина, Ю. Воронова, В. Бжания[2], Н. Бердзенишвили, А. Каландадзе, Л. Церетели, Г. Григолия и Л. Коркия[3]. Им принадлежат особые заслуги в деле выявления, раскопок и научного исследования памятников.

[1] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1977; его же: Очерки по палеолиту. М.-Л., 1961.

[2] Б.А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тб., 1999; А.Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаута. – Советская Археология, XII, М., 1950; Ю. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969; В. Бжания. Древнейшая культура Абхазии. Автореф. канд. дисс. М., 1966; Л.Н. Соловьев. Первобытное общество на территории Абхазии. Сухуми, 1977.

[3] Н. Бердзенишвили, А. Каландадзе и др. Археология Грузии. Тб., 1959 (на груз. яз.); Н. Бердзенишвили. Новые данные по палеолиту Абхазии. – Труды Абхазского Института, т. XXX, 1959; А. Каландадзе. Разыскания по археологии доантичной Грузии. Автореферат. Тб., 1969; Л. Церетели, Л. Коркия, Г. Григолия, М. Барамидзе. Разведочные археологические работы на строительных территориях Ингур ГЭС-а. Тб., 1964 (на груз. яз.).

В результате данных исследований на сегодняшний день на территории Абхазии зафиксировано несколько десятков памятников всех этапов эпохи камня[1]. Среди них особого внимания заслуживает Яштухская стоянка. Она расположена на склонах и подошве, находящейся в северо-западной части Сухуми горы Яштхва. Вся территория поселения (площадью 70 га) покрыта культурными остатками. Наличие нужного для производства орудий сырья, хороший климат и местоположение создавали благоприятные условия для проживания первобытного человека на данной территории. Склоны Яштхвы усеяны производственными остатками и отбросами. Встречаются нуклеусы, грубые пластины, остроконечники, скребла. Изредка встречаются и ручные рубила, выполненные бифасиальной техникой, широко распространенной в памятниках данной эпохи; они фактически представляют собой основное хозяйственное и боевое орудие. Обычно они имеют удлиненно-овальную, иногда – заостренную форму. Исследованный подъемный материал явно принадлежит к ашельской эпохе, однако некоторые образцы явно имеют более архаичные предашельские признаки[2]. Данный вопрос еще нуждается в уточнении[3].

Нижнепалеолитические памятники Кавказа достаточно многочисленны и зафиксированы почти во всех климатических зонах. Только на территории Абхазии зафиксировано до ста пунктов, где найдены мустьерские артефакты. Они расположены практически во всех вертикальных зонах, начиная с равнин, до высокогорья включительно. Рост населения в эту эпоху создает необходимость освоения новых жизненных пространств. В позднеашельскую и раннемустьерскую эпоху климат резко изменился, похолодало и население покидает высокогорную зону. В позднемустьерскую эпоху достаточно потеплело и население вновь возвращается в горные регионы. Материалы развитого и позднего мустье имеются в Кодорском ущелье, выше с.Ажара, фактически в альпийской зоне, в то время как принадлежащие раннемустьерской и последующей эпохам памятники Гали, Очамчире, Келасури, Бзыбского грота и пр., расположены в равнинной и предгорной полосе. С точки зрения истории края особое значение приобретает тот факт, что мустьерские памятники представлены и в прилегающем к Абхазии Сочинском регионе. В отличие от Абхазии, здесь открытых стоянок не обнаружено и мустьерская эпоха фиксируется лишь в Навалишенской, Ахштырской, Воронцовской, Хостинской и других пещерах, что, возможно, было вызвано влиянием климата.

Следует отметить, что на памятниках Абхазии каменного века кранеологический материал фактически отсутствует, что затрудняет рассуждения о про-

[1] На сегодняшний день известно около 150 памятников, в том числе 15-20 нижнепалеолитических.

[2] Л. Соловьев. Первобытное общество на территории Абхазии, с. 27, 35.

[3] И.И. Коробков. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. – Советская Археология, М., 1967, с. 201; О. Джапаридзе. К вопросу об этнической истории грузинских племен. Тб., 1976, с. 12-13.

цессе антропогенеза. Единственной находкой являются антропологические останки, найденные в позднемустьерских слоях Ахштырской пещеры. Высказано мнение, что ахштырский палеоантроп близко стоит к современному типу человека и принадлежит к т.н. палестинским людям, для которых характерны некоторые черты современного человека. Малочисленный антропологический материал из Сакажиа, Джручула, Цуцявати и, особенно, Ахштыра предположительно указывает на то, что именно из этой группы должен был развиться человек современного физического типа, Homo Sapiens. Однако ряд исследователей не разделяют данного мнения. Положение радикально изменилось после Дманисских открытий, в свете которых южная Грузия, а в более широком смысле – Западное Закавказье, следует признать одним из основных очагов формирования современного человека. В частности, подразумеваются регионы Абхазии, Аджарии и Верхней Имерети.

В условиях примитивного технического оснащения первобытные люди должны были жить небольшими группами и вести достаточно подвижный образ жизни в условиях собирательства. В период развитого мустье явно фиксируется рост плотности населения, ранняя ступень первобытного общества постепенно себя изживает и образуются предпосылки для формирования родового общества.

В начале верхнего палеолита на всей территории Кавказа заметно резкое похолодание климата, что оказывает определенное влияние на растительный и животный мир. Человек покидает горные регионы и занимает более теплую равнину и глубокие ущелья. По этой причине найденные в культурных слоях костные и растительные остатки типичны для периода верхневюрмского оледенения. Заметна концентрация населения в двух основных регионах – в бассейне Риони-Квирила и в Северо-Западной Колхиды. Выработана хронологическая шкала[1]. Этот период сравнительно короткий и продолжается около 25 тыс. лет. Меняется техника обработки камня. Появляются новые формы – скребки, резцы, остроконечники, удлиненные пластинки, нуклеусы. Заслуживает особого внимания факт появления геометрических микролитических вкладышей, обработанных ретушью костяных орудий. На некоторых памятниках (Мгвимевский грот) заметны выгравированные резцом на стене бессистемные линии.

На территории Абхазии верхнепалеолитические материалы полнее всего изучены в трех пунктах – Апианче, Супинипшакве (Холодный грот) и Окуми. Интересные памятники исследованы и в пещерах Сочи – Адлерского региона – Ахштыр, Новолишено, Хоста и др. Примечательно то обстоятельство, что верхнепалеолитический слой Ахштырской пещеры датирован радиоуглеродным методом 19 500 ± 500 годами (а датировка с помощью калиброванного

[1] С.Н. Замятнин. О локальных различиях в культуре палеолитического периода. – Труды Института Этнографии, XVI, М., 1951, с. 131.

метода дает еще более древние результаты). Именно эти верхнепалеолитические памятники охватывают регион Северо-Западной Колхиды, хотя разговоры о каких-либо локальных различиях с синхронными памятниками Западной Грузии пока остаются спорными.

Среди памятников Абхазии наиболее значительным и полностью изученным являются пещера Апианча[1]. Общая мощность культурных слоев достигает 12 м. Человек здесь поселился еще в эпоху мустье и живет во время верхнего палеолита, мезолита и до конца неолита. Таким образом, налицо картина непрерывного развития культуры на протяжении трех ступеней каменного века. С этой точки зрения стратиграфический разрез Апианчи фактически является уникальным и эталонным для изучения каменного века Кавказа.

В верхнепалеолитических слоях Апианчи (2 уровня) найдены орудия всех вышеперечисленных типов. Особенного внимания заслуживает обилие и разнообразие микролитических орудий. В этих слоях появляются полированные костяные орудия: иглы, булавки, шила, ножевидные и гарпунообразные орудия и др.

Аналогичные материалы обнаружены у истоков рек Кодори и Амткел, в двухслойной пещере «Холодный грот» (Хупинипшашхва). Особенно примечательны останки животных. Среди них выделяются пещерный медведь, благородный олень, кабан и разнообразные пернатые. Ясно, что охота наряду с собирательством составляет основу хозяйства. Возможно, определенную роль играет и рыболовство. С социальной точки зрения верхний палеолит – первобытное родовое общество. Верхнепалеолитическое население сконцентрировано в основном на территории западной Грузии и возможно, именно отсюда происходит его расселение в другие регионы Кавказа. С этой точки зрения привлекает внимание тот факт, что данные материалы находят много общего с памятниками Северного Кавказа. Прослеживаются контакты и типологическое сходство с ирано-иракскими и приазовскими материалами. Данное обстоятельство указывает на единый характер кавказского (включая Абхазию) верхнего палеолита, обусловленного однотипными историческими процессами.

Скудность краниологических материалов не позволяет определить физический тип и тем более – этническую принадлежность человека данной эпохи. Предположительно он является последующим этапом развития разумного неандертальца нижнего палеолита, для чего в северо-западной Грузии имелись все условия.

Следующий этап развития нижнепалеолитической культуры известен под названием «мезолит». Этот период в первую очередь характеризуется тем об-

[1] Л. Церетели. Мезолитическая культура на Черноморском побережье Кавказа. Тб., 1973, с. 131 (на груз. яз.); Л. Церетели, Л. Коркия. Материальная культура каменного века в Абхазии.- Вопросы археологии Абхазии. Сухуми, 1988.

стоятельством, что вновь резко изменяется климат, заканчивается ледниковый этап и начинается современный геологический период – голоцен.

Мезолит развивается на базе местного верхнего палеолита. На это явно указывает то обстоятельство, что в ряде вышеуказанных памятников (Апианча, Белая пещера, Риони-Квирильский бассейн) мезолитические слои лежат непосредственно на верхнепалеолитических[1]. Типологический анализ полученных материалов выявляет эволюционную картину постепенного развития. Зародившаяся в верхнем палеолите микролитическая индустрия постепенно шлифуется и достигает совершенства. Человек все еще селится в основном в пещерах, хотя потепление климата создает возможности для начала повторного освоения равнин и гор. По этой причине в эпоху мезолита осваивается фактически все ландшафтно-климатические зоны, хотя ведущая роль по прежнему принадлежит бассейну Риони-Квирила и Абхазии. На территории этой последней зафиксированы и частично изучены такие первостепенные памятники, как Квачара (Квабчара), Холодный грот, Джампал, Яштхвская открытая стоянка и др. Изучение материалов дает возможность выделить в этих памятниках два периода – ранний и поздний. Характерно дальнейшее развитие микролитической технологии и появление геометрических форм (сегмент, трапеция, треугольник). Вместе с этим появляются комбинированные орудия из дерева или кости, в специальных пазах которых, с помощью специального, клейкого вещества закреплялись микролитические вкладыши геометрических форм. В случае повреждения вкладыша нетрудно было его заменить. Предполагается, что комбинированные орудия употреблялись в собирательском хозяйстве, при добыче растительных продуктов. Не исключается также их применение при обработке животных остатков (например, шкур).

Хозяйство мезолитического человека имело присваивающий характер и базировалось на собирательстве и охоте, на что указывают костные остатки. При добыче растительных продуктов, по-видимому, использовались костяные остроконечники, каменные матыгообразные орудия. Данное обстоятельство может считаться примитивной, зачаточной фазой производящего хозяйства. С этой точки зрения существенное, решающее значение придается находкам в Апианче (Гульрипшский район).

Определенные сдвиги в характере хозяйства вызывали изменения и в социально-общественной сфере. Создаются основы родового общества, ее древнейшей ступени-раннего матриархата. На данном этапе можно предположить и наличие оседлых, раннеплеменных объединений. Население явно проживает подолгу на одном месте, не кочует, что было бы невозможно без существования достаточно организованного и сплоченного коллектива. Первой

---

[1] О. Джапаридзе. Археология Грузии, с. 34-39 (на груз. яз.); его же: К вопросу об этнической истории грузинских племен, с. 25-29: Л.: Церетели. Мезолитическая культура, с. 77 и след.

такой организацией должна была быть именно основанная на матриархальных принципах родовая община. Подобные общины складывались в объединения племен, зачатки чего заметны уже начиная с эпохи верхнего палеолита. Предполагается существование в Причерноморье Грузии в верхнем палеолите нескольких племенных объединений. В последствии родственные племена расселяются по территории всего Западного Кавказа, что вызвало распад общекавказского культурного единства. Отражением данных процессов должно быть появление локальных регионов. В основном единообразный характер материальной культуры как будто бы указывает на то, что на территории Западного Закавказья серьезных этнических изменений не произошло. Однако расселение на обширной территории должно было вызвать постепенный распад языкового единства. Этот процесс должен был произойти именно в конце палеолита и в мезолите.

Неолит или Ново-каменный век (IX-VI тыс. до н.э.) – один из значительных этапов развития человеческого общества. В это время происходят существенные сдвиги в характере хозяйства. Присваивающее хозяйство палеолита переходит на производящую основу. В неолите же происходит зарождение и развитие основных видов производящего хозяйства-земледелия и животноводства.

Складывание новых форм хозяйства вызвало большие изменения почти во всех сферах общественных отношений. Человек тесно связан с землёй и прочно селится на ней. Создаются поселения сельского типа с искусственным жильем. Появляются орудия новых типов, новые технические навыки и приемы: шлифовка-полировка, сверление, макролитическая техника обработки камня. В этой технике исполнены неолитические топоры. Это достаточно эффективное и практическое орудие, появившееся на поздних этапах каменного века.

Появление производящего хозяйства оказало влияние на все виды общественной жизни. Именно поэтому данное явление называют «неолитической революцией». Экономическая революция должна была произойти там, где имелись благоприятные условия. По этой причине неолитическая культура не складывалась везде одновременно. В этом смысле наиболее подготовленным оказался Переднеазиатский регион, в который включается Закавказье, в том числе Абхазия. Формирование неолитической культуры здесь произошло в результате эволюционного развития местного мезолита, что особенно ясно видно в микролитической технике обработки камня.

Памятники неолитической культуры менее изучены. Их концентрация явно заметна в Западной Грузии. Выделяют две их ступени – ранний и поздний неолит. Переход к производящему хозяйству явно отражен в памятниках позднего периода. На территории Абхазии неолитические памятники зафиксированы в

нескольких пунктах[1]. Наиболее древним выглядит Гумуришское поселение, которое следует отнести к группе памятников «некерамического неолита». Хронологически ближе всего к нему стоит поселение Гали-I, далее – Лемса, Кистрик – Чхортоли и Атара.

Особая близость заметна с материалами Прикубанья (Каменомостское) и, возможно, речь в данном случае может идти об одном и том же локальном варианте. Второй такой локальный вариант образуют памятники равнинной части Западной Грузии (Анасеули I-II, Одиши, Гурианта, Палури, Мамати, Тетрамица, Сатаплиа и др.). Все они характеризуются определенными специфическими чертами (появление керамики ручной лепки), что дает возможность хронологически сгруппировать их по этапам. В основном однородный характер материала дает возможность выделить два локальных варианта единой материальной культуры Западного Закавказья.

2. Эпоха энеолита – средней бронзы (середина V – середина II тыс. до н.э.)

«Энеолит» - латинское слово и означает медно-каменный век, часто его также называют «халколитом», от греческого слово «халкос» (медь). В последнее время в специальной литературе применительно к данному периоду и культуре чаще употребляют термин «Раннеземледельческая культура».

Памятники этой культуры хорошо представлены на территории Абхазии, но следует отметить, что ни один из них не раскопан полностью, что весьма затрудняет полную реконструкцию строительной техники, применяемой при строительстве поселений и других фактов хозяйственного значения[2]. Памятники раннеземледельческой эпохи (энеолита) Абхазии представляют два типа поселений: открытые стоянки и пещерные жилища. Энеолитические памятники Абхазии содержат в основном однотипный материал: камень, кость, глиняную посуду; в эту эпоху начинают появляться первые металлические изделия, обработанные методом холодной ковки из самородной меди.

Энеолитическая культура Абхазии генетически связана с предшествующим неолитом. Продолжение и развитие традиций неолитической культуры ярко представлены в таких ведущих элементах, как тип поселения, виды хозяйства, каменная индустрия, керамическое производство и декор.

Установлены два типа поселений энеолитического периода: пещерные стоянки и открытые поселения. К пещерным относятся: Окуми[3], Воронцовская

[1] Л. Небиеридзе. Неолит Западного Закавказья. Тб., 1982; О. Джапаридзе. К вопросу об этнической истории грузинских племен, с. 35-44; его же: Археология Грузии, с. 41-56; К. Каландадзе. Неолитическая культура Западной Грузии. Тб., 1986 (на груз. яз.); Ю. Воронов. Археологическая карта ..., с. 17; О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии. Сухуми, 2006, с. 26.

[2] Г. Пхакадзе. Энеолитические памятники Абхазии. – Абхазия. I, Тб., 2006, с. 20-29 (на груз. яз.).

[3] Г. Пхакадзе. Энеолитические останки Окумской пещеры. – Материалы по археологии Грузии и Кавказа, VII, Тб., 1979, с. 68-76 (на груз. яз.).

ещера – «Очажный грот»[1], «Ахштыр»[2]. Открытые поселения: Псоу[3], Атара[4], Мачара[5], Гвандра[6] и др. На стоянках не обнаружены следы прочных строений, хотя специалисты считают, что в Мачара и Гвандре можно предположить существование землянок и полуземлянок, верхняя часть которых представляла собой плетенные, обмазанные строения типа «пацха».

Обнаруженный в данных поселениях археологический материал в основном является однотипным. Это камень, кремень, керамика. Изредка попадаются изделия из кости и рога. Материалы были сконцентрированы, как правило, на утрамбованных полях предполагаемых жилищ или же вокруг выложенных камнем очагов, содержащих золу.

Каменная индустрия является основой хозяйства в энеолитическом обществе. Типологический и морфологический анализ каменных орудий выявляет сильные следы неолитических традиций. Широко используются орудия, изготовленные из булыжника, базальта, серпентина и других пород камня. Особенно примечательны изготовленные из булыжника шлифовано-полированные односторонние и клиновидные топоры, резцы, долотовидные орудия и др. Также в неолите берет свое начало и новая техника скола и точечная обработка поверхности, впоследствии получившая свое развитие и принявшая универсальный характер в энеолитическую и раннебронзовую эпоху.

По этой технике выполнена большая часть энеолитических орудий: топоры, долота, резцы, мотыги, орудия типа «пик» и др. В широком употреблении были расколотые вдоль гальки, которые, после дополнительной обработки, использовались в качестве скребков, резцов и пр. Особое место в каменной индустрии занимают каменные мотыги. Мотыги Сочи-Адлерского типа характерны для региона Сочи-Адлер. В Сухумском же регионе мотыги имеют овальную форму и их называют мотыгами «Сухумского типа». Оба типа мотыг синхронны и продолжают существование и в раннебронзовую эпоху.

Кремневые орудия представлены незначительно. Это отщепы и грубые пластины без ретуши. Исключение представляет Окумская пещера. Здесь найдены геометрические микролиты, трапеции, сегменты и ретушированные пластинки. В таком же комплексе представлены кремневые орудия и в Ахштырской пе-

---

[1] Л.Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья эпохи энеолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры. – Труды Абхазского Института Языка, Литературы и Истории, 29, Сухуми, 1958, с. 115-135.

[2] Раскопки С. Замятнина. Материалы хранятся в Петербурге, в Музее этнографии и антропологии.

[3] Л.Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья эпохи энеолита и бронзы, с. 120.

[4] М.М. Барамидзе, Г.Г. Пхакадзе, А.З. Оржоникидзе. Раскопки в с. Атара. – Архелогические открытия, 1977 г., М., 1978, с. 174-175.

[5] В.В. Бжания. Поселение Мачара эпохи энеолита и ранней бронзы в Абхазии. – Советская Археология, I, М., 1966, с. 113-126.

[6] И.И. Цвинария. Поселение Гвандра. Тб., 1978.

щере. Неолитические традиции видны и в керамическом производстве. Состав глины, орнамент и формы явно указывают на это.

Множеством двусторонне обработанных кремневых наконечников стрел и копий выделяется грот «Очажный». Данные орудия указывают на то, что энеолитические культурные слои пещер древнее открытых стоянок (Мачара, Гвандра). Об этом свидетельствует не только деградация кремневой индустрии, но и керамическая продукция.

Для определения возраста энеолитических памятников Абхазии имеется одна опорная дата, полученная методом радиоуглеродного анализа деревянных остатков IV слоя Мачарского поселения 3810±90, однако с учетом уточненного калиброванного метода данная культура датируется уже V тысячелетием до н.э.

Морфологический анализ каменных и кремневых орудий показывает, что на поселениях расположенных в разных географических зонах фиксируется различный характер хозяйства.

На поселениях открыто террасного типа (Мачара, Гвандра, Псоу, Гуадиху) отмечено обилие пиковидных, мотыгообразных орудий, что связано с земледельческой деятельностью.

С земледелием связаны также мотыги «Сухумского» и «Сочи-Адлерского» типа и зернотерки. Найденные на территории этих же памятников круглые и овальные грузила для рыбацких сетей иллюстрируют значительную роль рыболовства.

В поселениях пещерного типа (Окуми, Очажный, Ахштыр) орудий земледельческого назначения не обнаружены. Наличие наконечников стрел и копий подтверждает преобладающую роль охоты в хозяйстве данных поселений.

Энеолитические материалы, каменные орудия и, особенно – мотыги, обнаруживают близкое сходство с памятниками Передней Азии (Хасуна, Сиалк, Джемдет – Наср, Суза и др.). Данные материалы проявляют, также, определенную связь с синхронными материалами пещер бассейна рек Риони-Квирила. Материалы обоих этих регионов Западного Кавказа целым рядом ведущих элементов культуры выявляют определенную связь с раннемайкопской культурой Северного Кавказа[1].

Непосредственным продолжением энеолитической культуры является эпоха бронзы, делящаяся на 3 периода: ранний, средний и позднебронзовый.

К концу IV тыс. до н.э. в жизни населения Западного Закавказья проявляются существенные перемены, обусловленные историческим процессом. На всем продолжении следующего тысячелетия отмечается интенсификация земледелия, появление новых форм животноводства, развитие ремесла, в первую очередь – металлургии, предопределяющее дальнейшее развитие произво-

[1] А.А. Формозов. Каменный век – энеолит Прикубанья. М., 1965.

дительных сил и производственных отношений, отраженное в материальной культуре.

Земледелие и животноводство, вместе с высокоразвитой металлургией, создали прочную основу для новой экономики, вызвавшей, в свою очередь, серьезные социальные сдвиги в общественной жизни.

К этому времени окончательно завершается освоение всей территории Западного Закавказья, включая Абхазию, хотя культурные слои всех памятников имеют разную мощность. В пещерных поселениях (Воронцовский грот) и на речных и приморских поселениях (Мачара, Гвандра) ранняя бронза является непосредственным продолжением энеолита. Культурные слои выглядят более интенсивными на склонах природных возвышенностей и на искусственных холмах-поселениях (Очамчире, Пичори).

III тысячелетие до н.э. является хронологической рамкой **раннебронзового периода**. В это время основой экономического, культурного и социального развития общества была металлургия.

Металл (медь со своими естественными примесями), который в предыдущую, энеолитическую эпоху, был представлен единичными предметами, выполненными методом холодной ковки, переживает резкий подъем. Древние металлурги научились выплавлять медь из руды, добавлять в нее для улучшения качества сплава в нужных количествах разные примеси: сперва мышьяк и сурьму, а в последствии – олово.

Открытие способов плавки металла дало обществу раннебронзовый эпохи возможность производства многообразных орудий как хозяйственного, так и боевого назначения. Из общей группы населения выделилась особая группа ремесленников, искусных в производстве и выплавке металла. Одним из основных показателей раннебронзовой эпохи является серийный характер производства металлических орудий. Подтверждением этого являются многочисленные открытые и двустворчатые литейные формы, в большом количестве встречающиеся в поселениях данного периода (Пичори).

Руду местное население добывало в медных рудниках в верховьях р. Бзыбь. На медных рудниках Башкапсары засвидетельствованы как открытые разработки, так и шахты и штольни III тыс. - VIII в. до н.э. В Западном Закавказье в этот же период фиксируется второй мощный металлургический очаг в верхнем течении рек Риони и Квирилы.

На ранней стадии раннебронзового периода еще используются карстовые пещеры («Колокольный» и «Залежный» гроты Воронцовской пещеры)[1]; в них обнаружены остатки глинобитных полов, встроенными очагами. В приморских поселениях Северо-Западной Колхиды – Мачаре[2] и Гвандре, встречаются

[1] См. подробнее: Г. Пхакадзе. Вопросы взаимоотношений раннебронзовой культуры Западной Грузии и Майкопской культуры. – Вопросы археологии Грузии, III, Тб., 1975 (на груз. яз.).

[2] В.В. Бжания. Поселение Мачара ... – Советская Археология, I, М., 1966.

землянки и полуземлянки. Это круглоплановые или четырехугольные, плоскодонные ямы, окруженные ямками для укрепления деревянных столбиков. Предполагают, что деревянные каркасы были оплетены из специального растения типа тростника. Затем вся эта конструкция снаружи и внутри была оштукатурена глиняной обмазкой. Для возведения жилищ заранее были утрамбованы площадки[1].

Другая картина фиксируется на искусственных холмообразных поселениях на памятниках развитого, финального этапа. Холмы обычно невысокие, естественные или искусственные, расположенные близко друг к другу, окруженные рвами и связанные между собой рвами-каналами (Очамчире, Пичори, Накаргали, Ганмухури и др.).

Первый в Абхазии памятник раннебронзового периода был найден в Очамчирском порту, у впадения в море р. Джикамур, на одном из трех населенных холмов – западном (Л. Соловьев[2], Б. Куфтин[3]). Культурный слой лежал ниже уровня моря. Зафиксированы выстланные булыжником, утрамбованные глиной площадки, на которых строились обмазанные глиной плетенные жилища типа «пацхи».

На другом памятнике, у р. Гумиста (Сухумский район) не обнаружено архитектурных остатков. Здесь же раскопан курган, в котором покойники лежали в скорченном положении, на боку[4]. Найденный в поселениях Очамчире и Гумиста материал – керамика и каменные орудия, идентичны с другими керамическими и каменными изделиями данной эпохи.

Раннебронзовая культура в соответствии с первым пунктом ее обнаружения была названа «Очамчирской» (Л. Соловьев, В. Бжания, И. Цвинария).

Но в то же время в литературе был популярен и термин «Протоколхская культура» (Т. Микеладзе)[5].

В последнее время в результате новых и полных исследований материалов выяснилось, что однородная раннебронзовая культура охватывала все восточное побережье Черного моря, Колхидскую низину с предгорной полосой, поэтому появился термин «колхидская раннебронзовая культура» (Г. Пхакадзе)[6], как более обширное и все объемлемое понятие, соответствующее реальному положению вещей.

[1] И.И. Цвинария. Поселение Гуандра. Тб., 1978.
[2] Л.Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. – Труды Абхазского Института Языка, Литературы и Истории. Сухуми, 1939; его же: Археологические раскопки близ Очамчири в Абхазии. – Советская Археология, IV, т. 5, 1950, с. 267.
[3] Б.А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II, т. Тб., 1950, с. 267.
[4] В.В. Бжания. Результаты исследования Гумистинского поселения в 1967 г. – Краткие сообщения Института Археологии, 15, М., 1969.
[5] Т. Микеладзе. Изыскания по истории древнейшего населения Колхиды и восточного Причерноморья. Тб., 1974, с. 41 (на груз. яз.); М. Барамидзе. Пичорское поселение и некоторые вопросы археологии Кавказа. Тб., 1977. (на груз. яз.); Л. Джибладзе. Поселения Колхидской низменности. III-II тыс. до н.э. Тб., 2007, с. 7-12 (на груз. яз.).
[6] Г. Пхакадзе. Западное Закавказье в III тыс. до н.э. Тб., 1993, с. 120-121 (на груз. яз.).

Несмотря на общность и однородность, выделяется три локальных региона: Северо-Западная Колхида (Абхазия), Центральная Колхида и Юго-Западная Колхида (Аджария – Гурия). Среди поселений периода ранней бронзы особое место занимает поселение Пичори (Гальский район). Его можно считать эталонным памятником, так как на центральном холме зафиксировано 8 культурных слоев, относящихся периоду со второй половины III тысячелетия до н.э. до начала III века до н.э.[1] К раннебронзовому периоду относятся VII и VIII слои (толщина – 3 м). В VIII культурном слое фиксируются остатки строения на сваях с деревянными платформами и глинобитными полами. Судя по остаткам глиняной обмазки со следами деревянных прутьев, стены жилища были плетенными и обмазанными глиной. В 8-м слое открыто культовое помещение, на полу которого, вокруг очага, были сконцентрированы разнообразная глиняная посуда, каменные орудия, деревянные сохи, металлические предметы и 50 глиняных двустворчатых литейных форм для отлития трубчатообушного тапора, мотыг, а также четырехсторонняя форма для 4 разных предметов. Изучение Пичорского поселения и найденных здесь артефактов позволило исследователям (М. Барамидзе, Г. Пхакадзе, Л. Джибладзе) восстановить полную картину жизни, хозяйства, экономики, технического оснащения и культовых обрядов общества раннебронзовой эпохи.

Раннебронзовая культура Абхазии – прямая наследница местного энеолита. Каменная индустрия демонстрирует сильные энеолитические традиции: орудия из гальки обрабатываются техникой скола и точечной обработки поверхности.

Кремневая индустрия переживает упадок, нуклеусы аморфны, как и большая часть отшепов, пластинки отсутствуют. Скребки, резцы и скребла малочисленны и атипичны. Кремневых наконечников стрел найдено всего три; все три ассиметричной формы. Один из них черенковый. Такую же форму имеют и наконечники копий. Заслуживает внимания находка кремневых вкладышей серпов, имеющих двухстороннюю обработку и зубчатые края.

Большая часть керамики - ручной лепки; глиняное тесто – с примесями кальцита, шамота, извести, кварца. Обжиг буровато-розовый или красновато-бурый, сероватый и бледно-коричневый. Формы следующие: банки, горшки, миски, кружки, карасообразные сосуды. У большинства на поверхности заметны параллельные линии, следы сглаживания перед лепкой. Функционально они представляли столовую хозяйственную посуду для хранения провианта и жидкостей.

Для всех типов керамики характерны ручки. В основном они прикреплены к венчику и плечику сосуда, а на крупных сосудах (горшках) к горлышку и

[1] Раскопки велись в 1980-1991 гг. экспедицей Археологического центра Академии Наук Грузии (руководитель М. Барамидзе). См.: М. Барамидзе. Пичорское поселение и некоторые вопросы археологии Кавказа. Тб., 1977.

корпусу. Наиболее распространенный вид орнамента – налепы разнообразных форм: сосковидные, шиповидные, удлиненные, овальные, седловидные, шишковидные и др. Встречаются рельефные пояса вокруг плеча.

В Пичорском и Очамчирском поселениях вместе с вышеописанной традиционной керамикой встречается и резко отличающаяся от нее посуда, слепленная из хорошо отмученной глины. Она явно выделяется из общей массы керамических сосудов и тесно связана с материалами Восточной Грузии, т.н. беденской группы. Возраст раннебронзовых памятников определяет 8-й слой Пичорского поселения, датированы C^{14} 2290±60, которое после калибровки удревняется до первой половины III т. до н.э.

В данный период высокого уровня развития достигает земледелие. Обработка земли производится уже с помощью деревянных плугов. В Пичори найдены 2 деревянные сохи различных типов. Таким образом, земледелие приобретает уже плужный характер, что подразумевает применение тягловой силы. Подтверждением этого являются распространённые в данный период по всему Закавказью фигурки быков, часть из которых имеют отверстия в области шеи. К этому периоду относится также появление колесного транспорта.

В Пичорском поселении обнаружено и большое количество остатков культурных злаков: пшеница, овес, рожь и др. На Очамчирском поселении найдены кости как крупного (бык, корова), так и мелкорогатого скота, а также – свиньи и др., что в свою очередь говорит о большой роли животноводства в хозяйстве данной эпохи.

Реальной основой экономического подъема общества на данном этапе становится резкое и быстрое развитие металлургического производства, налаживается серийное литье хозяйственных и боевых орудий. Пичорское поселение демонстрирует уникальные образцы металлургии: 60 двустворчатых форм для отливки топоров и мотыг, четырехсторонние открытые формы (2 штуки) для четырех различных предметов (ложка, кинжал, наконечник копья и неопределенный предмет). Здесь же был обнаружен весь комплекс предметов, подтверждающих процесс металлургического производства. Вместе с формами это и поддувала, ковши, трубочки, чашеобразные сосуды с остатками плавленого металла, шлак, 3 бронзовые мотыги и др.

Предполагается, что в бронзовой металлургии использовались медные залежи Абхазии и Верхней Рачи.

Великолепные металлические изделия найдены также в дольменах среднего размера, относящихся к раннебронзовому периоду: вислообушные топоры, листовидные кинжалы, орнаментированные вилы с открытыми и закрытыми втулками, булавки и др. Для их производства применялись методы литья, ковки и отлитие по восковой модели. Некоторые предметы сперва отлиты в фор-

ме, а затем дополнительно кованы[1]. Металлические предметы изготовлены из мышьяковой меди. В зависимости от назначения предмета примесь мышьяка колеблется от 2,7 до 6,73%.

Развитие металлургии и интенсивный рост земледелия выдвинула первостепенную роль мужчины в хозяйстве, вследствие чего полностью сформировалось патриархальное общество.

В эпоху энеолита и, особенно, ранней бронзы на всем побережье и предгорной полосе Восточного Причерноморья была распространена в основном однородная материальная культура. Трудно с точностью определить этническую принадлежность племен – носителей этой культуры, но, судя по археологическим материалам, данная территория в то время могла быть заселена если не одним племенем, то группой родственных племен. В этой однородной культуре выделяются и локальные регионы.

Абхазия - именно один из таких локальных регионов, основной характерной и специфической чертой которого являются дольмены. К середине III тыс. до н.э. относятся ранние дольмены, отличающиеся малыми размерами. Они расположены как в приморской, так и в горной зоне (Эшера, Азанта, Отхара, Куланурхва, Шрома, Дой). В их раскопках и изучении большая роль принадлежит А. Лукину, Л. Соловьеву, Б. Куфтину, О. Джапаридзе, И. Цвинария[2]. Все известные на сегодняшний день дольмены приблизительно одного типа. Они представляют трапециевидные в плане мегалитические погребальные сооружения. Дольмен обычно сооружен из четырех вертикально-поставленных массивных плоских плит и покрыт пятой такой же плитой. В некоторых дольменах каменными плитами устлан и пол. В передней стенке, всегда имеющей южную или юго-восточную ориентацию, имеется круглое отверстие, которое закрывался каменной втулкой.

Дольмен – это коллективный родовой могильник. В нем применяется обряд вторичного захоронения. Завернутых в кожу покойников вешали на деревьях. Освобожденные со временем от мяса, кости, помещались в дольмен через переднее отверстие. Малые и средние дольмены относятся к раннебронзовому периоду. Крупные дольмены относятся к последующей эпохе и использовались вплоть до позднебронзового периода.

Как известно, дольмены широко распространены и на Северном Кавказе, особенно на новосвободненском этапе, но судя по внешнему виду и находившихся в них материалах, становится очевидным, что дольмены Абхазии древнее северокавказских[3].

[1] Г.Г. Пхакадзе. Восточное Причерноморье во второй половине IV-III тыс. до н.э. (К проблеме культурных контактов). Петербург, 2000, с. 50-59.

[2] О. Джапаридзе. Дольменная культура в Грузии. – Труды Тбилисского государственного университета, 1995 (на груз. яз.); О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранних ступенях металлургического производства. Тб., 1961 (на груз. яз.).

[3] Г. Пхакадзе. Некоторые аспекты исследования дольменов Абхазии. – Абхазия, I, с. 138-142.

Памятники и культура Абхазии раннебронзового периода находят свое генетическое развитие в эпоху средней бронзы. Это один из слабо изученных периодов. Причина этого, в первую очередь, в недостатке соответствующих памятников или их неверной датировке. Проф. Т. Микеладзе, на основании материалов Дихагудзуба I и II фактически первым выделил среднебронзовый этап на многослойных поселениях западной Грузии, определил их, как «протоколхидский II»[1]. Стратиграфический разрез на центральном холме в Пичори в основном подтвердил классификацию Т. Микеладзе. Существование двух культурных слоев среднебронзового периода корректировал существующую хронологическую схему. Было выделено два хронологических этапа среднебронзовой эпохи – «Протоколхидский II а и в»[2]. Последними исследованиями к восточно-причерноморским памятникам средней бронзы относится VI-V слои Пичори I, III-VI Пичори VI, Анаклия II, второй-третий слои Анаклия I и первый-второй слои Носири.

В протоколхской II керамике выделяется продукция 3 групп. В первой группе объединена так называемая чернолощенная или коричневолощенная керамика. Среди форм выделяется крупная посуда с яйцевидным корпусом и плоскими, лентовидными ручками, прикрепленными к горлу, кружки с широким горлом, вазы на высокой ножке, миски с плоским дном, фрагменты тонкостепной посуды, особенно ручки, украшены резным, геометрическим, волнистым или зигзагообразным орнаментом[3].

Образцы чернолощенной керамики появляются в VIII-VII слоях Пичори, Очамчире, в нижних слоях Испани. Чернолощенная продукция интересующего нас периода обнаружена в VI-IV слоях Пичори I, в Пичори – VI, Накаргали, Анаклиа I и II, в верхних слоях Испани и т.д. Почти на всех этих памятниках черно- и коричневолощенная керамика представлена единичными экземплярами. Даже в Пичори, где изделия данного типа больше, чем на других памятниках, она все же не превышает 1% от общей керамической массы. Исходя из этого, признание данной группы местной, колхской керамической продукцией (Т. Микеладзе) спорно, поскольку, если общество владеет технологией производства столь высококачественной продукции, оно, естественно, отдает ей предпочтение. Однако здесь массовая керамика (99%) представлена грубой продукцией низкого качества и совершенно отличных форм. Часть исследователей считает ее завезенной извне (Л. Соловьев, Б. Куфтин, М. Барамидзе, Л. Джибладзе, Э. Гогладзе)[4]. Иногда очагом производства этой керамики считают Майкопскую культуру. Однако в ней не фиксируются вазовидные кубки, по-

[1] Т. Микеладзе. Изыскания..., с. 41 (на груз. яз.).

[2] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье..., с. 117-145 (на груз. яз.); Л. Джибладзе. Поселения Колхидской низменности, с. 103-126.

[3] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье..., с. 117-126.

[4] Там же.

добного же профиля миски, длинные лентовидные ручки и резной орнамент. Другая часть исследователей (Л. Соловьев, Ю. Воронов, Дж. Апакидзе)[1] видят истоки этой керамики в памятниках Передней Азии (Анатолии). Но примечательно, что и в этом регионе не заметно распространение глиняной продукции схожего профиля, с резным орнаментом. Здесь в основном распространена коричневолощенная продукция, чернолощенная же исчисляется единицами.

Наиболее реальные пути к поиску истоков чернолощенной керамики открываются на территории Восточной Грузии. Явная схожесть Пичорской керамики с изделиями т.н. «беденского круга», конкретно – формы (миски, вазовидные кубки, двойные сосуды, церемониальная посуда с лентовидными ручками), резной орнамент и металлический блеск. Это те элементы, которые объединяют эти два региона и позволяют поставить вопрос об их общем происхождении. Появление чернолощенной керамики в Колхиде фактически совпадает с этапом расцвета Беден-Марткопской культуры.

Во второй группе керамики объединены изделия из грубой глины с примесью песка, базальта. Обжиг серый и коричневый, изредка – черный. Это – типичная протоколхская продукция, распространение которой заметно в Колхиде с середины III до середины II т. до н.э. Естественно, на протяжении всего этого времени заметно определенное развитие отдельных форм, однако общий облик этой посуды в основном однотипный.

Среди форм выделяются крупные пифосы с открытым венчиком, с горизонтальными ручками. Характерным орнаментом является рельефные пояса с пальцевидными или штриховидными отпечатками, иногда – кармановидными налепами. Последний особенно характерен для Северо-Западной Колхиды; наряду с ними – посуда с тремя ручками, миски с вертикальными отверстиями или сосковидными шишками, банки с цилиндрическим туловом и вертикальной, часто дублированной ручкой и орнаментированной верхней частью; округлые горшки с тонкими стенками и отпечатками растений или плетенки на дне. Встречаются и роговидные подставки.

На позднем этапе среднебронзового периода встречается и третий тип керамической продукции характерной для последующего позднебронзового периода. Для этой группы характерны мисковидные формы, мелкозернистое отмученное тесто, равномерный обжиг, черного цвета лощенная поверхность. Украшены нанесенными вокруг шишковидного налепа или ложной ручки концентрическими кругами, полудугами, шевронами. У керамики данной группы имеются определенные точки соприкосновения с продукцией культуры террамаров в Европе[2]. Возможно, что мы имеем дело с восточноевропейским культурным влиянием. Примечательно, что колхидская керамика VII-VI вв. до н.э. выявляет определенные импульсы из раннефракийских поселений в Болгарии,

[1] Выступление Дж. Апакидзе на Сигнагском международном симпозиуме. 1995.
[2] Б.А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, с. 237-240; Т. Микеладзе. Изыскания ..., с. 21.

что указывает на периодические контакты Восточной Европы и Кавказа, отразившейся в материальной культуре.

Эта керамика появляется в IV слое Пичори I, где ее сопровождает керамика первой и второй группы, описанных выше. Таким образом, материалы IV слоя Пичори носят смешанный характер. Типичная «протоколхская керамика» ранней и средней бронзы, вместе с изделиями последующего, позднебронзового периода. Ясно, что мы имеем дело с переходной ступенью между средне- и позднебронзовыми культурами, которую бессмысленно причислять к какому-либо из них. Примечательно, что подобный смешанный материал зафиксирован в нижнем (VI) слое Намчедури, III слое Анаклиа I, I слое Носири и IV-V слоях Эргети. Таким образом, в колхских поселениях выделяется целый пласт памятников, который явно объединяет средне- и позднебронзовые этапы. Данное мнение подкрепляется соответственной датировкой, произведенной интердисциплинарными методами, серединой II т. до н.э.

Изучение протоколхской керамики II этапа по данным стратиграфического разреза Пичори, дает возможность этот период разделить на две хронологические ступени: протоколхская IIа и IIв. К протоколхской IIа относится VI культурный слой Пичори I, I слой Мачара III, Гумиста I, верхний слой Гвандры, Ахра Капш и Пал. Характерной для данного этапа деталью, определяющей его хронологические рамки, являются длинные, лентовидные ручки сосудов, берущие начало в VIII-VII слоях, но исчезают в V слое; хронологически протоколхская ступень IIа включает период с середины XX до конца XVIII в. до н.э. Ко II в ступени относится V слой Пичори I, Пичори VI, IV-VI горизонты Накаргали, верхний слой Анаклиа II и III слой Анаклиа I. Для этого периода характерны сосуды с вогнутым дном, или же плоские с отпечатками волокна, горизонтальные, парные или обрезанные сверху ручки, а также миски с сосковидными шишками и вертикальными отверстиями, роговидные подставки, подражания чернолощенной керамики с резным орнаментом, лентовидные или же широкие, плоские ручки и др. **Хронологически II в ступень включает** XVII-XVI, возможно – и первую половину XV в. до н.э.

Из металлических компонентов среднебронзовой культуры особого внимания заслуживают различные варианты трубчатообушного топора. В первом варианте объединяются топоры, так называемого Сачхерского типа (в Имеретии), встречающиеся на заключительной ступени раннебронзового периода и распространенные в горной и предгорной полосе Абхазии. Во втором варианте объединены топоры из дольменов Абхазии и ранних курганов Триалети (восточная Грузия). В отличии от первого варианта их характеризует сравнительно короткая втулка, изогнутое, но достаточно массивное тулово и слегка расширенное лезвие.

Хронологический диапазон найденных в Пичори топоров (третий вариант) и их литейных форм достаточно широк и распространен в XXIII-XV вв. до н.э. Их характеризует прямое, шестигранное тулово, украшенное в верхней части рельефными полосами, короткая втулка, округленное лезвие. Оригинальная форма этих топоров дает возможность объединить их в отдельный, «Пичорский» вариант трубчатообушных топоров. Приблизительно аналогичные изделия известны в Краснодаре, Гантиади и Сванети. Есть некоторые сходства с оружием из Урупи и Паскау. Прототипы северокавказских оружий возможно следует искать именно в «пичорском варианте», на что указывает прямое тулово и изогнутое лезвие. Есть полное основание прототипами колхидских топоров позднебронзовой культуры считать изделия из Пичори.

Каменных топоров характеризует удлиненная, цилиндрическая форма, округленный обух, клиновидное, широкое лезвие. В средней части высверлено сквозное отверстие. Они появляются в конце раннебронзовой эпохи, большая часть найдена в северо-западной Колхиде и, возможно, их следует признать локальной особенностью данного региона.

Кинжал – один из наиболее редких видов оружия. Имеется несколько экземпляров из Сачхере, дольменов и 2 шт. из Пичори I. Они плоские, короткие, обычно слабо выраженным черенком. Их появление относится к раннебронзовому периоду, хотя их находка в VI слое показывает, что они бытовали и в начале среднебронзовой эпохи. Были распространены и кинжалы второго типа. Об этом свидетельствует четырехгранная комбинированная литейная форма из Пичори I, на одной из граней которого кинжал подтреугольной, удлиненной формы, без черенка. Типологически напоминает изделия последующего периода.

Бронзовые мотыги зафиксированы в нескольких пунктах Восточного Причерноморья. Найденные в VIII слое Пичори I 3 мотыги овальной и подтреугольной формы и около 10 их литейных форм выявляют 3 основных варианта мотыги. Они появляются в последней четверти III тыс. до н.э., хотя существуют и в среднебронзовую эпоху.

Кремневые орудия представлены вкладышами серпов и наконечниками стрел или копий. Для среднебронзового периода характерны зазубренные с одной стороны вкладыши, иногда выгнутых со стороны спинки, узких форм, которые существуют долго и хронологической диференциации не подлежат.

Наконечники стрел треугольной формы, с симметричными плечами, характерны для памятников поздней бронзы – раннего железа Колхиды. А формы с ассиметрично-вогнутыми плечами типа Пичори характерны для протоколхской культуры.

Анализ материальной культуры показывает, что II этап протоколхской культуры находится в генетической связи с предыдущей и последующей ступенями,

так, что разделить их невозможно. Этот немногочисленный материал среднебронзового периода явно показывает, что деление II этапа протоколхской культуры на две ступени – более раннюю и позднюю - не лишено оснований.

Заслуживает внимание вопрос о взаимосвязи средней и позднебронзовой культур Колхиды. До последнего времени эти связи выглядели достаточно проблематичными, сомнительными. Раскопки Пичорского поселения дали своеобразный ключ к решению этого вопроса. В IV слое центрального холма, как отмечалось выше, выявлен смешанный материал, что, возможно, означает проникновение и смешение одного локально-хронологического варианта Колхской культуры в другой. Пичори в этом смысле не исключение. И вне Абхазии такое же смешение характеризует и Эргетское поселение[1], III слой Анаклиа I, IV слой Накаргали, VI слой Намчедури, II слой Носири. Это обстоятельство дает основание отнести указанные памятники к переходному периоду между среднебронзовой и познебронзовой эпохами. В этот период часть населения – металлурги, в связи с расширением потребностей в медной руде интенсивно осваивает горы, а другая часть земледельцы – остается на равнине и продолжает традиции протоколхской культуры. Поэтому, именно в этот период на южных склонах Кавказского хребта зафиксировано несколько сот меднодобывающихся штолн, в которых добыто сотнями тон руды. На освободившуюся территорию переселяются проживающие на юге племена и занимают часть этих земель. Происходит безболезненное слияние микрокультур. Прочная генетическая связь этих культур лучше видна в металлической продукции, чем в керамике переходного периода. С этой точки зрения заслуживают внимание взаимосвязь трубчатообушных топоров с колхскими, а так же данные о мотыгах, наконечниках копий, кинжалах. Они подтверждают, что в северо-западной Колхиде на переходном этапе средней и позднебронзовой эпох этнический состав населения не изменился.

Отмеченные новации должны быть связаны еще с одним явлением, изучение которого имеет решающее значение для объяснения исторических процессов, протекавших на Кавказе. В ранний и среднебронзовый периоды в Северо-Западной Колхиде, как отмечалось выше, распространена дольменная культура со специфическими строениями, погребальным обрядом и инвентарем[2]. Дольмен, как погребение, неожиданно исчезает к середине II т. до н.э. и уступает место новым типам могильников (кромлех, осуарий), хотя заметна генетическая связь в погребальном обряде и инвентаре. Когда часть населения Колхиды покидает низменные регионы, среди них находятся и носители дольменной культуры. Свидетельством этого можно считать склепы Брильско-

[1] Т. Микеладзе и др. О работах колхидской археологической экспедиции. – Полевые Археологические исследования в 1984-85 годах. Тб., 1987, с. 40.
[2] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье, с. 102-117.

го могильника[1], построенного сланцевыми плитами с сухой кладкой. Своими архитектурными деталями, погребальным ритуалом и инвентарем (в основном украшениями) она повторяет некоторые комплексы позднего слоя дольменов Абхазии и комплексов из Гари, Тли, Сачхере, Нули. Брильский склеп имеет особое сходство с погребением №16 Верхней Рутхи в Кобани[2].

Сравнение с Брильским и Тлийским комплексами показывает, что Верхняя Рутха №16 также должна быть отнесена к комплексам начала XIV в. до н.э. В то же время нижняя граница погребения №16 не опускается ниже XII в. до н.э. Выявляется путь от Колхиды к территории Кобанской культуры через Рачу. Этот процесс, засвидетельствованное археологическими фактами, фиксирует идущие с юга на Северный Кавказ[35] импульсы и новации; фактически – это первая ступень распространения южного влияния, на север, что связано с вышеописанными этнокультурными процессами. Данные явления должны иметь решающее значение в поиске южных корней Кобанской культуры.

3. Эпоха поздней бронзы – раннего железа

Начиная со второй половины II тысячелетия до н.э. фактически по всему Кавказу заметны значительные сдвиги и изменения в местной материальной культуре и быту. Явно уменьшаются культурные контакты с внешним миром и создается некая «культурная изоляция». В пределах Кавказа заметна определенная, однородная и, в то же время, специфичная линия развития. На территории Грузии и в этот период, подобно более ранним эпохам, формируются две археологические культуры: на востоке – Центральнозакавказская, на западе – Западногрузинская (Колхидская). В каждой из них заметна единая материальная культура и картина развития. Вместе с тем в этих культурах возможно выделить локальные регионы и в них – микролокальные производственные очаги. Северо-Западная Колхида (территория современной Абхазии) считается локальным вариантом единой Колхидской культуры[4]. Следует отметить, что данный период характеризуется особым обилием памятников. В результате резкого подъема различных отраслей хозяйства, особенно – бронзовой и железной металлургии, происходит своеобразный «демографический взрыв», охвативший как равнинную часть Колхиды, так и горную полосу Кавказа. Для этого периода уже можно говорить о подъеме ремесленного производства, осо-

[1] Там же, с. 142.

[2] Е.И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. – Материалы и исследования по Археологии СССР, 23, М., Л., 1951, с. 49-60; В.И. Козенкова. Культурно-экономические процессы на Северном Кавказе. М., 1966, с. 74-103.

[35.] М. Барамидзе. К вопросу о взаимоотношений Колхидской и Кобанской культур по керамической продукции. – Абхазии I. Тб., 2006, с. 49-61 (на груз. яз.).

[4] О. Джапаридзе. Археология Грузии, с. 200 (на груз. яз.); М. Барамидзе. Восточное Причерноморье, с. 217 (на груз. яз.); его же: К вопросу о взаимоотношениии Колхидской и Кобанской культур, с. 49 и др.

бенно в области керамического производства и металлургии, о росте числа населения, о чем свидетельствуют большое количество некрополей и поселений. На некоторых поселениях (Пичори, Мзиури, Накаргалы) уже фиксируются зачатки урбанистической цивилизации (укрепление поселений искусственными канавами, ремесленное производство и др.). Поэтому есть основание этот период считать «протоурбанистической цивилизацией», то есть периодом предшествующим образованию раннеклассового государства.

На территории Абхазии зафиксировано до 300 объектов рассматриваемого периода. Они представлены поселениями, могильниками, производственными очагами и кладами, т.е. всеми теми компонентами культуры, которые характеры для археологических памятников. Естественно, что все они не стали (да и не могли стать) объектами научных исследований, хотя то, что было изучено, включая случайные находки, дает возможность для восстановления общей картины данного периода. Ясно одно: Колхидская культура возникла на основе местной самобытной культуры и каких-либо катаклизмов и этно-культурных изменений здесь не наблюдается.

При нынешней степени изученности в локальном варианте Колхидской культуры Абхазии можно выделить 3 микрорегиона. I микролокальный вариант представлен поселениями нижнего течения р.Ингури, II-III слоями Пичорского поселения и примыкающими к ним холмами №2-10, а также искусственными холмами – поселениями Мзиури, Абажу, Тагилони и Царче, археологический материал которых с определенными специфическими элементами в основном повторяет находки Колхидской низменности и поселений юго-западной Колхиды. II микро локальный вариант представляют поселения Мокви и Тамыша. Здесь имеется как комплекс искусственных холмов в Тамыше, так и поселение на естественных приморских террасах - Мокви. Археологические находки с одной стороны схожи с продукцией I варианта, а с другой – выявляют определенную связь с находками в поселениях III варианта.

Поселение III микролокального варианта (Кистрик, Бомбора) представлены культурными слоями, выявленными на низких приморских террасах, зафиксированы полуземляные плетенки типа пацхи, встречающиеся и в поселениях второго варианта. Строения I варианта представлены деревянными зданиями, типичного для этнографического быта западной Грузии. Деревянная архитектура явно однотипная и не меняется на протяжении всей истории Колхиды. Фактически, то же самое можно сказать и о «пацхе» с плетенными стенами, с глиняной обмазкой[1]. В период поздней бронзы параллельно с деревянной архитектурой строения других типов фактически не встречаются. Своеобразным исключением выглядит поселение «Абажу» в с. Пирвели Гали, где в нижних

[1] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье..., с. 57-72; Т. Чигошвили. Культура поселений Ингури-Кодорского междуречья. – Абхазия I, Тб., 2006, с. 133-136. (на груз. яз.).

слоях (VIII-VII вв. до н.э.) обнаружены следы вырубленного в песчанниковой скале («тири») прямоугольного, открытого с западной стороны строения высотой 3-1,6 м с общей площадью более 400 кв.м[1]. Подобные сооружения на сегодняшний день в археологии Колхиды не известны. Неясно и его назначение, хотя высказывались предположения, что оно представляло собой временную стоянку во время перегона скота[2]. Однако, в этом случае непонятна его оригинальная конструкция, особые размеры, употребление деревянных столбов при перекрытии и др. Реальнее предположить, что это было сторожевое сооружение, часть фортификационной сторожевой системы, некогда запиравшей ущелье. Не исключена возможность и культового назначения данной конструкции.

В равнинной зоне Ингур-Кодорского двуречья, где в большом количестве имеются влажные, болотистые почвы, поселения располагаются или на искусственно-возведенных холмах, или же вдоль русел высохших рек. Похожая картина фиксируется по всей территории Колхидской низменности[3]. Примечательно, что и в расположении искусственных холмов наблюдается определенное своеобразие. Один из холмов, центральный, на первых порах существования поселения был гегемоном. На примере Пичорского поселения видно, что центральный холм существовал с конца III тыс. до н.э. и жизнь в нем непрерывно продолжается на протяжении целых 20 веков, до начала IIIв. до н.э. (слои I-VIII). Только в первой половине I тысячелетия до н.э. (слои III -II) население начинает осваивать территорию вокруг холма. К IX-VIII векам до н.э. вокруг центрального холма начинается возведение 10 искусственных холмов в два ряда, в которых в основном представлены слои предантичной-эллинистической эпох (VIII-III века до н.э.). В этот период поселение уже занимает около 10 га площади. Это уже было крупное селение, по современной терминологии – хуторного типа.

Похожая картина наблюдается в целом ряде памятников Колхиды: Мзиури, Накаргали, Ганмурхури, Тамыш (Абхазия), Намарну, Цкеми, Носири, Намчедури и др. (Колхидская низменность).

Вокруг каждого холма в Пичори и всей системы в целом, имеется искусственный ров (канал), который, как видно, заполнялся водой из р. Зоргати и на юго-востоке соединялся с морем. Примечательно, что сведения греческого автора IV в. до н.э. Гипократа напрямую подтверждают существование в Колхиде каналов в качестве дорожных артерий. Он сообщает: «Их (колхов – авт.) дома построены на воде и в качестве материала использованы деревья и тростники. Они редко ходят пешком, только в город или на рынок. Обычно же путешествуют лодками, на которых плавают по каналам вверх и вниз. Каналов же здесь

[1] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье..., с. 38-40. См. также отчеты экспедиции 1983-1990.
[2] Т. Чигошвили. Культура поселений Ингури-Кодорского междуречья. – Абхазия I, с. 134.
[3] Г. Григолия. Проблемы исторической географии Эгрис-Лазикского царства. Тб., 1978, с. 4-5 (на груз. яз.).

много»[1]. Ясно, что эти каналы – в основном дорожные артерии, хотя, как видно, имели и другую функцию. Конкретно – использовались в целях обороны, хозяйства, а также – для дренажа. Это была система многофункционального назначения.

Система каналов Пичорского поселения очень хорошо сохранилась, и прослеживается на протяжении 4 км к северу. На этой трассе в двух километрах находится искусственный холм «Джваралеби», а в 4 километрах – «Накаргали». Отсюда канал предположительно сворачивает на юго-восток и через 3 км. подходит к Ганмухурскому жилому комплексу (5 холмов). Затем канал сворачивает на юг, к морю. Таким образом, ясно, что в одной системе каналов расположено 4 синхронных друг другу поселения (села). Примечательно, что подобные системы каналов фиксируются в центральной Колхиде, районе Абаша-Сенаки (холмы Цхеми-Дзигура-Кетилари и Сагвичио, а также система Намарну в Ланчхутском р-не).

Описанная система населенных холмов показывает, что к концу позднебронзового периода вся территория Колхиды – западной Грузии плотно заселена. Большая площадь поселений, система укреплений, производящий характер хозяйства, существование группы мастеров по керамике, добыче металлической руды, изготовленные орудия, оружия и украшения должны указывать на то, что дело имеем с протоурбанистической цивилизацией и с признаками государственного политического образования.

На территории Абхазии обнаружено и частично исследовано несколько десятков могильников. Среди них примечательно такие известные родовые могильники, как Красный маяк, Гуадиху, Эшера, Джантух, Акармара, Мерхеули, Пичори и др. Заслуживает внимания тот факт, что все они почти синхронны. Хронологические рамки этих памятников VIII-V веков до н.э. типологически входят в число так называемых колхских могильников, исследованных на протяжении последних нескольких десятилетий в Палури, Ларилари, Брили, Мухурча, Уреки, Эргета и др.. При датировке всех этих могильников заметна одна общая особенность. Могильники ранней ступени позднебронзового века (вторая половина II тыс. до н.э.) в Колхидской низменности фактически пока не обнаружены. Имеются жилые слои, клады, случайные находки, погребальные комплексы в горной части, но не встречаются синхронные им погребения на Колхидской низменности. Чем объяснить это обстоятельство трудно сказать. Разыскания в этом направлении являются основной проблемой археологии Колхиды. Без ее разрешения невозможно разобраться в хронологической стратиграфий отдельных памятников. Исходя из этого, все вышеназванные погребальные комплексы иногда датируются суммарно позднебронзовой эпохой,

[1] В.В. Латышев. Известил древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I. СПб, 1895, с. 58.

что вызывает разногласия[1]. Привлекает внимание то обстоятельство, что обнаруженные на территории Абхазии могильники отличаются особым многообразием. Есть грунтовые погребения с трупоположением, ритуалом вторичного захоронения, кремацией, полукремацней и др. Особенно примечателен обряд вторичного захоронения, весьма характерный для колхских могильников и распространенный по всей территории Колхиды[2]. В этнографическом быту Мегрелии, Имерети и Абхазии засвидетельствовано, что данный погребальный ритуал одинаково характерен для всей территории западной Грузии, что должно указывать на однородность населения этой территории и является одним из заслуживающих внимания источников при изучении вопросов этнической истории региона.

Особого внимания заслуживает один тип захоронения, распространенный только к северо-западу от Сухуми и известный глиняными осуариями. Погребальный ритуал и здесь вторичный. Отмеченное обстоятельство явно характерный признак этого микролокального варианта Колхидской культуры. Примечательно, что именно этот вариант характеризуется группой бронзовых украшений – лучистые бусы, пояса с головами животных, подвески в форме птиц и др. Для этой же группы типична керамика архаичного облика, кирпичного или сероватого цвета с рельефными поясами украшенными насечками или резным орнаментом. Очень мало типичной колхидской глиняной продукции, украшенной разнообразным орнаментом. Сравнительно много кремневых наконечников стрел, вкладышей для серпов, каменных зернотёров, оселок и др. Специфика региона возможно обусловлена его периферийным положением в колхидской культуре. Ареал распространения данной группы археологических материалов явно включает в себя район нынешнего г. Адлера, что следует признать северной границей распространения Колхидской культуры.

Одним из специфических компонентов Колхидской культуры являются, так называемые дюнные поселения. Они распространены фактически по всему побережью восточного Причерноморья, включая территории Аджарии и Абхазии. Подобные поселения найдены и частично исследованы в Батуми, Кобулети, Уреки, Кулеви, Гагиде, Очамчире, Гульрипши, Сухуми, Нижней Эшере, Новом Афоне, Гудаута, Гагры и др. Они представляют собой песчаные валы высотой 1,5-3,5 м, на которых засвидетельствовано несколько слоев (от 2-3 до 12), черно-сероватого цвета. Эти слои зафиксированы в виде больших пятен (длиной 40-50 и толщиной 10-15 см). В виде исключения на некоторых памятниках фиксируются глинобитные полы (Гудава II). Выявленный в слоях археологический материал многочисленен и единообразен. Представлены

[1] См.: О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с. 39-41. В данном труде поздние комплексы фактически произвольно датированы ранним периодом. Происходит полное смещение хронологии и отдельных предметов, принадлежащих к хорошо изученным типам.
[2] М. Барамидзе. Мерхеульский могильник. Тб., 1997, с. 13-14 (на груз. яз.).

«ваннобразные» сосуды овальной или четырехугольной формы с отпечатками тканей на дне и роговидные или остроголовые подставки. Керамика грубая, с примесью песка, красноватого цвета. Почти все ваннобразные сосуды несут на себе следы пребывания в огне. Судя по сопутствующей колхской керамике и, бронзовым изделиям, выясняется, что данные поселения возникли к началу VIII в. до н.э. и прекращают существования к середине VI в. до н.э. В научной литературе распространено мнение, что эти поселения представляют собой солеварни или имели другое назначение[1]. Часть исследователей и теперь придерживаются этого мнения[2]. При этом полностью игнорируются последние исследования грузинских археологов о назначении дюнных поселений[3]. На основании исторических источников и новой интерпретации археологических данных было высказано мнение о том, что дюнные поселения - остатки металлургических мастерских по добыче железа из магнетитовых песков[4]. Об этом свидетельствует тот факт, что абсолютно на всех стоянках имеется железная руда в виде магнетита и ее получение из песка вполне реально[5]. Этот процесс, восстановленный А. Рамишвили, возможно, порождает некоторые вопросы, но общая картина все же приемлема и убедительна. Факт, что уже с VIII в. до н.э. железные орудия – ведущий и основной элемент Колхидской культуры. Впрочем, его первое появление на территории Абхазии, возможно, происходит несколько ранее этой даты. Примечательно, что первые железные изделия точно повторяют форму бронзовых и являются подражанием местных, колхских бронзовых форм[6].

Следует указать, что железная металлургия почти полностью заменила бронзовую. Бронза осталась в употреблении лишь для украшений.

Судя по масштабам железного производства, часть железных руд параллельно с медными рудами, представляла собой продукт обмена и импорта. Следует принять во внимание то обстоятельство, что фактически большая часть исследователей увязывает происхождение железной металлургии с именем картвельского племени халибов. Данные вопросы детально изучил академик Д. Хахутаишвили. Исследователи отмечают. что возникшая в южной Грузии (Гурия-Аджария, Нижняя Картли) железная металлургия должна быть датирована по крайнем мере XIV-м в. до н.э.[7] По-видимому, именно отсюда распространилась она в другие регионы Грузии, причем не синхронно, а в различные

[1] Л. Соловьев. Следы древнего соленого промысла близ г. Очамчири и Сухуми. – Труды Абхазского государственного музея, I. Сухуми, 1947.

[2] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с. 41; И.И. Цвинария. Поселение Гуандра. Тб., 1978.

[3] Г. Инанишвили. Железо-плавильное дело в центральном и западном Закавказье в XIII-I в. до н.э. Тб., 1997

[4] Н.В. Хоштария. Археологическое исследование в с Уреки; А.Т. Рамишвили, И. Грдзелишвили. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тб., 1964, с. 17; Д.А. Хахутаишвили. Производство железа в древней Колхиде. Тб., 1987, с. 6-39.

[5] Р. Абрамишвили. К вопросу освоения производства железа. - Вестник Гос.Музея Грузии XXIII – В. Тб., 1967.

[6] Там же.

[7] Там же.

хронологические периоды. На нынешней территории Абхазии ее распространение датировано началом I тысячелетия до н.э.[1] Высокий уровень железной металлургии, вместе с дюнными стоянками, подтверждают и исследованные на территории Аджарии – Самегрело железоплавильные мастерские. Примечательно, что аналогичные мастерские изучены и в Абхазии, Гальском районе – на территории Мзиури. Раскопаны мастерские из четырех железоплавильных горн с остатками металлургического шлака. Типологически они однотипны с горнами из Аджарии, Самегрело, явно синхронны с дюнными стоянками и относятся к предантичному периоду.

По всей территории распространения Колхидской культуры одним из специфических характерных компонентов культуры являются клады бронзовых предметов. На сегодняшний день в научной литературе известно приблизительно до 200 подобных комплексов[2]. 65 из них обнаружены на территории нынешней Абхазии[3]. Они включают бракованные, вышедшие из употребления орудия: колхидские топоры, сегментовидные орудия, мотыги, изредка – украшения, иногда полусферической формы слитки. Это так называемые «клады литейщиков». Предположительно, они предназначались для переплавки и производства новых орудий. Их появление относится в основном к середине II тыс. до н.э. (Гали, Уреки, Пицунда, Лидзава, Гантиади), то есть периоду, непосредственно предшествующей Колхидской культуре и отнесенной переходному этапу. Бронзовые клады встречаются на всех этапах эпохи поздней бронзы – раннего железа и, исчезают к середине I тыс. до н.э. Обычно они обнаружены на территориях с производственными остатками (Пичори, Гали). Их исчезновение должно быть связано с уменьшением производства бронзовой продукции в связи с полным переходом к железной металлургии.

Колхидская культура[4] охватывает большой период времени с середины II до середины I тыс. до н.э. Типолого-хронологическое изучение археологического материала показывает, что в ней представлены 2 основных этапа. Первый этап характеризуется высоким уровнем бронзовой индустрии и представлен всеми орудиями, характерными для данной культуры на протяжении всего периода ее существования. Второй же этап – время расцвета культуры, когда вместе с бронзовой металлургией ведущей отраслью становится и производство железа[5]. Внутри каждого из этих этапов выделяется несколько хронологических ступеней[6].

---

[1] Там же.

[2] Д. Коридзе. Из истории материальной культуры Колхиды. Тб., 1965 (на груз. яз.); А. Рамишвили. Из истории материальной культуры Колхиды, Тб., 1974 (на груз. яз.); Л. Сахарова. Бронзовые клады из Лечхуми; Ю.Н. Воронов. Указанное сочинение; М. Барамидзе. Восточное Причерноморье... и др.

[3] Дж. Апакидзе. Клады Абхазии эпохи поздней бронзы – раннего железа. – Апхазети, I, Тб., 2006 (на груз. яз.).

[4] Термин «Колхидская культура» употребляется в научной литературе для обозначения периода поздней бронзы – раннего железа и является по существу условным понятием, поскольку как предшествующая, так и последующая культуры данного региона также являются колхидскими.

[5] О. Джапаридзе. Археология Грузии, с. 202.

[6] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье..., с. 149-159.

Характер Колхидской культуры определяется особенностями ее хозяйства. Это культура в основном земледельческая и большинство орудий имеет соответствующую функцию. Уже с раннебронзовой эпохи ведущей отраслью хозяйства было плужное земледелие, при котором применялся деревянный плуг. Он продолжает существование и в исследуемый период, на что должны указывать деревянные лемехи, обнаруженные в поздне-бронзовых слоях Пичвнари[1]. Возможно, у некоторых лемехов в этот период уже была металлическая оковка. Во всяком случае, в середине I тысячелетия до н.э. (VII-VI века до н.э.) в Колхиде археологически засвидетельствовано существование железных лемехов, предназначенных для деревянных плугов (могильники Нигвзиани и Пичори)[2]. Для обработки земли использовались бронзовые мотыги, отличающиеся многочисленностью и разнообразием. Они распространены фактически по всей Колхиде, хотя заметно одно обстоятельство – на территории Абхазии они встречаются в сравнительно малом количестве. Крайний северный пункт распространения мотыг – Нижняя Эшера. К югу от нее мотыги обнаружены в несколько десятков пунктах[3]. Из-за широкого распространения каменных мотыг к северу от р. Гумисты металлическая мотыга появляется здесь сравнительно поздно, что следует признать одной из особенностью данного микролокального региона[4].

Одним из основных, определяющих орудий данной культуры, признаны колхидские топоры. На территории Абхазии встречаются все три основных вида этого орудия: с изогнутым туловом и заостренным обухом, с прямым, граненным туловом и с дважды изогнутым туловом[5]. На втором этапе развития культуры их формы более изящны, аккуратны и легки. Некоторые из них орнаментированы. Как видно, основная их функция была боевая, хотя возможно, что массивные, грубые их экземпляры имели и хозяйственное назначение.

Одним из основных элементов Колхидской культуры является сегментовидные орудия, часто встречающиеся в Абхазии, в основном – южнее р. Гумисты. Об их назначении существуют различные предположения. Часть исследователей полагает, что крупные их образцы имели функцию лопаты, другая часть считает их скребками, третьи – видят в них острие деревянного лемеха. Высказывались предположения и об использовании их в качестве меновой единицы.

Из-за слабой изученности могильников ранних ступеней Колхидской культуры, гораздо меньше информации о материалах другого типа (боевое оружие,

---

[1] Л. Дзидзигури. Древнейшие пахотные орудия из северо-западной Колхиды. – Апхазети. I, Тб., 2006, с. 40 (на груз. яз.); И. Чавлеишвили. Древнейшие пахотные орудия из Пичвнари. – Труды Батумского Археологического музея. III. Тб., 2005 (на груз. яз.).

[2] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье ..., с. 152-3.

[3] Дж. Апакидзе. Клады Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа, с. 65-85 (на груз. яз.).

[4] О. Джапаридзе. Колхский топор. – Вестник государственного музея Грузии, XVI – В. Тб., 1955 (на груз. яз.); Д. Коридзе. Из истории материальной культуры Колхиды(на груз. яз.); Л. Сахарова. Бронзовые клады из Лечхуми.

[5] Д. Коридзе. Из истории материальной культуры Колхиды; Л. Сахарова. Бронзовые клады из Лечхуми; Л. Джапаридзе. Земледельческие орудия в западногрузинской культуре. – Труды Тбилисского государственного университета, т. 49, 1953 (на груз. яз.).

украшения). В кладах данные изделия попадаются только в виде исключений. На втором этапе (первая половина I тыс. до н.э.) бронзовые изделия данного назначения достаточно многочисленны: это нескольких вариантов наконечники копья, кинжалы, украшения. Примечательно, что на фоне однотипности этих изделий все же выделяются характерные для Абхазского локального региона специфичные формы, например, наконечники копья с длинными черенками и треугольным лезвием, плоские бляхи, браслеты, пустые листовидные бусы, подвески – амулеты в виде животных и птиц и др. Бронзовая продукция Колхидской культуры явно указывает на высокий уровень металлургии. Еще с раннебронзового периода добыча меди – одно из приоритетных направлений в быту колхских племен (общин). На территории южных склонов Кавказского хребта сегодня известно несколько пунктов, в которых засвидетельствован весь процесс добычи и первичной обработки руды (Башкапсара и Чхалта – В Абхазии, Брили и Гона – в Раче, Местиа – в Сванети, Тлиа и ее окрестности – в регионе Цхинвали). Среди этих памятников наиболее изучен горно-металлургический центр в Раче[1]. Особое развитие данная отрасль получает в позднебронзовую эпоху. Штольни, Штреки, разведочные рвы, камеры и производственные отбросы шлака и остатков после первичной, частичной обработки пород явно показывают, что было получено несколько сотен тонн меди. Этого было достаточно не только для местного производства, но абсолютно реально предполагать и экспорт в Переднюю Азию, Анатолию и, возможно, транзитным путем – еще дальше[2]. Примечательно, что именно в Раче, слоях VI-IVвеков Брильского могильника, целыми килограммами встречаются навкратисские бусы из синего стекла, египетские скарабеи и стеклянные бальзамарии для парфюмерии, финикийские бронзовые монеты в виде изображений рыб. Эти последние должны указывать на роль финикийских городов (напр., Пунежа) в посреднической торговле[3]. Не случайно, должно быть, и то, что египетский импорт незаметен в памятниках Колхидской низменности данного периода. Он зафиксирован в огромном количестве лишь в районе рачинского горно-металлургического центра и единичными экземплярами в горной части Кавказского хребта. Предполагаемым импортом меди на юг возможно объясняется и особое обилие во всем ареале распространения Колхидской культуры бронзовых полусферических слитков, имеющих достаточно удобную для транспортировки форму.

Высокий уровень металлургии бронзы и производственные навыки подготовили переход к более прогрессивной и совершенной железной металлургии.

[1] Г. Гобеджишвили. Археологические раскопки .., с. 87; А.Апакидзе, Г.Гобеджишвили и др. Археология Грузии. Тб., 1959 (на груз. яз.).

[2] М. Барамидзе. Восточное Причерноморье ..., с. 175-184; его же: Основные вопросы истории бронзовой металлургии Восточного Причерноморья. – Море и человек. Тб., 1995, с. 26-27 (на груз. яз.).

[3] В этом направлении заострила внимание К. Кушнарева на международном (Грузия, СССР, США) Колоквиуме в Сигнаги в 1995 г.

Поэтому не должно быть случайным признание особой роли грузинских племен в железной металлургии. К сожалению, некоторые исследователи полностью игнорируют этот факт и пытаются увязать появление и распространение металлургии железа в Абхазии с влиянием северного, скифского этноса[1].

Племена киммерийцев и скифов в первой половине I тысячелетия до н.э. зафиксированы в Северном Причерноморье, предположительно – в степной полосе. Согласно источникам, скифы вытеснили киммерийцев из этой полосы и они к рубежу VIII-VII веков до н.э. появляются на территории Передней Азии. По их следам движется и скифская масса, которая заметна в этом регионе с 90-х годов VIIв. Оба этих этноса сыграли определенную роль в создании новой политической ситуации Передней Азии, иногда независимо, а иногда и в виде наемников участвовали они в разгроме целого ряда государств. Для нас представляют интерес возможные пути проникновения этих народов в Переднюю Азию. Часть исследователей, в том числе абхазские ученые считают основной их дорогой восточное побережье Черного моря, так называемый Меото-Колхидский путь. Этот вывод опирается преимущественно на неправильную интерпретацию источников и полное игнорирование археологических данных. Вторая четверть I тысячелетия до н.э., это период расцвета Колхидской культуры. поднятая на высочайший уровень металлургия бронзы и железа, демографический взрыв, протоурбанистическая цивилизация и др. дает нам право отметить, что Колхида данного периода (включая Абхазию) является сильной политико-государственной единицей, нарушение ее границ и пересечение территории должно было быть не столь легкой задачей. Примечательно, что в колхских поселениях никаких следов вторжений чужого этноса не обнаружено. Невозможно представить, чтобы нашествие такого количества кочевых племен не оставило своего следа в виде пожаров, признаков столкновений или просто типичных предметов киммерийского или скифского происхождения. На всей территории западной Грузии найден лишь один бронзовый киммерийский келт (Тхморский клад в Верхней Раче). Таким образом, проникновение киммерийцев в Переднюю Азию через Колхиду археологическими данными не подтверждается.

Согласно источникам, киммерийцев преследовали скифские племена (конец VIII в. до н.э.), хотя никаких следов столкновений или вещественного материала не обнаружено в Колхиде, в частности в Абхазии. Ясно, что идущие с Северного Причерноморья скифы не пересекали территорию Колхиды и, вероятно – и не смогли бы этого сделать в условиях наличия здесь мощного государственного объединения и многообразного и сильного боевого вооружения. Вместе с тем болотистая территория и климат Колхиды не слишком благоприятствовали походам чужеземцев.

[1] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с. 48, 50-54.

Несколько иная картина имеется к середине VIв. до н.э. После возвращения из переднеазиатских походов часть скифов, как видно – весьма малочисленная масса, избирает для обратного пути Колхидский путь. И в данном случае не видно следов каких-либо столкновений. Именно с этого времени появляются созданные по образцу переднеазиатских мечей, так называемые скифские акинаки, претерпевающие в Колхиде определенную модификацию и трансформирующиеся в особый, кавказский вариант данного оружия. В тот же период появляются и изделия в т.н. скифском зверином стиле, явно сложившиеся под переднеазиатским влиянием. Третий компонент, считающийся элементом скифской культуры, это так называемые скифские наконечники стрел. Их появление относится к концу VII в. до н.э. и VI в. до н.э. Они практически распространены на огромной территории, включая Сибирь, европейскую степную часть России, Кавказ и Переднюю Азию. Исходя из этого, признавать родиной наконечников стрел какой-либо один регион, а его создателем конкретный этнос, нелогично и ошибочно.

В связи с походом скифов с северного Причерноморья в Переднюю Азию определенные перспективы намечаются в виде территории Восточного Закавказья, где, предположительно через Дербентский проход, появляются скифские изделия, но и эти материалы принадлежат в основном возвращающемуся на север скифам.

Версия об использовании киммерийцами и скифами колхидского пути лишена всяких оснований. Безосновательно и увязывание железной металлургии со скифами, хотя бы потому, что древнейшие скифские железные изделия не старше VII в. до н.э. В то же время в Колхиде (Аджария), а так же – Квемо Картли еще с XIV-XIII веков до н.э. появляются первые железные предметы, изготовленные путем цементации (сталь). Исходя из техники изготовления этих предметов, надо было пройти предварительный этап простой выплавки железа, то есть время появления первых железных предметов надо удревнять минимум на два века. Ясно, что из южной Грузии железная металлургия проникает в другие регионы Восточного Закавказья. Этот процесс неодновременный и проходит поэтапно.

В Абхазии их появление относится к началу I тыс. до н.э., что никак не может быть связано со скифами.

В заключение следует указать, что даже такое краткое рассмотрение археологических памятников предантичного периода ясно указывает на генетическую, эволюционную линию развития материальной культуры Абхазии. Сохраняя некоторую локальную особенность, обусловленную в основном географической спецификой, данная территория всегда входила в сферу единой грузинской материальной культуры и искусственно оторвать и выделить ее отдельно от материальной культуры Грузии ненаучно и необъективно. Проживавшие на

территории современной Абхазии древние племена в культурном отношении, судя по археологическим материалам, такие же грузины, как, картлийцы, сваны и мегрело-чаны.

Глава III. Территория современной Абхазии в составе древней Колхиды до I в. до н.э.

1. Данные о предантичном периоде

Сведения о Колхидском (Эгрисском) царстве - древнейшем грузинском государстве, занимавшем бòльшую часть территории нынешней Грузии и существовавшем непрерывно с середины II тысячелетия до н.э., содержатся в древнегреческом мифе об аргонавтах[1]. Отраженные в нем отдельные явления происходят в бассейне р. Риони. По данным некоторых авторов, аргонавты будто бы прибыли в Диоскурию (Сухуми). Так, например, Аппиан (IIв.) писал, что город Диоскурию «колхи считают доказательством путешествия Диоскуров с аргонавтами»[2]. По утверждению Никонора Александрийского (VIII в.), Диоскурия «прежде называлась Айей»[3] (параллельное название Колхиды, а так же ее столицы). О связи аргонавтов с территорией нынешней Абхазии писали и некоторые исследователи[4]. Русский языковед Г.Турчанинов на основании найденного в г.Майкопе древнейшего образца будто бы абхазского письма пытался локализовать г.Айю на Северном Кавказе[5]. Известно, что взгляды Г.Турчанинова в связи с так называемой Майкопской надписью в свое время не разделили и сами видные русские ученые (И. Дьяконов, Л. Лавров, Е. Крупнов, П. Аутлев и др.)[6]. Не разделяют они подобные взгляды и сегодня[7]. О связи мифа об Аргонавтах с предками современных абхазов (а не с колхами) сепаратистская историография ныне пишет только намеками и в качестве аргумента выставляет будто бы абхазское (апсуйское) звучание имени брата Медеи - Апсирта[8]. Однако имена и фамилии аналогичного звучания в большом количестве встречают-

[1] Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Перевод, введение и примечания Г.Ф.Церетели. Тб., 1964; А.В.Урушадзе. Древняя Колхида в сказаниях об аргонавтах. 1. Исследования 2. Греческие тексты с грузинским переводом и примечаниями. Тб., 1964.

[2] В.В Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – Вестник Древней Истории, 1948, №1, с.285. Аппиан. История Митридатовых войн. Греческий текст с грузинским переводом издала, предисловием и комментариями снабдила Т.Каухчишвили. Тб.,1958,с.195.

[3] Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып.IV. Тб.,1884,с.212-213.

[4] М.Броссе. История Грузии, часть I. Тб., 1895, с.13 (на груз.яз.); П.К.Услар Древнейшие сказания о Кавказе. Тб., 1881, с. 378; К.Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми,1926, с.39, 41-42.и т. д.

[5] Г.Ф.Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1974, с. 11-34.

[6] Вестник Древней Истории, 1966, №2; Советская этнография, 1967, №2; Вопросы истории, 1964, №8; 1965, №4 и т.д.

[7] Г.Турчанинов пытался создать для апсуа-абхазов «большую историю». Он отождествлял Майкопскую надпись с Хетскими иероглифами, датировал ее XIII-XII веками до н.э. и «прочел» по-абхаски. Выходило, что колхи будто бы являются абхазами, которые жили от Малой Азии до р.Кубань, имели свою письменность и государство с городом Айа. Целью Г. Турчанинова была нейтрализация грузинской версии о Колхидском государстве. Его «открытие» оказало серьезное влияние на сепаратистскую историографию (В.А.Шнирельман. Войны памяти. М., 2003, с349-354).

[8] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 59. О происхождении имени Апсирт существует достаточно интересная версия, согласно которой оно объясняется на грузинской языковой почве (М.Чухуа. Сравнительный словарь картвельских языков и диалектов. Тб.,2000-2001, с.206 (на груз.яз.).

ся в древнем мире[1]. Поэтому приписывать их к абхазам безосновательно, тем более, что подобные имена не имеют убедительного объяснения на абхазском языке. Сведения о пребывании аргонавтов на территории современной Абхазии имеют то значение, что их авторы считают Сухуми городом Колхиды.

О точном времени формирования Колхского государства, его политическом и социальном строе существуют различные мнения[2]. Л.Саникидзе считает, что оно возникло в XVII-XV веках до н.э[3]. Приблизительно того же мнения придерживается и Т.Гамкрелидзе, который пишет: «Согласно данным последних исследований, можно предположить существование Колхидской государственности уже в XVв. до н.э., поскольку в греческих надписях микенской эпохи (XV-XIV века до н.э.) документально подтверждаются многие имена, известные нам из мифа об аргонавтах, в том числе «(страна) Аиа», «Колхида», «Ясон» и др[4]. Происхождение Эгрисского (Колхидского) царства Т. Берадзе датирует XV-XI веками до н.э., а М. Лордкипанидзе – началом I тысячелетия до н.э.; Р.Гордезиани считает, что Колхидское царство наибольшего могущества достигло в XV – XII веках до н.э., а период царствования Айэта относится к XIV–XII векам до н.э.[5] Из древних писателей «страну Колхиду» первым упоминает Эвмел Кориантский (VIIIв. до н.э.) в контексте, связанном с аргонавтами[6]. Сегодня невозможно установить точную дату формирования этого государства, но его существование с середины II тысячелетия до н.э. вполне реально.

Согласно «Аргонавтике», Айа – это независимое, сильное и цивилизованное государство[7]. Народ и царь Колхиды, оказавшие радушный прием аргонавтам, «стояли на значительно высшей ступени цивилизации, чем те искатели приключений и их войска, которые приходили к ним, подобно норманам средних веков, грабить, нарушая все законы гостеприимства»[8]. Согласно Аполлонию Родосскому, похитившие золотое руно и Медею аргонавты боялись, что «Эет скоро будет в Элладе, чтобы отомстить за смерть сына»[9]. Гневить царя Колхов,

---

[1] Три египетских фараона VII-VI веков до н.э. -Псаметихи, Опсита в Лазике и Абхазии(VIв.), византийский писатель Михаил Пселос (XIв.) и т. д.

[2] См.об этом: Г.Коранашвили. Вопрос происхождения государства в Грузии. Тб., 2000. В книге приведены различные мнения грузинских и иностранных исследователей по данному вопросу.

[3] Л.Саникидзе. Не менее 3500 – я говорю!!! – Сакартвелос Республика, 1997,16.02 (на груз.яз.).

[4] Т.Гамкрелидзе. Грузия, это Европа или Азия?- Литературули Сакартвело, 1999,18-25.06, с.4 (на груз. яз.).

[5] Т.Берадзе. Древнеэгрисское (Колхидское) царство. - Айа, 2001, №9-10, с. 32 (на груз. яз.); М.Лордкипанидзе. Непрерывная линия существования грузинского государства. - У истоков грузинской государственности. Тб., 2001, с. 140(на груз. яз.); Р. Гордезиани. Проблема формирования грузинского самосознания. Тб., 1993, с. 38 (на груз. яз.).

[6] А.Урушадзе. Древняя Колхида в сказаниях об аргонавтах, с, 195 (на груз.яз.).

[7] По мнению О.Лордкипанидзе, оно уже существовало в XII в. до н.э., однако датирование описанного в «Аргонавтике» общественно-бытового фона второй половиной II тысячелетия до. н.э. – сомнительно; ученый считает, что он больше соответствует реалиям VI-IV веков до н.э. (О.Лордкипанидзе. Наследие Грузии. Тб.,1989,с.210,217).

[8] Фр. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1989, с. 12.

[9] Аполлоний Родосский. Аргонавтика, кн. IV, 743-744.

по мнению греков, не следовало, так как «никто не владычней Эета, и хоть живет далеко, – коль захочет, пойдет на Элладу»[1].

Мощь государства и его прочное экономическое положение нашли отражение в эпитафии Колхидского царя, приведенной Аристотелем в сочинении «Пеплос»:

«Над Ээтом, погребенным в Колхиде.
Златом богатых Колхиды сынов владыку Ээта
Всепокоряющий здесь божеский
Рок схоронил[2]».

Согласно мифу об аргонавтах, древняя Колхида и в культурном отношении была развитой страной, имела даже свою письменность:

«И хранят они от отцов столбы с письменами,
а на столбах начертаны те пути и пределы
моря и суши пути для всех, кто вокруг света ездит[3]».

Здесь мы имеем древнейшие сведения о существовании грузинской письменности и картографии. В Айа-Колхиде общались на собственном языке. Та же Медея разговаривала «на своем, колхском языке», хотя владела и языком тавров[4].

Колхида действительно представлена как богатое золотом обширное государство. Особым богатством и блеском отличается ее столица – г. Кутаиси. Когда вошедшие в р. Фазис аргонавты плыли вверх по течению реки,

«По левую руку героев
Были высокий Кавказ
И Эи град Китаидский[5]».

Границы Колхидского царства простирались до Кавказского хребта. На это косвенно указывает и Гомеровская «Одиссея» (VIIIв. до н.э.), содержащая сведения об аргонавтах, в том числе об Айа, включенной в сферу путешествий Одиссея. Согласно поэме, царство Айэта граничит с лежащей, по представлениям греков, на далеком севере землей, где «киммерян печальная область»[6]. У Овидия Назона (Геродий, XII, 25-28) Медея говорит:

«Мой был родитель богат.
Этот на двух морях стоящей Эфирой владеет,
Мой – вплоть до скифских снегов
Всей Запонтийской землей[7]».

[1] Там же, кн. IV, 1104-1105.
[2] А.Урушадзе. Древняя Колхида в сказаниях об аргонавтах, с. 249 (на груз.яз.); В. Латышев. Известия древних писателей... – Вестник Древней Истории, 1947, №2, с. 331.
[3] Аполлоний Родосский. Аргонавтика, кн. IV, 279-281.
[4] Диодор Сицилийский. Библиотека, IV, 48. - Вестник Древней Истории, 1947, №4, с. 257; Т.С.Каухчишвили. Сведения греческих писателей о Грузии, кн. III. Тб., 1976, с. 90,91.
[5] Аполлоний Родосский. Аргонавтика, кн. II, 266-267.
[6] Гомер. Одиссея. Перевод с древнегреческого В.А.Жуковского. М., 1987, кн. XI, 13-15.
[7] Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973, с.125.

Таким образом, северо-западные границы Колхиды времен Айэта, возможно, проходили около Азовского моря. То же самое доказывают и сведения Диодора Сицилийского (Iв. до н.э.) о формировании колхского племени 33 века тому назад в окрестностях Меотийского озера (Азовское море)[1]. Все это находится в полном соответствии с данными «Жития Грузии», в частности, сочинения грузинского летописца XIв. Леонтия Мровели, согласно которому Таргамос отдал Эгросу земли и определил границы: «С востока – Малая гора, которая ныне именуется Лихи; с запада – море; реку Малой Хазарии (Кубань – авт.), куда достигает хребет Кавказа[2]. Т.Берадзе также считает, что границы древней Эгриси простирались от бассейна р.Чорохи до реки Малой Хазарии[3].

Для установления этнической принадлежности населения Айя-Колхидского царства, в первую очередь, следует обратиться к «Житию Грузии», а также – к археологическим и имеющимся скудным, но интересным лингвистическим материалам. Согласно «Житию Грузии», западная Грузия, включая нынешнюю территорию Абхазии и регионы к северо-западу от нее, являются местами обитания эгров - древнейших грузин. Это подтверждается и обоснованным выводом археологов о формировании на всей территории западной Грузии единой колхской культуры[4]. Важные выводы сделаны и на основании лингвистических данных. В совместном труде Т.Гамкрелидзе и В.Иванова («Индоевропейский язык и индоевропейцы») специальный параграф посвящается теме «Греко-картвельские лексические связи и миф об аргонавтах». Авторы доказывают, что в греческий язык еще в древнейшую эпоху вошло несколько десятков позаимствованных картвельских слов. Среди них они называют «Тков» (груз. «ткави»-шкура, кожа), что указывает о проживании в Эгриси, в том числе в пределах нынешней Абхазии, предков грузин[5]. О том же свидетельствует и зафиксированное в «Одиссее» название лечебной травы – «моли»[6], росшей

---

[1] Т.Каухчишвили. Сведения греческих писателей…, кн. III, с.75. Диодор Сицилийский повторяет данные Геродота о египетском происхождении колхов. Грузинская историография не разделяет этих сведений, которые «должны быть вымыслом Геродота» (И.Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа, кн. I . Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего востока. Тб., 1950, с.17 (на груз.яз), хотя и имеется достаточное количество данных о родстве и культурных связях грузин и египтян в ту древнейшую эпоху (М. Джанашвили. История Грузии, т. I. Тб., 1906, с.4, 28-32. На груз.яз.; С. Какабадзе. Вопросы генезиса грузинской государственности. - Исторический Вестник, 1924, I, с.61-62). В данном конкретном случае важны сведения Диодора Сицилийского о формировании и обитании Колхского племени на берегах Азовского моря, а не только на Фазисе, как считал Геродот (Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечение Г.А.Стратяновского. М.,1972,кН.I,103-105;Т.Каухчишаили. Сведения Геродота о Грузии. Тб., 1960, с.71).

[2] Житие Картли. Текст установил С.Каухчишвили с по всем основным рукописям, Т. I, Тб., 1955, с.5.

[3] Т. Берадзе. Древнеэгрисское (Колхидское) царство, с.34, (на груз.яз.). См. также Т. Берадзе, М. Санадзе. История Грузии, кн. I .Тб., 2003, с. 45-46 (на груз.яз.). Как будет показано ниже, до конца XVIII в.(несмотря на резкое изменение этнической картины в восточном Причерноморье) во многих иностранных (в том числе русских) источниках государственная граница Грузии, в соответствии с исторической традицией, фиксируется на географических картах именно по р. Кубани, у Азовского моря или неподалеку от них.

[4] О. Джапаридзе. У истоков истории Грузии. Тб., 2003, с. 203 (на груз.яз.). См. здесь же, гл. II.

[5] Т.В. Гамкрелидзе, В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы, т. II Тб., 1984, с. 904-909; Т.Гамкрелидзе. Из истории племенных названий древней Колхиды. – Иностранная и грузинская терминология, обозначающая Грузию и грузин. Тб., 1993, с. 588 (на груз. яз.).

[6] Гомер. Одиссея, X, 303-306: Р.В.Гордезиани. Проблемы гомеровского эпоса. Тб., 1978, с.209.

в стране Айя. Такой термин в других греческих текстах не встречается и его объяснение на индоевропейской языковой основе невозможно. По мнению специалистов, «моли» - заимствованное греками картвельское слово[1]. В значении лекарственного маза или накидки, оно упоминается и в поэме грузинского поэта XII-XIII веков Шота Руставели «Витязе в тигровой шкуре»[2]. По мнению проф. М.Чухуа, зафиксированное в «Аргонавтике» и других греческих источниках слово «кирбос» по своему происхождению является мегрело-лазским вариантом общегрузинского литературного термина «керб», сохранившегося в словаре С.-С. Орбелиани (составлен в 1685-1716 годах) в форме «кепи» («полный лист письма»).

Грузинская историческая традиция, сведения из древнегреческой мифологии, лингвистические данные, а также приведенный в предыдущей главе археологический материал, дают твердое основание для предположения, что, по крайней мере, с середины II тысячелетия до н.э. территория нынешней Абхазии представляла собой органическую часть Айя-Колхидского царства, то есть древнейшего грузинского государства, и была населена предками грузин, народом-носителем общекартвельского праязыка. По утверждению О.Лордкипанидзе, Колхида включала в себя всю западную Грузию и представляла собой владение древнейших грузин[3]. В эпоху этого царства, как, вполне справедливо пишут Р.Гордезиани и Г.Меликишвили языковое различие между мегрело-чанами и картами еще не должно было существовать. По мнению Г. Меликишвили, термин «колхи»в ту эпоху, видимо, обозначал «общекартвельский или же карто-занский (мегрело-чанский) элемент. Ионийские греки познакомились с грузинскими племенами еще в «колхидский» период существования карто-занского единства и название «колхи», надо думать, употребляли для обозначения этого единства»[4]. Тогда имелись все предпосылки для интенсивного развития начавшегося, очевидно, гораздо раньше процесса формирования единого грузинского этноса. Такими предпосылками могли служить существовавшее на протяжении многих веков экономически развитое («злато-обильное»), сильное в военном отношении («коль захочет, пойдет на Элладу»), преуспевающее в области культуры (имеющее письменность и картографию), территориально обширное («до скифских снегов») Колхидское государство; его границы первоначально значительно превосходили пределы Эгриси грузинских источников и включали также значительную часть восточной Грузии (впоследствии «Колхида» и «Эгриси» - идентичные понятия). Входивший в состав Колхиды сек-

[1] «Молодая трава».См.: С. Орбелиани. Словарь грузинский, т. I. Тб., 1991, с. 500 (на груз. яз.).Это слово существует поныне.

[2] Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. - Грузинские писатели, т.4,Тб., 1988, с.262; Ш.В. Дзидзигури. Грузинский язык. Тб., 1968, с.69.

[3] О. Лордкипанидзе. Развитие колхской этнокультурой системы. - Этногенез грузинского народа. Тб., 2002, с.18-28 (на груз. яз.).

[4] Очерки истории Грузии, т.I.Тб., 1970, с.395(на груз. яз.); Р. Гордезиани. Проблема Формирования грузинского самосознания, с. 37 -39.

тор Ингури-Псоу представлял собой территорию, где также протекал долгий процесс этногенеза грузин. Есть все основания считать, что грузинский народ именно в эпоху Айа-Колхиды достиг столь высокого уровня консолидации, который в последствии выдержал все превратности истории. Главное, сохранилось общенациональное самосознание, опиравшееся на историческую память об общем происхождении, общий культурный язык (несмотря на образования диалектов), сознание общности государства (несмотря на навязанное извне территориальную раздробленность). Правда, процесс консолидации народа продолжался и в дальнейшем (в этом особая роль принадлежит христианству), но прочное духовное единство, единое самосознание грузинского народа сложилось именно в эпоху Айа-Колхиды. Другое объяснение уникального факта твердого единства трех основных ветвей грузинского народа (мегрелы, сваны, карты) невозможно с учетом того обстоятельства, что в последующие эпохи на протяжении гораздо более длительного периода существования грузинского народа уже доминировали обусловленные преимущественно внешними факторами процессы, способствовавшие в большей мере дезинтеграции.

На рубеже III-II тысячелетия до н.э. или в еще более отдаленном прошлом (VI-V тысячелетии до н.э.), в западной Грузии, в том числе на участке Ингури-Псоу, «исключена возможность определения конкретного этноса» из-за отсутствия достаточной источниковедческой базы, - считает М.Лордкипанидзе, а по вполне обоснованному мнению Р.Гордезиани, основы единого национального самосознания грузин сложились еще в бронзовом веке.[1] Несмотря на это, существует совершенно иное мнение относительно этнической принадлежности древнейшего населения восточного Причерноморья. Оно основывается на беспочвенной гипотезе, согласно которой, обитавшие в Малой Азии в III-II тысячелетиях до н.э. кашка-абешлайские племена будто бы являлись предками абхазо-адыгов. Данную точку зрения разделяли П.Услар, Н.Марр, П.Ушаков, Д.Гулия, В.Струве, И.Дьяконов и др[2]. Н.Марр искал прародину абхазов к югу от Колхиды и в Малой Азии; современные географические названия – Губазоули, Чибати, Анча (Гурия), а так же Ачара(Аджария), Фазис и т.д., он считал абхазо-адыгскими топонимами[3]. Д.Гулия без каких-либо аргументов объявил колхов предками абхазов (апсуа) и заключил, что до н.э. вся Колхида, Малая Армения, Северная Месопотамия и другие, соседствующие с Колхидой регионы как Южного, так и Северного Кавказа, будто бы были заселены народами, говорящими

[1] М.Лордкипанидзе. Абхазы и Абхазия. Тб., 1990, с.39; Р. Гордезиани. Проблема Формирования грузинского самосознания, с. 19-32, 77.

[2] Всемирная история, т. I .М., 1965, с. 379,515.

[3] Н.Я.Марр. История термина «абхаз». - Известия Императорской Академии Наук. VI серия, 1912,№11, с.697-706; его же: Лингвистическая поездка в Абхазию (к этимологическим вопросам).- Известия Императорской Академии Наук, с. 1913., №6, с.303-337; его же: Кавказоведение и абхазский язык. - Журнал Министерства Просвещения, 1916, №5, с.154. Критику воззрений Н.Марра см.: Т.Гванцеладзе. Воззрения о Марровской попытке этимологизации термина «абхаз».-Чтения А.Чикобава -12. Материалы. Тб., 2001, с. 33-34 (на груз. яз.). См. здесь же, гл. XI.

на абхазо-черкесских языках[1]. Более того, целую главу своей книги (гл. IV) он посвятил «доказательству» того, что абхазы пришли из Египта и Абиссинии (Абассии)[2]. Д.Гулия опирался на воззрения европейских и грузинских ученых XIX-XX веков о переселении предков грузин и остальных народов Кавказа с юга[3], на теорию Геродота о египетском происхождении колхов. Взгляд о южном происхождении грузин был поставлен под сомнение сразу, как только западная наука (Б.Грозный из Чехии и др.) признала индоевропейцами тубалов и мушков (предположительных предков грузин). После этого И.Джавахишвили, поддерживавший теорию о южном происхождении грузин, несколько уточнил свою позицию. Он приступил к разработке теории о родстве грузин и других народов Кавказа. На основании анализа эпиграфических источников, племенных и топонимических названий, признанных ираноязычными народами скифов и сарматов, И.Джавахишвили объявил предками адыгов, чеченцев и лезгин. Следы северокавказцев, по его мнению, заметны были также в Грузии и соседней Албании; этот след топонимов и этнонимов достигал до Малой Азии, - писал ученый. По утверждению И.Джавахишвили, родственные грузинские, картвельские и скифо-сарматские племена переместились с юга на север; поэтому непосредственные предки грузин, тубал-тибарены и мушки//мешехи, по его мнению, не могли быть индоевропейцами[4].

Акад. С. Джанашиа представил совершенно новую теорию. «Грузины по своему происхождению принадлежат к древнейшему аборигенному населению Малой Азии» и «являются потомками хето-субаров» - писал ученый; 6 тысяч лет тому назад расселенное по огромной территории (Малая Азия, Балканы, Апенинский и Пиренейский полуострова) это население постепенно уменьшает свой ареал. С XIIIв. до н.э. (дата падения Хеттского царства) оно распалось на мелкие государства. В первые века I тысячелетия до н.э. сложились западный и восточный культурные ареалы, соответствующие двум объединениям – западно - и восточно-грузинскому; «западный культурный ареал включал западную Грузию, нагорье Северного Кавказа к западу от р. Терек, ущелье р.Чорохи и восточное побережье Черного моря»; к VIв. до н.э., когда пало царство Урарту, центры государственности переместились к северу[5]. Теория С.Джанашиа получила большую популярность и поддержку. Вопросы о поиске в других местах предков грузин и их переселении были сняты с повестки дня. Потеряли всякий смысл и воззрения Д.Гулия. Можно предположить, что

[1] Д.И.Гулия. История Абхазии, т.I.Тб.,1925, с. 76.

[2] Там же, с. 79-134.

[3] Краткий историографический обзор по данному вопросу см.: Г.А.Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1965, с.18-26 (на груз. яз.).

[4] И. Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа, кн. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тб., 1937 (на груз. яз.); его же: Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – Вестник древней истории, 1939, №4, с. 47-48; его же: Историко этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1950, с. 250 (на груз. яз.).

[5] История грузии. Под ред. С. Джанашиа. Тб.,1943,с.14,16,21,45-48.

именно под влиянием теории С. Джанашиа отказался он от своих основных выводов[1], хотя в 30-х годах XXв.[2] не избежал и жесткой критики со стороны ученых и властей[3].

Идею о переселении абхазов из Египта и Абиссинию всерьез никто и не принимал, однако, не один известный автор преимущественно на основании фонетического сходства, племена кашка-абешлайцев идентифицировал с предположительными предками черкесов-керкетами, а также с абшилами-апсилами, бездоказательно объявленными предками апсуа-абхазов. Одним из первых немецкий ученый Эд. Мейер вместе с другими европейскими учеными еще в 1884г. идентифицировал колхов с кашками[4]. То же мнение высказал Мишель Тамарати (Михаил Тамарашвили) в 1910г., в изданной в Риме на французском языке книге «Грузинская церковь от основания до сегодняшнего дня». По мнению автора, Каска является той же Колхидой. В доказательство он приводит список тубальских, мосохских и каскайских царей[5]. Касков считал колхами и И.Джавахишвили[6].

Иные предположения высказывали И.Дьяконов, И.Дунаевская и Г.Меликишвили[7]. По мнению последнего, родственные с протохетами (хатами) Кашка-Абешла - это два различных варианта одного и того же племенного названия собирательного значения. Кашками хетты именовали горцев северо-восточной Малой Азии, среди которых, как писал Г.Меликишвили, были предки как абхазо-адыгов, так и грузин[8].

С 50-60-х годов XX в. особенно интенсивно разрабатывалась теория о южном происхождении абхазов, что было связано с официальным осуждением фундаментального труда П.Ингороква «Гиорги Мерчуле» (Тб., 1954). В нем была обоснована и ранее существовавшая теория о северокавказском происхождении апсуа-абхазов и заселении ими северо-западной части Мегрельского княжества (Одиши) в позднем средневековье. С целью умиротворения недо-

[1] Д.Гулия. О моей книге «История Абхазии». Сухуми, 1951.

[2] С 30-х годов XX в. в советской историографии утвердилась выработанная по заказу «сверху» новая концепция Н.Марра о местном происхождении народов; тем самым были отвергнуты миграционные теории и была обьявлена борьба национализму и шовинизму (см. В. Шнирельман. Войны памяти, с.290).

[3] Критика (в том числе со стороны парторганизации) антинаучных публикаций Д.Гулия, а также С.Басария (С. Басария. Абхазия. Сухуми,1923) и С.Ашхацава (С.Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухуми.1925), см.: А.Фадеев. Краткий очерк истории Абхазии, ч. I. Сухуми, 1934, с.13-18; В.Шнирельман. Войны памяти, с. 290-291.

[4] А.С.Хаханов. Древние пределы расселения грузин по Малой Азии. Тб.,1903, с.17; Г.Меликишвили. К вопросу о древнем населении…, с. 32.

[5] Tamarati Michel. L’eglise Georgienne des origines jusqu’a nos jours. Rome, 1910, c. 56.

[6] И.Джавахишвили. история грузинского народа, кн. I-II Тб., 1913, с.26.

[7] И.Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967; его же: Предыстория армянского народа. М., 1968, с. 12-13; его же: Урарту, Фригия, Лидия. – История древнего мира. Расцвет древних обществ. Изд.III. М., 1989, с.40,46-49; И.М.Дунаевская. О структурном сходстве хатского языка с языками Северного Кавказа. - Исследования по истории культуры народов Востока. М-Л., 1960; Г.А.Меликишвили. Наири-Урарту. Тб.,1954, с.77,401; его же : К истории древней Грузии. Тб., 1959.с 97, 120-122; его же : К вопросу о древнейшем населении..., с.32 (на груз.яз.); его же: Исследования в области древней истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1999, с. 84-96.

[8] Очерки истории Грузии, т. 1, с.360 (на груз.яз.).

вольного выходом в свет этого труда абхазского общества, а так же по другим политическим мотивам, Президиум Центрального Комитета (ЦК) Компартии СССР (под особым контролем которого находилась историческая наука) постановлением от 10 июля 1956г. обвинил грузин в попытке ликвидации и ассимиляции национальной культуры абхазов (а также осетин и армян). «Обвинение» признали пленумы ЦК КП Грузии (6-8 августа 1956г.) и Абхазского обкома партии (16 августа 1956г.)[1]. Осуждение Кремлем несуществовавшего «грузинского шовинизма» и не имевшего места национально-культурного «угнетения» абхазов, открыло путь для утверждения в историографии версий, направленных против теории П.Ингороква, в том числе для концепции о южном происхождении абхазов.

Означенной темы коснулся К.Шакрыл. По его мнению, кашки были предками адыгов, а абешла-абхазов (апсуа). Приблизительно, на рубеже III-II тысячелетий до н.э. они будто бы постепенно двинулись в сторону Кавказа и в I тысячелетии до н.э. достигли территории нынешней Абхазии; по мнению автора, пришлые абхазо-адыгские племена находились на более высокой ступени развития, чем местное население, которому они навязали свой язык и культуру[2]. Вместе с тем, К.Шакрыл ничего не говорит (и не может сказать) о том, в чем выражалось культурное превосходство «пришельцев» из Малой Азии и куда оно делось впоследствии. При этом следует отметить, что археологический материал (другие сведения отсутствуют) не подтверждает радикальных изменений в составе местного населения в I тысячелетии до н.э., или факт его перемещения из Малой Азии в направлении Северного Кавказа.

Теорию о переселении кашко-абешлайских племен из Малой Азии на Кавказ, в том числе и западную Грузию, включая Абхазию, поддерживал и Л.Соловьев. По его мнению, дольмены в Абхазию принесли кашки, хотя он сам же отмечал, что в Причерноморье эти дольмены зафиксированы и до предполагаемого переселения сюда малоазиатских племен[3]. Взгляды Л.Соловьева разделял и З.Анчабадзе. Он утверждал, что формирование абхазского этноса произошло в результате длительного процесса консолидации (начиная с периода неолита и до последних веков предантичной эпохи) в Кавказском Причерноморье аборигенного местного населения и пришедших из Северо-Восточной Малой Азии племен[4]. Впоследствии З. Анчабадзе представил несколько иную точку зрения. По его утверждению, абхазо-адыго-картвельские племена с незапамятных времен занимали западную часть Кавказа и прилегающие районы

[1] Заря Востока, 1956, 9, 23 августа; Комунисти, 1956,9,25 августа (на груз.яз.).

[2] К.Шакрыл. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. - Ученые Записки Адыгейского Научно Исследовательского Института, IV. Краснодар, 1965, с. 205-221.

[3] Л.Н.Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы-стоянки Воронцовской пещеры.- Труды Абхазского Института Языка, Литературы и Истории, т. XXIX, Сухуми, 1952, с. 163-165.

[4] З.Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с.121.

Малой Азии. Период расцвета так называемой Дольменной культуры (конец III-первая половина II тысячелетия до н.э.), как считал ученый, следует рассматривать, как период складывания древнеабхазского этноса, поскольку именно тогда в основном произошел окончательный распад протоабхазо-адыгского этнического единства[1]. Однако у З.Анчабадзе не имеется убедительных аргументов в пользу проживания в III-II тысячелетии до н.э. в западной Грузии, именно абхазских племен. И по мнению Ш. Инал-ипа, хато-абхазо-адыгские племена были не пришельцами с юга, а проживали в III-II тысячелетии до н.э. на территории от Северного Кавказа до Малой Азии[2].

Вопросов этнической истории коснулся и О. Джапаридзе. После распада кавказского культурно-этнического единства (IV-III тысячелетие до н.э.) западную часть Кавказа (включая Абхазию) занимают, как он полагал, хато-абхазо-адыгские племена. Картвельские же племена в это время находятся в западных и центральных районах Закавказья. Выявленную на Западном Кавказе культуру О. Джапаридзе считает абхазо-адыгской[3]. Позиция О. Джапаридзе и поныне остается почти неизменной, хотя не столь уверенной. Теперь он утверждает, что в поздненеолитический период (III тысячелетие до н.э.) предки абхазо-адыгов обитали в Прикубанье, но не исключено их пребывание и в западной Колхиде, где они будто бы проживали по соседству с грузинскими племенами[4].

Существуют и противоположные взгляды. Переселение кашков из Малой Азии на Западный Кавказ не подтверждается археологическими материалами[5], в том числе дольменами, которые в Малой Азии не зафиксированы[6]. Следует учитывать и то обстоятельство, что этническая группа кашков и ныне проживает в Иране[7].

Лингвистические связи абхазо-адыгов с хатами отрицает немецкий ученый А. Каменхубер. Он считает, что попытка генетически увязать между собой хаттский и кавказские языки будет безуспешна ввиду того, что от исчезновения хаттов до письменной фиксации кавказских языков прошло 3000 лет; соответственно, необходимого для научного заключения материала не осталось. Исходя из этого, он отвергает претензии И.Дунаевской, о том, что не ведется изучение структурных и возможных генетических связей между хаттским и абхазо-адыгскими языками; ученый уверен, что имеющиеся в этих языках созвучные слова между собой никак не связаны[8].

---

[1] З.Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976, с. 21.

[2] Ш.Д.Инал-ипа. Вопросы этно- культурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 423-424.

[3] О.Джапаридзе. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тб., 1976 с. 61, 266, 305 (на груз. яз.); его же: На заре этнокультурной истории Кавказа. Тб., 1989, с. 393.

[4] О.Джапаридзе. У истоков этногенеза грузинского народа. Тб. ,2006, с. 248 (на груз. яз).

[5] Е.Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 186-198.

[6] В.Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974, с. 29.

[7] Е.Алексеева. О происхождении абазин и расселении их в средние века. - Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980, с. 166.

[8] А.Камменхубер. Хаттский язык. -Древние языки Малой Азии. Под редакцией И.М.Дьяконова и В.В.Иванова. М., 1980, с. 23-98.

Наличие генетической связи между терминами «касаг»-«кашаг» (предки черкесо-адыгов) и кашками, исключает Н. Волкова на том основании, что они упоминаются с интервалом в две тысячи лет[1]. Добавим к этому, что такой же интервал имеется между «абешлами» клинописных текстов и «апшилами» из «Жития Грузии».

Г.Гиоргадзе не считает убедительными аргументами только большой разрыв между терминами во времени и пространстве. По его мнению, более важно то, что для установления идентичности этнонимов «кашаг»-«кашка» недостаточно только фонетическое сходство (которое может быть и случайным). «Каска» хеттских источников созвучна или идентична названий народов различных эпох, живших (порой и ныне живущих) в разных уголках мира (в Камеруне есть племя «каска», в Индии - гашка, в Памфилии- на юге Малой Азии- жили «керкои» и т.д.); Г.Гиоргадзе обращает внимание на то обстоятельство, что «кашаги» у С.–С. Орбелиани объясняется, как «рослый пленник», а у грузинского ученого XVв. Зазы Панаскертели слово «кашки» означает «сок ячменного зерна» (иногда употреблялось и для обозначения пива)[2]. Более точно С.–С. Орбелиани дает следующее объяснение: «кашаг - это рослый пленник и ребенок-младенец»[3]. Д.Чубинишвили еще более конкретизирует значение этого грузинского слова: «кашаг - это рослый юноша, предназначенный для продажи в рабство»[4]. Здесь же для размышления можно отметить, что личная гвардия Чингис-хана называлась «кешигом». Таким образом, утверждения об идентичности слов «кашаг»- «кашка» не имеют твердой основы.

Г.Гиоргадзе изучил этническую принадлежность касков; он не разделил версию об их идентичности с хатами, поскольку эти народы находились на разных ступенях развития; родство касков с абхазо-адыгами автор также не считает убедительно обоснованным из-за отсутствия иных аргументов, кроме созвучия терминов; не имеются, также материалы, подтверждающие факты переселений и перемещений кашков. Первичный анализ имеющихся в хеттских и клинописных текстах каскских топонимов[5], имен собственных[6] и отдельных слов[7] привел исследователя к выводу, что каски выявляют больше общего с грузинами

[1] Н.Г.Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 22.
[2] Г.Гиоргадзе. Древнейшие ближневосточные этносы и происхождение грузин. Тб., 2002, с. 96-97 (на груз. яз).
[3] Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский словарь, II. Тб., 1993, с. 218.
[4] Д.Чубинашвили. Русско-грузинский словарь. Тб., 1993, с. 1330.
[5] Асхарбаиа/ашхарбаиа, Элуриа/Илуриа, Цитахариа (гора); Гахариа/Кахариа (поселение), Патхариа, Паталиа, Сусуриа/Шухуриа, Типиа, Цихариа (страна), Сариа/Шариа (река), Техулиа/Ташкуриа (поселение), Тимиа (поселение), Цулиа (река), Дудуска/Дудушка (главное поселение кашков), Муниска/Мунишка, Татиска/Татишка, Цианتиска/Циантишка, Хатенцува, Карансува, Тапасава, Каталадува, Катитимува и т.д..
[6] Псхапала, Хацина, Каскамува, Фаата (Паата), Паталиа, Пихуниа, Пиа (Биа), Суисмели (Шуишмели), Дади (Дата, Тата), Дадиду, Темети, Тита (Дита), Каскаили (Каскели), Саметили (Саметели), Дадилу (Дадиели) и т.д.
[7] Фегафилу, фигуриали, фифалала, Фитауриа, фитунтуш и т.д. (их значение неизвестно).

(мегрело-лазами и сванами), чем с абхазо-адыгами[1]. Г.Гиоргадзе рассматривает и вопрос об этнической принадлежности племени абешла[2]. В составленных от имени Ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115-1077 годы до н.э.) текстах обешла упоминается как вариант «каски». Это должно означать, что и «кашка» клинописных текстов так же является синонимом «абешлы», - считает ученый, и заключает : «Если мы примем данное мнение (что «кашка» и «абешла» синонимы), то «каски» (кашки) хетских и ассирийских источников, а также «абешлайцы» ассирийских текстов (а в конечном счете – и апсилы, в случае отождествления терминов «абешла» и «апсил») являются племенами одного и того же, южноколхидского происхождения»[3].

Путем приведения целого ряда аргументов (неточности в ассирийских текстах, локализация абешлайцев, отсутствие информации о них в хеттских текстах, сравнительно позднее их появление на политической арене и т.д.) Г.Гиоргадзе отрицает идентичность «кашки» и «абешлы» и высказывает предположение, что абешлайцы вместе с кашками и мушками имеют западнокартвельское происхождение; к тому же он называет гипотетической попытку отождествления живших в совершенно разные эпохи и в различных регионах «абешла» - «апсил»-«апсуа», основанную лишь на приблизительной схожести терминов; если допустить такую идентичность, «тогда и апсилов следует признать племенем Колхского (мегрело-лазского) происхождения, поскольку абешлайцев вместе с кашками мы считаем именно таким племенем»[4]. Таково авторитетное мнение Г.Гиоргадзе, принципиально отличающееся от выводов других ученых, в том числе Г.Меликишвили[5]. Можно надеяться, что в будущем это мнение будет подкреплено и дополнительными аргументами.

В научной литературе предпринимается попытка обосновать теории переселения предков абхазо-адыгских племен на Западный Кавказ или же – об их первоначальном расселении от Кавказа до Малой Азии, опираясь на современную топонимику западной Грузии. Как уже отмечалось, одним из первых был Н.Марр, который имеющиеся в некоторых регионах западной Грузии (Аджария, Гурия, Сванети, Рача) топонимы приписывал якобы жившим здесь около 5000 лет назад предкам абхазов. В советское время эту концепцию развили

[1] Г.Гиоргадзе. Древнейшие Ближневосточные этносы и происхождение грузин, с. 108-111; Н.Хазарадзе считает, что взаимосвязь между мушками и мосхами, мушками и кашками, кашками и мосхами явная, что можно признать одним из свидетельств идентичности терминов, обозначающих мосхов и мушков (Н.Хазарадзе. К истории этнического термина «месхи». – Иностранная и грузинская терминология понятия «Грузия» и «Грузины». Тб.,1993, с.39 (на груз.яз.).

[2] И.Гелб связывал термин «Абешла» с названием «Апшил» («Абшил») месопотамских источников, а территорию абешлайцев – с районами, лежащими между р.Тигр и оз.Ван. Слово «Абешла» по своему фонетическому составу приближается также к имени одного из ассирийских царей – Абиашал (Апиашал); это же слово можно понять, как мужское имя «Абишалам». С учетом этого, Г.Гиоргадзе допускает, что абешлайцы были семитского происхождения (Г.Гиоргадзе. Древнейшие Ближневосточные этносы и происхождение грузин, с.119).

[3] Г.Гиоргадзе. Древнейшие Ближневосточные этносы и происхождение грузин, с. 115. Следует учитывать то обстоятельство, что в III-II тысячелетиях до н.э. грузинский праязык еще не распадался на диалекты.

[4] Там же, с. 121.

[5] Г. Меликишвили. Исследования …, с. 93-96.

Д.Гулия, С. Джанашиа, И.Джавахишвили и др. На основании названий рек и личных имен с «абхазо-черкесской этимологией» Д.Гулия, как уже отмечалось, объявил весь Западный Кавказ, Армению и Турцию исторической территорией предков абхазского народа[1].

В публикации С.Джанашиа «Черкесский (адыгский) элемент в топонимике Грузии» (1933 г.) на основании анализа «негрузинских» названий (Акампс, Супса, Агидаква, Ачква, Малтаква, Бобоквати, Береква и т.д.) сделан вывод: «На определенной части территории Грузии наличие черкесской топонимики следует считать безусловно подтвержденным… А это является следом проживания здесь в древности черкесского населения[2]». То же мнение высказал И.Джавахишвили. Гидронимы с окончанием «пс» он признал только черкесскими, а с окончанием «пш» - кабардинскими. Окончания же «ква» - «куара» приписал исключительно абхазам[3]. Он же, в сообщении, прочитанном на заседании Академии Наук СССР в 1939г., на основании того, что по черкесски «ква» означает «сын», объявил об адыгейском происхождении таких грузинских фамилий, как Ингоро-ква, Чану-ква-дзе, Геле-ква. Кроме того, он признал адыгскими такие топонимы в западной Грузии, как «Хопа» и «Синоп». Название села Бжиневи (Харагаульский район) было объяснено на черкесском языке (означает «чеснок»). Итак, заключает И. Джавахишвили, в доисторическую эпоху адыгейские племена должны были жить в Западном Кавказе на территории Грузии исторической эпохи[4].

Ономастика, включающая элементы пс-, пш-, ква-, по целому ряду причин не может считаться следом предков черкесо-адыгов. Во- первых, приведенные топонимы имеют латинское, греческое и грузинское происхождение, на что обращал внимание и сам И. Джавахишвили[5]; во- вторых, часть этих топонимов явно принадлежат не периоду 3-5 тысячной давности, когда западную Грузию якобы занимали предки адыгов, а позднеантичной или, возможно, раннесредневековой эпохе, когда на лежащей к югу от р.Риони почти необитаемой территории (нынешняя Гурия, часть Имерети и Аджарии) вновь утверждается грузинское население;[6] другая часть топонимов вообще не упоминается в

[1] Д. Гулия. История Абхазии, т.I, с. 76-77.

[2] С.Джанашия. Труды, т. III, Тб., 1949, с. 120-122 (на груз. яз.).

[3] И.Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа, кн. I. Историко-этнологические проблемы…, с. 43-46 (на груз.яз.).

[4] Вестник Древней Истории, 1939, №4, с. 35-46.

[5] И. Джавахишвили. Введение в историю, с. 34-38. Впоследствии Г. Ахвледиани, отвергая взгляды К. Ломтатидзе отметил, что комплексы «пс» и «ква» должны были быть общими для адыгейских и картвельских языков. -Г.Ахвледиани. К некоторым вопросам исторической топонимики Абхазии.-Мнатоби, 1957,№2,с.113-114 (на груз. яз.).

[6] Византийский историк Прокопий Кессарийский (VIв.) отмечал, что слева от р. Фазиса у колхов нет других населенных пунктов, «ни крепости, ни поселений», что этот край лишен значительных населенных пунктов, или же вообще не заселен. (Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии, т. II. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С.Г.Каухчишвили. Тб., 1965 с. 101, 127, 182; Прокопий из Кессарии. Война с готами. М., 1950, с. 380,416). Это вполне достоверное свидетельство (Д.Мусхелишвили же считает его ошибкой. См. его: Основные вопросы исторической географии Грузии. I. Тб., 1977, с. 102-104) компетентного автора – современника описанных событий -помогает разобраться в хронологии вопроса. Спорные географические названия, в случае их древнейшего происхождения, безусловно исчезли бы (они и так не упоминаются ни в одном источнике) из-за долговременного запустения почти всего ареала их распространения. Формирование новой, в том числе интересующей нас ономастики в упомянутой части Лазики следует приписать периоду после VI века.

исторических источниках. На необходимость датировки географических названий, считающихся следами пребывания в западной Грузии черкесо-адыгов, совершенно справедливо заострила внимание и М.Инадзе[1]; в-третьих, аналогичные топонимы в большом количестве встречаются как в Грузии, так и на Евразийском и Африканском континентах; слова, включающие компоненты ква (куа), пс-пш также в достаточном количестве имеются в различных языках, в том числе в грузинском;[2] в - четвертых, невероятно, что приблизительно 3-5 тысяч лет назад предки абхазо-адыгов имели в Грузии села, названия которых в неизменном виде сохранились до наших дней. То же самое относится и к гидронимам, тем более - к фамилиям, формирование которых гораздо более позднее явление (VIII-IX века н.э. и последующий период); [3] В – пятых, невозможно представить, что ономастику, включающую элементы пс-пш-ква предки абхазо-адыгов оставили на той территории, которую в ту далекую эпоху будто бы прошли, двигаясь на север (или же временно занимали), в то время, как подобные названия соответствующего древнего периода не сохранились в регионах их постоянного (по мнению сепаратистской историографии) проживания – Малой Азии[4] и собственно Абхазии, а также в районах расположенных к северо- западу от нее. Получается, что топонимика, отдельными авторами объявленная адыгейской или черкесской, в отдаленном прошлом существовала везде, кроме нынешней территории Абхазии. Впервые название, включающее комплекс «пс» встречается на Северо-Западном Кавказе у Клавдия Птолемея (Iв. н.э.). Это - город Ампсалида, распологавшийся на берегу р. Шахэ, возле мыса Головина[5]. Анонимный автор Vв., также вне границ нынешней Абхазии называет «Никопсию» (бывшую «Старую Лазику», находившуюся к северо-западу от нынешнего Туапсе), «Псахапсий» (река возле г.Никопсиа) и «Топсиду» (р.Туапсе)[6]. Предположительно, эти латинские, греческие и грузинские названия усвоили обосновавшиеся возле Никопсии к V веку джики и другие

[1] М.Инадзе. Вопросы этно-политической истории древней Абхазии. - Известия Академии Наук Грузии, серия истории…, 1992, №3. с. 52.

[2] Апши (село в Душетском районе Грузии), Аки/Акви (ныне город Эксе во Франции), город Акваненденте (Италия), город Аквилея (древняя Италия), Кванджоу (Южная Корея), Квалея (остров Норвегии), Псахия, Псеримос (греч. о-в), город Псков (Россия), город Псодоритос (Греция), Псатура, Псара/Ипсар/Ипсара (греческие острова). Пселецкое (село в Курской области), Пскент (Узбекистан), Пшемысл (ныне Перемышль в Польше); Аквитанский бассейн (Франция), Ква (река в Заире), Кванго, Кванза (реки в Анголе), Квандо (река в Африке), Кваркен (пролив в Балтийское море), Квалифорд (залив в Северном Ледовитом океане), Кварнеро (залив в Адриатике), река и город Мос-ква, р. Псиол (Украина, приток Днепра), Пскен (река в Узбекистане), Пекова (река в Росси), Упсала (древняя столица Швеции) и др.

Ампсон (дружок – груз.), Апсида, Апсинди (полынь), Апсус (жаль – груз.), Акваланг, Аквамарин (минерал), аквапарк, Аква (вода, лат.), Аквавит (мин. Вода), Элипсис (греч.), псалмун, псалтырь, псевдоним, псон, псилы (легковооруженные пехотинцы в Греции), псолофит (растение), пселомелан (минерал), псилос («голый» по гречески), псин, психо, пскери (дно – груз.), псориаз и т.д.

[3] Р. Топчишвили. Когда возникли грузинские фамилии и имена. Тб. 1997, с. 38-40 (на груз. яз.).

[4] Г.Гиоргадзе достаточно аргументированно связывает ближневосточные этносы, включая шумеров, не с абхазо-адыгами, а с западно-грузинским миром (см. Г.Гиоргадзе. Древнейшие Ближневосточные этносы и происхождение грузин, с. 22-26).

[5] Н.Ю.Ломоури.Клавдий Птолемей. «Географическое руководство», известия о Грузии.-Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып.32.Тб.,1955,с.43,52 (на груз. яз.).

[6] Георгика, т. 2. Тб.,1965,с.11.

народы Северного Кавказа. Невозможно, чтобы было наоборот – чтобы, например, комплекс «ква» вошла во многие языки мира из апсуа-абхазского, который был бесписьменным вплоть до рубежа XIX-XX веков.

Так или иначе, версия о проживании в западной Грузии в доисторические времена абхазо- адыгских племен безосновательна. Акад. С.Джанашиа, выработавший новую теорию этногенеза грузин, фактически сам отверг её. Проживание предков абхазо- адыгских племен в западной Грузии «само по себе весьма сомнительным» считает и Н.Ломоури[1]. Указанное мнение отвергнуто и современным языковедением (см. здесь же, гл. XI). Древнегреческие мифы и другие материалы, содержащие более или менее заслуживающие доверия сведения о населении западной Грузии (включая Абхазию) доисторического периода, как уже отмечалось, фиксируют здесь только предков грузин и грузинское государство.

Предполагают, что в конце VIIIв. до н.э. двинувшиеся из Северного Кавказа на юг киммерийцы прошли территорию Колхидского царства и якобы нанесли ему тяжелый удар. Как отмечает О.Лордкипанидзе, если действительно имело место разрушительное киммерийское нашествие, то, наверное, пострадала только юго-восточная часть Колхиды[2]. Т.Берадзе также не согласен с мнением о прекращении существования Колхидского царства в последней четверти VIIIв. и полагает, что возможное нашествие киммерийцев не имело катастрофических последствий; в противном случае, данный факт отразился бы в археологических материалах (см. здесь же, с. 40-41) и в греко-армянской письменной традиции[3]. Следует отметить, что прямых или косвенных данных для других предположений, а именно - о полном разрушении киммерийцами Колхидского царства, вторжении на его территорию соседних горцев и их утверждении здесь, приостановке процесса национальной консолидации грузинского народа и воцарении партикулярных тенденций, изменений «баланса сил»[4] и т.д. - не существует. Если науке даже точно не известно, действительно ли киммерийцы прошли через восточное Причерноморье и на самом ли деле нанесли они удар по северо-западной Колхиде, тогда все дальнейшие рассуждения о негативных последствиях этого «удара» теряют всякий смысл. Гораздо больше оснований имеется для других предположений: Колхидское царство было на вершине своего могущества именно с VIII в. (разгром и захват Диаохи и т.д.). С этого времени начинается и в дальнейшем все более интенсивно протекает процесс греческой колонизации побережья Черного моря, что повлияло на

[1] Н.Ломоури. Из этно- культурной истории древней Абхазии.Тб.,1998,с.5 (на груз. яз); его же: Некоторые вопросы ранней истории Абхазии (Ответ профессору Ш.Д.Инал- ипа). - Мацне, серия истории, 1990,№3,с.165-166.

[2] О.Лордкипанидзе. «Златообильная Колхида» (миф и реальность). - Мегрелия, Колхида, Одиши. Тбилиси - Зугдиди, 1999, с. 61 (на груз. яз.).

[3] Т.Берадзе. Древнеэгрисское (Колхидское) царство,с.34 (на груз. яз).

[4] Очерки истории Грузии, т. I, с. 392-393; Г.А.Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии …, с. 86; Н.Б. Берулава. Город Диоскурия- Себастополис и район Сухумской бухты в античную эпоху (VIв. до н.э.- IIIв. н.э.). Тб., 2005, с. 28.

последующее развитие политических процессов. Вполне правомерно мнение М.Лордкипанидзе о существовании непрерывной линии истории Грузинского государства[1]. Эта непрерывность грузинской государственности подтверждается и периодизацией Т.Микеладзе[2], согласно которой с XIIIв. до н.э. до середины VIв. до н.э. продолжается первый период существования Колхидского царства. Ученый называет его «периодом древнего царства»; после этого начинается и продолжается до Iв. до н.э. новый период «среднего царства», сменившийся, по мнению автора, периодом «нового царства» (I-IV века)[3].

2. Этно-политическая ситуация в VI-I веках до н.э.

К концу VIв. до н.э. берега Черного моря были покрыты сетью греческих колоний. Этот вопрос детально изучен в грузинской историографии[4]. Установлено, что на нынешней территории Абхазии в конце VIв. до н.э. возникли новые поселения в Диоскурии (Сухуми) и Гиэносе (у устья р. Мокви)[5]; второй половиной I тысячелетия до н.э. датируется Эшерское городище, где также располагалась греческая фактория. Основание колоний происходило в ранее существовавших торгово-экономических центрах, городах, на что обратил внимание еще Фр. Дюбуа де Монпере[6]; греческие колонии, несмотря на захватнические цели их основателей, из-за встреченного на месте серьезного сопротивления, сложились не как независимые полисы, а как торговые фактории. Н.Ломоури убедительно обосновывает, что существовавшие в западной Грузии и «считавшиеся греческими поселения с самого же начала не являлись чисто греческими городами и носили своеобразный «смешанный характер»: рядом с греческими колонистами в этих городах, по сравнению с другими греческими колониями, важную роль играло местное, грузинское население»[7]. Греческие колонии ограничивались здесь в основном посреднической торговлей. А это, по мнению О. Лордкипанидзе, означает, что они представляли собой именно эмпориумы, то есть торговые города; они не сумели сформироваться как крупные греческие города, основной причиной чего являлась «политическая обста-

[1] У истоков грузинской государственности, с. 136-141.
[2] Т.К.Микеладзе. Изискания по истории древнейшего населения Колхиды и восточного Причерноморья. Тб., 1974, с. 179-182 (на груз.яз.).
[3] Историю первого древнегрузинского государства, а также мнение о непрерывности государственности В. Шнирельман называет «Колхидским миражом», а периодизацию Т.Микеладзе считает ошибочной, повторением периодизации истории древнего Египта. Предложенные Т. Микеладзе хронологические рамки может быть и не бесспорны, однако аргументам в ползу непрерывности грузинской государственности В. Шнирельман ничего не противопоставляет, кроме злобных оценок (В.А.Шнирельман. Войны памяти, с. 336-349).
[4] Н.Ю.Ломоури. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тб., 1962 (на груз. яз.); М.П.Инадзе. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Тб.1982 (на груз. яз.); Н.Берулава. Диоскурия-Себастополис… и т.д.
[5] Н.Ломоури называет достаточно убедительным мнение М.Инадзе об основании Диоскурии и Гиэноса в VI в. до н.э.; сам же однако пологает, что их основание относится к периоду не ранее V в. до н.э. (Н.Ломоури. Греческая колонизация .., с. 46-52; М.Инадзе. Греческая колонизация.., с. 100,101,105-106 и т.д.).
[6] Федерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т.1, с. 11.
[7] Н. Ломоури. Греческая колонизация, с. 57.

новка – колхидская государственность и местная демографическая ситуация. Специальное изучение этого последнего фактора как-раз показало, что до начала греческой колонизации восточное побережье Черного моря в хозяйственном отношении было полностью освоено местным населением, и оно без всяких демографических изменений осталось на той же территории».[1]

В связи с этим, требует дополнительной аргументации мнение об окончательном формировании государственного объединения колхидских племен, фактически о воссоздании государства лишь в последней четверти VIв. до н.э., для чего почву якобы подготовило экономическое и политическое развитие последнего периода (М.Инадзе), а также утверждение, что основание греческих колоний будто бы по времени совпадает с существованием «мощного и обширного объединения», пока еще стоящего «на пути к огосударствлению» (Н.Ломоури)[2]. Исходя из логики развития событий и имеющихся у исследователей скудных сведений, следует отметить, что, во-первых, никто не доказал факт прекращения существования Айа-Колхидского царства; если допустить возможность разрыва государственности в VIII-VII веках до н.э. и восстановления ее в конце VI в. до н.э., то необходимо иметь ответ на следующий вопрос: какому завоевателю принадлежала Колхида в период отсутствия государственности? Во-вторых, достаточно богатый археологический материал фиксирует такой высокий уровень экономического, политического и социального развития западной Грузии (включая территорию Абхазии), достижение которого без государственной организации немыслимо. В - третьих, контроль над переселенцами, недопущение формирования самоуправляющихся греческих полисов также было бы невозможно без сильной государственной власти; если бы на северо-восточном Причерноморье греки не застали местного государства, они обязательно создали бы независимые полисы (как это было в северном и юго-Восточном Причерноморье) и впоследствии не допустили бы создание местного государства, способного ограничить их права. Наконец, обращение с последней четверти VI в. до н. э. во всей Колхиде государственной серебряной монеты («колхидки»)[3] так же указывает на существование здесь сильной власти еще до прихода греков. Таким образом, Колхидское царство не в VI в. до н. э. сформировалось[4], а перешло на новый уровень развития, что было обусловлено как достигнутым через посредство Причерноморских греческих колоний экономическим и культурным сближением со всем античным миром,

---

[1] О. Лордкипанидзе. Существовало ли Колхидское государство? – У истоков грузинской государственности, с. 68, 72 (на груз. яз.).

[2] Н. Ломоури. Греческая колонизация .., с. 54; М.Инадзе. Греческая колонизация…, с. 126-127.

[3] Д. Капанадзе, К.Голенко.К вопросу о происхождении колхидок. - Вестник Древней Истории,1957,№4,с.88-95; О. Лордкипанидзе. У истоков древней грузинской цивилизации. Тб.,2002,с.206 (на груз.яз.).

[4] З. В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с.27 и др.

так и сравнительно благоприятными внешними условиями (мирные и отчасти дружественные взаимоотношения с Ахеменидской Персией)[1].

Этно- политическая ситуация, существовавшая на современной территории Абхазии в раннеантичную эпоху, отражено в письменных источниках. Особое значение придается сведениям греческих логографов[2] Гекатея Милетского (VI в. до н. э.). Скилака Кариандского (VI в. до н. э.; его данные сохранились у автора середины IV в. до н. э.-Псевдо Скилака Кариандского), Гелланика Митиленского (вторая половина Vв. до н.э.), «отца истории» Геродота (V в. до н. э.) и других.

Фрагменты сочинения Гекатея Милетского («Землеописание»), сохранившиеся в словаре «Этника» автора VI в. н. э. Стефана Византийского[3], описывают этническую картину восточного Причерноморья следующим образом:

«Кораксы, племя колхов, вблизи колов. Гекатей в описании Азии. Кораксийская крепость и кораксийская страна.

Колы, народ у Кавказа. Гекатей в описании Азии: «а подгорья Кавказа называются кольскими горами». Страна называется Коликою.

Мосхи, племя колхов, соседнее с матиенами. Гекатей в описании Азии»[4].

В сочинении Скилака Кариандского «Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии» восточное Причерноморье описано с севера, от р. Танаиса (Дон), на юг; названы живущие здесь народы, а также города и реки. Он писал:

70. Савроматы. От р. Танаиса начинается Азия и первый народ ее на Понте- савроматы. Народ савроматов управляется женщинами.

71. Меоты. За женоуправляемыми живут меоты.

72. За меотами - народ синды; их область простирается и за пределы озера, и города в ней эллинские следующие: г. Фанагора, Кепы, Синдская гавань, Патус.

73. Керкеты. За Синдской гаванью народ керкеты.

74. Тореты. За керкетами народ тореты и эллинский город Торик с гаванью.

75. Ахеи. За торетами народ ахеи.

76. Гениохи. За ахеями – народ гениохи.

77. Кораксы. За гениохами – народ кораксы.

78. Колика. За кораксами – народ колика.

---

[1] См. подробнее: О. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида,Тб.,1966 (на груз.яз.); его же: Аргонавтика и древняя Колхида.Тб.,1969 (на груз.яз).

[2] Историки, которые писали прозой. - См.: Н. Ломоури. Сведения греческих логографов о грузинских племенах. – Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 35. Тб., 1963, с. 3-35.

[3] Георгика, т. III. Тб., 1936, с. 272-289.

[4] Н. Ломоури. Сведения греческих логографов…, с. 29; В. Латышев. Известия древних писателей... – Вестник Древней Истории, 1947, №1, с. 300-301.

79. Меланхлены (черноризцы). За коликою – народ меланхлены и река у них Метасорос и Египии - река.

80. Гелоны. За меланхленами – гелоны.

81. Колхи. За ними народ колхи и город Диоскуриада и Гиен, город эллинский и Гиен – река, Херобий – река, Хорс – река, Харий – река, Фасис – река и Фасис, город эллинский и вверх по реке 180 стадий плавания до большого варварского города, откуда была Медея, здесь Рис – река, затем Исис – река, Разбойничья река, Апсар – река»[1].

В «Основании городов» Гелланика Митиленского, а также в сочинениях Палефата Абидосского (IV в. до н. э.) имеется информация о народах, живущих к югу от синдов и меотийских скифов. Палефат Абидосский в VII книге «О Троянской войне» говорит: **«К керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Эвксинского Понта.»** Гелланик Митиленский в работе «Основание городов» пишет: **«Выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы»[2].**

Весьма важные сведения содержит «История» Геродота:

«I. 104. От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке.

II. 104. Ведь колхи, по- видимому, египтяне: я это понял сам еще прежде, чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать [об этом родстве] как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска. Сам я пришел к такому выводу, потому что они темнокожие, с курчавыми волосами…Гораздо более зато основательны следующие доводы. Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы…

II. 105. Назову еще одну черту сходства колхов с египтянами. Только они одни да египтяне изготовляют полотно одинаковым способом. Также и весь образ жизни и язык у них похожий. У эллинов, правда, Колхидское полотно называется сардонским, а привозимое из Египта- египетским.

III. 97. Даже колхи и их соседи до Кавказского хребта… налагают на себя подати в виде добровольных даров. Так вот эти народы еще и поныне посылают царю (Персии- авт.) по сто мальчиков и сто девочек.

IV. 37. Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемого Красным. К северу от них обитают мидяне, выше мидян саспиры, выше са-

---

[1] Т. Каухчишвили. Сведения греческих авторов… I, с. 46-49. В. Латышев. Известия древних писателей... – Вестник Древней Истории, 1947, №3, с. 240-243.

[2] В. Латышев. Известия древних писателей... – Вестник Древней Истории, 1947, №1, с. 316; там же, №3, с. 250; А. Урушадзе. Древняя Колхида в сказаниях об аргонавтах, с. 278; см. также: Н. Ломоури. Сведения греческих логографов..., с. 32.

спиров – колхи, граничащие с Северным морем, куда впадает река Фасис. Эти четыре народности занимают область от моря до моря.

IV. 106. Среди всех племен самые дикие нравы у андрофагов. Они не знают ни судов, ни законов и являются кочевниками. Одежду носят подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в этой стране.

IV. 107. Все меланхлены носят черные одежды, от чего и происходит их название. Нравы у них скифские.

VII. 78. У мосхов на голове были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты и копья с длинными наконечниками.

VII. 79. Мары носили на головах плетенные туземные шлемы… У колхов же на головах были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья и, кроме того, еще кинжалы. Во главе маров и колхов стоял Фарандат, сын Теаспия. Алародии и саспиры выступали в поход вооруженные как колхи. Предводителем их был Мосистий, сын Сиромитры[1].

До обзора приведенных данных, определения этнической принадлежности различных племен целесообразнее разобраться в термине «племя», выяснить, что подразумевали под ним древние авторы и всегда ли оно правильно употребляется в историографии.

В древнегрузинской литературе, а также – в «Житие Грузии» термин «племя» («томи») употребляется в трех значениях: человечества в целом[2], конкретного этноса (народа)[3]; части народа, его ответвления – объединения по принципу родства, административно-территориальном (община) и др[4]. В различных грузинских переводах Библии «племя» в основном употребляется в значении народа (нации) и его ответвления[5]. А Сулхан-Саба Орбелиани объясняет этот термин следующим образом: «Род, идущий от рода, скажем – израильского; затем скажем – из какого племени? Ответим: из племени Рубэна или Лева или другого: потому, что один род делится на племена, племя делится на семейства, семейства и семя делится на людей. Племенем называется также сонм людей, разделенный на группы»[6]. Таким образом, племя это определенная часть народа, состоящая из нескольких семейств, из удела или общины, родственников, фамилий и т.д.. Как видим, согласно С-С.Орбелиани, «племя»не является этни-

[1] Т. Каухчишвили. Сведения Геродота…, с. 65, 71-73, 76, 82, 88, 113: Геродот. История…, с. 45, 110-111, 169,196,213,335.

[2] Ш.Руставели. Витязь в тигровой шкуре. – Грузинские писатели, т 4. Тб., 1988, с. 207; Житие Грузии, т IV. Тб., 1973, с. 14.

[3] Георгий Мерчуле. Житие Григория Хандзтели. - Грузинские писатели, т 1. Тб. 1987, с. 536 (на груз. яз.); Ш. Руставели. Витязь в тигровой шкуре. – Грузинские писатели, т. 4, с. 236; Житие Грузии, т. II, Тб., 1959, с. 8.

[4] Яков Цуртавели. Мученичество Шушаника. – Грузинские писатели, т. 1, с. 230; Георгий Мерчуле. Житие Григория Хандзтели. - Грузинские писатели, т 1, с. 611; Житие Грузии, т. II, с. 26, 312; т. IV с. 14, 459 и т.д.

[5] Д. Меликишвили. Из истории древнегрузинской философско-теологической терминологии. Тб. 1999, с. 208-229 (на груз.яз.).

[6] С.-С.Орбелиани. Грузинский словарь, II. Тб., 1993, с. 142.

ческой категорией. В древнегрузинском языке этот термин (томебаи) означает родство; по «племени» (томебить) – то же, что по потомству[1].

В дальнейшем понятие «томи» (племени) приобретает в основном значение этноса, народа; этим термином обозначается этническое единство в его первичной форме. Западная социологическая и историческая наука рассматривает происхождение народа, как продолжение и развитие родо-племенных союзов[2]. Советская социология и историография под понятием племя подразумевали как этническое единство, так и тип социальной организации доклассового общества, первичную форму этноса. Следующей формой считается народ (народность), затем – нация.

Грузино-абхазская историография часто по советским меркам (трехступенчатый этногенез)[3] подходила (а нередко и сегодня подходит) к вопросам, связанным с установлением этнической принадлежности зафиксированного в восточном Причерноморье древними авторами населения и рассматривали его, как состоящего из отдельных этносов. Так, например, З.Анчабадзе, имея ввиду существовавшую в Колхидском царстве ситуацию, отмечал, что племена здесь представляли собой территориально-этнические группы, которые при административном делении страны не были органически слиты друг с другом; по его мнению, термин «племена» в каждом отдельном случае следует применять под определенным значением. В одном случае это были этнические единицы первобытно - общинного строя, в другом – объединения, находящиеся на раннеклассовом уровне развития, малая народность, - писал З. Анчабадзе. Совершенно беспочвенно, но, исходя из конкретных целей, ученый объявил Колхидское царство, включавшее значительную часть современной территории Грузии, этнически разнородным государством, где кроме колхов будто бы жило множество народностей, отличавшихся друг от друга этнической индивидуальностью; северо-западная часть этого государства – нынешняя Абхазия, так же отличалась, по мнению З.Анчабадзе, этнической пестротой[4].

Приведем еще один пример. М. Инадзе с сожалением отмечает, что греко-римские авторы называют различные племена восточного Причерноморья без указания их этнической принадлежности, что осложняет исследование протекавших в древности на территории Абхазии этнополитических процессов и создает предпосылки для противоречия во мнениях по этому вопросу. В данном случае не учитывается тот факт, что племена в восточном Причерноморье, во всяком случае, в пределах исторической Грузии вовсе не представляли отдельных этнических групп. Здесь же следует уточнить, что «сложный процесс

[1] З.Сарджвеладзе. Словарь древнегрузинского языка. Тб., 1995, с. 197 (на груз.яз.).
[2] Р.Топчишвили. Этническая история грузин и историко-этнографические провинции Грузии. Тб., 2002, с. 6 (на груз.яз.).
[3] См.: И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения, т. II, с. 290-303.
[4] З. В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 27-28.

складывания народности из племенных единиц» начался не в античную эпоху[1], а напротив, к тому времени этот процесс в основном завершился.

Как уже отмечалось, если бы грузинский народ не представлял собой достаточно прочного единства еще в предантичном периоде, конкретно – во второй половине II тысячелетия до н.э., и не имел бы общенационального самосознания, общего языка, культуры, государственности, то в дальнейшем его распад на различные этносы был бы неизбежен[2], поскольку условия для консолидации родственных грузинских племен и создания единого этноса, распространенного по всей территории исторической Грузии, в последствии, до раннефеодальной эпохи (VIII-X веков) создавались лишь эпизодически (III в. до н.э., V в. н.э.). Под воздействием внешних факторов античная эпоха фактически представляла собой период, когда преобладали дезинтеграционные факторы, когда единый грузинский народ разделился на различные ответвления; как доказывает Т.Путкарадзе, дивергенция общегрузинского языка произошла именно в ту эпоху, на рубеже летоисчислений[3]. Исходя из этого, пора отказаться от советской теории формирования грузинского народа в результате слияния трех будто бы различных племен (карты, мегрелы, сваны); напротив, все три ответвления сами сформировались путем дезинтеграции единого этноса; при этом процесс разделения не зашел слишком далеко, не привел к исчезновению общегрузинского самосознания и общего культурного языка. Именно данное обстоятельство позволяло в дальнейшем отдельным сильным грузинским царям при благоприятных условиях временно, а иногда и на довольно продолжительный период времени, полностью или частично объединять страну.

Враждебные внешние силы пытались разделить как народ в целом, так и его отдельные ответвления на различные «этносы». Особенно сложная ситуация в этом отношении сложилась в особо привлекательном для завоевателей Причерноморье, где, согласно греко-римским источникам, зафиксировано множество «народов». Их этническая принадлежность с самого начала интересовала писателей и летописцев. Еще Страбон (I в.) критиковал Гелланика, Геродота и Евдокса за искажение названий племен северо-западного Причерноморья[4]. Русский историк XIX в. П.Бурачков писал, что новые географические названия и этнонимы, зафиксированные к югу от России, представляют собой одни и те же названия, переведенные на различные языки, а порой изменения топонимов и этнонимов связаны с переменой места жительства или сменой правителей. Свое мнение он подкреплял отрывком из одной русской летописи, в которой

[1] М. Инадзе. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. - Мацнэ. Серия истории…,1992, №1, с. 7.

[2] Для сравнения можно привести пример еврейского народа. Если бы до разгрома в 722 г. до н. э. Израильского, а в 586 г. до н. э.- Иудейского царства и расселения евреев по разным странам они не успели сложиться в прочный, единый народ, в дальнейшем никак не смогли бы сохранить единство и в 1948г. возродить свое государство.

[3] Т. Путкарадзе. Грузия, с. 50-51; О времени существования общегрузинского языка. см.: с. 280-297.

[4] У Страбона сказано, что эти исковерканные племенные названия «нам наболтали Гелланик, Геродот и Евдокс».- Страбон. География в 17 книгах. Перевод. Статья и комментарий Г.А.Стратановского. Под общей редакцией С.А.Утченко. М., 1964, с. 516.

сказано, что древние племена «прозватася имени своими, где седше, на котором месте»[1]. Кабардинский историк Г. Кокиев также утверждал, что древние авторы разные части одного и того же племени называли по разному, в зависимости от места проживания, перемены места оседлости и географических особенностей занимаемых ими мест[2].

Присвоение племенных названий происходило и по другим признакам - по роду деятельности, профессии, внешности, по присвоенным тому или иному «племени» функциям и др. Те же «кораксы» с древнегреческого переводится, как «вороны», «гениохи» - как «возницы, всадники, держатели узды»; «савроматы» - «ящероголовые»; «меланхлены» - «одетые в черное», «черноризцы»; «керкеты» - «кормчие»; «хариматы»- «прекрасноглазые»; «телоны» - «сборщики податей»; «фтерофаги» - «шишкоеды», «вшиеды»; «макроцефалы»- «длинноголовые» и т. д.[3] А. Дьячков-Тарасов в связи с этим писал, что один из древних географов (Евстафий. Коммент. Дионис. Периегету, XII по рожд. Хр., 700) гениохов называл племенами «камаритов» из- за употребления ими разбойничьих судов, которые у эллинов назывались камарами[4]. «Вообще,- пишет он, - эллины не стеснялись в приискании названий местным племенам: заметили нечистоплотность- племя названо фтерофагами (вшеедами), увидели длинные бороды- макропагонами (длиннобородыми); одно из соседних с иниохами, а быть может, одно из племен пресловутых иниохов просто названо «кефалотомами» (головорезами, башибузуками). «Иниохи»-греческое название, придуманное по ассоциации с именем «Диоскуриады»[5]. Иногда происходило греко-римское осмысление местного названия племени и его соответствующее изменение.

Как видно, этимология племенных названий в большинстве случаев вовсе не указывает на этнические особенности. Определенные недоразумения порождает то обстоятельство, что у греко-римских авторов не было четкой дефиниции термина «племя». Оно означает то народ, этнос[6], то, как уже отмечалось, выделенные из него по различным признакам группы (общины) или административно-территориальные единицы. В древнегреческом языке термин «этнос» имел много значений: так называлось не только «племя» или «народ», но он имел и общедифференцирующее значение и означал государство,

[1] П. Бурачков. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах ему принадлежащих.- Записки Императорского Одесского Общества Истории Древностей, т. IX. Одесса, 1875, с. 118.

[2] Г.А. Кокиев. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1996 ,с. 7.

[3] Дж. Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 28-30; Б. Гогия. Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды. Париж, 2003, с. 51-54.

[4] В.В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и римских, о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I. СПб, 1893, с. 205.

[5] А.Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. Тб., 1903, с. 35-36. Для сравнения следует вспомнить, что турки называли имеретинцев «башиачуками» (не носящие головных уборов), «кизилбаш» означает красноголового и т.д.

[6] См. например, «терминологию Страбона». - Т.Каухчишвили. География Страбона. Сведения о Грузии. Тб., 1957, с. 26-30.

«варварское» (неэллинское) общество[1] и т. д. В известном произведении Стефана Византийского «Из описания племен» этим термином, кроме этнических единиц, обозначаются государства, города, острова, горы, какие- то места, поселения и т. д. Например: «Гогарина - место между странами колхов и восточных иберов. Название народа Гогарен»; «Тиенида - город колхов от реки Тиениды. Название жителей Тиенитос»[2] (имеется в виду г. Гиенос). На вопрос о племенных названиях обратил внимание и Г. Меликишвили. Он справедливо отмечал, что существование множества племенных названий еще не означает существования племен различного этнического происхождения. «Некоторые названия являются греческими нарицательными (описательными) названиями (например, «макрокефалы»- «длинноголовые») и не могут рассматриваться как названия определенных племен, которые в других случаях также могли выступать под другими именами. В ряде случаев мы имеем дело с искажениями или модификацией племенных названий…. Один и тот же этнический коллектив в источниках мог выступать под разными названиями вследствие заимствования этих последних из разноязычных источников или посредством разных соседей. Поэтому мы, конечно, не можем все дошедшие до нас в античных источниках названия Причерноморских племен рассматривать в качестве реальных наименований разных племен и говорить о каких-либо перемещениях или даже уничтожении этих этнических групп и т. д.»[3]. Этот абсолютно верный вывод редко кем-то из исследователей в должной мере учитывается. К сожалению, в историографии все еще не изжита тенденция рассматривать любое «племя», как этническое образование. Соответственно, продолжаются и беспочвенные, совершенно бесперспективные с точки зрения установления истины споры (особенно между грузинскими и абхазскими историками), выдвижение «предположений» в связи с их этнической принадлежностью. Неверное понимание термина «племя» приводит к неверным выводам в историографии о «многоплеменности» Колхиды, «нашествиях» горцев Северного Кавказа, постоянных «переселениях» народов, в том числе в секторе Ингури – Псоу. Подобный, ошибочный подход к рассматриваемому вопросу дает возможность сепаратистам фальсифицировать и «присваивать» историю грузинского государства - Колхиды.

При употреблении термина «племя» постоянно следует помнить о всех этих моментах, а не об общественно-политических формациях, как этого жестко требовала советская идеология. Для античного периода и начала средних веков допустимо применение в отношении колхов (лазо-мегрелов и сванов) термина «племя» в значении отдельных ответвлений единой нации. Речь в данном случае идет о правильной дефиниции термина «племя» античных источников.

[1] О.Лордкипанидзе. Существовало ли государство Колхида? с. 41-43. (на груз. яз).
[2] Георика, т. 3, с. 277, 286; В.В. Латышев. Известия древних писателей…, т. 1, с. 258,267.
[3] Г.Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 83.

Здесь же следует отметить, что термины «племя» и «ветвь» (ответвление) нередко употреблялись в параллельном значении в трудах И. Джавахишвили, С.Джанашиа, П.Ингороква и др.[1] К выделившимся из западногрузинских племен и отдельно фигурирующим в источниках мелким административным или политическим единицам более применим термин «община». Этот термин иногда употреблял И. Джавахишвили[2]. В тезисах к труду «Из истории генезиса грузинской государственности» С. Джанашиа писал о Колхидском царстве: «оно объединяет многоплеменное или многообщинное население»; «единство многоплеменного (или многообщинного) Колхского мира»; «характерная для Колхидского царства многоплеменность (многообщинность)»…[3] и т. д. Целесообразность применения термина «община» для обозначения населения различных уголков нынешней Грузии обосновал Т.Путкарадзе. По его мнению, термин «племя» применим только для обозначения предэтноса, в других же случаях предпочтителен термин «община»[4]. Для Р. Топчишвили также допустимо употребление «общины» в данном значении, хотя он предлагает и другие варианты («этнографическая группа», «этнографическо-диалектная единица» и т.д.)[5]. Приведенные взгляды в основном приемлемы, однако применительно к античному периоду требуется определенная корректива. Например, в случае применения по отношению к колхам термина «община», было бы не совсем правильным применять тот же термин и по отношению к их ответвлениям. Поэтому к зафиксированному в античных источниках населению гораздо более применимы термины «племя» (для лазо-мегрелов и сванов) и «община» (для других мелких единиц).

Вышеприведенные сведения авторов раннеантичного периода в Причерноморье Грузии помещают колхов и колхские общины. На современной территории Абхазии и по соседству с ней кроме колхов, о принадлежности которых к грузинскому народу никто не сомневается, зафиксированы кораксы, колы, гениохи, мосхи и керкеты. В грузинской историографии определена этническая принадлежность зафиксированных Гекатеем Милетским кораксов и колов. О принадлежности кораксов к колхскому племени сказано непосредственно в источнике. Вместе с колами их относят к колхам И.Джавахишвили[6], П.Ингороква[7],

[1] И.Джавахишвили. История грузинского народа, кн. I-II. Тб., 1913, с. 59 (на груз. яз); С.Джанашиа. Труды, II. Тб., 1952, с. 21 (на груз. яз); П. Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 143,145 (на груз. яз.).

[2] И. Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа, кн. I. Историко-этнологические проблемы Грузии…, с. 12.

[3] С. Джанашиа. Труды, II. Тб., 1952, с. 19, 20.

[4] Т. Путкарадзе. Грузины, с. 37-41.

[5] Р. Топчишвили. Этническая история Грузин, с. 26,28,78,83, 90 и т.д..; его же: Этноисторические этюды, кн I. Тб., 2005, с. 53 (на груз.яз.).

[6] И.Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа. Кн. I. Историко-этнические проблемы Грузии, с. 12.

[7] П.Ингороква. Гиогри Мерчуле.., с. 132,141.

Н.Ломоури[1], М.Инадзе[2] и многие другие. З.Анчабадзе пытался, но не сумел идентифицировать кораксов с санигами или апсилами, поэтому сделал общее заключение, что не имеется достаточных оснований для отождествления кораксов и колов с этническими колхами[3]. Интересно, что сам Д.Гулия считал кораксов грузинами, а именно - сванами[4].

Упомянутую у Гекатея Милетского «Коракскую стену» различные авторы локализуют у р. Кодори (Фредерик Дюбуа де Монпере)[5], или Келасури (К.Кудрявцев, П.Ингороква)[6]. Однако исследователям с начала XIX в. было известно, что узкий проход между горами и морем у Пицунды греки перекрыли стеной еще в древнейшую эпоху.[7] Именно это и есть «Коракская стена». Большинство авторов (Б.Куфтин, Н.Ломоури, Д.Качарава, Г.Квирквелия, Б.Гогия и т.д.) локализуют ее в Бзыбском ущелье, где обнаружены остатки стены древнейшей кладки[8]. Соответственно, в окрестностях р. Бзыбь и г. Гагра следует локализовать «Землю Кораксов», «Стену Колике» и «Коликские горы». По мнению П.Ингороква, Колхидскими (Коликскими) горами называлась Клухорская зона Кавказского хребта; ее название было «Колхори», оттуда и произошла поздняя, измененная форма этого термина «Клухори»[9].

Особое внимание ученых привлекают гениохи, которые с VI-V веков до н.э. (Скилак Кариандский, Гекатей Мелитский) до I в. н. э. упоминаются у множества авторов в северо-западной Колхиде[10]. Плиний Старший (I в.) сообщает, что возничие санны - гениохи живут к северу от Трапезунда (VI, 12). Тот же автор упоминает гениохов с разными названиями в северо-западном Причерноморье (IV, 14)[11]. Флавий Арриан (II в.) помещает гениохов на юго-восточном Причер-

---

[1] Н. Ломоури. Сведения греческих логографов, с. 8,10.
[2] М.Инадзе. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. - Мацнэ, 1992, №1, с. 9-10.
[3] З.В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 30-31.
[4] Д. И. Гулия. Сухум не Диоскурия. – Труды Абхазского Института, вып. II. Сухуми, 1934, с. 87; Г. Гасвиани. Абхазия. Древние и новые абхазы. Тб., 2000, с. 16.
[5] Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1. Сухуми, 1937, с. 148. Здесь же следует отметить, что католические миссионеры Хр. Кастелли, Арк. Ламберти и Жак Шарден отождествляют р. Кодори с Караксом. См.: Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 251, 252; Ламберти Арк. Описание Колхиды. Одесса, 1876, с. 6; Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг., с.21.
[6] К.Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии, с. 28-29; П.Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 141.
[7] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные С.Броневским, ч. I. М., 1823, с. 293.
[8] Б.А.Куфтин. Материалы по археологии Колхиды. Т.I. Тб., 1949, с. 124; Н.Ломоури. Сведения греческих логографов… с. 9; Д.Качарава. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тб., 1991, с. 149; Б. Гогия. Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды, с. 49-50.
[9] П.Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 143.
[10] См. Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 168 (Страбон), 170 (Помпоний Мела), 171 (Плиний), 175 (Дионисий Периэгет), 177 (Аммиан Марцеллин), 182 (Аноним V в.), 189 (Стефан Византиский); Н.Ю.Ломоури. Клавдий Птолемей «Географическое руководство», Известия о Грузии. – Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 32, Тб., 1955, с. 44. Автор I в.. Валерий Флавий упоминает «грозных гениохов» в связи с Медеей. По его сведениям, у Медеи была няня – гениохская женщина (Т.Каухчишвили. К вопросу о кавказских племенах по античным источникам. 2. Гениохи. – Мацнэ, серия истории..., 1980, №4, с. 68).
[11] Л.Арболишвили. «Естественная история» Плиния Старшего, как источник истории Грузии. Тб. 2006, с. 146, 148.

номорье (§ 11) [1]. Согласно Анониму V века, гениохи фиксируются как в северо-восточном, так и в юго-восточном Причерноморье (§1,8,9,18)[2]. Аристотель (V в. до н.э.) и Александрийский автор II в. Гераклид считают гениохов жителями Фазиса, которых позднее сменили милетские колонисты[3].

Одним из первых ученых, посвятивших специальную работу гениохам был И.Орбели. В письме «Город близнецов ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возниц HNIXOI», автор высказал мнение, что Сухуми с древнейших времен был собственностью грузин (или ближайшее родственному им народу), а связанные с основанием города (Диоскурия) возницы- гениохи («ħenioq»), это те же саниги или сваны[4]. Касаясь данной темы, Н.Марр согласился с тем заключением И. Орбели, что «гениох», это греческое искажение правильной первичной формы – «ħenioq»//«саниг»; с учетом суффикса «q», он сделал предположение, это слово должно принадлежать к тому ответвлению яфетических языков, представителем которого является абхазский язык. Н. Марр не соглашался с И. Орбели в том, что древнегрузинское «ħyne» (конь) не связано с «ħenioq»-ами//гениохами, которые согласно греко- римским источникам, были известны своими разбоями, бандитизмом и пиратством; армянское «ħeun»,- заключает Н. Марр,- также означает пирата, разбойника (авазак по арм.); это последнее слово в форме «авазаки» вошло в грузинский язык и от него якобы произошел авазг//абазг//абхаз[5]. Таким образом, путем искусственных лингвистических комбинаций Н.Марр в конечном итоге гениохов все же связал с абхазами.

II главу «Истории Абхазии» Д.Гулия целиком посвятил гениохам, которых отождествил с колхами и обоих объявил предками абхазов[6]. З.Анчабадзе гениохов//санигов считал джико-садзами[7]. Данную версию, впервые высказанную в 1903 г. А. Дьячков - Тарасовым[8], разделяла[9] и разделяет[10] сепаратистская историография.

И. Джавахишвили связал гениохов с энок//энохом из Книги Бытия[11] и считал чано-мегрелами[12]. Того же мнения придерживался и С.Джанашиа[13]. По мнению П.Ингороква, гениохи- это те же санихи или саны, принадлежащие к мегрело-

[1] Флавий Арриан. Путешествие вокруг Черного Моря. Перевод, исследование, комментарий и карта Н.Кечакмадзе. Тб., 1961, с. 42 (на груз.яз.).

[2] Георгика, т. 2. Тб., 1965, с. 3, 7, 11.

[3] Т.Ш. Мибчуани. Из истории этногенеза, расселения и культуры западногрузинских горцев. Тб., 1989, с. 51 (на груз.яз),; Б.Гогия. Указанное сочинение, с. 83-93.

[4] Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия, ч.XXIII, 1911, май, СПб., 1911, с. 202-215. Кислинг считал гениохов грузинским племенем, отождествлял их с санами и лазами, этих же последних- с керкетами (Т.Каухчишвили. К вопросу…2. Гениохи. - Мацнэ, серия истории…,1980, №4, с. 72).

[5] Н.Марр. Из лингвистической поездки в Абхазию, с. 325-330.

[6] Д. Гулия. История Абхазии, т. I, с. 35-52.

[7] З. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 35-36.

[8] А.Н. Дьяков- Тарасов. Гагры и их окрестности, с. 43.

[9] Ю. Воронов. Материальная культура гениохских племен в VI-I вв. до н. э.- Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми. 1974; его же: Диоскурия- Себастополис - Цхум. М., 1980 и т. д.

[10] О.Х.Бгажба, С.З.Лакоба. История Абхазии, с. 62-68.

[11] Кн. Бытия. IV. 17, 18; V. 18,19,21-24.

[12] И.Джавахишвили. История грузинского народа, I. Тб., 1981, с. 401,403 (на груз. яз.).

[13] С.Джанашия. Труды., III , Тб., 1959, с. 8.

лазской ветви грузин. Свои взгляды автор обосновал и существованием на территории расселения гениохов преимущественно грузинской топонимики[1].

ВопросаобэтническойпринадлежностигениоховкоснулсяиГ.Меликишвили. Он разделял взгляды П.Ушакова, отождествлявшего их с урартскими иганиехами[2]. Г.Меликишвили, детально изучив вопрос, пришел к выводу, что гениохи являются предками западной ветви грузин чанов, преимущественно сванов[3]. В своих специальных исследованиях А.Урушадзе[4] и Б.Гигинеишвили[5] также рассматривали гениохов, как предков грузин. Б.Гигинеишвили при этом отрицал связь гениохов – с энох//энук (И.Джавахишвили), а также с иганиехом (П. Ушаков).

Среди посвященных гениохам работ лучшим по сей день остается исследование Т. Каухчишвили[6]. В нем приведены и глубоко проанализованы почти все древнейшие сведения, учтено мнение грузинских и иностранных (Кисслинг и др.) специалистов; показано, что «согласно большинству источников, с V-IV веков до н. э. вплоть до I в. гениохи жили от нынешней Сочи до Питиунта - Диоскурии», по- происхождению же этот народ «явно является одним из древнейших грузинских племен»; автор считала, что только с I в. происходит перемещение гениохов на юг, что, по ее мнению, вызвано натиском джиков или другими причинами[7].

Гениохам посвящен большой параграф и в книге Т.Мибчуани. Автор причисляет их к грузинскому миру[8]. После серьезного историографического анализа тот же вывод делает и Г.Гасвиани[9]. Тему гениохов в нескольких трудах интересно развивает М.Инадзе, приводя определенные аргументы в пользу их принадлежности к той или иной ветви грузин[10]. По мнению Н.Берулава, поскольку источники упоминают гениохов «разноименным» (Плиний Старший) народом, а также отмечают наличие у них сразу четырех автономных «царств», то в состав их объединения могли входить отдельные общины как сванов, мегрелов, картов (возможно в лице мосхов), так и предки абхазов[11].

Вопросов этнической принадлежности и ареала распространения гениохов довольно пространно освещает Б. Гогия. «В итоге следует заключить,- пишет он,- что существовало основное колхское племя гениохов, жившее в Диоскурии

[1] П.Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 129,134-136.
[2] П.Ушаков. К походам урартийцев в Закавказье. - Вестник Древней Истории, 1946, №2, с. 38.
[3] Г.А. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 86-93, 115, 210, 214, 223, 373-374; его же: К вопросу о древнейшем населении Грузии…, с. 67 (на груз. яз.).
[4] А. Урушадзе. О гениохах. - Труды Тбилисского Государственного Университета, т. 96. Тб., 1963, с. 243-248.
5 Б. Гигинеишвили. К происхождению этнонима гениох. - Мацнэ. Серия истории…, 1975, №1, с. 115-124.
[6] Т.Каухчишвили. К вопросу о племенах Кавказа по античным источникам.- Мацнэ, серия истории…, 1980,№4, с. 57-77.
[7] Там же, с. 69,75,76.
[8] Т. Мибчуани. Из истории этногенеза, расселения и культуры грузинских горцев Западной Грузии. Тб., 1989, с. 48-83 (на груз. яз.); его же: История Абхазской Автономной Республики. Тб., 2003, с. 36-44 (на груз. яз.).
[9] Г. Гасвиани. Абхазия, с. 21-25 (на груз. яз.).
[10] М. Инадзе. Вопросы этно-политической истории древней Абхазии. - Мацнэ, серия истории…,1992, №1, с. 10-24.
[11] Н. Берулава. Диоскурия - Себастополис…, с. 129.

и на прилегающей к ней территории, а несколько гениохских племен (колоний) отсюда ушли и обосновались в разных местах: у Босфора Киммерийского, Туапсе, Ризе и Фазиса[1]» Свои выводы он основывает как на трудах грузинских и зарубежных авторов, так и на данных первоисточников.

Относительно гениохов особое мнение имеет Н.Ломоури. Если в ранних работах он допускал принадлежность гениохов к мегрело-чанской ветви[2], то в последний период его позиция изменилась. Без должной аргументации Н.Ломоури стал отрицать факт расселения гениохов на территории Колхиды, и, соответственно - Абхазии, их принадлежности к племенам мегрело-чанского или сванского происхождения, связи с санигами[3]. Ученый почему-то считает, что только с этих позиций можно обосновать присутствие грузин на территории Абхазии и дать отпор историкам- сепаратистам, считающих гениохов (а также санигов) апсуа-абхазами и рассматривающих всю Колхиду, как ареал их расселения. Ошибочные взгляды Н.Ломоури в отношении гениохов были детально рассмотрены и опровергнуты в грузинской историографии[4].

Оригинальную мысль высказал Н. Квезерели-Копадзе. По его мнению, гениохи не представляли отдельной этнической группы, а были профессиональными грузчиками (или провожатыми)[5], помогавшими торговцам при перемещении с одного места на другое[6]. Правда, данная версия не получила признания в науке[7], но только с ее помощью (а не «переселениями») можно объяснить одновременное упоминание гениохов в нескольких регионах восточного Причерноморья, в том числе на юго-востоке[8]. В пользу этой версии говорят этимология гениохов, их «многоплеменность» (многочисленность поселений), а также, внезапное, незаметное исчезновение с исторической арены после утверждения в данном регионе римлян, укрепления местных политических образований и принятия ими на себя функции обеспечения безопасности торговли.

Имеются основания, к «разноименным» гениохам отнести не только санов (Плиний), но и керкетов. Утвердившееся мнение о том, что они являются черкесами, опирались лишь на несуществующее или весьма приблизительное фонетическое сходство терминов. Т.Каухчишвили заостряет внимание на то обстоятельство, что легендарные предки гениохов - возницы Диоскуров, упо-

[1] Б. Гогия. Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды, с. 93.
[2] Н.Ломоури. Сведения греческих логографов…, с. 24; его же: Клавдий Птолемей, с. 54.
[3] Н. Ломоури. Из этнокультурной истории древней Абхазии. Тб., 1998, с. 20 (на груз. яз.).
[4] Б.Гогия. Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды, с. 36-39, 54-60, 77-93; Дж.Гамахария. К вопросу об этнической принадлежности апсил-абазгов. Тб., 1989, с. 34-36 (на груз. яз.); Очерки истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. Тб., 2007, с. 47-49 и др. (на груз. яз.).
[5] По мнению Д.Гулия, без защиты пиратов - гениохов было невозможно путешествовать по Восточному Причерноморью, из-за чего греки и назвали их возницами (Д.Гулия. История Абхазии, т. 1, с. 45-46).
[6] Н.Квезерели-Копадзе. Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми, 1955, с. 30-55.
[7] Т.Каухчишвили. К вопросу о кавказских племенах… - Мацнэ, 1980, №4, с. 71 (на груз. яз.); М. Инадзе. Вопросы этно-политической истории древней Абхазии. – Мацнэ, 1992. №1, с. 13-14.
[8] Гениохи, зафиксированные в I веке в юго-восточном Причерноморье, возможно, пришли на смену разгромленных Помпеем в 64 г. до н. э. киликийским пиратам и разбойникам.

минаются в источниках под различными именами. Одного из них зовут Амфистрат (Страбон, Трогус Юстин) или Амфит (Плиний, Амиан Марцеллин); имя другого известно в четырех вариантах - Рекас или Крекас (Страбон), Телхий (Плиний),Фригиас (Трогус Юстин) и Керкий (Аммиан Марцеллин). «Крекас» и «Керкий» «возможно, являются разночтениями одного и того же имени и в них скрывается эпоним «керкетов»[1],- полагает Т.Каухчишвили. В связи с этим Г.Меликишвили справедливо отмечал, что слово «черкес» не является именем, возникшим на местной почве (действительно, «черкес» по-турецки означает «разбойника с большой дороги»), тогда как «керкет» можно увязать с «эгр»-ом, который у Плиния (VI, 14) упоминается в форме «Кегритике», а у Птолемея (9,4)-«Экректика». Указанное мнение подтверждается,- считал Г.Меликишвили,- существованием не территории керкетов г. Старой Лазики.[2]

Подобные взгляды имеют полное право на существование. Кроме того, семантика керкетов позволяет связать этот термин с гениохами. Как уже отмечалось, «керкет» по гречески означает «кормчего», «рулевого» (ср. гениох - возничий, всадник, держащий удила). Особенно интересно его грузинское толкование: «керкеты…это люди, которые сторожат по ночам, чтобы ловить злоумышленников. Керкеты это люди ночной стражи, чтобы злодеев не пропускать»[3]. Таким образом, в греческой и грузинской семантике термина «керкет» отражена достаточно тесная связь с гениохами[4], а обоих- с грузинским миром. Существует и такое толкование: керкет - высокий, стройный человек[5], что также подкрепляет сделанный вывод. Керкеты упоминаются авторами I в. н. э. – Страбоном (XII.3,18)[6], Квинтом Курцием Руфом[7] в юго-восточном Причерноморье. Это обстоятельство еще больше укрепляет вероятность связи керкетов с грузинским миром, в том числе с гениохами.

Тореты, отождествленные Анонимом V в. с керкетами[8], предположительно также являются одной из групп гениохов и принадлежат к грузинской общине[9]. По достаточно аргументированному мнению Б. Гогия, гениохами являются и телоны («собиратели податей», «насильники»), название которых связано с именем возничего Телхия[10].

---

[1] Т.Каухчишвили. К вопросам о кавказских племенах…, с. 58-59.
[2] Г.А.Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 89.
[3] С.С. Орбелиани. Грузинский словарь, I, с. 367.
[4] По грузинскому переводу, выполненному Т.Каухчишвили, у Страбона гениохи и керкеты один и тот же народ (XI.2,1): «За тем (следуют) ахеи, зиги, гениохи-керкеты» (Т.Каухчишвили. География Страбона, с. 111. -На груз. яз.).
[5] Д.Чубинашвили. Грузино-русский словарь ,с. 604.
[6] Т.Каухчишвили. География Страбона, с. 203 (на груз. яз.).
[7] Т.Каухчишвили. К вопросу о кавказских племенах…,Мацнэ, 1980, №4, с. 75.
[8] Георгика, т. 2, с. 12.
[9] С.Каухчишвили считал, что тореты, евдусины и др. «возможно, имели очень дальнее родство с грузинским элементом»(Георгика, т. 2, с. 28.
[10] Б.Гогия. Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды, с. 57.

На территории Абхазии античного периода, согласно вышеприведенным сведениям Гелланика Митиленского и Палефата Абидосского, проживали мосхи[1]. Это подтверждают и сохранившиеся у Страбона сведения историков «Митридатовых войн, которые заслуживают больше доверия». Они «называют сперва ахейцев, затем зигов, потом гениохов, далее керкетов, мосхов, колхов, живущих над ними фтирофагов и соанов и другие небольшие народности около Кавказа» (XI.2.14)[2]. Убедительные сведения («которые заслуживают больше доверия») не мешают Страбону поместить разделенную на три части (между колхами, иберами и армянами) «страну мосхов», вместе с «Мосхийскими горами» также и в южной Грузии (XI.2,15,17;XI 12,4;XI.14,1;XII.3,18)[3]. Страбон не видит противоречия в приведенных сведениях. Пребывание мосхов на юге никаких сомнений не вызывает. Их упоминал еще Геродот в составе XIX сатрапии Дария[4].

Предметом дискуссии является вопрос проживания мосхов на севере, в том числе в границах нынешней Абхазии. По сведениям Помпония Мелы, Мосхийские горы находятся на севере (Кавказа)[5]. Столь компетентный автор VI в. как Прокопий Кессарийский, также помещает страну мосхов в Кавказских горах и описывает их хозяйственную деятельность[6].

Таковы сведения источников, согласно которым мосхи живут как на севере, так и на юге. Н.Марр связал их, в первую очередь, с абхазами. [7]Интересное мнение высказал И. Джавахишвили. «Проф. Н.Марр должно быть прав,- писал он,- когда древнее название абхазов «абасхи» связывает с «мас-хи», только в начале стоит обычная абхазская приставка «а»… Таким образом, абхазы и мосхи имеют одно и то же племенное название, однако только этим, разумеется, невозможно доказать их племенное единство, до тех пор, пока не выявлен смысл слова «мас»-, «мос»-, «мес»-хи. Напротив, возможно, это нарицательное имя. Все же, надо думать, что это название принадлежало не только этим двум племенам- абхазам и мосхам, но лезгины (дагестанцы – авт.) тушинцев (грузинская этнографическая группа – авт.) и ныне «мосеками» или «мосхами» называют». [8] В рассуждениях И. Джавахишвили особенно важно предположение о нарицательном значении термина «месхи», что подразумевает возможность встречи подобного имени в широком ареале расселения грузин - в Абхазии, южной Грузии, Тушети и т. д.

[1] Об истории термина см.: Н.Хазарадзе. К истории этнического термина «месхи».- Иностранная и грузинская терминология, обозначающая грузин и Грузию. Тб., 1993, с. 21-42.
[2] Страбон. География…,с. 471; Т.Каухчишвили. География Страбона, с. 120.
[3] Т.Каухчишвили. География Страбона, с. 121,124.125,174,185-186,203.
[4] Т.Каухчишвили. Сведения Геродота, с. 45.
[5] Дж. Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 170.
[6] Георгика, т. 2, с. 127; Прокопий из Кессарии. Война с готами. М., 1950, с. 380.
[7] Н.Марр. История термина «Абхаз»,с. 703-705.
[8] И.Джавахишвили. История грузинского народа, кн. I-II, с. 21-22.

П.Ингороква разделял ту часть воззрений Н.Марра и И.Джавахишвили, которая касалась идентичности «мосхов» и «абхазов»; поскольку месхи проживали за кораксами, обитавшими, по мнению автора, в Келасурском ущелье (на самом деле проживали в Бзыбском ущелье), П.Ингороква посчитал ареалом их обитания собственно Абхазию от Диоскурии до Бзыбы[1]. Так как принадлежность месхов к грузинскому этносу сомнению не подлежала (и не подлежит), П.Ингороква пришел к выводу об идентичности абхазов и месхов (см. здесь же, с. 100).

Против П.Ингороква выступил З. Анчабадзе. Он отметил, что в используемых источниках (Гелланик, Палефат, историки Митридатовых войн) точное местопребывание месхов не указывается, из-за чего локализовать их на территории нынешней Абхазии на основании сомнительных, по мнению З.Анчабадзе, данных единичных авторов - нельзя; настоящее место жительства мосхов, писал он, находится в юго-западном Причерноморье, где, согласно утверждениям Н.Марра, могли проживать и абхазы[2].

Н.Ломоури также не доверяет сведениям Гелланика[3]. Поскольку, согласно фрагменту сочинения Палефата Абидосского, соседние с мосхами хариматы владели рекой Парфенион[4], Н. Ломоури разделил мнение Н. Хазарадзе[5] о проживании мосхов не в Абхазии, а в Малой Азии, рядом с матиенами, подчеркнув при этом, что если будет признан факт проживания мосхов на территории Абхазии, то это может укрепить позиции последователей П.Ингороква[6].

Следует подчеркнуть, что в каком бы регионе ни было зафиксировано нарицательное название грузинских общин - «месхи», этим никак не исключается проживание народа- носителя этого имени и в Абхазии; в то же время от допущения или недопущения проживания мосхов на территории Абхазии мало зависит твердость концепции П.Ингороква и позиции его сторонников. Эту простую истину хорошо понимали и понимают исследователи. Г. Читая еще в 1955 г. в рецензии на книгу П.Ингороква «Гиорги Мерчуле» не согласился с точкой зрения П.Ингороква о связи между терминами «абхаз» и «месх», в то же время полностью принял главную идею автора о принадлежности исторических абхазов к грузинскому этносу[7]. Т.Микеладзе не являлся последователем П.Игороква, но тем не менее блестяще обосновал факт проживания мосхов на территории Абхазии[8]. М.Инадзе в ранних своих работах считала сомнитель-

[1] П.Ингороква. Георги Мерчуле, с. 137-140.

[2] З.Анчабадзе. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Гиоргий Мерчуле - грузинский писатель X века». - Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И.Гулия. XXVII. Сухуми, 1956, с. 262-264.

[3] Н.Ломоури. Сведения греческих логографов, с. 10-12,26.

[4] Как пишет Б.Гогия, Парфенион существовал не только в Малой Азии, но и рядом с Херсонесом и Феодосией (то есть по соседству с хариматами).- Б.Гогия. Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды, с. 127.

[5] Н. Хазарадзе. Этно-политические проблемы древней истории Грузии. Тб., 1984, с. 34 (на груз. яз.).

[6] Н. Ломоури. Из этнокультурной истории древней Абхазии, с. 24, 25 (на груз. яз.).

[7] Г. Читая. Об этническом происхождении населения древней Абхазии. – Сборник работ в пяти томах, III, Тб., 2000, с. 119 (на груз. яз.).

[8] Т.Микеладзе. Изыскания по истории древнейшего населения Колхиды..., с. 21-24 (на груз. яз.).

ной локализацию мосхов на современной территории Абхазии[1]. Впоследствии она использовала в качестве дополнительных источников сведения Страбона и особенно Прокопия Кессарийского и сделала вывод о проживании одной группы мосхов в горной части Абхазии; при этом М.Инадзе подтверждает факт локализации мосхов и в Малой Азии[2]. Б.Гогия также отмечает, что в древнейших источниках существуют две (северная и южная) различные традиции по вопросу локализации мосхов[3].

Таким образом, факт проживания в раннеантичный период на современной территории Абхазии грузинской общины мосхов следует считать доказанным, хотя одним лишь признанием этого факта убедительно не обосновывается идентичность названий «мосхи» и «абасхи».

Рядом с Абхазией называются также ахеи[4] и меланхолены[5], о которых мало что известно, хотя С.Каухчишвили и эти общины относит к грузинскому миру[6].

Согласно раннеантичным источникам, вся территория нынешней Абхазии входила в состав Колхидского царства и была населена колхами. Несмотря на экспансию Ахеменидской Персии и подчинения ему в V в. до н. э. южных районов страны, Колхида сохранила независимость, хотя по сведениям Геродота, каждый пятый год посылала в Персию в виде добровольного дара по 100 юношей и девушек (III , 97). Картвельское население царства вместе с кораксами и колами, которых древние авторы также считают колхами, проживало до р.Бзыбь или Кавказского хребта. По данным же Геродота, колхи владели огромными территориями до Меотийского Озера (Азовского моря)[7]; южная же граница предположительно проходила у Апсароса (Чорохи), или в Керасунт-Трапезундском районе[8]. По данным источников, другие этнические группы на данной территории отсутствуют. Особенно ясна ситуация на участке Ингури - Псоу, где также не видно никаких следов жизни и деятельности другого этноса.

Удовлетворению политических амбиций сепаратистов служила версия о собирательном или «широком» (географическом) и «узком» (этническом) значе-

---

[1] М.Инадзе. К вопросу об этническом составе населения северо-восточного Причерноморья античного периода. - Моамбе, 1960, №2, с. 148 (на груз. яз.).

[2] М.Инадзе. Вопросы этно-политической истории древней Абхазии. - Мацнэ, 1992, №1, с. 16-20 (на груз. яз.); то же на русском язике - см.: Разыскания по истории Абхазии // Грузия, Тб. 1999, с. 66.

[3] Б. Гогия. Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды, с.127-130.

[4] Т. Каухчишвили. К вопросам о племенах Кавказа по античным источникам. 1. Ахеи. – Мацнэ, 1980. №3, с. 31-40.

[5] Н. Ломоури. Сведения греческих логографов.., с. 32,33.

[6] Георгика, т.2, с. 28.

[7] Т.Каухчишвили. Сведения Геродота, с. 76; Геродот упоминает «соседей колхов до Кавказского Хребта» (III, 97). М.Инадзе, с учетом данных других источников, совершенно справедливо этими соседями колхов считает тех же колхидских племен кораксов и колов (М.Инадзе. Вопросы этно-политической истории древней Абхазии, с. 63).

[8] З. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 27; Т. Каухчишвили. Сведения греческих авторов, I, с. 31 (на груз. яз.); Д. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии. Тб., 1977, с. 46 (на груз. яз.) и др.

нии термина «Колхида».Термины «Колхида» и «Колхи» порой действительно имеют собирательное значение, но под ними следует подразумевать грузинские регионы, различные ветви и общины грузинского народа. Так понимал и И. Джавахишвили «общее, собирательное значение названия Колхида»[1]. Даже в Советской Исторической Энциклопедии термин «колхи» признан собирательным названием грузинских племен[2].

Совершенно иную точку зрения высказал Г. Меликишвили. Границы Колхиды, указанные раннеантичными авторами по Кавказскому хребту и в Диоскурия – Пицундском секторе, он без всякого обоснования объявил географическими, но не этническими[3]. В этом его поддержал З.Анчабадзе[4]. Данного мнения придерживается и Н.Ломоури[5]. Цель указанных авторов заключалась в том, чтобы на территории исторической Колхиды во что бы то ни стало найти место для предков апсуа-абхазов, незафиксированных в раннеантичных письменных источниках. Но ее невозможно достичь. Исследователям порой весьма трудно, а иногда невозможно определить этническую принадлежность племен или общин, неоднократно упоминаемых древними авторами. В этих условиях утверждения (даже на уровне предположения) о проживании в секторе Ингури – Псоу апсуа-абхазов, отсутствующих в источниках, мягко говоря, несостоятельны.

Искажения значения терминов «Колхида» и «колхи» использовала и использует в своих целях сепаратистская историография, отрицающая всякую возможность проживания грузин (колхов) на современной территории Абхазии[6]. Источники же, как показано выше, говорят о прямо противоположном. Указанные термины с древнейших времен имели конкретное содержание, обозначая Колхиду (древнюю Грузию) и колхов (грузин). Неизвестно ни одного факта распространения этих терминов на другие, негрузинские этносы. Напротив, греко-византийские источники отражали официальную государственную политику «разделяй и властвуй», или вызванную другими причинами (политическая раздробленность и др.) реальное положение вещей и единое племя колхов в большинстве случаев представляли в виде мелких единиц (а не в «широком» географическом смысле). Поэтому рассуждения о «собирательном» значении термина «колхи» имеют только политическую цель: найти для предков ны-

[1] И. Джавахишвили. Введение в историю… с. 12.
[2] Советская Историческая Энциклопедия, т. 7. М., 1965. С. 546.
[3] Г. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 62-63; его же: К вопросу о древнейшем населении Грузии..., с. 87.
[4] З. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 29; его же: История и культура древней Абхазии, с. 132.
[5] Н. Ломоури. Сведения греческих логографов.., с. 25; его же: К пониманию терминов «Колхида» и «Колхи». – Труды Тбилисского Госуниверситета, т. 1 В. 1971, с. 19-31 (на груз. яз.); его же: Из этно-культурной истории древней Абхазии, с. 6; его же: Некоторые вопросы ранней истории Абхазии (Ответ проф. Ш.Д.Инал-ипа). – Мацнэ, серия истории..., 1990, №3, с. 161.
[6] Ш.Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов, с. 200; его же: О моем народе, его истории и отечестве. – Советская Абхазия, 1989, 16 сентября; О.Х.Бгажба, С.З. Лакоба. История Абхазии, с. 60-84 и др.

нешних абхазов – апсуа не подтвержденное источниками место на территории древнейшей Колхиды. Это дает исследователям - сепаратистам возможность для попыток присвоения всей колхидской цивилизации.

В историографии тенденциозно освещены этно-политические явления III-I веков до н. э. Как известно, с первой половины III в. до н. э., согласно грузинской исторической традиции, западная Грузия добровольно присоединилась к Картлийскому царству[1] (восточная Грузия) и представляла собой часть единого грузинского государства. Вряд ли это было вызвано ослаблением Эгриси или же его распадом. Царь Картли Парнаваз потому и обратился за помощью к правителю западной Грузии Куджи[2], что Эгриси по прежнему являлся сильным государством[3]. Тогдашнее объединение восточной и западной Грузии на самом деле было добровольным, обусловленным общими национальными интересами историческим актом, реализации которого способствовала и международная обстановка – начало длительного процесса распада эллинистических государств и обострение противоречий между ними[4]. Этот процесс не мог не привести к ослаблению международной экономической активности, появлению или восстановлению новых государств и прочим геополитическим сдвигам. В создавшейся ситуации объединение Картли и Эгриси, создание сильного объединенного грузинского государства представляло собой продиктованную существующей реальностью объективную необходимость. Как показывает Н.Берулава, тогда к Картли присоединилась не только центральный Эгриси до р.Галидзги, но и остальные территории, включая Диоскурию[5]. Учитывая положение раздробленной и занятой бесконечными междоусобными войнами Греции, выглядят сомнительными сведения Леонтия Мровели о переходе территории к северо-западу от р. Эгрисцкали (Галидзга) в руки греков (в том числе в руки ослабленного на протяжении III в. до н. э. борьбой с галатами Понтийского царства).

С начала II в. до н. э., когда Картли был побежден Арменией (возникла в результате распада царства Селевкидов), Эгриси вновь становится отдельным царством, о чем свидетельствуют монеты царя Савлака, отчеканенные во второй половине того же века[6]. Распространение этих монет в районе Сухуми должно означать восстановление царства в прежних границах[7]. По сведениям Плиния, «В Колхиде царствовал Эитов потомок Савлак, который, получив во владение непочатую землю, добыл, говорят, огромное количество золота и

[1] Житие Картли, т. 1, с. 22-24 (на груз. яз.).
[2] Там же, с. 22.
[3] Царь Парнаваз имел дружеские отношения со слабеющими Селевкидами (Сирия). См.: Житие Картли, т. 1, с. 25).
[4] Житие Картли, т. 1, с. 24.
[5] Н.Берулава. Город Диоскурия – Себастополис..., с. 90.
[6] Г.Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 305.
[7] Мнение М.Инадзе о восстановлении Колхидского царства с северо-западной границей только до р. Галидзга достаточно убедительно отвергает Н.Берулава (Н.Берулава. Город Диоскурия - Себастополис, с. 89-90).

серебра в земле племени сванов и вообще в своем государстве, славном золотыми рунами»[1]. И из этого сообщения явствует, что Савлак владел «непочатой землей» Эгриси, включая современную территорию Абхазии и Сванетию.

На рубеже II-I веков до н. э. Митридат VI Эвпатор (111 - 63 годы до н. э.) включил все восточное Причерноморье (в том числе Эгриси) в пределы своего государства[2]. Эгриси продолжал существование в составе Понтийского царства в виде отдельной единицы. Его правителем стал Митридат Младший (сын Митридата VI), вскоре заподозренный в измене и казненный[3]. В Колхиду направлялись правителями приближенные к Митридату VI лица. Таковым был, например, «Моаферн - дядя моей матери с отцовской стороны», - писал Страбон. Понтийский царь из Эгриси «получал больше всего помощи для оснащения своего флота» (XI,2,14)[4].

С середины I в. до н. э., когда римляне разбили Митридата VI, сами завладели восточным Причерноморьем, бывшим Колхидским царством, включая территорию нынешней Абхазии. Преследуемый римлянами Митридат провел зиму 66/65 г. до н. э. в Диоскурии, где разработал грандиозный план действий, которые не сумел осуществить[5].

Колхида//Эгриси была активно включена в оживленные торгово-экономические связи с эллинистическим миром. Эллинистическому периоду принадлежат и сведения Страбона о собирающихся в Диоскурии представителях десятков народностей, в основном кавказских[6]. По мнению Н.Берулава, данное свидетельство относится к начальному периоду Римского влияния в Колхиде, а именно к периоду правления здесь Аристарха. Как энергичный правитель, он объединил Колхиду, чеканил монету в Диоскурии, в которой имел одну из, а возможно, единственную (Г.Гамкрелидзе, Т.Тодуа) резиденцию; он так же сумел вновь оживить торговлю путем подключения в коммерческие операции римских купцов[7]. В 48 г. до н. э. гибелью Помпея и ослаблением позиций Аристарха воспользовался царь Боспора Фарнак (сын Митридата VI) и после тяжелых боев завладел Колхидой, вернул Понтийское царство и объявил себя царем Азии. Однако в 47 г. до н. э. Юлий Цезарь (49-44 годы до н. э.) легко

[1] В.В. Латышев. Известия древних писателей, т. II, вып. I. СПб., 1904, с. 197-198.

[2] Созданное в конце IV и усилившееся во II в. до н. э. Понтийское царство грузинская историография рассматривала, как часть грузинского мира, так как его население составляли месхи, табал-тибарены (иберы), халды, халибы, колхи, мосиники и другие. См.: Л.Саникидзе. Понтийское царство. Тб., 1956, с. 3 (на груз. яз.); История Грузии, I. Тб., 1958, с. 58 (на груз. яз.); Г.К.Гозалишвили. Митридат Понтийский. Тб., 1962, с. 278-279 (на груз. яз.). Настоящая проблема нуждается в дальнейшей разработке.

[3] Очерки истории Грузии, т. I, с. 475 (на груз. яз.).

[4] Т.Каухчишвили. География Страбона, с. 124-125 (на груз. яз.); Страбон. География…, с. 473.

[5] Аппиан. Митридатовы войны…, с. 285; Г.Гамкрелидзе, Т.Тодуа. Военно-политическая экспансия Рима в Грузии. Тб., 2006, с. 28-32.

[6] Т.Каухчишвили. География Страбона, с. 122-123; Страбон. География…, 472.

[7] Н. Берулава. Город Диоскурия – Себастополис..., с. 97-98; Г. Гамкрелидзе, Т. Тодуа. Военно-политическая экспансия Рима…, с.40.

разбил Фарнака[1]. Колхида вновь оставалась в системе провинциального римского управления.

Не имеется археологических материалов, тем более письменных свидетельств о каком- либо изменении этнической ситуации на современной территории Абхазии и в близлежащих районах во II-I веках до н. э. Однако, несмотря на это, Г.Меликишвили пишет о якобы живущих в нагорье Абхазии воинствующих племенах, о проникновении горцев из Северного Кавказа, нашествии джиков и захвате земли керкетов, притеснениях жителей равнины и т. д.[2] Выводы автора опираются на субъективном толковании сведений Страбона о первом появлении зигов в северо-восточном Причерноморье; греческий писатель сообщал о хорошо известном явлении – морском разбое и пиратстве ахеев, зигов, гениохов, похищениях ими людей и притеснении населения (XI. 2,12)[3]. У Страбона нет сведений о нашествиях горцев, подмене населения керкетов джиками, противостоянии горцев и населения равнины, изменениях этно-демографического характера и, следовательно, политической обстановки. Непонятно, почему придает Г.Меликишвили решающее значение появлению в источнике зигов. Этот народ уже занимал северо-восточное Причерноморье и при Митридате VI[4]. Семантика слова «зиг» («запряженный в ярмо» -греч.) в определенной мере указывает на вид деятельности населения; появление этого народа в северо-восточном Причерноморье не приводило к каким-либо политическим или территориальным изменениям. Не выяснена окончательно и их этническая принадлежность (согласно древним источникам, они были пелазгского происхождения). Распространенное же мнение об адыгском происхождении зигов убедительно не обосновано. Если бы даже это было и так, причем здесь Абхазия? Ведь зиги проживали достаточно далеко от ее современной северо-западной границы и только в V в. завладели городом Старой Лазикой (Никопсией)[5], находившейся к северу от современного Туапсе.

Тяжелую, но также нереальную картину рисует М.Инадзе, по мнению которой «скептухии» Страбона (XI, 2,13)[6] представляли собой административные единицы, сложившиеся на базе существовавших еще до раннеклассовой эпохи племенных организаций; на протяжении веков они якобы сохранили этническую самобытность, склонность к выделению из состава единого царства, чем и привели в итоге к разрушению Колхидское государство, будто бы развалившееся в конце раннеантичной эпохи на мелкие политические единицы[7].

[1] Г. Гамкрелидзе, Т. Тодуа. Военно-политическая экспансия Рима, с. 41-42. Победивший Юлий Цезарь срочно отрапортовал в Рим: «пришел, увидел, победил» (К.Рыжов. Все монархи мира. М., 1998, с. 604).

[2] Г. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 307-310; Очерки истории Грузии, т. 1, с. 478-482.

[3] Т. Каухчишвили. География Страбона, с. 118-119; Страбон. География…, 470-471.

[4] Т. Каухчишвили. География Страбона, с. 119.

[5] Георгика, т. 2, с. 11; В. Латышев. Известия древних писателей…,т. 1, вып. 1, с. 278.

[6] Т. Каухчишвили. География Страбона, с.124; Страбон. География…, 471.

[7] М. Инадзе. К вопросу о скептухиях Колхидского царства. - Вестник Академии Наук Грузии, т. 26, №6, 1961, с. 783-789; ее же: Общество древней Колхиды. Тб., 1994, с. 54 (на груз. яз.).

Впоследствии М.Инадзе несколько смягчила позицию, хотя в ее представлении сущность «скептухии» (будто бы этно-территориальная единица) осталась прежней[1]. Тема распада Колхидского царства на этно-территориальные единицы создана искусственно с целью объяснения «многоплеменности», «многонациональности» западной Грузии в I в. н. э. Причины данного явления М.Инадзе видит то в поэтапном приходе горцев из Северного Кавказа, то в «многоплеменности» якобы разделенной на скептухии Колхиды[2].

Указанная ничем необоснованная версия о скептухиях подверглась основательной критике со стороны О. Лордкипанидзе. В многоплеменность Колхидского царства «верится с трудом, – пишет ученый. – Все историки, касающиеся интересующего нас периода…, на территории сегодняшней западной Грузии на побережье от севера к югу (которое у Страбона называется «Колхидским морем…» XI. 1,6), от Питиунта (нынешняя Пицунда) до р. Апсароса (р.Чорохи) и к Востоку до Иберии- называют всегда и только(!) один народ- колхов (ни один другой народ на этой территории не упоминается до Арриана)»[3]. По заключению Т. Берадзе, скептухия - это не этнополитическая единица, а то же эриставство, которое в ряде случаев представляло собой только территориально- административную единицу, иногда же в ней было объединено какое-либо одно грузинское племя[4].

Таким образом, по сведениям источников, в VI-I веках до н.э. на нынешней территории Абхазии заметных изменений этнополитического характера не произошло и она по-прежнему оставалась грузинским регионом. Переход восточного Причерноморья на долгое время в руки римлян в дальнейшем привел к серьезным политическим сдвигам.

---

[1] М. Инадзе. Еще раз об этно- территориальных единицах. - Этногенез грузинского народа. Тб., 2002, с. 93-111 (на груз. яз.); О «сепаратизме»и «внутреннем противостоянии» скептухий пишет и Н.Берулава (Н.Берулава. Город Диоскурия – Себастополис..., с. 87, 88, 121, 131 и т.д.).

[2] М.Инадзе. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии, Мацнэ, серия истории..., 1992, №2, с. 47, 48, 58; его же: Вопросы..., 64,71,77-78,80 и т.д.

[3] О.Лордкипанидзе. Существовало ли государство Колхида? с. 49-50 (на груз. яз.).

[4] Т.Берадзе. История Мегрелии. - Айя, 2001,№9-10, с. 39 (на груз. яз.).

Глава IV. Территория нынешней Абхазии с I века н.э. до середины VIII в.

1. Этническая ситуация

На рубеже летоисчислений Колхида, включая территорию современной Абхазии, представляла собой отдельную административную единицу в составе вассального по отношению к Риму Понтийского царства. С 14г. до н.э. в Понте (и, соответственно, в Эгриси) царствовали Полемон I, затем его супруга Пифодорида; в 38г. н.э, по воле Рима, трон занял их внук Полемон II. В 63г. Император Нерон (64-68 годы), отвергая политику опоры на буферные государства, упразднил Понтийское царство, превратил его в Римскую провинцию и вместе с Эгриси ввел в состав Галатии. С 72 года до воцарения императора Домициана (81-96 годы) Эгриси входил в «Каппадокийский комплекс» - объединенную провинцию Каппадокии и Галатии, впоследствии же он стал частью Каппадокии[1].

В приморских городах Колхиды – Фазисе и Диоскурии с 60-х годов I в. стояли Римские военные гарнизоны. В то же время, эти города считались опорными пунктами имперского флота. По словам Иосифа Флавия (66г.), царь иудеев Ирод Агриппа (29-93годы) заявил, что гениохи и колхи, тавры и боспорцы, и вообще все народы, живущие вокруг Понта и Меотиды, «которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море»[2]. Отсюда можно сделать вывод, что римляне достаточно прочно контролировали значительную часть восточного Причерноморья, в особенности – прилегавшие к военным гарнизонам территории, в том числе современную территорию Абхазии.

С точки зрения этнополитической истории восточного Причерноморья большое значение имеют сведения Страбона (начало I в.), Помпония Мелы (первая половина I в.), Плиния Старшего (до 79 г.), Флавий Арриана (134 г.), Клавдий Птолемея (20-60-е годы II в.) и др.

В «Географии» Страбона в качестве источников о Колхиде использованы в основном сведения писателей предыдущих веков, однако есть и современные автору данные. Имеется в виду период правления в Понтийском царстве Полемона I и Пифодориды (IX, 2, 18), когда в состав Колхиды, по сведеням Страбона,

---

[1] Г. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 363-364; Очерки истории Грузии, т. 1, с. 537-538 (на груз. яз.); Т. Тодуа. Римский мир и Колхида. I-IV века. Тб., с.7-8 (на груз.яз.).

[2] Георгика, т. 1, с. 274; В. Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1947, №4, с. 276.

входили Диоскурия и Пицунда (IX, 2, 14)[1]. Чрезвычайно важное значение имеют сведения о доминировании над Диоскурией и вокруг нее сильного племени сванов. Страбон пишет, что сваны («соаны») «почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае, они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек, как говорят, они могут выставить войско до 200 000 человек. Действительно, вся народная масса представляет боеспособную, хотя и неорганизованную силу» (9, 2, 19)[2]. Не имеет принципиального значения, насколько соответствует действительности предполагаемая численность сванского ополчения, однако ясно, что район Диоскурии и Кавказские ворота по-прежнему находятся в руках грузин. При этом следует подчеркнуть, что никаких, прямых или косвенных, указаний на изменение этнической ситуации на территории нынешней Абхазии «География» Страбона не содержит. То же самое можно сказать и о «Землеописании» автора I в. Помпония Мелы. В первой книге этого труда приведены сведения о восточном Причерноморье; после Фазиса указан город, «который , по преданию, основали греческие купцы и назвали Кикном (Лебедем)»[3]. По мнению Т. Каухчишвили, речь должна идти о г. Гиэносе[4] (Очамчире), после которого Помпоний Мела называет «дикие и необразованные племена, живущие у обширного моря, именно Меланхлены, Торетика, шесть Колик, Кораксики, Вшееды, Иниохи, Ахеи, Керкетики и уже у пределов Меотиды – Синдоны. В земле иниохов основана Диоскурия…»[5]. При оценке данного сообщения следует учитывать, что Помпоний Мела, - как писал А. Гамкрелидзе, - хотя и «занимает почетное место среди представителей античной Географии», но его труд все же «требует весьма осторожного отношения, поскольку часто рядом друг с другом помещает сведения авторов различных эпох»[6]. Именно в этом состоит причина нарушения последовательности названных «племен», хотя упоминание Диоскурии в пределах народа грузинского происхождения – гениохов – вносит определенную ясность в вопросе локализации остальных. Невозможно, чтобы меланхлены, фиксируемые некоторыми авторами возле Москвы или Харькова, во всяком случае, к северу от скифов[7], могли находиться южнее гениохов. Из названных Помпонием «племен» на территории нынешней Абхазии следует предположительно локализо-

[1] Т. Каухчишвили. География Страбона, с. 120-121, 125-126; Страбон. География…, с. 471, 473.
[2] Т. Каухчишвили. География Страбона, с.125-126; Страбон. География…, с. 473.
[3] В. В.Латышев. Известия древних писателей…, т. II, вып. I, с.117; А.Гамкрелидзе. Сведения Помпония Мелы о Грузии. – Грузинское Источниковедение, сб. I. Тб., 1965, с. 29 (на груз.яз.).
[4] Т. Каухчишвили. К вопросу о кавказских племенах…, - Мацнэ, 1980, №4, с. 64 (на груз.яз.); По мнению М. Инадзе, Кикнос – это с. Кулеви у истоков р. Хоби (М. Инадзе. Древние Грузинские города Кигнум и Эа – Аиа. - Грузинское источниковедение, X. Тб., 2004, с. 36-42 (на груз.яз.).
[5] В. В. Латышев. Известия древних писателей…, т. II, вып. I, с. 118; А. Гамкрелидзе. Сведения Помпония Мелы..., с. 29.
[6] А. Гамкрелидзе. Сведения Помпония Мелы..., с. 12, 13.
[7]См. об этом: Т.Каухчишвили. О некоторых сведениях Псевдоскилака. – Грузинское источниковедение, сб. I, с. 6(на груз.яз.).

вать гениохов, коликов, кораксов и, вероятно, фтирофагов, часто отождествляемых со сванами[1].

Достаточно сложную этническую картину рисует Плиний Старший. По его сведениям, после р.Фазиса **«другая река, Хариент, народ Салтии, у древних называвшийся вшиедами, и другой народ – Санны; через область сванов течет река Хоб. Далее – Роан, область Кегритика, реки: Сигания, Ферс, Астельеф, Хрисорроас, племя Абсилов, крепость Севастополь в 100 000 шагов от Фасида, племя санников, город Кигн, река и город Пений, наконец, племена Иниохов, различающихся многими названиями (VI, 14).**

К ним прилегает Понтийская область Колика, в которой Кавказский хребет, как сказано, поворачивает к Рипейским горам… Остальные берега занимают дикие племена – Меланхлены и Кораксы, с колхийским городом Диоскуриадою у р. Анфемунта; теперь он находится в запустении (VI, 15).

От Диосуриады следующий город Ираклей. От Севастополя он отстоит на 70 000 шагов. Здесь живут Ахейцы, Марды, Керкеты, за ними Серры, Кефалотомы. Внутри этого пространства богатейший город Питиунт, разграблен Иниохами. В тылу его в Кавказских горах живет Сарматский народ Епагериты, а за ними – Савроматы (VI, 16)…

Первый залив (Каспийского моря – авт.) называется Скифским, так как по обе стороны его живут Скифы…, по сию сторону Номады и Савроматы под многими отдельными именами, а по ту сторону – Абзои с неменьшим количеством названий» (VI, 38)[2].

Явно видно, что Плиний, подобно Помпонию Меле, использует источники разных эпох[3], из-за чего дает неправильную локализацию географических пунктов и отдельных групп населения. Себастополис и Диоскурию автор представляет разными городами; сведения о Меланхленах и Кораксах с колхидским городом Диоскуриадою явно относится более древнему периоду и не отражают реальности Iв.; должны, однако, соответствовать действительности сведения о запустении Диоскурии, что было вызвано, вероятно, как упразднением Колхидского царства, исчезновением торговых факторий, так и основанием фактически нового города Себастополиса с его военным гарнизоном, куда переместилась активная жизнь. Г.Кигн, по ошибке названный к северо-западу от Себастополиса, предположительно, это упомянутый Помпонием Мелой Кикнос//Гиенос. Можно согласиться с предположением Г. Лордкипанидзе об

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 527.
[2] В. В. Латышев. Известия древних писателей, т. II, вып I, с. 179-180.
[3] См. об этом: М. Инадзе. Описание Колхиды в «Естественной истории» Плиния Старшего. - Кавказско-Ближневосточный сборник, X. Тб., 2001, с. 211-212,218 (на груз.яз.); Л. Арболишвили. «Естественная история» Плиния Старшего, с. 10, 13-14.

идентичности Пений и Питиунта; согласно этой версии, р. Пений следует отождествлять с р. Бзыбь[1].

Названный к северо-западу от Диоскурии г. Гераклея должна быть идентифицирована с Арриановским Геракловым мысом[2], которого С. Джанашиа локализует около Хосты[3]. Явная ошибка Плиния – упоминание фтирофагов (салтиев) в нынешней Мегрелии (стране Кегритике), тогда как более ранние (Страбон)[4] и поздные (Флавий Арриан)[5] авторы помещают их в окрестностях Гагры. Должен соответствовать действительности факт разграбления гениохами в I в. богатого города Пицунды. В то же время, невозможно объяснить его (как и причину запустения Диоскурии) нападениями Кавказских горцев, на чем постоянно заостряет внимание Г. Меликишвили[6]. Упоминание в тылу Пицунды, в Кавказских горах (по существу, вне пределов Абхазии) савроматских племен никак не может служить подтверждением тезиса об изменении этнической ситуации в Абхазии. Сведения Плиния содержат единственное принципиальное новшество. Это – первое в истории упоминание апсилов, а также – «Абзое». Дискуссии об их локализации и этнической принадлежности продолжаются по сей день.

Важнейшим источником по истории Абхазии является «Путешествие вокруг Черного моря» Флавия Арриана[7]. Данный труд представляет собой отчет, представленный его автором (управляющим Каппадокией) Римскому императору Адриану (117-138 годы) после осмотра им в 134 г. (по заданию императора) побережья Черного моря от Трапезунда до Себастополиса и проведения инспекции римских гарнизонов. Остальное побережье описано по устным свидетельствам других лиц или на основе данных более ранних письменных источников.

К северо-западу от Трапезунда Фл.Арриан называет колхов, дрилов или санов и далее пишет: **«рядом с ними живут макроны и иниохи; у них царь Анхиал. С макронами и иниохами граничат зидриты; они подвластны Фарсману. Рядом с зидритами – лазы; царем у лазов – Маласс, получивший свою власть от тебя; за лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат аваски; у ава-**

[1] Г. Лордкипанидзе. Пицундское городище. Тб., 1991, с. 12 (на груз.яз.); см. также: Л. Арболишвили. «Естественная история» Плиния Старшего, с. 35-36 (о локализации других рек см. там же, с. 32-35).

[2] В.Латышев. Известия древних писателей, т. 1 вып. I, с. 223; Фл. Арриан. Путешествие вокруг Черного моря, с. 92.

[3] С. Джанашия. Труды, т. 6. Тб., 1988, с. 267.

[4] Т. Каухчишвили. География Страбона, с.111.

[5] В. Латышев. Известия древних писателей, т. 1 вып. I, с. 223; Фл. Арриан. Путешествие вокруг Черного моря, с. 52.

[6] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 364.

[7] Опираемся на публикацию В.Латышева (Известия древних писателей, т. 1 вып. I, с. 217-228) и изданное Н. Кечагмадзе «Путешествие вокруг Черного моря». Этот труд вместе с другими работами Флавия Арриана перевела, предисловием и комментариями издала Т. Каухчишвили. См.: Сведения греческих писателей о Грузии, V. Тб., 1983 (на груз. яз.).

сков царь Рисмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с авасками - саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя… На пути от Иипа (Гипуса – авт.) вплоть до Астелефа и Диоскуриады нам были видны Кавказские горы, по высоте ближе всего подходящие к Кельтическим Альпам; нам показывали одну вершину Кавказа – имя вершины Стровил, - на которой по мифическому преданию Прометей был повешен Ифэстом по приказанию Зевса»[1]. Диоскурия, являвшаяся конечным укрепленным пунктом римского владычества, уже не является запустевшим городом. Себастополис, раньше называвшийся Диоскурией, основан милетцами, - сказано в «Путешествии»; от Трапезунда он отстоит на 2260 стадий[2], от Себастополиса же до Питиунта 350 стадий; отсюда до области Стенитики (старый Триглит) было 150 стадий; в этих краях живут вшиеды (фтерофаги). Расстояние от Стенитики до р. Абаск[3] (Псоу или Мзымта) составляло 90 стадий, отсюда до р. Ахеунта (Шахэ) – 420 стадий. По этой реке проходила граница санигов с зихами, правителю которых (санигов) «царство» пожаловал Адриан. Этот факт указывает на то, что римское господство не заканчивалось у Диоскурии, где стоял последний гарнизон. От р. Шахэ до г. Старой Лазики 450 стадий; отсюда же до Старой Ахей – 150 стадий[4].

В описании Арриана на всем пространстве от Трапезунда до Старой Лазики явно представлен лишь один - грузинский мир, но волей обстоятельств раздробленный на мелкие политические или административные единицы. Особый интерес вызывают впервые упомянутые в источниках абасги, а также апсилы. Заслуживает внимание также факт смены гениохов в северо-западной Колхиде санигами, упомянутыми Плинием и Аррианом (см. ниже).

По своему содержанию, к тексту Арриана весьма близко стоит «Путешествие вокруг Черного моря» Анонима V в. Местами слово в слово повторяет он текст предшественника, особенно при описании населения, живущего между Трапезундом и Диоскурией, а также – до городов «Старой Лазики» и «Старой Ахей». Аноним называет те же административно-политические единицы и даже правителей (§§ 8-9, 13-17)[5]. В отличии от Фл. Арриана, перед описанием «племен» он сделал такую вставку: «от Диоскуриады или Севастополя до реки Апсара прежде жил народ, называвшийся колхами, переименованный в

---

[1] В. В.Латышев. Известия древних писателей, т. 1, вып. I, с. 222-223; Фл. Арриан. Путешествие вокруг Черного моря, с.42-44.

[2] 1 стадия ровнялась приблизительно 178-180 метрам. См.: Н. Ломоури. Из исторической географии Древней Колхиды. – Вестник Древней Истории, 1967, №4, с. 97.

[3] Река Абаскос упомянута на территории санигов, в частности, выше Гагры, поэтому увязывание ее с расположенными к югу от Диоскурии абазгами (М. Инадзе. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. - Мацнэ, 1992, №2, с. 49) не выдерживает никакой критики. Названная река не только не получила название от абазгов, а напротив, утратила его после смены абазгами на этой территории санигов и сваноколхов.

[4] В.В.Латышев. Известия древних писателей..., т.1, вып.I, с. 423-424; Фл.Арриан. Путешествие вокруг Черного моря, с. 52-53.

[5] В. В. Латышев. Известия древних писателей, т. 1, вып. I , с. 275-278.

лазов»[1]. Таким образом, по сведениям Анонима V в. отрезок Диоскурия – Чорохи, несмотря на существование здесь трех административно-политических единиц (Лазика, Апсилия, Абазгия), этнически однороден.

После описания территории до Старой Ахей автор поясняет: «Итак, от «Старой Ахей» до «Старой Лазики» и затем до р. Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: Иниохи, Кораксы, Колики, Меланхлены, Махелоны, Колхи и Лазы, а ныне живут Зихи»[2]. Аноним не уточняет, произошло ли и в данном случае простое переименование (что тоже не исключено), или же имело место вытеснение местного населения со своей территории (что не зафиксировано в источниках) и заселение другого племени.

Новые и весьма важные сведения об этнополитической истории Абхазии содержатся в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, которое перевёл, предисловием и комментариями снабдил Н.Ломоури. В восьмом параграфе пятой книги – «Положение Азиатской Сарматии» - перечисление населенных пунктов начинается с Ермонаса[3] и заканчивается у устья р. Коракса (Бзыбь). Среди указанных пунктов есть г. Таз (Старая Лазика), устье р. Вурки (Мзымта), Инанфея (Нитика//Гагры Арриана), Картерон Тих//Сильная крепость (Кораксийская стена)[4]. На означенной территории «вдоль Понта», согласно Кл. Птолемею, жили ахеи, керкеты, гениохи и неизвестные по другим источникам того времени суаноколхи[5].

IX глава пятой кн. «Географического руководства» посвящается Колхиде. Она начинается от р. Бзыбь[6]. Упоминаются в ней «Диоскурия или Себастополис», устье р. Гиппуса (здесь - Кодори), устье р. Кианей (Моквисцкали), Сиганей (Эрисцкали), Неаполис, Айя[7] и т.д. Привлекает внимание тот факт, что несмотря на использование трудов Плиния и Арриана, Птолемей не называет мелкие административно-политические единицы и все население Колхиды (то есть от р. Бзыбь до Каппадокии) относит к грузинам: «Приморскую часть Колхиды населяют Лазы, выше лежащие местности – манралы и народы живущие в стране Екректике»[8]. Общепризнано, что лазы и манралы, это мегрелы (грузины), а «Страна Экректика» - Эгриси[9].

[1] Там же, с. 275.
[2] Там же, с. 278.
[3] Предположительно, на Таманском полуострове; здесь и далее, локализация географических пунктов, если не указана другая литература, дана по комментариям Н. Ломоури. – Н. Ломоури. Клавдий Птолемей, с. 52-57.
[4] Д. Качарава, Г. Квирквелия. Города и поселения Причерноморья античной эпохи, с. 141-142.
[5]Соответствуют егерсванам Фавстоса Бузанда (История Армении Фавстоса Бузанда. Перевод с древнеармянского М.А.Геворкяна. Ереван, 1953, с. 15).
[6]Кл. Птолемей упоминал Колхиду (Колшику) в числе больших стран мира («Тетрабиблос») и помещал ее под Кавказским хребтом. – Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 532.
[7]В.В.Латышев. Известия древних писателей, т.1,вып. I, с.236-240; Н.Ломоури. Клавдий Птолемей, с.43-45.
[8]В.В.Латышев. Известия древних писателей, т.1, вып. I, с.241; Н.Ломоури. Клавдий Птолемей, с.45.
[9] Н. Ломоури. Клавдий Птолемей …, с. 57; Дж. Гамахария Б. Гогия. Абхазия - историческая область Грузия, с. 523.

О причинах возникновения в Эгриси на рубеже I-II веков мелких административно-политических единиц в грузинской историографии не существует единого мнения. И. Джавахишвили обращал внимание на то обстоятельство, «что вместо единой западной Грузии в 134 г. по Рождеству Христову страна уже раздроблена на четыре царства. Как видно, римляне и здесь претворили в жизнь свою любимую политическую заповедь divide et impera и, оказывается, приложили руку к созданию вместо объединенной Колхиды четырех царств»[1].

Другого мнения придерживался С.Джанашиа. Он считал, что некоторые из арриановских княжеств являлись продуктами развития прежних скептухий[2]. Страбоновские скептухии (здесь же, с 79-80) - административно-территориальные единицы Колхидского государства - С. Джанашиа считал племенными организациями, а Колхиду – «многоплеменным царством»[3]. Под «дальнейшим развитием скептухий» подразумевалось появление «царств» Арриана на почве примитивной «социальной дифференциации», феодализации[4]. Политические образования апсилов, абазгов, санигов и др. С.Джанашиа называет «племенными княжествами», создание которых будто бы обусловливались вынужденными уступками Рима перед борющимися за независимость местными силами[5].

Если административно-политические единицы Эгриси во II в. были бы «племенными княжествами», то апсилы и абазги, являвшиеся, по мнению С.Джанашиа, предками абхазов и занимавшие ограниченную территорию рядом друг с другом, очевидно, создали бы не два, а одно «племенное» объединение. Так не случилось, потому, что в интересы империи действительно входило политическое ослабление колхов, недовольных потерей многовековой государственности, и предотвращение восстановления Колхидского царства[6].

Мнение С. Джанашиа в разной форме повторили ряд авторов. Н. Бердзенишвили считал, что Колхидское царство представляло собой крупное объединение племен, после распада которого обнаружились «самосохранившиеся» другие племена – апшилы, абхазы и др.[7] Г. Меликишвили писал о натиске в I в. «грозной стихии» с Северного Кавказа, вытеснении древнейшего населения из центральной Колхиды и поселения здесь «безусловно» входивших в состав этой «стихии» апшилов, абазгов и санигов. В этом, по его мнению, и состояла

[1] И. Джавахишвили. Сочинения, т. I. Тб., 1979, с. 214 (на груз.яз.).
[2] С. Джанашиа. Труды, т. II. Тб., 1952, с. 311 (на груз.яз.).
[3] С. Джанашиа. Труды, т. I. Тб., 1949, с. 210; т. II, с. 311.
[4] Там же, т. II, с. 312.
[5] С. Н. Джанашиа. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики. Образование «Абхазского царства». – Мацнэ, серия истории …, 1991, №2, с. 23.
[6] Именно поэтому ошибочно утверждение Н. Кечакмадзе о том, что у Империи не было ни интереса, ни желания «устанавливать новый порядок» в Колхиде. – Фл. Арриан. Путешествие вокруг Черного моря, с.13.
[7] Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, кн. VIII. Тб., 1975, с. 245-246 (на груз.яз.); его же: Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 554 (на груз. яз.).

главная причина формирования в Колхиде мелких политических единиц, представлявших собой племенные союзы «с сильными зачатками государственности», а их «цари» - вождей этих союзов[1].

Все эти рассуждения и заключения Г. Меликишвили опираются не на сведения исторических источников, а на факт появления в I веке на территории Колхиды «племен», являвшихся, по его мнению, горцами апсуа-абхазского происхождения. Непонятно почему, гениохи и саниги (которых ученый считает грузинами - сванами и мегрелами) должны принадлежать к Северокавказской «грозной стихии»?

Между прочим, и джики первых веков н.э. (будто бы авангард «грозной стихии») не выглядят чужестранной силой, представляющей какую-то особую опасность. Согласно Арриану, и у них был царь, назначенный римлянами; на территории джиков располагался грузинский город Старая Лазика. Ещё одна «ударная сила» горской «грозной стихии» - ахеи, после массовых будто бы нашествий, описанных Г. Меликишвили, вместе с гениохами, вскоре вовсе исчезают с исторической арены. Все это доказывает, что никакой («грозной стихии» в начале н.э. не имело места.

Н. Ломоури считает рассуждения Г.Меликишвили основанными на «весьма шаткой основе». При этом он развивает не менее ошибочные, уже известные нам взгляды (С.Джанашиа) о существовании в Колхиде территориально-племенных единиц (скептухий), имевших тенденциию и стремление к независимости. Раньше сильная царская власть (сперва Колхидская, затем Римская) сдерживала партикуляризм, но в первых веках н.э., когда ситуация изменилась, Рим пошёл на вынужденные уступки и, чтобы сохранить хотя бы формальный сюзеренитет и некоторое влияние в Колхиде, признал «претензии вождей различных этно-территориальных единиц, свершившийся факт наличия у них реальной независимости», - пишет Н. Ломоури. [2]

В VI в. на территории нынешней Абхазии зафиксирована еще одна политическая единица – Мисиминия. Агафий Схоластик (VI в.) даёт обширную информацию о восстании мисимян против Византии и его жестоком подавлении Империей[3].

Таким образом, в позднеантичную эпоху и раннее средневековье на отрезке Ингури-Псоу (и к северо-западу от него) кроме лазов (колхов, манралов) обитали апсилы, абазги, саниги, сванoколхи и мисимяне. Определение их этнической принадлежности представляет собой узловой вопрос этнополитической истории региона.

Древнейшим населением региона являлись саниги. Их этническая принадлежность в историографии практически установлена, если не брать во внима-

[1] Г. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 365, 373-375.
[2] Н. Ломоури. История Эгрисского царства. Тб., 1968, с. 21-23 (на груз.яз.).
[3] Георгика, т. 3. Тб., 1936, с. 85-90, 154-157, 159-174.

ние навязчивую идею сепаратистов о проживании во все времена от р. Ингури до р. Псоу только абхазского (апсуйского) населения. З.Анчабадзе, Ш.Инал-ипа и др. без достаточной аргументации объявляют санигов предками садзов[1] тогда, как название этого народа (садзов) появляется не в античных, а только в поздне-средневековых источниках.

Санигов Мемнон (I-II века н.э.) упоминает в связи с событиями середины I в. до н.э. Он писал, что крайние восточные области Понта, куда сбежали сторонники Митридата, «населяли саниги и лазы»[2]. Если учесть, что преследуемый Помпеем царь Митридат VI зимовал в городе Диоскурии, согласно Арриану находившейся на территории санигов, следует согласиться с предположением Т. Каухчишвили об обитании санигов в I в. в окрестностях Диоскурии[3]. По сведениям Арриана, они жили до р. Шахэ – границы с джиками. Выше уже отмечалось, что ещё И. Орбели связывал между собой слова «гениох» («гених») и «саниг», относя их к грузинскому (сванскому) племени (см. здесь же, с 69). Представителями той или иной ветви грузинского народа (мегрело-чанской, сванской или обеих) считают санигов Н. Марр, С. Джанашиа, С. Каухчишвили, П. Ингороква, Г. Меликишвили, Н. Кечакмадзе, М. Инадзе, Н. Ломоури, Т. Мибчуани, Г. Гасвиани, Б. Гогия, Д. Летодиани и многие другие.[4] Грузинская историография при рассмотрении этого вопроса основывается , в первую очередь, на точных данных источников. Так, например, Ипполит Римский (III в.) пишет, что после Каппадокии следуют «с левой стороны скифы, колхи и боспорцы…, савны, так называемые саниги, которые проживают до самого Понта, до того места, где находятся Апсарос (и Себастополис), гавань Гисос и р. Фазис. Эти племена, живут и простираются до самого Трапезунда»[5]. Таким образом, по данным приведенного источника, на территории Колхиды, где вроде бы располагалось несколько «царств» и жило множество «племен», проживают только колхи и савны (сваны)//саниги. Этих же племен называет и Евстафий Кессарийский (260-340 годы). Он пишет о санах, «которые называются санигами»[6]. По данным и Евстафия, историческая Колхида является территорией только санов//санигов и колхов.

Автор VI в. Прокопий Кесарийский, опирающийся на достоверные сведения авторов предыдущих эпох, неоднократно упоминает санигов//сагинов, страну,

[1] З. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 34-36; Ш. Инал-ипа. Абхазы…, с. 97-98.
[2] Сведения греческих писателей о Грузии, VI. Перевод с древнегреческого и комментариями Т.Каухчишвили. Тб., 1987, с. 46.
[3] Там же, с. 22-23.
[4] Обзор литературы на эту тему см.: Т.Мибчуани. Из истории этногенеза, расселения и культуры западногрузинских горцев, с. 83-94; М.Инадзе. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. - Мацнэ, 1992, №2, с. 45-47; З. В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 34; Д. Летодиани. Политические взаимоотношения Абхазии, Абшилии и Санигии с Эгриси (Лазикой) в IV-VIII веках. Тб., 1991, с.120-140 (на груз.яз.).
[5] Георгика, т. 1, с. 19-20.
[6] Георгика, т. 1, с. 32; В.В. Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1948, №3, с. 322.

где во времена Траяна (98-117 годы) «стояли лагерем римские легионы, стояли вплоть до страны лазов и сагин». «Приморской же частью их (сагинов-авт.) страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт …, и с самого начала держали здесь военный гарнизон»[1].

Упоминание о санигах содержит источник VII в. – «Пасхальная хроника», где речь идет о территории «так называемых саллов, которых другие называют санитами».[2] Здесь нельзя не вспомнить «племя санов-гениохов» Плиния Старшего (VI, 12), а также общее «царство макронов (которых Стефан Византийский называет саннами[3]) и гениохов Арриана (здесь же, с 84), чтобы ещё раз подчеркнуть как идентичность, так и грузинское происхождение санов//санигов и гениохов. «Претензии» на савнов//сванов и санов не предъявляют даже сепаратистски настроенные учёные, поскольку их (соответственно, и санигов) грузинское происхождение не подлежит никакому сомнению. Прокопий Кесарийский писал, что чаны «в прежние времена именовались санами»; некоторые авторы – продолжает он, - «называли соседей трапезундцев или санами (мы их теперь называем тзанами), или колхами, назвав лазами других, к которым ещё и теперь применяется это имя»[4]. Таким образом, согласно историческим источникам, саниги – это те же сани//чано-колхи и сваны, то есть грузины. Примечательно, что этот бесспорный факт, в отличии от нынешних сепаратистов, признавал и Д.Гулия[5].

Безусловным доказательством грузинской принадлежности санигов является упоминание Кл.Птолемеем в зоне г. Гагры свано-колхов (здесь же, с 86), а также зафиксированный Фл. Аррианом и Анонимом V в. к северо-западу от нынешнего Туапсе г. Старая Лазика **(здесь же, с 85,86),** с V в. - Никопсия[6]. Сепаратистская историография предпочитает хранить полное молчание в связи с этими фактами, поскольку они до основания разрушают фальшивую концепцию автохтонности абхазов-апсуа. М.Инадзе достаточно логично и убедительно связывает существование г. Старой Лазики с древнейшей исторической традицией о распространении царства Эгроса до моря, «куда достигает хребет Кавказа» и отмечает, что западные склоны Кавказского хребта спускаются к морю как раз в районе Старой Лазики»[7].

Аргументы в пользу грузинской принадлежности санигов ни в коей мере не опровергаются и главнейшим доводом абхазских авторов – весьма сомни-

[1] Георгика, т. 2, с. 125,126; Прокопий из Кессарии. Война с готами. М., 1950, с. 379, 383, 384.
[2] Георгика, т. 4, кн. 1, с. 10.
[3] Георгика, т. 3, с. 281; В.В.Латышев. Известия древних писателей, с. 1, вып. 1, с. 262.
[4] Георгика, т. 2. с. 53, 120; Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 376.
[5] «Санны (саниги, суаны, нынешние сваны) родственное племя абазгов, до Рождества Христова и долгое время и после Рождества Христова жили около Диоскурии». – Д. И. Гулия. Собрание сочинений, т. 6, с. 100-101.
[6] Пограничный пункт Грузии, по крайней мере, до второй половины XIV в. – Житие Грузии, т. 4. Тб., 1973, с. 201.
[7] М.Инадзе. Вопросы этнополитической истории … - Мацнэ, 1992, №2, с. 47.

тельной фонетической схожестью этнонимов «саниг» и «садз», который легко опровергли М.Инадзе и Н.Ломоури[1].

Гораздо сложнее, оказалось, определение этнической принадлежности апсилов и абазгов. В данном вопросе нет полного единства взглядов и в грузинской историографии, не говоря уже об абхазских историках. Часть специалистов апсил-абазгов считает предками современных абхазов под тем предлогом, что этноним «апсил» вроде бы соответствует самоназванию абхазов – «апсуа», а «абазг» - «абхаз»-у. Других, более серьезных и убедительных аргументов последователи подобных взглядов не выдвигают. Между тем, существовало и существует противоположное мнение, согласно которому отрезок Ингури – Псоу с древнейших времен и до позднего средневековья был населен грузинами; исторический «абхаз» - тот же грузин, современные же апсуа-абхазы, это пришедшее в XVI-XVII веках население северокавказского происхождения. Начиная с XVI в., указанное мнение постепенно разрабатывалось, уточнялось и приняло завершенный вид в XX веке.

Древнейшей истории Абхазии, в том числе теме происхождения апсуа-абхазов с позднего средневековья касались путешественники, миссионеры, дипломаты, ученые. Немецкий дипломат С.Герберштейн, в первой четверти XVI в. чрезвычайной миссией дважды посетивший Россию, территории к югу от р. Кубани причислял к Мегрелии («за рекой Кубанью находится Мингрелия»); тут же отмечал, что «при реке Кубани … живет народ Aphgasi»[2].

Турецкий историк середины XVII в. Кятиб Челеби считал абхазов (абазов) народом еврейского происхождения; под «евреями» он подразумевал хазар, в большинстве своём исповедовавших иудаизм; непосредственными предками абхазов турецкий историк называл население Кара Аждахана[3] (Астрахани), где среди хазар более всего был распространен иудаизм. Мнение Кятиба Челеби подкрепляется сообщением Плиния об обитании Абзое к северу от Каспийского моря.

Католический миссионер Арканджело Ламберти, служивший в 1633-1649 годах в Мегрелии и хорошо знавший историю Грузии, писал: «Грузия достигала на севере до Каффы»[4], то есть Феодосии. Прибывший в 1672 г. в Грузию Жан Шарден отмечал: «Древнее царство Колхоса не занимало такой ограниченной площади как теперь, так как оно простиралось с одной стороны до Меотийского болота (Азовского моря – авт.), а с другой до Иверии»[5]. Кавказцев же он считал потомками гуннов, распавшихся на мелкие племена.

[1] М. Инадзе. Города Колхиды античной эпохи. – Моамбе, 1960, №2, с. 148-156 (на груз.яз.); Н. Ломоури. Из этнополитической истории древней Абхазии, с. 31-33.

[2] С. Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988, с. 181.

[3] Сведения Кятиба Челеби о Грузии и Кавказе. Перевела с турецкого, примечаниями, введением и указателями снабдила Г.Аласания. Тб., 1973, с. 132,133 (на груз.яз.).

[4] А. Ламберти. Описание Мегрелии. Тб., 1938, с. 9-10 (на груз.яз.); А. Ламберти. Описание Колхиды. Одесса, 1876, с. 7.

[5] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 годах. Тб., 1902, с. 22.

В грузинской исторической литературе только в XVIII в. впервые появляется термин «апсар»//«апсуа», внесенный в виде вставки в сочинение XIII в. «История и восхваление венценосцев»[1]. По мнению издателя текста «Жития Грузии» С.Каухчишвили, «апсары», это «одно из грузинских племён в западной Грузии»[2]. Согласно Вахушти Багратиони, «Запад от Анакопии есть Абхазия, сначала именовавшаяся также Эгриси». Когда греки заняли эту страну, «они назвали её Абаса, а грузины (именовали) Абхазети. Однако более вероятно предположить, что так она была названа сыновьями или внуками Эгроса»[3]. Таким образом, территория расселения абазгов была собственностью не кавказцев, а эгрисцев. Современные апсуа-абхазы, как писал Вахушти, в конце XVII в. захватили земли «до реки Эгриси»[4].

Теме Абхазии коснулся первый русский профессиональный историк и государственный деятель В.Татищев (1685-1750 годы), трудам которого в русской историографии придается значение источника. По его словам, территория нынешней Абхазии, это северная Мегрелия, «ныне оной большую часть кубанцы наполняют»[5]. В.Татищев связал термин «авхазос» с «обезами» русских источников, которых отождествлял с грузинами. «Из обез или грузинская княжна»,[6] - так называет он жену Киевского князя Изяслава II (1146-1154 годы). Взгляд, что Абхазия, это северная часть Мегрелии, то есть та же Мегрелия, прочно господствовал в русской науке и политической мысли до конца XVIII-начала XIX веков.

Генерал Пиетро-Симеон Палас (1741-1811 годы), член Петербургской Академии Наук, путешествовавший в 1794 г. по Кавказу, абхазов («абснэ») называл абазами и писал: «Эта народность, по-видимому, происходит из северо-западной части Кавказских гор»[7]. Таким образом, согласно Паласу, нынешних абхазов невозможно отнести к потомкам апсил-абазгов.

Локализацию апсилов производит в Мегрелии историк и географ, сотрудник Российского иностранного ведомства Жан (Ян) Потоцкий (1761-1815 годы), посетивший Кавказ в 1799 году.[8]

---

[1]Житие Грузии, т. 2, Тб., 1959, с. 58 (на груз.яз.); Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. Тб., 1988, с. 91.

[2]Житие Грузии, т. 2, с. 636 (на груз.яз.).

[3] Там же, т. IV, с. 783, 784.

[4] Там же, с. 845.

[5] В. Н. Татищев. История Российская, т. 1. М.,-Л., 1962, с. 171.

[6] Там же, с. 375. В. Татищев при этом опирался на сведения русских летописей. В частности, в Софийской второй летописи XVI в. «обезы», «гурзии», «иверский» употребляются в параллельном значении (Полное собрание русских летописей, т. VI. СПБ., 1853, с. 125, 152), что говорит о тождественности этих терминов. В «Тольковой Полее», где дан перечень 72 народов, на которые были разделены люди во время Вавилонского столпотворения, содержится фраза: «аверь иже суть обезы». Этим без всякого сомнения доказывается, что под «обезы» русских источников имеются в виду только грузины – иверийцы (Г. Паичадзе. Название Грузии в русских письменных исторических источниках. Тб., 1989, с. 20, 21. См. так же: Г.В. Цулая. «Обезы» по русским источникам. – Советская этнография, 1975, №2, с. 104 и др.).

[7] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с. 285.

[8] Jean Potocki. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, t. I. Paris, 1829, p. 219.

Под именем абазов (абазин) знает абхазов Минас Медичи-Бжишкян, путешествовавший по восточному Причерноморью в 1815-1819 годах. По его заключению, «Абассы – скифское племя, пришедшее, видимо, из Большой Татарии и поселившееся здесь и проживая по соседству с мегрелами, с течением времени приняли христианство и смешались с мегрелами на побережье Черного моря. Затем они, абассы, оставили христианство и стали поклоняться деревьям». По наблюдению М.Медичи-Бжишкяна, «безусловно, и сухумские абассы принадлежат к этим племенам (мегрелам-авт.). Впоследствии они стали древопоклонниками и смешались в основном с абассами»[1].

Хорошо знал Абхазию и абхазов (абазин) немецкий путешественник и языковед Генрих Юлиус Клапрот (1783-1835 годы). Завершив путешествие по Кавказу (1807-1808 годы), он издал несколько работ на немецком и французском языках. В 1812 г. об абхазах («абснэ») он писал: «Полагают, что они аборигены Северо-Западного Кавказа и позже распространились в других районах, пока черкесы не оттеснили в горные районы, после чего произошла их ассимиляция с другими народами»[2]. Клапрот, как видим, опирается на господствовавшее в то время мнение («полагают» и другие) о переселении абхазов с Северо-Западного Кавказа. В очередной работе (1823 г.) он писал: Абазы (абсне) «по-видимому, всю античную эпоху жили на северо-западной части Кавказа», откуда были вытеснены черкесами[3]. Этот вывод особенно важен. Тот факт, что предки нынешних абхазов не жили в античную эпоху в западной Грузии и этими предками не являются абазго-апсилы, убедительно доказывается анализом абхазского языкового материала и народных обычаев. В отличии от других[4], этого сразу понял немецкий ученый. И в опубликованной в 1827 г. книге Ю. Клапрот еще раз подтвердил: Апсуа-абхазы «очень долгое время жили в северо-западной части Кавказа»[5].

Серьезное научное исследование посвятил своему путешествию по Кавказу и Грузии, включая Абхазию (1833 г.), член Парижской Академии Наук, француз из Швейцарии Фредерик Дюбуа де Монперэ. Термины «Абхазия» и «Лазика» автор употреблял в параллельном значении; отмечал, что в результате нашествий горцев, граница Мегрелии за два прошедших века отошла сначала к Ана-

---

[1] Цитировано по кн.: Г.Читая. Об этническом происхождении древних абхазов. Труды в 5 томах, II. Тб., 2000, с. 118.

[2] Klaproth Y.Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternomen in den iahren 1807 und 1808. Hale und Berlin, 1812, с .447.

[3] Voyage ou mont du Caucase et en Georgie par M.Jules Klaproth, t. I. Paris, 1823, p. 201.

[4] Русский историк М.Селезнев не скрывал удивления отсталостью талантливых, по его словам, абхазов. «Удивительно, - писал он, что абхазы, находясь в постоянных сношениях с греками, римлянами, боспорцами, генуэзцами, не позаимствовали от них ни гражданского устройства, ни образования, или, получив его, не усвоили в своих нравах» (М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, СПБ, 1848, с. 203). М. Селезнев не понял, что апсуа-абхазы никогда не имели непосредственных тесных контактов с греками и римлянами. Сравни Т. Гванцеладзе. О пути заимствования греческой христианской лексики в абхазском языке. - Rocznik orentalistuchny. T.L.z. 2, Warszawa, c. 130-134.

[5] Tableau historique, geographique, etnogrophes entre la Russe et la perse. Par M.Klaproth. Paris, 1827, p. 83.

копии, затем к р. Галидзга[1]. Касаясь древнейшей истории, в частности, названных Аррианом «племен», Дюбуа де Монпере не замечал никаких этнических сдвигов[2]. Он специально не изучал вопрос этнической принадлежности этих племен, но в комментариях отмечает: «апсилы-мегрельское население (раньше назывались гениохами)»[3]. Он разъяснял, что Эгриси, это место, обитания колхидских жителей – георгианов; их «упоминает Плиний в форме «Экректике» и этим именем называет современную Мегрелию[4]». Таким образом, Дюбуа де Монперэ также не знал в Колхиде – Эгриси никаких негрузинских племен.

Согласно Теймуразу Багратиони Абхазия – это Нижняя Иверия, «называемая Эгриси»; название же «абхаз», по его мнению, связано с именем потомка Эгроса, героя и первого правителя Абхазии - Апхазоса[5]. Как видно, Теймураз опирается на версию Вахушти Багратиони – легенду об Эгросе и его потомках (здесь же, с 92); однако эта легенда, отражающая исторические реалии, подчеркивает грузинское происхождение древнейших абхазов. В то же время существует легенда кавказских народов, в том числе апсуа-абхазов – Нартовский эпос. Основным ареалом действий его героев является бассейн р. Кубани, но с территорией нынешней Абхазии они никак не связаны. Древнейшая и важнейшая часть эпоса, это «продукт творчества народа, живущего в Прикубанье», - заключает Н.Антелава[6].

Об этнической принадлежности апсилов идет речь во французском переводе сочинения Прокопия Кесарийского (1856 г.), принадлежащего М.Исамберу. В нем сказано: «Апсилы являются лазами, живущими на северо-западе и граничат с абазгами (они, несомненно, современные мегрелы)»[7].

По мнению И.Шопена, апсилы (вместе с гениохами и санигами) также имеют грузинское (мегрельское) происхождение, а собственно апгасы (абазги) «долго жили в горных (Кавказских) ущельях»[8].

Д. Бакрадзе в книге, написанной с учетом новых эпиграфических и археологических материалов, нынешнюю территорию Абхазии вплоть до Гагры считал ареалом распространения грузинского языка, а также его мегрельского и сванского диалектов, хотя «мингрельцы занимали все Прибрежье от Кубани до самого Трапизонда и самый Трапизонд, то есть ту полосу, вполне или нет, не знаем, которая в позднейшие времена заселена была черкесами и абхазами …»[9]. Позже он вновь вернулся к абхазской теме. «Мы считаем, - писал Д.Бакрадзе,

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с. 312-313, 681.
[2] Фр. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1967, с. 148.
[3] Fr. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, vol VI. Paris, 1843, p. 396.
[4] Б. Гогия. Абхазия – историческая провинция Грузии, с. 4.
[5] Теймураз Багратиони. История об основании Иверии, то есть Георгии, которая есть вся Грузия. СПб, 1848, с. 56 (на груз.яз.).
[6] Н.Антелава. Абхазские мифы, ритуалы, символы. Энциклопедия. Тб., 2006, с. 56 (на груз.яз.).
[7] Б. Гогия. Абхазия – историческая провинция Грузии, с. 7.
[8] Иван Шопен. Новыя заметки на древния истории Кавказа и его обитателей. СПБ., 1866, с. 282-283, 286.
[9] Д. Бакрадзе. История Грузии на основе новых изысканий. СПб., 1873, с. 2-3.

- что абхазы, после их прихода из-за гор, как более сильные, вытеснили мегрелов и эти последние из-за своей слабости уступили им свою землю… Должно быть ясно, что абхазский язык издревле понемногу занимал место мегрельского, его землю и как мы думаем, в то время, к которому принадлежат вышеупомянутые остатки (XI в.- авт.), вся Цебельда и Абхазия, если не полностью, то, во всяком случае, по большей части еще принадлежали мегрельскому племени. Как мы и раньше говорили, старые географические названия в измененном виде остаются местными даже после того, когда место языка этих названий занял язык чужого племени. Вот причина того, что во всей Абхазии до сего дня имеется множество мегрельских названий; среди них сам исторический Цхуми или Цхоми (Сохуми), которая давно вышла из употребления и которым (Цхумом – авт.) абхазы поныне называют развалины одной крепости недалеко от Сухуми»[1]. Д.Бакрадзе полагал, что абазги являются предками апсуа-абхазов[2], но они жили «за горой» и только позднее (в XVII в.) распространились на территории своего нынешнего расселения.

И абазгов, и апсилов, как выясняется, впервые предками апсуа-абхазов признал Мари Броссе. В Абазгии//Абхазии, - писал он, - «кроме абхазов жили Абживы=Apsili». По утверждению М.Броссе, «Абживы=Apsili византийцев, апшег армянских писателей[3], означает «середина», потому что апсилы жили между мисимянами и абазгами, между реками Галидзга и Кодор»[4]. Следует отметить, что апсилы действительно являлись предками жителей «Средней Страны» (абх. «Абжуа») – грузин. М. Броссе, к сожалению, не знал, что отрезок Галидзга – Кодори с древнейших времен и до конца XVIIв. был населен мегрелами и назывался «Шуа Сопели» («Средняя Страна»). Утвердившиеся здесь в XVII-XVIII веках апсуа-абхазы лишь перевели это название на свой язык. Так возникло наименование Абжуа. Мари Броссе же объявил жителей грузинского «Шуа Сопели» (апсилов) предками пришлых апсуйцев//«абжуйцев». Следует подчеркнуть, что ученый вовсе не считал окончательно решенным вопрос о происхождении абхазов и черкесов[5].

До начала XX в. в исторической науке все же господствовал взгляд, что древнейшими жителями Причерноморья Грузии являлись грузины. Этого мнения придерживался и крупный историк, уроженец Абхазии Ф. Жордания. Распространение абхазов к югу от Келасури только с конца XVII в. он связывал с внутренними смутами в Мегрелии, интригами Турции, с ее решающей под-

[1] Д. Бакрадзе. История Грузии. Тб., 1889, с. 272-273. «Цхуми», по мнению Д.Бакрадзе, переводится, как «горячий» (там же).

[2] Д. Бакрадзе так писал потому, что еще не имел ответа на вопрос: «Из греческого ли названия произошло грузинское апхази или же из грузинского – греческое «абазги»? (Д.Бакрадзе. История Грузии, с. 271-272). Ответ на этот вопрос дал Т.Гамкрелидзе (здесь же, с. 103).

[3] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 191, 547-548.

[4] Мари Броссе. О сочинении г. Верещагина под заглавием «Путевые заметки по Черноморскому округу». М., 1874, с. 2.

[5] Там же, с. 3.Того же мнения придерживался и В.Чернявский. См. его: Краткий очерк Абхазии, с.11, 15.

держкой[1]. До конца XVII в., полагает Ф.Жордания, абхазы южнее от Келасури (в ареале расселения аррияновских апсил-абазгов) не жили.

Этнической истории Причерноморья коснулся Илья Чавчавадзе в своей работе «Вопющие камни», поныне остающемся образцом научной публицистики. По его мнению, с древнейших времен «грузинский род владел всем пространством от р. Галис в Малой Азии – до берегов Черного моря, и всю восточную часть этого моря, а так же местами, расположенными между Курой и Араксом». Антигрузински настроенные ученые типа К.Патканова (а так же Нико Марр, подвергнутый жесткой критике в «Вопле камней»), желающие присвоить эти земли, или «отменить права собственности грузин» на них, - продолжает Илья Чавчавадзе, - доказывают, будто бы месхи, тибарены, колхи и т.д. «не принадлежали и не принадлежат к грузинскому роду»[2]. Такими были и поныне остаются цели фальсификаторов истории Грузии.

На страницах газеты «Черноморский Вестник» за 1899 г. была проведена первая открытая дискуссия по вопросам истории Самурзакано (нынешний Гальский район) и Абхазии[3]. В качестве оппонентов выступали грузины К.Мачавариани и тогда еще монах Амвросий Хелая («Самурзаканец»), будущий Католикос-Патриарх Грузии (1921-1927годы). Первый из них придерживался того взгляда, что самурзаканцы являются потомками апсуа-абхазов, а Абхазия – не Грузия; при этом он приводил несостоятельные доводы (абхазские фамилии и имена, высказывания абхазских старейшин). Другой – Амвросий Хелая, опираясь на известные в то время исторические документы, доказывал оппоненту прямо противоположное. После краткого обзора источников, отец Амвросий спрашивал оппонента: «Не представляется ли достоверным мнение историков о том, что нынешний Сухумский округ до р. Псырцхи был населен мингрельцами, которые в последствии были оттеснены до границ нынешней Самурзакани?»[4]. Стороны хорошо разбирались в исторической литературе и источниках по истории Абхазии. Апсилов они без колебания считали мегрелами. Разногласие имелось только в вопросе их локализации. По утверждению К.Мачавариани, апсилы обитали в нынешней Мегрелии до р. Ингури, следовательно, они мегрелы, которые не могли жить на правом берегу этой реки, то есть в Абхазии. Отец Амвросий, опираясь на Пр.Кесарийского, отвечал, что апсилы проживали если не до р. Псырцхи, то, по крайней мере, до Кодори. Соответственно, древнейшими обитателями этой территории являются мегрелы. Амвросий Хелая и в последствии не раз касался темы об этнической принад-

[1] Ф.Жордания. Абхазские католикосы. Ставрополь, 1893, с. 21.
[2] И.Чавчавадзе. Избранные произведения в пяти томах, т. V. Тб., 1987, с. 40, (на груз.яз.).
[3] Святой Исповедник Амвросий (Хелая) и Абхазия. Сборник составил, исследованием и комментариями снабдил Дж.Гамахария. Тб., 2006, с. 62-75.
[4] Там же, с. 423.

лежности апсил-абазгов, принадлежности Абхазии к Грузии, позднего переселения апсуа-абхазов из Северного Кавказа[1].

По мнению видного историка Ал. Хаханашвили, на территории Абхазии, по крайней мере, до XI в. жили не предки нынешних апсуа-абхазов, а мегрелы[2]. Хорошо известный на Кавказе русский историк А.Дьячков-Тарасов, выросший в Абхазии, в разных своих работах, выполненных в 1903, 1905 и 1909-1910 годах также развивал версию о переселении из Северного Кавказа апсуа-абхазов на нынешнюю территорию Абхазии в XVI-XVII веках (здесь же, с 235).

Вопросами древнейшей истории Абхазии был заинтересован выдающийся грузинский историк И. Джавахишвили. В результате основательного изучения данных Страбона, Плиния, Арриана, Птолемея и Пр.Кесарийского он пришел к следующему выводу: «Как видим, население Колхиды принадлежало к трем ветвям грузин: лазо-мегрелам, апшил-абазгам и сванам»[3]. Впоследствии И.Джавахишвили несколько уточнил свои взгляды, но он никогда не отказывался от приведенного важного научного заключения. Поэтому вывод о грузинской принадлежности апшил-абазгов вошел в издания 1951 и 1961 годов первого тома И.Джавахишвили «Истории Грузинского народа»[4]. Из последнего же издания данного тома (1979 г.) он изъят и оставлен лишь ответ И.Джавахишвили на критику Н. Марра в связи с этнической принадлежностью абхазов: «Абхазов я считаю родственными грузинам, но грузинами их не называю»[5]. Автор, как видно, сознательно не конкретизирует о ком идет речь – о нынешних абхазах, которых грузинами никто не считает, или исторических апсил-абазгах. Следует учесть и то обстоятельство, что в свое время И.Джавахишвили оказался фактически единственным, кто в арриановских «царствах» видел не отдельных этносов, а проявление римской политики «разделяй и властвуй» (здесь же, с. 87). Этим он косвенно подтвердил верность своей «старой» позиции о грузинском происхождении апсил-абазгов.

Нико Марр, являвшийся основоположником абхазской сепаратистской историографии и своеобразным духовным наставником первого поколения абхазских краеведов, 23 мая 1912 г. представил в Историко-филологическое отделение Российской Императорской Академии Наук сообщение «История термина «Абхаз»»[6]. «Абаски» (Арриан), «обезы» (русские летописи), «апсилы» (Плиний, Арриан) в этой работе представлены, как обозначения апсуа-абхазов; докладчик локализовал апсилов на правом берегу р. Риони, то есть в современной Мегрелии.

[1]Там же, с. 330, 554-555, 593, 602, 667.

[2] А. Хаханов. Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии. Тифлис, 1903, с. 62-63.

[3] И. Джавахишвили. История грузинского народа, кн. I-II. Тб., 1913, с. 55 (на груз.яз.).

[4] И. Джавахишвили. История грузинского народа, кн. I. Тб., 1951, с. 420; его же: т. I, Тб., 1961, с. 427 (на груз. яз.).

[5] Там же, Тб., 1979, с. 152.

[6] Н. Я. Марр. История термина «абхаз», с. 697-706.

Перу Н.Марра принадлежит множество работ по абхазскому языку и истории[1]. Он официально не опровергал сделанные им ранее выводы, однако с 20-х годов XX в. явно пытался пересмотреть свои позиции. В частности, корни абхазов Н.Марр уже искал не в юго-западной Грузии и Передней Азии среди протохетов, а на севере, по соседству с Россией и говорил о «несомненных абхазо-русских этнических связях»[2]. Теперь он стал утверждать, что и абхазский язык сложился «в основных своих слоях на Северном Кавказе». Название же абхазов в первоначальном его виде a-bas-k в своей чистой основе bas//bus ФS воспроизводит, - утверждал Н.Марр, - простое берское племенное название (i-ber)[3]. Освобождаясь от прежних взглядов, он стал теперь доказывать, что мегрело-чаны с древнейших времен занимали «все Черноморское побережье от Синопа с Halis'ом до Анапы и, до Пантикапеи»[4]; абхазы пришли с Северного Кавказа, соответственно, мегрело-чаны оставили северо-восточное Причерноморье. Но это произошло не в античную эпоху, как писал Н.Марр, а в позднем средневековье. Н. Марр прекрасно знал историческую правду, однако искажал ее сначала по заказу Российской империи, а затем – советской власти.

С начала 20-х годов XX в. публикуются книги и брошюры авторов абхазской национальности по вопросам истории Абхазии, основой для которых служили «старые» идеи Н. Марра и книги, составленные шовинистами[5]. Имеются в виду С. Басария, С. Ашхацава, Д. Гулия[6], труды которых уже получили объективную оценку в историографии[7].

В 30-40-х годах XX века вопросам истории Абхазии посвятил некоторые свои исследования видный ученый-историк С.Джанашиа. Апшил-абазгов он считал предками апсуа-абхазов. В то же время на основе анализа названия древних стоянок в Абхазии (Цанигвари//Чанигвари=жилище, стоянка цанов//чанов) С. Джанашиа пришел к выводу, что собственно абхазов на большей части территории их современного расселения предшествовало грузинское (сванское и

---

[1] Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М., - Л., 1938.
[2] Там же, с. 211.
[3] Там же, с. 246-247.
[4] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V. М., - Л., 1935, с. 24,25. По утверждениям Н. Марра, мегрело-чаны и иберы являются потомками скифов; клинообразно врезавшиеся в сплошной скифский массив абхазы будто бы разделили их на северных скифов и южных колхов, а позже – и иберов (Н. Марр. О языке и истории абхазов, с. 240-241).
[5] Л. Воронов. Абхазия – не Грузия. М., 1907; Ф. Гершельман. Причины неурядиц на Кавказе. С-Пб., 1908; Н.Воробьев. О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию). Краснодар, 1919.
[6] С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухуми, 1923; С. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухуми, 1925 (редактор Н. Марр); Д. Гулия. История Абхазии., т. 1. Тб., 1925.
[7] Т. Мибчуани. Д. Гулия о Абхазском этногенезе. – Проблемы истории Абхазии. Тб., 1998, с. 167-179 (на груз. яз.); Г.Гасвиани. Грузинские ученые о взглядах П.Ингороква относительно Абхазии и абхазах. Тб., 2003, с. 41-53 (на груз.яз.); З. Папаскири. Очерки исторического прошлого современной Абхазии, II. Тб., 2007, с. 110-111 (на груз.яз.); В. Шнирельман. Войны памяти, с. 280-289.

чано-мегрельское) население.[1] Несмотря на сделанные С. Джанашиа выводы, один из видных ученых-историков Н. Бердзенишвили вовсе не считал (в 1950 году) окончательно установленным, «кем являлись племена, жившие на территории нынешней Абхазии…, органически участвовавшие в создании истории Грузии на протяжении всей этой истории»[2]. Он не давал прямого ответа на поставленный вопрос, однако в письме на имя директора научного института Абхазии П.Ратиани от 7 октября 1950 г. («Мелкая заметка по большому вопросу») выдвинул теорию о том, что «Абхазия культурно-исторически является органической частью Грузии», что «абхаз культурно-исторически был «грузином»»[3]. Н. Бердзенишвили не проявлял строгой последовательности во взглядах по истории Абхазии. С одной стороны, исторических абхазов он будто бы не считал этническими грузинами; с другой – четко различал друг от друга древних и нынешних абхазов, нередко склонялся к признанию древних абхазов частью грузинского народа. Н.Бердзенишвили в том же письме на имя П.Ратиани писал, что «у науки нет доказательств того, что жившие в Абхазии племена (апсилы, абазги, саниги и т.д. – авт.) от ибер-лазов стояли дальше, чем сваны, месхи, эры»; что в результате превратности судьбы «сегодня нам приходится доказывать принадлежность к грузинам абхазов, месхов (шавшов-кларджов-таойцев), лазов, аджарцев, кобулетцев и ингилойцев»[4]. Как видим, автор древних абхазов не только «культурно-исторически», но и этнически причислял к грузинскому народу. Еще определеннее ту же мысль он высказал позже, когда написал, что с точки зрения феодальной культуры в западной Грузии, включая Сванетию и Абхазию, «нельзя говорить о разных национальностях, как об этнокультурном понятии. Абхазия как феодальная страна была такой же Грузией и абхаз – таким же грузином, как Эгриси и мегрел, как Эрети и эры, как Картли и карталинец... Абхазы очень схожи с горскими народами Кавказа в быту, по вероисповеданию... Они, конечно, не являются аборигенами»[5]. Таким образом, Н.Бердзенишвили и в «этнокультурном» (этническом и культурном) плане исторических абхазов иногда не отделял даже от мегрелов и картлийцев, а современных – не считал аборигенами.

В 1951 г. вышла работа одного из основоположников абхазской историографии Д.И.Гулия «О моей книге «История Абхазии»». Пересмотрев прежние необоснованные взгляды, автор пришел к важным выводам о том, что и исторические «абхазы, собственно, те же грузины», что зафиксированные по всей западной Грузии народы являлись «ближайше родственными между собой

[1] С. Джанашиа. Труды, т. III. Тб., 1959, с. 15 (Известный археолог Б. Куфтин так же считал, что на восточном Причерноморье мегрело-чаны предшествовали абхазскому населению. – Б. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тб., 1949, с.90). Обзор трудов С. Джанашиа по истории Абхазии см.: Э. Хоштария – Броссе. Вопросы истории Абхазии в Грузинской историографии. Тб., 2000, с. 7-9.

[2] Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, кн. III. Тб., 1966, с. 278 (на груз.яз.).

[3] Там же, с. 279, 280.

[4] Там же, с. 278, 281.

[5] Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 608 (на груз.яз.).

древнегрузинскими (носившими общее название колхов) племенами»; что в период феодализма количество племен сократилось и современная территория Абхазии была представлена только тремя эриставствами, из которых лишь одно называлось «Абхазским эриставством» (от современного Н.Афони до р. Бзыбь), причем эти племена не стояли дальше от иберо-лазов, чем, скажем, сваны или месхи»[1]. Д.И.Гулия никогда не отказывался от этих взглядов.

Среди работ по этнополитической истории Абхазии этапное значение имеет труд П.Ингороква «Гиорги Мерчуле» (Тб., 1954). Вопросам этнической принадлежности и этногенеза абхазов посвящена IV глава – «Феодальное государство западной Грузии (Абхазское царство) и сведения о нем в памятнике «Гиорги Мерчуле»». П.Ингороква, по существу, восстановил и с привлечением новых источников более убедительно обосновал по вине обстоятельств преданные забвению выводы европейских, русских и грузинских исследователей прежних веков об автохтонности грузин в восточном Причерноморье и позднем появлении здесь апсуа-абхазов. Этим он заложил прочную научную основу историографии Абхазии.

Как и следовало ожидать, выход монографии П.Ингороква вызвал недовольство сепаратистов, хотя на протяжении 2-3 лет (1954-1956 годов) оно не чувствовалось. Толчок к открытым выступлениям сепаратистов дало упомянутое выше известное постановление Президиума ЦК КПСС от 10 июля 1956 г., в котором говорилось о мнимой дискриминации в Грузии абхазского, армянского и осетинского народов, попытке их ассимиляции (?). Проявление «дискриминации» усмотрели сепаратисты в издании книги П.Ингороква «Гиорги Мерчуле». Об этой книге в 1956 г. в ЦК Компартии Грузии, по его же требованию, была представлена весьма сдержанная докладная записка за подписью директора Института Истории АН Грузинской ССР Н.Бердзенишвили[2]. После этого властями было решено провести дискуссию на страницах литературного журнала «Мнатоби». Следует заметить, что еще в 1955 г. часть труда П.Ингороква, посвященная истории Абхазии, была оценена историком и этнографом Георгием Читая.[3] Он разделял основные положения «Гиоргия Мерчуле», что Абхазия – исконно грузинская страна, что с древнейших времен, в том числе в античную эпоху, она была населена грузинами, хотя связь термина «абхаз» с «мосх»-ом (о чем писал еще Н.Марр) Г.Читая не считал достаточно аргументированным; этим основные положения труда П. Ингороква, по его мнению, не нарушались, так же как не снимался вопрос и о грузинском происхождении исторических абхазов. Г. Читая рассмотрел взгляды Н. Марра, Арн. Чикобава, Л. Блайхштайнера, Кисслинга, А. Намитока, М. Медичи-Бжишкяна и др. о происхождении

[1] Д. И.Гулия. О моей книге «История Абхазии». Сухуми, 1951, с. 10, 12, 14.
[2] Э. Хоштария-Броссе. Из архива ученого. – Мнатоби, 1990, №5, с. 138-145 (на груз.яз.).
[3] Г. Читая. Об этническом происхождении населения древней Абхазии. - Труды в пяти томах, II, Тб., 2000, с. 112-122 (на груз.яз.).

абхазов, проанализировал этнографический материал и пришел к выводу: «Должно быть ясно, что абхазы, собственно древние абхазы отличаются от абасса-апсуа-апсилов. Что этот последний является племенем, пришедшим из-за горами, тогда как собственно абхазы, это местное древнее население»[1].

В том же 1955 г. высокую оценку труду П.Ингороква дал и языковед Г.Ахвледиани, опубликовавшй в русскоязычном органе Центрального Комитета Компартии Грузии – газете «Заря Востока» рецензию под названием «Ценный труд по истории Грузинской культуры». Одним из главных достойнств «Гиорги Мерчуле» рецензент считал освещение по новому истории Абхазии, признание апсил-абазгов и исторических абхазов грузинами. «Историческое обоснование этого тезиса П.Ингороква вряд ли может вызвать какое либо возражение», - писал Г.Ахвледиани[2]. Серьезным исследованием назвал он часть рецензируемого труда – «Географические названия краев Абхазии и их связь с грузинским языковым миром», хотя этимология не всех топонимов, по мнению Д.Ахвледиани, была раскрыта с одинаковой убедительностью. Позиция обоих видных ученых указывала на то, что грузинская историческая и лингвистическая наука разделила главные постулаты П.Ингороква.

В рамках организованной властями научной дискуссии первой была опубликована весьма положительная рецензия С.Каухчишвили, касавшаяся основной - филологической - части монографии П.Ингороква[3]. Критические рецензии опубликовали Н.Бердзенишвили и К. Ломтатидзе[4]. В Сухуми были опубликованы также отрицательные отзывы З.Анчабадзе и Х.Бгажба[5].

Среди оппонентов П. Ингороква особую позицию занимал все же Н. Бердзенишвили. Как руководитель, директор академического института он официально не противостоял властям, но исследователи, отстаивающие так называемую теорию двуаборигенности, опираясь на Н. Бердзенишвили, должны учитывать, что выход в свет III тома трудов именно этого выдающегося ученого и «извращение» в нем истории Абхазии в стиле П.Ингороква, стали предлогом очередного выступления сепаратистов в 1977 г. Еще до выхода в свет «Гиоргия Мерчуле» и особенно до принятия в 1956 г. партийных директив, как уже было показано выше, Н. Бердзенишвили являлся почти единомышленником П. Ингороква. Поэтому односторонняя оценка позиции Н. Бердзенишвили была бы неправильной, тем более, он специально данную тему не исследовал и, исходя

[1] Там же, с. 119.
[2] Заря Востока, 1955, 9 июля.
[3] С. Каухчишвили. Новые материалы к истории древнегрузинской поэзии. –Мнатоби, 1956, №10, с. 109-119 (на груз.яз.).
[4] Н.Бердзенишвили. По поводу книги П.Ингороква – «Гиорги Мерчуле». – Мнатоби, 1956, №12, с. 125-131 (на груз.яз.); К. Ломтатидзе. О некоторых вопросах этнической принадлежности и размещения абхазов. – Мнатоби, 1956, №12, с. 132-139 (на груз.яз.).
[5] З. В. Анчабадзе. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Гиорги Мерчуле – грузинский писатель X века». – Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, т. XXVII. Сухуми, 1956, с. 261-268; Х. С. Бгажба. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии (в связи с работой П. Ингороква «Гиорги Мерчуле»). – Там же, с. 279-303.

из актуальности вопроса, высказывал то или иное мнение как ученый и как руководитель[1].

Позицию П.Ингороква твердо и аргументированно защитили Г.Ахвледиани, С.Каухчишвили и Д.Кобидзе[2]. Так как материалы дискуссии основательно рассмотрены в историографии[3], то можно ограничиться констатацией того факта, что выдержанная в духе лживой советской идеологии «дружбы народов» теория двуаборигенности с конца 50-х годов XX в., по чисто политическим мотивам, утвердилась в грузинской историографии и успешно конкурировала с сепаратистской теорией автохтонности[4]. Апсил-абазги были объявлены безусловными предками апсуа-абхазов, об остальных же племенах исследователи могли иметь собственное, отличающееся друг от друга мнение[5]. Указанная теория стала своеобразным «спасательным кругом», благодаря которому грузинские ученые фиксировали факт проживания в Абхазии грузинского населения с древнейших времен, чему всячески противилась сепаратистская историография со своей вымышленной теорией автохтонности. С учетом данного обстоятельства трудно переоценить заслуги видных ученых – историков Г. Меликишвили, М. Лордкипанидзе[6], М. Инадзе, Н. Ломоури[7] и всех тех, кто в условиях советского режима противостоял оголтелому сепаратизму в исторической науке.

На нынешнем же этапе развития исторической науки необоснованная теория двуаборигенности в том виде, в каком ее предлагала советская историография с 50-х годов XX в. и сегодня предлагают некоторые авторы, стала анахронизмом. Современная же грузинская историография постепенно освобождается от навязанных в советский период стереотипов и ошибочных представлений, с новыми аргументами и дополнительными доказательствами возвращается к

---

[1] С позиции руководителя (обязанного защищать официальную точку зрения) написано «По поводу книги П. Ингороква «Гиорги Мерчуле» (Мнатоби, 1956, №12, с. 126).

[2] Г. Ахвледиани. К некоторым вопросам топонимики Абхазии. – Мнатоби, 1957, №2, с. 107-114; С.Каухчишвили. – По поводу «Гиорги Мерчуле». – Там же, с. 115-1254 Д. Кобидзе. Значение термина «Абхаз» по персидским источникам. – Там же, с. 126-128 (все на груз.яз.).

[3] Г. Гасвиани. Грузинские ученые о взглядах П. Ингороква.

[4] Очерки истории Абхазской АССР, I. Сухуми, 1960; Очерки истории Грузии, т. 1 и др.

[5] Образцом такого подхода является работа М. Инадзе «К вопросу об этническом составе населения северо-восточного побережья Черного моря» (Моамбе Академии Наук Грузии, 1960, №2, с. 145-163), в котором критически рассмотрены отдельные положения монографии З.Анчабадзе («Из истории средневековой Абхазии». Сухуми, 1959).

[6] По мнению М. Лордкипанидзе, выяснение этнического происхождения древних абхазов очень сложно из-за скудности источниковедческой базы, «но кто были они по своей деятельности? Они были грузинами, поскольку служили грузинскому делу, национальному государству». - См.: Православие в Абхазии и вопросы национальной самоидентификации. Тб., 2005, с. 7 (на груз.яз.).

[7] Н. Ломоури раньше разделял позицию П. Ингороква. В 1963 г. он писал: «В своем исследовании «Гиорги Мерчуле» П.Ингороква, как известно, выдвигает, по нашему мнению, достаточно верное положение о грузинском происхождении абхазских племен (абазгов, апсилов), но для доказательства этой гипотезы порой использует неубедительные , по нашему мнению, доводы» (Н. Ломоури. Сведения греческих логографов…, с. 25-26).

традиционным, преданным забвению оценкам[1], у которых, все еще имеются противники[2]. Поэтому поныне остается актуальным вопрос этнической принадлежности апсил-абазгов. Интересное предположение высказал акад. Т. Гамкрелидзе. Он отверг утверждение, будто бы название «абазг» соответствует «абазам». Термин «абхаз» («апхаз»), по утверждению Т. Гамкрелидзе, это первичная грузинская форма, вошедшая в греческий язык в виде абазг/абасха[3] (чуждый греческому языку комплекс согласных пх/бх заменен на зг/зх); что касается названия «абаза», если бы оно было первичным, то вошло бы в греческий язык без изменения, а из него, в той же форме – в грузинский; согласно авторитетному мнению ученого, абхаз-абазги «должны были быть близко родственны обитавшим в Колхиде сванским и мегрело-лазским племенам»[4].

Вопрос этнической принадлежности апсилов специально изучил видный историк Д. Мусхелишвили, пришедший к выводу, что этноним «апшил» ни географически, ни хронологически, ни с формально-лингвистической точки зрения не имеет ничего общего с «апсуа» и должен принадлежать одному из западногрузинских племен[5]. Опираясь на вышеприведенный вывод Т. Гамкрелидзе, он так же предположил, что и тезис о принадлежности абазгов к предкам апсуа-абхазов «не бесспорен»[6]. В отличии от Т. Гамкрелидзе и Д. Мусхелишвили, профессор Н. Ломоури почему – то не пытается обосновать свое мнение о негрузинском происхождении апсил-абазгов. Поскольку в источниках об этом прямо ничего не сказано, - пишет он, - остается единственный путь - лингвистического анализа самих этих этнонимов, а этот анализ делает несомненным связи названия «апсил» с самоназванием абхазов «апсуа» и «абазг»-а – с именем

[1] Т. Мибчуани. Из истории этногенеза, расселения и культуры западногрузинских горцев; его же: История Абхазской автономной Республики, ч. I., Тб.. 2003 (на груз.яз.); Г. Гасвиани. Старая и новая Абхазия (на груз. яз.); его же: Грузинские ученые о взглядах П. Ингороква; Д. Гоголадзе. Вопрос об этнической принадлежности древних этносов и о проживании этноса «Абхазского» эриставства и нынешней Абхазии. Тб., 1995 (на груз.яз.); Дж. Гамахрия, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии; Дж. Гамахария. Абхазия и православие. Тб., 2005 (на груз.яз.); его же: К вопросу об этнической принадлежности апсил-абазгов. Тб., 1998 (на груз.яз.); Б. Гогия. Абхазия - историческая провинция Грузии. Тбилиси – Париж, 2005; его же: Об этнонимах некоторых племен древней Колхиды. Париж, 2003, с. 51-54 (на груз.яз.); З. Ратиани. Вопиющие источники, или зарубежная Грузия. Тб., 1995 (на груз.яз.); А.Сонгулашвили. Абхаз или апсуа? Тб., 2007 (на груз.яз.) и др. Выводы грузинской историографии подкрепляют языковедение (Т. Гванцеладзе. Лингвистические основы историографии Абхазии. Доктор. Дисс. Тб., 1977. На груз.яз.; Т. Путкарадзе. Грузины...) и антропология (Л. Битадзе. Антропологическая история абхазов. Тб., 2008. На груз. яз.).

[2] Н. Ломоури. Из этнокультурной истории древней Абхазии; Э.Хоштария-Броссе. Вопросы истории Абхазии…; О. Джапаридзе. К истории этногенеза грузинского народа. Тб., 2006 (на груз.яз.); М. Инадзе. Вопросы этнологической истории древней Абхазии. – Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999, с. 61-88, и т.д.

[3] По мнению С. Джанашиа, напротив, греческое слово «абазги» вошло в грузинский в форме «абхазы» (С. Джанашиа. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики, с. 39).

[4] Т. В. Гамкрелидзе. Из истории этнонимии древней Колхиды. – Иностранная и грузинская терминология понятий «Грузия» и «грузины». Тб., 1993, с. 591-600.

[5] Д. Мусхелишвили. К вопросу об этнической принадлежности апшилов. – Артануджи, 2000, №10, с. 17-24 (на груз.яз.); аналогичное мнение с приведением других аргументов высказал и Н. Апхазава. См. его: К этнической принадлежности апшилов. – Проблемы истории Абхазии. Тб., 1998, с. 6-13 (на груз.яз.).

[6] Д. Мусхелишвили. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности. – Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999, с. 124.

одного из абхазо-адыгских племен - абазинами[1]. Вот и вся «аргументация», весь «анализ». Примечательно, что никакого лингвистического анализа данных этнонимов Н.Ломоури не проводит и ограничивается только указанием на фонетическое сходство терминов, чего недостаточно для идентификации «апсилов» с «апсуа» и «абазгов» - с «абазинами». Например, апсил по-гречески означает не являющегося лысым, плешивым, голым («псил»-голый, лысый, плешивый и т.д.). Апсил также переводится, как «скакать», «отскакивать», «разлетаться» и т.д.[2] Несмотря на несомненную фонетическую схожесть, ничего общего с нынешними апсуа не имеют, например, названия Апсар/Апсарас (древнеиндийское полу-божество), Опс (римское божество), Апсат (божество сванов, а также - карачаевцев, балкарцев и осетин) и т.д. Абаско на греческом языке означает «непроходимый» или «труднопроходимый», Абаскиа – непроходимое место[3]. Отсюда ясно видно, насколько рискованно делать серьезные выводы на основании лишь внешнего сходства терминов. Греческая этимология апсил-абазгов не имеет никакого отношения к апсуа[4]-абаза, этнонимом вообще. Невозможно увязать нынешних апсуа-абхазов//абазов с базгунами Захария Митиленского (VI в.), хотя налицо явное фонетическое сходство[5]; средневековые города Абескур и Абхаз на территории нынешнего Азербайджана не имеют никакого отношения к апсуа-абхазам при всей абсолютной фонетической схожести[6]. Существование в средние века одновременно двух городов с одинаковым названием «Абхаз» на северо-западе Грузии (в районе Адлера - Сочи[7]) и у ее тогдашних северо-восточных рубежей, дает основание для предположений о том, что у городов с означенными названиями имелась одинаковая функциональная (а не этническая) нагрузка, вроде двух Дербендов (ворота) – на Черном (Гагры)[8] и Каспийском (Дербент) морях. Таким образом, лингвистический «анализ» и выводы Н. Ломоури наталкиваются на серьезные препятствия.

Принадлежность апсил-абазгов и проживавших на территории нынешней Абхазии «племен» к грузинскому этносу доказывается, в первую очередь, дан-

[1] Н. Ломоури. Из этнокультурной истории древней Абхазии, с. 31; его же: К истории одной из древнейших грузинских областей - Абхазии. Тб., 2008, с. 61 (на груз.яз.).

[2] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 28-30. Материальная связь корня «апс» термина «апсил» с названием «апсуа» бесспорна, хотя к нему присоединен грузинский суффикс ил//эл. Более значительно то обстоятельство, что семантика «апсила» и «апсуа» различна. В истории немало подобных примеров (например, кавказские и балканские албаны и т.д.) – см.: Т.Гванцеладзе. Языковые данные и их значение при классификации этнической истории Абхазии. – Проблемы истории Абхазии, с. 34-35.

[3] Б. Гогия. Абхазия – историческая провинция Грузии, с. 9.

[4] Чтобы «доказать» принадлежность фтирофагов (шишкоедов) к этносу апсуа Ш. Инал-ипа объяснил «апсуа», как «сосновый народ» («апса»-по-абхазски означает сосну). - См. Ш. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов, с. 225. В этой же монографии читаем, что «апсуа», это «народ Апсилии» (там же, с. 354). Д. Гулия в свое время заявлял, что апсуа-абсуа, это народ Абассии, Абиссинии (см. его: История Абхазии, т. 1, с. 95). По мнению Г. Пипия, абста (ущелье)+уаа означает «живущего в ущелье» (Сахалхо Ганатлеба, 1990, 5 июля. На груз.яз.).

[5] Георгика, т. 3, с. 17-19; Дж. Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 187, 542-544.

[6] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 543, 553, 577-578.

[7] Там же, с . 211, 590.

[8] Г. Аласания. Грузия на карте Кавказа «Джахан Нюмы». – Мацнэ, серия истории…, 1971, №2, с. 101.

ными источников. Обратимся еще раз к «Путешествию вокруг Черного моря» Фл. Арриана (здесь же см. с. 84-85). Колхское племя раздроблено автором на несколько частей: дрилов или санов//чанов, макронов//санов **(здесь же, с. 90),** гениохов, зидритов (часть Иберии), лазов; ни у кого не может вызывать сомнения (да и не вызывает) грузинская принадлежность «племен», размещенных между «колхами» и «лазами». За лазами следуют апсил-абазги, к северо-западу от которых видим вновь грузин-санигов с городами Диоскурией – Себастополисом, Питиунтом и Старой Лазикой. Пока никем убедительно не объяснено, как оказались «негрузины» апсило-абазги в самом центре обитания грузинских племен. Впервые попыталась это сделать М.Инадзе. Названное Плинием в I веке и локализованное будто бы по ошибке к северу от Каспийского моря, племя Абзое она сперва «передвинула» к юго-востоку, идентифицировала с «абазой», а затем высказала предположение об их переселении в том же I веке в Абхазию и создании «царства» во II веке[1]. Версия М. Инадзе, основанная на столько «вероятностей», очень слаба и принять ее невозможно. Не доказано, действительно ли ошибается Плиний при локализации «Абзоа». Напротив, автор с достаточной точностью знает ареал проживания этого племени – «по сию сторону первого залива Каспийского моря живут номады и савроматы, а по ту сторону абзои», - пишет он. Если Плиний все же ошибается, то неясно, где была настоящая территория расселения абзоа? Нереальным выглядит преодоление Кавказского хребта многочисленной, организованной массой, ее свободное поселение на Колхидской территории, контролируемой Понтийским царством, затем римлянами и сразу же создание «царства», к тому же по соседству «соплеменными» апсилами. В то же самое время, оставшиеся на Северном Кавказе абзоа//абазы на собственной территории почему - то не смогли создать государственное образование; до позднего средневековья они вообще не упоминаются в источниках[2]. Вызывает недоумение и тот факт, что ни в одном письменном источнике не отразились столь масштабные перемещения народов. Несмотря на все это, версия М. Инадзе содержит и рациональное зерно. Это – идентификация «абзоа» и «абаза». В историографии уже высказано мнение о тождестве «абзоа» - «апсуа», о постепенном перемещении племени абзоа в направлении Кубани и Азовского моря, расселении его в период монгольских нашествий к югу от р. Кубани (у северо-западных границ исторической Грузии, может быть, даже в ее пределах), а в позднее средневековье – заселении ими

[1] М. Инадзе. К вопросу об этническом составе населения восточного берега Черного моря античного периода. – Моамбэ Академии наук Грузии, 1960, №2; ее же: Вопросы этно-культурной истории… - Мацнэ, серия истории, 1992, №1 (на груз.яз.); см. также: Н. Берулава. Город Диоскурия – Себастополис..., с. 140-141.

[2] Предположение М. Инадзе о переселении в I-II веках абзоа//абазгов с Северного Кавказа на территорию нынешней Абхазии противоречит ее же версиям о проживании черкесско-адыгских племен в доантичную и раннеантичную эпохи на юго-восточном Причерноморье, а также утверждениям, что под «кавказцами», упомянутыми Страбоном в Диоскурии (сведения II-I веков до н.э.), подразумеваются и предки абазгов-апсуа (М.Инадзе. Вопросы этнокультурной истории древней Абхазии.-Мацнэ,1992,№1,с.15-16; №2,с. 57).

нынешней территории Абхазии[1]. Данная версия основывается на концепцию греческого историка XIV в. Никифора Григораса о скифизации части Азии[2]. Без учета этой концепции невозможно правильное осмысление этнических процессов, происходивших в северо-восточном Причерноморье. Подтверждением взаимосвязи апсуа-абзоа является и вышеприведенное мнение Кятиба Челеби, считающего абхазов потомками населения «Кара Аждахана», то есть Астрахани (здесь же, с. 91). Не исключено, что с предками современных апсуа-абхазов связано и скифское племя авхети, зафиксированное Плинием (VI, 22) на Северо-Восточном Кавказе[3].

Вернемся к сведениям Фл. Арриана. Элементарная логика подсказывает, что на описанной им территории, начиная от колхов и лазов (что одно и то же) и, по крайней мере, до бесспорно грузинского города Старой Лазики следует подразумевать грузинское население, представленное по принципу «разделяй и властвуй». Автор второй половины I в. Дионисий в «Описании населенной Земли» отмечает, что по берегам самой дальней части Понта, за страной тиндаридов (диоскуров – авт.) живут колхи[4]. Апсилов и абазгов он не фиксирует, считая их колхами. Тоже самое повторяет Присциан (рубеж V-VI веков)[5]. Латинский автор II половины IV в. Руфий Фест Авиен к юго-востоку от зигов зафиксировал только «энергичных колхов» и «суровых иберов»[6]. Приблизительно того же мнения придерживается и безымянный автор (не раннее V в.). В сочинении «Изложение землеописания в сокращении» он писал: «Ниже Сарматии у Понта лежит Колхика, а у Каспия – Албания, а между этими областями лежит Иберия[7]. Эти данные подтверждают вышеприведенное сообщение Анонима V в. о проживании между Диоскурией и р. Чорохи народа, раньше называемого колхами и позже переименованного в лазов (здесь же, с. 85-86). Тем самым источник V в. однозначно идентифицирует апсил-абазгов с лазами. Названные у Арриана, затем у Анонима V в. «племена» и «царства», это нечто иное, как более или менее крупные компактные поселения – общины со своими вождями. Следует принимать во внимание и сообщение Анонима V в. о проживании от «Старой Ахеи» до «Старой Лазики» и далее, до р. Ахеунт (Шахе) грузинских «племен» (здесь же, с. 86) тогда, как в источнике об абзоа//абазгах разговора вообще нет. Таким образом, все основные авторы, описывающие этнополитическую ситуацию первых веков н.э. (Арриан, Птолемей, Аноним V в. и др.), между реками Ингури и Псоу называют только грузин.

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 26,31,528; Б.Гогия. Абхазия – историческая провинция Грузии, с.11,12.

[2] Георгика, т. 7, с. 124-131 (на груз.яз.); Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 221-223; 590-593.

[3] В.В.Латышев. Известия древних писателей, т. II. вып. I, с. 181.

[4] В.Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1948, №1, с. 240.

[5] В.Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1949, №4, с. 310.

[6] В.Латышев. Известия древних писателей... - т. II, вып. 2, с. 358-359.

[7] В.Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1948, №4, с. 242.

Этот вывод подтверждается и другим автором IV в. – Агатангелом. Его труд (в редакции VII-VIII веков) о крещении армян, позже переведенный на арабский язык, в 1902 г. на Синайской горе обнаружил Н.Марр. Он посвятил этому источнику пространное исследование «Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием»[1]. В документе абазги упоминаются в значении лазов. Даже по признанию Н.Марра, «под абхазами… здесь, очевидно, подразумеваются лазы»[2]. В ранней редакции труда Агатангела вместо термина абхаз действительно фигурирует лаз[3].

Апсил-абазгов отдельным этносом не считает ни один из авторов, излагающих генеалогические схемы народов. Древние литераторы стремились разделить человечество на потомков сыновей Ноя-Сима, Хама и Яфета и в этом делении определить место всех известных в то время этносов. У Евстафия Антиохийского (280-360 годы) и Иоанна Зонары (XII в.) среди потомков Яфета из грузин указаны только иберы[4]. Зонара хорошо знал абазгов через Прокопия Кессарийского, писал даже об их крещении, но в генеалогическую схему не внес, поскольку абхазов он считал иберами - грузинами.

Византийские писатели, в том числе, автор написанной в 334 г. Liber generationis, Евсевий Кессарийский (умер в 340 г.), Епифан Кипрский (314-403 годы), составитель «Пасхальной хроники» (630-640 годы), опирающийся, со своей стороны, на данные Ипполита Римского (III в.), Георгий Сингелоз (VIII-IX века), Леон Грамматик (IX в.), Георгий Кедрен (IX в.) в своих генеалогических схемах упоминают колх-иберов, а также халибов, мосиников, тибаренов, саннов и колов, но не апсил-абазгов или абхазов[5]. Только у Иоанна Антиохийского (VII в.), сказано, что Яфету вместе с другими территориями досталась в удел и страна абазгов[6]. Автор не упоминает при этом колх-иберов. Фрагмент труда Иоанна Антиохийского, в котором дана генеалогическая схема, сохранился только в редакции XIV в., что дает серьезное основание предположить, что переписчик употребляет термин «Абазгия» (Абхазия) в значении всей Грузии, подобно другим авторам той эпохи[7]. После всего этого следует с еще большим доверием относиться к этногенетической концепции Леонтия Мровели[8], в ко-

---

[1] Записки Восточного Отделения Императорского Русского Географического Общества, т. 16, вып. 2-3. СПБ., 1905, с. 36-211.

[2] Там же, с. 160. Этот несомненный факт Н. Марр не отразил в заглавии исследования, которого следовало бы сформулировать примерно так: «Крещение армян, грузин, лазов и аланов...» Тем самым, автор в заглавии же исказил содержание документа.

[3] Георгика, т. 1, с. 71.

[4] Там же, с. 35; т. 6, с. 191; В.Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1948, №3, с. 237,293.

[5] Георгика, т. 1, с. 11-20, 39-41; т. 4 , кн. 1, с. 6-9, 61-63; т. 5, с. 3-4, 10; В.Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1948, №3, с. 221, 245-246.

[6] Георгика, т. 1, с. 2.

[7] Георгика, т. 7, с. 90-91; т. 8, с. 25-26 и т.д.

[8] Житие Грузии, т. 1, с. 3-6; Абхазия и Абхазы…, с. 37-38.

торой абхазы не упоминаются, а нынешняя территория Абхазии представлена как удел Эгроса – эпонима западных грузин.

Когда хорошо известные византийским авторам абазги и апсилы не фигурируют в числе потомков Сима, Хама и Яфета, а абхазы отсутствуют среди потомков Таргамоса (Леонтий Мровели), когда они не фиксируются абсолютно беспристрастными авторами, это может означать лишь одно – отдельные этносы с такими названиями в тот период не существовали. Именно поэтому не попали «абхазы» хотя бы в «Пасхальную хронику», содержащую подробную информацию о племенном составе мира того времени (VII в.). Среди перечисленных между Боспором и Трапезундом народов вместо абазгов, имевших в то время сильнейшее в регионе воеводство – эриставство, она называет только колх-иберов[1]. Не упоминает абхазов и Византийский автор XII-XIII веков. Никита Хониат, когда он перечисляет подданных императора Мануила Порфирогенета (1143-1180 годы), названного «богопоставленным над лазами, иберами, болгарами, сербами, джиками, хазарами и готами»[2]. На основании приведенного материала можно заключить, что упоминаемый в первых веках н.э. на современной территории Абхазии народы этнически принадлежат к грузинскому миру.

З.Анчабадзе в своих исследованиях не использовал сведения византийских авторов о классификации этносов и отмечал, что индивидуальность апсуа-абхазов подтверждают списки народов, составленные Еквтиме Атонели (XI в.) и грузинским Анонимом XIII века[3].

Еквтиме Атонели опирался на данные Епифана Кипрского и других авторов. Он, правда, добавляет к ним абхазов, осетин, джиков и эров, по отдельности называет колхов и мегрелов. Аноним XIII в. называет грузин, абхазов, сванов, мегрелов, двалов и тушин[4]. По мнению З.Анчабадзе, основанием для списков грузинских авторов послужило языковое различие, поэтому абхазы в этих документах, - писал он, - представлены будто бы отдельным этносом[5]. Совершенно противоположного мнения, однако, сам Еквтиме Атонели: «Каждый из этих родов своего языка не имеет, но многие пользуются общим языком, однако пишутся разными племенами и родами»[6]. А это означает, что не языковое различие служило основанием для списков вышеупомянутых грузинских авторов. Действительно, невозможно признать носителями разных языков, названные в документе грузинские общины. Еквтиме Атонели и Аноним XIII в. употребляют термин «племя» в смысле словаря С.С.Орбелиани (здесь же, с. 62),

[1] Георгика. Т. 4, кн. 1, с. 10.
[2] Георгика, т. 6, с. 133.
[3] З.В.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 216-217.
[4] К.Кекелидзе. Вопросы классификации и географического расположения народов у древнегрузинских писателей (грузинская версия Liber generetionis). – Труды Тбилисского Госуниверситета, 1938, VII, с. 7, 11, 102 (на груз.яз.).
[5] З.В.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.217-218.
[6] К.Кекелидзе. Вопросы классификации и географического расположения народов..., с. 12.

то есть «абхаз» в этих документах представлен составной частью грузинского народа, а не отдельным этносом.

На этническую принадлежность живущих в Абхазии общин, в том числе апсил-абазгов, явно указывают грузинские топонимы, зафиксированные до раннего средневековья[1]. Древнейший из них - легендарный Эгриси, связываемый с именем Эгроса[2]. Согласно М.Джанашвили, этот город основан в XXI в. до н.э.[3]. В I половине III в. до н.э., во времена Парнаваза и Куджи он назывался Бедиа[4].

Древнейшим городом является также Диоскурия[5], упоминаемая в источниках с VI-IV веков. до н.э. (Скилак Кариандский и Псевдо Скилак) по I в. н.э. (Плиний Старший). С I в. до н.э. она называется Севастополисом, а с VII в. - Цхуми[6]. У Псевдо Скилака упоминается г. Гиенос (Очамчире); его называют также Помпоний Мела (Кикнос) и Плиний (Кигнум). Со II в. до н.э. упоминается Пицунда//Питиунт//Питиота (Артемидор Эфесский, Страбон)[7]. С IV в. известен Зиганеос//Гудаква (Гудава)[8], с V в. – Коман, а также р. Мокви[9].

В VI в. упоминаются Трахея, крепость Тибелеос//Цебель[10], а также Дарин[11], Тсахарская (Чхалтская) крепость, Буклос//Буколус (груз. Бокери)[12]. У Иерусалимского монаха VII в., Феодосия Гангрского сохранилось письмо выселенного в Лазику//Эгриси Анастасия Апокрисиара (VII в.), содержащее данные о ряде картвельских топонимов, локализуемых на территории нынешней Абхазии: Схемарская крепость, Скимар (Скиомар, Химар), Тусуме, Мокви, Джиха-

[1] Подробнее об этом см.: П.Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 145-189; Г.Гасвиани. Абхазия, с. 83-134 (на груз.яз); Т.Мибчуани. Топонимика Абхазии. – Проблемы истории Абхазии, с. 154-166 (на груз.яз.); Д.Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, I , Тб., 1977, с. 108-1239 (на груз.яз.); Т.Гванцеладзе. Лингвистические основы историографии Абхазии, с. 183-200 (на груз.яз.); его же: К вопросу о первоначальном названии Пицунды. – Вестник Кутаисского университета, 1995, №1, с. 25-32 (на груз.яз.); его же: Картвельская топонимика Абхазии: Гагра. – Вопросы структуры картвельских языков, т. 6. Тб., 1996, с. 44-49 (на груз.яз.); Грузинские субстратные топонимы в Абхазии (Сухуми, Гагра, Ткварчели). - Артануджи, 2000, №10, с. 87-92 (на груз.яз.); П. Цхадаиа, В. Джоджуа. Географические названия Самурзакано. Тб., 2003 (на груз.яз.); П. Цхадаиа. Историческая и современная топонимика Самурзакано (языковедческие изыскания). Тб., 2004, с.166 (на груз.яз.).

[2] Житие Грузии, т. 1, с. 5; Абхазия и Абхазы…, с. 38.

[3] Святой Исповедник Амвросий и Абхазия, с. 606.

[4] Житие Грузии, т. 1, с. 5.

[5] О картвельской этимологии Диоскурии см.: А.Тугуши. Диоскуриши – Главная вода (Айа, 1999, №7, с. 62-76, (на груз.яз.). См его же: К этимологии ойконима «Гагра» (там же, с. 77-8). На груз.яз.

[6] Житие Грузии, т. 1, с. 235; Абхазия и Абхазы…, с. 49.

[7] Т. Каухчишвили. География Страбона, с. 120, 121.

[8] О. Акишбаиа. Гудава. Тб., 1998; Плиний упоминает р. Сигания (здесь же, . 83), Арриан – Сингам (по мнению Н.Кечакмадзе, это р. Эрисцкали, впадающая в Черное море у Сиганей//Гудавы. См.: Фл.Арриан. Путешествие вокруг Черного моря, с. 69, 70, 90).

[9] Георгика, т.2, с. 6; там же, т. 6, с. 187-188; 203-204.

[10] Там же, т. 3, с. 160; Арриан упоминает Стробильскую (Цебельдинскую?) вершину (здесь же, с. 85); Георгика, т.2, с. 59.

[11] Георгика, т.3, с. 236-237. У С.С.Орбелиани «дарани» объясняется, как тайник в скале, под землей (Грузинский словарь, т.1, с. 197). По мегрельски «дарини» - жилище, стоянка. Слова «Даранская дорога» можно понять, как безопасную (от нападений персов) «дорогу жизни».

[12] Георгика, т.3, с. 85-87, 163; т.4, часть 1, с. 42; Д.Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, I, с. 122.

хора, крепость Пуста, Скотор, Сванидская крепость, Мукорис[1]; ни один из этих топонимов не имеет абхазской этимологии (см. здесь же, гл. XI).

Особо следует подчеркнуть, что на отрезке Ингури-Псоу до позднего средневековья не зафиксировано даже одного топонима, объясняемого на апсуа-абхазском языке. Этот факт исключает проживание на данной территории негрузинского населения. Более того, топонимический материал, представленный в книге К.Меретукова – «Адыгский топонимический словарь» (М., 1990)[2], по признанию самого автора, включает множество явно грузинских географических названий. Это – еще один дополнительный аргумент в пользу версии о расселении грузин не только до р. Псоу, но и до р. Кубани.

2. Распространение христианства

В изучении этнополитической ситуации в Абхазии большую помощь может оказать история распространения и постепенного утверждения христианства. Согласно грузинской исторической традиции, Иберия – удел Богородицы. По Воле Господа и просьбе Богоматери в Грузию, в том числе на территорию современной Абхазии, прибыли Апостолы – Андрей Первозванный и Симон Кананит[3]. Это случилось приблизительно в 30-35 годах.[4] По другим данным, Апостолы прибыли в Абхазию в 55 г.[5]. Их миссионерская деятельность описана в сочинении жившего на рубеже X-XI веков Еквтиме Атонели «Поминовение о странствии и проповедовании Андрея». В его основе лежит повествование автора второй половины VIII в. «Житие Андрея», которое, со своей стороны, опирается на труды более ранних авторов (Климентий Римский, Евагр Сицилийский, Епифан Кипрский)[6].

Святой Симон Кананит (Зилот) погиб в Абхазии и предположительно был похоронен в Никопсии, затем перезахоронен в Анакопии. А праведный Андрей «укрепил (в христианстве) мегрелов и абхазов и отправился в Скифию»[7]. По мнению митрополита Анания Джапаридзе, под скифами весьма часто подразумеваются колх-иберы[8]. Как сообщает Епифан Кипрский, Святой Андрей действительно обратил скифов, согдийцев и Горсинов на территории Грузии – «в великом Севастополисе, где расположена Апсарская крепость, Гисская гавань

[1] Георгика, т. 4, часть 1, с. 42-46, 50-51; об их локализации см. Д.Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II. Тб., 1980, с. 52-57.
[2] Словарь исследован в монографии: З.Ратиани. Вопль источников или зарубежная Грузия. Тб., 1995 (на груз. яз.).
[3] Житие Грузии, т. 1, с. 38; Абхазия и Абхазы…, с. 38.
[4] Анания Джапаридзе. История Грузинской Апостольской Церкви, т.1, 1996, с. 38 (на груз.яз.).
[5] Сказание о Св. Апостоле Симоне Кананите (он же Зилот). М., 1891, с. 7.
[6] Хрестоматия древнегрузинской литературы, т.1, Тб., 1996, с. 27-28 (на груз.яз.); Георгика, т. 4, кн. 1, с. 57-59; Абхазия и Абхазы…, с. 25-26.
[7] Житие Грузии, т.1, с. 42-43; Абхазия и Абхазы…, с. 39-40.
[8] Анания Джапаридзе. История Грузинской Апостольской церкви, т. 1, с. 71, 86-102.

и р. Фазис; там живут иберы, сусы, фустийцы и аланы»[1]. Пребывание Святого Андрея в Абхазии подтверждается упоминанием в тексте фустийцев. Фуста, это высшее божество горских грузин – сванов; кроме того, по сей день сохранилось предание о существовании в нынешнем Сухумском районе квартала под названием Фуста[2]. Согласно Епифану Кипрскому Святой Андрей крестил иберов, сванов (сусов, фустийцев), аланов; абхазы среди крещенных не упомянуты, хотя, согласно источникам, апостолы обратили и их. В I в. Абхазия и абхазы еще не видны на исторической арене, но грузинские авторы Еквтиме Атонели, Ефрем Мцире, Леонтий Мровели используют современную им (XI в.) терминологию. По предположению Т.Гванцеладзе, Леонтий Мровели в «Житии Грузинских царей» применительно к Апостолам первоначально не применял слово «Абхазия», а часто упоминаемый в тексте «Егриси», «мегры» и «мегрелы» - это обобщенное название всей западной Грузии (до Никопсии) и ее жителей, позже замененное в том же значении на «Абхазию» и «абхазов»[3].

Распространение христианства не ограничивается только деятельностью апостолов. Во II-III веках этот процесс проходил во всем Причерноморье Грузии и связывается со святыми именами переселенных в Лазику и Абазгию первых христиан (Климентий Пальм, Орентий и его братья, Иоанн Златоуст)[4]. В деле распространения христианства им, вероятно, содействовали дислоцированные на территории Абхазии римские гарнизоны, а также служившие в дальних провинциях Империи и затем вернувшиеся домой местные грузины. Лионский епископ Ириней (II в.) подтверждал факт распространения христианства в Иберии[5]. К тому времени в Грузии, включая Абхазию, уже существовали христианские общины[6].

Распространению новой веры в Абхазии весьма способствовало объявление христианства в первой четверти IV в. государственной религией как в Римской Империи, так и в Грузии – Иберии, Лазике, в подчиненных этой последней Абхазии и Апсилии. Святая Нино Каппадокийская, предположительно, была просветительницей и западной Грузии. По сообщению автора V в. Геласия Кизикского (опирается на Геласия Кессарийского), в правление императора Константина I (306-337 годы), «Божию заповедь приняли живущие на земле вдоль Понта иберы и лазы»[7], что он считал заслугой «пленницы» - Св. Нино. Присутствие на I Никейском Вселенском церковном соборе (325 г.) Пицундско-

[1] Георгика, т.4, ч.1, с. 57.
[2] Там же, с. 54; Т.Мибчуани. Памятники материальной культуры Абхазии – эпиграфика. Тб., 1999, с.22 (на груз.яз.). Применение имени божества для названия географического пункта достаточно типично для грузинского языкового пространства. К такому типу относятся, например, топонимы: Самеба (Троица), Дали (Дальское ущелье), Мтаварангелози, то есть Архангел (ср. с зафиксированным на территории Абхазии Таргелоз) и т.д.
[3] Т.Гванцеладзе. Лингвистические основы историографии Абхазии, с. 40, 44-45.
[4] Дж.Гамахария. Абхазия и православие. Тб., 2005, с.47-56.
[5] Там же, с. 51.
[6] Анания Джапаридзе. История Грузинской Апостольской церкви, т. 1, с. 133.
[7] Георгика, т.1, с. 186, 245-246.

го епископа Стратофила, а также Трапезундского Домнуса[1] свидетельствует о широком распространении христианства в западной Грузии. С этого периода и до нашествия гуннов главным религиозным центром всего грузинского Причерноморья, вероятно, была Пицунда[2]. В V веке – в эпоху Вахтанга Горгасала – Грузия едина, соответственно, ее церковь была единой; она подчинялась Мцхете и богослужение производилось на грузинском языке; после установления границы по р. Келасури, находящаяся к северо-западу от нее территория Абхазии, по мнению митрополита Ананиа Джапаридзе, в государственном и, следовательно, в религиозном отношении стала частью Византии[3].

На территории нынешней Абхазии христианство было распространено довольно широко, о чем свидетельствует деятельность Команского епископа Басилиска. Он был родственником великомученика Феодора Тирона. Мученичество Басилиска за веру произошло приблизительно в 308 г. Именно он явился Иоанну Златоусту перед смертью[4]. Святые Басилиск и представившийся в 407 г. Иоанн были похоронены друг подле друга в Комани. Показателем религиозного состояния местного населения является поклонение могиле Иоанна Златоуста со стороны Команского епископа и прихожан. Решение императора Феодосия II (408-450 годы), перезахоронить мощи святого в Константинополь (438 г.), встретило большое сопротивление со стороны команского епископа и местных прихожан. Они не уступали останков Иоанна Златоуста, их охватила печаль и горе. Когда нетленное тело святого достали из саркофага, собравшееся в большом количестве местное население и духовенство всю ночь провели в пении и почитании святого со свечами в руках. Сопротивление населения было, однако, сломлено и оно с рыданием проводило останки Иоанна Златоуста[5]. Величайшая святыня - саркофаг, тогда остался в Комани и на протяжении веков представлял предмет поклонения верующих[6].

О масштабах распространения христианства свидетельствует целый комплекс культовых сооружений (IV-VI веков), с уникальными предметами, обнаруженными в Пицунде и ее окрестностях; значительный христианский клад найден и в Цебельде[7]. Выявленный здесь материал подтверждает достоверность сведений Пр.Кессарийского о Цебельдинских апсилах: «Апсилы поддан-

[1] Там же, с.1-10.
[2] Б.Диасамидзе. Христианство в западной Грузии (I-X века). Батуми, 2001, с. 105; Мегрелия, Колхида, Одиши (Т.Берадзе), с. 105 (на груз.яз.).
[3] Анания Джапаридзе. История Грузинской Апостольской церкви, т.1, с. 16-28.
[4] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 56 (на груз.яз.).
[5] Абхазия и в ней Симоно-Кананитский монастырь. М., 1898, с. 200; История православной церкви до начала разделения церкви. С-Пб., 1902,с. 158.
[6]Католикос – патриарх Всея Грузии, Святейший и Блаженнейший Илья II в бытность свою Цхум-Абхазским Митрополитом (1967-1977 годы), перенес саркофаг Иоанна Златоуста в Сухумский кафедральный собор, чем спас его от уничтожения. Позже боговерующая семья Юрия (Георгия) Ануа и Зои Адамия восстановила Команскую церковь и 25 ноября 1990г. туда же поместили саркофаг. На следующий же день Его Святейшество Илья II провел в Команской церкви первое богослужение. – Мадли, 1997, 18 сентября (на груз.яз.).
[7] Соответствующую литературу см.: Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 97.

ные лазов и с давних уже времен христиане»[1]. Тот факт, что нынешние апсуа-абхазы не имеют собственную христианскую терминологию и она целиком заимствована из литературного грузинского языка или его мегрельского диалекта (здесь же, гл. XI), однозначно указывает на грузинскую принадлежность древнего населения современной территории Абхазии.

Распространение христианства явилось предпосылкой для установления тесных контактов с Римом и Византией, для обеспечения безопасности региона, его культурно-экономического подъема и последующей консолидации грузин. В тоже самое время, оно служило и достижению политических целей – укреплению позиций Империи в Лазике. В соответствии с этими целями происходило формирование отдельных политических единиц и в последствии – усиление или, наоборот, ослабление некоторых из них, а также основание и реорганизация христианских центров.

3. Абхазия в составе Эгриси (Лазики)

Сложная международная обстановка оказывала своеобразное влияние на происходящие в регионе политические процессы. Усилившийся к середине III в. Сасанидский Иран постепенно теснил Римскую Империю, которую охватила внутренняя анархия; часто сменялись императоры (период «солдатских императоров» длился с 235 по 284 г.); от Империи отпала Британия, Испания, Галлия и Сирия-Египет («Пальмирское царство»); участились нападения различных варварских племен. Вероятно, во второй половине III в. восстанавливается и Лазское царство, хотя независимости, надо думать, оно достигло позже. В 50-е годы того же века Черноморское побережье Колхиды подвергается набегам готов. Они напали на Пицунду, но были разбиты местным римским гарнизоном. Вскоре готы вновь появились у Фазиса (где натолкнулись на сильное сопротивление), затем у Пицунды, которой на этот раз овладели и полностью разграбили, перебили большую часть римских солдат[2], а остальных пленили. Готы разграбили и Трапезунд[3]. В конце III в. против Рима выступило и Боспорское царство , захватившее Лазику и продвинувшееся до Малой Азии. По мнению Г.Меликишвили, лазы сопротивлялись захватчикам самостоятельно; римлян же в Лазике , вероятно, уже не было[4].

Конец III в. является для Римской Империи периодом определенной стабилизации и восстановления утерянных позиций. Удалось вернуть большую часть утраченных территорий, отразить нашествия различных племен и добиться успехов в войне с Ираном. В этот период центр Империи постепенно

[1] Георгика, т. 2, с.128; Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 380.
[2] Римский гарнизон в Пицунде был поставлен между 135-152 годами (Т.Тодуа. Римский мир и Колхида, с. 26).
[3] Н.Ломоури. История Эгрисского царства…, с. 40-42; Т.Тодуа, Римский мир и Колхида, с. 32-33.
[4] Г.А.Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 381.

начинает смещаться на восток, где ее позиции укрепляются. К концу III в. в Пицунде восстановлен римский гарнизон, который вскоре расширился. Вероятно, здесь размещалось основное ядро сухопутных и морских сил Рима в восточном Причерноморье, с резиденцией командующего. Был также восстановлен и расширен гарнизон Севастополиса (предположительно, и его разграбили готы). В первой половине IV в., надо думать, произошло восстановление римского гарнизона в Лазике[1]. По мнению Т.Берадзе, в 60-х годах IV в. Эгриси уже является страной, находящейся вне пределов империи[2].

С.Джанашиа связывает создание почти независимого Лазкого царства с ослаблением Рима и усилением Ирана[3]. Необходимо учитывать и позицию Г.Меликишвили, по мнению которого, в лице Лазики Риму нужен был сильный союзник для защиты Кавказских врат и пресечения вторжений варварских племен. Особую угрозу представляли гунны. Они уничтожили Боспорское царство, объединения аланов, вторглись на Кавказ, разорили Пицунду (в 70-х годах IV в.) и т.д. Сдерживание гуннов входило в интересы обеих сторон.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. С начала IV в. большое внимание уделялось христианскому фактору, ставшему одной из основ союзнических отношений Рима и Лазики в условиях, когда образовавшееся в результате противостояния с Ираном новое соотношение сил не давало Империи возможности восстановления полного контроля над Эгриси. Рим, если и не помогал Лазике расширяться в северо-западном направлении, присоединяя свои исконные земли, то, по крайней мере, не препятствовал этому. Однако, категорически неприемлемо утверждение Г.Меликишвили и др. об оттеснении якобы Лазикой апсилов, абазгов, а также сванов на северо-запад[4]. Никаких перемещений и изменений «этнических» границ в каком бы то ни было направлении на территории Абхазии в источниках не зафиксировано. Несмотря на это, Н.Ломоури пишет: «К началу V в., если не раньше, в результате усиления Лазского царства, граница между лазами и апсилами переместилась на р. Кодори ; лазы потеснили апсилов, а эти последние – абазгов… К северу переместились и абазги – они заняли территорию между реками Гумиста и Псоу. В распоряжении санигов остался отрезок побережья между реками Псоу и Шахе»[5]. Получается, что в результате лазской «атаки» апсилы переместились до Гумисты, а «притесненные» апсилами единоплеменные абазги заняли сектор Гумиста-Псоу и т.д. Выходит, что «притесненные» племена занимают гораздо большую и лучшую территорию, чем имели до «притеснения». Причиной столь безосновательных и алогичных рассуждений является объявление апсил-абазгов «горцами», их

[1] Там же, с. 381, 385; Т.Тодуа. Римский мир и Колхида, с. 30-36.
[2] Мегрелия, Колхида, Одиши, с. 102.
[3] С.Джанашиа. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики, с. 24-25.
[4] Г.А.Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 383.
[5] Н.А.Ломоури. Из этнокультурной истории древней Абхазии, с. 40.

упоминание в разное время в разных местах. На территории нынешней Абхазии в тот период жил один народ, искусственно разделенный римлянами на четыре «царства». Изменение границ между этими единицами (то есть процесс объединения или распада Лазики//Эгриси) не вызывала никаких массовых перемещений населения из одного междуречья «обязательно» в другое междуречье. Фиксация отдельными авторами на одном и том же месте различных «этносов» лишь подчеркивает их этническую идентичность и не подразумевало никаких переселений и перемещений, неизвестных историческим источникам. Пора освободиться от этих навязанных имперско-сепаратистких версий[1]. Прав, очевидно, Т.Мибчуани, объясняющий упоминание в секторе Гагра-Пицунда различными авторами в различное время гениохов, санигов, суано-колхов и абазгов не переселениями, а их идентичностью, принадлежностью к грузинскому этносу[2].

Ко второй половине IVв. Лазика со столицей Цихе-Годжи (Археополис) включала всю западную Грузию.[3] На севере и северо-западе ее юрисдикция распространялась на апсилов, абазгов и сванов, а также на Сквимнию-Таквери древнегрузинских источников (Рача-Лечхуми), и, предположительно, на санигов. Правители этих краев сохраняли власть, но становились вассалами Лазского царя, утверждавшего их на свои должности. «Эти абасги издревле были подданными лазов, - писал Пр.Кесарийский, - начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников, из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»[4]. Наличие двух правителей – показатель слабости и низкого статуса Абазгии. По свидетельству того же Прокопия Кессарийского, апсилы с древнейших времен являлись подданными лазов[5]. Как выясняется , Апсилия составляла непосредственную часть Лазики, но была отдельной административной единицей, управляемой чиновниками, назначаемыми лазскими царями; в здешних крепостях находились лазские гарнизоны[6]. Со своей стороны, и лазский царь утверждался в Константинополе. Других обязательств по отношению к римлянам он не имел, если не учитывать общих интересов по обороне Кавказских перевалов. Поэтому Феодорит

[1] По голословному утверждению сепаратистов, апсилы в VIв. были оттеснены лазами до р. Ингури (?!). См.: О. Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 85.

[2] Т.Мибчуани. Памятники материальной культуры Абхазии, с. 16 (га груз.яз.); его же: История Абхазской автономной республики, с. 45-46 (на груз.яз.).

[3] Очерки истории Грузии, т. 1, с. 555-558 (на груз.яз.).

[4] Георгика, т. 2, с. 133; Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 382. По мнению Д.Летодиани, здесь речь должна идти о существовании двух различных единиц – Санигского и Абхазского эриставств (Д.Летодиани. Политические взаимоотношения Абхазии…, с. 145 (на груз.яз.).

[5] Георгика, т. 2., с. 128, 162-165. Ю. Воронов, фальсифицируя историю западной Грузии, считал апсилов потомками населения центральной Колхиды эллинистической эпохи и начала нашей эры, отрицал, что в IV-VII веках они являлись поддаными лазов (Ю. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 135-144). В. Джапаридзе подверг основательной критике взгляды Ю. Воронова (В. Джапаридзе. К некоторому вопросу истории Цебельдинской культуры. – Вопросы археологии Грузии, II. Тб., 1979, с. 78-88).

[6] Там же, с. 162-165; Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 403; Очерки истории Грузии, т. II, с. 165-166 (на груз. яз.).

Кирский (Vв.) говорил: «Многие, даже приняв узду рабства, не могут жить по законам своих поработителей… Ни лазы, ни саны, ни абасги, ни прочие варвары, подчинившиеся господству римлян, не заключают друг с другом договоров по римским законам»[1]. Прокопий Кессарийский подтверждал, что лазы, хотя и были подданными римлян, но ни дани не платили, ни в чем другом не подчинялись им, кроме того, что, когда умирал их царь, император посылал наследнику царского престола символы власти[2]. Рим защищал границы этой страны, чтобы предотвратить вторжение гуннов через Лазику на свою территорию. При этом лазам не вменялось в обязанность даже участие в походах римлян. По сведениям Агафия Схоластика, «лазы – народ весьма многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают, и, может быть, не совсем без оснований. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямотой нравов» (III, 5)[3]. Это сообщение также указывает на высокую степень независимости Лазики от римлян и ее господстве над другими соседними политическими единицами, в том числе Абазгией и Апсилией.

В 50-60-х годах V в. Лазика безуспешно пыталась добиться полной независимости от Византии. Она не только не добилась цели, а, наоборот, в этот период утратила контроль над Сванети[4], что вероятно, произошло по воле и при участии Византии. Согласно грузинской исторической традиции, как уже было сказано, царь Картли Вахтанг Горгасали именно в это время (середина V в.), воспользовавшись тем, что царь греков Леон Великий (457-474годы) был занят войной с персами и не мог послать войска в Абхазию, захватил западную Грузию до Цихе-Годжи. Поход против греков был удачен и завершился договором: «И выведал Кесарь пределы владения Греции, страну на побережье моря, что есть Абхазия, и сказал (Вахтангу) следующее: «От Эгрисцкали до реки Малой Хазарии – это владения Греции со времен Александра (Македонского-авт.), которые нынче ты захватил силою у нас. Теперь же верни их нам обратно, и когда возьмешь жену свою, мою дочь, тогда дам через нее эту страну». И отдал (Кесарь) в приданное землю между Эгрисцкали и Клисурой, а остальную Абхазию обратно отдал Вахтанг грекам»[5]. Эта легенда основана на исторической реальности, отражающей попытку Византии путем отторжения Абазгии осла-

---

[1] Георгика, т. 1, с. 226-227; В.Латышев. Известия древних писателей... - Вестник Древней Истории, 1948, №3, с. 300.

[2] Георгика, т. 2 я, с. 72; Агафий о царствовании Юстиниана. М., 1953, с. 73.

[3] Георгика, т.3, с. 50-51; Агафий о царствовании Юстиниана. М., 1953, с. 73.

[4] Очерки истории Грузии, т. 2, с. 167-169.

[5] Житие Грузии, т.1, с. 157,177; Абхазия и Абхазы…, с. 45.

бить Лазику, по тактическим соображениям склонявшуюся в сторону Ирана. В V в. эта цель, видимо, не была достигнута[1].

В первой половине VI в. обстановка обострилась. В 523 г. Иран упразднил царскую власть в Картли и решил оккупировать также и Эгриси; западная Грузия, включая Апсилию и Абазгию, превратилась в арену противостояния Ирана и Византии. Эгриси к тому времени, наверное, поддерживал связь с Ираном и, возможно, имел даже перед ним определенные обязательства. Однако, срочно принятые Византией меры вынудили Эгриси изменить позицию. На престол Эгриси//Лазики, вместо скончавшегося в 523 г. царя, Византия в том же году посадила законного наследника Цатэ; он, как оказалось, раньше отрекся от христианства (вероятно, это и было одним из обязательств перед Ираном). Теперь же, с целью утверждения на престоле, он вновь принял крещение и, вместе с женой - дочерью византийского вельможи - вернулся на родину. Шах Кавад крещение Цатэ оценил, как переманивание Византией его вассала. Под предлогом наказания непослушного «подданного» иранское войско в 528 г. вторглось в Эгриси, но было остановлено и отброшено за пределы страны объединенными Эгрисско-Византийскими силами[2].

На основании Византийско-Иранского «вечного мирного договора» 532 г. Византия поставила свои гарнизоны в западной Грузии, в том числе в Пицунде и Севастополисе. Своеволье командиров именно этих гарнизонов толкнуло лазов к новому союзу с Ираном. В 542 г. призванное царем Губазом Иранское войско вступило в Эгриси – и при поддержке местных сил заняло основной опорный пункт византийцев крепость Петру. Сразу же после этого византийцы сами разрушили Севастопольскую и Питиунтскую крепости и спешно удалились. В 545-546 годах Византия и Иран заключили пятилетнее перемирие. В то же время царь Губаз, не выдержав коварства иранцев, вновь взял курс на Византию. В 549 г. иранцы были изгнаны из Эгриси. В 550 году они попытались вернуться, но безуспешно. Новое Иранское войско под командованием Набеда пыталось закрепиться в Абхазии (Абазгии), отпавшейся от Византии и Эгриси[3].

На фоне этих исторических событий произошло крещение Абазгии. Распространение здесь христианства и связанные с этим события датируются периодом между 542-548 годами.[4] Обращение абазгов и строительство для них храма[5], основание митрополитской кафедры в Фазисе[6], создание в середине VI

---

[1] Из источников не видно, чтобы Абхазия в V в. откололась от Лазики, как об этом писал А. Богверадзе (Очерки истории Грузии, т.2, с. 258). Как увидим ниже, это произошло несколько позже.
[2] Мегрелия, Колхида, Одиши (Т.Берадзе), с. 107-108.
[3] Там же, с. 109-112.
[4] Д.Летодиани. Разыскания. Тб., 2003, с.121 (на груз.яз.).
[5] Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 383. По утверждению М.Уридия, Юстиниан I построил для абазгов храм в Лыхны, где найдены развалины древнейшей церкви римского стиля. Другие мнения относительно места постройки храма см.: Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 71-72.
[6] Б.Кудава. Церковь западной Грузии (IX-XI века). Канд. дисс. Тб., 2002, с. 12, 13(на груз.яз.).

в. Севастопольской епархии, приглашение ее епископа на V Вселенский Церковный Собор (Константинополь, май, 533 г.)[1] и другие мероприятия религиозного характера[2] находились в прямой связи с Ирано-Византийским противостоянием в регионе, служили целям укрепления позиций Византии в западной Грузии, интересам защиты ее безопасности. Все эти мероприятия ставили своей целью ослабление ненадежной Лазики, отторжение от нее Абазгии, создание послушной, единоверной политической единицы, защиту Кавказских врат и т.д. С христианизацией Абазгии ее правителям запретили оскопление юношей, что получило одобрение населения. Вскоре абазги, решив жить свободно, упразднили власть своих правителей, но введенные римлянами новые порядки оказались для них еще более отягощающими. Поэтому абазги отпали от римлян и лазов. «Боясь, как бы в дальнейшем им не стать рабами римлян, они снова выбрали себе царьков по имени Опситу для восточной стороны и Скепарну - для западной»[3]. Т.Берадзе в этом усматривает и руку Эгрисского царя Губаза II, о чем должно свидетельствовать «воцарение» в Восточной Абхазии его дяди Опситы. Потомками этого представителя Эгрисского царского дома, по мнению Т.Берадзе, были будущие Абхазские эриставы, имевшие тем самым легитимные права на Эгриси[4].

Абазги не только возродили власть своих правителей, но и тайно примкнули к персам (для переговоров к ним отправился Скепарна), что вскоре стало известно византийцам, вызвав гнев Юстиниана. В 550 г. он послал против абазгов сильное войско во главе с Бессой. Решающая битва произошла у крепости Трахеи (нынешний Новый Афон или Гагра). Римляне жестоко расправились с абазгами; Опсит сумел бежать к гуннам. «Остальным, -пишет Прокопий, -досталось на долю или вместе со сгоревшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятелей. Римляне взяли в плен жен начальников со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну опустошили жестоко. Так окончилась попытка абасгов отпасть»[5].

В то же время (552 г.) произошло и отпадение апсилов. Обиженный на Лазского царя магистр апсилов, знатный лаз Тердет[6] сдал Цебельскую крепость персам. Помощи не было видно ниоткуда, римляне и лазы были заняты вой-

---

[1] Б.Диасамидзе. Христианство западной Грузии, с. 157; Б.Кудава. Церковь западной Грузии..., с. 14. Факт присутствия Севастополисского епископа на V Вселенском Церковном Соборе считает сомнительным Анания Джапаридзе. – См. его: Вселенские Церковные Соборы с участием грузинских епископов. Тб., 2003, с. 11.

[2] По мнению Б.Диасамидзе, в 60-70-х годах VIв. произошло возведение Себастопольского епископа в сан архиепископа и таким путем лишение Пицундской епископии первенства, приобретение Византией усердного и сильного союзника в условиях затянувшейся войны с Ираном.

[3] Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 400; Георгика, т. 2, с. 156-157.

[4] Мегрелия, Колхида, Одиши, с. 112. По мнению С. Каухчишвили, дядя Губаза - Опсит и один из правителей Абхазии Опсит – разные лица. – Георгика, т.2, с. 156.

[5] Георгика, т. 2, с. 161; Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 401-402.

[6] Сепаратисты умышленно умалчивают о том, что Тердет был не только знатным лазом, которого, - как они пишут, - хорошо знали апсилы (см.: О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 88), но и правителем (магистром) этого края.

ной с персами у Петры. Инициативу взял на себя начальник крепости, не простивший иранскому военачальнику оскорбление своей жены - апсилки и ночью полностью вырезал персов. «Вследствие этого апсилы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подвергались насилию со стороны персов. Но Губаз послал к ним тысячу римлян под начальством Иоанна сына Фомы…, многими дружескими речами и обещаниями ему удалось привлечь их на свою сторону без всякого сражения и вновь сделать подданными лазов»[1]. Эгрисцы и римляне полностью изгнали персов из Абхазии.

Противостояние между двумя великими державами этим не завершилось. Византийцы сравняли с землей крепость Петру, полностью истребив ее иранский гарнизон; жестокое поражение потерпели персы у Археополиса, но сумели закрепиться в Кутаиси. Пятилетним перемирием 552 года воспользовались только иранцы. Один знатный лаз сдал им крепость Уфимеру (Утимереос), благодаря чему под контролем персов оказались Лечхуми и Сванети. Иранцы заняли еще одну Эгрисскую крепость Телефис (в окрестностях Толеби), упрочив тем самым свое положение.

Царь Губаз, оставшийся верным Византии, сообщил Кесарю о постыдных поступках его полководцев, что в последствии оказалось причиной его вероломного убийства (554 г.). Возмущенные лазы после экстренного народного схода и обсуждения случившегося все же остались на стороне Византии с тем условием, что убийцы Губаза понесут жестокое наказание. Кесарь удовлетворил их требования. Утвержденный в Константинополе новый царь Цатэ II был с почестями отправлен в Эгриси. Во внутренних вопросах он сохранял независимость[2].

Византийский полководец Сотерих, сопровождавший Цатэ из Константинополя, своими грубыми действиями вызвал восстание мисимианской общины. Установлено, что они жили на территории нынешней Абхазии, в Кодорском ущелье. Не подлежит сомнению их принадлежность к сванской ветви грузин[3]. «Когда Сотерих пришел в страну мисимиан, - писал Агафий Схоластик, - они были подданными царя колхов, так же как апсилийцы. Но язык у них был разный, так же как и нравы. Живут же они севернее народа апсилиев и несколько восточнее» (III, 15)[4]. Отличающийся от апсильского – это сванский язык, северо-восточней от Апсилии край – Кодорское ущелье.

Прибывший в 555 г. в крепость Бухлоон Сотерих раздавал жалованье представителям союзных горцев. Мисимиане решили, что Византийский полково-

[1] Георгика, т.2, с.164-165; Прокопий из Кессарии. Война с готами, с. 403.
[2] Очерки истории Грузии, т. 2, с. 259-265; Мегрелия, Колхида, Одиши (Т.Берадзе), с. 113-115.
[3] С.Каухчишвили. Племя мисимян. - Труды Тбилисского госуниверситета, т. 1. Тб., 1936, с. 277-280 (на груз. яз.); Т.Мибчуани. Из истории этногенеза, расселения и культуры заподногрузинских горцев, с. 128-143 (на груз.яз.); Г.Гасвиани. Кто были мисимяне. – Цхуми, 1990, №3, с. 23-42 (на груз.яз.) и т.д.
[4] Георгика, т.3, с. 86; Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953, с. 87.

дец намеревался передать эту крепость аланам, из-за чего послали к нему делегацию с требованием покинуть крепость. Сотерих велел высечь посланников, чем нанес оскорбление всей общине. Возмущенное население ночью ворвалось в лагерь византийцев и перебило всех, захватив при этом оружие и деньги. Одновременно мисимиане обратились за помощью к находившимся в Иберии персам, обещая помощи и со своей стороны. По заключении союза «у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов – безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов» (VI, 12)[1], - заявила мисимианская делегация иранскому полководцу. Обо всем этом сразу же стало известно византийцам. Они разбили вторгшееся в Эгриси войско Нахорагана (принявшего делегацию мисимиан), затем начали готовиться к походу против мисимиан. В связи с активизацией иранцев, провести запланированную на весну операцию до наступления зимы не удалось. Войско византийцев прибыло в Апсилию; оттуда к мисимианам были отправлены послы – апсилы с предложением о мирном разрешении конфликта. Предложение не было принято, более того, мисимиане убили послов. Несмотря на отчаянное сопротивление и самоотверженность мисимиан, византийцы жестоко расправились с восставшими, уничтожили до 5 тыс. бойцов, еще больше женщин и еще больше детей[2]. После всего этого византийцы, взяв заложников и похищенные у них деньги, вернулись обратно с большой добычей. Мисимианам же было позволено «снова безбоязненно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни»[3]. Грузинская община мисимиан, ослабевшая в результате совершенного византийцами варварства, после середины VIII в. в источниках не упоминается. Предположительно, они переместились в сторону Сванетии в более безопасные места. Оставшееся на месте население с конца XVII в. подверглось апсуизации, было обращено в мусульманство и в последствии ушло в мухаджирство.

В 542 г. «великая война в Эгриси» завершилась 20-летним мирным договором. В западной Грузии за иранцами оставалась только Сванети. В 575 г. Византийско-Эгрисский отряд взял в плен правителя Сванетии, придерживавшегося иранской ориентации, после чего персы навсегда ушли из Эгрисского царства[4]. В Эгриси, подданными которого по-прежнему оставались апсилы, мисимиане и абазги (все вместе же находились в сфере влияния Византии), на время утвердился мир. По мнению З.Анчабадзе, Абхазия с середины VI в. подчинялась непосредственно Византии тогда, как Апсилия и Мисимия оставались вассалами Лазики[5]. Более убедительно, однако, предположение П.Ингороква о том, что в первой половине VI в. имела место лишь попытка отделения Абаз-

[1] Георгика, т.3, с. 155; Агафий. О царствовании Юстиниана, с. 115.
[2] Георгика, т.3, с. 156-157, 160-174; Агафий. О царствовании Юстиниана, с. 123-124.
[3] Георгика, т.3, с. 174, 160-174; Агафий. О царствовании Юстиниана, с.124.
[4] Мегрелия, Колхида, Одиши (Т.Берадзе), с. 117.
[5] З.Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 48, 49.

гии от Лазики. Церковный раздел также был частичным[1], политически Абазгия «занимает несколько обособленное положение среди краев Лазского царства. Она, хотя и считается частью Лазской страны (и по составу населения является грузинской страной), но византийское политическое влияние здесь сильнее, чем в других краях Лазики. Такое положение создалось в VI в. и продолжалось в 7-8 веках»[2]. Заключительная часть версии П.Ингороква требует большего обоснования и конкретизации, также как и утверждение об упразднении царской власти в Лазике во второй половине VI в.[3]. Упразднение царства и отделение Абазгии от Лазики, как увидим ниже, были обусловлены последующими явлениями.

В начале VII в., в 604 г. Иран, использовав в качестве предлога совершенный в Константинополе государственный переворот, возобновил войну и за короткое время нанес ряд сокрушительных ударов по Византии, заняв большую часть ее территории. С целью вывода Империи из тяжелого положения, Сенат возвел на трон энергичного правителя Ираклия (610-641 годы). В 20-х годах VIII в. он предпринял атаку против Ирана. В этой смертельной схватке участвовали и Иберия, Лазика, Абазгия, но они не поддержали Ираклиевский план вторжения в Иран, и, когда персидское войско настигло Кесаря и создалось критическое положение, лазы и абазги отказались от союзнических обязательств и вернулись обратно[4]. Этот факт явно указывает на достаточно высокую степень независимости от Византии грузинских политических единиц.

В войне с Ираном Византия нуждалась в более надежном и сильном союзнике. Таковым оказалась Хазария, с помощью которой Ираклий в 627-628 годах разбил Иран и во всем Закавказье надолго установил гегемонию Византии[5]. Именно в 20-х годах VII в. Византия вывела Абазгию из состава Лазики, подчинив ее непосредственно и посадив в Анакопии своего архонта – «эристава Абхазии» грузинских источников[6]. В этот же период, надо думать, произошло и церковное разделение, что подтверждается составленной в период правления Ираклия первой нотицией – списками кафедр Константинопольской патриархии. На территории северо-западной Грузии зафиксированы входящее в Джикскую епархию Никопсийское автокефальное архиепископство, входящее в Абхазскую епархию Севастопольское автокефальное архиепископство и входящее в Лазскую епархию (Фазисская митрополия) Сиганейское (Гудавское)

[1] По мнению Б.Кудава, Севастопольское епископство подчинялось Фазисскому митрополиту (Б.Кудава. Указанное сочинение, с. 185-187).
[2] П.Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 194.
[3] Там же, с. 191.
[4] С.Джанашиа. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики. с. 36-37; Очерки истории Грузии, т. 2, с. 279-280.
[5] Очерки истории Грузии, т. 2, с. 281-283.
[6] С.Джанашиа. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики, с. 37; Д.Мусхелишвили. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности. – Разыскания по истории Абхазии/Грузия, с. 125.

епископство[1]. Абхазская епархия включала и Апсилию, в главном городе которой, Севастополисе, располагалась автокефальное архиепископство.

Тогдашнее «автокефальное архиепископство» не являлось независимой Апостольской церковью в современном понимании, как ошибочно полагает Е.Аджинджал, а подчиненным непосредственно Константинополю церковным центром, «независимость» которого была формальной, лишенной реального содержания. Так понимает «автокефалию» другой абхазский исследователь Д.Дбар[2]. Учреждение автокефального архиепископства в Севастополе, вероятно, было обусловлено тем обстоятельством, что его юрисдикция распространялась на две независимые друг от друга политические или административные единицы – Абазгию и находившуюся в составе Лазики Апсилию. Как защитник и выразитель интересов Империи, она была независима, предположительно, не только от Фазисской митрополии[3], но и от не очень надежных для Византии правителей Абазгии и Эгриси. Этот последний фактор (независимость от светских властей), видимо, играл немаловажную роль, чем, вероятно, и была обусловлена многочисленность автокефальных архиепископств в северо-восточном Причерноморье. Только в Джикской епархии были три автокефальные кафедры (в Херсоне, Боспоре и Никопсии), всего же в подчинении Константинополя находилась 41 автокефальная кафедра[4]. Их связь с политическими целями и задачами Империи несомненна.

Существует заслуживающая внимание точка зрения, что параллельно с кафедрами, подчиненными Константинополю и стоящими на страже интересов Византии, в западной Грузии, включая сектор Ингури-Псоу, существовали и местные, грузинские церковные центры[5]. Отчуждение от Константинополя, вероятно, началось уже в VII в., когда в Империи усилились монофелиты и монофизиты, когда совместно с единомышленниками сосланный в Лазику главный противник этого течения Максим Исповедник преставился в 662 г. в Грузии и был похоронен в Лечхуми[6]. Эта отчужденность еще больше усугубилась в период так называемого иконоборчества (20-е годы VIII – 40-е годы IX в.) и дело дошло да раскола. По мнению Ананиа Джапаридзе, уже в первой половине VIII в. западная Грузия в церковном отношении отделилась от Византии. При этом автор опирается на следующее сообщение Иерусалимского патриарха в 1669-1702 годах Досифея: «После Ираклия (610-641 годы- авт.) и до Льва Исавра

[1] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 79, 100. Б.Диасамидзе полагает, что преобразование Севастопольской епископии в автокефальное архиепископство произошло в 70-х годах VI в. (Б.Диасамидзе. Христианство в западной Грузии, с. 161).

[2] Е.Аджинджал. Из истории христианства в Абхазии, с. 4-5 (Предисловие Д.Дбара), 85-87.

[3] Анания Джапаридзе считает, что митрополиту Фазиса подчинялись и автокефальные архиепископы северо-восточного Причерноморья (см. его : Вселенские церковные соборы, с. 25-27).

[4]Георгика, т.4, кн. 2, с. 129.

[5] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 88-89; Л.Ткешелашвили. Гелати. Кутаиси, 2007, с.5-18 (на груз. яз.).

[6] Житие Грузии, т.4 , с. 749.

(717-741 годы-авт.) Нижняя Иверия (западная Грузия – авт.) уже была автокефальным архиепископством, но неизвестно, при каком императоре и на каком соборе ей была предоставлена автокефалия. Нижнеиверийский католикос, по достоинству выше, чем Верхнеиверийский католикос, поскольку он уже при Исавре, в 720 г. был Католикосом Нижней Иверии»[1]. Согласно Антиохийскому патриарху Макарию (1648-1672 годы), благословение первого Католикоса Всея Грузии – Иоанна (престол которого стоял в стране Абхазов) произошло при Феофилакте Антиохийском[2]. По утверждению В.Гоиладзе, рукоположенный в 744-750 годы в Антиохии Иоанн действительно является первым католикосом западной Грузии[3]. До создания Абхазского царства он, вероятно носил титул Пицундского католикоса и не был связан с Константинопольской Патриархией. Пицундская кафедра по мере политического усиления Абазгии развивалась, как противостоящий иконоборчеству важный грузинский церковный центр. Вполне заслуженно стала она католикосской кафедрой западной Грузии. В 758 г. именно в Пицунде произошло и рукоположение Готского архиепископа.

Таким образом, церковное объединение западной Грузии, ее размежевание от Константинопольской Патриархии[4] предшествовало политическому объединению всего этого региона, его отделению от Империи и обретению государственной независимости. Существование независимой грузинской церкви способствовало дальнейшей консолидации народа, а восстановление богослужения на грузинском языке – возрождению и развитию национальной культуры. Все это безусловно играло роль катализатора в деле ускорения политических процессов.

Представление о политической обстановке, сложившейся в Абхазии в середине и во второй половине VII в., дает сочинение Иерусалимского монаха Феодосия Гангрского. Кроме личных воспоминаний автора о приезде в Лазику (668-669 годы), в нем опубликовано письмо Анастасия Апокрисиара, содержащее сведения о последних годах жизни сосланного в Лазику в 662 году Византийского мыслителя и богослова Максима Исповедника (автор письма также был сослан в Лазику вместе с Максимом)[5]. Из сочинения Феодосия явствует, что Лазика и Абхазия независимые друг от друга, но подчиненные Византии политические единицы. Они не имели царей и управлялись патрикиями, назначаемыми из Константинополя. Большая часть территории нынешней Абхазии, включая Апсилию (между реками Келасури и Гумиста или Анакопии) и Мисимянию (Кодорское ущелье) находится в составе Лазики (границы собственно Лазики доходят до Келасури). Явно просматривается тенденция усиления

[1] Анания Джапаридзе. История Грузинской Апостольской церкви, т.2, с. 90-91.
[2] Армаган. Образцы восточной литературы. Тб., 1932, с. 89-90 (на груз.яз.).
[3] В.Гоиладзе. У истоков грузинской церкви. Тб, 1991, с. 169-178.
[4] Мнение об учреждении Абхазского Католикосата в середине VIII в. разделяет Д.Дбар (Е.Аджинджал. Из истории христианства в Абхазии, с. 5-8).
[5] Георгика, т.4, кн. 1, с. 38-56.

Абазгии. Свергнутые Лазские правители бегут в Абазгию; благодаря полученным там советам и поддержке один из них сумел временно вернуться к власти. Лазика и Абазгия – глубоко христианские страны; Христолюбивы и правители Абазгии. Правитель Лазики Григорий назван «возлюбленным богом патрикием магистром». Первая его резиденция находилась в местечке, имеющем чисто грузинское наименование – Джихахоре (нынешний Очамчирский или Гульрипшский район Абхазии); упоминается имя и еще одного правителя Лазики – Лебарника, с которым Феодосий Гангрский лично встречался и беседовал. Примечательно, что правители как Лазики, так и особенно Абазгии проявляют доброе отношение к ссыльным, открыто демонстрируя тем самым неповиновение по отношению к монофелитскому светскому правительству Византии, а также монофелитскому Константинопольскому патриархату.

С середины VII в. Грузия оказалась перед новой внешней опасностью со стороны арабов. К концу века последователи Мухаммеда прочно утверждаются в Картли. В 697 г. патрикий Лазики Сергий Барнукисдзе восстал против Византии и передал свою страну арабам. В начале VIII в. в руках арабов оказывается вся западная Грузия, включая Абхазию и Кодорское ущелье[1]. Византия стремилась выбить арабов из западной Грузии и вновь взять регион под контроль. С этой целью кесарь Вардан Филиппик (711-713 годы) Картлийскому эрисмтавару (владетелю) Стефанозу III (710-738 годы) пожаловал титул эрисмтавара Эгриси (включая Абхазию) и приказал ему бороться против арабов[2]. В 712 г. Стефаноз III и его старший сын Мир перешли в Эгриси, где совместно с Византийцами участвовали в боях за освобождение от арабов Цихе-Годжи. Осенью 714 г., вернувшийся через Дербенд из Хазарии арабский полководец Маслама ибн Абд-эль-Малик с целью наказания Стефаноза с огромным войском вторгся в Картли, а затем в Эгриси. Византийцы и иберы вынуждены были снять осаду Цихе-Годжи. Византийские силы отступили к Фазису, а Мир и его брат Арчил (бежавший из Картли после вторжения Масламы) перешли в Абхазию и укрепились в Анакопии. Пришедшие сюда арабские войска понесли от грузин сокрушительное поражение. В это время Стефаноз III, как считают Т.Берадзе и М.Санадзе, был жив и находился с сыновьями (что маловероятно), или в лагере византийцев в Фазисе.

Точная датировка первого этапа деятельности Стефаноза III и его сыновей в Эгриси, установление личности арабского полководца (Маслама), с которым грузины сражались в 714 г., позволили М.Санадзе и Т.Берадзе путем привлече-

[1] С.Джанашиа. Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики, с. 38; Очерки истории Грузии, т. 2, с. 285-288.

[2] При освещении истории борьбы против арабов в западной Грузии, деятельности Стефаноза III, Арчила, Мира и Абхазского воеводы Леона опираемся на новые, всесторонне обоснованные выводы Т.Берадзе и М.Санадзе (М.Санадзе. Эрисмтавары Арчил и Мир и «Житие Грузии». – Месхети, 2001, IV, с. 71-88 (на груз. яз.); Т.Берадзе, М.Санадзе. История Грузии, ч. I, Тб., 2003, с. 97-99 (на груз.яз.); Т.Берадзе, М.Санадзе. Из политической истории Картли и Эгриси первой половины VIIIв. – Грузинское источниковедение, 2004, X, с. 70-81 (на груз.яз.).

ния новых источников установить факт двух арабских вторжений в Грузию под командованием сначала Масламы (714 г.), а затем Мервана II Ибн Мухаммеда (738 г.); уточнить даты пребывания в Эгриси и Алании (711-714 годы) посла императора Юстиниана II (705-711 годы) - Леона (будущий император Византии в 717-741 годах Лев III Исавр). От кесаря Леон имел задание подкупить аланов и натравить их на абазгов в то время, когда сарацины владели и Абазгией, и Лазикой и Иберией[1], - сообщает Феофан Летописец (760-818 годы). Аланы действительно вторглись в Кодорское ущелье и вернулись обратно с большой добычей. Попытка абазгов путем подкупа аланов пленить Льва Исавра, обернулась новым нападением аланов, разграблением и разгромом Абазгии. После этого абазги с удовлетворением приняли предложение Юстиниана II о безопасном проводе через их территорию его посла. Взамен «мы прощаем вам все ваши проступки»[2], - обещал кесарь. Лев Исавр не доверился абазгам и только при содействии «первого из апсил» Марина достиг до безопасного места. По пути он завладел так называемой «Железной крепостью», которую охранял «некто Фаразманий, подданный сарацинский»[3]. Леон занял и разгромил эту крепость, после чего с помощью Марина (Мариана) отбыл из Апсилии в Константинополь. С ним отправился посланник Мира и Арчила, известивший Константинополь о победе над арабами. К тому времени Юстиниан был уже убит, за ним ослеплен Филиппик, а царствовал Артемий (Анастасий, II)[4]. М.Санадзе и Т.Берадзе доказали, что упомянутый в контексте битвы с арабами «эристав Кесаря Леон», который «вошел в крепость Собги»[5], это не эристав Абхазии Леон, как принято в историографии, а возвратившийся из Алании Леон Исавр. Он успешно завершил свою миссию, Абхазию вновь подчинил Империи, но отъезду на родину помешало господство арабов в Эгриси; содействовал ему Марин (Мариан) – тот же Мир, сын Степаноза III[6]. По утверждению Т.Берадзе и М.Санадзе, как только Леон III Исавр, занял трон (717-741 годы), он по достоинству оценил заслуги Арчила и Мира. В 717-718 годах Кесарь послал им две короны для Эгриси и Картли. Соответственно, титулятура Стефаноза III поднялась на одну ступень и он стал «царем эристав-эриставов мегрелов и картвелов»[7].

Закавказье превратилось в арену частых столкновений хазар и арабов, из-за чего Стефаноз III и его сыновья не чувствовали себя уверенно ни в Картли, ни в Эгриси. Только после 730 г., когда вторгшиеся по приглашению Стефаноза в восточное Закавказье хазары разбили арабов, его царская власть, распростра-

[1] Георгика, т.4, кн. 1, с. 106-107; Летопись Византийца Феофана. М., 1884, с. 286.
[2] Георгика, т.4, кн. 1, с. 109; Летопись Византийца Феофана, с. 287.
[3] Георгика, т.4, кн. 1, с. 111; Летопись Византийца Феофана, с. 288.
[4] Георгика, т.4, кн. 1, с. 113; Летопись Византийца Феофана, с. 289.
[5] Житие Грузии, т.1, с. 235; Абхазия и абхазы…, с. 49.
[6] М.Санадзе, Т.Берадзе. Из политической истории Картли и Эгриси первой половины VIII в. …, с. 73-75.
[7] Там же, с. 76.

нилась на всю Грузию. За объединением страны последовал новый карательный поход арабов. На борьбу с союзником хазар, Стефанозом III, Арабский халиф послал своего родственника, жестокого и беспощадного Мервана ибн Мухаммеда, из-за чрезмерной жестокости именуемого в «Житии Грузии» Мурваном Глухим (был халифом в 744-750 годах). Стефаноз III и Арчил вновь перешли в Эгриси. Преследуя их, арабы разбили и казнили эриставов Аргвети Давида и Константина[1] (канонизированы грузинской церковью), взяли Цихе-Годжи, разорили Внутреннюю Эгриси, преодолели «Клисуру, которая в то время являлась границей между Грецией и Грузией», разгромили Цхуми и подошли к Анакопийской крепости, где находилась «икона Всесвятой Богородицы, не рукотворное писание, а ниспосланное свыше… Там находились в то время Картлийские цари Мир и Арчил; отец же их (к тому времени уже был преставившимся и похоронен в Эгриси)[2]». С царями Картли и Эгриси находился и эристав абхазов Леон с 2-тысячным отрядом. В битве у Анакопии грузины потерпели поражение, при этом Мир был тяжело ранен.

В 738 г. арабы вторглись и в Кодорское ущелье и вернули Железную (Собгийскую) крепость. Здесь они пленили Евстафия, сына Мира (Марина//Мариана). По сведениям Феофана Летописца, в 740 г. «Исам, вождь аравийский, избил всех пленных Христиан во всех городах его владычества, причем пострадал и Евтстафий Блаженный, сын Марина, знаменитого патриция. Несмотря на все принуждения он не отрекся от истинной веры, и в знаменитом городе месопотамском Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатию божею производят всякие целения»[3].

Поскольку перед арабами стояла более важная для них задача покорения восточного Кавказа и разгрома хазар, они вынуждены были оставить западную Грузию, что дала возможность Византии восстановить свои позиции в регионе. В 738 -739 годах. Лев Исавр урегулировал отношения между Миром, Арчилом и Леоном. Абхазия по наследству досталась Леону, при этом ему был пожалован титул эристава; император обязал его по добру почитать «царей Картли и их людей».Он приказал Леону: «Отныне не вправе ты причинять вреда им и пределам Эгрисской земли как во время их пребывания там, так и после ухода оттуда»[4]. Эгрисский царь Мир вскоре скончался от полученных в Анакопии ран. Судя по всему, смерть последовала после гибели сына, Евстафия (740 г.). Поэтому перед кончиной своему брату Арчилу он сказал: «Нет у меня сына – наследника, а только 7 дочерей»[5]. «В Эгриси вплоть до Шоропани» обосно-

[1] Мученичество Давида и Константина. – Грузинские писатели, т.1, Тб., 1987, с. 488-501 (на груз.яз.).
[2] Житие Грузии, т.1, с. 235; Абхазия и абхазы…, с. 49.
[3] Георгика, т. 4, кн. 1, с. 113; Летопись Византийца Феофана, с. 301,303; Дж.Гамахария, Л.Ахаладзе. Блаженный Евстафий.- Ивериелни, 2007, №6, с. 21 (на груз.яз.).
[4] Житие Грузии, т.1, с. 240; Абхазия и абхазы…, с. 52.
[5] Житие Грузии, т.1, с. 240.

вался царь Арчил[1]. Юридически он являлся царем всей Грузии. Арчил поблагодарил эристава Абхазии Леона «за то, что оказал нам отличное гостеприимство и защитил нас в местах твоих надежно; но теперь началось обустройство земли нашей выше Клисуры. Поеду и обоснуюсь в Цихе-Годжи и Кутаиси»[2]. Арчил обещал выполнить любую просьбу эристава Абхазии, за отличное гостеприимство. Леон же просил Грузинского царя принять его в свое подданство: «Дал же мне кесарь сию страну наследственно благодаря вашим усилиям. Отныне она является моим наследственным владением от Клисуры до реки Большой Хазарии, куда достигает хребет Кавказа. Причисли и меня к твоим слугам, которые сегодня удостоены быть твоими сыновьями и братьями. Не нужно мне доли от тебя, и то, что есть у меня, пусть будет твоим»[3]. Северо-западная граница владения Леона («Куда достигает хребет Кавказа»), как видим, точно совпадает с границами наследственных владений легендарного Эгроса. Согласно грузинской исторической традиции, эриставы Абхазии также являлись наследниками Эгроса (см. здесь же, с. 92, 94). Поскольку грузинское происхождение будущих Абхазских царей практически доказано (здесь же, гл. V), ясно, что и эристав Леон (дядя первого абхазского царя) был представителем этой же династии. В «Диван абхазских царей» его имя не внесено, видимо, потому, что в отличии от упомянутых в этом документе лиц, он не владел всей Абхазией в широком понимании этого термина, то есть – западной Грузией и управлял лишь собственно Абхазией – территорией к Северо-западу от р. Келасури[4].

Царь Арчил отдал Леону в жены свою племянницу, дочь Мира – Гурандухт; Леону же передал «ту корону, которую прислал царь греков для Мира. И дали (друг другу) обещание и страшную клятву, что не будет между ними вражды, чтобы Леон всю свою жизнь повиновался Арчилу»[5]. Этот акт заложил правовую основу для восстановления территориального единства исторического Эгрисского царства, нарушенного Византией в 20-х годах VII века.

После 744 г., когда Мурван Глухой покинул Южный Кавказ и занял трон халифа, Арчил с младшим сыном Джуаншером перешел в восточную Грузию[6], а Эгриси передал старшему сыну - Иоанну.

Таким образом, освобождение западной Грузии от арабского господства привело к восстановлению в Эгриси царской власти под руководством Картлийского царского дома, распространившего свою юрисдикцию и на Абхазию.

[1] Житие Грузии, т.1, с. 243; Абхазия и абхазы…, с. 54.
[2] Житие Грузии, т.1, с. 242; Абхазия и абхазы…, с. 54.
[3] Житие Грузии, т.1, с. 242; Абхазия и абхазы…, с. 53-54.
[4] Мир, Арчил и Иоанн так же владели западной Грузией, но в «Диван абхазских царей» не попали, поскольку являлись царями всей Грузии.
[5] Житие Грузии, т.1, с. 242-243; Абхазия и абхазы…, с. 54.
[6] Вторгшийся в 762г. в Кахетию арабский полководец, к которому Арчил явился по своей воле, потребовал от него отречение от христианства и принятие ислама. После категорического отказа грузинского царя полководец арестовал и несколько раз лично допросил грузинского царя. На последнем допросе араб поинтересовался; «Ты был тогда там при поражении сарацин в Абхазии?» Арчил ответил: «Я был тогда, когда бог поразил их» (Житие Грузии, т.1, с. 274; Абхазия и абхазы…, с. 42.). Арабы казнили царя Арчила. Грузинская церковь причислила его в лик святых.

Эристав Леон стал вассалом Эгрисского (а также Картлийского) царя, а после женитьбы и получения короны Мира – и членом царского дома. Другие политические единицы в VIII в. исчезли с исторической арены; произошла их естественная интеграция в состав Эгриси и Абхазии. В условиях, когда восточная Грузия стонала под тяжелым ярмом арабов, в Тбилиси сидел эмир, а государственность влачила жалкое существование, этот первый шаг в направлении государственного объединения западной Грузии стал явлением этапного значения в истории развития грузинской государственности и последующей консолидации народа.

Несмотря на ясные и недвусмысленные показания источников относительно политических процессов середины VIII в., сепаратисты продолжают вводить в заблуждение своих читателей; они пишут , что после битвы у Анакопии Леон будто бы завладел территорией на юге от Цихе-Годжи до Ингури, на севере - до Кавказского хребта[1]. Фальсификаторы ничего не говорят о «страшной клятве» Леона, всю свою жизнь повиноваться Арчилу, в силу которой он стал вассалом, подданным царя Эгриси и Картли. В середине VIII в. Абхазия встала не на путь независимости, как заявляют сепаратисты[2], а по своей воле вернулась опять в состав Эгрисского царства, эристав же ее превратился в законного наследника Эгрисско-Картлийского престола. Добровольное вхождение довольно сильной Абхазии в состав ослабевшего Эгриси является еще одним дополнительным аргументом в пользу этнической идентичности эгрисцев и исторических абхазов; безошибочным подтверждением их этнической общности является и факт передачи Леону грузинской царской короны.

Исходя из этого и из других вышеприведенных аргументов, абсолютно беспочвенно утверждение абхазской сепаратистской историографии о формировании в VIII в. единой феодальной абхазской народности в результате слияния будто бы существовавших в VI-VII веках абхазских народностей – абазгов, апсилов, санигов и мисимиан[3]. Подобные утверждения находятся в резком противоречии как с приведенными выше историческими источниками, так и, что важнее всего, с богатым общегрузинским политическим и культурным наследием «феодальной абхазской народности», о чем речь идет в следующей главе.

К сожалению, грузинская историография после фактического запрета книги П.Ингороква утверждениям абхазских историков противопоставляла лишь тот аргумент, что к VIII в. на Кавказе уже прошло время для «формирования абхазской феодальной народности»; в тот период будто бы происходило не складывание «новых феодальных народностей», а объединение народов в уже

[1] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 126.
[2] Там же, с. 127.
[3] З.В.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.69; его же: Очерк этнической истории абхазского народа, с. 48-51;О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.127 и т.д.

существовавшие единицы (Картли, Армения) и т.д.[1]. Следует отметить, что понятие «феодальной народности» опирается на ошибочную коммунистическую теорию формирования наций. Согласно этой теории (о которой уже шла речь – здесь же, с. 47-48, 63-64), нация – это историческая категория, связанная с общественно-экономическими формациями; она складывается в определенную эпоху, затем развивается и в конечном итоге исчезает. В частности, характерные для первобытнообщинного и рабовладельческого обществ племена и племенные союзы в феодальную эпоху сливаются, будто бы формируя «феодальные народности»; в результате же слияния «феодальных народностей» в эпоху капитализма уже складываются современные нации; слияние этих последних и исчезновение наций, в соответствии с марксистко-ленинской идеологией и советской историографией, должно произойти в период коммунизма. До самого краха СССР советские историки, в том числе такие выдающиеся ученые, как Н.Бердзенишвили, З.Анчабадзе и др., никак не могли руководствоваться некоммунистическими теориями происхождения наций, однако в современных условиях нет необходимости и оснований для рассмотрения вопроса формирования наций через призму коммунистической идеологии. Пережитком именно этой идеологии является само понятие «феодальной народности», от которой никак не может отказаться сепаратистская историография и не только она. Под влиянием той же идеологии в грузинской историографии до сих пор окончательно не выяснен вопрос: почему «негрузинские» племена апсилов и абазгов (если они действительно были – горцами, а не грузинами), с I-II веков имея государственность, даже в VIII веке не сформировались в отдельный народ, в отдельную нацию со своей письменностью, литературой, церковью? Препятствующими факторами нельзя признать зависимость от лазов (этот фактор мог лишь замедлить процесс) или же «уход времени». Напротив, в VII-VIII веках, в период господства арабов и крайнего ослабления как Картли, так и Эгриси, усилившиеся к тому времени абазги имели самые благоприятные условия для обособления и национальной консолидации. Однако этого не произошло лишь потому, что Абхазия//Абазгия являлась чисто грузинским регионом. С середины VIII века, по воле исторических обстоятельств, именно она явилась той мощной политической единицей, где происходила дальнейшая консолидация грузинской нации, где складывались общегрузинские религиозно-культурные центры, созревали предпосылки и идеи государственного объединения грузинских провинций.

[1] Н.Бердзенишвили. Очерки истории Грузии. Тб., 1990, с.591-592; Н.Ломоури. Из этнокультурной истории древней Абхазии, с. 45.

Глава V. Абхазия в составе Абхазского царства во второй половине VIII - X веков

Возникновение Абхазского царства было обусловлено внешнеполитическими и внутренними факторами, действовавшими в VII-VIII веках. С одной стороны, усиление арабского господства в Картли, а с другой, ослабление Византийской империи, связанное с внутриполитическим и церковным расколом[1], в исторических регионах Грузии создало благоприятные условия для образования новых политических единиц.

В середине VIII века в политической жизни Грузии уже было положено начало новому процессу, в 80-х годах того же века завершившемуся образованием Западногрузинского государства - Абхазского царства. Племянник Леона I – эристав Леон II освободился от Византийской вассальной зависимости и принял титул царя. По сведению «Летописи Картли», «когда же ослабли греки, отложился от них эристав Абхазский по имени Леон, племянник эристава Леона, которому дана была в наследство Абхазия. Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он (Леон) от греков, присвоил Абхазию с Эгриси до самого Лихи, нарекся царем абхазов, ибо мертв был Иован и состарился Джуаншер. (Вскоре) после этого помер и Джуаншер»[2]. Такая политическая реальность, когда престол Эгриси остался без наследника, Леону II–му, унаследовавшему от Леона I царскую корону Мира, давала возможность и законное право государственного объединения всей западной Грузии, тем более, что в политическом и военном отношении его поддерживал Хазарский каганат. Абхазское государство охватывало всю западную Грузию и постепенно расширяло свои границы как на восточном, так и юго-восточном направлении.

По историческим источникам, государственное объединение западной Грузии в 80-х годах VIIIв. под руководством Абхазского эристава был добровольным политическим актом[3]. Этот шаг Леона II грузинские источники не воспринимают в отрицательном контексте, так как Абхазия, как и другие исторические регионы западной Грузии, на протяжении веков входили в Колхидское (Эгрисское) царство, затем - Картлийское (Иберийское) и Эгрисское (Лазское), наконец, опять в Картлийское царство. В 80-х годах VIIIв. вся западная Грузия объединилась в составе Абхазского царства. Как известно, в эпоху царя Арчила – наследника Стефаноза III, Грузия, как было выше показано, являлась

---

[1] Имеется в виду борьба в Византийской церкви- так называемое иконоборчество (VII-VIII века), приведшее к расколу Константинопольской церкви.

[2] Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тб.,1982, с. 48.

[3] М.Лордкипанидзе. Возникновение новых грузинских княжеств, Эгрисско-абхазское царство. В книге: Очерки истории Грузии, т. 2, с.418.

единым государством и Арчил носил титул царя[1]. Такое единство опиралось на древних традициях государственного единства, которые в виде политического наследства получил Леон II и хорошо использовал в деле создания Западногрузинского государства.

Со второй половины до 80-х годов VIII века постепенно расширялось значение термина «Абхазия» и в конце он распространился на всю объединенную западную Грузию[2]. Примечательно, что иностранние авторы единое грузинское государство называли «Абхазией», а грузинских царей - «царями Абхазии»[3]. По сведениям грузинского писателя VIIIв. Иоанна Сабанисдзе, западной Грузией правил «владетель Абхазии»[4]. То есть, в 80-х годах VIII века Леон II уже объединил всю западную Грузию, хотя царский титул он пока еще не носил. В этом контексте интересна эволюция титула абхазских эриставов. Леон II в начале носил титул «эристава», затем «владетеля», а в конце VIIIв. – титул «царя»[5]. Эволюция титула Леона прямо пропорциональна распространению его власти на территорию западной Грузии. В историографии принято мнение, что Леон II смог освободиться от вассалитета Византийских императоров после того, как в империи осложнилась внутриполитическая обстановка[6]. Большая часть исследователей считает, что политическое возвышение Леона и его антивизантийский политический курс[7] должен был начаться во время правления Византийской императрицы Ирины[8] (797-802 годы).

Вопрос о границах Абхазского царства не раз подвергался исследованию, однако, по данному вопросу существуют разные взгляды. Как было отмечено, территория Абхазского царства охватывала всю западную Грузию. Во время основания его восточные границы доходили до Лихского хребта, северная –

---

[1] Эти сведения подтверждают исторические источники: „Летопись Картли", „Мученичество Святого Арчила" Леонтия Мровели, Джуаншер и Вахушти Багратиони.

[2] П. Ингороква. Гиорги Мерчуле. Грузинский писатель X века, с. 119-120 (на груз. яз.); М. Лордкипанидзе. Абхазское царство. – Разыскания по истории Абхазии/ Грузия, с. 155.

[3] По этому вопросу см.: Н. Ломоури. Названия Грузии в византийских источниках.- Иностранная и грузинская терминология понятий „Грузия" и „грузины", с. 82, 83; Г. Джапаридзе. Арабские названия Грузии и грузин. - Иностранная и грузинская терминология понятий „Грузия" и „грузины", с. 132-134; З. Папаскири. Абхазия – это Грузия. Тб., 1998. с. 141-142; З. Папаскири. Очерки ...,часть I, с. 67-68 (на груз. яз.).

[4] Иоанн Сабанисдзе. Мученичество Святого Або. Грузинский Рай. Г.Сабинин. СПБ,1882, с. 339 (на груз.яз.).

[5] Относительно титулятуры „абхазских" царей на основе грузинских и армянских письменных и грузинских эпиграфических источников уже высказано мнение, что цари западной Грузии в VIII-X веках не носили титул царя „абхазов." Это подтверждают армянские источники (Иоанн Драсханакертци и другие) и грузинские надписи „абхазских" царей в которых они именуются как „царь Эгерсский" (Эгриси) или сами себя называют „царем". В грузинских эпиграфических памятниках и армянских источниках „царь абхазов" впервые встречается в титулятуре царя объединенной Грузии Баграта III Багратиони (978-1014 годы). По грузинской исторической традиции („Летопись Картли, Сумбат Давитисдзе, Вахушти Багратиони и др) термин „царь абхазов" появился после объединения Грузии, то есть после того, как он утвердился в титулятуре Баграта III (Л. Ахаладзе. Грузинские и армянские источники о титулятуре царей „абхазов". – Исторические разыскания, т. VII, Тб. 2004. с. 26-33).

[6] С. Джанашиа. Труды, т. II, Тб., 1952, с. 216; М. Лордкипанидзе. Абхазское царсто. - Разыскания по истории Абхазии, с. 156.

[7] О внешнеполитической ориентации абхазских царей см.:З. Папаскири. Для уточнения внешнеполитической ориентации „Абхазского" царства.- Грузинская дипломатия, т. 6. Тб., 1999, с. 325-335.

[8] Об этой хронологии иного мнения придерживается Ш. Гловели, утверждая, что Леон II до 781 – 782 годов был эриставом; до 786-787 годов – владетелем Абхазии и Эгриси, в дальнеишем – „царь абхазов". См: Ш. Гловели. «Абхазское царство». Автореферат канд. диссерт. Тб., 2004, с. 9.

до владения джиков и Никопсии, на западе - охватывало побережье Черного моря, а что касается южных границ - этот вопрос до сих пор является спорным. Иоанн Сабанисдзе (VIIIв.) рассматривал г. Трапезунд в составе Абхазского царства. По его сведениям, «И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, так как он узрел страну ту, исполненной христовой веры, и ни одного неверующего не сыскать было в их пределах. А сопредельным с ними является Понтийское море, где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии. Там находится Трапезунт, место пребывания Апсареай и Напсайская гавань»[1]. По мнению С. Джанашиа, Трапезунд не входил в состав Абхазского царства[2]. С ним согласны З. Анчабадзе и М. Лордкипанидзе[3]. По мнению К. Кекелидзе, Трапезунд входил в состав Абхазского царства, о чем говорят не только сведения Иоанна Сабанисдзе, но и другие письменные источники того времени, в частности, Акты Вселенского Церковного Собора 787 года, подписанные Христофором, епископом Фазиса, то есть Трапезунда[4]. В сочинении Византийского писателя второй половины VIIIв. Епифана Константинопольского подтверждается выражение «Лазский город Трапезунд». Оно встречается и в сведениях «Географии» безымянного армянского автора, где сказано, что в состав западной Грузии входили города Атина, Ризе и Трапезунд[5]. С учетом этих источников П. Ингороква соглашается с мнением К. Кекелидзе о южных границах Абхазского царства. Его разделяет и Ш. Гловели[6]. Упоминание в эктезисах Константинопольской церкви Трапезунда, как митрополичьего города Лазской епархии только в конце IXв. не может служить достаточным основанием для того, чтобы поставить под сомнение сведения Иоанна Сабанисдзе**.** Здесь необходимо принять во внимание тот факт, что упоминание Трапезунда среди паствы Полемоновского Понта не отражает политическую ситуацию о вхождении Трапезунда в состав Абхазского царства и является источником, говорящим о церковной зависимости. Например, с политической точки зрения, с первой четверти VIIIв. Эгриси, как было выше показано, становится владением Картлийского эрисмтавара Степаноза III и его преемников. Однако, в церковном отношении он подчинялся не Мцхетскому католикосату, а Константинополю. То есть, ареал распространения политической власти в этом случае не совпадал с ареалом распространения церковной юрисдикци. Таким образом, по Константинопольским эктезисам не всегда возможно определить границы политических образований, в том числе Абхазского царства.

[1]Абхазия и Абхазы..., с. 8-9.
[2] С. Джанашиа. Вопрос о возникновении ….., с.338.
[3] З. В.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.11-116; М. Лордкипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии. Тб., 1963, с.185.
[4] К. Кекелидзе. Раннефеодальная грузинская литература. Тб., 1935, с.28.
[5] П. Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 213.
[6] Ш. Гловели. «Абхазское царство». Автореферат, с.1.

Вернемся ко взглядам П. Ингороква. Он сравнил вышеупомянутые сведения Иоанна Сабанисдзе с анонимной армянской географией, в которой сказано: «Колхида является страной Азии и находится от Понтийского моря до Сарматии и от реки Дракона до Кавказских гор и до Лихи, который отделяет его от Иверии… Она делится на четыре малых стран (провинции): Маргвели, Эгревик, Лази, Чани, которое есть Халдия… Имеет пять городов: Иани, Кота, Родополис, Атина, Ризони, и др. Множество портов, и во множестве поселений находится город Трапезунт»[1]. Из сопоставления этих четырех разных источников - Иоанна Сабанисдзе, Армянской географии, Епифана Константинопольского и сведения церковного Собора 787 года, можно сделать вывод, что на протяжении определенного времени Трапезунд действительно входил сначала в состав Абхазского княжества, а затем – Абхазского царства.

Сразу же после образования Абхазского царства Леон II провел административно- территориальную реформу, предусматривавшую деление царства на эриставства. По сведениям Вахушти Багратиони, Леон II разделил Абхазское царство на восемь эриставств: Цхумское, Эгрисское, Гурийское, Рача-Лечхумское, Сванетское, Аргветское с центром в Шорапани, Кутаисское и собственно Абхазское[2]. Все эриставства имели собственные территории с определенными границами. Леон II «посадил над абхазами и дал ему Абхазию и Джикети до моря и Хазарской реки. Посадил в Цхоми и дал ему территорию за Эгриси - Анакопию с Аланией. Посадил в Бедия и дал ему восточнее (реки) Эгриси до Цхенисцкали. Так как к тому Леону присоединились доставшиеся Одзрахосу земли к югу от Чорохи, отложившись от эристава Одзрахоса, назвал (эту землю) Гурией и посадил там эристава своего. Посадил в Рача-Лечхуми. Посадил в Сванети. Посадил в Шорапани (владетеля), всей Аргвети к востоку от (рек) Риони и Ханисцкали до Лихи. Посадил в Кутаиси (эриставом) Ваке, Окриба, земель к западу от Ханисцкали до Гурии и западнее Риони до Цхенисцкали»[3]. Проведенная административно-территориальная реформа Леона II своим содержанием напоминает административную реформу царя Фарнаваза при основании Картлийского царства. Подобно Фарнавазу, с целью усиления царской власти Леон пытался создать на местах надежную опору для центральной власти в виде эриставств, во главе которых поставил преданных царю чиновников. Собственно Абхазия, как видим, являлась одним из эриставств в составе Абхазского царства.

Из проведенных Леоном II-м государственных мероприятий надо отметить объявление Кутаиси столицей Абхазского царства. Согласно Вахушти, «Он построил город и крепость Кутаиси и сделал (там) резиденцию царя абхазов.

[1] Армянская география VII в., приписываемая Мойсею Хоренскому. СПб., 1881, с. 27-28.
[2] Абхазия и абхазы... , с. 128.
[3] Там же, с. 128-129.

Подобно Анакопии, сделал сей Кутатиси»[1]. Этот политический акт являлся логическим продолжением проводимых до этого государственных мероприятий. Географически и политически Кутаиси стал центром Абхазского царства, что было обусловлено геополитическим расположением города. Это событие следует рассматривать продолжением исторических традиций, берущих начало от Колхидского царства, когда Кутаиси являлся политическим и культурным центром тогдашней Грузии. По историческим источникам, для Леона II в Кутаиси обстановка такая же родная, как и в окрестностях Анакопии. В современной же абхазской историографии эта политика преподносится, как экспансия «абхазских» царей в восточном направлении[2]. Если поверить этому, тогда становится непонятным, почему перенес Леон II столицу своего царства на завоеванную территорию, в окружении враждебного населения.

Примечателен тот факт, что «экспансию» Леона II в западную Грузию неизвестный автор «Летописи Картли» рассматривает как положительное явление для грузинской государственности. Он доброжелательно и почтительно рассказывает о государственных деяниях «абхазских» царей. Единственным объяснением доброжелательности грузинских летописцев в отношении «завоевательной» политики «абхазских» царей, З. Папаскири считает то, что они в этих царях видели не «иноземных завоевателей», а таких же грузинских политических лидеров, какими являлись представители династии Багратионов[3]. В случае же «экспансии» грузинские летописцы постарались бы проявить негодование в отношении «завоевателя» Леона, как это делали они при освещении вражеских нашествий и политики недоброжелательных соседей.

С объявлением Кутаиси столицей Абхазского царства тесно связан вопрос этнической принадлежности «абхазских» царей. По мнению армянского автора Вардана Великого, абхазские цари были потомками Вахтанга Горгасала[4]. П. Уварова[5], Д. Бакрадзе[6], Д. Гулия[7] и другие считали, что «абхазские» цари являлись этническими греками. В. Латышев причислял их к роду Багратионов[8]. Абхазские историки З. Анчабадзе, Ш. Инал-ипа, М. Гунба, О. Бгажба, С.

[1] Житие Грузии, т. IV, с.796.

[2] Одним из первых подобную точку зрения высказал англичанин Дж. Хиуйт, утверждающий, что используемый при этом грузинскими летописцами слово დაიპყრა (даипкра) означает не «завладел», а ,,захватил силой"; то есть, по его мнению, Леон II не присоединил западную Грузию, а захватил силой Эгриси вплоть до Лихи. Дж. Гамахария и Б. Гогия на основе грузинских источников показали, что термин ,,даипкра'' грузинские летописцы употребляли в значении ,,овладения'', ,,занятия'' (престола), ,,принятия'' (в гости) и т. д.(Дж .Гамахария, Б. Гогия. Абхазия –историческая область Грузии, с. 567-568. См. так же: И. Имнаишвили. Симфония –словарь грузинского четырехглава. Под ред. А.Шанидзе. Тб., 1986, с.129). Несмотря на это, мнение Дж. Хьюуйта повторяет сепаратистская историография (О. Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.132).

[3] З. Папаскири. Очерки…, ч. 1, с. 50.

[4] Всеобщая история Вардана великого с примечанием и приложением Н. Эмина. М., 1861, с. 115-116.

[5] П. Уварова. Христианские памятники Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, IV, М., 1894, с.8.

[6] Д. Бакрадзе обратил внимание на то, что абхазские цари носили греческие имена (Д.Бакрадзе. История Грузии с древнейших времен до конца X в., часть I. Тифлис, 1889, с.273-274).

[7] Д. Гулия. История Абхазии, т.1, с. 208.

[8] В. Латышев. К истории христианства Кавказа. СПб., 1911, с. 10-11. С его мнением соглашался Т. Мибчуани. См. его: Абхазские цари и князья. Тб., 1997.

Лакоба[1] видят в них этнических абхазов. По мнению М. Лордкипанидзе, «абхазские» цари своей политической и государственной деятельностью являлись грузинскими деятелями[2]. Подобные взгляды подтверждают эпиграфические материалы «абхазских» царей и другие исторические источники. На основании этих материалов можно сделать заключение, что показателем национально-государственной и религиозной идентичности «абхазских» царей является созданная ими или при их содействии материальная и духовная культура, а также проводимая ими государственная политика. Исходя из этого, их национальная идентификация возможна только с грузинским этническим и политическим миром. Следовательно, «абхазские» цари принадлежат к замечательной галерее грузинских государственных деятелей средневековья[3]. З. Папаскири считает, что кеми бы ни были «абхазские» цари по этно-племенному происхождению, своей политической и государственной деятельностью они принадлежали к общегрузинской культурно-политической общности, хотя не исключает их абхазо-апсуйское происхождение[4]. П. Ингороква по этническому происхождению «абхазских» царей считал потомками эгрисских Патрикиев[5]. Прямым подтверждением этого соображения является упоминание армянскими историками X века Иованном Драсханакертци и Псевдо Шапух Багратуни абхазского царя Константина III (893-922 годы) в первом случае «царем Эгерским» (Эгриси), а во втором – «царем лакзов» (лазов)[6].

На основе анализа данных грузинского источника «История абхазских царей», мнение П. Ингороква подкрепили новыми аргументами Т.Берадзе и М.Санадзе. Происхождение династии «Леонидов», они убедительно связали с потомственной линией Эгрисского Патрикия Сергия Барнукисдзе[7]. В пользу этого соображения говорит государственная и церковная политика «абхазских» царей, на основе которой они самоидентифицируются. Объявление Кутаиси столицей Абхазского царства никак не соответствует политическому шагу «завоевателя». Как было сказано, для Леона Кутаиси и окрестности Анакопии были одинаково родными. Он использовал благоприятный момент и перенес столицу в исторический центр Колхиды//Эгриси. Во время его правления Кутаиси расширился, были произведены значительные строительные работы, воздвигнуты новые оборонительные сооружения и дворцы[8].

[1] З. В. Анчабадзе. Из истории…,с. 80; Ш. Инал-ипа. Вопросы этно-культурной истории абхазов, с.,120; М. Гунба. Абхазия в первом тысячелетии н.э., с. 234-244; О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии. Сухуми, 2006.
[2] М. Лордкипанидзе. Абхазское царство, с. 127.
[3] Л.Ахаладзе. К вопросу о национально-религиозной идентичности абхазских царей. - Материалы республиканской конференции, с. 12.
[4] З. Папаскири. Очерки…, ч.I, с.51.
[5] П. Ингороква. Гиорги Мерчуле, с. 192.
[6] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с.192, 196.
[7] М. Санадзе, Т. Берадзе. Из политической истории Картли и Эгриси первой половины VIII в., с. 76-77.
[8] М. Лордкипанидзе. Абхазское царство, с. 158.

Этническое происхождение Леона II хорошо просматривается и по другим политическим шагам, а также в его отношении к остальному грузинскому политическому миру. С этой точки зрения интересна поддержка, оказанная им бежавшему от арабов Картлийскому эриставу Нерсе II, династический брак его наследника с Тао-Кларджетскими Багратионами и т.д. Особенно важны вышеприведенные сведения Вахушти Багратиони: «К тому Леону присоединились доставшиеся Одзрахосу земли к югу от Чорохи, отложившись от эристава Одзрахоса, назвал (эту землю) Гурией и посадил там эристава своего»[1]. Они однозначно подтверждают, что жители Гурии и Чорохи, по своей воле предпочитают вступить под юрисдикцию Абхазского царства. Соответственно, царь Леон для них был не чужаком и «завоевателем», а в этническом и культурно-религиозном отношении близким, а Абхазское царство – надежным гарантом защиты от арабского господства.

В книгах абхазских авторов О. Бгажба и С. Лакоба, изданных в 2006 и 2007 годах, игнорируются не только сведения исторических источников, но и оценки историков предыдущей эпохи о происхождении Абхазского царства и о его церковной политике. Национально-государственный облик Абхазского царства, этнический состав его населения и этническая принадлежность «абхазских» царей хорошо видны в проведенной ими церковной политике, носившей антивизантийский, но явно выраженный грузинский характер.

О. Бгажба и С. Лакоба, широко обозревая в своей книге период «Абхазского царства», почему-то вне поля зрения «оставили» такой важный вопрос, каким является церковная политика «абхазских» царей. Более того, если один из авторитетов абхазской историографии З.Анчабадзе на основе греческих источников писал, что Абхазия была «христолюбивой» страной и что ее правители были «друзьями Христа»[2], современные абхазские историки же считают, что церковная политика «абхазских» царей не должна стать предметом рассмотрения, ибо в этом плане якобы ничего интересного не произошло. По их утверждению, на формирование личности основателя Абхазского царства Леона II большое влияние оказала его мать, по происхождению хазарка. Она уважала только языческие традиции и исповедовала иудаизм, которого хазары в IX веке объявили государственной религией[3]. Как видим, абхазские авторы, для показа государственной и религиозно-церковной политики Леона II приводят не реальные исторические факты, зафиксированные в источниках, а необоснованные предположения, чтобы создать у читателя впечатление, что Абхазское царство и цари Абхазии в религиозном плане были далеки от христианства и, соответственно, от грузинского мира. Возможно, - пишут они, - что именно из-за этого Леон II мало внимания обращал на христианство и, предположительно

[1] Абхазия и абхазы..., с. 129.
[2] **З**. А. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 80.
[3] О. Х. Бгажба ,С.З.Лакоба. История Абхазии, с.132.

в период его правления в Абхазском царстве появились признаки религиозного «синкретизма». В качестве аргумента приводят высеченный на северной стене Лыхненского дворца крест, вписанный в шестиконечную звезду[1]. В связи с этим, надо отметить, что аналогичная символика часто встречается в искусстве христианского мира, в том числе и в разных регионах Грузии. Более того, он является характерным для грузинского орнаментного искусства символом. Например, подобные образцы встречаются в малых формах орнаментов как в западной, так и восточной Грузии, изученных в свое время Р. Шмерлингом[2] и Л. Хрушковой[3].

О. Бгажба и С. Лакоба, затрагивая религиозные вопросы, пишут, что абхазы с большим почтением относились и относятся к языческим божествам, поклоняются деревьям, особенно к дубу и т.д[4]. Этим они отрицают утвердившиеся в историографии ряд положений о религиозном и церковном состоянии Абхазского царства и о церковной политике «абхазских» царей, основательно изученной в трудах З.Анчабадзе, М.Лордкипанидзе, П.Ингороква, З.Папаскири. В последнее время вышли исследования Анания Джапаридзе, Б.Кудава, Т.Коридзе, Ш.Гловели, Л.Ахаладзе, Дж.Гамахария и других авторов[5]. В них однозначно показано, что Абхазское царство являлось христианским государством феодальной эпохи и что «абхазские» цари активно участвовали в деле укрепления и усиления христианства. Ярким примером может служить активная деятельность «абхазских» царей по церковному строительству почти на всей территории Грузии. Кроме того, они активно участвовали в распространении христианства среди соседних северо-кавказских народов. Здесь же заметим, что распространение язычества в Абхазии (если не иметь в виду дохристианский период) – явление позднего средневековья (XVI-XVIII веков), а не периода Абхазского царства, когда государственная и религиозная деятельность «абхазских» царей целиком была направлена на укрепление христианской веры.

Попытка представления Абхазского царства языческим государством понадобилась авторам для ложного заключения, что государства абхазов и хазар раннего средневековья якобы имели тесные религиозные и политические контакты, а также для доказательства, что распространенное среди абхазов язычество – явление не позднего средневековья, а будто бы имеет корни еще в недрах Абхазского царства. Все исследования, оппонирующие грузинскую историо-

[1] Там же, с. 132.

[2] Р. Шмерлинг. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тб.,1962.

[3] Л.Р. Хрушкова. Скульптура раннесредневековой Абхазии V-X веков. Тб., 1982.

[4] О.Х. Бгажба, С.З.Лакоба. История Абхазии, с.133.

[5] Анания Джапаридзе. История грузинской церкви, т. II. Тб., 1998; Б. Кудава. Западногрузинские церковные центры в подчинении Константинопольской Патриархии (VI-IX веках). Тб., 2002; Б. Кудава. Из истории Абхазского католикосата (XI-XII века).Тб., 2002; Б. Кудава. Церковь западной Грузии в IX-X веках. Кан. диссерт.Тб.,2002; Т.Коридзе. История Абхазского католикосата (IX-X века). Автореферат канд. диссерт. Тб., 2003; Ш. Гловели. «Абхазское царство». Автореферат канд. диссерт. Тб., 2004; Л. Ахаладзе. К вопросу о национально-религиозной идентичности абхазских царей, с. 12; Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с.102-121.

графию, проходят мимо религиозной и церковной политики «абхазских» царей. Грузинские и иностранные письменные источники – исторические сочинения, церковные документы и эпиграфические памятники – аргументированно доказывают религиозную идентификацию «абхазских» царей.

Анализ этих источников дает основание по-новому осмыслить вопросы церковной политики «абхазских» царей. В этой политике можно выделить два периода: С 90-х годов VIIIв. до начала 60-х годов IXв., и после 60-х годов IXв. На первом этапе «абхазские» цари больше внимания уделяли вопросам государственного строительства, в частности, усилия Леона II, Феодосия II (806-825 годы), Дмитрия II (825-861 годы) были направлены на церковное и политическое освобождение от Константинополя, обретение полной политической независимости. С середины IXв. обстановка меняется - для «Абхазских» царей наступило благоприятное время для проведения более активной политики, направленной на церковное и политическое объединение грузинских земель. Это стремление перешло в активную фазу и ярко проявилось в церковной и государственной политике Георгия I (861-868 годы), Баграта I (881-893 годы), Константина III (893-922 годы), Георгия II (922-957 годы) и Леона III (957-967 годы). В церковной политике «абхазских» царей выделяется несколько направлений: 1. Первым и основным в этой политике был постепенный выход из подчинения Константинопольского патриархата. 2. Расширение церковного строительства и создание новых христианских центров. 3. Стремление к объединению с грузинской автокефальной церковью. 4. Борьба за христианизацию соседних Северо-Кавказских народов и тем самым обеспечение более надежной защиты государственной границы в этом направлении[1].

Грузинские источники – «Летопись Картли», Сумбат Давитисдзе, Вахушти Багратиони, грузинские эпиграфические памятники и греческие источники – эктезисы - списки подчиненных Константинополю кафедр - вместе взятые дают представление об этих вопросах. В свое время не один историк затрагивал эту тему, а результаты исследований были обобщены в работах М. Лордкипанидзе. В них сказанно, что после объединения западной Грузии и выхода из политического влияния Византии, невозможно было терпеть церковную гегемонию Константинополя. Общегрузинская политика Эгрисско-Абхазского царства активно ставила вопрос церковного объединения. Борьба была долгой и тяжелой. Церковное отделение от Византии, как и получение политической независимости, осуществлялось постепенно[2]. После обретения государственной независимости перед «Абхазскими» царями в полный рост встал вопрос о церковной независимости. Леон II не смог бы проводить независимую цер-

[1] Л. Ахаладзе. К вопросу о национально- религиозной идентичности «абхазских» царей, с.12.

[2] М.Лордкипанидзе. Возникновение новых грузинских княжеств. Эгрисско-абхазское царство. - Очерки истории Грузии т. II, с. 422; М. Лордкипанидзе. Абхазское царство, с. 155-170.

ковную политику пока она была зависима от Константинополя. Кроме того, империя постаралась бы с помощью церкви оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Западногрузинского царства и подчинить его. Церковное отделение Абхазского царства от Константинополя, по мнению Вахушти Багратиони, произошло при Леоне II: «Надо предположить и освобождение им Абхазского каталикоса, с соизволения же греков»[1]. Как видно, политическая независимость Абхазии, – пишет М.Лордкипанидзе, - непосредственно связана с отделением Абхазской церкви от Константинополя[2].В этот период Византия не могла воспрепятствовать отделению Абхазской церкви ввиду сложной внутриполитической и внешней обстановки. Возможно, ей было выгодно ценой сохранения добрых отношений с Абхазским царством временно уступить в церковном вопросе, тем более, в Причерноморской полосе в течение определенного времени сохранялась церковная юрисдикция Константинополя. Что важнее всего, в условиях борьбы против арабов Абхазское царство явилось бы внушительным подспорьем для империи.

Для достижения полной церковной независимости необходимо было сделать дальнейшие шаги. Об этом историческом факте указывает и сообщение «Летописи Картли»: «Этот Баграт назначил и узаконил каталикоса в Абхазии в 830 году после (рождества) Христова»[3]. По источнику, владетель Тао-Кларджети Баграт I Куропалат поддерживает создание независимой церкви в западной Грузии - католикосата, то есть, независимой от Византии церкви. Кажется, что процесс был долгим и сложным и в этом вопросе грузинские цари и владетели поддерживали «абхазских» царей. Что касается объединения Абхазского каталикосата с Мцхетским престолом, оно должно быть вторым этапом церковной реформы.

После кончины Леона II престол Абхазского царства друг за другом занимали его сыновья: Феодосий II (806-825 годы), Дмитрий II (825-861 годы) и Георгий I (861-868 годы).

Феодосий воцарился в 806 году. Как было отмечено выше, Леон II еще при жизни династическим браком укрепил связи с политическими кругами усиленного Тао-Кларджети[4]. В это время Абхазское царство еще находилось на этапе государственного строительства и проявляло меньшую активность в деле расширения границ царства к востоку, зато в общей коалиции с Ашотом Багратиони выступало против Кахетинского хорепископа Григола. Кроме того, что между Тао-Кларджетским княжеством и Абхазским царством существовали династические и родственные отношения, их единство было продиктовано

[1] Абхазия и абхазы..., с. 129.
[2] М. Лордкипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии. Тб.,1963, с.193 (на груз. яз).
[3] Абхазия и Абхазы..., с. 58.
[4] По сведениям «Летописи Картли» и Вахушти Багратиони, Абхазский царь Феодосий был женат на дочери Ашота Багратиони. – Житие Грузии, т. I, с. 252-253; там же, т. IV, с. 797.

и обшегрузинскими интересами - борьбой за Картли и овладением им. А это в свою очередь означало первенство в борьбе за объединение Грузии. Такое стремление впервые проявилось именно в совместной борьбе Ашота Багратиона и Феодосия II.

В грузинских источниках сохранились весьма важные сведения о церковном строительстве «абхазских» царей не только на территории самого царства, но и в других исторических регионах Грузии, которых они постепенно присоединяли к себе. В этой связи очень важны сведения «Летописи Картли» и грузинских эпиграфических памятников, сохранивших строительные надписи «абхазских» царей. Хронологически самые ранние сведения о проводимом ими церковном строительстве сохранены в произведении грузинского писателя X века Георгия Мерчуле, «Житие Григола Хандзтели», в котором описана история строительства церкви в селе Убиси по просьбе «Абхазского» царя Дмитрия II (825-861 годы). Надо отметить, что Георгий Мерчуле особым уважением описывает Абхазского царя Дмитрия II и рисует его портрет, как ревностного христианского царя: «И царь тот сказал блаженному Григолу: Святой отец, вот и исполнилось твое желание, да исполнит господь и волю моего сердца, ибо имею в душе (намерение) построить новый монастырь. Соизволь теперь и осмотрим многие места Абхазии, на том месте, где пожелает твоя святость, построим монастырь»[1]. Как видим, идея строительства церкви принадлежит Дмитрию II, именно по его инициативе приступил Григол Хандзтели к возведению церкви: «И тогда отец Григол по уверению царя, построил монастырь и дал ему название Убе»[2]. Об этом историческом факте говорит и надпись на Убисском монастыре, где упоминается царь Дмитрий[3]. Путем сопоставления наративних и эпиграфических источников можно сделать заключение, что этот монастырь был построен именно при «абхазском» царе Дмитрие II.

После смерти Дмитрия II (861г.) престол занял не его малолетний сын – Баграт, а его брат Георгий I (861-868 годы). Подобно предшественникам, Георгий I также продолжал активную государственную и церковную политику. Он был первым из абхазских царей, кто начал борьбу за присоединение восточной Грузии и активно включился в политические процессы, которых автор «Летописи Картли» назвал борьбой за овладение Картли. Если в начале IX века царь абхазов помогал Ашоту Багратиони в борьбе за Картли, то со второй половины IX века усилившиеся «абхазские» цари пытаются самим включиться в эту борьбу. Вмешательство «абхазских» царей в дела Внутренней Картли в 60-х годах IX века принимает вполне реальное очертание и имело как политическое, так и экономическое значение. С этой точки зрения представляет интерес борьба

[1] Абхазия и Абхазы..., с.18.

[2] Там же, с. 19.

[3] Корпус грузинских лапидарных надписей. Надписи западной Грузии (IX- XIII века). Составил и подготовил к печати Валерии Силогава (на груз. яз). Тб., 1980, № 163. с. 140-141.

«абхазского» царя за торговые пути восточной Грузии[1]. В дальнейшем «абхазские» цари расширили борьбу в юго-восточном направлении.

Имя царя Георгия I сохранилось на одном из строительных надписей в Армази (около Мцхеты), датируемой 864 годом. В надписи читаем: *«Именем Бога, я Георгий армазский мамасахлиси (староста) начал строительство в хороникон 864г. во время царствования Георгия»*[2].

В 60-х годах IXв., к 864 году, когда началось строительство этого монастыря, из грузинских политических единиц титул «царя» носили только «абхазские» цари. Естественно, что упомянутый в надписи «царь» должен быть «абхазский» царь Георгий I.

Упомянутый в Армазской надписи «царь Георгий» в свое время был идентифицирован с Георгием I-м, правившим Абхазским царством вместе с Картли[3] в 861-868 годах. Это подтверждает и другой исторический источник – «Летопись Картли»: «выступил Георгий, царь абхазов, брат Феодосия и Дмитрия, сын Леона, овладел Картли и оставил сына Дмитрия эриставом в Чиха»[4].Данное сообщение принято в грузинской историографией. По мнению М. Лордкипанидзе, с этого периода правители Тао-Кларджети не в состоянии были бороться за Картли, чем воспользовалось Абхазское царство и активно включилось в борьбу за присоединение Картли[5]. Вскоре Георгий I объявил Картли эриставством Абхазского царства. Позднее оно временно потеряло Внутренний Картли, но бесспорно и то, что именно в этот период началось строительство Армазского храма, в эпиграфике которого нашла отражение борьба царей «абхазов» за присоединение Картли[6].

Примечателен тот факт, что абхазские авторы С.Лакоба и О.Бгажба эту политику называют обычной «захватнической» политикой, в результате которой они якобы расширили ареал расселения абхазского этноса. С этой точки зрения интересен тот факт, что Георгий I предстает перед нами не только сторонником расширения политических границ (присоединение Внутренней Картли), но и активным проводником церковной политики, то есть, для него Картли не «завоеванная» страна, а находящаяся под его заботой территория, где при поддержке царя ведется церковное строительство. Вероятно, Георгий I стоит у истоков второго этапа церковной реформы, целью которой являлось объединение Западногрузинской церкви с Мцхетским Католикосатом. Объединение происходило шаг за шагом и завершилось в эпоху Баграта I (881-893 годы). В связи с этим вопросом необходимо иметь в виду, что Георгий I являлся первым царем,

[1] М. Лордкипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 196.

[2] Корпус грузинских надписей. Лапидарные надписи, т. I. Восточная и южная Грузия (V-X веков), Составил и подготовил к печати Нодар Шошиашвили. Тб., 1980, с.168, (на груз. яз); Л. Ахаладзе. Надписи Эгрисско-Абхазских царей, с.56. (на груз. и англ. языках).

[3] Л.Ахаладзе. Надписи Эгрисско-Абхазских царей, с. 56.

[4]Абхазия и абхазы ..., с. 59.

[5]М. Лордкипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии, с. 155-170.

[6]Л. Ахаладзе. Надписи Эгрисско-Абхазских царей, с.56.

расширившим политические границы в восточном направлении. Ясно, что после этого идея церковного единства, существовавшая и раньше, могла стать более актуальной и с политической точки зрения. Видимо, в этот период начинается процесс объединения Абхазского Католикосата с Мцхетским престолом. Второй этап церковной реформы, начатый Георгием I-м, приостановился в результате династических изменений в Абхазском царстве 868-881 годов, однако после возвращения к власти Баграта I – племянника Георгия I, процесс объединения грузинской церкви успешно завершился.

В 868г. скончался бездетный Георгий I. По установившимся наследственным традициям, престол принадлежал сыну Дмитрия II - Баграту, которому Георгий I даровал титул Картлийского эристава[1]. С этого периода в Абхазском царстве стала традицией назначение наследника престола Картлийским эриставом. Баграт становится эриставом Картли в конце царствования Георгия I, после смерти которого царский престол захватила династия Шавлианов. В 868 году воцарился Иоанн Шавлиани, а законный наследник Баграт скрылся в Византии. Династия Шавлианов Иоанн, а затем и его сын Адарнасе царствовала до 881 года. В тот период Абхазское царство не смогло удержать Внутренний Картли и им овладели Кахетинские цари. В 881 году царевич Баграт с помощью Византии вернул трон. По словам древнегрузинского историка: «Царь Греции дал ему войско и отправил его морем, и тот на кораблях подступил к Абхазию».[2]

В историю Абхазского царства Баграт вошел под именем Баграта I (881-893 годы) . Во время его царствования Абхазское царство еще больше усилилось. По политическим соображениям, Баграт I женился на вдове Адарнасе Шавлиани, которая была дочерью Гуарама Мамфала (владетеля южной Грузии – Джавахети, Триалети, Артаани, Таширы). С этого периода Западногрузинское государство начинает активно вмешиваться в дела Южногрузинского государства. Усилившись при поддержке Византии, Баграт I оказывает военную помощь в борьбе за престол брату своей жены, сыну Гуарама Мамфала-Насру, вернувшемуся из Византии.[3] Вмешательство Баграта I на этот раз не увенчалось успехом, но в следующем веке его потомок Леон III (957-967 годы) уже обладал серьезной опорой в южной Грузии и владел ее значительной частью, в частности, Джавахетией.

После смерти Баграта I правила наследования изменились - престол Абхазских царей, переходил от отца к старшему сыну. В 893г. воцарился сын Баграта I – Константин III (893-922 годы). Он проводил более активную политику по

[1]При изучении рукописей „Житие Грузии“ в грузинской историографии было высказано мнение, что Георгии I эриставом Картли оставил сына своего брата Дмитрия II-го (825-816 годы) Тинине, а не старшего сына Баграта. См. З. Папаскири, Кто был „эриставом Чиха”. О целесообразности внесения одной корректуры в текст „Матиане Картлиса“ („Летопись Картли”). – Грузинское источниковедение, т. IX, Тб., 2006, с. 64-68. (на груз. яз.).

[2] Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тб., 1982, с. 51.

[3] Житие Грузии, т. I, с. 261.

объединению Грузии, чем его предшественники. Правда, на рубеже IX-X веков Абхазское царство теряет Внутренний Картли, которым на время овладела местная феодальная знать, однако в 904г. Константин III вновь восстановил власть над ним и поставил своего эристава в Уфлисцихе.

В 912г. под командованием Абу-ал-Касима арабы вторглись в Закавказье. Их целью являлось подчинение армянского царя Сумбата Багратуни. Сумбат потерпел поражение от арабов и был вынужден скрыться в Абхазии у своего союзника Константина III. Абу-ал-Касим вторгся в Картли, являвшийся частью Абхазского царства. Константин III не смог оказать ему сопротивление[1]. На этот раз западная Грузия спаслась от нашествия арабов, но царь Абхазии разрушил стены Уплисцихе, чтобы там не закрепились арабы. После ухода Абу-ал Касима Константин III еще больше активизировал политику в отношении восточной Грузии. Кахетинский хорепископ - Квирике пригласил царя Константина на совместный поход в Эрети, после осуществления которого в состав Абхазского царства перешли две крепости в Эрети: Ариши и Гавази. Об этих исторических событиях рассказывается и в грузинских эпиграфических памятниках, в которых в основном речь идет о деятельности Константина III по строительству церквей.

По инициативе Константина III были построены храмы в Эредви и Самцевриси, о чем повествуют строительные надписи Константина III. На фасаде Эредвской церкви Святого Георгия в 1943 году Р.Меписашвили расшифровала и прочла главную строительную надпись, рассказывающую о походе Константина III в Эрети.[2]

В надписи читается дата начала строительства - 906г., хотя описанные в ней события происходили позднее. Они нашли точное отражение в других исторических источниках. Например, автор «Летописи Грузии» пишет, что после второго похода Абу-ал-Касима «Квирике хорепископ призвал царя абхазов Константина; вступили (они) в Эрети и осадили крепость Вежини. Царь абхазов обступил с верхней стороны, а Квирике - с нижней. И уже должны были взять (крепость), как явился патрик Адарнасе, и в крестовую пятницу заключил (с ними) перемирие, передал царю абхазов Ариши и Гавази, а Квирике-Орчоби. Как только заключили мир и возвратились, прибыл Константин, царь абхазов, помолился в Алаверди святому Георгию и отделал золотом его икону. Большую же часть своего войска отправил по окружному пути, и оказал ему большие почести хорепископ Квирике, и отправился (царь абхазов) в страну свою»[3]. Как видим, оба источника - надпись и летопись, описывают одно и тоже событие о походе царя «абхазов» в Эрети, вероятно произошедшем после нашествия Абу-ал-Касима в Грузию, то есть, после 914г. Можно смело

[1] Житие Грузии, т. I, с. 263.
[2] Корпус грузинских надписей, т. I, с. 171; Л. Ахаладзе. Надписи Эгрисско- Абхазских царей, с. 56-57.
[3]Житие Грузии, т. I, с.264; Абхазия и абхазы, с.63.

утверждать, что строительство храма Святого Георгия в Эредви, по инициативе Константина III было начато в 906 году зодчим Федором Таплаисдзе и завершилось после 914 года.

Привлекают внимание и отдельные детали совместного похода царя Константина и хорепископа Кахетии Квирике в Эрети. Летописец подчеркивает об отношении царя западной Грузии к восточногрузинским христианским святыням. К этому времени царь «абхазов» твердо владеет Внутренним Картли, которым из Уплисцихе управлял поставленный им эристав. После похода в Эрети царь Константин получает «Ариши и Гавази»[1]. С этого времени исторический Картли почти полностью (кроме Тбилисского эмиратства, территория которого постепенно уменьшалась) подчиняется «абхазскому» царю, что явился крупным успехом политики по объединению грузинских земель, проводимой царями Абхазии с 60-х годов IX века.

Важным источником для изучения церковно-строительной деятельности Константина III является надпись в Самцеврисм, выполненная старостой Домниносом и Георгием Туалоисдзе с упоминанием имени царя Константина. В ней сказано: *«Через 20 лет после воцарения Константина, я Домнинос староста Самцеврийского креста и Георгий Туалоисдзе привнесли руви (водовод) до крестого монастыря. Кто этого прочтет меня Домниноса раба Самцверийского креста в молитве помяните. И Георгий Туалоисдзе Христос помилуй. Аминь»*[2].

Надпись, датируется 20-м годом со дня воцарения Константина III, то есть 912 годом. Если примем во внимание надписи храма Святого Георгия в Эредви и вышеприведенные данные «Летописи Картли», именно в то время владел Константин III значительной частью Картли.

Упоминание «абхазских» царей в архитектурных памятниках Армази, Эредви и Самцевриси аргументировано доказывает, что местные светские и духовные лица обьязаны были датировать строительство важных памятников годами вступления на престол этих царей.[3] Разумеется, такое не могло случиться при «завоевателях».

Примечателен тот факт, что абхазские авторы С.Лакоба и О.Бгажба знают о Самцеврийской и Эредвской надписях, но Эредви ошибочно локализуют в Кахетии[4]. По их мнению, эти надписи указывают на то что, царь Константин завоевал Картли, подчеркивая в то же время, что борьба за Картли тогда происходила между Абхазским и Армянским царствами. В книге О.Бгажба и С.Лакоба ничего не сказано о «Царстве картвелов» (грузин) или Кахетинском царстве. Создается впечатление, что территории современной восточной и юж-

[1]Ариши находился в Эрети, а Гавази – в современном Кварельском районе.

[2]Корпус грузинских надписей, т. I, с.222; Л. Ахаладзе. Надписи Эгрисско – Абхазских царей, с. 57.

[3]См. Корпус грузинских надписей, т. I. Лапидарные надписи. Восточная и южная Грузия (V-X века). с.34. (на груз. яз.).

[4]О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии, с. 133.

ной Грузии входили в состав Армянского царства и за них шла борьба между Арменией и Абхазским царством.[1] Сепаратисты игнорируют тот факт, что этот эпиграфический материал - надписи абхазских царей составлены на грузинском языке и молчат о том, почему писали они о своей деятельности на грузинском, а не на греческом или абхазском (апсуйском) языках? В то же время, особое внимание обращается ими на единственную греческую надпись на булле, присланной из Византии Константину II,[2] для доказательства, что цари «Абхазии» канцелярское делопроизводство вели на греческом языке.

Вернемся к Константину III, пытавшемуся укрепить свои позиции в Кахети и Картли. В этих целях, династическим браком он породнился с Кахетинским хорепископосом, женившись на его дочери. Тем самым Константин III обеспечил себе тыл в условиях расширения своей политики. Он постарался завоевать страны, лежащие возле Аланских ворот, то есть попытался установить контроль над идущими из Картли на Северный Кавказ пути сообщения, имеющими как стратегическое, так и экономическое значение. По сведению армянского историка Иованна Драсханакертци, «царь Егерский Костантин .... собрал войско и двинулся, пустился в путь, пошел в северные края, что находятся в долинах Кавказских гор, чтобы подчинить себе и страну гугаров, обитающих возле Аланских ворот».[3] Этому стремлению царя «абхазов», - пишет Драсханакертци, - воспротивился армянский царь Сумбат Багратуни. В этой борьбе Константин III потерпел поражение, но и Сумбат не смог овладеть территориями возле Аланских ворот.

Как видно, кроме овладения Аланскими воротами (Дарьяльского ущелья) у Константина III были и другие цели, в частности, христианизация аланов. В истории Абхазского царства этот вопрос занимал одно из важных мест. Византийская империя активно старалась распространить христианство среди алан, но данная проблема оставалась неразрешенной вплоть до IX-X веков. Несмотря на то, что аланы с давних времен познакомились с христианством, оно не получило распространения среди них. Начиная с IXв. процесс христианизации у алан происходил более успешно[4]. Для Византийской Империи и усилившегося Абхазского царства имели большое значение приобретение влияния на алан. По мнению М. Лордкипанидзе, Византия и Эгрисско-Абхазское царство, пытаясь подчинить алан, использовали для этой цели идеологическое оружие

[1]Надо отметить, что в этой книге армянская тема представлена широко и разнообразно. Например, Клисурскую крепость, оказывается, построили армяне, в частности, некто Тома; комендантом Цибилиумской крепости в горах Абхазии в VII в. являлся армянин; в 550 г. в рядах защитников крепости Петры, оказывается, находился армянин Иоанн; Картли якобы был в руках армян или абхазов (апсуйцев). В то же самое время, ничего не сказано о грузинских политических единицах и о том, почему абхазы (апсуйцы) так „заботились" о грузинском языке, полностью «забыв» о своем родном языке (О.Х Бгажба, С.З. Лакоба, История Абхазии, с. 156).

[2] Такие буллы посылались и другим христианским царям, которых Византия считала своими вассалами.

[3]Иованн Драсханакертци. История Армении. Перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарий М. Дарбинян – Меликияна. Ереван, 1986, с. 152-153.

[4]Г. Тогошвили. Из истории грузино-осетинских отношений. Цхинвали,1958, с.108-115; М.Лордкипанидзе. Возникновение новых грузинских княжеств. Эгрисско-Абхазское царство, с.443.

- христианство и стремились распространить его среди аланов.[1] У Абхазского царства в отношении аланов и других Северокавказских народов были и иные более важные цели и устремления, в частности, обеспечение безопасности северных границ. Царь Константин, действуя в этом направлении, поддержал отправку к аланам архиепископа для проповеди христианства, что безусловно входило в интересы и Византии. Поэтому данное мероприятие Константина III одобряли правящие круги Византии и Константинопольский патриарх. Об этом историческом факте рассказывают письма Византийского патриарха Николая Мистика (914-925 годы) к Абхазскому царю Георгию II.[2] Как выясняется из этих писем, распространение христианства среди аланов началось во время царствования Константина III. Интерес к аланам он проявил еще тогда, когда решил овладеть Аланскими воротами (Дарьялом), но не сумел. Как видим, эта борьба была частью большой политики, предусматривавшей укрепление безопасности северных границ Абхазского царства и распространение христианства среди Северокавказских народов, приобретение тем самым значительного идеологического подспорья в борьбе за политическое влияние в этом регионе.

Продолжателем политики Константина III был его сын Георгий II (922-957 годы).Он «завладел всей Абхазией». К тому времени этот термин «вся Абхазия» подразумевал всю западную Грузию, внутренний Картли и часть Эрети.

Исторические источники характеризуют Георгия II как устроителя церквей, набожного и милосердного царя. По словам автора «Летописи Картли», «был он наделен всеми благами, храбростью и мужеством; был боголюбив, больше всех славился как строитель церквей, милосердный к нищим, щедрый, скромный и преисполненный благородности и доброты.»[3] Такую же характеристику дает Георгию II-му Вахушти Багратиони: „А этот Георгий был царем богобоязненным и набожным, статным, храбрым, мужественным, милосердным, щедрым, строителем церквей, оказывавшим милосердие сиротам и вдовам».[4] Подобную характеристику грузинские летописцы не могли дать «завоевателям», такое отношение грузинских летописцев к царям Абхазии, проводимой им государственной и церковной политике, однозначно указывают на этническую принадлежность и политическую ориентацию абхазских царей, их место и роль в истории грузинской государственности.

Во второй половине IXв. внутреннее и внешнее положение Византии резко улучшилось, но восстановить былое влияние в западной Грузии она не сумела. Отныне Византия меняет тактику в отношении западной Грузии и пытается сохранить хотя бы формальное влияние над ним, о чем писал и И. Джавахиш-

[1]М.Лордкипанидзе. Возникновение новых грузинских княжеств. Эгрисско-Абхазское царство, с. 443.

[2]Известны три письма Николая Мистика к Георгию II-му. В последнее время высказано мнение, что одно из этих писем было направлено на имя Константина III. См.: Е.Аджинджал. Из истории христианства в Абхазии, с.83,89,91; Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 112-112,115.

[3]Житие Грузии, т. I, с. 265; Абхазия и абхазы, с. 64.

[4] Житие Грузии, т.IV,с.799; Абхазия и абхазы, с. 132-133.

вили[1]. Правители Византии на протяжении долгого времени сохраняли формальное влияние как над Грузией, так и над другими христианскими царями. В связи с этим представляет интерес, пожалованная абхазским царям титулятура и правила обращения к ним. Константинопольский патриарх Николай Мистик называет Георгия II «Ексусиастом» или «Блистательным Ексусиастом», но не «царем». Византийцы этим титулом не обращались к «абхазским» царям, но все же считали их независимыми правителями. Николай Мистик говорит о царских достоинствах Георгия II, что свидетельствует о большом авторитете и политической независимости царя Абхазии по сравнению с другими Кавказскими правителями.

В первом письме патриарх советует Георгию II продолжить начатое его отцом дело просвещения аланов, всячески поддержать их архиепископа.[2] Георгий II действительно продолжил дело отца, приняв непосредственное участие в распространении христианства среди аланов, крещении их правителя и многих других, кто оказался достойным святого крещения.[3]

Северокавказская политика абхазских царей была направлена на распространение политического влияния Абхазского царства в этом регионе, и, как было выше отмечено, на укрепление безопасности северных границ царства. Об этом говорит наличие грузинских православных церквей на пути от западной Грузии в Осетию и присутствие грузинской христианской терминологии в осетинском языке.[4]

Религиозную политику Георгия II можно проследить не только по «Летописи Картли» и письмам Николая Мистика, но и другим источникам. Например, в грузинских эпиграфических памятниках, как лапидарных, так и чеканных, также рассказывается о деятельности царя Георгия в этом направлении. В период его царствования были построены Чкондидский (ныне Мартвильский район), Хопский (ныне Гудаутский район) и Киачский (ныне Очамчирский район) храмы, о чем содержатся сведения в эпиграфике этих храмов.

О строительстве Георгием II-м Мартвильского храма рассказывается в «Летописи Картли»: «Возвел храм в Чкондиди, образовал епископат и украсил его мощами многих мучеников».[5] Этой информации о строительстве храма противоречат современные данные о датировке строительства. Специальные исследования Г. Чубинашвили и Н. Аладашвили показали, что храм был построен в VII в.[6] На основе изучения храмовой надписи В. Силогава пришел к выводу, что автор «Летописи Картли» прав, когда говорит об основании Ге-

[1] И. Джавахишвили. История грузинского народа, т. II, с. 109.
[2] Георгика, т. IV, кн. II, с .213.
[3] Там же, с. 214.
[4] С. Джанашиа. Труды, т.I, с. 215-252; М. Лордкипанидзе. Егрисско-Абхазское царство, с. 445.
[5] Житие Грузии, т. I. с. 265.
[6] Г.Чубинашвили. Памятники типа Джвари. Тб., 1948, с. 31,59; Н. Аладашвили. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V-XI веков. М. 1977,с. 48-61.

оргием II-м епископской кафедры в Чкондиди, но храм построен в VII веке. Царь же Абхазии только возобновил храм, построил епископский дом и другие сооружения.[1] Что касается строительной надписи храма, она повествует об истории построения Багратом III-м купели в 996 г.

Строительная надпись на Хопском (Гудаутский район) храме Святого Николая, построенном Георгием II-м, повествует: *«Построил эту святую церковь первосвященник {.....} в царствование Георгия, когда родилась [Гуарандухт]. Святой Николай, ходатайствуй за него перед Христом.»*[2]

Надпись рассказывает, что Хопский храм был построен в честь Святого Николая. Что касается датировки надписи, по мнению В. Силогава она относится к XII веку, а упомянутый в надписи царь Георгий предположительно является царем объединенной Грузии - Георгием III-м (1156-1184 годы); исходя из этого, надпись можно датировать периодом между 1156-1178 годами, считает В. Силогава.[3] Но по данным же первоиздателя надписи А. Авидзба, при ее обнаружении еще можно было прочесть имя женщины - Гуарандухт[4] (по прочтению Л. Шервашидзе), что является достаточным основанием для изменения датировки надписи. Известно, что Гуарандухт, дочь Эгрисско-Абхазского царя Георгия II (922-957 годы) была замужем в Тао- Кларджети за сына царя Баграта II Багратиони (958-994годы) - Гургена. Имя Гуарандухт в честь ее рождения, высечено на фасаде храма Святого Николая, строительство которого Георгий II, видимо, завершил при ее рождении. Таким образом, упомянутый в надписи царь Георгий II является царем «абхазов», по инициативе которого был возведен храм Святого Николая в Хопи.

Грузинские чеканные надписи сообщают о особенно богатых пожертвованиях Георгия II Киачскому храму в виде серебряных кадило и рапид, которых еще называют Киачской иконой.[5] На серебряном кадило нанесена грузинская надпись: *,,Святая церковь, будь мне, царю Георгию, помощницей перед Богом.*“[6]

После изучения серебряного кадило Г. Чубинашвили заключил, что оно является великолепным образцом раннегрузинского чеканного искусства, а упомянутый в надписи царь Георгий, есть царь ,,абхазов” Георгий II. Надпись на Киачской иконе сообщает о том, что она изготовлена по инициативе царя Георгия.

,,Именем Бога я, царь Георгий, положил эти рапиды в этой святой церкви Киачи, в моление за мою душу. Священники, когда вы будете совершать

[1]В. Силогава. Эпиграфика Мегрелии и Абхазии. Тб. 2004. с.51. (на груз. яз.).

[2]Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии как исторический источник (Лапидарные и фресковые надписи), с. 444.

[3] Корпус грузинских надписей, т. II, с. 142.

[4]А. Авидзба. Любопытная страница истории.- Советская Абхазия,1967, 7 октября.

[5]Обнаружены в селе Обуджи Цаленджихского района, куда они были вывезены в конце XVII в. после занятия современной территории Абхазии горцами – предками современных абхазов.

[6]Г.Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тб., 1959, фото№29-31, с. 148; Л. Ахададзе. Надписи Эгрисско-Абхазских царей, с. 58.

жертву телом и кровью Христовой, помяните меня в молитве, аминь. Святая Богородица, будь заступницей перед сыном твоим и Богом нашим мне, царю Георгию".[1] Киачскую икону и кадило Г. Чубинашвили изучил с искусствоведческой точки зрения и датировал их первой половиной X века.

Как видим, церковная и государственная политика Абхазского царства, основу которой заложил еще в 60-х годах IX в. Георгий I, а затем расширилась при Баграте I и Константине III, перешла в новую фазу в эпоху Георгия II. Его деятельность является самым успешным периодом в истории Абхазского царства. Армянский историк Хв. Ухтанес об этом периоде Абхазского царства писал: „А вот племя, обосновавшееся на берегу Понта, возродилось, разумножилось вдоль моря, овладело тем краем и распространилось до границ армян и албанцев. Образовался довольно многочисленный народ, и то государство зовется Абхазией... Разумножились и увеличились и возникло племя, которого в своей первой стране (в Испании-авт.) называют Верией (Иверией-авт.), а здесь называются грузинами"[2]. Сообщение Ухтанеса является прямым подтверждением того очевидного факта, что население Абхазского царства составляли не апсуйцы, а этнические грузины. Современные абхазские историки, в том числе О. Бгажба и С. Лакоба[3], занимающиеся фальсификацией истории Абхазии, часто приводят первую часть сообщения Ухтанеса, что касается второй части, где говорится об этническом составе Абхазского царства, они тщательно скрывают от неосведомленного читателя.[4]

Важным направлением государственной политики Георгия II являлась борьба за присоединение Кахетии. После смерти хорепископа Фадли часть феодалов не признала власть нового хорепископа Квирике II (929-976 годы) и решила передать Кахетию под управление Георгия II (922-957 годы). В „Летописи Картли" читаем: „Затем отложились азнауры Гардабанские и начали сговариваться с царем Георгием. Выступил царь Георгий в поход, вошел в Кахети, сжег её и сокрушил и вернулся . . . Затем расположился в Атени. А сын его Леон был эриставом Картли."[5] Важной опорой в борьбе за Кахетию, по словам летописца, для Георгия являлся Картли, эриставом которого был его старший сын Леон. Квирике II прислал к Георгию II своего брата Шурта, который передал царю Абхазии крепости Уджарма, Бочорма, Лоцобани и Нахичевани. Царь Георгий легко овладел этими крепостями. После взятия Нахичевана, „Хорепископ Квирике, видя как ему недоставало сил, попросил гарантии того, что отпустят его живым, и даровал царю Георгию Кахети."[6] С помощью другой

[1]Г.Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство, фото №№ 22,23,24, с.138.
[2]Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал З. Алексидзе. Тб., 1975, с.66-67.
[3] О. Х. Бгажба, С.Лакоба .История Абхазии, с.156.
[4]О фальсификации абхазскими историками сообщения Ухтанеса см.: Дж. Гамахария , Б. Гогия. Абхазия- историческая область Грузии, с.197, 556.
[5]Житие Грузии, т. I, с. 268.
[6]Летопись Картли, с.54-55.

части Картлийских феодалов ,,вновь стал Квирике владеть своей вотчиной,-"[1] пишет автор ,,Летописи Картли".

Несмотря на это, царь Георгий продолжил борьбу за присоединение Кахетии, так как его главной политической задачей являлось объединение Грузии. К 956 году царь Георгий поручает присоединение Кахетии своему сыну, эриставу Картли-Леону. Во главе своих войск он вторгся в Кахетию, но во время этого похода Леон получил известие о кончине «великого и боголюбивого царя Георгия.»[2] Как видим, Леон выполнил поручение отца, но смерть его заставила временно отложить присоединение Кахетии, заключить мир с Квирике и срочно вернуться в Кутаиси.

В 957 г. престол Абхазского царства занял Леон III (957-967 годы). У Георгия II были четыре сына и дочь: Леон, Дмитрий, Феодосий, Баграт и Гуарандухт. Двух сыновей (Феодосия и Баграта) царь еще при жизни отправил в Византию, чтобы после его смерти между братьями не вспыхнула война за царский престол.[3] Несмотря на это, один из братьев Феодосий все же вернулся на родину, имея серьезные претензии на престол. Это не помешало Леону энергично продолжить политику своего отца за присоединение остальных земель Картли. В первые годы царствования Леон присоединил Джавахети и поставил там эриставом преданного чиновника Звиада Марушиани. Об этом историческом факте говорит грузинская надпись на стене храма Кумурдо: *,,С Божьей помощью, епископ Иованэ заложил фундамент этой церкви моей рукою - грешного Сакоцари, во время царя Леона – да возвеличит его Бог-хороникон 184, первого (числа) месяца мая, субботний день в первую (фазу) луны, в эриставствование Звиа(Звиада); этот балавар он положил. Христос, будь сподвижником рабу твоему, аминь .*"[4]

Из надписи явствует, что в 964г. Леон III уже владел Джавахетией, где его власть представлял Звиад Эристави. Таким образом, с 60-х годов X в. абхазские цари вместе с Картли владели и Джавахетией, распространяли свою власть в южном направлении, что подтверждается эпиграфическими и наративными источниками. Строительная надпись Кумурдо яркое тому подтверждение.

Леон III продолжил борьбу за присоединение Кахетии. По «Летописи Картли», царь Леон «вновь начал враждовать против Квирике и посягать на Кахетию. Двинулся в поход во главе огромного войска и расположился на берегу Арагви. Взял Мухнари, Херки и Базалети», но, по словам летописца, ,,во время этого похода он занемог, вернулся и помер".[5] Леон не смог завершить начатое его отцом дело, хотя расширил границы Абхазского царства в

[1] Житие Грузии, т. I, с. 269.
[2] Летопись Картли, с.55
[3] Житие Грузии, т. I, с. 270.
[4] В.Силогава. Эпиграфика храма Кумурдо. Тб., 1994 , с. 39.
[5] Житие Грузии, т. I, с.270.

юго-восточном направлении. Исторические источники характеризуют Леона III как христолюбивого, строителя церквей, покровителя сирот и вдов. В „Летописи Картли" читаем: „Умножил Господь царство его, подобно отцу его. И был он также боголюбив и преисполнен всякого добра. Он построил церковь в Мокви и учредил (в ней) епископскую кафедру."[1] Вышеупомянутые источники указывают, что Леон III успешно продолжил государственную и церковную политику своих предшественников. Он построил Моквский, Кумурдский, Циркольский и Хобский (древный) храмы. В эпиграфических памятниках храмов в Кумурдо, Цирколи и Хоби говорится об их строительстве. На стенах Циркольского храма высечена грузинская надпись асомтаврули: *„Спаси меня Господи от пасти льва, святой Гавриил спаси от наказания царя Леона."*[2]

Надо отметить, что Абхазские авторы С. Лакоба и О. Бгажба в своих работах проходят мимо государственных и церковных мероприятий, проводимых Георгием II-м и Леоном III-м, представляя их абхазскими (апсуйскими) завоевателями Грузии.

После смерти Леона Ш в 967 г. воцарился его брат Дмитрий Ш (967-975 годы), против которого выступил другой брат Феодосий, возвратившийся из Византии. Несмотря на то, что его поддерживали месхетинские феодалы, Дмитрий пленил Феодосия и ослепил. После Дмитрия царский престол занял бездетный и слепой Феодосий, единственным наследником которого являлся его племянник – внук царя абхазов Георгия II от дочери Гуарандухт и внук царя картвелов – Баграта II Багратиони. С 70-х годов Хв. в истории Абхазского царства начинается новая эпоха, завершившаяся объединением Грузии.

Для понимания культурно-религиозного облика Абхазского царства большое значение имеют образцы литературы, созданные по заказу Западногрузинского духовенства и абхазских царей только на грузинском языке с использованием грузинской письменности.

Как известно, в средневековой Грузии центрами грузинского образования и культуры являлись монастыри. Именно они представляли ту мощную жилу, откуда брали свое начало грузинская культура, образование и духовность. В VI веке в Грузии начинается монастырская жизнь. Особенный подъем она испытывает в монастырях Тао-Кларджети, основанных в VIII-IX веках Григолом Хандзтели (759-861 годы); Они превратились в значительных центров грузинской культуры, где создавалась оригинальная и переводная литература как религиозного, так и светского характера; были основаны замечательные школы иконописи и живописи, разные каллиграфические направления и т.д. О духовном и культурном влиянии христианских центров, основанных Григолом Хан-

[1] Там же.
[2] Л. Ахаладзе. Надписи Эгрисско-Абхазских царей, с. 59.

здтели, на идеологию, религию и культуру Абхазского царства говорит факт приглашения Дмитрием II Григола для основания Убисского монастырского центра. Это культурно-религиозное единение грузинских царств, продолжалось и в дальнейшем. Церковные центры, основанные царями Абхазии (Убиса, Самцевриси, Армази, Мартвили, Хопи, Цирколи, Эредви, Мокви), являлись важнейшими очагами грузинской культуры в эпоху Абхазского царства и в последующие века. Они часто выступали носителями передовых просветительных тенденций и являлись инициаторами новых культурных начинаний.

Ясно, что начало этому положила политическая и церковная независимость Абхазского царства. В борьбе за ее приобретение и укрепление бок о бок с царями Абхазии стояли освободившаяся от Византийской зависимости Западно-грузинская церковь и население региона; оно не только приобретает и укрепляет государственный суверенитет, но и продолжает борьбу за присоединение грузинских земель и восстановление единого грузинского государства.

Примечательно и то, что именно в Абхазском царстве трудились выдающиеся представители грузинской культуры, церковные и светские лица. Среди них можно назвать переводчика и гимнографа Хв. Стефана Сананоисдзе (автор «Песни Стефана Первомученника»),[1] трудившегося в Чкондидском храме, основанном царем абхазов Георгием II-м и ставшем важнейшим очагом грузинской культуры. Покровительством и поддержкой того же Георгия II пользовался и другой великий грузинский гимнограф Иоанн Минчхи[2] - автор замечательных «Воскресных гимнов»'. Представителем Абхазского царства являлся автор мученичества Микаела Сабацминдели „Абукура”[3]. При царе Абхазов Константине III, было начато составление на грузинском языке „Истории Абхазских царей”,[4] представляющей летопись эгрисско- абхазских царей VIII-X веков. Сепаратистская историография умалчивает об этом богатом культурном наследии Абхазского царства, ибо оно является только грузинским. Никакая же иная культура в Абхазии того периода не существовала и не создавалась .

Церковным и государственным языком в Абхазском царстве являлся грузинский, письменная культура так же была грузинской, о чем однозначно указывают вышеприведенные факты, а также сделанные по заказу абхазских царей и дошедшие до нас надписи, выполненные грузинским заглавным (асомтаврули) шрифтом. Этот факт отмечают все исследователи, которые когда - либо изучали историю Абхазского царства[5], в том числе абхазские авторы.[6] Несмо-

[1] Грузинские писатели, т. I, Тб., 1987, с. 515-516.

[2] Поэзия Иоанна Минчхи. Подготовил для издания и снабдил иследованием Л. Хачидзе. Тб.,1987.

[3] Очерки истории Грузии, т. II, с. 427.

[4] Древняя Грузия, т. II, под ред. Е. Такаишвили, с.46-54.

[5] С.Джанашиа. Георгий Шарвашидзе. Культурно-исторический очерк.- Труды, т.VI. Тб.,1988, с. 26; М.Лордкипанидзе. Возникновение новых грузинских княжеств, Эгрисско-абхазское царство. В книге: Очерки истории Грузии ,с. 416-445; З. Папскири. Очерки..,ч. I, с. 52-53; Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 119; Ш. Гловели. Абхазское царство, с.24-25. и др.

[6] Х.С. Бгажба. Из истории письменности Абхазии.Тб.,1967, с.12; З.В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.196.

тря на это, современные абхазские историки М.Гунба, О.Бгажба, С.Лакоба и другие старательно проходят мимо этих фактов. Надо отметить, что развитие письменности на территории Абхазии в свое время исследовал Х.Бгажба (отец О.Бгажба). По его заключению, Абхазское царство представляло собой Западногрузинское царство, государственным языком которого являлся грузинский.[1] По мнению Д.Гулия, существуют „многочисленные научно проверенные факты, которые неопровержимо говорят, что абхазы жили всегда одной исторической и культурной жизнью с грузинами, что абхазы – те же грузины... Неоспоримым образом установлено, что уже в Абхазском царстве, во всяком случае с середины IXв. грузинский язык является единственным языком письменности, государственного и частного делопроизводства, церковного обихода и богослужения”.[2]

С точки зрения развития культуры письменности в западной Грузии и, в частности, на территории современной Абхазии большое значение имеют сохранившиеся эпиграфические материалы времен Абхазского царства. Источниковедческий анализ и палеографическое сравнение их с образцами письменности других регионов Грузии, показали передовые культурно - исторические тенденции Абхазии. Она первая отзывалась на изменения, происходившие в образцах асомтаврули (заглавные). Показателем этого является тот факт, что первые образцы асомтаврули во всей западной Грузии были обнаружены в современном Гудаутском районе Абхазии в развалинах церкви у горы Мсыгхва. Более того, именно в этом крае в грузинской письменной культуре было положено начало новой замечательной каллиграфической школе конечнострелочной письменности, распространившейся из Абхазии в остальных регионах Грузии.[3]

Вышеприведенные материалы указывают, что Абхазия являлась передовым регионом Грузии и была не только ареалом распространения грузинской культуры, но и ее творцом. Она представляла собой органическую часть грузинского культурного и политического мира, как Картли, Кахети, Одиши и другие исторические регионы.[4]

[1] Х.С. Бгажба. Из истории письменности Абхазии.
[2] Д. Гулия. О моей книге - История Абхазии. Сухуми, 1951 (Репринтное издание) .Тб.,1998, с.10, 15.
[3] Л.Ахаладзе. Палеографические характеристики грузинской письменности в эпиграфических памятниках Абхазии.- Межкультурные коммуникации. Тб., 2007,с.32-40.
[4] Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии, как исторический источник, т. I, с.204-211.

Глава VI. Церковное зодчество Абхазии

Сохранившиеся и выявленные в разное время на современной территории Абхазии в результате археологических раскопок средневековые вещественные памятники - христианские храмы, дают возможность проследить картину почти непрерывного развития христианского культового зодчества на протяжении IV-XVIII веков, смены стилей, исторического процесса эволюции, смены периодов творческих поисков, полной художественной зрелости и кризисов. Данные памятники занимают значительное место в истории грузинской культуры и искусства, в первую очередь - церковного строительства.

Памятники церковного зодчества хорошо изучены и всесторонне освещены исследователями истории грузинского искусства[1]. Ниже будут рассмотрены только те специфические отличительные черты в церковном зодчестве региона раннего средневековья (IV-VII века) и переходного периода (VII-X века), которые отражают общие для грузинских «стран» течения, единый вкус, общие направления творческого поиска, являющиеся результатом творческого подхода, творческой разработки этой важной для Грузии темы.

Христианская церковь поставила перед зодчими вполне определенные задачи: создание специального здания, способного вместить большое количество молящихся и годного для проведения религиозных ритуалов. В Европе и на Ближнем Востоке в раннехристианскую эпоху были распространены два основных вида церковных зданий: удлиненное бескупольное строение, так называемая базилика и центровое, круглое, восьмигранное, крестообразное здание[2]. Во всех уголках Грузии, включая Абхазию, в христианском культовом строительстве встречаются две те же разновидности – удлиненные бескупольные и центрические здания. Ядро центровых храмов в Грузии составляет квадрат, на котором возведен купол, вокруг которого развивается крестообразный план. Этот стиль генетически связан, с одной стороны, с аналогичными композициями древнего зодчества Ближнего Востока (например, с сасанидскими дворцами в Иране), с другой – с традициями грузинского народного зодчества, конкретно – с выработанным задолго до распространения христианства традиционным местным крестьянским «зальным» типом[3].

Здания базиличного типа с явно выделенной продольной осью, построенные с ритмичным повторением определенных элементов, были чужды грузинскому

---

[1] И.Цицишвили. История грузинской архитектуры. Тб., 1955 (на груз. яз.); Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства.Тб.,1961 (на груз. яз.); В.Беридзе. Древнее грузинское зодчество. Тб.,1974 (на груз.яз.); его же: Некоторые вопросы Грузинской центрально-купольной архитектуры переходного периода. – IV международный симпозиум по Грузинскому искусству.Тб.,1983; Л. Д. Рчеулишвили. Некоторые аспекты Грузинской архитектуры Черноморского побережья. - Средневековое искусство. Русь. Грузия. М.,1978; его же: Купольная архитектура VIII-X веков в Абхазии. Тб.,1988 и др.

[2] В.Беридзе. Древнее грузинское зодчество, с. 18.

[3] Там же, с. 19.

зодчеству. Этот тип внедряла официальная церковь, поскольку ей в начале требовались уже признанные, освященные верой образцы. Таковыми считались древнейшие базилики Палестины, так как Палестина, согласно Божественному Писанию, являлась ареной деятельности Христа в этом мире[1].

В раннехристианскую эпоху в Картли, Кахетии и Абхазии почти одновременно появляется своеобразный вариант базилики, получивший в грузинской науке название «трехцерковной базилики». С наружи своим «профилем» она не отличалась от обычной трехнефной базилики, но внутри нефы отделены друг от друга не колоннами, а стенами; то есть, по существу, здесь в одном здании были объединены три независимые друг от друга молельни. Созданная в V-VI веках эта тема, начиная с VII в. переживает определенную эволюцию и в указанный период принимает вид художественно завершенного произведения[2].

Рядом с трехнефной и трехцерковной базиликой в Абхазии, как и в других уголках Грузии, тогда же был выработан еще один, простейший тип бескупольного строения – однонефная церковь. Большинство малых сельских молебен принадлежат к этому типу, хотя встречаются и большие однонефные, а также – двухнефные церкви.

Грузинская церковь целиком и полностью поддерживает принятые во всем христианском мире нормы. С функциональной точки зрения она тождественна церквам других христианских (в первую очередь, православных) стран: обращенный на восток алтарь с полукруглой апсидой, диаконник и жертвенник; с обеих сторон (за исключением древнейших церквей, где этих приютов еще нет), находится зал для молящихся. Грузинские церкви в то время строились без атриумов. За редким исключением у них не было ни нартекса с западной стороны, ни отдельно построенных купелей (баптистериумов) западных церквей, колокольни же появляются с XIII в.[3]

В нынешней Абхазии известно более 20 культовых архитектурных сооружений раннехристианского периода, выявленные в основном в результате археологических раскопок. Как выясняется по археологическим данным, христианские храмы существовали не только в известных по письменным источникам центрах (Пицунда), важных городах и укрепленных пунктах (Себастополис, Анакопия, Цебельда), но и в неизвестных в литературе местах (Гагра, Алахадзе, Гиенос, Дранда, Гантиади, Хашупса, Мюссера, Мрамба, Шапка, Абаанта, Киач-Абаа и др.).

В раннем средневековье церкви в Абхазии, представлены однонефными (Пицунда, Церкви №1 и №4, две церкви, зафиксированные к западу от кафедрального собора, а также церкви в Гиеносе, Хашупсе, Цебельде, Мрамбе, Шапке)

---

[1] Там же.

[2] Г.Чубинашвили. История грузинского искусства. Тб., 1936, с.65-66 (на груз. яз.); его же: Архитектура Кахетии. Тб.,1959, с.41.

[3] В.Беридзе. Древнее грузинское зодчество, с. 20.

и двухнефными (Пицунда) строениями; имеются и трехнефные базилики (Пицундские церкви №2 и №3, Гантиади, Алахадзе), а также «трехцерковные базилики» (Гагра, Мюссера, Аба-Анта, Киач-Абаа) и крестово-купольное строение (Дранда).

Правда, в стране, находившейся под греческое конфессиональное влияние формы культового зодчества шли из Византии, но культурное единство и связь Абхазии с другими грузинскими «странами» (краями) не прекращается, на произведениях культового зодчества того времени явно видны сочетания византийских и местных (грузинских) художественных течений.

Если часть построенных в Абхазии на первом этапе раннего средневековья церквей – греческие (например, старая Пицунда, надстроенные друг на друге базилики IV-V веков в Пицунде и баптистериум IV века в Гудаве), то воздвигнутая несколько позднее, в VIв., на территории нынешней Гагры так называемая «трехцерковная» базилика является одной из разновидностей, принадлежащей к типу грузинской бескупольной архитектуры. В Абхазии сохранились четыре памятника данного типа – в Старой Гагре, в крепости Абаанети (село Лыхны), на холме Киачи и Амбаре, на Мюссерском мысу. Древнейшей из них является церковь в Старой Гагре, составляющая часть Гагрской крепости. В этом храме сохранился характерный для грузинских раннехристианских рельефов вставленный в окружность равнобедренный так называемый «Болнисский» крест.

Архитектурная тема «трехцерковной» базилики, как уже отмечалось, представляет собой одну из разновидностей бескупольного храма, с внешней стороны являвшегося типичной трехнефной базиликой, но внутри, как по конструкторскому решению, так и по пространственному впечатлению полностью от нее отличается. Уже было сказано, что, здесь вместо колонн и опор, обычно разделяющих внутреннее пространство базилики на нефы, появляются стены. Строение данного типа в Грузии претерпело интересную эволюцию и спустя определенное время привело к созданию художественно завершенного произведения.

Правда, этот тип базилики известен и в других странах, но в Грузии такие церкви все же составляют независимый тип. Очагом их творческого развития считается Кахетия, где сохранилось до двух десятков памятников этого типа. Подобные здания должны были быть одинаково приемлемы и привлекательны для жителей как восточной, так и западной Грузии. Данное обстоятельство естественно и закономерно проявилось в факте практически одновременного появления «трехцерковных базилик» в Кахетии, Картли и Абхазии[1]. Наличие данного общегрузинского типа церквей в Абхазии является определенным показателем реальной культурно-исторической обстановки[2].

[1] Д. Туманишвили. О национальном единстве средневековой грузинской архитектуры. - Литература и искусство, 3-6, 1993, с. 177 (на груз. яз.).

[2] В.Беридзе. Памятники культуры в Абхазии. - Джвари вазиса, I, 1995, с. 65 (на груз. яз.).

Очевидно, факт строительства в Абхазии «трехцерковных базилик» является показателем церковно-культурного единства Картли и Эгриси даже и в V-VII веках[1]. На основании первого грузинского исторического сочинения «Обращения Грузии», «Жития Грузии» и данных армянского историка IX-X веков Иоанна Драсханакертского не исключается их объединение под началом одного архипастыря, известного грузинского духовного деятеля, активного участника армяно-грузинского церковного раскола – Кириона первого, католикоса Картли на рубеже VI-VII веков[2].

Ярким примером синтеза византийских и местных, характерных для всей Грузии общих художественных течений является Драндский собор Богородицы, относительно датировки которого существуют различные мнения. Г. Чубинашвили[3], на основании архитектурного анализа храма, считает его вариацией Мцхетского Джвари (VIв.). Р. Меписашвили с помощью искусствоведческих и биофизических методов датирует собор VIII веком[4], а М. Хотелашвили и А. Якобсон считают его византийским памятником и, основываясь на археологический материал, датируют храм VI веком[5]. Кирпичный собор с низким и широким многооконным куполом, многочисленными дверями и ротондным пространством посередине, является позднеримским наследием. Смещение осей нартекса (притвора) и входов основного пространства отвечает общегрузинским стремлениям VIII-IX веков, а переплетение арок апсиды тремя выступами алтаря опирается на опыт «Мцхетского Джвари» и других храмов той же группы (например – Мартвильского храма)[6].

Впоследствии в культовых строениях на территории Абхазии постепенно усиливаются невизантийские начала, хотя, продолжается и строительство «трехцерковных базилик». Построенные в VII-VIII веках Абантская и Амбарская «трехцерковние базилики»[7], а так же известная во всей западной Грузии Киачская «трехцерковная базилика» Святого Архангела[8], отражают тенденции, проявляющиеся в архитектуре восточной и юго-Западной Грузии (усложнение планирования, обработка несущих выступов внутренних стен).

У выявленной в с. Чхортоли (Гальский район Абхазии) в ходе археологических раскопок однонефной зальной церкви переходного периода имеются параллели в IX-X веках в Джавахети (Хвилиша, VIII-IX века) и Шида Картли (Снекви - IX-X веков, церковь старца Хв. в Эредви и Эредвская церковь Св.

[1] С. Джанашиа. Труды, т. 1. Тб., 1949, с. 124 (на груз. яз.).
[2] З.Алексидзе. Эпистолярная книга. Тб.,1968, с. 167-168 (на груз. яз.).
[3] Г. Чубинашвили. История грузинского искусства, с. 167-168.
[4] Р.Меписашвили. Дранда (памятник архитектуры VIII века). IV международный симпозиум, посвященный грузинскому искусству. Тб., 1981,с.12.
[5] М.Хотелашвили., А. Якобсон. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия). - Византийский временник, т.45. М.,1984,с.192-200, 204-205.
[6] Д.Туманишвили. О зодчестве в Абхазии, с. 80; Л.Шервашидзе. Археологические раскопки в Крепости Абаанта. Полевые археологические исследования в 1976 г. Тб.,1979. с. 233.
[7] Л.Рчеулишвили. Купольная архитектура VIII-X веков в Абхазии, с. 73-74.
[8] Д.Туманишвили. Христианские памятники Абхазии. – Джвари вазиса, I, с.68 (на груз. яз.).

Георгия 906г., а также церкви в Кусирети VIII-X веков, Хейтская церковь Св. Савы Xв. и церковь Xв. в Дисеви)[1]; а зальная церковь IXв. в с.Цкеликери Гальского района имеет аналог в южной Грузии – Джавахети (Агара - Xв.).[2]

Характерные для грузинской архитектуры признаки и тенденции отражены в памятниках Абхазии IX-X веков, принадлежащих к последнему периоду переходной эпохи, и отличаются разнообразными творческими исканиями. В процессе этих исканий господствующее положение в грузинском зодчестве занимает центрально-купольное строение, главным характерным признаком которого является строение удлиненной формы западно-восточной ориентации. Масса такого строения создает в пространстве форму креста. Опирающийся на четырех свободно стоящих столбах купол возвышается на стыке четырех крыльев храма. Данный тип храма отличается разнообразием, строятся храмы типа, «свободного креста», и «вписанного креста»[3].

Основное ядро «вписанного креста» составляет крестово-купольная структура. Эта тема с течением времени постепенно развивается и усложняется, что выражается в добавлении отдельных элементов к основной композиционной структуре. К основной композиции Анакопийского и Бзыбского храмов с западной стороны добавлен нартекс, непосредственно сливающийся с основным корпусом. Эти притворы создают выступающую форму. План Анакопийского храма повторяется в Лыхненском храме. Здесь интерьер разнообразится отличающимся от Анакопийского, расположенным выше нартекса патронником. Впечатление грандиозности и величия в интерьере Лыхненского храма усилено с помощью двухэтажных круговых пристроек и двух колонн, добавленных с западной стороны.

Характерные для предыдущего периода поиски архитектурных форм принимают совершенный вид в Моквинском храме. Своей спокойной и строгой симметричностью связаны с грузинскими храмами классической эпохи храмы в Бзыби и Анакопии. Лыхненский и Моквский храмы своей асимметричностью и динамичностью также отвечают доминирующему в грузинской архитектуре данного периода живописно-художественному стилю.

Памятники типа «вписанного креста» - Бзыбь (IXв.), Анакопия, Лыхны и Мокви (60-е годы X в., построенные при абхазском царе Леоне III, родном дяде Баграта III) обнаруживают явный византийский след. Это, например, и купол, составленный из вогнутых во внутрь сегментов, который англичане называют «тыквообразным», и три апсида с выступами на восточной стороне храма и раскрытые приютов в сторону внутреннего пространства (за исключением западной стены). Из-за этих признаков, с XIX в. они считались произведения-

[1] Р.Хвистани. Чхортольская церковь.- Абхазия, 1. Тб.,2006, с.129 (на груз. яз.).

[2] Л.Шервашидзе. Цкеликари. - Материалы по археологии Абхазии. Тб.,1971, с. 64.

[3] Г.Чубинашвили, Н.Северов. Пути развития грузинской архитектуры. Тб., 1936, с. 82-83 (на груз.яз.); В.Беридзе. Некоторые вопросы…, с. 7; его же: Древнее грузинское зодчество, с. 47.

ми византийского искусства. Но у этих церквей имеются весьма характерные черты и художественно-исторические признаки, позволяющие отнести их к памятникам грузинского зодчества, а их «византизмы» признать своего рода примесями. Все четыре храма относятся к типу так называемого «вписанного креста», с опирающимся на четырех свободно стоящих столбах куполом. Здания с куполами подобного строения с X в. распространены на Балканах, в Константинополе, Фесалонике, Киевской Руси и вообще, на всем христианском Востоке. Однако древнейшие из них на сегодняшний день встречаются в Грузии и Армении. В восточной Грузии имеется непрерывный ряд таких храмов (Цроми – VIII в., Самшвилде – VIII в., Икалто и Руиси – VIII-IX века) тогда, как в Византии данная архитектурная тема только начинает внедряться.

Среди храмов Абхазии типа «вписанного креста» древнейшим является Бзыбский храм, явно связанный с памятниками Картли. Остальные здания Абхазии этого типа (так же, как и «трехцерковные базилики») так же возникли на общегрузинской почве. На связь с грузинским миром указывает внешнее и внутреннее строение этих памятников, где подкупольные арки опираются прямо на устои; купола же аналогичных византийских памятников опираются на стоящие на низких опорах стены. Стены храмов Абхазии не испещрены с наружной стороны окнами, как стены византийских храмов. От Бзыбского (IXв.), до Моквинского храма (Xв.) в оси, ведущей к алтарю, наблюдается постепенный рост объемов, их удлинение, тогда как в византийских церквах, с VIIв. наблюдается обратный процесс – укорочение продольной оси[1].

Аркада, устроенная в несколько этажей на Лыхненском западном патроннике, абсолютно чуждая византийскому искусству, выработана впервые в Кахетии в Гурджаанской церкви Всех Святых и перешла в Амбарскую «трехцерковную» базилику. В Грузии, для памятников Кахетии и Абхазии характерны большие арочные ворота, что также неизвестны для византийского зодчества.

Пицундский храм, из-за своей оригинальной подкупольной конструкции, стоит особняком внутри группы памятников типа «вписанного креста». Памятник расположен на территории древнего городища, на берегу Черного моря, в Пицундской бухте. К Юго-западу от храма археологи нашли остатки бани, дворца и храма; пол одной из церквей был покрыт мозаикой, содержащей раннехристианские символо-аллегорические изображения и орнаментальные мотивы (IV-V века).

Пицундский храм является крестово-купольным сооружением, но с запада имеет нартекс, а с востока – три выступающие апсиды. Нартексы в Грузии редки, но выступающие апсиды характерны для ранних грузинских церквей, позднее же сохраняются на Причерноморье и кое-где в церквах восточной Грузии. Западная сторона храма в Пицунде оснащена трехсторонним патронни-

[1] З. Джангвеладзе. Церковное зодчество IX-X веков в Абхазии. – Исторические изыскания, I, Тб., 1998, с. 44.

ком. Купол храма опирается на стены алтаря, а не на четыре свободно стоящих столба. В грузинском зодчестве эта тема была выработана в переходный период. Ранние ее образцы встречаются с IX-X веков в Кахетии и Тао-Кларджети (Барцхана, Озаани, Хандзта), а с XI в. прочно утверждается в грузинской архитектуре. К сожалению, до нашего времени не сохранился построенный Багратом III-м и с большим восторгом описанный храм в Бедиа. Л. Химшиашвили, как архитектор- реставратор, определил, что нынешнее здание построено во второй половине XIII в. на развалинах того храма. Зато он определил план первоначальной церкви, приблизительно схожий с планами вышеописанных купольных церквей[1].

Памятники переходного периода в Абхазии характеризуются следующими признаками: - выступающая апсида с восточной стороны свободное раскрытие дополнительных компартиментов сторону основного пространства храма, нартекс с западной стороны и скупое убранство фасада. Теми же общегрузинскими признаками, характеризуется и церковная архитектура других регионов Грузии. Выступающие апсиды имеются в Вачнадзианской церкви Всех Святых (VIIIв.), главном храме в Гелати (XIIв.), церкви в Тимотесубани (XII-XIII веков) и Метехском храме (XIIIв.). Свободное раскрытие дополнительных компартиментов в сторону основного пространства храма известно Самшвилдском Сиони (VIIIв.), Икорте (XII в.) и других грузинских памятниках XII-XIII веков. Западный нартекс встречается в Цромском храме. Эта форма характерна не только для византийского зодчества, но и для всей христианской архитектуры[2]. Патроник, правда, не представляет обязательного элемента в грузинском средневековом зодчестве, но кое где все же встречается (Вачнадзевская церковь Всех Святых- XI в., Алаверди- XI в.).

На грузинскую традицию в центрально- купольных храмах Абхазии указывает их многочисленный компонент. В Абхазии (за исключением Пицунды), как и в восточной Грузии, в стенной кладке применяется тесаный камень. В обоих регионах при переходе от подкупольного квадрата к купольному кругу применяются характерные для данной эпохи паруса, вместо которого в Византии употреблялись тромпы. В храмах Абхазии и восточной Грузии происходит постепенное удлинение западно-восточной продольной оси тогда, как в византийских - наоборот, уменьшение. Храмы Абхазии характеризует подковообразное строение алтарных апсид и скупое убранство фасада. По этим признакам они приближаются к памятникам Кахетии, где, за исключением Алаверди, церкви не имеют украшений.

[1] В.Беридзе. Древнее грузинское зодчество, с.44-45; Л.Химшиашвили. Некоторые вопросы реставрации (Цроми, Бедиа). - Друг памятника, 14. Тб., 1969, с. 77 (на груз. яз.); И. Варсимашвили. Бедиа. - Друг памятника, 31-32. Тб., 1973, с. 31-32 (на груз. яз.).
[2] Л. Д. Рчеулишвили. Купольная…, с.77; П. Закарая. Грузинское зодчество XI-XIII веков. Тб.,1990, с.22,42 (на груз. яз.).

Вместилища на северной стороне апсиды, связанные с основным нефом дверью, более короткие, чем нефы ступенчато врезанные в соответствующий фасад, имеются в купольных церквах Абхазии - Илори (XIв.), Лашкендари (X-XI века), Гумуриши (XIв.) и Ачануа[1]. Их аналогии в композиционном и архитектурном плане встречаются во всех регионах Грузии (Картли, Джавахети, Арагвское ущелье, Рача). Указанные памятники завершают грузинскую архитектурную линию данной эпохи[2].

Русский археолог Б. Раев изучил в окрестностях г. Адлера (возле Красной Поляны) остатки пяти явно грузинских зальных церквей XI-XIII веков (Липницк, Криен Нерон, Голицино, Ахштыр). Планировку этих церквей, их конструкцию он считает аналогией грузинских церквей - Драндской и Нокалакевской (Сенакский район)[3].

В Пицунде, Мрамбе, Цебельде, Анакопии, Сухуми, Куламба, Дранде и Гаграх выявлены архитектурные памятники VI-VIII веков с рельефными скульптурами, среди которых особое место занимают барельефы Цебельды. Основанные на библейских сюжетах эти барельефы в данном регионе являются показателем восточно-грузинского влияния. В стену церкви, восстановленной русскими монахами в XIXв. на территории Анакопийской крепости, вставлено несколько рельефных камней из разрушенных неподалеку церквей X-XI веков, похожих на рельефы из Картли и южной Грузии[4]. Найденные летом 2008г. учениками и педагогом Тагилонской (Абхазия) школы при расчистке местной церкви («Че Охваме») рельефные камни (с так называемым «Болнисским», вписанным в круг крестом, «древом жизни») также имеют параллели в памятниках Картли и южной Грузии VI-VII веков.

Некоторые авторы, как в прошлом, так и в наше время, путем фальсификации и игнорирования связывающих с Грузией историко-культурных корней, пытаются утвердить в науке ошибочное, тенденциозное мнение о существовании самостоятельного независимого пути развития абхазской истории и искусства, в частности-зодчества. Указанные авторы, закрывая глаза на вышеописанные грузинские параллели, своеобразные признаки и архитектурные черти абхазских церквей раннесредневековой и переходной эпох, приписывают к так называемой «абхазско-аланской школе восточно-византийского зодчества» или особенностям «абхазского зодчества»[5], что лишено всякого научного осно-

---

[1] А.Кация. Илори (памятник XI в.). Тб.,1963, с.78; М.Трапш. Труды, т.4. Сухуми, 1975, с. 85; Р. Хвистиани. Христианские памятники верхнего течения р. Окуми (Гумуришская церковь). - Искания, №2, Тб.,1998 (на груз. яз.); А.Кация. Памятники архитектуры в долине Цкуара. Материалы Археологии Абхазии. Тб.,1967, с.91.

[2] А.Кациа. Памятники архитектуры…, с.91.

[3] В.Белоцерковская. Средневековые крепости в олимпийской осаде.- Наука и жизнь, №1. М., 2008, с.148-149.

[4] Р.Шмерлинг. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тб.,1962, с.77; Д.Туманишвили. О зодчестве Абхазии…, с.81.

[5] В.П.Пачулия. В стране золотого руна. М.,1863; Л.Д.Хрушкова. Скульптура раннесредневековой Абхазии. М.,1980; Ю.Воронов. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.,1978; История Абхазии. Под ред. С.А.Лакоба. Сухуми, 1991 и др.

вания. Существование отдельных местных особенностей в грузинском средневековом зодчестве является закономерным и обычным явлением. Некоторые, а иногда достаточно серьезные различия имеются и между памятниками Картли, Кахетии и других грузинских провинций.

Такую картину представляет культовое зодчество на территории Абхазии раннего средневековья и переходного периода. Эту картину можно фальсифицировать, но невозможно изменить.

Глава . VII. Территория современной Абхазии в составе объединенной Грузии. XI-XV века

1. Абхазия с XI века до 40-х годов XIII века

С 70-х годов X в. (с 978 г.) в истории Абхазского царства наступает новая эпоха, когда начатая «абхазскими» царями борьба за присоединение грузинских земель завершилась объединением Грузии. Во главе государства стоял законный наследник «абхазских» царей и продолжатель их государственной политики Баграт III Багратиони (978-1014 годы), внук царя абхазов Георгия II (922-957 годы). Коронация Баграта III «царем абхазов» произошла в соответствии с дальновидным планом Иоанна Марушисдзе и политической группы сторонников государственного объединения Грузии, с военной помощью Давида III, царя (Куропалата) Тао[1].

Иоанн Марушисдзе происходил родом из Дали-Цебельского ущелья[2]. Видимо, он был приближенным к абхазскому царскому дому, что и предопределило его назначение эриставом Картли. Именно с этого политического горизонта появилась реальная перспектива объединения Грузии, обусловленная к тому моменту объективными и субъективными факторами.

Очевидно, что борьба за объединение Грузии являлась длительным и сложным историческим процессом. Согласно плану Иоанна Марушисдзе, сначала произошло объединение царств «картвелов» и «абхазов». После этого основной заботой Баграта III стало присоединение остальных грузинских земель. К тому моменту вне грузинского царства оставались Кахетинское хорепископство, Эретское царство и Тбилисский эмират. В 998г., после смерти Баграта II, значительная часть земель южной Грузии (Тао-Кларджети) перешла в состав царства «картвелов», а титулом «царя картвелов» овладел «царь царей» Гурген II (998-1008 годы), отец Баграта III[3]. Отец и сын проводили согласованную политику и территория царства «картвелов» фактически перешла под контроль

[1] М. Лордкипанидзе. Царь Баграт III. Тб., 2002, с. 25-26. (на груз. яз.).

[2] О происхождении рода Марушисдзе-Марушиани см.: Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. VIII. Тб., 1975, с. 610; К. Чхатарайшвили. Надпись Абуласана Иобисдзе из Цебельды и его историческое значение. - Вопросы истории Грузии феодального периода, т. VI. Тб., 1990, с. 98. (на груз. яз.).

[3] О хронологии принятия Багратом титула ,,Царя картвелов" среди исследователей существуют различные мнения. В свое время И. Джавахишвили указывал, что Баграт III принял его в 1008 году, после кончины своего отца (И. Джавахишвили. История грузинского народа , т. II. Тб., 1983, с. 130-131. - На груз. яз.). По мнению же М. Лордкипанидзе, Н .Шошиашвили и В. Силогава, Баграт III владел этим титулом с 1001 года (Корпус грузинских надписей, т. I, с. 56; там же, т. II, с. 52-53. - На груз. яз.). На основании анализа „Летописи Картли" и других исторических источников, З. Папаскири пришел к заключению, что Баграт должен был принять титул ,,Царя картвелов" после кончины Баграта II, то есть – с 994 г. (З. Папаскири. Создание единого Грузинского феодального государства и некоторые вопросы внешне-политического положения Грузии. Тб., 1990,с. 75-82. - На груз.яз.). На самом же деле, это могло произойти в 1008 г., что подтверждается и эпиграфическим материалом (Л. Ахаладзе. Грузинские и армянские источники о титулятуре царей «абхазов». - Исторические разыскания, 2004, №7, с.26-27 (на груз. яз.).

Баграта III. Граница между царством «абхазов» и Кахетией в это время проходила по р. Ксани. Тбилиси и часть Нижней Картли управлялись Тбилисским мусульманским эмиром. На севере граница между «царством абхазов» и эмиратством проходила по Дигомскому ущелью. С X века значительная часть Нижней Картли – Самшвилде, Болниси, Дманиси, Лоре, Лоре-Ташири (тот же Ташир-Дзоракети) - находилась во владении царей из рода Квирикидов, называвшихся Ташир-Дзоракетскими царями. Юго-Западная Грузия принадлежала представителям Таойской ветви Багратионов. Частью ее (Амиер-Тао, Шавшет – Кларджети, Самцхе-Джавахети и др.) управляли Баграт II, а после его смерти – царь царей Гурген II, отец Баграта III. Другой частью южной Грузии владел сильный и прославленный царь Давид III Куропалат. Его царство на юге достигало до Ванских границ. Такова была политическая карта Грузии в конце X - начале XI веков.[1] Естественно, перед Багратом III стояла весьма сложная задача объединения вышеназванных грузинских земель с `Абхазским~ царством.

В 975г., когда Картлийские азнауры (дворяне) присягнули на верность Баграту, в Абхазии царствовал дядя Баграта Феодосий Слепой. Исходя из интересов объединения страны, как сказано в «Летописи Картли», царь Баграт отправил слепого Феодосия в Тао, к Давиду Куропалату: «Отправил он царя Феодосия и дядю своего в Тао к Давиду Куропалату, ибо увидел в этом лучший исход дела, дабы люди всякие – большие и малые – были бы в доброй надежде на него или в страхе пред ним за допущение беспорядков»[2]. По летописи, этот шаг был сделан с учетом политических интересов страны. И.Джавахишвили справедливо замечал, что пребывание Феодосия Слепого рядом с Багратом давал повод для заговоров и открытых выступлений, оно «явилось бы препятствием на пути политики Баграта».[3] Данное историческое событие в историографии единодушно оценивается, как один из важнейших шагов на пути к объединению страны. Однако, абхазский историк М.Гунба заявляет, что это был «дворцовый переворот», в результате которого якобы произошло отстранение от власти «абхазской» династии и захват абхазского престола Багратионами.[4] В свое время аналогичное мнение высказал и русский историк К.Кудрявцев.[5] Развивая его мысли, М. Гумба, несмотря на принадлежность Баграта III по материнской линии к «абхазской» царской династии, утверждает, что после отстранения от власти Феодосия II престол Абхазского царства заняла не национальная, а совершенно чужая для этой страны царская династия Багратионов. Только этим можно объяснить, – продолжает М.Гунба, – волнения, происходившие в Аб-

[1] М.Лордкипанидзе. Борьба за объединение Грузии (конец X в. - 60-е годы XI в). – Очерки истории Грузии, т. III. Тб.,1979, с.153(на груз. яз.).
[2] Житие Грузии, т. I, с. 276 (на груз. яз.); Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Тб., 1982, с.58; абхазия и Абхазы, с. 76.
[3] И. Джавахишвили. История грузинского народа, т. II, с. 126.
[4] М. М. Гунба. Абхазия во втором тысячелетии нашей эры (XI-XIII века). Сухуми, 1999, с. 78.
[5] К. Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми, 1922, с.120.

хазии после свержения Феодосия II[1]. Непонятно, конкретно какие волнения имеет в виду автор, поскольку в исторических источниках отсутствуют факты, свидетельствующие о якобы вызванных упразднением Абхазского царства сепаратистских настроениях абхазских феодалов (как в масштабах всей западной Грузии, так и собственно Абхазии) против центральной власти.[2] Напротив, все источники, дошедшие до нас, указывают, что в процессе воцарения Баграта активно участвовали феодалы западной Грузии: «Тот же Иованнэ Марушис-дзе изъявил волю привести Баграта царем в Абхазию. Вместе с ним все вельможные эриставы и азнауры Абхазиии и Картли выпросили Баграта себе в цари у Давида Куропалата»[3], - пишет автор «Летописи Картли». Как видим, в деле воцарения Баграта было единодушие среди феодалов как западной Грузии (Абхазии), так и Картли.

Баграт III был законным наследником династии «царей абхазов», более того, именно он впервые назвал себя «абхазским царем». Примечателен тот факт, что с тех пор титулятура Баграта III и последующих царей объединенной Грузии начиналась с «царя абхазов» и продолжалась последовательным перечислением присоединенных впоследствии грузинских земель. В царской титулятуре Баграта III отразился процесс постепенного объединения исторических регионов Грузии. В надписи на церковной ритуальной чаше (бардзими) из Бедии, датированной 989-999 годами, он упомянут, как «Баграт, царь абхазов».[4]Той же титулятурой представлен он и в надписи 980 года из Атенского Сиони.[5] В надписи 1001-1008 годов из Кутаисского храма Баграта титул царя выглядит следующим образом: «Баграт царь абхазов и картвелов и куропалат»[6]. В данном случае в надписи отразилось принятие Багратом в 1001г. титула «куропалата» и в 1008 г. после смерти отца-Гургена – титула «царя картвелов».[7] По лапидарной надписи Никорцминдского храма 1010-1014 годов, Баграт III - «Царь абхазов и ранов и куропалат картвелов».[8] То есть, надпись исполнена после того, как Грузинское царство в 1010-1014 годах присоединило Рани. С этой же точки зрения примечательна надпись в церкви села Кацхи Чиатурского района, в которой Баграт упомянут, как «царь абхазов и картвелов, Тао и Рана, кахов и великий куропалат всего востока».[9] Согласно Сумбату Давитисдзе, после смерти Гургена II его сын овладел вотчиной своей: «скончался сей Гурген, царь царей, сын грузинского царя Баграта, в хороникон 228 (1008), оставил сына своего Ба-

[1] М.М. Гунба. Абхазия во II тысячелетии нашей эры, с. 66.
[2] Данное мнение принадлежит К. Кудрявцеву, позже в смягченной форме его повторил Ш. Инал-ипа, но в монографии М.Гумба оно вновь приняло категорическую форму.
[3] Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая, с. 58; Абхазия и абхазы, с. 75.
[4] Г. Чубинашвили. Золотая чаша из Бедии. – Моамбе. Академии Наук Грузии, 1940, Х. Б (на груз. яз.).
[5] Корпус грузинских надписей, т. III. Фресковые надписи, I. Атенский Сион. К изданию подготовили, исследованием и указателями снабдили Г. В. Абрамишвили и З. Н. Алексидзе. Тб,1989,с.177, №47 (на груз. яз.).
[6] Корпус грузинских надписей, т. II, с. 53, №33.
[7] Л. Ахаладзе. Грузинские и армянские источники о титулятуре царей „абхазов", с. 29(на груз. яз.).
[8] Корпус грузинских надписей, т. II, с. 55, №35.
[9] Там же, с.56, №36.

грата, царя абхазов, великого куропалата; и овладел он Тао, вотчиной своей, и покорил весь Кавказ самодержавно от Джикети до Гургена»[1]. Указанные Сумбатом исторические события находят отражение в титулятуре Баграта, приведенной в Кацхской надписи. Таким образом, царская титулятура Баграта III действительно отражает процесс государственного объединения Грузии. А в последующие века титулятура грузинских царей дополнялась по мере присоединения новых земель, но название того региона – Абхазии (западная Грузия), откуда начался процесс объединения Грузии, неизменно находилось на первом месте. Из-за этого, многие иностранные авторы Грузию называли «Абхазией», а царей объединенной Грузии, сокращенно – «абхазскими царями».[2] Кроме грузинских источников, «Абхазия», как название единой грузинской феодальной монархии, фигурирует в иноязычных источниках того периода - армянских[3], греческих[4], арабских[5], персидских[6] и даже русских[7]. Что касается утвердившейся в сепаратистской историографии вышеупомянутой тезы, будто бы воцарением Баграта III завершилось существование Абхазского царства и были ущемлены государственные интересы абхазского народа, не выдерживает никакой критики, так как Баграт III, как уже отмечалось, был единственным законным наследником царя абхазов Георгия II и первоначально - в 978-1008 годах - он владел землями Абхазского царства также, как и предшествующие

---

[1] Абхазия и абхазы, с. 83; Житие Грузии, т.I ,с. 281 (на груз.яз.); Сумбат Давитисдзе. История и повествование о Багратионах. Текст подготовил к печати, комментариями и указателями снабдил Г. Арахамия. Тб.,1990,с. 53 (на груз. яз.).

[2] По данному вопросу см.: Н. Ломоури. Названия Грузии в византийских источниках. - Иностранная и грузинская терминология понятий `Грузия˜ и `грузин˜. с. 82- 83; Г.Джапаридзе. Арабские названия грузин и Грузии. - Иностранная и грузинская терминология понятий `Грузия˜ и `грузин˜ с. 132-134; З. Папаскири. Абхазия-Грузия. Тб,1998,с. 141-142; его же: Очерки..., I, с. 67-68; Л. Ахаладзе. Грузинские и армянские..., с. 30-31 (все на груз.яз.).

[3] Аристакес Ластивертци. История. Грузинский перевод с исследованием, комментариями и указателями издала Е.Цагарейшвили. Тб.,1974,с. 42; Вардан Аревелци. Мировая история. Перевод с древнеармянского Н. Шошиашвили и Э. Квачантирадзе. Введение, комментарий и указатели Э.Квачантирадзе. Тб., 2004 (на груз. яз.), с. 122. Термин „абхаз" в значении грузина применил армянский историк XIII в. Степаноз Орбелян. См: Степаноз Орбелян. Древнегрузинские переводы «Жития Орбелянов». Армянский текст с грузинским переводом и комментариями издала Л. Давлианидзе-Татишвили. Тб.,1978,с.34 (на груз. яз.).

[4] Н.Ломоури. Названия Грузии в византийских источниках, с. 23-88; З. Папаскири. Очерки..., ч. I, с.67 (все на груз.яз.).

[5] Г.Джапаридзе. Арабские названия грузин и Грузии. - Иностранная и грузинская терминология понятий „Грузия" и „грузин" с. 132-134. (на груз.яз.).

[6] Д. Кобидзе. Значение термина „абхаз" по персидским источникам X-XV веков. Мнатоби, №2. Тб., 1957. с.126-128 (на груз. яз.). К. Табатадзе. Термины, обозначающие „Грузию" и „грузин", в персидских исторических источниках X-XV веков. - Иностранная и грузинская терминология понятий „Грузия" и „грузин", с. 218-222 (на груз.яз.); З. Папаскири. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тб., 1982, с.116-123.

[7] Ш. А. Месхия, Я. З. Цинцадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений. Тб. 1958, с. 14-21; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 171-177; Н. Ф. Котляр. Грузинские сюжеты древнерусских летописей. - Из истории украйнско-грузинских связей. III. Тб., 1975, с. 8-19; З. В. Папаскири. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений, с.116-123; З.В. Папаскири. К вопросу о международной роли Грузии в XI – первой половине XII века. - Проблемы истории СССР, вып. V. М., 1976, с. 121-123; Ошибочную интерпретацию русских источников см.: Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этно- культурной истории абхазов, с. 416- 417; А. Л. Папаскири. Проблемы русско-абхазских литературных связей. - Труды Абхазского государственного университета, т. VI. Сухуми, 1988, с. 114- 129; Абхазы. Ответственные редакторы Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. М., 2007, с. 69.

цари. Не менялись название государства, столица и государственно-правовой облик царства. Напротив, Баграт III более интенсивно продолжал государственную и религиозную политику своих предшественников. В этом смысле в первую очередь следует отметить борьбу за присоединение грузинских земель, которая, как отмечалось выше, началась еще в период царствования Георгия I (861-868 годы). Внутренняя политика Баграта III была направлена на обуздание самоуправства Картлийских феодалов и присоединение Кахети, за что так упорно боролись абхазские цари Георгий II и Леон III. Эту историческую борьбу окончательно завершил Баграт III и в 1008г., после смерти отца, царя царей Гургена пошел походом на Кахети. «Разгневался Баграт, царь абхазов и картлийцев. Куропалат был в ту пору в Дливе, где правил он делами Тао и Картли. А Тао он самолично владел по кончине отца его царя царей Гургена. Послал он спешно (ему) представителя, пригласил войско абхазские и картлийские, сам же двинулся с воинством из верхней части своих владений, прошел Триалети, прошел Мцхетский мост и примкнули к нему абхазы и картлийцы. Расположился в Тианети и начал... воевать против крепостей и тогда же обрел страну Эрети, поставил мтаваром Абулала и вернулся восвояси».[1] Первый царь объединенной Грузии сумел успешно завершить дело, начатое «царями абхазов» - борьбу за присоединение Кахети.

Баграт III продолжил традиционную церковную политику «абхазских царей». В первую очередь, это выразилось в упразднении греческих церковных центров и открытии новых грузинских кафедр. Как было выше указано, цари абхазов Константин III, Георгий II и Леон III оставшимся в западногрузинском Причерноморье греческим митрополичьим кафедрам противопоставили учрежденные во внутренних районах страны грузинские кафедры, которые через Абхазский католикосат уже подчинялись Мцхетскому католикосату; явным подтверждением этого является строительство Георгием II-м церквей в Хопи, Киачи, Чкондиди, а Леоном III-м - в Мокви и Цирколи. Эти храмы были построены в противовес греческим кафедрам, с конечной целью объединения Западногрузинской церкви с Мцхетским католикосатом. С 70-х годов Xв. Баграт III энергично пытался увенчать успехом начатое его предками дело. По словам автора «Летописи Картли», он «построил Бедийский храм и основал в нем епископат, заменив им Гудавский епископат, пожертвовал множество сел со всеми ущельями и местечками, создал для него уложение, рукоположил и посадил епископа»[2]. Согласно историческим источникам, замена греческих епископств грузинскими кафедрами началась еще на пороге IX-X веков и традиционно продолжилась в церковной политике Баграта III[3]. Этот факт еще раз доказывает, что Баграт III был достойным продолжателем деяний своих

[1] Летопись Картли. Перевод... Г.В. Цулая, с. 60.
[2] Там же, с.61.
[3] О замене церковных кафедр см.: Б. Кудава. Церковь Западной Грузии IX-XI веков.

предшественников и на западногрузинской политической арене он не являлся «чужестранцем» и «завоевателем». Это была целенаправленная политика, предусматривающая объединение западногрузинской церкви с Мцхетским Католикосатом. Этот процесс окончательно завершился в период правления Баграта III[1].

Современная территория Абхазии входила в объединенное Грузинское государство в виде трех административных единиц - Цхумского, Эгрисского[2] (частично) и Абхазского эриставств.[3] В Эгрисское эриставство кроме территории современной Мегрелии входили юго-восточные районы сегодняшней Абхазии - Гальский, Очамчирский и Гульрипшский районы; Цхумское эриставство включало территорию бывшей Апсилии от Келасури до реки Анакопии, а Абхазское эриставство - обширную территорию от современного Нового Афона до Никопсии. Неправильно интерпретировав текст из сочинения историка царицы Тамар «История и Восхваление Венценосцев», З.Анчабадзе высказал ошибочное мнение, что Цхумское и Абхазское эриставства объединились в эпоху царицы Тамар (1184-1213 годы), поскольку были населены абхазами[4]. Оно было убедительно отвергнуто, так как по другим источникам подтверждается, что в эпоху царицы Тамар эриставом Цхуми являлся Аманелисдзе, а Отаго Шарвашидзе был «Абхазским» эриставом[5].

Одишское, Цхумское и Абхазское эриставства, как и другие западногрузинские эриставства, в начале подчинялись мсахуртухуцесу. Эта традиция шла еще от Абхазского царства, когда мсахуртухуцеси представлял ведущую политическую фигуру при царском дворе.

Вхождение Абхазского эриставства в единое Грузинское государство отрицательно оценивают К.Кудрявцев, Ш.Инал-ипа, Ю.Воронов, М.Гунба и др. Они отмечают, что при объединенном государстве Баграта III, Абхазия превратилась в «обыкновенную, заброшенную отдаленную провинциальную область»[6]. Это мнение не соответствует действительности. Во-первых, тенденция объединения и расширения границ исходила от Абхазского царства; во-вторых, Баграт III, как и его предшественники, правил царством из Кутаиси и продолжал начатую царями Абхазии государственную и церковную политику. Более того, по его инициативе, был воздвигнут Бедийский храм, что на передний план выдвинуло и расширило культурно-религиозное значение современной территории

[1] Б. Кудава. Из истории Абхазского Католикосата (XI- XIII веков). - Грузинская дипломатия, т. 9. Тб., 2002, с. 579.

[2] По Вахушти Багратиони, центром Эгриси являлся Бедия (Житие Грузии, т. IV, с. 796).

[3] Житие Грузии, т. IV, с. 796; М. Бахтадзе. Институт эриставства в Грузии. Тб., 2003, с. 245-249.

[4] З. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.177-178.

[5] По данному вопросу см.: Г. Цкитишвили. Для прочтения одного места из «Восхваления Венценосцев». - Грузия в эпоху Руставели. Тб., 1966, с. 222-227; И.Антелава. К установлению интерпретации текста «Истории и восхваления». - XI-XIV веков. Грузинские исторические источники. Тб., 1988, с. 42-47; М. Бахтадзе. Институт эриставства…, с.245-249.

[6] К.Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии,с., 122; Ш. Инал-ипа. Вопросы…,с. 67; Ю.Воронов. Абхазы - кто они. Гагра. 1993,с. 8-12; М. Гунба. Абхазия во II тысячелетии, с. 67.

Абхазии. С этого периода Бедийский храм становится одним из значительных церковных центров той эпохи, по выражению Вахушти Багратиони, символом величия и богатства царя Баграта[1]. Он же превратился в усыпальницу царей. О значении Бедийского храма говорит тот факт, что эристав Звиад именно здесь похоронил Баграта, а не в Кутаиси, где был построен знаменитый храм Баграта. На современной территории Абхазии в той эпохе построены и другие известные во всей стране памятники как церковного, так и светского значения, в том числе Илорский и Лихненский храмы, Багратская крепость возле Сухуми, Беслетский мост[2], крепость Сатамашиа (Тамыш) и др. Надо особо отметить тот факт, что во главе всех этих строительных работ стояли сам царь Баграт, либо местные крупные церковные деятели или феодалы. Например, ктиторами Илорского храма были архиепископ Георгий, священник Георгий Кочолава и управляющий краем Георгий Гургенисдзе. По утверждению абхазских авторов, на современной территории Абхазии именно при Баграте III появляются грузинские надписи.[3] В действительности, грузинская эпиграфика в западной Грузии сохранилась с VIII-IX веков. Более того, самыми древними эпиграфическими памятниками западной Грузии считаются 48 грузинских надписей на антефиксах, выявленных на горе Мсыгхва в Гудаутском районе[4], а так же надпись в честь «царя абхазов» Георгия II в церкви Святого Николая в селе Хопи (Хуапи) Гудаутского района и другие. Сепаратистская историография умышленно умолчивает о памятниках грузинской архитектуры, созданных по заказу «абхазских царей» и имеющих только грузинские надписи. В то же время они много говорят о греческих надписях тогда, как на современной территории Абхазии на протяжении средних веков найдено лишь три десятка греческих лапидарных надписей[5], а число грузинских эпиграфических памятников достигает до ста. К сожалению, абхазские авторы ничего не говорят о причинах полного отсутствия абхазских надписей.

В условиях усиления объединенной Грузии историческое Абхазское царство и сегодняшняя территория Абхазии были включены в единое грузинское общественно-политическое и культурно-экономическое пространство. Это подтверждается всеми историческими источниками, повествующими об этом

[1] Житие Грузии. т. 4, с. 780.

[2] В народе его называют мостом царицы Тамар, но в сохранившейся грузинской надписи моста читается царь Баграт - по всей вероятности, Баграт III. См.: С.Т .Барнавели. К датировке Беслетского моста.- Мацне, 1970, №6, с. 143; В.Беридзе. Культурные памятники в Абхазии. - Джвари Вазиса, 1995, №6, с. 66; Л.Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии как исторический источник (Лапидарные и фресковые надписи), I. Тб., 2005, с. 181.

[3] М. М. Гунба. Абхазия во втором тысячелетии, с. 65; О.Х.Бгажба, С.З Лакоба. История Абхазии. Сухуми, 2007, с. 152.

[4] А К. Кация. Памятники архитектуры в долине Цкуара, - Материалы по археологии Абхазии. Сухуми, 1967, с. 67; Корпус грузинских надписей, т. 2, с.30-31; В. Силогава. Эпиграфика Мегрелии и Абхазии. Тб., 2004, с. 257-259; Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии как исторический источник (Лапидарные и фресковые надписи), I. Тб., 2005, с. 140-146.

[5] Т. Каухчишвили. Корпус греческих надписей в Грузии. Тб., 2004, с. 59-72.

периоде Грузии.[1] Абхазия и абхазы, как и другие исторические регионы со своим населением видны в центре всех политических процессов, происходивших в Грузии.

Отдельные абхазские исследователи пишут о существовании абхазского сепаратистского движения в Грузии в XI в. Оно якобы проявилось в период царствования Баграта IV, против которого выступил сводный брат Дмитрий - сын Георгия I (1014-1027 годы) от второго брака. Дмитрий со своей матерю Алде (дочери аланского царя) после смерти Георгия I жил в Абхазии в городе Анакопии. Фактор претендовавшего на престол Дмитрия использовала Византия против царя Грузии Баграта IV (1027-1072 годы). В 1032 году по подстрекательству Византии, Дмитрий организовал заговор с целью свержения Баграта IV. По мнению З. Анчабадзе, поскольку центром заговора была Анокопия, то в антигосударственном заговоре, вероятно, участвовали и отдельные абхазские феодалы.[2] Указанное мнение развивает и дает ему другую интерпретацию М. Гунба. Он не сомневается, что в заговоре царевича Дмитрия участвовали абхазские (апсуийские) феодалы, якобы хорошо помнившие о устроенном дворцовом перевороте и отстранении от власти абхазской царской династии. По утверждению М. Гунба, в этом заговоре абхазские феодалы преследовали собственные политические интересы.[3] В действительности, отношение тогдашнего населения Абхазии к грузинской царской власти хорошо видна в деятельности эристава Абхазии Отаго Чачсдзе, поддерживавшего Баграта IV и командовавшего военной операцией по взятию Анакопийской крепости силами абхазского войска и ликвидацию загавора. По словам «Летописи Картли», «Баграт в Абхазии находился; подступил к Анакопии и был близок уже к взятию (ее)... Отправился он, приставив к Анакопии Куабулела Чачасдзе Отаго с абхазскими войнами.[4] Этот политический сюжет никак не дает возможность для предположения о существовании сепаратистских настроений среди населения Цхумского и Абхазского эриставств против тогдашнего грузинского царя.[5] Наоборот, в этом случае Отаго Чачсдзе выступает, как самый верный соратник Баграта IV и сторонник его государственной политики. Очевидно, что этот край сохранял большую верность Баграту IV, чем другие грузинские регионы. Именно, благодаря активной поддержке абхазского эристава смог Баграт IV вернуть Грузинскому царству Анакопийскую крепость.

---

[1] З. В. Папаскири. Территория Абхазии в XI-XV веках, с.180-181.

[2] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.179. Примерно такого же мнения придерживаются С.Лакоба, О.Бгажба. История Абхазии. Сухуми, 2007, с.151.

[3] М. М. Гунба Абхазия во втором тысячелетии нашей эры, с. 91.

[4] Абхазия и абхазы, с. 79-80.

[5] Этот факт в историографии оценен как борьба за царскую власть. См.: З. Папаскири. Территория Абхазии в XI-XVвеках, с.180.

Утверждениям абхазских историков противоречит и другой грузинский источник «Житие Георгия Мтацминдели» (Святогорца), повествующее о традиционном зимнем путешествии Баграта IV в Абхазию. В источнике сказано. «Управившись с делами тех времен, по обыкновению своему, отправился в Абхазию, так как уже наступила зима и предложил поехать монаху тоже, чтобы перезимовать и отдохнуть там, ибо та страна равнинная и теплая... и когда прибыли в Чкондиди, царь отправился для вступления в пределы Абхазии. А нас не отпустил Чкондидский епископ, ибо являлся (он) учеником монаха»[1]. Как видно из источника, Баграт IV «по обыкновению» часто путешествовал в этой части царства и ведал царскими делами. Обращает внимание одна конкретная деталь приведенного сообщения, где летописец говорит о том, что царь «поехал в Абхазию», а в другом месте уточняет, что «Царь отправился для вступления в пределы Абхазии». В первом случае термин «Абхазия», видимо, использован в значении западной Грузии, а во втором - абхазского эриставства, то есть территории, находившейся за современным Новым Афоном.

Можно провести интересную параллель между сведением «Жития Георгия Мтацминдели» и «Лыхненскими надписями». Установленный факт, что часть Лыхненских надписей выполнена вскоре после путешествия Георгия Мтацминдели по Грузии. В известной надписи о появлении кометы упоминается Баграт IV и этот факт датирован 1066 годом. Комета появилась в 38 индиктионе царствования Баграта IV, то есть в 1066 году. В том же Лыхненском храме на западной его стене на втором этаже, на потолке с левой стороны имеется надпись, в которой упомянуты Ваче Протоспатар и Ипат и Петрик Патрикий и Иоанн Мцигнобартухуцеси.[2] Петрик Патрикий - известный грузинский политический деятель XI века, доверенное лицо Баграта IV и его представитель при Византийском императорском дворе.[3] Его брат Иоанн Чкондидели так же являлся известным духовным деятелем в Грузии XI века. Чкондидскую епископскую кафедру он занял по рекомендации Святого Георгия Мтацминдели, когда последний отказался от предложения Баграта IV занять эту кафедру.[4] Сведения «Жития Георгия Мтацминдели» о путешествии Баграта по Абхазии и об отдыхе монаха Патрика находят параллели с сообщением о приезде Патрика в Абхазию, его деятельности в Лыхненском храме, а затем об отбытии в Византию. Именно, в связи с этим событием была создана Лыхненская надпись с упоминанием Петрик Патрикия, Иоанна Чкондидели и Ваче. В той же надписи в титуле куропалата упоминается Георгий II (1072-1079 годы), сын Баграта IV. Автор надписи просит Всевышнего: «Да возвеличь, защити, ра-

[1] Абхазия и абхазы, с.31. Георгий Мцире. Жизнь Георгия Мтацминдели. Текст для издания подготовил, исследованием и словарем снабдил И. Лолашвили. Тб., 1994, с. 222.
[2] В.Силогава. Грузинская эпиграфика Мегрелии и Абхазии, с. 207.
[3] Е.Метревели. К идентификации Иоанна Патрикия и Петрика Патрикия. - Очерки из истории культурно-просветительского очага Афона. Тб., 1996, с. 196-225.
[4] Георгий Мцире. Жизнь Георгия Мтацминдели, с. 173, 204.

сти, благославляй, долгоденствуй царствование его»[1]. Надпись сделана после первого коронования Георгия II, когда он еще был юношей.

Факт, отраженный в «Житие Георгия Мтацминдели» о путешествии Баграта IV «по обыкновению» по западной Грузии (Абхазии) и собственно Абхазии находит параллель с отдельными сообщениями историков великих грузинских царей - Давида IV Строителя (1089-1125годы), царицы Тамар (1184-1213годы), а также Лаши–Георгия (1213-1223 годы). В частности, названные цари Грузии, подобно Баграту IV, «по обыкновению» приезжали в Абхазию, чтобы решать «тамошние дела». Указанную деталь повторяют все вышеупомянутые источники, что еще раз подтверждает, какое большое значение придавали грузинские цари этому историческому краю. По словам второго историка царицы Тамар, она «иногда переходила в Абхазию и решала тамошние дела и охотилась в Гегути и Аджамети»[2]. Тот же историк в другом месте, заявляет, что Тамар часто гостила в Цхуми, где она имела одну из летних резиденций: «А царица Тамар зимой пребывала в Дури, летом – в Кола и Целис-Тба, иногда переходила в Абхазию: в Гегути и Цхуми»[3].

Особое отношение к собственно Абхазии видна и во внутренней политике царя Лаша-Георгия (1213-1223 годы). Подобно предшественникам, «с веселым настроением объезжал он царство свое для ведения дел. Переходил пешим в Аджамети, охотился в Цхуми и Абхазии, и ведал делами тамошними»[4].

Таким образом, сведения грузинских эпиграфических памятников и наративных сочинений подтверждают, что современная территория Абхазии была не «заброшенной и забытой провинцией», а одним из ведущих и важных краев, где жили и творили выдающиеся грузинские религиозные и светские деятели. Грузинские цари «по обыкновению» часто приезжали сюда и распоряжались «тамошними делами».

Абхазские авторы пишут так же о сепаратизме абхазских феодалов и в эпоху Давида IV Строителя (1089-1125 годы), царицы Тамар (1184-1213годы), хотя они не в состоянии привести соответствующие убедительные исторические факты. Подобные взгляды развивают З.Анчабадзе, Ш. Инал-ипа, М. Гунба, С. Лакоба и О. Бгажба[5]. Их утверждения основываются на сочинение историка царя Давида IV Строителя, где читаем: «И той же зимой прибыл (царь Давид) в Абхазию, (дошел) до Бичвинти, привел в порядок дела тамошние: достойных милости помиловал, а виновных схватил и наказал; зима же была суровой и снегообильной... Отправился поспешно из Абхазии»[6]. В этих словах историка

[1] В.Силогава. Грузинская эпиграфика Мегрелии и Абхазии, с.204.
[2] Житие Грузии, т. II, с. 99.
[3] Абхазия и абхазы, с. 94.
[4] Там же, с. 101.
[5] З.В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.182; Ш. Инал-ипа. Вопрсы..., с. 413; М. М. Гунба. Абхазия во II тысячелетии нашей зры, с.93; О.Х. Бгажба. С.З. Лакоба. История Абхазия,с. 151.
[6] Абхазия и абхазы..., с. 86.

нигде не говорится, что в Абхазии были сепаратистски настроенные феодалы. Наоборот, по установившейся традиции, царь Давид IV приезжает в Абхазию, занимается тамошними делами, как и в других краях страны, достойных помиловал, а виновных и грешных наказал. Эти мероприятия были направлены на укрепление центральной власти. В других регионах они проводились гораздо строже (например, в отношении Клдекарского эриставства), чем в Абхазии.

Поддержка грузинской царской власти со стороны населения Абхазии хорошо прослеживается в исторических источниках. В частности, по словам летописца периода Лаши-Георгия, против Георгия III (1156-1184годы), правда, восстал племянник Дмитрий, но «Абхазия, Сванети и все Самокалако пребывали в спокойствии».[1] То есть, Абхазия однозначно поддерживала власть грузинских царей.

Несмотря на это, абхазские историки сепаратистски настроенных абхазских феодалов ищут даже среди участников восстания первого мужа царицы Тамар - Георгия Русского в1191 году. При этом, старательно проходят мимо того факта, что в этом восстании участвовала вся западная и южная Грузия, что Георгий «Собрал всю Сванети, Абхазию, Саэгро, Гурию, Самокалако, Рачу, Такуери и Аргвети»[2]. В данном случае явно имеем дело с борьбой за царский престол, а не с сепаратистским выступлением одного края против центральной власти.

Тогдашние абхазы, как и представители других регионов, имели свое определенное место на церемонии царского совета (Дарбази) и во время принятия почетных гостей. По сведениям «Истории и восхваления венценосцев», перед царицей Тамар одинаковыми правами обладали эры и кахи, месхи и торели, шавшет-клардж‑таойци, абхазцы и суан-мегрел-гуриели и другие. По сведениям того же источника, «Сразу же, когда они вышли из города Тбилиси, пришли им навстречу осетины и кипчаги новые; затем – эры и кахи; после – картвелы, затем месхи и торийцы, шавш-клардж‑таойцы; после – сомхитцы; после – абхазы и сван-мегрел-гурийцы вместе с рачинцами, такуерцами и аргветцами, и сами дворцовые чиновники и придворные»[3].

Против необоснованных взглядов сепаратистски настроенных историков говорят подтвержденные данными исторических источников факты об участии абхазов, наравне с представителями других регионов, в таких военно-политических акциях грузинских царей, как Дидгорское (1121г.), Шамхорское (1195г.) и Бассианское (1203г.) сражения, как военные походы в юго-западном направлении, в результате которых грузины овладели городами и крепостями Ризе, Трапезунтом, Гераклеа, Лимниа и другими (1203-1204 годы).

Значителен вклад исторических абхазов в Бассианской битве, описанной обоими историками царицы Тамар: «Построили войско, где предводитель-

[1] Картлис Цхоареба. Итория Грузии. Главный редактор Р. Метревели. Тб., 2008, с. 214.
[2] Житие Грузии, т. II, с. 49; Абхазия и абхазы, с. 90.
[3] Житие Грузии, т. II, с. 65; Абхазия и абхазы, с. 92.

ствовали амирспасалар Захарий Мхаргрдзели, Шалва и Иоанн Ахалцихели и другие торийцы; с одной стороны (расположились) абхазы и имеры, с другой стороны – амеры и эр-кахи... и завязалась жестокая и страшная битва, подобная которой разве только свершалась храбрыми воинами когда-то в старину»[1]. Аналогично описывает битву и другой историк в сочинении «Жизнь царицы Тамар»[2]. Из этих источников хорошо видно, что абхазы, как и другие грузины, самоотверженно сражались за свободу своей страны.

И после смерти царицы Тамар, население Абхазии с политической и военной точек зрения являлось активной силой. Исторические источники часто упоминают их в битвах против внешнего врага. Среди воинов царя Лаша-Георгия, овладевших городом Гянджи, названы и абхазы: «Царь же имел (войско) только в четыре тысячи человек; большинство их составляли месхи, так как отдельно стоял Мхаргрдзели, со одной стороны – эри, кахи и сомхитцы, картлийцы и торийцы; с другой-же стороны – абхазы, дадиан-бедианы и (все) залихские (войска), следуя друг за другом»[3]. Так же храбро сражались абхазы против жестокого завоевателя Джелал-ед-Дина (1225г.): «И услышав об этом царица Русудан, – пишет летописец,- призвала все войска свои, имеров и амеров, мандатуртухуцеса Шанше, амирспасалара Авага, мсахуртухуцеса Варама, эров и кахов, сомхитцев, джавахов, месхов, таойцев, Дадиани Цотнэ, человека знатного и благочестивого, абхазов, джиков и всех из Имерского царства... Собралось в Начармагеви бесчисленное множество (их) и послала царица (всех) на войну с хорезмийцами»[4].

Представители сепаратистской историографии М.Гунба, С.Лакоба, О.Бгажба и другие умышленно умалчивают об этих событиях. К сожалению, в их трудах часто проявляется незнание элементарных исторических фактов. Например, по мнению С. Бгажба и С. Лакоба, царица Тамар была дочерью Давида IV Строителя; Цхуми с XIв. назывался Сухуми (Сухумом), а до того - Себастополисом. По их утверждению, грузинские надписи встречаются в Абхазии только с XI-XII веков, денежная единица здесь только византийская, а грузинские деньги, оказывается, вообще не были здесь в обращении, абхазы якобы имели свою автономию в Грузинском царстве и т.д.

В действительности, исторические источники рисуют совершенно противоположную картину. В этом отношении особый интерес представляют нумизматические материалы. В 1983г. во время раскопок на территории Лыхненского дворца владетелей Абхазии искусствовед Л. Хрушкова обнаружила «Лыхнен-

---

[1] Абхазия и абхазы, с. 93.
[2] Житие Грузии, т. II, с. 137.
[3] Абхазия и абхазы, с. 101.
[4] Житие Грузии, т. II, с. 182-183; Абхазия и абхазы, с. 105.

ский клад» с большим количеством грузинских монет[1]. Надписи на этих монетах указывают, что они изготовлены по заказу царей объединенной Грузии Баграта IV (1027-1072 годы) и Георгия II (1072-1089 годы).

Кроме Лыхны, на современной территории Абхазии грузинские монеты обнаружены возле Сухуми и у Нового Афона, на Иверской горе. Выявленные в 1871г. возле Сухуми серебряные монеты принадлежали Давиду IV Строителю (1089-1125 годы)[2], а найденные на Иверской горе – Георгию II[3].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что на современной территории Абхазии грузинские деньги обращались точно так же, как и во всей остальной Грузии[4].

Абхазия и ее население представлено в контексте Грузинской истории и в сочинении Жамтаагмцерели (Летописца). Описывая первый период господства монголов в Грузии, он отмечает, что царица Русудан по некоторым политическим соображениям короновала в Кутаиси своего 5 летного сына Давида. Рядом с царицей Грузии стояли тогда Западногрузинские феодалы и духовенство: «Призвала все войска свои – абхазов, Дадиан-Бедианов, рачинского эристава и католикоса Абхазии, и провозгласили царем Давида, сына Русудан, благословили на царство в Кутаиси и возложили ему на голову корону»[5]. Этот политический акт явно подтверждает, что феодалы и войско Абхазского эриставства верно служат царице, а Абхазский католикос во время коронации Давида Нарина (1247-1293 годы) является главной фигурой.

Среди известных грузинских деятелей и полководцев первой трети XIIIв. грузинский летописец называет Дардына Шарвашидзе, принадлежавшего к феодальному дому Шарвашидзе: «И назначил предводителем войска абхаза Шарвашисдзе, по имени Дардын, которого за его храбрость и прежде сильно возвысил, и твердо стоял в своей вере»[6]. Погибшего в боях Дардына Шарвашидзе летописец называет «прославившимся» и «храбрым».

Следует обратить особое внимание на сообщение автора «Восхваления венценосцев», где говорится, что сына царицы Тамар (1184-1213 годы) Георгия IV назвали Лашей, «который с языка апсаров переводится как просветитель вселенной»[7]. На основании данного сообщения, большая часть исследователей разделяет мнение, что имя Лаша после этого распространилось в грузинской действительности и что оно является апсарским (апсуйским) именем. Однако

[1] О Лыхненском кладе см.: Л. Хрушкова. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998; С. Шамба. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э.- XIII в. н.э.). Тб., 1987. Надписи на Лыхненских монетах изучил В. Силогава. См:. В. Силогава. Грузинская эпиграфика Мегрелии и Абхазии, с. 221-252.
[2] Р. Кебуладзе. Византийскотитульные серебряные монеты Давида Строителя -Вестник Грузинского государственного Музея, XXXIX. Тб., 1987, с. 47.
[3] С. Шамба. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э.).с. 76; Д. Капанадзе. Грузинская нумизматика. Тб.,1969,с.69.
[4] Наряду с грузинскими деньгами, в то время в Грузии обращались и Византийские монеты.
[5] Житие Грузии, т. II.с. 180.
[6] Там же, с.192-194; Абхазия и Абхазы, с. 104.
[7] Житие Грузии, т. II, с. 58. Абхазия и абхазы, с. 91.

в абхазской ономастике такое имя не встречается, а в грузинской оно известно еще за четыре столетия до рождения Лаши-Георгия. В частности, в найденном во дворе церкви Тбиси Тетрицкаройского района на подножке креста высечена грузинская надпись, которая гласит: «Святая Троица помилуй строителя его Лашу»[1]. Надпись высечена вокруг креста и датируется VIII веком. Приведенный источник убедительно опровергает утверждения исследователей, до сих пор считающих, что имя Лаша, в грузинской действительности появилось только в XIIв.

Об активной культурной и политической роли Абхазии в объединенной Грузии, говорят многочисленные памятники грузинской культуры, встречающиеся на ее современной территории. В XI-XIII веках еще больше возросла роль церковных центров, основанных во время Абхазского царства. Несмотря на объединение грузинской церкви, продолжал функционировать католикосат Абхазии, а католикос сидел в Пицунде. По «Правилам и порядку благословения царем» (XIII в.), католикос Абхазии участвовал в церемонии коронации царя; такие же права даны ему по документу «Распорядок царского двора» (XIV в.), в соответствии с которым, католикос Абхазии вместе с патриархом Грузии, Чкондидели–Мцигнобартухуцеси и благочинным монастырей (Модзгварт-модзгвари) является высшим представителем светской власти[2].

На рубеже X-XI веков на современной территории Абхазии были построены новые храмы в Лыхны, Илори, Анухва, Цкеликари, а также церкви Святого Георгия, Андрея Первозванного и Святого Федора в Цебельде, на фасаде которых по сей день сохранились многочисленные грузинские лапидарные, фресковые и чеканные надписи. Сохранились также рукописи и другие предметы церковного обихода. Среди них особое значение имеет Бичвинтский четвероглав XII века, составленный на грузинском языке (см. картину №№ 2-3). Они убедительно доказывают, что Абхазия играла ведущую роль в деле развития грузинской культуры. Особо следует отметить Бедийский монастырский комплекс. Здесь сразу же появился мощный епископский центр. По «Распорядку царского двора», «посюсторонний Бедийский епископ-могильничий», а по правилам «Освящения миро» (XIII в.), Бедиели также пользовался большим почетом[3].

На Бедийской кафедре служили выдающиеся церковные деятели тогдашней Грузии, в том числе архиепископ Иоанн Бедиели - приближенный к царскому двору Баграта IV, значительная церковная и политическая фигура XIв. В эпоху Давида IV Строителя здесь служил Свимеон Бедиел-Алавердели. Существование подобного института (когда один архиерей руководил двумя кафедрами, находившимися на западе и востоке страны) подчеркивало духовное и територальное единство Грузии. В последствии Свимеон-Бедиели становится

[1] Корпус грузинских надписей, т.I,с.104-106.
[2] Дж. Гамахария. Абхазия и православье, с. 141-147.
[3] Памятники Грузинского права,т.2,с.48,51-53.

Чкондидел-Мцигнобартухуцеси, то есть вторым лицом в государстве, ведавшим не только церковными делами, но и вопросами государственного управления. Позднее на Бедийской кафедре и монастыре трудились Николай, Софрон и Микаел Гонглибаисдзе, Антон и Кирилл Жуанисдзе, Герман Чхетидзе и др. Велика их роль в деле формирования в монастыре мощного центра грузинской духовной культуры[1].

Заслуживают внимания лапидарные надписи Илорского храма. Как отмечалось выше, они повествуют об истории строительства храма архиепископом Георгием, священником Георгием Кочолава и местным феодалом Георгием Гургенисдзе. В эпиграфических памятниках Анухвского храма отражена история его строительства местным феодалом Георгием Басилисдзе и его братьями. На фасадах Лихненского храма сохранились более 20 фресковых грузинских надписей (см. картину № 1). Они однозначно указывают, что этот храм являлся важнейшим очагом грузинской культуры и неотъемлемой частю грузинского культурно-политического мира. В целом, грузинский эпиграфический материал рисует однозначную картину социального спектра, населения, политического и религиозного состояния Абхазии той эпохи. В надписях названы все слои населения: Цари, феодалы, управляющие краями, высшее духовенство, священники, мастера-строители, прихожане и т.д.[2] Конкретно названы: Цари Абхазии и объединенной Грузии Георгий II (922-957 годы), Баграт III (978-1014 годы), Баграт IV (1027-1072 годы), Георгий II Куропалат (1072-1089 годы), царь-царей Константин (1293-1327 годы) – сын Давида Нарина; эристав-эриставов и мечурчлетухуцеси Абуласан Иобисдзе, построивший Цебельскую церковь Святого Андрея Первозванного; Мцигнобартухуцеси и Чкондидели периода Баграта IV; переписавший Моквский четырехглав 1300 года архиепископ Даниил; Георгий Басилисдзе и его братья (Дмитрий, Федер, Меркил), построившие Анухвский храм; светский ктитор Илорского храма Георгий Гургенисдзе; царица-цариц Сагдухт, построившая Гумуришский храм; обновители Бедийского храма царица-цариц Марих, Георгий Дадиани, эриставы-эриставов Георгий Дадиани и Нианиа Новелисимос из Рачи; строители Хопского храма Георгий Галатоз, Свимеон Галатозухуцеси, прихожане – Микаэл, Георгий, Роша и др.[3] Это – неполный список исторических личностей, которые на протяжении средневековья на современной территории Абхазии создавали грузинскую материальную и духовную культуру. Абхазы того периода, таким образом, создавали и развивали только грузинскую культуру. Из культурного наследия Абхазии того периода обращают внимание образцы грузинской письменности,

[1] См: Б.Хорава. Епископство Бедии.- Исторические разыскания, т. III, Тб., 2000, с. 21-42; Г. Каландия, Одишское епископство. Тб.,2004,с.79-96; Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии, как исторический источник, I, с.36-51.

[2] Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии, как исторический источник, I, с. 209.

[3] В надписях более позднего периода названо значительно большее число грузинских исторических личностей.

в частности новые каллиграфические школы художественной письменности, возникшие в Абхазии, а затем распространившиеся в остальной Грузии[1]. Более того, изучение и полеографическое сопоставление образцов грузинской письменности эпиграфических памятников Абхазии XI-XII веков с образцами грузинской письменности других исторических регионов наглядно показывает, что Абхазия и на этот раз (как и в период Абхазского царства) играла ведущую роль в формировании и развитии грузинской культуры. Она первая отзывается изменениям, происходившим в грузинской письменности. Это подтверждается тем фактом, что самые ранние образцы гражданской письменности в западной Грузии выявлены в селе Дихазурга Гальского района[2]. Анализ грузинского эпиграфического материала Абхазии свидетельствует, что именно в этом регионе, как отмечалось выше, зародилась художественная письменность конечнострелочной каменной каллиграфической школы, достигшей совершенства в XI веке.

Вышеприведенные исторические источники убедительно доказывают, что в XI-XIII веках современная территория Абхазии с политической, культурной и религиозной точек зрения являлась неотъемлемой частью единого грузинского мира. Очень часто она играл ведущую роль на общегосударственной и культурной арене, чем иные регионы Грузии.

2. Абхазия с 40-х годов XIII века до 90-х годов XV века

В 1235-1242годах Грузию захватили монголы. Однако западная Грузия, в том числе Абхазия, избежала разрушительных вражеских вторжений. В 1245г. скончалась царица Русудан и в Грузии наступило безвластие. Монголы пытались ввести непосредственное управление в новопокоренной стране и разделили ее на 8 округов – «туменов» (по 10.000 дворов). В каждом из них был поставлен «тёмник» - ответственное лицо из грузинских вельмож. Западную Грузию монголы передали тёмникам Цотнэ Дадиани и Рачинскому эриставу[3].

Тёмнику, соответствовавшему монгольскому нойону, принадлежала полная гражданская и военная власть. Примечательно, что монголы подчинили эриставу Рачи Кахаберу Кахаберисдзе, кроме собственно Рачинского эриставства, еще Лечхуми и Аргвети – территории от Лихского хребта до р. Риони. Цотнэ Дадиани же получил Сванское эриставство вместе с Дальским ущельем в верховьях р. Кодори, а так же – Гурию и все Черноморское побережье Грузии, включая Одиши и Абхазию от р. Чорохи до Никопсии.

[1] Л. Ахаладзе. Палеографические характеристики грузинской письменности в эпиграфических памятниках Абхазии, с. 32-39.
[2] Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии, как исторический источник, I, с. 83, 246, фото №17.
[3] Житие Грузии, т. II, с. 207-208.

Монголы вскоре убедились, что для столь развитого феодального государства, каковым являлась Грузия XIII века, монгольская административно-территориальная система непригодна. Поэтому в 1247г. в Грузии была восстановлена царская власть. Монголы посадили на престол сразу двух царей – Давида VI, сына Русудана (он же Давид Нарин) и Давида VII, сына Лаша Георгия.

Двоецарствие продолжалось всего несколько лет. Вскоре Давид Нарин восстал против монголов и, не добившись успеха в восточной Грузии, укрепился в Кутаиси. В историографии датой восстания Давида Нарина считается 1259г. Как выясняется, это восстание произошло, по крайней мере, на 6 лет раньше. Об этом свидетельствуют сведения посла французского короля Людовика IX, Вильгельма де Рубрука о Грузии. В 1253-1254годах, путешествуя в Монголию и обратно, он объехал Грузию почти со всех сторон. Вильгельм де Рубрук при описании побережья Черного моря называет страну «Иверию» и отмечает, что «иверы, живущие к северу от Трапезунда, не подчиняются «татарам», то есть - монголам». Впервые на это сообщение обратил внимание Н.Асатиани, который датировал антимонгольское восстание Давида Нарина 1249 годом[1].

Западногрузинские феодалы приняли восставшего Давида Нарина с большой радостью. «И как узнали (об этом) эриставы абхазов, сванов, Дадиани, Бедиани, эриставы Рачи и все Лихт-имеры, - пишет Летописец, - собрались с радостью великой и объявили сына Русудан царем Абхазии до Лихи»[2]. С переходом Давида Нарина в западную Грузию эта часть страны освободилась от власти монголов, но единое грузинское государство оставалось расколотым на два царства - восточное и западное.

В 1261г. к Давиду Нарину явился двоюродный брат Давид VII, сын Лаша Георгия, также восставший против монголов. Спустя некоторое время, часть феодалов западной Грузии попытались свергнуть Давида Нарина и посадить на его место Давида VII. Во время этой смуты верность Давиду, сыну Русудан, до конца сохранил Бедиани, сын Джуаншера, который был «мужем, преуспевшим в нравственности, щедрым паче всех людей, преисполненным разума»[3].

Упомянутый в тексте Летописца Бедиани, это Одишский эристав Бедан II Дадиани[4]. Его помощь Давиду Нарину оказалась решающей. Давид VII вынужден был смириться с разделением Грузии на две части и временно отказался от западногрузинского трона. В 1262г. он вернулся в восточную Грузию и примирился с монголами.

Давид Нарин щедро наградил как Бедана II Дадиани, так и весь род Дадиани. Царь пожаловал этому роду ценнейшие христианские реликвии и возвысил

[1] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.Г.Маллена. С-ПБ., 1911,с.66-67; Н.Асатиани. История Грузии с древнейших времен до XIX в. Тб.,2001, с.220-221.
[2] Житие Грузии, т. II, с.229.
[3] Картлис Цховреба. История Грузии, с. 368.
[4] Там же, с.243.

по сравнению с другими феодальными фамилиями. При поддержке Давида Нарина Одишское эриставство стало сильнейшим в западной Грузии.

При Давиде Нарине территория современной Абхазии принадлежала четырем эриставствам. Причерноморье между реками Ингури и Кодори непосредственно входило в состав Одиши. Истоки р. Кодори (Дальское ущелье) входили в Сванское эриставство; к северо-западу от р. Кодори, до Анакопии включительно находилось Цхомское//Цхумское эриставство, еще далее на северо-запад до р. Никопсии (нынешнее Нечепсухо) - Абхазское эриставство.

В 1293г. скончался Давид Нарин и трон занял его сын Константин. Вахушти Багратиони его царствование описывает, как период постоянной анархии в западной Грузии. «Против этого Константина восстал брат его Микел и не давал ему царствовать и владеть Имеретией и занял Микел Рачу, Лечхуми и Аргвети и была между ними постоянная борьба и смута и возмущение и столкновения друг с другом, и было разорение в стране, - писал Вахушти. - Из-за этого были обеспокоены вельможи царства, но никак не могли установить мира между ними».[1] Дополнительный исторический материал, имеющийся о Константине, не свидетельствует о столь беспросветной ситуации.

Как выясняется, эпоха Константина была периодом культурного обновления в западной Грузии. На рубеже XIII-XIV веков, например, построен и расписан известный Хобский собор. Именно в этот период в западной Грузии распространился из Византии совершенно новый художественный стиль «Школа Палеологов», предшествующая живописи Возрождения. В этом стиле заново расписан Гелатский храм. Именно при Константине, в конце XIIIв., были проведены большие строительные и реставрационные работы. В это время построена колокольня Бедийского храма, а сам храм фактически отстроили и расписали заново. Об этом свидетельствует надпись на западной стене колокольни Бедийского храма: «Да возвысит Господь царя Константина, сына Давида, аминь». Над восточным входом в эту же часовню высечена надпись, в которой упомянуты Николоз Бедиели и Софрон Бедиели, которые при Константине, вместе с царем руководили реконструкцией Бедийского храма[2]. Исторические документы свидетельствуют, что церковные центры на территории нынешней Абхазии на рубеже XIII-XIV веков вносили большой вклад в культурную жизнь всей Грузии. Среди грузинских рукописных книг особенно примечательно четвероглав, переписанное в Моквинском храме в 1300г. по заказу Даниила, архиепископа Моквинского и украшенное 157 миниатюрами и 531 заглавной буквой (см. картину №№ 4-5).

Царь Константин сыграл решающую роль в возвращении грузинской православной церкви принадлежавшего ей Крестового монастыря в Иерусалиме.

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 801.

[2] Л.Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии, как исторический источник, 1, с.33-39 (на груз. яз.); Л. Шервашидзе. Средневековая живопись в Абхазии. Тб.,1989, с.62-64.

Выкупленный на его средства храм был заново украшен и расписан. Об этом свидетельствует синодик грузинского Крестового монастыря в Иерусалиме: «В тот же день поминовение и панихида Царя-царей Абхазского Константина, восстановителя убранства Крестового монастыря, да будет справлено сполна ночным бдением и молитвой иеромонаха».[1]

Из выше приведенного сообщения Вахушти Багратиони явно видно, что царю Константину на протяжении всего его царствования, безусловно, подчинялась основная часть западной Грузии, включая территорию нынешней Абхазии. Поэтому не совсем точным должно быть следующее сообщение Вахушти Багратиони: «Увидел Дадиани Георгий такое положение между ними (то есть противостояние между братьями - авт.), занял эриставство Цхомское и завладел всем Одиши до Анакопии. Также и Шарвашидзе завладел Абхазией и Гуриели - Гурией и сванский эристав - Сванетией и присвоили себе и не подчинялись царям»[2]. В то же время, данное сообщение Вахушти все же свидетельствует о самовольном присвоении эриставами Одиши, Абхазии, Гурии и Сванети широких полномочий.

Указанный в тексте Георгий Дадиани, это Одишский эристав Георгий I Дадиани, сын Бедана II Дадиани[3]. Распространение власти Одишских эриставов на Цхумское эриставство (до Анакопии) безусловно имеет более глубинные причины (исторические и этнические), чем междоусобица в западной Грузии. Упоминание территории до Анакопии, как «Всея Одиши» указывает на законные права Дадиани на Цхумское эриставство.

После присоединения на рубеже XIII-XIV веков Цхумского эриставства, в состав Одиши вошли города Цхуми//Цхоми и Анакопия. В результате этого Одиши непосредственно соседничал с Абхазским эриставством, от которого его отделяла находящаяся на западе от Анакопии Малая гора, спускающаяся к морю и, более точно - «Малая река», локализуемая Вахушти к северо-западу от Анакопии (нынешняя река Псырцха).

В 1323г. скончался Георгий I Дадиани и эриставом Одиши стал его сын Мамия I Дадиани (1323-1345 годы). Ему, как эриставу, подчинялась юго-восточная часть нынешней территории Абхазии, включая Анакопию.

В 1327 г. скончался царь Константин. На западногрузинский престол взошел его брат Микел, царствование которого продолжалось всего 2 года. У Микела остался сын Баграт, который по малолетству «не осмелился стать царем». В западной Грузии фактически наступило время бесцарствия и началась анархия. Тогда князья обратились к Георгию V Блистательному, царю восточной Грузии. В 1330 г. он вступил в западную Грузию с большим войском и направился к Кутаиси. Царевич Баграт не решился на сопротивление и передал Георгию V

[1] Е.Метревели. Материалы по истории грузинской колонии в Иерусалиме. Тб.,1962, с.43, 100-101, 169 (на груз. яз.).

[2] Житие Грузии, т. IV, с. 801.

[3] Т.Берадзе. Из политической географии Одиши, с.160.

Блистательному Кутаиси и все крепости Имерети. «Увидев это Дадиани Мамия и Гуриели и эристав сванов (и эристав – авт.) Абхазии Шарвашидзе явились к нему с большими подарками и благословили его на царство Имеретинское и всей Георгии (Грузии – авт.), - пишет Вахушти. - Затем он вступил в Одиши, оттуда - в Абхазию; распорядился о (делах) тамошних и крепости занял сам; а Цхомское эриставство передал Бедиели, так как первоначально был Цхомским (эриставом).[1] Таким образом, с 1330 г. все края западной Грузии, в том числе территория нынешней Абхазии, вновь объединены в составе единого грузинского царства, просуществовавшего почти полтора века.

Еще в 1318 г. Римский папа основал в монгольском государстве Ильханов Персии католическое архиепископство, которому подчинил и Себастопольское католическое епископство в нынешнем Сухуми. В том же году епископом Севастополя был назначен Бернардо Моро, которого в 1330 г. сменил Петрус Геральди[2].

Новый католический епископ обратился к архиепископу Кентерберийскому и прочим церковным иерархам Англии специальным посланием, текст которого сохранился до наших дней. Ниже приведен пространный отрывок из этого письма, содержащего интереснейшие сведения о Грузии 20-х годов XIV века:

«Господин Архиепископ Кентерберийский, милостью Божьей первейший во всем королевстве Английском! Архиепископы и епископы этого королевства! Обращаюсь к Вам собрат из этого королевства, Петрус, волею Божьей епископ Севастополя в Нижней Грузии (inferioris Georgiane). Здесь есть охваченный честолюбивым тщеславием город, куда я незаслуженно назначен волей Высочайшего священноначальника. Как говорят, некогда здесь было продано сарацынам сто христиан, которых увезли в страну сарацынскую и там превратили в сарацын (мусульман - авт.). Я, со своей стороны, противился преступной торговле людьми, но несмотря на то, что здешние правители- христиане, ни в этом вопросе, ни в чем ином не слушают меня, поскольку являются последователями греческой схизмы (православия - авт.)… Податель сего письма Яхья де Кремона… настолько беден, что всего его достояния не хватит и на половину дороги, я со своей стороны, не мог ему ничем помочь, поскольку ни церкви, ни дома не имею, чтобы найти приют. И ни одного динара у меня нет, чтобы ему дать. Неделями жду пожертвовании от какого-нибудь бедного грузина… Государь этой страны, который есть и военачальник всей Грузии, готов со всем своим войском вместе с западными христианами пойти против сарацын… Он выделил местным католикам и место для кладбища, несмотря на обычаи двух грузинских царств, здесь не различают усопшего католика от схизматика. Но католики не смирились со схизматиками и хоронят своих усопших за преде-

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 257-258; 801-802; Абхазия и абхазы..., с. 137-138. Неверно, что «значительная часть Абхазии, а именно Цхомское (Сухумское) эриставство» было закреплено за Бедиани в 1330 г. (Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, с. 89). Вахушти ясно говорит, что Бедиели получил то, что ему раньше принадлежало.
[2] Richard J. La Papante et les missions d'Orient an moyen Age, XIII-XV s. Roma, 1977, c. 178.

лами их кладбищ. Из-за этого передачей нам вышеуказанного кладбища был весьма раздосадован епископ схизматиков и их духовенство, поскольку из-за этого кладбища они теряют право хоронить католиков. Поэтому столь возросло волнение, что крест, поставленный католиками-латинами в центре кладбища, вырвали из земли, а также разбили 15 могильных камней, поставленных латинянами. Латиняне вновь поставили их… Здешние священники – схизматики и народ, поддержанные сарацынами и иудеями, понесли их к здешнему епископу епископов (подразумевается Абхазский Католикос - авт.)… Писано в городе Санастополе, в королевстве Нижней Грузии (in regno inferioris Georgianae). На празднике дня короля Св. Эдуарда, года 1330 от рождества Христова 1330 года»[1].

Под «Нижней Грузией» Петруса Геральди подразумевается западная Грузия. Деление Грузии на Верхнюю и Нижнюю встречается и в памятниках грузинской литературы X-XI веков, где «Нижний» всегда означал западную Грузию. Вовсе не случайно, что католический епископ «Санастополя» упоминает два грузинских царства, в том числе «Нижнюю Грузию». Объединение восточной и западной Грузии было только что свершившимся фактом и автор отправленного в Англию письма хорошо знает, что обе эти части Грузии объединены в одно царство.

«Военачальник всей Грузии» Патруса Геральди, это, очевидно, Мамия I Дадиани, хотя католический епископ не совсем точен. Эристав Одиши командовал только войсками западной Грузии. Это право принадлежало дому Дадиани еще в XII-XIII веках, до основания Давидом Нарином западногрузинского царства[2]. Видимо, Георгий V Блистательный после присоединения западной Грузии восстановил это право дома Дадиани, предоставив его Мамия I. Так что, между царем Грузии и эриставом Абхазии стоял военачальник западной Грузии, Одишский эристав. После этого эристав Абхазии сначала подчинялся эриставу Одишии, как командующему всеми войсками, набираемыми в западной Грузии, и лишь потом - царю всей Грузии. Такое положение, как увидим ниже, продолжалось довольно долго. Это подтверждают сведения арабских авторов XIV-XVвеков, согласно которым Абхазское эриставство подчинено эриставам Одиши.

В XIV-XV веках важнейшие портовые города Грузии Поти и Цхуми входили в Одишское эриставство. Это весьма укрепило международное значение Одиши. Более того, порой Одишские эриставы в глазах иноземных наблюдателей воспринимались, как почти самостоятельные правители. Редко, но все же такое восприятие ситуации принимал официально - дипломатический характер. В первую очередь, это касается Султана мамлюкского Египта.

[1] В. Кикнадзе. Латинский историк о Грузии XIV в.- Труды Тбилисского Госуниверситета. История, искусствоведение, этнография, 1983, т.243, с.101-103 (на груз. яз.).
[2]Т.Берадзе. Из политической географии Одиши, с.154-156 (на груз. яз.).

Египет получил право посылать свои корабли в Черное море в 1261-1262 годах, когда он наладил тесные взаимоотношения с Золотой Ордой. Султаны мамлюков большое внимание уделяли морским контактам с Грузией, поскольку вдоль грузинских берегов проходила одна из морских магистралей, соединяющих Египет через Боспорский пролив, Черное и Азовское моря с Золотой Ордой[1]. Значительная же часть этого побережья непосредственно подчинялась эриставам Одиши. Именно поэтому с первой половины XIV в. султаны Египта устанавливают прямые дипломатические контакты с Одишскими эриставами, что отразилось в труде крупного египетского чиновника и ученого XIVв. Аль-Мухиби - «Совершенство толкования высокой терминологии». «У грузин есть два царя - великий царь, который правит Тбилисом, и Дадиани- царь, управляющий Сухумом и Абхасом… С каждым из них существует следующий порядок переписки на половине листа, - пишет арабский энциклопедист. - «Высочайший Аллах долгоденствует его Царского Величества, великого, величественного, отважного, рыцыря, верующего, прочего, славу христовой веры, сокровище религиозного общества креста, гордость христианства, царя абхазов, грузин и джурджанов, друга царей и султанов, каждый из них называется царем Грузин»[2].

Это сообщение Аль-Мухиби почти дословно повторяет другой арабский энциклопедист Аль-Калькашанд.[3] Аль-Мухиби скончался в 1384г., Аль-Калкашанд же жил в 1355- 1418годах. Так что, их данные об усилении западногрузинских эриставов отражают реальность более, чем одного века. По приведенным арабским источником, с 30- х годов XIVв. до 20- х годов XVв. абхазские эриставы подчинялись владетелям Одиши.

В 1386-1403 годах в Грузию восемь раз вторгался Тамер лан. Во время восьмого нашествия Тимур перешел и в западную Грузию, но не вышел за пределы Имерети. Так что, Одиши и Абхазское эриставство избежали вторжения грозного среднеазиатского властелина.

После первого же нашествия Тимура на Грузию в западной части страны нашлись искатели престола, пытавшиеся восстановить Имеретинское царство. Инициативу проявляли, с одной стороны, потомки царя Микела, с другой – назначенные царской семьей наместники. По сведениям Вахушти Багратиони, в 1387 г. правнук Давида Нарина Александр даже короновался в Гелати, но не получил поддержки в западной Грузии, в том числе Одиши и Абхазии, оставшихся верными общегрузинским царям[4].

[1] Т.Берадзе. Мореплавание…, Тб.,1982, с.41-42, 81-82.
[2] Сведения арабских историков XIV-XV веков о Грузии (Аль-Умари, Аль-Мухиби, Аль-Калкашанди). Тб.,1988, с.53 (на груз. яз.).
[3] Там же, с.57.
[4] Житие Грузии, т. IV, с. 803.

После кончины Александра занять престол западной Грузии попытался его сын Георгий, но западногрузинские эриставы отказались ему повиноваться. Тогда Георгий двинулся против главного противника – владетеля Одиши. Вамех Дадиани в жесткой битве одолел войска Имеретии. В этой битве погиб сам Георгий (в 1392 г.).[1]

Упомянутый Вамех, это Вамех I Дадиани (1384- 1396 годы). Как предводителю войск западной Грузии, ему пришлось одному из первых выступить против горской стихии Западного Кавказа в лице джиков. Эта стихия в то время набирала силу и пыталась вторгнуться на равнину. Последний натиск горцев начался в XIV-XV веках, когда на Северном Кавказе радикально изменилась геополитическая обстановка. С этого времени племена, оттесненные монголами в ущелья Северного Кавказа, пытаются возместить свои потери за счет территорий Закавказья, в первую очередь Грузии. Натиск горцев Западного Кавказа одной из первых испытала северо-западная Грузия (нынешний сектор Сочи- Туапсе).

Северо-западная граница Грузии X-XIII веков, совпадающая в этом секторе с границей Абхазского эриставства, проходила по р. Никопсии. К северо-западу от этой реки, до Керчинского пролива и Азовского моря, в пределах Кавказа, жили племена черкесско-адыгского происхождения. Грузины называли их джиками и кашагами, а западноевропейцы - джиками и черкесами.

В грузинских исторических источниках Никопсия (севернее от современного Российского города Туапсе), как крайний северо-западный рубеж Грузии, в последний раз упоминается при описании коронования сына Георгия Блистательного - Давида IX (1346-1360 годы). Вахушти Багратиони писал: «А после царя Георгия воцарился сын его Давид. Собрались католикосы- епископы и вельможи от Никопсии, Спери, до Дербенда и благословили его царем»[2].

Джики были известны своим пиратством на Черном море еще в античное время. В IX-XIII веках, в период усиления Абхазского царства, затем объединенной Грузии, их пиратство было сведено до минимума. Но в тяжелые для Грузии времена, в XIII-XIV веках, их активность на Черном море вновь усиливается. К этому времени горцы Западного Кавказа вышли из подчинения Грузии и начали территориальное расширение за счет ее северо-западных земель.

Сообщение о походе Вамеха I Дадиани (1384 -1396 годы) в Джикети сохранила лапидарная надпись на приделе Хобского монастыря: «Христос, именем Божьим эриставт эристави и мандатурухуцеси Дадиани Вамек после отца их патрона эриставт эристави Дадиани Георгия, совершил набег на Джикети из – за неверия и неверности и одолел, и стали крепости их, сильные и трудноступные (гагари и угагни – авт.), обесчещенными и непригодными. Овладел он всеми ими силою своею, разорил недоступные многим джикетским прави-

[1] Там же, с.803-804.
[2] Там же, т. 2, с. 201.

телям (места), захватил, сколько было возможно заложников, а остальных обратил в бегстваo...».[1] Принято считать, что упомянутые в надписи «Гагары» и «Угаги»- географические пункты и Вамех Дадиани воевал с джиками в окрестностях нынешней Гагры[2]. Однако в надписи на приделе Хобского монастыря речь идет совсем о другом регионе.

«Угаги» на древнегрузинском языке означало «труднопроходимую дорогу», а «Гагари»- напротив, должно означать «легкий путь», «проход». Тем более, что Гагра действительно является своеобразным проходом на побережье. Как видно, Вамех I Дадиани разорил всю Джикети до Азовского моря, разрушив все их как легкодоступные, так и слывущие неприступными крепости. У тех джиков, которые изъявили покорность, Одишский владетель взял заложников, а территорию непокорных джиков жестоко разорил[3]. К концу XIV в. христианство в джикети ослабло и большая часть церквей осталась без богослужения и прихожан. Одишский владетель вывез из пустующих церквей мраморные колонны византийского стиля, узорчатые плиты, которыми украсил Хобский храм и церкви своего владения. Вамех I Дадиани пошел на Джикети морем, чем основательно подорвал морской разбой джиков, однако экспансию адыго-черкесских племен в юго-восточном направлении все же не смог остановить.

В конце XIV в. против ослабшего в результате нашествий Тамерлана центрального правительства выступил брат Георгия VII (1393-1407 годы) Константин, пытавшийся занять трон западной Грузии. Как выясняется, царевич Константин был вынужден покинуть западную Грузию, но теперь претензию на западногрузинский престол предъявил потомок имеретинских царей Дмитрий. В это время Георгий VII завершил войну с Тамерланом и нашел время для западной Грузии, тем более, что эриставы этого региона не собирались подчиняться самозванным претендентам на трон. Воспользовавшись ситуацией, царь Георгий пришел с войсками и завладел всей Имеретией, - пишет Вахушти Багратиони. Присоединились к нему Дадиани Мамиа, Гуриели, Шарвашидзе и сваны[4].

Попытка новой междоусобной войны в западной Грузии имела место и в первые годы правления Александра I Великого (1412-1414 годы). Ее инициатором был Мамия II Дадиани (1396-1414 годы), решивший непосредственно присоединить подчиненное ему Абхазское эриставство. Он «пожелал покорить абхазов; в том же году (он) собрал войско Одишских мегрелов и выступил (в поход). По прибытию в Абхазию сразился с ним Шарвашидзе с абхазами из своих укреплений, - пишет Вахушти Багратиони. – Истребили мегрелов, уби-

---

[1] Е.Такаишвили. Археологическое путешествие по Грузии.- Древняя Грузия, III. Тб.,1913-1914, с.132-133; И. Лордкипанидзе. Роспись в Цаленджиха. Тб. , 1992, с. 22.

[2] П. Ингороква. Гиорги Мерчуле, с.149-150;К.Берулава. Исторические места Абхазии, с. 77.

[3] Т.Берадзе. «К этимологии «Гагари» и «Угаги».- Мацнэ, серия истории…, 1973, №1, с.122-123.

[4] Житие Грузии, т. IV, с. 275, 804-805.

ли Мамия Дадиани, остатки войск обратили в бегство и бежавшие прибыли в Одиши»[1].

Гибель Мамия II Дадиани весьма обеспокоила царский двор. В его попытке вторгнуться без царского разрешения в Абхазское эриставство царь Грузии увидел опасный симптом распада государства и не замедлил с реакцией. В 1414 году Александр I перешел с войском в западную Грузию и прибыл в Одиши. «По прибытии царя в Одиши вышел ему навстречу сын Мамия Дадиани – Липарит и просил прошения за то, что согрешил его отец. И простил царь, ибо был он мягким и милосердным и никому никакого вреда не причинил; и того Липарита возвел в сан (его) отца. После (царь) отправился в Абхазию, взяв с собой и Липарита Дадиани. Встретил (его) Шарвашидзе, который подчинился его повелениям, как при первых царях; привел в порядок дела тамошние, умиротворил их и прибыл в Кутаиси.»[2] После этой военной экспедиции Александра Великого в западной Грузии мир не нарушался почти 40 лет.

В 1453 г. Турки - османы взяли Константинополь и тысячелетняя Византийская империя прекратила существование. В том же году, летом, в Эдирне (Адрианополь) вернувшегося из Константинополя Мехмеда II посетили представители христианских стран Причерноморья. Некоторые историки называют в их числе и грузинских послов. Согласно англичанину С.Рансимену, двор султана посетили послы «князя Мегрелии и Имерети Дадиани», а турецкий историк М.Кирзиоглу сообщает о послах «Гуриела, мегрелов и абхазов»[3].

Оба автора опираются на сведения византийского историка Дуки, согласно которому, среди послов, прибывших в 1453 г. К Мехмеду II были «трапезундцы и все те, кто живут у Понтийского моря»[4]. Как видим, среди этих послов представители Грузии вообще не названы.

После падения Византии османы стали угрожать Грузинскому Причерноморью. Вахушти Багратиони датирует первое их нападение 1451 годом. М.Корзиоглу и М.Сванидзе считают, что нападение имело место в 1454 г. Основанием для такого уточнения они считают итальянские источники, в которых описан рейд османского военного флота на Черном море в 1454 г., во время которого был сожжен Севастополь, то есть Цхуми, нынешний Сухуми[5].

Датировка Вахушти Багратиони представляется неверной. Одно сообщение о нападении османов, а затем абхазов на нынешний Сухуми сохранилось в письме, отправленном во второй половине 1454 г. в Генуэзским протекторам консулом Севастополя Джерадро Пинели. Он писал, что прибыв в Севастополь,

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 278; Абхазия и абхазы, с. 138.
[2] Житие Грузии, т. IV, с. 278; Абхазия и абхазы, с. 139.
[3] С.Ранисмен. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983, с.150; M.Kirrioglu. Osmanlilar in Kafkaz - Eleri ni fethi (1451-1590). Ankara, 1976.
[4] Ducae Michaelis. Historia Byzantina. Patrologia Graeca, t. CLY II, c.128.
[5] M.Kirzioglu. Osmanlilar…, c. 6-7; М.Сванидзе. Из хронологии Вахушти Багратиони (первое вторжение турок на Черноморское побережье Грузии). - Источниковедческие изыскания, 1982. Тб., 1985, с.107-111.

«провел там очень мало времени... Неожиданно на него напали авазги и все жители бежали, спасая жизнь и я последовал за ним. Они вознамерились отнять у нас город и многих увести в плен... Кроме того, сообщаю вам, что до моего прибытия в это место таврки (турки – авт.) подвергли его разграблению».[1] По сведениям более раннего итальянского источника, турки - османы сожгли в Сухумском порту один Генуэзский торговый корабль, другой же увели в качестве трофея. Часть живущих в этом городе Генуэзских купцов они пленили, другая же часть спаслась бегством[2].

Вахушти Багратиони ничего не пишет о разрушении Сухуми абхазами, но отмечает, что османы во время этого нападения разорили все Абхазское эриставство. В 1451 г. «прибыло пятьдесят катарг, полных войнами…, - пишет Вахушти, - разорили и опустошили Цхоми и Абхазию и все морское побережье. Повернулись и удалились. Узнав об этом, царь Георгий (последний царь единой Грузии Георгий VIII, 1445-1466 годы - авт.) поспешил на помощь, но не успел. Все же он там заселил (людей) из коренных, построил им укрепления; распорядился (делами) тамошними и вернулся в Гегути» [3]. Слово «распорядился» должно подразумевать и подавление мятежа абхазов, во время которого они, как уже отмечалось, жестоко разорили Цхуми. В 1454 г. генуэзцы неслучайно оказались в Сухуми. К этому времени в городе существовала их торговая фактория.

Георгий VIII оказался последним царем единой Грузии. Политический распад страны был ускорен противостоянием в доме эриставов Самцхе-Саатабаго.[4] Междоусобная война в Грузии казалась неминуемой, когда в страну приехал посол папы Римского Людовик Болонский. Он предложил грузинам принять участие в антиосманской коалиции.

Падение Константинополя (29 мая 1453 г.) имело огромный резонанс во всем мире, прежде всего в христианских странах. В Западной Европе возникла идея антитурецкой коалиции, предусматривающая освобождение Константинополя и восстановление Византийской империи. Вдохновителем этой идей был Римский папа Калист III. С целью включения в коалицию соседних с Турцией стран, он в 1456-1460 годах дважды послал на восток Людовика Болонского с посольской миссией.

В Грузии идея борьбы с османами объединенными силами христианских стран оказалась столь привлекательной, что при посредстве папского посла произошло временное перемирие между царем Грузии и Самцхийским атабагом. Людовик Болонский, кроме Грузии, объехал и другие соседние страны, противостоящие османам, убедив и их присоединиться к антитурецкой коали-

[1] Codice diplomatice delle colonie Tauro-Ligurt durante la signoria dell ufficio di S. Giorgia, ed. A.Vigna, Parte II, ASLSF, VII, 1871, c. 317-318.
[2] Там же, с.102-103
[3] Житие Грузии, т. IV, с. 284.
[4] Там же, с.284, 704-705.

ции. В итоге послы восточных стран собрались в Грузии и вместе с Людовиком Болонским направились в Западную Европу. Атабаг Самцхе Кварквare II Джакели (1451-1498 годы) направил в Европу собственного посла. Остальные эриставы Грузии к этому времени также чувствовали себя почти независимыми. Несмотря на это, они послов в Западную Европу самостоятельно не посылали и считали посла грузинского царя своим представителем. С помощью латиноязычных документов, связанных с деятельностью этого посольства, становится возможным, установление имен эриставов Грузии и названия их эриставств. Это в свою очередь дает возможность восстановить картину расстановки политических сил в Грузии 50-х годов XV в.

Анализ соответствующих латиноязычных документов показывает, что значительной частью западной Грузии – Имерети, Рача-Лечхуми, большей частью Сванетии, управлял племянник Александра I Великого - Баграт, носивший титул «царя». Причерноморская часть юго-западной Грузии входила в Гурийское эриставство, которой управлял неизвестный по другим источникам Мамия (Маниа) Гуриели, упоминающийся под титулом «маркиза». В этих латиноязычных документах Одишский владетель Дадиани упоминается под именем или титулом «Бедиани». Согласно этим документам, по старой традиции, Одиши подчинялся и эристав Абхазии. Поэтому Бедиани в некоторых документах упоминается, как «царь Мегрелии и Абхазии» (Bendas rex Mengrelia et Abasiae). Несмотря на это, Абхазия все же представляла отдельную административно- территориальную единицу Грузии. Поэтому в соответствующих документах, под титулом «дука» фигурирует и эристав Абхазии Рабиа (Rabia dux Anocaciae)[1].

В итальянских документах XIII-XV веков эристава Одиши называют «Бедиани» или «Бендиани». В письме, посланном в 1460 г. Трапезундским императором правителю Бургундии в связи с антиосманской коалицией, Бедиани упоминается вместе со своим сыном. В письме, отправленном в том же году «герцогом Грузии» Кваркваре II Джакели к дожу Венеции, выясняется личность этого Бедиани. Его здесь называют «de la chan de liparit»[2]. Без сомнения, это Липарит I Дадиани (1414-1470 годы), а его «сын» - Шамадавле Дадиани (1470-1474годы), правивший эриставством совместно с отцом[3].

Известно, что первая династия владетелей Одиши идет от Бедиана I Дадиани, правившим в 80-х годах XIII и начале XIV века[4]. Вероятно, сведения об этом сохранились не менее двух веков. Поэтому итальянцы в XIV-XV веках упоминают Одишских владетелей именем Бедиани.

[1] М.Тамарашвили. История католичества среди грузин, с.50-52, 56-63, 594-598 (на груз. яз.); История грузинской дипломатии. Тб.,2003, с.364-374 (на груз. яз.); Fallmerayer. Geshichte des Keisertums von Trapezuna. Munchen, 1827, с.265; W.Miller. Trebizond, thi last greece empire. London, 1926, с.96.

[2] Д. Паичадзе. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузии. Тб.,1989.

[3] Т.Берадзе. Одишское эриставство в XVI-XVII веках. – Самегрело. Тб., 1989 (на груз. яз.).

[4] Там же.

Европейская миссия грузинских и восточных послов не увенчалась успехом. Западная Европа оказалась не готова к объединенным действиям против османов. После краха антиосманской коалиции в Грузии с новой силой вспыхнула междоусобная война. Инициативу вновь проявил Кваркваре II Джакели. В 1462 г. Он призвал против царя Грузии предводителя объединения Ак Койюнлу («Белых баранов») Узун Хасана, который вторгся в Картли. Его вторжением воспользовался царский наместник в западной Грузии Баграт. Он обещал самостоятельность эриставам и поставил в здешних крепостях свои гарнизоны. За это Дадиан-Гуриели, абхазы и сваны дали царю «твердое обещание и сделали царем Имерети[1]»,- пишет Вахушти Багратиони. В 1463 г. Баграт разбил у Чихори, недалеко от Кутаиси, Георгия VIII. К победителю в Кутаиси «явились Дадиани, Гуриели, абхазы и сваны и, выражая желание всех имеров, благословили его царем. Поэтому выполнил он тем владетелям обещание; и освободились они кроме обязанности выставлять войско и быть подручными царя. Превратилось с того времени Имерети в одно царство и четыре княжества или сатавадо, ибо Дадиани получил Одишии, Гуриели - Гурию, Шарвашидзе - абхазов и джиков, Геловани – Сванети; а Баграт таким образом царствовал над ними»[2]. Баграт недолго оставался только западногрузинским царем. В 1466 г. он перешел в восточную Грузию и объявил себя царем всей Грузии. В историю он вошел под именем Баграта VI. Реально он владел только западной Грузией и Внутренней Картли. В Кахетии закрепился Георгий VIII, основавший самостоятельное Кахетинское царство. В Нижней Картли утвердился внук Александра Великого Константин II (сын Дмитрия), признававший сюзеренитет Баграта VI. Самцхе-Саатабаго же стало фактически независимым княжеством. В 1477 г. против Баграта VI выступил Вамех II Дадиани (1474-1482 годы). Он «собрал абхазов и гурийцев и начал набеги, разорение и захваты Имерети». Ответная реакция царя Грузии не заставила себя долго ждать. Баграт VI пошел на Одиши с большим войском, разбил и подчинил Вамеха II Дадиани.[3]

Царь Картли и западной Грузии Баграт VI скончался в 1478 г. На царский престол в Картли взошел Константин II (1479-1505 годы). В западной же Грузии попытался воцариться сын Баграта VI - Александр. Для коронования он «призвал Дадиани, Гуриели, Шарвашидзе и Геловани», но они, во главе с Вамехом II Дадиани отказали ему в поддержке и пригласили Константина II в западную Грузию. Константин с помощью эриставов западной Грузии занял Кутаиси и ненадолго восстановил единство Картли с западной Грузией. Союзники уже планировали объединить всю Грузию и, в первую очередь, попытались присоединить Самцхэ-Саатабаго. Вамех II Дадиани с войском западной Грузии оказал помощь Константину II в 1481 г. в битве с атабагом, после чего царь подчинил

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 805; Абхазия и абхазы, с. 140.
[2] Житие Грузии, т. IV, с. 806; Абхазия и абхазы, с. 158.
[3] Житие Грузии, т. IV, с. 807; там же, т. II, с. 342.

Самцхе и Джавахети[1]. Константин II стал царем Всея Грузии. Он «привел в послушание имерцев, одищцев, абхазов; служил ему атабаг и подчинялись также кахи. Нигде не притесняли христиан; был мир и покой»[2]. Однако в 1483 г., Константин II у Арадети потерпел поражение в бою с атабагом. Этим воспользовался Александр, сын Баграта VI, взял Кутаиси и короновался царем. Тогда новый владетель Одиши Липарит II Дадиани (1482-1512 годы) опять пригласил Константина II в западную Грузию. В 1487 г. Константин вновь вступил с войском в западную Грузию, с помощью Липарита II Дадиани и других крупных феодалов западной Грузии еще раз занял Кутаисскую и другие значительнейшие крепости. Однако полное присоединение западной Грузии не смог. В 1488 г. в восточную Грузию вторгся правитель Ирана Якуб хан и Картлийский царь направился на войну с ним. Александр, сын Баграта VI, воспользовался этим, опять занял Кутаиси и все крепости Имерети, после чего «помирился с Дадиани и Гуриели. Этим умиротворил Имерети и подчинил твердо и покорил абхазов и сванов»[3]. Этим Александр Багратович окончательно утвердил свою власть в западной Грузии.

В 1490 г. Константин II попросил совета у специально собранного царского двора (Дарбази) относительно восстановления единого царства. Царский двор посоветовал Константину II отложить эту борьбу до лучших времен[4]. После этого Картлийский царь вынужден был временно примириться с Кахетинским и Имеретинским царями, а также с атабагом Самцхе, чем оформился фактический распад Грузии.

При освещении политической истории западной Грузии II половины XV в. обязательно следует коснуться утвердившегося в научной литературе взгляда на так называемое «Сабедиано», согласно которому в 50-70-х годах XV в. существовала полунезависимая политическая единица «Сабедиано», правитель которого Бедиани объединял под своей властью эриставства Грузинского Причерноморья - Гурию, Одиши и Абхазию. Это мнение впервые высказал И. Джавахишвили и позже повторил не один историк[5]. Как выяснилось, «Сабедиано» вообще не существовало, эта версия возникла из-за неверного прочтения упомянутых выше документов, связанных с антиосманской коалицией.

---

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 386.

[2] Там же, т. II, с. 343.

[3] Там же, т. IV, с. 809.

[4] Там же, с. 390.

[5] И.Джавахишвили. История грузинского народа. Сочинения в XII томах, т. III. Тб., 1982, с.329 (на груз. яз.); История Грузии, I. Тб., 1956, с. 242-243 (на груз. яз.); З. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.240.

3. Генуэзская торговая фактория в Севастополе - Цхоми//Цхуми

После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. полузакрытое Черное море постепенно открылось для мировой торговли. Положение не изменилось и после 1261 г., когда византийцы вернули Константинополь. К концу XIII в. в столицу Византии из многих стран приезжали купцы, имевшие свои интересы в Причерноморье. В их числе были торговцы из итальянских городов-государств, из Сицилии и Каталонии, а так же из Египта. К этому времени Черное море было хорошо известно морякам и торговцам. В XIII-XV веках знания западноевропейцев о Причерноморье отразились в первую очередь на географических картах 1318-1519 годов.

На этих картах к юго-востоку от нынешнего Сочи первым нанесено Costo//Custo//Costo//Costa//Chasto, то есть нынешняя Хоста. Еще юго-восточнее указана Laiazo//Aiaco//Layazo//Laiaco - Лиаушиа. На Венецианской карте XIII века, картах Петра Весконте (1318 г.), Бианко (1436 г.) и других нанесена Abcazia//Augazia, то есть Абхазия, имеющая здесь значение края или населенного пункта. На некоторых морских картах, например, карте Солери 1385 г. и Андреуса Бенинкази 1518 г. этот край или приморский пункт нанесен между нынешними Сочи и Туапсе. На крайнем северо-западе Черноморского побережья нынешней Грузии отмечена Cacaru//Chachari//Cacar//Chatari, то есть древняя Гагари, нынешняя Гагра. Далее к юго-востоку друг за другом нанесены Sun Sofia//Sancta Sofia//s. Soffia- известный Пицундский храм, Giro - Пицундский мыс, Cavo de Giro - Пицундский залив (бухта) и Pecunda//Pezonda- собственно Пицунда.

К юго-востоку от Пицунды нанесена Cavo de Buxo//Cavo de Bux//Cavo Buxo//Cavo de Bussi. Этот топоним переводится, как «Бзыбский залив». Значительная часть исследователей считает, что здесь подразумевается Бомборская бухта, куда впадают реки Мчишта (Муцу), Хипста (Зупу) и Аапста (Агацо). В последние годы Б. Гогия и Дж. Гамахария высказали предположение, что под «Бзыбским заливом» подразумевается дельта р. Бзыбь[1]. К юго-востоку от «Бзыбской бухты» отмечен на морских картах Nisoffia, Flum Nisofia и Flum Nicola. Вне сомнения, что это город- крепость Анакопия и «Анакопийская река», нынешняя Псырцха.

К юго-востоку от Анакопии на морских картах обозначен Savastopoli//Sconastopoli, древнегрузинский Цхоми//Цхуми (нынешний Сухуми); в его окрестностях указаны р. Mengrello//Porto Mengrello, Catancha//Cicaba//Cichaba//Cicaba - Цкубун (Тхубун) в окрестностях нынешнего Сухумского аэропорта, gotto//goto - Кодорский мыс и Tamamxa//Tamassa//Tama//Tamasa. Этот пункт указан еще на одной западноевропейской карте Мегрельского (Одишского) княжества 1654 года, как Satamascia. Это - Сатамашиа, крепость в окрестностях нынеш-

[1]Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 821-834, 882.

него Тамыша, еще существовавшая в 70-х годах XIX в. Ее описание оставил В.Чернявский. По его данным, в 1875 г. здесь пытались вести раскопки и с этой целью была взорвана одна из крепостных башен[1].

К юго-востоку от Сатамашиа указана Murkula- с. Меркула, Laxopotamo - р.Галидзга, Castro Corenbedia - вероятно, с. Илори, Corebedia - Бедиа, или Шуа (центральная) Бедиа, Megapotamo//Megapotami - р. Ингури, Lipotimo - р. Хоби, Lofasio//Fasso//Faxo//Fasso/f.Fasio - нынешний Поти и р. Риони, Paliastomo//Paliasloma - озеро Палиастоми, San Giorgio- Григолети, Vati//Lovati - Батуми и Gonea - крепость Гонио[2].

Морские карты XIII-XV веков называются портоланами, так как они, как правило, сопровождаются описаниями. Одним из таких портоланов следует считать составленную в 1350-1366 годах францисканским монахом - испанцем «Книгу знаний» о мировых владениях, каждой стране, их царях и повелителях». Отрывок, касающийся Абхазии и соседних с ней районов северо-восточного Причерноморья, гласит: «Затем я достиг Готского мыса, расположенного между Великим морем (Черное море – авт.) и Танским (Азовским – авт.) морем... Мыс граничит с двумя очень обширными провинциями, страной царя Давида (мифическое царство – авт.) и провинцией Аногасия (Anogasia// Абхазия – авт.) и Таной...

Из Танского моря я отправился и следовал вдоль восточного берега Великого моря, пройдя большой путь через Арва-Саксию и Песонтой (Пицунда – авт.) в империи Укслето (Узбеко//Золотая Орда – авт.), и прибыл в королевство Севастопольское, населенное христианами – куманами. Здесь много людей юдейского происхождения, но все они придерживаются христианских обрядов – чаще греческой, чем латинской церкви. На знаменах короля изображена серебряная десница»[3]. Под этим «королевством» подразумевается Одишское княжество, под «серебряной десницей»- ладонь правой руки, встречающаяся на морских картах[4] рядом с пятикрестовым знаменем. В «Книге знаний» упомянута и «Аногазия», исковерканная «Авогазия». Согласно тексту, она находится в окрестностях Крыма.

В XIII-XV веках в Причерноморской торговле больше всего активности проявляли итальянцы. Среди них в начале преобладали венецианцы. Впоследствии первенство перехватили генуэзцы. О торговле венецианцев в Грузии в XIII-XV веках известно мало, что объясняется особенностями Венецианской морской

[1] В.Чернявский. Записи о памятниках западного Закавказья, исследования которых наиболее настоятельно. – V археологический съезд. Тифлис, 1879, с.19, 127.

[2] Ф.Брун. Восточный берег Черного моря по древним периплам и компасным картам. – Записки Одесского Общества Истории и Древностей, т. IX. Одесса, 1875, с. 410-432; Топографическая таблица восточного берега Черного моря Безыменного и по компасным картам; Дж. Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 820-838; Б.Гогия. Абхазия..., с. 22-29.

[3] Т.Берадзе. Мореплавание…, с. 46.

[4] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 828-829.

торговли. В Венеции правительство активно участвовало в экономической жизни государства. Поэтому в XIII-XV веках непосредственно из Венеции в Черное и Азовское моря плавали только государственные галеры, имевшие право спускать якорь только в Трапезундском и Танайсском портах[1]. В этих городах венецианцы имели фактории, основанные соответственно в 1319 и 1333 годах[2]. Несмотря на жесткий запрет, Венецианские галеры время от времени заходили и в другие Причерноморские порты, в том числе и в Сухумский.

Грузины поддерживали непосредственные торговые контакты в основном с живущими в Константинополе венецианскими купцами. Так, например, в августе 1437 г. Венецианский купец приобрел у мегрела Георгия из Севастополя (Цхуми) 157 кг. воска, привезенного в Константинополь в специальной таре, за которые заплатил 23,25 перпер. Спустя 2 дня тот же купец купил воск в большом количестве и у итальянского торговца, также прибывшего из Севастополя[3].

С 60-х годов XIII в. первенство в Черноморской торговле переходит к Генуе. В 1267 г. Генуя получила от Византийского императора право основать торговую факторию в пригороде Константинополя Пере (Галатии). Вскоре генуэзцы обосновались в г. Солдайе (нынешний Судак). В 1270-1275 годах в Крыму они основали город Каффу на месте нынешней Феодосии, вскоре ставшей торговым центром международного значения. В течение последующего полувека все Причерноморье покрылось сетью генуэзских торговых факторий. Корабли генуэзцев плавали даже в Каспийском море. Генуэзская торговая фактория существовала около 70 лет и в столице Ильханов Тавризе (Иран), крупные торговые интересы были у них и в Грузинском Причерноморье. Грузино-генуэзскими торговыми контактами XIII-XV веков и Генуэзскими факториями на грузинском побережье Черного моря заинтересовались многие историки. В первую очередь, их интересовало существование таких факторий на современной территории Абхазии. По их мнению, в XIV-XV веках на территории нынешней Абхазии было не меньше 10 факторий[4]. Подобные взгляды опираются в основном на морские карты XIV-XV веков. Их авторы считают такими факториями все населенные пункты, указанные на этих картах на участке между Ингури и Псоу. Некоторые из них идут еще дальше и считают генуэзскими торговыми

[1] С.Карпов. Трапезундская империя и западноевропейские государства, с. 48-59.
[2] Badoer L l. libero dei conti di Giacen o Badoer (Constantinopoli 1436-1440), testo a cura di Dirini e. T. Bertele (Fl muavo Ramuse, III). Roma, 1956, c. 59.
[3] Там же, с.188.
[4] Н.Мурзакевич. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837, с.37;Primandie Historie de commerce de la mer Noire, et de colonies genoises de la Krimec, Paris,1847, c.123-127; Пр.Уварова. Абхазия. - Материалы по археологии Кавказа, вып. IV. М., 1894, с.125-127; Е.Зевакин, Н.Пенечко. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII-XV веках. - Исторические записки, 1938,№3; З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 23-24;Р.Кация. Экономическая экспансия средневековой Генуи на Западном Кавказе.- Известия Абхазского института, 1989; Э.Мамиствалишвили. Из истории Одиши. - Труды Тбилисского университета, 1992, №320, с.52-59 (на груз. яз.); З.Папаскири. Очерки…, I, с.80-81 (на груз. яз.); К.Кудрявцев. Сборник…, с.134-139; А.Фадеев. Краткий очерк Абхазии, с.116.

факториями такие географические пункты, название которых «имеет итальянское звучание». Так, например, К.Кудрявцев из-за такого «звучания» Генуэзской факторией объявил «Олагуане» тогда, как этот грузинский топоним точно переводится, как «место кувшинов», винный погреб. Тот же автор, вместе с А.Фадеевым называют еще одну, по их мнению, торговую факторию - «Санганджело», будто бы находящуюся на правобережье Ингури, на высокой горе. На самом деле название «Сатанджо» и стоящий здесь с VIII-X веков замок ничего общего с генуэзцами не имеют. Следует сказать, что причиной подобных версий является как незнание языка местного грузинского населения, так и принципов устройства Генуэзских торговых факторий в Причерноморье.

Причерноморские фактории генуэзцев находились в различных отношениях с местными властями. Общим было то, что существование фактории обязательно подразумевало самоуправление для генуэзцев, наличие собственных церквей и кладбищ. В XIV-XV веках генуэзцы жили в Батуми и Поти. В этих городах они самоуправления не имели и, соответственно, не имели фактории. В Грузинском Причерноморье генуэзцы основали факторию с самоуправлением только в Цхуми//Севастополе. Генуэзцы впервые зафиксированы здесь в 1280 году, когда в Сухуми один итальянец купил у другого торговый корабль «Mugetto»(«Лилия»). Акт купли- продажи на месте утвердил итальянский нотариус. В 1289 г. этот корабль был вновь продан и именно в этом новом акте купли- продажи сохранились сведения и о первой сделке.[1]

Выше был приведен текст письма, посланного католическим епископом Севастополя своим английским собратьям о сопротивлении местного населения открытию католического кладбища в Севастополе. Бесспорно, что в данном случае вероисповедание играло не самую главную роль. Местные торговцы хорошо знали, что выделение места для кладбища и, соответственно, право строительства церкви для генуэзцев в Цхуми являлось первым шагом к открытию фактории, что весьма страшило местных купцов. В грузинских исторических источниках XII-XV веков сведений о грузино-генуэзских контактах не встречаются. Это свидетельствует об отсутствии военных столкновений между этими двумя государствами. Из-за сравнительно мощной военной силы Грузии генуэзцы пытались получить право открытия фактории путем переговоров. Очевидно, с этой целью в Грузию прибыла не одна генуэзская делегация. Согласно итальянской исторической традиции, генуэзцы основали Сухумскую факторию с согласия местного правителя[2] (имеется в виду Одишский владетель). Следует предположить, что перед тем, как дать согласие, владетель Одиши взял соответствующее разрешение у царя Грузии. Право открытия торговой фактории генуэзцы получили в 1354 г. В получении разрешения большую роль играли политические успехи Генуи на международной арене. В морской битве

[1] Actes des notaries Genois de Pere et de Caaf de la fin du XIII e siècle, ed. G.Bucarest. 1927, c.177.
[2] Т.Берадзе. Мореплавание …, с. 99.

1354 г. генуэзцы почти полностью уничтожили флот своего вечного соперника - Венеции. Правители Грузии в такой обстановке «посчитали справедливым» очередную просьбу Генуи и разрешили основать торговую факторию в Сухуми. Первым консулом этой фактории был Амброджио ди Пиетро[1]. Католическое епископство Грузии подчинилось не Султанийскому архиепископу, а архиепископу Боспора, резиденция которого находилась в Каффе. После Петруса Геральди известно еще пять епископов Себастополиса: Роберт Хинтельсхам, Бертольд Воли, Николай Пасек, Жан-Поль Францисканец и Жан Георг да Реджиб. Этот последний, после прекращения функционирования фактории жил в Италии[2].

Генуэзцы неслучайно выбрали для своей фактории Сухуми. В античную эпоху и средние века город являлся единственным местом на грузинском Причерноморье, где после завершения навигационного сезона можно было держать корабли в специальных каналах.[3]

С 1290 г. Генуя управляла своими торговыми факториями на Черном море посредством подеста, находящегося в Константинопольском пригороде Пера (Галатия). В 1314 г. с целью управления Причерноморскими торговыми факториями правительство города- государства создало специальное ведомство, названное в 1341г. «Официум Газария». Основанная в 1354 г. фактория в Севастополе подчинялась этому ведомству. С 1398 г. «Официум Газария» управляла Причерноморскими колониями через консула Каффы. После падения Константинополя 17 ноября 1453 г. правительство Генуи передало Причерноморские фактории частному Генуэзскому «Банку Св. Георгия». Этот банк управлялся восьмью «протекторами», выбираемыми ежегодно. Консулов Причерноморских торговых колоний назначал специальный комитет, состоящий из 24 человек, после чего их утверждали протекторы. С 1456 г. посылка консулов в Причерноморье непосредственно из Генуи прекратилась. Всех их, в том числе Севастопольского, назначал консул Каффы[4].

В XIV-XV веках Генуэзская торговая фактория в Сухуми занимала небольшой прибрежный участок в районе порта. Факторию возглавлял консул. Первоначально консульская администрация состояла из самого консула, нотариуса и судебного секретаря. Жалование администрация получала из Каффы. Правительство Каффы оплачивало даже аренду того здания, в котором пребывал консул. Впоследствии состав администрации Севастопольской фактории и способы ее финансирования изменились. Согласно уставу Каффы от 1449 г., консул Севастополя оставлял себе 1% от импорта и экспорта. Этой суммой консул

[1] W.Heyd. Historie du Commerce de Levant an Moyen-Age, t. I. Leipzig, 1923, c.192.
[2] J.Richard. La Papante et les missions d`orient an moyen age, XIII-XV s. Roma, 1977, c.185.
[3] Т.Берадзе. Мореплавание..., с. 22.
[4] M.Balard. la Romanie genoise, vol. I-II. Roma, 1978, c.142; W.Heud, Histore du commerse., I, c. 142-143;W.Heyd. Histoire… II, c.385.

оплачивал труд нотариуса или секретаря фактории, переводчика и курьера[1]. Суд, в котором председательствовал консул, решал споры между генуэзцами, согласно Генуэзским законам.

До 1456 г. Севастопольский консул назначался в Генуе, сроком на год. В Цхуми он приезжал через Каффу. Его личность и полномочия удостоверял специальный «патент». В архиве Генуи сохранилось несколько таких «патентов». В 1455 г. протекторы Генуэзского Банка Св. Георгия назначили Севастопольским консулом Амброджио де Поцо и на его имя выдали патент, в котором сказано: «Так как мы избрали и утвердили в должности консула генуезцев и владеющих Генуэзским имуществом в Севастополе, а также бывающих и торгующих, и тех, кто там будет и станет торговать, благоразумного мужа, возлюбленного нашего Амброзио де Поцо (де Путео), гражданина Генуи, со всей властью, полномочиями, жалованьем, почестями и доходами, полагающимися этой должности, на один год, а также на большее и меньшее время по нашему усмотрению, то мы направляем к Вам настоящим названного Амброзио в качестве консула генуэзцев в Севастополе, чтобы вы его приняли и обходились с ним доброжелательно и ласково, как надлежит, и подчинялись ему в том, что относится к его должности так же, как и нам, ибо мы одобряем все его приговоры, решения и постановления, входящие в его компетенцию если он, консул Амброзио, примет их правильно и в соответствии с должностью и законов будет действовать от нашего имени. Поручаем Вам отныне в положенное время выплачивать консулу Амброзио соответственное жалованье и доходы».[2]

В XIV в. генуэзцы в фактории Савастополя платили пошлину в пользу Генуи в размере 0,5% от стоимости всего импорта и экспорта фактории. В XV в. эта пошлина удвоилась. Право сбора пошлины продавалось на специальном аукционе сроком на один или несколько лет.

Генуэзская торговая фактория в Цхуми, как уже отмечалось, существовала с разрешения грузинских властей. В начале 70-х годов XIV в. отношения между Грузией и Генуей осложнились. В 1373 г. генуэзцам пришлось срочно посылать из Каффы в Грузию специальное посольство, чтобы сохранить Савастопольскую факторию. Особое значение для генуэзцев имели взаимоотношения с владетелем Одиши, в пределах которого находился Цхуми (Сухуми). В 1438 г. правительство Генуи попыталось собрать пошлину в свою пользу и с местных жителей, торговавших с генуэзцами. Одишский владетель наложил вето на это решение Генуэзского правительства. После этого генуэзцы больше не пытались взымать такую пошлину.

Суммы, собранные в торговой фактории Савастополя в пользу Генуи за отдельные годы, о которых сохранились сведения, дают представление о торго-

[1] M.Balard. La Romanie… c.141.
[2] Codicce diplomateo delle colonie Tauro- Liguri durante la signoria dell`ufficio di s. Giorgio, ed A. Vigna, hfste I. ASLSP, VI, 1868, c.266.

вом обороте этой фактории. Например, в 1373 г. было собрано 12 тыс. сомов, или 2628 кг. сереба. В XV в. объем торгового оборота фактории Савастополя увеличился в два раза, а в некоторые годы - в три раза[1].

Причерноморские торговые факторий Генуи не пользовались правом собственной монетной эмиссии. Только с 40-х годов XV в. торговая колония Каффы получило право выпуска собственной монеты. Поэтому в XIII-XV веках в Причерноморье любая экономическая деятельность опиралась на оборот серебряных монет Золотой Орды и Трапезундской империи. В итальянских документах золотоордынская монета называлась «Аспра барикаты», а трапезундская - «аспра комнината». В обороте находились так же и серебряные бруски весом в 216 граммов, по итальянский – «сом»[2].

Трапезундскую «аспру» в Грузии называли «кирманейской монетой». Это название происходит от Трапезундского «аспра кирмануелата», что дословно означает «серебряная монета Кир Мануела». Кир Мануел был одним из трапезундских императоров, при котором впервые начался выпуск монет такого типа. В XIII-XV веках в западной Грузии производилась эмиссия подражаний этой монеты, которые грузины так же называли «Кир Мануеловым серебром». Одишский владетель с позволения царя Грузии также чеканил монету в Цхуми, называемую в Грузии «Цхумским серебром» (Цхумури тетри). Генуэзцы называли ее «Севастопольской аспрой». В Каффских документах за 1386 г. упоминается «Цхумури тетри» («Цхумское серебро») – «Севастопольская аспра», которая, как выясняется, была более высокой пробы, чем золотоордынская монета того же года. В 1927 г. в Сухуми был найден большой монетный клад, значительная часть которого вскоре была утеряна. Сохранилось только несколько монет кирмануеловского типа. На аверсе одной из них была развернутая грузинская надпись «Вамех». Безусловно, это был образец, применяемый для производства других таких монет. Так что, в XIII-XV веках в Цхуми имелся монетный двор. Упомянутый в надписи «Вамех», это Одишский владетель Вамех I Дадиани, а сама эта монета – единственный сохранившийся до наших дней экземпляр «Цхумури тетри». Оно чеканилось на Цхумском монетном дворе. Выпуск этой монеты имел ту же цель, что и эмиссий «Кирмануели»: грузинское правительство пыталось облегчить своим купцам торговлю в Причерноморье. Единственной разницей между этими двумя монетами было то, что эмиссию «кирмануели» производила царская власть, а эмиссию «Цхумури тетри», с санкции центральной власти – Одишский владетель[3].

---

[1] Т.Берадзе. Мореплавание…, с.100-101.

[2] M. Balard. La Romanie…, c. 658-668; Юргевич. О монетных Генуэзских находках в России. – Записки Одесского Общества Истории и Древностей, т. VIII. Одесса, 1878, с. 53-155.

[3] Д.Капанадзе. Грузинская нумизматика. Тб., 1969, с. 174 (на груз. яз.); D.M.Lang. Studies in the numismatic history of Georgia in Transcaucasia. New-York, 1955. C. 87; M.Balard. La Romanie…, c. 608; Т.Берадзе. Мореплавание…, с. 100-112.

В начале 60-х годов XV века в Цхуми и во всем Причерноморье отношения между владетелем Одиши и генуэзцами весьма осложнились, о чем Каффское правительство поставило в известность протекторов «Банка Св. Георгия» в Генуе. Банк всячески избегал конфликтов с Грузией, из-за чего в мае 1465 г. посланным в Каффу письмом протекторы потребовали примирения с Одишским владетелем. В письме сказано: «Изучив все, мы полагаем, что прежде всего следует воздержаться от всяческих сор, из-за которих могут запретить вам и Каффским купцам вести торговлю в подвластных вышеназванных областях, чтобы мир, которым пользуется город, не был нарушен, мы предписываем вам вести себя осторожно и ни в коем случае не вызывающе... Все следует разведать, но не прибегая к оружию, и не следует особенно потакать нашим генуэзцам, ибо могут произойти вещи, которые повредят... Полезно прибегать к письмам, увещаниям, уговорам и прочему. Прибегать же к оружию и силе Генуезцам мы не разрешаем и даже запрещаем, но это поручение следует держать в тайне».[1] В соответствии с этой инструкцией, администрация Каффы урегулировала конфликт с владетелем Мегрелии миром, что выясняется из другой инструкции протекторов «Банка Св. Георгия», посланной 4 декабря 1465 г. в Каффу: «Вы хорошо уладили дело с Бендиани, владетелем Мегрелии, но если для этого понадобится сделать расходы, то мы желаем покрыть эти рассходы складчиной или же распределением этой суммы на тех, кто отправится и будет торговать в его владениях»[2].

Однако недоразумения между генуэзцами и грузинами продолжались и в последующие годы. Каффское правительство возместило понесенные генуэзцами в Грузии убытки путем введения чрезвычайного налога на грузинских купцов в Каффе и послало посольство в Одиши. Об этом свидетельствует инструкция, посланная 18 июня 1472 г. в Каффу от имени протекторов банка: «Мы одобряем, что вы уладили вопрос о вреде, нанесенном нашими грузинам, путем налогов на грузинские товары, а не путем конфискаций, которые обычно вызывают тяжелые распри. То же относится и к посланнику, отправленному вами к сыну господина Бендиана. Постарайтесь уладить с ним и прочими это дело и не доводить его до распри, если только того не потребует настоятельнейшая потребность.»[3] «Бедиано» итальянских документов это, безусловно, Липарит I Дадиани (1414-1470 годы), а его сын – Шамадавле Дадиани (1470-1474 годы), правивший Мегрелией вместе с отцом.

Посылка послов в Мегрелию (Одиши) была вызвана притеснением генуэзцев в Сухуми. Очевидно, им увеличили пошлину и, возможно, планировали отобрать самоуправление. Посол Каффы исполнил свою миссию успешно, о чем стало известно в Генуе. Это хорошо видно из инструкции правителя Банка

[1] Codice diplomatic delle colonie Touri-Lagiri durante la signoria dell‘ ufficio di S.Giorgio, A.Vigna, parte II, ASLPS, VII, 1871, c.338-339.
[2] Там же, с. 53.
[3] Там же, с. 873-874.

Св. Георгия от 1 декабря 1472 г.: «…Мы также довольны тем, что вы надеетесь заключить мир с господином Бендиани, владетелем Мингрелии».[1] Пункты ожидаемого между Каффской коммуной и Мегрельским княжеством договора должны были касаться в основном Севастопольской фактории, еще существовавшей в то время. Известный на сегодня последний ее консул Христофоро де Каневале пребывал на должности в Сухуми еще в 1473 г.

В 1475 г. османы захватили Каффу и все колонии генуэзцев в Крыму. Очевидно, в том же году генуэзцы потеряли самоуправление и в Цхуми. Так что, генуэзская торговая фактория во входящем в Одишское княжество (а не в Абхазское эриставство) г. Цхуми – Севастополе//Савастополе просуществовала 121 год. Генуэзцы из Сухумской фактории имели сношения только с грузинами и с грузинской политической единицей – Одиши. Об этом молчит сепаратистская историография, без всякого на то основания утверждающая, что генуэзцы занимались торговлей в Абхазии.[2]

---

[1] Т. Берадзе. Мореплавание..., с. 110.
[2] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с. 165-173.

Глава VIII. Территория современной Абхазии в XVI в.

XVI век Грузия встретила разделенной на 3 царства и 1 княжество. После распада единого Грузинского царства западная Грузия, в том числе территория нынешней Абхазии была объединена в составе Имеретинского царства. Вначале XVIв. имеретинский царь владел собственно Имерети, Рача-Лечхуми и значительной частью Сванетии. На грузинском Причерноморье были расположены полунезависимые княжества Гурия и Самегрело, а также Абхазское эриставство. В начале XVIв. юго-восточная часть нынешней Абхазии до реки Анакопии, так же, как и в XIV-XV веках, входило в Одишское (Мегрельское) княжество. «Западнее от того Цхоми расположена Анакопия и ее маленькая река, - пишет Вахушти Багратиони, – которая вытекает с Кавказа и впадает в море так же с севера»[1]. Малая река Анакопия сегодня называется Псырцха. Она берет начало с горы Химса, отрога Главного Кавказского хребта. Параллельно правому берегу реки, почти до самого моря, идет небольшой горный хребет – «малая Анакопийская гора, нисходяшая с Кавказа»[2]. Как увидим ниже, согласно Вахушти, здесь пролегала пограничная линия между Одиши и Абхазией. Хребет вдоль правого берега р.Псырцха Одишско-Абхазской границей называет и турецкий разведчик Патакш в 20-30-х годах XVIв. «…Ниже Имерети лежит Гурия, граничащая с Трапезундом. За ней до Сухуми – страна Дадиани. Он (Сухуми) в древности был портом. Здесь к морю спускается отрог Эльбруса (Главного Кавказского хребта –авт.), - пишет он. - За ним находятся Абхазские области»[3].

В отличие от турецкого разведчика, немецкий дипломат С. Герберштейн имел иное представление о местоположении Абхазии. Он посетил Россию в начале XVIв., а сведения о Мегрелии и Абхазии получил от русских. С. Герберштейн писал, что «около Меотийских болот (Азовское море – авт.) и Понта (Черное море – авт.) по реке Кубани, впадающей в болото, живет народ абхазы (aphgasi)… За рекой Кубанью находится Менгрелия (Mengrelia)»[4].

В XVIв. Цхоми (Сухуми) входил в состав Одиши и считался значительнейшим городом восточного Причерноморья. В середине XVIв. из этого города в Крым морем шло большое количество выведенных в Грузии шелковых коконов и упакованного в специальные мешки риса[5].

Наиболее полное и точное описание позднесредневековой Абхазии имеется в сочинении Вахушти Багратиони и в составленных им атласах. В этом сочинении и на соответствующих картах Абхазия и другие политико-административные

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 781.
[2] Там же, с. 776.
[3]Турецкие источники по истории Самцхе-Саатабаго. Турецкие документы с грузинским переводом издал, исследованием и примечаниями снабдил Ц.Абуладзе. Тб., 1983, с. 57.
[4] С.Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988, с. 181.
[5] Т.Берадзе. Мореплавание…, с. 125.

единицы западной Грузии даны в границах, занимаемых ими на рубеже XV - XVI веков, в период распада единого грузинского царства[1].

Вахушти называет Абхазией один из участков Черноморского побережья, лежашего к северо-западу от Анакопии до реки Каппети. «Границы Абхазии следующие: с востока – маленькая гора западнее Анакопии, спускающаяся с Кавказа до моря; с западной стороны – море и река Каппети...; с севера граничат Кавказские горы, - писал он, - а с юга –Черное море»[2].

«Река Каппети//»Каппетская река» в позднесредневековых грузинских источниках упоминается, как «Каппоэтская река». Это - река Бзыбь[3]. К северо-востоку от нее начинается Джикети, которого, согласно Вахушти, ограничивают «с востока река Каппети; с запада - Черное море; с юга – то же море; с севера – Кавказ»[4]. Река Бзыбь, точнее – лежащий в ее устье мыс «Каво де Буксо» генуэзцем Дж.Интериано названо границей между Авогазией и Джикети. В описании северо-восточного Причерноморья (1551г.), он отмечает, что зихи, сами себя называющие адыгами, «распространяются... вдоль берега моря (Черного – авт.)… к югу до Самшитовой бухты (Cavo de buxo), по направлению к реке Фазу, и граничат с Авогазией, составляющей часть Колхиды»[5].

Вахушти Багратиони называет политическим центром Абхазии «Зупу», который находится на берегу одноименной реки: «есть Зупу, малый городок, дом и место пребывания Шарвашидзе, который правит Абхазией»[6]. «Река Зупу» теперь называется Хипста, а населенный пункт Зупу - нынешний Лыхны. К юго- востоку от этой реки Вахушти называет «Реку Агацо», а к северо-западу - реку Муци. Река Муци, как отмечалось выше, это р. Мчишта, а река Агацо – нынешняя Аапста или Баклановка[7].

В первой половине XVIв. Абхазия считалась эриставством Имеретинского царства, хотя, как и в XIV-XV веках, она больше подчиняется владетелю Одиши, чем царю. Шарвашидзе терпел такую зависимость без особого энтузиазма. В начале XVIв. «Шарвашидзе подчинялся не всем приказам Дадиани»[8]. Видимо, к этому времени господство Дадиани в Абхазии несколько ослабло. Несмотря на это, Дадиани имел право жертвовать Пицундской кафедре деревни этого эриставства. Об этом свидетельствует памятник церковного права XVIв. «Пицундский Иадгар», согласно которому Мамия III Дадиани (1512-1533 годы) пожертвовал Пицундской Богородице «села Аитарне, Аруха и Рабица в Абха-

[1] Т.Берадзе. Из политической географии Одиши, с. 171; его же: Вахушти Багратиони об Абхазии и Джикети. – Проблемы истории Абхазии. Тб., 1998, с. 103-104 (на груз. яз.).
[2] Житие Грузии, т. IV, с. 784.
[3] Т.Берадзе. Вахушти Багратиони об Абхазии и Джикети, с. 104-105.
[4] Житие Грузии, т. IV, с. 786.
[5] Фр. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1, с. 24-25.
[6] Житие Грузии, т. IV, с. 784.
[7] Т.Берадзе. Вахушти Багратиони об Абхазии и Джикети, с. 104-105.
[8] Житие Грузии, т. II, с. 349.

зии (вблизи Пицунды), а так же Аитарнскую гору с оливковыми деревьями»[1]. Это пожертвование последовательно подтвердили Леван I Дадиани (1533-1572 годы), Георгий III Дадиани (1572-1582 годы) и Мамия IV Дадиани (1582-1590 годы). То есть, Дадиани реально владели землями и крестьянами в Абхазии весь XVI век.

Утвердившиеся на правом берегу р. Бзыбь джики и союзные им горцы продолжали атаки на западную Грузию, пытаясь вторгнуться на равнину через Абхазию. В ответ, в январе 1533г. под командованием Мамия III Дадиани и Мамия I Гуриели был организован большой поход на Джикети. Грузинское войско направилось к Джикети на построенных в Одиши боевых ладьях. Время похода было выбрано не случайно: зимой навигация на Черном море обычно прекращалась и джики не ожидали нападения с моря. В первый день сражения, 30 января, грузины разбили джиков, но на второй день, 31 января грузинская флотилия, оставив высадившихся на берег своих соратников, возвратилась обратно. Ободренные этим джики энергично атаковали грузин. Несмотря на их храбрость, численность противника возымела свое. Мамия III Дадиани погиб в бою, Мамия I Гуриели с остатками своих воинов попал в плен. Пленных и тела павших за большую сумму выкупил ездивший в Джикети Абхазский католикос Малахия Абашидзе[2].

Поражение в Джикети не очень ослабило влияние Одиши. Абхазские эриставы со своим войском по прежнему служили Дадианам. В 1547г., когда Гурию с юго-запада атаковали османы, Леван I Дадиани в помощь Гурии, собрал всех абхазов и одишаров. «В то время, - писал Вахушти, - Дадиани собрал свое войско и абхазов, отправился в (поход), остановился в Рионский гавани». [3] К сожалению, из-за политических интриг, владетель Одиши не помог Гурии и Чанети остался в руках османов.

В 1548г. царь Имерети Баграт обманным путем пленил Левана I Дадиани и заточил в колокольню Гелатского монастыря. В 1550г. Дадиани, бежав из плена, вернулся в Одиши. После этого он объявил себя независимым владетельным князем и принял титул «Государя Дадиани». Этот титул в 1557г. подтвердил Левану I Дадиани турецкий султан (как известно, по Амасийскому договору между Ираном и Турцией от 29 мая 1555 года, западная Грузия досталась Турции, восточная – Ирану). В том же 1557 году Леван I Дадиани, прибыв в Стамбул, выпросил у султана несколько боевых кораблей и начал морскую войну с джиками. Война завершилась приблизительно через год мирным договором. В

[1] Памятники грузинского права, т. II. Тексты издал, комментариями и указателями снабдил И. Долидзе. Тб.,1965, с.179.
[2] Житие Грузии, т. II, с. 497; там же, т. IV, с. 811; Жизнь Грузии (Парижская хроника, текст подготовила к изданию, введением, примечаниями и указателями снабдила Г. Аласания. Тб.,1982, с.42 (на груз. яз.).
[3] Житие Грузии, т. IV, с. 814; там же, т. II, с.360, 502.

результате этого договора нападения джиков на грузинское побережье временно прекратились[1].

После смерти Левана I Дадиани в 1572г. княжеский престол занял его сын Георгий III Дадиани. Вскоре его сверг родной брат Мамия IV Дадиани. Георгий III обратился за помощью к абхазам, джикам и черкесам. Междоусобица в Одиши продлилась 6 лет, что весьма ослабило влияние князей Одиши в Абхазии. В 1578г. брат вернул Георгию III Дадиани трон и власть владетеля Одиши на Абхазию вновь окрепла[2].

В 1578г. Турция начала очередную войну с Ираном. Одновременно османы попытались захватить грузинское морское побережье, чтобы через западную Грузию заполучить прямой путь в Восточное Закавказье. В августе 1578г. в Сухумскую бухту вошла турецкая эскадра во главе с черкесом Хайдар пашой, назначенным беглярбегом Сухуми. Паша вошел в Сухуми без всякого сопротивления и приступил к управлению беглярбегством. Целью назначения беглярбега, как писал историк XVI века Ж. Буасардо, являлось «обуздание самостоятельности грузинских иверийцев»[3]. После покорения Сухуми османы приступили к возведению здесь крепости, для чего использовали развалины крепостных сооружений античной Диоскурии-Себастополиса на левом берегу р. Гумисты, поблизости от моря. В 1579г. османы заняли и Поти. Сухумское беглярбегство просуществовало всего несколько лет. Османы даже не составили его описание (дефтер). Хайдар паша оставил Сухуми в 1580г. Имя последующего беглярбега не сохранилось. Как выясняется, после 1581г. османы отозвали свою администрацию из Сухуми и покинули город. На этом прекратилось существование Османского беглярбегства[4].

Османы взяли Сухуми и сохранили за собой с помощью абхазских феодалов, в первую очередь, Шарвашидзе. Такая помощь предусматривалась с самого начала, почему и был назначен беглярбегом черкес Хайдар паша[5]. Поэтому после упразднения беглярбегства турки передали Сухуми Шарвашидзе, в результате чего пределы Абхазии расширились в юго-восточном направлении. После ухода османов из Сухуми Мамиа IV Дадиани восстанавливает политическое влияние на Абхазию. Это влияние сохранялось и при его наследнике Манучаре Дадиани (1590-1611 годы)[6].

В XIV-XV веках территория современной Абхазии в церковном отношении подчинялась Католикосу-Патриарху Всея Грузии. Она была разделена между четырьмя епископствами. Сёла между р. Ингури и «рекой Дади» (Эрисцкали) входили в Цаленджихскую епархию. Территория от р. Эрисцкали до р. Мокви

[1] Т.Берадзе. Мореплавание..., с. 208-210.
[2] Житие Грузии, т. IV, с. 817-818.
[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 231.
[4] Т.Берадзе. Мореплавание..., с. 21-22, 58-60.
[5] Б. Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии, с. 70.
[6] Там же, с. 71.

принадлежала Бедийской епархии, от р. Мокви до р. Кодори - Моквскому епископству, а от Кодори до г. Анакопии включительно –Драндскому епископству[1]. Собственно Абхазское эриставство непосредственно подчинялось католикосу Абхазии (западной Грузии).

После объединения грузинской церкви (конец Хв.), находящийся в Пицунде престол католикоса Абхазии (западной Грузии) не был упразднен, он подчинялся Католикос-патриарху Всея Грузии. Вместе с ростом тенденций распада Грузии постепенно росла и роль западногрузинского Католикоса. Данную ситуацию использовали в целях укрепления своих политических позиций царь Имеретии Баграт II (1455-1478 годы) и владетель Одиши Шамадавле Дадиани (1470-1474 годы)[2]. Они воспользовались пребыванием в западной Грузии Патриарха Иерусалимского и Антиохийского Микаэла, прибывшего для сбора пожертвований и уговорили его благословить на престол Патриарха Абхазии «Епископа Цаиш-Бедийского Иоакима». Произошло это в период между 1470-1474 годами. От имени Патриарха Иерусалимского и Антиохийского срочно составили «Судебное Наставление», в котором «обосновывался» выход западногрузинской церкви из юрисдикции Католикоса-Патриарха Всея Грузии и оправдывалось назначение Иоакима независимым католикосом Абхазии, то есть западной Грузии. В этих целях составители документа постарались представить религиозную ситуацию в западной Грузии в весьма мрачных тонах: «Абхазия (западная Грузия – авт.) полностью отступила от христианства, отлучена от заповедей Христовых»[3].

Первому независимому от Мцхеты патриарху Абхазии Иоакиму было дано право назначения епископов «В Лихт-Амери, по этой стороне Чорохи, по этой стороне Овсети, по этой стороне Понтийского моря, где простираются границы Великой Пицунды». Абхазский католикосат кроме собственно Имерети, Одиши, Гурии и Абхазии, считал своей епархией и другие земли исторической Грузии. «Епархия католикоса есть паства между Лихи и Кафой, между границей России и Чанети». Эти границы Абхазского Католикосата зафиксированы в «Пицундском Иадгаре»[4] (Памятном даре), составленном в 1525-1550-х годах и представляющем значительный памятник грузинского церковного права. Фиксация северо-западной границы католикосата у Кафы и южных рубежей тогдашней России отражает реальность тех давних времен, когда границы исторической Грузии простирались до р. Малой Хазарии (Кубани), а так же периода, когда Причерноморские джики и кашки признавали верховенство грузинского царя.

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 778-781.
[2] Памятники грузинского права, т. III, с. 222.
[3] Там же, т. III, с. 222.
[4] Там же, т. II, с. 180.

«Пицундский Иадгар» включает перечень пожертвований, сделанных царями и князьями западной Грузии; правовых норм, оберегающих имущество Пицунды и католикоса; права церковных крестьян; более поздние приписки светских и духовных лиц. Документ подписан восьмью католикосами Абхазии от Малахия I Абашидзе (20-50-е годы XVI в.), при котором составлялся «Пицундский Иадгар», до Давида Немсадзе (1673-1696 годы), в период деятельности которого завершился процесс захвата горцами северо-западной части грузинских земель. Без учета «Пицундского Иадгара» невозможно объективное освещение этнополитической истории Абхазии XVI-XVII веков, как «умудряются» этого делать сепаратистские авторы.

Кафедральным собором Абхазского католикоса до середины XVIв. являлся Пицундский храм Успения Богородицы. В 1545-1569 годах, когда престол Абхазского католикоса занимал Евдемон Чхетисдзе, его главная резиденция (но не кафедра) переместилась в церковь Святого Георгия Гелатского монастырского комплекса[1]. Перенос резиденции был обусловлен массовым заселением Абхазии язычниками-горцами, чему сопутствовало запустение монастырей и церквей, полная эвакуация священнослужителей и упадок христианства[2]. Вынужденный переезд католикосов Абхазии из Пицунды в Гелати и падение христианства в собственно Абхазии были вызваны резким изменением этнического состава местного населения, а не турецкой экспансией, как утверждает сепаратистская историография.

В XVI веке, как и в прежние времена, церкви и монастыри на современной территории Абхазии являлись важнейшими центрами грузинского просвещения и культуры, где трудились представители всех уголков страны. Примечательно то обстоятельство, что Пицунда и впоследствии оставалась религиозным центром западной Грузии, где происходило мироосвящение. Абхазские католикосы не прекращали заботиться о Пицундском храме и о входящих в состав Одиши Драндском, Моквинском и Бедийском епископствах. Переход бежавшего из Пицунды католикоса в Гелати способствовал сближению его резиденции с Имеретинской царской резиденцией, церковной и светской власти. Особо примечательна деятельность Абхазского католикоса Еквтиме I Сакварелидзе (1578-1614 годы). Он занимал и кафедру Моквинского архиепископа. По его приказу, переписчик Н. Цинцадзе переписал в Моквском храме метафрас; дьякон Зебеде и писец Георгий переписали гулан; великолепное книгохранилище имелось и в Бедийском храме, где рукописи создавались Бедийскими архиереями Антоном Жванисдзе и Германом Чхетисдзе. Здесь трудились каллиграфы и литераторы Габриэл Ломсадзе, Саба Напотадзе и др[3]. Вся церковная литература и документация создавалась только на грузинском языке. И в XVI

[1] Б.Ломинадзе. Из истории феодальных взаимоотношений в Грузии, I. Тб., 1966, с. 117-186 (на груз. яз.).
[2] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 173-183.
[3] Там же, с. 185-186.

веке лица с абхазско-апсуйской фамилией в церковных документах или в других источниках не встречаются.

О том, что нынешняя территория Абхазии представляла собой важный очаг грузинской культуры, свидетельствует Бедийский гулан XVII-XVIII веков. В одной из приписок к нему (завещаний) сказано: «Господь благослови Митрополита Бедийского, архиепископа Чхетисдзе Германа…, по приказу которого шел я по горам Шавшетским, Диобской равниной, предгорьем Карчхальским и волею и помощию Божией прибыл в Бедийский храм в Одиши и церковь Влахернской Богородицы и с помощью и под покровительством его начал писать о святых и духовных просветителях с первого января по сей день, полностью и без изъяна как и следовало, искал во многих книгах и завершил как следует, подлинник чего сумел найти, ничего не убавил с Божией помощью. Господи, помилуй написавшего это грешника, дьякона Габриела Ломсанисдзе…, его товарища, писца Симона Георгиева сына… помилуй Господи»[1]. К сожалению, сепаратистская историография не пользуется многочисленными подобными историческими источниками и продолжает грубую фальсификацию истории Абхазии.

[1] Описание грузинских рукописей, коллекции (А) бывшего церковного музея, т. I. Тб., 1969, с. 319.

Глава IX. Абхазии в XVII веке

Взаимоотношения Одиши и Абхазети. В начале XVII в. границей Абхазского эриставства по-прежнему являлась на северо-западе р. Бзыбь, за которой начиналась Джикети; на востоке, по сведению итальянского миссионера Джовани Джулиано да Лукка, она проходила по реке Абси, протекающей в г. Скисорнум, где Абхазия граничила с Одиши.[1] «Скисорнум», это искаженная форма турецкого «Эски Сухум» («Старый Сухум»). Следовательно, по сведениям Джовани да Лукка, границей между Абхазией и Одиши следует считать р. Беслети, протекающую в черте г.Сухуми (Цхуми). Таким образом, старая турецкая крепость оказалась в пределах Абхазии, а г.Цхуми, находившийся тогда на левом берегу р. Беслети - в Одиши.[2] В начале XVII в. Абхазия, как и в XVI веке, непосредственно входила в Одишское княжество.

После смерти Манучара Дадиани (1611г.) правителем Одиши стал его сын Леван II Дадиани (1611-1657 годы). В связи с малолетством Левана, княжеством управлял его дядя, брат Манучара, Георгий, владетель одного из уделов Одиши - Салипартиано. По словам А. Ламберти, Липартиани Георгий был весьма справедливым и опытным в государственных делах, он управлял весьма прилежно и так вел дела, что в период его правления в княжестве не было никаких волнений. Леван II Дадиани же приступил к управлению княжеством приблизительно в 1615г.[3]

Во время Персидско-Османской войны 1603-1612 годов Одишский и Гурийский владетели прекратили платить дань Турции и встали на путь неповиновения. После заключения мира с Персией в 1612г. Турция для подчинения Одиши и Гурии устроила блокаду Черноморского побережья Грузии. Прекратился ввоз таких необходимых товаров, как соль и железо. Стесненные экономической блокадой владетели Одиши и Гурии вынуждены были в 1614г. отправить послов в Стамбул для переговоров. Но переговоры затянулись, так как Порта, судя по всему, предъявила тяжелые условия, неприемлемые для правителей Одиши и Гурии.[4] Однако, в декабре 1614г. в Батуми Мамия Гуриели (1600-1625 годы) подписал с Портой мирное соглашение и обязался платить дань. Несколько позже, в феврале 1615г. Леван II Дадиани в своем дворце в селе Меркула (ныне Очамчирский район Абхазии) тоже подписал с Портой мирное соглашение.[5] В то время и Имеретинское царство платило дань Турции, а абхазы - «хараджу» (подушный налог).[6]

---

[1] И.Табагуа. Грузия в европейских архивах и книгохранилищах, III. Тб.,1987, с. 157 (на груз. яз.).

[2] Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии XV-XVIII веков, с. 94-95.

[3] А.Ламберти. Описание Колхиды.., с.17-18; И.Антелава. Леван II Дадиани. Тб.,1990, с.40-47 (на груз. яз.).

[4] Ил.Антелава. Леван II Дадиани, с. 49.

[5] И.Табагуа. Грузия в европейских архивах и книгохранилищах, II, с. 46.

[6] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 273; Г. Джамбурия. Западная Грузия в первой трети XVII в. – Очерки истории Грузии, т. 4. Тб., 1973, с, 300.

Часть историков считают, что в 10-х годах XVII в. абхазы, воспользовавшись сложным положением Одиши, освободились от вассальной зависимости и основали независимое Абхазское княжество с центром в Зупу (Лыхны).[1] Однако, Абхазия не являлась прочной и централизованной политической единицей. Она делилась на ряд уделов со своими владельцами, из которых, правда, один был старшим. По сведению Дж. Лукка, «эта страна подчиняется двум князьям». Одного звали Карабей, а второго - Путо. Этот последний имел резиденцию в Скисорнуме, а первый правил в соседней области - Бзыбской Абхазии.[2] Итальянский миссионер Кастелли упоминает трёх братьев, абхазских князей - старшего Беслако (Баслакус), Соломона и Сетемана. Среди них старшим по возрасту и достоинству являлся Беслако.[3]

Владетелю Абхазии (по абх. ах) принадлежала высшая военная и административная власть. Все население считало себя его вассалом, хотя из-за феодальной раздробленности власть владетеля была слабой. Владельцы отдельных уделов находились в номинальной зависимости по отношению к владетелю и распространение власти на мелкие абхазские владения зависело только от его силы. Фактически он был старшим среди равных.[4] На одинаковых правах с владетельным князем находились его братья, которые по достижению совершеннолетия получали уделы и так же назывались князьями. Титул владетельного князя переходил от брата к брату, к старшему в семье.

Власть владетеля была ограничена сельскими общинами и собраниями их представителей. Особо важные дела он выносил на рассмотрение всенародного собрания, где решение принималось голосованием, хотя голоса владетеля и его братьев имели большой вес.[5] В позднесредневековой Абхазии уравнивание в правах владетеля с его братьями и слабость власти владетеля объясняются устойчивостью патриархально-родовых пережитков. Они проявлялись и в том, что основой общественного строя Абхазии являлись сельские общины (по абх. акыта). Они представляли собой нечто среднее между общиной и феодальной единицей. Вся Абхазия делилась на акыта - административные единицы, во главе которых стояли княжеские дома.[6]

После вступления Левана II Дадиани в самостоятельное управление княжеством его первыми мероприятиями были укрепление связей с соседями. Тогда же он женился на дочери одного из удельных князей Абхазии Сетемана Шар-

[1] И.Г.Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков, 2-е изд. Сухуми 1951, с.28; З. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 261-262; Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т. III.Тб.,1966, с.288.

[2] И. Табагуа. Грузия в европейских архивах и книгохранилищах, III, с.156-157; З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.239.

[3] Хр.Кастелли. Сведения и альбом о Грузии, с.194, картина №549.

[4] И. Г. Антелава. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII - XVIII веках. - Труды Абхазского государственного музея, вып. I, Сухуми, 1947, с.61; Г.А.Дзидзария. Народное хозяйство…, с.212.

[5]И.Г. Антелава. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии…, с.108.

[6] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. – Сборник Сведений о Кавказских Горцах, вып. III. Тифлис, 1870, с.3-5; К. Кудрявцев. Сборник материалов…, с.16; Г.А.Дзидзария. Народное хозяйство…, с.117.

вашидзе, Дареджан. По характеристике А.Ламберти, она, «помимо природной красоты, обладала всеми добродетелями, которые подобают женщине ее фамилии: в вышивании, чтении, письме, в великодушии и учтивости она не имела себе подобных, так что своим благородством она привлекла к себе сердца всех своих подданных».[1] Как известно, браки владетелей предопределялись политическими факторами. В этом смысле Леван II не был исключением. Породнившись с Шарвашидзе, Дадиани укрепил политические связи с Абхазией; иначе он не смог бы получить необходимую помощь от «абхазо-джикской» дружины, чем часто пользовались владетели Одиши во второй половине XVIв.[2] К тому же, Леван II Дадиани вынашивал план подчинения Абхазии, но выжидал удобное для этого время.[3] Леван Дадиани установил династическую связь и с княжеским домом Гурии. Сын Гурийского владетеля, наследник престола Симон в 1621г. женился на сестре Дадиани. Политический союз Гуриели и Дадиани был направлен против Имеретинского царя. С этого периода зародилась идея Дадиани о политической гегемонии в западной Грузии.[4] Леван II явно берет антиимеретинский курс. Царь Имеретии Георгий III (1604-1639 годы) решил опередить его и начал собирать войско. Леван II Дадиани, молниеносно собрав «Одишско-Абхазско-Джикское войско», в 1622г. неожиданно вторгся в Имеретию и вблизи Кутаиси разбил царя.[5] С этого периода положение Левана II Дадиани настолько укрепилось, что до конца своей жизни он безраздельно доминировал в западной Грузии.

В том же 1622г. Леван II Дадиани развелся с дочерью Шарвашидзе, которую обвинил в супружеской неверности и жестоко наказал: он приказал отрезать ей нос.[6] Согласно Кастелли, Шарвашидзе испытывал к Дадиани «большое уважение и страх», однако определенным силам удалось «нарушить добрые отношения» между ними и «разжечь ненависть».[7] Шарвашидзе никак не мог примириться с нанесенным ему оскорблением. Зная об этом, Леван II решил опередить его, собрал войско и вторгся в Абхазию. Поход был столь молниеносным, что абхазы не сумели организовать отпор и спаслись лишь бегством в горы. Дадиани опустошил страну, оставил там свою бывшую жену и вернулся обратно.[8]

Во второй половине 20-х годов XVIIв. против Левана II Дадиани был организован заговор с целью его убийства и возведения на престол брата Иосифа. По сведениям Ламберти и Кастелли, в заговоре участвовали царь Имеретии

---

[1] Ламберти. Описание Колхиды..., с. 18.

[2] Ил.Антелава. Из политической истории Одишского княжества, с.110.

[3] И.Г.Антелава. Очерки по истории Абхазии..., с. 28; Ил.Антелава. Из политической истории Одишского княжества,с.110-111.

[4] Ил.Антелава. Из политической истории Одишского княжества,с.112.

[5] Житие Грузии, т. IV, с. 826.

[6] А.Ламберти. Описание Колхиды..., с.16.

[7] Хр. Кастелли. Сведениа и альбом о Грузии, с. 43.

[8] А.Ламберти. Описание Колхиды..., с. 19.

Георгий III, Симон Гуриели, которые со страхом смотрели на усиление Одишского княжества, Шарвашидзе, имевший с бывшим зятем особые счеты, и визирь, арестованный по обвинению в плотской связи с женой Дадиани (благодаря своему авторитету и общественному положению, он избежал смертной казни и был временно передан Гуриели)[1]. По соглашению заговорщиков, предполагалась организация трех отдельных вооруженных групп, которые впоследствии, объединившись, должны были «окружить царство Дадиани»[2]. Покушение на Левана II совершил один абхаз, но правитель Одиши остался живым. Заговор потерпел крах и владетель жестоко наказал заговорщиков - бывшего визиря, собственного брата и прочих изменников, а потом вторгся в Гурию, разбил Симона Гуриели (мужа сестры) и на его место назначил Абхазского (Западногрузинского) католикоса Малахию II (Гуриели). Таким образом, Гурийское княжество оказалось под длительным контролем Одиши. Католикос Малахия являлся формальным владетелем Гурии, политический курс которой определялся в Одиши[3].

После этого настал черед и Шарвашидзе. По сообщению Ламберти, «абхазцы, благодаря своей дикости, не миролюбивы и, кроме того, считали себя обиженными дадианом тем, что он позорным образом прогнал свою жену, дочь их князя. За это абхазцы были так сильно разярены и недовольны дадианом, что в то время, когда дадиан был занят делом усмирения в собственном государстве, они все нападали на границы Мингрелии, которые всецело разорили, а жителей сделали своими рабами и переселили в Абхазию».[4] Шарвашидзе как будто мстил за оскорбление, нанесенное ему Леваном II Дадиани, но на самом же деле это был всего лишь повод. Нападения абхазов на Одиши имели более серьезные причины, чем личное оскорбление и обида. В тот период происходила экспансия джикско-абазских племен в восточном Причерноморье, в частности, в Абхазию. К тому же, абхазы боролись за овладение северо-западной частью Одиши[5]. Леван II решил вновь покорить абхазов. «Дадиани Леван собрал войско и пошел на абхазов с целью их покорения»,[6] - писал Вахушти Багратиони. По сообщению Ламберти, «Дадиан, как только избавился от внутренних бунтовщиков, тотчас же выступил в поход против абхазцев, которых он так притеснил, что они изъявили покорность и обязались платить дань. Но так как народ этот такой дикий и не имеет ни денег, ни товаров, чтобы ими платить дань, то Дадиани наложил на них дань известным числом охотничьих собак и соколов, которые водились в этой стране»[7].

[1] Там же, с. 19-21.
[2] Христофор Кастелли. Сведения и альбом о Грузии, с. 44.
[3] А. Ламберти. Описание Колхиды..., с. 21-22; И.Антелава. Леван II Дадиани, с. 69.
[4] А.Ламберти. Описание Колхиды..., с. 24.
[5] Ил.Антелава. Из политической истории Одишского княжества, с.128.
[6] Житие Грузии, т. IV, с. 828.
[7] А.Ламберти. Описание Колхиды..., с. 24.

На основании этого сообщения З. Анчабадзе высказал мнение, что такой вид дани был вызван не бедностью Шарвашидзе, а номинальным характером зависимости, которую сумел навязать ему Дадиани[1]. Однако театинский миссионер убедительно разъясняет причину обложения абхазов именно такой необычной данью.

Сообщение Ламберти дополняет реляция Джудиче, согласно которой, абхазы обязаны были оказывать помощь владетелю Одиши в случае войны[2]. Таким образом, кроме дани, Шарвашидзе был обязан нести и военную повинность в пользу Дадиани. Распространение власти Одишского владетеля на Абхазию подтверждает и Кастелли: «Абхазы живут в суровых и неприступных горах. Из-за этого Дадиани не смог огнем и мечом пройти по горному краю и поэтому на протяжении многих лет его мелкие отряды нападали на абхазов и причиняли им вред. Поскольку этот горный народ не вынес многих неудобств, решил подчиниться тяжкому гнету»[3].

Факт нахождения Абхазии в составе Одиши (Мегрелии) подтверждается в сообщении посла грузинского царя Теймураза I в России митрополита Никифора о границах Мегрелии, представленном им Российскому внешнеполитическому ведомству (Посольскому приказу) в декабре 1636г. По информации митрополита, Мегрелия с одной стороны граничит с Черным морем, с другой - Турцией, с третьей - территорией кизылбашей, с четвертой же - горскими черкесами[4]. Среди соседей Дадианской страны Никифор не называет Абхазию и абхазов, подразумевая их в составе Мегрелии.

Леван II в своих письмах к царю России (1636 и 1640 годы) подчеркивал, что его княжество- Мегрелия, в состав которой входила современная территория Абхазии, являлась одной из стран Иверии, то есть Грузии. И Российский царь Михаил Федорович в своей грамоте Левану II Дадиани от 30 мая 1639г. называет ту же территорию Мегрелии Иверской (Грузинской) страной.[5] Прибывшие 13 ноября 1639г. в Мегрелию русские послы объехали все княжество, посетив церкви и монастыри. Путешествуя по Мегрелии, в феврале 1640г. они посетили села, ныне входявшие в состав Абхазии: Путцкур (Гальский район), Гамбли (Беслахуба – Очамчирский район), Меркулу (Очамчирский район), Дранду (Гульрипшский район), Пшехап (Гульрипшский район), Квитоули (Очамчирский район), Мокви (Очамчирский район), Илори (Очамчирский район) и Бедия (Очамчирский район). Русские послы в этих населенных пунктах встречались только с грузинскими священниками, слушали богослужение

[1] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 265.
[2] Джудиче Джузеппе. Письма о Грузии. Перевод с итальянского, предисловия и примечания Б. Георгадзе. Тб., 1964, с. 86 (на груз. яз.).
[3] Хр.Кастелли. Сведеня и альбом о Грузии, с. 51.
[4] С.Белокуров. Материалы…, с. 267.
[5] Материалы по церковной и этнополитической истории Абхазии. Посольство Федота Елчина и Павла Захарьева в Мегрелию, с. 163-167.

только на грузинском языке. Они знали и о том, что католикос Мегрелии и всей западной Грузии сидит в Пицунде. Таким образом, с современной территорией Абхазии русские впервые официально познакомились, как с частью Грузинской (Иверской) страны – Мегрелией. В грамоте Левана II Дадиани на имя русского царя, составленной 15 мая 1640г. сказано: «Истинному Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу поклоняемся и славим прибываюшие во стране Иверской в месте Мегрельском Леонтей Дадианской»[1].

О вхождении Абхазии в состав Одишского княжества в годы правления Левана II Дадиани свидетельствует еще один иностранный источник. По сообщению доминиканского миссионера Эмидио Дортелли д`Асколи от 1634г., «Аббаза, приморский город Чиркасии, стоит на самой границе Мегрелии»[2]. Город Абаза (он же Абхаз, Авогазия) находился у устья р. Мзымта, на месте современного Адлера (ныне Россия).

О подчинении Абхазии Леваном Дадиани, сообщают и грузинские источники. Как сказано в продолжении «Житии Грузии» (Эгнаташвили), «Дадиани был весьма богатым; ему подчинялись все абхазы; и Шарвашидзе подчинялись ему, выступали вместе с Дадиани в походах».[3] По словам грузинского поэта XVIIв. Пешанги (Хитаришвили), Леван II «занимает Абхазию для сбора дани, летом обычно приезжает в Зупу и остается там подолгу».[4] В связи с этим большой интерес вызывает личность Давида Чиджавадзе, запечатленного в альбоме Кастелли. Он упомянут, как владелец Анакопийской крепости и порта.[5] Ясно, что Давид Чиджавадзе был назначен на свою должность Леваном II и управлял он этой частью Абхазии от его имени.[6] В 1643г. сам Леван II в письме римскому папе Урбану VIII подтверждал, что волею Божией он покорил Абхазию, Имерети и Гурию[7].

Таким образом, из исторических источников ясно видно, что Дадиани являлся сюзереном Шарвашидзе, имевшего определенные обязанности по отношению к Одиши, уплачивая дань и неся военную повинность. Поэтому до конца 50-х годов XVIIв. – в период правления Левана II нельзя говорить о формировании Абхазского княжества; Шарвашидзе не являлся политической фигурой такого ранга, какими были Дадиани или Гуриели. Кроме того, Абхазия еще не представляла собой единую политическую единицу и была разделена

---

[1] Там же, с. 272, 296-301. См. также: Материалы по церковной и этнополитической истории Абхазии. Посольство Федота Елчина и Павла Захарьева в Мегрелию (1639-1640годы). Тб., 2005, с. 171.

[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 240.

[3] Житие Грузии, т.2, с. 421.

[4] Пешанги. Шахнавазиани. Под ред. Г.Леонидзе и С.Иорданишвили, т.I. Тб., 1970, с.157 (на груз. яз.).

[5] Хр.Кастелли. Сведения и альбом о Грузии, с. 82.

[6] К.Окуджава. Абхазия в XVII в. Тб., 2002, с.36.

[7] М.Тамарашвили. Грузинская церковь от основания и до наших дней. Издание, редакция и предисловие З.Алексидзе и Дж.Одишели. Тб., 1995, с.611 (на груз. яз.).

на уделы, что хорошо видно из сведений авторов XVIIв. – Джованни да Лукка, Эвлия Челеби, Павла Алепского, Хр. Кастелли и др.[1]

И после покорения абхазы все же продолжали набеги на Одиши, разоряя страну и уводя людей в плен. В ответ на их действия, Дадиани так же несколько раз вторгся в Абхазию и нанес поражение Шарвашидзе. В ознаменование победы над абхазами, по приказу Левана II, была нанесена соответствующая надпись на иконе Святого Георгия из Илорской церкви: «Выступили мы против Шарвашидзе на Зупу, разорили все по сию сторону от реки Муцу. Еще раз пришли к Зупу, сожгли все по сию сторону реки Капоэти и разорили и где было укрепление, взяли его и на реке Капоэти напали на нас Зупуар и Сихуар Маршания и победили мы и перебили их, а некоторые попали к нам в руки и вернулись мы с победой».[2]

Упомянутая в надписи р. Капоэти, нынешняя Бзыбь, р. Муцу - р.Мчыш; Зупу - мегрельское название Лыхны. После того, как Зупу стал резиденцией Шарвашидзе, это название по традиции означало всю Абхазию. Что касается «Зупуар и Сихуар Маршания», по мнению З.Анчабадзе, это личные имена.[3] Однако, по всей видимости, здесь не подразумеваются личные имена. В этих словах ярко выделяются суфикс «ар», указывающий на место происхождения, проживания (ср.: опизари, мтбевари, одишари). Леван Дадиани победил абхазское и джикское войско, которого возглавляли зупуйские (абхазские) и сихские (джикские) Маршания (по происхождению, феодальный род Маршания, как уже было отмечено, принадлежит к роду Марушиани из Сванети, но затем обобхазились). Леван II хорошо осознавал опасность, грозившую Одиши со стороны абхазов, поэтому с такой настойчивостью и жестокостью боролся против них.

Усилению княжества Одиши способствовала и международная обстановка. В первой половине XVIIв. Турция была занята войной с Ираном, с небольшими интервалами продолжавшейся до 1639г. Иран всячески старался создать антиосманскую коалицию с участием западноевропейских стран, Польши, казаков и Одиши. С 20-х годов XVIIв. участились нападения казаков на приморские османские пункты; у Турции осложнились отношения с Польшей и Западной Европой. Дадиани считался турецким вассалом, но держался независимо и, порой даже участвовал в антиосманских акциях. Саму Османскую империю охватили неурядицы. Восставшие в 1622-1623 годах янычары свергли двух султанов. В 1622г. началось большое восстание Абаза паши, взявшего под контроль территорию от Арзрума до Босфора. Тем самым он создал фактический барьер между Грузией и Стамбулом. В 1631-1632 годах вновь взбунтова-

[1] Хр.Кастелли. Сведения и альбом о Грузии, с. 192, 194.
[2] К.Григолия. Надпись на Илорской иконе…, с. 157.
[3] З. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.266.

лись янычары.[1] Ясно, что в таких условиях султан не мог проводить активную политику против непокорного Дадиани. В мае 1637 года, после отказа Левана II Дадиани подчиниться султанскому приказу о совместной борьбе с казаками, османы высадили морской десант в устье реки Кодори и разорили Драндский монастырь и его окрестности.[2] Других мер против Одиши султан не предпринимал, но всячески помогал противникам Дадиани. Для достижения своих целей, Порта хорошо использовала абхазских феодалов, и тем более находившихся под ее влиянием горцев северо-западного Кавказа.

Миссионеры и Абхазия. 4 мая 1626г. Святая Конгрегация де Пропаганда Фиде - отделение Ватикана, координировавшее миссионерскую деятельность, специальным декретом постановила основать в Грузии миссион театинского ордена. 16 июня того же года был утвержден состав отправляющейся в Грузию миссии. Префекту миссиона Дон Пиетро Авитабиле 4 июля 1626г. в Риме вручили составленные на латинском языке рекомендательные письма папы Урбана VIII к следующим лицам: Католикосу Грузии и митрополиту, царям Кахетии и Имеретии, владетелям Одиши и Гурии.[3] Среди адресатов папского письма нет правителя Абхазии, что косвенно подтверждает отсутствие в первой половине 20-х годов XVII в. к западу от Одиши какой-либо независимой политической единицы. В XVII веке в Одиши миссионерскую деятельность вели представители театинского ордена: Арканджело Ламберти, Христофоро Кастелли, Джузепе Джудиче, Жозе Мари Дзампи, Гаетано Турко, Гаетано Распони и другие, оставившие интересные сведения не только об Одиши (Мегрелия), но и об Абхазии.

«Отчуждение» абхазов от грузинского мира. В позднесредневековой Абхазии ярко просматривается «отчуждение» абхазов от грузинского этнического мира. Больше всего оно проявилось в радикальных социально-политических изменениях и, в первую очередь, культурно-экономическом упадке. Для Абхазии предшествующего периода характерен был высокий уровень феодальных отношений и развитая культура, но в позднем средневековье обстановка радикально меняется. Об этом ясно указывают грузинские и иностранные источники, отражающие религиозное состояние абхазов, их социальную жизнь **(см. здесь же, гл....).** Важным свидетельством культурной деградации Абхазии является факт упадка христианства, распространение и возрождение язычества. По наблюдению Дж. Лукка, Абхазия - христианская страна, абхазы «по вере христиане, но без исполнения каких нибудь христианских обрядов», хотя, по его замечанию, «в этой стране можно встретить много водруженных крестов».[4] А. Ламберти так же отмечал, что «абхазцы, аланы, черкесы, джики, карачаев-

[1] И. Антелава. Леван II Дадиани, с. 88.
[2] С.Белокуров. Материалы для русской истории, с. 324, 351-352.
[3] И.Табагуа. Грузия в Европейских архивах и книгохранилищах, т. II. Тб., 1986, с. 211 (на груз.яз.).
[4] И.Табагуа. Грузия в европейских архивах и книгохранилищах, т. III, с.170.

цы - все они хотя величают себя именем христиан, но ни по вере, ни по набожности ничего христианского у них совершенно не заметно».[1] На Северном Кавказе в это время распространяется ислам, но этого нельзя сказать об Абхазии, где население исповедовало язычество.[2] Позже Вахушти Багратиони писал, что абхазы «по вероисповеданию являются христианами; хотя ничего в вере не разумеют и причисляются к идолопоклонникам, ибо своих покойников не хоронят, а кладут в гроб вместе с украшениями, утварью и доспехами, одеждой и устанавливают на дерево».[3]

Ярким показателем упадка общего состояния края является тот факт, что на протяжении всего позднего средневековья здесь не был построен ни один более или менее важный архитектурный памятник. Излишне говорить о состоянии книжного дела, так развитого в предшествующий период в этом крае. По сведениям Дж. Лукка, абхазы «не имеют каких либо писанных законов и не знают письменности».[4]

Для определения общего уровня социально-экономических отношений важное место имеют указания источников о том, что абхазы по образу жизни, быту и религии более походят на черкесов, чем на мегрелов; что их главным занятием является не земледелие, а скотоводство, что они живут не в городах и крепостях, а родовыми поселениями[5]. Все это убедительно доказывает, что в Абхазии феодальная культура заменена горским бытом, возрождено язычество, интенсивное феодальное хозяйство заменено экстенсивным горским хозяйством. В общественной жизни господствует патриархально-родовой строй, социальная структура более соответствовала отсталым горским обществам, нежели развитым феодальным отношениям, господствовавшим в соседней Одиши; религиозное состояние так же соответствовало этому обществу[6].

Таким образом, налицо упадок социально-политического уклада и культурного уровня. Причиной этого явления З.Анчабадзе называл политическую раздробленность, феодальные междоусобицы, господство натурального хозяйства и т.д.[7] Эти факторы действительно оказывали негативное влияние на развитие края, но они не могли коренным образом изменить веру и весь уклад жизни, уподобить их вере и быту кавказских горцев. Такую метаморфозу нельзя объяснить только тяжелой обстановкой в Грузии после XIII–XIV веков (распад феодальной монархии, нашествия внешних врагов, междоусобные войны и

---

[1] А.Ламберти. Описание Колхиды..., с.187.
[2] Б. Ломинадзе. Из истории грузинских феодальных отношений (сеньерии), I. Тб., 1966, с.211.
[3] Житие Грузии, т. IV, с. 786.
[4] И.Табагуа. Грузия в европейских архивах и книгохранилищах, т. III, с.170.
[5] Там же, с.169-170; Житие Грузии, т. IV, с. 787; А.Ламберти. Описание Колхиды..., с. 188-189; З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 291-292; Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 614.
[6] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 292, 300; Б.Ломинадзе. Из истории грузинских феодальных отношений, т. I. Тб.,1966, с.228 и далее; Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с.593, 615-616; К. Григолия. Некоторые соображения по поводу книги П. Ингороква «Гиорги Мерчуле». – Мнатобы, 1990, №3, с.130-131; Д. Мусхелишвили. Во имя исторической правды. - Кумунисти, 1989, 5 апреля.
[7] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.300.

т.д.), так как все грузинские политические единицы находились в одинаковом положении. Возникшие трудности могли вызвать умаление - искажение христианства, упадок хозяйства, истребление части населения, возрождение примитивных форм феодальных отношений, но они не могли быть всеобщими, охватывавшими широкие массы. Те же трудности переживал соседний Одиши, но подобный регресс социального уклада, какой имеется в Абхазии, здесь не замечается.[1]

Упадок социально-политического и культурного уровня в позднесредневековой Абхазии объясняется лишь засильем горцев. Ослаблением и распадом грузинского феодального государства воспользовались горцы Северного Кавказа. Они нападали на Грузию и селились в опустевших равнинных регионах. Этот процесс, известный как засилье горцев, происходил, например, в восточной Грузии, где поселились дагестанские горцы и алано-осетины. Так образовались в Кахетии Чаро-Белоканские и Тальские лезгинские вольные общины, а в нагорье и предгорье Внутренней Картли - осетинское компактное население. Аналогичный процесс происходил и в северо-западной Грузии, где утвердились абазино-адыгские общины.

Стремление кавказских горцев к равнинам Грузии было обусловлено как вытеснением их из прежнего местожительства монголами, так и межплеменными распрями и междоусобицами. Кроме того, заселением горцами северо-западной Грузии была заинтересована Османская Империя, стремящаяся таким путем подавить стремление Левана II Дадиани к самостоятельности, к союзу с Россией. Горцы становились главной опорой владетелей Абхазии в междоусобной войне с Дадианами. Опустошённая и ослабленная Грузия не могла оказать достойное сопротивление натиску горцев. Теснимые адыгейскими племенами джики направляются на юго-восток и селятся в северо-западной Грузии, в Абхазии. Грузинские источники именуют их джиками, а иностранные - собирательным термином абаза. В грузинских источниках под джиками подразумеваются не только собственно джики (садзы), но и другие абазинские племена, в том числе черкезированные. В результате их нашествия во второй половине XV века Грузия теряет северо-восточное Причерноморье, от г.Никопсии до Гагрских теснин, а к середине XVI века - до р. Бзыбь, а затем и до Анакопии. Этот факт отражен в адыгейском фольклоре, по которому, адыгский предводитель Инал завоевал и Абхазию, но он неожиданно скончался здесь и похоронили в Псху: «После покорения Абхазии, находясь на Дзыбе (Бзыбь) для заключения мира с абхазскими племенами, он по окончании всех дел скончался смертью

[1] Б.Ломинадзе. Из истории грузинских феодальных отношений, т. I. Тб.,1966, с.229; К. Григолия. Некоторые соображения по поводу книги П. Ингороква «Гиорги Мерчуле», с.130; Д. Мусхелишвили. Во имя исторической правды. - Комунисти, 1989, 5 апреля.

праведника. Тело его похоронено в упомянутой земле и могила его, известная и до сих пор, носит название Инал-Куба»[1].

Процесс проникновения мелких групп горцев в Абхазию происходил и раньше, но его последствия явно проявились в XVI-XVII веках, когда коренное население не сумело в социально-религиозном плане осилить и нейтрализовать засилье горцев. В результате произошли радикальные этнические изменения. Пришлая масса подавила местное население, начался процесс слияния с ним переселившихся горцев и формирования современного абхазского (апсуа) этноса.

Абхазы XVII века уже являлись кавказскими горцами, пока не освоившими феодальное хозяйство, феодальный социальный уклад. Они не были еще приобщены к христианству. По своему примитивному быту и язычеством они не являются потомками исторических абхазов, принимавшим участие в культурно-политическом строительстве Грузинского феодального государства. Эта генетическая линия в основной массе населения, в низших слоях, была прервана. Только феодальная знать, особенно владетельные князья Шарвашидзе сохранили грузинские культурные традиции, грузинский язык и грузинскую письменность, христианскую веру. Как отмечал академик Н. Бердзенишвили, характеристика дочери Шарвашидзе, данная А. Ламберти, подтверждает, что в то время дом абхазского феодала являлся грузинским как по вероисповеданию, так и по общей культуре. Акад. Н. Бердзенишвили специально ввел уже утвердившийся в историографии термин «нынешняя Абхазия», чем постарался разграничить «древнюю» и «новую» Абхазию.[2]

В связи с этим показательно одно явление. Со второй половины XVI века в турецком языке термин «абхаз» почти исчезает и его место занимает термин более широкого содержания, собирательное наименование абхазов-абазин - «абаза». Такое изменение терминологии является важным документом для изучения истории проникновения на территорию Абхазии абазино-адыгских общин.[3] Видимо, массовая иммиграция абазин во второй половине XVI века имела уже такие масштабы, что, по османским источникам, население Абхазии называется именем пришельцев - «абаза», а не древним именем - «абхазы». Это последнее сохранили грузины.[4]

В исследовании истории Абхазии вызвало хаос и недоразумения отождествление этнонимов «абхаз» и «апсуа». Было принято считать, что «апсуа» - самоназвание народа, которого соседи называли абхазами. Ассимилированное горцами Северо-Западного Кавказа коренное население Абхазии - грузины ме-

[1] Ш.Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1970, с.54-55.
[2] Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, кн. III, с.277-288; Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии (1990), с. 610-611.
[3] Ц. Абуладзе. Названия Грузии и грузинских политических образований в османских письменных источниках. – Иностранная и грузинская терминология понятий «Грузия» и «грузины», с. 274.
[4] Д.Мусхелишвили. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности.

ханически продолжали именовать абхазами, а они же себя называли и называют «апсуа» (так называли себя горные абазины).

Келасурская стена. В последние годы своего правления Леван II Дадиани был вынужден перейти к оборонительной политике по отношению к горцам. Его походы в Абхазию не достигли цели и не смогли искоренить исходящую от горцев опасность для северо-западных границ княжества. Более того, владетели Абхазии усилили нападения на Одиши с участием горцев.[1] «Абхазско-джикское войско», которым часто пользовались владетели Одиши в XVI в. и сам Леван II Дадиани, теперь уже было в руках Шарвашидзе. Если бы не эта поддержка, маленькое Абхазское эриставство, в пределах рек Бзыбы и Анакопии (Псырцха), вряд ли сумело бы расширить свои границы до г.Цхуми. С целью защиты своего владения от этих набегов Леван II Дадиани стал возводить и укреплять фортификационное сооружение на границе с Абхазией. По этому поводу А. Ламберти писал: Мегрелия «... самой природой защищена со стороны гор, и если природа с другой стороны допустила пробел, то он был исправлен искусством и старанием владетеля. Действительно, в некоторых местах со стороны моря нет ни лесов, ни болот, и оттуда враг легко мог бы забраться; здесь для защиты этого-то прохода выстроили несколько деревянных крепостей, в которых стоит стража, вооруженная ружьями. Такую же защиту они устроили также со стороны гор: так как в одном месте, которое называется Олуше, горы открыты и враг легко может зайти и опустошить землю, то там с весьма большими расходами вывели стену, длиною в 60 000 шагов и на известном расстоянии, в ней находятся башни, занимаемые значительной стражей стрелков. Чтобы в них не было недостатка, Одишские епископы, князья и знатные вельможи разделили между собой очередь помесячно, так что каждый помесячно охраняет это место своими людьми».[2] Особое внимание было обращено на защиту путей из Кодорского ущелья в Колхидскую низменность. Именно, построенная здесь стена обозначена на составленных А.Ламберти и Кастелли картах Колхиды.[3] О возведении фортификационного сооружения на границе с Абхазией пишет и Вахушти Багратиони, отмечая, что Леван Дадиани с морского побережья до гор возвел стену, чтобы воспрепятствовать вторжениям абхазов.[4]

Система укреплений начиналась у устья р.Келасури, на ее левом берегу, где и по сей день сохранилась четырехугольная башня. Стена следовала по Келасурскому ущелью, затем сворачивала на восток, пересекала реки Мачара и Кодори. Верховье р.Кодори уже входило в состав Абхазии; отсюда стена следовала вдоль Панавского хребта, пересекала р.Мокви и доходила до истоков р.Галидзга близ Ткварчели. Восточнее р. Галидзга, в ущельях р.Окуми и Эрисцкали были

[1] С.Какабадзе. История Грузии,с.90.
[2] А.Ламберти. Описание Колхиды, с. 185-186.
[3] См. здесь же, карта № 16
[4] Житие Грузии, т. IV, с. 782.

построены или обновлены крепости, заграждавшие ущелья, по которым проходили горные тропы. Келасурская стена не являлась сплошным сооружением. Имея около 275 башен, длиною 60 км., лишь 25км. занимала стена. Отдельные части системы укреплений были сооружены на скорую руку, башни иногда воздвигались без фундамента. Ясно, что фортификационная система строилась для отражения атаки врага, идущего с северо-западной стороны.[1]

Итальянские миссионеры, служившие в Одиши во второй четверти XVII века административной границей между Абхазией и Одиши называют р.Кодори, хотя отмечают, что Драндская эпархия, находившаяся за этой рекой, входила в состав Мегрелии. Поэтому сообщения миссионеров нуждаются в уточнении. Во время возведения Келасурской стены граница между этими двумя политическими единицами проходила не по р. Кодори, а по р.Келасури, по линии этой стены.[2]

Некоторые абхазские авторы стараются опровергнуть факт постройки Келасурской стены в XVII веке и, следовательно, отрицают, что она была построена для приостановления набегов абхазов, более того, называют ее «великой абхазской стеной».[3] Факты же говорят о совершенно противоположном. Помещенную на карте Ламберти фортификационную систему сопровождает надпись: «Стена (длиной) в 60 000 шагов, (воздвигнутая) для приостановления набегов абазгов». Почти такая же надпись имеется на карте Кастелли: «Стена в 60 миль, построенная против нашествия абазгов».[4] Проведенные Леваном II Дадиани мероприятия позволили временно приостановить вторжения горцев в пределы Одиши.

Абхазия во второй половине XVII в. В 1657г. Леван II Дадиани скончался, после чего происходила длительная борьба за княжеский престол. С помощью вторгшегося в Одиши царя Имеретии Александра III (1639-1660годы) его занял двоюродный брат Левана, Вамех - правитель Салипартиано. На престол претендовал и племянник Левана - Липарит Дадиани. С помощью царя Александра в 1658г. Вамех III Дадиани (1657-1661годы) разбил Липарита под сел. Бандза и сохранил престол. В этой битве абхазы во главе с Соломоном Шарвашидзе сражались на стороне Вамеха.[5] Видимо, Вамех III Дадиани с помощью того же царя Имеретии сумел распространить свою власть над Абхазией, поэтому абхазы и сражались на его стороне. Интересно отметить и то, что брат Вамеха -

[1] Т.Берадзе. Из исторической географии Одиши, с.273; его же: Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши, с. 67-73;   Ю. Н. Воронов. Келасурская стена. - Советская археология, 1973, № 2, с. 98-115; его же: В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978, с. 98-103; его же: Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М., 1980, с. 21, 114; Л.И. Лавров. Этнография Кавказа. Л. 1982, с.90.

[2] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.295-296; Т.Берадзе. Вахушти Багратиони..., с. 72.

[3] М.М. Гунба. Келасурская стена.- Известия Абхазского Института Языка, Литературы и Истории, т. VI. Тб., 1977; его же: Абхазия в первом тысячелетии н.э. Сухуми, 1989, с.201-203.

[4] См. здесь же, карта № 16; Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 837-840.

[5] Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии, с. 100.

Георгий Липартиани был женат на дочери Шарвашидзе.[1] Видимо, этот фактор сыграл немаловажную роль в урегулировании взаимоотношений с абхазами.

В память об этой победе был изготовлен оклад Пицундского евангелия, в приписке к которому сохранились сведения о Бандзской битве: «Великая Пицундская Богородица, по прошению и милостию Вашей под предводительством Царя и Дадиана одолели мы Гуриели и Липарита Дадиани и за это выковали это святое евангелие… Мы, Шарвашидзе Соломон и сын наш Арзакан в честь Вашу и с пожеланием долгих лет Нам и сыну нашему Арзакану и во спасение наших душ».[2]

В приписке Пицундского евангелия Соломон Шарвашидзе отмечает превосходство Имеретинского царя и Дадиани. Он гордится, что отличился перед Имеретинским царем и Дадиани. В XVIIв. Абхазия находилась в номинальной вассальной зависимости от Имеретинского царя,[3] которого абхазы и раньше считали своим сюзереном.

Соломон Шарвашидзе - брат Беслако и Сетемана, которых упоминает Хр. Кастелли. Он и его сын Арзакан упоминаются также в грузинской надписи на серебряном сосуде, пожертвованном им Лыхненской церкви Успения Богородицы во имя «долгоденствия, победы, спасения и вспомоществования моей грешной души, воспитания сына моего Арзакана».[4]

В 1659г. Вамех III Дадиани вторгся в Гурию, чтобы отстранить от власти Кайхосро Гуриели, но потерпел поражение. На стороне Вамеха опять - таки выступали абхазы, в том числе владетель Шарвашидзе и князья Анчабадзе. Об этом походе говорится в надписи на Адчском образе Святого Георгия: «Св. Георгий Адчский, молю тебя я Гуриели Кайхосро. В то время, когда мы пребывали в укреплении вашей церкви, Дадиани Вамех напустил на нас большое войско. С ним были имеретины, одишцы и Шарвашидзе с нашими именитыми людьми. Напав на нас, они опустошили центр Гурии. Не имея никакой силы вне тебя и вооружившись в самом вашем храме, мы пошли на Озургети, где они (Вамех со своими) были укреплены во дворце. Мы отбили у них наших гурийских именитых людей, а на другой день взяли укрепленный дворец. Георгия Шоустани, брата Дадиани Липартиани, Дчиладзе, Микеладзе, Чиджавадзе, Анчабадзе, Джуматели Сесиашвили, бывшего сардаром, отбили всех и, победоносною силою и содействием твоим, предстали к вам…».[5] Из этих событий видно, что Шарвашидзе находился в вассальной зависимости от Одишского владетельного князя, что выражалось в предоставлении ему своего войска.

---

[1] Хр.Кастелли. Сведения и альбом о Грузии, с.80, картина 22.
[2] Описание рукописей. Коллекция H, т. V . Тб., 1994, с. 74.
[3] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.289.
[4] Ф.Сахокия. В Абхазии.- Цнобис Пурцели. 1903, 11 декабря, №2349.
[5] Дм.Бакрадзе. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. СПБ., 1878,с. 193.

В марте 1660 г. скончался царь Имеретии Александр III и в западной Грузии вспыхнула анархия. По приглашению части князей, в Имеретию вступил Вамех Дадиани, взял Кутаиси и захватил престол. К тому времени в Имеретию вступил и Картлийский царь Вахтанг V Шахнаваз (1658-1675годы). Картлийский царь и Дадиани заключили соглашение о разделе Имерети. Но вскоре у Вамеха испортились взаимоотношения с Шахнавазом. В 1661 г. Вахтанг V вновь вступил в Имеретию. Дадиани не решился на сопротивление царю и бежал в Сванетию.[1] Княгиня Одиши Елене Гуриели попыталась получить помощь от Соломона Шарвашидзе, но он отказался воевать против царя.[2] Тем самым, владетель Абхазии признал верховную власть Вахтанга V. Правда, он являлся Картлийским царем, но Шарвашидзе его (и Имеретинского царя) считал царем всей Грузии, а свое владение - неотделимой частью Грузии.

Вахтанг V Шахнаваз занял Одишские крепости и вступил в Зугдиди. Бежавшего в Сванети Вамеха III Дадиани убили там по приказу царя. По его же воле, Одишский престол занял племянник Левана II - Леван III Дадиани, женившийся на племяннице Вахтанга V – Тамар. На поклон к Вахтангу V в Зугдиди явился «Шарвашидзе с абхазами и большими дарами», - писал Вахушти,[3] - и подчинился ему.[4] По сведению поэта Пешанги, современника и очевидца этого похода, «абхазы все пришли» и попросили его взять их либо непосредственно под свою опеку, либо «отдать в услужение Левану»,[5] то есть в вассальную зависимость Левану Дадиани. Видимо, к Шахнавазу в Зугдиди прибыл не только Соломон Шарвашидзе, но и другие «абхазские владетели».

Весьма интересно решение царя, переданное поэтом. По его словам, Шахнаваз повелел: «раз я отдал одишцев их потомственному владетелю (Левану III Дадиани), то не в праве я отнять у него Абхазию, так как его государство станет ущербным» и абхазам приказал подчиниться владетелю Одиши.[6] В грамоте 1665 г. Леван III Дадиани величает себя «владетелем всей Мегрелии и Абхазии»,[7] хотя реально власть Дадиани распространялась, видимо, на одну часть Абхазии, непосредственно граничащую с Одиши - на владение Соломона Шарвашидзе. Таким образом, верховную власть владетеля Одиши признавала лишь восточная Абхазия. Жители же западной Абхазии совместно с представителями других западнокавказских племен совершали постоянные набеги на Одиши.

Воцарение в Имеретии сына Картлийского царя Вахтанга V Арчила, распространявшего свою власть на всю западную Грузию, являлось серьезным

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 836.
[2] Пешанги. Шахнавазиани, с.73-74.
[3]Житие Грузии, т. IV, с. 836.
[4] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с.267.
[5] Пешанги. Шахнавазиани, с. 83.
[6] Пешанги. Шахнавазиани, с. 83; Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии, с. 104.
[7] Д. П. Пурцеладзе. Грузинские церковные гуджары. Тифлис, 1881, с.147.

шагом на пути к объединению Грузии, включая Абхазию. Однако этот план был сорван под нажимом Турции. Из этих фактов также видно, что Абхазия и в то время представляла собой часть Мегрелии и общегрузинского мира.

В 1664-1666 годах в Одиши побывали Макарий Антиохийский и его сын Павел Алепский. Сведения Павла Алепского, написанные в Москве (1667 г.) специально для русских, дают определенное представление о политической ситуации в Абхазии того периода. Он пишет: «Апхазана суть два государства; одно государство в подданстве у Дадьяна Менгрельского и суть христиане именем, но не крещены. Поклоняются святым иконам и почитают церкви. А тово ради некрещены, что нет у них владыки, ни священников.

Другое государство есть нечестивый и близ их живут олланы, авазги, зикхи, черкесы, леки, соаны и есть великие недруги Мегрелию и восхищают и пленят их».[1] Под первым абхазским «государством» Павел Алепский явно подразумевает территорию в пределах рек Келасури и Бзыбы; второе «государство» – Джикети.

В период правления Левана III Дадиани положение Одишского княжества еще более ухудшилось. Антиохийский патриарх Макарий, находившийся в этот период в Одиши, писал (1669 г.), что Леван III Дадиани не имел никакой власти, вся власть находилась в руках его вельмож. Самого Левана он характеризует как человека, который не отличался ни сообразительностью, ни мудростью, ни красноречием; он и среди ратников не имел большого авторитета.[2] В западной Грузии с новой силой вспыхнула междоусобная война, в которой включились и османы. В 1672 г. Ахалцихский паша вступил в Имерети. Он вызвал в Кутаиси Левана III Дадиани. Турки хотели отстранить его от власти и возвести на княжеский престол внука Левана II Дадиани, воспитывавшегося у Ахалцихского паши.[3] Леван III Дадиани обратился за помощью к владетелю Абхазии. Абхазы действительно вступили в Одиши, но вместо оказания помощи, разоряли и опустошали все по дороге, похищая людей и скот. Население бежало и искало убежище. 20 сентября, вечером, абхазы разграбили и сожгли морской порт и рынок Скурча в устье р.Кодори. Так они дошли до Анаклии и в начале октября 1672 г. с большой добычей возвратились обратно, взяв в плен 1200 человек и угнав большое количество скота.[4]

Паша в течение месяца ждал Дадиани в Кутаиси и затем вторгся в Одиши. Леван III заперся в Рухской крепости, которую турки не смогли взять. Владетельным князем Одиши они объявили внука Левана II Дадиани, а католикоса

[1] Н.Асатиани. Материалы к истории Грузии XVII века (описание Грузии, составленное Павлом Алеппским). Тб., 1973, с. 75.

[2] Макарий Антиохиискии. Сведения о Грузии. Перевод с арабского Т. Маргвелашвили. – Армагани. Тб., 1982, с. 119-120 (на груз.яз.).

[3] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 годах. Перевод Е. Бахутовой и Д. П. Косовича. Тифлис, 1902, с. 207, 248.

[4] Там же, с. 206-209; 215-216.

западной Грузии Еквтиме II Сакварелидзе (1669-1673 годы) назначили ему визирем. К тому же, турки отправили католикоса в Абхазию, чтобы просить руку дочери Шарвашидзе.[1]

После ухода турок из Одиши, война между Леваном III Дадиани и ставленником султана продолжилась и завершилась лишь с убийством внука Левана II Дадиани. Постоянные феодальные междоусобные войны ослабили обороноспособность Одиши. Северо-западная граница княжества, чрезвычайно укрепленная Леваном II Дадиани, постепенно расстроилась, так как ее уже никто не защищал. Во время пребывания Шардена в Одиши (1672г.), граница княжества официально проходила по р. Келасури, но сама Келасурская стена уже не функционировала.[2] Абхазы фактически вышли из-под вассальной зависимости Одиши, как это было во времена правления Левана II Дадиани, Вамеха III Дадиани, а также вначале правления Леван III Дадиани. Более того, они воспользовались осложнением внутриполитического положения Одиши и в 60-х годах возобновили нападения на княжество, о чем писал Вахушти Багратиони.[3] Началась новая волна абхазско-горской агрессии против Одиши. Они подвергали постоянным набегам не только приграничные районы княжества, но и вторгались в его внутренние регионы.[4] В 60-х годах XVII в. абхазы разорили Цайшский и Цаленджихский кафедральные храмы. В сделанном тогда приписке к Цайшскому евангелию Аника Кортодзе рассказывает о разорительном нападении абхазов на Цайшский кафедральный храм, спасении ею икон и самого евангеля от уничтожения.[5] По сведениям Макария Антиохийского, абхазы, черкесы и другие горцы постоянно вторгались в грузинские земли, уводили с собой ее жителей и продавали в плен.[6] Абхазы разоряли не только соседнюю Одиши, но их пиратские лодки достигали порой даже Гурии. По словам Вахушти Багратиони, Георгий III Гуриели (1664-1684годы) «истреблял абхазов, неоднократно приходивших в Гурию пиратствовать».[7]

Находившийся с конца 40-х годов XVII в. в Одиши театинский миссионер Жозе Мари Дзампи в начале 70-х годов писал: «Мегрелия не похожа на Мегрелию, поскольку войны обеднили, разрушили и опустошили ее... Никто не имеет скота и всем не достает пропитания... Сейчас ни один человек не может чувствовать себя в безопасности, постоянно находится под угрозой нападения абхазов; сами корабли, приходившие торговать в Кавро (Ткауру, Скурча в устье р.Кодори – авт.) и Морбила (с.Меркула – авт.), от страха направляются к Анаклии. И по суше до Огаскуре существует опасность от абхазов, ибо они часто

[1] Там же, с. 248-251.
[2] Там же, с. 107.
[3] Житие Грузии, т. IV, с. 842.
[4] Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии, с. 110.
[5] Е.Такаишвили. Из археологического путешествия по Мегрелии, с.188,222.
[6] Макарий Антиохийский. Сведения о Грузии, с. 105.
[7] Житие Грузии, т. IV, с. 840.

грабят тамошнюю местность, в связи с чем в Аркаме наши люди в лесах прячутся по ночам, и днем их охраняют. Так они напуганы, что и от тени убегают». Тот же Дзампи, уже после возвращения в Рим, в 1679 г. отмечал: «Наша миссионерская деятельность с каждым днем могла бы стать все более плодотворней, если бы враги этого (Мегрельского – авт.) владетеля и граничащие с Мегрелией народы, такие как аланы, черкесы, джики, абхазы и другие постоянно не опустошали эту страну, не беспокоили народ и священников».[1]

Подвергая Одиши систематическим набегам, горцы не щадили и миссионеров. Во время одного нападения на их монастырь в с.Ципурия, на правом берегу р.Ингури, патры вынуждены были скрыться и так спасать себя от явной смерти.[2] По словам свидетеля этих событий, Иерусалимского патриарха Досифея, «Дадиан... был так слаб, что абазги опустошали его (Левана III – авт.) владение, разорили храмы и монастыри: Мокви, Хоби, Киачи, Зугдиди и все страны от Диоскурии (Сухуми – авт.) до Гиппиуса (Цхенисцкали – авт.) и Фазиса (Риони – авт.)», к тому же «Дадиан не в силах был прогнать абазгов».[3]

В 60-70-х годах опустошительными набегами на Одиши руководил абхазский владетельный князь Саустан (Баграт) Шарвашидзе.[4] Он упоминается в приписке Пицундского евангелия, где сказано, что Саустан Шарвашидзе пожертвовал Пицундской Богородице двух крестьян для своего долгоденствия и победы, воспитания сына Савареха, спасения их грешной души[5].

В 1681 году абхазы завладели северо-западной частью Одиши от р.Келасури до р.Галидзги. По этому поводу Вахушти Багратиони писал: «Однако в Одиши было горе большое ... (исходившее) в основном от абхазов, ибо приходили (они) на лодках и по суше, и полоняли (одищцев), овладели вплоть до реки Эгриси (Галидзга) и заселились там сами же абхазы, и в Дранде и Мокви более не было епископов».[6] Факт разрушения абхазами знаменитого Моквского храма подтверждал и М.Селезнев. Он писал: «Внутреннее расположение приделов, каменных возвышенных хор и колонн столь поразительно, что даже дикие умы абхазов изумляются. При храме в старину, были устроены два дворца: Дадиани и епископа, но они разрушены с храмом в 1678 г. абхазами».[7]

Таким образом, абхазы захватывали земли и заселялись, уничтожая на занятых территориях церкви и монастыри. Их борьба была направлена на захват территории. В такой сложной ситуации, летом 1681 г. Леван III Дадиани скончался. Наследник престола Манучар находился в заложниках у Гуриели. Владетель Гурии сам желал занять Одишский престол. Он убил Манучара

---

[1] М.Тамарашвили. История Католичества..., с. 204- 207; Дж.Гамахария. Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 266-267.

[2] М.Тамарашвили. История Католичества..., с. 207.

[3] М.Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, кн. I, с.46.

[4] И.Г. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков, с. 38.

[5] Описание рукописей. Коллекция H, т.V, №2102, с.74.

[6] Житие Грузии, т. IV, с. 845.

[7] М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, кн. I. СПБ., 1847, с. 162-163.

и организовал поход на Одиши, но не смог овладеть им. Одиши остался без владетеля и законного наследника. Создавшимся сложным положением решил воспользоваться сын абхазского владетельного князья Саварех (Сорек) Шарвашидзе, предъявивший претензию на Одишский престол. Осенью 1681 года он выступил походом на Одиши и объявил себя владетелем,[1] хотя не контролировал всю территорию княжества. Надо полагать, что Саварех Шарвашидзе имел некоторое легитимное право на Одишский престол. Вероятнее всего, по материнской линии он являлся представителем и Одишского владетельного дома.[2]

Часть Одишской знати не признавала претензии Савареха Шарвашидзе на княжеский престол. В такой критической обстановке скончался фактический правитель Одиши Кация Чиковани, которого сменил его сын Георгий, правивший уделом Салипартиано. Он так же мечтал о княжеском престоле Одиши и жестоко расправлялся с противниками. О создавшемся в то время в Одиши положении Вахушти Багратиони писал: «И было в Одиши горе из-за Георгия Липаритиани, чинившего убийства и торговавшего пленными, но больше всего от абхазов, так как приходили с войной, разоряли страну (Одиши) разбойнически и открыто».[3]

Саварех Шарвашидзе старался распространить свою власть на всю территорию Одиши. Гуриели вновь старался вступить на престол в Одиши. Чтобы покончить с претензиями на Одишский престол, по просьбе Георгия Липартиани, Ахалцихский паша возбудил ходатайство перед султаном о назначении владетелем Одиши незаконно рожденного сына Левана III Дадиани - Левана, находившегося тогда в Ахалцихе. Просьба была удовлетворена и в 1683 году на престол Одиши вступил Леван IV Дадиани (1683-1691 годы), но княжеством фактически управлял Георгий Липартиани.[4] Их власть распространялась по всему Одиши, кроме территории северо-западнее от р.Ингури, где правил Саварех Шарвашидзе.

Саварех Шарвашидзе неоднократно пытался завладеть всей Мегрелией, но безуспешно. Зато он прочно утвердился в северо-западной части княжества. Примечательно, что итальянские миссионеры называют Савареха//Сорека владетелем не Абхазии, а Мегрелии.[5] Завоеванный Саварехом Шарвашидзе северо-западный Одиши, не был присоединен к Абхазии и он всё ещё назывался Мегрелией, а его правитель именовался владетелем Мегрелии. Саварех Шарвашидзе не подчинялся владетелю Абхазии, более того, сопротивлялся ему. По сведениям итальянских миссионеров Г.Турко и Дж.Торичели, 10 апреля 1685 г. абхазы вторглись в его владение и опустошили весь край.[6] Возможно,

[1] М.Тамарашвили. История Католичества..., с. 208.
[2] Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии в XV-XVII вв., с.114.
[3] Житие Грузии, т. IV, с. 850.
[4] Житие Грузии, т. IV, с. 850.
[5] М.Тамарашвили. История Католичества..., с. 208.
[6] М.Тамарашвили. История Католичества..., с. 209-210.

после этого похода, или же со смертью Савареха, эту часть Одиши Зегнак Шарвашидзе присоединил непосредственно к Абхазии.[1]

В 1689 г., во время жестокой борьбы за Имеретинский престол, в Абхазию прибыл царевич Арчил, сын Шахнаваза.[2] «Встретил его Шарвашидзе, принял с почестями, подобающими царю; и находился некоторое время в Зупу».[3] Этот факт подтверждает, что Шарвашидзе, хотя и вышел из подчинения Мегрелии, признавал верховную власть царя Имеретии. Интересен факт участия Шарвашидзе в политических процессах западной Грузии и оказания некоторой помощи царевичу Арчилу. Кроме традиционного гостеприимства, подчеркивает Вахушти, Шарвашидзе принял Арчила как царя. Из Абхазии Арчил старался перейти в Крымское ханство, но когда удостоверился, что дорога была небезопасна, вернулся в Рачу, а оттуда перешел в Осетию. Владетель Абхазии, принявший царевича Арчила, должен быть Зегнак Шарвашидзе. Он управлял достаточно обширной территорией между р. Бзыбь, Кавказским хребтом и нижним течением р.Ингури, однако в этих границах Абхазия существовала недолго. Приблизительно в 90-х годах XVII в., после смерти Зегнака, его сыновья разделили владение отца. Старшему – Ростому досталась территория между реками Бзыбь и Кодори и титул владетельного князья Абхазии, средний, Джикешия получил – междуречье Кодори и Галидзги, которое в последствии было названо Абжуа (что является прямым переводом его грузинского названия «Шуа Сопели»,– Средняя Страна); младший, Квапу завладел землями между Галидзгой и нижним течением р. Ингури. В первой половине XVIII в. данная территория получила название Самурзакано по имени его правителя Мурзакана.[4] Владельцы Абжуа и Самурзакано находились в номинальной зависимости от владетеля Абхазии.[5]

Квапу Шарвашидзе досталась опустошённая территория, поэтому он из Зупу переселил «несколько родов княжеских и дворянских, а именно: Анчабадзе, Эмухвари, Иналишвили, Маргания, Званбая, Лакербая и Акиртава, между которыми распределил территории и для себя оставил села Бедиа, Пахулани и Барбало (Коки)».[6] Переселенцы привезли с собой и людей низших сословий. С этого периода и в Самурзакано появились предки нынешних абхазов, которые в последствии ассимилировались в местном населении. От Квапу Шарвашидзе происходят жившие в последствии в Самурзакано Шарвашидзе.[7]

[1] З.Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 270.
[2] М.Броссе. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 годы. СПБ., 1861, с.130.
[3] Житие Грузии, т. IV, с.851.
[4] Т.Чичинадзе. Бедийская надпись. - Квали, 1897, 11 мая, №20 (на груз. яз.).
[5] Очерки Абхазской АССР, ч.1,с.122; З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа. История Абхазии. Сухуми 1986, с.63.
[6] Т.Чичинадзе. Бедийская надпись. – Квали, 1897, 11 мая, №20 (на груз. яз.).
[7] Там же.

Нельзя сказать, что только территория между реками Галидзга и Ингури была опустошена. Видимо, такую же участь постигла и Зупу, но здесь постоянно происходило «обновление» населения переселившимися горцами северозападного Кавказа.

К началу XVIII века на Одишском престоле окончательно утвердился Георгий IV Дадиани (1701-1709, 1710-1714годы), попытавшийся отвоевать захваченные абхазами земли. Зимой 1702 г. Дадиани у регента царя Имеретии Георгия Абашидзе попросил помощь «против абхазов, ибо абхазы, овладев до реки Эгриси, разоряли Одиши, убывая и пленяя людей».[1] Абашидзе собрал войско и отправился в Абхазию. Шарвашидзе не смог противостоять. Абашидзе отнял у Шарвашидзе захваченную территорию, помирил Дадиани и Шарвашидзе.[2]

Владетель Абхазии вынужден был уступить часть захваченних земель, территорию между реками Ингури и Галидзга, вновь перешедшую под юрисдикцию владетеля Одиши. В знак повиновения Шарвашидзе отдал заложников правителю Имерети. После возвращения земель между реками Ингури и Галидзга в состав Одиши правителями этой области остались представители боковой ветви абхазского княжеского дома. В 1704 г. Квапу Шарвашидзе скончался в Рухи. На его похороны из Гелати прибыл католикос Абхазии Григол Лордкипанидзе, отслужил обедню и взял примету (единовременный налог, который должны были выплатить близкие покойника: личное оружие и вещи покойного, оседланную лошадь, крепостных и имение для церкви и др.).[3] Тот факт, что Квапу Шарвашидзе скончался в Рухи и католикос приехал из Имеретии для взятия приметы подтверждает, что территория до Галидзги политически и церковно являлась органической частью Одиши. После кончины Квапу Шарвашидзе, этой областью правил его сын Мурзакан. По преданию, Мурзакан Шарвашидзе в своем владении запретил продажу пленных, жестоко наказал воров и разбойников и тем самым в крае воцарилось относительное спокойствие, чем заслужил любовь и уважение населения. Позже, в 30-40-х годах XVIII века территория между Ингури и Галидзга в его честь была названа Самурзакано, что по грузински означает «область Мурзакана».[4]

Таким образом, до середины 60-х годов XVII в. Абхазское эриставство оставалось в составе Одишского княжества. Князья Шарвашидзе находились в зависимости от Дадиани, что выражалось в различных обязательствах, в частности, в выплате дани и военной повинности. До 70-х годов борьба Шарвашидзе против Одиши носила характер борьбы вассала за освобождение от власти сюзерена. Этим она в корне отличалась от борьбы между Дадиани и Гуриели

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 862-863.
[2] Там же, с. 863.
[3] Памятники грузинского права, III, с.670.
[4] Т.Чичинадзе. Бедийская надпись. – Квали, 1897, 11 мая, №20; В. Зухбаия, Х. Зантарая. Гали. Сухуми, 1988,с. 72-73.

за гегемонию в западной Грузии. Фактическое отделение Абхазии от Одиши и ее формирование в качестве отдельного княжества начинается с конца 70-80-х годов XVII века, когда она освободилась от всяких обязательств по отношению к Дадиани.[1]

Этнические процессы. Согласно источникам, до 80-х годов XVII в., территория между реками Ингури и Келасури являлась частью Одиши не только в политическом, но и в этническом смысле, что хорошо видно из документов.

Топонимика края – целиком грузинская. В церковных документах и материалах XVI-XVII веков упоминаются села северо-западной части Одиши, в частности: Галидзга, Гудава, Гупу, Зегани, Илори, Камулети, Квитаули, Мармарискари, Мухури, Река, Субеиши, Чала, Тилити, Хаужели, Хоири и другие. Большая часть этих сел обозначены на картах Ламберти и Кастелли. На этих картах между реками Ингури и Ертисцкали зафиксированы: Ципуриа, Суджона, Цамхари, Баргеби, Генати, Набакеви, Хвити, Шешелети, Сатанджо, Гогиели, Кадари, Парони; между реками Ертисцкали и Окуми значатся: Гудава, Гагида, Царче, Аркама, Бедиа, Папати, Чхортоли; между реками Окуми и Галидзга - Сачино, Санардо, Субеиши, Пуцкури, Марцхули, Олуше; между реками Галидзга и Моквисцкали - Галидзга, Илори, Меркула, Мокви, Тилити; между реками Моквисцкали и Мармарисцкали - Квитаули, Дгвана, Искуриа, Джгерда; между реками Мармарисцкали и Кодори - Сатамашиа, Цкургили, Пшиа, Мармарискари, Тkварчели.

Интересно, что географические названия на картах иногда обозначены на местном мегрельском диалекте грузинского языка: Набакия (Набакеви), Гуда (Гудава), Мармарцкари (Мармарисцкали) и др. Монах иезуитского ордена Луи де Гранже в написанной 2 марта 1615г. в мегрельском селе Мокви реляции отмечает, что считает нужным для своей миссионерской деятельности в этом крае изучить мегрельский и грузинский (литературный) языки.[2] Это означает, что Мокви и его окрестности были заселены мегрелами, грузинский же язык являлся здесь государственным, церковным и культурным языком.

Более красноречивы данные церковных документов, в которых не только перечисляются селения между реками Ингури и Келасури, но и поименно называются живущие в них крестьяне. Это - реестр селений, крепостных и доходов от них, принадлежащих Западногрузинскому католикосату. Судя по этой ономастике, все крепостные являлись грузинами. На территории от Ингури до Келасури зафиксированы следующие имена и фамилии местных жителей:

Село Нажанеули (конец XVI в.): **Шушания, Джгвибуриа Толиокро, Субукиа, Джакобиа Гугутиа, Мчишиа Какаури, Учаиа Мамисшури, Учаиа Сохердиа, Учаиа Толсквамиа, Дидиа Габриела, Кодиа Кацибаиа, Элишиа**

[1] К. Окуджава. Абхазия в XVII веке, Тб., 2002, с.26.
[2] М.Тамарашвили. История католичества..., с. 135.

Томихила, Русакиа Марцвалиа, Матупиа Шуритоли, Гогилава Мамисмама, Гогилава Шуритоли, Грубелаиа Мамисмама, Мамаспери, Гуруа Чуча, Цистариа Мамисмама, Кодиа Толибеди, Каджаиа Деисмама, Логуа Курцхаи, Джгубуриа Николаа, Дзадзуа, Конджариа, Пиолиа и т. д.

Село Нажанеули (1621 г.): **Учаиа Михилиа, Учаиа Гурмихили, Учаиа Мирчкилиа, Джакобиа Толиокро, Дидиа Джгекочи, Дидиа Кочилеи, Кодиа, Орколеи, Кодиа Мачихола, Кодиа Солердиа, Кодиа Михилиа, Джгубуриа Гуришиа, Шушаниа Сохердиа, Кочивара Куатара, Дзадзуа Габриели, Дзадзуа Ардашела, Дзадзуа Ингариа, Гогилаа Толиокро, Каджаиа Местумриа, Кочила Маркозиа, Цикутиа Мидзируда, Грубелаиа Кочола, Гуруа Гемчишиа, Хистариа Толимапу, Давитиа Местумриа, Цистариа Кочиа, Логуа Толишиа, Элишиа Кочила, Элишиа Толмихила, Элишиа Ускуамада, Конджариа Мамалеи, Конджариа Тоскуамиа, Чутишиа Толиокро, Мичкилиа Пиолиа, Чучу Контариа и т. д.**

Село Хоири (1621 г.): **Дидиа Хахута, Чагуа Гогиа, Ласуриа Укулаши, Ласуриа Ускуамиа, Ласуриа Михилиа, Мамулиа Цебелара, Чагуа Гурмихила, Гуниа Бабадиа, Григолиа Гокурцхиа, Джикия Скуамилеи, Дидиа Толиокро, Амбалиа Хухулиа, Амбалиа Хуци, Джомниа Гамигона, Джомниа Важикоча, Какуа Мхиарула, Какуа Ишаморта, Какуа Моирдина, Гамкервалиа Хахута и т. д.**

Село Субви//Субеиши (1621 г.): **Китиа Куакуалиа, Китиа Керабими, Китиа Мамулиа, Китиа Шуримидги, Китиа Джгиркочи, Китиа Пирнате, Пертиа, Корчолуа Мамаши, Джакония Кака, Джакониа Важоба, Джакониа Папишиа, Джакониа Бабадиши, Джакониа Скуамили, Джакониа Кодзириа, Луаджагиа Санатрели, Артониа Мамулиа, Хунгиа Уцкинара, Микелиа Шуримидги, Бигуа Учалеи и т.д.**

Село Тилити (1621 г.): **Типшхуа Хуцеси, Типшхуа Нанатриа, Типшхуа Иесе, Цкуриа Джгекочи, Жванескериа Бабашури, Цкуриа Сорди, Гулуа Туташхиа, Степанаскери Шуритоли, Стапанаскери Михилия, Булиа Мордилиа, Туташхиа Купача, Толискуами Пажа, Толискуа Кирчхели, Шантиа Учакочи, Малурава Шуритоли, Чхируа Шуримидги, Горгилава Оркоиа и т.д.**

Село Хаужели (1621г.): **Варданиа Хуцеси, Вартангиа, Багиа Митанапи, Цеблариа Гачирдиа, Цеблариа Какалиа, Халибесшвили Далаба, Салатиа Учардиа, Салатиа Гаирчкини, Душиа Тоскуамиа, Душиа Дзука, Душиа Мамаия, Вардания Сабедо, Вардания Михилия, Вардания Скумишия, Шониа Учардиа, Нисериа Мамикорди, Нисериа Кахабер, Нисериа Уцкинари, Нисериа Какалиа и др.**

Село Ткауру (1621 г.): **Шамгиа Таваза, Шамгиа Кукуалиа, Шамгиа Машутуа, Чучуриа Учакочи, Гавашели Датиа.**

Село Чала, где была церковь и родовой дворец Джаиани (1621 г.): **Гогордава Хуцеси, Гогордава Гвата, Михилиа Чаглиа, Чаниа Мачихоли, Палиа Шуримидги, Маргиа Квацха, Лортег Бибилиа, Гичорди Пха и др.**

С точки зрения изучения этнической истории большое значение имеют имена и фамилии, зафиксированные в исторических источниках XVII в. и в других населенных пунктах на территории современной Абхазии, в том числе в Цамхари: **Мчитинава, Маргиа, Таниа, Дзасаниа;** в Кадари и близлежащих селах: **Датускариа (Датускириа?), Чхорелиа, Кобахиа, Албариа, Боркиа**; в Илори: **Голидзула Цацулуа, Чхоходзе, Шегуа, Германиа**; в Камулети: **Гурмихили Кубециа**; в Галидзге: **Алесендриа, Моирди Квирквелиа, Усквама Квирквелиа, Гвианиши Чагалоскири**; в Зегани: **Мутагигун Хубилава, Гогуа, Надараиа**; в селе Тхалари: **Габрава**; в селе Марцхули: **Гурмихили Эсебиа**; в Квитоули: **Тотоджи Давитиа, Гаизарди Апиа, Анчибуху Чхангуа, Бебелиа Багателиа, его жена по фамилии Апакидзе и их сын Маси Багателиа, Белешиа**; в селе Гупу: **Маху Вардaниа, Сабедо Варданиа, Нихилиа Варданиа, Скумишиа Варданиа, Георгий Варданиа**; в селе Пшиа: **Джаиани Бибилиа**.[1]

Таким образом, до 80-х годов XVII в. в северо-восточной части Одиши, в междуречье Ингури и Келасури, по источникам (церковные документы западной Грузии, карты миссионеров и др.), фигурируют только грузинские топонимы и гидронимы; здесь проживало только грузинское население.

После завоевания этой территории абхазами, этническая картина значительно изменилась. Трагически сложилась судьба коренного грузинского населения, часть которого была уничтожена; часть вынужденно бежала во внутренние районы Мегрелии от неминуемой гибели или рабства. Захватчики с особой жестокостью расправились с грузинским дворянством, как с главной военно-политической опорой владетеля Мегрелии. Владелец села Чала (ныне Члоу) Мераб Джаиани бежал оттуда и преподнес Абхазскому католикосу Григолу Лордкипанидзе следующую грамоту: «Эту грамоту преподносим Вам, Католикосу, господину Григолу мы, Джаиани Мераб, так как наша страна оказалась под властью татар (то есть, мусульман – авт.), после чего такой человек, как я не мог там оставаться и явился к Вам с прошением, Вы милостию Вашей дали нам возможность жить и пожаловали нам трех крестьян…».[2] На рубеже XVII-XVIII веков судьбу Мераба Джаиани разделили многие, поскольку Абхазия оказалась «под властью татар».

[1] Памятники грузинского права, т. III, Тб., 1970, с. 382,419,423,425,426,428,431,434; Дж. Гамахариа, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 234-236; Очерки из истории Грузии. Абхазия, с.165-167

[2] С.Какабадзе. Церковные документы западной Грузии, кн. I, с. 149-150.

Одна часть грузинского населения ассимилировалась с абхазами,[1] поэтому многие из абхазов носят сегодня грузинские фамилии. Другую часть грузин абхазы продали в плен туркам или выселили из Абхазии. Исторические документы Пицундского католикосата свидетельствуют, что из оккупированной территории «абхазы выселяли» грузинское население. В этом отношении показательна судьба населения с.Нажаневи, где из 60 дворов церковных крестьян, живших здесь до XVII века, к 1706 году оставалось только 7 дворов. Спасти их от продажи в рабство удалось лишь переселением этих крестьян в восточную часть Одиши. В дарственных грамотах католикоса Григола Лордкипанидзе Пицунде по этому поводу сказано: «Абхазы выселили село Нажаневи; католикос Непсадзе передал жителей Квапу Шарвашидзе. Старший один потерялся. Тот католикос старался и я старался, но не смогли вывести. Шарвашидзе скончался в Рухи; пошли и отслужили обедню, и примету правильную взяли; больше не оказалось, взяли с собой 7 человек со всеми (членами семейства): Грубелая Амахснели и его родственник Елишия Хуха и его братья Кодия, Зумила, Джгубурия, Субукия, Бигвава и Учая и один слуга.

Еще остальных, Елишаху Нанаиевич Нармания и Хуцобава Папа, вызволил из той стороны Ингури за большой выкуп. Некоторых поселил в Хибуле, а некоторых – в Хоби».[2]

Квапу Шарвашидзе дважды (до 1696г. и 1705г.) давал клятву (первый раз вместе с братом Кереким, а второй раз – с сыном Автандилом) Абхазским католикосам Давиду Немсадзе (1673-1696 годы) и Григолу Лордкипанидзе (1696-1742 годы), что прекратит работорговлю, не запретит церковным крестьянам из сел Нажанеули и Хиори служить католикосу, сопровождать его и платить дань. В клятве на имя католикоса Давида сказано: «Мы владетель Квапу Шарвашидзе и брат мой Кереким, написали и подносим сию твердую неизменную и во все дни нашей жизни подлежащую исполнению клятвенную книгу Вам, северному и Абхазскому католикосу Давиду в том, чтобы впредь без вашего ведома и разрешения не продавать Нажанеульских и Хоирских жителей, которые ныне имеются, не мешать им в несении в пользу Вас положенной службы и повинностей... Когда пожалуете и приедете, пусть они служат Вам так же, как

[1] Для коренного грузинского населения северо-западной Мегрелии, захваченной апсуа-абхазами единственным способом спасения от жестокостей пришельцев являлась апсуизация, принятие языка, религии и нравов горцев. Это привело к исчезновению низших слоев местного населения, проданных в плен или превращенных в рабов. Интересно, что в абхазском языке для обозначения категории бесправных людей, рабов утверждается этноним «агырва», означающий «мегрела» (Т. Гванцеладзе. Термины. обозначающие грузин в абхазском и абазинском языках. – Иностранная и грузинская терминология понятий «Грузия» и «грузины», с. 317). Подверглась ассимиляции и та часть грузинского населения, которая из соседних грузинских регионов добровольно переселилась в Абхазию, убегая от крепостного гнета (Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, 1990, с. 610, 616.

[2] Памятники грузинского права, т. III, с. 668, 670; Дж. Гамахариа, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 269.

служили другим старым католикосам до Вас»[1]. Однако он не сдержал слово. Католикосам Давиду и Григорию приходилось спасать грузинское население от уничтожения и рабства. Григол Лордкипанидзе вынужден был даже выкупать у абхазов некоторую часть захваченных им в плен крестьян.[2]

На опустевшей территории селились абхазские (апсуйские) общины. Они этнически освоили всю территорию между реками Келасури и Галидзга, но не сумели полностью освоить междуречье Галидзга-Ингури, где большинство составляло грузинское население. Однако по всей Абхазии установилось господство пришлой апсуйской знати.

Заселение абхазо-адыгами территории Абхазии и захвата земель не всегда происходили военным путем. Нередко они, как безземельные горцы, утверждались в Абхазии по воле владетеля и дворянства. Не только в Абхазии, но и по всей Грузии довольно широко было распространено заселение помещиками своих поместий дешевой рабочей силой не только из соседних регионов страны, но и из Северного Кавказа.[3]

Этнические изменения на захваченной абхазами территории привели к исчезновению части грузинских географических названий; иные были изменены на абхазский лад. Река Цхомисцкали стала Гумиста, Анакопиисцкали – Псырцха, Муцусцкали – Мчишта, Агацосцкали – Абста, г. Цхуми//Цхоми – Акуа, Анакопия – Псырцха. Исчезли такие названия, как Камулети, Тхалари, Марцхули, Хаужели, Тилити и др. Село Чала получило название Чилоу//Члоу, с.Субви//Субеиши – Ачигвара, с. Галидзга, где находился один из дворцов Левана II Дадиани, в последствии назван Беслахуба; Мармарискари переименован в Мармал абаа (абаа, по абх. замок); Сатамашиа (по груз. место игрищ) стал Тамыш; с.Тилити – Тхина, в окрестностях которого сохранился топоним «Тлит абаа» (по абх. Тилитский замок) и др. На картах Ламберти и Кастелли у истоков р. Галидзга обозначено Олуше, вместе с фортификационной системой. Сегодня именем Олуше называется гора у Ткварчели. «Олуше»//Олу, по мегрельски означает проход. Обычно, при нашествии врага такой проход запирался известняковой стеной с небольшим проходом и дубовой дверью.[4]

Заселение современной территории Абхазии апсуа этносом находит определенный отклик и в абхазском (апсуа) в фольклоре. По одной легенде, предки абхазов пришли из Аравии через Армению на Кубань, но затем, из-за непривычно холодного климата, переселились в Абхазию; одна их часть (абазины) осталась на Северном Кавказе.[5] По мнению ученых, процесс заселения Абхазии

[1] Э.Такаишвили. Грузинские древности, т. I. Тб, 1920, с. 36 (на груз. яз.); Х. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии. Тб., 1967, с. 29; Дж.Гамахариа. Абхазия и православие, с. 276-281 (на груз. яз.).

[2] Памятники грузинского права, т.III, с. 677.

[3] Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии (1990), с. 238.

[4] Г.Элиава. Мегрело-грузинский словарь. Тб., 1997, с.255.

[5] Ш.Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 103-105; С.Зухба. Абхазское устное народное творчество. Перевод с абхазского Т. Гванцеладзе и А. Арабули. Тб., 1988, с.201-202.

отражен в легендах о нартах и ацанах. Согласно одному преданию, в далеком прошлом в Абхазии жил народ цанов, являвшихся пастухами; поскольку они были безбожниками, бог наказал цанов - их жилища и они сами погибли в огне пожара.[1] Настоящее предание связано со специфическими археологическими памятниками Абхазии, имеющими полуциклопический, мегалитический характер. Они встречаются в горах и представляют собой изгороди, имеющие вид четырехугольника или неправильной окружности, предположительно – загон для скота. Абхазы называют их «ацангвара»//«цанигвара», то есть «жилище цанов». По мнению академика С. Джанашиа, из абхазского предания о цанах видно, что на современной территории Абхазии апсуа - абхазам предшествовало картвельское (сванское и мегрело-чанское) население. В приведенном предании отражен именно этот факт.[2] Абхазский историк, этнограф Ш.Д. Инал-ипа, специально изучивший абхазские этно-генетические предания, отмечает, что в них отражена реальная история.[3] Интересно, что в абхазском (апсуйском) историческом фольклоре, в отличии от фольклора других уголков Грузии, отсутствуют имена царицы Тамар и других знаменитых грузинских царей. Основоположник Абхазского царства Леон II и другие его преемники тоже не оставили никакого следа в абхазском (апсуйском) историческом фольклоре. В нем представлены совершенно иные жизненные и бытовые реалии, что вовсе не удивительно. В абхазском (апсуйском) историческом фольклоре отражены реалии позднесредневековой истории (историко-героические песни и предания), или далекого прошлого (Нарты, Песня об Аирге, Ажвейпшаа и др.). Они отражают примитивный быт и религиозные представления горских племен.[4] Интересно, что по абхазскому Нартскому эпосу, Нарты (те же самые абхазы, апсуа) живут у берегов Кубани. Правда, в некоторых преданиях о нартах упоминается и р.Бзыбь, но это явное отражение позднейших реалий. Во время научной экспедиции в Абхазии, известному ученому В. Абаеву один абхазский старик так и сказал: «Нарты родом из Кубани».[5]

На этническую экспансию северокавказских горцев в северо-западную Грузию указывал современник завершения этого процесса, выдающийся русский историк и государственный деятель В.Татищев (1686-1750годы). В своей книге «История Российская» он пишет, что Абхазия - часть северной Мегрелии, которую турки и кабардинцы называют Авхазос, а русские именовали обезами, «ныне оной большую часть кубанцы наполняют».[6] Истинность сообщения историка не подлежит сомнению, тем более, что эту информацию В.Татищев

[1] С.Джанашиа. Тубал-Табал, Тибарен, Ибер. – Труды, кн. III. Тб., 1959, с. 14 (на груз. яз.).
[2] Там же, с.15.
[3] Ш.Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с.201-212.
[4] Н.Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии (1990), с. 618; Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии, с.140.
[5] В.Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. Л., 1949, с. 321.
[6] В. Татищев. История Российская, т. 1. М., - Л., 1962, с. 171.

мог получить будучи губернатором Астрахани. То, что именно «кубанцы», в частности апсуа-абазины принимали участие в этом процессе, подтверждает видный немецкий ученый Ю.Клапрот, по которому, черкесы, проживающие на Северном Кавказе, абхазов называли «куш-хазиб-абаза», что означает «захребетные абазины».[1] В своих трудах Ю.Клапрот неоднократно подчеркивал, что апсуа – абхазы являлись аборигенами не Абхазии, а северо-западного Кавказа (см. здесь же, с. 93).

Англичанин Эд. Спенсер же писал (1851 г.), что живущие в окрестностях Сухуми абхазы «частично являются потомками крымских (кабардинских- авт.) и кубанских ханов и султанов, которые со своими племенами поселились в этих местах».[2]

Примечательно мнение известного русского историка А. Дъячкова-Тарасова, который хорошо знал Абхазию. «Думается, - писал он, - что большое племя абасков,... (то есть, джиков и абазин – авт.), теснимое адыгейскими племенами, частью перевалило за Гагринский кряж, частью за перевалы Псеашха, Ахбирц, Цагеркер, Марух, Клухор. Произошло это не так давно, быть может, в XVI, XVII веках... Некоторые думают, что мингрельцы жили значительно севернее, что в эпоху основания Сухуми здесь господствовали мингрельцы...».[3] Вскоре он пришел к окончательному выводу: «Абхазцы не всегда обитали там, где теперь живут, а предания их и многие исторические данные и обычаи указывают, что они пришли с севера и потеснили картвельские племена, пока не остановились у Ингури».[4] Следует отметить, что до начала XX века грузинская, русская и европейская историография, за редким исключением, современных абхазов считала переселенцами из северо-западного Кавказа (см. здесь же, с. 91-97).

В абхазских родовых преданиях часто встречаются сюжеты о переселении. Например, среди старейшин фамилий Ашуба сохранилась легенда о переселении их предков в с.Джгерда из Псху. Фамилии же Адлейба, Агрба и Инапшба прибыли в Абхазию из Карачая. В фамилиях Квициния, Авидзба и Зухба сохранились предания о приходе в Абхазию с Северного Кавказа или района Сочи. Согласно одной абхазской легенде, фамилия Ачба пришла в Абхазию из-за хребта. Представители фамилий Гунба, Тванба и Тания знают, что их предки впервые поселились в с. Дурипш совместно с дворянином Лакрба, получившего это село в дар от самого владетеля. В конце XVII в. в с. Звандрипш поселился пришедший из Ахчипсы Пчкул Амаба совместно с одним Даутия и тремя Папба. Они привезли с собой 18 семей зависимых крестьян по фамилии

[1] Klaproth I. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in der Iahren 1807 und 1808. Erster Band/Halle und Berlin, 1872, s.459; Д. Мусхелишвили. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности. - Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999, с.141.

[2] Сведения К.Коха и Э.Спенсера о Грузии и Кавказе. Перевод с немецкого, введение комментарии Л.Мамацашвили. Тб., 1981, с. 135 (на груз. яз.).

[3] А.Дъячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. Тифлис, 1903, с. 36, 50.

[4] А. Дъячков-Тарасов. Бзыбская Абхазия. – Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества, т. XVIII. Тб., 1905, с. 65.

Киасалаа. Владетель поручил Амаба присмотр за своим Звандрипшским виноградником и винным погребом. Представители фамилии Чирикба прибыли из Кабарды, поселившись сначала в Сочи, а затем в Абхазии – Яштухе.[1]

Конечно же, приведенные легенды и предания точно не определяют эпоху переселения в Абхазию кавказских горцев, однако вместе с вышерассмотренными сведениями о миграционных и этнических процессах в Абхазии XVII века, эти данные заслуживают внимания.

Религиозная ситуация. До 80-х годов XVII в. в северо-западной части Одиши (между реками Ингури и Келасури) процветало христианство. Здесь действовали три епископства - Бедийское, Моквское, Драндское. В этом же крае располагались знаменитые Киачский и Ципурийский монастыри и десятки церквей. Совершенно иная ситуация была собственно в Абхазии. Создавшаяся здесь в позднем средневековье тяжелая политическая и социально-экономическая ситуация, вызванная сменой населения, проявлялась и в религиозной жизни местного населения, его духовной культуре в целом. Христианство весьма ослабло, церкви и монастыри не функционировали. Исключения не составлял и фактически опустевший с середины XVI в. Пицундский храм, хотя формально он оставался католикосской кафедрой.

Дж. Лукка отмечает, что в патриаршей Пицундской церкви службу ведет один священник, сельское население ходит в храм. Он говорил об единичном случае, когда богослужение так или иначе проводится по правилам, а не об общей ситуации. Местный правитель выглядит мусульманином, о чем говорит его имя - Карабей и тот факт, что на описанной Джованни да Лукка церковной службе он не присутствовал.[2] В отличии от Карабея, «князь» Путо, узнав причину приезда Дж. да Лукка, предложил ему остаться в Сухуми, сообщил гостю о том, что и он и его подданные - христиане и им нужен такой же священник, какой имеется у живущих по соседству грузин, или каковым является он сам.

По словам Кастелли, князья Шарвашидзе «хотят просветить страну святой верой христовой, которую они признают, но не имеют ни одного священника».[3] Эвлия Челеби характеризует религиозную ситуацию в Абхазии следующим образом: «Если назвать их кафирами (то есть неверными, немусульманами - авт.), то человека убьют. Если назовут мусульманом - обрадуются. Они не знакомы с Кораном и не имеют веры. Однако не любят кафира, а за мусульманина душу отдадут».[4]

[1] А.Фадеев. Краткий очерк…, с. 51; С. Зухба. Абхазское устное народное творчество, с. 214.336; И.Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. Сухуми, 1951, с. 93, 109; Ш. Инал-ипа. Дурипш. – Известия Абхазского института... XXIX, Сухуми, 1959, с. 82; Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, с. 103; Пахомов. Записка об имениях князя Георгия Шервашидзе. – И. Антелава, Г. Дзидзария. Материалы по истории Абхазского княжества. – Исторический вестник. Тб., 1953, т. 7, с. 277.

[2] Б.Ломинадзе. Из истории грузинских феодальных отношений, т. I. Тб.,1966, с.216.

[3] Хр. Кастелли. Сведения и альбом о Грузии, с.177, 192.

[4] Книга путешествий Эвлия Челеби, ч. I, с.106.

Свидетельство Иерусалимского патриарха Досифея о крещении Леваном II Дадиани 40 000 абхазов и назначение для них епископа[1] является явным доказательством того факта, что на территории тогдашней Абхазии между реками Бзыбь и Анакопиисцкали (ныне р.Псырцха) коренное христианское грузинское население уже сменили язычники-горцы. В противном случае не было бы необходимости в массовом крещении населения в крае, где на протяжении многих веков функционировали Пицундская кафедра, церкви и монастыри в Лыхны, Анакопии, Гагре, Бомборе, Анухве и др.

Во время пребывания Патриарха Антиохийского Макария в Мегрелии, а именно, в Мокви, к нему явились абхазы и приняли от него крещение. Они просили патриарха «поехать к ним и окрестить всех абхазов, ибо они давно жаждут иметь у себя людей, которые бы их окрестили и научили христианской вере. Эти абхазы составляют в наше время большую нацию и называются абазами. До недавнего времени все они считались христианами и у них же находился католикосский престол, который теперь находится в Имеретии. До сих пор еще величественная церковь Апостола Андрея (в Пицунде – авт.), через которого они приняли христианство, находится в их стране и весьма почитается ими. В наше время лишь немногие из них умеют перекреститься и делать земные поклоны (большинство же из них и этого не знают), так как у них нет священников и никто вообще о них не заботится и не учит их». Патриарх Макарий «посвятил для них нового Моквского епископа, представил его вышеупомянутым представителям абхазского племени и велел ему отправиться к ним для обучения и крещения их».[2] Явившиеся к патриарху Макарию абхазы, безусловно, оставшиеся там грузины, еще сохранившие христианскую веру, а большинство населения ничего в христианстве не понимающее – это новое языческое население, утвердившееся в Абхазии с середины XVI века. Никаких иных причин исчезновения христианства в окрестностях Пицундского патриаршего храма, кроме смены населения, история не знает.

Во время нашествий абхазских и северокавказских племен на Мегрелию, вместе с деревнями разрушались церкви и монастыри. По свидетельству итальянских миссионеров, в начале 80-х годов XVII в. по приказу Квапу Шарвашидзе были убиты более 100 «греческих», то есть православных священнослужителей.[3] Настоящей причиной массового истребления и изгнания священнослужителей из захваченной территории являлась их верность Одишским и непокорность абхазским владетелям, а не надуманный предлог о краже статуи Святого Стефана, украшенной драгоценными камнями.[4]

[1] М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, кн. 1, с. 28.
[2] Макарий Антиохийский. Сведения о Грузии, с. 106.
[3] М.Тамарашвили. История католичества..., с.209.
[4] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с.266.

Из-за ситуации, создавшейся в северо-западной части Одиши с конца XVIIв., служители церкви вынуждены были перевести книги, иконы, кресты и другую церковную утварь во внутренние районы Мегрелии. Например, образ Святого Георгия из Киачского монастыря перевезли в Обуджскую церковь, Киачскую икону Архангела – в с. Чога; Моквское евангелие, переписанное в 1300г. – в Мартвили; из двух Моквских икон Богородицы, одна попала в Зугдидскую церковь, другая – в Хобский монастырь. Икона Влахернской Богородицы из Бедии, считавшаяся главной святыней Дадиани, перевезли в Мартвили.[1]

В начале 80-х годов XVII в. прекратили функционирование Драндское и Моквское епископства. На рубеже XVII-XVIII веков завершился разгром и других очагов христианства, церковного хозяйства, особенно к западу от р.Галидзга. Несмотря на старания католикосов Давида Немсадзе и Григола Лордкипанидзе, сохранение многочисленных церковных поместий на территории современной Абхазии не удалось. Часть оставшихся в живых церковных крестьян, как уже отмечалось, пришельцами были проданы в рабство туркам. Небольшая же часть крестьян при содействии католикоса Григола Лордкипанидзе переселилась за Ингури.[2]

Несмотря на утверждение языческих порядков, в Абхазии все же сохранилось почитание церквей, благоговение перед святынями. Данное обстоятельство безусловно указывает на то, что несмотря на все миграционные процессы, в этом крае осталась значительная часть прежнего грузинского населения. Согласно Ламберти, Илорская церковь Святого Георгия пользовалась большим почитанием не только грузин, но и абхазов. «Церковь эта в большом почете не только у всех мингрельцев, но и у соседных народов. Поэтому церковь эта очень богата серебром и золотом: все иконы сделаны из этих металлов и украшены драгоценными камнями... Эта церковь в почоте у всего народа, так что хотя она стоит в отдаленном месте и близко к морю, но нечего бояться, чтобы кто-нибудь обокрал ее... Даже если бы поблизости к церкви на дороге рассыпали драгоценные камни, то и те никто не смел бы тронуть. Этого святого боятся не только здешние жители, но сами абхазцы, очень искусные воры по природе, и турки, которые совершено лишены света христианской религии».[3] По словам того же автора, на праздник Святого Георгия в Илори «не только одишцы, но даже и абхазцы и сваны в большом числе приходят...»[4] Согласно одной реляций Дзампи, Илорскую церковь весьма почитают и соседние народы. Он писал: «Окрестные народы очень благочестивы, хотя нехристиане. Самые близкие соседи - абхазы, аланы, джики и другие неверные не осмеливаются ее ограбить, хотя хорошо знают, эта церковь очень богата, в особенности драгоценностями

[1] Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии, с.112-113.
[2] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с.281-282.
[3] А.Ламберти. Описание Колхиды, с. 153.
[4] Там же.

и деньгами.[1] Шарден в Скурче (по словам автора - в Исгауре), в устье р.Кодори, своими глазами видел знатного абхаза в сопровождении прислуги; среди принесенных им для продажи вещей «была риза с образа вся серебряная». Выяснилось, что сам образ они оставили в церкви, «не осмелившись унести из боязни, что святой их убьет»[2].

По уничтожению христианских центров в Абхазии появляются новые языческие святыни, привезенные горцами: Инал-куба (Иналова могила в Псху), Дидрипш (в с. Блабурхва), Чигур-них (в с. Джирхва), Аац-них (в с. Аац), Аганиха (в с.Мармарискари) и др. Интересно, что часть языческих святынь располагалась на месте разрушенных апсуа-абхазами православных церквей.[3]

Несмотря на радикальные этнополитические, социально-экономические и культурные изменения, в XVII веке Абхазия оставалась частью грузинского культурно-политического мира.

[1] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 годах. Тб., 1902, с. 95.
[2] Путешествие Шардена по Закавказью, с. 108.
[3] Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазии, с. 158.

Глава X. Антропологические данные к этногенезу абхазов

В антропологическом отношении абхазы одна из хорошо изученных этнических групп Кавказа. Изучена соматология[1], краниология[2], генетические маркеры крови[3], дерматоглифика[4], одонтология[5], физическое развитие абхазов[6]. Однако, взгляды авторов как относительно антропологического типа, так и этногенеза абхазов до сих пор остаются предметом дискуссии.

В.В. Бунак в своей известной работе «Антропологический состав населения Кавказа» антропологический тип абхазов рассматривал как локальный вариант нижне-рионского типа кавказской расы. Грузинские антропологи[7] включали их в причерноморский вариант колхского типа переднеазиатской расы. В. П. Алексеев включал абхазов вместе с адыгами, кабардинцами, также как и

---

[1] В.В.Бунак. Антропологический состав населения Кавказа. - Вестник Государственного Музея Грузии, т. XIIIA. Тб., 1946, с.95-108;Г.К. Джанберидзе. Абхазо-адыгейские взаимоотношения в свете данных антропологии. Тезисы докладов VII научной сессии Института экспериментальной морфологии Академии Наук Грузии. Тб., 1956; Г.К. Джанберидзе. Проблема происхождения абхазов в свете антропологических данных. Атореферат кандидатской диссертации. М.,1963; М.Г. Абдушелишвили. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тб., 1964; А.А. Воронов, П.К. Квициния,А.П. Пестряков, Н.В. Саламатина. Антропоморфологическая характеристика абхазов. - Абхазское долгожительство. М., 1987, с. 94-100; П.К. Квициния. Антропологическая характеристика. - Абхазы. М., 2007, с. 39-48; Очерки из истории Грузии. Абхазия. Тб.,2007, с.173-177 (на груз. яз.); Л.О. Битадзе, Ш. Г. Лалиашвили, Т.Н. Джашашвили. Антропо-генетическая характеристика абхазов. - Аналеби, 2008, №2, с. 341-360. (на груз. яз.).

[2] М.Г. Абдушелишвили. Материалы к краниологии Кавказа. - Труды института экспериментальной морфологии Академии Наук Грузии, т. 5. Тб., 1995, с. 327-392(на груз. яз.); М.Г. Абдушелишвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тб., 1966; В.П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974; Богданов А.П. О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил. - Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии,т.XXXV,вып.4.М., 1882.

[3] А.А. Воронов. Геногеография факторов крови в Закавказье. - IX Международный Конгресс антропологических и этнографических наук. М.,1983,с.1-20; Robert E. Ferrell, Naira Salamatina, S.M. Dalakishvili, N. A. Bakuradze, and Ranajit Chakraborty. A population Genetic Study in the Ochamchir Region Abkhazia, SSR. American journal of Physical Antropology., 1985, p. 63-71, 66.; А.А.Воронов,С.М.Далакишвили, Н.В.Саламатина, Р.У.Фуррелл. Генетическая характеристика абхазов. Генетические исследования. – Абхазское долгожительство. М., 1987, с.127-135.

[4] И.П. Ладария. К изучению дерматоглифики населения Кавказа. - Советская Этнография, 1975, №4, с. 121-130; Г.Л. Хить. Дерматоглифика народов Кавказа. - Полевые исследования института этнографии, М., 1980, с. 189-198.; Г.Л Хить, В. О Асланишвили. Новые материалы по дермотоглифике населения западного Кавказа. - Полевые исследования института этнографии. М., 1986,с.170-174.

[5] Р.С. Кочиев. Одонтологическая характеристика этнических групп Кавказа. - Тезисы докладов на Всесоюзной научной сессии, посвящённой итогам полевых исследований 1970г., Тбилиси, апрель, 1971; Р.С.Кочиев. Одонтологическая характеристика этнических групп Кавказа. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1971; В.Ф. Кашибадзе. Дифференциация населения Кавказа по одонтологическим данным. - Вопросы антропологии, 1988, вып. 80, с.75-83; Г.А. Аксянова. Характеристика зубной системы (сроки прорезывания, расовые особенности, пораженность кариесом). – Абхазское долгожительство. М., 1987, с. 120-127; В.Ф Кашибадзе. Кавказ в антропологическом пространстве Евразии. Одонтологическое исследование. Ростов-на –Дону, 2006.

[6] П.К. Квициния. Морфологические особенности коренного населения Абхазии (на примере мужчин абхазов). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1982; Е.Н.Миклашевская, В.С. Соловьёва, О.А. Гилярова, М.Ю Пескина. Особенности соматического развития детей и подростков абхазов. - Феномен долгожительства. М., 1982, с. 160-169; Е.Н. Миклашевская. Ростовые процессы у детей и подростков различных этнотерриториальных групп СССР. Автореферат докторской диссертации. М., 1985, 47 с.

[7] Абдушелишвили. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тб., 1964; Г.К. Джанберидзе. Проблема происхождения абхазов в свете антропологических данных. Атореферат кандидатской диссертации. М., 1963.

большинство аджарских популяций в группу понтийских популяций балкано-кавказской расы[1].

П.Квициния считает более приемлемым включение абхазов в локальный антропологический вариант адыгского типа балкано-кавказской расы[2]. По **его** мнению, формирование морфологического типа абхазов произошло на той же территории, которую они сегодня занимают. Основание для такого заключения ему дают «сравнительно морфологические и палеоантропологические материалы»[3], хотя на первой же странице цитируемой работы, автор отмечает, что кроме современной абхазской серии, которая неоднократно была исследована рядом авторов, ... «Другие какие-либо серии черепов из Абхазии в антропологическом изучении абхазов до сих пор не рассматривались[4]. Что же касается сравнительно морфологического анализа, в рассматриваемой работе он не проведен, а сама работа является вариантом ранее опубликованной статьи[5]. Отрицая взгляды грузинских антропологов, П. Квициния отмечает, что ... «Последующими антропологическими и генетическими исследованиями (Алексеев,1974;Хить,1983; Воронов ,1974) эта точка зрения была серьезно поколеблена»[6].

Рассмотрим подробно приводимые П.Квициния работы, которые якобы серьезно изменили взгляды относительно происхождения абхазов.

Этногенез абхазов на основании анропологических данных рассмотрены в нескольких работах. Первым, кто серьезно заинтересовался этим вопросом, был Г.Джанберидзе. По его мнению, соматологические данные свидетельствуют об исторических связях абхазов в большей мере с грузинским этническим миром, чем с адыгским. Этногенез абхазов рассматривал он, как переход одной из этнографических групп грузин на адыгскую речь[7]. Там же Г.К. Джанберидзе заключает, что собственно антропологические исследования позволяют сделать исторический вывод этнического значения о том, что «подавляющее большинство физических предков абхазского народа было родственно не предкам других адыгских народов, а картвелоязычним предкам современных грузин».[8]

Народы абхазско-адыгской языковой семьи, а также представители картвельской языковой семьи (аджарцы), по мнению В.П.Алексеева, «в подавляющем большинстве относятся к понтийской группе популяций и, следовательно, представляют потомков древнего населения и имеют местное происхожде-

[1] В.П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
[2] П.К. Квициния. Антропологическая характеристика. - Абхазы, М., 2007, с. 39-48.
[3] Там же, с.42.
[4] Там же, с. 39.
[5] А.А. Воронов, П.К. Квициния, А.П.Пестряков,. Н.В. Саламатина. Антропоморфологическая характеристика абхазов. – Абхазское долгожительство, с. 94-100.
[6] П.К. Квициния. Антропологическая характеристика. - Абхазы, с. 41.
[7] Г.К. Джанберидзе. Проблема происхождения абхазов в свете антропологических данных. Автореферат... М. 1963.
[8] Там же, с. 10.

ние[1]. В названной П. Квициния работе В.П. Алексеев, опираясь на данные Г.Джанберидзе, считает «Вхождение абхазов в состав народов адыгской языковой семьи осуществлялось, по-видимому, сравнительно поздно и во всяком случае представляет собой вторичное явление в их этнической истории. Но краниологические материалы по абхазам не дают возможности окончательно решить этот вопрос, так как такие материалы отсутствуют по западным этнографическим группам грузинского народа – мегрелам и имеретинцам»[2].

Г.Л. Хить в монографии «Дерматоглифика народов СССР (1983) среди 41 популяций Кавказа определила место абхазов среди понтийской расы на основании выделенных пяти элементов ($Dl_{10,}$ I_{Cum}, t, Hy, сумма ДМТ) кожного рельефа, имеющих расово-диагностическую ценность и одному (Th/1), имеющему ограниченное таксономическое значение. По мнению Г.Л. Хить, анализ основных признаков показал, что абхазы гораздо ближе к понтийской расе, чем переднеазиатской, причем они отличаются от понтийской в том же направлении, в каком понтийская раса отличается от переднеазиатской[3]. Проведённый детальный анализ данных Г.Л. Хить показал, что процентная разница между понтийской и переднеазиатской расами по основным признакам минимальна по дельтовому индексу (Dl10) - 0,39%, индексу Камминса (I cum)–0,42%, узору на тенаре и I подушечке (Th/1)-0,1%, дополнительным межпальцевым трирадиусам (ДМТ)-1,0%, осевому трирадиусу(t)-1,3%, узору на гипотенаре (Hy)-1,3%). В тоже время количество ДМТ среди абхазов (16,4%) не намного, но все же ближе к частоте этого признака, характерной для представителей переднеазиатской (20,7%), чем понтийской (21,7%) рас. В женских группах различия между этими расами несколько выше, а наибольшая процентная разница отмечается по осевому трирадиусу t (4,8%). Именно по t абхазские женщины (52,1%) наиболее близки к переднеазиатской расе (53,9%). Кроме того, приведенная в таблице 27 дерматоглифическая характеристика основных локальных рас Кавказа[4] убеждает об очень близком морфологическом сходстве населения Кавказа. Понтийская раса наиболее близка к переднеазиатской по трем признакам (Ic, ДМТ, Th/1), к кавкасионской по двум ($Dl_{10,}$ t) и к каспийской по наличию узора на Hy. Однако, вычисленный автором восточный комплекс максимальный среди понтийской расы (41,6), минимален у кавкасионцев (34,0) и незначительное различие отмечается между переднеазиатской (39,0) и каспийской (39,4) расами. Утверждение автора, что ... «Прежде всего три расы обнаруживают сходство между собой, более заметное в мужских группах. Каспийская раса занимает более обособленное положение»[5], становится несколько

[1] В.П. Алексеев Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 193.
[2] Там же, с. 194.
[3] Г.Л. Хить. Дерматоглифика народов СССР, с. 109.
[4] Там же.
[5] Там же.

непонятной на фоне выраженного в цифрах восточного комплекса. Несколько неожиданны данные обобщенных дерматоглифических расстояний народов Кавказа,[1] в частности, малые дистанции между сванами и курдами, мохевцами и кумыками, армянами и балкарцами, мтиулами и ассирийцами. Абхазы оказались в субкластере с кабардинцами и гурийцами, которые на уровне средних дистанций объединяются с осетино-чечено-удинским и мтиуло-ассирийским субкластерами. Как видно, перечисленные народы никак не могут относиться к понтийской расе.

Дерматоглификеабхазовспециальныеисследованияпосвятила И.П.Ладария[2], которая при рассмотрении описательных дерматоглифических признаков отмечает, что между абхазо-адыгейскими народами не обнаружено большого сходства. В работе привлечены 11 этнографических групп Западного Кавказа: абхазы Очамчирского, Гудаутского, Гагрского районов, мегрелы г. Зугдиди, имеретины Самтредского района, сваны г. Местия, аджарцы Батуми, адыгейцы Шевгенского района, черкесы Хабезского и Адыге-Хабальского районов, абазины г. Черкесска и Учкекенского районов, кабардинцы Нальчика. Дерматоглифические признаки в исследованнных группах распределяются дисперсно и широко варьируют. При этом, каждая популяция характеризуется своеобразным сочетанием величин признаков. Различия между тремя абхазскими популяциями по сумме признаков примерно одинаковы. Очамчирских и гагрских абхазов (мужчин) разделяет большое расстояние. Сводная абхазская серия по сумме признаков ближе всего к аджарцам и наиболее далека от сванов[3]. Здесь необходимо отметить еще одну работу[4], в которой дана генетическая характеристика абхазов по группам крови: ABO, MNSs, Rhesus (развёрнутый), Kell, Duffy,Kidd, Lewis, P, сывороточным белкам: Hp, Tf, Gc, Cp, Al; эритроцитарным ферментам: AH 1, ADA, ACP, GPT, GLO1, LDH, PGM, PH1, PGD сел Тхина, Члоу, Моква, Гвада, Джгерда, Атара Очамчирского района и сел Лыхны, Дурипш, Калдахвара Гудаутского района. Эта работа была выполнена в рамках программы комплексного изучения популяций с повышенной долей долгожительства, поэтому основной целью было выяснение связи генетических особенностей популяций с долгожительством, а также определение однородности каждой из изученных систем. На основании генетических дистанций расчитанных между каждой парой популяций авторы приходят к заключению, что «Абжуйская и Бзыбская Абхазии стоят на грани субпопуляционного разделения. Несомненно, что популяции Абжуйских абхазов в Очамчирском районе сама по себе высоко однородна»[5]. В этой работе генетические взаимоотноше-

[1] Там же, с. 101-107.
[2] И.П. Ладария. К изучению дерматоглифики населения Кавказа. – Советская Этнография, 1975, №4, с. 121-130.
[3] Там же, с. 126.
[4] А. А.Воронов, С. М.Далакишвили, Н.В.Саламатина, Р.У.Фуррелл. Генетическая характеристика абхазов. – Феномен долгожительства, с.127-135.
[5] А. А.Воронов, С. М.Далакишвили, Н.В.Саламатина, Р.У.Фуррелл. Генетическая характеристика абхазов. – Феномен долгожительства, с.134.

ния абхазов и других кавказских народов по сумме генетических маркеров не рассматривались. Сравнения были проведены по отдельным системам. Например, распределение генных частот системы АВО у этнических групп, населяющих западную Грузию и относящихся к колхскому и кавкасионскому антропологическому типам (гурийцев, мегрелов, абхазов, сванов), не совсем обычно и выделяет их из других народов и народностей Закавказья, имеющих генные частоты по системам АВО, сходные по этой системе с большинством народов Европы и Передней Азии[1]. Из выше сказанного следует, что точка зрения о включении абхазов в колхский тип переднеазиатской расы «последующими исследованиями», приведенными в работе П.Квициния,[2] не поколеблены.

Таким образом, анализ приведенной выше литературы, касающийся как антропологического типа абхазов, так и их этногенеза, не приводит к единому мнению. Нужно учитывать, что исследования этногенеза любого народа очень сложный процесс. Несколько факторов вызывают исключительный интерес к этногенезу абхазов. Язык современных абхазов включают в абхазско-адыгскую группу иберийско-кавказских языков, а многовековые исторические, тесные культурно-политические и экономические связи сближают их с Грузией и грузинами. Кроме того, более 80% распространенных в настоящее время среди абхазов фамилий общие с грузинами. Поэтому для установления путей сложения столь многогранного феномена как этнос, необходимо приложение больших усилий представителей разных отраслей науки. Одним из значительных источником в изучении этногенеза любого народа является антропология. Антропологический материал при наличии палеоантропологических, краниологических и соматологических данных, практически охватывает всю историю, запечатленную в морфологических признаках. В данной работе для выяснения антропологического типа абхазов и направления их этногенетических связей, были исследованы очамчирские (см. рис.№1), гагрские и гудаутские абхазы в сравнительном освящении с народами Западного Кавказа, с использованием современных методов статистики. Программа исследования включала краниологию, антропометрию, антропоскопию, количественные и качественные признаки дерматоглифики, группы крови систем АВО, Rhesus (D), MN, P,Kell, Duffy.

Внутрипопуляционный анализ современной краниологической серии абхазов показал высокий полиморфизм по большинству (краниологических) признаков. Отмеченная ранее брахикрания[3] абхазов связана с небольшим продольным и средним поперечными диаметрами черепа. Кроме брахикрании, абхаз-

[1] Там же,с. 129.

[2] П.К. Квициния. Антропологическая характеристика. - Абхазы, с. 39-48.

[3] М.Г.Абдушелишвили. Материалы к краниологии Кавказа. - Труды института экспериментальной морфологии Академии Наук Грузии, 1995, т. 5, с. 327-392 (на груз. яз.); В.П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

ская серия характеризуется прямым, умеренной ширины лбом, среднешироким лицом, узким и высоким носом с высоким переносьем, резко выступающими носовыми костями, глазницы по ширине и высоте средние. По вертикальному профилю ортогнатны, в горизонтальной плоскости профилировка резкая. Характеристика для мужской и женской части серии одинакова. Различия не отмечаются и по наличию отдельных форм черепа (2/3 из которых характеризуются брахикранией и 1/3 долихо-мезокранией).

Включение в сравнительный анализ современных краниологических серий аджарцев и мегрелов показало, что абхазы, аджарцы и мегрелы сравнительно узким лицом и носом, несомненно являются представителями колхского типа. Своеобразие абхазской серии проявляется в небольшой длине основания лица, продольного диаметра и верхней ширине лица и средней ширине скулового диаметра. Абхазы, так же как и грузины – групп, которой свойственна сильная профилировка лица, подтверждаемая II компонентой. В отличие от аджарцев, абхазы менее полиморфны. Компонентный и дискриминационный анализ показали, что абхазы и аджарцы более схожи и незначительно различаются от мегрелов[1].

Краниологический полиморфизм абхазов невозможно оценить лишь на основании современной серии. Для этногенетических реконструкций необходимо привлечение материалов о населении, проживающих в Абхазии в пространстве и во времени. К сожалению, краниологические данные не только из Абхазии, но и всей территории западной Грузии малочисленны. Территория западной Грузии с древнейших времен была заселена человеком, известны многочисленные памятники, свидетельствующие о преемственной и культурной деятельности человека, однако краниологические материалы ранних эпох отсутствуют. В археологической литературе упоминается о Гумистинской культуре раннебронзового периода. В могилах этого периода погребенные лежали на боку в скорченном состоянии[2]. Краниологический и посткраниальный скелеты из этих могильников еще не вошли в научное обращение. Согласно последним археологическим открытиям, в горном абхазском селе Ачмарда Гагрского района было доисследовано пять потревоженных могил и раскопано одно неповрежденное погребение. Скелеты человека лежали на спине, головой ориентированы на юго-запад, ноги в основном вытянуты, руки вероятнее всего были скрещены, кисти рук покоились на тазовых костях. По обнаруженным артефактам, авторы датируют могильник IV-V веками н. э.[3]. В селе Арасадзых Очамчирского района начаты раскопки многочисленного поселения[4], в первом

[1] Антропологическая история абхазов, с. 62.

[2] В.В. Бжания . Результаты исследования Гумистинского поселения в 1967 г. – Краткие Сообщения Института Языкознания СССР, 15, М., 1969.

[3] В.В. Бжания., Д.С. Бжания. Новейшие археологические открытия в горных абхазских селах Ачмарда и Арасадзыхъ. Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Махачкала, 2007,с.189-193.

[4] Там же, с. 191.

полевом сезоне найдено свыше 1500 фрагментов керамических сосудов, 70-80% из которых принадлежат фрагментам сосудов эпохи бронзы, остальные относятся к античности и средневековью[1]. Краниологический материал с территории Абхазии развитого средневековья (5 мужских и 1 женский череп) добыт в Гудаутском районе с. Дурипш.[2] Дурипшская серия характеризуется средним продольным и поперечными диаметрами, головной указатель брахикранный, лицо средней ширины, по лицевому указателю эуропрозопный. Нос средней ширины и высоты, переносье очень высокое, лицо резко профилированное в горизонтальной плоскости. Комплекс перечисленных признаков включает их в переднеазитскую расу. Население Грузии, в том числе и Абхазии, этого периода генетически и морфологически входило в круг вариаций переднеазиатской расы. По основным краниологическим признакам сходство средневековой абхазской серии к современной бесспорно.

В последнее время появились краниологичесие материалы с территории западной Грузии. Черепа добыты в Имеретии эпохи средней бронзы (Сагварджиле 1м), раннеантичного периода (Саирхе,2 м и 1 ж), позднеантичного (Джиети, 10 м и 10 ж), раннефеодального (Вани, 1 м); эллинистического (Нокалакеви, 12 м), раннефеодального (Нокалакеви, 1 м), развитого средневековья (Цаленджиха в Самегрело 1 м, 1ж), позднего средневековья (Нокалакеви, 1 м); в Аджарии - развитого средневековья (Вернеби, 12 м, 1 ж; Схалта, 20 м, 7ж, 1 св; Тхилвана, 11 м, 3 ж; Калота, 3 м, 2 ж), современного периода- мегрелы (Учабона, Цаленджиха, Медана, 9 м, 3 ж), и аджарцы (Батуми, 34 м, 26 ж). Сравнительный анализ приведённых выше материалов в пронстранстве и во времени с синхронными сериями добытых в восточной и южной Грузии позволяет сделать существенное заключение о том, что на всей территории Грузии происходил единый процесс брахикефализации и эуропрозопизации. Сопоставление синхронных краниологичесских материалов с территории Абхазии, Северного Кавказа, Грузии и Армении однозначно свидетельствует о типологическом и генетическом сходстве абхазских серий с грузинскими сериями соответствующих периодов. Несмотря на то, что в XV-XVII веках зафиксировано проникновение северокавказских групп в Абхазию, это явление при сравнении морфологических признаков серий развитого средневековья (XI-XIII веков) и современного (XIX в.) не фиксируется. Этот факт подтверждает, что в XIX веке доля северокавказских этнических групп в Абхазии была невелика.

В связи с тем, что в абхазском языке выделяют два главных диалекта - абжуйский и бзыбский,[3] соматологические материалы по абхазам обоих диалектов были собраны М.Г. Абдушелишвили в 50-х годах XX века. Изучены Гагрские (в

[1] Там же, с. 191.

[2] В 1977 г. раскопки вели археологи М. Барамидзе и М. Цвинария, антрополог В. Асланишвили.

[3] К.В. Ломтатитдзе. Абхазский язык. - Языки народов СССР. Иберийско-Кавказские языки, т. 4. М., 1967, с. 101-123.

селе Бзыбь), Гудаутские (Абгархук, Ачандара, Дурипш, Джирхва) и Очамчирские (Квитоули, Джгерда) абхазы. Им же на основании этих материалов были изучены особенности морфологического типа абхазов, определено их место в антропологической классификации народов Кавказа среди грузинских групп восточного Причерноморья[1]. Признаки, по которым абхазы были отнесены к причерноморскому варианту колхского типа переднеазиатской расы, являются: большая ширина головы, большая ширина лица, относительно тёмная пигментация, выступающий, выпуклый с опущенным кончиком и основанием нос, обильное развитие волос на груди и лице. Это те признаки, которые дифференцируют адыгский и колхский типы. Причерноморский и западногрузинские варианты колхского типа в свою очередь различаются по головному указателю, высоте лица, ширине глазной щели, хрящевому профилю носа (частоте выпуклых форм), проценту опущенных форм кончика и основания носа. Эти признаки в большей степени характерны для представителей западногрузинского варианта. Ряд признаков - толщина губ, высокий процент светлых глаз, светлые волосы, средний процент наличия складки верхнего века более характерны для групп, включенных в Причерноморский вариант колхского типа. Направление этих различий обращены в разные стороны. Характерные для причерноморского варианта признаки в морфологическом отношении приводит к адыгскому типу, а противоположное соотношение признаков в западногрузинском варианте - к иберийскому типу[2].

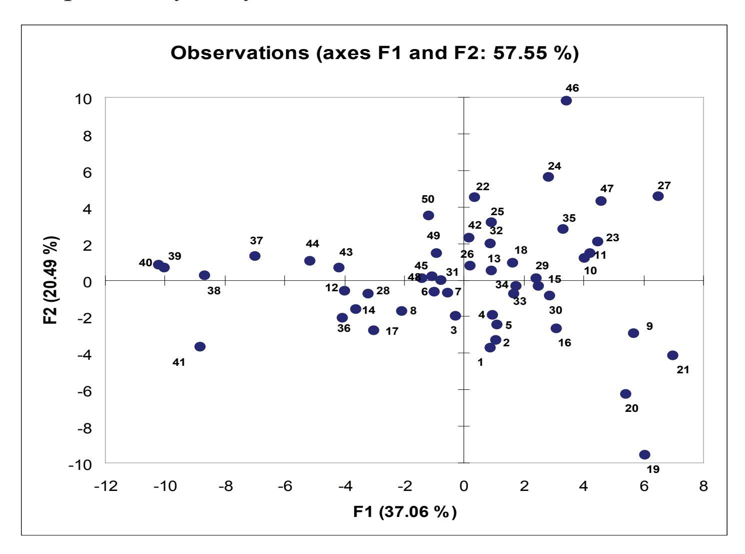

Рис. №1. Положение этнических групп западного Кавказа на проекции I-II компонентах, где абхазы: 1- Очамчиры, 2 – Гудауты, 3 – Гагры; мегрелы: 4 – Сенаки, 5 – Зугдиди, 6 – Гали, 7 – Цаленджихи, 8 – Чхороцку; лазы: 9 – Сарпи, 10 – Хелвачаури, 11 – Хелвачаури (пришлые); гурийцы: 12 – Озургети, 13 – Чохатаури, 14 – Ланчхути; аджарцы: 15 – Батуми, 16 – Хуло, 17 – Кобулети, 18 – Кеды, 19 – с. Горджоми, 20 – с. Рикети, 21 – с. Шубаани; сваны: 22 – Квемо, 23 – Балсземо, 24 – Балсквемо; рачин-

[1] М.Г. Абдушелишвили. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тб., 1964.
[2] Там же, с.67.

цы: 25 – Амбролаури, 26 – Они, 27 – горные; лечхумцы: 28 – Цагери; имеретинцы: 29 – Багдади, 30 – Вани, 31 – Чиатуры, 32 – Зестафони, 33 – Самтредии, 34 – Терджолы, 35 – Ткибули, 36 – Сачхеры; адыгейцы: 37 – абадзехи, 38 – чемгуи, 39 – бжедуги, 40 – шапсуги Тахтамукайские, 41 – шапсуги Лазаревские; черкесы: 42 – Зеленчукские, 43 – Бесленеевские; абазы: 44 – Тапантские, 45 – Ашхарские; карачаевцы: 46 – Уст-Джегутинские; балкарцы: 47 – Эльбрусские; кабардинцы: 48 – Баксанские, 49 – Лескенские, 50 – Нагорнские.

Кроме того, что современные абхазы говорят на двух диалектах, среди них распространены фамилии грузинского, северокавказского, русского и другого происхождения[1]. Поэтому был проведен внутригрупповой анализ по комплексу признаков, включающий кефалоскопические и кефалометрические признаки, описательные и количественные признаки дерматоглифики, изоантигенные системы (ABO, Rhesus, MN, Kell, Duffy) с использованием методов многомерной статистики. Анализ каждой из перечисленных систем как внутри трех популяций, так и между ними выявил значительный полиморфизм абхазов. На фоне внутрипопуляционного разнообразия отмечается межпопуляционная

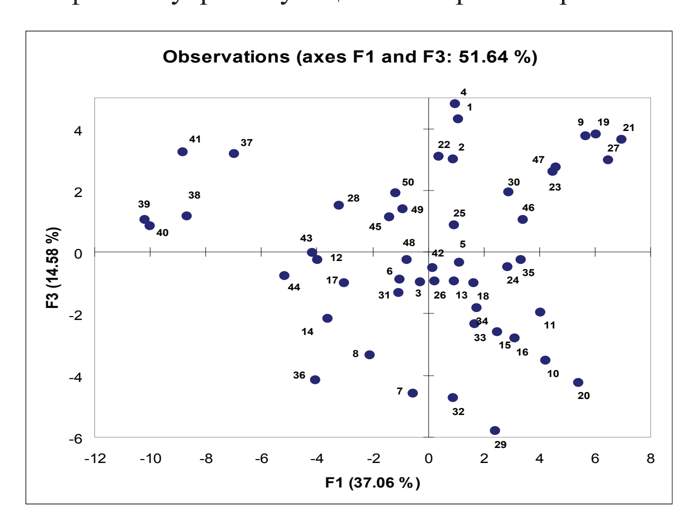

Рис. №2. Положение этнических групп Западного Кавказа на проекции I и III компонентах. 1-50 этнические группы, указанные на рис. №1.

однородность населения. Высказано мнение относительно морфологической однородности населения, которое, видимо, связано с небольшим числом фамилий, распространенных среди современных абхазов, особенностями их брачной структуры (строгая экзогамия, брачное предпочтение и направление круга брачной связи), а также древним субстратом, являющимся общим для всех территориальных и этнических групп западной Грузии[2]. Сопоставление спектра абхазских фамилий, привлеченных в исследовании по соматологической и дерматоглифической системам, выявило основное ядро фамилий, компактно расселенных в каждой абхазской популяции[3]. Количество общих фамилий в

[1] Т. Мибчуани . По кровавым следам абхазского сепаратизма. Тб., 1994, с. 82-88.
[2] Л.О. Битадзе, Ш. Г. Лалиашвили, Т.Н. Джашашвили. Антропо-генетическая характеристика абхазов. - Аналеби, 2008, №2, с. 341-360 (на груз. яз.).
[3] Антропологическая история абхазов. Тб., 2008, 311 с. (на груз. яз.).

каждой паре популяций невелико. Значит, на этом фоне отмечающая межпопуляционная однородность абхазов не связана с общим фамильным составом исследованных популяций, и видимо, является результатом свободного и непрерывного смешения. Об этом свидетельствуют и данные Г.Джанберидзе, приведенные выше. Следовательно, несмотря на различный фамильный состав, среди абхазов, дифференциация не отмечается. Видимо, в результате многократных переселений (XV- XVII веках) северокавказских групп, произошла ассимиляция населения настолько органично, что особенности пришлого и местного населения исчезли. Такое явление было возможно в том случае, если пришлый элемент морфологически значительно не отличался от местного (общекавказский субстрат) и доля нового компонента не была высокой, подавляющей, о чем можно судить по соотношению фамилий разного происхождения среди современных абхазов.

Для определения места абхазов на антропологической карте Кавказа было предпринято специальное исследование по комплексу признаков[1]. Компонентный анализ соматологических признаков (рис.1) выявил большее стремление к северокавказским группам грузинских этнографических групп, нежели абхазских. Связь гагрской популяции отмечается с более широким кругом грузинских популяций (рис.2). В пространстве I и III компонент необходимо отметить разделение абхазских популяций, причём для очамчирских абхазов наиболее близки мегрелы Сенаки, для гудаутских – квемо сваны.

На основании этих же признаков были расчитаны морфологические дистанции между каждой парой популяций Западного Кавказа[2], которые свидетельствуют о близком морфологическом сходстве народов этого региона. В то же время абхазы оказываются более близки к грузинским группам, нежели к северокавказским. Усредненные морфологические дистанции между мегрелами и абхазами (0,0893), практически идентичны аналогичным дистанциям между мегрелами и гурийцами (0,0840). Важно то, что абхазы и говорящие на одном с ними языке абазы, в ближайший круг этнических групп на основании компонентного анализа и морфологических дистанций не попадают. Поэтому на основании проведенного анализа невозможно разделить точку зрения[3] о включении абхазов вместе с адыгами в понтийскую группу популяций. Трудно так же согласиться со взглядом[4] о переходе одной группы западных грузин на адыгскую речь. Несмотря на то, что среди современных абхазов с грузинскими фамилиями, значительное большинство мегрельские по форме, имеющиеся данные не подтверждают специфического сходства с мегрелами; наоборот,

[1] Там же, с.89-160, 182-242, 254-275.
[2] Там же, с. 74-160.
[3] В.П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
[4] Г.К. Джанберидзе. Проблема происхождения абхазов в свете антропологических данных. Атореферат. М., 1963.

ближайший круг для абхазов - общегрузинский, так как наряду с мегрелами, среди них оказываются сваны, аджарцы, гурийцы, имеретины и рачинцы[1].

Распределение качественных дерматоглифических признаков населения Западного Кавказа характеризуется значительным полиморфизмом. Усредненное морфологическое сходство абхазских популяций по признакам кожного рельефа довольно высокое (r =0.9979). В то же время, абхазские популяции выявляют более высокое сходство с отдельными грузинскими группами. Например, очамчирские абхазы и гурийцы Озургети (0,9989), мегрелы Зугдиди (0,9986), Сенаки (0,9982), имеретины Багдади и гурийцы Чохатаури (0,9972) и.т.д.[2]. Анализ круга близких популяций выявил, что абхазы самым тесным морфологическим (в данном случае дерматоглифическим) сходством связаны с грузинским этническим миром. Сходство их с адыго-черкесскими группами отмечается лишь на уровне 0,9110-0,9384. Необходимо подчеркнуть, что уровень сходства 0,9 высок, однако значительно ниже среднеабхазского (0,9979) и среднегрузинского (0,9955) сходств. Среди грузинских этнографических групп среднее взвешенное сходство между гурийцами и абхазами ненамного уступает среднеабхазской. Кроме того, выделены кластеры коэффициентов сходства методом Рао[3] и парно-групповым взвешенным методом Sokal- Rohlf[4], проведён компонентный анализ[5]. Применение выше приведенных методов подтвердило близкую связь абхазов с грузинами. Впервые изучены количественные признаки дерматоглифики не только абхазов, но и всех популяций Западного Кавказа, представленных по качественным признакам. Среди ближайших групп по этой системе вместе с абхазами оказались лазы, мегрелы Зугдиди, Сенаки, Гали, балсквемо и квемо сваны, аджарцы Батуми. В отличие от очамчирских и гудаутских абхазов, ближайший круг гагрских абхазов - грузинский. Полученная информация количественных и качественных признаков дерматоглифики по своей сути идентична, так как фиксирует существующий в населении Западного Кавказа древний субстрат, который общий для всех. Абхазы не выявляют ближайшее сходство с северокавказским группами (рис. №3).

---

1 Антропологическая история абхазов. Тб., 2008 (на груз. яз.).

2 Там же.

3 С. Рао. Линейные статистические методы и их применение. М., 1968, с. 461-540.

4 RR Sokal , F.S Rohlf . 2000, Biometry. Freeman Co., New York, 887p.

5 Hammer Ø, Harper DAT, Ryan PD. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis. Palaeontologia
Electronica (2001) 4:9. (http://palaeo-electronica.org/2001_1/past/issue1_01.htm).

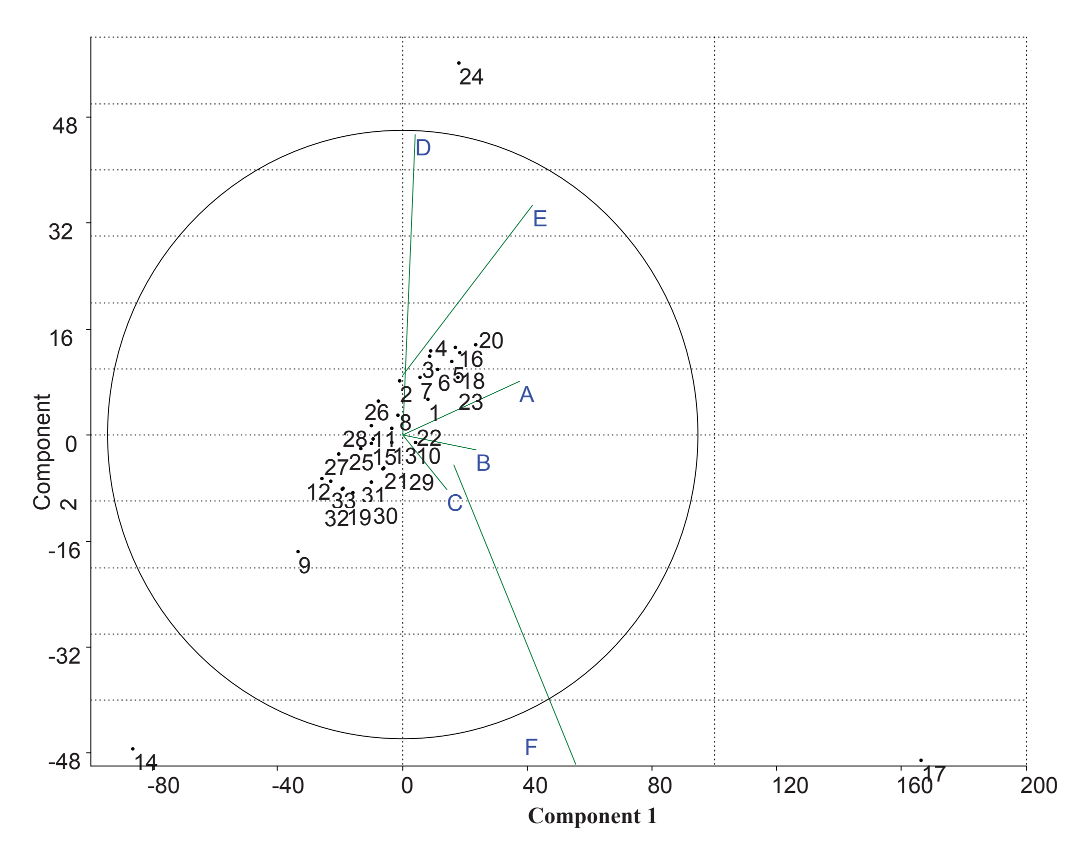

Рис. №3 Положение этнических групп по количественным признакам дерматоглифики на проекции I-II компонентах, где абхазы: 1-Очамчиры, 2-Гудауты, 3-Гагры; мегрелы: 4-Сенаки, 5-Зугдиди, 6-Гали; 7-лазы Батуми; гурийцы: 8-Озургети, 9-Чохатаури; аджарцы: 10-Батуми, 11-Хуло, 12-Кеды, 13-с. Горджоми, 14-с. Рикети, 15-с. Тхилваны; сваны: 16-Лентехи, 17-Местиа (балсземо), 18-Местия (балсквемо); рачинцы: 19-Амбролаури, 20-Они (горные); 21-лечхумцы Цагери; имеретины: 22-Багдади, 23-Чиатуры, 24-Зестафони, 25-Самтредиа, 26-Терджолы; адыги: 27-абадзехи, 28-чемгуи; 29-абазы ашхарского диалекта; 30-черкезы Адыге-Хабаль;31- карачаевцы Карачаевска; 32-кабардинцы бесленеевцы; 33-балкарцы Эльбрусские.

Ближайшее сходство часто выявляют грузинские (аджарцы, имеретины Самтредиа) группы. Этот факт, конечно не результат смешения между ними, а проявление древних общих корней.

Данные по изоантигенным системам крови выявили большую гетерогенность населения Кавказа по сравнению с дерматоглифическими и соматологическими признаками. Необходимо подчеркнуть о большем сходстве каждой абхазской популяции с отдельными территориальными группами грузин и адыге-черкесскими группами по сравнению друг с другом. Наиболее своеобразна гудаутская популяция, которая выявляет низкие уровни сходства кроме гурийцев озургетского (0,995), имеретин сачхерского (0,992) и адыгейцев Коше-Хабальского района (0,997), тогда как, с абхазами Очамчире (0,964) и

Гагры (0,977) эти показатели намного ниже. Адыги Кошехабальские единственная группа, по отношению к которой все абхазские популяции выявляют высокое сходство. Наиболее полиморфна популяция Очамчирских абхазов. На уровне 0,99-0,997 она выявляет элементы сходства с самым большим кругом популяций: мегрелами (Зугдиди), гурийцами (Ланчхути), аджарцами (Батуми, Кобулети), рачинцами (горные), имеретинцами (Багдади, Вани, Чиатуры, Зестафони, Самтредиа), адыгейцами (ульяпские, Коше-Хабальские), черкесами и абхазами Гудауты. Круг ближайших популяций абхазов Гагры вошли мегрелы (Сенаки, Зугдиди), гурийцы (Чохатаури и Ланчхути), аджарцы (Хуло), адыгейцы (Ульяпские и Коше-Хабальские), черкесы, карачаевцы и кабардинцы. По изоантигенным системам абхазы проявляют большее сходство с северокавказскими группами. Этот факт вынуждает проанализировать все коэфициенты сходства северокавказских групп с грузинскими группами. Выяснилось, что адыги Коше-Хабальского района выявляют с различными территориальными группами грузин: мегрелами Зугдиди и Гали, лазами Батуми и Кобулети, имеретинами Багдади, Чиатуры, Зестафони и Самтредиа сходство на достаточно высоком уровне (0,990-0,996).

Аджарцы Батуми оказалась единственной группой, проявляющей сходство с Ульяпскими и Коше-Хабальскими адыгами, Хабезскими черкесами. Приведённые выше примеры сходства безусловно отражают всю мозаику отдельных общих элементов в генетической структуре населения Кавказа. Разумеется, группы крови более других антропогенетических систем подвержены дрейфу генов и естественному отбору, распределения их тесно связаны с географической средой и т. д. Поэтому изоантигенные системы в большей степени дифференцируют население Западного Кавказа. Всё сказанное выше, а также результат сравнения абхазов с грузинскими и негрузинскими фамилиями по признакам, имеющим высокое таксономическое значение (наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, морфологическая высота лица, ширина носа, процент выпуклых форм носа, профиль верхней губы, головной указатель, длина тела), исчерпали все методы и возможности, позволяющие однозначно определить место абхазов среди грузиноязычных групп Западного Кавказа.[1]

Большинство абхазских фамилий грузинского происхождения – мегрельские по форме. Несмотря на этот факт, как было отмечено выше, сходство абхазов с мегрелами по совокупности антропогенетических признаков не однонаправленно, то есть ближайший круг абхазов грузинский. Различные по фамильному составу абхазские группы с грузинскими и негрузинскими фамилиями своим антропологическим обликом связаны с грузинским этническим миром. Объяснение этого факта, равно как и высокий уровень сходства адыго-черкесских

[1] Г.К. Джанберидзе. Взаимоотношения абхазов с грузинскими и адыгскими этническими группами в свете данных антропологии. Рукопись, 1960, с. 1-25 (на груз. яз.). Рукопись хранится в фонде отдела антропологии института истории и этнологии им. И. Джавахишвили.

групп с грузинами по трем независимым (соматология, дерматоглифика, изоатигенные системы крови) антропологическим системам признаков, возможно лишь наличием общего субстрата. Как правило, расовые особенности этнических групп длительное время сохраняют те формы сходства и единства, которые предшествовали их сложению. Этническая общность, возникающая взаимодействием территориально близких групп, антропологически остается в пределах изменчивости, характерной для данной территории[1].

Таким образом, антропологические данные однозначно решают проблему происхождения абхазов. Антропологический облик абхазов, сходен с обликом различных этнографических групп грузин, а значит их происхождение находится в тесной связи не с одной конкретной территориальной группой (мегрелами), а в различной дозе проявляется в отношении западногрузинских групп. Антропоскопические данные и современный фамильный состав абхазов настолько четко указывают направление и уровень этнических связей, что если бы не существовали исторические источники, топонимы, этнонимы, гидронимы, памятники зодчества с грузинскими надписями и т.д., и этого было бы достаточно для утверждения о самых тесных этнических и культурных связях абхазов с грузинами.

Анализ соматологических данных по фамильному составу абхазов подтверждает, что этническая принадлежность древнейших племен, расселенных на территории Абхазии, была грузинской. Морфологическое подтверждение этому находим в признаках дерматоглифики, как наиболее консервативных, и выявляющих наиболее древние связи, не подверженных ассортативному скрещиванию.

Любая этническая группа складывается смешением различных элементов. Абхазы не являются исключением из этого правила. Относительно этнической принадлежности абазгов и абшилов существуют противоречивые взгляды. Однако, если бы эти племена морфологически значительно отличались от окружающих их племен, то этот факт обязательно отразился бы в антропологическом облике абхазов. Отсюда можно утверждать, что древнейшее население западной Грузии морфологически было единым.

---

[1] В.В Бунак. Этнические общности и расовые деления. - Расогенетичекие процессы в этнической истории. М., 1974,с. 3-10.

Глава XI. Лингвистические основы этнической истории Абхазии

При исследовании историко-этнологических вопросов историки и этнологи часто пользуются языковыми материалами, что вполне естественно, ибо для восстановления исторической картины отдельных эпох или вовсе нет письменных источников, или их недостаточно, или же, по объективным и субъективным причинам, имеющиеся письменные сведения неясны. А язык является тем феноменом, который довольно точно отражает исторический путь, пройденный конкретным этносом и предоставляет первостепенную информацию о том, где и когда проживал данный этнос, какие ступени историко-культурного развития были им пройдены, какие отношения имелись у него с другими этносами и т.д.

Первым исследователем, уделявшим большое внимание лингвоисториографическим проблемам, связанным с генезисом и историей абхазского (апсуйского) народа, был академик Н.Я. Марр.[1] Именно его предположения стали основой для гипотез последующих авторов, согласно которым:

1. Территория западной Грузии, включая современную Абхазию, якобы первоначально была населена общими предками нынешних абхазов (апсуйцев), абазин, адыгейцев, кабардинцев и убыхов, то есть праабхазско-адыгским этносом. Подтверждением этому часть ученых считала географические названия, содержащие слоги: **ps(a)**, **q'va** и **ra.**

2. Южной границей расселения праабхазско-адыгского этноса якобы являлась центральная часть Анатолии. Эта гипотеза опирается на фонетическое сходство племенных названий абешлайцев и кашков (II тысячелетие до н.э.) с автоэтнонимом современных абхазов **apswa** и позднесредневековым грузинским названием адыгов (черкесов) **kašag-i** (ср. русск. **касоги**).

3. Фиксированные в греко-римских источниках начала н.э. **апсилы** и **абасги** якобы несомненно являлись предками нынешних абхазов и абазин. Предполагают также, будто часть абазин (тапантцы) переселилась из территории современной Абхазии на Северный Кавказ в XIII-XIVвеках, а вторая часть (ашхарцы или шкарауа «горцы») – в XVII-XVIII веках. Эта гипотеза опирается на фонетическое сходство терминов **apsil** и **abasg** греко-римских античных источников с нынешними терминами **apswa** и **abaza**.

4. Грузинское (картвельское) население якобы изначально не проживало на территории современной западной Грузии. В подтверждение тому искали и по сей день «находят» следы абхазско-адыгского языкового субстрата в мегрельском и сванском диалектах и т.д. и т.п.

[1] Н.Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1936.

С целью установления уровня истинности перечисленных и подобных им гипотез целесообразно провести краткий критический анализ первоисточников, то есть выводов Н.Я. Марра. Возьмем к примеру его статью «Из лингвистической поездки в Абхазию» (1912г.). В ней автор на основе поверхностного суждения предлагает «анализ» абхазской фамилии Губаз (**g°əbaz**), своевольно выделяя в ней 3 «компонента»: **g°ə** + **ba + z.** По его мнению, первый «компонент» является корнем абхазского слова **a-g°ə** «сердце», слог **ba** - абхазским суффиксом, оформляющим фамилии (ср. абхазские фамилии: tar-**ba**, axsal-**ba**, ak'a-**ba**…), а согласный **z** якобы восходит к грузинскому фамильному окончанию **–дзе (-ʒe)** - «сын». Автор считал, что форма **g°əbaz** является огрузинившимся вариантом исходного абхазского варианта **g°əba** «сын сердца». По его мнению, вариант **Губаз** влоследствии стал мужским именем, ср., например, цари Эгрисского царства Губаз I (50-60годы Vв.) и Губаз II (40-50 годы VIв.). С этим же именем Н. Я. Марр увязывал и название речки Губазоули в Гурии, после чего им сделан вывод, будто предки современных абхазов задолго до Vв. н.э. проживали не только на земле нынешней Абхазии, но и на остальной территории западной Грузии и грузинизация абхазов завершилась еще до рождения Губаза I[1].

Эта гипотеза не выдерживает критики по следующим причинам:

1. Нет никаких реально-исторических оснований для предположения о существовании до Vв. н.э. не только фамилий с суффиксом **–ба (-ba),** но и вообще каких либо моделей абхазских фамилий. В те времена фамильных названий не имели не только абхазы (таких сведений нет в письменных источниках), но и многие народы, стоящие на более высоком уровне развития.

2. Если мы разделим гипотезу, согласно которой общие предки нынешних абхазов и абазин до XIII века совместно проживали на земле современной Абхазии и тапантцы первыми переселились на Северный Кавказ, то логически ожидается, что и среди тапантцев и ашхарцев должны быть распространены фамилии с суффиксом **–ba,** однако материалы, собранные в тапантских и ашхарских селах, показывают, что среди тапантцев вовсе не встречается модель фамилий с окончанием на **–ба (-ba),** а среди ашхарцев этот суффикс имеется всего у 13 фамилий и то лишь в официальной русской паспортной форме, а не в разговорной абазинской[2]. Факт употребления суффикса **–ба** только в русской речи дает основание для вывода, что модель с суффиксом **–ба** не является древнеисторической для ашхарских фамилий и следует считать новейшим заимствованием из абхазского языка. Об этом говорит и следующий факт: в 20-х годах XX века 60 семей ашхарцев были переселены из Северного Кав-

[1] Там же, с. 57-58.

[2] К.В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тб., с. 223 (на груз. яз.).

каза в Абхазию, а именно, в с.Псху[1] с целью их интеграции с абхазами и увеличения таким путем удельного веса абхазского населения в Абхазии, однако до начала войны между СССР и Германией они вернулись на родину. Можно предположить, что именно в период проживания ашхарцев в с.Псху и возникли русские официальные паспортные варианты фамилий с суффиксом **–ба**, так что распространение этой фамильной модели является результатом языково-демографической политики абхазских коммунистов, а не отзвуком древнейшего исторического факта.

3. Окончание грузинских фамилий **–дзе (-ʒe)** в случаях абхазизации носителей соответствующих фамилий не переходит в вариант **–z.** Правила таковы: если носители таких фамилий недавно обабхазились, то окончание **–дзе** (-ʒe) сохраняется без изменения (Чакveta**дзе**, Руха**дзе** > Аруха**дзе**, Чхаи**дзе** > Чхии**дзе**...); если же абхазизация произошла давно, то гласный **е** заменяется дифтонгом **йа (ja)**, а согласный **дз (ʒ),** как увидим ниже, сохраняется без изменения (груз. **K'asraʒe >** абхаз. **K'aslanʒia**...).

4. Гидроним **Губазоули (Gubazouli**) произведен не от чистой основы **Gubaz (**кстати, данное мужское имя восходит к мегрельскому слову gubaz-i «вольный»), а от вторичной уменьшительно-ласкательной формы **Gubaz-a** (ср. груз. Отар-и, Гурам-и, Тамаз-и... и Отар-**а**, Гурам-**а**, Тамаз-**а**...) с присоединением грузинского же суффикса **–ur//-ul**, обозначающего принадлежность чего-либо кому-либо[2]. Подобные топонимы часто превращаются в гидронимы. Помимо этого, гидроним **Губазоули** не может быть древнее VII-VIII веков, так как в грузинском языке выражение уменьшительности и ласкательности с помощью суффикса **-а** начинается именно после этого периода.

Таким образом, следует заключить, что ни Н.Я. Марру, ни другим именитым ученым не удалось достоверно доказать факт проживания абхазского населения в Гурии – для такого вывода нет конкретных исторических и лингвистических оснований.

То же самое следует заключить и о гипотезе проживания праабхазско-адыгских племен в западной Грузии (включая Абхазию). Эта гипотеза, несмотря на то, что она была предложена выдающимися учеными (Н.Я. Марр, И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа...), опирается на своевольное и неверное толкование нескольких географических названий, содержащих слоги **ps(a), q'va, ra**.Современные исследователи не разделяют эту «теорию», видя в ней множество неувязок и ошибок (А. Ониани, Н. Ломоури, Т. Путкарадзе, М. Чухуа, Дж. Гамахария, Т. Гванцеладзе и т.д.). Для наглядности вкратце обсудим один вопрос:

[1] Там же, с. 224.
[2] Г.Т. Гванцеладзе. К истории одного типа грузинских топонимов. – Материалы VI международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп, 2008, с. 99.

На территории Гурии и Аджарии имеются несколько географических имен со слогом **q'va: Maltaq'va, Boboq'vati, Ĵuruq'veti**... В Гурии же распространены и несколько фамилий с тем же слогом: **Ingoroq'va, Roq'va, Artilaq'va**... По одному взгляду, в названных географических именах якобы следует выделить корень **q'va** адыгского (черкесского) происхождения со значением «овраг, балка», а в фамилиях будто содержится омонимический черкесский корень со значением «сын», что якобы является бесспорным доказательством того, что в Гурии и Аджарии изначально проживали предки адыгов (черкесов).Согласно второму взгляду, сегмент **q'va** в географических именах увязывается с абхазским названием города Сухуми **aq'°a** (ср. древнегрузинское название этого города **Цхуми** от сванского **cxum//cxwim** «граб, белый бук»), что якобы подтверждает обитание в Гурии и Аджарии предков абхазов в доисторическую эпоху. Однако у обоих этих взглядов имеется общий методологический недостаток: в названных топонимах совершенно произвольно, только на основе фонетической схожести, выделяется и «идентифицируется» лишь один сегмент, но никак не объясняется суть остальных частей тех же слов. Это значит, что этимологии и состав анализируемых топонимов убедительно не установлены, так как неизвестно, что из себя представляют сегменты **malta, bobo, ĵuru** и т.п. и не ясно, на каком языке следует их толковать.Что же касается вышеназванных фамилий, то следует учесть, что среди представителей родов Ингороква, Роква и Артилаква распространено предание, согласно которому их предки «под предводительством некоего Асмида Ингороква покинули страну черкесов, чтобы поселиться в Турции. На какое-то время они остановились в Абхазии, но затем, изменив свое первоначальное намерение, переселились в Гурию. От князей Гуриели они получили имения в селе Макванети...»[1]. По словам писателя и ученого П. Ингороква, его информатор, старик Окропир Ингороква «помнил все поколения фамилии Ингороква, обосновавшиеся в Гурии. Опираясь на его сведения, П.Ингороква полагает датой их переселения в Гурию начало XVIII века (П. Ингороква. О черкесском происхождении фамильного рода Ингороко. - ЭгнатэНиношвили. (Госиздат, с. 421 и далее)»[2]. Эти факты и сведения совершенно исключают бездоказательную гипотезу об изначальном проживании праабхазско-адыгского, черкесского или абхазского населения в Гурии и Аджарии[3].

1.Место абхазского языка среди родственных языков с учетом исторических аспектов. Тот этнос, самоназванием которого является **«Апсуа» (apswa)**, по поздним грузинским источникам обозначается именем **«Апхаз-и»**

[1] С.Н. Джанашиа. К генеалогии Эгнатэ Ингороква. – В книге: С.Н. Джанашиа. Черкесские дневники. Тб., 2007, с. 203.
[2] Цитировано по книге: С.Н. Джанашиа. Черкесские дневники, с. 204.
[3] Кстати, топонимы со слогом **q'va** убедительно этимологизировал на картвельской основе М. Чухуа. Его работа в печати.

(apxaz-i) (отсюда русс**. абхаз**). По лингво-этническим свойствам к абхазам ближе всех стоят абазины, адыгейцы, кабардинцы и ныне уже вымершие убыхи. Адыгейцы и кабардинцы на своих родных языках имеют обобщающее имя «адыги» (**adəγă**), а в Грузии их обозначали также обобщающим именем «черкези» (**čerkez-eb-i**).

Абхазский язык входит в северо-западную или абхазско-адыгскую группу семьи иберийско-кавказских языков вместе с абазинским, адыгейским, кабардинским и убыхским языками[1]. Реально же абхазский и абазинский настолько близки друг к другу на всех языковых уровнях, что было бы верным выделять не двух самостоятельных языков, а одного, абхазско-абазинского, если не довольно долгая традиция и влияние внешнелингвистических факторов (знаменательно, что выдающийся исследователь абхазско-абазинского языка, академик К. В. Ломтатидзе в своих работах, опубликованных до 1954 года, отдельно не выделяла абазинского языка, а тапантский и ашхарский речи считала диалектами абхазского языка). Еще более близки друг с другом адыгейский и кабардинский. Поэтому в чисто научном плане можно говорить о существовании не пяти, а трех абхазско-адыгских языков: 1.абхазско-абазинского; 2. черкесского, или адыгского и 3. убыхского. Эти языки восходят к вычлененному от общеиберийско-кавказского языка праабхазско-адыгскому языку, который мог существовать с конца II тысячелетия до н. э. и к началу н.э. распал на 3 языка. Иначе невозможно объяснить - поразительное структурное и материальное сходство, наглядно представленное в абхазско-абазинском, черкесском и убыхском языках.

Ставится вопрос о том, конкретно где проживали общие предки абхазов, абазин, адыгейцев, кабардинцев и убыхов, то есть население, говорящее на праабхазско-адыгском языке. По той причине, что не доказано присутствие носителей этого языка на территории западной Грузии, вполне логично искать их местожительство на Северном Кавказе, а конкретно на территории между Черноморским побережьем Северного Кавказа и левым берегом реки Терек. Это именно те земли, на которых в средневековых источниках фиксируются убыхи, адыгейцы, кабардинцы и абхазско-абазинские племена и где по сей день живут абазины, адыгейцы и кабардинцы, а до 1864г. жили и убыхи. Знаменательно, что из этносов абхазско-адыгской группы абхазский народ является единственным, который проживает южнее Кавказского хребта, а все остальные до 1864г. жили на Северном Кавказе. Важно и то, что до XVI века ни в одном источнике нет бесспорных сведений о присутствии какого-либо из этих этносов в Западной Грузии, зато задолго до начала новой эры здесь непрерывно указывается

[1] Некоторые политизированные авторы под давлением русской имперской идеологии вовсе отрицают родство грузинского языка с горскими кавказскими языками, что, естественно, не выдерживает критики. Этот вопрос убедительно и окончательно был решен академиком А.С. Чикобава в 1979 г. См.: А.С. Чикобава. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тб., 1979 (на груз. яз., русский перевод в печати).

племя колхов, являющихся предками грузин (не существует никаких серьезных аргументов для мнения, будто именем «колхи» обозначались и предки абхазов и абазин). Здесь же фиксировано и множество географических имен явно картвельского происхождения (см. ниже).

Где и когда могли вычлениться общие предки абхазов и абазин от праабхазско-адыгского этно-лингвистического единства? Для выяснения этого вопроса решающее значение имеет та часть грузинской летописи Леонтия Мровели «Житие царей», в которой дана схема расселения этнархов-эпонимов кавказских народов. Следует принимать во внимание то важное обстоятельство, что Леонтий Мровели при освещении событий с древнейших времен до V века н.э. вовсе не употребляет терминов **«апхази» (абхаз) и «Апхазети» (Абхазия**), чем выражена твердая концепция автора, для которого, кстати, территория современной Абхазии не является самостоятельной единицей и эта земля не только есть неотъемлемая часть Эгриси (см. выше), но и сакральным местом расположения царского города **Бедиа//Эгриси**, важнейшего политического и культурно-идеологического центра западной Грузии (Эгриси). Повествуя об общем предке кавказских народов Таргамосе, Леонтий пишет: Таргамос «дал Эгрису (то есть Эгросу – авт.) приморскую страну и назначил границами с востока малую гору, называемую ныне Лихи, с запада – море, реку Малой Хазарии, где упирается клин Кавказского хребта. А этот Эгрос построил город и назвал его своим именем – Эгриси. Ныне это место называется Бедиа»[1]. Таким образом, летописец XI века подтверждает, что именем **Эгриси** (варианты: **Эгри** и **Эгури**) первоначально обозначалась территория от Лихского (Сурамского) хребта до Черного Моря и ее северная граница достигала до у устья реки Кубань («реки Малой Хазарии»). Жителей же этой территории Леонтий обозначает общим именем **Мегри//Мегрели**, подразумевая не только предков нынешних мегрелов, но и всех грузин, проживающих на этой земле, включая сванов и лазов, но отнюдь не предков современных абхазов и абазин.

Там же Леонтий Мровели называет этнарха-эпонима **Кавкас(ос)а**, являющегося общим предком сегодняшних абхазов, абазин, адыгейцев, кабардинцев и убыхов. Унаследованной им от Таргамоса землей называется территория от левого берега реки Терек до крайне западной точки Кавказского хребта и устья реки Кубань («реки Малой Хазарии»), то есть до северо-западной границы владений Эгроса: «И отдал [Таргамос] Кавкасу [земли] от реки Ломек [=Терек] до конца Кавказа [Кавказского хребта] на западе»[2].

Нет оснований для предположения, будто летописец, путая этнических грузин с этническими абхазами и абазинами, считал Эгроса общим предком этих последних. Из текста совершенно ясно, что Леонтий Мровели общим пред-

[1] Житие Грузии. Список царицы Анны. Тб., 1942, с. 2 (на груз. яз.).
[2] Там же, с. 3.

ком абхазов (апсуа), абазин, адыгейцев, кабардинцев и убыхов считал именно Кавкасоса, что вполне логично, а западной границей их расселения указывал устье реки Кубань, вблизи которой, согласно данным античных греческих авторов, находился город **Древняя Лазика (**Лазикой же именовалась вся западная Грузия и этот термин был греческим синонимом грузинских названий: **Эгури, Эгри, Эгриси**).

Таким образом, есть все основания считать, что общие предки абхазов (апсуа), абазин, черкесов и убыхов с конца II тысячелетия до начала новой эры являлись пока еще неделимой этно-лингвистической общностью и были расселены не в западной Грузии, а на Северном Кавказе, на территории от левого берега реки Терек до устья реки Кубань, «где упирается клин Кавказского хребта», то есть до конечной точки этого хребта.

К началу новой эры праабхазско-адыгское единство начинает распадать и так возникли, с одной стороны, абхазско-абазинский, черкесский и убыхский этносы и, с другой стороны, абхазско-абазинский, черкесский и убыхский языки. Абхазско-абазинский этнос вероятнее всего состоял из двух главных этнических групп с двумя соответствующими диалектами: 1.апсуа и 2.абаза. Обобщающим автоэтнонимом абхазо-абазин следует считать термин **«абаза»**, которым и по сей день обозначают абазин их соседи, а турки с позднего средневековья тем же именем обозначают не только абазин, но и абхазов, что очень важно[1]. Исходя из вышесказанного, становится ясным, почему нет и не следует искать следов проживания предков современных абхазов, абазин, черкесов и убыхов на территории Грузии не только в доисторический период, но и до XVI века н.э., когда предки современных абхазов начали селиться на земле нынешней Абхазии. Ясно и то, что совершенно беспочвенны мифологизированные заявления некоторых абхазских авторов такого рода: «Признано – абхазский язык является одним из древнейших языков мира»; «Распад абхазо-адыгского праязыка на три основные ветви (абхазы – адыги - убыхи) начался, как считается, примерно 5 тысяч лет назад»; «Народ, говоривший на праязыке абхазо-адыгов, занимался земледелием, разводил скот, изготавливал различные ремесленные изделия, обрабатывал металлы. Это подтверждают археологические материалы из Абхазии. [...] В пользу того, что носители праязыка жили примерно в тех же условиях, в которых обитают нынешние абхазо-адыги и сформировались в пределах западнокавказской территории, говорят такие слова, как: «море», «берег», «рыба», «гора (лесистая)», «лес (лиственный)», «лес (хвойный)», «пихта», «бук», «кизил», «каштан» и т.д. О том же говорят и топонимические названия. Например, названия рек, включающие в себя элемент «псы» - вода,

[1] Ц.И. Абуладзе. Названия Грузии и грузинских политических образований в османских письменных источниках. – Иностранная и грузинская терминология понятий «Грузия» и «грузины». Тб., 1993, сс. 274-276 (на груз. яз.; резюме на рус. и англ. яз.).

река (Арипса, Супса, Акампсис, Апсар, Лагумпса), а также с названием «куа» - «овраг», «балка», «речка» и др.»[1].

Ни одно из этих положений не соответствует истине, так как: а) абхазский язык не старше абазинского, черкесского и убыхского языков и его возраст не превышает 2000 лет. В мире премного языков постарше; б) 5 тысяч лет тому назад на Кавказе реально мог существовать лишь праиберийско-кавказский язык, а не праязык абхазо-адыгов; в) археологические материалы не подтверждают присутствие абхазо-адыгов на земле нынешней Абхазии в ту далекую эпоху (см. выше, гл. II) и если археологические материалы о чем-либо говорят, то не в пользу проживания предков абхазов; г) носители праязыка абхазо-адыгов вместе жили на Северном Кавказе и нынешние абхазы не являются автохтонами Абхазии, так что археологические материалы на земле Абхазии не созданы их предками; д) слова обозначающие море, берег, рыбу, гору, лес, пихту и т. п. имеются и в лексиконе неавтохтонных народов, поселившихся поздно на Кавказе (карачаевцев, балкарцев, ногайцев, осетин...). Лишь факт присутствия таких слов недостаточен для утверждения автохтонности абхазов на территории нынешней Абхазии. Важно то, что в абхазском языке нет лексики общеабхазо-адыгского происхождения, отражающей специфику флоры и фауны именно субтропической зоны (подробнее об этом см. ниже); е) из названных О.Бгажба и С.Лакоба топонимов ни один не этимологизируется ни на праязыке абхазо-адыгов, ни на абхазско-абазинском, черкесском или же убыхском языках. Если даже допустить, будто географические имена с элементами **psə** и **q'va** в самом деле являются черкесскими, как это тщетно доказывали некоторые ученые, то при чем здесь абхазы? Разве абхазский и адыгейско-кабардинский один и тот же язык?

Таким образом, выше рассмотренный (а так же рассматриваемый ниже) языковый материал дает полную основу для следующего вывода: на территории северо-западной Грузии (современной Абхазии) до XVI века никогда не проживали предки абхазов и абазин, не говоря об убыхах и черкесах. Что же касается вымышленной «теории» о совместном проживании на этой земле двух автохтонных этносов (абхазов и грузин), то и она не имеет под собой никакой исторической и лингвистической основы.

2. Семантика терминов «Апхази», « Апхазети» и их коррелятов по данным древних источников.Часть специалистов разделяет мнение, согласно которому грузинские термины **«апхази»** (абхаз) и **«Апхазети»** (Абхазия) в историческом прошлом употреблялись со следующими значениями:

а) До IX века обозначали этнос, автоэтнонимом которого является **apswa**, и территорию нынешней Абхазии;

[1] О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба. История Абхазии. с. 4-5.

б) В IX-X веках те же имена параллельно употреблялись и с более широкой семантикой, обозначая всю западную Грузию и ее жителей (как абхазов, так и грузин);

в) С XI века до XVI **«Апхазети»** обозначал и всю Грузию, а **«апхази»** - любого жителя Грузии;

г) С XVI века эти имена утеряли широкое значение и по сей день обозначают этнос апсуа и Абхазию[1].

У этой концепции имеется серьезный недостаток, а именно: она не учитывает тот несомненный факт, что ни в одном древнем письменном источнике, составленном **до начала новой эры,** вовсе не фиксируются ни термины **«апхази»** и **«Апхазети»**, ни фонетически близкие к ним другие варианты, что очень важно. Более того, среди грузинских письменных источников термин **«Апхазети**» впервые употребляется лишь в связи с событиями V века н.э. в той части летописи Джуаншера, аутентичность которой сомнительна: «В то же самое время выступили греки из Абхазии [в рукописи А: в Абхазию, в сторону Абхазии], так как греки владели всеми сторонами ниже реки Эгрисцхали до [крепости] Цихе-Годжи»[2]. В этом месте неясны границы Абхазии. Согласно одной редакции летописи, Абхазия находилась северо-западнее реки Эгрисцхали (современная река Галидзга в Абхазии), а по другой редакции выходит, что Абхазия находилась юго-восточнее той же реки и включала современный Гальский район, а так же все Самегрело.

Что же касается других терминов, из них раньше всех, в I веке н.э. в латиноязычном источнике употребляется имя **apsil**, фонетически близкий к автоэтнониму абхазов **apswa** (ср. более поздние варианты: груз. **apšil-et-i//apšel-et-i**, греч**. apsell//apsil**, арм. **apšeγ**), а фонетически сходные с именем **abaza** варианты **abasgos//abaskos//abasxos** в греческих источниках появляются со IIв. н.э. Часть историков отождествляет термины **apsil** и **apswa**, **abasgos** и **abaza**, считая апсилов и абасгов предками нынешних абхазов и абазин. Однако для решения проблемы отнюдь недостаточно исходить лишь из фонетического сходства этих имен, так как нет дополнительных бесспорных лингвистических и историко-этнологических материалов, подтверждающих эту гипотезу. Например, пока еще доподлинно неизвестно, конкретно на каком языке или языках говорили апсилы и абасги в I-IIвеках н.э. (имеется лишь неконкретизированная справка, что они говорили на разных языках); нет записей апсильских и абасгских слов, чтобы решать вопрос о сущности языка или языков апсилов и абасгов; внешнее сходство терминов недостаточно для установления семантики этих слов, ибо этнонимы и племенные названия часто меняют значения под влиянием внеш-

[1] Абхазия и абхазы..., с. 3.

[2] Житие Грузии. Список царицы Анны...с. 94. Здесь же есть и случай употребления термина «Апхазети» в связи с событиями I в. н.э., однако этот пример справедливо считается анахронизмом и интерполяцией. См.: И.А. Джавахишвили. Сочинения в двенадцати томах, т. VIII. Тб., 1977, с. 177 (на груз. яз.).

нелингвистических факторов, что ясно видно и из истории употребления самих терминов **apxazi** и **abasgos**. Так что, до тех пор, пока не выяснены эти вопросы, проблема этно-лингвистической идентичности апсилов и абасгов к I-IIвеках н.э. остается открытой, хотя, несмотря на это, все же возможно заключить:

До VIв. н.э. на грузинском языке термином Apxazeti не обозначались ни территория нынешней Абхазии, ни ее часть.

Привлекает внимание факт употребления в греческом языке VIв. н.э. в широком, явно политическом, а не в этническом значении терминов **Abasgia** и **abasgos**. К этому времени Византия с целью ослабления картвелоязычной Лазики (Эгриси) объединила Абасгию и явно картвельскую Санигию, что отразилось и в греческом языке – греческие авторы новое политическое образование стали именовать обобщенно-расширенным термином **Abasgia**[1]**,** то есть этот термин в VIв. в греческом языке превратился в политоним, что явилось результатом имперской политики Византии и отражал взгляд захватчика. Следовательно, вероятнее всего, что в грузинском письменном языке до VIв. н.э. вовсе не употреблялись термины **apxazi** и **Apxazet**i, соответствующие терминам **abasgos** и **Abasgia** (во всяком случае до Vв. эти имена не фиксируются в грузинских источниках). Этот политический акт способствовал внедрению анализируемых названий именно с политической семантикой. Говоря иначе, термины **apxazi и Apxazeti** вошли в грузинский письменный язык не как этнически маркированные имена, а как чисто политические наименования. Вспомним, что Леонтий Мровели в своей летописи вообще не пользуется этими именами и это в сочинении, описывающем историю Грузии с древнейших времен именно до Vв. н.э. и в которой особое внимание уделяется вопросам расселения народов Кавказа.

С VI же века Абасгия, то есть политическая Абхазия, с помощью Византии набирает силы и расширяет свои границы в юго-восточном направлении, что к 70-80-м годам VIIIв. закончился тем, что княжество Апхазети почти полностью включало в себя всю западную Грузию[2]. Естественно, рост территории княжества отразился и в расширении семантики анализируемых терминов (**Abasgia – Apxazeti** и **abasgos – apxazi**): в VI-VIIIвв. и термины **apxazi – abasgos** являлись политонимами, а не этнонимами. Что же касается терминов **Apxazeti – Abasgia**, то они в VIв. являлись названиями лишь малой, северо-западной части нынешней Абхазии, а к концу VIIIв. – всей Западной Грузии, о чем есть прямое указание в сочинении грузинского писателя Иоана Сабанисдзе «Мученичество Святого Або» (около 786г.), согласно которому княжество уже включало в себя земли от Халдей и Трапезунта (ныне г.Трабзон в Турции) до Напсайского (Никопсийского) порта (ныне с.Новомихайловское вблизи г.Туапсе, в Российской

[1] Д.С. Летодиани. Политические отношения Абхазети, Абшилети и Санигети с Эгрисом (Лазикой) в IV-VIII веках. Тб., 1991, с. 39 (на груз. яз.).
[2] З.В. Папаскири. Абхазия – это Грузия. Тб., 1998, сс. 110-111 (на груз. яз.).

Федерации) и Лихского (Сурамского) хребта[1]. Эти данные опровергают гипотезу, согласно которой термин **apxazi** якобы до IXв. обозначал этнических абхазов, то есть апсуйцев, а термином **Apxazeti** будто именовалась территория нынешней Абхазии. Существующий фактический материал свидетельствует о том, что с VI века до IX века оба термина в грузинском языке и термины **abasgos и Abasgia** в греческом языке имели лишь широкую политическую семантику и эта семантика непрерывно расширялась до тех пор, пока эти имена не стали маркерами всей Западной Грузии и жителей этой обширной территории[2]. Что же касается этнической сущности абасгов и апсилов в I-V веках н.э., этот вопрос для лингвистов остается открытым в силу отсутствия соответствующего прямого языкового материала. Однако есть больше оснований (например, географические имена, которые не этимологизируются на абхазском и абазинском языках, но легко идентифицируются на картвельской основе) для того, чтобы считать абасгов и апсилов этого периода грузинами (см. главу IV), но если даже подтвердится, что они были предками абхазов и абазин, то все же будет невозможным считать их автохтонным (аборигенным) населением Абхазии хотя бы по той простой причине, что до начала новой эры они не фиксируются здесь ни в одном письменном источнике.

В IX-X веках, во времена существования царства Апхазети, или Эгриси, включавшего в себя всю западную Грузию, термины **apxazi** и **Apxazeti** обозначали лишь именно эту территорию и ее население, то есть термины употреблялись в чисто политическом смысле, но имеются другие данные, представляющие большой интерес, а именно: в армянских письменных источниках этого периода в качестве синонимов терминов **apxazi** и **Apxazeti** употреблялись и термины **egeracik** «эгриссцы» и **Ašxarh egeracuc** «Страна эгриссцев»[3], которые являются точными соответствиями грузинских терминов **Egri//Eguri//egrisi** «Эгриси» и **megri//megreli** «житель Эгриси». Это означает, что тогдашние армянские авторы знали о том, что западная Грузия населена грузинами, а не апсуйцами. Подобное значение имеет и тот факт, что анонимный персидский автор X века в книге «Ketabe hodud al-alem» («Книга о границах земли»), составленной в 982-983 годах, в качестве наименования Черного моря в 5 случаях пользуется синтагмой **Горджи даря (Gorĵi darja)** «Грузинское море». Другого названия этого моря в тексте вовсе нет[4]. Важно и то, что в том же X веке в надписи на стенах Атенского храма (вблиз гор. Гори) один из грузинских

[1] Иоанн Сабанисдзе. Мученичество святого и блаженного мученика Або. – Хрестоматия древнегрузинской литературы, т. I. Составитель С. Кубанейшвили. Тб., 1946, с. 62 (на груз. яз.).

[2] Требуют особого анализа данные текста летописи Джуаншера Джуаншериани: анахронизмы, проблема аутентичности и т.д. Подробно см.: Т.И. Гванцеладзе. Интерполяции, связанные с Абхазией в тексте летописи Джуаншера. Тб., 1997(на груз. яз.).

[3] Е. В. Цагареишвили. Название «грузина» и «Грузии» в армянских письменных памятниках. –Иностранная и грузинская терминология понятий «Грузия» и «грузины». Тб., 1993, сс. 207-208(на груз. яз.).

[4] Холуд аль-Алем. – В кн.: Истахри, Ходуд аль-Алем, Хамдаллах Казвини. Перевод с примечаниями В. Путуридзе. Тб., 1937, с. 13-16 (на перс. и груз. яз.).

правителей Стефаноз Мампали упоминается как владетель эгрисцев (megrelta) и восточных грузин (kartvelta). Таким образом, источники не указывают о проживании предков абхазов и абазин на территории нынешней Абхазии в IX-X веках.

Что же касается периода между началом XI века и концом XV века, то на этом этапе анализируемые грузинские термины в основном употреблялись с широчайшей политической семантикой, обозначая все Грузинское царство, включая Армению и большую часть нынешнего Азербайджана, и ее население (грузин, армян и т.д.). Такую же семантику имели и тогдашние греческие, армянские, арабские, персидские, славянские и иноязычные корреляты терминов **Apzaxeti** и **apxazi**[1]**.** Однако к этому же периоду относится и справка из грузинской летописи «История и восхваление венценосцев» о правлении отца царицы Тамар Георгия III (1156-1184годы), в которой Апхазети указан на Северном Кавказе, рядом со страной аланов (карачаевцев и балкарцев): «Сам царь принялся за радость, отдых и охоту. Иногда, в зимние времена, он переправлялся за хребтом Лихи и достигая Понтийского [= Черного] моря, свернув доходил охотясь до Страны аланов, которая есть Апхазети, а иногда достигал и до Гургенского [=Каспийского] моря»[2]. Эта справка является древнейшим письменным подтверждением местонахождения этнической Абхазии на Северном Кавказе, а именно в бассейне реки Кубань. К этому выводу приводит учет следующих обстоятельств:

а) Страна аланов никогда не находилась южнее Кавказского хребта, тем более на территории нынешней Абхазии[3];

б) Согласно приведенной справке, чтобы попасть в страну аланов и Абхазию царю следовало с Черного моря свернуть к востоку (груз. **moic'iis** означает «он временами продвигался сюда», ср. там же: **miuc'iis zγwad p'ont'osa** «он временами продвигался туда, к Понтийскому морю»). Значит, грузинский царь, охотясь, сворачивал с берега Черного моря на восток и так попадал в Аланию и Апхазети. Видимо поворотным пунктом являлся город Никопсия (вблизи современного г. Туапсе);

в) Алания в ту эпоху не входила в состав единого Грузинского царства, то есть политической Абхазии, только являлась подданной;

г) В тексте «Жития Грузии» термины **alani** и **ovsi** («осетин») явно не являются синонимами (**ovsi** и **Ovseti** «Осетия» в ней часто употребляются, а Страна аланов – лишь в этом единственном случае). **Alani** в данном примере обозначает не осетин, а карачаевцев, о чем указывает случаи употребления в этом зна-

[1] См.: Иностранная и грузинская терминология...Тб., 1993.

[2] Житие Грузии, т.II. Тб., 1959, с. 15 (на груз. яз); Т. И. Гванцеладзе.К пониманию одного места «Жития Грузии» («Страна аланов, которая есть Апхазети»). – «Картвельское наследство», т. II. Кутаиси, 1998 (на груз. яз.).

[3] О расселении аланов в разные исторические эпохи подробно см.: А. Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003; Р. Топчишвили. Ареал первоначального расселения предков осетин – аланов. Тб., 2008 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

чении данного слова в записях и на картах европейских авторов средневековья (А. Ламберти, Хр. Кастелли...), а также тот факт, что еще 100 лет тому назад в мегрельской речи термин **alani** означал карачаевца, а **alani k'oči** – сильного, мужественного человека[1];

д) Соседство абхазов и аланов на Северном Кавказе подтверждается справкой 1375 года англичанина Джона Мандевиля, которая является древнейшей иностранной фиксацией абхазов на Северном Кавказе. Дж. Мандевиль Аланию именует как **Alon**, а этническую Абхазию – как **Abson**, ср., с одной стороны, абхаз. **Apsnə** «Абхазия» и, с другой стороны, **Absne** в записях И.А. Гюльденштедта[2];

е) Локализация этнической Абхазии за Кавказом в XII веке исключает бездоказательную гипотезу о том, будто абхазы и абазины первоначально обитали на земле нынешней Абхазии и тапантцы первыми переселились на Кубань в XIII-XIV веках;

ж) Расположение этнической Абхазии на Северном Кавказе подтверждают и выявленные в 1997 году в книгохранилище Лундского университета (Швеция) 13 карт. На одной из них, составленной известным итальянским картографом Джакопо Гастальди в 1561 году, Абхазия или Апсуйская область (**Abcvas regi**.) и городок **Aq'wa** (на карте: **Acva**, ср. нынешнее абхазское наименование г. Сухуми **Aq'wa**) обозначены на Северном Кавказе, в центре бассейна р. Кубань, а нынешняя Абхазия не выделена отдельно и является органической частью Самегрело - **Mingrelia regi.** (см. здесь же, карта № 14). Что же касается остальных 12 карт, то и на них город **Acva** указан на Кубани (карты Меркатора 1591г., Меркатора и Юдокуса Хондиуса 1633г., Юдокуса Хондиуса первой половины XVII века, Фредерика де Витта 1671г., Иоанна Янсона XVII века, Давида де Вильгелма XVIII века и т.д.).[3]

Таким образом, существует целый комплекс письменных, картографических и языковых данных, которые ясно подтверждают, что первоначальная родина современных абхазов находилась на Северном Кавказе, а именно в центре бассейна реки Кубань, переселение же абхазов на земле нынешней Абхазии началось с XVI века.

3. Вопрос происхождения термина apxazi и его связи с другими основами. Об этимологии и взаимосвязи терминов **apxazi, apswa, abaza, abasgos//abaskos//abasxos, apsil//apšil//apšel, apsari** учеными высказаны различные,

---

[1] И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. С.-Пб., 1914, с. 193; Н. Багатуриа. Тюркские племенные имена в грузинских диалектах и фолклоре (**q'azaxi, alani**). – «Картвельское наследство», т. II. Кутаиси, 1998, сс. 38-39 (на груз. яз). Ср.: Р. Топчишвили. Ареал первоначального расселения предков осетин, с. 6;

[2] Т.И. Гванцеладзе. Значение справки Джона Мандевиля 1375 года для локализации этнической Абхазии. – «Кавказоведческий сборник». Тб., 2004, сс. 48-51 (на груз. яз.).

[3] См. также карты, опубликованные в книгах: P. Allen. The Atlas of Atlases. The Map maker's vision of the World. Atlases from the Cadbury Collection. Birmingham Central Library. London, 1988; Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 817-854.

порой взаимоисключающие мнения, однако вопрос пока еще не решен. Здесь приведены лишь те взгляды, в которых более объективно учтена специфика картвельского и абхазско-адыгского групп языков.

Термин apswa. Этот термин является автоэтнонимом современного абхазского народа. В абжуйском диалекте абхазского языка и в абхазском письменном языке он представлен в форме **aps(ə)wa**, а в бзыбском диалекте в этом имени вместо простого свистящего согласного **s** содержится специфический свистяще-шипящий согласный **s’**, считающийся древней фонемой. Из этих двух вариантов термина исходной считается бзыбская форма. Вероятно, гласный **a**, стоящий в начале (анлауте) слова, не относится к корню, о чем указывают факты усечения его в отдельных случаях: ср. с одной стороны, **s-a-psəwowp’** «я абхаз» и **psəwa c’asla** «по абхазскому обычаю», с другой стороны. Исходной формой этого префикса **a-** следует считать вариант ***ja-** (ср. **a-ja-dəgj** «адыгеец»). В имени **a-pswa** выделяется также суффикс-корень **-wa** «человек», который усекается во множественном числе и одновременно восстанавливается гласный **a** после корневого согласного **s’//s: a-psa-cwa//a-psa-kwa** «абхазы». Следовательно, восстанавливается вариант корня **ps’a**, который, в свою очередь, следует считать вторичной формой от **pas’a** (установлено, что абхазско-абазинские корни изначально строились по моделям: «согласный+гласный» или «согласный+гласный + согласный+гласный»)[1]. Соответственно вырисовывается следующая схема истории термина **apswa: *ja-pas’a > *aps’a > aps’a-wa > aps’ə-wa > aps(ə)wa**. При этом следует отметить, что нет основания для увязывания корня этого термина **pas’a** с именем **mesx-i** «месхетинец», как это впервые без достаточного основания сделал Н. Я. Марр. Следует подчеркнуть и то, что пока еще нет возможности устанавливать исходную семантику корня **pas’a**.

С реально существующим и восстановленным вариантами имени **apswa** в чисто фонетическом плане ближе всех стоят латинский **apsil**, греческий **apsil//apsel**, грузинский **apšil//apšel**, армянский **apšeγ** и грузинский же **apsar**, о структуре и происхождении которых высказано немало гипотез. Среди них более реальным кажется следующий взгляд: присутствие согласных **s** и **š** в приведенных вариантах указывает на то, что для латинских, греческих, грузинских и армянских форм исходным являлся вариант корня **aps’a**, содержащий свистяще-шипящий согласный. В вариантах **apsil//apšil** и **apsel//apšel//apšeγ** явно содержится грузинский суффикс происхождения человека **–el** (чередование гласных **e > i** обычное явление для картвельских диалектов), о чем указывает и греческая форма **apselloj** (присоединение суффикса **–el** к племенным именам не чуждо для грузинского языка. Ср.: **k’ax-i > k’ax-el-i** - «кахетинец», **mesx-i** > фамилия

[1] К. В. Ломтатидзе. Слово **аоω°ə**, обозначающее человека, в абхазском. – Сообщения Академии Наук Грузии, т. IV, № 7, 1947, с. 726 (на груз. яз.); Ее же: Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Тб., 1975, сс. 8-9, 80-81, 103-104, 240 (на груз. яз.).

mesx-el-i - «месхетинец», **svan-i** > фамилия **svan-el-i** - «сван»). Согласный **γ** в армянском закономерно заменяет согласного **l** (ср. груз**. kalak-i** – арм. **kaγak** - «город», персидский **pol** – груз. **pul-i** – арм. **poγ** - «деньги»...). Что же касается формы **apsar-i** из позднесредневековой интерполяции «Жития Грузии», то и в ней выделяется картвельский суффикс происхождения человека **–ar** (ср.: груз. лит. **somxit-ar-i** «житель Сомхити», **samšvild-ar-i** «житель Самшвилде», **oltis-ar-i -** «житель Олтиси, деятель из Олтиси», **opiz-ar-i** - «житель Опизы, деятель из Опизы», мегр**. zupu-ar-i** - «житель Зуфу», **senak'-ar-i** - «житель Сенаки» и т.д.). Однако следует отметить, что установление исходной структуры слова отнюдь не означает, что выяснена и исходная семантика этого слова, так как семантика более неустойчива, чем форма слов.

Исходя из отмеченного выше, следует заключить: имя **apsilae**, впервые представленное в сочинении Плиния в I веке н.э., несомненно содержит грузинский суффикс происхождения человека – значит, римляне с именем соответствующего народа ознакомились через посредство грузин.

Термины abaza, abasgos//abaskos//abasxos, apxaz-i и ab(a)zaxa. Вопросы первичности и формовых соотношений этих терминов также является предметом разногласий среди лингвистов и историков.

Если допустить, что вариант **abask-oj**, впервые фиксированный во II в. н.э. у Флавия Арриана, и в самом деле восходит к форме **abaza**, как полагают отдельные лингвисты и историки, то остается неясным морфологическая функция конечного согласного **k**. Если форма **abaskoj** ведет начало от формы **abaza**, тогда в древнегреческом языке должна была существовать форма **αβαζα** ввиду того, что в древнегреческом вовсе не было согласного **z** и он закономерно заменялся согласным **dz (ζ).**Так что, мнение о связи анализируемых терминов остается лишь гипотезой и требует убедительного анализа фонетической и морфологической сторон вопроса.

В этой связи следует особо рассмотреть попытки Н.Я. Марра установить этимологию термина **apxaz-i**. Дело в том, что гипотезы этого автора чрезвычайно популярны, несмотря на множество неурядиц. Концепция Н.Я.Марра такова:

Термин **apxaz-i** является яфетическим (картвельским) и восходит к варианту ***abaz-x**, в котором якобы выделяется яфетический суффикс множественности **–x**, что не соответствует истине. Н.Я.Марр тутже восстанавливает якобы более древние варианты ***apaz-x, *apas-x**. По его мнению**, *apas-x >*apaz-x >** груз**. apxaz-i**, а от ***abaz-x** получены греч. **abasg**//черкес. **abaʒ+e-x**. Та же форма ***abaz-x** автором увязывается и с именем **abaza**, основу которого он вычленяет и в формах**: baz-g-un//baz-g-on** (базгуны фиксированы вблизи Каспийского моря), **bas-il-k** и **apsil** (апсилов Н.Я. Марр без сомнения считал абхазами). Корень **bas** ученым выделен также в гидрониме **bzəb** (которая реально не суще-

ствует ни в абхазском, ни в картвельском языковом мире. Имеются варианты: груз. **bzip-i** и абхаз. **bzəp** для обозначения реки Бзыбь) и в топониме **zupu**, в хорониме **Abžwa**, в именах **apswa**, **Apsnə**, а также в словах: **Tuapse, ĵiki//ζύγοι**, **adəγe**, **Odiši, Pasi** (гора), **Pašgvaši, Basiani, Fasis, Dvabzu, mesxi//mosox, maskut, Masis**, **Mcxeta, Samcxe, somexi** «армянин»[1]. Выходит, что автор местом обитания и миграции предков нынешних абхазов считал почти весь Кавказ. Для него не имеют никакого значения, насколько соответствуют его предположения историческому прошлому, или насколько основательны с лингвистической точки зрения его «этимологии». Например, не выдерживают критики его вымышленные предположения о взаимосвязи таких разноязычных слов, какими являются большинство вышеназванных имен. В бездну этих своевольных предположений теряются и те рациональные крупицы, которые несомненно имеются в анализируемой работе Н.Я. Марра. Например: с чисто лингвистической точки зрения убедительно, что греческие варианты **abasx//abask//abasg** восходят к грузинской форме **apxaz-i.** Не представляет никакой трудности доказать, что чуждый для греческого языка анлаутный комплекс **px** на основе суперации в греческом был заменен естественным для греческого ауслаутным комплексом **sx**, от которого легко могли получиться вторичные комплексы **sk//sg[2].** Соответственно следует полагать, что ближе ко II в. н.э. греки позаимствовали это слово из грузинского письменного языка, однако сказанное отнюдь не означает, будто этим именем в грузинском или греческом обозначались именно предки нынешних абхазов. Вопрос семантики терминов **apxaz-i, abasxos//abaskos//abasgos** к этому периоду ждет выяснения.

Пока еще не ясна также структура и исходная семантика термина **abaza**, хотя на данном этапе совершенно бесспорно, что с XVIв. по сей день (до этого термин не упоминается) это имя имеет следующие значения: 1. **abaza** является автоэтнонимом абазин и их же названием на языках соседних народов (адыгов, карачаевцев, балкарцев, ногайцев, осетин, русских...); 2. Со второй половины XVIв. по сей день в турецком языке термин употребляется в качестве обобщающего имени абхазов и абазин; 3. В позднесредневековых европейских источниках, а также по данным XIX-XXвеков **abaza-**ми именовались западноадыгские племена: абадзехи, шапсуги, натухайцы, мохоши, бжедуги, жанеевцы..., которые и по языку и этническим признакам являлись абазинами и в XVII-XVIII веках стали адыгами (С.Броневский, Л.Люлье, Хан-Гирей, Л.Лопатинский, А.Дирр, Л.Лавров, Н.Волкова, Дж.Коков...). Процесс адыги-

[1] Подробно см.: Н.Я. Марр. История термина « абхаз». – В кн.: Н.Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1936.

[2] Т. В. Гамкрелидзе. Из истории этнонимии древней Колхиды. - Иностранная и грузинская терминология...с. 584-585 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

зации абазин, проживающих в Адыгее, к 1929 году, во время пребывания там академика С. Джанашиа, находился в завершающей стадии[1].

С термином **abaza** фонетически близко стоят часто встречающиеся в древнерусских летописях варианты **обезы** и **обежанин**, явно восходящие к форме **abaza**, но обозначающие всю Грузию и грузин.[2] С тем же термином **abaza** по звучанию также близок карачаево-балкарский термин **ebze,** обозначающий Грузию и грузин (точнее: Сванети и сванов), хотя в том же языке имеется и термин **abaza**, в значении «абазин». Возникает вопрос: когда и от кого могли заимствовать славяне и карачаево-балкарцы эти термины для обозначения Грузии и грузин? Видимо, только тогда, когда западная Грузия и ее жители на грузинском языке именовались как **Apxazeti** и **apxazi,** то есть в IX-XV веках, а посредником являлся обитающий на Северном Кавказе какой-либо народ (половцы, печенеги или хазары).

Из множества попыток установления этимологии термина **apxaz-i** в **лингвистическом** плане интересным выглядит мнение О.И. Кахадзе, согласно которому это имя восходит к названию одной из адыгских этнографических групп **abazaxa**. По его предположению, взаимосвязь этих основ можно представить так: адыг. **abazaxa > abzaxa** > мегр. диал. ***abxaza > *abxaz-i > apxaz-i**[3]**.** Свой взгляд ученый подкрепляет двумя важными справками из черкесских дневников С. Джанашиа: 1. В адыгских языках суффикс **-xa** употребляется для образования собирательной формы фамилий и племенных имен; 2. Абадзехи до мухаджирства 60-х годов XIXв. обитали в ущельях левых притоков реки Кубань и с запада соседствовали с абазинскими племенами - баракаевцами и баговцами[4]. Здесь же следует добавить, что абадзехи, как было отмечено выше, до XVII-XVIII веков этно-лингвистически являлись абазинами, а С.Н. Джанашиа в 1929 году засвидетельствовал, что абадзехи в то время пока еще не считали себя адыгами и адыги не причисляли их к себе, а почти очеркесевшие абазины из аула Уляп (Адыгея) абадзехов считали своими ближайшими родственниками и их название **abazaxa** переводили как «ниже абазин»[5]. Важно отметить еще одно обстоятельство: в черкесском языке суффикс **–xa,** кроме вышеотмеченных функций, выражает и понятия: «ниже», «в сторону низовья реки», «западнее»

[1] Ц. И. Абуладзе. Названия Грузии и грузинских политических образований в османских письменных источниках, с. 274-275; Л.И. Лавров. «Обезы» русских летописей. – Советская этнография, № 4, 1946, с. 163; Н.Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 36; С. Н. Джанашиа. Экспедиция в Адыгейскую Автономную Область. Апрель-май 1929 г. Труды, т. IV. Тб., 1968, с. 74, 77, 98, 104, 110, 124 (На груз. яз.); С. Н. Джанашиа. Экспедиция в Адыгейскую Область. Апрель-май 1929 г. – в книге: С. Джанашиа. Черкесские дневники. Тб., 2007, с. 80,82-83, 104-105, 110, 117, 131.

[2] Г.Г. Паичадзе. Названия Грузии в русских письменных исторических источниках. Тб., 1989, с. 11-60.

[3] О.И. Кахадзе. Об основе **abxaz- //abxaza**. «Иностранная и грузинская терминология...», с. 557 (На груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.).

[4] С. Н. Джанашиа. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Труды, т. III, Тб., 1959, с. 102 (на груз. яз.); то же на рус. яз. см.: С. Джанашиа. Черкесские дневники, с.184; его же. Абадзехи. Энциклопедический материал. Труды, т. VI. Тб., 1988, с. 227-228 (на груз. яз.).

[5] С. Н. Джанашиа. Экспедиция в Адыгейскую Автономную Область..., с. 74, 77, 98, 104, 110, 124 (на груз. яз.); С.Н. Джанашиа. Экспедиция в Адыгейскую Область..., с. 80, 82-83, 104-105, 110, 117, 131 (на рус. яз.).

(С. Джанашиа, Дж. Коков). С учетом этих данных имя **abazaxa** с черкесского языка можно перевести как «нижный абазин» или «западный абазин». Можно также предположить, что до заимствования мегрельским диалектом этого термина исходный вариант abaza являлся общим именем абазино-абхазского этно-лингвистического единства, обитающего на Северном Кавказе и этот социум составляли две ветви: а) верхние, или восточные абаза, являющиеся предками нынешних абазин, и б) нижние, или западные абаза, являющиеся предками современных абхазов, шапсугов, абадзехов и других нынешних западноадыгских групп.

Этот вывод, помимо вышеотмеченных обстоятельств, подкрепляет и справка из летописи Джуаншера о походе грузинского царя Вахтанга Горгасали (V в.) на Северный Кавказ, против осетин: «Тогда там находилась Страна печенегов, граничась с Осетией, **у берегов Осетинской реки, и Джикети там был**. Впоследствии, после многих времен, бежали печенеги и джики от турок; и ушли печенеги в сторону запада**, джики же укоренились у конца Апхазети**»[1]. Эта справка подтверждает, что в V веке джики абхазско-адыгского происхождения пока еще не обитали не только на земле нынешней Абхазии, но и даже у берегов Черного моря. Это вполне согласуется с концепцией Леонтия Мровели о расселении народов Кавказа (см. выше).

Таким образом, предположение О. Кахадзе безупречно с **лингвистической** точки зрения, однако ее не поддерживают данные источников античной и раннефеодальной эпох: абадзехи вовсе не упоминаются ни в одном письменном документе до позднего средневековья.

4. Картвельский субстрат в абхазском языке. Ввиду того, что анализ письменных источников, этнонимов и племенных названий недвусмысленно подтверждает, что историческая родина предков нынешних абхазов находилась на Северном Кавказе, а территория современной Абхазии первоначально была населена картвельскими племенами, вполне естественно и то, что в фонологической системе и особенно в разных тематических группах лексики абхазского языка рельефно отражено сильное влияние субстратных слоев картвельских диалектов. Из специальной литературы хорошо известно, что на земле нынешней Абхазии первоначально проживали несколько бесспорно картвельских племен или общин[2], говорящих первоначально на пракартвельском языке, а приблизительно с начала новой эры – на мегрельском наречии и диалектах сванской группы. Следует отметить и то, что здешние сваны (за исключением населения верховьев реки Кодори) в средние века смешались с мегрелами, чем

[1] Житие Грузии. Список царицы Анны...1942, с. 103 (На груз. яз). Краткое содержание справки сохранено и в армянском переводе «Жития Грузии»: «Вошли в Баджан[ик]ети и Джикети, который находится ниже Апхазети». См.: Древнеармянский перевод Жития Грузии. Грузинский текст и армянский перевод с исследованием и словарем издал И. Абуладзе. Тб., 1953, с. 150 (на груз. и арм. яз.).

[2] Детальный обзор соответствующих источников и литературы см.: здесь же**,** в IV главе, а также: Т. Путкарадзе. Грузины. Часть I..., с. 175-200, 264-297 (на груз. яз.).

и объясняется отсутствие сванского субстрата в абхазском языке – к XVI веку, когда начинается массовое поселение абхазов (апсуйцев) на этой земле, здесь преобладало мегрельское население.

Картвельский субстрат в фонологической системе и структуре корней абхазского языка. Разницу между абжуйским и бзыбским диалектами абхазского языка составляет количество фонем (звуков): в бзыбском представлены 9 специфических согласных, которые ныне отсутствуют в абжуйском. Из этих 9 звуков 7 являются свистяще-шипящими, а 2 – гортанными. Однако, даже в самом бзыбском диалекте эти специфические согласные распространены не повсеместно, замечается явно зональный характер их распределения, а именно: первую зону составляет Отхарское наречие (крайняя северо-западная часть Гудаутского района и Гагрский район), где сохранены все 9 специфических согласных; второй зоной является Лыхненское наречие (центральная часть Гудаутского района), сохранившее 7 специфических звуков из 9; третью зону составляет Аацинское наречие (юго-восточная часть Гудаутского района), имеющее лишь 4 специфических фонем. Знаменательно и то, что в речи части потомков абхазских мухаджиров, поселившихся в 1867г. в г.Батуми и окрестных селах, которые являются выходцами из зоны между рекой Келасури и поселком Дранда, употребляется всего лишь 2 специфические фонемы[1], то есть до 60-х годов XIX века в Абхазии существовала и четвертая зона распространения специфических фонем – от реки Келасури до поселка Дранда. Нетрудно заметить, что тенденция утери специфических согласных усиливается от северо-западной части Абхазии в сторону юго-востока, то есть от Гагры к Дранде. Это явно вызвано тем, что с XVII века, когда абхазы начали селиться на юго-восточной части нынешней территории Абхазии, до 60-х годов XIX века именно четвертая зона распространения названных фонем являлась местом непосредственного соприкосновения абхазского языка с континуумом мегрельской речи. Здесь же происходила ассимиляция (апсуизация) грузин с XVII века. В центральной и северо-западной же частях Абхазии абхазы поселились еще раньше, с XVI века и их ряды непрерывно пополнялись новыми мигрантами из Северного Кавказа, что способствовало укреплению там позиций абхазского языка и сохранению специфических фонем.

Результатом влияния субстратного слоя мегрельской же речи являются и частые нарушения в абхазском языке так называемого правила двух согласных. Дело в том, что, как установлено (К. Боуда, К.В. Ломтатидзе), в абхазском и абазинском строго соблюдается структурная модель корней слов и аффиксов CV (согласный + гласный) или CCV (согласный + согласный + гласный). Согласно этому правилу, если в словоформе по соседству окажутся более двух

[1] Подробно см.: К. В. Ломтатидзе. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I…сс. 9, 170-172 (на груз. яз.); Э.К. Килба. Особенности речи батумских абхазов. Тб., 1983, сс. 7, 10.

согласных, то после первого или второго согласного должен вставляться гласный, однако в современном абхазском языке это правило часто нарушается, что является явным результатом влияния мегрельского субстрата, а в мегрельской речи широко распространены 3-4-членные комплексы согласных.

Картвельские христианские термины в абхазском языке. Как в грузинских, так и в греческих источниках имеются сведения о распространении греками христианства на нынешней территории Абхазии в I, IV и VI веках. Если же предки современных абхазов и абазин в самом деле обитали на территории нынешней Абхазии и на протяжении веков сохраняли христианскую веру, то, с одной стороны, в лексике абхазского и абазинского языков несомненно должны быть следы их тесного непосредственного контакта с греческим языком; с другой стороны, должны быть представлены христианские термины собственно абхазско-абазинского происхождения, а с третьей стороны – библеизмы (фразеологизмы, эпитеты, сравнения и метафоры, вошедшие в язык из текста Библии). Специальный анализ показывает, что: **1.** следов долгосрочного непосредственного контакта с греческим языком вовсе не видно в абхазско-абазинской лексике. Более того, сам этноним **a-bərzen** «грек» в абхазском языке заимствован из мегрельского диалекта (ср. мегр. **berzen-i,** груз. лит. яз**. berʒen-i**), что же касается этнонима **a-grek’** (абхаз.)//**grek** (абаз.), то он заимствован из русского языка недавно, о чем указывает присутствие разных согласных **k’//k** в абхазском и абазинском, отражающем разницу в орфоэпии русизмов в этих языках (кстати, в абазинском же имеется и форма **γrek** «грек», которая заимствована из устной речи кубанских казаков и отражает специфику южнорусских наречий в произношении русского согласного **г**). **2.** Не существует общих для абхазского и абазинского языков оригинальных или калькированных христианских терминов. Не заметны следы старости у малочисленной группы собственно абхазских религиозных терминов (за исключением слова **ancwa** «бог», являющегося пережитком язычества и дословно обозначающего «матери, мамы» и еще нескольких слов). Они явно созданы в поздние средние века. **3.** Ни в абхазском, ни в абазинском языках почти нет библеизмов. На основе этих данных следует заключить: у предков абхазов и абазин не имелись непосредственные, долгие и интенсивные контакты с греческим христианским миром в I-VIвв. н.э. В этом контексте чрезвычайно важно, что в абхазском языке для обозначения некоторых основных христианских понятий используются мусульманские термины, заимствованные после XVIв. из турецкого языка или через его посредство (до этого времени турки не появлялись на земле нынешней Абхазии). Например, к этой группе относятся слова: **ĵanat** «рай», **ĵahanəm** «ад», **a-maaləkj** «ангел», **a-paajmbar** «пророк», **a-k’aamet** «светопреставление», **a-ĵal** «смертный час, рок» и т.д.

Не менее важно и то, что в абхазской христианской терминологии имеется большая группа собственно картвельских и картвелизованных терминов, дающие возможность приблизительного определения времени их заимствования абхазским языком. Соответственно, с их помощью возможно установить и эпоху христианизации абхазов. К таким словам относится, например, термин **a-waxwama** «собор, церковь», который встречается как в абжуйском, так и в бзыбском диалектах абхазского языка. Первоисточником данного слова является мегрельская форма **o-xvam-e** «собор, церковь» (дословно: «место молитвы») от мегрельского же **xvama** «молиться», ср. сван. **la-qwam** «молиться». Присутствие гортанного согласного **q** в сванской речи указывает на то, что первоначально и в мегрельских формах присутствовал тот же согласный, который вместе с согласным **v** при заимствовании абхазским языком слова ***oqvame** закономерно превратился бы в бзыбском в специфический гортанный согласный **x'w,** как это и бывает при соответствии абазинского согласного **qw** и бзыбского **x'w (**в абжуйском исходный **qw** всегда заменяется третичным согласным **xw).** Однако реально в бзыбском имеется не ожидаемая форма ***a-wax'wama,** а вариант **a-waxwama.** Это означает, что название церкви абхазским языком заимствована лишь после того, когда в самом мегрельском согласный **q** был уже заменен согласным **x** подобно большинству картвельских диалектов. Процесс замены **q > x** в картвельских диалектах начался с X века. Следовательно, термин обозначающий церковь абхазским языком был заимствован лишь после X века.

В обеих диалектах абхазского языка большую восковую свечу обозначает слово **a-k'jalant'ar,** который восходит к греческой форме **kerolampter «**подставка для свечи», однако термин заимствован не из греческого языка, а через посредство мегрельской речи: груз. лит. **k'elap't'ar-i >** мегр. **k'elant'ar-i >** абхаз. **a-k'jalant'ar.** Когда же заимствовано это слово абхазским из мегрельской речи? Где и когда изменилась семантика данного слова (от «подставки для свечи» до «большой восковой свечи»)? На эти вопросы отвечают древнегрузинские письменные источники, а именно: в сочинении Георгия Мтацминдели 1042-1044годов «Житие Иованэ и Эптвимэ» слово **k'elap't'ar-i** пока еще обозначает подставку для свечи и лишь позже изменилось ее значение, о чем прямо указывает лексикограф Сулхан-Саба Орбелиани в своем толковом словаре грузинского языка (составлен между 1685-1716годами): **k'elap't'ari** – «келаптари – подставка для свечи, а ныне ошибочно так называют большую свечу»[1]. Естественно предполагать, что и мегрельский вариант слова мог изменить свою семантику именно в тот же период, между XI-XVII веками, а абхазский

---

[1] Георгий Мтацминдели. Житие Иованэ и Эптвимэ. - Грузинская проза, т. I. Тб., 1981, с. 382 (на груз. яз.); Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский словарь, т. I. Тб., 1991, с. 364.

язык заимствовал этот термин с измененной семантикой в период между XI-XVII веками.

Конечно, как анализируемые здесь, так и другие христианские термины, обозначающие важные религиозные понятия, ясно указывают на то, что: а) у предков абхазов потребность к использованию христианской терминологии возникла в период между XI-XVII веками, а это означает, что они как минимум до XI века не являлись христианами; б) предки абхазов познакомились с христианством не от греков, а от грузин и от них же позаимствовали христианскую терминологию (в том числе и греческого происхождения); в) следует считать беспочвенными гипотезы, согласно которым обитавшие на территории нынешней Абхазии апшилы и абасги, якобы являясь предками современных абхазов и абазин, приняли христианство в I, IV и VI веках; г) следует также признать, что терминами **apsil//apšil** и **abasxos//abaskos//abasgos** и в I-VI веках обозначалось грузинское население.

Эти выводы подкрепляются и тем фактом, что в абхазском языке в основном картвельскими или картвелизованными терминами обозначены такие важные христианские понятия, как: крест, Христос, христианство, христианин, Рождество, архангелы, крещение, эпископ, монах, большинство христианских праздников и т.д. Позднее распространение христианства среди абхазов (это могло произойти не ранее XVI века) и слабость христианской веры отражено и в том, что в абхазском языке почти не употребляются библеизмы и в Абхазии совершенно не встречаются абхазские географические имена, связанные с христианскими понятиями и именами святых (ср. грузинские топонимы: Ĵvari «крест», Sameba «Троица», Šemokmedi «Создатель» («Творец»), Amaγleba «вознесение», Ninoc’minda «Святая Нино», Andriac’minda «Святой Андрей» и т.д.[1]

5. Картвельская социальная терминология в абхазском языке. Если абхазы всегда жили на территории современной Абхазии, или даже с XI века являлись гражданами единого грузинского государства, или же, как полагает Б. Дж. Хьюит, их предки еще в VII-IX веках были основным населением западной Грузии[2], то как в западнокартвельских диалектах (мегрельском, имеретинском, гурийском, аджарском, лазском, лечхумском, рачинском, верхнебальском, нижнебальском, лентехском, лашхском), так и в грузинском письменном языке обязательно должны были быть представлены абхазские термины, связанные с управлением государства, социальными отношениями и канцелярским делом, а в самих абхазском и абазинском языках также должна была быть представлена хотя бы малая часть соответствующих греческих терминов. Однако реально в картвельских диалектах вовсе нет ни одного абхазского слова из этих групп, а

[1] Подробнее об этом см.: Т. Гванцеладзе. К вопросу о картвельском субстрате в абхазском языке на основе христианской культовой лексики. Сб.: «Картвельское наследство», т. I, Кутаиси, 1996 (на груз. яз.).

[2] B.G. Hewitt. The valid and non-valid application of philology to history. “Revue des études Géorgiennes et Caucasiennes”, N 6-7. Paris, 1990-1991, c. 260-261.

в абхазском и абазинском так же отсутствуют не только следы соответствущей греческой терминологии, но и коренной терминологии, связанной с управлением государства и канцелярским делом (за исключением слова, обозначающего «писать»), что очень важно.

В абхазском языке ныне представлены следующие основные социальные термины: **ah(a)** «владетельный князь; господин», **a-hwəntkar // a-k'ral** «царь, король», **a-hk'wažw** «госпожа», **a-tawad** «князь», **aamsta** «дворянин», **a-upšwəl** «принц, княжич», **a-kjahia** «упраляющий имением», **a-nxaωə** «крестьянин», **a-mac'urazku // a-mac'urazdu** «прислуга,моинале», **a-xuωə** «прислуга, дольмахоре», **a-šnaq'wma** «прислуга, шинакма», **a-xašwala** «прислуга, моджалабе», **a-gandal** «кормилица», **a-ʒʒej** «няня, воспитательница по адату аталычества», **a-grua** «пленник; моджалабе»...По оценке историков, в этих терминах отражены позднесредневековые социальные отношения[1]. Из этих терминов слова, обозначающие князя, княжича, шинакмы, кормилицу, няни являются картвельскими по происхождению, а **agrua** кроме пленника означает мегрела и привлекает внимание в том плане, что отражает агрессивные отношения пришедших с Северного Кавказа абхазов к проживающим до того на территории нынешней Абхазии грузинам (мегрелам). Дело в том, что по данным письменных источников позднего средневековья (А. Ламберти, Хр. Кастелли, Ж. Шардена, Вахушти Багратиони, Сулхана-Саба Орбелиани, В. Татищева...), абхазы нападали на обитающих на земле нынешней Абхазии мегрелов, грабили, убивали или пленили их. Из-за массового характера увода в плен мегрелов слово **agrua** «эгрисец; мегрел» на этом этапе приобрел новое значение пленника, а на следующем этапе, когда невыкупленным родственниками или прежними владельцами пленным давалось право селиться на земле новых хозяев-абхазов (апсуа), термин приобрел еще одно новое значение и стал обозначать низкую социальную категорию прислуг-моджалабе, что подтверждается докладной запиской абхазских князей Б. Эмухвари, М. Маршания, Т.Маршания и К. Инал-ипа от 23 марта 1870 года[2]. Именно от таких прислуг и возникла новая абхазская фамилия **Agrua**, представители которой до второй половины XIX века в большом количестве проживали в Дальском и Цебельдинском ущелях, а также на равнинах Абжуй, а в 1867 году были полностью выселены в Турцию[3]. Для анализируемого вопроса важно, что в абхазском языке для обозначения царя не имеется исконного слова (слово **a-hwəntkar** заимствовано из турецкого языка, а **a-k'ral** - из турецкого или русского), нет оригинальных терминов для обозначения царства и государства. Что же касается общеабхазско-абазинского

[1] Очерки истории Абхазской АССР. Часть I. Сухуми, 1960, с. 111-113.

[2] Т. Гванцеладзе. Языковые данные и их значение для исследования этнической истории Абхазии. – Проблемы истории Абхазии. Тб., 1998, с. 49 (на груз. яз.).

[3] Список мухаджиров, носящих эту фамилию см.: Б. Хорава. Мухаджирство абхазов 1867 года. Тб., 2004, с. 123-170 (на груз. яз.).

слова **ah(a)** «владетельный князь; господин», то оно только ныне расширяет семантику и приобретает значение «царь, король», этимологически же увязывается с корнем слов **ajhabə** «старший по возрасту» и **ajha** «больше». Не менее важно и то обстоятельство, что понятие родины в абхазском обозначается терминами **a-psadgil** и **a-ĵənĵt'wəla**, в состав которых входят картвельские основы **adgil-i** «место; земельный участок» и **ĵinĵ-i** (мегр.) «корень». Это означает, что понятие родины, как юридической и познавательной единицы, у абхазов активизировался лишь после их поселения на земле нынешней Абхазии.

6. Картвельские субстратные топонимы в Абхазии. Следует подчеркнуть, что ни в одном письменном источнике античной, раннефеодальной и средневековой эпох на территории нынешней Абхазии не упоминается ни одно географическое наименование, которое без проблем этимологизировалось бы на почве абхазского и абазинского языков, тогда как в тех же источниках упомянуты множество географических имен явно картвельского происхождения.

Приведем неполный список географических имен, засвидетельствованных лишь в наративных (повествовательных) источниках с древнейших времен до 1801 года и картвельское происхождение которых совершенно бесспорно:

Zigana//Ziganevi//Siganei (впервые упоминается с Iв. н.э.), **Moxora//Muxoris//Muxuri** (с Vв. н.э.), **Tsibilium//Tsibel//Tsibil//C'ebeli//C'abal** (с 554г. н.э.), **Dandari//Dranda** (с VIв. н.э.), **Fusta//Pusta, Mokvi и Ĵixaxora** (с 662г.), **Cxumi//Cxomi** (с VIIIв), **Nažaneo//Nažanevi// Nažaneuli//Nažanauri, C'amxari, T'q'auru//T'q'avru, Marmarisk'ari**, **Bedia** (с XIв. в связи с доисторическими событиями), гор. **Egrisi** (с XIв. в связи с доисторическими событиями), река **Egrisc'q'ali** (с XIв. в связи с событиями IVв. до н.э.), **Magula//Margula//Morgula//Merk'ula** (с 1615г.), **Xoiri, Xauželi, Tiliti, Č'ala** (все 1621г.), **Sk'urča//skurča** (с 1630г.), село и река **γaliʒga** (с 1639 г.), **Skavri//Isgauri//Izgauri** (с 1634г.), **K'vit'auli//K'vit'ouli//K'it'ouli//P'it'auri и Puc'q'uri** (с 1640г.), **Okumi, K'odori, Ilori, C'ipuria**, **K'orcxeri//K'orcxeli, Oluše** (все с 1654 г.), река **K'ap'et'is C'q'ali** (с XVIIIв.) и т.д.

Часть этих имен являются мегрельскими (Мухури, Джихахора, Ткауру, Хоири, Скурча, Галидзга, Пуцкури, Окуми, Кодори, Илори, Ципуриа, Корцхели, Олуше...), другая – сванскими (Пуста, Цхуми...) и третья - восходит к письменному грузинскому языку (Зигана-зегани, Мокви, Нажаневи-Нажанеули-Нажанаури, Чала-Члоу, Квитаули-Питаури[1]...). Выделяются и пракартвельские топонимы (Бедиа, Цабали-Цебели, Эгриси, Эгрисцхали...), а также гибридные, междиалектные названия (Маргула, Мармарискари, Капетисцхали...).

Привлекает внимание вопрос происхождения вариантов древнего названия **Пицунды** (груз. **Bič'vinta**), представленной в античных греческих источниках вариантами **Pitiunta//Pitius.** Выясняется, что из этих двух греческих форм

[1] Г.Т. Гванцеладзе. К этимологии названия села Квитоули. - Картвельское наследство, т. XII, Кутаиси, 2008.

древнее **Pitius,** по гречески обозначающий сосну. Это имя следует считать калькированным переводом картвельского названия **pič'vi** «сосна; хвоя»[1]. Так же несомненно картвельскими являются рассеянные практически по всей территории Абхазии географические имена: **Gagra//Gagari//Gak'ari//K'ak'ari (**от сванского **gak'ar** «ореховые деревья, орехи»**), Awadhara, Othara (**оба от мегрель**. otxire** «орешник, место рассадки мелких орехов»**), T'q'varčeli (**от мегрель. **t'q'varčelia** «цикламен»), **Genc'viši** (от сван. **gənc'iš** «ива»**), Mguʒərxva (**гибридное имя от древнегрузинского **meboʒiri** «перекресток» + абхазско-абазского **xwa//axwə** «холм»), **Merxeuli (**от сван**. merxel** «крапива»**), K'op'it'i (**от груз. **k'op'it'i** «ясень»**), Amt'q'eli (**от груз. **t'q'emali** «слива, ткемали»**), Xobi//Xwap** и мн. др[2]. В нынешних абхазских селах зафиксировано множество микротопотонимов картвельского происхождения, которые, безусловно, созданы грузинами задолго до поселения абхазов в этих селах.

Например, в с.Мокви Очамчирского района, где находится знаменитый древнегрузинский христианский храм, имеется топоним **Asaq'udara**, который восходит к древнегрузинскому слову **saq'udari** «стойбище монахов-отшельников»;

В с. Адзюбжа имеются микротопонимы: **Pškjar** ← мегр. диал. **pšker-i// pšk'er-i** "рододендрон", **Urak'** ← груз. **urek'i** "непроходимый лес", **Šwkurča** ← мегр. **skurče** "белая речушка", озеро **Alagvana//Olagvana** ← мегр. **olagvane** "место погребения винного кувшина"...;

В с. Арасадзых: **T'q'auč(a)** ← мегр. "черный лес"; **A-sačəxj//A-čačəxj** ← груз. **sačix-i** «загон для скота» или **sačex-i** «место, где колят дрова»; **Kvabal** ← мегр. **kobal-i** "хлеб, пшеница"; **Mdar** (пастбище) ← груз. **mindor-i** (имерет. **midor-i**)...;

В с.Гвада: **A-saljan** ← груз. **selian-i** «льняное поле»; **Kvian** ← груз. **kvian-i** "каменистый»**;**

В с.Гупи есть озеро, именуемое **P'ap'anc'q'ur.** Это имя восходит к мегрельскому **p'ap'anc'q'vil**-i ("пропавший поп", связано с легендой об алчном попе. Это название часто встречается и в Самегрело)...;

В с.Квитоули находится болото с двумя параллельными названиями: мегр. **Ont'q'alaši** //абхаз. **Aʒbaa...;**

[1] Подробнее см.: Т. Гванцеладзе. К вопросу о первоначальном названии Пицунды. - Вестник Кутаисского университета, № 1, 1995, с. 25-32 (на груз. яз., английский текст – там же).

[2] Подробнее см.: Т. Гванцеладзе. Картвельские субстратные топонимы в Абхазии (Сохуми, Гагра, Ткварчели). - Артануджи, №10, 2000, с. 87-92 (на груз. и англ. яз.); его же. Картвельские субстратные топонимы в Абхазии: Авадхара, Отхара. - Картвелологический сборник, т. I. Тб., 2002, с. 34-41 (на груз. яз., резюме на англ. яз.); его же. К этимологии топонима «Ткварчели» и мегрельского названия цикламена. - Картвельская ономастика, т. I. Тб., 1998, с. 102-108 (на груз. яз.); К. Ломтатидзе. Склонность губных согласных к попаданию в анлауте в абхазском языке и топоним «Амткял». - Тезисы докладов II научной конференции Общества Б. Джорбенадзе. Тб., 1995, с. 19 (на груз. яз.). См. также: П. Цхадаиа, В. Джоджуа. Географические названия Самурзакано. Тб., 2003 (на груз. яз.); П. Цхадаиа. Историческая и современная топонимия Самурзакано (Лингвистическое исследование). Тб., 2004 (на груз. яз.).

В с.Киндги представлены микротопонимы: **Ap’araxja//Op’arax’a** ← мегр. **op’arexe** “стойбище овчарок”; **At’ranĵ//At’aranĵa** ← мегр. **ot’oronĵe** “голубятник”...;

В с. Поквеши есть топоним **Abut’k’uĵra** ← мегр. **but’k’uĵi** “пчела”...;

Подобные микротопонимы встречаются и в абхазских селах Гудаутского р-на: **Məxvəršxa** «Мухурская гора» (muxur-i мегр.-сван. «сторонаж уголок»); **Gərʒə** «мегрельская вода» (с. Блабурхва); **Midar advə** (с. Ачандара; ср. имерет. диал. груз. яз. **midori** “поле”); **Mtargjalaz** ← груз. mtavarangelozi «архангел» (с. Дурипш); **Axvaĵa** (с. Калдахвара) ← мегр. **oxoĵe** “место для волов”...; **Wakara** (с. Лыхны) ← мегр. **okare** «Ветренное место»; **γjaĵgvala** (с.Джирхва) ← γeĵ(iš)gvala «Гора свиней» и т.д.

Конечно, в нынешних абхазских селах, если в них всегда проживали исключительно только абхазы, не должны были появляться картвельские микротопонимы, но поскольку они существуют, это означает, что первоначальным населением этих сел являлись именно грузины, а не абхазы.

На территории Абхазии древнейшими географическими именами, оформленными по правилам абхазского языка, следует считать названия двух селений: **Aitarne** и **Aruxa,** фиксируемые в первой половине XVI века в документе, выданном владетельным князем Одиши (Самегрело) Мамиа III Дадиани (1512-1523годы) на имя Пицундского храма Богоматери. Из этих топонимов первый восходит к абхазскому имени языческого божества скотоводства **Айтар** (ср. мегр. **Жини Антари** «верхний, высший Антари», хевсурский **Анатори**), к основе которой прибавлен абхазский топонимический суффикс **-nə**, переданный в грузинском тексте в виде **–ne**. Что же касается второго топонима, то его основой следует считать **ruxa**, который, может быть, и не является абхазским по происхождению (ср. с.Рухи в Самегрело), но оформлен абхазским префиксом **а-.** Отражение имени божества скотоводства в топониме является прямым указанием на то, что главным занятием абхазов, поселившихся в XVI веке в Абхазии было скотоводство, что согласуется со справкой Кятиба Челеби (не ранее 1645г.), согласно которой среди народа абаза (то есть абхазов) невозможно встретить мореходов, пахарей и ароб[1].

7. Картвельские фамилии среди абхазов. Несомненным доказательством массовой замены этнической идентичности грузинского населения, проживавшего на территории современной Абхазии до обоснования здесь прибывших из Северного Кавказа предков сегодняшних абхазов (апсуа), является факт широчайшего распространения среди последних картвельских фамилий. Малая часть предков людей, носящих ныне такие фамилии, не так уж давно (в XIX-XX веках) селилась сюда из различных регионов западной Грузии (главным

[1] Сведения Кятиба Челеби о Грузии и Кавказе. Перевела с турецкого, предисловием, комментариями и указателями снабдила Г. Аласаниа. Тб., 1978, с. 136 (на груз. яз.).

образом из Самегрело, а также из Имерети, Гурии, Рачи, Лечхуми). Причинами индивидуальных межрегиональных миграций грузинских предков части абхазов, судя по экспедиционным материалам, являлись: убийства князей или соседей и бегство от кровомщения, сопровождение крепостных крестьян выданным замуж за абхазскими князьями дочерям грузинских князей, обмен крепостных на породистых собак и коршунов между абхазскими и грузинскими аристократами, служебные мотивы (определение грузинских священников, педагогов, врачей, агрономов... на службу в Абхазии) и т.д. Со временем дети и внуки грузинских индивидуальных мигрантов, живших в абхазской среде, сначала теряли родной язык, переходя на абхазский, а позже у них менялась и этническая идентичность. Например, представители рода **Чхаидзе** (по абхазски: **Čxiiʒe**) в абхазском селе Джгерда, ныне считающие себя абхазами, являются потомками присланного сюда диакона Чхаидзе...[1]

Вторую группу обабхазившихся грузин составляют потомки внутрирегиональных мигрантов. Их предки, проживавшие до XVI века в грузинских селах региона, в XVI-XVIII веках были взяты в плен или в заложники и со временем в абхазских селениях были зачислены в социальную категорию Агруа (моджалабе), у которых отнималось право носить свои фамилии и давалась новая «фамилия» **Агруа** (об этом см. выше). Как видно из документов, к 60-м годам XIXв. фамилия **Агруа** была довольно широко распространена в Абхазии, особенно в высокогорной ее части (Кодорское ущелье), что прямо указывает на то, что абхазы (апсуйцы) грузинских пленников и заложников в ожидании их выкупа в основном скопляли именно там. Правильность этого вывода подтверждает география распространения фамилии **Агруа**, отраженная в составленном русскими чиновниками в 1867г. списке абхазских мухаджиров, согласно которому в Турции были выдворены 239 семейств фамилии **Агруа** из следующих сел: Науш – 28 семей, Бешиквара – 21, Лата – 18, Амчара – 17, Пушта – 15, Акытарцухва, Джихашкари и Ажара – по 13, Азанта – 10, Швакваран и Уарда – по 8, Дали – 7, Амткел, Унтпир, Наа и Када – по 6, Швхвацаа рхабла и Абгалахвара – по 5, Джампал, Камгара и Тапш-Ипа ихабла – по 4, Псырцха, Пшаури, Мрамба, Швакв и Генцвиши – по 3, Абгара и Зима – по 2, Аныхва, Гупи и Беслахуба – по 1 семей[2]. После мухаджирства в Абхазии вовсе не осталось представителей вторичной фамилии **Агруа**, а в Турции носителям этой фамилии запретили носить ее и во время паспортизации «одарили» турецкими фамилиями.

Третью, самую большую группу обабхазившихся грузин составляют те люди, которые и поныне живут на земле своих грузинских предков, автохтонов Абхазии, и не являются потомками мигрантов, хотя по объективным причинам

[1] Этот диакон упомянут в документе 1888 г. См.: Дж. Гамахария. Абхазия и православие (I в. – 1921 г.). Тб., 2005, с. 994 (на груз. яз., список священнослужителей Сухумской епархии за 1888 г. – на рус. яз.).

[2] Б. Хорава. Махаджирство..., с. 123-170.

у них изменена этническая идентичность и сегодня являются частью абхазского народа.

В грузинских юридических документах, составленных в XVI-XVIII веках, на территории современной Абхазии упоминается множество грузинских фамилий, например, такие, как: Абашиа, Аблотиа, Ардашелиа, Бебуа, Беквериа, Булискериа, Басариа, Варданиа, Вачариа, Гамсахурдиа, Гамисониа, Гаргулиа, Гармелиа, Гвагвалиа, Гвинджилиа, Гочава, Гургулиа, Джанджулиа, Джгубуриа, Джеджеиа, Этериа, Элерджиа, Кварандзиа, Квачахиа, Квеквескири, Киланава, Корсантиа, Курдгелиа, Ламандзиа, Мархулиа, Маркелиа, Мелиа, Мирцхулава, Минджораиа, Морохиа, Нанава, Оржониа, Папава, Папаскири, Папаскуа, Ригвава, Рогава, Сариа, Саруа, Секаниа, Сиргинава, Сондзиа, Сопиа, Топуриа, Торуа, Тупуриа, Убириа, Шаваиа, Шангуа, Шарангиа, Шариа, Чабрава, Чачхалиа, Чилава, Чкотуа, Чолариа, Цацуа, Харaниа, Харбедиа, Харебава, Харчилава, Хециа, Хорава, Хубутиа и мн. др.[1] На этой же территории в средневековых письменных источниках наряду с грузинскими фамилиями и христианско-каноническими антропонимами (собственными именами людей) упоминаются и десятки неканонических антропонимов картвельского происхождения, а также множество картвелизованных имен. Например: Č’uč’uria и Datia Šamigia (с. Ткауру у берегов реки Кодори); K’ak’a Ĵaiani, Lominia Gogolda, Mixlia, Kvakvalia, Vagič’ordi, Obišxuai, Mač’ixoli, Toliokro, Gurmixili, Mirčkilia, Ĵgek’oči, Orkolei, Ĵguburia Gurišia, Nak’aγmeliu, Bubut’ia, Soxerdia, Iane, Ivane, Sultama, K’očivara K’vat’ara, Baxut’a Didia, K’očilei Didia, Abramaisšvili, Mč’itanaa Čaraču, Gabriel Ʒaʒua, Abram Ʒaʒua, Irdašela Ʒaʒua, Ingaria Ʒaʒua, Marsalia Samelia, Toliokro Gogilaa и еще 31 человек из с. Нажанеули (ныне часть абхазского села Члоу в Очамчирском р-не); Xaxut’a Didia, K’ak’aia Čagua, Gogia Čagua, Uk’ulaši Lasuria, Usk’wama Lasuria, Mixilia Muzurgnia, Mamulia C’ebelara, Ĵgergešia Čagua, Gurmixila Čagua, Xuxuli Čagua, kakalia Čagua, Babadia Kunia, Ĵit’a, Ĵwarisa Ĵit’a, Važoba Grigolia, Gok’urcxia Grigolia, Sk’wamilei Ĵikia, Gamigoni Bičva, Mašut’ia didia, Toliokro didia, Gavašeli Damak’očia, Dabala, Hrγuna, Xuxulia Ambalia, Xuces Ambalia, Gamigona Ĵomnia и еще 14 жителей с.Хоири (ныне с.Охурей в Очамчирском р-не); Taimaz K’it’ia, Kwakwalia K’it’ia, Kerabin K’it’ia, Mamulia K’it’ia, Babak’wia K’it’ia, Šurimidgi K’it’ia, P’ert’ia, Ĵgergek’oči Kit’ia, Ʒγirua, Eliĵar K’it’ia, Gavašel K’it’ia, Amuγabar K’it’ia, Gavašel Amilγambari, Q’elgrʒeli Korčolua, Mamaši Korčolua (ср. фамилию Kočolava из грузинской надписи Илорского храма XIв.), K’ak’a Ĵak’onia, Važoba Ĵak’onia, P’ap’išia Ĵak’onia, Mač’ač’via Ĵak’onia, Tena Ĵak’onia, Babadiši Ĵak’onia, Sk’wamili Ĵak’onia, Koʒira Ĵak’onia, Sanat’reli Γ’waĵagia, Gomtinaria Maxut’ia, Mamulia Art’onia и еще 15 крестьян из с.Субви (Субеиши; ныне часть с.Ачигвара Гальского р-на) и Мухури

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии...Документы №№: 78, 82, 88, 94, 103 и комментарии к ним.

(Гальский р-н); Xuces Tipšxua, Mart'išia Tipšxua, Iese Tipšxua, Nanart'ia Tipšxua, Ĵgek'oči Ckuria, Sordi Ckuria, Mixilia Šunia, Šorda Gulua, Tutašxia Gulua, Mixilia Stepanask'iri, Šuritoli Stepanesk'iri, Tasia Čerčia, K'ut'ulia Stepaneskiri, Babašuri Žvanesk'iria, Badia Momardia, Mordilia Bulia, Tutašxia Kupača, Tolisk'wami Paža, Tolisk'ua K'irčxeli, Kaγara Žvanesk'iria, Toskwamia Xuxua, Xuxuloba Zarkua, Učak'oči Šant'ia, T'oroĵia, Gwagwala Šarinava, Bartime Šarinava, Lominia Cisk'arava, Šuritoli Malurava, Mama Šunia, Tosk'wamia Marxalia, Šurimidgi Čxirua, Bebli Šunia, Orkoia Girgolava, Vargibia Girgola, Tauzar Girgola, P'inate Girgola из с.Тилити (ныне часть абхазского села Абааждвахв в Очамчирском р-не); Xuces Vardania, Vartangia, Parsmania, Mitanapi Bagia, Ginʒia, Čokua, Ivana K'uk'aa, Talaber C'ebelaria, Dalaba Xalibesšvili, Gač'irdia C'eblaria, Guguriši C'eblaria, Kakalia C'eblaria, Gac'irel C'eblaria, Dask'uda C'eblaria, Zangelar C'eblaria, Girdia из села Хаужели (вблизи нынешнего абхазского села Члоу); Gairčkini Salat'ia, Učardia Salat'ia, Tosk'wamia Dušia, Ʒuk'a Dušia, Mamaia Dušia из села Гачу (предположительно находился между селами Чала-Члоу и Гупи в Очамчирском р-не); Maxu Vardania, Giorgi Vardania, Guguro, Sabedo Vardania, Mixilia Vardania, Tena Šonia, Sk'umišia Vardania, Maʒγwabla, Xwit'ia Miseria, Mamiq'ordi Niseria, K'axaber Niseria, Učardia Šonia, Uc'q'inar Niseria, Kakalia Niseria, Asp'andeli Šarina, Mač'ixolia, C'ic'a Niseria из ныне абхазского села Гупи; Tavaza Šambia (исходную форму этой фамилии Šamigia см. выше, в документе от 1525-1550 гг.), Mašut'ua Šambia, Kwakwalia Šambia, Učak'oči Č'uč'uria, Gavašel Datia из села Ткауру; Xuces Gogordava, Gvat'a Gogordava, Mixilia Čaglia (Ср. выше: Čangelia в документе от 1615г.), Bišxuplia, Mačixoli Č'ania, Šurimidgi Palia, Gičordi P'k'a, Marγia Kvacxa, Lorteγi Bibilia из села Чала (ныне Члоу) и т.д[1]. Знаменательно, что в этих документах вовсе не упоминаются абхазские (апсуйские) жители нынешней Абхазии.

Привлекает внимание тот факт, что на территории современной Абхазии выявлены более 100 грузинских надписей, выполненных с IX века на стенах храмов, крестах, мостах и т.д., однако **ни в одном из них вовсе не упоминаются ни абхазские ктиторы, ни строители, ни духовные лица, ни вельможи. В то же время,** с XI века впервые фиксируется грузинская фамилия **Кочолвай [Kočolvaj]** (Илорский храм), а впоследствии и в эпиграфике региона упомянуты множество грузин из разных социальных слоев[2]. В этом контексте следует отметить, что на территории нынешних Абжуй и Самурзакано (между реками Кодори и Ингури) до появления здесь абхазского населения, то есть до рубежа XVII-XVIIIвеков.[3], **не фиксирован ни один абхазский топоним**, кроме имени

[1] Памятники грузинского права, т. III, Церковные законодательные памятники (XI-XIX вв.). Тексты издал, примечаниями и указателем снабдил проф. И.С. Долидзе. Тб., 1970, с. 419-434 (на груз. яз.).
[2] Подробнее см.: Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии как исторический источник. I. Лапидарные и фресковые надписи. Тб., 2005 (На груз. яз.); Т. Гванцеладзе. Этнический состав населения Северо-Западной Грузии по лапидарным надписям средных веков. - Картвельское наследство, т. III. Кутаиси, 1999 (на груз. яз.).
[3] П. Цхадаиа, Историческая и современная топонимия Самурзакано...

Агу на карте А.Ламберти от 1654г. Именно после рубежа XVII-XVIII веков могли появиться в Самурзакано картвелизованные абхазские фамилии, оформленные путем присоединения грузинского суффикса **–ia < -ian** на основы с абхазским суффиксом **–ba//-iba: Ak'iš-ba-ia, Alš-iba-ia, Ezug-ba-ia, Zvam-ba-ia, Zux-ba-ia, Kec-ba-ia, Q'ol-ba-ia, Lacuz-ba-ia, Tar-ba-ia…** Носители этих фамилий, ныне являясь уже грузинами, знают, что их предки были абхазами и переселились здесь или с Северного Кавказа, или из горных районов Абхазии.

Апсуизация (абхазизация) грузинских фамилий произошла с соблюдением правил заимствования слов, характерных абхазскому языку, а именно:

а) Окончание **–(v)a** мегрельских фамилий, восходящий к суффиксу **–an** (ср. груз. фамилии: **Gig-an-i**, **Bablu-an-i, Pang-an-i, nak'-an-i…),** переосмыслен как абхазский суффикс формы собирательного множественного числа имен существительных, который встречается и в абхазских фамилиях (ср.: **amč'-ba** > собир. **amč'-aa** «Амичбовцы»...), а звукоразделительный согласный **v** не представлен, так как он и так **не произносится** в мегрельской речи. Таким путем получены абхазские варианты грузинских фамилий: **č'ətanaa < č'itana(va), səč'ənaa < sič'ina(va), tarnaa < turna(va), bigvaa < bigva(va), gerzmaa < gerzma(va), lagwlaa < lagvila(va)** и т.д.

б) Фамилии с окончанием **–ia < -ian** или сохраняют это окончание, или же вовсе усекают ее, одновременно принимая абхазский префикс общей формы имен **a-.** Ср., с одной стороны, фамилии: ger-**ia**, k'uc-**ia**, xasa-**ia**, berzen-**ia**, gul-**ia**… и фамилии**: a**-maršan < maršan-**ia** < maruš-ian-i (ср. maruš-is-ʒe), **a**-mkwab//**a**-nkwab < mikvab-**ia**//mekvab-**ia** <*mekvabe-**a**, **a**-mpar < mepor-**ia**, **a**-ĵənĵal < ĵinĵol-**ia**, **a**-bləsk'ir < bulisk'ir-**ia**//buleisk'ir-i…

в) Окончание **–ua** остается без изменений: **logua, mat'ua, asabua < esebua**... Видимо, этому способствует аналогия с превращенными в фамилии абхазских имен происхождения человека, в которых имеется абхазский суффикс **–ua//-wa**: **agr-ua** - «мегрел», **ašwan-ua -** «сван», **ašxar-ua -** «горец» (ср. фамилию **ašxar-aa** от той же основы).

При критике одного из беспочвенных положений Н.Я. Марра выше было отмечено, что собственно абхазские фамилий с суффиксом **–ba** не могли возникнуть в раннефеодальную эпоху в виду того, что тогда среди предков абхазов не было соответствующих исторических, культурных и социальных условий. И в самом деле существующие письменные источники показывают, что из нынешних абхазских фамилий ранее всех возникла княжеская фамилия **Шарвашидзе** (согласно сведениям «Жития Грузии», представитель этой фамилии Дардин Шарвашисдзе жил в XIII веке), однако эта фамилия по оформлению (имеет грузинский суффикс **–дзе** «сын») не является абхазской. Кроме того, нет никаких документальных свидетельств, бесспорно подтверждающих,

что представители этой фамилии были апсуйцами в XIII веке[1]. Как выясняется, форма **Šarvašisʒe**, фиксированная в грузинских источниках с XIII века, восходит к сванским фонетическим вариантам **Šawerš > Šawreš** (ср. фамилию **Šawreš-ian-i**), идущих от мужского имени **Šaorš** (ср. фамилию **Šaorš-a-ʒe**). Исходная форма **Šawrešisʒe** могла дать вариант **Šarvašisʒe**, от которого, в свою очередь, получена устная мегрельская форма **Šarašia**, фиксированная в позднесредневековых источниках (например, в записях К.Кастелли...) в качестве варианта фамилии Шарвашисдзе. Можно допустить и такой путь изменений: мужское имя Šalva → Šalva-ši-s-ʒe →Šarvašisʒe.Что же касается нынешнего абхазского эквивалента этой фамилии - **Чачба**, то он получен от мегрельской устной формы **Шарашиа** путем аффрикатизации согласного (**š > č**), утери согласного **r** и замены грузинского суффикса **–ia** абхазским суффиксом **–ba.** Этот вывод подтверждается и тем фактом, что представители фамилии Шарвашидзе почти до XX века считали себя грузинскими вельможами.

Второе место по древности фиксации в источниках занимает фамилия **Инал-ипа -** «сын Инала», представленная в продолжении «Жития Грузии» в связи с событиями 1533 года в форме **Inaldipa**. Абхазское происхождение фамилии Инал-ипа не подлежит сомнению. Несомненно и то, что структурная модель абхазских княжеских фамилий с суффиксом **–ipa** - «его сын» уже существовал в первой половине XVI века, что отнюдь не означает массовое существование к тому же периоду и абхазских крестьянских фамилий с аффиксами. Когда начался и когда завершился процесс массового оформления структурных моделей абхазских фамилий? Для выяснения этого вопроса следует проанализировать существующие ныне структурные модели абхазских фамилий с учетом соответствующих данных близкородственного абазинского языка.

В абхазском языке ныне имеются следующие структурные модели фамилий:

1. Фамилии без всяких аффиксов, представленные в виде чистой основы (около 40 единиц): **Аухат, Багапш -** «рыжая лиса или рыжий шакал» (ср.: абхаз. **a-bga**//абазин. **baga** «лиса; шакал» + абхаз. **apš** «рыжий»), **Барас, Барач, Барцыц, Бгеу//Бгёу, Гыруапш** - «рыжий мегрел», **Дбар, Таркил, Трапш, Капш, Киут, Кчач, Шармат, Чаблах, Чалмаз**... Эти фамилии восходят к прозвищам или мужским именам.

2. Фамилии с суффиксом **-ipa** - «его сын» (14 единиц): **Дадал-ипа, Демердж-ипа, Инал-ипа**, **Кяхир-ипа, Лад-ипа, Нар-ипа, Омер(е)кеч-ипа, Пате-ипа, Самакв-ипа, Кыжв-ипа, Шакар-ипа, Чакмач-ипа, Дзапш-ипа**. Несколько из них в документах XIX века представлены в более древней форме, с турецким окончанием **Оглы -** «сын» (**Дадал-Оглы, Демердж-Оглы**, **Омерекеч-**

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 588.

Оглы, Чакмач-Оглы), чем подтверждается турецкое происхождение одной части этих фамилий.

3. Фамилии с окончанием на **–iba//-jba** (**< -ipa**) (8 единиц): **Абдиба, Адлейба, Алтейба**, **Ашвмейба, Гадлиба** от грузинского **Гаделиа//Гадилиа, Лейба, Цейба, Цвейба**.

4. Фамилии с окончанием на **–ba (< -iba < -ipa)** (около 140 единиц): **(А)багба, Абгарба, Абыхвба, Абыджба, Агрба** (от **Агруа** «мегрел»), **Акаба, Акшба, Алшвымба // Алшвынба, Амаба, Амчба, Аншба, Апба, (А)жиба** и т.д.

5. Фамилии с суффиксом собирательности **–аа** (13 единиц): **Абгадж(аа), Агвхаа, Агвмаа, Атвмаа, Аймхаа** от грузинского **Эмхвари//Амилахвари, Акыртаа** (дословно: «грузины»), **Ашхараа -** «горцы», **Ашвхвацаа, Бармышаа, Дармаа, Папцаа, Швардлаа** (от грузинского **Шурдулава), Шарматаа, Джардалаа**.

Из перечисленных моделей общими для абхазского и абазинского языков являются первая (фамилии без аффиксов) и пятая (фамилии с суффиксом собирательности), остальные же модели с суффиксами **–ipa, -iba//-jba, -ba**, реально являющиеся фонетическими вариантами одной и той же модели, распространены лишь в абхазском языке (исключение не составляют несколько официальных, русскоязычных форм, насильно распространенных среди ашхарцев-абазин в 20-30-х годах XX века. См. выше). Здесь же добавим, что совершенно беспочвенен взгляд, согласно которому окончание **–va** грузинских фамилий якобы восходит к абхазскому фамильному окончанию **–ba** (Н.Я. Марр) ввиду того, что: а) окончание **–va** вовсе не слышится ни в абхазской, ни в мегрельской речи; б) ни одна фамилия с этим окончанием не этимологизируется на абхазской почве; в) к этим фамилиям в абхазской речи не прибавляется суффикс **–ba**; г) согласный **v** в этих фамилиях является лишь разделителем гласных, скопление которых в конце слова не характерно для грузинского языка, так что названный согласный не выполняет морфологическую функцию[1].

Большинство (до 160 единиц) из распределенных в 5 моделях около 220 собственно абхазских фамилий входит в три структурные модели, которые не встречаются в абазинском языке – это фамилии с окончаниями **–ipa, -iba // -jba, -ba**. Этот факт недвусмысленно доказывает, что до XVI века, когда существовало абхазско-абазинское этно-лингвистическое единство, имелись лишь 2 морфологические модели фамилии: а) безаффиксальные и б) с суффиксом собирательности –аа. Подтверждением такого вывода является и тот факт, что среди абазин встречаются и такие фамилии без аффиксов или с суффиксом **–аа**, которые в абхазском оформлены с суффиксом **–ba,** ср., например: абаз. **Кар'а**

[1] В свое время К.В. Ломтатидзе увязывала это фамильное окончание с абхазским словом а-waωə - «человек», однако в библиографии своих научных трудов, составленной ей собственноручно, ученый к наименованию одной из своих работ приписала замечание: «Спорна связь окончания **–va,** имеющегося в грузинских фамилиях, с этим словом». См.: Библиография работ академика Кетеван Ломтатидзе. Тб., 2007, с. 11.

– абхаз. **Kap'ba**, абаз.-абхаз. **Smər** – абхаз. **Smərba** (среди батумских абхазов), абаз**. Məswhaĵ** – абхаз. **Musxaĵba**, абаз**. Liaa** – абхаз. **Lejba**, абаз. **Aʒənaa** – абхаз. **Aʒənba** …Таким образом, ясно, что абхазские модели фамилий с суффиксами **–ipa, -iba//-jba, -ba** возникли после поселения предков абхазов на земле современной Абхазии, то есть с XVI века по аналогии грузинских фамилий с суффиксами **-ʒe и –švili** и этот процесс начался в княжеской среде (ср. первое упоминание фамилии Инал-ипа в 1533г.), а оформление по этим моделям крестьянских фамилий происходило гораздо позже и еще не был завершен к концу 60-х годов XIX века. К такому выводу приводят данные списков абхазских мухаджиров, составленных в 1867 году, которые привлекают внимание большой частотностью нарушения правил употребления абхазских фамилий.

Согласно этим правилам, если перед фамилией с суффиксами **–iba//-jba** стоит личное имя, фамилия должна представляться в полном виде, без изменений (например, правильно: Адгур **Лейба**, Алхас **Амичба**..), но если сначала называется фамилия, а затем имя, то тогда фамилия должна представляться без суффиксов (например, правильно: **Лей** Адгур, **Амчы** Алхас...). В упомянутых списках мухаджиров эти правила оказались нарушенными **306 раз** и фамилии с названными суффиксами представлены без суффиксов даже тогда, когда их присутствие было необходимо. Например, в оригинале вышеназванного документа пишутся: Мамудъ **Абды** вместо **Абдиба**, Сусранъ **Абухъ** вместо **Абухба**, Смаилъ **Агодзы** вместо **Агвадзба**, Хусинъ **Агумъ** вместо **Агумба**, Якубъ **Ака** вместо **Акаба,** Мустафъ **Акушъ** вместо **Акусба**, Даутъ **Амчи** вместо **Амичба** и т.д. и т.п.

Таким образом, выясняется, что массовое оформление абхазских фамилий путем суффиксации завершилось после мухаджирства, по всей вероятности, не раньше начала XX века. В этом контексте важно, что среди батумских абхазов распространены суффиксальные формы тех фамилий, которые в Абхазии представлены без суффиксов. Ср., например: Smər-**ba** (в Батуми) и Smər (в Абхазии), Q'ajt'an**-ba** (в Батуми) и Q'ajt'an (в Абхазии). К этим фамилиям суффикс **–ba** явно присоединен после мухаджирства по аналогии грузинских фамилий.

Примечание: княжеская фамилия **Анчабадзе** (абхазский вариант: **Ачба**) в источниках впервые фиксирована в XVIII веке у Вахушти Багратиони в виде **Ančapiʒe.** Отдельные абхазские авторы, опираясь на абхазскую поговорку**:** **Ačba** umhwak'wa **Čačba** uzhwom - «не сказав Ачба не сможешь сказать Чачба», предполагают, что представители фамилии **Анчабадзе** правили Абхазией раньше представителей фамилии **Шарвашидзе (Чачба**). Такой вывод не согласуется с данными исторических источников, в которых, как отмечено выше, **Шарвашидзе** упоминается на 500 лет раньше, в XIII веке. Этому мнению противоречат также вышерассмотренные лингвистические факты, показывающие,

что абхазские фамилии с суффиксом **–ba** не могли существовать до XVI века. Что же касается гипотезы о владении некогда представителями фамилии **Анчабадзе** селением **Ачабети** вблизи гор. Цхинвали, то и эта гипотеза, опирающаяся лишь на фонетическое сходство фамилии и топонима, бездоказательна, так как и ее не поддерживают источники.

Тот исторический факт, что на территории современной Абхазии до поселения здесь предков апсуйцев проживало автохтонное грузинское население, подтверждают и микротопонимы нынешних абхазских сел, содержащие грузинские фамилии. Таких имен много как в Гудаутском, так и в Очамчирском районах. Например:

В с.Абгархук (Гудаутский район) имеется участок под названием Argunaa rkjaptažw «пустырь (бывшее местожительство) Аргуновых». Фамилия Аргун ныне малочисленна и не обьясняется на абхазском языке. Более реально допускать ее грузинское происхождение: ср. мегр. arguni «топорик», который мог сначала стать прозвищем человека, а затем превратиться в фамилию. Такому предположению не противоречит массовый характер абхазизации малочисленной фамилии.

В том же селе есть ущелье и обрыв Biaa rgwawja «обрыв фамилии Биава». Поскольку эта фамилия грузинская, данное имя подтверждает, что изначально здесь жили представители фамилии Биава.

В с.Блабурхва (Гудаутский район) встречается гибридный, грузино-абхазский топоним Kantrəpš ← груз. фамилия Kantaria + абхаз. rə-pš «их святыня».

В с.Мгудзырхва (Гудаутский район) место у берега моря называется как Čkwan itəp «место Чиковани», хотя ныне в этом селе уже не проживают представители грузинской княжеской фамилии Чиковани.

В с.Калдахвара (Гудаутский район) имеются микротопонимы: Amparaa rtabgara «обвал, пропасть фамилии Ампар, то есть Мепориа» и Ampar ixwə «гора Ампара».

В с.Куланырхва (Гудаутский район) один из кварталов с прилежащей возвышенностью называется как Osiaa rxəkw «край оврага фамилии Осиа».

В с.Джырхва (Гудаутский район) есть балка и ущелье под именем Emxaa rgwawja «обрыв фамилии Емхвари», а эта фамилия восходит к древнегрузинскому социальному термину amiraxori → amilaxori «глава царских коневодов», от которого впоследствии получена княжеская фамилия Amilaxvari → мегр. Emxvari → абхаз. Ajmxaa//Emxaa.

Там же наличествует гидроним Sakaniaa rʒəxj «родник фамилии Сакниа». Фамилия Саканиа// Секаниа является грузинской.

Часть села Абхазская Атара (Очамчирской район) называется Andəɣwlow// Andəɣwlowaa, первый вариант среди которых является формой единственного

числа грузинской фамилии Andγulava (ср. Andγulaʒe), а второй – формой множественного числа той же фамилии.

Там же гора и квартал именуются как Gjargjaa rxwə «гора фамилии Гергиа; другая гора и прилежащий квартал называются как Gegiaa rxwə «гора фамилии Гегиа». Есть речушка Dopuak'wara «речка фамилии Допуа», квартал Dopuakət// Dopuaa rkət «село фамилии допуа».

Село Адзюбжа «между двумя реками» (Очамчирский район) еще в XIXв. называлось грузинскими именами: Šuac'q'ali//Šuac'q'ari//Švac'q'ali «средняя вода», что и отражено в официальных русских документах. Например, именем Шуацкали упомянуто это село в 1862-1863годах в отчете Общества восстановления православного христианства на Кавказе[1], в отчете того же Общества от 1868г. село именуется как Шуацкари[2], а в отчете от 1888г. значится название Швацкали[3]. Ясно, что абхазское имя является калькированным переводом грузинских вариантов. В этом селе и ныне фиксируются интересующие нас топонимы: Guliaa rkjapta - «пустырь фамилии Гулиа» (название квартала), Dadianiši namarani (мегр.) - «бывший винный погреб Дадиани», Malaniaa rkjapta - «пустырь фамилии Малaниа»... Естественно, эти топонимы подтверждают, что в этом селе изначально проживали грузины из родов Гулиа и Маланиа, а село принадлежало грузинским князям Дадиани – владетелям Мегрелии.

В с.Гупи (Очамчирской район) руины крепости называются как Aranaa abaažw «старая крепость фамилии Арониа». Там же есть кварталы: Bagateliaa rəxwc'a - «подножие возвышенности фамилии Багателиа», Brəsk'əlaa rənxarta - «местожительство фамилии Булискириа»; возвышенности: Dačiaa rxwə - «возвышенность фамилии Дочиа», Kakaa rxwə - «возвышенность фамилии Какава», Lazariaa rxwə - «возвышенность фамилии Лазариа», Xunt'uaa rxwə - «возвышенность фамилии Хунтуа». Все эти топонимы подтверждают автохтонность грузин в названном селе.

В с.Тхина Очамчирского района (восходит к грузинскому слову txilnari «фундуковая роща») одна из речушек называется как Bigwaa rk'wara - «речка фамилии Бигвава». Фамилия же Бигвава является грузинской.

В с.Квитоули (Очамчирский район) имеются топонимы и гидронимы: Vardanaa rʒəxj (родник) - «родник фамилии Вардaниа», Sabuaa rʒəxj (родник) - «родник фамилии (Е)себуа», Žanaa rdwə (поле) - «поле фамилии Жанава», Sabuaa rxwə - «возвышенность фамилии Сабуа», Č'olok'uaa rhabla - «поселок фамилии Чолокуа». В общине Квитоули входит село Самахариа - «место принадлежащее фамилии Махариа», оформленное грузинским же префиксом имен назначения sa-.

[1] Дж. Гамахария. Абхазия и православие (I в. – 1921 г.). Тб., 2005, с. 927.
[2] Там же, с. 944.
[3] Там же, с. 993.

В с.Киндги (Очамчирский район) существуют микротопонимы: Gwagiaa rxwə (возвышенность) - «возвышенность фамилии Гогиа», Dautiaa (местность) «Даутиа, Даутиевцы», K'oɣoniaa rkjapta (местность) – «пустырь фамилии Когониа», lak'wat'aa rxwə (возвышенность) - «возвышенность фамилии Лакматава», Xaxuliaa (местность) - «Хахулиа, Хахулиевцы» и т.д.

В с.Мокви (Очамчирский район): Adian iqjapta (местность) - «пустырь Дадиани» (Адиан является абхазской формой грузинской княжеской фамилии Дадиани – владетельных князей Самегрело), Guniaa rgwawjara - «обрыв фамилии Гуниа», K'wak'wask'iraa rxwə (возвышенность) -«возвышенность фамилии Квеквескири», K'wart'aa rxwə (возвышенность) - «возвышенность фамилии Кортава», Kwabal - (квартал) «Кобалиа», Čamaa rrač'əs (местность) - «молодое дерево грецкого ореха фамилии Чамава», Č'ak'waa raaptra (местность) - «пастушеская стоянка фамилии Чаквава» и т.д.

В с.Отапи (Очамчирский район) имеются микротопонимы: Kuteliaa rcuta (квартал) - «село фамилии Кутелиа», Kuteliaa rxwə (возвышенность) - «возвышенность фамилии Кутелиа», Ĵeliaa rxwə (возвышенность) - «возвышенность фамилии Джелиа» и т.д.

В г.Ткварчели течет речушка под именем Gogiaa rk'wara - «речушка фамилии Гогиа», там же есть местность C'abriaa rqjapta - «пустырь фамилии Цабриа»...

В с.Поквеши (Очамчирский район) свидетельствуются кварталы с чисто грузинским оформлением: Satania - «назначенное для фамилии Таниа», Sak'ort'aa - «назначенное для фамилии Кортава», Sak'ozmaa - «назначенное для фамилии Козмава», в которых живут ныне уже обабхазившиеся представители фамилий Таниа, Кортава и Козмава. Там же встречается и микротопоним Ĵənĵalaa rgwawja - «обрыв фамилии Джинджолиа»...

В с.Джгерда (Очамчирский район) имеются гидронимы и микротопонимы: Kaciaa rk'wara (речка и родник) - «речка фамилии Кациа», K'warčiaa rəxwc'a (квартал) - «подножье возвышенности фамилии Кварчиа», Sabuaa rʒəxj (родник) - «родник фамилии Себуа», Sabuaa rxwə (возвышенность) - «возвышенность фамилии Себуа», Q'urdgjalaa rxwə (возвышенность) - «возвышенность фамилии Курдгелиа», Šowaa rəxwc'a (квартал) - «подножье горы фамилии Шоуа», Xubt'iaa rk'wara (речка) -«речка фамилии Хубутиа», Ĵaliaa (квартал) - «Джалиевцы или Джолиевцы» и многие другие.

Таким образом, представленный выше многочисленный языковый материал (до 70 микротопонимов) дают основу для следующего заключения:

На территории нынешних абхазских сел Гудаутского и Очамчирского районов Абхазии до XVI-XVIIвеков реально проживала мононациональная масса грузинского населения и оно было расселено по принципу фамильных поселений. Большая частотность этих географических названий, конечно, отнюдь не является случайностью и согласуется со сведениями грузинских и иностранных

исторических источников, подтверждая автохтонность грузин в этом регионе. Привлекает внимание и тот факт, что в состав многих перечисленных названий в качестве одного из членов выступает абхазское слово **akjapta** «пустырь, бывшее местожительство», что недвусмысленно указывает на смену этнического состава населения этих сел и на занятие абхазами местожительства грузин.

8. Термины мореходства и рыболовства в абхазском языке. В жизни приморских этносов, море имеет огромное практическое и духовно-культурное значение, поскольку для них оно является главнейшей транспортной артерией, определяет геоклиматические условия жизни, снабжает человека пищей и различными необходимыми материалами, способствует развитию специфических религиозных взглядов, мировозрения, фольклора и мифологии. Близость этноса с морем непременно отражается в его языке в виде обилия терминов мореходства, рыболовства и кулинарии, так же в фразеологии. Если предки абхазов на самом деле всегда проживали у берегов Черного моря, то в абхазском языке обильно должны быть представлены названные группы лексики. Первым ученым, который постарался сделать выводы исторического значения на основе данных этой группы лексики, был Н.Я. Марр. Заметив существование общего абхазско-грузинского термина **apra** - «парус», которого по разному можно этимологизировать как на абхазском, так и на грузинском языках (ср., с одной стороны, абхаз. **a-pər-ra -** «летать» и, с другой стороны, груз. **pr-en-a,** мегр. диал**. pur-in-u-a -** «летать»; ср. также грузинские слова с префиксом **a-**: **a-dg-il-i** - «место; земельный участок» < **dg-om-a** - «стоять; становиться», **a-črd-il-i// črd-il-i** «тень»...), ученый без особого анализа объявил его абхазским словом и сделал далеко идущие выводы: «Абхазы, отброшенные ныне пришлыми элементами от береговой линии, некогда в морском деле, естественно, могли быть учителями своих соседей...»; «Грузинское слово **apra** - «парус» представляет заимствование из абхазского. Это уже имеет не только словарное, но и реально культурно-историческое значение: выходит, что абхазы, как мореходы, передавали соседям морские термины. И хотя современный быт абхазов не согласуется с таким утверждением, но абхазская речь и абхазские предания полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем»[1]. К сожалению, эти выводы не опираются на исчерпывающий анализ большого языкового, этнографического и исторического материала (для этого у ученого не хватало времени). Иначе ему стало бы известно о существовании сведений К. Челеби, А. Ламберти, Н. Витзена, Вахушти Багратиони, И. Бларамберга и других о том, что еще с позднего средневековья абхазы не ели рыбу и надсмехались над теми этносами, которые с удовольствием делали это.

Гипотеза об автохтонности абхазов в Абхазии лежит в основе монографии абхазского лингвиста О.Дзидзария (Дзария), в которой рассматривается абхаз-

[1] Н.Я. Марр. О языке и истории абхазов, с. 87, с. 143.

ская лексика, связанная с морем[1]. В книге автор излагает свои взгляды о происхождении и структуре 124 основных слов[2]. По заключению О.Дзидзария (Дзария), из 124 терминов собственно абхазскими являются 80, происхождение 15 слов не ясно, а остальные 29 заимствованы из картвельских диалектов (в основном из мегрельского), турецкого, греческого и даже из финикийского языков[3]. Что самое главное, автор собственно абхазскими считает слова, обозначающие такие «основные» морские понятия, каковы, например: берег, прибрежный житель, корабль (судно), канат, причалить, причаливать, весло, водоворот, плавать, долго пребывать в море, потоп, залить, выходить в плавание, пропасть в плавании, перекатываться (о волне), залив, морской разбой, волнение (моря), плот, пристань, корма, корзина для ловли рыбы, мачта, перила (судна), море, чешуя, соленая (морская) вода, песок, рыба, парус, парусное судно, косой парус, всплыть на поверхность, палуба, плавать по морю, нырять, якорь, волна (морская), опускаться на дно, крючок, удочка, гарпун, лодка, пираты, шторм, смерч, камбала, колюшка (рыба), ставрида, окунь, щука, селедка, карась, сом, дельфин, акула, угорь (рыба-игла), головастик, горбыль (рыба), голавль, барабулька, эстафетное плавание, плавание на спине, кроль (вид плавания), темный горбыль (вид рыбы), брасс (вид плавания), плавание на боку, утонуть, руль, остров, полуостров[4].

Довольно большая часть перечисленных понятий и соответствующих терминов или вовсе не связано с морем (сом, щука, головастик...), или же их связь с морем слишком условна, так как термины, обозначающие те же понятия, имеются в языках даже тех этносов, которые не проживают у моря, однако хорошо знают рек и озер (понятия: берег, весло, водоворот, плавать, виды плавания, плыть, потоп, залить, перекатываться, залив, плот, корзина для ловли рыбы, корабль (судно), лодка, части корабля и лодки, чешуя, соленая вода, песок, рыба, парус и его разновидности, парусное судно, нырять, утонуть, якорь, опускаться на дно, крючок, удочка, гарпун, шторм, смерчь, руль, остров, полуостров и др.). Количество таких понятий и слов в списке составляет 48 единиц, то есть 38,7% из рассмотренных 124 слов и половину слов, объявленных собственно абхазскими. Если учесть и то, что из 124 слов 34 составляют заимствования, то выходит, что в абхазском языке непосредственно с морем связаны 42 исконных (собственно абхазских) слов, а если еще вычесть 15 слов неопределенного происхождения, тогда уже общее число исконно абхазских слов снизится до 27, что, естественно, отнюдь не отражает «интимное общение абхазов с морем», как это казалось Н.Я. Марру. Эти факты делают беспочвенными и то мнение,

---

[1] О.П. Дзидзария (Дзария). Морская лексика в абхазском языке. Сухуми, !989.

[2] Для сравнения отметим, что М. Салиа собрала и на высоком академическом уровне проанализировала 536 мегрело-лазских лексических единиц, связанных лишь с рыболовством, а ныне собирает и исследует и лексику мореходства. См.: М. Салиа. Лексика рыболовства в занском. Тб., 2005 (на груз. яз.).

[3] О.П. Дзидзария (Дзария). Морская лексика..., с. 66-69.

[4] Там же, с. 66.

согласно которому абхазы якобы являлись учителями соседей по морскому делу, ввиду того, что из 42 терминов, считающимся О. Дзидзария (Дзария) исконно абхазскими, ни один не заимствован из абхазского в картвельский языковый мир (вопрос происхождения слова **apra** «парус» остается открытым).

В этом плане очень важно, что, как отметили выше, в прошлом абхазы не ели рыбу, зато они в позднесредневековье славились как искусные сезонные морские пираты, о чем имеются прямые сведения К.Челеби, А. Ламберти, Н. Витзена, Ж. Шардена, С.-С. Орбелиани, Вахушти Багратиони, И. Бларамберга, Ф. Дьюбуа де Монпере и других. Характерно, что и поныне абхазы, живущие в приморских селах, почти не едят рыбу, редко изготавливают лодок и рыболовецких приспособлений, чем недвусмысленно доказывается, что абхазы поздно познакомились с морем и использовали ее лишь для пиратства. Заслуживает внимания и то, что в абхазском языке из картвельского языкового мира заимствованы названия ценных по вкусовым качествам рыб (осетр, белуга, камбала, сом, форель, лосось, усач...). Названия этих рыб в абхазском имеют лишь номинативную (наименовательную) функцию и не связаны с этнографическими и религиозно-культурными реалиями. В такой ситуации выглядит наивным попытка О. Дзидзария (Дзария) объяснить отчужденное отношение абхазов к рыбе, как к пище, экспансией турок на Черном Море и опасностью пленения[1]. Дело в том, что сами абхазы нападали с моря на соседние регионы (Самегрело, Гурии, Аджарии, Лазистана) и брали в плен грузинское местное население. Кроме того, в тех же условиях экспансии турок жили и грузины, греки, болгары и румыны, однако они отнюдь не отвыкали от мореходства, рыболовства и приема рыбы.

Явным подтверждением отсутствия «интимного общения абхазов с морем» является и то, что в абхазской морской лексике преобладают не простые, а сложносоставные названия[2], имеющие описательный характер. Обычно же простые основы более древние, нежели сложные имена.

Для локализации первоначальной родины предков абхазов особо важное значение имеют результаты анализа одного термина:

В абхазском языке для обозначения моря ныне используются **amšən** и **aga.** Слово **aga** имеет более широкое значение, чем первое слово и обозначает не только море, но и берег моря, а также **юг[3].** В современной Абхазии море находится прямо к югу лишь на несколько километровой полосе от гор. Гудаута до с. Псырцха, а на остальной территории – к западу, или юго-западу. Этот факт дает основание для заключения, что слово **aga** могло приобрести значение юга

[1] Там же, с. 25.
[2] Там же, с. 82.
[3] К.С. Шакрыл, В.Х. Конджария. Словарь абхазского языка, т. I. Сухуми, 1986, с. 33. Берег моря обозначается и композитом **agač'a**, состоящим из слов **aga** «море» + a-č'ə «рот». Знаменательно, что О. Дзидзария (Дзария) не указывает тот факт, что слово **aga** имеет семантику «юг».

только тогда, когда предки абхазов пока еще проживали на Северном Кавказе, в бассейне реки Кубань и ее левых притоков, откуда кратчайший путь к морю пролегал в южном направлении. Дополнительным аргументом для этого вывода следует считать существование в абхазском языке двух синонимных слов, обозначающих морской, **западный** ветер**: agapša** (дословно: «морской, южный ветер») и **agərpša** (дословно: «эгрисский ветер»). Структура этих синонимов прямо указывает на то, что **до** XVI века Черное море и Эгриси (ср. древнегрузинские хоронимы **Egr-i//Egur-i//Egris-i** и компонент **Agər-** слова **agərpša)** находились на одном и том же месте, южнее от местожительства предков абхазов. Другими словами, абхазский язык подтверждает, что в прошлом между Черным морем и местом обитания предков нынешних абхазов находился Эгриси.

9. Лексика других отраслевых групп в абхазском языке. По техническим причинам здесь вкратце изложены результаты анализа ботанической, животноводческой, коноводческой, земледельческой, строительной и других групп лексики абхазского языка.

Выясняется, что из проанализированных 120 названий культурных растений, 34 термина (28,3 %) в абхазском заимствованы из мегрельского диалекта или грузинского письменного языка. К этой группе относятся названия ржи, ячменя, свеклы, репы, огурца, персика, айвы, подвидов фасоли, сортов винограда и других растений. В процентном отношении значительно меньше картвелизмов среди названий диких растений – 20 слов из 145 (13,7 %). К этой группе относятся в основном названия практически значимых растений (лекарственных и хозяйственно важных): полевицы, желтоголовы, барбариса, люцерны, плюща и т.д. Особо важным является то, что среди картвелизмов нет ни одного названия тех растений, ареал распространения которых ограничивается лишь поясом высокогорья (альпийские и субальпийские зоны). В абхазском заимствованы картвельские названия только тех культурных и диких растений, которые растут в низменностях, болотах, или в зоне гор средней высоты. Эти факты отражают маршрут движения предков абхазов с Северного Кавказа через Кавказский хребет к болотистым и низменным местам Причерноморья. Из плоскости и низкогорья бассейна Кубани абхазы (апсуйцы) сначала поселились в высокогорной части Северного Кавказа (см. здесь же карту № 14 от 1561г. Джакопо Гастальди), где в течение долгого времени у них выработалась психология горцев, что отразилось и в языке (например, в абхазском глубоко детализирована лексика, отражающая высокогорный ландшафт, флору и фауну; среди абхазов широко распространен антропоним **axra -** «скала» и т.д.). С XVI века абхазы начинают селиться у высокогорных истоков рек Мдзымта, Псоу, Бзыби и Гумисты, а позже и у истоков реки Кодори, где раньше жили сваны (мисимяне). Здесь, в высокогорье им не нужно было заимствовать у грузин

терминов, отражающих высокогорный ландшафт, флору и фауну, поскольку в их языке эта лексика была хорошо развита и детализирована. Но когда они спустились на равнинные и болотистые приморские земли, возникла необходимость заимствования картвельской лексики, точно отражающей новую для апсуйцев географическую и растительную среду[1]. В результате специального монографического исследования, проведенного М.Букиа, установлено, что в абхазском языке представлены 52 **коневодческих** лексических единиц, являющихся общими с мегрельским диалектом. Эти слова составляют 4 группы: 1. собственно мегрельские или общекартвельские термины, заимствованные в абхазском непосредственно из мегрельской речи (27 единиц); 2. термины арабского, персидского или турецкого происхождения, вошедшие в абхазский язык через посредство мегрельской речи (8 единиц); 3. слова абхазского происхождения, заимствованные мегрельской речью (9 слов); 4. общие для абхазского и картвельского речей термины, происхождение которых трудно определить (8 единиц). Из терминов коневодства в мегрельской речи из абхазского языка заимствованы в основном термины, связанные со стойбищем лошади и отражающие горный ландшафт. Интересно, что этой лексики нет в лазском диалекте, что указывает на то, что абхазизмы в мегрельском могли войти лишь после территориального удаления друг от друга мегрельского и лазского речей, то есть после VIII-IXвеков, а картвельская лексика этой группы, засвидетельствованная как в абхазском, так и в абазинском языках, дает основу для вывода, что эти слова абхазско-абазинским языковым единством были заимствованы до XVI века[2]. Что же касается **пастушеской лексики**, привлекает внимание то обстоятельство, что в этой отрасли заимствование обоюдное и «взаимообменены» в основном слова, связанные с пребыванием скота и пастухов на высокогорных пастбищах[3].

Из земледельческой лексики абхазским языком заимствовано множество картвельских терминов (начиная от названий земельных участков разного назначения до хозяйственных орудий), чем еще раз доказывается, что главнейшим занятием абхазов являлось скотоводство и они до XVIв. не занимались интенсивным земледелием[4]. К этой группе картвелизмов относятся, например, слова: **a-dgil** «земля; земельный участок» (от груз. **adgil-i** - «место; земельный участок»), **a-dwə -** «поле; лужайка» (от груз. лит. **mdelo**//мегр. **dolo, ndolo**), **a-wartal** - «мера земли» (от мегр. **ortal-i**), **a-sanʒγw -** «межа, граница» (от мегр. **sanʒγu** // **sanʒγo**, груз. лит. **sazγvar-i,** древнегруз**. samʒγwar-i**), **a-čaala**//**a-čalaa**

[1] Подробно см.: Т. Гванцеладзе. Картвелизмы в абхазской ботанической терминологии и направления исторических миграций абхазов. - Сб. Георгию Рогава (Юбилейный сборник). Тб., 1997 (на груз. яз.); Н. Мачавариани. Лексика растений в абхазском (Семантико-структурный анализ). Тб., 2006 (на груз. яз.).

[2] М. Букиа. Лексика коневодства в занском. Тб., 2006, с. 183 (на груз. яз.).

[3] М. Букиа. Семантическое поле слова абхазского происхождения **Apuni** в мегрельском. - Лингвистические разыскания, т. 10. Тб., 2000, с. 243-245 (на груз. яз.).

[4] И. Бебиа. Мегрельские заимствования в абхазской земледельческой лексике. - Материалы XX республиканской научной диалектологической сессии. Тб., 2000, с. 27-30 (на груз. яз.).

- «коса» (от мегр.-лаз. ***čal-i**), **a-k'watan** - «плуг» (от груз. **gutan-i**), **a-magana** - «серп» (от мегр. **magana,** ср. древнегруз. **mangal-i**), **a-xandej-ra -** «трудиться (особенно в поле)» (от мегр. **xanda**//**xandeba)**, **a-uγw** - «ярмо» (от мегр. **uγu**, ср. груз. лит**. uγel-i**), **a-r-ašwa-ra** - «вторая прополка поля» (от груз. **aošva**), **a-čart** - «часть арбы» (от мегр. **čart-i), a-q'iar** - «две пары волов» (от мегр. **q'iar-i**, ср. груз. лит. **q'evar-i**), **a-c'k'ar** - «ряд растений» (от мегр. **c'k'ar-i**, ср. груз. лит. **bc'k'ar-i//p'c'k'ar-i**), **a-k'əla** - «сноп» (от мегр. **k'ile // k'əle**) и т.д. и т.п.

Что же касается **строительной лексики**, в абхазском языке именно картвелизмами обозначаются основные типы жилищ (за исключением пацхи – сплетенного домика), подавляющее большинство частей зданий и строительных орудий. Например: **a-ĵargwal** «бревенчатый дом» (от мегр. **ĵargval-i//ĵargual-i**, дословно обозначающего «круглое бревно»), **a-ganωnə** - «вид дома с расположенными в один ряд комнатами» (калькирован от мегр.**ganiši oxori//ganiši 'ude**), **a-k'wask'ja** - «двухэтажный дом на сваях» (через груз**. k'ošk'-i** «башня»), **a-nanə-ra** - «амбар; навес; сарай» (от мегр. **nania//nalia**), **a-wasxər** - «фундамент» (от мегр. **osxir-i//osxer-i//osxər-i**), **a-bərk'wəl** - «перила» (от мегр. **birk'ul-i)**, **a-k'iba** - «лестница» (от груз. **k'ibe**), **a-k'untxw -** «угол» **(**от мегр. **k'untxu//k'utxu**, груз. лит**. k'utxe), a-lart'q'a -** «бревно на потолке, на котором фиксируются дранки или черепицы» (от груз. **lart'q'a**), **a-xjarxj** (в бзыбском диалекте) - //**a-xwarxj** (в абжуйском диалекте) «пила» – первый вариант заимствован из грузинского литературного языка, а второй из мегрельской речи (ср.: груз. лит. **xerx-i** и мегр. **xorx-i**), **a-q'awar** - «дранка» (от груз. **q'avar-i),** **a-ura** - «кувальда» (через груз. **uro**), **a-c'ark'ant'** - «кирка» (от мегр. **c'ark'ant'-i//c'ak'art'-i**, ср. груз. лит.**c'alk'at'-i**), **a-c'k'jap'ar** «приспособление для выдалбливания бревна» (от мегр. **c'k'ep'ar-i**) и т.д[1]. Не менее важно и то, что, как видно и из приведенных примеров, в абхазском языке нет собственной, корневой лексики, связанной с капитальным строительством и для обозначения соответствующих понятий в основном используются картвельские термины. Эти данные совершенно ясно указывают на то, что предки сегодняшних абхазов (апсуйцы) не принимали никакого участия в строительстве многочисленных средневековых архитектурных памятников в Абхазии, о чем указывает и тот факт, что, как отмечено выше, ни в лапидарных, ни в фресковых эпиграфических текстах совершенно не упоминаются ктиторы, архитекторы, мастера, феодалы, представители духовенства или прихожане абхазской национальности (апсуйцы)[2].

---

[1] Т. Гванцеладзе. Основные типы абхазских жилищ и их наименования. Материалы 57-й научной сессии Института языкознания им. А. С. Чикобава. Тб., 1998, сс. 20-21 (На груз. яз.); Ср.: И. Адамия. Грузинское народное зодчество, кн. II. Тб., 1968 (На груз. яз.).

[2] Подробно см.: Л. Ахаладзе. Эпиграфика Абхазии как исторический источник. I. Лапидарные и фресковые надписи..

Таким образом, рассмотренный выше языковый материал совершенно четко и недвусмысленно подтверждает, что первоначальной родиной предков нынешних абхазов (апсуа) не являлась территория нынешней Абхазии и они не проживали здесь до XVI века. Кроме того, следует подчеркнуть и то, что, согласно этим материалам, местное грузинское население, являющееся автохтонным на этой земле, сыграло важную роль как субстрат при окончательном формировании нынешнего абхазского народа. Те же данные дают основу утверждать, что абхазы и грузины связаны друг с другом двойным родством: с одной стороны, эти народы являются потомками их общего предка - праиберийско-кавказского этноса, а с другой стороны, в становлении современного абхазского этноса важную роль сыграло местное автохтонное грузинское население.

Глава XII. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии

Интеграция спустившихся с гор в XVI-XVII веках горцев-язычников и местного христианского населения Абхазского эриставства – носителя более высокоразвитой грузинской культуры, как уже отмечалось, способствовала возникновению на этой территории новой этнической общности. Именно в эту пору начали складываться элементы традиционного быта и культуры современных абхазов.

С 60-х годов XIX века, в результате колонизаторской политики России, Абхазия превратилась в полиэтнический край (см. здесь же, с. 414-423). Но коренное грузинское население связывали длительные, тесные культурно-исторические отношения именно с абхазами, сформировавшимися на этой территории малой этнической группой. Формирование элементов самобытной культуры абхазского этноса происходило на грузинской территории в тесном контакте с грузинской культурой. Поэтому в настоящей главе основное внимание уделяется грузино-абхазским этнографическим взаимоотношениям.

Первые сведения о самобытности культуры и образа жизни современных абхазов появляются в XVII веке. Несмотря на скудность этих сведений, они все-таки дают определенное представление о сформировавшемся на территории Грузии народе - абасах/абашах/абазах/абхазах, о форме поселения этого народа, о его материальной культуре, хозяйственном укладе, обычаях, праздниках и проч.

Как правило, этнология начинает исследование культуры и быта того или иного народа с изучения форм его поселения и материальных сооружений, на традиционность которых в значительной степени влияют условия окружающей географической среды. Об укладе жизни, сформировавшемся в результате интеграции спустившихся с гор мигрантов с картвельским населением, повествует средневековый итальянский автор Джованни да Лукка: «У абхазов нет написанных законов, поскольку им неведома культура письменности; они не выполняют никаких христианских обрядов, а только формально считаются христианами. Образ жизни абхазов и черкесов идентичен»[1]. Итальянский миссионер Арканджело Ламберти писал об абхазах или абашах, «которых тюрки называют абазами… В городах и крепостях абхазцы не живут, но (обыкновенно) собираются десять или двадцать семейств одной фамилии, выбирают какое-нибудь возвышенное место, строят здесь из соломы несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом. Последнее делают потому, что у них обычай грабить друг друга. Только не грабят домашнюю утварь, так

[1] И. Табагуа. Грузия в архивах и книгохранилищах Европы, т. 2. Тб., 1987, с. 170 (на груз.яз.).

как у абхазца вовсе ее нет, но воруют людей, мужчин, женщин и детей и продают их туркам в рабство».[1] Аналогичное сведение находим и в сочинении турецкого путешественника XVII века Эвлия Челеби, который на основе личных впечатлений от общения с переселенцами с Северного Кавказа характеризует их как «непокорный и мятежный» народ и называет их «абаза» - очевидно, среди мигрантов преобладало население, называвшее себя «абаза». Эвлия Челеби путешествовал в этом краю (в «стране Абаза») в 1640-1641 и 1646-1647 годах. Из его описания явствует, что у мигрантов была распространена моногенная форма поселения. «На вершине горы в поселениях из сорока-пятидесяти дворов «фамильных племен» - чач, арлан, чанда, геч, арт, садз, камш - стояли перекрытые дранкой плетнёвые дома с садами и виноградниками, обращенными к солнцу. Каждое из этих племен представляло собой одну общину. Сгруппированные по холмам поселения были ограждены забором, подобно крепостям… Все дома стояли в лесу, поскольку жители поселения опасались не столько врага, сколько своих соплеменников»[2].

Эвлия Челеби указывает на различие между поселениями отдельных «фамильных племен», что свидетельствует об их неоднородной этнической принадлежности (абазы, черкесы…). Под племенем чач, говорящем на грузинском (мегрельском) и абхазском языках, турецкий автор, видимо, подразумевает население, сформировавшееся уже в результате слияния коренного и пришлого народов. Кочевую форму обитания черкесов в XVIII веке описывает М. Пейсонель: «Черкесы живут приблизительно так же, как и ногайцы: у них нет ни городов, ни постоянных жилищ»[3]. Хотя мигрировавшие в Абхазию северокавказские горцы перешли к оседлому образу жизни, они еще довольно долго продолжали жить обособленными группами, о чем свидетельствуют такие авторы, как Н. Витзен (XVII в.)[4], Ф. Торнау (XIX в.)[5], Н. Дубровин (XIX в.)[6], Ф. Сахокиа (рубеж XIX–XX веков)[7] и т. д. В то же время, в трудах других авторов XIX века говорится о форме разбросанного поселения мигрантов на обширной территории. В частности, К. Чернышев писал, что «абхазы, живя отдельными домами, разбросанными в густых, непроходимых лесах, по ущельям и вершинам гор…, ведут каждый свою отдельную жизнь, независимую от жизни своего соседа. Поэтому и не проявляется в Абхазии никакой общественной жизни»[8]. Согласно

---

[1] А. Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. – Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып. 43, 1913, с. 188-189.

[2] Книга путешествия Эвлия Челеби. Перевод Г. Путуридзе, ч.I. Тб., 1971, с. 100-105 (на груз.яз.).

[3] В. П. Кобычев. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX веках. М., 1982, с. 19.

[4] Н.Витзен. Северная и Восточная Татария, или сжатый очерк нескольких стран и народов. - Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. Нальчик, 1974, с. 90.

[5] Ф. Ф Торнау. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864, с. 83.

[6] Н.Дубровин.Абхазцы (Азега). - История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 2. С.-Пб., 1871, с. 37.

[7] Ф. Сахокиа. Путешествия. Тб., 1950, с. 310-312 (на груз.яз.).

[8] К.Чернышев. Еще об Абхазии. – Кавказ, 1854, 23 октября, № 83.

С. Броневскому, абхазы «в больших деревнях не живут, но рассеяны по горам и косогорам малыми усадьбами по два и по три двора»[1].

Тип обособленного, но вместе с тем группового поселения И. Адамиа считает древнейшим. Согласно зафиксированному им материалу, подобные холмы представляли собой самостоятельные жилые единицы, отдаленные друг от друга на расстоянии 10-15 километров[2]. Такие маленькие моногенные поселения абхазы называли «ацута» (ацуҭа = acuta)[3], и это название в то же время служило термином, обозначающим социальную единицу (**а** – обобщающий префикс, **ц -** префикс совместности[4], **у < уа** – родственник, близкий человек, свояк[5], **ҭа** – место; дословно «ацута» означает «место совместного проживания соплеменников». Поначалу мигранты жили изолированно, родственными группами. Подобная форма поселения служила для оказавшихся в чуждой среде мигрантов надежным средством взаимопомощи в случае беды и обороны от неприятельского посягательства. Замкнутость этнической системы миграционного населения в чуждом социальном и этнокультурном окружении служила укреплению единства мигрантов, что, в свою очередь, способствовало консервации их традиционного образа жизни. Большую роль играла также идея общности происхождения мигрантов, благодаря которой, у них появились слабые зачатки коллективной идентификации. Однако вряд ли изолированная система обитания мигрантов в соседстве с более развитым народом смогла бы долго продержаться. По прошествии определенного периода адаптации такая форма поселения постепенно стала трансформироваться.

Для картвельского населения Абхазии «холмовой» тип поселения и моногенная форма жилой единицы, засвидетельствованные у современных абхазов, были уже давно прошедшим этапом. Поэтому, подобная древнейшая форма поселения в XVII веке позволяла различать коренных жителей и мигрантов. Общественная структура, материальная культура и социально-экономический строй грузинского населения – всё это вместе взятое обусловливало и соответствующую форму поселения. В эпоху феодализма центром поместного земледелия являлась деревня со своей церковью, кладбищем, хозяйственными строениями. К этому времени уже начался процесс разрушения её моногенных кварталов, особенно в равнинной местности. Путешествуя по Мегрелии, Эвлия Челеби посетил около «семидесяти деревень, подобных городу»[6]. Согласно грузинским письменным историческим памятникам, начиная с VIII века слово «сопели» (деревня) означало такой населенный пункт, основная часть

[1] С.Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1. М., 1823, с. 325.
[2] И.Адамиа. Грузинское народное зодчество, кн. 2. Тб., 1968, с. 39 (на груз.яз.).
[3] И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969, с. 15.
[4] К. В. Ломтатидзе. Категория взаимности (взаимосоюзности, взаимообоюдности) в абхазско-адыгских языках. – Иберийско-кавказское языкознание, т. 12. Тб., 1960. с. 275-288.
[5] Б.Джанашиа. Грузинский словарь. Тб., 1954, с. 263 (на груз.яз.).
[6] Книга путешествия Эвлия Челеби, ч.1, с. 95 (на груз.яз.).

жителей которого занималась сельским хозяйством, главным образом земледелием[1]. Вышеупомянутая древняя форма «холмового» поселения северокавказских горцев, возникшая как следствие их полукочевого образа жизни, была привнесена в Абхазию мигрантами, в отличие от фамильно-родовой группы – патронимии - во главе с предводителем, сложившейся здесь как самостоятельная единица и владевшей общей коллективной собственностью. Об этом свидетельствуют составленный в 1679 году Жан-Батистом Тавернье генеральный план черкесского села и данное П. Палласом в XVIII веке описание того же села: «Черкесы вообще и кабардинцы в частности населяют селения, которые они покидают через определенный промежуток…, затем ищут удобное место для поселения… Они строят дома близко один к другому, одним или несколькими кругами или четырехугольниками, таким образом, что внутреннее пространство представляет собой общий скотный двор, имеющий лишь одни ворота, а дома, окружающие его, служат как бы для его охраны»[2]. Кабардинцы и в последующие века строили свои дома по тому же принципу – вкруговую или четырехугольниками, максимально близко друг к другу, что выполняло защитную функцию, а во внутренней части располагались скотный двор и лошадиное стойло[3]. Адыги же «обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля и представляли удобство для звериной ловли. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот, так что трудно было путешествовать в их земле без вожатого…, делали в жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения иметь возможность скорее спастись бегством. Имущество, лучшие вещи и хлеб скрывали в пещерах или глубоких ямах; скот угоняли в леса… Селения обрывали канавой и делали кругом завалы»[4]. Для абазов тоже был характерен подобный принцип поселения, продиктованный их скотоводческим и полукочевым образом жизни[5]. Народы Западного Кавказа – грузины, адыги, абхазы и др. – традиционно избегали селиться на оголенной местности, предпочитая строить свои жилища посреди труднопроходимых лесных массивов, служивших надежным укрытием в непредвиденных случаях.

С течением времени общественно-экономическое развитие Грузии, распад обособленного образа жизни, интеграция мигрантов с картвельским населением, перенаселенность жилых холмов обусловили начало миграционного движения с высокогорья в предгорные и равнинные районы, что, в свою очередь, требовало освоения новых обширных территорий. Эти явления способствовали постепенному изменению формы поселения абхазов. Холмовое поселение

[1] И. Джавахишвили. История грузинского народа, т.2, Тб., 1948, с. 10 (на груз.яз.).
[2] В. П. Кобычев. Поселения…, с. 15; П. С. Паллас. Заметки о путешествиях… - Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с. 219.
[3] А. Миллер. Черкесские постройки. - Материалы по этнографии России, т.2. С.-Пб., 1917, с. 60.
[4] Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1958, с. 82-83.
[5] Н.Дубровин. Абхазцы…, с.37-38.

сменялось хуторным. Как было выше показано, к 80-м годам XVII века абхазские мигранты расселились сначала на территории до реки Галидзга, а затем - частично до Ингури. Они нередко нападали на местных жителей, грабили и истребляли их, брали в плен и продавали в рабство в Османскую империю[1]. Кроме того, мигранты навязывали коренному населению свои нравы и обычаи. В свою очередь, интеграция переселенцев с грузинским населением сказывалась на их этническом облике. Обосновавшиеся на современной территории Абхазии горцы переняли множество традиционных элементов грузинской культуры и быта, в том числе и западногрузинскую форму поселения, по-своему видоизменив её. Слияние коренного и пришлого населения явилось основой формирования абхазов «абжуа». В XVIII веке известный путешественник И. Гюльденштедт писал, что усадьбы абхазов были похожи на усадьбы мегрелов и имеретин (грузин), только большей частью они располагались в лесной чаще[2]. Изменение формы поселения, адаптация к климатическим, географическим и хозяйственным условиям Грузии способствовали переходу мигрантов к оседлому, земледельческому образу жизни.

В XIX веке возросло целенаправленное внимание правящей верхушки Российской империи к абхазскому народу. В трудах русских авторов того времени сохранилось немало сведений о переселившихся в XVI-XVIII веках на территорию Грузии и слившихся с местным грузинским населением горцах – современных абхазах. Именно на основе этих сведений выясняется, что к концу XIX века абхазская деревня занимала уже довольно обширную территорию. В каких пределах простиралась эта деревня, «разобраться, где начало, а где конец», постороннему глазу было весьма затруднительно[3].

Первоначальный тип жилищных и хозяйственных построек абхазов, сохранившийся вплоть до XX века, был характерен для всего Западного Кавказа: круглое, позднее – прямоугольное деревянное плетеное сооружение без окон, стоящее прямо на земле[4]. Хотя, непременно следует заметить, что, наряду с внешним сходством, обнаруживается и терминологическое сходство названий подобного жилищного типа в языках абхазского населения и горцев Северо-Западного Кавказа. Так, для обозначения плетневого дома (пацха) с конусообразным перекрытием в адыгском языке употребляется термин **к/оц/ (koc)**[5], в

[1] Арканджело Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, с. 188-189.
[2] Путешествие Гюльденштедта в Грузию, т.1. Тб., 1962, с. 327(на груз.яз.).
[3] Е. Прудков. Из Сухума. – Кавказ, 1870, 17 (29) июля, № 82, с. 2; Г. А. Рыбинский. Сухумский округ. -Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894, с. 13; Абхазцы и Пицунда. -Домашняя беседа (журн.), Вып. 39. С. –Пб., 1877, с. 929 и др.
[4] Фр. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т.1. Сухуми, 1937, с. 41; С. Джанашиа. Труды, т. 4. Тб., 1968, с. 93-94(на груз.яз.); А.Махвич-Мацкевич. Абадзехи, их быт, нравы и обычаи. - Народная беседа, 1864, № 3, с. 3; В. В. Васильков. Очерк быта темиргоевцев. – Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып. 1901, с. 99; Е. Н. Студенецкая. Карачаевцы - Народы Кавказа, т.1. М., 1960, с. 251; Б. А.Калоев. Ингуши. - Народы Кавказа, т.1. М., 1960, с.380 и др.
[5] П. У. Аутлев, Т. Д. Алибердов. О народной метрологии адыгов (черкесов). - Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института, т. 8. Майкоп, 1968, с. 103.

абхазском и абазинском – акуацә, куацә (a-kwacw)[1]; для четырехугольного жилища в черкесском языке – уынэ (wәna), в абхазском – аꝾны (aω°nә), в абазинском – **унаг/ва (unaω°a)**[2]. «Каждая усадьба состоит из дома, или лучше сказать, плетёного сарая в одну комнату. Комната эта отапливается очагом, состоящим из большой каменной плиты, служащей для кладки дров и плетенной из хвороста трубы; в большей же части домов труб не существует, и дым выходит через скважины крыши, покрытой папоротником... От дома, служащего помещением для семейств, находится маленький плетеный сарай или несколько их»[3]. Возникновение такого дешевого и легкого жилища, характерного для всего Западного Кавказа, было обусловлено особенностями климатической и географической среды, рельефа местности, хозяйственного уклада горских народов и, что главное, доступностью соответствующего строительного материала. Из всех авторов XIX века наиболее детально жилищные сооружения абхазов описал П. Чарая: «Пацха абхаза ничем особенно не примечательна. Она существует двух типов: круглая и четырехугольная. Пацха представляет собой хижину, стены которой возведены плотно сплетенными ореховыми прутьями - в высоту толстыми, а в ширину более тонкими. Вверху плетеные стены, на которые опирается кровельное стропило, перехвачены скрученными прутьями.... Жилище перекрыто папоротником, соломой или камышом, крыша конусообразная. ...У другого типа пацхи, имеющей форму неправильного четырехугольника, по обе стороны передней входной двери под малым наклонным углом один к другому воткнуты каштановые колья, перекрещивающиеся остриями на два пальца, подобно ножницам. ...По другую сторону переброшена балка для крепления крыши. Крыша пацхи плоская, несколько опущенная, то есть имеретинской формы... Перед пацхой образуется большой коридор (проход), ведущий, вероятно, к подсобному помещению, где хранится всякая домашняя утварь, а зимой сюда заводят и скот. На зиму для поддержания в жилище тепла пацху обмазывают глиной или обвязывают снаружи папоротником»[4].

Социальное развитие, изменение типа семьи влекли за собой изменение образа жизни, жилого комплекса и типа жилища, а все это вместе взятое отражалось и на форме поселения. При этом большое значение имела и специфика хозяйственного быта, поскольку соотношение используемых земельных угодий пропорционально зависело от удельной доли земледелия и скотоводства. К концу XIX века плетнёвые безоконные стоящие на земле хижины сменились более совершенными деревянными, а именно, бревенчатыми домами «джаргвальского» типа (абхазское аҵьаргуал-Ꝿны (**a**ĵargwal ω°nә) происходит от гру-

[1] Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы, с. 190.
[2] А. К. Шагиров. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977, с. 96.
[3] А....а. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – Сборник Сведений о Кавказских Горцах, вып. 6. Тифлис, 1872, с. 4-5.
[4] П. Гиоргидзе (Петрэ Чарая). Абхазия и абхазы. - Иверия, 1888, 12 августа, № 169, с. 2(на груз.яз.).

зинского [мегрельского] слова «джаргуали», означающего круглое дерево), дощатыми и стоящими на столбах домами типа «ода», хотя не повсеместно. Эти деревянные дома абхазов были аналогичны грузинским (мегрельским, имеретинским, гурийским) жилищам. В конце XIX века Н. Альбов писал: «Лишь недавно местные жители начали, подобно грузинам, ставить деревянные дома акәасқьа [ak'wask'ja – ред.], какие строят имеретины и гурийцы. Обычно в каждом дворе стоит несколько домов: один, в котором живет глава семьи со своими домочадцами, второй выполняет функцию кухни, а третий – хлев. Для коз всегда имеется плетеное строение на сваях, куда козы поднимаются по лестнице. Есть также курятник»[1]. Дощатые и деревянные дома «ода» для абхазов, как правило, строили грузинские (гурийские, рачинские, мегрельские, имеретинские) мастера, что подтверждается не только историческими источниками XIX столетия, но и современной научной литературой[2]. С конца XIX - начала XX века у абхазов распространяются и вытянутые вширь, то есть увеличенные в торцовой части, дощатые жилища. В одном жилом комплексе селилось несколько молодых супружеских пар одной большой семьи, каждая из которых имела свою комнату. По-абхазски такой дом назывался «аган ҩны» (agan ωºnə) по аналогии с грузинским (мегрельским) «ганиш кудэ // ганиш охори» (то есть вытянутое в ширину строение), что доказывает очевидное влияние грузинской культуры на уклад жизни абхазов: тип (планировка) жилища, равно как и термин, его обозначавший, вошли в абхазский быт и язык из грузинского. В 50-х годах XX века абхазы сменили название этого жилища на «аԥсуа ҩны (apswa ωºnə)» (то есть «абхазский дом»)[3]. Абхазской культуре было не знакомо не только каменное зодчество, но и «столярство и ваяние»[4]. Использовать камень в домостроении абхазы начали только при советской власти. В борьбе старых и новых традиций, безусловно, побеждали новые, но эта победа зависела от темпов общественного развития. Поскольку среди абхазов древние традиции имели прочную основу, постольку укоренение новых элементов культуры и быта сталкивалось с препятствиями и значительно растягивалось во времени и пространстве.

К сожалению, многие современные абхазские авторы подвергают сомнению достоверные этнографические материалы, искажая и заменяя их малоубедительными, но выгодными для них сведениями. К числу подобных измышлений относится вышедшая недавно в Москве книга «Абхазы», авторы которой отрицают всякую взаимосвязь абхазской культуры с грузинской, пытаются стереть все возможные точки их соприкосновения. Все статьи указанной книги служат

[1] Н. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. - Живая старина, вип. 3. С.-Пб., 1893, с. 308.

[2] Коциа Чкапшанели. Письмо из Абхазии. – Моамбэ, №1, Тб., 1898, с. 105-106(на груз.яз.); Н.Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии..., с. 308; И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969, с. 80.

[3] С. И. Бахиа. Абхазская «абипара» - патронимия. Тб., 1986, с. 30.

[4] А.Миллер. Черкесские постройки. - Материалы по этнографии России, т.2. С.-Пб., 1917, с. 2; Абри де ла Мотрэ. Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу .- Адыги, балкарцы и карачаевцы. Нальчик, 1974, с. 135.

одной единственной, крайне узконационалистической цели, а это, в свою очередь, подрывает основы подлинно научного подхода к изучению вопросов абхазской этнографии и вообще идет вразрез с наукой. Приведем один отрывок из указанной книги, посвященный описанию типов абхазского жилища: «Последний и наиболее усовершенствованный тип дощатого дома, получивший широкое распространение со второй половины XIX века, называется «акәасҟьа». По своему происхождению термин этот связан с тюркским «кунак» - гость, проникшим в абхазский язык через посредство русского «кунацкая»[1]. Во-первых, акәасҟьа означает дом «ода»[2], подобный типу мегрельско-имеретинского дома «ода», и, согласно сведениям И. Аджинджала, «строителями его были преимущественно рачинцы и гурийцы»[3]. Во-вторых, с лингвистической точки зрения, нет ничего общего между абхазским термином акәасҟьа (ак'waskja) и турецким словом **кунак** или, тем более, с ее русифицированным вариантом **кунацкая**. В случае заимствования слова из русского в абхазском языке форма **кунацкая** могла дать не имеющуюся форму **,** а вариант ***акунацкая.** Кроме этого, есть больше фонетических и семантических основ для того, чтобы считать абхазский термин видоизмененным грузинским словом koški «башня».Следует отметить и тот факт, что дом «ода» не нашел широкой популярности среди абхазов, он фиксируется в основном у абхазских феодалов и описан в трудах Дюбуа де Монперэ[4], Ф. Торнау[5], Н. Дубровина[6], С. Званба[7] и др.

Если принять во внимание только внешние признаки, то основной единицей поселения абхазов до советского периода являлся приусадебный комплекс, в котором отмечались характерные для западной Грузии особенности. Эти особенности вместе с тем были и основными признаками, что подразумевало существование единого приусадебного комплекса, включавшего в себя все земельные угодья, жилые и хозяйственные строения[8]. Своеобразие формы поселения было обусловлено тем, что за основным домом большой семьи и вокруг него на расстоянии нескольких метров располагались круглые плетнёвые дома (пацхи) с конусообразным перекрытием «амҳара», предназначавшиеся для молодых супружеских пар. «Амхар»-ы предшествовали распространившемуся позднее типу увеличивающегося в ширину дома. Их было столько, сколько в семье было женатых сыновей. Таким образом, сложился обычай изолированного проживания в одном доме нескольких брачных пар, явившийся предпосылкой возникновения более прогрессивной формы поселения – патронимической, моногенной организации. Позднее (после отделения индивидуальных

[1] Абхазы. - Народы и культуры. М., 2007, с. 248-249.
[2] Б. Джанашиа. Абхазско-грузинский словарь. Тб., 1954, с. 152.
[3] И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии, с. 80.
[4] Фр. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т.1, с. 116-142.
[5] Ф.Торнау. Воспоминания Кавказского офицера, с. 8.
[6] Н.Дубровин. Абхазцы... , с. 38.
[7] С. Г. Званба. Поцелуй за занавесом. – Кавказ,1853, 22 июля, № 53.
[8] С. И. Бахиа. Абхазская «абипара»... , с. 22.

семей и раздела имущества) в одном жилом комплексе появлялось столько же полноценных семей и жилищ, сколько было «амхар». Эта особенность расселения обнаруживает сходство с бытом народов Кавказа - адыгов, черкесов, абазин[1] и др. Сегментная дифференциация больших семей и у абхазов, и у народов Северного Кавказа совпадала с количеством супружеских домов.

Единый приусадебный комплекс состоял из переднего двора, на котором располагались основной дом и традиционные амхары, и отделенного от него забором хозяйственного двора. Величина последнего зависела от численности душ в семье и поголовья скота. У неразделенной большой и многочисленной семьи соответственно было большое количество скота. На хозяйственном дворе отдельно были огорожены участок для летнего выгона скота «агвара», а рядом с ним - зимнее стойло «абора». В передней части хозяйственного двора, вблизи дома, находился плетеный амбар для хранения зерна, стоящий на деревянных сваях - «аца». Объем зернохранилища зависел от состояния семьи. Кроме того, здесь располагалось специальное подсобное помещение «аказарма»[2]. В конце забора на хозяйственном дворе находились свинарник (только у абхазов абжуйцев) и курятник, на заднем дворе был пчельник. По обе стороны хозяйственного двора или к его нижней части примыкала раскинувшаяся на обширной территории пашня, а еще поодаль находились небольшое пастбище и лесные угодья. В глубине (центре) переднего двора, боковой стороной к воротам стоял большой дом «аԛны ду». В грузинской действительности как увеличивающийся вширь дом, так и «ода» аналогично занимал центральное место жилого комплекса, но, в отличие от абхазского обыкновения, он всегда стоял лицевым фасадом к воротам. Абхазский обычай, ставить жилище боковым фасадом к воротам находит сходство с обычаем горцев Северо-Западного Кавказа. Что касается самого типа абхазских ворот, он идентичен преимущественно типу ворот, встречающихся у адыгов и кабардинцев[3]. Западные грузины при строительстве жилого комплекса традиционно большое внимание уделяли воротам, являвшимся одним из важнейших элементов усадьбы. По мнению грузин, на основе ворот вообще складывалось впечатление о семье. Древние типы ворот делились на простые и сложные. Простые ворота были маленькими по размеру и композиционно и по конструкции выглядели примитивно. Сложные ворота были большими по размеру и с точки зрения архитектуры представляли со-

---

[1] И. Х. Калмыков. О некоторых терминах, характеризующих развитие жилого дома и становление моногамной семьи у адыгских народов. - Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974, с. 152-153; Е. Н. Данилова. Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX века. – Советская Этнография. 1973, № 5, с. 85-87; Т.Лапинский. Горские народы Кавказа и их борьба против русских за свободу. –Записки Кавказского Отдела Русского Географического Общества, кн. 1. 1861; А.Махвич-Мацкевич. Абадзехи ..., с. 3; В. В. Васильков. Очерк быта темиргоевцев. –Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып. 29. 1901, с. 99; А.Миллер. Черкесские постройки, с. 9.

[2] Это строение и обозначающий его термин нетрадиционны для абхазского быта, поскольку они вошли в абхазский обиход лишь в XIX веке с распространением здесь культуры табака. Термин заимствован под влиянием русского языка.

[3] А. Миллер. Черкесские постройки, с. 66.

бой интересное строение. Нередко такие ворота были крытыми[1]. Абхазы стали строить ворота, подобные западногрузинским, только начиная со второй половины XX века.

Таким образом, грузинско-абхазские культурно-исторические взаимоотношения, географические и климатические условия Грузии, ее социально-экономическое положение, безусловно, оказали значительное влияние на форму поселения, тип жилища, хозяйственных сооружений и приусадебного комплекса мигрантов в целом. В форме поселения особая роль и место отводилось кладбищу. Так же, как у горцев Северного Кавказа, у абхазов было принято разбивать кладбища непосредственно на территории жилищного комплекса патронимического предка на возвышенности[2]. Так, например, И. Аджинджал писал: «При хуторах были свои фамильные кладбища, расположенные обыкновенно здесь же в пределах фамильной усадьбы»[3]. Древнейшая, генетически связанная с культурой народов Северного Кавказа традиционная организация (функция и местонахождение) кладбища у абхазов оказалась настолько жизнеспособной, что по сей день сохранилась в форме их поселения. Кладбища, устраиваемые на приусадебном участке большой семьи и превратившиеся со временем в общепатронимические, поныне сохранились в абхазской действительности. В отличие от абхазов, автохтонное картвельское население Абхазии и всей западной Грузии, согласно общепринятому грузинскому культовому обычаю, издревле хоронило своих покойников на территории христианских храмов, считавшейся «святой землей предков». В каждом селе стояла хотя бы одна церковь с погостом, поделенным на фамильные участки. Каждая отделившаяся семья, происходившая от одного общего предка, имела на этом участке свой угол. Подобный обычай устройства кладбища по сей день является традиционным и характерным для всех (горных и равнинных) регионов Грузии.

Погребальные обряды занимают важное место в культуре и быте любого этнического образования, в том числе и абхазского народа. Начиная с древнейших времен на территории Абхазии засвидетельствовано множество различных обрядов захоронения, за исключением ингумации. Здесь археологами раскопаны ямные, кувшинные, каменные ящики и другие погребения. Обращают на себя внимание те могилы, в которых зафиксировано вторичное захоронение[4]. Было

[1] И.Адамиа. Грузинское народное зодчество. Тб., 1968,с. 52-56(на груз.яз.).

[2] И. Х. Калмыков. Черкесы. Черкесск, 1974, с. 206, 270; А. Кунина. Семейные обычаи и обряды у шапсугов. М., 1940, с. 22; Е. Н. Данилова. Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX века. – Советская Этнография, 1973, № 5, с. 86; М.Мамакаев. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1962, с. 18; Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 130, 261; Ф.Сахокиа. Путешествия. Тб., 1950, с. 314(на груз.яз.); А.Векуа. Из жизни и обычаев абхазцев. – Закавказье, 1912, 15-16 июня, с. 3; Ш. Д. Инал –ипа. Абхазы, с. 559; Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 190; Н. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, с. 81 и др.

[3] И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии, с. 17.

[4] М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. - Известия научно-исследовательского института Кавказоведения, вып. 3. Тифлис, 1935, с. 63-64; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. 1. Тб., 1999, с. 178-189; М. М. Трапш. Труды, т.1.Сухуми, 1970, с. 98-113; Т. К.Микеладзе, Д. Мусхелишвили. Колхидская археологическая экспедиция в 1978 году. – Полевые археологические исследования, вып. 78. Тб., 1981, с. 9 и др.

высказано предположение о том, что подобной форме захоронения непременно предшествовал этап, исключавший погребение покойника в земле[1]. Такой обычай погребения в научной литературе известен под названием погребения в воздухе, и его описание находим в древнейших письменных источниках. В частности, из трудов древнегреческих авторов IV-III веков до н. э. явствует, что обряд погребения покойника в воздухе в Колхиде существовал еще в VIII-VII веках до н. э. Это своеобразие колхидской культуры и быта абхазские ученые З. Анчабадзе[2], Ш. Инал-ипа[3], русский ученый Г. Чурсин[4] и др. приписывают абхазам, поскольку данный обычай был зафиксирован среди современных абхазов в XVII-XVIII веках нового летоисчисления (Арканджело Ламберти, Эвлия Челеби, Вахушти Багратиони…). Однако в результате этнологических исследований установлено, что не существует никаких оснований полагать, будто засвидетельствованный на территории Западной Грузии до нашей эры мегрельский (грузинский) обряд является абхазским. В период описания этого погребального обычая на всем пространстве от Кавказского хребта до Трапезунда обитали только колхские, то есть картвельские племена. Таким образом, и с этнической, и исторической, и культурной точек зрения непосредственное отношение абхазов к этому обычаю абсолютно исключено. Согласно средневековым источникам[5], указанная форма погребения была привнесена в XVII веке миграционным потоком с Северо-Западного Кавказа. Хотя очевидно, что на территории Абхазии традиционный вид этого обычая очень скоро претерпел трансформацию[6].

Известно, что условия географической среды, наряду с формой поселения, определяют и характер хозяйствования. Хотя для мигрантов с Северного Кавказа традиционной формой хозяйства являлось экстенсивно-кочевое скотоводство, эта отрасль не могла оставаться ведущей у современных абхазов в силу того, что «большая часть Абхазии была покрыта лесом, пастбищных мест было мало»[7]. Из исторических источников и научной литературы видно, как постепенно уменьшалось поголовье скота, находившегося в собственности семьи, и взамен возрастала роль земледелия. Поначалу для северо-западных кавказцев эквивалентом богатства являлась численность голов скота, поскольку в XVII веке, как писал А. Ламберти, у них было много стад, ежедневно они употре-

[1] Т.Микеладзе. Могильники Колхиды эпохи раннего железа. Тб., 1985, с. 14-17 (на груз.яз.).
[2] З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 180-183.
[3] Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы…, с. 547.
[4] Г.Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 203-204.
[5] Шильтбергер Иоганн (Ганс). Путешествие по Европе … - Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 40; Ф. Брун. География. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. – Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей, т.9. Одесса, 1872; Джордано Интериано. Быт зыхов, называемых черкесами. - Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 51, 52; Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 85, 118, 155, 526 и т. д.
[6] С. И. Бахиа-Окруашвили. Обычай погребения в воздухе в Колхиде и у абхазов. – Кавказский Этнографический Сборник, т.8. Тб., 2003, с. 139-149(на груз.яз.).
[7] Н. Дубровин. Абхазцы… , с. 45.

бляли в пищу сыр, молоко и мясо дичи[1]. Для гостей - Эвлия Челеби и его спутников - хозяин дома абаза «зарезал десять баранов и устроил большой пир». Описывая, как он гостил на свадьбе в деревне Хавдака, Эвлия Челеби пишет: «Нам преподнесли сто подносов вареной баранины, суп с фасолью, медовый напиток - бузу, пасте, мясную похлебку, подливки»[2]. Как видно, первоначально семьи мигрантов, имевшие многочисленное поголовье скота, не были редкостью. Наряду со скотоводством, в хозяйственной жизни переселенцев, так же, как у черкесов, значительное место занимали охота и пчеловодство[3]. Из литературы XIX века явствует, что хотя к концу указанного столетия удельный вес животноводства в хозяйственном быту абхазской большой семьи уже заметно снизился, но в сравнении с земледелием по-прежнему играл доминирующую роль. Согласно сведениям Н. Дубровина, абхазы «не имеют понятия, что такое плуг. Возделывание своего участка земли …просто заступом, или сохою, с особым деревянным лемехом, составляющим исключительно изобретение и принадлежность только одной Абхазии. Вырубив дерево с изогнутым пенем, туземец заостривает пенек клином, к длинному концу приделывает приспособление из веревок для тяги, и таким орудием, с помощью буйволов, бороздит землю…». В то же время известно, что «торговлею абхазцы не занимаются, считая это для себя делом постыдным»[4], однако излишки голов скота они обменивают на необходимые предметы обихода или продукты, в частности на соль, медную посуду, боевое оружие, орудия труда и т. д. У абхазов, подобно другим кавказским народам, скот служил основной расчетной единицей: он использовался для материального вознаграждения, скотом расплачивались за кровную месть, выплачивали калым, оказывали помощь и т. п.

В конце XIX - начале XX века в низинных районах Восточного Причерноморья ведущей отраслью сельского хозяйства становится земледелие, но в горной полосе, где была сконцентрирована большая часть абхазского населения, господствующими отраслями оставались скотоводство, охота и пчеловодство[5]. Традиционные обычаи горцев Северного Кавказа по уходу за скотом, приготовлению молочных продуктов и прочее еще долго сохранялись в быту мигрантов. Вместе с тем, исходя из особенностей экономической среды обитания, в речевом обиходе переселенцев с самого же начала укоренились специфические высказывания, приветствия и молитвы, нашедшие отражение в фольклоре (народных сказках, легендах, поговорках, песнях) и связанные с численностью поголовья скота и в целом с животноводством[6].

[1] А.Ламберти. Описание Колхиды, с. 189.
[2] Книга путешествия Эвлия Челеби... , с. 103(на груз.яз.).
[3] А.Ламберти. Описание Колхиды, с. 228-231; Книга путешествия Эвлия Челеби, с. 101, 103; Е.Ковалевский. Очерки этнографии Кавказа. - Вестник Европы, т.3. С.-Пб., 1867, с. 90 и др.
[4] Н. Дубровин. Абхазцы… , с. 7, 9; П. Гиоргидзе (П. Чарая). Абхазы и Абхазия. – Иверия, 1882, 12 августа, № 169(на груз.яз.).
[5] Ф. А. Завадский. Абхазия и Цебельда. – Кавказ, 1867, 30 июля, № 59.
[6] Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы… , с. 217; Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, с. 211.

В результате сопоставления этнографических полевых и литературных материалов выясняется, что первоначально горцы-мигранты сезонно перегоняли крупный рогатый скот, овец и лошадей на горные пастбища Северного Кавказа. Несмотря на то, что и пастухам и скоту приходилось преодолевать для этого нелегкий путь, дальняя дорога того стоила - там их ждали общинные пастбища предков, а известные скотоводческие фамилии и вовсе имели там свои собственные угодья. Как полагают некоторые ученые, термин «ҕыжәара» возник именно в ту пору и означает «зимование в неабхазских условиях». По их мнению, этот термин абазинского происхождения, а в абхазском языке ему соответствует «аӡынрахгара»[1]. Маршруты, ведущие на пастбища, были разными. Один из них пролегал вдоль реки Мзымта через перевал Айшха. Этим маршрутом пользовались чабаны деревень Геч, Цвиджи и др. Пройдя Аҳҷыҧс, они направлялись к истокам рек Малая и Большая Лаба. Другой маршрут пролегал вдоль рек Бзыбь, Гега, Юпшара и озеро Рица к горе Псху, а отсюда через Санчарский перевал на Северный Кавказ, в верховья реки Уруп и к склонам горы Заадан. Из Центральной Абхазии пролегали два маршрута, ведущих через Чхалтский хребет, а затем через перевалы прямо к горным лугам, раскинувшимся у истоков рек Большой и Малый Зеленчук. Самым главным маршрутом, связывавшим мигрантов с Северным Кавказом, являлась Военно-Сухумская дорога, ведущая через высокогорную альпийскую зону Кодорского ущелья, по Чхалтскому и Сакенскому хребтам к Клухорскому перевалу. По Чхалтской и Сакенской дороге пастухи отгоняли стада до Марухского перевала, где, на южных склонах бокового хребта Большого Кавказа, в среднем поясе Чхалтского отрога находились богатые Шоудидские пастбища[2]. Шоудидским пастбищем в основном пользовались жители Цебельды, Дальского ущелья, Сванетии и Одиши. Часть населения Самурзакано и Одиши имели пастбищные угодья на правом берегу реки Ингури, куда они попадали минуя селения Арасадзих и Ткварчели. Другой путь для самурзаканцев пролегал через селения Чхортоли, Окуми, Речхи, Пахулани и заканчивался в долине реки Авадхара и окрестностях озера Рица. Абхазам удавалось добираться отсюда и до Клухорского перевала. Тот факт, что абхазские скотоводы интенсивно пользовались пастбищами, раскинувшимися на горных склонах Северного Кавказа, подтверждается сведениями Ш. Инал-ипа, Г. Смыр[3], Ц. Бжания[4] и других авторов. Однако те же авторы связывают распространение абхазских топонимов на пастбищах в верховьях рек Большой и Малой Лабы, Большого и Малого Зеленчука не с выгонным скотоводством и эксплуатацией абхазами указанных пастбищ, а якобы

[1] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 20.
[2] Там же, с. 16-19, 30.
[3] Ш. Д. Инал-ипа, Г. В. Смыр. Скотоводство. - Земледелие и скотоводство у абхазов. Тб., 1986, с. 125.
[4] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 31-32, 36.

с переселением абхазского элемента в горы Северного Кавказа в XIV веке[1]. По мнению указанных авторов, с которыми нельзя согласиться, это была вынужденная миграция, обусловленная перенаселенностью территории Абхазии и возникшей здесь вследствие этого проблемой малоземелья[2]. Во-первых, в научной исторической литературе установлено, что в XIV веке миграционный процесс из причерноморской полосы на Северный Кавказ затронул только абазинджиков, обитавших выше северо-западных рубежей Абхазии[3]. Во-вторых, в научной литературе на этот период к северу от реки Анакопия на территории Абхазии нигде не зафиксированы ни нехватка земельных угодий, ни избыток населения. Вопрос пастбищных угодий в Абхазии всегда был урегулирован: поскольку основой хозяйственной деятельности местного картвельского населения являлось земледелие, выгонной площади здесь всегда было достаточно и она никогда не становилась предметом чьей-либо тяжбы. Перемещение северокавказских горцев на южные склоны Кавказа, в центральную Абхазию повлекли за собой земельную стесненность картвельского населения Одиши и нынешнего Гальского района и споры по поводу их пастбищ. Поселившиеся в XVI веке в бассейне рек Мзымта и Бзыбь горские племена абазов (Мдаа, Псху, Айбга, Ахчипс…) занимались привычным для них индивидуальным горным скотоводством и зимой, и летом держали скот на одном и том же месте. К деревням абазов прилегали богатые горные пастбища, что позволяло населению заготавливать сено впрок для обеспечения кормом скота, содержащегося зимой в специально утепленных бревенчатых хлевах. На эти же пастбища выгоняли стада скотоводы нынешних Гудаутского и Гагрского районов, поэтому данные угодья не являлись спорными. В XVI веке, из-за ослабления центральной царской власти, в раздробленную Грузию хлынул мощный миграционный поток, который, как сказано выше, почти полностью вытеснил картвельское население из простиравшегося до реки Анакопия Абхазского эриставства, а оставшуюся часть коренных жителей ассимилировал.

Начиная с 60-70-х годов XVII века, как уже говорилось, северокавказские мигранты абхазы систематически стали нападать на картвельское население, жившее в нижнем течении реки Келасури. Несмотря на непрекращающееся гонение, истребление и полонение исконного грузинского населения исторической Одиши, мигрантам все-таки не удалось полностью вытеснить грузин из этого края. Поэтому пастбища Сухумского, Очамчирского и Гальского районов стали спорными. В горах Сухумского района пастбища были поделены между сельскими общинами, что позволило урегулировать проблему пользо-

[1] Ш. Д.Инал-ипа, Г. В. Смыр. Скотоводство… , с. 125.
[2] Ш. Д. Инал-ипа, Г. В. Смыр. Скотоводство… , с. 125.
[3] Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей. – Советская Этнография, 1946, № 4, с. 161-170; Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. – Советская Этнография, 1956, № 1, с. 19-28; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988, с. 198.

вания пастбищами: отныне коренное население и мигранты на равных правах могли пользоваться этими угодьями. В этом плане наиболее тяжелая ситуация сложилась между автохтонным и пришлым населением Одиши, о чем свидетельствуют материалы Сухумской поместно-родовой комиссии и сведения К. Подозерского[1].

Согласно российскому закону от 29 июня 1887 года, сначала альпийские, а затем и все пастбища перешли в казенную собственность. Казна по своему усмотрению могла распоряжаться этими землями. Пастбища выдавались в аренду как общинам, так и частным лицам сроком на 3 года[2]. Вскоре государство ввело и субаренду[3], которая еще более усложнила порядок пользования пастбищами. Богатые феодалы или состоятельные скотоводы, приближенные к царской администрации, обладая преимуществом перед иными субъектами, могли приобрести арендный билет, после чего все семьи общины оказывались в зависимости от арендодателя и вынуждены были платить двойную цену за аренду пастбища. Плата за аренду непосильным бременем ложилась на плечи простых скотоводов, поэтому численность поголовья скота у таких арендаторов постепенно сокращалась. О том, что переселившиеся с Северо-Западного Кавказа и затем смешавшиеся с картвельским населением скотоводы-абхазы не являлись коренными жителями этих мест, свидетельствуют разного рода отличительные знаки - клейма и насечки, наносимые на тело скота. Среди всех кавказских народов существовало два способа метки домашних животных: у крупного рогатого скота, лошадей, мулов и ослов клеймо наносили на заднюю часть или на морду, мелкому рогатому скоту делались надрезы на ушах. Подобные знаки собственности имели отдельные патронимии и фамилии. Например, в Абхазии были известны клейма и насечки Шарвашидзе-Чачба, Амичба, Маршания, Квициния, Чегем, Эмухвари, Инал-ипа, Цанба и др.[4] Данный вопрос еще в XIX веке подробно рассмотрел С. Броневский, обративший внимание на тот факт, что метки собственности у абхазских и черкесско-абазинских фамилий идентичны. Сравнение типологических таблиц клейм и насечек этих народов подтверждает соображение С. Броневского. Некоторые патронимические метки черкесов и абазин (Какупш, Джантемир, Лацушба, Шармат, Клич, Карабаш, Трапш, Лоо, Дударуква и др.) зафиксированы и у абхазов[5], что еще раз свидетельствует об общности их происхождения от одного предка, о кровном родстве современных абхазов и северокавказских горцев. Подобные отличительные знаки собственности – клейма и насечки – наносились скоту в

[1] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакана. – Сборник Сведений о Ккавказских Горцах, вып.3. Тифлис, 1870, с. 2; К. И. Подозерский. Санчарская через Главный Кавказский хребет тропа и урочище Псху. – Известия Кавказского Отдела Русского Географического Общества, т.16. Тифлис, 1903, с. 23.
[2] Ш. Д. Инал-ипа, Г. В. Смыр. Скотоводство… , с. 123-124; Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 13.
[3] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 13.
[4] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 59; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы… , с. 218-225.
[5] С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч.1, с. 326, 345.

разных местах: на правом или левом боку, груди, морде, правом или левом ухе. Очевидно, северокавказские мигранты принесли с собой свои патронимические клейма и продолжали использовать их в новой среде. Согласно этнографическим материалам Ш. Инал-ипа, поселившийся в XX веке в селе Дурипш мигрант с Северного Кавказа абазин Хутов принес с собой доставшееся ему в наследство от предков металлическое клеймо с длинной рукояткой. Эта реликвия, передававшаяся в роду Хутова из поколения в поколение, была настолько дорога ее владельцу, что он, мигрировав, не смог расстаться с ней[1].

Таким образом, характер хозяйственной деятельности современных абхазов, подобно жившим на Северо-Западном Кавказе черкесам и абазинам, первоначально обуславливался полукочевым скотоводством. Но под влиянием географической среды, многовековых культурно-исторических отношений и территориальной общности с картвельским миром хозяйственный уклад абхазов изменился. Хотя до сих пор сохранилось много общих черт и элементов в культуре, нравах и обычаях абхазов и малочисленных народов Северо-Западного Кавказа.

Отдельные авторы XIX века по-разному характеризуют хозяйственную деятельность абхазов. «Главнейшим образом олицетворением благосостояния абхаза является домашний скот - основа основ его существования, источник жизненных сил и пропитания, по мнению самого абхаза… Пастухи обильно потребляют в пищу мясо, питаются молоком и маслом. Поэтому даже ради двух голов скота, не имея достаточного выгона для них, абхаз готов переходить с одного места на другое… Поскольку абхазу ничего не стоит построить пацху, он перемещается налегке… Если абхаз переселяется в близлежащую деревню, то пацху несет неразобранной, с чужой помощью… Ныне быт абхазов изменился… На первое место поставили земледелие и изо дня в день возделывают все больше кукурузу…»[2].

«Абхазцы упражняются в скотоводстве и хлебопашестве; держат лошадей, рогатый скот и овец; сеют пшеницу, ячмень, турецкую пшеницу (кукурузу) и особливый вид просы, называемой грузинами гоми. В полуденной (южной – авт.) Абхазии делают также виноградное вино, но главнейшая промышленность их состоит в похищении и продаже пленников»[3].

В отличие от С. Броневского, А. Пахомов пишет: «… Пшеницы почти нигде нет. В очень редких случаях, где и можно увидеть, она сеется исключительно для приготовления особого рода пресных хлебцев, употребляемых при жертвоприношениях в разных языческих обрядах, до сих пор совершаемых абхазцами, как христианами, так и мусульманами»[4]. Лаврентьев же отмечает: «Абхазец

[1] Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы… , с. 223.
[2] П.Гиоргидзе (П. Чарая). Абхазия и абхазы. –Иверия, 1888, 12 августа, № 169, с. 1-2(на груз.яз.).
[3] С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч.1, с. 326.
[4] А. В. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – Записки Кавказского Общества Сельского Хозяйства, №1-2, с. 49.

пользуется тем, что дает ему роскошная природа, и весьма мало заботится об улучшении своего быта. Небольшое поле и огород дают ему вдоволь кукурузу, гоми и различные овощи, а дикорастущие деревья – различные плоды; многочисленные стада доставляют молоко, сыр, а также материалы для одежды»[1].

Таким образом, из письменных источников XIX века явствует, что земледелие у абхазов вначале было экстенсивным, их хозяйственная деятельность характеризовалась слаборазвитой производительностью, примитивностью хозяйственной техники, слабым разделением труда – натуральным хозяйством[2]. Абхазы возделывали кукурузу, ячмень, пшеницу, зерновую культуру «гомисгоми» и виноград. Добываемых ими продуктов хватало только для того, чтобы прокормить семью[3]. Переход абхазов к оседлой жизни обусловил освоение ими новых отраслей хозяйства – полеводства, садоводства, виноградарства, овощеводства. Они хорошо освоили систему очередности посева зерновых, парового поля, расчищения кустарников (зарослей) под пашню, поднимали целину. При этом они сеяли столько, сколько урожая было необходимо для нужд семьи. Вплоть до XX века у абхазов, как и у черкесов, земледелием в основном занимались женщины. Миграционные потоки с Северного Кавказа, имевшие место в XVI веке и принесшие с собой примитивные орудия труда, горские нравы и обычаи, обусловили то, что земледелие абхазов на новом месте обитания поначалу носило экстенсивный характер. Аналогично обстояли дела и у черкесов, карачаев[4], абадзехов[5] и прочих.

В XVII-XIX веках во всех уголках западной Грузии, в том числе и Абхазии, наряду с феодальной и общинной собственностью на пахотные земли существовала и частная собственность. В материалах об экономическом положении Кутаисской губернии читаем: «Кутаисская губерния богата крайним разнообразием форм землевладения… рядом с подворно-участковым владением … и вымирающими остатками общинного землевладения, мы находим также типы семейно-родовой общины, которые свойственны лишь первобытной культуре»[6]. Кроме этих форм землевладения упоминается и церковно-

[1] Лаврентьев. Краткое статистическое описание Абхазии и Цебельды. - Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Кавказский край, т.16, ч.5. С.-Пб., 1858, с. 264; Е. Прудков. Из Сухума. - Кавказ. 1870, 17 июля, № 82.

[2] А. В. Пахомов. Абхазия… , с. 42-43, 49-50; Н. Дубровин. Абхазцы…; П. Гиоргидзе (П. Чарая). Абхазия... , с.1; А. Н. Дьячков-Тарасов. Бзыбская Абхазия. - Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества, т.18. Тифлис, 1905, № 1, с. 52; Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, т.8. Тб., 1990, с. 614-615(на груз.яз.); И. Г. Антелава, Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. Сухуми, 1951, с. 119-120; Ш. Д. Инал-ипа. Дурипш. - Труды Абхазского Института Языка, Литературы и Истории, т. 29. Сухуми, 1959, с. 82.

[3] Лаврентьев. Краткое статистическое описание Абхазии и Цебелды, с. 264; И.Аверкиев. С Северо-Восточного прибрежья Черного моря. – Кавказ, 1866, 29 сентября, № 76.

[4] Н.Дубровин. Черкесы… , с. 153; А. Д. Бесленеев. К вопросу развития сельского хозяйства горцев Кубанской области. - Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971, с. 5; И. М. Шаманов. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев. - Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971, с. 67.

[5] А. Н. Дьячков-Тарасов. Абадзехи. Тифлис, 1902, с. 17.

[6] С. А. Егиазаров. Формы крестьянского землевладения в Кутаисской губернии и возникновение спорных земель. - Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. I. Тифлис, 1887, с. 159.

монастырская собственность.[1] У абхазов пахотные угодья находились преимущественно в общинном и патронимическом владении, хотя зафиксированы и факты частной собственности на землю. Н. Альбов и К. Ган подробно рассматривают, как происходило ежегодное распределение пахотно-посевных угодий и как из общинных владений каждой семье выделялся полагавшийся ей по количеству душ участок земли[2]. Подобная же форма общинного землевладения в начале XX века была распространена и среди северокавказских горцев[3]. Согласно исследованию И. Шаманова, распределенные старейшиной общины участки земли обрабатывались мотыгой, труд здесь был основан на кооперативном принципе. Патронимические или соседские группы (5-10 дымов) обрабатывали землю коллективно и вместе же собирали урожай[4].

Как явствует из научной литературы, на протяжении многовековой истории существования грузинский народ накопил большой опыт в сфере сельскохозяйственного производства, поэтому в Грузии были высоко развиты техника обработки земли, орудия труда, народные приемы ухода за почвой, рациональные пути эксплуатации лесов, пастбищ и сенокосов.

У абхазов зафиксированы два типа пахотных орудий: «аꙡəахə̣» (по-абхазски аꙡə = кусок дерева, ахə̣ = крутится вспять; дословно: орудие, которое крутится вспять, разрушает)[5]. Для такой же пахотной работы у бзыбских абхазов применялся плуг «ацəамаҭəа», название которого Ш. Инал-ипа переводит как «разрыхляющее орудие», а Ц. Бжания – как «пята быка», «бычья рукоятка», «бычья одежда». Абхазское ацə = бык, амаҭəа = одежда, так что, это слово действительно означает «надеваемое на быка». Как видим, термин носит описательный характер. Другой тип пахотного орудия - «акəаҭан» (груз. гутани – плуг). В Мегрелии железный плуг «огапа» имеет резец («саквети/сакветели»), а в сванском он так и называется - «сакветели». Таким образом, у абхазов, заимствовавших грузинский резцовый плуг, это орудие оформилось под названием «акəаҭан» (см. здесь же, с. 295). В XVIII веке путешествовавший в Абхазии И. Гюльденштедт название плуга записал по форме «**koten-madsa**» (котен-мача), происходящее, очевидно, от грузинского «гутани» (плуг), а «мача» по-абхазски означает «маленький, малых размеров», следовательно, «малый плуг». То, что среди абхазов в основном были распространены мегрельские пахотные орудия, подтверждают сведения А. Пахомова[6] и Г. Читая[7] . По-абхазски мотыга

[1] Г. А. Рыбинский. Сухумский округ. - Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894, с. 8.
[2] Н.Альбов. Этнографические… , с. 309; К. Ф. Ган. Поездка в Мингрелию, Самурзаканию и Абхазию в 1900 г. - Кавказский вестник, 1902, № 4-5.
[3] Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, т. 1. Одесса, 1882, с. 176; Х. М. Душанов. Некоторые вопросы изучения большой семьи и патронимии у адыгов. - Вестник Кабардинские-балкарский научно-иследовательний институт, вып. 4. 1970, с. 79; А. Д. Бесленеев. К вопросу… , с. 5.
[4] И. М. Шаманов. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев. - Из истории… , с. 69.
[5] Ц. Н. Бжания. Из истории... , с. 172-173; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы... , с. 231-232.
[6] А. В. Пахомов. Абхазия... , с. 41.
[7] Г. С. Читая. К вопросу происхождения абхазских пахотных орудий. - Моамбэ Академии Наук Грузии, кн.2, №.3, Тб., 1941, с. 294(на груз.яз.)

называлась «ачага» (по-грузински «ачача»). Она была треугольной формы и от мегрельской отличалась только размером[1]; полагают, что абхазская мотыга была более похожа на имеретинскую[2]. Серп у абхазов назывался двояко: «ачалаа» (от мегрельского чали «коса») и «амагана» (мегрельско-гурииское **магана** «серп»), имел острое лезвие длиной 20 см и применялся для срезания гомис-гоми и початков кукурузы. Как видно, оба термина заимствованы из грузинского. Не меньшее значение в земледелии имел топор – «аиха» (= железо), применявшийся главным образом для расчищения зарослей под пашню. Были известны два типа топора: один - старый, черкесского типа, с широким и округленным лезвием и другой – «цалди», называвшийся по-абхазски «аигушв», но более встречавшийся в народе под названием «цалда» и употреблявшийся для расчищения кустарников под пашню и обчищения виноградной лозы. «Цалди» - древнегрузинский термин, означающий «орудие для рубки хвороста»[3].

Общеизвестно, что виноградарство в Грузии возникло на основе окультуривания местных диких сортов винограда. Одним из древнейших очагов этой отрасли сельского хозяйства являлась Колхида. Благодаря теплому и мягкому климату, на влажной плодородной земле западной Грузии с незапамятных времен рос дикий виноград крупными, высокими и курчавыми деревьями[4]. Интересен тот факт, что для обозначения названия растущего ввысь винограда западные грузины использовали названия деревьев, на стебли которых опиралась лоза: «дубовый виноград», «кленовый виноград», «ольховый виноград» и т. д. Эти термины переняло и абхазское население. Хотя традиция виноделия существовала и у черкесов, живших на берегах реки Кубань, их технология изготовления отличалась от грузинской[5].

В литературе XIX века имеется много сведений о полеводстве и виноградарстве Абхазии, но среди какого этнического населения – картвельского или абхазского - были развиты эти отрасли, четко не видно. В упомянутых трудах говорится об ареале распространения винограда, о его сортах и наименованиях, среднегодовом урожае, описываются правила изготовления и хранения вина, охарактеризовано его качество. Отмечено, что до мухаджирства абхазские села представляли собой цветущие «сады и виноградники»[6]. Но все же, по сведениям М. Балласа, первыми производителями вина в регионе (1836 г.) были грузины (мегрелы)[7]. С учетом этнографических материалов есть основания полагать, что в этот период абхазы вряд ли могли производить вино, поскольку ими еще должным образом не была освоена технология виноделия. В

[1] А. В. Пахомов. Абхазия... , с. 51.
[2] Р. К. Чанба. Земледелие. - Земледелие и скотоводство у абхазов. Тб., 1986, с. 53.
[3] Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский словарь, т. 2. Тб., 1993, с.362(на груз.яз.).
[4] И.Джавахишвили. Сочинения, т. V. Тб., 1986, с. 383 (на груз.яз.).
[5] Н.Дубровин. Черкесы... , с. 158.
[6] Моамбэ, 1898, № 1, с. 101(на груз.яз.).; Дроэба, 1884, 29 августа, № 188; К. Гамисония. Абхазская деревня в конце XIX – начале XX века. Сухуми, 1973, с. 79-80(на груз.яз.).
[7] М.Баллас. Виноделие в России, ч.2.– С.-Пб., 1896, с. 87.

этнографических материалах XIX века описан довольно примитивный способ изготовления вина абхазами: они сыпали виноград в вырытые в землю ямы, обмазанные обожженной глиной и предварительно тщательно вычищенные, давили его ногами и оставляли здесь же, прикрыв сверху листьями папоротника, до окончания брожения. Перебродившую жидкость сливали в деревянные бочки или во врытые в землю большие глиняные кувшины, которых обмазывали воском или козьим жиром, чтобы вино не впитало влагу[1]. По свидетельству абхазских авторов (Ш. Инал-ипа, Ц. Бжания, Р. Чанба…), абхазы издревле, на протяжении веков возделывали виноград, умели обращаться с лозой, в результате чего накопили богатый эмпирический опыт ухода за виноградом и изготовления вина. Однако ни языковый, ни фольклорный материал, ни религиозные представления вместе взятые, а так же скудность соответствующего инвентаря не позволяют делать такое заключение. Бзыбские абхазы рыли ямы для кувшинов на каком-нибудь возвышенном месте на территории приусадебного комплекса, поскольку у них не было такого специального помещения для хранения вина, каким являлся грузинский марани (погреб). Винные кувшины абхазы прикрывали открытым навесом из прутьев, чтобы их не залило дождем. Иное отношение к этой отрасли хозяйства было у абжуйских абхазов, имевших более тесные экономические и хозяйственные контакты с грузинами. Адаптировавшись к природно-климатическим условиям Грузии, они постепенно переняли от коренного картвельского населения традиционную культуру марани и кувшинов-квеври для культового вина «зедаше», а также технологию снятия «чачи» (груз.: виноградные выжимки) и использования её для перегонки водки.

Упадок виноградарства в Абхазии в XVIII-XIX веках одни ученые объясняют вторжением сюда ислама, омусульманиванием абхазов и мухаджирством, другие – распространением вредителя винограда филлоксеры. Но о подлинной причине они умалчивают. На самом деле, упадок отрасли был вызван вытеснением из этого региона, особенно из северо-западной его части, где наиболее было развито виноградарство и виноделие, коренного картвельского христианского населения. А пришедшие сюда северокавказские мигранты начали осваивать эти отрасли хозяйства только спустя определенное время, после того, как приспособились к здешней природно-географической и хозяйственной среде. За это время оставшиеся без присмотра многие местные сорта винограда, требующие ухода, выродились и исчезли. Значительный интерес представляет рассмотрение связанной с виноградарством и виноделием терминологии, изученной Б. Джанашиа. Ученым установлено, что часть этой терминологии в абхазском языке носит явно описательный характер, а большая часть заим-

[1] Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера , с. 37; И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии, с. 147-156; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы... , с. 245-359; Р. К. Чанба. Земледелие... , с. 67.

ствована из грузинского. Так, например, грузинское вази (лоза) по-абхазски называется аӡахәа, что дословно означает «кручёное дерево», где ӡа идет от древнегрузинского «дзели» (дерево), а хәа – абхазский корень, означающая «искривленный, кручёный»; ажьымжәа - виноградная гроздь - представляет собой композит, где ажь значит «виноград», а (а)мжәа – «тутовое дерево» (дословно: «тутовый виноград»); грузинское «мачари» (молодое вино) - абхазское амаҷар (в том же значении); грузинское «дзмари» (уксус) по-абхазски абжьеи (кислый сок – ср. с грузинским «бажа» - приправа из орехов с уксусом, кисловатая на вкус); слово аҩы, означающее вино, заимствовано из грузинского («гъвино»); название винного погреба (марани) аҩцара у абхазов тоже описательного характера и переводится как «место, где разливалось вино»[1].

Свидетельством интенсивных грузино-абхазских контактов является тот факт, что абхазы, подобно грузинам, называли высокорослые сорта винограда по названиям деревьев, на которые опиралась лоза: «вязевый виноград» («телис курдзени»), «дубовый виноград» («мухис курдзени») и т. д. Следует заметить, что некоторые ученые среди «абхазских» сортов винограда называют ауасырхуа, являющийся не чем иным, как мегрельско-имеретинским сортом «крахуна»; сорта амлахә и аԥсуажь (<абкурзен): амлахә происходит от грузинской дворянской фамилии Амилахвари, представитель которой привез в Абхазию один из кахетинских сортов винограда, прижившийся здесь и названный позднее абхазами в его честь «амлахв»; что касается сорта аԥсуажь, он был выведен только в XX веке и его прежним наименованием было абкурзен (курзени – мегр. виноград) - «абхазский виноград», которое затем сменилось на «апсуйский виноград».

Среди северокавказских мигрантов, до знакомства с местными, западногрузинскими продуктами виноделия, был распространен крепкий медовый напиток - ацәаӡы, который на их родине назывался «буза». Этот напиток долгое время был популярен у абхазов; в основном они использовали «бузу» при исполнении традиционных религиозных ритуалов, он был обязательным атрибутом праздничного, свадебного или поминального застолья.

Для грузин Абхазии, так же как и для картвельского населения всех других уголков Грузии, виноградная лоза испокон веков являлась символом жизни и плодородия, а вино, выжатое из его плодов, - священным напитком. Поскольку для грузин и марани, и хранящееся здесь в кувшинах отменное красное вино «зедаше», предназначенное специально для церковного ритуала причащения и для обряда венчания, представляли собой божественную собственность, постольку марани считался не просто хозяйственным помещением, а более почитался как культовое сооружение. Это подтверждается засвидетельствованными

[1] Б. П. Джанашиа. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. Автореферат. Тб., 1955, с. 5-15.

в этнографических источниках нередкими фактами совершения свадебных ритуалов в марани.

Из памятников материальной культуры, пожалуй, одежда, дольше всех сохраняет этническое своеобразие. По своей социальной и этнической функции она отличается относительной консервативностью. Форму и тип этого важнейшего элемента культуры определяют естественно-климатические условия обитания и характер традиционной хозяйственной деятельности этноса. Техника, традиция, этническая специфика изготовления ткани и ее хозяйственно-культурный тип отражают особенности способов производства, присущее населению того или иного региона в ту или иную историческую эпоху. Одежда – носитель художественного вкуса и самобытности народа, на нее накладывается отпечаток исторического развития. Естественно, с течением времени, в процессе исторических катаклизмов, вместе с миграцией населения из одного региона обитания в другой изменяется и облик его одежды. Одежда малых народов Северо-Западного Кавказа формировалась под влиянием ряда экономических факторов. Так как в их хозяйстве не производилось иного материала, кроме шерсти, войлока и меха, то, соответственно, большую часть архаической одежды эти народы, в том числе и абхазы, шили именно из этих материалов. Позднее, с развитием торговли, расширился и ассортимент тканей.

Современные абхазы долгое время не использовали в одежде шелковые ткани, несмотря на то, что в Грузии существовала многовековая традиция изготовления шелка. В их представлении, гусеница и кокон тутового шелкопряда и изделия из него являлись нечистыми, и поэтому были неприемлемы для них. На основе имеющихся этнографических материалов можно установить, что древнейшие костюмы абхазов (и мужская, и женская) обнаруживают ближайшую параллель с одеждой генетически родственных северокавказских народов (абазин, адыгейцев, кабардинцев)[1]. Головной убор, черкеска и бурка представляли собой общекавказское явление. В старину «черкеска» горцев Северо-Западного Кавказа, в том числе и абхазов, в силу условий окружающей среды и специфики хозяйственной деятельности, доходила до пят. Позднее, мигрировав с гор, в результате смены хозяйственно-географических условий и под влиянием культурных взаимоотношений с картвельским населением длина и форма плеч «черкески» изменились. Из ритуальной одежды свадебный наряд абхазов также был наиболее близок к одежде народов Северо-Западного Кавказа (черкесской), а траурное одеяние, претерпевшее коренное видоизменение, обнаруживало сходство по форме и цвету (черный) с западногрузинской одеж-

[1] И.Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии…, с. 145; Житие Грузии. т. 4. с. 787(на груз.яз.).; Ф. Ф. Торнау. Воспоминания Кавказского офицера, с. 61; Е. М.Малия, Л. Х. Акаба. Одежда и жилище абхазов. Тб., 1982, с. 7; Е. Н. Студенецкая. Общие черты в мужской одежде народов Северного Кавказа и их отражение в терминологии. - Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 257-263; Карачаевцы и черкесы. - Народы Кавказа, т. 1. М., 1960, с. 168-169 и т. д.

дой. «Вдова она была одета в длинную шерстяную рубашку черного цвета, босая, с открытою грудью и распущенными волосами»[1].

Вместе с тем следует заметить, что мигрировавшее население творчески подходило к перенятию местной, западногрузинской традиции одежды. Поэтому одежду абхазов можно рассматривать как своеобразный синтез общекавказской культуры: в ней переплетены традиционные элементы одежды адыгского и картвельского народов. Несмотря на значительное влияние западногрузинских традиций, терминология, обозначающая ткани и архаическую одежду, у абхазов преимущественно осталась северо-западнокавказской[2], что опять-таки указывает на их генетическую связь с этими народами, на общность их происхождения. Следы грузино-абхазских культурных контактов находим в терминологии деталей, аксессуаров одежды. В частности, в абхазском укоренились названия мужской одежды, надеваемой под черкеску, «бешмета» и женского платья с воротником и небольшим вырезом - акаба (по-грузински «каба»). В качестве зимней верхней одежды, наряду с меховым тулупом, абхазы употребляли и войлочную бурку - агәабанаҟ (от грузинского «гвабанаки»). Из грузинского (сванского) абхазы заимствовали термин, обозначающий украшение (пуговицы) женского платья, «**ачапраз**» (по-груз. «чапрасти»); термин, обозначающий боевое оружие (кинжал или меч), украшающее мужскую одежду, аҟама (мегрельское «кама»), а все убранство целиком называлось абӡар (груз. «абджар»[3]). «Все вооружение абхаза пригонялось так, чтобы одно другому не мешало, - писал И. Аджинджал, - не болталось и не связывало движений… Обычай навешивать на поясе оружие и различные предметы для того, чтобы всегда иметь их при себе наготове, встречался также и у мегрелов»[4]. Об этом обычае абхазов писал и А. Ламберти[5]. Технику обработки льна и хлопка для производства ткани абхазы также переняли у грузин.

Главнейшей жизненной потребностью человека является пища, характер и ассортимент которой опять-таки зависят от природно-географических условий, хозяйственно-экономической и культурной деятельности того или иного народа. Культура питания неразрывно связана с культурой этноса. Постольку изучение продуктов питания в культурно-историческом аспекте народных традиций способствует выявлению особенностей абхазского быта. Порядок приема пищи, связанный с ним дневной и годовой рацион питания в определенной мере выражают этническую принадлежность человека. Как известно, из всех продуктов питания самым существенным и традиционным является хлеб. Сваренная на воде из кукурузной муки густая несоленая каша – мама-

[1] Ф. Ф. Торнау. Воспоминания Кавказского офицера, с. 75.
[2] И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии, с. 353-385; Е. М.Малия, Л. Х. Акаба Одежда… , с. 7.
[3] Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский словарь, т.1. Тб., 1991, с. 38(на груз.яз.).
[4] И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии, с. 365.
[5] А.Ламберти. Описание Колхиды. – Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып.43. с. 41-42.

лыга (груз. «гоми»), именуемая абысҭа (ср. абазин. и адыг.-кабард. **паста**) заменяла абхазам хлеб. В недалеком прошлом «абыста» занимала главное место в ежедневном рационе как сельского, так и городского абхазского населения[1]. Этот злак привезен в Грузию из Америки в XVII веке. Когда кукурузная культура распространилась среди абхазов, сказать трудно, но, по всей видимости, в указанном столетии они уже применяли её. До того традиционным кушаньем у абхазов, подобно черкесам[2] и убыхам[3], было сваренное вкрутую тесто из проса. Прежде просяную мамалыгу ели в холодном виде, нарезанной на куски. Как кукурузная, так и просяная мамалыга употреблялась в качестве гарнира ко всяким блюдам. Абхазские этнографы считают «абыста» древнейшим, сугубо абхазским термином, произошедшим от абхазского названия распространенной в Мегрелии и Абхазии зерновой культуры, называемой по-грузински «гомис-гоми»[4]. Однако, мнения лингвистов по этому вопросу расходятся. Для обозначения крутой просяной мамалыги и среди народов Северного Кавказа употреблялся термин «баста // басте». По мнению некоторых языковедов, термин басҭе>быcҭе>абысҭа, обозначающий адыгскую просяную мамалыгу, происходит от однокоренного слова «пасте», заимствованного черкесским языком из греко-итальянского[5] или собственно греческого[6] языка. Черкесский языковед А. Шагиров же полагает, что этот термин (пасте) был распространен у терских русских, откуда он попал в черкесский, а затем и в абхазский язык[7]. Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать только один вывод: этот термин уже существовал в праязыке племен Северо-Западного Кавказа до его дифференциации, а уже оттуда мигрантами был привнесен на территорию Абхазии.

Разнообразие и специфика пищи, как уже говорилось, зависят от условий окружающей среды и от характера основной хозяйственной деятельности этноса. Из литературы XVIII-XIX веков видно, что ассортимент пищи абхазов был тесно связан с молочными продуктами – молоком, сметаной, молодым сыром, а также с продуктами растительного и животного происхождения – говядиной, бараниной, козлятиной, мясом птицы (прежде всего домашней курицы). Издавна в меню традиционной абхазской кухни особое место занимали

[1] Народы Кавказа, т.2. М., 1962, с. 397; И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии, с. 340.

[2] Эмидио Дортели д' Асколи. Описание Черного моря и Татарии. –Записки Одесского Общества Истории и Древностей, т.24, ч.2. Одесса, 1902, с. 126; Путешествие Жана Шардена по Закавказью в 1672-1673 годах. Тифлис, 1902, с. 25.

[3] С. Т. Званба. Зимние походы убыхов на Абхазию. - Этнографические этюды. Сухуми, 1955, с. 46.

[4] Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы, с. 341; К. С. Шакрыл. Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазско-адыгских языках. Сухуми, 1968, с. 65.

[5] А. И. Абдохов. Фонетические и лексические параллели абхазо-адыгских языков. Нальчик, 1973, с. 65.

[6] Л. Г. Лопатинский. Русско-кабардинский словарь с указателем.- Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып. 12. отд.2. 1981, с. 60; Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., Л., 1948, с. 137.

[7] А. К. Шагиров. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков., ч.2. М., 1977, с. 42-43; Карачаевцы и черкесы . - Народы Кавказа, т.1. М., 1960, с. 175.

специфические пряности, острые приправы и соусы. Из литературы указанных столетий достоверно известно, что абхазы не занимались рыболовством, не умели обрабатывать и готовить рыбу, поэтому в их рационе рыбных блюд не было, а раков они и вовсе терпеть не могли[1]. Подобное игнорирование рыбных продуктов (см. здесь же, с. 292), как правило, наблюдается преимущественно у горских народов. Таким образом, этот факт еще раз говорит в пользу бесспорной миграции северокавказских горцев на юг, в Причерноморье, вследствие чего предки современных абхазов и оказались на территории Грузии.

На рубеже XIX-XX веков в быту абхазского народа значительное место занимала определенная система родственных отношений, именуемая абиҧара, исходной позицией которой являлась большая семья. Сам термин «абипара» носит описательный характер и дословно означает сыновей одного отца (**аб** - отец, **ипа** – сын, **ра** – суффикс абстрактности). Изучение истории развития абхазской патронимической организации выявило, что данный социальный институт играл важнейшую роль в определении природы классового общества, отражал определенную стадию социального развития и объединял агнатические группы пяти, шести и более поколений, происходящих от одного общего предка. Патронимия в Абхазии складывалась в результате роста, расширения и сегментации одной большой семьи. Характер «абипар»-ы определялся строго соблюдаемой экзогамией, рядом единых, общностных черт в социальной, хозяйственной и идеологической сферах, четкой регламентацией порядка наследников и наследования, территориально-компактным расселением. Данный институт абхазского общественного быта, несмотря на расшатывание и распад его устоев, в качестве пережитка сохранялся вплоть до начала прошлого века и обнаруживал сходство с аналогичной патронимической организацией, зафиксированной в быту малочисленных народов Северо-Западного Кавказа[2]. Общественный строй, формы собственности абхазов идентичны формам собственности, распространенным преимущественно в быту кавказских горцев[3].

Основными определяющими элементами экономического развития общества являются формы собственности. Сравнение быта абхазов с бытом других горных регионов Грузии феодальной эпохи выявило определенное различие распространенных в них форм собственности. В абхазском быту существовали общинная, семейная и патронимическая формы собственности. Наряду с коллективной формой собственности, была распространена и частная, индивидуальная собственность (приданое девушки, первоначальное личное имущество

[1] А. Ламберти. Описание Колхиды. - Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып. 43. Тифлис, 1913, с. 206-211; Н.Витзен. Северная и Восточная Татария. - Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 90; Леонид (Л. А.Карелин). Абхазия и ее христианские древности. М., 1887 и т. д.

[2] С. И. Бахиа. Абхазская «абипара» - патронимия. Тб., 1986.

[3] В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М.,1967, с.148-150; В. В. Васильков. Очерк быта темиргоевцев.- Сборник Материалов для Описания Местностей и Племен Кавказа, вып. 29, с. 82; М. А. Меретуков. Хозяйство у адыгов . - Культура и быт адыгов. Майкоп,1980, с. 9 и т. д.

женщины – у грузин оно называлось «сатавно»). В коллективном общинном владении оставались леса, луга, пастбища, невспаханные и неиспользуемые земли, а иногда и пашни.

«Соприкосновение абхазов с грузинской феодальной культурой было поверхностным, феодальными отношениями они были связаны преимущественно внутри самого своего общества»[1]. Земля находилась во владении феодала, но взаимоотношения между абхазским землевладельцем и крестьянином-землепашцем, в отличие от других уголков Грузии, были более лояльными. В результате многолетней Кавказской войны, покорения Кавказа Российской империей, вытеснения коренного населения со своих исконных мест обитания, массового угона абхазов в Османскую империю, известного в истории под названием мухаджирства, - вследствие всех этих факторов население Абхазии значительно сократилось. Лучшими плодородными землями Абхазии русское имперское правительство награждало своих чиновников за верную службу. 25 сентября 1893 года газета «Иверия» писала, что «треть коренных жителей Кавказа испытывает недостаток земельных угодий, а опустевшие на побережье Черного моря земли подарены русским чиновникам. В 1886 году они обработали всего лишь 840 дгиури земли («дгиури» - единица меры земельной площади, равная приблизительно 0,5 га; подразумевается площадь земли, рассчитанная на один день пахоты - авт.) тогда, как чиновникам отмерено в подарок 180 000 дгиури земли». В феодальной Абхазии крестьяне испытывали со стороны своих хозяев меньше притеснений, чем в остальных регионах Грузии. Общинные земли перераспределялись ежегодно или раз в три года. Основную собственность большой абхазской семьи составлял приусадебный комплекс, включавший хозяйственный двор, жилище и подсобные сооружения. Объекты патронимической собственности возникали вследствие раздела большой семьи и распределения имущества. Основные средства производства переходили в индивидуальное пользование семьи, а вспомогательные оставались в общей патронимической собственности.

Развитие общества всегда сказывается на социально-экономический, политический и идеологический статус семьи. Абхазская семья, опирающаяся на форму коллективной семейной собственности, на принцип общего ведения экономики, приверженная натуральному хозяйству, оказалась более консервативной. Она была носителем веками укоренившихся в ее быту этнокультурных норм и традиций, передаваемых из поколения в поколение. Эта консервативность, в свою очередь, способствовала укреплению абхазского самосознания.

И в начале XX века община и ее народный сход – высший орган законодательной, исполнительной и судебной власти – регулировали социальные отношения, нормы поведения общества и отдельных лиц на основе законов обычно-

[1] Н.Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 603 (на груз.яз.)

го права – «адата»[1]. Членами народного схода являлись мужчины – уважаемые представители старшего поколения, из которых на основе демократических принципов избирался правящий круг – «совет старейшин». На собрании обязательно присутствовал и владетельный князь, занимавший на нем почетное место. Присутствие владетеля чаще всего носило номинальный характер, хотя иногда его слово было решающим. Непременно следует заметить, что функции такого народного схода, регулирующего отношения между членами общества и совета старейшин не выходили за пределы общины и села. Он (сход) никогда не являлся объединителем не то что территориальной единицы, но и обеих абхазских этнографических групп – «бзыбских» и «абжуйских» абхазов: между этими группами никогда не существовало единой системы управления с единым руководителем. «Бзыбские» и «абжуйские» абхазы, претендуя на первенство называться абхазами, всегда противостояли друг другу: и те и другие в отдельности считали себя «истинными абхазами».

Система общинного строя и управления, являющаяся основой формирования и регулирования целого ряда традиционных нравов и обычаев, правовых норм (кровная месть, взаимопомощь, стереотип поведения, социальные нормативы и т. д.), в значительной мере определяла и форму семьи. Традиционная абхазская семья и семейный быт с их основными компонентами – составом семьи, системой управления, организацией труда, принципами раздела семьи и распределения имущества и т. д. – привлекали внимание исследователей начиная с XIX века[2]. Но интенсивное изучение института абхазской семьи развернулось уже в советский период, когда этому вопросу было посвящено немало работ[3].

Исторически среди абхазов господствовали две основные формы семьи: сложная, многочленная – большая семья, представлявшая собой развитый вид семейной общины, и последующий тип – индивидуальная, то есть простая или нуклеарная, - малая семья. Форма большой семьи, выполняя особую функцию, наряду с индивидуальной семьей, сохранялась в абхазском быту в виде пережитка вплоть до советского периода. После распространения мусульманской религии среди абхазов (нынешний Гудаутский район), подобно черкесам, в демократическую форму абхазской семьи вторглись деспотические элементы управления. Однако в абхазской семье, основанной на нормах местного обычного права, система единоличного управления не укоренилась. В отличие от

[1] Ф. А. Завадский. Абхазия и Цебельда. – Кавказ, 1867, 30 июля, №59; Н. Дубровин. Абхазцы… , с. 72-74; Историческая записка об управлении Кавказом. т.1. 1907, с. 118-120; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы, с. 399 и т. д.

[2] И. Аверкиев. С Северо-Восточного прибрежья Черного моря. Кавказ, 1866, 22 сентября, № 74; Ф. А. Завадский. Абхазия…; А-а. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – Сборник Сведений о Кавказских Горцах, т.6. Тб., 1872. и др.

[3] Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954; Л. Х. Акаба. Абхазы Очамчирского района.- Кавказский Этнографический Сборник, т.7. М., 1955; А.Кучуберия. Большая семья у абхазов.- Мацнэ (серия истории), №5. 1968; С. И. Бахиа-Окруашвили. Основные черты семейного быта абхазов до революции. - Кавказский Этнографический Сборник, т.7. Тб., 1988. с. 85-114.

среднеазиатских и казахских исконно исламских семей[1], в абхазских и адыгских семьях отцовские права на наследство никогда не были неограниченными[2]. Как уже отмечалось выше, все возникающие в семье конфликты, связанные с собственностью и разделом имущества, в конечном счете регулировал совет старейшин патронимии и общины.

Изучение абхазского института брака еще раз подтверждает соображение о северокавказском происхождении современных абхазов. У абхазов, так же как и у народов Северо-Западного Кавказа, соблюдение экзогамии было обязательной нормой. Были запрещены браки как между кровными родственниками, так и искусственно породненными родственниками (то есть породнившимися в результате кумовства, побратимства). Категорически запрещались браки между фамилиями, состоявшими друг с другом в кровной вражде, а также между представителями разных социальных слоев. Нарушители норм экзогамии строжайше наказывались, вплоть до изгнания из села. У грузин бракосочетание допускало большую свободу и возможность выбора спутника жизни, но при этом требовало строгого соблюдения норм экзогамии. Хотя, такие укоренившиеся в этнографических группах Западной Грузии (Сванети, Раче, Мегрелии и др.) понятия, как «гварис гатехва» и «гваргатехилоба» - бракосочетание между однофамильцами - указывают на случаи нарушения экзогамии внутри рода.

Населявшие территорию Абхазии картвельские фамилии имели настолько давнюю историю (идущую с VIII-IX веков), обусловленную их глубокими социальными корнями[3], что часто у них (за исключением отдельных фамилий) нормы кровного родства оказывались нарушенными. Брак между однофамильцами был хотя и нежелателен, но допустим.

Среди современных абхазов решение о свадьбе принималось после мирных переговоров сторон. Но существовали и обычаи похищения невесты, сватовства через посредника (сваху), обычай «забрасывания пули» и другие формы сватовства. Согласно бытовавшему у горских народов обычаю, устанавливался порядок материальных взаимоотношений между сторонами брачующихся, предполагавший обязательную уплату родственниками жениха родственникам невесты калыма, именовавшегося у абхазов «ачма». Размер выкупа определялся, согласно договоренности, количеством голов скота, хотя жених имел право заменить скот иными дорогими подарками равноценной стоимости.

Особенности религиозно-магической атрибутики свадебного церемониала абхазов, например, обычай выведения невесты из «амхара» и причащения её к семейному очагу в доме мужа, обряд её «очищения» возле огня и др., по своему этническому характеру опять-таки имели сходство с аналогичными обрядами

[1] И. А. Кисляков. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1977, с. 16 и т. д.
[2] М. Л. Меретуков. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987, с. 52; С. И. Бахиа-Окруашвили. Основные черты… , с. 96-98.
[3] Р.Топчишвили Происхождение грузинских фамилий. Тб., 1997, с. 38-39 (на груз.яз.).

народов Северо-Западного Кавказа. В этнических группах черкесов, абазин и абхазов свадебный ритуал исполнялся своеобразно, но в то же время идентично, и служил пополнению патронимии новым членом[1]. В семье мужа невеста получала новое имя, а на её девичье имя накладывалось табу. Табуированным именем к замужней женщине могли обращаться только её родственники по отцовской линии.

В старину абхазская семья, так же как и семьи горских народов Северного Кавказа, была полигамной. Мужчина мог одновременно иметь двух, даже трех жен, независимо от вероисповедания каждой из них (будь то мусульманка или христианка)[2]. Для населения западной Грузии как для христиан такая норма поведения была совершенно исключена.

«Абхазы вместе с абазинами, убыхами, адыгейцами, кабардинцами и черкесами, которые в дореволюционной историко-этнографической литературе совокупно выступали под одним общим названием «черкесов», составляют лингвистически и по происхождению одну абхазо-адыгскую группу западнокавказских коренных народов… Абхазо-адыгские этикетные параллели в широком смысле этого слова настолько выразительны, что книгу об адыгском этикете с известным основанием можно было бы назвать и произведением по абхазским моделям поведения, и наоборот»[3].

Характеризующийся последовательностью стереотип поведения в конце концов оформляется как поведенческая норма. Подобное сходство стереотипа традиционного поведения абхазов и северо-западнокавказских горцев весьма примечательно, но вместе с тем и объяснимо в силу их генетического родства. У современных абхазов в качестве социальной нормы сформировалось множество старых стереотипов поведения. В частности, обычай и этикет избегания невесткой свекра и свекрови, старших деверей и вообще всех родственников мужа, к которым она не имеет права обращаться по имени; на протяжении всей жизни невестка не должна разговаривать со свекром и старшими деверями; для зятя табуированы имена тестя и тещи, которые он не имеет права произносить вслух; молодым людям и особенно девушкам запрещается сидеть в присутствии взрослых; мужчины и женщины никогда не садятся за стол вместе; исходя из этикета поло-возрастных отношений, юноша также не имеет права сидеть или есть в присутствии отца, не говоря уже о том, что он не вправе прекословить ему или огрызаться; отец не имеет права брать на руки или приласкать собственного ребенка и т. п. Следует заметить, что аналогичные обычаи избегания и табуирования в старину были присущи фактически всем кавказ-

[1] Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы… , с. 461-463; М. А. Меретуков. Культ очага у адыгов.- Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, т.8. Майкоп, 1968, с. 305-307.
[2] Ксаверио Главани. Описание Черкессии.- Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 163; Е.Чистякова. Религия и бытовое положение женщины у шапсугов.- Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы… , с. 476, 448-449.
[3] Ш. Д. Инал-ипа. Очерк об абхазском этикете. Сухуми, 1984. – С. 172.

ским народам, в том числе и грузинскому. Однако нельзя не сказать о том, что в грузинском быту эти обычаи уже давно изжили себя, в отличие от народов Северного Кавказа, у которых они сохраняются по сей день.

Таким образом, подобная идентичность социальных норм абхазов и горцев Северо-Западного Кавказа – стереотипы поведения, специфика обрядов обручения, бракосочетания, обычаи запрета, избегания, табуирования, рождения и воспитания ребенка, положение женщины, преимущественные права мужчины как главы семьи, система поло-возрастных отношений и прочее не позволяет сомневаться в генетическом родстве абхазов с этническими группами северокавказского происхождения.

Важнейшее место в жизни абхазского этноса занимает духовная культура. Религиозные верования и предрассудки в быту абхазов связаны с отдельными объектами природы, символизирующими жизнь, и их душами, к которым, из-за страха перед их «карающей» силой, абхазы всегда относились с благоговением. На протяжении всего XX века в языческом пантеоне абхазов центральное место занимали культ природы и плодородия, семейные, патронимические, хозяйственные, общинные божества. Устойчивость древнейших представлений в быту современных абхазов обусловлена характером их сельскохозяйственной деятельности, уровнем общественного и социального развития. Абхазы почитали божества-покровителей природы, земли, скотоводства, земледелия, охоты, пчеловодства, кузницы и святилищ. Для снискания расположения и задобривания этих божеств община, семья, патронимия совершала коллективные магические ритуалы. Основными святилищами абхазов являлись, как уже говорилось выше, конкретные объекты природы – горы, опушка леса, кустарник, даже отдельное дерево и т. д. Ни один культовый объект у них не представлен материальным сооружением, если не считать патронимическое святилище ажьира ныҳәа, представляющее собой символическую кузницу – строение без стен, перекрытое навесом, опирающимся на четыре столба. Здесь на срезанном круглом пне (бревне) крепилась наковальня и раскладывалось несколько необходимых кузнечных орудий. Там же закапывали и кувшин с жертвенным вином. Это святилище играло важную роль в традиционном абхазском быту; связанное с кузней божество Шьашәы было покровителем и хранителем патронимии. В случае какого-либо правонарушения к кузне обращались для установления истины. Для этого подозреваемого заставляли поклясться в своей невиновности или раскаяться в содеянном на собственной кузне. Абхазы свято верили в то, что на солгавшего виновника непременно обрушится гнев божества Шашвы, а если он окажется невиновен, напротив, Шашвы одарит его своей милостью. Подобные символические культовые святыни кузни черкесы называли ТлеЂш. Абхазы свято почитали вышеупомянутое божество Шашвы, в честь которого каждая большая семья на новый год возносила молитву, чтобы

обеспечить себе в наступающем году достаток и благополучие. В этот день для каждого представителя «абипар»-ы мужского пола резали петуха, а для женщины – курицу; сырные лепешки готовили по числу всех членов отделившихся семей патронимии.

Сведения об абхазском языческом пантеоне божеств, так же как и о языческих культах народов Северо-Западного Кавказа, поклонявшихся силам природы как символам жизни и плодородия[1], во множестве содержатся в научной литературе[2].

Среди абхазов у каждой фамилии была своя «доля» божества-покровителя - ҳанцәахә «доля нашего Бога», которому они молились о здоровье, долголетии и продолжении своей фамилии. Для каждой конкретной фамилии в год выделялся один определенный день, когда только её представители могли исполнять свой религиозный церемониал. Важнейшим древнейшим культовым местом абхазских фамилий была священная гора Ԥсҳәы, возвышавшаяся на южном отроге Главного Кавказского хребта. Эта гора являлась не только покровительницей фамилий, она совмещала в себе и культ предков, то есть связывала переселившихся горцев с их бывшей родиной. Так, согласно целому ряду этнографических и генеалогических преданий, многие фамилии воспринимали гору Псху как свое собственное верховное божество-покровитель. Именно благодаря связи этногенеалогических сказаний северокавказских горцев с этим общим святилищем становится возможным установить направление миграционных процессов. Предположительно, микротерриториальные божества позволяют выявить реальную историческую картину первоначального обитания абхазских фамилий, их связь с Северным Кавказом. Очевидно, спустившиеся с гор на равнину Грузии мигранты несли с собой и «долю» главного божества, которой (этой части) они продолжали поклоняться на новом месте жительства. Эти отделившиеся «части» верховного божества укоренялись на новых горах и холмах. В то же время мигранты не забывали свое исконное верховное божество, олицетворявшее их происхождение. Именно с горой Псху и её отделившейся «частью» Инал-Кубе (святилище Инала) связано происхождение большинства абхазских фамилий: Птиш, Хватиш, Адзинаа[3], Адлейба, Багапш[4], Ашуба, Киа-

[1] Н. Дубровин. Черкесы (Адыге)… ; Л. Я. Люлье. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес.- Записки Кавказского Отдела Русского Географического Общества, кн.5. 1862; Е.Вейденбаум. Священные рощи и деревья у кавказских народов.- Известия Кавказского Отдела Русского Географического Общества, т.5. Тифлис, 1877-1878 и др.

[2] Ф.Торнау. Воспоминания Кавказского офицера, с. 41; Ф. А. Завадский Абхазия… ; И. Пантюхов. О положении Абхазии в религиозном отношении .- Кавказ, 1868, 10 января, № 5, с. 3-4; Религиозные верования абхазцев. – Сборник Сведения о Кавказских Горцах, вып.5. 1871, с. 6-7; Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 64-76; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы… , с. 516-564; Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 251-266 и др.

[3] Ш. Б. Ногмов. История… , с. 70-71.

[4] Ш. Д. Инал –ипа. Вопросы этно-культурной истории абхазов, с. 175.

хирипа, Симсим, Садзба-Чичба[1], Цимцим[2], Амичба, Чегем, Инал-ипа, Цанба[3], Хухба, Ардзинба[4], Базба, Садзба, Трапш[5] и многих других[6]. Раз в год, на праздник, эти фамилии обязаны были приносить святилищу в жертву закланное животное, тем самым вымаливая у него покровительство здоровью, долголетию, благосостоянию своих сородичей. Во всяком случае, в представлении абхазов, ритуал жертвоприношения, обеспечивавший им благорасположение божества, позволял им рассчитывать на определенные блага, помощь и отпущение грехов. Необходимость кровавого жертвоприношения была обусловлена тем, что, согласно предрассудкам горцев, кровь закланного животного олицетворяла собой источник жизни. Забота об умершем сыграла значительную роль в формировании культа предков. Чтобы снискать благорасположение душ усопших, покровительствующих своим живым потомкам с того света, требовалось выказывать им почитание, которое состояло в непременном совершении обряда жертвоприношения. Закланное животное представляло собой своего рода земное послание в загробный мир, где обитали души покойников.

Таким образом, жертвоприношение являлось магическим ритуалом, совершаемым до или по завершении любого явления, – будь то рождение или кончина человека, начало или конец пахотно-посевных работ, начало или конец сбора урожая, перед охотой и после неё, во время засухи и других стихийных явлений природы и т. д.

Грузино-абхазские культурные отношения оказали очевидное влияние на языческий пантеон божеств абхазов: по аналогии с грузинами у них возникли святыни Аиҭар (ср. мегр. Жини Антари) и Амқамгариа (мегр. Микамгарио – Михаил и Гавриил); после перехода к интенсивному земледелию в абхазском быту сформировался культ божества-покровительницы природы и земледелия под названием адгьыл дедоҧал (для обозначения земли абхазы из грузинского языка заимствовали термин «адгили» (см. здесь же, с. 294). Культ «адгилис деда» (досл. «мать места» - многофункциональное женское божество), имевший аграрный характер и связанный с плодородием, был распространен во всех уголках Грузии. В функции этого божества входило обеспечение плодовитости и размножения людей (своей фамилии) и животных, изобилия молочных продуктов, высокой урожайности зерновых, плодовых деревьев и т. д. Следствием грузино-абхазских контактов, вероятно, явилось распространение в быту бзыбских и абжуйских абхазов определенных грузинских христианских праздников и обрядов, хотя и в трансформированном на их лад виде. Таковыми

[1] Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 34.
[2] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов, с. 59, 61, 63, 305.
[3] С.Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч.1, с. 229; Л. И. Лавров . Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 41-47.
[4] Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этно-культурной истории абхазов, с. 175.
[5] Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект Абхазского языка. Тб., 1964, с. 244.
[6] Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 28.

были праздник Пасхи (амшаҧ - «воскресенье»); праздник Успения Богородицы (нанҳәа - «молитва матери»); праздник Рождества (қьырса < мегр. «кирсэ» - Христос); праздник почитания Святого Георгия (Гиоргоба), снискавший среди абхазов наибольшую популярность. В праздник Гиоргоба все население Западной Грузии, в том числе бзыбские и абжуйские абхазы, собиралось в храме Святого Георгия в селе Илори на территории исторической Одиши (ныне Очамчирский район). Этот храм абхазы называли елырныха и в его честь совершали обряд жертвоприношения животного.

Изучение религиозных верований и представлений абхазов имеет большое значение со многих точек зрения, поскольку эти материалы, наряду с другими бесспорными свидетельствами, проливают свет на вопрос этногенеза современных абхазов. В частности, они позволяют заключить, что современные абхазы не являются аборигенами Абхазии – древнейшей неотъемлемой исторической области Грузии, а оказались здесь в результате миграционных процессов с Северного Кавказа. В научной литературе не раз говорилось о роли миграции в истории разных народов. Подобные территориальные перемещения не могут не сказаться на быте и образе жизни мигрирующего населения. Новая географическая, культурная и политическая среда обусловила изменение нравов и обычаев, традиционного уклада жизни, материальной культуры и быта мигрантов Северо-Западного Кавказа. Естественно, взаимоотношения с коренным грузинским населением частично изменили этническое сознание современных абхазов, нормы их хозяйственного и экономического поведения. Углубление процесса интеграции новой этнической общности с грузинами способствовало формированию устойчивых исторических, политико-экономических и социально-культурных связей, причем в такой степени, что между этими народами установились близкородственные (особенно в результате брачных отношений) контакты. К сожалению, эти многовековые отношения, складывавшиеся на основе взаимоуважения и доброжелательства, разрушаются грубым вмешательством третьей силы.

Таким образом, ретроспективное исследование абхазских этнографических материалов убеждает в том, что абхазская этническая группа прошла сложный исторический миграционный путь. Современный абхазский этнос сформировался в результате слияния родственных групп разных племен Северо-Западного Кавказа с картвельским населением. Живя бок о бок с грузинами в одном грузинском государстве, имея продолжительные этнокультурные контакты с местным населением, абхазы, безусловно, во многих аспектах испытали значительное влияние грузинского традиционного быта. Но, несмотря на это, в силу консервативного характера традиционной культуры современных абхазов, налицо их очевидное сходство – в языковом плане, этнокультуре – с

народами Северо-Западного Кавказа, что свидетельствует об их неоспоримом генетическом родстве.

Глава XIII. Абхазия с начала XVIII века до 80 – х годов

На рубеже XVII- XVIII веков западная Грузия по-прежнему оставалась в сфере политического влияния Турции. Царя Имеретии, владетелей Одиши, Гурии и Абхазии утверждал султан. Их зависимость от Порты выражалась в ежегодной уплате определенной дани. В отличии от светской власти, православное духовенство не зависело от турок и энергично боролось против засилья завоевателей.[1] Правители западной Грузии старались использовать малейшую возможность, чтобы освободиться от турецкой зависимости.

В 1702 г. Имеретия, Гурия и Одиши прекратили платить ежегодную дань Ахалцихскому паше и тем самым отказались подчиняться османским властям. Их примеру последовали и абхазы, нападавшие на турецких купцов. Грузины отняли у турок несколько крепостей[2]. Эти события имели непосредственную связь с тогдашними антитурецкими планами России. Взятие Петром I-м в 1696 г. Азовской крепости и появление Российского флота на Черном море внушили определенные надежды владетелям западной Грузии.

Блистательная Порта, обеспокоенная создавшимся положением, приняла решительные меры. Летом 1703 г. османы вторглись в западную Грузию. Местное население оказывало героическое сопротивление захватчикам, но численное превосходство завоевателей и феодальная раздробленность западной Грузии способствовали успеху захватчиков. Османы взяли под контроль крепости Гурии, затем вторглись в Одиши и разорили его, в Рухской крепости поставили гарнизон, с целью создания нового приморского опорного пункта, построили Анаклийскую крепость. После этих мер турки послали корабли против абхазов, устраивавших беспорядки у берегов[3]. Над западной Грузией нависла угроза полного порабощения со стороны османов, но вскоре ситуация изменилась. В Стамбуле восстали войска, предназначенные для отправки в Грузию, что привело к смене султана. Новый султан Ахмад III (1703-1730годы), по внутриполитическим соображениям, приказал отозвать войска из западной Грузии.

Османы оставались только в крепостях Батуми, Поти, Рухи и Анаклии. Используя благоприятные обстоятельства, вскоре против завоевателей развернулась борьба местного населения. В 1704 г. Одишский владетель атаковал крепости, занимаемые османами, в чем ему содействовали и абхазы. В письме

---

[1] Исторические документы Имеретинского царства и княжеств Гурии и Одиши (1466-1770годы). Под ред. Ш. Бурджанадзе. Тб., 1959, с. 45; К. Чхатарайшвили. Из истории внешних отношений Грузии..., с. 43-44; его же: Западная Грузия... - Очерки истории Грузии, т. IV,с. 455 (на груз. яз.).

[2] Житие Грузии, т. IV, с. 863; Мехмед Рашид. История, т. II, с. 581; В. Чочиев. Сведения Мехмед Рашида..., с. 25 (на груз. яз.).

[3] Житие Грузии, т. IV.с. 863-864; К. Чхатарайшвили. Из истории.., с. 58-61; его же: Западная Грузия... -Очерки истории Грузии, т. IV, с. 457-458: И Табагуа. Грузино-французские отношения.Тб., 1972, с. 63 (на груз.яз.).

Кутаисского кади Елхадж Омера от 1 сентября 1704 г. сказано, что Дадиани вышел из подчинения, восставшему на суше Дадиани, на море присоединились абхазы и они вместе заняли находившиеся в руках турок крепости Анаклии и Рухи. Но турки вскоре вернули их.[1]

Одишское войско совместно с абхазами продолжало борьбу против османов, нападая на расположенные в крепостях гарнизоны и причиняя им большой урон. В 1714 г. находящиеся в Рухской и Анаклийской крепостях турецкие солдаты столкнулись с большими трудностями в связи с нападениями «неверных мегрелов и абхазов». Они вынуждены были оставить Рухскую крепость, но в конце 1719 года вновь заняли ее.[2]

В начале 20-х годов XVIII в. Российская империя активизировала свои действия в направлении Восточного Закавказья. Ее продвижение в район Прикаспия, взаимоотношения с грузинскими царствами и княжествами, вызывали озабоченность в правящих кругах Оттоманской Порты. После падения в Иране династии Сефевидов (1722 г.), турки в 1723 г. заняли северные и центральные области этой страны. Они в то же время перебросили дополнительные силы на Кавказ и заставили русских приостановить продвижение в сторону Прикаспия. В июне того же года османы взяли Тбилиси, одновременно предприняли меры для укрепления восточных берегов Черного моря, в частности, заново отстроили крепости в Поти и Сухуми, укрепили Анаклийскую крепость. Турецкие гарнизоны были расположены в Цихисдзири, Анакопии и Пицунде.[3] Поти защищали 200 турецких солдат, Сухумскую крепость - 100, Анаклийсскую крепость - 10, столько же - Анкопийскую крепость. В 1725 г. османы поставили в Поти двухбунчужного пашу, правившего всем восточным берегом Черного моря[4]. В одном турецком источнике 1722 г. владельцем Сухумской крепости упоминается племянник Ростом-бега - Георгий.[5] Этот Ростом-бег должен быть сыном Зегнака Шарвашидзе, вместе с братьями поделившего Абхазию. Таким образом, османы овладели важными, имеющими стратегическое значение пунктами Черноморского побережья Грузии. Население не мирилось с насилием османских захватчиков и продолжало оказывать им сопротивление. В связи с этим, по сведениям турецкого летописца Кучук Челеби заде, абхазы с моря и суши регулярно нападали на османов, строивших в Сухуми крепость. Поэто-

[1] Н. Шенгелия. Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи. Тб., 1982, с. 21, 23, 27 (на груз.яз.).
[2] Там же, с. 90-92, 97.
[3] Кятиб Челеби. Календарь исторических событий, с. 135; Сведения Кятиба Челеби.., с. 134, 253; Житие Грузии, т. IV, с. 883; Ш. Бурджанадзе. Карта Лихт-Имерети 1737 г. как первоисточник истории Грузии. -Вестник института рукописей, 1. Тб., 1959, с. 192-197; К. Чхатарайшвили. Западная Грузия... - Очерки истории Грузии, т. IV, с. 461-462 (на груз.яз.).
[4] Ш. Бурджанадзе. Карта Лихт-Имерети 1737г., с.183; К. Чхатарайшвили. Западная Грузия..., с. 462.
[5] Сведения Кятиба Челеби, с. 134.

му османы были вынуждены мобилизовать все свои силы, чтобы покорить Абхазию.[1]

Весной 1725 г. владетель Одиши Бежан Дадиани (1714-1728 годы) и правители Имеретии готовились к выступлению против Османов, но оно не состоялось. В том же году с целью изгнания османов из Сухумской крепости предприняли безуспешную вылазку и абхазы.[2] В связи с этим Российский посланник в Стамбуле А. Румянцев и резидент И. Неплюев сообщали: «Беспорядки, организованные известным менгрельским князем Бежаном Дадиани, разрастаются и как будто, турки изгнаны одной из крепостей, построенной на берегу Черного моря в Абхазии». В рапорте от 22 июня 1726 года А. Румянцев извещал о новых беспорядках в Мегрелии и Абхазии. В 1728 году абхазы осадили Сухумскую крепость. Турки подозревали, что за антиосманскими выступлениями в западной Грузии стояли русские и, что при их поддержке руководил ими находящийся в изгнании Картлийский царь Вахтанг VI (1703-1724годы).[3] В 1728 году сын Ахалцихского паши Юсуп бег примирил абхазов, а главу антиосманского движения Бежана Дадиани, по его приказу, предательски убили.

Несмотря на это, в западной Грузии продолжалась борьба против османской агрессии. Турки не смогли покорить Грузию, в том числе и Абхазию. Захватчики не чувствовали себя в безопасности даже в занятых ими крепостях.[4] Это был период, когда, по словам Вахуштия Багратиони, абхазские князья Шарвашидзе «никому не подчинялись»[5].

Весной 1730 года османы решили окончательно покорить Черноморское побережье от Батуми до Азовского моря и привести в покорность джиков. В походе против них, возглавляемом Потийским пашой, принимал участие и царь Имеретии. Османы опустошили Одиши. Местное население до Абхазии вплоть до р. Галидзги было вынуждено скрываться. «Османы и имеры разоряли Одиши и пленяли всех, где бы кого не находили, - писал Вахушти Багратиони. - Вошли османы в Илори. Однако, иконы, кресты и другую церковную утварь заблаговременно спрятали (от непрятеля). Развели они огонь и подожгли церковь, содрали крышу из свинцовой черепицы и уничтожили стенную роспись. Затем отправились (оттуда) и прибыли в Абхазию».[6] Владетель Абхазии оказал им сопротивление, но потерпел поражение и вынужден был покориться. Османы заставили владетеля и его родственников принять магометанство, а затем направились в сторону Джикети. Царь Имеретии понял, что его участие

[1] Н. Шенгелия. Османские источники по истории Грузиии XV-XIX вв., с. 116.
[2] К. Чхатарайшвили. Западная Грузия..., с. 467.
[3] Г. Г. Пайчадзе. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Тб., 1977, с. 63, 79.
[4] С. Джикия. Документы об одном эпизоде из жизни османского гарнизона в Сухуми. - Грузия и Восток. Тб., 1984, с. 217-223 (на гру.яз.).
[5] Житие Грузии, т. IV, с. 784.
[6] Там же, с. 886-887.

в походе османов приносило лишь бедствие его стране, поэтому решил со своим войском вернуться домой. После ухода имеретинцев, восстали и абхазы. Османы вынуждены были отказаться от похода на Джикети. Абхазы перебили часть османского войска, а другая часть, включая возглавлявший поход пашу спаслась бегством. Несмотря на поражение, османы через некоторое время опять восстановили свое влияние в Абхазии. В 1730-1731 годах в Сухумской крепости под предводительством Али Арслан бека стоял турецкий гарнизон численностью от 70 до 100 солдат, такое же количество солдат находилось в 1731-1735 годах в Анакопийской крепости.[1]

Абхазы хорошо понимали опасность, грозившую им в случае утверждения османского господства в западной Грузии, поэтому, несмотря на противоречия с Одишским княжеством, они совместно с грузинами боролись против захватчиков. Правители Абхазии в то же время принимали активное участие и в феодальной междоусобице в западной Грузии, являясь союзниками Одиши. Это объясняется, с одной стороны, совместной борьбой Одиши и Абхазии против османов, а с другой - тесными взаимоотношениями между княжескими домами Дадиани и Шарвашидзе.

Сложившиеся в Абхазии обстоятельства вынуждали османов вывести свои гарнизоны из Анакопии и Пицунды, но ими была укреплена Сухумская крепость. О значимости этой крепости для османов говорит и тот факт, что с 1737 года здесь сидел двухбунчужный паша, которому подчинялась и Анаклийская крепость. Гарнизон Сухумской крепости насчитывал 200 янычар, вооруженных пушками.[2]

От османских набегов и феодальных распрей западная Грузия была крайне разорена. Такое положение было и в Абхазии, охваченной внутренними беспорядками. Абхазские князья не в состоянии были контролировать ситуацию. В приморской полосе свирепствовали работорговцы. Среди них особенно отличались абхазы. По сведениям Вахушти Багратиони, они нападали «на судна османов, лазов и чанов и больше всего на Одиши и Гурию»[3]. Абхазы неожиданно причаливали к берегу и похищали людей. Часть пленников продавали турецким купцам, других забирали с собой и селили в Абхазии в качестве рабов.[4] В то же время, Абхазия и сама становилась объектом нападения соседних горских народов. Во внутренние ее районы часто вторгались жители цебельской, дальской, псхувской и ахчипсской свободных общин. По преданию, однажды соседние горные племена при поддержке цебельских и дальских жителей разорили Дранду, Мерхеули, Квитоули и с большой добычей и пленными вернулись

[1] Н. Шенгелия. Османские „кучук записки“ о Сухумской крепости. - Ближний Восток и Грузия. Тб., 1991, с. 311-314 (на груз.яз); Н. Н. Шенгелия. Османские арзы..., с. 274-286.
[2] Ш. Бурджанадзе. Карта Лихт-Имерети 1737 г., с.123, 225-226.
[3] Житие Грузии, т. IV, с.785.
[4] И. Г. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. 2-е изд. Сухуми, 1951, с.156.

на Северный Кавказ. Владетель Абхазии Джикешия отправился для переговоров с вождями этих племен. Успешно проведя переговоры, на обратном пути в лесу он столкнулся с группой разбойников, в схватке с которой и погиб. [1]

После смерти Джикешия княжеский престол занял его сын Манучар. В этот период османы покорили Абхазию и Джикеты, после чего активно вмешивались во внутренние дела княжества и поддерживали противников княжеского дома. В 30-х годах XVIII в. они свергли Манучара Шарвашидзе и с двумя младшими братьями -Зурабом и Ширваном - отправили его в Стамбул, где заставили братьев принять ислам. Управление Абхазии перешло в руки назначенного комендантом Сухуми джика Аслан – бей Геча. В тот период в Абхазии большое влияние приобрел противник княжеского дома из рода Дзиапш-ипа, которого поддерживал Аслан-бей Геч. Дзиапшиповцы заняли окрестности Сухуми, территорию между реками Псырцха и Кодори, присвоив при этом принадлежавшие владетелю источники доходов[2].

Несмотря на такую обстановку, княжеский род Шарвашидзе нашел общий язык с османами. В 1744 г. Манучар Шарвашидзе был назначен бегом Батуми, Зураб-Сухуми, а Ширван, получив титул паши, правил Рионской (Потийской) крепостью и Чанети выше Ризе.[3] По некоторым сведениям, возвратившегося в Абхазию Зураба Шарвашидзе приняли с большими почестями, но потребовали от него вернуться к христианству. Только после крещения в Илорской церкви занял он княжеский престол.[4] Видимо, в Абхазии еще была жива традиция, по которой владетель должен был быть христианином. Зураб не имел наследника, поэтому возвратил из Порты своего племянника, сына Манучара Шарвашидзе - Келайш-Ахмед-бека (Келеш-бей), с молодости находившегося в Стамбуле заложником, и его объявил своим наследником. Вскоре владетель Абхазии вернул из Батуми еще одного племянника, сына Ширвана - Бекир-бея, которому передал для управления область Абжуа (территория между реками Галидзга и Кодори). Владетельный князь Абхазии женил Келеш-бея на дочери рода Дзяпш-ипа, чтобы примирить две влиятельные фамилии и несколько ослабить позиции рода Дзяпш – ипа.[5]

В середине XVIII в. граница Абхазии на юго-востоке проходила по р. Галидзга, где она граничила с Одиши; на северо-западе - по р. Бзыбь (Капоети) - до Джикети.[6] Территория, находяшаяся между реками Галидзга и Ингури – Самурзакано -входила в состав Одишского княжества, но управляли ею представители боковой ветви княжеского рода Шарвашидзе. Для обозначения Са-

---

[1] Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1864, с.45; Ш. Д. Инал-ипа. Дурипш. –Труди Абхазского Института, XXIX. Сухуми, 1958, с.78,81; К. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 246.

[2] Б. Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазети..., с.131 (на груз.яз.).

[3] К. Чхатарайшвили . Западная Грузия..., с. 469 (на груз.яз.).

[4] К. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 247.

[5] Б. Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазети..., с. 131- 132.

[6] Там же, с.132.

мурзакано в тогдашних грузинских источниках утвердился термин «Верхняя Абхазия» или «Самурзаканская Абхазия»[1]. Оно оставалось грузинским регионом и входило в состав Одишского княжества. Одним из ярких примеров верности к Грузии того периода, является отвага в Хрессильском сражении 1757 г. тогдашнего владельца Самурзакано Хутуния Шарвашидзе, когда объединенное войско грузин под руководством царя Имеретии Соломона I (1752-1784 годы) нанесло поражение османам.

Турецкий гарнизон в Абхазии в 60-х годах XVIII в. стоял только в Сухумской крепости. Сухуми являлся портом и крепостью, где стоял османский гарнизон, читаем в описании Имеретинского царства, составленном в 1769 году послом Имеретии митрополитом Максимом Кутатели. Русский офицер Языков в 1770 г. в своем рапорте о крепостях Черноморского побережья, так же называет Аку или Сухуми, где стоит османский гарнизон и все жители являются турками.[2]

Во второй половине XVIII века в западной Грузии активизировалась борьба против осмнских захватчиков. В большой степени этому способствовало то обстоятельство, что правители Имеретии, Одиши и Гурии выступали сообща против общего врага. В то же время Соломон I хорошо понимал, что для окончательной победы собственные силы недостаточны, поэтому он, как и Картл-Кахетинский царь Ираклий II (1762-1798годы) искал союза с Россией. В 1768 г. началась очередная Русско-Турецкая война (1768-1774годы). Театр военных действий охватывал и Грузию. Соломон I и Ираклий II рассчитывали с помощью России изгнать турок из Грузии. В 1769г. в Грузию вступил русский экспедиционный корпус, который с июня 1770 г. в течении двух лет совместно с грузинами вел боевые действия в западной Грузии. Целью союзников прежде всего являлось изгнание османов из Черноморского побережья Грузии. В октябре 1770 г. русский экспедиционный корпус двинулся в сторону г. Поти. Со вступлением корпуса в пределы Мегрелии, османы оставили Рухскую и Анаклийскую крепости, которые занял владетель Одиши. После этого командир русского корпуса генерал Тотлебен и владетель Одиши окружили Потийскую крепость, осада которой продолжалась три с половиной месяца. В феврале 1771 г. Соломон I сообщил генералу Тотлебену, что Зураб и Келеш-бей Шарвашидзе собираются напасть на русский корпус с целью заставить их снять осаду крепости. Абхазы действительно, напали на русских и увели их лошадей.[3] Летом 1771 года русский корпус снова осадил Поти, но безуспешно. Вместе с русскими в осаде принимало участие и Одишское войско, в составе которого сражался Самурзаканский отряд во главе с Леваном Шарвашидзе. Одновременно, против османов восстали и абхазы. Владетель Абхазии Зураб Шарвашидзе, а

[1] Житие Грузии, т. IV, с. 783; Б. Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазети..., с. 132.
[2] А.А. Цагарели. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относяшиеся к Грузии, т. I. С-ПБ., 1891, с.28, 261.
[3] В. Мачарадзе. Материалы..., часть III, II, с. 42-45 (на груз.яз.).

также владелец Самурзакано Леван Шарвашидзе после упорного боя заняли Сухумскую крепость и изгнали оттуда турок. Но вскоре между ними возникло разногласие и Леван Шарвашидзе передал крепость обратно туркам, хотя они с трудом отбивались от нападений абхазов. После этого османы не доверяли Зурабу Шарвашидзе и всячески поддерживали Келеш-бея, но еще не решались отстранить Зураба от власти.[1]

Упорное противодействие османам в западной Грузии принесло свои плоды. Турецкие гарнизоны были изгнаны из имеретинских крепостей. После заключения Кучук- Кайнарджийского договора (10 июля 1774 г.) османы явственно осознали, что теряют контроль над Имеретией и поэтому стремились укрепить свои позиции в Одиши (Мегрелии). В этих целях они устроили поход против Одиши с помощью правителей Абхазии Зураба, Келеш-бея и Бекир-бея Шарвашидзе. Присоединился к ним и владелец Самурзакано Леван Шарвашидзе, отложившийся от Одиши.[2] «Собралась вся Абхазия со своими князьями Шарвашидзе, джики, аланы и черкесы и другое чужестранное войско конное и пешее, с ружьями и пушками» и двинулись они в сторону Одиши[3]. По некоторым источникам, возглавлял объединенное войско не Зураб, а Келеш-бей Шарвашидзе. С этим последним скорее всего договорились османы о походе, а Зураб Шарвашидзе был вынужден к ним присоединиться.[4]

Владетель Одиши Кация II Дадиани (1758-1788 годы) обратился за помощью к царю Имеретии Соломону I. Последний приказал своему войску и владетелю Гурии собраться в селе Бандза. Вскоре объединенное Западногрузинское войско подошло к Рухской крепости, где в марте 1780 г. произошло сражение. Н. Дадиани так передает картину боя: «Через некоторое время пришли абхазы, смело переправились через Ингури и встали напротив их. На второй день абхазы двинулись большим войском и артиллерией против царя и Дадиани. Навстречу им вышло войско царя и Дадиани и началась страшная битва. Царь со свойственным ему проворством сел на лошадь и во главе нескольких отрядов имеретинцев и одищцев решительно атаковал правое крыло, расколол отряд неприятеля и войска царя и Дадиани ворвались в его расположение; увидевшие все это абхазы не смогли оказать сопротивление и отступили; царь и Дадиани одержали блестящую победу»[5]. Рухское сражение, завершившееся решительной победой грузин, положило конец засилью абхазов против Одиши. В грузинском мире с самого начала оно воспринималось как борьба между христианством и магометанством. Героизм и отвага грузин в этой битве спасли

[1] Б.Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазети..., с.161.
[2] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.180 (на груз.яз.); К. Чхатарайшвили. Западная Грузия в 70-80 годах. XVII в., с. 665 (на груз.яз.).
[3]К. Чхатараишвили. Западная Грузия в 70-80 годах. XVII в., с.665 (на груз.яз.).
[4] Б. Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазети...,с. 162.
[5] Н. Дадиани. жизнь грузин, с. 180.

Одиши от разгрома со стороны абхазов и горцев Кавказа, за спиной которых стояли османы и Крымский хан.

В связи с утверждением в Абхазии северокавказских горцев, христианство оказалось в тяжёлом состоянии. Новое население привнесло с собой языческое верование, распространился и ислам. Усилия Западногрузинских архиереев (католикосов Абхазии), возродить и укрепить в Абхазии христианство в тогдашних условиях не дали должного результата. В меморандум, составленный послом Картлийского царя в Европе Сулхан-Саба-Орбелиани для короля Франции Луй XIV (1714 г.), по просьбе Абхазского (Западногрузинского) католикоса Григола Лордкипанидзе (1696-1742годы) вошел пункт с просьбой о присылке миссионеров в Черкесию и Абхазию для возрождения христианства.[1] Осуществить этот план тогда не удалось,[2] но сам факт говорит об озабоченности грузинских архиереев религиозным состоянием подвластных им областей – Черкесии и Абхазии. В конце 60-х годов XVIII века в результате засилья абхазов - магометан в Самурзакано была упразднена Бедийская кафедра[3]. После упразднения Моквской, Драндской и Бедийских епархий в Абхазии действовала лишь церковь Св. Георгия в Илори, входившая в Цайшскую епархию. Митрополит Григол Цаишели (1777-1823годы) отмечал: «Был пастырем и близлежащей Самурзаканской Абхазии, делал все, чтобы вера прочно утвердилась там среди жителей»[4]. Этот церковный деятель немало потрудился для распространения христианства в Абхазии; многих окрестил и спас епархию от разорения. В своем завещании, составленном в конце XVIII в., он писал: «Жители Абхазии были отклонены от веры, но мне было сподручно обратить их в веру и окрестить многих. Осторожностью и моими усилиями неоднократно защитил церковные имения и епархию от разорения со стороны язычников.»[5]

Самурзаканское население (грузины) так или иначе сохранило христианство, в отличии от жителей собственно Абхазии, где пришлые язычники уничтожили его. На протяжении всего XVIII в. на северо-западе от р. Галидзги не функционировала ни одна церковь, а находящиеся в изгнании Абхазские католикосы и духовенство не могли свободно служить на территории языческой Абхазии.[6]

С конца XVII века происходил долгий и болезненный процесс формирования современной абхазской (апсуйской) нации путем слияния местных грузин-христиан и занявших господствующее положение пришлых апсуйцев-язычников, частично мусульман. В основном этот процесс завершился в XIX

[1] И.Табагуа. Посольство Сулхан-Саба-Орбелиани во Францию. - Мацнэ, серия истории..., 1965, №3, с. 84 (на груз.яз.).
[2] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с.302-303 (на груз. яз.).
[3] Б.Хорава. Бедийское епископство. - Исторические разыскания, т. III. Тб., 2000. с.41.
[4] А.Тугуши. Цайшское Епископство. Зугдиди, 2001, с. 97.
[5] Там   же, с. 65.
[6] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 303-309.

веке. Слияние разных этносов и религий наложил свой отпечаток на религиозное состояние (смесь христианства, мусульманства при ведущей роли язычества), нравы и обычаи (во многом общее с грузинами) народа.

Несмотря на утверждение язычества, пришельцам не удалось полностью искоренить христианство в Абхазии. Его следы остались в быту и верованиях ассимилированного грузинского населения. В Абхазии по прежнему поклонялись Илорскому (Елир-ныха), Киачскому (Киач-ныха), Лыхненскому, Пицундскому, Лашкендарскому и другим христианским святыням. В то же время, как уже отмечалось, укореняются новые языческие святилища: Инал-куба (могила Инала в Псху), Дидрипш (в селе Ачандара), Лапирных (с. Блабурхва), Чигурныха (с. Джирхва), Ага-ныха (с. Мармарискари) и т.д. Надо отметить, что часть из них находилась на месте православных христианских церквей, а другая - явно привнесена в Абхазию переселенцами из Северного Кавказа. С XVIII в. в Абхазии распространяется ислам, но до конца первой половины XVIII в. она не имела большого успеха. В первую очередь, ислам приняли высшие слои населения – княжеский дом и феодалы, зависимые от османов.

Абхазия XVIII века в большой степени отличалась от Абхазии предыдущих эпох. Фактически образовалась новая Абхазия, новая политическая единица с значительно большей территорией, другим этническим составом населения, другой господствующей религией, новым политическим статусом (эриставство постепенно превратилось в княжество**)**, ослабевшими связями с грузинским миром и усилившимся влиянием Турции.

Несмотря на радикальные этнические изменения, владетелями Абхазии остались грузинские князья из рода Шарвашидзе. Они никогда не отделяли себя от грузинского мира и не отказывались от грузинского языка, являвшегося в Абхазии единственным языком делопроизводства и богослужения. Со своей стороны, цари Имеретии всегда считали Абхазию своей провинцией, хотя их власть на владетелей края была номинальной. По карте Имеретинского царства, составленном в Кутаиси и царем Александром V-м в 1738 году отправленном в Петербург (вручена императрице Анне Иоановне), вся территория нынешней Абхазии является частью Имеретии (см. здесь же, карта № 13)**.** Царь Имеретии Соломон I (1752-1784 годы) носил титул царя абхаз-имеров; в одном из писем от 26 апреля 1776 г. он именует себя «владыкой абхазов, имеров, гурийцев и всей Нижней Иверии».[1] Хорошо известно, что Нижняя Иверия, то есть Нижняя Грузия включала и Цхуми (Сухуми), а так же всю сегодняшнюю территорию Абхазии.

Владетели Мегрельского (Одишского) княжества, потерявшие реальный контроль над Абхазией, так же не отказывались от своих исконных земель. Они

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогиа. Абхазия – Историческая область Грузии, с. 649.

именовались: «владетель Одиши-Лечхуми-Сванов и Абхазов».[1] Так титуловались, например, Кация II Дадиани (1758-1788 годы), Григорий Дадиани (1788-1804 годы) и др.

Княжеский дом Абхазии и местная аристократия состояла в личных родственных связях с Одишским, Имеретинским и Гурийскими владетельными домами и тамошней знатью. Абхазские князья все же причисляли себя к грузинскому миру. Они формально признавали сюзеренитет восточногрузинских и Имеретинских царей. В позднесредневековой Абхазии грузинский язык постепенно уступает позиции. Вахушти Багратиони о современных ему абхазах (первая половина XVIII в.) писал, что они имеют свой язык, но знать владеет грузинским[2]. О значимости грузинского языка в Абхазии говорит тот факт, что он оставался в употреблении и среди определенной части населения. Например, в декабре 1714 г., когда Сулхан-Саба-Обрелиани возвращался из Парижа и Рима в Грузию, на острове Мальта он встретился с грузинами. «Видел грузин, - писал он, - некоторые были абхазы, некоторые - имерцы, гурийцы, мегрелы, которых отняли у татар, грузинским они хорошо владели, но меня удивила то, что грузинский знали и абхазы.»[3] Причиной удивления, что абхазы в то время еще владели грузинским, являлась совершенно иная этнополитическая ситуация, сложившаяся к тому времени в новой Абхазии.

---

[1] Там же, с. 287, 650.

[2] Житие Грузии, т. IV, с. 786.

[3] Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие в Европу. Сочинения, т. I. Тб., 1959, с.231.

Глава XIV. Абхазия в конце XVIII - начале XIX веков. Вступление Абхазии под «покровительство» России

В конце XVIII в. османы, стремясь упрочить свои позиции в Абхазии, постарались избавиться от прогрузински настроенного владетельного князья Зураба Шарвашидзе и натравить против него Келеш-бея. Как писал Н. Дадиани, поссорились между собой Зураб Шарвашидзе, владевший Зупу (Бзыбской Абхазией) и его племянник Келеш-бей, управлявший Сухуми и его окрестностями. Зураб Шарвашидзе обратился за помощью к владетелю Одиши Кация Дадиани. Последний, немедленно собрав войско, отправил его в Абхазию во главе со своим братом Георгием. «Прибыв в Абхазию, нанесли поражение и истребили противников Зураба, а затем подошли к Сухумской крепости,» - писал Н. Дадиани. Несмотря на отчаянное сопротивление гарнизона, Георгий Дадиани взял крепость и заставил непокорных опять подчиниться Зурабу Шарвашидзе[1].

Таким образом, Зураб Шарвашидзе с помощью владетеля Одиши смог сохранить власть. Это входило и в интересы Кация II Дадиани, которому было выгодно иметь на Абхазском княжеском престоле прогрузински настроенного Зураба Шарвашидзе, чем туркофила Келеш-бея. В то время областью Абжуа – территорией от р. Галидзги до р. Кодори - владел племянник Зураба Шарвашидзе - Бекир-бей, а Сухумсской крепостью и территорией от р. Кодори до р. Гумисты - Келеш-бей. Сам же Зураб владел землями, между реками Гумиста и Бзыбь, являясь сюзереном всей Абхазии[2].

Несмотря на поражение, османы упорно старались претворить в жизнь собственные планы в отношении Абхазии, возвести на княжеский престол своего ставленника - Келеш-бея Шарвашидзе, что и удалось им осуществить, свергнув в начале 80-годов XVIII в. Зураба Шарвашидзе. В первую очередь, новый владетель перенес княжескую резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость, где стоял турецкий гарнизон.[3] По словам современников, Келеш-бей был храброй, умной и сообразительной личностью, имевшей большое влияние не только на своих подданных, но и на северокавказских горцев.

Став владетелем Абхазии, Келеш-бей развелся с первой женой из рода Дзяпш-ипа, на которой в свое время его женили по политическим соображениям. Второй женой владетеля стала девушка из низшего сословия по фами-

---

[1] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.181.

[2] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.181-184; А. Пахомов. Записки об имениях Георгия Шервашидзе. - Исторический Вестник, 1953,№7, с.244.

[3] И. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. 2-изд. Сухуми,1951,с.82; Г.Дзидзария. Присоединение Абхазии к России. - Труды, I, Сухуми,1988, с.22.

лии Лейба из села Мугудзырхва[1]. Поступок Келеш-бея обострил отношение с влиятельным родом Дзяпшиповцев, так как, по традиции, развод с женой считался большим оскорблением для рода и смыть этот позор можно было только кровной местью.

Келеш-бей оказался сильным правителем. Он сразу-же начал заботиться об укреплении и централизации княжеской власти. С этой целью нанес поражение и подчинил себе своего двоюродного брата, правителя Абжуа Бекир-бея, которого поддерживал влиятельный феодальный род Анчабадзе. Владетель так же подчинил и правителя Цебеля князя Маршания, старался распространить свое влияние и на Самурзакано. В борьбе за объединение раздробленного княжества и его централизацию, он максимально использовал поддержку османов. В то же время, владетель установил тесные отношения с племенами джиков и убыхов. Таким образом, Келеш-бей упрочил свое положение и стал полновластным правителем Абхазии. С ним считались царь Имеретии и владетель Одиши. По некоторым сведениям, Келеш-бей мог выставить войско до 10.000 человек, имел флотилию, состоящую из хорошо вооруженных галер.

В то же время, власть Келеш-бея в определенной мере была ограничена начальником османского гарнизона, дислоцированного в Сухумской крепости. Порта понимала стратегическую важность Сухумской крепости, поэтому ревностно охраняла ее от любых посягательств извне. Во времена правления султана Селима III (1789-1807годы) в Сухуми соорудили судоверфь, где для нужд Османского флота построили военный корабль. Но из-за удаленности от имперского центра, недостатка местных квалифицированных кадров и рабочей силы, верфь закрыли[2].

После смерти Имеретинского царя Соломона I на престол возвели Давида Георгиевича (1784-1789 годы). В это время уже был подписан Георгиевский трактат[3] и Порта всеми силами старалась сохранить свое присутствие в западной Грузии. С целью подписания аналогичного соглашения с Россией в 1784 г. новый царь Имеретии посылает в Петербург католикоса Абхазии Максима II Абашидзе, З. Церетели и Д. Квинихидзе. Встреча Имеретинских послов с императрицей Екатериной II 29 декабря 1784 г. завершилась безрезультатно. С 1787 г. Максим II совместно с новым послом Имеретии Виссарионом Габашвили[4] продолжил дипломатическую деятельность. Они добывались ввода Российских войск через Абхазию с целью освобождения от османов как самой Абхазии, так и всей западной Грузии, вступления этого региона под Российское покровительство. Католикос Максим II и Виссарион Габашвили, несмотря на

[1] А. Пахомов. Записки..., с.231,244.

[2] З. Цурцумия. Некоторые вопросы истории Абхазии в турецкой историографии.- Исторические разыскания, V, Тб., 2002, с.130-132 (на груз.яз.).

[3] Покровительственный трактат между Россией и Грузией (Картл-Кахетинским царством), подписан в 1783г.

[4] Виссарион Габашвили (Бесики) – известный грузинский поэт (1750-1791 годы).

серьезные усилия, не достигли цели. В одном из писем, адресованном духовенству Мегрелии от 27 июля 1792 г. Каталикос Абхазии писал, что остался в России по следующей причине: «Не было сомнения, что войска, которые двигались вдоль Черного моря, после взятия Анапы войдут в Абхазию и Имеретию. Когда взяли Анапу (22 июня 1791г. – авт.) оставалось не более 50 верст до Пицунды и, кто мог подумать, что этот край упустят. Я готовился для того, чтобы просить императрицу об оказании помощи нашему храму в Пицунде. Надеялся, что просьба обязательно будет уважена, но моим надеждам из-за моих грехов не суждено было сбыться, оставив вечную боль в моей душе»[1]. Освобождение западной Грузии, включая Абхазию, от османов и ее объединение, как и восстановление кафедрального храма Пицундского католикосата остались неосуществимыми мечтами Максима II, который так и не вернулся на родину. 30 мая 1795 года он скончался в Киеве и был похоронен в Киево-Печорской лавре.

В феодальную междоусобицу, вспыхнувшуюся в западнои Грузии в 90-х годах XVIII века, был втянут и Келеш-бей. Причиной противостояния послужило стремление Имеретинского царя Соломона II (1789-1810годы) объединить всю западную Грузию. Этому способствовала и международная обстановка, в частности, дальнейшее ослабление главной опоры центробежных сил - Османскои империи, неспособность последней влиять на политические процессы в западной Грузии. Создавшейся обстановкой воспользовался Соломон II, именовавший себя «царем Нижней Иверии (западной Грузии – авт.) и других земель». Сподвижник царя Имеретии Соломон Лионидзе писал, что Абхазия с древнейших времен принадлежала Имеретии», ей же принадлежала Потийская крепость. Соломон II смотрел на владетеля Мегрелии, как на непокорного вассала, обязанного подчиняться царю и не имел право оказывать ему сопротивление.[2] В действительности, владетельные князья западной Грузии держали себя самостоятельно и не признавали сузеренитет Имеретинского царя. В 1792 г. противники Григола Дадиани при поддержке Имеретинского царя свергли его. Княжеский престол занял его младший брат Манучар. Сам Григорий Дадиани бежал в Самурзакано.[3]

В 1794г. один из претендентов на Имеретинский престол, бывший царь Давид Георгиевич с целью свержения Соломона II вторгся в пределы царства. На помощь царю выступил Манучар Дадиани. Находившийся в Самурзакано Григорий Дадиани при поддержке самурзаканцев, а так же абхазов во главе Келешбеем выступили на стороне Давида Георгиевича. Соломон II, получив военную помощь от царя восточной Грузии Ираклия II, 24 октября 1794 г. нанес поражение Давиду Георгиевичу. В этих условиях Келеш-бей решил не ввязываться

[1] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 331-339 (на груз. яз.).
[2] М. Думбадзе. Западная Грузия в первой половине XIX в. Тб., 1957, с. 134 – 135 (на груз. яз.).
[3] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.186; М.Рехвиашвили. Имеретия в XVIII в. Тб.,1982, с. 220 (на груз.яз.).

в бой против Соломона II и вернулся в Абхазию.[1] В 1798 г. Григорий Дадиани все же сумел овладеть престолом Одиши. Соломон II попытался опять свергнуть его, но безрезультатно. В последующие годы Имеретинский царь с целю свержения Григория Дадиани ежегодно вторгался в Одиши и опустошал его[2].

Летом 1802 г. Соломон II нанес очередное поражение Григорию Дадиани. Владетель Одиши вновь обратился за помощью к Келеш–бею Шарвашидзе, владевшему к тому времени и Самурзакано.[3] Взамен Келеш-бей потребовал заложников. Григол Дадиани вынужден был послать к нему в заложники своего сына и наследника княжеского престола Левана. После этого Келеш-бей 20 тысячным войском и 3 пушками перешел в Одиши и встал лагерем у села Абедати (около Мартвили). Осенью того же года Соломон II в очередной раз вторгся в Одиши и попытался его подчинить. Келеш-бей не решился вступать в бой с царем, заключил с ним перемирие и вернулся в Абхазию.[4] Григорий Дадиани убедился, что собственными силами не сможет защититься от Имеретинского царя и решил вступить под покровительство России. В декабре 1803 г. он подал соответствующее прошение на имя русской администрации Грузии.

В конце XVIII- начале XIX веков положение грузинских политических единиц резко изменилось, что связано с заключением в 1783 г. покровительственного Трактата между Карталинско-Кахетинским царством (восточная Грузия) и Россией. Правда, трактат несколько ограничивал суверенитет Грузии, но страна сохраняла независимость и оставалась субъектом международного права. Важно отметить, что один из пунктов трактата (четвертый сепаратный артикул) предусматривал обязательство России, способствовать освобождению и возвращению исторических земель Грузии под власть Восточногрузинских царей.[5] Тем самым Петербург (взамен ограничения суверенитета Грузии в пользу России) брал на себя обязательство способствовать восстановлению Грузинского царства в своих исторических границах. Следовательно, Трактат 1783 г. имел прямое отношение и к Абхазии, которую в России по-прежнему считали составной частью Мегрельского княжества. По «Исторической Карте Российской Империи» 1793г., северо-западная граница Грузии достигает до Азовского моря; на ней обозначены и западногрузинские провинции – Имеретия, Менгрелия (см. здесь же, карта № 19). Последняя включает в свой состав территорию и современной Абхазии, которая на карте отдельно вообще не обозначена. Четвертый сепаратный артикул трактата 1783 г. как раз предусматривал восстановление Грузинского царства в границах, указанных на «Исторической Карте Российской Империи» 1793 года.

[1] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.186-188; Б. Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазети..., с.167-168.
[2] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.190.
[3] Там же.
[4] Акты..., т. II, с. 577, №688, с. 340; Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.192.
[5] А. Цагарели. Грамоты и другие исторические документы, т. II, вып. II. СПБ., 1902, с. 39-40.

Однако Россия жестоко обманула надежды доверившей ей свою судьбу Грузии. Она не только не выполнила взятые на себя обязательства по ее покровительству, восстановлению единого государства, но уже в сентябре 1801г. упразднила Восточногрузинское царство и ввела в стране прямое русское правление. При этом Россия временно отказалась от губернской формы правления и в 1802 г. учредила «Управление Грузией», во главе которой стояли главнокомандующие, называемые и главноуправляющими Грузией. Такая форма правления - «сохранение» Грузии - позволяла России придать «законный» характер захвату исторических грузинских провинций, подвластных Турции и «восстановить» историческое Грузинское царство, но уже не как независимое государство (как предусматривал трактат 1783г.), а как провинцию России.

Растоптав Трактат 1783г. и аннексировав восточную Грузию, Россия стала постепенно прибирать к рукам и западную часть страны, в том числе Абхазию. Главноуправляющему Грузией, русскому генералу грузинского происхождения П. Цицианову (1802-1806 годы) из Петербурга были даны указания, добиться присоединения западной Грузии, чтобы прочно закрепиться на Черноморском побережье. При этом, русская администрация Грузии обязана была действовать осторожно, не форсируя процесс присоединения отдельных политических единиц, особенно Абхазии, где интересы и позиции Турции были довольно сильными. Усилиями П. Цицианова империя шаг за шагом принимала под «покровительство» (то есть аннексировала) Западногрузинские провинции. В декабре 1803 г., как уже отмечалось, Григол Дадиани, как «законный владетель Одишский, Лечхумский, Сванетский, Абхазский и всех земель, искони предкам моим принадлежащих», подал прошение о принятии Мегрельского княжества в подданство России «со всеми моими владениями, как выше названными, так и разными случаями отошедшими»[1]. Правитель Мегрелии явно имеет в виду как Абхазию, так и Джикети и другие исторические грузинские земли вплоть до Азовского моря (см. карту России 1793г.). Нет сомнения, что прошение о вступлении Мегрелии в подданство России даже с «отошедшими» от нее территориями написано под диктовкой из Петербурга с учетом четвертого сепаратного артикуля из Трактата 1783г. В соответствии с этим артикулем и прошением Григола Дадиани, Россия получала «законное» право бороться за присоединение всего северо-восточного Причерноморья, включая Абхазию. Осуществлению этого плана служил построенный в 1804 г. в селе Кулеви (устье реки Хобисцкали) первый опорный пункт России на Грузинском Причерноморье, куда высадился русский полк.

Еще 1803 г. Келеш-бей высказывал тайное желание вступить в подданство России и при посредничестве владетеля Мегрелии пытался установить связь

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 287. Претензии владетеля Мегрелии на значительную часть территории тогдашней Абхазии просматривались в назначении им архимандрита Пафнотия Хозиашвили (отправленного затем послом в Россию) Моквским епископом.

с главноуправляющим Грузией генералом П. Цициановым. Генерал предложил Григорию Дадиани посоветовать Келеш-бею, прислать в Тбилиси своего представителя или подать письменное прошение о желании вступить в подданство России. При этом, он должен был заявить, что Поти и Анаклию защищал не потому, что получал жалованье от османов, а потому, что охранял собственное владение, которое готов был передать русским. П. Цицианов дал слово Григорию Дадиани, что прошение Келеш-бея будет удовлетворено и он получит «покровительство».

Присоединением Мегрелии Россия расчистила себе путь к Черноморскому побережью, одновременно она могла оказывать давление и на Имеретинское царство. 25 апреля 1804 года Соломон II вынужден был принять «покровительственные» условия. Эльазнаурский «покровительственный» договор, подписанный 25 апреля между Имеретией и Россией, распространялся и на Гурийское княжество, как на составную часть Имеретинского царства.[1] Император Александр I (1801-1825 годы) указом от 4 июля 1804 г. утвердил договора с царем Имеретии и владетелем Мегрелии. Вскоре была введена специальная должность управляющего Мегрелией, Имеретией и Гурией. На эту должность главноуправляющий Грузией назначил генерала П. Литвинова. В его задачу входило практическое претворение в жизнь договоров, заключенных Россией с западногрузинскими политическими единицами.

Российские власти особенно интересовались Черноморским побережьем Кавказа и, в частности, Абхазией, население которой, как писал 2 января 1803г. Соломон II, подобно другим горским народам, не имело законов.[2] Главноуправляющий Грузией П.Цицианов мотивировал возможность присоединения Абхазии к России историческим аргументом. 27 октября 1803г. государственному канцлеру графу А.Р. Воронцову он писал: «Между тем долгом почитаю коснуться истории Келеш – бека и его владения. В 15-ом веке, а именно до 1414 года[3] от Рождества Христова, когда Иверия не была разделена, он, Келеш-бек, известен был по имени Шервашидзе: владение его составляло одно из провинции Иверии»[4]. Это и давало «законное» право России на овладение Абхазией. В условиях, когда Россия уже утвердилась в западной Грузии, в том числе Мегрелии, Абхазия не могла оставаться в стороне от этих процессов.

В начале XIXв. в связи с укреплением позиции России на Кавказе и в Грузии Келеш-бей пересматривает политическую ориентацию[5]. При поддержке Турции в свое время он достиг главных политических целей - стал владетель-

[1] М. Думбадзе. Упразднение Имеретинского государства, с.855-856 (на груз.яз.).
[2] Акты..., т. II, с. 340-341.
[3] Видимо, имеется в виду год приезда в Абхазское эриставство царя объединенной Грузии Александра I (1412-1442 годы), которому эристав Абхазии Шарвашидзе выразил бесприкословное повиновение (см. здесь же, с. 187).
[4] Акты..., т. II, с. 463.
[5] Там же, с. 337-339.

ным князем Абхазии, подчинил непокорных феодалов, укрепил центральную власть и т.д. Однако, изменение обстановки в регионе заставляли его изменить ориентацию. Келеш-бей не мог не учитывать то обстоятельство, что Россия прочно закрепилась в Грузии, а Османская Империя находилась в глубоком политическом и социально–экономическом кризисе. Он понимал, что после утверждения России в западной Грузии настанет черед и Абхазии, как составной части Грузии[1]. Взвесив все за и против, Келеш-бей начинает сближаться с Россией. Следует предположить, что вступление под покровительство России нужно было ему еще и для более надежного закрепления за младшим сыном Сефер-беем (Георгий) наследственных прав.[2]

Ввиду сложного международного положения, Россия проявляла осторожность. Видя, что надвигается война с Наполеоновской Францией, она не хотела усложнять отношения с Турцией. В то же время, Россия была весьма заинтересована в присоединении Абхазии и тем самым созданием плацдарма на западном Кавказе.

Келеш-бей, стараясь сблизиться с Россией и вступить под ее покровительство, официально не порывал отношения с Портой и находился на ее службе. Он как бы вел двойную политическую игру[3]. Однако постепенно просматривалось противостояние и явное стремление Келеш-бея отойти от Турции, для чего нужен был определенный повод. Еще в 1803 году поверенные Григория Дадиани сообщили П. Цицианову, что Келеш-бей никак не был связан с Блистательной Портой[4]. Российских властей интересовало насколько искренней была преданность Келеш-бея к России и в каких отношениях находился он с Портой, считавшей его своим подданным. П. Цицианов поручил П. Литвинову вести секретные переговоры с Келеш-беем о вхождении под Российское покровительство, хотя сам главноуправляющий сомневался в искренности владетеля Абхазии. П. Литвинов изучил политическую ориентацию западногрузинских правителей, собрал необходимые материалы и о Келеш-бее, после чего доложил П. Цицианову, что владетелю Абхазии верить нельзя.[5]

В это время у Келеш-бея осложнились отношения с Российским командованием в Грузии из-за находящегося у него в заложники 12 летнего наследника Мегрельского княжества Левана. 23 октября 1804г. скончался Григорий Дадиани, а Келеш-бей не освобождал наследника, требуя большой выкуп. Узнав об этом, П. Цицианов приказал командующему русскими войсками, расположенными в Имеретии и Мегрелии генерал - майору И. Рыкгофу, что если Келеш-бей не освободит наследника, тогда всеми имеющимися в его распоряжении

[1] И. Г. Антелава. Очерки..., с. 98-99; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне 1806-1812 годов. Тб., 1964, с.109.
[2] Г. Дзидзария. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми, 1946, с.11.
[3] И. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков, с.98-99.
[4] Акты..., т. II. с 536.
[5] Там же.

военными силами атаковать Сухуми, вызволить из плена Левана и посадить на престол владетеля[1]. В марте 1805г. И. Рыкгоф со своим отрядом и народной дружиной Мегрелии преодалел р. Ингури и углубился по Самурзакано на 20 верст, занял несколько селений, взял заложников, заставил князей и дворян Самурзакано присягнуть на верность России. Дальнейшему продвижению русских помещало бездорожье, поэтому генерал повернул войска в сторону Анаклийской крепости и 28 марта после трехчасового боя овладел ею; одновременно приступил к подготовке штурма на Сухуми со стороны моря. Напуганный военными действиями Келеш-бей, 2 апреля освободил Левана, в знак покорности прислал 8 заложников, прося прекращения военных действий. 16 апреля 1805г. генерал И. Рыкгоф писал П. Цицианову, что абхазские князья, от которых он получил заложников, и те, которые раньше вплоть до р.Галидзги находились в подчинении у Дадиани, вновь вошли в состав Мегрельского княжества, о чем дали клятву Левану Дадиани и выразили желание вступить под покровительство России.[2]

Активизацию русских по отношению Абхазии болезненно восприняли османы. В связи со взятием русскими принадлежавшей им Анаклийской крепости, которой формально владел Келеш-бей и где стоял Османский гарнизон, Порта направила Петербургу ноту протеста. Александр I в письме к султану, принося извинения по поводу инцидента, отмечал, что указанный факт является следствием ошибки и недоразумения. В июле 1805г. Реис-Эфенди Порты категорически потребовал от генерала П. Литвинова освобождения Черноморского побережья от Сухуми до Батуми[3]. Император отдал распоражение П. Цицианову вернуть османам Аанаклийскую крепость, а русскому послу в Стамбуле Италинскому было поручено убедить Порту, что этот неприятный инцидент произошел по ошибке. Объяснения Российской стороны удовлетворили османов; в октябре того же года русские вернули Келеш-бею Анаклию и передали 1000 рублей за причиненный ущерб. Инцидент на этом был исчерпан, но при этом П. Литвинов потребовал от Порты, чтобы она запретила Келеш-бею заниматься работорговлей[4]. Таким образом, из-за решительного протеста со стороны Порты, Российские власти признали нецелесообразным продолжение энергичных действий в Абхазии, чтобы не углублять конфликт с Турцией.

9 июня 1805г. новый владетельный князь Одиши (Мегрелии) Леван V Дадиани (1805-1840годы) в торжественной обстановке присягнул на верность России. На верность России и Мегрелии присягнули и владелцы Самурзакано Манучар и Леван Шарвашидзе. В присяге, составленной на грузинском языке, сказано: «Мы, нижеподписавшиеся Абхазские князья, державцы Самурзакано,

[1] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с. 194.
[2] Акты..., т. II, с. 514.
[3] Там же, с. 518; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне..., с. 111.
[4] Акты..., т. II, с. 534; Н.Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне..., с. 111.

вошли с нашею землею, князьями и дворянами в рабство Его Императорского Величества всемилостивейшаго Русскаго Государя, клянемся всесильным Богом и Святым Евангелием быть верными рабами и подданными навсегда и в неповиновение Его Величества Императора измену никогда не вступать, и также если осведомимся об измене или о непокорности со стороны других, то поспешно извещать куда следовать будет; если же не исполним так, как выше написано, да будем прокляты Богом и Святым Евангелием, а также отвержены всемилостивейшим Государем. Мы есть рабы как всемилостивейшаго Государя, так и самодержца Мингрелии Левана Дадиани, ибо с нашей землею издревле принадлежали Мингрельскому самодержцу кн. Дадиани».[1]

Таким образом, приблизительно с конца 90-х годов XVIIIв. подвластное Келеш-бею Самурзакано, признало верховенство владетельного князья Мегрелии и вступило под Российское «покровительство». После вступления Самурзакано под «покровительство» России и утверждения последней в западной Грузии Келеш-бей берет курс на явную конфронтацию со своим сюзереном. Поводом послужило бегство из Турции в 1806г. обвинённого в государственной измене Таяр-паши, желавшего укрыться в России[2]. Чанетский паша Таяр отступил от султана Селима III и пытался поднять против него другие паши Центральной Анатолии. С этой целью он развязал переписку с Российскими властями о вступлении под покровительство, обещая сделать подданными России всю Анатолию и восточное побережье Черного моря.[3] Когда измена Таяр-паши была раскрыта, султан приказал его казнить, но мятежный паша успел укрыться в Абхазии[4]. Видимо, он хорошо знал о прорусском настроении Келеш-бея и доверял ему. Из Сухуми Таяр-паша вел переговоры с Российскими властями, предлагая им свое посредничество в деле принятия Абхазии под покровительство, что привело бы к утверждению Российского господства на восточном Причерноморье[5]. Султан, узнав о местонахождении Таяр-паши, приказал Келеш-бею казнить его, но тот отказался исполнять приказ. Тогда султан обратился к абхазским феодалам- Дзиапш-ипа, Маргания и другим, чтобы те оказали давление на Келеш-бея, в противном случае угрожал войной.

В мае 1806г. Келеш-бей обратился к русской администрации Грузии с просьбой принять Абхазию под свое покровительство и в случае насилия со стороны османов защитить ее. Однако, Россия, учитывая фактор Турции, воздерживалась от установления с ней официальных отношений, хотя признавалось

---

[1] Акты..., т. II, с. 527.
[2] Там же, с. 534; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне..., с. 111.
[3] Акты..., т. II, с. 885.
[4] Амеде Жобер. Путешествие в Армению и Персию в 1805-1806гг. Перевод с французского, исследование и коменнтарий И. Начкебия. Тб., 1997, с. 92.
[5] Акты.., т. II, с. 872; Г. Дзидзария. Присоединение Абхазии к Росии, с. 32-33.

полезным приближение или даже нейтрализация Келеш-бея для того, чтобы он не объединился с восставшим Имеретинским царем Соломоном II-м.[1]

Одновременно Келеш-бей при посредничестве генерал И. Рыкгофа примирился и установил дружественные отношения с Мегрельским княжеским домом. Разногласия, возникшие между ними в начале XIX века, были урегулированы. В письме от 20 мая 1806г., адрессованном временной правительнице Мегрелии Нино Дадиани, Келеш-бей писал: «Мы будем вашими доброжелателями и не вмешаемся в дело, служащее к вашему ущербу и уничтожению, быть мне твоим доброжелателем, - врагу твоему врагом, и другу - другом»[2]. До этого, княжеский дом Абхазии породнился с княжеским домом Мегрелии. Сын Келеш-бея, Сефер-бей после тайного крещения (по крещению назван Георгием) женился на сестре Григория Дадиани княгине Тамаре[3]. Этот факт означал установление политического союза Абхазии с Мегрельским княжеством, находившемся под «покровительством» России и указывал на изменение политической ориентации Келеш-бея. Было видно, что он твердо решил вступить под покровительство России и в июне 1806 года этот вопрос поставил на обсуждение народного схода в селении Лыхны. Сход поддержал политический курс Келеш-бея[4], что еще больше упрочил его позиции.

Порта попыталась силой подчинить непокорного вассала. Она давно искала причину вторжения в западную Грузию, так как была весьма встревожена активностью России на Черном море и овладением Анаклийской крепости. В начале июня 1806г. султан приказал Ахалцихскому и Эрзерумскому пашам, под предлогом наказания Келеш-бея, вторгнуться в Имеретию и Мегрелию и овладеть побережьем Черного моря. К этой военной операции подключались и морские силы. [5] В июле того же года к берегам Абхазии двинулась турецкая эскадра в составе 11 кораблей под командованием Иуирука Баирахдара. Командир эскадры пытался привлечь на свою сторону некоторых абхазских феодалов, в том числе владетеля Самурзакано Манучара Шарвашидзе, но безрезультатно. Келеш-бей обратился за помощью к русским властям, но Петербург в абхазском вопросе все еще проявлял осторожность. Тем не менее, русское военное командование в Грузии получило приказ императора перекрыть путь туркам, если они попытаются вторгнуться в Абхазию со стороны Мегрелии[6].

Для отражения агрессии Порты, Келеш-бей собрал 25 тысяч бойцов, из них абхазы составляли только 10-12 тыс. человек, остальную часть - наемные черкесы. 25 июля 1806г. турецкая эскадра подошла к Сухуми, но убедившись, что город хорошо укреплен и Келеш-бей намеревался оказать решительное сопро-

[1] Акты..., т. III, с. 190, 194.
[2] Там же, с. 190.
[3] Там же, с. 202, 209; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II. Тифлис, 1901, с. 541.
[4] Акты..., т. III. с. 191-192, 574.
[5] Там же, № 905, с. 517; № 906, с. 517-518; №908, с. 518.
[6] Там же, с. 192-193; Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, с. 133-134.

тивление, османы повернули назад. Воздержались от вторжения в Абхазию Эрзерумский и Ахалцихский паши[1]. Для Порты стало ясно, что под каким бы предлогом они не вторглись в Имеретию и Мегрелию, Российскими властями оно будет воспринято как нарушение мирного трактата, поскольку эти края находились под «покровительством» России. Данное обстоятельство вынудило турецкие власти воздержаться от отправки сухопутных сил. С этого времени, - как отмечал Таяр-паша, - владетель Абхазии не выполнял приказов султана.[2]

Вскоре политическая ситуация в Абхазии обострилась. Турки воспользовались разногласием в абхазском княжеском доме и постарались обострить противостояние между Келеш-беем и его старшим сыном Аслан-беем, который и до того не ладил с отцом. Как было сказано выше, Келеш-бей лишил его права наследования, передав это право второму сыну Сефер-бею. Осмалофильская группировка эшерских Дзиапшиповцев и Аслан-бея, при поддержке турков организовали заговор с целью свержения Келеш-бея. Но узнав об этом, владетель жестоко расправился с заговорщиками, казнив одних, другие же бежали в Цебель, потеряв право на собственность. Их родовые поместия, расположенные между реками Шицквара и Адзапш, Келеш-бей присоединил к своим землям[3]. Таким образом, решительными мерами владетель стабилизировал ситуацию в княжестве.

В такой обстановке Порта начала готовиться к войне с Россией. С этой целью она приступила к укреплению Черноморских крепостей в Батуми, Поти, Сухуми, Суджук-кале, Анапе, чтобы превратить их в неприступные форпосты. Россия в ожидании со дня на день войны с турками пыталась подкупить комендантов этих крепостей[4]. Министр иностранных дел России А. Будберг 5 сентября 1806 г. сообщил командующему Кавказской линией и командующему в Грузии И. Гудовичу (1806-1809годы) волю императора о том, что с момента разрыва отношений с Портой, немедленно объявить Келеш-бею о приеме под покровительство России. В таком случае не было бы препятствий для присылки Келеш-бею из Петербурга официальной грамоты и инвеституры[5]. Россия была весьма заинтересована в овладении Абхазией. Обширная полоса Черноморского побережья от Анапской крепости до устья реки Ингури, а так же левый берег р. Риони находились во владении Порты, в том числе Сухумская, Исгаурская, Потийская, Гонийская крепости. А. Будберг 25 сентября 1806г. в связи с этим писал И. Гудовичу, что все эти крепости «издревле принадлежавшия к царству Грузинскому. Следовательно нельзя не желать возможности присоеденить все сии места под державу Российскую, дабы тем вящше обезпе-

[1] Акты.., т. III, с. 192-193, 519-520; №909, с. 519.
[2] Там же, №912, с. 521.
[3]А. Пахомов. Записка..., с. 231.
[4] Н.Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне..., с. 134.
[5] Акты..., т. III, с. 193.

чить Грузию и усмирить Закубанские народы, находящие пристанище в Анапе и других турецких городах»[1]. Таким образом, принадлежность Черноморских крепостей, включая Сухуми, исторической Грузии служили главным правовым аргументом для их присоединения к России. Так считал и сам Келеш-бей. В словесном перепоручении владетеля Абхазии кн. Амиреджибову (сентябрь 1806г.) он просил «объявить главному начальству Российскому, в Грузии находящемуся, что я отправил прошедшего года в Великом Посту письма к покойному кн. Цицианову, который писал мне, что он представил те письма к Государю и я ожидаю оттуда разрешения... Когда в Имеретии и Грузии были только одни цари, то Абхазия была под властью тех царей, а не под властью Оттоманской Порты и в доказательство построены здесь церкви от них; теперь и я отдал Абхазию Государю»[2].

В октябре 1806г. Келеш-бей отправил Таяр-пашу в Тавриду, дав ему право быть посредником между ним и Российскими властями в вопросе принятия Абхазии под покровительство России. При этом передал паше и свои условия, при удовлетворении которых он соглашался вступить под покровительство России. Эти условия, состоящие из восьми пунктов, Таяр-бей передал генерал – губернатору Новороссии Э. Ришелье. В них говорилось, что абхазы готовы верно служить императору в случае их приема под Российское покровительство; Келеш-бей должен был остаться владетелем, с присвоением ему высокого чина и назначения соответствующего жалования; из шести сыновей владетеля, Сефер-бей так же должен был получить подобающий чин и вознаграждение, а еще одного сына Келеш-бей соглашался отправить в Петербург для получения образования (фактически заложником); Келеш-бей требовал награждения 30 абхазских дворян, в случае войны с Портой – снабжения продовольствием и вооружением, в том числе пушками и канонерами; владетель требовал разрешения торговли пленными, при этом он обязывался со своим 6 тысячным войском служить императору на границах Грузии и около Тбилиси, снабжать Россию лесным материалом для судостроения, предоставить удобные места, могущие служить в зимнее время надежными пристанищами для Российского флота[3].

В письме А. Будберга к Э. Ришелье от 14 ноября 1806г. подчеркивалась важность принятия Келеш-бея в подданство Российской Империи и давалась рекомендация подписать с ним прелиминарный (предварительный) договор на представленные им условия (без права работорговли)[4].

24 декабря 1806г. Порта объявила войну России. В связи с этим в письме от 7 января 1807г. А. Будберг поручил И. Гудовичу добиться подписания мира с

[1] Там же, №918, с. 525-526.
[2] Акты..., т. III, с. 193.
[3] Там же, с. 191-192.
[4] Там же, с. 194 -195.

Ираном или хотя бы временного перемирия, перебросить все имеющиеся силы против сопредельных с Грузией турецких областей; привлечь к войне против османов Келеш-бея, Карсского пашу, а также Трапезундского пашу Таяра, который примирился с султаном и вел переговоры с комендантом Анапской крепости о вступлении под покровительство России[1].

Военные действия развернулись на Дунае и в Закавказье. Очередная война с Турцией развязывала руки России для решении абхазского вопроса. В начале войны Келеш-бей сообщил русскому командованию, что турки намерены напасть на Кулеви и в случае необходимости просил прислать подкрепление[2].

Союзница Турции - Франция пыталась создать прочную антирусскую коалицию.[3] Министр иностранных дел Талейран 20 января 1807г. в инструкции послу Франции в Турции Себастиану писал: «Необходимо, чтобы турецкая эскадра действовала в Черном море, где русские не в силах сопротивляться туркам. Необходимо также расшевелить Персию и направить ее усилия на Грузию. Добейтесь от Порты, чтобы она дала приказ Эрзерумскому паше двинуться на эту провинцию со всеми своими силам. Поддерживайте доброе расположение абхазского князя и побудите его принять участие в большой диверсии против общего врага. Пусть этот князь, Эрзерумский паша, персы и Порта атакуют одновременно Грузию, Крым и Бессарабию»[4]. Очевидно Талейран знал Келеш-бея как вассала Порты и обладателя значительного военного потенциала, которого следовало бы использовать. Надо полагать, что русские знали о планах французов в отношении Келеш-бея, поэтому не доверяли ему, полагая, что он ведет двойную игру.

Военные действия на Кавказе начались с нападением турок 8 февраля 1807г. на Редут- кале (Кулеви). Русские смогли отбить атаку неприятеля, но не сумели развить наступление и овладеть Черноморскими крепостями, включая Сухуми и Поти. В дальнейшем события сложились в пользу русских. В июне 1807г. И. Гудович нанёс поражение персам, а в июле того же года между Россией и Францией был подписан Тильзитский мирный договор. Тем самым попытка создания Персидско - Османского союза провалилась.

Во время военных действий на Кавказе Келеш-бей занимал выжидательную позицию. В письме И. Гудовича к Келеш-бею от 14 июля 1807г. он не скрывал своего недовольства тем, что владетель Абхазии не оказывал помощи русским войскам, более того, возбуждал подозрение, что содействовал противнику. И. Гудович требовал от Келеш-бея доказать верность к России подключением к войне против Турции, угрожая при этом, что если он не примет участие в

[1] Там же, с. 531-532.
[2] Там же, с. 196.
[3] О.А. Ардашелия. Восточная политика Наполеона I и Грузия. Тб., 2005, с.79-80 (на груз.яз.).
[4] А.Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958, с. 145.

защите Кулеви, то не получит «милость» от императора, то есть Российского «покровительства»[1]. Келеш-бей так и не подключился к войне, зато не позволил туркам высадить десант на берегах Абхазии и превратить этот край в арену боевых действий.[2]

В августе 1807г. между Россией и Турцией был заключен временный договор, по условиям которого, в западной Грузии оставались Российские войска, укреплялись ее позиции на восточном Причерноморье и тем самым готовилась почва для освобождения от османов и захвата Россией Причерноморских грузинских провинций, в том числе Абхазии.[3]

23 августа 1807г. из Редут-кале в Сухуми прибыл требак «Константин» под командованием Ф. Скирневского. Здесь он встретился с Келеш-беем. По его информации, владетель Абхазии с нетерпением ожидал известие о принятии в подданнство России, готов был отправить на военную службу в Петербург своего 16 летнего сына; кроме того, соглашался предоставить право кораблям Российского флота находиться на Сухумском рейде. Ф. Скирневский осмотрел крепость и город Сухуми. По его характеристике, Келеш-бей был 60 летним мужественным, высоким человеком крепкого телосложения.[4]

Блистательная Порта не сумела обуздать мятежного вассала и против него устроила заговор с участием сына владетеля Аслан-бея. Хотя он и примирился с отцом, его не оставляла мысль об избавлении от отца и брата, чтобы овладеть княжеским престолом.[5] В ночь на 2 мая 1808 г. Аслан-бей и Бежан Шарвашидзе в Сухумском дворце смертельно ранили Келеш-бея.[6] После убийства отца Аслан-бей овладел Сухумской крепостью, объявил себя владетелем Абхазии и подданным Порты.[7] Султан Турции немедленно отреагировал на случившееся, оказав Аслан-бею военную и материальную помощь.[8]

Объявленный при жизни Келеш-бея наследником, Сефер-бей (Георгий Шарвашидзе) провозгласил себя владетелем Абхазии и объявил войну Аслан-бею. Взять Сухуми собственными силами ему не удалось, поэтому и обратился за помощью к русским властям (генералу И. Рыкгофу), обещая передать Абхазию в подданство России. Он обратился также за содействием к правительнице Мегрельского княжества Нино Дадиани. Она привела Георгия Шарвашидзе к присяге на верность императору России. В письме на имя Нино Дадиани и малолетнего владетеля Мегрелии Левана V Дадиани (1804-1840 годы) Георгий Шарвашидзе обязывался со своими «верными и усердными подданными

[1] Акты..., т. III, с. 197-198.
[2] Там же, с. 199.
[3] Н.Кортуа. Грузия в русско-турецкой..., с.185.
[4] Внешняя Политика России. т.IV, с.49-50.
[5] Г. Дзидзария. Борьба за Абхазию, с.16.
[6] Этот факт отрицает современная абхазская историография (О. Х. Бгажба, С.З. Лакоба. История Абхазии,с.213-114.).
[7] Акты.., т.III с.200;Утверждение. т.II,с.41;Н. Дадиани. Жизнь грузин,с.197.
[8] Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, с. 137.

повиноваться и слушаться приказаний Главноуправляющего Грузией». Владетель Абхазии понимал, что вступив в подданство России, его владение снова становилось частью Грузии, но уже управляемой не грузинскими царями, а русскими генералами. В упомянутом письме Георгия Шарвашидзе содержится следующая просьба к правителям Мегрелии:«Так как вы привели меня к присяге с верными моими князьями на верность всемилостивейшему Государю нашему императору, то поревнуйте за меня, чтобы вами мне обещанное не миновало двора самодержавнейшего государя нашего, ибо я уже выказал себя пред татарами противником и врагом, а так же выдал вам аманатов, как вы просили. Следовательно, от вас зависит как вы за меня потрудитесь или как отверзете мне дверь самодержавнейшего государя нашего».[1] Решение судьбы Абхазии, действительно, во многом зависело от Мегрелии, поскольку, как писал И. Гудович императору Александру I 19 мая 1808 г., Россия не могла оказать военной помощи Георгию Шарвашидзе, опасаясь спровоцировать Турцию и нарушить перемирие.[2] В этих условиях активность проявляла Мегрелия, правители которой постоянно давали знать русским властям, что исторически Абхазия является частью их владения. 8 июня 1808 г. в письмах на имя И. Гудовича и императора с просьбой о принятии Абхазии в подданство России, Нино Дадиани, подчеркнув стратегическое значение Абхазии, после присоединения которой пределы России могли распространиться «до Джикетов, смежных с Таврией» (с Крымом), недвусмысленно писала: «Хотя переменчивость времени и соседственные несогласия вывели Абхазию из нашего владения, но издревне Никопсия была наследственной столицей Дадиани Левана (Леван II -1611-1657годы - авт.) и его предков и покойный Кациа Дадиани (Кациа II – 1758-1888годы - авт.) взымал с Абхазии дань и она есть член Мингрельского владения, почему удобно может быть принята под Ваше единодержавие».[3] Таким образом, Абхазия вступала в подданство России как часть исторической Грузии, как «член Мингрельского владения».

Усилиями Нино Дадиани решение вопроса об Абхазии ускорилось. 13 июня 1808г. министр иностранных дел России Н. Румянцев предписал И. Гудовичу, что если он убедится в искренности желания Сефер-бея, удовлетворить его просьбу с тем условием, что об этом не будет объявлено до завершения мирных переговоров с Портой.[4] 21 июня 1808 г. Сефер-бей обратился к генерал-майору И. Рыкгофу с просьбой о принятии его вместе со своим народом в подданство России.[5]

[1] Акты..., т. III, с.200, 201-202, 205; Н. Дадиани. Жизнь грузин, с. 197; Очерки..., ч. I, с. 137.
[2] Акты..., т. III, с. 198-199.
[3] Там же, с. 201, 203.
[4] Там же, с. 205-206.
[5] Там же, с. 206.

В условиях временного перемирия (1807-1809годы), когда переговоры с Турцией еще продолжались, Россия не могла открыто заниматься делами Абхазии, хотя не отказывалась от ее присоединения. И. Гудович получил приказ из Петербурга, чтобы он приступил к принятию Абхазии под Российское покровительство. Он не спешил, но приказал И. Рыкгофу, для устрашения абхазов, сторонников Аслан-бея, продемонстрировать готовность помочь Сефер-бею военной силой, но в Абхазию не вступать; при этом он поручил правительнице Мегрелии Нино Дадиани и владельцу Самурзакано Манучару Шарвашидзе, чтобы они оказали помощь Сефер-бею. И. Гудович сообщил последнему, что император примет его в свое подданство.[1]

В начале августа 1808 г. объединенные силы Мегрелии и Абхазии, а так же русские регулярные подразделения, выделенные И. Рыкгофом, под общим командованием Нико Дадиани попытались взять Сухумскую крепость, но безуспешно. Однако они вынудили Аслан-бея освободить жену Келеш-бея (третья жена) Ребия – ханум Маршания, ее сына Батал-бея и, - как писал Н. Дадиани, - «взяли заложников по всей Абхазии от границы Джикети до р. Галидзга - границы Дадиани - и передали Сефер-бею, затем с миром отправились в Одиши».[2] Во время этой военной экспедиции Аслан-бей получил поддержку тремя кораблями, присланными комендантом Потийской крепости Кучук-беем Шарвашидзе. На помощь ему прибыло так же около трехсот черкесов. С Аслан-беем находился и один из участников покушения на Келеш-бея - Бежан Шарвашидзе. Со времени вступления Самурзакано под «покровительство» России, он скрывался в горах. У Аслан-бея были сторонники и среди местных феодалов, в частности управляющий Абхазской областью Гасан-бей и управляющий Абжуа Али-бей Шарвашидзе.

Неудачная попытка овладения Сухумской крепостью убедила Георгия Шарвашидзе (Сефер-бея) в необходимости оформления так называемых «просительных пунктов». Они были составлены в министерстве иностранных дел России, затем переведены на грузинский язык и, как оригинал, отправлены Георгию Шарвашидзе. 12 августа 1808 г. владетель Абхазии, а также верные ему князья и дворяне подписали «просительные пункты» о приеме Абхазии под Российское покровительство. Приводим полный текст «Всеподданнейшего письма Георгия Шарвашидзе Всеавгустейшему и всемилостивейшему Монарху нашему всеподданнейшее прошение и предание себя с владением моим чрез сие мое письмо следующим образом:

1. Я, законный наследник и владетель Абхазии, по совести моей обязанности вступаю в подданство и службу как наследственный подданный всеми-

[1] Там же, с. 208-209; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне..., с. 261.
[2] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с. 197.

лостивейшаго самодержца всея России и прочих Императора Александра Павловича.

2. Обязуюсь отныне письмом сим и предаю себя и вместе со мною Абхазию и все находящиеся в Абхазии в наследственное подданство и рабство престола всемилостивейшаго и всеавгустейшаго Монарха Всероссийского и также преемника престола Его, с исповеданием прежней веры нашей, которой были предки наши христианами по Греческому закону.

3. Да соизволит Его Императорское Величество по благости своей милостиво воззреть на меня, ознаменовать меня знаком, как прочие князья и подданные Императорского престола ознаменованы.

4. Да по священнейшему благотворению и милости Его Императорским Величеством пожалована мне будет грамота, утверждающая мое наследство, дабы и был начальником и управляющим владением и также сын мой, и внуки его вечно и ненарушимо от начальства и владения наследственным нашим владением и утверждено сие будет Монаршею милостию, так чтоб доколе Императорский престол пребудет счастливым и сильным, и наше наследство и начальство пребывало бы таковым же по священнейшей милости, чрез грамоту всемилостивейшаго Государя нашего непосредственным подписанием оной и утверждением.

5. Оградить владение мое войском всемилостивейшаго Государя нашего Императора.

6. Да по благости и человеколюбию самодержавнейшаго Государя нашего Императора не лишусь и моих благ и милости, которыя имел наследное жалованье от Порты Оттоманской.

7. Желаю всеусерднейше до капли крови быть верным подданным и обязываюсь присягою и обещанием в вечном подданстве и буду покорен Главноуправляющему Грузиею вместе с верными и усердными рабами и подданными моими и дам лес для кораблей, как получала прежде сего Порта Оттоманская, равно и заводы, золотые и серебрянные, буде находяться во владении моем, с дачею мне некоторой части по щедрой милости всемилостивейшаго и самодержавнейшаго Государя нашего.

С таким подданическим, искреннейшим усердием предаю себя и подвластное мне владение престолу Всероссийской Империи обещанием и присягою с исповеданием Греческой веры и закона, - в чем и подписуемся так: кн. Георгий Шарвашидзе»[1].

Кроме владетеля, просительные пункты подписали Тулаа Шарвашидзе, Туфласу Лакербая, Леван Зеписшвили, Хутуния и Леван Анчабадзе, Хиту, Ростом, Бежан и Джамбулат Маргания и другие.

[1] Акты..., т. III, с. 209.

В документе еще раз подчеркивается, что Абхазия вступала под Российское «покровительство» как часть Грузии, следовательно, владетель обязывался быть «покорен Главноуправлющему Грузией». Просительные пункты имеют следующую приписку Георгия Шарвашидзе: «Прежде сего посланные от меня письма и сие я заставил писать господина протоиерея Иоанна Иоселиани (настоятель Мегрельской придворной церкви – авт.), который искренним сердцем советовал мне предать себя в подданство Императорскому Престолу»[1].

Из оформленного на грузинском языке документа, по которому устанавливались «покровительственные» отношения Абхазии с Российским государством, ясно видна принадлежность Абхазского княжеского дома и самого княжества к грузинскому государственному и культурному миру[2]. Следует отметить, что современная абхазская историография, признающая законным владетелем Абхазии Аслан-бея, а не Георгия Шарвашидзе, просительные пункты считает незаконным актом[3].

В марте 1809г. временное перемирие между Россией и Портой было нарушено и военные действия возобновились. С этого периода русское командование в Грузии активизировало свои действия по решению абхазского вопроса. В письме от 3 марта 1809г. И. Гудович сообщал президенту военной коллегии России Н.И.Салтыкову, что от Георгия Шарвашидзе им получены «просительные пункты» на высочайшее имя и просил передать этот вопрос на усмотрение императора. К письму он приложил «просительные пункты» владетеля Абхазии от 12 августа 1808 года. Сменившему И. Гудовича новому главноуправляющему Грузией А. Тормасову (1809-1811 годы) в июне 1809г. из Петербурга сообщили, что вопрос принятия Георгия Шарвашидзе под покровительство решен и в скором времени будут посланы знаки инвеституры. Император Александр I награждал Георгия Шарвашидзе орденом Св. Анны первой степени и назначал ему жалованье в размере 2500 рублей серебром, а его мачехе (жене Келеш-бея) Ребия-ханум Маршания-1500 рублей. Предполагалось, что эта милость императора повлияет на абхазское дворянство и повысит авторитет владетеля[4]. Таким образом, Абхазия была принята под «покровительство» России. Несмотря на то, что Российские власти признали Георгия Шарвашидзе владетельным князем Абхазии, реально он был лишен всякой силы и власти. Это хорошо понимала русская администрация Грузии и поэтому А. Тормасов поручил командующему войсками в Имеретии и Мегрелии кн. Д. Орбелиани (Орбелианов) войти в контакт с князьями Абхазии. Д. Орбелиани, снискав их доверие, советовал им поддержать владетеля[5].

[1] Акты..., т. III, с. 209; Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 661-662.

[2] Г. Пайчадзе. Абхазия в составе Российской Империи в 1810-1917гг. - Разыскания..., с. 217 З. Папаскири. Очерки..., I, с. 128.

[3] О.Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии, с. 216-217.

[4] Акты..., т. III, с. 204; Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, книга II. Тб., 1965, с. 408.

[5] Акты..., т. IV, .№286, с. 206.

Порта, в свою очередь, поддерживала Аслан-бея. Княгиня Нино сообщала Д. Орбелиани о прибытии из Стамбула в Сухуми корабля с подарками и деньгами. Турки обещали Аслан-бею помощь против русских войск расположенных в Мегрелии. Манучар Шарвашидзе сообщил русским, что комендант Потийской крепости Кучук-бей Шарвашидзе обратился за помощью к племенам северо-восточного Причерноморья и, что якобы там уже собиралось войско с целью защитить Поти, а затем овладеть Редут-кале и Анаклией. В связи с этим А.Тормасов приказал Д. Орбелиани в случае нападения турок на Редут-кале и Мегрелию принять необходимые меры для их защиты и постараться отстоонить отдельных феодалов от Аслан-бея.[1]

С весны 1809 года главное внимание русского командования обращалось на укрепление уже приобретенных форпостов на Черном море и захват турецких крепостей. 15 июня 1809г. Российская военно-морская эскадра и сухопутные силы под командованием генерал-майора И. Панчулидзе (Панчулидзева) взяли Анапу, что явилось самым главным событием в этой войне. 12 августа того же года войска под командованием Д. Орбелиани выступили из Редут-кале в направлении Поти. В операции участвовали народные ополчения Мегрелии и Самурзакано под командованием Нико Дадиани и Манучара Шарвашидзе. Мегрельское ополчение сопровождали Леван V Дадиани, митрополиты Чкондиди - Виссарион и Цаиши - Григорий. 15 Ноября войска Д. Орбелиани взяли Потийскую крепость[2]. За крепость храбро сражались и абхазы - сторонники Георгия Шарвашидзе[3].

Взятие Потийской крепости значительно усилило влияние России. Для установления своего господства на Черноморском бассейне Россия придавала большое значение овладению Абхазии, хорошо понимая военно-политическое и экономическое значение этого факта. Овладением Сухумской крепостью существенно ослабевала связь Турции с горскими народами и ограничивались их враждебные действия против России. С присоединением Абхазии снималась угроза нападения турок с этой стороны, в руках русских оказывались Анаклия и Сухум-кале, чем обеспечивалась безопасность и Мегрелии. Кроме того, идущие с Крыма корабли могли плавать безбоязненно, Россия в большом количестве могла получать и корабельный лес[4].

17 февраля 1810г. Император Александр I утвердил как просительные пункты, так и грамоту, данную Георгию Шарвашидзе. Вот полный текст грамоты:

«Божиею поспешествующею милостию Мы, АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ... и прочия, и прочия, и про-

---

[1] Там же, №284, с. 202-203;№519, с.389-390.

[2] Там же, №524, с. 393-394; №291, с. 209; №290, с. 207; Н. Дадиани. Жизнь грузин, с. 200; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне, с. 248-255.

[3] Н. Бердзенишвили. Вопросы..., кн. I, с. 408.

[4] Акты..., т. III, с. 209; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне, с. 257.

чия. Нам, любезно верноподданному Абхазския земли Владетелю князю Георгию Шервашидзе НАША ИМПЕРАТОРСКАЯ милость и благоволение. Снисходя на прошение Ваше поступить в вечное подданство Российской империи и, не сомниваясь в преданности Вашей к высокому НАШЕМУ престолу, изъясненной в обязательном письме Вашем, на ВЫСОЧАЙШЕЕ Имя НАШЕ присланном, утверждаем и признаем Вас НАШЕГО любезно верноподданного наследственным князем Абхазского Владения под Верховным покровительством, державою и защитою Российской Империи, и включая Вас и дом Ваш и всех Абхазского владения жителей в число НАШИХ верноподданных, обещаем Вам и преемникам Вашим НАШУ ИМПЕРАТОРСКУЮ милость и благоволение.

Приняв также за благо все статьи, изъясненныя от слова до слова в том прошении Вашем, которые в копии с Российским переводом к сей НАШЕЙ жалованной грамоте прилагается, утверждаем оныя ИМПЕРАТОРСКИМ НАШИМ словом за НАС и высоких преемником НАШИХ по всей силе на вечные времена ненарушимо и вследствие того, соизволяя ознаменовать Вас особою НАШЕЮ к Вам милостию, определяем Вам жалованье серебром по две тысячи пятисот рублей в год, а любезной княгине, родительнице Вашей, по тысяче пятисот рублей в год серебром-же, которое как Вам, так и ей, со дня учинения Вами на верность подданства присяги и будет доставляемо от главнокомандующего в Грузии из казны НАШЕЙ по третям года.

Во вящее же изъявление Вам ИМПЕРАТОРСКОЙ НАШЕЙ милости жалуем Вам и преемникам Вашим знамя с гербом империи Российской, повелевая хранить оное наследственно в доме Вашем, да сверх того ВСЕМИЛОСТЛИВЕЙШЕ жалуем Вас Кавалером ордена Св. Анны первого класса, коего знаки при сем-же препровождая, повелеваем возложить на себя и носить по установлению. Преемники-же Ваши имеют на достоинство князя Абхазского владения испрашивать ВЫСОЧАЙШЕГО утверждения НАШИМИ ИМПЕРАТОРСКИМИ грамотами, которыя как и сия по не изреченному милосердию НАШЕМУ и будут ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ им доставляемы.

Засим, поручая Вам управлять народом Абхазские земли с кротостью и правосудием, уверены МЫ, что Вы и наследники Ваши как в преданности своей к НАШЕМУ престолу, так и в точном исполнении воспринятых Вами на себя обязанностей пребудете непоколебимы.

В таком надеянии и в залог Монаршей НАШЕЙ к Вам и ко всему Абхазскому народу милости дана сия ИМПЕРАТОРСКАЯ НАША грамота за собственноручным НАШИМ подписанием и с приложением Государственной печати. В престольном НАШЕМ Граде Св. Петра. Февраля 17-го дня лета от Рождества Христова 1810-е, а царствования НАШЕГО в десятое.

Александр I»[1].

[1] Внешняя политика России, т. V. М., 1967, с. 372-373.

Утверждением настоящей грамоты Абхазия вступила под Российское «покровительство» с сохранением наследственной власти владетеля и внутреннего самоуправления. На Абхазию распространялась власть главноуправляющего Грузией. Проблема, однако заключалась в том, что реальной властью в Абхазии все еще обладал Аслан-бей, укрепившийся в Сухуми. Утвержденный владетелем Абхазии Георгий Шарвашидзе, не пользовавшийся поддержкой собственного народа, не в состоянии был вернуть власть и самостоятельно править княжеством. Хорошо знала об этом и русская администрация, но свободными силами для оказания военной помощи владетелю, она тогда не располагала. 1 июня 1810г. А.Тормасов сообщил княгине Нино Дадиани, что император утвердил Георгия Шарвашидзе владетелем Абхазии, что ему будет оказана всяческая помощь против Аслан-бея и что при первой же возможности Российским флотом будет занят г. Сухуми[1]. 8 июня того же года А.Тормасов просил Нино Дадиани послать к Георгию Шарвашидзе мегрельское ополчение под руководством Манучара Шарвашидзе в количестве хотя бы до 1000 человек[2].

В июне 1810г. в Севастополе была сформирована эскадра, для проведения операции по овладению Сухумской крепостью. Командиром операции назначили капитан-лейтенанта К. Дот. По плану, эскадра высаживала десант в Сухуми в количестве 600 человек; она должна была удержать плацдарм до прибытия сухопутных сил[3]. В операции по захвату Сухуми предусмотривалось участие и Мегрелии. В письме Левану V Дадиани от 26 июня 1810 г. А. Тормасов выражал надежду, что, когда наступит время взятия Сухумской крепости, Мегрелия окажет помощь Сефер-бею и управляющему Имеретией Ф.Симоновичу. Взятие крепости А. Тормасов предполагал летом 1810г. По его мнению, занятие Сухуми укрепило бы безопасность самого Мегрельского княжества. А. Тормасов просил Левана V Дадиани, чтобы он убедил Сефер-бея, собрать как можно больше своих сторонников; план взятия Сухуми до определённого времени оставался в тайне, дабы неприятель не успел принять ответные меры[4]. В период подготовки операции по взятию Сухумской крепости, в Имеретии началось антирусское восстание под руководством царя Соломона II. Поэтому расположенные в Имеретии и Мегрелии военные силы русских, а так же мегрельское народное ополчение не смогли участвовать в Сухумской операции.

Утром 8 июня 1810г. русская эскадра подошла к Сухуми. К. Дот предложил турецкому гарнизону сдаться, но получил отказ и неприятель открыл даже огонь по русской эскадре. 9 июля в 4 часа утра русская эскадра приступила к обстрелу крепости, потопив при этом 7 турецких кораблей. В ходе ожесточен-

[1] Там же, т.IV, №.529,с.396.
[2] Там же, №532, с. 396-397.
[3] Там же, с. 421; А. Михайловский-Данилевский. Описание туркцкой войны, с 1806 до 1812г., т. III. СПБ., 1849, с. 266.
[4] Ц. Кирия, Ш. Сария. Материалы по истории Грузии .Тб., 1967, №5, с. 30.

ного боя крепость сильно пострадала, но гарнизон не сдавался. 10 июня, когда стены крепости со стороны моря были разрушены, десант под командованием майора Конрадина высадился на берег и овладел Сухумской крепостью[1].

До начала Сухумской операции Аслан-бей, не зная о планах русских, со своим 4.000 тысячным ополчением отправился на помощь Соломону II. Он намеревался напасть на Мегрелию, чтобы сковать ее силы, предназначенные для оказания помощи русским, действовавшим против Имеретии. Но, получив известие о нападении русских на Сухумскую крепость, Аслан-бей тут же вернулся обратно, но крепость уже находилась в руках русских и он бежал в горы[2]. Жители Сухуми и его окрестностей приходили К. Доту, прося покровительства и высказывали желание стать подданными императора. К нему же явились братья Сефер-бея - Гасан-бей и Батал-бей.[3]

Сильно разрушенная Сухумская крепость была отчасти восстановлена и приведена в оборонительное состояние с расположением в ней русского гарнизона. После этого эскадра возвратилась в Севастополь.[4]

Взятие Сухуми имело стратегическое значение. 6 августа 1810г. А. Тормасов восторженно поздравлял министра иностранных дел Н. Румянцева с «приобретением Сухумской крепости, владычествующей над всем народом абхазским... и делающей нас теперь полными властелинами того берега Черного моря»[5].

В начале августа 1810г. управляющим Имеретией назначается генерал Ф. Симонович. Официально он именовался управляющим «Имеретии, Менгрелии, Гурии и Абхазии» и одновременно являлся командующим войсками в западной Грузии. Ему же подчинялись Черноморские крепости и порты. Таким образом, в руках одного лица сосредоточивалась вся гражданская и военная власть в западной Грузии[6].

23 августа 1810г. Георгий Шарвашидзе (Сефер-бей) подписал клятву о вступлении Абхазии под «покровительство» Российской империи. По существу, это было начало процесса аннексии региона[7]. 19 сентября А. Тормасов писал управляющему Имеретией генерал-майору Ф. Симоновичу, чтобы тот обратил внимание на Сефер-бея и поддержал его против Аслан-бея, а по наступлении благоприятного момента передать ему грамоту, владетельские знаки и инве-

---

[1] Акты..., т. IV, с. 422-425; А. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны..., с. 266; С. Эсадзе. Исторические записки об управлении Кавкаазом, т. I. Тифлис, 1907, с. 248-249; Н.Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне, с. 264; Г. Дзидзария. Борьба за Абхазию..., с. 25-26.

[2] Акты..., т. IV, №439, с. 328; Очерки истории Грузии, т. IV, с. 873; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне, с. 264-265.

[3] Акты..., т. IV, с. 425; А. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны, с. 266; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне, с. 265; Г. Дзидзария. Присоединение..., с. 46.

[4] Акты..., т. IV, с. 424; А. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны..., с. 267; Г. Дзидзария. Борьба за Абхазию..., с.27.

[5] Очерки истории Абхазской АССР, ч. I, с. 140.

[6] Акты..., т. IV, №434, с. 312; Г. Вачридзе. Временное правление в Имеретии (1819-1840гг.). Кутаиси, 1999, с. 117 (на груз.яз.).

[7] Акты..., т. IV, с. 425.

ституру, чтобы абхазы увидели как ему «покровительствует» император[1]. В октябре того же года в сопровождении сотни русских солдат под командованием майора Моизи, Георгий Шарвашидзе из Редут-кале перебрался в Сухуми. В присутствии абхазских князей, дворян, старейшин и большого количества народа он дал клятву на верность Российскому Государю. После этого майор Моизи в торжественной обстановке передал ему княжеские знаки и грамоту об утверждении владетелем Абхазии. Как отмечал А. Тормасов, присутствовавшие там абхазы были «поражены столь новым для них зрелищем, торжественно признали Сефер-Али-бея законным своим владельцем».[2]

После взятия Сухуми турки, составлявшие большую часть его жителей, начали покидать город. Он почти опустел. В нем остались лишь несколько десятков греков и армян, занимавшиеся торговлей, контрабандой и разбоем**.** Овладение Сухумской крепостью, являвшейся залогом занятия и всей остальной Абхазии, а также возведение на престол христианского владетеля, явилась большой победой русских. Они упрочили свое присутствие на северо-восточном побережье Черного моря. Борьба между Сефер-беем и Аслан-беем была борьбой между русским и османским влиянием. Взятие Сухум-кале и изгнание Аслан-бея являлось не столько победой Сефер-бея над братом, а победой русских над турками в Абхазии[3].

Новый владетель Георгий Шарвашидзе своей резиденцией выбрал Сухумскую крепость. Он сохранял только внутреннее самоуправление. Для защиты владетельской власти русское командование оставило в Сухуми три роты солдат, без которых Георгий Шарвашидзе не смог бы удержать власть. Русский чиновник Крок, хорошо знакомый с политической жизнью Абхазии начала XIX века, отмечал, что Георгий Шарвашидзе был насильно созданным правителем[4]. Абхазская историография, как уже отмечалось, считает его незаконным владетелем[5]. Русские власти старались усилить власть Сефер-бея. А. Тормасов писал Нино Дадиани, что за уважение к ней русские помогли Георгию Шарвашидзе и впредь намеревались его поддерживать. Главноуправляющий Грузией поручал правительнице Мегрелии, чтобы она помогла Сефер-бею в примирении с собственным народом и упрочении владетельской власти. А. Тормасова интересовала степень влияния Сефер-бея в народе, имел ли он сторонников, с помощью которых, при содействии Мегрелии и русских властей укрепил бы власть, и какие шаги предпринимал в этом направлении княжеский дом Мегрелии; нуждался ли он в помощи русских войск[6].

[1] Там же..., №434, с. 322.
[2] Там же..., с. 425.
[3] К. Кудрявцев. Материалы..., с. 158.
[4] Очерки истории Грузии, т. IV, с. 873.
[5] О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии, с. 214.
[6] Акты..., т. IV, №.536, с. 398-399.

В начале XIX в. политической границей Абхазии на северо-западе считалась р. Бзыбь, где она граничила с джиками. На юге-востоке ее граница проходила по р.Галидзга, отделявшей Абхазию от Мегрелии. Северная граница княжества номинально проходила через Кавказский хребет, а с запада - по берегу Черного моря. Ко времени вступления Абхазии под «покровительство» России она не представляла собой единую политическую единицу, делясь на отдельные самостоятельные края. Власть Георгия Шарвашидзе распространялась на Зупу - Бзыбскую область (между реками Бзыбь и Гумиста). Териториами между реками Гумиста и Кодори (Гума или Абхазии) и между реками Кодори и Галидзга (Абжуа) владели другие представители княжеского дома Шарвашидзе. С ним имели номинальную связь горные области Цебели и Дали, расположенные в средней и верхней части р. Кодори, а также Псху в верховьях р. Бзыбь. Этими областями владели князья Маршания, не признававшие власть Георгия Шарвашидзе и не вступившие под «покровительство» России[1]. В том же в 1810 году, по примеру и под влиянием владетеля Абхазии, под «покровительство» России вступил и правитель джиков Леван Цанба (Цанубая), признавший верховенство владетеля Абхазии[2].

[1] Там же..., т. IV, №.575; Б. Хорава. Взаимоотношения Одиши и Абхазети..., с. 135-136, 178.
[2] Акты..., т. IV, №578, с. 426; №583, с. 429.

Глава XV. Абхазия в 1810-1880 годах

1. Попытка упрочнения русского владычества в Абхазии (1810-1820годы)

Положение в Абхазии. После вступления Абхазии под ,,покровительство" Российской империи, несмотря на неоднократные просьбы Георгия Шарвашидзе, Россия не решалась проникнуть в глубь этого края и покорить горные области Псху, Цебели и Дали. В начале царизм старался упрочить своё положение на Черноморском побережье и фактически не вмешивался в управление Абхазией. В то же время, в княжестве существовала сильная протурецкая партия феодалов во главе с Аслан-беем Шарвашидзе. В отличии от официальных властей, он имел большое влияние и поддержку в народе в лице антирусски настроенных сил.

Позиции русских властей в Абхазии были пока еще слабыми. Овладение Сухуми вовсе не означало контроль над всей Абхазией. Более того, сторонники Аслан-бея в 20 верстах от Сухумской крепости нападали на сёла, грабили, похищали людей и скот. Для искоренения беспорядков и приведения в покорность края, Георгий Шарвашидзе в декабре 1810г. просил генерал-майора Ф.Симоновича прислать ему военную помощь под руководством своего родственника, правителя Самурзакано Манучара Шарвашидзе. Для удовлетворения этой просьбы Ф.Симонович обратился к княгине Нино Дадиани[1], после чего она направила в Абхазию мегрельское народное ополчение. С помощью местной русской администрации ополчение разгромило осмалофильскую партию, а Аслан-бей бежал в Трапезунд. В результате этой операции владетелю Абхазии подчинились и несколько джикетских общин. Нино Дадиани помирила сыновей Бекир-бея с Георгием Шарвашидзе и подчинила ему влиятельных абхазских князей Сослан-бея и Али-бея, которые враждовали с владетелем, поддерживая Аслан-бея. Нино Дадиани взяла с них заложников и они дали клятву верности императору. По ее же указанию, жена Келеш-бея, Ребия-ханум Маршания вела переговоры со своими братьями-владельцами Цебели о признании ими власти Георгия Шарвашидзе и принятии Российского подданства.[2]

Бухарестский мир. 16 мая 1812 г. после долгих переговоров с Портой был подписан Бухарестский мирный договор, ознаменовавший окончание шестилетней войны России с Турцией (1806-1812 годы). VI-я статья договора предусматривала восстановление на Кавказе границ довоенного периода. По секретным статьям договора, Черноморское побережье, расположенное в двух часах от правого берега р. Риони и в четырех часах от Анаклиии, на котором

[1] Акты.., т.IV,№452, с.339.

[2] Там же, т. IV, №544. с.405-406; №545, с.406-407; Н. Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне.., с. 266.

не было ни крепостей, ни острогов, предоставлялось в пользование российского императорского двора как гавань для обеспечения и облегчения доставки военных припасов и другого необходимого снаряжения. Право собственности на эту прибрежную полосу должно было принадлежать Блистательной Порте, и ни одна из сторон не возводила здесь новых укреплений.[1] Вышеупомянутая VI статья договора давала возможность России сохранить за собой западную Грузию, а тайные статьи фактически давали право владеть Черноморским побережьем Грузии от р. Бзыбь до р. Чолоки.[2]

По Бухарестскому мирному соглашению, 29 сентября 1812 года Россия передала Порте Ахалкалаки, а 7 декабря - Поти, как завоеванные „силой оружия". Это было вынужденной уступкой со стороны России, вступившей в войну с Наполеоном. Турецкие власти категорически требовали передачи им и Сухуми, но главноуправляющий Грузией Н. Ртышев отложил решение этого вопроса до весны 1813 г.[3]

Самурзаканский вопрос. 1811 год был трудным для западной Грузии .В Имеретии и Мегрелии от эпидемии чумы и неурожая погибло более 32 тыс. человек, свыше 7 тыс. вынуждены были переселиться в другие районы. Спасаясь от неминуемой гибели, часть населения Имеретии и Мегрелии перешла в Абхазию и Самурзакано, что привел к росту торговли людьми. Для пресечения этого явления и установления порядка, владелец Самурзакано Манучар Шарвашидзе предложил Левану V Дадиани устроить поход в Абхазию, чтобы спасти пленников. Владетель Мегрелии собрал войско и в сопровождении Чкондидского и Цаишского архиереев в октябре 1812 г. отправился в Самурзакано, остановившись на ночлег в Бедии, в имении брата Манучара Шарвашидзе, Левана. Ночью люди, подосланные Хутуния Шарвашидзе (сыном Левана Шарвашидзе), убили Манучара- инициатора похода в Самурзакано и Абхазию. По сведениям владетеля Мегрелии, и его собирались убить, но, своевременно узнав о заговоре, смог спастись[4]. Леван V немедленно вернулся в Зугдиди. Он не в состоянии был самостоятельно овладеть хорошо укрепленной Бедийской крепостью, поэтому попросил помощи у русской администрации. По приказу главноуправляющего на помощь Дадиани были посланы две сотни, вооруженных пушками, народное ополчение Имеретии и Гурии. В декабре 1812 г. Леван V Дадиани направился в Бедию. С приближением войск, Хутуния Шарвашидзе бежал в Цебели, а Леван Шарвашидзе, убедившись в бессмысленности сопротивления, сдал Дадиани Бедийскую крепость. Леван

[1] Внешняя Политика России, т.VI, с.413-415, 417.

[2] Н.Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне..., с. 420-421; Очерки истории Грузии, т.IV, с.876.

[3] Акты.., т. V, №926, с.785.

[4] Исторические документы и архивы государсственного музея Грузии, II. Исторические документы, кн. I. Политические документы Имеретинского царства (1784 – 1810). Тексты примечаниями и указателями подготовил к изданию Ш. Бурджанадзе.Тб., 1953, с.136.

V проявил милосердие и престарелого Левана Шарвашидзе отправил в село Пахулани, а затем укрепил Бедийскую крепость, поставив там стражу.[1]

Претензии Турции. Несмотря на урегулирование по Бухарестскому договору 1812 г. основных спорных проблем между Россией и Турцией, вопрос о судьбе Сухум-кале оставался нерешенным. Порта категорически требовала его возвращения. Н. Ртышев был против передачи туркам Сухуми. В письме к канцлеру Н. Румянцеву от 3 января 1813 г.он прямо говорил о возможных негативных последствиях (упадок возрождаемого среди абхазов христианства, усиление антирусских сил и невозможность сохранения Абхазии) уступки Сухуми туркам. С доводами Н.Ртышева в Петербурге согласились.[2] Вскоре он получил от императора директиву, где предписывалось, не передавать Сухуми Порте, так как это означало бы потерю всей Абхазии.[3] После полученных директив Н. Ртышев отказал Порте в передаче Сухуми под тем предлогом, что Абхазия никогда не являлась ее непосредственной собственностью и об этом не упоминалась в Бухарестском договоре.[4]

Претензии турков распространялись не только на Сухум-кале, но и на Имеретию, Гурию и Мегрелию[5]. По информации русской администрации Кавказа, турки распространяли слухи, что якобы по Бухарестскому миру, этот край был передан им, а Сухум-кале - Аслан-бею. Распространение таких слухов вызвали беспорядки в Абхазии . По мнению Н.Дадиани, турки старались разжечь в Абхазии гражданскую войну, противопоставить Георгию Шарвашидзе собственных подданных, для чего усиливали сторонников Аслан-бея. Русская администрация Кавказа считала, что в событиях в Самурзакано в конце 1812г. были замешаны протурецкие силы и что сторонник Аслан-бея, Леван Шарвашидзе, по наушению турков, убил своего брата и верного подданного империи, полковника Манучара Шарвашидзе**;** в то время усилилась работорговля, только за 5 месяцев из Абхазии и Мегрелии турки вывезли 300 пленников.[6]

В отношении западной Грузии, турки ужесточили свою позицию. Если раньше они требовали только ее возвращения, то теперь старались вернуть эту территорию силой. С этой целью они начали укреплять Потийскую крепость. 29 июня 1813г. в Поти прибыл сераскир Сейд-Сулейман паша с двумя тысячами солдат. Он имел приказ завоевать западную Грузию. В то же время, скрывавшийся в Джикети Аслан-бей прибыл в Стамбул, а оттуда - в Поти. Предоставленным здесь в его распоряжение отрядом турецких солдат он высадился

---

[1] Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.204.
[2] Акты...,т. V, №.926, с. 785-686.
[3] Там же, №595,с.504.
[4] Там же, с.505.
[5] Внешняя Политика России, т.VII . с 743.
[6] Акты..,т.V, №928,с.789.

у села Гудава, затем занял село Тамыш и начал готовиться для овладения всей Абхазией. Георгий Шарвашидзе обратился за помощью к русским властям.[1]

Большая часть абхазов примкнула к Аслан-бею, в том числе его мачеха Ребия-ханум Маршания и ее сыновья. Они оставили Сухуми и перебрались в лагерь Аслан-бея. Значительная часть абхазской знати также оказалась на стороне Аслан-бея[2]. Турки снабжали их оружием и провиантом. 6 июля 1813г. сераскир Поти на 17 лодках послал Аслан-бею солдат, продовольствие и денег, другая же часть солдат направилась для взятия Сухуми.[3]

В начале июля Эрзерумский сераскир потребовал от Н.Ртышева передать Порте Имеретию, Гурию, Мегрелию и Абхазию со всеми имеющимися там крепостями.Такое же требование выдвинул и Трапезундский сераскир Сейд-Сулейман паша[4]. По мнению Н.Ртышева, эти непонятные требования не соответствовали VI статье Бухарестских соглашений и поэтому они не могли быть удовлетворены.[5] Трапезундский сераскир получил от Н.Ртышева предупреждение о том, что вступление турецких войск в Абхазию под руководством Аслан-бея и попытку занятия силой оружия потребованных им раньше от имени Порты территорий он рассматривает как нарушение Бухарестских соглашений, поэтому отдал надлежащее распоряжение о защите этих владений. В случае же, если Порта не выведет свои войска из Абхазии, то будут приняты адекватные меры.[6]

Н.Ртышев приказал полковнику С.Мерлину изгнать турок и Аслан-бея из Абхазии. Полковник договорился с Леваном V Дадиани и Георгием Шарвашидзе о совместных действиях против Аслан - бея и турок. Командиру 15-го егерского полка майору Кутиеву было приказано совместно с народным ополчением Мегрелии вступить в Абхазию и изгнать оттуда неприятеля .[7]

Отряд Кутиева и мегрельское ополчение перешли р. Ингури и после однодневного марша прибыли в Илори. При приближении русских и грузинских отрядов, турки оставили Аслан-бея и вернулись в Поти, а Аслан-бей опять бежал в Джикети. Пользуясь случаем, Георгий Шарвашидзе попросил русских властей, помочь ему, чтобы привести в покорность население Абхазии. Войска продолжили путь, демонстрируя силу. В Абжуйской области были взяты заложники у местной знати, присягнувшей на верность Георгию Шарвашидзе. Затем войска преодолели Кодори, взяли заложников и в Абхазской области, а дворянство присягнуло на верность владетелю. Когда войска вступили в Сухуми, выразила покорность и Ребия-ханум со своими сыновьями. В Сухуми

[1] Н.Дадиани.Жизнь грузин, с. 205; Н.Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне, с.446.
[2] Н.Дадиани.Жизнь грузин,с.205; Акты..., т.V, №935,с.798.
[3] Акты.., т.V. № 935,с.798; Н.Кортуа. Грузия в русско-турецкой войне,с. 446.
[4] Акты.., т.V, .№929,с.790; №934, с.790.
[5] Там же, №.934, с.796-797.
[6] Там же, №934, с. 797.
[7] Там же, №.935, с.798; №936,с.800.

же были приглашены князья и дворяне Бзыбской Абхазии; у них также взяли заложников и заставили присягнуть на верность Георгию Шарвашидзе. По совету Левана V, владетель Абхазии приступил к переговорам с владельцами Цебела, потребовав от них прекращения разбоев, укрывательства преступников, пленопродавства. После этого войска вернулись обратно, освободив из рабства захваченных абхазами пленных. Таким образом ,вся Абхазия с помощью русских и грузинских войск была формально подчинена Георгию Шарвашидзе. Тогда же на верность Левану V Дадиани и вдове убитого Манучара Шарвашидзе- Кетеван присягнуло Самурзакано.[1] Возникшие в августе 1813 г. волнения, инспирированные турками и Аслан-беем, были улажены без кровопролития.

В 1813 г. Порта вновь предъявила русским властям требование о возвращении Имеретии, Гурии, Мегрелии и Абхазии, а так же крепостей Сухум-кале, Анаклии и Кемхел (Редут-кале), с чем Н. Ртышев не согласился.[2] Борьба за западную Грузию продолжалась.

Клятва Цебельцев и Самурзаканцев. Обстановка в Абхазии оставалась сложной. Все еще весьма слабой власти Георгия Шарвашидзе не подчинялись даже его братья и владельцы отдельных областей. Княжество часто подвергалось нападениям соседних племен и жителей горных общин. Беспорядки и анархия отрицательно влияли и на соседнюю Мегрелию. Исходя из создавшегося положения, Леван V Дадиани получил разрешение от Н.Ртышева на организацию похода с целью установления порядка в Цебеле, ставшем убежищем разбойников из Абхазии и Мегрелии. Начало похода затянулось, а вскоре нужда в нем и вовсе отпала, так как осенью 1815 г. Леван V мирно урегулировал отношения с Цебельскими владельцами. 29 ноября того же года в Самурзаканское село Окуми прибыли владельцы Цебельских общин, преподнесшие Левану V Дадиани составленную на грузинском языке клятву следующего содержания: „Мы, нижеподписавшиеся, владельцы Цебельдинской области князя Маршания, подносим сие письмо вам, светлейшему владетелю Дадиани Леону в том что, хотя отцы и деды наши были послушны и верны вашим предкам, то по некоторым случайным тревогам отдалились один от другого, ныне же, так как вы желаете нашего сближения, с возобновлением любви и милости к нам по-прежнему, то и мы верим таковому истинному слову вашему и клянемся на сем Св.Алкоране прежде всего не быть ни в чем противниками Его Величеству Российскому Государю Императору Александру Павловичу и поставленным от Него в здешних странах правителям, через посредство ваше; быть покорными и вашим велениям, по нашей силе и возможности, равно сопротивляться всеми путями врагам России и вашей светлости, ни в чем не соглашаться с ними ни словом, ни делом, быть в добром соседстве с вашими

[1] Там же ,№940, с.805.
[2] Там же,.№.940, с.805,807.

владениями: Самурзаканью, частью Абхазии и Одиши с их обитателями, не принимать противников высочайшего Российского престола и вашей светлости, никого либо из беглых, не чинить нам никакого злодейства во владениях России и вашем собственном : ни похищения в плен, ни оного чего. А тех наших домочадцев, которых нет здесь, мы также постараемся привести в повиновение, согласно настоящему обещанию нашему. После таковой клятвы целуем Св.Алкоран в подтверждение нашей присяги с приложением рук: кн. Мисост, сын Учардиев Маршания; кн. Саралуф сын Тулапсиев Маршания; кн. Зерепсу сын Омаров Маршания “.[1] Небезынтересно отметить, что клятву Цебельских владельцев-мусульман принял и приложил свою печать Цаишский митрополит Григол (Чиковани) в присутствии архимандрита Георгия (Кухалашвили) и протоиерея Иоанна Иоселиани.

Несмотря на клятву владельцев, на Цебели по-прежнему не распространялись княжеская власть и Российское влияние. В то же время, Леван V Дадиани смог привлечь на сторону русских сына Бекир-бея Шарвашидзе - Сослан-бея, принесшего клятву верности Императору[2]. Владетель Мегрелии пытался восстановить порядок и в Самурзакано. 20 ноября 1815 г. «владетель Самурзаканской Абхазии» Леван V Дадиани издал указ, запрещающий воровство, разбои, похищение и торговлю людьми. Перед указом поклялись и поставили свои подписи князья и дворяне по фамилии Шарвашидзе, Анчабадзе, Чкотуа, Эмухвари, Маргания, Иналишвили, Акиртава, Эзугбаия и др[3]. Они представляли все Самурзакано, жители которого ,,издревле состояли под властию предков моих". Указ Левана V и клятва самурзаканцев подтвердили права Мегрелии на Самурзакано и укрепили власть владетеля на эту территорию.

Начало Русско-Кавказской войны. В начале XIX в. неотложной политической и стратегической задачей царизма становится завоевание Северного Кавказа. Присоединенные к империи территории находились в южной части Кавказского хребта. Их завоевание произошло до установления контроля над горной полосой Северного Кавказа. Южнокавказские владения империи были отделены от метрополии враждебным к России и непокорным Северным Кавказом. Поэтому на повестку дня встал вопрос о его завоевании, захвате территорий, находящихся южнее Кубано-Терской «кордонной линии». После окончания военной кампании против Наполеона, царизм приступил к подготовке захватнической войны на Северном Кавказе.[4]

В 1815г. из Российских армейских частей, расположенных на Кавказской линии, Грузии и Закавказье образовали отдельный Грузинский корпус. 12 октября 1816г. главноуправляющим назначается генерал-лейтенант А.Ермолов. В

[1] Акты..,т. V,.№ 599,с. 507-508.
[2] Институт рукописей, A-1130, с.79r-82v.
[3]Там же, с.94 r-98; Дж. Гамахария , Б. Гогия. Абхазия-историческая область Грузии, с. 293-295.
[4]А.Ф. Фадеев. Россия и Кавказ..,.с.282.

последствии А.С. Пушкин в поэме «Кавказская Пленница» напишет: «Смирись Кавказ: идет Ермолов!»

В отличии от своих предшественников, проводивших отдельные карательные экспедиции против непокорных горцев, он перешел на планомерную атаку в глубь Чечни и Дагестана. Русские безжалостно уничтожали селения (аулы) горцев, рубили лес, строили дороги, крепости и создавали систему военно-административного управления. На военную экспансию России последовала ответная реакция горских народов, началась Российско-Кавказская война (1817-1864годы), в которой Россия преследовала империалистические цели - покорение Северного Кавказа; со стороны же кавказских горцев война носила антиколониальный, национально-освободительный характер.[1]

В ходе войны Российское командование большое внимание уделяло занятию северо-восточного побережья Черного моря, так как горцы Западного Кавказа именно через море установливали контакты с внешним миром, получая вооружение и другую помощь от Англии и Турции. В свою очередь, Россия для занятия северо- восточного побережья Черного моря старалась упрочить свое положение в Абхазии.

Попытка усиления княжеской власти. На Абхазском побережье Черного моря Россия владела только Сухумской крепостью, где были дислоцированы 500 солдат. Малочисленный гарнизон не мог обеспечить стабильность в крае, а командование не имело возможности его увеличения. Шаткость Российской позиции обусловливалась слабостью княжеской власти, низким авторитетом владетеля в народе. Он не в силах был унять внутриполитические распри собственными силами. Опять продолжались похищение людей, убийства, грабежи и явное неповиновение княжеской власти. В 1817г. Георгий Шарвашидзе вместе с Леваном V Дадиани встретился с управляющим Имеретией генерал-майором И. Курнатовским (1817-1820годы). Он просил предоставить ему ополчениа Мегрелии и Имеретии, чтобы с их помощью подчинить своих подданных, но И. Курнатовскй и Леван V решили действовать мирными средствами. Они направили в Абхазию Нико Дадиани, пользовавшегося большим авторитетом и влиянием среди абхазов. Он помирил Георгия Шарвашидзе с братом Гасанбеем, мачехой Ребия-ханум Маршания, владельцем Абжуа Али-беем Шарвашидзе с дворянами, некоторыми дворянами Бзыбской области (в том числе с Кац Маргания), присягнувших Императору. Лишь отдельные князья Бзыбской области отказались подчиниться владетелю.[2] По настоянию Левана V Дадиани окрестили Али-бея Шарвашидзе названного Александром и женили его на до-

[1] Э.Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом , т.1,с.32; Н.С.Киняпина, М.М.Блиев,В.В.Дегоев. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII -80 г. XIX в.). М., 1984,с. 35; Очерки истории народов Северного Кавказа..., II, с.144.

[2] Акты.,т.VI,ч. I, №926,с.644.

чери Нико Дадиани, Кессарии,[1] которая впоследствии стала известной общественной деятельницей в Абхазии.

На некоторое время в Абхазии воцарился мир, но вскоре, в апреле 1818 г., Георгий Шарвашидзе известил И. Курнатовского о неповиновении своих подданных и просил военной помощи, чтобы без кровопролития подчинить население княжества. Кроме того, владетель просил разместить в Абхазии русские военные подразделения, которые наводили бы страх среди непокорного населения. И. Курнатовский считал, что Георгий Шарвашидзе весьма слаб. По его мнению, несравненно большим авторитетом пользовался брат владетеля Гасан-бей- человек храбрый, мужественный и с твердым характером. Он не подчинялся брату и, возможно, тайно, подстрекал народ против него. Но поскольку Георгий Шарвашидзе являлся владетелем, власти должны были оказать ему покровительство. Поэтому для восстановления порядка в крае они готовы были предоставить Георгию ополчение Мегрелии и Имеретии.[2]

Но вскоре необходимость отправки в Абхазию ополчения отпала. К осени 1818г. владетель Абхазии договорился с непокорными и разрешил все вопросы мирно, взяв с них заложников и получив клятву верности. Российские власти справедливо полагали что, неспокойные абхазы недолго будут подчиняться владетелю. Для сохранения в крае спокойствия и пресечения нападения горских племен Кавказа местная русская администрация считала нужным поставить воинские подразделения в Гаграх[3], но тогда сделать этого не удалось.

Русская администрация урегулировала Самурзаканский вопрос, являвшийся предметом раздора между княжескими домами Мегрелии и Абхазии. В мае 1818 года Леван V Дадиани и Георгий Шарвашидзе в присутствии И. Курнатовского договорились о признании Самурзакано частью Мегрелии. По заключенному договору, граница между Абхазией и Мегрелией проходила по р. Галидзга. Обе стороны брали обязательства не давать убежище преступникам и мятежникам.[4] Признание Георгием Шарвашидзе Самурзакано владением Дадиани должно было положить конец претензиям Абхазского княжеского дома на этот край.

Восстание в Имеретии и Абхазия. В 1819г. началось восстание в Имеретии. А.Курнатовский по этому поводу начальнику штаба Грузинского корпуса генерал-лейтенанту А. Вельяминову писал: «Дух мятежа, по всем слухам и соображению предприятий есть всеобщий и прямо на нашей стороне никого нет. Гуриельцы и Мингрельцы может быть готовы действовать с Имеретинцами совокупно; Абхазцев остается им только пригласить... Есть также здесь и такие слухи , будто- бы владельцы приглашают к совокупному против нас действию:

[1]Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.209.
[2]Акты.., т.VI, ч.I,№926, с.644.
[3] Акты..., № 930, с .645-646.
[4] Центральный исторический государственный архив Грузии , фонд 1087,опись 2,дело 357, лист 14.

Мингрельский - сванет и абхазцев, а Гуриельский Аджарцев.»[1] И. Курнатовский признавался, что жители Гурии, Мегрелии и Абхазии сочувствовали участникам восстания, но угроза со стороны Российского командования заставила Дадиани и Гуриели отказаться от своих замыслов. Восстание охватило Гурию и нашло отклик в Мегрелии. Французский коммерсант и путешественник Поль Гибаль, находившийся в Абхазии в 1818-1819 годах, сообщал, что в Сухуми и его окрестностях состоялось до 8 народных собраний (сеймов), в которых речь шла о беспорядках в Мегрелии и Имеретии. Целью сейма являлось определение целесообразности участия в восстании. Большая часть участников сейма выступала за восстание.[2] В августе 1819 года в Сухуми находился грузинский писатель и путешественник Г. Авалишвили. По его наблюдению, абхазы были настроены против русских.[3] Власти строго предупредили владетеля Абхазии и его непокорных братьев, чтобы те не предоставляли убежище мятежникам, бежавшим из Мегрелии.[4] Несмотря на это, один из руководителей восстания в Мегрелии брат владетеля - Георгий Дадиани - в июне 1820 г. скрывался в Абхазии. Леван V Дадиани потребовал его выдачи, в противном случае угрожал, что „вместе с победоносными русскими войсками, перевернет всю Абхазию". Владетель Абхазии собирался выдать Георгия, но узнав об этом, он бежал в Поти, а затем в Сванети, где по приказу Левана V, его схватили и передали русским властям[5] . В июле 1820 года Российские войска со всей жестокостью подавили восстание в Имеретии. Абхазы не принимали в нем участия, но сочувствовали восставшим.

Возобновление османских претензий. Османы, видя слабость русского влияния и княжеской власти в крае, настойчиво требовали возвращения Сухуми и всей Абхазии. Российские власти колебались и даже допускали возможность удовлетворения требований Порты. В связи с этим, 16 июля 1820г. А.Ермолов представил Петербургу обширный доклад о недопустимости передачи туркам Сухуми и Абхазии. По его мнению, этот шаг ослабил бы позицию России и в других владениях в Закавказье, и, следовательно, активизировало бы вмешательство османов; в будущем, для сохранения позиций в регионе России пришлось бы держать здесь больше войск, тем более, в условиях ослабления ее на Черном море; княжеский престол мог занять злейший враг России и фанатик мусульманской веры Гасан-бей; прекратилось бы распространение христианства, от него отреклись бы как владетель, так и многие недавно крещенные абхазы; все это могло в глазах подданных западной Грузии уронить престиж

[1]Акты..., т. VI, ч.I, №744,с.537.

[2]Г.Дзидзария, Ю. Качарава. Из истории совместной борьбы грузинского и абхзского народов (XIX- начало XX в.). Тб., 1981, с.21.

[3]Г. Авалишвили. Путешествие из Тбилиси в Иерусалим.. Текст для издания подготовил, исследованием, словарем и указателями снабдила Ел. Метревели. Тб.,1967,с.29-30.

[4] Акты..,VI,ч.I,№.896,с.630.

[5] Б.Хорава. Новая династия княжеского дома Дадиани.Тб.,2001,с.61-62 (на груз.яз).

России, усилить работорговлю; русские корабли не смогли бы доставлять провиант из Крыма в Редут-кале и защищать свои владения. В этих условиях Россия могла потерять не только Абхазию, но и всю западную Грузию. В случае иного решения судьбы Абхазии и Сухуми, А.Ермолов требовал освобождения с должности.[1]

Принципиальность главноупровляющего А. Ермолова вынудила правительство отказаться от идеи возвращения Сухуми и Абхазии османам. Оно само потребовало от Порты признать владениями России Анаклию и Кемхел (Редут-кале, нынешний Кулеви), являвшиеся собственностью Мегрелии[2]. Порта все же настаивала на своем, однако и на этот раз решающее значение имела позиция А. Ермолова, выраженная в декабре 1820 года, когда он еше раз напомнил Петербургу о недопустимости удовлетворения турецких требований[3], ибо это могло затруднить защиту западной Грузии и дало бы возможность туркам настроить местное население против России. В Петербурге учли аргументы А.Ермолова и отказались от намерения передать османам крепости Сухуми, Анаклию и Кемхел.

2. Народные восстания и военно-дипломатические мероприятия России в 20 годах XIX в.

Восстание абхазов 1821 и 1824 годов. 7 февраля 1821г. в Лыхны скончался владетель Абхазии Георгий Шарвашидзе. Реально оценивая соотношение сил в княжестве, перед смертью он попросил младшего брата Гасан-бея позаботиться о супруге и детях и посоветовал ему быть покорным Российским властям[4]. 8 февраля Тамар Шарвашидзе сообщила коменданту Сухумской крепости майору П. Могилянскому о кончине Георгия Шарвашидзе и попросила, чтобы он известил об этом главноуправляющего. В то же время она считала необходимой прислать в Абхазию наследника престола Дмитрия, воспитывавшегося в Пажском корпусе в Петербурге и передать ему правление княжеством[5]. В условиях, когда российская власть реально не распространялась дальше Сухумской крепости с гарнизоном в 500 человек[6], когда влияние Тамары Шарвашидзе в Абхазии было незначительно, а наследник княжеского престола находился в Петербурге, малейшие несогласия могли привести к большим беспорядкам. Так и произошло. 8 февраля 1821г. на отряд русских солдат из Сухумской крепости, рубивших лес для заготовки дров, напали абхазы. Этот обычный для

[1] Акты..., т.VI, ч.1,№932,с.653-654.
[2] Внешняя Политика России, т.XI, с.467.
[3] Акты..., т.VI, ч.2,№759, с.429; №760, с.430.
[4] Институт рукописей, фонд Вейденбаума, №1717.
[5] Там же, № 1716.
[6] Н.Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI. СПБ, 1888, с.456-457.

Абхазии факт вызвал напряжение в княжестве; русские власти восприняли случившееся как вызов. Поскольку жители окрестностей Сухуми являлись подданными Гасан-бея, П.Могилянский потребовал от него выдачи виновных. Находившийся в Лыхны Гасан-бей обещал, что найдет преступников и передаст их российским властям[1]. В тот же день П. Могилянский сообщил начальнику штаба Кавказского корпуса генерал-лейтенанту А.Вельяминову, временно замещавшему А.Ермолова, о смерти Георгия Шарвашидзе и нападении абхазов на русских солдат. Этот факт он истолковал как антирусское восстание абхазов, которым с целью захвата власти якобы руководил Гасан-бей[2].

Комендант Сухумской крепости П.Могилянский, исполняя приказ А.Вельяминова, 6 марта 1821г. арестовал прибывшего для переговоров в крепость Гасан-бея[3]. До утверждения императором нового владетеля Абхазии управляющей княжеством назначалась Тамар Шарвашидзе. 14 марта 1821г. она обратилась непосредственно к А.Вельяминову с просьбой прислать в Абхазию наследника княжеского престола Дмитрия, а также освободить невиновного Гасан-бея[4]. 1 апреля того же года А. Вельяминов в ответном письме старался успокоить вдову владетеля, обещая что, княжескому дому Абхазии всегда будет оказано императорское покровительство. Российские военные части, по словам автора письма, постоянно были готовы для защиты княжеского дома. В то же время, А.Вельяминов не удовлетворил просьбу Тамары Шарвашидзе об освобождении Гасан-бея, якобы способного вызвать беспорядки в Абхазии[5].

Управляющий Имеретией генерал-майор П.Горчаков (1820-1825годы) придерживался иного мнения и считал, что арест Гасан-бея не был разумным решением, так как оно не только не способствовало умиротворению Абхазии, а наоборот, могло усилить волнения. В докладной записке от 22 марта 1821г. на имя А.Вельяминова, во избежание кровопролитного восстания в Абхазии, для подавления которого у правительства не имелось достаточных сил, он предлагал освободить Гасан-бея[6].

А.Вельяминов же восстание абхазов считал меньшим злом, чем освобождение Гасан-бея. «Гораздо выгоднее для правительства, чтобы вся Абхазия взбунтовалась, чем освободить Гасан-бея, который, как мусульманин, имеющий сильное уважение у турецкого правительства и в народе, может быть для нас гораздо вреднее», - писал он П.Горчакову 28 марта 1821 года[7]. Мнение

[1] Институт рукописей, фонд Вейденбаума, №1717; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.III, ч. 2,с.552.
[2] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 2, с. 552.
[3] Там же; Н.Дубровин. История..., т. VI, с. 461-462.
[4] Институт рукописей, фонд Вейденбаума, №1718.
[5] Акты..., т. VI,ч. 1,№934, с.655.
[6] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III,ч.2,с.553-554.
[7]Там же, с. 554-556.

А.Вельяминова взяло верх и в апреле того же года Гасан-бея сослали в Сибирь[1].

Надежды А.Вельяминова, что высылкой из Абхазии Гасан-бея проблемы будут решены, как и следовало ожидать, не оправдались; назначение же Тамары Шарвашидзе управляющей княжеством народ встретил всеобщим возмущением, полагая, что, арест Гасан-бея наверняка произошел с ее одобрения, чтобы расчистить путь к престолу для своего сына Дмитрия. В середине апреля 1821г. для ознакомления с обстановкой на месте в Сухуми прибыл П.Горчаков. Он освободил с должности коменданта Сухумской крепости П.Могилянского, пользовавшегося всеобщей ненавистью, и на его место назначил майора Михина, во время восстания в Имеретии (1819-1820годы) проявившего себя в умиротворении Гурии[2]. П.Горчаков для выяснения мнения абхазского дворянства пригласил их на переговоры в Сухуми. При встрече дворяне выразили недовольство в связи с незаконным арестом Гасан-бея и подтвердили его невиновность. Они также заявили, что в случае вступления российских войск в Абхазию готовы сжечь свои жилища и уйти в горы. Тамар Шарвашидзе не приехала в Сухуми на встречу с П. Горчаковым, продемонстрировав тем самым недоверие к властям из-за ареста Гасан-бея, а сам управляющий Имеретией посчитал опасным для себя ехать в Лыхны[3]. П. Горчаков вернулся в Кутаиси ни с чем. Вскоре волнение в Абхазии переросло в мощное восстание против России.

Младшие братья Гасан-бея – Батал-бей, Таир-бей и Ростом-бей призвали народ к неповиновению. Призыв получил всеобщую поддержку. Мятежники нападали на феодалов, не сочувствовавших восстанию. Их гнев, в первую очередь, обрушился на Тамар Шарвашидзе и княжеский дом. Комендант Сухумской крепости пригласил абхазских князей, чтобы выслушать их мнение о причинах недовольства в отношении Тамары Шарвашидзе. Князья не явились на встречу с Михиным, но передали ему, что они не будут подчиняться Тамар Шарвашидзе и русским властям до тех пор, пока не освободят Гасан-бея. Волнения в основном охватили владения Гасан-бея - область Абхазии; что касается княжеского домена - Бзыбскую область, она в основном осталась верной Тамар Шарвашидзе.[4]

В конце июня 1821г. из Турции в Джикети прибыл Аслан-бей. Посредством депутации он потребовал от Тамары Шарвашидзе заложников и свободный въезд в Абхазию. Депутацию она приняла в Сухумской крепости в присутствии Михина. Выслушав их требования, Тамар ответила, что она никогда не впустит убийцу отца в Абхазию, с чем согласились и находящиеся с ней бзыбские дворяне. В отдельной беседе с Михиным она отметила, что не доверяет своим

[1] Там же, с.556.
[2]Там же, с. 553-558.
[3]Там же, с. 557.
[4] Там же, с.558.

подданным и просила для охраны Лыхненского дворца прислать небольшой отряд[1].

Владычество России в Абхазии стояло под угрозой, из-за малочисленности сторонников, ограничивавшихся только местными христианами. Большинство населения Абхазии, исповедовавшее ислам или язычество, держалось турецкой ориентации[2]. В такой сложной обстановке полковник Михин, каждый день ожидавший нападения мятежников, не мог удовлетворить просьбу Тамары Шарвашидзе. Поэтому в целях безопасности княжеского дома предложил ей перейти в крепость, но она отказалась, посчитав это демонстрацией перед народом собственного бессилия, и решила временно переехать во дворец в село Кодори. Но обстановка и здесь оказалась не менее опасной, чем в Лыхны. Вечером 1 июля 1821г. Михин получил известие от Тамары Шарвашидзе, что ее дом окружен восставшими во главе с Ростом-беем, Таир-беем и цебельскими Маршаниевцами, желавшими взять ее в плен и провозгласить владетелем Абхазии Аслан-бея. Княгиня просила помощи. Михин немедленно отправил к мысу Кодори военный корабль «Константин», поручив его командиру лейтенанту Хомутову спасти вдову владетеля и ее сыновей. Хомутов выполнил задание и 2 июля доставил их в Сухуми[3].

В тот период находившийся в Петербурге А.Ермолов всячески старался ускорить отправку Дмитрия в Абхазию. В то же время он был далек от мысли что «дикий и зверский народ Абхазии» полностью подчинится Дмитрию, но поскольку он с детства воспитывался в Петербурге, все же должен был справиться со своими обязанностями[4].

В августе 1821 года Дмитрий Шарвашидзе, оставив Пажсский корпус и получив звание полковника, был утвержден владетелем Абхазии. 21 августа того же года А.Ермолов, известив Дмитрия Шарвашидзе о назначении его владетелем Абхазии, напомнил ему о проблемах края и добавил: «Верность и усердная служба Государю Императору есть благонадежнейший залог счастливого вашего управления землею, ибо начальство в Грузии вменит в себе обязанность вспомоществовать вам средствами от него зависящими»[5]. 23 августа Дмитрий Шарвашидзе отправился из Петербурга в Тбилиси.

К решительным действиям готовился и Аслан-бей. В июле-августе 1821 года, по информации А.Ермолова, с помощью Анапского паши в горах он собирал войско и готовился к вторжению в Абхазию, куда посылал письма с призывом к восстанию[6]. В середине августа Аслан-бей во главе отряда численостью 600 человек из Джикети вторгся в Абхазию. 21 августа он появился у резиденции

[1] Там же, с. 558-589.
[2] Н.Дубровин. История..., т. VI, с.459.
[3] Акты..., т.VI, ч. I, №940, с.659; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.III, ч.2,с.560.
[4]Акты..., т.VI, ч. I, №.935, с.655.
[5] Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.209., Акты..., т. VI, ч. 1, №937,с.656.
[6]Акты..., т.VI, ч. II, Тифлис, 1875, № 1094, с.746.

Тамары Шарвашидзе. Многие ее сторонники перешли на сторону мятежников. В течение двух недель княжеский дворец в Кодори, где находилась Тамар Шарвашидзе, был в осаде. Мятежники вынудили ее дать клятву о разрыве всяких отношений с российскими властями. 11 сентября с развернутыми знаменами они подошли к Сухумской крепости, но гарнизон сильным огнем отбросил их. Аслан-бей сумел окружить Сухуми и занять почти всю Абхазию. В середине сентября он появился у р. Галидзги- границы Мегрелии. Леван V Дадиани передал ему, что не даст возможность вторгнуться в пределы его владения, что защитит сирот и вдову, то есть Тамар Шарвашидзе и ее детей[1].

Леван Дадиани известил П.Горчакова о сборе войска для защиты своего владения и оказания помощи вдове Георгия Шарвашидзе и его детям. Правитель Имеретии «проник однако в истинные намерения Дадиани, желавшего воспользоваться смутами, чтобы отторгнуть от Абхазии ту часть ея, которая когда-то принадлежала Мингрелии и потребовал настоятельно, чтобы князь Леван оставил свои замыслы, предоставив заботы «о вдове и сирот» русскому правительству»[2]. Видимо, в то время российские власти не были заинтересованы в активности владетеля Мегрелии в Абхазии. П. Горчаков в письме к Левану V Дадиани от 15 апреля с сожалением отмечал, что Тамар помирилась с восставшими тогда, как она могла найти убежище в Сухумской крепости. Правитель Имеретии давал указание владетелю Мегрелии принять меры, чтобы восставшие не проникли в Самурзакано[3].

Аслан-бей объявил населению, что у него в руках фирман султана о его назначении владетелем Абхазии, а русские якобы возвращали ему Сухуми. Это известие оказало на абхазов большое воздействие и умножило ряды сторонников Аслан-бея. Опорой для восставших служили село Келасури и его окрестности, то есть подданные Гасан-бея, а также жители Цебели, Пицунды. Большая часть населения Бзыбской области долгое время сохраняла преданность к Тамар Шарвашидзе и даже оказывала сопротивление восставшим, но затем и они перешли на сторону Аслан-бея[4]. Таким образом, к октябрю 1821г. вся Абхазия подчинялась Аслан-бею.

В сложившейся обстановке русская администрация Кавказа приступила к подготовке экспедиции в Абхазию. В конце сентября Дмитрий Шарвашидзе прибыл в Тбилиси. 20 октября 1821 года А.Вельяминов поручил П.Горчакову подавить восстание абхазов и лично доставить в Абхазию нового владетеля. Он составил наставление, согласно которому Дмитрия Шарвашидзе должны были сопровождать Леван V Дадиани, большой отряд русских войск, чтобы

[1]Н.Дадиани. Жизнь грузин,с.209; Акты..., т. VI, ч.I, №.940, с. 659; №941, с.659; т. VI, ч. II, №, 1094, с.746. Утверждение русского владычества на Кавказе, т.III, ч.2, с. 560; Н.Дубровин. История..., т. VI, с.464-466.
[2]Н. Дубровин. История...., т. VI, с.460; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, с. 560.
[3]Ц.Кирия, Ш.Сария. Материалы..., №,13, с.38-39.
[4]Акты..., т.VI, ч. 1, №.940, с.659;Н.Дубровин. Истортия..., т. VI, с. 464.

привести в покорность «возмутившийся абхазский народ». На основе наставления А.Вельяминова была составлена прокламация Дмитрия Шарвашидзе (20 октября 1821г.), в которой осуждались организаторы мятежа против России и владетельского дома, почетнейшим князьям и духовенству предлагалось явиться к владетелю и в знак истинного раскаяния предоставить «благонадежных аманатов», после чего они были бы помилованы; «напротив того, злых и непокорных мятежников» ждало «повсюду истребление»[1]. А.Вельяминов советовал молодому владетелю ничего не предпринимать без ведома П.Горчакова, посоветовал ему на первых порах жить в гарнизоне Сухумской крепости[2].

К этому времени П.Горчаков собрал в Редут-кале достаточные военные силы для организации экспедиции в Абхазию. 21 октября 1821г. Дмитрий Шарвашидзе отправился в Кутаиси, а оттуда в сопровождении П.Горчакова и мегрельской конной милиции направился в Абхазию. Леван V Дадиани проводил П. Горчакова и нового владетеля Абхазии до границы княжества - р. Галидзги, а оттуда командование ополчением Мегрелии принял полковник Нико Дадиани. Его, как правителя Лечхуми, сопровождало и Лечхумское ополчение в количестве 600 воинов[3].

1 ноября П.Горчаков получил известие о том, что 3-х тысячный отряд абхазов и джиков укрепился между Кодорским мысом и селом Келасури[4], а сам Аслан-бей с ополчением стоял в Мокви. Нико Дадиани сумел перевести на свою сторону зятя, владельца Абжуа Али-бея Шарвашидзе, а так же шурина Салaруф Маршания, пользовавшегося большим влиянием среди цебельцев. Узнав об этом, Аслан-бей бежал из Моквы. Преследуя его, грузинские и русские отряды встали лагерем в Цкаба[5]. После ожесточенных боев они дошли до Келасури, а оттуда без сопротивления вступили в Сухуми[6]. После этого восстание постепенно пошло на убыль. Аслан-бей бежал в Джикети. Карательная же экспедиция, отдохнув несколько дней в Сухуми, направилась в Лыхны. Прибывшие туда же князья Бзыбской Абхазии выразили повиновение. А непокорных, по распоряжению П.Горчакова, схватили, часть, спаслась бегством, их имения разграбили и затем сожгли[7].

30 ноября 1821 года в Лыхны в присутствии П.Горчакова, князей и дворян Абхазии, а так же русских воинских частей состоялось торжественное провозглашение владетельным князем Абхазии Дмитрия Шарвашидзе с передачей ему знаков верховной власти - сабли и знамени. Перед ним принесли клятву

[1]Н. Дадиани. Жизнь грузин, с. 209; Акты..., т. VI, ч. I, №940, с.657-659.
[2] Акты..., т. VI, ч. I, №940, с.658-659; №941, с.659; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 2, с.563-564.
[3]Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.209; Акты..., т. VI,ч.I, №941, с.659; Н.Дубровин. История..., т. VI, с .465.
[4] Н. Дадиани. Жизнь грузин, с.209-210.
[5] Там же, с.210; Н.Дубровин.История..., т.VI, с.468; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.Ш, ч. 2, с.566.
[6] Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.210-211.
[7] Там же, с. 211;Н. Дубровин. История..., т.VI, с. 468; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.Ш, ч.2, с.566.

верности абхазские князья и дворяне. Для охраны владетеля П.Горчаков оставил в Лыхны две сотни солдат из состава Мегрельского егерского полка под командованием майора Ракоци. После этого, посчитав свою миссию в Абхазии исчерпанной, П.Горчаков совместно с грузинскими и русскими отрядами вернулся в Сухуми, а оттуда - в Мегрелию[1].

Власть Дмитрия Шарвашидзе (1821-1822годы), как и его отца, была весьма слабой и полностью зависела от русской военной силы. Как отмечал Ж.-Ф. Гамба, переселившийся из императорского дворца Александра I в Петербурге «в отцовский простой деревянный дом владетель, незнакомый ни со своим народом, ни с его языком, больше походил на пленника, чем на суверена»; княжеством же реально правила его мать Тамар Шарвашидзе[2]. Воспитанный в Петербурге молодой владетель на родине действительно чувствовал себя одиноко, народ тоже смотрел на него как на чужака. Главным развлечением Дмитрия было посещение офицеров Лыхненского гарнизона. Это общество ему больше подходило по своему воспитанию, образованию и даже языком, чем его окружение и придворные[3].

В конце 1821г. стало известно, что Аслан-бей Шарвашидзе с помощью Анапского паши среди племен, живущих на восточном побережье Черного моря, собирает войско и с целью изгнания Дмитрия Шарвашидзе собирается вторгнуться в Абхазию. Владетель Абхазии попытался воздействовать на джикских князей, потребовав от них, как подвластным раньше владетелям Абхазии, чтобы те не позволили Аслан-бею передвижение через их владения. Джикетские князья отказались выполнить требования Дмитрия Шарвашидзе под тем предлогом, что не признают его наследником княжеского дома Шарвашидзе. Они потребовали от Дмитрия удалить русских из Абхазии и Сухуми[4]. Владетель, испуганный возможным нападением Аслан-бея, из Лыхны перебрался в Сухумскую крепость. В январе 1822г. Аслан-бей с отрядом джиков и других горских племен вторгся в Абхазию и атаковал Лыхненский гарнизон. По сведениям Н.Дадиани, русские контратаковали джиков и заставили бежать, многие же были уничтожены[5].

План Аслан-бея не осуществился. Потерпев поражение, он бежал в Джикети, затем переехал в Турцию и поселился в Трапезунде. Для русской администрации стало ясно, что Аслан-бей пользовался поддержкой Порты и причиной восстания в Абхазии являлось вмешательство внешних сил.

На короткий период в княжестве воцарилось спокойствие. Весной 1822г. Абхазию посетил Ж.-Ф. Гамба. Он свидетельствует, что в этом крае русские вла-

[1] Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.211; Н.Дубровин ,История..., т. VI, с. 469-470; Утверждение.., т.Ш, ч. 2, с.566.
[2] Ж.-Ф. Гамба. Путешествие по Закавказью, т. I, Перевод и комментарий М. Мгалоблишвили.Тб.,1987,с.86. (на груз. яз).
[3] Утверждение русского владычества на Кавказе, т.Ш, ч.2, с.568.
[4] Акты..., т.VI, ч.II, №777, с.437; №779; с.438. Н.Дубровин . История..., т.VI, с.471.
[5] Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.211.

дели лишь Сухумской крепостью, за стенами которой их поджидала смертельная опасность[1]. Несмотря на кажущееся спокойствие в регионе чувствовалась скрытая напряженность. Дмитрий Шарвашидзе постарался использовать этот период для укрепления своей власти и приступил к переговорам с оппозиционными силами. Возвратившись в Лыхны, он заболел лихорадкой и 16 октября 1822 года в возрасте 20 лет скончался[2]. Тамар Шарвашидзе, сообщив об этом П.Горчакову, просила материальной помощи и содействия в управлении княжеством. Она выражала озабоченность сложившимся взрывоопасным положением и настаивала на усилении Лыхненского гарнизона. По ее данным, Асланбей вновь собирался идти на Абхазию. Княгиня предупреждала П.Горчакова о том, что если военная помощь не будет своевременно предоставлена, абхазы опять восстанут[3]. Наследником княжеского престола после кончины Дмитрия становился его младший брат, 13-летний Михаил. Поскольку российские власти были кровно заинтересованы в упрочении княжеского дома Шарвашидзе, коменданту Сухумской крепости было поручено собрать сведения о будущем владетеле и передать их командованию. При этом, власти стремились успокоить и подбодрить Тамар Шарвашидзе. П.Горчаков вскоре сообщил А.Вельяминову, что Михаил Шарвашидзе действительно обладал теми способностями, которые очень ценятся в горских народах. Он был храбрым, бесстрашным и хорошим наездником. По сравнению со старшим братом, он казался более смелым и удалым. Властям было известно, что во время восстания абхазов 1821г. при обороне Лыхны он проявил военные способности[4].

В ноябре Тамар Шарвашидзе, уладив взаимоотношения с цебельскими Маршаниевцами[5], направила делегацию (Темуква Анчабадзе и Тлапс Маргания) к Ермолову с просьбой от имени всего абхазского народа утвердить владетелем Абхазии Михаила Шарвашидзе[6]. Удовлетворение просьбы входило в интересы обеих сторон. 14 февраля 1823г. император Александр I утвердил нового владетеля Абхазии, назначив ему жалование 1000 рублей в год. 2 апреля того же года А.Ермолов сообщил временной правительнице Абхазии Тамар Шарвашидзе об утверждении Михаила владетелем и присвоении ему чина майора; 17 мая 1823г. об этом же он известил и Михаила[7]. А.Ермолов вызвал Михаила в Тбилиси, ознакомил с указом Императора о назначении его владетелем Абхазии, посоветовал быть справедливым, проявлять в отношении народа теплоту, религиозную терпимость, что принесло бы ему уважение в обществе[8]. Обратно

[1] Ж.–Ф. Гамба. Путешествие по Закавказию, с. 81-82.

[2] Н.Дадиани. Жизнь грузин, с.211; Н.Дубровин. История..., т.VI, с.471; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.Ш,ч.2, с.568-569.

[3] Акты..., т.VI,ч. I, №944, с.660.

[4] Акты..., т. VI, ч. I, №946, с.661; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.Ш, ч. 2, с.570.

[5]Акти..., т. VI, ч. I, №947, с.661.

[6] Там же, №949, с.661; №948, с.661;Утверждение русского владычества на Кавказе,т.Ш, ч.2, с.569.

[7] Н.Дадиани . Жизнь грузин,с.212; Акты..., т.VI, ч.1, № 951, с. 662; №953, с.663; №956, с. 664; Н. Дубровин. История..., т. VI, с. 471; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, с. 570.

[8] Акты..., т. VI, ч. I, №956, с. 664; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, с. 570.

в Абхазию его сопровождал П.Горчаков. В Лыхны, в присутствии абхазских князей и дворян, воинских частей он зачитал указ Императора о назначении Михаила Шарвашидзе владетелем Абхазии, после чего Михаил присягнул на верность Императору. Для его защиты П.Горчаков оставил в Лыхны две сотни солдат мегрельского егерского полка с двумя пушками.[1]

Власть Михаила Шарвашидзе, как и его предшественников, оказалась слабой. Для молодого владетеля было трудно справиться с интригами, нити которых находились в руках сильного и ловкого дяди. Из-за малолетства владетеля, княжеством фактически управляла Тамар Шарвашидзе. А.Ермолов советовал княгине давать соответствующие наставления Михаилу, а самому владетелю поручил «по всем предметам, до управления Абхазиею относящимся, относитесь непосредственно к управляющему Имеретиею генерал-майору князю Горчакову. Ему поручено от меня удовлетворять заслуживающия уважение ваши требования и содействовать вам при случаях, для владения вашего неприязненных и пользам великого Государя нашего противных»[2].

Тамар Шарвашидзе ясно сознавала, что власть Михаила была непрочной, поэтому просила А.Ермолова усилить Лыхненский гарнизон. Но русская администрация, не имея достаточных сил, отказала ей в удовлетворении настоящей просьбы.

Пользуясь слабостью княжеской власти в Абхазии, северокавказские племена джиков и убыхов ежегодно устраивали разорительные набеги, грабя сёла, захватывая скот и пленников. Хотя эти набеги, носившие систематический характер, не всегда заканчивались благополучно для грабителей, но они все же причиняли большой урон населению. Убыхи нападали на Абхазию, как правило, зимой, в январе-феврале[3]. Участившие нападения горцев вынудили Михаила Шарвашидзе просить русское командование о занятии природных врат Абхазии - Гагры[4]. Российские власти, понимая стратегическое значение Гагры, не могли взять его под контроль из-за отсутствия необходимых сил. Пока первоочередная задача состояла в том, чтобы прочно утвердиться в Бзыбской Абхазии[5].

Несмотря на принятые русской администрацией меры по укреплению власти молодого владетеля, его управление было все еще слабым. В разных краях княжества продолжались волнения. Росту антирусских настроений способствовала неуклюжая политика правительства. Царские чиновники считали абхазов дикарями, неукротимыми зверями, следовательно, при удобном случае готовы были с ними жестоко расправиться. Волнение в Абхазии усилилось весной 1824г. В такой неспокойной обстановке Хинкурас Маршания из Цебели убил

[1] Записки И. Дубецкого, с.133.
[2] Акты..., т. VI, ч. I, №953, с. 662; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, с.570.
[3] С.Т. Званба. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982,с.15-16.
[4] А.Н. Дъячков-Тарасов. Гагры и его окресности, с. 93.
[5] Там же.

Ростом-бея Шарвашидзе, год тому назад примирившегося с владетельским домом Абхазии и женившегося на сестре Левана V Дадиани – Кетеван, владевшей Самурзакано. Этот факт еще больше обострил ситуацию. Для устрашения абхазов русские власти решили провести в некоторых селах карательные экспедиции. 22 мая 1824г. отряд солдат Сухумского гарнизона в количестве 225 человек под командованием подполковника Михина напал на село Акафа, где, по сведениям властей, укрывались повстанцы. Русские сожгли и разграбили село и арестовали Хинкураса Маршания. На обратном пути на них напали абхазы. При столкновении погиб подполковник Михин и 42 русских солдата, а со стороны абхазов погибли князья Кизылбек и Леван Маршания, считавшиеся властями бунтовщиками и подстрекателями беспорядков[1]. Это происшествие стало сигналом для абхазов ко всеобщему восстанию.

5 июня 1824г. П.Горчаков сообщал А.Вельяминову, что жители сожженного дотла села Акафа больше не нападают на русских и желают переселиться в Псху. В Сухумскую крепость для переговоров явились цебельцы и потребовали освобождения Хинкураса Маршания, а взамен предлагали покорность и заложников. Как противники русских, они также собирались переселиться в Псху. По сведениям П.Горчакова, в Цебели проживало около 800 дворов, большинство из которых собиралось переселиться в Псху, так как после убийства Ростом-бея они опасались мести со стороны Шарвашидзе. П Горчаков принял коварное решение – он разрешил абхазским князьям с оружием в руках нападать на непокорных цебельцев и мстить за смерть Ростом-бея, разорять и грабить их. Вскоре акафцы переселились в Цебели, чтобы решить, покориться русским властям или переселиться в Псху, но этот вопрос тогда не был разрешен[2].

Когда в княжестве обострилась обстановка из Турции в Джикети срочно вернулся Аслан-бей, собрал войско и в очередной раз вторгся в Абхазию. Он призвал к неповиновению абхазов, недовольных правлением Тамары Шарвашидзе. Восставшие нападали на имения князей прорусской ориентации, грабили и уничтожали их имущество. Михаил Шарвашидзе в это время вместе с матерю, братьями и сестрами находился в Лыхны. Он правильно оценил всю тяжесть создавшейся обстановки и отослал членов семьи в Сухумскую крепость, а сам укрепился в Лыхненском дворце, который защищали 300 солдат Мегрельского егерского полка.[3]

В восстании участвовали и те, которые считались верными подданными Михаила Шарвашидзе. В Бзыбской области им руководил дворянин Кац Маргания, своим умом, мужеством и сильным характером снискавший уважение

[1] Эдуард Айхвалд о Грузии (первая треть XIX в.). Перевел с немецкого, предисловием и указателями снабдил Г.Гелашвили. Тб., 2005, с.217; Акты...,т.VI, ч.1, №962,с.668; Н. Дубровин. История..., т. VI, с.512; Утверждение русского владычества на Кавказе,т.III,ч.2, с.572.

[2] Акты..., т.VI, ч. I, №961, с.665; №.962, с.668.

[3] Записки Дубецкого, с.133; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, с. 572.

не только перед абхазами, но и среди соседних горских народов. Многие абхазские князья и дворяне искали с ним дружбу[1]. К восстанию присоединились и другие влиятельные князья и дворяне. Они поклялись, что до конца будут бороться против выразителя русских интересов Михаила Шарвашидзе и уничтожат всех, кто нарушит клятву, если даже они окажуться близкими родственниками. Восставшие разослали гонцов в Цебели, Джикети, Убыхети, Адыгею, прося у них помощи. Горцы с охотой откликнулись на просьбу и двинулись к Лыхны. Обшая численность восставших составила 10-12 тыс. человек. [2]

7 июня командир Лыхненского гарнизона, штабс-капитан Марачевский получил известие, что восставшие собираются напасть на княжеский дворец. Около дворца находились знаменитая церковь Успения Богородицы и укрепление, занимаемое русским отрядом. Для его защиты Марачевский принял чрезвычайные меры. Утром следующего дня восставшие окружили укрепление русских, заняли церковь и оттуда открыли огонь по укреплению. Ночью 18 июня русские ворвались в церковь и уничтожили находившихся там абхазов. Только один Кац Маргания случайно остался в живых и в дальнейшем этот эпизод своей бурной жизни он вспоминал с трепетом. После этого абхазы не осмеливались занимать позицию в Лихненской придворной церкви [3]. Положение все же оставалось критическим. В конце месяца в Лыхненском гарнизоне кончились запасы продовольствия. Надежды на помощь из Сухуми не было, так как окруженная повстанцами Сухумская крепость находилась под постоянной угрозой нападения.[4] Подавлением восстания в Абхазии руководил П. Горчаков. Ему надлежало перевести Лыхненский гарнизон и Михаила Шарвашидзе в Сухуми до восстановления спокойствия и восстановления власти владетеля в Абхазии.[5] Участие в военной экспедиции предписывалось и Левану V Дадиани. 1 июля 1824 года карательная экспедиция во главе с П. Горчаковым двинулась из Редут-Кале в Абхазию. Вдоль морского побережья ее провожали два военных корабля-бриг (двухмачтевый корабль) "Орфей" и фрегат «Спешный».[6] Экспедиция продвигалась вперед с тяжелыми боями, атаки массированным огнем поддерживала артиллерия военных кораблей. 6 июля экспедиция достигла реки Кодори, а к вечеру 10 июля ценой больших потер дошла до Сухуми.[7] Поскольку дальнейшее продолжение похода было сопряжено с серьезными трудностями и опасностями, было решено перебросить

[1] Г. Филипсон. Воспоминания. М., 1885, с. 191.
[2] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III,ч. II,с.572.
[3] Е.Айхвалд о Грузии, с. 216-217; Н.Дубровин…, т., с.513; Утверждение русского владычества на Кавказе ,т.3,ч.2,с. 573-574.
[4] Утверждение …,т.3,ч.2,с. 574-575.
[5] Н.Дубровин. История…, т. VI, с. 513-514.
[6] Е.Айхвальд о Грузии, с. 217; Записки И. Дубецкого, с. 134; Н.Дубровин. История …, т.VI, с.514; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.III, ч.2, с.575.
[7] Описание грузинских рукописей Государственного музея Грузии . Новая коллекция (Q) рукописей музея, т. I. Тб., 1957, с.265;Е. Айхвальд о Грузии, с. 217; Н. Дубровин. История…, т.VI, с. 575-576.

войска в Лыхны морским путем.[1] Утром 21 июля П. Горчаков, при отчаянном сопротивлении восставших, все же высадил близ Бомборы часть экспедиции - 800 солдат. Утром 24 июля и остальная часть войск высадилась на берег, а сам П. Горчаков направился в Лыхны. Восставшие оказывали мужественное сопротивление десанту, но когда Лыхненский гарнизон нанес им удар с тыла, вынуждены были рассеяться, оказавшись меж двух огней. П. Горчаков спас Михаила Шарвашидзе и весь Лыхненский гарнизон, в тот же вечер эвакуировавшийся в Сухуми.[2] Экспедиция расположилась около Сухумской крепости. Абхазы несколько раз нападали на лагерь, но безуспешно. Для усиления Сухумского гарнизона П. Горчаков оставил три сотни из 44-го егерского полка и одну пушку, а другие военные подразделения вывезли по морю в Рудут-Кале.[3] После этого восстание пошло на убыль. Аслан-бей вновь бежал в Джикети. Из - за тяжелого положения Абхазию временно покинул и Михаил Шарвашидзе. П. Горчаков перевел его в Мегрелию, в частности, в с. Хета, а затем в Редут- Кале.[4] После экспедиции июля 1824года А. Ермолова интересовала, возможность ее повторения, чтобы окончательно покорить абхазов. 24 августа П. Горчаков представил главноуправляющему докладную записку, в которой отмечал, что абхазы ни одной власти не подчиняются, они, как и черкесы, занимаются грабежом и работорговлей, соответственно, следовало бы изменить их уклад жизни. По его мнению, подчинением абхазов невозможно было исключить волнения; поэтому он считал целесообразным устройство нескольких прибрежных укрепленных пунктов в Гаграх, Пицунде, Илори. Через год после этого Абхазию можно было подчинить полностью. Во всяком случае экспедиции, по мнению управляющего Имеретией, не дали бы положительных результатов. Аргументы П. Горчакова показались А. Ермолову убедительными и он отказался от организации новой карательной экспедиции.[5]

После бурных событий 1824г. в руках русских в Абхазии остался только Сухуми, фактически находящийся в блокаде абхазов. В сентябре вновь активизировался Аслан-бей. Он попытался установить связь с Михаилом Шарвашидзе и его матерью; Аслан-бей предложил владетелю, что он готов подчиниться его власти, если передадут ему имение Гасан-бея, а Михаил обязуется не пускать русских в пределы княжества. Михаил Шарвашидзе ответил отказом. По сведениям коменданта Сухумской крепости капитана Линденфельда,

---

[1] Е.Айхвальд о Грузии, с. 217; Записки И.Дубецкого, с. 134; Н.Дубровин. История…, т.VI, с.516; Утверждебние русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 2, с. 577.

[2] Описание грузинских рукописей Государственного музея Грузии . Новая коллекция (Q) рукописей музея, т. I ,с.265;Н. Дубровин. История..., т. VI, с. 516-517; Утверждение русского владычества на Кавказе, т.III, ч. 2, с.578; Записки И.Дубецкого, с.134-135.

[3] Е.Айхвальд о Грузии, с. 218; Записки И.Дубецкого, с.136; Н. Дубровин…, т.VI. 517; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч.2,с. 578.

[4] Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. – Сборник Сведении о Кавказских Горцах, вып.III, Тифлис, 1870,с., 211; Н. Дубровин. История…,т.VI, с. 517.

[5] Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч.2, с. 578-580, 581.

Аслан-бей пытался занять княжеский престол. От населения он требовал клятву верности и признания его владетелем, обещая взамен изгнание русских из Сухуми с помощью турок. У берегов Абхазии действительно участилось появление турецких лодок, привозивших оружие; широкие масштабы приобрела работорговля.

Первые попытки возрождения христианства. Владетель Абхазии и русская администрация с целью утверждения собственных позиций в крае старались распространить христианство. Под флагом покровительства христианства Царизм прикрывал захватнические цели и колониальную политику в отношении Грузии и в целом на Кавказе. Распространение христианства означало дальнейшее расширение политического влияния России. Поэтому после вступления Абхазии под Российское «покровительство» большое внимание уделялось возрождению христианства. Протоиерей Мегрельской придворной церкви Иоанн Иоселиани собственными средствами восстановил Абхазский придворный храм в Лыхны на имя Успения Пресвятой Богородицы и возобновил богослужение. Назначенные туда священнослужители (Иоанн Кавтарадзе и Симеон Жордания) окрестили множество абхазов, в том числе семью владетеля Георгия Шарвашидзе. Иоанн Иоселиани в 1810 году поставил вопрос об открытии духовного училища в Лыхны. Он надеялся, что таким путем в Абхазии возродится христианство. Однако из-за сложной политической обстановки власти не поддержали инициативу Иоанна Иоселиани.

В Сухумской церкви с 1817 года служил священник Соломон Надиров (Надирадзе или Надареишвили), который проповедовал среди абхазов и сумел многих окрестить. Его теплому отношению к абхазам и большому усердию в деле их христианизации молодой владетель Михаил Шарвашидзе в 1823 году давал высокую оценку. В 1823-1824 годах Соломон в Лыхны и в Пицунде обратил в христианство 62 язычника и мусульманина.[1] Но происшедшие в Абхазии в первой половине 20-х годов XIX в. события на некоторое время приостановили процесс распространения христианства.

Абхазия во второй половине 20-х годов XIX в. 1 июля 1826 года между Россией и Портой в городе Акермане начались переговоры, завершившиеся подписанием конвенции. Акерманская конвенция подтвердила условия Бухарестского мира. Османская империя официально признала в составе Российской империи Черноморские порты Сухуми, Редут-Кале, Анаклия, чем был положен конец ее многовековым претензиям на эти территории.[2] Обстановка в Абхазии, оставшейся без политической власти владетеля, негативно влияла и на Мегрелию. С целью грабежа абхазы часто вторгались в Мегрельское княжество, уводя скот и пленников. По сведениям

[1] Г.Рогава. Религия и церковь в Грузии XIX-XX веках. Тб., 2002, с. 80(на груз.яз.).

[2] Внешняя Политика России, т.XIV, с. 850-853.

немецкого путешественника и ученного Е. Айхвальда, как только владетель Мегрелии устраивал военные походы для их усмирения, они находили убежище в горах и лесах; их наказание возможно было только зимой, когда они лишались этих убежищ. Е. Айхвальд, приехав в Мегрелию в мае 1826 года, узнал, что абхазы опять вторглись в княжество, а Леван V Дадиани отправился, что бы дать им отпор и укрепить границы с Абхазией. Оказалось, что при приближении владетеля Мегрелии абхазы, по обыкновению, бежали в горы.[1]

Леван V Дадиани и русская администрация на Кавказе были заинтересованы в урегулировании ситуации в Абхазии. Михаил Шарвашидзе так же старался искать пути и средства для возвращения временно потерянного княжеского престола. После долгих раздумий он пришел к выводу, что только авторитет Гасан-бея мог ему помочь в деле подчинения абхазов и возвращения реальной власти. Он просил А. Ермолова возвратить из Сибири Гасан-бея, который был бы верным государю подданным и оказал бы помощь в управлении княжеством. Главноуправляющий принял во внимание просьбу Михаила и 15 января 1827 года, возбудил соответствующее ходатайство перед министром внутренних дел. А. Ермолов отмечал, что после шестилетней ссылки Гасан-бей, наверное, излечился от желания овладения княжеством и своим влиянием мог бы оказать большую помощь властям в Абхазии. Главноуправляющий поручил и Левану V Дадиани выяснить существующее в Абхазии положение и активно включиться в процесс политического урегулирования ситуации. Выполняя поручение А. Ермолова, он отправил в Абхазию Манучара Чхотуа и Тлапс Маргания. Они вернулись из Абхазии 14 марта 1827г. По их сведениям, абхазские и цебельские князья готовы были приехать в принадлежащее Алибею Шарвашидзе село Гупу и объявить о своей покорности.[2] В этой обстановке в русской администрации Кавказа произошли значительные изменения . 27 марта 1827 года А. Ермолова отозвали с Кавказа, а вместо него 28 марта главноуправляющим назначили графа И. Паскевича (1827-1831годы). Смена власти не на долго приостановила процесс урегулирования политической обстановки в Абхазии. 30 апреля 129 абхазских и цебельских дворян и князей раскаялись за участие в восстании в Абхазии и поклялись на верность Российскому императору.[3] В их числе был один из руководителей восстания Кац Маргания. 30 апреля И. Паскевич сообщал начальнику Императорского Главного штаба, что восставшие в 1824 году абхазы опустили знамя восстания и выразили пожелание подчиниться императорской воле; некоторые абхазские и цебельские князья и дворяне уже дали клятву верности и от имени императора им было объявлено по-

[1] Е.Айхвальд о Грузии, с. 173.
[2] Акты…, т.VI, ч. I, № 960, с. 665.
[3] Акты..., т. VII. Тифлис, 1878, №334,с.401; Г.В.Смыр. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тб.,1972, с. 75.

милование. Для получения клятвы от других князей и дворян в Абхазию отправлены, - писал он, - Леван V Дадиани и капитан Николай Дадиани. И. Паскевич с радостью отмечал, что после трехлетнего отчуждения край был возвращен без единого выстрела.[1] Во всем этом была большая заслуга Левана V Дадиани. 3 мая И. Паскевич приказал управляющему Имеретией В. Бебутову (1825-1827годы) отправить Михаила Шарвашидзе в Лыхны, при этом внушить ему, что теплым отношением к подданным, терпимостью, а не местью смог бы он добиться их любви. Видимо, И. Паскевич не был до конца уверен, что в Абхазии будет сохранено спокойствие, поэтому приказал В. Бебутову перевести Тамар Шарвашидзе и ее дочь в Сухуми.[2] В мае 1827 года в Сухуми вернулся Михаил Шарвашидзе, принятый с большими почестями. Стоящие на рейде русские военные корабли отметили его возвращение артиллерийским салютом.[3]

Русские хорошо понимали, что гарантом укрепления влияния в Абхазии являлась власть владетеля христианской ориентации. Поэтому они всячески поддерживали Михаила Шарвашидзе и пытались усилить его власть. Реально княжеская власть распространялась на Бзыбскую область, а Абхазская и Абжуйская области подчинялись владетелю лишь номинально. Княжескую власть не признавали горные общины Абхазии- Цебели, Дали, Псху. В пределы княжества часто вторгались из северо-восточного побережья Черного моря джики и убыхи, а в приморскую полосу - жители горных общин Абхазии. Продолжалось похищение людей, торговля пленными и другие преступления. Чтобы положить конец нападению джиков и убыхов на Абхазию, Михаил Шарвашидзе в 1827 году настойчиво просил русское командование занять Гагры.[4] Сложное положение в Абхазии влияло и на обстановку в Мегрелии, где участились похищения людей и торговля пленными. В 1827 году Леван V Дадиани дает дарственную книгу Манучару Пагава, в которой сказано, что «грузина продали неверному, сейчас этот человек в Абхазии, выкупи его и пусть будет твоим».[5] Таких примеров было много.

Михаил Шарвашидзе в деле управления княжеством, как уже было сказано, большие надежды возлагал на Гасан-бея. Поэтому он и его мать возбудили ходатайство о его возвращении из сибирской ссылки. В свою очередь, Гасанбей давал обещания, что в случае помилования будет верным Российским властям и по возвращению его на родину станет покорным и население Абхазии. По ходатайству И. Паскевича, в 1828 г. Гасан-бея вернули в Абхазию.[6]

---

[1] Акты…, т. VII, № 332, с.401.

[2] Там же , №333, с. 401.

[3] М.Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. М., 1847, с.180.

[4] А.Н.Дячков-Тарасов. Гагры…, с.94.

[5] Кутаисский историко-этнографический музей , фонд рукописей, док.№1562 (на груз. яз.).

[6] Акты..., т. VII, №335,с.402.

С этого периода в Абхазии начинается жесткая внутриполитическая борьба, направленная на укрепление княжеской власти. Гассан-бей не желал быть в роли верного вассала Михаила Шарвашидзе и считал, что у него было не меньше прав на княжеский престол. В то же время, он призвал абхазское дворянство сотрудничать с Российскими властями и сам верно им служил. Однако противостояние между Михаилом Шарвашидзе и Гассан-беем, переросшее в открытую вражду, накаляло обстановку в княжестве. Только вмешательство русской власти заставило их сохранять внешне лояльные взаимоотношения.[1]

3. Абхазское княжество в 30-50-х годах XIX века

В 20-х годах XIXв. Россия достигла значительных успехов на Кавказе. После победы в русско-иранской войне 1826-1828 годов она утвердилась в Восточном Закавказье. Успехи русских встревожили Англию, стремившуюся превратить Иран в сильное буферное государство и с его помощью закрыть для русских путь в Индию. Англия в то же время прилагала все усилия, чтобы помещать господству русских на Кавказе. После окончания войны с Ираном началась новая русско-турецкая война (1828-1829 годов). Победа русских в этой войне решила вопрос восточного побережья Черного моря. По Адрианопольскому миру (14 сентября 1829г.) в руки русских перешел как Самцхе-Джавахети со старинными грузинскими городами Ахалцихе, Ахалкалаки, Аспиндза, Ацкури и другие, так и побережье Черного моря от устья реки Кубани до реки Чорохи с городами Анапа и Поти. Блистательная Порта отказывалась от любых претензий на территории, лежащих к северу от новой русско-турецкой границы и признавала ее во „вечное владение" Российской Империи. В эти территории входил и Западный Кавказ, который не являлся владением Турции, но на него распространялось политическое влияние Порты, считавшейся покровительницей и повелительницей всех мусульман, в том числе и горцев Кавказа. Политически они были совершенно независимыми и только с религиозной точки зрения признавали верховенство султана. Турция, хотя и признала Западный Кавказ владением России, но его еще нужно было завоевать.

Пока Россия не завоевала Северный Кавказ, в том числе Кубань, ее господство на Южном Кавказе не могло быть прочным. Понимая это, царизм приступил к подготовке для решения данного вопроса. Николай I (1825-1855годы), поздравляя И.Паскевича с победой в Русско-Турецкой войне, писал: «... Кончив таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах

[1] А.Фадеев. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года. Сухуми, 1939, с.108.

столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных ». [1]

Императорская директива - полное покорение горцев или их уничтожение - ясно характеризует сущность и цели колониальной политики царизма на Кавказе. Надо отметить, что даже декабристы, стоящие будто- бы на либеральных и демократических позициях, были такого же мнения. Руководитель Южного общества П. Пестель в программном документе «Русская Правда» народов Кавказа делил на буйных и непокорных, на спокойных и покладистых племен. По его мнению, первых следовало переселить во внутренние губерний, а вторых - постепенно ассимилировать и полностью слить с переселившимися на Кавказ русским населением.[2]

После победы над Ираном и Турцией в начале 30-х годов XIX столетия, русские войска активизировали свои действия на Северном Кавказе, в том числе и на северо-восточном побережье Черного моря. С целью реализации вышеприведенной директивы Николая I, И.Паскевич разработал план быстрого покорения горских народов, включая и абхазов. В октябре 1829 г. Император утвердил план Паскевича.[3] В Западном Кавказе он предусматривал покорение адыгейских племен, живущих на Кубани и южных склонах Кавказского хребта. В соответствии с планом, предполагалось строительство, кроме имеющихся на Черноморском побережье крепостей (Сухуми, Рудут-Кале, Анапа), новых укреплений, прочно соединенных между собой прибрежным дорожным сообщением, а также организация в Кубанском крае нескольких экспедиций с севера. Для реализации этого плана была создана «Абхазская экспедиция»,целью которой являлась занятие Черноморского побережья от Сухуми до Анапы, создание береговой укрепленной линии и обеспечение безопасного сухопутного сообщения между крепостями, в конечном итоге, установление в горной части Западного Кавказа русского военно-административного управления. 8 июля 1830г. сформированный в Сухуми русский десант, занял Гагры. С получением этого известия «Абхазская экспедиция», которой командовал генерал К. Гессе, вышел из Сухуми и 16 июля заняла Бомбору. Там же к экспедиции присоединился Михаил Шарвашидзе. 19 июля экспедиция заняла Пицунду. Несмотря на первоначальные успехи, дальнейшее продвижение русских войск к северо-западу от Гагры приостановилось из-за отчаянного сопротивления джиков и убыхов. Действуя параллельно с «Абхазской экспедицией», И.Паскевич переправился через реку Кубань и уничтожил селения шапсугов, возведя при этом несколько крепостей вдоль реки Кубани. Таким образом, экспедиция не достигла полностью поставленной цели. В прибрежной полосе Абхазии - в Бомборах,

[1] А.Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич-Эриванский,т. III. СПБ., 1891, с. 229-230.
[2] П.И.Пестель. Русская правда. СПБ.,1906, с.48.
[3] Утверждение наше в Абхазии.-Кавказский сборник,т.X. Тифлис,1889, с. 123.

Пицунде и Гаграх русские приступили к строительству крепостей. В Бомборах же был расквартирован штаб « Абхазской экспедиции». Эти крепости должны были закрыть для убыхов и джиков прибрежний путь, по которому они вторгались в Абхазию; в их задачу входило упрочение Российского господства в Абхазии.[1] Занятие русскими Абхазского побережья оказало большое влияние на джиков, убыхов и самих абхазов. Значительным событием явилось занятие Гагрских теснин, о чем Михаил Шарвашидзе давно просил русские власти.

На фоне этих событий владетель Абхазии предъявил свои претензии на Самурзакано. В 1834 году Михаил Шарвашидзе самовольно занял село Илори и заставил местных жителей присягнуть ему наверность. Русская администрация Кавказа строго предупредила его за самоуправство. Главноуправляющий барон Г. Розен по этому поводу писал Михаилу Шарвашидзе: «Таковое действие вашей светлости служит к умножению происходящихся в Абхазии беспорядков, и не могу я не удивляться, что вы решились на таковое самоуправство в чужом владении; ибо известно правительству, что живою границею между Мингрелиею и Абхазиею служит р. Галидзга. А как село Илори находится на левом берегу оной, то и не может принадлежать к Абхазии, почему я обязываюсь просить вашу светлость, чтобы вы немедленно дали от себя кому следует приказание о возвращении в свои дома взятых вами у Илорцев аманатов. Равным образом, объявите от себя письменно всем илорцам, что принятия ими присяга на верность их вам недействительна и что они принадлежат не вашей светлости, а владетелю Мингрелии»[2]. После этого Михаил Шарвашидзе вынужден был оставить Илори.

Русская администрация Кавказа в 1834-1835 годах проложила дорогу от Редут-Кале до Сухуми и Гагры. В тоже время, в 1835 г. на Черноморском побережье были построены крепости в Илори и Дранде.[3] После прокладки дороги из Сухуми до Гагры, территория между р.Бзыбь и Гагры вернулась под юрисдикцию владетеля Абхазии.[4]

Российские власти подчинили Михаилу Шарвашидзе владельцев Абжуа и Абхазской области Али-бея и Гассан-бея Шарвашидзе, превратив его в единоличного правителя. Таким образом, формирование Абхазского княжества с помощью русских фактически завершилось в 30-х годах XIX века.

Абхазы и живущие в северо-восточном побережье Черного моря джики и убыхи мелкими отрядами нападали на русские крепости и держали их в постоянном страхе. Неконтролируемые русской администрацией абхазские горные общины поддерживали эти отряды. Служивший в Абхазии русский писатель

[1] Б.Хорава. Абхазская экспедиция в 1830г.- Исторические разыскания, VI. Тб., 2003, с. 93-112.
[2] Акты…, т.VIII, с.449.
[3] Б.Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии, с. 28.
[4] А.Дячков-Тарасов. Гагры…,с. 108.

А.А. Бестужев – Марлинский 19 июня 1836 г. писал: «Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор... В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки, где лихорадка свирепствует... Одним словом, имя Гагры, в самой гибельной для русских в Грузии, однозначаще со смертным приговором.»[1] Самое отчаянное сопротивление господству России в Абхазии оказывали цебельцы. В мае 1837г. барон Г. Розен направил туда военную экспедицию с целью его покорения. Владельцы края Маршаниевцы вынуждены были подчиниться и присягнуть на верность России (с этого времени историческое грузинское наименование общины «Цебели» получило русское название «Цебельда»). К Г.Розену явились и Дальские Маршаниевцы, так же выразившие покорность. В этих горных общинах установилось русское правление, образовалось цебельдинское приставство с административным центром в селе Мрамба.[2]

Миссионерская деятельность в Абхазии. После сравнительного упрочения русской власти в Абхазии в 30-х годах XIX века здесь развернулась активная миссионерская деятельность грузинского духовенства, необходимость которой диктовалась плачевным состоянием христианства. Михаил Шарвашидзе хорошо понимал значение распространения христианства с точки зрения упрочения его власти. В 1831 году в письме управляющему Имеретией он отмечал, что большая часть его подданных - мусульмане, и что на них оказывают вредное влияние черкесы; противились мероприятиям правительства и владетеля, направленных на установление спокойствия в крае. Чтобы оградить абхазов от вредного влияния черкесов, владетель считал необходимым их обращение в христианство. С этой целью он предлагал открыть в Абхазии отдельную епархию и назначить епископом игумена Антона Дадиани. Михаил Шарвашидзе писал, что Антона Дадиани знали и уважали в Абхазии как за происхождение, так и за его сан, человеческие и деловые качества, за знание местного языка. Владетель выражал надежду, что в Абхазии он мог сделать много добрых дел.[3] Исполняющий обязанности главноуправляющего генерал-лейтенант Н.Панкратьев обратился с просьбой экзарху Грузии митрополиту Ионе высказать свое мнение относительно ходатайства владетеля Абхазии. В связи с этим, Грузино-Имеретинская синодальная контора запросила у митрополита Мегрелии Давида Церетели (1829-1834годы) сведения о количестве церквей и священнослужителей в Абхазии. 5 ноября 1831 года митрополит Давид сообщил Синодальной конторе, что большинство жителей Абхазии явля-

[1] Абхазия в русской литературе. Сухуми, 1982, с. 10-11.
[2] Б.Хорава. Установление русского правления в Цебельде в 1837 году.- Материалы научной конференции молодых ученных и аспирантов IV межуниверситетской конференции. Тб., 2006, с.201-206; Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, с. 180.
[3] Акты..., т. VII, ч. I , № 341,с.404.

ются мусульманами и только одна церковь функционирует в Лыхны, где служит священник его епархии Симеон Жордания.

Поскольку в Абхазии действовала лишь одна церковь и число прихожан было незначительным, синодальная контора отказалась в удовлетворении просьбы владетеля Абхазии, однако признала целесообразной отправку в княжество миссионеров из Мегрельской епархии. Власти считали, что для миссионерской работы в Абхазии желательно было на первом этапе использовать священников грузинской национальности. После рассмотрения этого вопроса Святейший Синод постановил, игумена Антона Дадиани возвести в сан архимандрита, дать ему в Мегрелии один монастырь и «поставить ему в обязанность преимущественно заняться делом обращения в христианство неверных как в Абхазии, так и Мингрелии».[1]

В феврале 1833 года Антона Дадиани возвели в сан архимандрита, а в начале следующего года он прибыл в Абхазию и приступил к миссионерской деятельности. Вскоре появились и первые положительные результаты. С марта по май 1834 года только в Лыхны было крещено 155 человек. В Бзыбской области миссионерам в деле обращения абхазов оказали содействие Тамар Шарвашидзе и князь Салaруф Инал- ипа. Миссионеры действовали и в Абжуйской области. В 1834 г. в с. Квитоули приняли крещение 156 человек, Тамышах - 93, Киндги – 72. В целом, в Абхазии за первый год миссионерства было обращено 554 абхазца. Этот процесс продолжился и в последующие годы. В 1835 году окрестили 784, а в 1836 году- 617 человек.[2] Сохранились списки крещенных в Абхазии в 1834 - 1836 годах, составленные на грузинском языке. Эти списки представляют собой великолепный источник для изучения топонимики Абхазии, этнического состава населения и других вопросов.[3] Из этих списков хорошо видно, что в Бзыбской области преобладали абхазские фамилии, хотя довольно много было и западногрузинских фамилий, принадлежавших, видимо, обабхазившимся грузинам; в Абжуйской области, наоборот, преобладали западногрузинские фамилии.

Во второй половине 30-х годов миссионерская работа несколько замедлилась, что было вызвано несколькими факторами. Если на первых порах было обращено прибрежное население, то теперь очередь дошла и до горного населения. Жителей прибрежной полосы преимущественно составляли потомки обабхазившихся с XVI в. грузин, которые не только не противились возвращению в лоно христианства, не чуждались вере предков, но и были проникнуты уважением к развалинам древних церквей. В горах же жили сравнительно недавние переселенцы из Северного Кавказа, испове-

[1] Дж.Гамахария. Абхазия и православие,с.378, 379.
[2] Г.Рогава. Религия и церковь Грузии в XIX-XX годах, с.83-85; Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 79.
[3] Г.Гасвиани. Старые и новые абхазцы, с 139-184.

довавшие язычество, либо мусульманство, либо и то и другое. Они оказывали противодействие миссионерам. Для них распространение христианства означало укрепление неприемлемого русского владычества и разрыв связи со своими северными соплеменниками. Они понимали, что власти путем их обращения в христианство добывались достижения, прежде всего, политических целей. Поэтому и оказывали жесткое сопротивление распространению христианства, более того, стремились вновь обратить в магометанство новокрещенных. 31 марта 1836 года Леван V Дадиани в письме к барону Розену отмечал, что миссионерская деятельность в Абхазии не достигала своей цели. По его мнению, не было „ни способов , ни средств...действовать так , чтобы можно было ожидать успеха и достижения главной цели человеколюбиваго правительства, стремящего разлитием света кроткого Евангельского учения оружием креста победить буйство и непокорство горцев для прочного благосостояния Закавказского края''.[1] После этого иллюзорная политика укрепления имперских позиций с помощью православия полностью сменилась насильственными действиями путем применения военной силы.[2]

Черноморская береговая линия и Абхазия. В конце 1837 года барона Розена на посту главноуправляющего сменил генерал Е.Головин (1837-1842годы). С этого периода для эффективной борьбы с кавказскими горцами русское командование большое внимание уделило строительству крепостей и устройству дорожного сообщения на завоеванных территориях восточного побережья Черного моря. Крепости и форты, как правило, строились у устьях рек, на отнятых у местного населения землях. Строительством крепостей Россия стремилась изолировать кавказских горцев от внешнего мира, закрыть морские сообщения, в первую очередь, с Турцией и Англией. В то же время, русские укреплялись на берегах Черного моря и создавали благоприятные условия для обеспечения господства Российского флота на Черном море. На северо - восточном Причерноморье были возведены крепости: в 1837 году - Святого духа (Адлер), устье реки Мзымта у Адлерского мыса, Новотройцкое, устье реки Пшад; Михайловское, устье реки Вулан; в 1838 году - форт Александра (с 1839 года назван Навагинском), устье реки Сочи, Вельяминовское, устье реки Туапсе, Тенгинское - устье реки Шапсухо, Новороссийск в Цемесском заливе; в 1839 году - форт Головинский, устье реки Субаш (Шахе), форт Лазаревское, устье Псезуапса. В 1839 году завершилось строительство сухопутного сообщения между укреплениями восточного побережья Черного моря. Все эти укрепления от устья реки Кубани до реки Чолоки, включая Абхазию и Цебельду, были объединены в систему Черноморской береговой линии под командованием генерала Н. Раевского. Бе-

[1] Дж.Гамахария. Абхазия и православие,с.394-395; Центральны государственный исторический архив Грузии, фонд 489, опись 1, дело 5095, лист 1.
[2] Дж.Гамахария. Абхазия и православие,с.398.

реговая линия делилась на два отделения: 1. от устья реки Кубани до устья реки Сочи (Навагинск), 2. от устья реки Сочи до р.Чолоки (пост Святого Николая, Шекветили). Начальник второго отделения береговой линии командовал и войсками, расположенными в Абхазии[1]. Тем самым упразднялась должность командующего войсками в Абхазии. Объединение Абхазии в системе Черноморской береговой линии явилось первой серьезной попыткой ее отторжения от Грузии.

В октябре 1840г. произошла реорганизация Черноморской береговой линии. Были сформированы три отделения: I. от устья р. Кубани до Геленджика, II.от Геленджика до Навагинска; III отделение состояло из укреплений: Навагинск, Головинск, Адлер, Гагра, Пицунда, Бомбора, Сухум-Кале, Анаклия, Редут-Кале, Поти, Озургети, а также сторожевых постов в Мрамбе, Драндах, Квитоули, Илори, Св. Николая. Начальник III отделения обязан был иметь «политический надзор за Абхазиею», а при необходимости имел право употребления силы оружия[2].

Русское командование считало, что до покорения джиков и убыхов невозможно было полное подчинение Абхазии. В начале 1840г. джики, убыхи и шапсуги активизировали свои действия против русских войск на северо-восточном Причерноморье. За ними стояла Англия, пытавшаяся ослабить позиции России на Кавказе и, в конечном итоге, отторгнуть этот край от нее[3]. Кавказским горцам было известно и то, что гарнизоны укреплений Черноморской береговой линии были малочисленны и слабо защищены. Они воспользовались этим и, предприняв наступление, в феврале-марте 1840г. заняли крепости Лазаревское, Вельяминовское и Михайловкое. В это же время произошло восстание в Цебеле и Дали. Восставшие призвали на помощь сванов и псхувцев. Для их приведения в покорность русское командование послало карательную экспедицию с участием и Абхазского народного ополчения во главе с Михаилом Шарвашидзе. Экспедиция заняла Цебель и принудила цебельских и дальских владельцев дать клятву верности[4]. В том же 1840 году русские подчинили и Псху, установив в этом горном обществе русское правление[5].

Покорение Цебели и Дальского ущелья оказалось недолговременным. Через некоторое время в этих краях вновь обострилась ситуация. В октябре 1840г. Н. Раевский писал: «...Цебельдинцы подстрекаются убыхами... В Абхазии часть народа готова восстать против владетеля и присоединиться к убыхам».[6] Русскому командованию стало известно, что дальцы обратились за помощью к соседним горским племенам, что для оказания помощи дальцам убыхи уже собрали

[1] Акты. т. IX, №404, с. 460-461; Б.Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии, с. 29-30.
[2]Г.А. Дзидзария. Присоеденение Абхазии к России, с.50; Б.Хорава. Мухаджирство в Абхазии в 1867 г., с. 30.
[3]Н.А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958, с.197.
[4] Акты..., т.IX, №426,с.492-493;Очерки истории Абхазской АССР,ч. I,с.180.
[5] Г.А Дзидзария. Присоединение Абхазии к России, с. 63.
[6] С.З. Лакоба. Очерки политичесской истории Абхазии, Сухуми.1990,с.17-18.

тысячный отряд. Русские решили не допустить объединения горцев и действовать на опережение. В декабре 1840г. против дальцев была послана карательная экспедиция во главе с начальником III отделения Черноморской береговой линии полковником Н. Муравьевым. В ней принимали участие ополчения из Абхазии и Самурзакано. В январе 1841г. экспедиция штурмом взяла дальские «ворота» - Багадские теснины и ворвалась в Дальское ущелье. Дальцы оказали героическое сопротивление, но потерпели поражение. По приказу Н. Муравьева, солдаты сожгли целые поселения, уничтожили продовольственные запасы дальцев, а всех жителей оттуда выселили[1]. Для того, чтобы в дальнейшем обезопасить Абхазию от нашествий горцев, Н.Муравьев предлагал поселить в Дальском ущелье, через которое пролегала дорога от Кубанского бассейна в Абхазию, 500 русских семей**.** Но Муравьев не получил такого разрешения, поэтому там поселились северокавказские горцы[2], вернулась и часть местного населения. Таким образом, бесчеловечная военная экспедиция русских против Дальского ущелья имела для захватчиков лишь кратковременный успех.

В марте 1841г. джикские общества покорились русским, в чем была большая заслуга Михаила Шарвашидзе. После этого, главной задачей русских властей становится утверждение в Джикети. С этой целью началось строительство дороги соединяющей этот край с Абхазией. Летом того же года восстание в Гурии, имевшее отклик и среди горцев, помешало проведению карательной экспедиции против убыхов. В сентябре 1841г. восстание в Гурии было жестоко подавлено, после чего власти приступили к подготовке военной экспедиции против убыхов. Совместно с войсками III отделения Черноморской береговой линии, в ней участвовали народные ополчения Абхазии, Самурзакано, Сванетии, Мегрелии, Имеретии и Гурии под общим руководством Михаила Шарвашидзе. В начале октября экспедиция вступила на землю убыхов, сожгла несколько деревень и дошла до Навагинска. В начале ноября экспедиция, не достигнув реальных результатов, вернулась в Адлер[3].

В 1841-1842 годах вновь начались выступления местного населения в Дали, Цебельде, Псху, а также в селах Гума, Джгерда, Члоу, но русские власти жестоко их подавили[4]. Устроенная в декабре 1843г. под непосредственным руководством Михаила Шарвашидзе карательная экспедиция еще раз подчинила Псху[5]. Через некоторое время псхувцы вновь продолжили неповиновение и борьбу против русских.

Самурзаканский вопрос. В конце 30-х годов XIXв. владетель Абхазии с целью овладения Самурзакано постарался оказать давление на русские вла-

[1] Акты..., т. IX, №432, с.496-497; Б.Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии , с. 33.
[2] Г.А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX столетия. Сухуми,1982,с.373.
[3] Акты..., т. IX, с. 513-519; А. Дьячков-Тарасов. Гагры..., с.121; Б.Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии, с .35.
[4] Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.55, 69-70.
[5]Очерки истории Абхаской АССР,ч. I, с. 183.

сти. В 1839г. Михаил Шарвашидзе обратился к властям с просьбой о передаче Самурзакано Абхазскому княжеству[1]. Возмущенный владетель Мегрелии Леван V Дадиани представил начальству обширную докладную записку. В ней отмечалось, что Самурзакано издревле являлось собственностью Мегрелии и получил его по наследству, следовательно, претензии Михаила Шарвашидзе он считал беспочвенными и необоснованными.

Для доказательства своих прав на Самурзакано Леван V приводил договоры с Георгием Шарвашидзе в 1818г. и Михаилом Шарвашидзе в 1827г. о признании Самурзакано составной частью Мегрелии[2]. Власти отказали Михаилу Шарвашидзе в передаче Самурзакано под тем предлогом, что оно давно было отделено от Абхазии. Однако, по решению властей, Самурзакано не должно было оставаться и в составе Мегрелии.

В 1840 г. на территории от р. Ингури до р. Галидзги было ведено непосредственное русское правление; образована отдельная административно-территориальная единица - Самурзаканское приставство, подчиненное Кутаисскому губернатору[3]. Территориальный спор между Мегрелией и Абхазией облегчил властям принятие решения об установлении русского правления в Самурзакано, хотя до этого русская администрация считала его собственностью Мегрельского княжества.

Леван V Дадиани обжаловал решение об отделении Самурзакано и потребовал его возвращения или выплаты компенсации. Действительно, в 1847г. в счет компенсации за Самурзакано владетелю Мегрелии Давиду Дадиани выплатили 25 тыс. рублей серебром, что оскорбил владетеля Абхазии. Этому добавилась и то, что в том же 1847г. власти отобрали у Михаила Шарвашидзе весьма прибыльные порты Гуда (Гудаута), Очамчире, Келасури, переданые таможенному ведомству. Взамен этого ему назначили пенсию в размере 12 тыс. рублей в год. Владетель Абхазии понимал, что царизм постепенно ограничивал его власть. В связи с этим, он выразил протест (10 ноября 1847г.) в форме отказа от владетельских прав[4].

Владетель Абхазии чувствовал, что его будущее висит на волоске и этим жестом хотел опередить события, надавить на русскую администрацию. Шаг Михаила Шарвашидзе вызвал озабоченность в высших кругах русской администрации на Кавказе, так как она не в состоянии была тогда самостоятельно контролировать ситуацию в Абхазии. Надо отметить, что русская администрация в свое время приняла все меры, чтобы сделать Михаила Шарвашидзе настоящим владетелем Абхазии, обладавшим реальной властью. С помощью рус-

[1] З. Цинцадзе. Вопросы о границах Менгрельского (Одишского) княжества в первой половине XIX в. – Сборник по исторической географии Грузии, VII. Тб., 1989, с. 97 (на груз. яз.).
[2] М. Думбадзе. Западная Грузия в первой половине XIXв. Тб., 1957, с.268 (на груз.яз.).
[3] Акты..., т.X, №.256, с.248.
[4] Акты..., т. X, №.278, с.268; С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т.I, с. 134-135.

ских штыков он сумел подчинить себе не только феодальную оппозицию, но и непокорные горные общества Абхазии. Щедрая раздача правительственных наград и чинов среди местной феодальной аристократии подняло его авторитет в княжестве. Кроме того, русская администрация на Кавказе положительно оценивала заслуги Михаила в подчинении горных обществ Абхазии, борьбе против западнокавказских племен, в покорении прибрежных джикских общин в 1841 году и т.д. Владетель Абхазии пользовался большим влиянием среди убыхов, джиков, шапсугов, абадзехов. Поэтому он еще нужен был русским. Наместник царя на Кавказе М. Воронцов (1844-1854 годы) переубедил Михаила Шарвашидзе и он отказался от своего намерения[1].

Создание Абхазской епархии. В конце 40-х годов созрел вопрос о создании отдельной епархии в Абхазии. 14 марта 1849 г. экзарху Грузии митрополиту Исидору соответствующей инициативой обратился Михаил Шарвашидзе, а через два года - 30 апреля 1851 г. по распоряжению Императора Николая I в Абхазии была учреждена епископская кафедра. Первым епископом Абхазии с 8 сентября 1851 г. до 2 сентября 1856 г. являлся духовник Михаила Шарвашидзе Герман (Гогелашвили)[2] **.** На фоне Русско-Кавказской войны и попытки проникновения на Западный Кавказ мюридизма, значение распространения христианства в Абхазии было очевидным**.** В регионе продолжалась деятельность грузинских миссионеров. В 1851 г. в административном центре Самурзакано в селе Окуми, а так же Илори открылись первые школы. В 1852 г. в Лыхны было учреждено духовное училище, имевшее большое значение с точки зрения распространения в крае образования. Его основателем и смотрителем являлся иеромонах Александр (Окропиридзе). Училище предназначалось для обучения и воспитания детей всех слоев населения**.**[3] В 1855 г., в период Крымской войны, в эвакуированном в Мегрелию училище, совместно с другими абхазскими детьми учился и наследник княжеского престола Абхазии – Георгий Шарвашидзе. Александр (Окропиридзе) лично обучал Георгия; он же за годы Крымской войны на собственные средства содержал все училище.

Крымская война и Абхазия. В конце 40-х годов XIX в. обострился так называемый «Восточный вопрос» - комплекс проблем, связанных с попыткой Европейских держав и России разделить на сферы влияния Оттоманскую империю. Агрессивная политика России сблизила Францию и Англию. Они стремились подтолкнуть Порту, объявить войну России. Англия и Франция добывались изгнания России из Крыма и Кавказа, а планы видного государственного деятеля Англии Г. Пальмерстона даже предусматривали расчленение России. По его плану, Крым и Грузия отходили к Турции, а на Северном Кавказе создавалось

[1] С. Эсадзе. Историческая записка..., т. I, с. 135-137.

[2]Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с.413; Святой Архиерей Гавриил (Кикодзе) и Абхазия. Составил Дж. Гамахария. Тб., 2007 с. 567- 568.

[3] Святой Архиерей Александр и Абхазия. Составил Дж. Гамахария. Тб.,2006, с.14-21.

буферное (закрывающее России путь к югу) Черкесское независимое или находящееся под протекторатом Порты государство во главе с Шамилем.[1] Планы Англии совпадали с реваншистскими устремлениями Турции, добывавшейся возвращения Крыма и Кавказа в сферу своего влияния.

4(16) октября 1853 г. Турция объявила войну России. Началась Восточная война (1853-1856годы), известная так же под названием Крымской войны. С ее начала Россия оказалась в международной изоляции. В марте 1854 г. Англия и Франция так же объявили ей войну. Основным театром военных действий был Крым, но поражение России в Крыму и на Балканах компенсировалось успехами на Кавказском фронте.

Превосходство флота союзников не позволяло российскому командованию осуществлять связь с восточным побережьем Черного моря, в том числе с Абхазией. Поэтому оно вынуждено было в марте-апреле 1854 г. отвести войска из Абхазии и упразднить Черноморскую береговую линию. С северо-восточного побережья Черного моря были эвакуированы русские гарнизоны, а крепости - взорваны[2]. Михаил Шарвашидзе лично руководил эвакуацией гарнизонов Черноморской береговой линии - Сухуми, Бомборы, Пицунды и Цебельды.

В марте 1855 г. части турецких войск под командованием Мустафа-паши высадились в Сухуми. Турки активно пытались перевести на свою сторону абхазскую знать. Деятельность грузинского духовенства, обращение в христианство большой части населения, усилия самого Михаила Шарвашидзе не позволили туркам осуществить свои планы, привлечь на свою сторону абхазов[3]. После отвода русских войск из Абхазии Михаил Шарвашидзе перешел в Мегрелию, в имение своего тестя – Георгия Дадиани. Он надеялся, что ему, как генерал-лейтенанту русской армии, подобающее его званию военную должность, но его надежды не оправдались. В то же время, вдова владетеля Мегрелии Екатерина Дадиани потребовала от русских властей, чтобы Михаил покинул территорию княжества. В мае 1855 г. Михаил Шарвашидзе вернулся в Абхазию и установил прямые контакты с турецкими властями в Сухуми. Свой шаг он мотивировал желанием контролировать ситуацию в оккупированной турками Абхазии и, по мере возможностей, содействовать русскому командованию. Владетель Абхазии имел тайные контакты с русским командованием и передавал ему важную информацию. Михаил Шарвашидзе в июне сумел сорвать замыслы абхазов и других горцев, планировавших поход в Самурзакано. В то же время, он старался найти общий язык с турецкими властями.[4]

---

[1] P.Guedella. Palmerston. London,1926, p. 360-361; История дипломатии, т. I, с. 656-664.
[2] Акты..., т. X, № 282,с. 270; № 283, с.271; №286, с. 273-274; Е. Бурчуладзе. Крымская война и Грузия. Тб., 1960, с. 268-270.
[3] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 431.
[4] Н. Такаландзе. Михаил Шарвашидзе и Крымская война.-Исторические разыскания. Тб., 1999, с.114-115.

В июне 1855 г. русские войска окружили Карс и тем самым создали угрозу важным центрам Турции. Для спасения Карса в июне 1855 г. турки под командованием Омер-паши высадили 45 тысячный десант в Сухуми.[1] Омер-паша намеревался через Грузию дойти до Карса и помочь окруженной крепости. В октябре турецкая армия оккупировала почти всю Мегрелию, но дальнейшее продвижение войск приостановилось.

16 ноября 1855 г. Карсская крепость капитулировала и поход Омер-паши с целью оказания помощи ее защитникам потерял всякий смысл. Теснимый грузинскими партизанами и русскими войсками Омер-паша отступил к Черному морю. В феврале 1856 г. турецкая армия, понесшая значительные потери, покинула Абхазию и Мегрелию. Вместе с турками ушла из Абхазии часть населения, в основном из дворян.[2] 10 июля русские войска заняли Сухуми.[3]

В марте 1856 г. в Париже было подписано мирное соглашение. По договору, Россия сохранила свои владения на Кавказе в довоенных границах, а занятые русскими Карсский и Баязетский пашалыкства были возвращены Турции. России запрещалось иметь военный флот и военные укрепления на берегу Черного моря. Таким образом, Парижский трактат положил конец стремлению России установить господство на Ближнем Востоке.

После Крымской войны России пришлось заново завоевывать Абхазию. Черноморскую береговую линию вновь заняли русские войска. Антирусское движение в Абхазии пошло на убыль, но власти спокойно себя не чувствовали. Поэтому в июне 1856 г. наместник царя на Кавказе Н.Муравьев, имея в виду «предательство» Михаила Шарвашидзе в период Крымской войны, перед Петербургом поставил вопрос об упразднении княжества и высылки Михаила Шарвашидзе в далекую русскую губернию.[4] Император Александр II отклонил предложение наместника. Российские власти считали Михаила Шарвашидзе своеобразным гарантом восстановления влияния в Абхазии и на Западном Кавказе. В Чечне и Дагестане опять продолжались военные действия, предстояло завоевание Западного Кавказа, неспокойной была обстановка в Абхазии. Поэтому Михаил Шарвашидзе пока еще нужен был властям. Факт же измены с его стороны в период Крымской войны император признал недоказанным и это дело притихло.

В июне 1856 г. наместником царя и командующим Кавказским корпусом был назначен А.Барятинский (1856-1862годы). Он осуществил реорганизацию управления Кавказским корпусом и политико-административного устройства восточного побережья Черного моря. Боевые действия потребовали объедине-

[1]Е. Бурчуладзе.Крымская война и Грузия. Тб., 1960, с.270.
[2]Д. Нинуа. Некоторые вопросы истории Абхазии периода Крымской войны 1853-1856 годов. -Труды Сухумского педагогического института им. А.Горького, т. IX, 1956, с.196.
[3] Е. Бурчуладзе. Крымская война и Грузия, с. 405-421; Очерки истории Абхазской АССР,ч.1,с.196.
[4]Акты..., т. XI, .№43,с.54.

ния военной и гражданской власти по Кутаисской губернии. В августе 1856 г. в целях централизации управления путем объединения Кутаисской губернии и III отделения Черноморской береговой линии было образовано Кутаисское генерал-губернаторство. Была введена должность командующего войсками в Абхазии. Абхазское княжество номинально подчинялось Кутаисскому генерал-губернатору, а реально - наместнику царя на Кавказе.[1] Для упрочения своих позиций в Грузии царизм приступил к упразднению феодальных княжеств. В 1857г. упразднено Мегрельское княжество, 1858 г. – Сванетское владение. В них было установлено русское правление. На повестке дня стоял вопрос об упразднении и Абхазского княжества, однако, как отмечалось выше, принятие решения пришлось на время отложить.

После завершения Крымской войны все внимание было приковано к Русско-Кавказской войне. Царизм получил возможность сосредоточить на Кавказе значительные силы. Кавказский корпус преобразован в армию. Основное внимание А.Барятинский уделил Чечне и Дагестану; в то же время, он понимал, что без утверждения на северо-восточном побережье Черного моря и в Абхазии невозможно будет покорение Западного Кавказа.[2] Положение в Абхазии оставалось не столь утешительным. Командующий правым флангом Кавказской армии генерал Г. Филипсон 13 мая 1858 г. писал начальнику главного штаба Кавказской армии, что "положение в Абхазии не изменилось к лучшему с тех пор, как я ее оставил: так же точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен... Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею"[3] . Такого же мнения придерживался начальник войск в Абхазии генерал М.Лорис-Меликов. В докладной записке от 12 августа 1858 г. Кутаисскому генерал-губернатору, генерал-лейтенанту Г.Эристави он писал: "Мы заняли Сухуми в 1810 году. С того времени прошло уже полстолетия и надо сознаться, что влияние наше в Абхазии нисколько не увеличилось, что, действительно, как выразился генерал Филипсон, мы не владеем, а только занимаем ее"[4]. В условиях войны на Кавказе, Россия воздерживалась от принятия решительных мер в отношении Абхазского княжества и ждало подходящего момента для расправы с ним.

4. Завершение Русско-Кавказской войны и упразднение Абхазского княжества

Россия всеми имеющимися в ее распоряжении силами перешла в наступление против горцев и добилась успехов. 25 августа 1859г. руководитель

[1] С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, с. 97-99.
[2]А. Зиссерман. Фельдмаршал Барятинский. 1815 – 1879. М., 1888, с. 33-35.
[3]Акты..., т. XII, ч. II, с.776.
[4]Там же, с.792.

национально-освободительного движения кавказских горцев Шамиль сдался противнику. Россия завоевала Чечню и Дагестан. Убедившись в бессмысленности возобновления войны с Россией, часть горцев, не приемля установившийся колониальный режим, решила переселиться в Турцию. Под влиянием турецких эмиссаров, местного духовенства, знати и под давлением русских властей около 100 тысяч дагестанцев, чеченцев, осетин переселились в Турцию.

После покорения Чечни и Дагестана только горцы Западного Кавказа продолжали борьбу. Пытаясь сломить их сопротивление, Россия перебросила сюда основные силы двухсот тысячной Кавказской армии. Император Александр II (1855-1881годы) требовал скорейшего окончания полувековой Кавказской войны, поглощавшей огромные средства. В борьбе за покорение Западного Кавказа большое значение придавалось Абхазии. Для русского командования было ясно, что до тех пор, пока занимала лишь прибрежную часть Абхазии, ее влияние в этом крае не будет прочным. В начале 1860г. командование обратило внимание на прокладку дорог, соединяющих Абхазию с Северным Кавказом и имеющих как военное, так и административное значение. В первую очередь, было решено проложить колесную дорогу из Абхазского побережья до Псху, жители которого продолжали разбойничье нападения на абхазские села, русские укрепления и уводили пленных. Для того, чтобы не было помех в прокладке дороги и окончательно покорить эту горную общину было решено послать военную экспедицию. В августе 1860г. русские части двинулись к Псху. В экспедиции участвовали и около 3.000 абхазских милиционеров. Несмотря на стойкое сопротивление, псхувцы потерпели поражение и объявили покорность русскому командованию. Успех экспедиции не привел к усилению русского влияния в этой горной общине[1]. Псху вновь оставался важным очагом сопротивления против русских завоевателей.

В сентябре 1860г. командование Кавказской армии в целях скорейшего завершения войны разработало новый план, предусматривающий изгнание западнокавказских горцев с насиженных мест и заселение этих территорий русскими поселенцами. Русская колонизация, как один из главных способов завоевания, должна была довершить покорение Кавказа. До этого против горцев устраивались экспедиции, нанося им поражение. Несмотря на это, борьба горцев продолжалась, населенные ими территории оставались незавоеванными. Поэтому было решено отныне прекратить связанные с большими жертвами военные экспедиции и приступить к заселению Северного Кавказа казацкими станицами, а местных горцев переселить на равнины, либо выселить в Турцию. Таким путем русские власти пытались лишить их естественного горного убежища и взять под контроль своей администрации. А. Барятинский чисто-

[1] Там же, №737, с. 859-860; №739, с.861-865; Очерки истории Абхазской АССР, ч.I, с. 188; Б. Хорава. Покорение Западного Кавказа и Абхазия. - Исторические разыскания, VII . Тб., 2004, с.110-111.

сердечно признавался, что главной целью выселения горцев было высвобождение этих прекрасных и плодородных мест для казацких поселений[1].

Во время военных действий на Кавказе Россия придавала большое значение фактору Абхазии и роли Михаила Шарвашидзе. В апреле 1862 года А.Барятинский писал военному министру Д.Милютину: влияние Михаила «в Абхазии и на соседние племена, как мне известно, еще очень важно. Поэтому расположить этого человека к нам считаю очень полезным»[2]. Было ясно, что упрочение русской власти в Абхазии было возможно по мере завоевания Западного Кавказа. Хорошо знал об этом и Михаил Шарвашидзе. Русское командование полагало, что владетель Абхазии, пользовавшийся большим уважением среди горских народов, тайно поддерживал их борьбу. Владетель Абхазии понимал, что после покорения этих народов придет конец и его власти, поэтому прокладке дорог на Северный Кавказ через абхазские горные общины он относился неблагожелательно.

В феврале 1864 года русские приступили к заключительной операции по завоеванию Северо-Западного Кавказа. В марте того же года наместник царя М. Романов (1862-1881годы) по этому поводу Александру II писал: «Будем действовать осмотрительно, но и решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочитает выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани. Дело окончательного покорения восточного берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев»[3]. В мае 1864г. русские взяли последний оплот сопротивления Кавказских горцев - общину джиков в верховьях реки Мзымта. 21 мая в центре Ахчипсу на урочище Кбаада, где в тот день состоялся парад победы, было объявлено о завершении войны на Кавказе. В июле части русской армии вторглись в Псху как через Санчарский перевал , так и со стороны Абхазии через перевал Доу. Псхувцы оказали отчаянное сопротивление, но потерпели поражение. После боя псхувцы, оставшиеся в живых, подожгли свои жилища и оставили ущелье[4].

Таким образом, в июле 1864 года русские заняли Псху; из этой общины 105 семей (862 человек) переселились на Северный Кавказ в ущелье реки Кума, 3.5 тыс. человек ушли в Турцию[5]. После этого верхняя часть Бзыбского ущелья совершенно опустела. В 1858-1864 годах жители Северо-Западного Кавказа в частности, большинство адыгейцев и абазин, а убыхи – полностью, вынуждены были переселиться в Турцию. По отчетам российского командования с Западного Кавказа в Турцию переселился 418.000 человек, а на

[1] Г.А.Дзидзария. Махаджирство…,с.198.
[2] А.Л.Зиссерман. Фельдмаршал Барятинский, с.388.
[3] Г.А.Дзидзария. Махаджирство…,с. 183.
[4] Б.Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии, с. 61.
[5] Г.Дзидзария. Махаджирство…, с. 195; Б.Хорава. Переселение псхувцев. - Труды второй Республиканской конференции. Кутаиси, 2004, с. 256-259.

Кубань и Лабу- приблизительно 90.000 человек. Процесс переселения продолжался и в 1865 году. На Северо-Восточном Причерноморье почти не осталось адыгейцев и абазин, лишь малую их часть аулами поселили на Кубани. По официальным, видимо, не полным данным, из Северо-Западного Кавказа в Турцию переселилось 470.000 человек[1]. После окончания русско-кавказской войны царизм получил обширные территории для колонизации. В 1861-1864 годах там были устроены 111 станиц казаков с численностью 85.000 человек. Из внутренних губерний России в эти края переселяли русских, украинцев, а также бежавших из Турции греков и армян[2].

В 1866 году царизм провел реформу административного устройства Западного Кавказа. Обширные территории от реки Кубани до Кавказского хребта вошли в Кубанскую область, а северо-восточное Причерноморье - в состав Черноморского округа, подчиненном начальнику Кубанской области. Таким образом, царизм достиг своей цели, включив Северо-Западный Кавказ в имперскую административную систему. После этого на повестку дня встал вопрос о судьбе Абхазии. Еще до окончания Кавказской войны наместник, Великий князь М. Романов в письме военному министру Д. Милютину от 27 марта 1864 года поставил вопрос об упразднении Абхазского княжества. По его мнению, эта мера нужна была для исполнения одобренного правительством проекта об обустройстве казацких станиц на Причерноморье от устья реки Кубани до реки Бзыбь. Великий князь выдвинул и практические предложения: «1.Владетеля и наследника его склонить отказаться от права владения. 2.Назначить владетелю и наследникам его содержание их обеспечивающее. 3.Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальников отделов в областях с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору. 4.Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега (Черного моря - авт.) до устья Ингури казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыбь, могли бы составить Абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного округа. 5.Границею между Кубанским и Абхазским войском назначить хребет, замыкающий Гагринскую теснину и отделяющий теперь Абхазию от земли джигетов»[3]. В апреле 1864 года Александр II одобрил предложения наместника. В мае того же года М.Романов получил соответствующий приказ императора, исполнение которого поручил Кутаисскому генерал-губернатору Д.Святополк-Мирскому и командующему войсками в Абхазии генералу П.Шатилову. 24 июня М.Романов официально из-

---

[1] С.Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1, с. 52; Б.Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии, с. 62.
[2] Г.А.Дзидзария. Махаджирство...,с. 208; Б.Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии, с. 63.
[3] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 5, опись, 1, дело 7506, лист 41; Дж. Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 329-333.

вестил Михаила Шарвашидзе об освобождении его, по приказу императора, от обязанностей владетеля Абхазии и о введении в крае русского правления[1]. Представители русских властей уже имели готовые предложения об удалении коренного населения после упразднения Абхазского княжества. Д.Святополк-Мирский по этому поводу писал начальнику главного штаба Кавказской армии генералу А.Карцову следующее: «Если часть абхазцев возымеет намерение удалиться в Турцию, то полагаю, что этому препятствовать не следует»[2]. Власти, как отмечал Кутаисский генерал-губернатор, стремились, приобрести частные обширные имения владетеля и сейчас же приступить к колонизации Абхазии русскими казаками. По его предложению, границей между Кубанской областью и Кутаисской губернией должен был быть Гагринский хребет и это только с одной целью: «Владея пустыми пространствами по обоим берегам Бзыбы, можно будет положить там начало русского народонаселения в Абхазии»[3].

12 июля 1864 г. прибывший в город Сухуми Д.Святополк-Мирский объявил представителям трех областей Абхазии об упразднении, по указу императора, Абхазского княжества и о введении непосредственного русского правления[4]. Был образован Сухумский военный отдел, подчиненный Кутаисскому генерал-губернатору. Отдел состоял из Бзыбского, Сухумского и Абжуйского округов, а также Самурзаканского и Цебельдинского приставств. Начальником Сухумского военного отдела был назначен командующий войсками в Абхазии генерал П.Шатилов[5]. Владетель Абхазии Михаил Шарвашидзе в ноябре 1864г. был сослан в г.Воронеж, где и скончался 16 апреля 1866г. В мае того же года похоронили в Абхазии, в Моквской церкви[6]. Таким образом, с упразднением Абхазского княжества и введением в крае русского управления в Абхазии утверждается колониальный режим.

После установления русского правления, администрация Абхазии стала заботиться об установлении «государственного порядка», что, в первую очередь, подразумевало проведение последовательной колонизаторской политики. В 1866г. в Сухумском военном отделе началась подготовка к проведению крестьянской реформы, однако, нежелание властей учесть особенности социального и общественного строя в Абхазии, грубое вмешательство чиновничества в образ жизни абхазов, экономическая нужда, неприемлемая для местного населения административная реформа и подготовка почвы для крепостнической по своей сути реформы вызвало массовое недовольство населения, переросшее в

[1] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 416, опись 3, дело 177, лист 48; Г.А. Дзидзария. Махаджирство…, с. 250-252.

[2] С.Джанашиа. Георгий Шарвашидзе, с.7 (на груз.яз.).

[3] Там же.

[4] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с.711-712.

[5] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 416, опись 3, дело 177, лист 78; Очерки истории Абхазской АССР,ч.1,с.201; Г.А.Дзидзария. Присоединение Абхазии к России,с.67.

[6]Кавказ,1866,№68, 1 сентября.

открытое восстание против колонизаторской политики. Оно началось многотысячным собранием в селе Лыхны 26 июля 1866г. В тот же день восставшие убили находящихся в Лыхненском княжеском дворце начальника отдела полковника В.Коньяра и сопровождавших его нескольких чиновников. Восстание перекинулось на всю Абхазию. Власти перебросили сюда дополнительные воинские подразделения и в августе жестоко подавили восстание, сурово наказав его руководителей.

Подавив восстание, правительство приступило к подготовке административной реформы, целью которой являлось усиление контроля над краем. По положению от 11 августа 1866г., Сухумский военный отдел был разделен на Пицундский, Драндский, Цебельдинский и Окумский округа. Отдельной административной единицей являлся г.Сухуми. Начальник Сухумского отдела ползовался правами военного губернатора, хотя номинально подчинялся Кутаисскому генерал-губернатору. В связи с тем, что власти планировали казацко-русскую колонизацию Причерноморья от р. Бзыбь до р. Ингури, Самурзакано (Окумский округ) был присоединен к Абхазии.

После восстания 1866 года появились первые обоснования плана по переселению абхазов в Турцию. О нем шла речь в обращении Кутаисского генерал-губернатора Д. Святополк-Мирского к начальнику Кавказского горского управления Д. Старосельскому от 27 октября 1866 года, в котором сказано: «Одно только есть радикальное средство для устранения всякой для нас опасности со стороны Сухумского отдела – это переселение в Турцию жителей Абхазии». Мирский считал, что «если решиться на такую меру, то всякие другие соображения сделаются излишними и вопрос закончится раз и навсегда». Причем он рассматривал это как довершение системы, принятой в отношении горских племен Западного Кавказа и расценивал как очень существенный факт, поскольку «по географическому положению своему Абхазия и Цебельда играли весьма важную роль во время Кавказской войны и будут иметь большое значение при всяких военных событиях на Кавказе и в особенности в случае внешней войны»[1]. Хорошо понимая важное стратегическое значение Абхазии, русские власти стремились удалить в Турцию мусульманское население края, что, по их мнению могло способствовать установлению политической стабильности в крае. Наместник на Кавказе, великий князь М.Романов прямо говорил: «Главная цель предположенного переселения (абхазов – авт.) в Турцию состоит в удалении от пределов наших той части населения, которая заключает в себе элементы наиболее нам враждебные»[2].

В ноябре 1866г. Александр II дал согласие на переселение в Турцию мусульманского населения Абхазии и Цебельды. Великий князь М.Романов приказал

[1] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись,1, дело 91, лист 21.
[2] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись,1 дело 91, лист 74; Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.284.

начальнику штаба Кавказской армии генералу А. Карцову немедленно приступить к исполнению воли императора[1]. Требовали переселения и сами абхазские мусульмане, не желавшие мириться с русским колониальным режимом. Министерство иностранных дел России дало указание своему послу в Турции графу Н.Игнатьеву провести по этому поводу переговоры с Портой. Посол вскоре получил согласие от министра иностранных дел Турции Али-паши о переселении абхазов в Османскую империю. Было достигнуто соглашение и о том, что мухаджиров не будут селить в приграничных с Россией территориях[2].

Русская администрация Кавказа считала, что в тот период первоочередной задачей являлось переселение абхазов. При этом, власти признавали, что если все мусульмане Абхазии захотят переселиться, это могло создать определенные сложности и неудобства, поэтому процесс переселения следовало регулировать. Была также дана рекомендация не позволять переселившимся возвращаться на родину[3]. Власти заранее определили число эмигрантов. Предполагалось выселить 4.500 абхазских семей; в свою очередь, Порта готова была принять 4.000 семей[4].

Относительно методов переселения, наместник царя М.Романов в письме Александру II от 13 феврале 1867г. отмечал, что не следует применять силу в процессе переселения абхазов, но в то же время всячески поддержать этот процесс. Русская администрация считала, что в первую очередь следовало переселить мусульман стратегически важных регионов - Цебельды и Дальского ущелья, через Кавказские перевалы, имевших связь с кабардинцами и карачаевцами. Жителей указанных регионов обвиняли так же в противодействии крестьянской реформе и поддержке восстания 1866 года.[5]

Получив согласие Турции о принятии мухаджиров из Абхазии, наместник дал приказ с конца апреля 1867 г. приступить к переселению. В Сухуми и других местах Абхазии перебросили дополнительные военные подразделения[6]. Еще до начала массового переселения абхазов в Турцию, 6 апреля 1867г. первый поток мухаджиров из с. Псырцха на трех кораблях отправился в Батуми, тогда еще входившего в состав Османской империи. Переселенцами являлись джики и псхувцы (49 семей, 218 душ), с 1864 года жившие в селе Псырцха[7].

В конце апреля 1867г. начался организованный процесс мухаджирства. Переселение сопровождалось актами насилия, о чем говорят тогдашние доку-

[1] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись ,1 дело 91, лист 19; Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.284.
[2] Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.285.
[3]Там же.
[4] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись 1, дело 91,лист 4-6; Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.283.
[5] Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.285-286.
[6] Там же, с.286.
[7] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись 1, дело 91, лист 115; Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.286.

менты. В письме наместника царя М.Романова на имя императора от 31 марта 1867г. сказано, что жители Пицундского округа не хотели переселяться в Турцию, поэтому они даже добровольно принимали христианство[1]. Грузинская газета „Дроэба" о тогдашнем положении в Абхазии писала: «Абхазы очень опечалены... В Самурзакано дрожат от страха, боясь, что могут переселить и их... Местные имеют с абхазами большие родственные связи. Ушли цебельдинцы, дальцы и гупцы. Из Абжуйского уезда тоже много уехало. Выгнали со своих жилишь члоувцев и джгердинцев, которые всем сердцем не хотели уезжать. Абхазцы очень хвалят начальника Бзыбского уезда Дмитрия Чавчавадзе, который с отцовской заботой объяснял им, что лучше быть под управлением русских, чем переселяться в Турцию»[2]. Несмотря на опасения жителей Самурзакано, мухаджирство их не коснулось, так как большинство населения составляли грузины – христиане; проживавшие здесь абхазы также являлись христианами.

Святой Исповедник Амвросий (Хелая) позже вспоминал, как во времена мухаджирства епископу Абхазии Александру Окропиридзе (1862-1869годы), пользовавшемуся большим уважением абхазов, явился абхаз - мусульманин, по имени Урус с 12 летним сыном. Он сказал архиерею, что навсегда покидает родину и имеет к нему просьбу:

«Хочу оставить вам своего сына... Жену и других детей потерял раньше, не знаю что будет со мной на чужбине, но все равно покидаю родину. Не хочу с моим единственным сыном разделить несчастье и поэтому привел его к тебе, милостивый отец; знаю, что примешь его и воспитаешь по христиански и будет он счастлив»[3]. Владыка Александр, действительно воспитал этого мальчика.

Как отмечал начальник главного штаба Кавказской армии генерал А.Карцов, переселению абхазов способствовали их родственные и дружеские связи с ранее переселившимися в Турцию абхазами и западнокавказскими горцами[4]. Ранние переселенцы на самом деле оказали большое влияние на процесс мухаджирства в Абхазии. Тот же А.Карцов подчеркивал, что значительная часть населения Абхазии, особенно знать не раз высказывала желание последовать примеру единоверных горцев и переселиться в Турцию[5].

Абхазские помещики были напуганы и готовящейся крестьянской реформой. Они видели, что после упразднения княжества и восстания 1866г. отношение к ним со стороны властей изменилось. Правительство уже не рассма-

---

[1] Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.288.

[2] Дроэба,1867, №23. Надо отметить, что жители Пицундского округа в 1868г. обратились с просьбой к начальнику Сухумского военного отдела генералу В. Гейману, чтобы оставить начальником округа Д.Чавчавадзе, которому были весьма благодарны, особенно за позицию, занятую им во время мухаджирства 1867 г. (Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545,опись 1,дело 324, лист 5-11).

[3] Святой Архиерей Александр и Абхазия..., с.295; Б. Хорава. Мухаджирство 1867 года в Абхазии, с.70.

[4] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись 1, дело 91,лист 27; Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.282.

[5] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись 1, дело 91, лист 28.

тривало местное дворянство в качестве своей опоры и это проявилось в том, что оно не признавало их права на крестьянские земли. В этом просматривалось желание властей получить в свое распоряжение значительный земельный фонд для дальнейшей колонизации[1]. Видя все это, абхазское дворянство решило переселиться в Турцию вместе со своими крестьянами[2]. Начальник Сухумского военного отдела генерал М. Толстой 16 марта 1867 года Кутаисскому генерал-губернатору писал, что приблизительно 40 цебельдинских князей намеревались с 1 мая переселиться в Турцию совместно с 1.270 крестьянскими семьями[3]. Традиции и родственные взаимоотношения с дворянством обязывали крестьян обязательно переселяться в Турцию вместе со своими помещиками. Среди переселенцев из Цебельды и Дальского ущелья и были и участники восстания 1866 года[4].

Когда процесс переселения приобрел широкий размах, власти предприняли меры для его ограничения. В начале июня 1867 года переселение абхазов прекратилось. В соответствии с соглашением, турецкие власти расселили мухаджиров вдали от границ России - в Анатолии, на Балканах (в основном в Болгарии) [5].

В процессе переселения составлялись списки мухаджиров по селам, с указанием численности семей, имен и фамилий глав семейств. По этим спискам, из села Псырцха переселилась 51 семья (210 душ), Поквеши - 10 (69душ), Члоу - 125 семей (539 душ), Атара – 7 семей (43душ) и т.д. По округам выселились: из Пицундского округа – 226 семей (1357 душ), Драндского округа – 629 семей (3245 душ), Цебельдинского округа – 2503 семей (14740 душ). Таким образом, из Абхазии, включая Цебельду и Дальское ушелье пересилилось не 4.500 семей, как планировали власти, а 3.358 семей, то есть 19.342 душ[6].

В августе-сентябре 1867г. начальник Сухумского отдела генерал-майор В.Гейман объездил вверенный ему край. 26-28 сентября, побывав в Цебельде и в Дальском ущелье, он убедился, что этот край был полностью „очищен" от местного населения. В.Гейман великодушно разрешил остаться здесь до весны встретившегося с ним кн. Михаилу Маршания и его крестьянам (17 семей), еще не сумевшим переселиться в Турцию из-за полноводия р. Кодори[7].

По сведениям управления кавказских горцев[8], численность населения Сухумского военного отдела по округам на ноябрь 1867 года выглядела следующим образом:

[1] Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.279-289.
[2] Там же, с.280.
[3] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись 1, дело 91, лист 1; Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.281.
[4] Ш.Чхетия. Документы...,с.118-119.
[5] Г.А Дзидзария. Махаджирство..., с.287-289.
[6] Б. Хорава. Мухаджирство 1867года в Абхазии, с.72-73.
[7] Центральный Государственный Исторический Архив Грузии, фонд 545, опись 1, дело 252, лист 2.
[8] Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 1,отдел, II, с.39.

Пицундский округ – 14.183 семьи (26.483 человек), Драндский округ – 3.278 семей (16.505 человек), Окумский округ – 3.493 семьи (21.858 человек), Цебельдинский – 27 семей (87 человек); всего – 12.696 семей, составлявших 64.933 человека. Из этих данных хорошо видно, что власти полностью очистили Цебельду и Дальское ущелье, население которых составляло 15 тыс. человек. По данным 1868 года, в Цебельде проживало только 13 семей, а в Дальском ущелье - ни одного[1]. В 1874 году в Абхазии побывал английский путешественник Грове. Из Карачая он перешел в Кодорское ущелье. Оно очаровало путешественника, который писал: «Трудно встретить местность более роскошную и красивую, чем луговыя, пространства и леса, по которым протекает Кодор». Однако путешественника охватило чувство грусти и тоски, за то, что отсутствовали всякие признаки человеческого пребывания. «Верхняя часть долины была совершенно безлюдна»[2].

Необходимость заселения высвобожденных мухаджирами земель и дальнейшей централизации управления в Сухумском военном отделе на повестке дня поставили вопрос о новой административной реформе. Она была проведена в мае 1868 года. В результате реформы образованы два округа: Пицундский, состоящий из Гудаутского и Гумистинского участков; Очамчирский, состоящий из Кодорского и Самурзаканского участков. Из Цебельды, предназначенной для колонизации, создавалось попечительство поселений.[3]

Граница Сухумского военного отдела на северо-западе проходила по р. Бегерепста (Холодная речка), граничившей с Черноморским округом; на юго-востоке - по р. Ингури, а на севере – по главному водораздельному Кавказскому хребту[4].

Церковь в Абхазии в 60-х годах. В целях распространения христианства на завоеванных территориях и борьбы с исламом 9 июня 1860г. было создано «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». В рамках этой организации проводилась миссионерская деятельность. Под флагом общества русские миссионеры на Кавказе развернули работу по русификации горских народов[5]. Общество действовало и в Абхазии. Епископ Александр (Окропиридзе) сумел сохранить и упрочить позиции христианства в крае. Его стараниями, а так же усилиями начальника Пицундского округа Д. Чавчавадзе в 1867 году сумели окрестить около 3.000 абхазов. Епископ Александр за свои средства воспитывал и давал духовное образование абхазским юношам[6].

14 ноября 1867г. начальник Сухумского военного отдела В.Гейман представил наместнику обширный доклад «По вопросу о христианстве в Абхазии». В

[1] Там же.
[2]Грове. Холодный Кавказ, с.212.
[3] С. Эсадзе. Историческая записка..., с.279;С. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии, с.89-90;, с. 32.
[4] Б. Хорава. Мухаджирство 1867года в Абхазии, с.74.
[5] Русское православие: вехи истории. Ред. А.И. Клибанов.М.,1989, с.442.
[6] Святой Архиерей Александр и Абхазия, с.141-143.

нем отмечалось, что богослужение в абхазских церквах проводится «на непонятном грузинском языке». Он предлагал упразднить Абхазскую епархию и подчинить ее Имеретинскому епископу. После восстания 1866г. и мухаджирства В. Гейман посчитал, что наступило благоприятное время для русификации оставшегося населения, при этом он ставил вопрос о замене грузинских священников русским или русскоязычным духовенством. Власти учли рекомендации В. Геймана и 30 мая 1869г. Абхазскую епархию присоеденили к Имеретинской епархии. Епископ Имеретии и управляющий Абхазской епархией Гавриил (Кикодзе) занимался широкой миссионерской работой в Абхазии. Его усилиями в 1868-1877 годах приняло крещение 19 тыс. абхазов[1]. Имперский же план ускоренной ассимиляции абхазов не осуществился и в этом была огромная заслуга епископа Гавриила.

Создание абхазской письменности. В 1861г. Российские власти приняли решение о создании письменности для горских народов. О значении этого вопроса языковед и генерал П.Услар писал: «Нельзя выпустить этих языков из виду, уже по одной той причине, что им суждено прожить еще длинный ряд веков... Скольким -бы языкам мы ни выучились, ни один не запечатлеется в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык родной, - язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий... Эти родные языки составляют самые надежные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, суметь распорядиться ими..., дело трудное, но и заслуживающее того, чтобы подумать о нем»[2]. Российские власти согласились с идеей создания письменности для горцев, но предстояло решить, вопрос о целесообразности использования в этих целях той или иной азбуки (графики). Известные языковеды того времени Г.Розен, А.Шиогрен и А.Шифнер справедливо полагали, что горские языки и грузинский имеют одну систему звуков, поэтому грузинская графика с незначительным изменением будет вполне пригодна для кавказских языков. Такого же мнения придерживался и П.Услар. По его мнению, грузинский алфавит один из самых совершеннейших среди всех существующих алфавитов, где каждый звук выражается особым знаком и каждый знак постоянно выражает один и тот же звук. П. Услар писал: «Система грузинской азбуки может быть принята за основание для общей азбуки всех кавказских языков, чуждая до сих пор грамотности. Но если мы позаимствуем у грузин не только систему азбуки, но и начертание букв, то совершенно произвольно создадим затруднения, которые тем будут ощутительнее, чем более грамотность распространится по Кавказу»[3]. Таким образом, создание азбуки горских народов служило не куль-

[1] Святой Архиерей Гавриил и Абхазия, с.124,200-204.

[2] П.А. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тб., 1887 - О распространении грамотности между горцами, с.16-17.

[3] П.А. Услар. О составлении азбук..., с.48-49.

турным, а политическим целям - облегчить горцам изучение русского языка, и, в конечном итоге, ускорить их ассимиляцию. Поэтому было признано целесообразным для языков горцев, в том числе абхазов, использовать русский алфавит с некоторыми изменениями.

В 1861г. в Тбилиси была создана специальная комиссия во главе с известным нумизматом и исследователем древностей, генерал-лейтенантом И. Бартоломеем, приступившей к работе по созданию абхазской письменности и составлению букваря. В специальную комиссию входили Д. Пурцеладзе, священник Е.Трирогов, а также приглашенные из Абхазии священник Иоанн Гегия, прапоршик Георгий Курцикидзе, дворянин Симеон Эшба, владевшие грузинским, русским и абхазским. С 1862г. к изучению абхазского языка приступил и П.Услар. Он быстро разобрался в структуре этого языка и в мае того же года в Тбилиси издал монографию «Абхазский язык», к которому приложил абхазскую азбуку, составленную им на основе русской графики.

В Абхазскую азбуку без изменения вошли все 24 знака русской письменности (19 согласных и 5 гласных), которые обозначали общие для обоих языков фонемы. Для обозначения остальных специфических фонем использовались те же русские знаки с некоторыми изменениями. Отдельные буквы были заимствованы из других алфавитов (грузинский, латинский, греческий, славянский). Позднее, когда инспектор Кавказского учебного округа М.Завадский в 1887г. типографским способом переиздал книгу П.Услара «Абхазский язык», он изъял из абхазской азбуки использованные П.Усларом грузинские буквы ჴ, ჭ, ჯ. Почти одновременно завершила работу по составлению абхазского букваря и алфавита и другая комиссия под руководством И. Бартоломея, использовавшая грузинскую графику. Но, в конечном итоге, и эта комиссия пришла к выводу, что алфавит П.Услара более соответствовал звукам абхазского языка. Несомненно, это решение комиссии принималось по политическим соображениям. Известный грузинский этнограф Н.Джанашиа в связи с этим писал, что власти делают все, «чтобы положить конец и уничтожить малые остатки исторической связи, объединявшие абхазов и грузин в течение многих веков. Для достижения этой цели использовали такое приятное и культурное явление, как создание письменности на абхазском языке... Бартоломей использовал грузинские буквы, как более подходящие для абхазского языка, а что не доставало – добавил. Однако его мнение не одобрили: безвинные грузинские буквы обвинили в политической неблагонадежности и отвергли. Победил Услар»[1].

Создание абхазской письменности служило цели отрыва абхазов от грузинского мира и их обрусения. Однако независимо от политической подоплеки, это

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 374-375 (статья Н.Джанашиа //Гамут-бея «Пестрые заметки об абхазах и об Абхазии»,опубликованная в грузинской газете Дроэба в ноябре-декабре 1909г.).

было важным культурно-историческим событием в жизни абхазского народа[1]. Реально русских властей совершенно не интересовала судьба абхазского языка, так как его место в обозримом будущем должен был занять русский. П. Услар откровенно признавался, что «...туземная грамота должна служить только тому, чтобы... облегчить для горцев изучение русского языка. Из за своего положения они не смогут создать и никогда не будут иметь независимую литературу»[2]. То, что создание абхазской письменности служило не культурным, а политическим целям, писал и член совета наместника на Кавказе Е.Вейденбаум: «Абхазский язык не имеющий письменности и литературы, обречен, конечно, на исчезновение в более или менее близком будущем. Вопрос в том: какой язык заменит его? Очевидно, что роль проводника в населении культурных идей и понятий должен бы играть не грузинский, а русский язык. Мне кажется поэтому, что учреждение абхазской письменности должно быть не целью само по себе, а только средством к ослаблению путем церкви и школы потребности в грузинском языке и постепенной замене его языком государственным»[3].

Комиссия И.Бартоломея проделала большую работу по составлению абхазского букваря. В работе комиссии приняли участие известные абхазские общественные деятели К. Шарвашидзе и Гр.Шарвашидзе. Основой букваря стали несколько измененный алфавит П. Услара и абжуйский диалект абхазского языка. В 1865г. в Тбилиси издан абхазский букварь «Доброе чтение православным». Он практически остался без применения. Царизм старался в первую очередь обеспечить население церковной литературой на родном языке. В 1866г. в Тбилиси издана еще одна книга на абхазском языке «Краткая священная история», напечатанная «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе». С русского языка на абхазский его перевели И.Гегия, Г.Курцикидзе, Д.Маргания.[4] Но позиция, занятая правительством в отношении абхазов после восстания 1866 года, сыграла отрицательную роль в деле развития абхазской литературы. В 1868г. совет «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» признал абхазский язык настолько «младенческим и не развитым», что «всякие попытки к передаче на нем книг Священного Писания были оставлены»[5].

Верхние слои абхазского общества, которым доверяло большинство народа, еще придерживалось грузинской ориентации, что хорошо видно из докладной записки депутации дворян Самурзакано и Абхазии от 23 марта 1870г. на имя председателя Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам генерал-адьютанту Д. Святополк-Мирскому. Подписавшие его представители абхазско-

[1] Т.Гванцеладзе, М.Табидзе, К.Шерозия, К.Чантурия. Язык Богослужения и духовного образования, как средство осуществления русификаторской политики.- Грузинское наследие V, Кутаиси, 2001, с.101-102.

[2] Ш.Д.Инал-ипа. Страницы абхазской литературы. Сухуми, 1980, с.23.

[3] З.В.Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа, с.89-90;, с.96.

[4] К. Мачавариани. Абхазия и народное образование в ней. – Вестник воспитания, 1892, №6, с. 136.

[5] Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-1910гг. с.157.

го народа Б.Эмухвари, М.Маршани, Т.Маргани, К.Инал-ипа просили, чтобы при проведении крестьянской реформы они не были «исключены из общей семьи грузинских народов, к которой искони принадлежали»; [1] они подчеркивали и указывали на общность исторических судеб, обычаев, быта.

5. Колонизация Абхазии в 60-70 годах XIX века и Русско-Турецкая война 1877-1878 годов

После упразднения княжества и мухаджирства в 1867 г. царизм получил обширные территории для колонизации. В этот период власти планировали освоение не только Абхазии, но и всего северо - восточного побережья Черного моря. Идеолог колонизации восточного Причерноморья А . Верещагин по этому поводу писал,что уже несколько лет нет никаких признаков жизни в бассейнах ни Псоу, ни р. Мзымта».[2]

После выселения местных жителей перед русскими властями стояла задача заселения этого красивейшего, но обезлюдевшего края, освоения его природных богатств- обширных лесов и плодородных земель, развития виноделия, шелководства, табаководства, садоводства, пчеловодства. Главным все же являлся вопрос заселения края. Власти стремились заселить Причерноморье политически вполне благонадежным населением[3]. Для реализации этой задачи было разработано «Положение о заселении Черноморского округа и его управлении», утвержденное Императором 10 марта 1866г. Для осуществления предусмотренных положением мероприятий был образован Черноморский округ.[4] В соответствии с положением, береговая полоса предназначалась для создания прибрежных сельских поселений русских переселенцев. Для них предусматривались определенные льготы: земельные наделы на семью-30 десятин, единовременное денежное пособие - 50 рублей, освобождение от налогов на 15 лет, освобождение от рекрутских обязанностей и т .д. Но на первых порах число русских переселенцев было невелико. Поэтому правительство решило не отказывать в переселении христианам из Закавказья, Анатолии, молдаванам, славянам и другим. Благодаря такой политике, между Анапой и Новороссийском, кроме русских, поселились чехи, болгары, греки[5]. Лучшие земли Черноморского округа присвоили император и его родственники, наместник на Кавказе, крупные военные и гражданские чиновники. На левом берегу р.Псоу было основано военное поселение, а в двух верстах от р. Цандрипш – поселение молдаван, которое в честь начальника Черноморского округа Д. Пиленко

[1] Дж. Гамахария, Б.Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 336-339.
[2]А.В. Верещагин. Путевые заметки...,с.66.
[3] А.В. Верещагин. Черноморское прибрежье, с. 7-16.
[4]А.В. Верещагин. Черноморское прибрежье, с.7-11; А.В. Верещагин. Путевые заметки...,с.24.
[5]А.В. Верещагин. Черноморское прибрежье, с.16-17; А.В. Верещагин. Путевые заметки...,с. 20.

в 1870 г. переименовали в Пиленково. Русские поселились на левом берегу р.Псоу в ауле джиков, названном Веселое[1].

Колонизация Абхазии должна была проводиться по такому же принципу, как и в Черноморском округе. После упразднения Абхазского княжества владения княжеского дома конфисковали. В результате мухаджирства 1867 года в Абхазии появилось много свободных земель. Они вошли в фонд казенных земель, которым распоряжалось Кавказское горское управление[2]**.** В этот фонд вошла и совершенно опустевшая Цебельда, которой так же ведало Кавказское горское управление. Вместо Цебельдинского округа власти создали попечительство поселений. Первым попечителем был назначен майор Н.Дъячков-Тарасов. В его обязанность входили очищение края от местных жителей, скрывавшихся в труднодоступных местах, отбор местностей для устройства поселений[3]. Исходя из стратегического положения Цебельды, власти считали необходимым заселить и эти места политически благонадежными поселенцами. По мнению Н.Дъячков-Тарасова, колонизация Цебельды нужна была для развития в крае сельского хозяйства и промышленности, находившихся в руках абхазов в жалком состоянии. Природные условия позволяли развивать здесь садоводство, фруктоводство, виноделие, пчеловодство, скотоводство, кукурузное производство. Для развития промышленности в Цебельде имелись лесостроительные материалы, залежи меди, железа, свинца.[4] Эти места выделялись здоровой атмосферой, мягким климатом, плодородной почвой. Поэтому, по мнению попечителя Цебельдинских поселений, не должно было возникнуть проблем с привлечением переселенцев. Таким образом, этот край мог стать процветающим, но для этого требовалась еще прокладка дорог.[5]

В 1867г. в Цебельде было выделено 6 пунктов для поселения: Михайловское - на берегу р.Амткел; Ольгинское – у устья р.Восточная Мачара; Александровское - у р.Келасури; Анастасьевское и Николаевское – у горы Апианча, у р.Науши, на территории бывшего селения Науши; Георгиевское – на территории села Джампал[6]. Власти стремились заселить Цебельду обязательно русскими, но на первых порах они шли сюда неохотно, зато измученные безземельем грузины стремились поселиться и здесь, что вызывало озабоченность властей.

В такой обстановке правительство сделало свой выбор в пользу иностранцев, посчитав более надежными Анатолийских греков и болгар. По приказу начальника Сухумского отдела генерала В. Геймана, переселившихся из

[1] А.В. Верещагин. Путевые заметки...,с.79-95.

[2] А.Н.Дъячков-Тарасов.Абхазия и Сухум в XIX столетий. – Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества, т. XX. Тифлис, 1909 – 1910, с. 191; Г.А. Дзидзария. Махаджирство..,с.431.

[3]А.Н.Дъячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетий, с. 194.

[4] Н.А.Дъячков-Тарасов. Несколько слов о заселении Цебельды.-Кавказ, 1868,№129, 3 (15) ноября.

[5]А.Н Дъячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии, с.196.

[6] Там же.

Турции первых греческих колонистов в феврале-марте 1869г. поселили в трех селах - Александровское, Георгиевское, Ольгинское. В 1869г. из Тирасполя в Сухуми прибыли 62 семьи болгар, которых поселили в селах Анастасьевское и Николаевское.[1] В то же время, правительство роздало обширные земельные участки гражданским и военным чиновникам, но они не смогли совмещать службу с ведением хозяйства, а желающих арендовать их земли не оказалось. Поэтому большая часть земель не обрабатывалась. Так или иначе, обзавелись хозяйством только 8-10% колонистов[2].

После подавления восстания 1866г. и мухаджирства 1867г. царизм более уверенно приступил к проведению крестьянской реформы. 8 ноября 1870 г. Александр II утвердил положение о крестьянской реформе в Сухумском военном отделе, объявление которого 19 февраля 1871г. было приурочено 10-й годовщине отмены крепостного права в России. В результате отмены крепостного права в Абхазии крестьяне освободились от личной феодальной зависимости, однако, получив незначительные земельные наделы, остались в зависимом положении.

С 1872г. в Абхазии проходила так называемая курортная колонизация. В Сухуми и его окрестностях русским чиновникам и военным на льготных условиях раздавали «санитарные участки» в размере до 3 десятин[3], но и это мероприятие властей успеха тогда не принесло. Для заселения пустующих земель привлекались и воинские части. Например, для заселения Псху здесь был дислоцирован штаб 21-го линейного батальона и две роты, которые оставались там до 1874г. С этого периода верхняя часть Бзыбского ущелья совершенно опустела. Абхазам, считавшимся политически ненадежными, запрещалось селиться как в Цебельде, так и в Псху[4].

В 70-х годах в Абхазии началась монастырская колонизация. Основанный в 1872г. Пицундский русский монастырь получил 1049 десятин земли, сосновую рощу и озеро Инкит. В 1875г. в Псырцхах основан филиал Афонского русского монастыря во имя Св. Пантелеймона. Монастырю сразу выделили 327 десятин земли и 200 десятин лесного массива, затем - еще 1000 десятин, а в последующие годы - до 4000 тыс. десятин[5].

Русско-Турецкая война 1877-1878 годов и новое мухаджирство абхазов. В апреле 1877г. началась Русско-Турецкая война, ареной которой стал и Кавказ. Сложная обстановка сложилась и в Абхазии. Кульминации достигло недовольство населения, вызванное колониальной политикой царизма и приведшее к очередному антирусскому восстанию. В такой напряженной обстановке 29

[1]Там же,с.196-199.
[2]А.А. Олонецкий. Колонизация Абхазии...,с. 78; Г.А. Дзидзария. Махаджирство...,с.432.
[3]Там же, с.79.
[4] В. Маевский. Кутаисская губерния.Приложение №7, с. 90.
[5]Святой Священномученик Кирион II и Абхазия, с. 203; Святой Архиерей Гавриил и Абхазия, с. 44-58.

апреля в Гудаутах высадился турецкий десант, состоящий в основном из абхазских мухаджиров. Начальник Сухумского гарнизона генерал-лейтенант П. Кравченко, одновременно являвшийся и начальником Сухумского военного отдела, не решился вступать в бой с превосходящими силами противника и, оставив Сухуми, отступил к р. Кодори. В апреле – мае турки заняли всю Абхазию до р. Галидзга. К туркам присоединились и восставшие абхазы. Против русских восстали Дагестан и Чечня. Блистательная Порта надеялась, что против русских восстанет и все мусульманское население Кавказа, но успехи русских войск на Кавказе и Балканах перечеркнули эти надежды. Более того, в июле русские перешли в наступление и в августе овладели всей Абхазией[1]. Вместе с турками Абхазию покинула и часть абхазского населения, насильно увезли в Турцию даже некоторое количество христиан - грузин и греков[2].

По материалам начальника Сухумского военного отдела полковника П. Аракина, составленным в конце 1878 года, в Сумурзаканском участке Очамчирского округа к тому времени в 9 сельских общинах проживало 24.461 человек. Процесс мухаджирства не затронул их и на этот раз, так как в Самурзакано проживало грузинское население. В Кодорском участке Очамчирского округа (9 сельских общин) проживали 3.935 семей (17.707 человек), из которых 1.071 семья (4819 человек) переселилась в Турцию, а 12.221 человек остались на месте. Из Гумистинского участка Пицундского округа (8 сельских общин), где проживала 2.221 семья (9 985 человек) переселились все. Из Гудаутского участка того же округа (17 сельских общин), состоящего из 5.293 семьей (23.545 человек) переселились 3.775 семьей (17 160 человек). На месте остались 6 385 человек[3]. Таким образом, в 1877г. в мухаджирство ушло приблизительно 31.964 человек. Если в результате мухаджирства 1867г. полностью опустела верхняя часть Кодорского ущелья - Цебельда и Дали, то в 1877г. такая же участь постигла прибрежную часть Абхазии, особенно Гумистинский участок. Надо отметить, что миссионерская деятельность грузинского духовенства, массовое обращение абхазов в христианство спасло народ от полного физического исчезновения. Без крещения епископом Гавриилом (Кикодзе) тех почти 19 тыс. человек, поголовное мухаджирство абхазов, следовательно, гибель народа, подобно убыхам, была бы неминуема.[4]

Часть мухаджиров попыталась вернуться на родину, но русские власти всячески этому препятствовали. И по договору между Россией и Турцией, мухаджиры не имели право возвращаться на родину, что уменьшило поток желающих вернуться обратно. Воспользовавшись подписанием предварительного

[1]Ш.А. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877-1878 годов,с. 77-84 ; Ш.Мегрелидзе. Грузия в восточных войнах, с. 74 (на груз. яз.).
[2]А.Н. Дъячков-Тарасов. Абхазия...,с. 296-208; Г.А.Дзидзария. Махаджирство..,с.356-369.
[3] Кавказский календарь на 1879 год.,с. 330-331.
[4] Дж. Гамахария. Абхазия и Православие, с. 511,515.

Сан-Стефанского договора (19 февраля 1878г.), мухаджиры начали селиться в Батуми и его окрестностях, пытаясь оттуда вернуться в Абхазию. Но многие там же остались и их потомки до сегодняшнего дня живут в Аджарии. 27 января 1879г. Россия и Турция подписали Константинопольский договор, на основе которого русская администрация допустила возможность частичной репатриации абхазов в течение трех лет со дня подписания договора. К 1881 году на родину возвратилось до 15 тысяч мухаджиров[1]. Опустевшая в результате мухаджирства Абхазия представляла страшное зрелише. Как отмечал Н.Марр, «Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского».[2]

Царизм дополнительно получил для колонизации обширные земли в прибрежной полосе Абхазии. Перед властями вновь встал вопрос, кем заселить Абхазию. Газета „Тифлисский Вестник" еще 27 сентября 1877 года, имея ввиду мухаджирство абхазов, писала: «Обстоятельство это ставит на очередь вопрос: кем заселить страну, навсегда покинутую ее обитателями?» Автором письма являлся известный грузинский общественный деятель и педагог Яков Гогебашвили (1840-1912годы). Публикация этого письма была связана с появлением в газ. „Кавказ", №207 за 1877г. статьи председателя Сухумской сословно-поземельной комиссии А.Н. Введенского (начальника Сухумского округа в 1883-1888годах), направленной против писем Я. Гогебашвили, печатавшихся в „Тифлисском Вестнике" (№209-210). Суть писем Я.Гогебашвили состояла в том, что для опустевшей Абхазии самым лучшим выходом из положения являлось ее заселение грузинами - мегрелами, гурийцамим и имеретинцами, против чего выступал А.Н. Введенский. Я. Гогебашвили, основательно изучив вопрос, напечатал обширную статью против А.Н. Введенского, где повторил свои доводы. Впоследствии А.Н.Введенский, побывав в гостях в редакции газеты, заявил, что соглашается с мнением Я. Гогебашвили[3].

С весны 1878г. власти приступили к проведению практических мероприятий по колонизации Абхазии. Например, в Пицундском округе русским колонистам безвозмездно передали три земельных участка на вечное владение. Из 137 семей, поселившихся здесь в 1879 году, через два года осталось 99. Не смогли прижиться и немецкие колонисты[4].

Таким образом, в 60-70-х годах XIX века, успехи колонизации в Абхазии оказались незначительными, русские не смогли приспособиться к климатическим условиям Абхазии -сырости, болотистой прибрежной полосе, гористой и лесной местности. В Абхазии не было условий для возделывания пшеницы,

[1]Г.А.Дзидзария. Махаджирство.., с. 381,396.
[2] Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов, с. 177.
[3] Я.Гогебашвили. Сочинение, т. 3.Тб., 1954, с.317.
[4] А.А.Олонецкий. Колонизация Абхазии...,с.79.

а местная культура – кукуруза для русских колонистов была непривычной[1]. В прибрежных районах лихорадка уносила жизни колонистов, а к высокогорным условиям Цебельды и Дальского ущелья русские крестьяне из внутренних губерний не смогли приспособиться. В Цебельде всеми землями владели 24 помещика, а в Дальском ущелье - 23, но они приезжали сюда раз в несколько лет[2].

Когда в результате мухаджирства в Абхазии, ее большая часть опустела, а русские и другие иностранные переселенцы не спешили приезжать, в Абхазии стали поселяться крестьяне из западной Грузии, которых сюда гнала нужда и малоземелье. Они осушали болота, осваивали земли и занимались хозяйством. Заселение Абхазии крестьянами из западной Грузии вызывало озабоченность властей. Газета «Черноморский Вестник» писала, что «надо немедленно заселить Черноморское побережье русскими, в противном случае мегрелы погубят это святое дело»[3]. Российские же чиновники считали, что «колонизацию края вели без должной системы да так, что до сих пор русские так и не смогли здесь освоиться как им полагается»[4]. 19 января 1879г. по этому поводу А.Верещагин отмечал: «На Кавказском побережье Черного моря, как на окраине государства, стоящей так много русской крови и денег, по праву должны господствовать церковь русская, язык русский, грамота русская. Разноплеменность населения вызывает необходимость основания школ, так как только школою это разноплеменное население в будущем может сделаться русским»[5].

Политика царизма была направлена и против абхазов, и против грузин. По указу императора от 31 мая 1880 года абхазское население Гудаутского, Гумистинского и Кодорского участков за антирусское восстание 1877 года лишилось права собственности на землю, а их земли были переданы казенному ведомству. Абхазам запрещалось селиться в 20 верстах от Сухуми и в прибрежной полосе от р. Кодори до р Псырцха. Весь народ получил статус «виновного населения».[6] Сухумский педагог и известный общественный деятель Антимоз Джугели писал по этому поводу: «Сейчас главным вопросом в Абхазии является заселение здешних пустующих мест. После последней войны (1877-1878годы – авт.) было высочайшее распоряжение, не селить абхазов между реками Кодори и Псырцха. Кроме них, всем разрешалось здесь селиться. Приехали многие из разных мест, но только имеретинцы, мегрельцы и греки смогли здесь освоиться. Сегодня вокруг Сухуми находится 7-8 мегрельских сел и 3-4 – греческих»[7]. Позднее один из идеологов колонизации восточного Причерно-

[1] С.Месхи. Поселение абхазцев. – Дроэба, 1878, №24, 2 февраля.
[2] П.Чараия. Землепользование в Абхазии. - Квали,1897, №13, 23 марта, с.310.
[3] Цнобис Пурцели, 1905, №2821, 17 мая.
[4] Ф.Гершельман. Причины неурядиц на Кавказе, с.21.
[5] А.В.Верещагин. Черноморское прибрежье..., с.22.
[6] С.Лакоба.Очерки политической истории Абхазии, с.89-90;, с.35.
[7]Дроэба, 1883,№240, 29 ноября, с. 311.

морья С.Шарапов откровенно писал о целях России в Абхазии: «Во всю свою долгую историческую страду русский народ приносит жертвы, стремясь на юг, к теплому небу, к теплому морю. И вот, наконец, есть у него и это небо, и это море. Здесь на Кавказском берегу утвердилась Россия прочно и навсегда. Здесь развивается русское знамя, парит русский орел... Но отчего же не по себе чувствуется здесь русскому человеку, от чего же ему тесно, душно, неприютно здесь? Отчего чужой он здесь, на этом теплом берегу, под этим ярким солнцем? Оттого, думается мне, что, благодаря русскому добродушию, здесь на эту землю, завоеванную русской кровью, забралась всякая инородчина, расселась по лучшим местам и не только теснит русского человека, но и глумится, издевается над ним. Но это не надолго. Наши государственные задачи требуют, чтобы этот край не по имени только, но и в действительности стал скорее русским краем, чтобы был здесь поддержан, усилен и обнадежён русский человек. Пожелаем же, господа, чтобы это случилось скорее, чтобы скорее переварилась в могучем русском желудке вся здешняя разноплеменная и разноязычная смесь и чтобы это небо и это море стали воистину русскими»[1]. Во избежание этой вполне реальной опасности грузинское население дополнительно возвращалось на свои исторические земли, вынужденно покинутые в XVI-XVII веках. Планы «переваривания в могучем русском желудке» местного, в том числе абхазского населения не осуществились лишь потому, что именно грузинское население Абхазии явилось главным препятствием на пути к обрусению края.

[1]С.Каухчишвили. История поселения греков в Грузии. – Труды Кутаисского государственного педагогического института им. А. Цулукидзе, т. VI. Кутаиси, 1946, с.134-135.

Глава XVI. Абхазия с 1881г. до февраля 1917 года

1. Ужесточение колониальной политики в 1881-1905 годах

Колонизация и этнический состав населения. После убийства императора Александра II в России наступила пора жестокой политической реакции. В конце 1881г. упраздняется должность наместника на Кавказе и восстанавливается институт главноуправляющего. Из Кавказа был отозван наместник, великий князь Михаил Романов, а главноуправляющим стал крайний реакционер А.Дондуков-Корсаков (1882-1887 годы). Этот период на Кавказе, в том числе в Абхазии, характеризуется ужесточением национального гнета и резким усилением русификаторской политики.

Одним из проявлений русификаторской политики в Абхазии явилось продолжение интенсивной колонизации края. Этот процесс протекал в разных формах: 1.Арендная колонизация, когда поселенные в Абхазии русские крестьяне от местных помещиков получали земли в аренду, в чем отказывали грузинским крестьянам (часто крестьян, прибывших из Западногрузинских регионов, отправляли обратно); 2. Монастырская колонизация, когда восстановленным или заново основанным русским монастырям выделялись большие земельные фонды, на базе которых создавались крупные монастырские хозяйства, являвшиеся опорой русского самодержавия; 3. Курортная и дворянская колонизация. Был создан специальный комитет, разыгрывающий лотерею для выигрыша и продажи земельных участков на побережье Абхазии[1]. Закавказское отделение переселенческого управления новоселам (русским, эстонцам, грекам, армянам) выделяло денег для обустройства. Они бесплатно получали лесостроительный материал, а абхазских крестьян заставляли безвозмездно обрабатывать их земли. Грузинские же переселенцы были лишены всяких привилегий[2].

Царские власти, безапелляционно приглашавшие в Абхазию представителей разных этнических групп и сектантов, создавали искусственные препятствия грузинским крестьянам. Кутаисский генерал-губернатор Ф. Гершельман в своем докладе «О грузинском движении в Сухумском округе» (2 сентября 1900г.) откровенно писал: «Русская колонизация округа имеет для него большое государственное значение в политическом отношении. Абхазцы, составляющие главную массу населения округа, до сих пор представляют из себя народность крайне малокультурную, малоразвитую как в умственном, так и в нравственном отношении, шаткую в своих религиозных убеждениях и не раз уже проявившую свою политическую неблагонадежность». Этим и дик-

[1] Д.Чумбуридзе. Русские поселения в Грузии (XIX-XX века) и Закавказское отделение переселенческого управления. – Очерки истории колониальной политики России в Грузии, кн. I. Тб., 2007, с. 85-86 (на груз. яз.).
[2] Цнобис Пурцели, 1902, 25 июня.

товалась, по мнению генерала, необходимость ускоренной русской колонизации края, укрепления русской гражданственности, чему препятствовал наплыв грузин (мегрелов), «наводнивших округ, но не имеющих никакого нравственного права на преобладание в нем». Поэтому «для укрепления русского влияния в Сухумском округе» было установлено «ограничение грузин в праве приписываться к коренному населению сельских обществ»[1], - писал Ф. Гершельман. Представителей грузинской общественности возмущала подобная дискриминационная политика русских властей. Они прекрасно понимали, что спасение малочисленных абхазов от ассимиляции, а Абхазии - от русской экспансии было возможно лишь путем возвращения потомков местных, коренных жителей, разбросанных в основном по западной Грузии в результате захвата современной территории Абхазии горцами Северного Кавказа в XVI-XVII веках. Возращение грузин в Абхазию явилось ответной мерой против русской колонизации региона[2].

Исходящую от царизма опасность чувствовала патриотически настроенная местная общественность. Вот что писал о раздаче земель в Абхазии известный общественный деятель Нико Джанашиа: «В последней четверти минувшего (XIXв. – авт.) века в целом Сухумский округ, в частности, его наилучшая, очаровательная часть от р. Кодори до Гагрипша взяла в мишень российская буржуазия и приобрела лучшие земли. Эта обильно одаренная природой часть Абхазии уже находится в руках московских и петербургских толстосумов. Шагаешь по берегу: здесь сад под названием «Отрадное», там «Счастье», пройдя немножко, пристанешь к «Любви» или «Дружбе». Их прежние хозяева – абхазы остались с пустыми руками. Вырученные деньги потратили, и имения потеряли[3].

Радикальное изменение этнического состава края наглядно отобразилось на трансформацию географических названий Абхазии. Изменение топонимики с 1864г. по сей день специалисты делят на пять этапов. Первый этап охватывает 1864-1918 годы[4]. Все этапы имели общий признак: одновременно, в большом количестве упразднялись исторические и географические имена и взамен внедрялась русская топонимика. Новые топонимы в большинстве своем посвящались членам императорского дома, военным и гражданским чинам. Например, в списке населенных пунктов Сухумского округа (без Гагрской зоны), составленном в 1904 году и содержащем 213 крупных деревень, русифицированные названия имеют 33 села. Вот неполный список этих названий: Ба-

[1] А.Силагадзе, В. Гурули. Из истории борьбы за неделимость Грузии. Раздел II. Тб., 1999, с. 80, 83.

[2] Дж. Гамахария, Б.Гогия. Абхазия-историческая область Грузии, с. 57-58; Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 643.

[3] Дж. Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.17; Р. Чантурия. Освободительное движение в Абхазии во второй половине XIX и в начале XX веков (1864-1905 годы). Тб., 2006 (на груз.яз.).

[4] Т. Гванцеладзе. Массовое изменение топонимов в Абхазии после 1864 года.- Кавказско-Иберийское языковедение, т. XXXIV. Тб., 2000, с.45 (на груз.яз.).

клановка, Белореченск, Веселое, Петровское, Александровское, Андреевское, Наа-Армянское, Ольгинское, Владимирское и другие[1]. Изменение топонимики в Абхазии отражало заранее спланированную языковую и колониальную политику царизма.

Сепаратисты стремятся создать впечатление, что грузины еще в те времена якобы формировали «имперское сознание» и поощряли соотечественников, чтобы они «завладели» землями абхазов[2]. К сожалению, они забывают, что Грузия сама находилась тогда в тисках колониального режима, притеснявшего ее язык и игнорировавшего народные традиции. В такой обстановке грузинский народ не был и не мог быть носителем имперского мышления. Несмотря на все попытки царизма, в Абхазии в 80-х годах XIXв. и в последующие годы грузины составляли большинство населения (см. здесь же, гл. XXII).

Социально–экономическое положение. С экономической точки зрения Абхазия в 80-90-х годах XIX века в основном являлась аграрным краем. Абхазские князья - Шарвашидзе, Анчабадзе, Эмухвари, Инал-ипа, Маршания и другие владели значительными поместьями. Правда, их феодальные права были урезаны, хотя крестьяне все же несли определенные повинности в пользу своих князей[3].

В Абхазии еще с 50-х годов XIXв. занимались шелководством. В начале XXв. его развитие несколько замедлилось, но группа энтузиастов старалась пропагандировать и широко внедрять шелководство в хозяйственную жизнь населения. Одним из таких энтузиастов являлся известный в Абхазии общественный деятель и педагог Антимоз Джугели, научивший жителей Сухуми правилам производства шелковичных кокон.

Местные общественные деятели знакомили крестьян с прогрессивными методами ведения сельского хозяйства. С целью оказания населению агрономической помощи и распространения сельско-хозяйственного образования в 1898г. было создано Сухумское сельско-хозяйственное общество, имевшее свое отделение в Гудаутах, а с 1903г. учредившее и собственный печатный орган.[4] 19 декабря того же года, по инициативе принца А. Ольденбургского открылась «Растениеводческая выставка», на которой были представлены до трехсот экспонатов.

В Абхазии медленно, но все же зарождалась и развивалась промышленность. В 1881г. в Гульрипши открылся лесопильный завод князя Эристави.[5] В

[1] Там же, с.47.
[2] О.Х. Бгажба, С.З.Лакоба. История Абхазии, с. 261.
[3] Г.Заридзе. Некоторые аспекты социальных отношений абхазского дворянства в XIXв.- Клио, 2006, №30, с.104 (на груз.яз.).
[4] О.Жордания. История крестьянской реформы в Грузии.Тб.,1982, с.30.
[5] В. Зухбая, Х. Зантарая. Гали. Сухуми, 1988, с.89; Д. Читая. Абхазский вопрос в первой республике Грузии. Народный Совет Абхазии в 1917-1921 годах; его же: Социально-экономическое и политическое положение Абхазии в первом двадцатилетии XXв. Тб., 2002,с. 3-17.

1898г. открылся самый крупный в Абхазии завод Максимова, функционировавший до 1913 года[1].

Развитие промышленности и торговли способствовало подъему городской жизни. К началу XXв. Сухуми оставался единственным городом, главным административным, торговым и культурным центром Абхазии. В Гудаутах к 1903 году проживало 1.117 человек, увеличивалось население Очамчиры, Гагры и других поселков[2].

Постепенно начиналось использование уникальных курортных возможностей Абхазии. Серьезные инвестиции были вложены в строительство курортной зоны в Гаграх, где 9 января 1903 года усилиями принца А. Ольденбургского была открыта климатологическая станция. В связи с этим событием 10 января принц получил поздравительную телеграмму от императора Николая II[3]. 25 декабря 1904 года, по высочайше утвержденному решению Комитета Министров, территорию Гагрской климатологической станции отделили от Сухумского округа и присоединили к Черноморской губернии. Это был шаг на пути отрыва Абхазии от остальной Грузии и ассимиляции края[4].

В конце XIXв. явственно проявились экономические возможности Абхазии: в сельском хозяйстве - табаководство, в промышленности – добыча угля, переработка лесоматериалов и курортный бизнес.

Антиколониальное движение. Необузданная русская колониальная политика в Абхазии и внедрение в сознании определенной части населения антигрузинского психоза, волновали грузинскую и абхазскую общественность. На страже интересов населения, как и во многих других случаях, встало грузинское духовенство. Епископ Гавриил (Кикодзе), старший благочинный, а затем настоятель Сухумского кафедрального собора Давид Мачавариани, ключарь того же собора – Виссарион Хелая и многие другие старались по мере возможностей защитить законные интересы грузин и абхазов. До конца 1886г. Абхазская епархия была приписана к Имеретинской епархии, во главе которой стоял выдающийся духовный деятель, прославленный миссионер епископ Гавриил (Кикодзе). Он не раз объездил всю Абхазию, проповедуя среди населения христианскую веру, мораль и ценности. Надо отметить его попытку введения богослужения на абхазском языке, против которого выступала тогда местная русская администрация[5].

Часть абхазского населения исповедала ислам, успеху которого способствовала активность турецких мулл и возвратившихся на родину мухаджиров. Их деятельность привела к ослаблению христианства среди абхазского населения.

[1] Квали, 1899, №3, 28 марта (на груз.яз.).
[2] Ф.Сахокия. Путешествиа. Тб., 1950, с. 303 (на груз.яз.).
[3] Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.18.
[4] Дж.Гамахария. Абхазия и православие,с.610.
[5] См. об этом: Святой Архиерей Гавриил (Кикодзе) и Абхазия. Тб., 2007.

Еще одним фактором, способствовавшим ослаблению христианства, являлось объявление абхазов «виновным» населением (31 мая 1880г.) и связанные с этим ограничения в социальных и политических правах, колонизация края[1].

Целью царизма являлось такое территориальное перераспределение Абхазии, которое обеспечило бы ее органическое слияние с империей, ускоренную колонизацию и безболезненное отторжение от Грузии. В 80-х годах XIXв. были проведены реформы как в административной, так и в церковной сфере. В 1883г. Сухумский военный отдел переименован в Сухумский округ с подчинением Кутаисскому губернатору. Вместо двух округов образованы четыре участка: Гудаутский, Гумистинский, Кодорский и Самурзаканский[2]. 12 июня 1885 года, по указу императора и постановлению Святейшего Синода, была восстановлена Абхазская епархия. В том же году проведена реорганизация Кавказской епархии, поделенной между Владикавказской и Ставропольской епархиями. 10 церквей Черноморской губернии отошли к Сухумской епархии[3].

Политика царизма постепенно ужесточалась, что особенно ярко проявилась на примере Самурзакано. Во время Всероссийской переписи населения 1897 года грузинское население Самурзакано вместе с абхазами целенаправленно причислили к горским народам (см. здесь же, гл. XXII), чем пытались утвердить взгляд, что самурзаканцы принадлежат другой национальности. В то же время власти прекрасно знали, что они ни чем не отличаются от местного грузинского (мегрельского) населения. В целях отторжения самурзаканцев от грузинского мира было решено ввести для них письменность на мегрельском диалекте. Власти стремились оторвать самурзаканцев от единой грузинской нации таким образом, чтобы они не слились с «виновными» абхазами и тем самым облегчить русификацию тех и других.[4] Этим коварным стремлениям противостояла передовая грузинская общественность Абхазии. Особо следует отметить заслуги известного писателя Федора Сахокия и ключаря Сухумского кафедрального собора, а затем студента Казанской духовной академии Амвросия Хелая.

22 февраля (6 марта) 1899г. в газете «Санкт-Петербургские Ведомости», была напечатана анонимная корреспонденция с названием «Сухум» (существует версия, что она принадлежит Амвросию Хелая или Федору Сахокия). Она извещала всю Россию о том, что, по распоряжению Сухумского епископа Арсения, с 1897 года богослужение в Самурзакано и Абхазии велось на старославянском языке, чем нарушался указ Святейшего Синода от 3 сентября 1898г. о ведении богослужения в мегрельских приходах Сухумской епархии на церковно-грузинском языке. В корреспонденции приводились официальные

[1] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с.516-517.
[2] Там же, с.524.
[3] Мцкемси,1885,№18, 15 сентября (на груз.яз.).
[4] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 552.

статистические данные, доказывающие, что большинство населения епархии составляли грузины – 60 тыс. из 106.719 человек; в Самурзакано же из 40.299 только 800 человек могли изъясняться по абхазски, остальные считали себя грузинами. Епархиальное начальство самовольно причисляло всех самурзаканцев к абхазам и запрещало им слушать богослужение на грузинском языке. Более того, в Абхазии преследовались лица, требовавшие введения богослужения на грузинском языке.

На эту публикацию отозвался известный педагог и в то же время ренегат Константин Мачавариани в газете «Черноморский Вестник» (№№72-75), где вышла серия его статей под названием «Имеют ли право самурзаканцы называть себя мингрельцами». Автор проявил откровенную тенденциозность и некомпетентность в вопросах истории Абхазии. Он тщетно пытался доказать, что самурзаканцы не являются грузинами. В ответ на это Амвросий Хелая в той же газете (6 мая 1899г.) опубликовал ответное письмо «Голос Самурзаканца», где на основе конкретных исторических данных показал, что мегрелы населяли Сухумский округ до р. Псырцха, но затем были оттеснены горцами до границ Самурзакано[1]. Первая открытая дискуссия по вопросам истории Абхазии продолжилась и дальше в виде полемических газетных публикаций[2]. Необходимо отметить, что вопрос национальной принадлежности самурзаканцев был чрезмерно политизирован. Однако все попытки правительства и разных обрусителей оторвать самурзаканцев от грузинской нации потерпел полный крах. Это видно хотя бы из отчета Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1898-1901годы, в котором в отношении Самурзакано сказано: «С древнейших времен эта часть нынешней Сухумской епархии составляла часть Грузинского царства и, как и теперь, всегда была заселена народом грузинского племени... В принадлежности самурзаканцев к грузинскому племени не может быть никаких сомнений».[3] Однако словесное признание не отражалось на практической политике.

От Самурзакано отрезали ряд территорий (в том числе Илори со своим уникальным церковным комплексом). В 1903г. Сухумский округ был выведен из состава Кутаисской губернии и непосредственно подчинен наместнику на Кавказе[4]. В административном отношении регион оставался в подчинении Кутаисской губернии.

Активность грузинской общественности в деле защиты национальных интересов страны не осталась без внимания имперской жандармерии. В этом

[1] Святой Исповедник Амвросий (Хелая) и Абхазия,с.62-68.

[2] См. Черноморский Вестник,1899,8-9 мая,№102-103; 17,18,19 июня,№№133-135; 20 июня, №136, 23 июня №138.

[3] Отчет состоящего под августейшим покровительством Ея императорского величества, Государыни императрицы Марии Федоровны, Общества возстановления православного христианства на Кавказе за 1898, 1899, 1900, 1901 годы. Тифлис, 1903, с. 88-89.

[4] В. Зухбая. Сухуми. Тб.,1997,с.138; 50 лет советской Абхазии.Сухуми,1971,с.26.

плане интересна переписка (1900г.) начальника жандармского управления Кутаисской губернии с Сухумским епископом Арсением. В переписке чувствуется тревога, вызванная активной деятельностью членов «Грузинской партии», якобы намеревавшей огрузинить Абхазию и Самурзакано с помощью школы и путем восстановления богослужения в церквах на грузинском языке. Жандарм интересовался, преследовала ли «Грузинская партия» русофилов в сфере богослужения и образования, настолько она старалась огрузинить Абхазию[1]. В своих ответах епископ Арсений подтвердил существование в епархии «Грузинской партии», деятельность которой будто бы наносила вред интересам Российской империи.

Царская жандармерия собрала детальную информацию о деятельности «Грузинской партии», которую Кутаисский губернатор представил Кавказским властям. 1 мая 1904г. совет главноуправляющего рассмотрел деятельность грузинских патриотов, противодействовавших «мероприятиям правительства по обрусению населения округа» и решил удалить их из Кавказа[2].

Членами «Грузинской партии» являлись Ф. Сахокия, Ант. Джугели, Ив. Гегия, И. Бурчуладзе, С. Норакидзе, Г. Канделаки, Ф. Давитая, священники - Д. Мачавариани, И. Кереселидзе, И. Чхенкели, Вис. Хелая и другие. В отношении грузинского духовенства Абхазии Совет наместника отметил, что оно «не только не сочувствует всем благим мероприятиям правительства, направленным к скорейшему обрусению населения округа, но даже явно выказывают со своей стороны противодействия таковым»[3]. Это решение на самом деле является не обвинением, а высшей оценкой исторических заслуг грузинского духовенства Абхазии, предотвратившего ассимиляцию населения края.

Деятельность «Грузинской партии» для официальных властей являлась «злом», которого следовало искоренить раз и навсегда[4]. Несмотря на притеснения и преследования, грузинские патриоты продолжали неравную борьбу с царизмом, о чем говорит их последующая общественная и политическая деятельность.

Религиозная жизнь. В конце XIXв. среди абхазов все еще доминировали традиционные верования (язычество), хотя были и такие, которые склонялись к христианству или исламу. Православие в Абхазии исповедовали в основном грузины, русские и греки[5].

К тому времени (в конце XIX в.) в Абхазии действующих церквей было 74, из них в Гудаутском участке-13, Гумистинском-14, Кодорском-16, Самурзаканском-31; священниками в них служили 60 грузин, 7 греков, 5 рус-

[1] Святой Исповедник Амвросий (Хелая) и Абхазия, с. 144,145.
[2] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с.598-601.
[3] Там же, с. 600.
[4] З. Папаскири. Очерки..., ч.I, с.228.
[5] См. А.Нодия. Письмо из Абхазии.- Иверия, 1902, 29 марта.

ских и два абхаза.[1] Во время Русско-Турецкой войны 1877-1878 годов многие церкви были разрушены или повреждены. После войны активно началось их восстановление, в чем большая заслуга принадлежит епископу Гавриилу (Кикодзе).[2] Со второй половины 80-х годов XIX века Абхазия составляла самостоятельную епархию, которой после епископа Гавриила до начала 1906 года управляли исключительно русские архиереи. Сухумской епархией управляли: 1. Святой Архиерей Гавриил (Кикодзе), временно управляющий епархией с июня 1868года, с 30 мая 1869г. по 1886г. - управляющий епархией; 2. Геннадий (Павлинский)-назначен 28 ноября 1886 года, посвящен 28 декабря того же года, умер 31 марта 1889 г.; 3.Александр (Хованский) - 24 мая 1889 года- 12 февраля 1889 г.; 4. Агафодор (Преображенский) - 2 марта 1891- 17 июля 1893 г.; 5. Петр (Другов) - 21 августа 1893 г.- 28 января 1895 г.; 6. Арсений (Изотов) - 2 февраля 1895г.- 26 марта -1905 г.; 7. Серафим (Чичагов)- 27 марта-1905г.- 3 февраля 1906 г.[3] Среди них выделялся епископ Арсений -архиреакционер и шовинист. Его ненависть к грузинам и грузинскому языку дошло до того, что с 1897 года по его приказу было запрещено богослужение на грузинском языке. Он же 20 октября 1901 года перед Святейшим Синодом возбудил ходатайство об отделении Сухумской епархии от Грузинского экзархата и присвоении ей самостоятельного статуса. Одновременно, Сухумский епископ аналогичным ходатайством обратился и к главноуправляющему Г. Голицыну. Он согласился с предложением епископа Арсения и 15 декабря 1901 г. с той же просьбой сам обратился к обер-прокурору Синода К. Победоносцеву.[4] Ходатайство епископа Арсения вместе с письмом главноуправляющего 4 января 1902 г. Святейший Синод переслал для заключения экзарху Грузии Алексию. Он в основном согласился с мнениями главноуправляющего и епископа Арсения, однако выдвинул новый план присоединения Сухумской епархии к Кубанской области, что нашло поддержку у Г.Голицына. Единственной целью отделения Сухумской епархии от Грузинского экзархата и присоединения к Кубанской области являлась ассимиляция населения округа, ослабление грузинского влияния в крае. Ничего общего этот план не имел с интересами православия.

В октябре 1903 года распространилась информация об отделении Сухумской епархии от Грузинского экзархата и ее непосредственном подчинении Синоду. Предположительно, такое решение в Петербурге было принято, но Святейший Синод ждал удобного момента для его объявления. Однако подъ-

[1] Святой Исповедник Амвросий и Абхазия, с. 385-391.
[2] Святой Архиерей Гавриил и Абхазия, с. 64, 631-632.
[3] Там же, с. 671-672.
[4] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с. 610-612.

ем революционного движения в империи вынудил Синод отказаться от принятия окончательного решения или реализации уже принятого постановления.[1]

Политика русских епископов была коварной и далеко идущей. Она ставила своей целью насильственное изгнание из Абхазии веками господствовавшего здесь грузинского языка и введение славянского богослужения, тем самым создание в духовной сфере непреодолимой пропасти между грузинами и абхазами. Отделение Сухумской епархии от Грузинского экзархата, по их мнению, ускорило бы ассимиляцию края.

Русские епископы нашли поддержку в лице Кутаисского губернатора Ф. Гершельмана, активного проводника колониальной и шовинистической политики. В вышеприведенном докладе от 2 сентября 1900 г. он писал, что для искоренения грузинского влияния в Сухумском округе необходимо «изъятие церкви и школы из рук грузинского духовенства,» а также «назначать в Сухумскую епархию в приходы с абхазским и самурзаканским населением русских священников и, по мере возможности, абхазцев... При условии назначения в Сухумском округе русского духовенства, церковные школы могут там безопасно получить широкое развитие и послужат серьезным подспорьем для поднятия уровня умственного и нравственного местного населения, смягчения нравов его, а в будущем для слияния туземного населения с русским».[2]

Насильственная христианизация, сопровождавшаяся обрусением местного населения, по словам С.Басария, еще более толкало абхазов к исламской вере.[3] По указу Святейшего Синода от 3 сентября 1898 г. в абхазских приходах вводилось богослужение на славянском языке (разрешалось исполнение отдельных молитв на абхазском языке). В грузинских же приходах допускалось богослужение на грузинском, но епископ Арсений во всей епархии только в трех приходах (Мерхеули, Абжаква, Пахулани) разрешал проведение церковной службы на родном языке прихожан (остальное население он самовольно причислял к абхазам). Указом Грузино-Имеретинской синодальной конторы от 17 марта 1898 г. запрещалось преподавание грузинского языка в школах Абхазии и Самурзакано.[4]

По переписи 1897 года основная часть населения Абхазии составляли православные, их число составляло-87 064 человека, мусульман - 11 062, армян григорянского вероисповедания - 6 536, лютеран - 954, католиков - 375, юдаистов - 162;[5] были представлены и другие малочисленные религиозные конфессии.

[1] Там же, с. 616-617.
[2] А. Силагадзе, В. Гурули. Из истории борьбы за неделимость Грузии, раздел II, с. 83-84.
[3] С.Басария. Абхазия, с. 55.; См.: Г.Рогава. Духовная деятельность грузин в Абхазии в XIX веке. Тб., 2002 , с. 34.
[4] Святой Исповедник Амвросий (Хелая) и Абхазия, с. 63; А. Силагадзе, В. Гурули. Из истории борбы за неделимость Грузии, раздел II, с. 83.
[5] Первая всеобщая перепись, с. 86-87.

Проводником русского религиозного влияния в Абхазии являлся Ново-Афонский монастырь, объединявший сотни русских монахов. По словам К.Мачавариани, этот монастырь был «государством в государстве».[1] Он имел огромные поместья не только в Абхазии, о чем говорилось выше, но и в разных регионах империи: в Петербурге, Новороссийске, Туапсе и т.д., откуда получал огромные доходы. На побережье Каспийского моря монастырь владел рыбными промыслами[2]. Новоафонский монастырь занимался широкой коммерческой деятельностью.

По приказу императора в 1885 году Пицундский монастырь со своим земельным участком, сосновой рощей и озером Инкит был присоединен к Новоафонскому монастырю; это означало, что еще один важнейший центр Грузинской Церкви, резиденция Западногрузинских (Абхазских) католикосов перешла в руки русских монахов. [3]

Для царизма церковь в Абхазии служила орудием русификации, что облегчало инкорпорацию данной территории. Особая роль при этом отводилась церковно-приходским школам с обучением на русском языке. Число таких школ постоянно росло.[4] Со второй половины 90-х годов XIX в. из школ и церквей Абхазии, а так же Самурзакано вытеснялся грузинский язык, хотя, благодаря усилиям грузинских священников и педагогов, он все же в определенной мере сохранял позиции. В более трудном положении оказался абхазский язык. В приходских школах абхазам навязывали русский язык, а в церквах – славянский. Все это создавало почву для их обрусения, что вызывало серьезное недовольство местного абхазского населения и со стороны патриотически настроенных педагогов.

Образование. В результате Русско-Турецкой войны 1877-1878 годов большая часть школ Абхазии была разрушена, или повреждена. После войны началось их постепенное восстановление и возобновление учебного процесса. По данным на 1880 г., в школах Абхазии обучались 190 грузин и 36 абхазов.[5] С этого времени власти начинают энергичные действия в сфере образования, чтобы в лице школ создать гибкий и эффективный механизм для русификации края. 13 июня 1884 года император утвердил положение о церковно-приходских школах, а в 1885 году церковно-приходские школы Общества восстановления православия были преобразованы в приходские школы.[6]

В конце XIX столетия основная часть населения Абхазии была неграмотной, доля образованного населения в Сухумском округе составляла 9.7%,

[1] К.Мачавариани. Описательный путеводитель, с. 190-191; см.: Ш.Инал-ипа. Абхазы, с. 505.
[2] С.Авидзба. Новоафонский кафедральный собор имени Святого Пантелеймона. Сухуми, 1977, с. 6-8; см.: Святой Архиерей Гавриил и Абхазия, с. 45-57.
[3] Дж.Гамахария.Абхазия и православие, с. 523.
[4] Там же, с. 1020-1029.
[5] Там же, с. 520.
[6] Там же, с. 520, 521.

в городе Сухуми - 41.7%.[1] Следует отметить, что в этот период высшего технического образования среди сельского населения Абхазии никто не имел; высшего образования не имели и жившие в Сухумском округе казаки и другие иностранные переселенцы.[2] Из этой категории населения только в городе Сухуми оказались три человека со средним специальным образованием, а всего в округе из этих слоев населения среднее образование имели до 32 мужчин и 36 женщин.[3] Несколько иная картина была зафиксирована в семьях высших слоев общества - дворянства и чиновников. В этой социальной категории грамотными оказались 1653 человека, неграмотными-3574 человека;[4] высшее образование имели 35 человек, специальное техническое - 7, средне-специальное - 20, а среднее - 275.[5]

Довольно низким был уровень образования среди духовенства и других слоев населения Сухумского округа. Причину низкого образовательного уровня Ф. Сахокия видел в системе просвещения, имевшей «целью обрусение населения. «Если не эта система умственного и физического изуродования, - писал он, - ничем иным нельзя объяснить тот печальный факт, что до сегодняшнего дня из детей этого способного народа, какими являются абхазы, никто не окончил высшее учебное заведение.»[6] Ф. Сахокия отмечал, что благодаря русской системе образования, происходит денационализация абхазов, постепенно отдаляющихся от грузин. Власти всячески стремились с помощью той же системы образования оторвать от грузин даже самурзаканцев. С учетом этого обстоятельства народному образованию в Абхазии придавалось особое значение. Выход из создавшегося положения заключался в возвращении Абхазии в традиционный грузинский христианско-православный культурный мир или слиянии с русским культурным миром пространством и неизбежная русификация. Исходя из своей колониальной политики, царизм в этом крае, естественно, не собирался создавать грузинскую образовательную систему.[7] Его глобальная политическая задача в стратегически важном геополитическом пространстве подразумевала активную русификацию, что могло осуществиться только путем культивирования системы русского образования. Поэтому данная политика была определяющей с конца XIX в. до1917 г. В 1880-1905 годах в Абхазии было открыто 86 школ, из них по линии Общества восстановления право-

[1] Первая всеобщая перепись, с.1.
[2] Там же, с. 80.
[3] Там же, с. 80.
[4] Там же, с. 78.
[5] Там же, с. 78-83.
[6] Цнобис Пурцели, 1905, 1 апреля (на груз.яз.); Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 363.
[7] См. И.Геленава. Церковно-приходские школы в Абхазии (1900-1917 годы). – Логос, Тб., 2007, №4, с.209-215 (на груз.яз.); И.Геленава. О некоторых аспектах религиозно-просветительной политики царизма в Абхазии 1900-1917 годах - Исторические Вертикали, 2005, №9, с. 81-89 (на груз.яз.).

славия – 3 (в Мокви, Ачандаре и Поквеши); остальные же находились в подчинении епархиального училищного совета.[1]

В Абхазии, в частности в Самурзакано, из-за малочисленности школ и их недоступности использовались народные методы домашнего образования,[2] при котором главную роль играли учителя, священники, монахи и домохозяйки. В семьях существовали «устные школы», где изучались поэма Шота Руставели (XII – XIII века) «Витязь в тигровой шкуре» и другие произведения. В большой мере именно эти «школы» сохранили грузинский дух в Абхазии.

Учителей в народных школах Абхазии в 1900 году насчитывалось 46, из них было абхазов - 3, грузин-25, русских – 14, эстонцев-1, немцев-1.[3]

В 1880 году в Сухумской горской школе, открытой в 1863году для детей горцев (функционировала до 1917 года), числилось 80 воспитанников. На протяжении всего периода своего существования она верно служила делу русификации молодежи.[4]

В конце XIX в. – начале XX в. в школах Абхазии плодотворно трудились грузинские и абхазские педагоги, среди которых можно выделить Ф. Эшба, А. Чочуа, И. Гегия, П. Чарая, Ф. Сахокия, А. Джугели, К. Мачавариани, П. Шакрыл, Н. Чедия, Н. Джанашиа, И. Лакербая, Г. Эшба, Н. Киртбая, К. Маршания, Д. Аджамов и другие.

Продолжалась работа по усовершенствованию абхазской письменности. В 1892 году К.Мачавариани и Д.Гулия составили новую абхазскую азбуку, издав ее в Тбилиси. Вне сомнения, поддержка грузинских общественных деятелей в деле создания абхазской письменности было искренним проявлением уважения к абхазскому народу. «Эту нашу азбуку, - как писал Д. Гулия, - впервые увидели абхазские школы, и по ней стали обучаться дети абхазов на радном их языке»[5]. Благодаря этому, появилась возможность общения с народом на родном языке**.** Но азбука не сыграла заметной роли в деле образования абхазского населения, поскольку целью царизма являлась русификация региона. На рубеже XIX- XX веков в Абхазии действовал довольно влиятельный «Союз истинных русских». Члены этой шовинистической организации боролись за искоренение грузинского языка в Сухумском округе. Главными вдохновителями союза были представители местного русского населения и русское духовенство, в том числе Л. Прогульбицкий (начальник округа), В. Ястребов (епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ), священ-

---

[1] Дж.Гамахария.Абхазия и православие, с.1020-1029.

[2] И.Геленава. Некоторые аспекты русской образовательной политики в Абхазии в конце 19 и первой четверти 20 вв.(На основе материалов Самурзакано). - Клио, 2005,№26,с. 77-98.

[3] Н.Векуа. Начальное образование в дореволюционной Абхазии (1851-1917 годы). Сухуми, 1958, с. 143.

[4] Н,Векуа. Сухумское горское училище (1863-1917годы). - К коммунистическому воспитанию, 1958, №5, с. 73.

[5] Д. Гулия. История Абхазии, т.1, с.21.

ники С.Протопопов, С.Алферов, Г.Голубцов и другие. Они делали все для обрусения региона и углубления грузино-абхазского противостояния, старались причинить вред грузинам, находившимся на ответственных постах, не гнушаясь доносами и клеветой.[1]

Несмотря на попытки царизма вбить клин между абхазским и грузинским народами, в традиционно дружественные отношения двух народов продолжалась. Примерной была личная дружба между Георгием Михаиловичем Шарвашидзе (1847-1918годы) и Акакием Церетели. Литературоведы установили, что в их творчестве чувствуется глубокое родство как с эстетической, так и тематической, идейной и религиозной точек зрения. Интересен тот факт, что венгерский ходожник Михаил Зич использовал Г.Шарвашидзе натурой для создания образа героя поэмы «Витязь в тигровой шкуре» - Автандила.

В деле укрепления грузино-абхазских взаимоотношений большую роль сыграли и другие общественные деятели Абхазии - Константин Георгиевич Шарвашидзе (1813-1883годы), Давид Чхотуа и другие.[2]

Большой популярностью пользовался в Абхазии лидер национально-освободительного движения, некоронованный царь Грузии Илья Чавчавадзе (1837-1907 годы). 22 мая 1903 г. он прибыл в Сухуми из Гагры, где находился по приглашению принца А. Ольденбургского.[3] Жители города с восторгом встретили приезд И. Чавчавадзе в Сухуми в сопровождении Ал. Орбелиани и Дмитрия Чолокашвили[4]. Как писала газета «Иверия», вечером 22 мая прогуливающий по Сухумскому бульвару народ с восторгом встретил И. Чавчавадзе и его спутников, «все хотели увидеть гордость Грузии, все желали услышать его голос и украдкой шли за ним».[5]

Местная грузинская и абхазская интеллигенция –Ф. Сахокия, И. Миминошвили, С. Туркия, А. Чукбар, Е. Габуния, Машо Анчабадзе (сестра писателя Шалва Дадиани), Г. Норакидзе и другие - в честь приезда Ильи Чавчавадзе 24 мая устроила торжественный обед в саду Александра и Ивана Шарвашидзе. За богато накрытым столом Илья произнес тост следующего содержания: «От лица своих друзей и от себя лично благодарю за чрезмерное почтение и молюсь богу, чтобы, он спас вас, местных грузин, от той страшной опасности, которая, походив и осмотрев здешний край, угнетающе встала перед моими глазами. До настоящего времени эту прекрасную абхазско-грузинскую землю защищали с помощью сабли и так или иначе все же сохранили ее. Теперь саблю вложили в ножны. Сегодня, как я вижу, идет другой враг, но не напрямик и в лобовую, как славная сабля, а втихомолку, по - воровски, идет как соблазнитель и вор. Этот враг – поныра и лукавые деньги. Они будут обходиться с вами с улыбкой

[1] А.Хвингия. Воспоминание. Рукопись, тетрадь №2, с. 54; см.: Музей просвещения Грузии, дело 4669, лист 56; З. Цинцадзе. У истоков отделения Абхазии от Грузии. - Проблемы истории Абхазии, Тб., 1998, с.138.
[2] Т. Мибчуани. Абхазия,ч.I. Тб.,2006,с.148-150.
[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия –историческая область Грузии, с.777.
[4] Я. Гогебашвили. Об Абхазии. Сочинения, т.4. Тб.,1955, с.200.
[5]Иверия,1903, №118, 4 июня.

и лаской и так уведут с рук эту красивую, прелестную и богатую страну, что первоначально даже будете благодарны.

Скажу еще: Боже, спаси вас от этого страшного соблазна, чтобы вы, непобежденные смелой саблей, не оказались побежденными от трусливых денег и сохранили эту политую кровью грузин прекрасную страну на здравье ваше и ваших детей, на счастье и гордость ваших близких.»[1]

Таким образом, с 80-х годов XIX в. империалистическая политика в Абхазии ужесточилась. Ярче всего оно проявилось в сфере образования, что выразилось в полном вытеснении из школ грузинского языка и утверждении русского. Шел процесс русификации церкви, на Сухумскую кафедру назначались лишь русские архиереи, началась активная работа по территориальному разделу Абхазии. Гагрский участок отрезали от Абхазии и присоединили к Черноморской губернии. В широких масштабах осуществлялась иностранная колонизация края, в ранг государственной политики было возведено углубление противостояния между абхазами и грузинами, особенно усилился нажим на грузинское население Абхазии, прежде всего, на самурзаканцев.

2. Абхазия в период демократической революции, реакции и первой мировой войны (1905-1917годы)

В начале XX столетия Россия оказалась перед серьезными политическими, экономическими и социальными проблемами. Всю империю охватило широкое революционно-демократическое движение, которое после поражения в войне с Японией (1904-1905годы) приобретает еще более острый характер. В 1901-1903годах во многих регионах Грузии чувствовалось предреволюционная ситуация. Углубилось противоречие между самодержавьем и демократическими силами, между крестьянами и помещиками, капиталистами и рабочими, между царизмом и национально –освободительным движением, что нашло концентрированное выражение в революционной ситуации, возникшей в конце 1904 г.

Революционное и демократическое движение возникло и в Абхазии, где основную массу трудящихся составляли грузины (абхазов среди рабочих было ничтожно мало). После начала революции 1905 г. в течение первых трех месяцев в Абхазии состоялись 11 забастовок, митингов, манифестаций и народных собраний.[2]

В некоторых регионах Абхазии, крестьяне брали власть в свои руки, создавая органы народно-демократического управления. Так произошло в Самурзакано, где была образована так называемая «Самурзаканская Республи-

[1] Иверия,1903, 28 июня;Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 362, 727-728; См.: И. Геленава. Из культурной жизни Абхазии (1917-1921годы). Тб.,2003, с. 35-36.
[2] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с. 265.

ка». Крестьянская власть просуществовала почти год.[1] В истории остались воспоминания и о ,,Гагрской Республике”, просуществовавшей два месяца. Имеются сведения, что с 16 ноября по 20 декабря 1905 г. в Сухуми действовало «революционное правительство».[2]

Под натиском демократического движения, царизм пошел на уступки, соглашаясь на проведение либеральных реформ. Определенные реформы были проведены и на Кавказе, в частности, восстановлен институт наместника царя. В январе 1905 г. освободили от должности главноуправляющего Г. Голицына и вместо него в феврале того же года наместником царя на Кавказе назначили И. Воронцова-Дашкова. Почти одновременно с этим начальника Сухумского округа, ярого шовиниста В. Прогульбицкого на этом посту сменил князь Л. Джандиери. Власти удалили из Грузии, в том числе из Абхазии, шовинистически настроенных архиереев - экзарха Грузии Алексия, Сухумского епископа Арсения, главного идеолога русификации края – протоиерея И. Восторгова**.** Новый экзарх Грузии Николай (1905-1906 годы) и Сухумский епископ Серафим проводили сравнительно либеральную политику. Например, епископ Серафим после пятнадцатилетнего запрета разрешил проведение церковной службы на грузинском языке[3]. Несмотря на ряд половинчатых уступок со стороны властей, продолжались антиправительственные народные выступления.

Подъем революционного движения в Абхазии особенно был заметен с осени 1905 г., что обусловливалось интенсификацией революционного движения как в Москве, так и в Петербурге. Волнения в обеих столицах достигли своего апогея 17 октября. Император Николай II вынужден был в тот же день издать манифест о даровании гражданам России основных демократических прав и немедленном созыве Государственной Думы.

Грузинская и абхазская историография справедливо обращает внимание на факт пассивность этнических абхазов в революции 1905-1907годов. Еще в 1910 г. активный борец против царского режима Георгий Шарвашидзе подчеркивал: «Тут вышел неожиданный казус. Каким образом абхазы, «известные бунтари», вдруг сидели спокойно, когда вся Россия волновалась. Не поймешь, ведь, этих подлецов. Всегда проделывают то, чего никак не ждешь. А это очень просто, говорят мудрые чиновники. У них все еще продолжается феодальный строй; надо это в них вышибить, ведь смешно же в наше время иметь в государстве народ с феодальной системой быта... Революционная пропаганда не имела успеха потому, что здесь не существует сословной распры».[4]

В мае 1906 г. на совете наместника царя, было отмечено, что население Абхазии, официально носившее звание «виновного», во время последних собы-

---

[1] С. Лакоба. Боевики Абхазии в революции 1905-1907 годов. Сухуми,1984,с.42.
[2] Там же, с.37.
[3] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 617-680.
[4] Г. Шарвашидзе. Сочинение в двух томах, т. 1. Кутаиси, 2006, с. 301, 302.

тий, в отличии от других жителей соседних районов, проявляло лояльность к правительству,[1] чем некоторая часть абхазов даже гордилась.[2] Несомненно одно: социальный конфликт в Абхазии из-за существовавших здесь специфических экономических отношений, превратился в межнациональный конфликт. «Имеет ли почву под собой обострение отношений между абхазами и мегрелами? Имеет, - писал в 1917 г. известный грузинский писатель, общественный и политический деятель И. Гомартели. – И эта почва носит чисто экономический характер. Абхазы не занимаются ни хозяйством, ни хлебопашеством, ни торговлей, ни промыслом... Абхазец – изящный, стройный, красивый. Он любит коня, кутеж, природу, а труд, работу – нет. Имеет столько земли, что сам может не работать.[3] Землю отдает мегрелу, греку, армянину. В Абхазии, главным образом, армянин и грек являются предпринимателями. Они берут землю у абхаза в аренду, возделывают табак, зарабатывают огромные деньги и не только не удерживают абхазу арендную плату, а часто отдают заранее. Поэтому на этой почве между абхазами, греками и армянами недовольства не существует.

Настоящий земледелец в Абхазии – мегрел. В период каждого движения и революции между абхазом и мегрелом возникает разногласие, поскольку первый – помещик, землевладелец, а второй – земледелец. В пору революции мегрел не дает абхазу урожай или дает меньше. Социалистическая проповедь: землю труженику, земледельцу проникла среди мегрелов и это пугает абхаза. Абхазец боится: а вдруг мегрел отберет землю. Все это вызывает столкновение интересов среди жителей Абхазии... Среди мегрелов, как и по всей Грузии, постепенно усиливается демократическое сознание. А этим абхазское дворянство теряет влияние и лишается почвы.

Абхазское дворянство имеет большое влияние среди абхазов. Абхазское крестьянство слепо подчиняется своему дворянству. Здесь нет того сословного раскола, который имеется у нас, так как нет той земельной тесноты и тех экономических взаимоотношений между сословиями, что у нас. Абхазское дворянство стремится сохранить свое влияние. Этому влиянию грозит опасность из Мегрелии, откуда проникает демократическое и социал-демократическое мышление. Поэтому абхазское дворянство пытается порвать с мегрелами и тем самым обеспечить собственное влияние и существование в Абхазии.»[4]

Господствующее положение и влияние дворянства предопределили отрицательное отношение большинства абхазов к демократическим преобразовани-

[1] Дж. Гамахария. Из истории грузино- абхазских взаимоотношений, с. 23.

[2] Кавказ,1906, 13 января.

[3] Представление русских об абхазах, их хозяйстве было несколько иным. В официальном учебнике географии сказано: «Абхазы по наружности значительно отличаются от черкесов..., выражение грубое и дикое. Главная отличительная черта абхазов – беспечность и лень; в течение года абхазец работает не более 20-30 дней, а остальное время ничего не делает, или бродяжничает кои как... Кое как обработанный клочок земли дает такой урожай кукурузы и проса, которого хватает абхазу на весь год (А. Баранов, Н. Горелов. География Российской Империи. 27-е исправленное издание. М., 1914, с. 139).

[4] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 393-394.

ям, за что боролись представители других народов, особенно грузины. Такая обстановка, такое настроение среди абхазов углубляли противоречие с грузинами.

По мнению С. Лакоба, абхазские крестьяне, в отличии от других, не могли воспринять социал-демократические идеи, так как не были втянуты в товарно-денежные отношения, в трудовую деятельность. Торговлю же они считали унизительным занятием; абхазы, за редким исключением, вообще не проживали в крупных населенных пунктах - Сухуми, Гудаутах и Очамчирах.[1]

Одной из причин отхода абхазов от революции С. Лакоба, вслед за русскими чиновниками того периода, называет тот факт, что абхазы воспринимали ее как «грузинскую революцию». Такое представление о революции явилось следствием пропагандистской и «воспитательной» работы, десятилетиями проводимой властями. Именно они внедряли в сознание народа, объявленного ими «виновным», ненависть к грузинам.[2] Это происходило тогда, когда на высвобожденных в результате мухаджирства абхазских землях, правительство оперативно заселяло разных сектантов и представителей любых национальностей, кроме грузин.

Прогрессивная общественность Грузии, была озабочена создавшимся в 1905 г. в Абхазии положением. Явно проявились первые результаты черносотенной политики «разделяй и властвуй». В грузинских газетах систематически публиковали письма с разоблачением «темных сил», распространявших сплетни о том, что грузины собираются уничтожить всех абхазов с целью завладения их землями.[3] Активная идеологическая работа проводилась во всех слоях абхазского общества, активизировались «любители «мутить воду», «натравливать друг на друга братьев» и абхазцам (влиятельным лицам) начали советовать: знаем, что вы являетесь спокойным, добрым и порядочным народом, от вас не следует ожидать никакого беспорядка... Однако, ваши соседи - грузины, ненадежны. От них нужно чего-то ожидать для вашего истребления, поэтому «бейте их»... Проповеди дали свои плоды и злые силы натравили братьев против братьев».[4]

После московских кровавых событий декабря 1905 года начался спад революционного движения во всей империи. В такой обстановке власти решили произвести административные изменения в Сухумском округе. На протяжении долгого времени готовился проект о присоединении Сухумского округа к

[1] З. Папаскири. Очерки...,ч.I, с.243.

[2] Н. Тавдгиридзе, долгие годы работавший в Абхазии на высоких должностях (Сухумский городской голова, начальник округа и т.д.), позже писал, что «здесь особенно за последние 15-20 лет их (русских – авт.) работа и проповеди велись с целью внушения абхазам, что их погубило единство с Грузией», что грузины «стремятся проглотить и уничтожить их» (абхазов). «Эта мысль, - продолжал он, - с помощью учителей и духовенства внедрялась в школах среди учащихся» (Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 66.

[3] Цнобис Пурцели, 1905, 5 мая (на груз.яз.); Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с. 365.

[4] Цнобис Пурцели,1905, 22 апреля (на груз.яз.).

Чернорморской губернии. Как только об этом стало известно, Сухумский городской голова Нико Тавдгиридзе и Александр Шарвашидзе от имени Абхазии представили наместнику ходатайство о присоединении Сухумского округа не к Черноморской, а Кутаисской губернии. «Это ходатайство, - писала газета «Цнобис Пурцели» 7 сентября 1905 г., - наместник передал Кутаисскому губернатору, поручив ему создать комиссию из знающих лиц и выяснить, приписать Сухумский округ к Кутаисской или Черноморской губернии». Та же газета 19 ноября 1905 г. опубликовала требования жителей Сухумского округа. Авторы документа от наместника требовали:

«1. Оставление этого округа целиком в своих исторических границах, как особого самостоятельного уголка с точки зрения административного управления – и если такое оставление невозможно, то присоединить его к Черноморской губернии так, чтобы административным центром был Сухуми.

2. Живущих в этом округе абхазов не именовать больше ругательским и незаслуженным именем: «виновные», как этого делают ныне служащие администрации при переписке и во время беседы с ними.

3. Жителям этого округа предоставить те же права, что имеют жители Самурзаканского округа; безземельным жителям округа немедленно раздать земли; жители округа, российские подданные, поселившиеся не менее семи лет тому назад и владеющие той или иной землей, тотчас должны прописаться в том или ином обществе и только им и их потомкам, а не кому-либо другому, пользоваться этой землей; мегрелов, живущих в этом округе на купленных землях, зачислить в те общества, где живут в настоящее время и выписать из тех обществ, откуда прибыли.

4. По высочайшему разрешению вернуть тех абхазов, которые в 1877-1878 годах переселились в Турцию и ныне желают вернуться. Необходимо вернуть им для усадеб государственные земли.

5. Безвозмездно уступить населению здешние государственные зимние и летние пастбища.

6. Немедленно распустить полицейскую стражу Кавказа, так как никакой пользы, кроме вреда, народу он не приносит. Вместо него для самозащиты создать отряд из местных жителей.

7. Немедленно открыть почтовую дорогу между Гагры и Зугдиди и освободить людей от содержания почтовых лошадей.

8. Немедленно ввести светское, бесплатное и обязательное обучение.

9. Все стипендии после высвобождения из Ставропольской мужской гимназии перенести в Сухумское реальное училище и увеличить число самих стипендий.

10. Во всех существующих в этом округе учебных заведениях сделать обязательным изучение грузинского языка, а для желающих – абхазского, для абхазов – мусульман-арабского.

11. Выделить стипендии в высшие учебные заведения для жителей округа.

12. Сухумскую горскую школу немедленно преобразовать в сельскохозяйственное учебное заведение с подготовительным отделением.

13. Устроить хорошую лечебную часть, создать больницы и др.

14. Разрешить солдатам Сухумского округа, отбывать воинскую повинность на Кавказе, а не в другом месте.

15. Немедленно создать институт суда присяжных поверенных из выборных мировых судей.

16. Разрешить народу самому избирать духовное лицо как православного, так и мусульманского вероисповедания.

17. На все должности предоставлять места местным жителям при наличии у них образовательного ценза». [1]

В этих требованиях, составленных от имени жителей Сухумского округа, имеются определенные противоречия. Они отражены например, пунктах 1 и 10, хотя в них зафиксировано однозначно доброжелательное отношение к Грузии и грузинскому языку. Первый пункт является дипломатическим ходом авторов документа, соглашавшихся на присоединение Сухумского округа к Черноморской губернии лишь при условии объявления Сухуми административным центром. Тем самым авторы документа намекали на восстановление северо-западных границ исторической Грузии, простиравшихся до Никопсии (севернее от г. Туапсе) и реки Кубани.[2] А это никак не могло входить в интересы правительства. Наместник вынужден был согласиться с некоторыми требованиями, а вопрос о присоединении Сухумского округа к Черноморской губернии временно был снят с повестки дня.

Отход абхазов от революционных процессов был наруку царским чиновникам. Газета «Окраины России» в связи с этим писала: «К абхазцам еще не привился социализм, а потому с ними жить можно»[3]. Имея в виду позицию, занятую абхазами в период революции и повествуя о «беспорядках» в Сухуми, газета «Кавказ» в 1906 г. так же писала: «Абхазцы держат себя похвально».[4] За поддержку царизма в критический для него период 27 апреля 1907г. император удовлетворил ходатайство наместника о снятии с абхазов звания виновного населения. В обращении к абхазам наместника И. Воронцов-Дашкова от 11 мая 1907 г. выражалась надежда, что в будущем «абхазцы виновными против своего Государя Императора никогда и при никаких обстоятельствах

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с. 366-367.
[2] Там же, с.729-730.
[3] З. Папаскири. Очерки..., ч. I.c. 243.
[4] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с. 731.

более не будут» и что в 1905г. они «с честью вышли из испытания».[1] Царская «милость» воодушевила абхазов. Вскоре они попросили разрешения служить в армии и получили его (толко христиане). Тогда началось не пробуждение самосознания народа, как писала газета «Кавказ» 12 декабря 1907 г., а его коренное изменение. С этого периода национальное по форме абхазское движение утрачивает прогрессивное содержание (свободолюбие, демократизм) и становится инструментом проведения имперской политики против Грузии и всего Кавказа. Непримиримые борцы против империи в XIX в. поневоле превращаются с начала XX в. в ее верную слугу и опору.[2]

Значительным событем в политической жизни России явился созыв первой Государственной Думы, предусмотренный по Манифесту 17 октября 1905г. Во время подъема революционного движения выборы в Государственную Думу не могли состояться, но в феврале-марте 1906 г. они все же были проведены. В Грузии выборы в Думу прошли в апреле-мае 1906 г. Депутатом от Сухумского, Батумского и Карсского округов стал генерал Прокофий Шарвашидзе.[3] Являясь депутатом и III Госдумы, он дал отповедь шовинистам, своими заявлениями разжигавшим рознь между абхазами и грузинами. 7 февраля 1909 г. П. Шарвашидзе письменно отреагировал на провокационное выступление в Думе депутата Маркова 2-го. «Просматривая сегодня стенографический отчет 46-го заседания Госдумы 4 февраля, на котором я, к сожалению, по болезни не имел возможности присутствовать, - писал он, - я с величайшим изумлением нашел в нем следующие слова Курского депутата Маркова 2-го относительно Абхазии:

«Мы знаем, что после запроса был уволен знаменитый князь Джандиери, начальник Сухумского округа, который во времена революции являлся к абхазцам и требовал от них приговора, в котором бы они выразили желание самоуправления с грузинским языком. Абхазцы в этом отказали и в место этого явились в Сухум вооруженными и заявили: «Если вы не прекратите революцию, мы вас всех перережем». Это была одна из самых реальных мер, которая успокоила Сухум. В наказание за это кн. Джандиери представил к высылке 8 абхазских князей чуть ли не в Сибирь. Это может рассказать кн. Шервашидзе, который хлопотал за них и просил, чтобы этих героев не выслали в Сибирь по приказанию наместника Его Императорского Величества.»

Я не только не могу, как этого требует депутат Марков 2-й, засвидетельствовать того, будто ходатайство о высылке означенных выше лиц было возбуждено князем Джандиери, но, наоборот, считаю долгом заявить, что сама инициа-

[1] Там же, с. 368-369.
[2] Там же, с. 66.
[3] Во второй Государственной Думе (февраль – июнь 1907г.)из этих округов был представлен Константин Канделаки, в третьей (сентябрь-октябрь 1907г. - июнь 1912г.) опять Пр. Шарвашидзе, в четвертой (сентябрь-октябрь 1912г. - февраль-1917) самурзаканец Акакий Чхенкели (Г. Саитидзе. Грузинская политическая мысль и Государственная Дума России (1905-1917). Тб.,2005).

тива обращения за содействием к местным князям, на наиболее влиятельных представителей местного дворянства, именно принадлежит князю Джандиери, который своим знанием местной жизни и местного народа и своим редким административным тактом в трудную годину революции сумел сохранить престиж власти в округе и я могу выразить только свое публичное сожаление по поводу удаления его с поста, на котором он все время оставался на высоте своего положения».[1]

Находившийся в Петербурге в связи с обсуждением в Святейшем Синоде вопроса о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви Сухумский епископ Кирион посетил однажды Государственную Думу. С большими почестями его принял председатель Думы С. Муромцев и предоставил ложу рядом с министрами. «Весьма хорошее впечатление производит прение, - писал епископ Кирион, - так вольно, как в Думе, никогда в жизни не дышал. Красноречие кипит и переходит через край. Порядок на заседаниях – примерный, хотя заметна вспыльчивость всех ораторов. Все верно служат общему делу. История отметит большое значение этой Думы, а ныне кроме преследования со стороны правительства она ничего не должна ожидать».[2] Вскоре, 8 июля 1906 г., непокорная Дума действительно была распущена.

Назначение епископа Кириона на Сухумскую кафедру (3 февраля 1906 г.) уже было уступкой властей перед главной движущей силой революционного движения в Сухумском округе-грузинами. Его кратковременная деятельность в Абхазии является целой эпохой в церковной жизни региона. Епископ Кирион тотчас же отверг введенную русскими архиереями практику насильственного «крещения» и главное внимание сосредоточил на непосредственные встречи с прихожанами, проповеди, открытие новых приходов, восстановление и строительство церквей, а так же школ. У него был план построения в Сухуми «двух грузинских крепостей»[3] - церкви и школы, но не успел. Одна из заслуг Сухумского епископа заключалась в том, что прихожанам разных национальностей – грузинам, русским, грекам - он дал возможность проведения богослужения на своем языке. Чтобы такую же возможность получили и абхазы, епископ Кирион из образованных абхазов и духовенства сформировал комиссию для перевода церковной литературы на абхазский язык. Он успел провести два заседания комиссии, но после его отзыва из Абхазии ее деятельность приостановилась. Позднее комиссия все же возобновила работу. Она продолжилась до 1913г. и

---

[1] Новости Закавказья, 1909, 18 февраля.

[2] Святой Священномученик Кирион II и Абхазия, с. 148. До посещения Думы, 22 февраля 1906 г., Сухумский епископ Кирион и Имеретинский – Леонид (Окропиридзе) в Гатчине встретились с представителем Абхазского княжеского рода, бывшим Тбилисским губернатором, начальником канцелярии матери императора Николая II генералом Г. Д. Шарвашидзе (правнук Келеш-бея). Узнав о целях приезда грузинских архиереев, генерал сказал: «Я сочувствую автокефалию, автономию». После этой весьма теплой встречи еп. Кирион написал: «От многих слышал, что Шарвашидзе не является верным грузином, но это клевета» (там же, с. 118-119).

[3] Там же, с. 213.

завершилась переводом церковной литературы на абхазский язык (перевод выполнили Д. Гулия, священники Н. Ладария, Н. Патейпа и Д. Маргания).[1]

Епископ Кирион с помощью видающегося грузинского педагога Якова Гогебашвили планировал составление и издание абхазского учебника – «Родная речь».[2] Но его неожиданное смещение с должности сорвал и этот план.

Епископ Кирион занимался и изучением истории Абхазии. Его перу принадлежит изданная в 1906г. в Петербурге от имени «Цхумели» брошюра, под названием «Абхазия». После обзора истории и тогдашнего состояния этого древнейшего региона Грузии, автор делает вывод о недопустимости отделения Сухумской епархии от Грузинского экзархата с канонической и исторической точек зрения.[3] Против брошюры еп. Кириона выступил некто Л. Воронов, издав в 1907 г. в Москве книженку «Абхазия - не Грузия». Несмотря на кричащее название, сей «труд» не имел никакой научной ценности. В то же время, автор достиг главной цели –углублению противоречия между грузинами и абхазами. Лозунг «Абхазия - не Грузия» поныне является главным идеологическим оружием сепаратистов и шовинистов.

Назначение епископа Кириона на Сухумскую кафедру и его плодотворная деятельность, вызвали раздражение русских шовинистов. Они открыто обвиняли грузинского архиерея в лобировании националистических интересов, а его назначение в Абхазию воспринимали как ущемление прав русских. Особенно преуспел в клевете против еп. Кириона протоиерей И. Восторгов[4]. Его клеветнические выпады во многом предопределили решение Святейшего Синода от 24 января 1907г. об отзыве епископа Кириона из Сухуми, что положило начало десятилетнему преследованию бывшего Сухумского епископа.[5] С 1907г. на Сухумскую кафедру Святейший Синод назначал лишь русских архиереев. В последующие годы Сухумской кафедрой управляли: Дмитрий Сперовский (25 января 1907г. - 25 июля 1911 г.), Андрей Ухтомский (25 июля 1911г. - 22 декабря1913г.), Сергий Петров (22 декабря 1913г. - 1 сентября 1919г.)[6]. Деятельность русских епископов, если не принимать во внимание либерально - фарисейскую политику епископа Андрея, была направлена на ассимиляцию населения и разжиганию национальной розни между абхазами и грузинами.

[1] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 692; Святой Священномученик Кирион II и Абхазия,с. 33,305-307.

[2] Святой Священомученик Кирион II и Абхазия, с. 268.

[3] Там же, с. 423-438.

[4] В марте 1906 г. в журнале ,,Колокол" против назначения епископа Кириона в Сухуми И. Восторгов под псевдонимом «Русский» опубликовал грязное письмо «Голос из Сухума». Достойную отповедь дал ему архимандрит Амвросий Хелая в специальном письме «По поводу статьи «Голос из Сухума»». В нем дана основательная критика русификаторской политики в Грузии, в том числе в Абхазии. И. Восторгову принадлежит еще один пасквиль против еп. Кириона под названием «Скоро ли конец», опубликованный в сентябре 1906 г. в том же журнале (№261).

[5] Один из тех, кто содействовал реабилитации опального грузинского архиерея, был депутат III Государственной Думы Пр. Шарвашидзе, о чем свидетельствует его письмо на имя еп. Кириона от 7 декабря 1909 г. (Святой Священномученик Кирион II и Абхазия, с. 329-330).

[6] Святой Архиерей Гавриил и Абхазия,с.672.

В начале XX в. активизировалась общественная жизнь. Демократические силы стремились изменить к лучшему однообразную жизнь населения. В этом деле большую роль играли разные общества, товарищества, благотворительные организации, землячества. В сферу их интересов входили промышленность, сельское хозяйство, инвестиционная политика, здравоохранение, помощь бедным и беженцам, организация отдыха и культурного досуга и т.д. Самыми эффективными являлись объединения экономического характера.

Особое внимание уделялось строительству железной дороги вдоль Черноморского побережья, имевшей большое значение для Абхазии. Возникло «Общество Кавказской дороги», активность которого во многом обусловила решение правительства о начале строительства железной дороги с 1902г.[1]

Еще в 1899г. в Драндах основано «Шелководческое товарищество»,[2] а в 1900г. в Сухуми – «Кавказское хозяйственное общество».[3] В тот же период в Драндах основано «Сельско-хозяйственное общество»[4]. В 1903г. возникает «Самурзакано – Кодорское общество по разведению птиц». В 1911г. в Сухуми основали общество потребителей «Солидарность»[5], было создано так же «Общество врачей» и т. д.

В 1915 г. жители Очамчиры ходатайствовали перед губернатором об основании «Очамчирского потребительского общества»,[6] а жители села Гудауты - об основании «Сельско-хозяйственного общества»[7]. В тот период в Сухуми начинает функционировать потребительское кооперативное общество «Хозяин».[8]

Одним из направлений в деятельности обществ сельско-хозяйственного профиля являлось снабжение продовольствием населения в тяжелые годы первой мировой войны. Они основывали пекарни, хлебные магазины и т. д. В 1915г. в Самурзакано открыли кооперативную пекарню[9]. В конце того же года жители Очамчиры основали «Потребительское общество». Оно оказывало помощь людям с тяжелым материальным положением.[10] В Абхазии с 1900 г. действовали общества взаимопомощи.[11] 14 декабря 1904г. они открыли в Сухуми ночлежку, где нуждающиеся могли получить не только кров, но и чай и горячую пищу.[12]

«Общество взаимопомощи», объединяя людей разных профессий, брало обязательство оказывать материальную и духовную поддержку своим членам и их семьям, давать им с суду; в случае потери работы, общество заботилось

[1] Квали,1901,25 февраля (на груз.яз.);Ф.Сахокия.Мои современники. Тб.,1984,с.52(на груз.яз.).
[2] Иверия,1899,28 мая(на груз.яз.).
[3] Цнобис Пурцели,1904,№2418, 23 февраля(на груз.яз.).
[4] Иверия, 1903,19 апреля(на груз.яз.).
[5] Сахалхо Газети,1911,26 июня(на груз.яз.).
[6] Сакартвело,1915,12 декабря(на груз.яз.).
[7] Сакартвело,1916,1 марта(на груз.яз.).
[8] Сакартвело,1915,3 ноября(на груз.яз.).
[9] Сакартвело, 1915,22 октября(на груз.яз.).
[10] Сакартвело, 1916, 9 февраля(на груз.яз.).
[11] Теми,1912,№91, 1 ноября(на груз.яз.).
[12]Иверия,1904,6 января(на груз.яз.).

о трудоустройстве безработных своих членов, об их культурном досуге, умственном и нравственном развитии. [1]

В 1908-1911 годах в Сухуми функционировали «Общество по оказанию помощи бедным учащимся», «Общество борьбы против чахотки». «Грузинское школьное общество», «Абхазское школьное общество»[2], «Общество страхования от пожара»[3] и т. д.

Особой эффективностью отличалось Сухумское отделение Грузинского благотворительного общества, основанное в ноябре 1915 г. Оно оказывало помощь бедным семьям. В многонациональной Абхазии существовали не только грузинские, но и другие общества, созданные по национальному признаку - греческие, армянские и русские. Например, «Союз истинных русских»[4] отличался шовинистической, антигрузинской направленностью.

В Сухуми функционировали «Филармоническое общество"[5], „Общество народного университета», основанное в 1908г. На курсах народного университета числилось 30-40- человек, учеба проходила на русском языке. В Сухуми открылся кружок любителей драматического искусства.[6]

Благотворительные организации и объединения уделяли внимание вопросам образования и культуры. В этом отношении большую роль сыграло грузинское «Общество по распространению грамотности среди грузин». Первое собрание Сухумского отделения этого общества состоялось 17 мая 1909г.[7] Оно многое сделало для распространения культуры и грамотности среди местного грузинского населения.[8] В 1912 г. по согласованию с этим обществом в г. Сочи образован кружок любителей сцены, пользовавшийся большим успехом среди местного грузинского населения[9]. Большим событием в культурной жизни абхазского населения явилось основание в селе Лыхны 25 августа 1913г. Бзыбского комитета по образованию. Учредительное собрание комитета открыл С. Ашхацава, а председательствовал начальник Гудаутского участка Д. Келбакиани. [10]

И в условиях первой мировой войны общественные организации Абхазии старались оказывать материальную помощь бедным семьям, организовывали культурные мероприятия и создавали очаги здравоохранения. К 1917г. в Сухумском округе продолжали функционировать «Сухумское общество любителей и исследователей природы», «Сухумское медицинское общество», «Сухумское

---

[1]Квали,1902,29 сентября(на груз.яз.).
[2] Сахалхо Газети,1911,14 декабря; Цнобис Пурцели, 1904, 17 ноября(на груз.яз.).
[3] Батумис Газети,1911,19 октября(на груз.яз.).
[4] Дроеба, 1909, 25 июня; Батумис Газети, 1911, 27 ноября(на груз.яз.).
[5] Сахалхо Газети,1912,13 июля(на груз.яз.).
[6] Сахалхо Газети, 1911, 20 октября; Сакартвело,1915, 6 декабря(на груз.яз.).
[7] Дроеба, 1909,25 июля(на груз.яз.).
[8] Батумис Газети,1912, 27 июля.
[9] Грузия, 1915,5 декабря(на груз.яз.).
[10] Дж. Гамахария. Абхазия и Православие,с.693.

благотворительное общество», «Сухумское общество народных университетов», «Сухумское греческое общество».[1]

После революции 1905-1907годов в условиях половинчатых демократических преобразований в Абхазии все же активизируется культурная жизнь. Грузинские педагоги Сухумского округа изучали историю Абхазии и его культурно-исторические связи с Грузией. Петр Чарая опубликовал капитальный научный труд «Абхазия и абхазы», Нико Джанашиа напечатал письма, посвященные этнографии края: «Абхазы», «Абрскил», «Амиран» и т. д. Много интересных статьей опубликовали об Абхазии Иван Гегия, Антимоз Джугели, Федор Сахокия, Машо Дадиани-Анчабадзе и другие. В них говорилось о грузино-абхазских исторических связях, их родстве.

Борьба грузинского населения Абхазии за восстановление в духовных и светских училищах прав родного языка усилилась в 1905-1907годах. 17декабря 1905г. состоялся первый нелегальный съезд учителей Сухумского округа. Он предпринял попытку самовольного проведения школьной реформы.[2] На съезде присутствовали учителя как министерского ведомства, так и церковноприходских школ. Они обсудили вопросы об объявлении всех школ народными, изучении всех предметов на грузинском, оставлении русского языка в качестве отдельного предмета, о материальном и правовом положении учителей.

В период революции 1905 года, царизм пошел на определенные уступки и разрешил обучение на грузинском языке. Это произошло в революционные годы, когда грузинский язык снова вернулся в школы Абхазии, Мегрелии, Сванетии и Аджарии.

После поражения революции духовное и светское начальство пыталось восстановить старые формы обучения, хотя революционное движение 1905 года ясно показало, что русифицированные против воли населения школы вовсе не воспитывали верных царизму чиновников, они не превратились в очаги национального перерождения. Поэтому власти решили в будущем использовать боле замаскированные и рафинированные методы.

Против образовательной политики самодержавья выступали и абхазские педагоги. Несмотря на угрозы, они продолжали обучение на абхазском языке. Например, Ф. Эшба в селе Бедия учил детей абхазскому языку.[3] Интересна деятельность самурзаканца И. Лакербая, священника Лыхненской церкви и благочинного Гудаутского участка, по совместительству являвшегося заведующим местной школы. Он изучил абхазский, а затем сам учил детей абхазскому языку.[4] Г. Эшба переводил религиозную литературу на абхазский язык. Нестор Киртбая заведовал и учительствовал в Отобаевской двухклассной школе.

[1] Кавказский календарь на 1917г. Тб.,1916,с.851-854.
[2] Н. Векуа. Первый нелегальный съезд учителей. -Советская Абхазия,1965, 28 декабря.
[3] Советская Абхазия, 1977, 2 сентября.
[4] Г.А.Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979, с.111.

Благодаря его продолжительной и плодотворной деятельности Отобаевская школа к 1919 году превратилась в высшее начальное училище.[1] Константин Маршания работал в Тамышской двухклассной школе. По его инициативе в Абхазии открылись несколько школ. К 1917 году число школ, подведомственных Обществу восстановления православного христианства на Кавказе и Сухумскому епархиальному училищному совету достигало до 85. Кроме них, в Сухуми функционировали Горская школа, женская гимназия, реальное училище, высшее начальное училище, учительская семинария, в Очамчирах и Гудаутах - высшие начальные училища.[2]

Основателем Абхазскго литературного языка является народный поэт Абхазии Дмитрий Гулия (1874-1960годы). В 1907 году в Тбилиси вышла его книга об абхазских пословицах.[3] Его же первый сборник стихотворений, заложивший основу абхазской поэзии, также вышел в Тбилиси в 1912 году.[4] В 1913 году в Тбилиси же вышла поэма Д. Гулия, положившая начало абхазской лирике.[5]

В 1907 году житель Абхазии К. Мачавариани, работавший тогда инспектором народных школ Кутаисской губернии, подготовил и издал учебник абхазского языка. По информации газеты «Закавказье» от 4 (17) февраля 1907г., отдельные лица отрицательно встретили издание учебника.[6] На эту публикацию откликнулся Яков Гогебашвили, доказывая что абхазский, как самостоятельный язык, имеет право на свое церковное служение, на свою письменность и народную литературу.[7]

В 1907 году Ф. Эшба на абхазском языке написал учебник по математике, в 1908 году А.Чочуа на основе нового алфавита выпустил книгу для чтения на абхазском языке, а в 1912г. офицер русской армии, первый абхазский географ М.Шарвашидзе завершил составление карты Абхазии на абхазском языке. В Сухуми выходило несколько газет, в том числе «Сухумский Вестник» и «Сухумский Листок».

1августа 1914 года Россия вступила в первую мировую войну. Она остановила начавшееся в империи новое революционно-демократическое движение; на фронт призвали тысячи грузин из Абхазии. Положение народа ухудшилось, увеличились налоги, росло число безработных. Тяжесть войны больше всего ощущали грузины (армяне и греки, не имевшие российского подданства, в армию не призывались, а абхазы шли только добровольцами). Массовый призыв в армию уменьшил число грузин, соответственно, усилилось

[1] А.Самхарадзе. Педагоги западной Грузии в борьбе против образовательной политики царизма в 1900-1907 годах. Кандидатская диссертация. Тб., 1999, с.105.

[2] Кавказский календарь на 1917 год, с.347-348, 373-374, 395-396, 414, 429, 435-436, 443-444.

[3] Абхазская литература. Краткий очерк. Ред. М.Мирнели. Тб., 1975, с.14.

[4] Антология абхазской поэзии. Редактор И.Абашидзе. Тб., 1957, с.7.

[5] Абхазская литература. Краткий очерк, с.17.

[6] Святой Архиерей Гавриил и Абхазия, с. 617.

[7] Я.Гогебашвили. Сочинения, т.4. Тб., 1955, с. 200.

давление на них. В это тяжелое время, как писала газета «Сахалхо Пурцели» от 1 марта 1917 года, произошло сплочение грузин и абхазов, имело место немало фактов взаимовыручки.

В Абхазии хорошо была организована помощь фронту и солдатским семьям, активно действовало Абхазское отделение Красного Креста во главе Е.Тавдгиридзе - супруги Сухумского городского головы.[1]

О политическом положении в Абхазии в годы первой мировой войны рассказывает известный грузинский общественный деятель Самсон Пирцхалава, в октябре 1915 года объездивший весь регион. Находясь в «чисто мегрельском поселке» - Очамчирах, он заметил, что отсюда «не протянута нить с остальной Грузией и здешний пульс не соединяется с общим пульсом родины». Иную обстановку застал С. Пирцхалава в Сухуми, где из 40 тысячного населения большинство составляли грузины, они занимали ведущее место и в имущественном плане. Здесь сильнее ощущалось грузинское национальное самосознание, а «абхазы в городе Сухуми, - писал он, почти не живут». По наблюдению С. Пирцхалава, Сухумские грузины, «чувствуют свое лицо. Но все же не хватает работников; работы очень много, почва прекрасная; местные грузины жаждут жить национальной жизнью и хотят тесно сблизиться со всей нашей страной». У грузинского населения г. Сухуми, тем не менее, было много проблем, связанных с удовлетворением их национальных потребностей. Как писал С. Пирцхалава, в открытой в 1915 г. Сухумской учительской семинарии не приняли ни одного грузина, грузинскому языку там не обучали, из четырех городских церквей, ни в одной не велось богослужение на грузинском языке.

Самой острой проблемой Сухумского округа С. Пирцхалава считает грузино-абхазские взаимоотношения. И по нашей непредусмотрительности, - писал он, - среди абхазов появились люди, утверждающие, что «мы с грузинами ничего общего не имели и не имеем». С. Пирцхалава сообщили, что носители подобных взглядов находятся под влиянием последних исследований Н. Марра, что ясно указывает на тесную связь науки с общественной жизнью. К счастью, - пишет автор, - проповедников отделения становятся все меньше и меньше. К 1915 г. в Абхазии действительно сформировалась новая интеллигенция, воспитанная под влиянием русификаторской, антигрузинской политики (М. Тарнава, С. Чанба, А. Чукбар и др.). Их взгляды резко отличались от прогрузински настроенной потомственной дворянской интеллигенции (Георгий Шарвашидзе и др.). В 10-х годах XX в. шел процесс не возрождения абхазского народа, как считает сепаратистская историография, а отрыв народа от исторических корней, формирование проимперского самосознания. По мнению С. Пирцхалава, этому процессу способствовали и труды Н. Марра (см. здесь же, с 97-98, 254).

[1] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 722-723.

Находясь в Абхазии, С. Пирцхалава посетил Новоафонский монастырь, где число монахов сократилось от 600-700 до 300 человек; грузинских монахов в монастырь не принимали. Сложная обстановка была в Гудаутах, где грузины, составляя большинство населения, все же подвергались притеснениям. С. Пирцхалава пишет, что русские отобрали у них построенную на собственные средства церковь. Здесь существовал малочисленный кружок абхазской интеллигенции, желающей распространить грамотность в народе. Абхазы только начинали гражданскую жизнь и нуждались в помощи. «Святая обязанность грузин, - писал С. Пирцхалава, - протянуть абхазам руку по-братски, подойти к ним и восстановить наш старый союз и единение. То, что мы можем сделать обоюдно друг для друга, никто из чужестранцев не сделает». С. Пирцхалава покинул Абхазию с горьким сознанием «того, что совершенно забыт тот край, который является кладовым сокровищницы-основы нашего национального развития. Увез с собой сознание того, что этот край находится в крайней опасности; с каждой стороны стремятся к нему множество врагов и если не примем особых мер, его отберут».[1] Наблюдения и выводы, сделанные С. Пирцхалава почты столетие тому назад, стали более актуальными сегодня.

Царская власть постоянно стремилась отделить Абхазию от грузинского мира, предпосылкой которого она считала отделение Сухумской епархии от Грузинского экзархата. Первую попытку осуществления этого плана, как было сказано выше, провалила демократическая революция 1905-1907годов, не была достигнута цель и в 1907-1908 и 1912-1915 годах.

В начале 1916 года план Святейшего Синода предусматривал отделение Сухумской епархии от Грузинского экзархата, а от Сухумской епархии – Самурзаканских церквей (этим Святейший Синод окончательно признал самурзаканцев грузинами). Российские власти наказывали грузин за требования политической автономии и автокефалии Грузинской Церкви; план разделения Абхазии, видимо, был продиктован популярной среди абхазов идеей о самостоятельности и самоуправлении Сухумского округа. Грузинская общественность подняла тревогу. Вероломный план Святейшего Синода подверг резкой критике Н.Дурново.[2] В апреле - мае 1916 года архимандрит Амвросий Хелая в Петербурге опубликовал весьма острую и интересную статью «О Сухумской епархии». Основная ее часть посвящена вопросам истории Абхазии и Самурзакано. В статье обосновано предложение: «Сухумскую епархию нужно оставить для абхазцев и самурзаканцев, отделив от нее Черноморскую губернию. В Сухуми должен сидеть Цхумели, как это было во дни самостоятельности Грузинской Церкви». [3] Публикация этой ста-

[1] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 383-385.
[2] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 742-743.
[3] Святой Исповедник Амвросий и Абхазия, с.566.

тьи по времени совпадает с приездом абхазской делегации в Тбилиси. В ее состав входили: А.Шарвашидзе, Г.Шарвашидзе, П.Анчабадзе, М.Эмухвари, А.Инал-ипа, Н.Маргания, Б.Эзугбая, А.Чукбар и другие. Во время встречи с наместником царя Николаем Романовым (дядя императора) 26 апреля делегация поставила вопрос о преобразовании Абхазии в отдельную губернию и высказала сожаление по поводу «намерения отделить Сухумский округ от Кутаисской губернии, чтобы присоединить к Черноморской губернии».

27 апреля 1917 года абхазская делегация встретилась с экзархом Грузии Платоном и потребовала от него оставления Сухумской епархии в составе экзархата, право отправления в абхазских приходах богослужения на грузинском языке и введения в абхазских приходских школах обязательного обучения на грузинском языке. Такие же предложения зафиксированы в ходатайстве представителей абхазской интеллигенции перед Святейшим Синодом.[1]

Приезд абхазской делегации в Тбилиси действительно сыграл положительную решающую роль в провале коварных планов светских и духовных властей, хотя вопрос не был окончательно снят с повестки дня. 27 февраля 1917 года Сухумский городской совет рассматривал поставленный настоятелем Сухумского кафедрального собора протоиереем Г.Голубцовым вопрос о судьбе Сухумской епархии. Абхазы Нико Джанашиа и Тимофей Ануа совместно с грузинами поддержали идею крепкого союза между родственными нациями – грузинами и абхазами и в церковном вопросе. Протоиерей Г. Голубцов и его сторонники, с благословения Сухумского епископа Сергия, добивались отделения Сухумской епархии от Грузинского экзархата. При голосовании резолюция Г.Голубцова получила только шесть голосов, абхазско-грузинская - 17.[2] Очередная авантюра шовинистов провалилась. В тот же день в Петербурге пал самодержавный режим, в России победила демократическая революция.

[1] Дж.Гамахария, Б. Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с. 385-386.
[2] Дж. Гамахария. Абхазия и православие, с. 774-776.

Глава XVII. Абхазия – в составе Грузинской Демократической Республики

1. Абхазский вопрос в период борьбы за государственную независимость Грузии (февраль 1917г. - май 1918г.)

Демократическая революция февраля 1917г. свергла самодержавие и во главе Российской империи оказалось Временное правительство[1]. Его местным органом являлся созданный 9 марта 1917 года Особый Закавказский Комитет (Озаком), во главе которого стоял представитель (комиссар) временного правительства, член IV Государственной Думы от Сухумского, Батумского и Карсского округов, выходец из Абхазии (Самурзакано) А.И.Чхенкели. 10 марта 1917г. совещание представителей населения Сухумского округа при содействии начальника округа полковника Н.Поливанова учредило местный орган Озакома - Временный Комитет Общественной Безопасности под председательством А.Шарвашидзе. Членами комитета были избраны Д.Захаров (зам. председателя), Н.Тавдгеридзе, В.Лакербая и др.; на должность начальника окружной милиции назначен Т.Маршания, Сухумского городского головы - В.Чхиквишвили[2].

2 июля 1917г. состоялись выборы Сухумской окружной думы. Победу одержали социал-демократы (18 мандатов). В состав думы вошли так же эсеры (10 мандатов) и социалисты-федералисты(2 мандата). 30 сентября 1917г. окружная дума в состав окружного комитета избрала В.Чхиквишвили, Б.Захарову, Цивцивадзе, И.Гогелашвили, Цареву и др. 12 октября того же года состоялись выборы окружной исполнительной власти, которую возглавил В.Шарвашидзе; окружным комиссаром избран С.Басария (27 октября 1917г. его сменил Д.Захаров), начальником окружной милиции – Л.Картозия[3].

Уволенные со службы русские чиновники царского периода пытались спровоцировать межнациональную рознь. Их, а так же сепаратистов не устраивала политика демократизации общественной жизни, выборность властных структур. Социал-демократы меньшевистского направления, в руках которых оказались бразды правления, проводили осторожную кадровую политику, но при этом не всегда должным образом учитывался национальный фактор.

Рука русских шовинистов чувствовалась везде и всюду. Они внимательно следили за текущими политическими процессами и всячески противодействовали любым мерам, направленным на восстановление государственной независимости Грузии. Рука об руку с шовинистами работали и сепаратисты. Например, 12 марта 1917г. Грузинская Церковь восстановила автокефалию. На

[1] Р.Грдзелидзе. История политических партий Грузии (1910-1924). Тб., 1998, с.82 (на груз. яз.).

[2] Г.Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Тб., 1979, с.284; Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.67-68.

[3] Д.Читая. Абхазский вопрос в первой Грузинской Республике. Народный Совет Абхазии. Тб., 2006, с.106-108.

этот справедливый исторический акт шовинисты ответили созывом собрания абхазского духовенства (в Сухумской епархии из более чем ста священников только пять принадлежали к этническим абхазам). Собрание, которым руководили священники Мугудзырхвской церкви во имя пророка Ильи, член атеистической организации-компартии (?!?) В.Агрба, миряне С.Басария и С.Чанба, приняло решение о создании самостоятельной абхазской церкви[1]. Решение собрания не поддержали церковное собрание в Самурзакано, грузинское духовенство остальной Абхазии, присоединившиеся к Грузинской Церкви[2].

В ответ на достижение согласия между грузинскими политическими партиями по вопросам национального самоопределения, учреждение ими интерпартийного совета (3 августа 1917г.) и начала подготовки к созыву первого грузинского национального съезда[3], сепаратисты, подстрекаемые шовинистами, активизировали деструктивные действия, усилили ориентацию на Северный Кавказ. Образованный 6 марта 1917г. Временный Центральный Комитет Горцев, 1 мая того же года во Владикавказе созвал I съезд горцев, на котором из Абхазии присутствовал А.Шарвашидзе. Необходимо отметить, что делегаты восторженно встретили выступление представителя Грузинской Национально-Демократической партии. Съезд сформировал Объединенный Союз Горцев, избрал Центральный Комитет (правительство).

10-17 августа 1917г. состоялся II съезд горцев, утвердивший положение о государственном устройстве народов Северного Кавказа. Оно предусматривало создание автономных штатов этих народов в составе России (что особенно привлекало шовинистов). 20 октября 1917г. Центральный Комитет горцев совместно с казацкой радой (создана в сентябре 1917г.) образовали «Юго-Восточный Союз Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей». В его составе значится «Горский народ Сухумского округа (Абхазцы)»[4], но не Сухумский округ, как ошибочно утверждает сепаратистская историография[5].

16 ноября 1917г. в Екатеринодаре приступило к деятельности объединенное правительство Юго-Восточного Союза. Прибывший осенью 1917г. в Сухуми представитель этого Союза чеченец Асланбек Шерипов (вскоре стал большевиком) приложил немало усилий для официального втягивания абхазов в данную организацию, но население встретило его с некоторым недоверием. Проблема была урегулирована после того, как гость уточнил, что союз горцев являлся политическим, а не административным объединением[6]… По инициативе

---

[1] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с.777-781. Делегатами съезда преимущественно являлись привезенные из разных абхазских деревень крестьяне, перед которыми выступал не епископ, а один из лидеров большевиков Н.Лакоба (Г.Дзидзария. Формирование…, с.287-288).

[2] Св. Священномученик Кирион II и Абхазия, с.345-353, 473-474; Св. Исповедник Амвросий и Абхазия, с.193-197.

[3] Р.Грдзелидзе. История политических партий Грузии, с.109-121.

[4] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.389.

[5] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.289.

[6] Е.Эшба. Асланбек Шерипов. Сухуми, 1990, с.158.

и помощи А.Шерипова 7-8 ноября 1917г. состоялся съезд абхазского народа[1]. Он решил объединиться в Союз Горцев, утвердил Декларацию и Конституцию Абхазского Народного Совета, избрал состав Народного Совета (председатель - С.Басария)[2]. По решению Интерпартийного Совета Грузии от 3 ноября 1917г. на съезде абхазского народа присутствовала делегация в составе руководителя Закавказья А.Чхенкели, а так же В.Джугели (сухумец), И.Гомартели и др.

Съезд явился первым шагом на пути самоопределения абхазов, хотя еще не были четко определены политические ориентиры. Абхазский Народный Совет, как национально-политическая организация, признавал «власть и компетенцию Сухумского Окружного Комитета, особого Закавказского Комитета, всех общественно-политических учреждений и лиц Закавказья, Центрального Комитета Союза Объединенных Горцев и Временного правительства»[3]. Таким образом, несмотря на установление абхазами политического союза с горцами, в административном отношении они оставались в составе Закавказья. Временное правительство Союза Горцев, членом которого от абхазов стал А.Ашхацава, в первом параграфе своего декрета №1 от 4 декабря 1917г. определил территории, на которых распространялась его государственная власть. Среди этих территорий Абхазия отсутствует. А во втором параграфе того же декрета читаем: «В отношении Закатальского и Сухумского округов Горское Правительство имеет власть по вопросам национально-культурного и политического характера, распространение теперь же и полностью государственной власти Горского правительства на эти округа представить на разрешение Закатальского и Сухумского народных советов»[4].

Абхазский Народный Совет никогда не принимал решения о распространении государственной власти Горского правительства на Сухумский округ. Наоборот, он неоднократно подтверждал, что Абхазия остается в составе Закавказья[5]. Окружной крестьянский съезд, состоявшийся в Сухуми 7-10 марта 1918г., так же постановил: «Абхазия входит в общую семью народов Закавказья как ее равноправный член»[6]. К сожалению, вопреки очевидным фактам, сепаратисты продолжают игнорировать исторические факты, заявляя, что Горское правительство с конца 1917г. распространяло государственную власть на Абхазию[7].

Большевистский государственный переворот в России от 25 октября (7 ноября) 1917г. изменил политическую обстановку и в Закавказье. 11 ноября

[1] Главным докладчиком на съезде был А.Шерипов. Никакого отношения к его созыву и ведению не имели грузинские социал-демократы (меньшевики), как об этом пишет В.Шнирельман (В.Шнирельман. Войны памяти, с.261). Наоборот, выступление на съезде самого А.Чхенкели не дали желаемых результатов (О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.290).

[2] С.Басария. Абхазия, с.86-90; Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.69, 389-391.

[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.390.

[4] Там же, с.397.

[5] Дж.Гамахария. Абхазия: Вопросы истории и политики. Сборник составила Р.Харебава. Тб., 2000, с.90.

[6] Эртоба, 1918, 22, 24 марта (на груз. яз.).

[7] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.290.

того же года в Тбилиси образовано (по примеру Петрограда) временное правительство Закавказья - Комиссариат под председательством Е.Гегечкори. После разгона большевиками Учредительного Собрания России (5 января 1918г.) Закавказье взяло курс на независимость. 10 февраля 1918г. члены разогнанного Учредительного Собрания из Закавказья образовали Сейм. 9 апреля того же года он объявил государственную независимость Закавказья. Новое правительство снова возглавил А.Чхенкели. И на этот раз Абхазия оставалась в составе Закавказья.

На путь самоопределения встала и Грузия. I Национальный съезд (19-23 ноября 1917г.), заслушав доклад Н.Жордания, выдвинул программу предоставления Грузии полного самоуправления в составе России, избрал состав Национального Совета. Выступивший на съезде от имени Самурзакано Иван Гегия напомнил делегатам о том, что Абхазия исторически принадлежала Грузии; он так же отметил, что самурзаканцы не поддержали своих братьев-абхазов в вопросе о союзе с горцами и играют роль посредника между Грузией и Абхазией. «Граждане! Мы желаем, чтобы Абхазия присоединилась к Грузии»,- заявил И. Гегия,- и свое выступление завершил следующими словами: «В заключении мы желаем, чтобы Абхазия – Самурзакано - Сухумский округ - остался без изменения, и дать ему национально-культурную автономию в своих границах»[1]. О политическом устройстве окраин (включая Абхазию) I Национальный съезд в резолюции «Текущий момент и самоуправление Грузии» записал: «Широкое самоуправление будет предоставлено всем тем окраинам, жители которых пожелают войти в состав Грузинской самоуправляемой единицы»[2].

Вскоре этот вопрос стал предметом рассмотрения на встрече представителей Национального Совета Грузии (А.Чхенкели, К.Месхи, Г.Гвазава, П.Сакварелидзе, Н.Карцивадзе) и Абхазского Народного Совета (А.Шарвашидзе, М.Эмухвари, Н.Маргания, Р.Чхотуа, Б.Цагурия), состоявшегося в Тбилиси 9 февраля 1918г. Абхазская делегация требовала признания самостоятельности региона и установления с Грузией добрососедских отношений. Грузинская сторона выразила желание, чтобы Абхазия на автономных правах вошла в состав Грузии. При этом А.Чхенкели обещал абхазам оказать помощь в вопросе возвращения Гагры, в 1904 году отошедшего к Черноморскому округу. Решающие шаги в этом направлении уже были сделаны. Еще 30 октября 1917г. Озаком под председательством А.Чхенкели, обсудив вопрос о включении Гагринского и Бзыбского районов вновь в пределы Сухумского округа, признал необходимым «ныне же в виде временной меры, восстановить старую границу Сухумского округа, с одновременным возбуждением соответствующего ходатайства перед Временным правительством». После свержения большевиками Временного правительства

[1] Алиони, 1917, 30 ноября (на груз. яз.).
[2] Там же.

в Петербурге, Закавказский Комиссариат 7 декабря 1917г. сам принял окончательное решение по данному вопросу: «В отмену высочайше утвержденного 25 декабря 1904 года положения Комитета Министров восстановить старую историческую границу Сухумского округа путем включения в округ Гагринского и Бзыбского районов»[1]. А.Чхенкели заверил абхазскую делегацию, что указанное решение Комиссариата будет приведено в исполнение. Кроме того, для обеспечения целостности Абхазии требовало разрешения и вопрос Самурзакано, не соглашавшегося с решением съезда абхазского народа о присоединении к Союзу Горцев. «Наша цель,- заявил А.Чхенкели - восстановить Сухумский округ как Абхазию»[2]. Достичь ее возможно было только в составе Грузии, поэтому абхазы пошли на уступки. Первый пункт подписанного сторонами 9 февраля соглашения отражал общее стремление «воссоздать единую нераздельную Абхазию в пределах от р. Ингури до р. Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакано или что то же - нынешний Сухумский округ»[3]. Соглашение предусматривало определение формы будущего политического устройства Абхазии (национальное самоопределение) Учредительным Собранием, избранным на демократических началах; стороны обязывались, в случае желания одного из них вступить в договорные отношения с третьей стороной, по этому поводу иметь между собой предварительные переговоры. А это означало, что к 9 февраля 1918г. абхазы и грузины фактически не состояли в договорных отношениях с другими народами, в том числе с горцами Кавказа. Необходимо учитывать то обстоятельство, что в связи с развязыванием в России гражданской войны связь с Северным Кавказом прервалась, не функционировали и горские организации.

16-20 февраля 1918г. русские большевики захватили г. Сухуми и передали власть так называемому революционному комитету во главе Е.Эшба. Он в основном опирался на заключенных уголовных преступников, выпущенных из тюрем коммунистами. Эти преступники ограбили население, захватили большое количество вооружения. 20 февраля революционный комитет, не пользовавшийся поддержкой населения, снял с себя полномочия, а его главари бежали в Россию. 21 февраля 1918г. правительственные военные формирования овладели городом Сухуми. Городской голова В.Чхиквишвили сообщал в Национальный Совет Грузии, что вооруженные уголовные преступники, оставив Сухуми, скрылись в Драндском районе, объявили себя большевиками и начали сплачивать вокруг себя местное грузинское население «под лозунгом борьбы с абхазами и меньшевиками»[4]. Доведенные до отчаяния абхазы, - писал

[1] Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Осетии в составе Грузии (1917-1988). Сборник политико-правовых актов. Тб., 2004, с.213-214, 218.

[2] А. Ментешашвили. Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тб., 1998, с.16

[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.402.

[4] В январе 1918г. город Сухуми и вся Абхазия превратились в арену грабежа и насилия. Только путем введения осадного положения удалось навести порядок в городе, нейтрализовать преступников (Сакартвело, 1918, 18 января. На груз. яз.), являвшихся главной опорой большевиков.

В.Чхиквишвили, - лояльно относящиеся к грузинам и другим народам, «могут решиться просить у Турции десант, если с вашей стороны не будет помощи для восстановления порядка»[1].

Вскоре в Абхазию прибыли члены Национального Совета Грузии Д.Сулиашвили и Хр.Рачвелишвили, а так же представители крестьянства из Зугдидского уезда. Они участвовали в работе II окружного крестьянского съезда (4-9 марта 1918г.), принявшего, как указывалось выше, решение о вступлении Абхазии в общую семью закавказских народов, чтобы «выковать свою судьбу и наилучшее будущее совместно с демократической Грузией»[2]. Съезд избрал крестьянский совет и его исполнительный комитет в составе Арзакана (Дмитрия) Эмухвари, Дмитрия Гулия, М.Цаава, М.Цагурия, В.Есванджия, К.Дзидзария и других.

В апреле 1918г. Турция захватила Аджарию и большую часть юго-западной Грузии. Одновременно, вторгшиеся из России большевики заняли Абхазию. Они «забыли» о собственном лозунге о праве наций на самоопределение, об автономии. В документах так называемого революционного комитета во главе Е.Эшба вместо термина «Абхазия» фигурировал «Сухумский округ». Абхазский Народный Совет был распущен, а большинство его членов арестованы. По решению Закавказского Сейма и правительства Грузинская Национальная Гвардия во главе В.Джугели освободила Сухуми от большевиков, а затем выдворила их и из пределов Абхазии[3]. 29 мая того же года в докладе Национальному Совету Грузии о событиях в Абхазии В.Джугели отмечал, что большевики разжигали и обостряли межнациональную рознь, особенно между грузинами и абхазами, грузинами и армянами, но желаемых результатов все же не достигли. «Нигде так восторженно не принимало население, как в Очамчирах, сколько аплодисментов, сколько цветов, сколько праздника… Кодорские абхазы были с нами, Гудаутские – на стороне большевиков»,[4] - заявил В.Джугели. Следует отметить, что абхазское население действительно не участвовало в большевистской авантюре, хотя председателем революционного комитета, по понятным причинам, назначили абхаза Е.Эшба. Главными организаторами просоветского мятежа являлись присланные из севера русские и особенно грузинские большевики, предававшие родину. Беспочвенны утверждения сепаратистов о том, что Брестский договор между советской Россией и Германией (3 марта 1918

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.404.
[2] Там же, с.409.
[3] Вводу в Абхазию Национальной Гвардии предшествовало обращение председателя правительства Закавказья А.Чхенкели к абхазам и самурзаканцам с призывом немедленно принять все меры и остановить анархию, созвать народный съезд, прислать в Тбилиси своих представителей, вместе с нами и горцами Северного Кавказа выработать Конституцию, установить правильные границы, чтобы абхазы и самурзаканцы во всем этом нашли воплощение своих чаяний (Эртоба, 1918, 10 мая. На груз. яз.)
[4] Сакартвело, 1918, 1 июня. Для борьбы против большевиков готов был включится Т. Маршания со своим отрядом, но В.Джугели, как социал-демократ, не принял предложение князя (Д.Читая. Абхазский вопрос…, с. 160).

г.) якобы не позволял России оказывать помощь Абхазии.[1] Сепаратистская историография умалчивает о неслыханном большевистском насилии в Абхазии весной 1918 г., о грабежах, разгоне Абхазского Народного Совета, аресте многих его членов, в том числе председателя Совета С.Басарая, но заостряет внимание на «имперские» замыслы грузин, установление в крае «военной диктатуры» грузинских социал-демократов (меньшевиков) и т.д.[2]. В действительности же, после освобождения «Сухумского округа» (так именовали Абхазию большевистские власти) от большевистской тирании ускорился процесс формирования политической единицы – Абхазии, передача всей полноты власти несколько обновленному Абхазскому Народному Совету.

Современные сепаратисты почему-то сочувственно относятся к установленной в Абхазии весной 1918г. советской власти, полностью игнорировавшей национальные интересы абхазов. Они же 11 мая 1918г. (когда Сухуми еще находился в руках большевиков) объявляют днем восстановления государственности Абхазии под тем предлогом, что в тот день на Батумской мирной конференции Турция признала Горскую Республику, якобы включавшую Абхазию[3]. Подобные утверждения лишены всякого основания. До изгнания большевиков из Сухуми и Абхазии – до 17 мая 1918г. Сухумский округ, никак не мог восстановить государственность, к тому же в составе антибольшевистской Горской Республики. Последняя признана Турцией не 11 мая 1918г. (в этот день Горская Республика только провозглашена), а 8 июня 1918г., то есть в день, когда делегация Абхазского Народного Совета подписывала проект договора с правительством Грузии. Следует так же принять во внимание и решение Абхазского Народного Совета от 20 мая 1918г. о подтверждении резолюции второго крестьянского съезда (4-10 марта 1918г.) о вхождении Абхазии в общую семью Закавказских народов, о чем было сообщено участникам Батумской мирной конференции[4]. Что касается заявления о желании Абхазии вступить в состав Горской Республики, сделанного в Батуми частными лицами (абхазами) во главе А.Шарвашидзе, не имевшими отношения ни к мирной конференции, ни к делегации Абхазского Народного Совета, никаких правовых последствий не имело[5]. В декларации Горской Республики о независимости (11 мая 1918г.) Абхазия в ее составе не называется. В ней лишь указано, что южная граница республики будет определена по согласованию с правительством Закавказья[6].

Несогласия внутри Закавказской делегации, выявленные на Батумской конференции, привели к ее срыву, распаду Закавказской Федерации и образованию трех независимых государств. 26 мая 1918г. Национальный Совет Грузии

[1] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 294.
[2] С.Басария. Абхазия, с. 91, 92; О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 295
[3] О.Бгажба, С.Лакоба. история Абхазии, с. 295
[4] Сакартвело, 1918, 23 мая (на груз. яз.).
[5] См. об этом: А.М.Чочуа. Избранные сочинения. Тб., 1987, с.69-70.
[6] Ери, 1992, 14 февраля (на груз. яз.).

принял Акт о независимости, в результате чего родилась Грузинская Демократическая Республика. В ее состав вошли территории исторической Грузии, включая Абхазию. Собственный взгляд на проблему границ имел представитель Германии (главного гаранта независимости Грузии) генерал Фон-Лосов. С учетом итогов Батумской мирной конференции, 28 мая 1918г. в секретном письме правительству Грузии, признавая ее границы, он заметил: «Сухумский округ (включая Гагры) составляет часть Грузии до тех пор, пока Грузия образует отдельное государство в пределах Кавказа. В случае же образования конфедерации кавказских народов, с участием в ней Грузии – населению Сухумского округа должно быть предоставлено решение вопроса о положении его среди кавказских стран»[1]. Это был не «план Германии», как кажется, сепаратистам, а мнение Фон-Лосова, допускавшего самостоятельное участие Абхазии в Конфедерации народов Кавказа лишь при условии если и Грузия стала бы членом этого объединения. Вот эту важную «деталь» упускает из виду сепаратистская историография[2].

Территорию Закавказья, частью которой являлась и Абхазия, перераспределили три независимые государства – Грузия, Азербайджан и Армения. В условиях, когда между ними не были окончательно согласованы вопросы, касающиеся спорных территорий, авторы Акта независимости Грузии не могли отразить в нем государственные границы. Абхазия не являлась спорной территорией, поэтому на нее с самого начала распространялась юрисдикция грузинского государства. Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что 28 мая 1918г. Сухумский окружной суд специально рассмотрел вопрос об объявлении государственной независимости Грузии и о дальнейших взаимоотношениях между Грузией и Абхазией. Поскольку в правовом плане Абхазия находилась в составе Кутаисской губернии, суд определил, что отныне она является частью Грузии[3]. Отдельные члены Абхазского Народного Совета, принадлежавшие к разным политическим ориентациям и являвшиеся малограмотными в правовых вопросах, не всегда учитывали в своих решениях определение окружного суда.

2. Абхазия – автономная единица Грузинской Демократической Республики. Июнь 1918г. март 1919г.

Обстановка в Абхазии, создавшаяся после восстановления Государственной независимости Грузии, рассмотрело заседание Абхазского Народного Совета от 2 июня 1918г. Оно отметило, что дислоцированная в Абхазии Закавказская Красная Гвардия, ныне грузинская воинская часть, с 26 мая 1918г. оказалась вне пределов своего государства, но вся полнота власти сосредоточена в ее ру-

[1] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.18.
[2] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.300-301.
[3] Д.Читая. Абхазский вопрос…, с.169.

ках; ввиду создавшегося положения, Совет постановил, «принять на себя всю полноту власти в пределах Абхазии» и с учетом необходимости «самой тесной и солидарной работы» обратиться с просьбой к Национальному Совету Грузии, оказать помощь «в деле организации сильной государственной власти в Абхазии, оставлением в распоряжении Совета отряда Грузинской Красной Гвардии, находящегося в настоящее время в Сухуми»[1].Решение Народного Совета от 2 июня 1918г., затем отправка делегации в Тбилиси и в результате переговоров с правительством Грузии оформление договора, подписанного сторонами 11 июня 1918г., начисто опровергают вымысли сепаратистской историографии о нахождении Абхазии в составе Горской Республики. Один из активных сепаратистски настроенных членов Народного Совета М.Тарнава вспоминал о том, что в начале июня 1918г. члены Совета, исходя из реальной обстановки, сообща взяли «ориентацию на меньшевистскую Грузию» и «послали в Тифлис делегацию для договора с Грузинским меньшевистским правительством об основах вхождения Абхазии в состав Грузинского меньшевистского государства»[2].

Делегация Абхазского Народного Совета под руководством Р.Какуба 6 июня 1918г. встретилась с делегацией правительства Грузии во главе с военным министром Г.Гиоргадзе. Р.Какуба отстаивал решения Народного Совета от 2 июня. Представляет интерес его рассуждения о существовавших в Абхазии политических течениях и соответствующих ориентациях. «Помещичий класс, - заявил он, - явно придерживается турецкой ориентации…, есть и небольшое течение с большевистской ориентацией. Часть населения симпатизируют горцам Северного Кавказа»[3]. Подразумевалось, что прибывшая в Тбилиси делегация Народного Совета держалась грузинской ориентации.

Подписанный сторонами 8 июня 1918г. проект договора абхазская делегация переслала в Сухуми и запросила мандат на подписание окончательного варианта. При этом было сказано, что в случае объявления полной независимости Абхазии Грузия не сможет удовлетворить ходатайство Народного Совета от 2 июня 1918г.

Тбилиси настаивал на определение отношений до созыва парламента Абхазии. 10 июня 1918г. расширенное заседание Народного Совета, предложило находящейся в Тбилиси делегации собственный проект договора и дало мандат на его подписание. Окончательный вариант был подписан 11 июня 1918г. Он несколько отличался от проекта Народного Совета и подписанного 8 июня рабочего варианта, но это не может служить основанием для утверждения о подлоге документа, о подписании его без соответствующего мандата и т. д.[4].

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.413.
[2] Там же, с.748-749.
[3] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.21.
[4] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.304-306.

Договор между правительством Грузии и Абхазским Народным Советом от 11 июня 1918г., являясь продолжением и развитием соглашения от 9 февраля того же года, представляет собой важный политико-правовой акт. Он предусматривал приглашение при правительстве Республики министра по делам Абхазии; внутреннее управление и самоуправление Абхазии принадлежало Народному Совету; кредиты и деньги, отпускаемые Тбилиси для Абхазии, расходовались Народным Советом; для установления порядка правительство Грузии в распоряжение Народного Совета посылало вооруженный отряд, оказывало помощь Совету в формировании местного интернационального отряда; социальные реформы должны были проводиться Народным Советом на основе законов Республики, но применительно к местным условиям; для решения вопроса о политическом устройстве Абхазии предусматривался созыв в скором будущем избранного демократическим путем представительного органа[1]. С заключением договора Грузия сделала важный шаг на пути мирного присоединения своей важнейшей исторической территории. Реально Абхазия стала автономной единицей Грузии. Министр по делам Абхазии Р.Чхотуа, занявший этот пост по представлению Народного Совета и лучше современных сепаратистов знавший реальный статус тогдашней Абхазии, 20 сентября 1918г. председателю Народного Совета В.Шарвашидзе писал: «Если абхазский народ связал свою судьбу с грузинским народом на автономных началах, то для сношения с Грузинским правительством необходимо выработать такие условия, которые были бы ясны и недвусмысленны». Сухумский Русский Национальный Совет (создан 25 августа 1918г.) так же считал Абхазию автономией Грузии. После переговоров в Тбилиси с представителями абхазского народа «Абхазия получила автономию», - писал С.Данилов в статье, опубликованной в Мюнхене в 1951г.[2]. Все это подтверждает, что 11 июня 1918г. Абхазия вошла в состав Грузии на автономных началах. Но это был предварительный документ. В нем отсутствовали пункты, разграничивающие полномочия между республикой и автономией, что порождало недоразумения.

Шовинистов не устраивало урегулирование ситуации в Абхазии. К середине июня 1918г. обстановка опять обострилась – вторгшиеся со стороны Сочи вооруженные большевистские отряды дошли до Нового Афона. 16 июня 1918г. члены Абхазского Народного Совета обратились за помощью к генералу Г.Мазниашвили и правительству Грузии. 18 июня генерал получил телеграмму военного министра о назначении его генерал-губернатором Абхазии и немедленном выезде на место назначения. 19 июня Г.Мазниашвили уже находился в Сухуми. Грузинские войска при поддержке абхазских всадников (300 человек) 27 июня перешли в наступление и очистили Абхазию от большевиков. Выпол-

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.414, 748-753, 759; А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.21-22..
[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.752-753.

няя постановление Абхазского Народного Совета от 24 июня 1918г. о необходимости занятия порта Туапсе[1], грузинские войска продолжили наступление и 26 июля взяли Туапсе. Конечной целью являлось занятие Туапсе-Майкопской железнодорожной ветки. В августе 1918г. активизация белогвардейских сил, действовавших против большевиков, вынудили генерала Г.Мазниашвили отступить до Сочи[2].

Воспользовавшись создавшейся сложной военно-политической обстановкой, 27 июня 1918г., в день начала наступления против большевиков, в Кодорском участке сепаратисты высадили турецкий десант, состоявший в основном из потомков мухаджиров. Неизвестно, насколько эта акция координировалась с большевиками, но факт остается фактом - русские большевики и турецкие аскеры одновременно пришли в Абхазию. Грузинские военные формирования и отряды русских казаков, бежавших от большевистского ада и затем поступивших на военную службу в Грузии, уничтожили и турецкий десант. Военная операция сопровождалась излишней жестокостью и репрессивными мерами против мирного населения. Особенной жестокостью отличались казаки, грабившие и поджигавшие дома всех, кто подозревался в лояльности к Турции[3]. Ответственность за это преступление все же несло грузинское командование. В начале сентября 1918г., находившийся в Сухуми Чкондидский митрополит Амвросий (Хелая), по просьбе председателя Народного Совета В.Шарвашидзе и члена Совета Дж.Шарвашидзе, принял меры для обуздания военных. 3 сентября на эту тему его преосвященство беседовал с начальником штаба войск, расположенных в Абхазии, полковником Тухарели. По ходатайству митрополита Амвросия, полковник распорядился освободить восемь заключенных абхазов, он же послал срочный приказ в Очамчиру: «Прекратить поджог домов, вывести войска из тех деревень, где их нахождение тягостно для мирного населения»[4]. Определенные меры в этом плане приняли Абхазский Народный Совет и правительство Грузии[5].

Сепаратистская историография дает своеобразную оценку фактам высадки турецкого десанта. Она пытается доказать, что эта акция являлась ответной мерой на «оккупацию» Абхазии войсками Г.Мазниашвили; десант являлся не турецким, а абхазским и якобы представлял вооруженную силу Горской Республики[6]. Подобные рассуждения являются беспочвенными. Прежде всего,

---

[1]. Там же, с.415, 753-756.

[2] Г.Мазниашвили. Воспоминания. Батуми, 1990, с.59-79 (на груз. яз.); Сакартвелос Республика, 1918, 30 июля (на груз. яз.); Борьба, 1918, 22 августа и т. д.

[3] С.Басария. Абхазия, с.95.

[4] Сакартвелос Республика, 1918, 2 октября (на груз. яз.).

[5] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.424, 766-767. 17 декабря 1918г. правительство Грузии решило передать министерству юстиции материалы по расследованию ущерба, причиненного населению Абхазии в ходе боев против турецких аскеров и большевиков (Дж.Гамахария, Из истории грузино-абхазских взаимоотношений. Тб., 1991, с.73 (На груз. яз.).

[6] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.312-313; В.Шнирельман. Войны памяти, с.263.

следует отметить, что причиной высадки десанта никак не могли послужить действия генерала Г.Мазниашвили. Достоверные исторические источники свидетельствуют, что ввод в Абхазию подразделений Турецкой армии планировался еще с конца 1917 и начала 1918 годов[1]. Высадка турецкого десанта под предлогом борьбы с большевиками, была предотвращена изгнанием грузинскими войсками красных из Абхазии в мае 1918г., что подействовало на турок, - писал А.Чхенкели 15 мая того же года Национальному Совету Грузии, - «как гром среди ясного неба, ибо такого поворота событий они не ожидали и вынуждены были отказаться от своих замыслов»[2]. Находясь тогда в Батуми на мирной конференции, А.Чхенкели пытался помешать осуществлению нападения турок на Абхазию[3]. Начальник Национальной Гвардии Грузии В.Джугели, руководивший в мае операцией по освобождению Абхазии от большевиков, 29 мая 1918г. докладывал Национальному Совету Грузии, что до его прибытия в Сухуми (10 мая) турки все же успели высадить на берегах Абхазии примерно 200-300 человек в целях подготовки почвы для приема основного десанта[4]. Все это указывает на то, что высадка десанта не имеет отношения к действиям генерал Г.Мазниашвили. Она была заранее спланированная сепаратистами военная авантюра, согласованная с властями Турции.

Был ли десант абхазским? Как уже было сказано, он действительно состоял из потомков мухаджиров, но это еще не означает, что десант был абхазским. На заседании Народного Совета от 30 июля 1918г. В.Эмухвари, касаясь данного вопроса, заявил, что члены десанта явились «к нам как часть регулярной турецкой армии и остаются до сих пор ими. Солдаты не могли бы дезертировать в военное время из Турции пока не объявлена демобилизация; если Турецкое правительство допускает это, значит - умышленно»[5]. Абсолютно правильная оценка – в Абхазию прибыло подразделение Турецкой армии.

Трудно понять, почему представлял десант вооруженную силу Горской Республики. Абхазия никогда не признавала себя частью этой республики. Сама Горская Республика, поддерживая дружеские взаимоотношения с Грузией, официально на Абхазию не претендовала. После заключения договора от 11 июня 1918г. Абхазия по воле ее Народного Совета фактически являлась автономной единицей Грузии. Судя по всему, Турция стремилась занять Абхазию, прикрываясь Горской Республикой. Позже Е.Эшба довольно логично связывал друг с другом факты заключения договора в начале июня 1918г. между Турцией и Горской Республикой и высадки турецкого десанта в Абхазию[6]. Установление в Абхазии турецкого управления было целью сепаратистски настроенных

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.78-81.
[2] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.19.
[3] Д.Читая. Абхазский вопрос…, с.168.
[4] Сакартвело, 1918, 1 июня (на груз. яз.).
[5] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.423.
[6] Е.Эшба. Асланбек Шерипов, с.161

членов Народного Совета, вспоминал М.Тарнава. Народный Совет, - писал он, - «как таковой был использован как национальный орган для выражения нежелания Турецкой власти в Абхазии, но и только. Часть же делегатов, которая была настроена в пользу Турецкой власти в Абхазии, затаилась во время борьбы с турецким десантом, чтобы не рисковать своей головой»[1].

Таким образом, к большим заслугам генерала Г.Мазниашвили следует отнести подавление летом 1918г. большевистской авантюры, восстановление исторических границ Грузии и самой Абхазии, пресечение Турецкой агрессии. Все это не могло не вызвать недовольство и протест со стороны представителей разных ориентаций - русско-большевистской, русско-белогвардейской, турецко-горской. Даже дружественная к Грузии Горская Республика, видимо, по заданию Турции, летом 1918г. сделала заявление о выводе грузинских войск из Абхазии[2]. Сепаратисты же подняли тогда шумиху об «оккупации» Абхазии со стороны Грузии, поныне повторяемую абхазской историографией[3]. С правовой и фактической точек зрения тезис об «оккупации» абсолютно не состоятелен. Небезынтересно отметить, что он имеет большевистское происхождение. Когда под натиском Национальной Гвардии Грузии во главе с уроженцем Сухуми В.Джугели большевистские захватчики бежали из Абхазии, они прибегли к испытанному шовинистическому методу – обострению межнациональных противоречий, распространяя слухи, что грузинские войска идут для оккупации Абхазии[4].

Реанимируя большевистские сплетни об «оккупации», современные сепаратисты под ней подразумевают назначение Г.Мазниашвили генерал-губернатором Абхазии и якобы узурпацию им всей полноты власти. Подобные утверждения не соответствуют действительности. В Грузинской Демократической Республике генерал-губернаторы, назначаемые в зонах боевых действий или прифронтовых районах, не обладали высшей политической властью. «В политическую и административную жизнь Абхазии не вмешивался, - писал позже Г.Мазниашвили, - так как, во-первых, для этого при Народном Совете находился представитель Грузии и во-вторых, совершенно не был готов для политической деятельности, поэтому все внимание обращал на военные дела»[5]. Сепаратистская историография не располагает фактами, подтверждающими узурпацию им политической власти в Абхазии. Ошибка генерала («политическая неподготовленность») заключалась в том, что он заранее не проинформировав руководство Народного Совета, 23 июня 1918г. издал приказ №1, объявляющий Абхазию Сухумским генерал-губернаторством. А это, естествен-

[1] Литературная Абхазия, 1991, №1, с.201-202.
[2] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.310-311.
[3] Там же, с.307-308.
[4] Сакартвело, 1918, 1 июня (на груз. яз.).
[5] Г.Мазниашвили. Воспоминания, с.97.

но, вызвало недоумение и недовольство председателя, а так же членов Совета. 4 июля 1918г. В.Шарвашидзе писал председателю правительства Грузии Н.Жордания: «Прошу указать генералу, что источником власти и чрезвычайных полномочий на территории Абхазии является только Абхазский Народный Совет»[1]. Несмотря на возникшие недоразумения, генерал не посягал на полномочия Народного Совета, не оказывал давления на него. А 18 июля 1918г., когда Г.Мазниашвили обратился в Совет с просьбой или требованием назначить при нем представителя военного штаба, получил решительный отказ. К тому времени, по просьбе В.Шарвашидзе, уже был назначен представитель правительства Грузии при Абхазском Народном Совете. По обоюдному согласию им стал известный политический деятель, член I Государственной Думы (1906г.), а так же Учредительного Собрания России (1917г.) И.Рамишвили[2]. Его приезд в Сухуми совпал с обсуждением в Народном Совете вопроса об отношении к Грузинской армии. 17 июля 1918г. Совет решил «с негодованием отвергнуть» предложения вооруженного большевистского отряда «Кяраз» (во главе которого стоял священник - большевик В.Агрба) о выводе грузинских войск из Абхазии, прекращении разоружения населения, начале переговоров с абхазскими большевиками (Н.Лакоба, Е.Эшба), скрывавшимися в Екатеринодаре. В тот же день на голосовании членов Совета был поставлен вопрос о доверии к штабу Г.Мазниашвили. Единогласно (при двух воздержавшихся) было решено «вновь подтвердить неоднократные свои постановления и высказаться о необходимости присутствия здесь грузинских войск»[3].

18 июля 1918г. на заседании Народного Совета с резким заявлением выступил И.Рамишвили. Оценив общеполитическую обстановку, он говорил о необходимости борьбы совместно с абхазами на благо демократии, находящейся под угрозой со стороны узко-националистических и шовинистических элементов, которые, объединившись с так называемыми «большевиками», могут пойти рука об руку против демократизма. Касаясь ситуации в самой Абхазии, И.Рамишвили заявил: «Умы абхазского народа настроены против грузинской демократии и ее представителей, против которых была пущена сплетня, что они будто бы несут рабство и порабощение абхазскому народу. Идет сильная агитация против целей Грузии, против всего того, что несет с собой свободная демократическая республика… Положение рисуется таким, что, несомненно, нужно отозвать отсюда грузинские войска, а потому он едет в Тифлис для доклада по этому поводу, так как лучше заблаговременно отозвать войска, чем ждать кровопролития». Ни один из депутатов не поддержал И.Рамишвили. А Р.Какуба отметил, что И.Рамишвили все осветил «чересчур в мрачных красках и положение не так уже плохо и можно исправить и нет никакой необходимо-

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.415-418.
[2] Там же, с.77, 760.
[3] Там же, с.418, 760-761.

сти уводить войска из пределов Абхазии и повергать ее в пучину анархии». Д.Маршания говорил «о неосновательности тревоги И.Рамишвили». По его мнению, «ни в коем случае отряд не нужно выводить из Абхазии»[1]. На следующем заседании Совета (19 июля) И.Рамишвили выразил удовлетворение «вчерашним заверением этого высокого собрания, так как понял, что вопрос о турецкой ориентации отпал». Он отказался от поездки в Тбилиси для доклада правительству, о чем говорил накануне. Председатель Народного Совета В.Шарвашидзе от имени депутатов заверил представителя правительства Грузии, «что настоящий состав Абхазского Народного Совета стоит на одной платформе с Грузинским Правительством и изменять ему не собирается, и что Совет, вступив в соглашение с Грузинской Демократической Республикой, не может допустить концентрации турецких частей здесь». Выступивший вслед за председателем член совета Д.Маршания добавил, «что изменнических шагов с нашей стороны быть не может, так как грузинские части приглашены для оказания помощи нам в тяжелую минуту и вообще с грузинами мы жили всегда дружно… Есть люди, которые хотят нас поссорить с грузинами, но мы этого не хотим и вот надо создать комиссию, которая бы уличала этих людей – посредников… Мы желаем видеться и работать с И.Рамишвили без всяких посредников»[2].

20 июля 1918г. депутат Г.Туманов опять поставил вопрос о выводе грузинских войск из Абхазии. Из членов Совета его поддержал лишь И.Рамишвили, заявив: «Если считают, что они (войска - авт.) окончили свою миссию, то они уйдут… Чем раньше освободятся здесь войсковые части, тем лучше для Грузии». На том же заседании решительную позицию занял В.Шарвашидзе, отметив, «что все те, кто будет заниматься агитацией против Совета и Республики будут рассматриваться как преступники»[3].

Приведенные факты отрицают утверждение об «оккупации» и «аннексии»[4]. Народный Совет, которого Г.Мазниашвили якобы лишил политической власти, несмотря на определенные недоразумения, поддерживал пребывание в Абхазии грузинских войск, являвшихся главным гарантом мира, стабильности, порядка, целостности и автономности региона. С приходом грузинских войск Народный Совет не только не лишился власти, как это случалось в периоды большевистских оккупаций, а наоборот, он стал настоящим хозяином Абхазии.

[1] Там же, с.418-419.
[2] Там же, с.420-421.
[3] Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.63.
[4] Так называемую теорию об «оккупации» и «аннексии» Грузией территории Абхазии в 1918-1921 годах С.Червонная называет самым нелепым мифом (С.М.Червонная Абхазия, 1992: Посткоммунистическая вандея Грузии. М., 1993, с.39,40), хотя не отрицает, что в тех экстремальных условиях сложный и тяжелый процесс восстановления Грузино-Абхазского государства сопровождался ошибками, заблуждениями, провокациями, преступлениями. Тем не менее, она пишет: « Ни об «аннексии», ни об «оккупации» Абхазии «грузинскими меньшевиками» перед лицом этих исторических фактов (соглашение от 9 февраля 1918г., договор от 11 июня 1918г.-авт.) не может быть и речи» (там же, с.42).

Сепаратистская историография не в состоянии объяснить выше приведенные факты о том, что «оккупанты» хотели оставить Абхазию, а «оккупированные» всячески этому противились. Поэтому и предпочитает умолчивать о них.

В июле-августе 1918г. произошла реорганизация Народного Совета. Он был избран 8 ноября 1917г. на I съезде абхазского народа, поэтому не являлся легитимным органом власти. Кроме того, Совет выражал интересы лишь одного абхазского народа. А в Абхазии к тому времени функционировали национальные советы грузин (председатель И.Гогелашвили), армян (председатель Х.Авдалбекян), греков (председатель И.Пашалиди). 25 августа создан и Русский Национальный Совет. Существовали так же Национальные организации евреев, украинцев, поляков, эстонцев и др.[1] В этих условиях возникла настоятельная необходимость создания политического органа, выражающего интересы многонациональной Абхазии. В июле 1918г. состоялись перевыборы (на митингах и собраниях) членов Народного Совета. 27 июля 1918г. он принял решение о приглашении в Совет представителей других национальностей. Членами Народного Совета стали И.Гогелашвили, И.Пашалиди, Х.Авдалбекян, несколько позже – и Михельсон (эстонец) и др. 31 июля Народный Совет признал полномочия 35 депутатов. Среди них не оказались А.Шарвашидзе, Т.Маршания и другие, на которых было заведено уголовное дело за ввод в Абхазию турецкого десанта[2]. 8 августа 1918г. Народный Совет создал комиссию (Р.Какуба, Н.Хасая, В.Гурджуа, А.Инал-ипа) для подготовки выборов Учредительного Собрания Абхазии. 15 августа реорганизация Совета завершилась. Большинство членов прежнего состава сохранили свои мандаты. Они одобрили проведение реорганизации, формирование Совета с участием представителей других национальностей, осудили туркофилов[3]. А.Шарвашидзе[4], находившийся в Батуми (у турок), а затем в Краснодаре (у белогвардейцев) реорганизацию Совета, сохранившего большинство из прежнего состава, назвал разгоном Совета. Эту очевидную ложь по сей день повторяет сепаратистская историография[5].

Пресечение в корне турецкой авантюры, победа в Народном Совете грузинской ориентации, реорганизация Совета, начало подготовки к демократическим выборам и другие позитивные события озадачили шовинистов и сепаратистов,

---

[1] Г.Дзидзария. Формирование…, с.294-295; Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.67-70.

[2]Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.763-766. Не соответствует действительности утверждение о том, что в новом составе Совета преобладали грузинские депутаты, как об этом необоснованно пишет В.Шнирельман (см. его: Войны памяти, с.263).

[3] Д.Читая. Абхазский вопрос…, с.226-227.

[4] Дипломатический представитель Германии в Грузии Фон Крес в письме от 9 сентября 1918г. сообщал министру по делам Абхазии в правительстве Грузии Р. Чхотуа, что он встретился с Н.Жордания и обсуждал с ним вопрос о возможности возвращения А.Шарвашидзе в Абхазию. Глава правительства Грузии ответил, что если Абхазский Народный Совет будет ходатайствовать перед правительством Грузии о возвращении на родину А.Шарвашидзе и последний к тому же отчитается о своей деятельности перед Советом, правительство готово удовлетворить это ходатайство Народного Совета. 18 сентября 1918г. Р.Чхотуа переслал письмо немецкого дипломата в Сухуми на имя В.Шарвашидзе (Д.Читая. Абхазский вопрос…, с.476).

[5] С.Лакоба. Очерки политической истории Абхазии, с.68; О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.314.

поддерживавших любую антигрузинскую ориентацию. На этот раз самой привлекательной для них оказалась воевавшая против советской власти «добровольческая армия» генерала М.Алексеева. 15 сентября 1918г. министр иностранных дел Грузии Е.Гегечкори, находясь в Сочи, сообщил Н.Жордания, что абхазская делегация посетила М.Алексеева и просила его защитить преданный «всей душой» России абхазский народ от грузинских «насильников»[1]. Было ясно, что «просьбу» абхазов М.Алексеев обязательно использует на предстоящих вскоре переговорах с грузинской делегацией для оказания давления на нее, (возможно, в этих целях «просьба» была инспирирована самим М.Алексеевым). Е.Гегечкори докладывал главе правительства и о том, что действующие в Сочи социалистические партии считают возможным и необходимым присоединение округа к Грузии. « С нашей стороны было непростительной ошибкой, - писал министр,- что мы не воспользовались благоприятной для нас конъюнктурой, когда все население округа встречало наши войска восторженно. В настоящее время отношение к нам изменилось к худшему…. По моему глубокому убеждению, мы должны воспользоваться единственным козырем в наших руках – сочувственным отношением к нам местных социал-демократов и эсеров и декретировать присоединение округа. Будет преступно если мы пропустим и этот момент»[2]. Тем самым Е.Гегечкори добивался до начала предстоящих переговоров поставить перед фактом М.Алексеева, а так же А.Деникина, подчинившего Черноморскую Губернию (куда входил и Сочинский Округ) командованию добровольческой армии. Результатом работы Е.Гегечкори в Сочи явилось принятие резолюции объединенного совета местных социалистических партий от 18 сентября 1918г. о присоединении Сочинского Округа к Грузии. 20 сентября того же года, несмотря на изменение отношения к худшему (Е.Гегечкори), такое же решение приняло общее собрание населения г. Сочи[3].

Правительство Грузии не торопилось с декретированием присоединения Сочи, но борьба за округ продолжалась. 25 сентября 1918г. этот вопрос обсуждался в Екатеринодаре на встрече представителей добровольческой армии и правительства Кубани с делегацией Грузии. Инициатива встречи исходила от М.Алексеева. Еще 16 августа он обратился с «дружественным» письмом к генералу Г.Мазниашвили, в котором речь шла о «союзничестве», снабжении Грузии продовольствием, широком сотрудничестве. Для переговоров по этим и другим вопросам М.Алексеев приглашал в Краснодар полномочную делегацию правительства Грузии. 25 сентября 1918г. такая встреча состоялась. С грузинской стороны в ней участвовали Е.Гегечкори и Г.Мазниашвили, от добровольческой армии генералы М.Алексеев, А.Деникин, И.Романовский, А.Драгомиров, А.Лукомский, а так же В.Шульгин и В.Степанов. Правительство Кубани пред-

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.84.
[2] Там же, с.756.
[3] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.25-26.

ставляли Бич и Н.Воробьев. Русские категорически потребовали очищения Сочинского округа и Гагрской зоны. Они часто выступали в роли «защитников» абхазов. В этом плане особенно выделялся Н.Воробьев. Он первым заострил внимание на Гагру, выстроенную принцем Ольденбургским, потратившего для этого «10 миллионов рублей при старой валюте». Что касается границ Грузии, – заявил Н.Воробьев,- «то нужно установить ее только вплоть до Абхазии, так как у нас имеются сведения, что абхазцы готовы пойти на все, лишь бы вновь войти в состав России. Правда, отмечается в последнее время желание, правительства Грузии огрузинить города, назначаются туда комиссары, и пр., но это слишком недостаточно для того, чтобы эти округа считать грузинскими»[1]. Е.Гегечкори счел недопустимым обсуждение уже решенных вопросов об Абхазии и Гагры с «частной организацией», каковой являлись «добровольцы». Он потребовал продолжение переговоров только по Сочинскому округу. Необходимо считаться,- сказал Е.Гегечкори,- с постановлениями местных демократических организаций и населения об оставлении Сочинского округа в пределах Грузии. «Сочи, в полном согласии с желанием населения, временно должно остаться за Грузией, и настаиваю на этом»[2],- заявил министр иностранных дел Грузии. Позиция Грузинской делегации в отношении Сочи была твердой и непоколебимой. 26 сентября Е.Гегечкори еще раз подтвердил, что он считает приемлемой «формулу - временное оставление Сочинского округа в пределах Грузинской Республики»[3]. После этого переговоры зашли в тупик и встреча завершилась безрезультатно. Стало совершенно ясно, что «добровольцы» против Грузии будут использовать беспринципных сепаратистов.

Опасения оправдались. 9 октября 1918г. связанная с «добровольцами» небольшая группа сепаратистов попыталась устроить политический переворот. Во главе заговорщиков стоял министр по делам Абхазии Р.Чхотуа и окружной комиссар И.Маргания. По их указанию, вооруженные лица из милицейского отряда и «абхазской сотни» ворвались в зал заседания Народного Совета и вынудили его президиум подать в отставку. Председатель Совета В.Шарвашидзе в этих условиях, как вспоминает М.Тарнава[4], не растерялся; он не подчинился мятежникам и о случившемся сообщил штабу правительственных войск. Порядок был немедленно восстановлен. Народный Совет обвинил оппозицию в государственной измене. В тот же день (9 октября) В.Шарвашидзе, Д.Эмухвари, И.Гогелашвили, И.Пашалиди и П.Геловани сообщили правительству Грузии о попытке переворота в Сухуми. По их мнению, ни одна группа в Народном Совете после случившегося не имела право говорить от имени народа, поэтому

[1] Г.Долидзе. Как нужно разговоривать с русскими генералами и политиками или что произошло в Екатеринодаре 89 лет тому назад. Тб.,2007, с.64-65.
[2] Там же, с.80,81.
[3] Там же, с.82-83.
[4] Литературная Абхазия, 1991, №1, с.202-203.

предлагали правительству распустить Совет «до созыва подлинного народного представительства, созванного на началах всеобщего избирательного права», взять на себя инициативу организации демократических выборов. Во избежание в будущем новой уже кровавой авантюры «алексеевцев», представители Народного Совета просили изолировать вдохновителей и организаторов мятежа Р.Чхотуа, И.Маргания, С.Ашхацава, Г.Аджамова, А.Инал-ипа, Г.Туманова, Н.Маршания и других, упразднить должность министра по делам Абхазии, немедленно назначить «окружного комиссара, вполне солидного, который энергично должен взяться за водворение государственного порядка в области административного правления», дать распоряжение штабу правительственных войск о принятии решительных мер для предотвращения новой авантюры[1].

На основе полученной из Сухуми информации и рекомендации правительство Грузии приняло адекватные меры. Были арестованы замешанные в мятеже 6 членов Народного Совета[2], а так же председатель Русского Национального Совета. Постановлением правительства от 19 октября 1918г. распускался Народный Совет в нынешнем составе и назначались новые выборы «на основе всеобщего избирательного права»; для производства выборов учреждалась центральная избирательная комиссия в составе В.Шарвашидзе, И.Рамишвили, В.Гурджуа, И.Пашалиди и Г.Шаншиева с правом избрания председателя и кооптации полезных для дела лиц; до избрания нового Народного Совета комиссаром Сухумского округа назначался В.Чхиквишвили; ввиду роспуска Народного Совета, полномочия министра по делам Абхазии признаны оконченными, его функции временно возложены на министра внутренних дел Н.Рамишвили[3]. Принятые правительством строгие, но справедливые меры современными сепаратистами оцениваются «грузинской оккупацией», грубым нарушением договора от 11 июня 1918г.[4], но ничего не говорится ими о том, насколько соответствовали указанному договору приглашение турецких аскеров в Абхазию, связь с белогвардейскими генералами, попытка политического переворота и другие антигосударственные преступления.

Центральная избирательная комиссия Абхазии (председатель В.Шарвашидзе) с участием представителей региональных партийных организаций, а так же всех четырех участков разработал проект положения о выборах. 17 декабря 1918г. его одобрило правительство Грузии и передало на утверждение Парламенту Республики. Правительство так же постановило опубликовать обращение, где будет указано, что Абхазии предоставляется право избрания народного представительства и устройства внутренней жизни на автономных началах[5].

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.85-86.

[2] Арестовали С.Ашхацаву (кандидат на должность председателя от оппозиции), И.Маргания, Д.Алания, Г.Аджамова, Г.Туманова, М.Шлаттер и др.

[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.424-425.

[4] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.323.

[5] Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.73.

27 декабря 1918г. Парламент Грузии утвердил положение о выборах в Народный Совет. Поскольку будущий Совет должен был решить вопросы политического устройства региона и грузино-абхазских взаимоотношений, права участия в выборах наравне с гражданами Грузии предоставлялись всем жителям Абхазии, достигшим 20 летнего возраста и имевшим оседлость до 19 июля 1914г. (до начала первой мировой войны). Такое решение Народный Совет принимал еще 2 октября 1918г. Правом быть избранным в Совет пользовались лица, приобревшие оседлость и после 19 июля 1914г., а равно и все непроживающие в Абхазии подданные Грузии[1].

Период подготовки к выборам в Народный Совет по времени совпал с предвыборным периодом в Учредительное Собрание Грузии, когда стране пришлось отбивать вражеские нападения одновременно на двух, надо полагать, скоординированных друг с другом фронтах. С юго-востока ее атаковала Армения, с северо-запада наступала добровольческая Армия русских белогвардейцев под командованием А.Деникина. В декабре 1918г. Грузия, получив заверения от англичан (после окончания первой моровой войны они сменили здесь немцев), что Сочинский округ будет объявлен нейтральной зоной, стала выводить оттуда свои войска. Командующий Причерноморским фронтом генерал Кониашвили 16 декабря в связи с этим разъяснял: «Сочинский округ по соглашению с англичанами признается нейтральным. В силу этого соглашения, вступление вооруженных войск какой бы то ни было армии (добровольческой - авт.) или государства (Грузии –авт.) на территорию округа не может иметь места… Управление в округе остается грузинским»[2]. Соответствующие указания от англичан получил и А.Деникин. Тогда он прибег к испытанному методу – в Сочинском округе «добровольцы» организовали восстание армян, якобы притесняемых грузинами, сочинили «прошение» сочинских армян к добровольческой армии, чтобы она защитила «армянское население Сухумского округа, в частности селения Гудаута, от насилия грузинских войск»[3]. Разумеется, это была чистейшая провокация, позволяющая думать, что начатое в декабре 1918г. война Армении против Грузии и почти одновременное наступление А.Деникина под флагом «защиты» армян являлись согласованными между собой военными акциями. При этом необходимо подчеркнуть, что армянское население Сухумского округа (как и греки, эстонцы и т. д.) довольно активно поддерживало Грузинскую

---

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.426.
[2] А.И.Деникин. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918-январь 1919. Минск, Харвест, 2002, с.282.
[3] Деникин – Юденич-Врангель, II издание. М.,-Л., 1931, с.100.

Демократическую Республику[1]. Поэтому понадобилось А.Деникину сочинить «прошение» армян Сочинского округа о «защите» своих гудаутских собратьев (получить такое «прошение» от армян Абхазии он не мог). Под предлогом «защиты» восставших и «притесненных» армян, 24 января (6 февраля) 1919г. А.Деникин занял Сочи, а в течение последующих четырех дней взял Гагры и территорию до р. Бзыбь[2].

На фоне этих событий происходила предвыборная компания. 13 февраля 1919г. впервые в истории Абхазии прошли многопартийные демократические выборы. Чтобы ни писали сепаратисты, выборы были настолько свободными, что в них участвовали даже главари мятежа 9-10 октября 1918г., выпущенные из тюрем по просьбе англичан. В Народный Совет избрали 40 депутатов, в том числе социал-демократов - 27, независимых социалистов – 4, эсеров – 3, правых - 3; по одному мандату завоевали социалисты-федералисты, национал -демократы и колонисты[3].

Одновременно состоялись выборы Учредительного Собрания Грузии (14-16 февраля 1919г.). По списку победившей на выборах социал-демократической партии Грузии в высший законодательный орган страны из абхазской окружной организации прошли В.Шарвашидзе, Д.Эмухвари, В.Гурджуа, Д.Захаров и

[1] Сепаратистская историография умышленно искажает действительность, обвиняя правительство Грузии в преследовании армян, греков и других национальностей (О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.335-336). Достоверные факты говорят о совершенно противоположном. Например, недовольные действиями грузинских солдат жители села Атары Армянской в начале 1919г. писали комиссару Сухумского Округа В.Чхиквишвили: «Мы всегда дружески шли с демократической республикой братской нации. Во время большевистской анархии в Округе мы работали и боролись с героической Народной Гвардией (Грузии –авт.). В дни турецкого десанта мы всячески помогали действующим в нашем районе войсковым частям. В войне армян с грузинами так же доказали, что мы доброжелательно настроены по отношению к демократическому правительству. Мы глубоко верим, доверяем и продолжаем верить и доверять демократическому правительству республики и его представителям в Округе, с которыми всегда солидарно шли наши выборные представители в Сухумский Армянский Национальный Окружной Совет» (Дж.Гамахария. Абхазия: Вопросы истории и политики. Тб., 2000, с.116). В марте 1919г. председатель армянского национального совета округа и член Абхазского Народного Совета Х.Авдалбекян о том же писал Н.Жордания: «Армянское население Сухумского Округа с первого дня объявления независимости Республики Грузия питало самые горячие симпатии к молодому демократическому государству. Свое отношение оно фактически зафиксировало массовым участием в выборах в Абхазский Народный Совет, поголовно голосуя за социал-демократическую партию» (Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.91). Тоже самое можно сказать и о греческом населении, окружной национальный совет которого под председательством члена Абхазского Народного Совета доктора И.Пашалиди твердо поддерживал Грузинскую Демократическую Республику, о чем писал даже С.Басария (С.Басария. Абхазия, с.95). Греческое население преследовалось не грузинами, а абхазской бандитской большевистской организацией «Кяраз»; об этом 20 июля 1918г. имел суждение Народный Совет. Безусловная поддержка Грузии со стороны армян и греков, все еще являвшихся подданными Турции, объясняется государственной политикой их выравнивания в социально-экономических (наделение армян и греков землей, которую раньше брали только в аренду) и политических (право избирать и быть избранным) правах с абхазами и грузинами, что вызывало недовольство сепаратистов (см. здесь же, с.304-305). Армян и греков настораживали так же протурецкие настроения среди абхазского населения, поэтому они все больше сближались с грузинами. Доброжелательно относились к Грузии и другие национальные группы Абхазии. Преданность к грузинскому государству со стороны немецкого населения стала поводом попытки сепаратистов расправиться с ними. В связи с этим дипломатический представитель Германии в Грузии и на Кавказе просил министра по делам Абхазии Р.Чхотуа принять необходимые меры для защиты немецких колонистов от возможного бедствия (Д.Читая. Абхазский вопрос, с.255-256).

[2] А.Деникин. Очерки русской смуты. Октябрь 1918-январь 1919г. с.283.

[3] Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.73.

И.Пашалиди[1]. 12 марта 1919г. на первом заседании Учредительного Собрания вместе с другими коллегами они подписались под Актом от 26 мая 1918г. о провозглашении государственной независимости Грузии.

Первое заседание новоизбранного Абхазского Народного Совета состоялось 18 марта 1919г. Председателем Совета избран Д.Эмухвари, заместителем – М.Берулава, первым секретарем – Г.Королев. 20 марта Народный Совет утвердил исторический документ – «Акт об Автономии Абхазии» следующего содержания:

«Первый Абхазский Народный Совет, избранный на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права в заседании своем от 20 марта 1919г. от имени народа Абхазии постановил:

1. Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузия, как ее автономная единица, о чем поставить в известность Правительство Республики Грузия и ее Учредительное собрание.

2. Для составления Конституции Автономной Абхазии и определения взаимоотношений между Центральной и Автономной властью избирается смешанная комиссия в равном числе членов от Учредительного Собрания Грузии и Национального Совета Абхазии и выработанные положения по принятии их Учредительным Собранием Грузии и Абхазским Народным Советом, должны быть внесены в Конституцию Демократической Республики Грузия»[2].

Принятием «Акта об Автономии Абхазии» завершился процесс самоопределения региона. По воле подавляющего большинства населения, эта древнейшая область Грузии, несмотря на многократные попытки врагов прибрать ее к рукам, опять де-юре возвратилась в лоно грузинской государственности. Тем самым важнейший и тяжелейший этап борьбы за Абхазию победоносно завершился.

Заседание Народного Совета от 20 марта обсудило и другие животрепещущие вопросы, прежде всего, касающиеся освобождения Гагры. Д.Эмухвари от имени Народного Совета обратился к Н.Жордания с просьбой довести до сведения союзных держав о горячем протесте Совета по поводу захвата части территории Абхазии армией А.Деникина и просил правительство Грузии принять меры по немедленному очищению территории до р. Мзымта. Народный Совет обратился так же с ходатайством к председателю правительства Грузии и министру юстиции об амнистировании лиц, арестованных за участие в большевистских авантюрах[3].

Начался новый этап истории Абхазии - автономной единицы Грузии.

---

[1] Не соответствует действительности утверждение о том, что народ в Абхазии бойкотировал выборы Учредительного Собрания Грузии (О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.335.). Основанием для подобного утверждения не может служить срыв заседания Народного Совета от 25 ноября 1919г., на котором обсуждался вопрос о дополнительных выборах в Учредительное Собрание (см. Д.Читая. Абхазский вопрос, с.316-317).

[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.435.

[3] Там же, с.433-435, 772, 774.

3. Политическая обстановка в автономной Абхазии и ее оккупация советской Россией. Март 1919-март 1921г.

В новых условиях, когда перед Абхазией стояла задача реального осуществления автономности, важно было организовать твердую демократическую властную структуру и повысить ее эффективность. Народный Совет, как представительный орган, охватывал весь политический спектр Абхазии. Правящее социал-демократическое большинство имело управляемую извне сильную оппозицию. Со своей радикальностью отличалась фракция независимых социалистов (Д.Алания, М.Цагурия, С.Чанба, И.Маргания, Р.Какуба, А.Демьянов, Р.Чхотуа), одна часть которой сотрудничала с большевиками, другая – с белогвардейцами. Их общей платформой являлась дестабилизация обстановки в Абхазии, дискредитация и свержение Грузинской Демократической Республики. Позже (ноябрь 1919г.) от социал-демократов отделилась фракция интернационалистов (К.Барциц, Д.Дзкуя, М.Тарнава), смыкавшаяся с независимыми социалистами и активно участвовавшая во всех антигрузинских акциях.

Народный Совет управлялся президиумом (председатель, заместитель, секретарь) и «Сеньерен Конвентом» (Советом Старейшин). Они проводили совместные заседания, обсуждая предварительно повестку дня заседаний Народного Совета, хозяйственные и другие внутренние вопросы. 20 мая 1919г. пост председателя Совета занял В.Шарвашидзе. до февраля 1920г. его заместителем являлся М.Берулава, затем Т.Кварацхелия (в будущем член сельскохозяйственной Академии Наук СССР). Пост секретаря занял К.Акиртава. В «Сеньерен Конвент» входили С.Чанба, В.Анчабадзе, М.Тарнава, Д.Алания, Д.Эмухвари. Народный Совет нередко собирался в малом составе («Малый Народный Совет Абхазии») для предварительной проработки отдельных вопросов повести дня. На его заседаниях присутствовали В.Шарвашидзе, П.Геловани, В.Анчабадзе, Д.Алания, М.Берулава, Д.Эмухвари, И.Лордкипанидзе, Г.Королев, Т.Кварацхелия, Г.Зухбая.

8-10 апреля 1919г. Абхазский Народный Совет обсуждал вопрос формирования исполнительной власти. Было решено образовать орган управления – Комиссариат, состоящий из трех членов: Комиссара внутренних дел, Комиссара юстиции, образования и здравоохранения, Комиссара народного хозяйства. Народный Совет избирал только одного ответственного перед ним Комиссара, обязанного составить коллегию. Она утверждалась Народным Советом и до принятия Конституции Абхазии руководствовалась его инструкциями. 13 мая 1919г. Народный Совет образовал Комиссариат (правительство) под председательством Дмитрия (Арзакана) Эмухвари. На том же заседании Абхазский На-

родный Совет переименован в Народный Совет Абхазии, Сухумский округ – в Абхазию, участки – в уезды[1].

Важнейшей задачей правительства Грузии и автономной Абхазии оставались возвращение Гагры и восстановление государственной границы, нарушенной добровольческой армией А.Деникина. Со штабом оккупантов были тесно связаны сепаратистские силы, постоянно стремящиеся дестабилизировать обстановку в Абхазии. Некоторые из них находились даже при штабе в Екатеринодаре. Один из них – А.Шарвашидзе, по заданию штаба А.Деникина, составил обращение к командованию добровольческой армии об изгнании грузин и присоединении Сухумского округа к России. В связи с этим А.Деникин еще до взятия Гагры, в частности 1февраля 1919г. направил меморандум главнокомандующему английскими войсками на Ближнем Востоке генералу Мильну и командиру дислоцированной в Закавказье 27-й дивизии генералу Форестье Уокеру, в котором, опираясь на обращение «официальных представителей» абхазского народа, «с целью умиротворения» Абхазии предлагал следующие меры: «1) Объявить Сухумский Округ нейтральным; 2) Немедленно вывести оттуда грузинские войска; 3) Возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно или самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев»[2]. По плану, грузинские войска должны были отступить до р. Ингури. О так называемом меморандуме Народный Совет узнал несколько позже. 15 апреля 1919г., заслушав доклад И.Рамишвили, он принял резкую резолюцию: «Абхазский Народный Совет во всеуслышание заявляет: 1) Единственным правомочным, полномочным и полноправным представителем Абхазии является Абхазский Народный Совет, избранный на самых демократических началах; 2) что через этот Совет Абхазия заключила определенный и тесный союз с Демократической Республикой Грузия, вступив в нее как автономная часть и этим вполне определив общие с Грузией государственные границы; 3) что всякие «официальные представители» абхазского народа, упоминаемые в меморандуме, являются ничем иным, как самозванцами, врагами демократии Абхазии и Грузии, заинтересованными в создании благоприятных условий для контрреволюции, реставрации старых порядков и уничтожения демократического строя; 4) что абхазская демократия в союзе с демократией Грузии сумеет обуздать непрошенных «представителей» абхазского народа, победить контрреволюцию и ее агентов и дать торжество великим лозунгам революции; 5) что Абхазский Народный Совет желает знать, кто, те «официальные представители», которые от имени народа Абхазии обращаются к добровольческой армии. Народный Совет Абхазии клеймит этих самозванных представителей именем предателей народа и утверждение меморандума считает не соответ-

[1] Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.82.

[2] А.И.Деникин. Очерки русской смуты. Октябрь 1918г-январь 1919г,с.284.

ствующим действительности; 6) Резолюцию эту довести через Правительство Демократической Республики Грузия до сведения союзных держав»[1].

Все фракции Народного Совета осудили меморандум и явившихся к А.Деникину самозванцев. Вскоре выяснилось, что ими были А.Шарвашидзе и А.Хасая. 21 июня 1919г. газета Абхазской окружной организации Социал-Демократической партии Грузии «Наше Слово» (редактор Д.Гулия) опубликовала письмо «Юда Абхазии», в котором сказано: «Представитель Абхазии, являвшийся к Деникину с настойчивыми просьбами о занятии Абхазии деникинскими войсками, предатель Абхазии, обнаружен. Это Александр Шарвашидзе, тот самый, который в свое время старался о высадке турецкого десанта в Абхазии, это тот самый российский «патриот», который хотел отдать туркам бывшую часть России. Вот чьим именем оправдывал Деникин перед Европой свой разбойничий набег на Грузию, Абхазию». Непонятно, когда современная сепаратистская историография, восхваляя А.Деникина и явившемуся к нему «Юду Абхазии», хранит молчание о решении Народного Совета от 15 апреля 1919г. и публикации газеты основоположника Абхазской письменности, литературы и историографии Дмитрия Гулия.

Англичане, хорошо разбираясь в реальной ситуации вокруг Абхазии, не обратили особого внимания на меморандум А.Деникина. Более того, они продолжали требовать объявления нейтральной зоной не Абхазии, а Сочинского округа и Гагры, вывода из этих территорий частей добровольческой армии, но белогвардейцы не шли на уступки. В феврале 1919г. вдоль р. Бзыбь расположилась рота англичан. Это не помешало грузинским войскам под командованием генерала Гедеванишвили 4 апреля того же года преодолеть р. Бзыбь и за несколько дней овладеть территорией до р. Мзымта. Вскоре они отступили и укрепились по р. Мехадыр[2]. А.Деникин до своего полного краха и бегства из России старался вытеснить грузин из Гагры и всей Абхазии. Пограничный вопрос обсуждался 23 мая 1919г. на встрече министра внутренних дел Н.Рамишвили с английским генералом Бригсом, выражавшем позицию «добровольцев». Грузинская сторона отвергла предложение Бригса об отходе до р. Бзыбь[3]. Как свидетельствует А.Деникин, 9 апреля 1919г. генерал Мильн так же требовал от грузин отступления до р. Бзыбь. Тоже самое повторила Английская Миссия 12 июня 1919г., но «видимо, - писал А.Деникин, - британский авторитет был уже недостаточен ни для предупреждения, ни для ликвидации столкновения. Или, вернее, Лондон не желал подкрепить его аргументом более веским, чем бумажные ноты. Грузины остались на Мехадыре… Граница была закрыта. А войска двух армий стояли на побережье друг против друга в постоянной боевой готовности, рискуя каждую минуту тем, что всилу какого либо

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.436-437, 774, 775.
[2] А.И.Деникин. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 - январь 1919г., с.288-293.
[3] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с. 36-41.

непредвиденного случая «заговорят сами» ружья и пушки»[1]. Действительно, на Мехадыре часто происходили столкновения, вызванные недоверием и подозрением. Неопределенное состояние, как писал А.Деникин, «Ни войны, ни мира»[2] продолжалось до конца.

Действия генерала А.Деникина против Грузии становились все более опасными, особенно на фоне его блестящих успехов в борьбе с большевиками. В мае 1919г. добровольцы разгромили Горскую Республику. Абхазские сепаратисты в целях обмана северокавказцев и привлечения их на свою сторону постоянно утверждают, что Абхазия являлась частью Горской Республики[3]. Однако, когда А.Деникин разгромил ее, сепаратисты молчали. Молчат они и сегодня, обвиняя во всем Грузию, совместно с Азербайджаном сделавшую все возможное для оказания помощи горцам оружием и живой силой. Н.Жордания в своих воспоминаниях отмечал, что оказание всяческой помощи горцам диктовалось интересами безопасности северных границ Грузии. Сильная, независимая Горская Республика, – писал он, - «была нашей крепостью, воздвигнутой против Москвы. В ее существовании были всячески заинтересованы и это диктовало наше отношение к ней»[4].

О существовании дружественных отношений между двумя республиками говорят эвакуация Меджлиса Горской Республики в Тбилиси, назначение им на должность верховного главнокомандующего вооруженными силами Горской Республики генерала Кереселидзе и т. д. До сентября 1919г. грузинский генерал находился в Чечне и руководил боевыми действиями, за что А.Деникин объявил экономическую блокаду Грузии[5].

Для привлечения внимания международной общественности к агрессивным действиям белогвардейцев 14 июня 1919г. руководитель делегации Грузии на Парижской мирной конференции Н.Чхеидзе сообщил делегациям Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Италии и Японии о планах А.Деникина отрезать от Грузии часть Абхазии, «присоединение которой к Грузии было санкционировано голосованием ее народа и управление которой в пределах Грузинской Республики обеспечено Народным Советом Абхазии, избранным всеобщим голосованием». Н.Чхеидзе просил правительства великих держав «предписать русской добровольческой армии уважение к границам, которые Грузия фактически занимала между Кавказским хребтом и Черным морем, со-

[1] А.И.Деникин. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 - январь 1919г., с.296.

[2] А.И.Деникин. Очерки русской смуты. Январь 1919г- март 1920г. Минск,Харвест, 2002, с.273. 18 июня 1919г. Е.Гегечкори обратился к итальянской миссии с просьбой о посредничестве и заявил: «Правительство Грузии согласится на границы Деникина, если между Бзыбом и Мехадыром в нейтральной зоне расположаться итальянцы» (Д.Джоджуа. Грузино-итальянские отношения в 1919-1921 годах. Тб.,1997, с.10. На груз. яз.). Позже, когда выяснилось , что итальянские войска не прибудут в Грузию и не сменят англичан, правительство обратилось опять к последним о нейтрализации Гагрской зоны. Несмотря на это, грузинские войска до насильственной советизации Грузии оставались на Мехадыре.

[3] О.Бгажба, С.Лакоба. Истории Абхазии, с.320 и др.

[4] Н.Жордания. Мое прошлое (воспоминания). Тб., 1990, с.110-111.

[5] А.И.Деникин. Очерки русской смуты. Январь 1919- март 1920г., с.266-271.

гласно с ее правами и волей населения и с согласия союзного командования»[1]. В начале июня 1919г. представители Эстонии, Латвии, Северокавказской Республики, Грузии, Азербайджана, Литвы и Польши обратились к представителям великих держав с нотой протеста против агрессивных действий А. Деникина в отношении Грузии[2].

Пограничные вопросы были разрешены всилу договора, заключенному между Грузией и Россией 7 мая 1920г. Большевистская Россия признала Сухумский округ, включая Гагры, бесспорной территорией Грузии («безусловно входящими в состав Грузинского государства»); межгосударственная граница фиксировалась по р. Псоу[3]. 18 мая 1920г. Народный Совет Абхазии, заслушав информацию Д.Эмухвари о заключении договора с Россией, выразил удовлетворение и послал специальную резолюцию в Учредительное Собрание Грузии.

Планы шовинистов и беспринципных сепаратистов в отношении границ провалились. В то же время следует отметить, что Грузию не удовлетворяла граница по р. Псоу. В марте и июле 1919г. на Парижской мирной конференции она представила свои требования. В историческом обосновании, составленном И.Джавахишвили, указывалось, что этническая и государственная граница Грузии с древнейших времен доходила до р. Кубани, а после XV века достигала до речки Макопсе. Грузия настаивала зафиксировать государственную границу с Россией как раз по этой речке. В случае возвращения на родину горцев, насильственно вывезенных в Турцию, или присоединения части Черноморского побережья к государству на Северном Кавказе, Грузия соглашалась установить новую линию границы между реками Мзымта и Макопсе[4]. Обо всем этом молчит сепаратистская историография и, в угоду шовинистов, говорит об империалистических (?!) устремлениях Грузинской Демократической Республики[5]. В то же время, она «не замечает» в усилиях Грузии стремление и заботу о восстановлении исторических границ Грузии, соответственно, и Абхазии, о создании Северокавказского государства с выходом на море, о возвращении мухаджиров на родину.

Сепаратистская историография всячески старается скрыть от своих читателей и тот факт, что правительство Грузии в апреле 1920г. предприняло серьезные шаги на международной арене для возвращения на родину грузинских и абхазских мухаджиров[6], чему помешала насильственная советизация Грузии. Известно, как эта проблема волновала абхазов, особенно абхазскую интеллигенцию[7].

[1] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.46.
[2] Там же, с.46-47.
[3] Оккупация и фактическая аннексия Грузии. Документы и материалы. Тб., 1990, с.75-76.
[4] Там же, с.64-68.
[5] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.316-321.
[6] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с. 47-49.
[7] В феврале 1920г. съезд абхазской интеллигенции принял специальную резолюцию о возвращении мухаджиров и

Для властей Абхазии серьезной проблемой являлась антигосударственная деятельность Сухумского епископа Сергия (Петрова) и всего русского духовенства. После восстановления автокефалии Грузинской Церкви, Сухумская епархия подчинялась так называемому Кавказскому Экзархату (создан в июле 1917г. взамен Грузинского Экзархата). Первый Всегрузинский церковный съезд (8-17 сентября 1917г.) образовал Цхум-Бедийскую епархию. До распространения юрисдикции Грузинской Церкви на всю Абхазию она временно была приписана к Чкондидской епархии, во главе которой стоял митрополит Амвросий (Хелая). С конца 1917 года в лоно родной церкви вернулись все приходы Самурзакано, а так же и другие грузинские приходы Абхазии, составлявшие большинство в Сухумской епархии.

Русские священнослужители находились в тесной связи с белогвардейцами и действовали по их указаниям. Епископ Сергий отказался от сотрудничества с Грузинской Церковью, в том числе с митрополитом Амвросием. Такое предписание он получил 21 июня 1919г. от временного высшего церковного управления юго-востока России, функционировавшем при штабе А.Деникина[1].

Принятие 20 марта 1919 г. исторического «Акта об Автономии Абхазии» и последовавшая за ним стабилизация обстановки в регионе, отсутствие в Сухуми епископа Сергия, переведенного на другую службу, на повестку дня поставили вопрос реорганизации Сухумской епархии. 1 сентября 1919г. Комиссариат Абхазии принял декрет по управлению православными церквами. Сухумский кафедральный собор с причтовым и архиерейским домами, здания бывшего училищного совета были признаны национальным достоянием автономной Абхазии; епископская кафедра объявлена вакантной; временно, до избрания нового архиерея назначался временно управляющий епархией. С 3 по 11 сентября эту должность занимал архимандрит Иоанн Маргишвили, с 11 сентября –митрополит Амвросий. После проведения соответствующей подготовительной работы, 7 октября 1919г. состоялось чрезвычайное собрание духовенства Абхазии. Оно заслушало доклад митрополита Амвросия и приняло исторические решения. Отныне Сухумская епархия названа Цхум-Абхазской епархией и она опять стала органической частью Грузинской Церкви. На должность митрополита собрание единогласно избрало Амвросия (Хелая). 28 октября 1919г. решения съезда духовенства Абхазии утвердил Всегрузинский Каталикосский Совет[2].

Необходимо подчеркнуть, что объединение Грузинской Церкви произошло с полным соблюдением церковных и светских законов. Был положен конец

за содействие обратилось к правительству Грузии. Несмотря на то, что вопрос о мухаджирах уже 7 апреля 1920г. был поставлен Н.Чхеидзе перед председателем Верховного Совета союзных держав, В.Шнирельман, обманывая читателей, пишет, что обращение абхазов к правительству Грузии по этому поводу носились по бюрократическим каналам (В.Шнирельман. Войны памяти, с.265).

[1] Святой Исповедник Амвросий (Хелая) и Абхазия, с.240-241.

[2] Там же, с. 101-102, 258-281.

антиканонической практике деления церкви по национальному признаку (филетизм), использованию духовенства в антигосударственных целях. Поэтому шовинистам и сепаратистам не пришла по душе проведенная в Абхазии церковная реформа и постарались сделать этот вопрос предметом обсуждения на заседании Народного Совета Абхазии[1] (18 ноября 1919г.) и даже на Парижской мирной конференции[2], но своей цели не достигли.

Сепаратисты грешат перед истиной, когда утверждают, что правительство Грузии государственным учреждениям и учебным заведениям Абхазии якобы навязало грузинский язык[3]. Этого не случилось даже тогда, когда Министерство внутренних дел Грузии 20 июля 1918г. утвердило положение о национализации (переводе на грузинский язык) почтово-телеграфных учреждений[4]. Что касается вопроса о введении с 1919года грузинского языка в школах Абхазии, на заседании Народного Совета (18 ноября 1918г.) противникам этого решения В.Анчабадзе разъяснил: «Мне хорошо известно, что азбукой государственного права является изучение государственного языка, если не обучение на нем»[5]. К сожалению, даже современные сепаратисты эту азбуку не понимают или не хотят понять. Правительство Грузии, действительно, не форсировало национализацию государственных учреждений в Абхазии (делопроизводство велось на русском языке, переписка с центральными властями должна была вестись на грузинском, но и это требование часто нарушалось), введение обучения на грузинском, за что его строго критиковала политическая оппозиция в Учредительном Собрании.

Правительство Грузии, которое сепаратистская историография, вслед за деникинцами, постоянно обвиняет в шовинизме[6], заботилось о культурном развитии абхазов. В жизни любого народа крупным событием является издание первой в его истории газеты на родном языке. Абхазы только во время «господства» грузинских «шовинистов» удостоились издания газеты на родном языке – 27 февраля 1919г. в г.Сухуми увидел свет первый номер газ. «Апсны». Абхазский шрифт был изготовлен в Тбилиси[7]. Первую абхазскую газету «Апсны» ре-

[1] Дж.Гамахария. Абхазия и православие, с.816-821.
[2] Там же, с.812-814; Святой Исповедник Амвросий и Абхазия, с.291-295.
[3] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 336.
[4] Абхазский Народный Совет, обсудив на своем заседании от 25 июля 1918г. утвержденное Министерство внутренних дел Грузии положение о национализации государственных учреждений, на данном этапе не счел возможным распространить его на Абхазию ввиду многоплемености населения региона. Совет постановил «оставить временно общим языком правительственных учреждений на территории Абхазии русский язык» (Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.422). 30 июля 1918г. Министерство внутренних дел Грузии сообщило председателю Абхазского Народного Совета , что правительство не издавало никаких распоряжений относительно национализации учреждений в Сухумском Округе и в дальнейшем не предполагается национализация учреждений в Абхазии. Почтово-телеграфные учреждения в Абхазии (как и в Тбилиси, в Закатальском и Борчалинском уездах) функционировали на русском и грузинском языках (Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.761-762).
[5] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.454-456.
[6] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 336.
[7] З.Папаскири. Очерки …, ч. II, с.65.

дактировал член так нелюбимой сепаратистами «шовинистической» Социал-Демократической Партии Грузии, самый великий сын абхазского народа Д. Гулия, работавший до этого (с 1 сентября 1918г., то есть при «шовинистах») впервые в истории штатным учителем абхазского языка в Сухумской учительской семинарии. Важным событием в культурной жизни Абхазии явилось открытие выдающимся художником А.К.Шарвашидзе в 1918г. драматического училища; в 1919г. в Сухуми учрежден литературно-драматический кружок и т. д.[1].

Правительство Грузии с большим вниманием относилось к любым просьбам или обращениям из Абхазии, касающимся особенно интересам абхазского народа. Например, 1 ноября 1919г. Н.Рамишвили докладывал правительству о ходатайстве председателя Комиссариата Абхазии Д.Эмухвари по поводу освобождения всех абхазов от воинской повинности независимо от вероисповедания (до этого в армию призывали только абхазов-христиан). 4 ноября того же года правительство постановило: «Временно не распространять на абхазцев статью I Закона о воинской повинности и пополнении вооруженных сил и взамен предоставить право добровольного поступления на военную службу»[2].

О сложной политической обстановке в Абхазии довольно полное представление дают состоявшиеся 2 августа 1919г. в Учредительном Собрании страны дебаты по инициативе Национал-Демократической партии Грузии. Инициаторы дебатов интересовались информацией о политических настроениях в Абхазии, созданных усилиями противников независимости Грузии, о функционировании государственного языка и т. д. На запрос национал-демократов ответил министр внутренних дел Н.Рамишвили. «Положение Абхазии с точки зрения столкновения как внутренних, так и внешних сил весьма сложное и само собой ясно, что политика правительства в этих сложных условиях должна быть бдительной и никакой спешки не должно быть, - заявил министр…- Несомненно там, в Абхазии существуют элементы, борющиеся против нашей государственности. И этими элементами являются, прежде всего, правые, с самого начала пытавшиеся, чтобы Грузия никакой связи не имела с Абхазией, особенно после того, как там создано определенное автономное самоуправление»[3]. По словам Н.Рамишвили, правительство целенаправленно проводило в регионе демократическую политику выравнивания всего населения в аграрных, социальных и политических правах. Антигрузинские силы стремились использовать эту политику для разжигания недовольства среди абхазов. Н.Рамишвили отметил, что даже в этих сложных условиях Народный Совет, большинство абхазского

[1] Там же,с.66; С.Лакоба. Крылились дни в Сухум-коле. Сухуми, 1988, с.53-55, 63; О.Жордания. Дмитрий Гулия: Материалы из педагогической деятельности. - Бюллетень центра духовности и культуры Абхазии, 2008, №3, с.6 (на груз. яз.).

[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.453-454, 781. Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Осетии в составе Грузии, с.248.

[3] Учредительное Собрание Грузии. Стенографический отчет. 45-е заседание, 2 августа 1919г., с.12-16 (на груз. яз.).

населения поддерживают гарантированное Конституцией автономное управление в пределах Грузии. Выступление министра поддержали и развили абхаз В.Гурджуа и В.Чхиквишвили. Абхазия, интересы которой тесно связаны с интересами Грузии, подчинится общегосударственным законам,- отметил В.Гурджуа,- но требует самостоятельности во внутренних вопросах. Против этого, - сказал он - грузинские демократические силы не выступали и выступать не будут. «Да здравствует Грузия и Грузинская Демократическая Республика! Да здравствует Демократически сплоченная автономная Абхазия – неотъемлемая часть этой Грузии»[1], - заявил В.Гурджуа.

Член партии социалистов-революционеров Лео Шенгелая счел нецелесообразным существование в Абхазии законодательного органа и правительства, хотя, - говорил он, - «Абхазия должна получить широкую автономию»[2]. Представитель социалистов-федералистов С.Мдивани, сравнительно лояльно относящийся к политике правительства, считал общей ошибкой подписание договоров в 1918 году с людьми, не разбиравшимися в правовых вопросах, что создало иллюзии сепаратистам. Ошибкой считал он так же создание Абхазского национального совета, а не Народного Совета Абхазии. По мнению С.Мдивани, следовало бы усилить борьбу против дворянства и прибывших из России шовинистов[3].

Острой критикой правительства выступил лидер национал-демократов С.Кедия. Обстановку в Абхазии он назвал опасной; недовольством абхазов, вызванном правительственной политикой, по его утверждению, в случае войны легко могут воспользоваться враги (А.Деникин и т. д.) и направить это недовольство против Грузии. Одной из причин недовольства абхазов оратор назвал наделение землей подданных Турции, живущих в Абхазии (армян и греков). «В общем, в Абхазии почва зыбкая. Идет большое антигрузинское движение, которым руководят и которого углубляют русско-армянские большевики, деникинцы и часть абхазской интеллигенции»[4], - заявил С.Кедия и призвал политические партии к совместной работе для исправления общими усилиями положения в Абхазии.

Представленные в Учредительном Собрании Грузии политические партии прежде всего интересовались ходом работы над Конституцией Абхазии. Этот вопрос занимал центральное место в политической борьбе и внутри самого Народного Совета Абхазии. Созданная им 30 марта 1919г. Конституционная Комиссия на первом же заседании единогласно приняла первую статью будущей Конституции, заимствованную из «Акта об Автономии Абхазии»: «Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузия, как ее автономная

[1] Там же, с.16-17.
[2] Там же, 25-27.
[3] Там же, с.28. (как было выше сказано, Абхазский Народный Совет 13 мая 1919г. переименован в Народный Совет Абхазии).
[4] Там же, с.29-35.

единица»[1]. На этом закончилось единодушие среди членов Конституционной Комиссии. 23 мая 1919г. она разделилась на две подкомиссии и каждая из них подготовила свой проект Конституции. Третий – согласительный вариант Конституции (проект) подготовил Комиссариат Абхазии[2]. Ни один из этих проектов не получил в Народном Совете квалифицированное большинство, но большее одобрение (29 голосов) заслужил согласительный проект. 21 июля 1919г. Народный Совет избрал делегацию (Д.Эмухвари, Г.Королев, М.Убирия, В.Гурджуа, М.Цаава, М.Григолия) для обсуждения с центральными властями конституционных вопросов. В сентябре 1919г. делегация находилась в Тбилиси. 4 октября она представила в правительство докладную записку, в которой речь шла о разграничении полномочий между Республикой и автономией, необходимости принятия Конституции, аграрной реформе, социально-экономических проблемах. Выслушав доклад делегации Народного Совета Абхазии и мнение Конституционной Комиссии Учредительного Собрания, правительство до выработки общей Конституции Республики признало желательным, чтобы: «Конституционной Комиссии выделить из своего состава Особую Комиссию, в которую на паритетных началах войдет Конституционная Комиссия Абхазского Народного Совета (та же делегация). Результат работы созданной подобным образом смешанной Комиссии представлять Конституционной Комиссии Учредительного Собрания и потом (при помощи этой Комиссии) – Учредительному Собранию»[3].

Для работы над конституционными вопросами Президиум Учредительного Собрания вскоре выделила специальную Комиссию (П.Сакварелидзе, С.Дадиани, Г.Гвазава, М.Хочолава, Нанеишвили). Совместная работа членов Комиссии и делегации из Абхазии оказалась плодотворной. К 14 октября 1919г. был выработан одобренный в тот же день правительством проект соглашения между Тбилиси и Сухуми об основных положениях управления Абхазии, отражавший фактически сформировавшиеся отношения между центром и регионом. Впоследствии он стал основой «Положения об управлении автономной Абхазии», утвержденного Учредительным Собранием Грузии 21 февраля 1921г. Народный Совет, по проекту соглашения, имел «право издания законов по всем вопросам, за исключением касающихся внешней политики, войска, управления портами, финансовой, денежной, налоговой и таможенной систем, общих судебных установлений и Сената, гражданского, уголовного и общенационального законодательства, почты, телеграфа, железных и шоссейных дорог, имеющих общегосударственное значение»[4].

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.97.
[2] Все три проекта Конституции Абхазии опубликованы в кн.: А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.80-94.
[3] Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Осетии в составе Грузии, с.46, 248.
[4] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.452.

На основе докладной записки членов делегации от 4 октября 1919г. правительство Грузии 20 декабря того же года утвердило «Временное положение по проведению аграрной реформы и управлению государственными имуществами в Абхазии»[1]. Согласно временному положению, проведение аграрной реформы и управление государственными культурноценными имениями в Абхазии возлагались на Комиссариат Абхазии и его отдел земледелия, которым заведовал член Народного Совета, в будущем крупный ученый, академик Т.К.Кварацхелия.

По приглашению правительства Грузии в Тбилиси находилась еще одна делегация из Абхазии (И.Маргания, Д.Алания, М.Цагурия, М.Тарнава), придерживавшаяся в Народном Совете оппозиционно- сепаратистских взглядов. Правительство стремилось к диалогу и соглашению со всеми политическими течениями. Оно выслушало оппозиционную делегацию на специально созванном для этого заседании. По просьбе Н.Жордания, доклад делегации затем был оформлен в письменном виде и 29 сентября 1919г. представлен правительству. В докладе со свойственной сепаратистам тенденциозностью освещалась обстановка в Абхазии. Члены делегации видели выход из положения в принятии разработанного им проекта Конституции Абхазии.

15 ноября 1919г. Народный Совет Абхазии заслушал доклад официальной делегации о проведенной в Тбилиси работе. Выступивший с докладом М.Убирия отметил, что при работе над Конституцией в Народном Совете с самого начала возникли два течения, расходящиеся в оценке и понимании исторического момента, в особенности «по отношению к политической и экономической задач Абхазии». Ввиду требований момента, одни считали необходимым возможно более скорое присоединение Абхазии к Грузии и находили, что такое решение в настоящих объективных условиях является залогом защиты ее от последствий переживаемой нами бурной эпохи, в будущем – залогом нормального развития края.

Другое же течение, признавая необходимость присоединении Абхазии к Грузии, - продолжал М.Убирия, - с точки зрения будущего, исторической перспективы «считали наиболее правильным решением вопроса возможно более слабую связь с Республикой, больше прав, больше самостоятельности, мало считаясь с объективными и субъективными возможностями Абхазии». Эти расхождения, - говорил докладчик,- красной нитью проходит во всей прошлой деятельности Народного Совета. Отражением указанных двух точек зрения явились два проекта Конституции. Третий же проект, подготовленный Комиссариатом, «представлял попытку создания средней линии» между двумя крайними проектами. М.Убирия доложил членам Совета, что Тбилиси не форсировал процесс принятия Конституции Абхазии (части государства) до разработки

[1] Там же, с.100.

общегосударственной Конституции, давая возможность завершиться процессу реального строительства молодого государства», чтобы «затем зафиксировать ее в соответствующей форме». То есть власти Республики стремились в установившиеся в жизни фактические отношения внести правовую нормировку и согласовать их с интересами как государства, так и региона. Государство имеет право, - заявил М.Убирия, - предъявить нашей автономии требования общегосударственного характера, точно так же, как и мы имеем право предъявить ему требования местного характера»[1]. Несмотря на все эти трудности, как уже было сказано, в Тбилиси удалось разработать и согласовать проект об основных положениях управления Абхазии[2].

На том же заседании Народного Совета от 15 ноября 1919г. выступили и члены другой делегации, приглашенной в Тбилиси. М.Тарнава выразил сомнение в возможности соглашения между правительством Грузии и Народным Советом. И.Маргания добавил, что, по словам Н.Жордания, соглашение возможно, если сойдемся в вопросе «об отношении к Деникину»[3]. На это члены делегации ответили ему утвердительно.

6 февраля 1920г. приехавший в Сухуми Н.Рамишвили, выступая с докладом на заседании Народного Совета, разъяснил позицию Правительства Грузии в отношении Абхазии. Когда Грузия уже признана странами Запада, наша задача заключается в углублении демократии, в расширении роли народа, - сказал он. Докладчик отверг сплетни о том, что правительство будто бы замышляет обкорнать автономные права Абхазии, ограничить Народный Совет и т.д. От имени правительства, Н.Рамишвили заявил, что «единственный путь для общественно-политического строительства здесь, в Абхазии, это есть путь закрепления автономных прав Абхазии»[4]. Довольно обширный и интересный доклад Н.Рамишвили на заседании Народного Совета вскоре был отпечатан в виде прокламации и расклеен во всех абхазских населенных пунктах[5].

22-23 февраля 1920г. в Сухуми состоялся съезд абхазской интеллигенции (председатель Г.Зухбая, заместители – В.Анчабадзе и Д.Гулия). В его работе

[1] Центральный Гос. Архив Абхазии, Фонд И-39, опись 1, дело 12, листы 3-4.

[2] Политическая оппозиция в Народном Совете мало интересовалось реальными конституционными правами Абхазии. В декларации фракции социал-демократов-интернационалистов, оглашенной в Народном Совете 25 ноября 1919г., было сказано, что в условиях современной конъюнктуры признают и защищают Грузинскую Демократическую Республику от внутренних и внешних врагов; для фракции независимость Грузии являлась средством к достижению цели; в будущем же, с изменением политической обстановки, «интернационалисты» поддержали бы присоединение Грузии и Абхазии «к общей семье российских народов» без предварительных условий относительно формы политического устройства в «общей семье» (Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.111.). Шумиха вокруг конституционных прав устраиваемая сепаратистами, таким образом, преследовала цель не завоевания реальной автономии, а срыва всяких соглашений по данному вопросу и критику правительства. «Действуя так, одновременно мы искали возможность сношения с РСФСР и вступления в нее»,- откровенно писал М.Тарнава (Л.Тоидзе. К вопросу о политическом статусе Абхазии. Тб., 1996, с.6).

[3] Центральный Госархив Абхазии, фонд И-39, опись 1, дело 12, листы 5-7.

[4] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.101-102.

[5] Утверждение, что Н.Рамишвили перед членами Народного Совета выступил с угрозами, является вымыслом сепаратистов (О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.334).

участвовали председатель и члены Народного Совета, что превратил съезд в арену политической борьбы между разными течениями и ориентациями. Позицию сепаратистов выражал ренегат И.Маргания, заявивший: «Мы, абхазцы, приобщены к русской культуре, отнимают у нас эту культуру, этот язык и насильственно навязывают грузинский язык. Грузины пришли и отняли нашу культуру, грузины насильственно вторглись в Абхазию»[1]. Достойную отповедь дали ему представители потомственной абхазской аристократии В.Шарвашидзе, В.Анчабадзе, Д.Эмухвари и другие. Выступления на съезде, с одной стороны, выявили противоречия по конституционным вопросам в самом абхазском обществе, с другой - подтвердили необходимость скорейшей разработки и утверждения Конституции автономной Абхазии.

В Народном Совете продолжалась интенсивная работа по составлению проекта Конституции. 21 мая 1920г. Совет избрал Комиссию (В.Шарвашидзе, Д.Эмухвари, Д.Захаров, Г.Зухбая, М.Тарнава и В.Анчабадзе) для ведения переговоров с Тбилиси по конституционным вопросам. 1 июля 1920г. она представила докладную записку в Учредительное Собрание Грузии. «Для успокоения умов» делегация просила высший законодательный орган страны на своем заседании признать Абхазию автономной единицей Грузии, приступить к обсуждению полномочий представительного органа и правительства автономии. «При сем докладываем, что в Конституционной Комиссии (Грузии-авт.) эти вопросы единогласно разрешены утвердительно»[2], - сказано в докладной записке от 1июля 1920г.

Вернувшаяся из Тбилиси делегация предстала с докладом перед Народным Советом о проделанной в столице работе по составлению двух проектов Конституции Абхазии. Конституционная Комиссия Народного Совета (Г.Зухбая, Д.Захаров, М.Цулукидзе, Г.Королев, М.Тарнава) на их основе составила один проект. После его детального постатейного рассмотрения на нескольких заседаниях, 16 октября 1920г. Народный Совет утвердил собственный вариант проекта Конституции Абхазии. Первая статья провозглашала, что Абхазия в границах с северо-запада на юго-восток от реки Мехадыр до реки Ингури и с юга на север от берегов Черного моря до Кавказских хребтов, граничащих с Кубанской и Терской областями, входит в состав Демократической Республики Грузии, как ее автономная единица. Проект Конституции четко разграничивал полномочия центра и региона[3].

4 ноября 1920г. в Тбилиси опять прибыла делегация Народного Совета (В.Шарвашидзе, В.Гурджуа, Д.Захаров, М.Убирия, И.Пашалиди, М.Цагурия, Д.Алания, М.Тарнава, М.Берулава). 16 ноября она встретилась с Н.Жордания. Председатель правительства подтвердил, что принцип автономии Абхазии

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.103.
[2] Там же, с.105.
[3] Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Осетии в составе Грузии, с.257-261.

является бесспорным, а прерогатива разработки Конституции принадлежит Учредительному Собранию. Автономия может и должна быть дана Абхазии, - заявил Н.Жордания, - или же по принятии общей Конституции Грузии, или же, ввиду того, что принятие общегосударственной Конституции может затянуться, а оформление отношений с Абхазией является настоятельной необходимостью момента, путем издания отдельного закона. Он считал целесообразным издание временного закона об автономии Абхазии, который по принятии общегосударственной Конституции мог стать ее отдельной главой. Такая позиция главы государства удовлетворяла членов делегации Народного Совета.

Достижению соглашения препятствовал отказ Учредительного Собрания на создание паритетной Конституционной Комиссии[1], состоящей из равного числа членов самого собрания, а так же Народного Совета, как этого предусматривали «Акт об Автономии Абхазии» и мандат делегаций (Учредительное Собрание, как единственно правомочный орган разрабатывать конституции, соглашалось только на участие членов Народного Совета в составлении проекта основного закона Абхазии с правом совещательного голоса). Получив об этом информацию, 5 декабря 1920г. Народный Совет отозвал делегацию из Тбилиси для доклада. 6 декабря Президиум Учредительного Собрания рассмотрел заявление оппозиционной части абхазской делегации (М.Цагурия, Д.Алания и М.Тарнава) об отказе от участия в разработке проекта Конституции Абхазии ввиду неприемлемости самого порядка ее рассмотрения (не паритетной комиссией, а только Учредительным Собранием при участии членов Народного Совета)[2]. Заявление было принято к сведению.

Возвращение делегации из Тбилиси еще больше накалило обстановку. 24 декабря 1920г. В.Шарвашидзе поставил на голосовании вопрос об отставке Президиума Народного Совета, но решение не было принято. 4 января 1921г. Народный Совет одобрил работу, проведенную делегацией в Тбилиси.

21 декабря 1921г. Малая Конституционная Комиссия Учредительного собрания утвердила проект «Положения об управлении автономной Абхазии», в основе которого положены документ с аналогичным названием, разработанный в октябре 1919г. паритетной комиссией Учредительного Собрания и Народного Совета (здесь же, с. 481)**,** а так же проект Конституции Абхазии, утвержденный Народным Советом 16 октября 1920г. 21 февраля 1921г. Учредительное Собрание утвердило его. Исключительному ведению автономных властей относились: «а) местные финансы, бюджет, касса, налоги, займы; б) народное просвещение: первоначальное, среднее и высшее образование и вообще все культурное строительство; в) местное земское и городское самоуправ-

---

[1] По решению Правительства Грузии от 4 октября 1919г., как было сказано выше, Учредительное Собрание сформировало такую паритетную комиссию, которая поработала тогда плодотворно (см. здесь же, с. 481). Поэтому отказ, повторно сформировать паритетную комиссию, не может быть оправдан.

[2] Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Осетии в составе Грузии, с.261.

ление; г) мировые судебные установления; д) охрана личной и общественной безопасности и порядка; е) администрация; ж) народное здоровье, медицина и ветеринария; з) пути сообщения местного значения; и) утверждение бюджета, рассмотрение отчетов о расходовании местных сумм; к) отчуждение частных недвижимых имуществ для общественных и культурных нужд, на основании общих законов Республики; л) дела, предоставляемые по Закону Республики ведению Абхазского Народного Совета».

Государственным языком Абхазии являлся грузинский, но Народный Совет имел право вводить в школах и учреждениях местные языки. На выборах в законодательный орган Грузии Абхазия составляла отдельный избирательный округ. Исполнительным органом автономии являлся Комиссариат, члены которого назначались Народным Советом. Принятые им законы публиковались Сенатом (Верховным судом) Республики. Гражданские свободы на территории Абхазии гарантировались Конституцией и законами Грузии[1].

Автономный статус Абхазии закреплялся 107-й статьей Конституции Грузии, принятой 21 февраля 1921г. Но уже было поздно. 11-я армия большевистской России, вторгшаяся в пределы Грузии со стороны насильно советизированного Азербайджана, 25 февраля 1921г. взяла Тбилиси, а части 9-й армии советской России, напав на Грузию со стороны Сочи, 4 марта овладели городом Сухуми.

Необходимо отметить, что в Грузии, особенно в Абхазии большевистское движение влачило жалкое существование. После подавления просоветского мятежа в первой половине 1918г. в Абхазии оно исчезло. Его возрождение началось весной 1919г., когда бежавшая из занятой А.Деникиным территории часть большевиков нашла убежище в Абхазии; когда в результате амнистии, объявленной по ходатайству Народного Совета, из тюрем Грузии вышли многие участники мятежа февраля-мая и июня 1918г. Оживлению большевистского движения способствовал так же договор между Грузией и Россией от 7 мая 1920г., один из пунктов которого предусматривал легализацию Компартии. Реальным руководящим штабом коммунистов Грузии являлось посольство России в Тбилиси во главе с послом С.М.Кировым. По указанию последнего, в Сухуми действовала Чрезвычайная Комиссия (В.Иванов, В.Свердлов, Б.Волховский, Музыкантский), поставлявшая посольству России в Тбилиси разведывательные данные.

Восстановленный в Абхазии в 1919 году временный большевистский Комитет (А.Беляков, С.Кухалеишвили, М.Мгеладзе, И.Жвания, И.Хиоти) несколько усилился. В 1920 году Абхазской областной организацией компартии в разное время руководили И.Выгрянов, Н.Сванидзе, Н.Акиртава, С.Кухалеишвили. В тесной связи с ними находились члены Народного Совета М.Цагурия,

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.466-469.

Д.Алания, И.Маргания и др. В октябре 1920г. министерство внутренних дел Грузии разоружило и арестовало группу большевиков, готовивших вооруженное выступление (арестованы Н.Сванидзе и С.Кухалеишвили). Главари планируемого мятежа поддерживали тесную связь с советскими военными частями, расположенными в Сочи, откуда снабжались оружием, деньгами, получали инструкции. Собственный боевой отряд имели Гагрские большевики. В случае наступления Советской Армии на Грузию отряд обязан был «расстраивать тыл грузинского фронта», руководить восстанием «с целью ликвидации грузинского фронта Гагры». Подготовка вооруженного восстания сопровождалось идеологической обработкой населения. Большевики «распространяли слухи об отделении Абхазии от Грузии, советовали абхазцам присоединиться к России и готовили вооруженное восстание Абхазии»[1]. В результате мер, принятых государством, большевистские военизированные организации в Абхазии были разгромлены.

В конце 1920г. часть видных большевиков абхазской национальности Е.Эшба, Н.Лакоба, М.Лакоба, К.Инал-ипа, М.Тарнава Кавказским бюро Центрального Комитета Компартии России (Кавбюро) были отправлены в Турцию для оказания помощи только что созданной Компартии в пропагандистской работе среди потомков мухаджиров. В Абхазии большевиков практически не осталось. Однако, с начала 1921г. опять стали возникать коммунистические группы. 2 января 1921г. Г.Орджоникидзе и С.Киров уверяли Москву в необходимости насильственной советизации Грузии и писали, что нет нужды прямого нападения на нее, что есть «возможность начать движение в Абхазии, Аджарии, Борчалинском уезде»[2]. 25 января того же года военный атташе Советской России в Грузии П.Сытин так же сообщал в Москву, что «наша работа в Абхазии успешно продвигается. Образован коллектив из активных партийных работников в Абхазии. В гарнизоне города Сухуми образован военно-революционный комитет из трех». По оценке П.Сытина срыв работы делегации Народного Совета в Тбилиси в декабре 1920г. «возмущает массы Абхазии и создает благоприятную почву для нас»[3].

14 февраля 1921г. по решению Кавбюро образован Абхазский областной комитет в составе И.Жвания (председатель), М.Каргародской и Е.Свердлова. 18 февраля создается временный революционный комитет, куда вошли И.Жвания (председатель), Е.Свердлов и М.Цагурия[4]. Задача комитета заключалась в организации повстанческих отрядов в тылу. В те дни М.Цагурия получил письмо представителя Кавбюро А.Саджая, в котором сообщалось, о падении в ближайшее время Грузинский Демократический Республики, что даст возможность

[1] Там же, с.465.
[2] Сакартвелос Республика, 1991, 6 июня (на груз. яз.).
[3] Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов. 1917-1921 годы. Сухуми, 1967, с.172-173.
[4] Там же, с.175-176. Не соответствует действительности утверждение, что в состав революционного комитета, созданного в середине февраля 1921г. входили якобы Е.Эшба, Н.Лакоба и Н.Акиртава (О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 340).

Абхазии самоопределиться. Автор письма выражал надежду, что независимая фракция Народного Совета, «учитывая факт ближайшего падения меньшевистской власти Грузии» примет «немедленные меры теперь же к освобождению трудящихся масс Абхазии… Могу заранее сказать, что Абхазия имеет право на такое же свободное развитие, какое предоставила Советская Россия всем малым народам бывшей Российской Империи»[1].

Приведенные материалы доказывают, что так называемое революционное движение было инспирировано извне и управлялось большевиками преимущественно неабхазской национальности. Коммунистические идеи не были популярны среди абхазов, поэтому большевики постарались облечь в красное революционное одеяние сепаратистские, антигрузинские настроения, посеянные еще царизмом. По существу, в результате советской оккупации к власти в Абхазии пришли не идейные коммунисты, а сепаратисты. 6 марта 1921г. Временный Революционный Комитет (Ревком) прекратил существование и власть перешла в руки назначенного Кавбюро Ревкома в составе Е.Эшба (председатель), Н.Лакоба и Н.Акиртава. В марте 1921г. завершилась оккупация Грузии, в том числе Абхазии с ее последующей аннексией. Начался новый этап в истории Грузии, грузино-абхазских взаимоотношений.

[1] Борьба за Октябрь в Абхазии, с.175.

Глава XVIII. Политический статус Абхазии в составе советской Грузии. 1921-1937годы

Насильственно советизированная Абхазия оказалась под управлением Кавказского бюро Центрального Комитета Компартии России (Кавбюро ЦК РКП), руководимого Г.Орджоникидзе. У членов так называемого Революционного Комитета (Ревкома) Абхазии, назначенного Кавбюро, еще не было четкой позиции относительно будущего статуса региона. Не было ее и у руководства Кавбюро, хотя еще до советизации грузинские и абхазские большевики договорились в Москве, что Абхазия в качестве автономии войдет в состав советской Грузии. Этот факт подтверждал и Е.Эшба[1]. После оккупации Грузии и установления советской власти были приняты другие решения. В начале марта 1921г. Ревком Абхазии обратился к Кавбюро с просьбой разъяснить ему вопросы: «а) о Турции, б) о взаимоотношениях автономных горских республик (в том числе и Абхазии), в) о взаимоотношениях Абхазии и Грузии»[2]. Выдвижение на передний план вопросов о взаимоотношениях с Турцией и Горскими Республиками, надо полагать, с учетом событий XIX в., а так же лета 1918г. (высадка в Абхазии турецкого десанта), серьезно озадачили оккупантов. Новые предложения были разработаны на двух совещаниях ответственных работников Абхазии, которыми руководили уполномоченный Кавбюро Ляк, представитель Кавбюро Иваницкий и член военного совета IX оккупационной армии Эпштейн. Под диктовкой этих лиц, 26 марта 1921г. Ревком Абхазии на имя В.Ленина и И.Сталина направил письмо, в котором акцент сделан уже на Россию. Ревком обращался в Кремль с вопросом: «Будет ли советская Абхазия самостоятельной Республикой или административной единицей и какова будет общая политика в Абхазии»[3]. Со своей стороны, авторы письма считали целесообразным объявить Абхазию Советской Республикой с включением непосредственно в общероссийскую федерацию, хотя не были против объявления региона даже административной единицей. Речь о Турции, Северном Кавказе и Грузии в письме не шла, что явилось результатом воздействия на участников совещания представителей Кавбюро и IX армии. Из письма ясно видно, что под «самостоятельностью» члены Ревкома Абхазии подразумевали не государственную независимость, а понимали этот термин в советском смысле - непосредственное вступление в состав России. Письма аналогичного содержания были направлены в Ростов, где еще находилось Кавбюро, и в Тбилиси - к Г.Орджоникидзе. Последний 27 марта 1921г. согласился с идеей объявления Абхазии самостоятельной Республикой, но отказался от федерирования ее с

[1] А.Ментешашвили. исторические предпосылки…, с.59

[2] Б.Сагария. Образование и укрепление советской государственности в Абхазии (1921-1938). Сухуми, 1981, с.41.

[3] Трудящиеся Абхазии В.И.Ленину (1918-1921-1924оды). Сборник документов. Составил Г.Дзидзария. Сухуми, 1970, с.31.

Россией под тем предлогом, что подобное решение на Западе могли расценить аннексией Абхазии[1].

28 марта 1921г. в Батуми состоялось совещание руководителей и представителей оккупационных органов - Кавбюро, Центрального Комитета Компартии Грузии (ЦК КПГ) и Ревкома Абхазии с участием Г.Орджоникидзе, Ш.Элиава, С.Кавтарадзе, М.Торошелидзе, Е.Эшба и Н.Лакоба. Обсудив вопрос о структуре советской власти и Компартии в Абхазии совещание постановило: «До съезда Советов Абхазии вопрос о федерации Советской Абхазии с РСФСР или Социалистической Советской Республики Грузия (ССРГ) остается открытым, и Абхазия объявляется Социалистической Советской Республикой.

Партийная организация до конференции носит название оргбюро РКП в Абхазии и работает по директивам Кавбюро ЦК РКП.

Декреты Ревкома Грузии должны служить для Ревкома (Абхазии -авт.) материалом, чтобы не было противоречий в действиях обоих Ревкомов»[2].

Решение Батумского совещания стало основанием для провозглашения 31 марта 1921г. Абхазской Советской Социалистической Республики (ССР Абхазия). Следует подчеркнуть, что вопрос об Абхазии ни разу не становился предметом обсуждения российских центральных партийных или государственных органов. Судя по письмам В.Ленина и его биографической хронике, руководитель Советской России никакого отношения с Абхазией, абхазскими большевиками, тем более с вопросом определения статуса региона не имел[3]. Связанные к Абхазией проблемы решались в Тбилиси, на заседаниях Кавбюро, по устным соглашениям между Г.Орджоникидзе и И.Сталиным, занимавшим в правительстве В.Ленина пост Народного Комиссара (министра) по делам национальностей.

Самостоятельность Абхазии являлась фикцией. Москва ее не признавала. Так называемая самостоятельность Абхазии была придумана для умиротворения Грузии, подавления в ней желания восстановить государственную независимость. Бывший военный атташе в Грузии П.Сытин, все еще продолжавший в Тбилиси разведывательную деятельность, 22 апреля 1921 г. представил советскому правительству в Москве своеобразный план борьбы против «грузинского шовинизма», то есть против государственной независимости Грузии. Среди прочих мер (оставление частей Красной Армии в пределах Грузии, особенно на границе с Турцией, автономизация Мегрелии, поддержка местного русского населения, передача Закавказской железной дороги Москве) он предусматри-

[1] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.50-60. См. так же: Г.К.Орждоникидзе. Статьи и речи, т .I. М., 1956, с.200-201.

[2] . Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с. 469.

[3] Объявление ССР Абхазии сепаратистская историография без всякого основания связывает с именем В.Ленина (О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.430-431). В действительности же ни одно письмо, обращение или приветствие посланные из Абхазии Ревкомом или отдельными лицами «вождю» (см.: Трудящиеся Абхазии В.Ленину…), он лично не получал, не рассматривал и на них не отвечал.

вал расширение границы России до р. Бзыбь, присоединение остальной части Абхазии к России путем проведения там референдума. По мнению П.Сытина, это было бы важной «мерой, ослабляющей грузинский шовинизм и территориально, и материально». Замедление отделения Абхазии от Грузии - писал он, - «чревато самыми нежелательными последствиями. Абхазия может примкнуть к Горской Республике…, а тогда, в случае осложнений, РСФСР имеет перед собой преграду от моря до моря»[1].

Российский оккупационный властный орган в Грузии, так называемый Ревком, 21 мая 1921г. признал ССР Абхазию, выразив при этом надежду, «что вопрос об отношениях между ССР Грузии и ССР Абхазии окончательно будет решен на I съезде советов рабочих и крестьянских депутатов как Абхазии, так и Грузии»[2]. И это признание носило формальный характер. Ревком Грузии, протоколы которого полностью сохранились, никогда не обсуждал вопрос и не принимал решения (в том числе 21 мая) о признании ССР Абхазии. Именно 21 мая 1921г. ЦК КПГ рассмотрел вопрос не о признании Абхазии, а о заключении Бзыбской концессии и постановил, «не возражать против подписания этой концессии Правительством Грузии, если она является солидной и полезной»[3].

Руководители Ревкома Абхазии Е.Эшба и особенно Н.Лакоба постоянно подчеркивали, что «независимость» объявлена временно, «на одну минуту», что это была лишь «вывеска» и т. д. Партийный руководитель Абхазии Н.Сванидзе так же подчеркивал (в письме на имя Кавбюро от 10 сентября 1921г.), что лишь «по формальным соображениям Абхазия является самостоятельной»[4]. Первый съезд представителей трудящихся Абхазии (28 мая 1921г.) принял резолюцию как одобряющую «независимость», так и об установлении самого тесного союза с трудящимися «всех советских республик и в первую голову с наиболее близкими по культуре, по экономическому и географическому положению и быту с рабочими и крестьянами Советской Грузии». Съезд выразил надежду,

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.470-472. Этот план расчленения Грузии и самой Абхазии (отделение Гагры) удалось тогда реализовать лишь частично. Территория от Холодной речки до реки Псоу – Пиленковская (Леселидзе) волость оставалась в составе Черноморского округа Северо-Кавказского края. С 27 апреля 1922 г. Президиум Централного Исполнительного Комитета (ЦИК) Абхазии безуспешно добивался от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) признать границей Абхазии со стороны России реку Псоу. Власти России не только отказали просьбе ЦИК Абхазии, но даже не подчинились постановлению Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. о присоединении Пиленковской волости к Абхазии. После вмешательства руководства Закавказской Федерации (Ш. Элиава, С. Тер-Габриелян) Президиум ЦИК СССР 25 апреля 1925 г. вторично принял постановление , обязывающее руководство Российской Федерации провести в жизнь постановление от 31 октября 1924 г. Российская сторона согласилась только на создание специальной комиссии с участием всех заинтересованных сторон. На основе заключения комиссии, работавшей с августа 1925 г., Президиум ЦИК СССР 31 августа 1928 г. принял окончательное решение о присоединении Пиленковской волости к Абхазии. Оно было приведено в исполнение по решению того же Президиума ЦИК СССР от 12 апреля 1929 г. (Б.Е. Сагария. Из истории восстановления государственных границ Абхазии. – Известия Абхазского Института Языка, Литературы и Истории им. Д. Гулия, XIII. Тб., 1985, с.16-20).

[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.473-474.

[3] Там же, с.118.

[4] Там же, с.480-481.

что будущий первый съезд советов обеих республик «сам определит окончательные формы братского сотрудничества Абхазии и Грузии»[1].

Абхазия ни «на одну минуту» реально не являлась независимой политической единицей. Утверждение руководителей партийных и государственных структур региона происходило в Тбилиси на заседаниях Кавбюро под председательством Г.Орджоникидзе. Государственные органы Советской Грузии, чаще других Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД) и его отдельные управления присылали в Сухуми свои распоряжения на грузинском языке «для сведения и руководства», «для руководства и срочного исполнения», «для сведения и исполнения», «для точного исполнения» и т. д.[2] Например, главное управление по беженцам НКВД Грузии 3 августа 1921г. направило циркулярное письмо «председателям Ревкомов уездов и городов Грузинской Советской Социалистической Республики и Абхазской и Аджарской Автономных Республик» и потребовало, «чтобы ни одного беженца не пропустили в пределы Советской Грузии»[3]. Подписавший циркуляр Н.Соколовский прекрасно знал, что «независимая» Абхазия в действительности являлась автономной республикой в составе Грузии.

Высший временный оккупационный орган власти – Ревком Грузии и после признания ССР Абхазии рассматривал ее собственной территорией, обсуждая на своих заседаниях и принимая решения об открытии кредита Абхазии, о Ткварчельских шахтах, о заключении Бзыбской концессии (многократно) и т.д.[4] И ЦК Компартии Грузии не считал Абхазию «независимой» Республикой. В его тезисах отмечалось, что «объединение усилий Закавказских Независимых Республик (Грузия, Армения, Азербайджан), на основе союзного договора диктуется всем ходом вещей как с точки зрения международных, так и внутренних отношений»[5]. Среди «независимых» Республик, как видим, Абхазия не называется.

Проводник политики Москвы на Кавказе – Кавбюро ЦК Компартии России так же не рассматривал Абхазию самостоятельной Республикой. На его заседаниях представители Абхазии наравне с Горской и Дагестанской Автономными Республиками участвовали только с правом совещательного голоса. 2-3 июля 1921г. пленум Кавбюро постановил «признать необходимым проведение в жизнь независимости Кавказских Республик (Грузии, Армении, Азербайджана)»[6]. О «независимой» Абхазии речь не шла. Ее реальный статус порой казался более низким, чем автономных республик Дагестана и Горской Республики, Нахиче-

[1] Укрепление Советской власти в Абхазии. Сборник документов и материалов (1921-1925гг.). Сухуми, 1957, с.44-51.
[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.118-119.
[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Там же, с.480.
[4] Там же, с.117.
[5] Правда Грузии. 1921, 22 ноября.
[6] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.475.

вана и Кабарды. В отличии от них, Абхазия непосредственно не входила в экономический союз Кавказа (создан в августе 1921г.). «Независимая» Абхазия не вошла так же в состав экономического бюро, созданного Кавбюро 16 августа 1921г. и объединявшего Грузия, Азербайджан и Армению[1]. Показателем низкого и формального статуса Абхазии является письмо В.И.Ленина коммунистам Кавказа, адресованное партийным организациям Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской Республики[2]. Абхазия не называется как здесь, так и в написанном В.И.Лениным 28 ноября 1918г. проекте постановления политбюро ЦК Компартии России о федерации Закавказских Республик. В нем речь идет только о Грузии, Азербайджане и Армении[3]. В.И.Ленин оба раза потому «забыл» Абхазию, что официальная Москва, как уже отмечалось, не признавала ее самостоятельность и подразумевала в составе Грузии. Этот факт «вождь» еще раз подтвердил 1 сентября 1921г. когда ему был представлен текст Бзыбских концессий, заключенный правительствами Грузии и Абхазии[4].

Советская Россия, правда, формально, но все же признавала независимость Грузии, Азербайджана и Армении, с которыми она подписала союзнические договора (с Грузией такой договор подписан 21 мая 1921г.)[5], обменялась представительствами. Абхазия такой «чести» не удостоивалась. Ни в одном документе ЦК Компартии России, Совета Народных Комиссаров (правительства), съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (высший советский законодательный орган), Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета - ВЦИК–а (законодательный орган, действующий между съездами советов) «независимая» Абхазия даже не упоминается. Что касается такого специфического органа, каким являлся Народный комиссариат по делам национальностей, исходя из общей государственной политики, рассматривал Абхазию в качестве автономной единицы Грузии. Руководитель этого учреждения И.Сталин 1 сентября 1921г. секретарю ВЦИК А.Енукидзе писал: «Абхазия является автономной частью независимой Грузии, отсюда самостоятельных представителей при РСФСР не имеет и не должна иметь. Поэтому кредит от РСФСР она не может получить»[6]. И.Сталин, как председатель Рабоче-крестьянской Инспекции (в правительстве он занимал пост руководителя двух ведомств), 13 сентября 1921г. тому же А.Енукидзе сообщал, что выделение денег Абхазии без согласия Народного комиссариата финансов Грузии, недопустимо[7].

[1] Там же, с.118.
[2] В.Ленин. Полное собрание сочинений, т.43, с.198-200.
[3] Там же, т.44, с.255.
[4] В.Ленин. Биографическая хроника, т. XI. М., 1980, с.270.
[5] М.Вачнадзе , В.Гурули. С Россией или без России. Тб., 2007, с.59-60 (на груз. яз.).
[6] А.Ментешашвили. Исторические предпосылки…, с.67.
[7] Там же. Абхазия финансировалась Ревкомом Грузии, а Ревком Абхазии обязан был представлять ему сведения о расходах и соответствующие отчеты. В пополнении бюджета Грузии «независимая» Абхазия участвовала и в 1921году (Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.118-120).

«Независимая» Абхазия никогда не являлась субъектом международного права, в то время, как этим статусом формально пока еще пользовались Грузия, Азербайджан и Армения. 13 октября 1921г. они поставили свои подписи под Карским договором, заключенным с Турцией.

Таким образом, совершенно ясно, что Абхазия не имела независимость даже в советском смысле, то есть не была Республикой, непосредственно подчиненной Москве. И в 1921году, имея особый временный статус, она оставалась частью Грузии и формально именовалось Советской Социалистической Республикой. В том же году были сделаны практические шаги для устранения формальностей, для восполнения правового вакуума, возникшего в результате советской оккупации в отношениях между центром (Тбилиси) и регионом (Сухуми).

5 июля 1921г. Кавбюро принимает решение вести партийную работу «в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономии, входящей в состав Грузии»[1]. 23 июля того же года на совещании ответственных работников Абхазии Н. Лакоба заявил: «Советская Грузия или Абхазия являются независимыми в хозяйственном и экономическом отношении, то в политическом отношении все они подчиняются центру через Российской Компартии (РКП) в лице ЦК Партии Грузии и Кавбюро ЦК РКП, а потому совершенно безразлично с кем бы не федерировалась Абхазия, факт тот, чтобы сохранить идею Советской Власти». Н.Лакоба говорил о необходимости «федерирования Советской Абхазии и Советской Грузии в силу ее этнографических, исторических и бытовых условий»[2], указав при этом на невозможность федерирования с Советской Россией. В резолюции совещания отмечено, что декларация Ревкома Грузии о признании ССР Абхазии (21 мая 1921г.) дает абхазскому народу максимальную гарантию автономных прав, полная независимость практически неосуществима; с учетом этого, совещание выразило надежду на заключение в ближайшем будущем федерального союза с Грузией. Такое же решение приняло очередное совещание ответственных работников 15 октября 1921года, признавшее «необходимым теперь же оформить указанную связь Грузии и Абхазии путем официального договора двух союзных равноправных республик»[3].

21 октября 1921г. Е.Эшба письменно просит Кавбюро срочно решить вопрос об отношении Грузии и Абхазии. 1 ноября Кавбюро образовало Комиссию для выработки проекта договора между двумя республиками, куда вошли представитель России в Грузии Легран (председатель), Ш.Элиава (член правительства Грузии) и председатель Ревкома Абхазии Е.Эшба. 14 ноября 1921г. Е.Эшба вы-

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.118.
[2] Там же, с.475.
[3] Там же, с.481.

двинул предложение о непосредственном вхождении Абхазии в формируемую Закавказскую Федерацию, а не через Грузию[1].

16 ноября 1921г. Кавбюро ЦК Компартии России, приняв во внимание национальный состав населения Абхазии[2] и другие факторы, постановило: « 1. Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии. 2. Предложить товарищу Эшба представить свое окончательное заключение о вхождении Абхазии в состав Федерации Грузии на договорных началах или на началах автономной области- в РСФСР»[3].

Настоящее постановление Кавбюро важно и тем, что в нем определен статус Абхазии по критериям Советской России – автономная область (не государственное образование). Более высокий статус в составе Грузии предоставлялся ей для выполнения роли эффективного рычага, сдерживающего стремление Грузии к независимости.

Для распространения полной юрисдикции Грузии на Абхазию важное значение имело решение Кавбюро от 21 ноября 1921г. о подчинении Абхазской партийной Организации ЦК Компартии Грузии, в состав ЦК КПГ вошел Е.Эшба[4]. 16 декабря Грузия и Абхазия подписали союзный договор[5]. Четвертый пункт договора прямо указывал, что Абхазия стала частью Грузии, через которую она входила «во все краевые объединения, в частности, в Федерацию Закавказских Республик». При этом Грузия предоставляла «ей одну третью часть своих мест»[6].

17 февраля 1922г. I съезд Советов Абхазии одобрил договор с Грузией. Вступление Абхазии в состав Грузии подтвердил и конституционно закрепил I съезд Советов Грузии (25 февраля - 3 марта 1922г.). В принятой на нем Конституции Советской Грузии сказано: «В состав Социалистической Советской Республики Грузии входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджария, Автономная область Южной Осетии и Социалистическая Советская Республика Абхазия, которая объеди-

[1] 14 ноября 1921г. пленум ЦК Компартии Грузии одобрил решение Кавбюро о создании Закавказской Федерации (Очерки истории Коммунистической Партии Грузии, ч. II. Тб.,1983, с.28), но против этой идей выступила группа руководящих работников Грузии во главе с Б.Мдивани, известная под названием «Национал-уклонистов». Е.Эшба, видимо, решил воспользоваться разногласиями в руководстве Грузии. Не исключено, что для оказания давления на «Национал-уклонистов» он получил задание о выдвижении такого предложения.

[2] 29 октября 1921г. Кавбюро запросило из Сухуми данные о национальном составе населения Абхазии. Руководящий партийный орган – организационное бюро РКП в Абхазии направило в Кавбюро следующие статистические данные: грузины – 70114 (38,5%), горцы и абхазы – 45705 (25%), разные азиатские народы – 20196 (11,1%), русские – 18097 (9,9%), другие европейские народы – 13784 (7,6%), армяне – 13038 (7,5%), евреи – 448 (0,3%). См.: Дж.Гамахария. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений, с.124.

[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.481-482.

[4] Там же, с.482.

[5] От имени Грузии договор подписал заместитель председателя Ревкома, министр юстиции С.Кавтарадзе, от имени Абхазии – представитель Абхазии при правительстве Грузии Н.Акиртава и заместитель председателя Совета Народного Хозяйства Грузии С.Картозия (абхазец).

[6] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.483-484.

няется с Социалистической Советской Республикой Грузия на основе особого союзного между этими Республиками договора»[1].

Несмотря на четкую запись в Конституции Грузии, сепаратистская историография продолжает безосновательно твердить, что Абхазия тогда не являлась составной частью Грузинской ССР[2], но не говорит, куда все же входила Абхазия в те годы. Как уже видели, Абхазия непосредственно не входила в Закавказскую Федерацию. Она не упоминается в союзном договоре Закавказских Республик (12 марта 1922г.), а так же в Конституции Закавказской Федерации (13 декабря 1922г.)[3]. Поскольку Абхазия не была даже субъектом Закавказской Федерации она не могла непосредственно участвовать в заключении договора об образовании СССР (30 декабря 1922г.)[4]. Не соответствует действительности утверждение, что под этим документом подписался представитель Абхазии Н.Акиртава[5]. На самом же деле договор об образовании СССР подписали лишь представители Российской Федерации, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации. От имени Закавказской Федерации договор подписали 22 человека, в том числе Н.Лакоба (а не Н. Акиртава)[6].

Фактически и юридически Абхазская ССР являлась автономной Республикой. Под таким статусом упоминается она в постановлении ЦК Компартии Грузии от 27 февраля 1922г. о распределении мест в Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) Грузии. В нем сказано: «Предоставить: Центру – 35, автономным республикам Абхазии, Аджарии… по 3 места»[7]. Партийные и государственные структуры Абхазии стали подотчетными перед соответствующими структурами Грузии[8].

Вскоре начались предварительные обсуждения вопроса об изъятии из Конституции Грузии понятия «договорная республика». По этому поводу секретарь ЦК Компартии Грузии Б.Ломинадзе беседовал с председателем правительства Абхазии Н.Лакоба. 8 мая 1924 г. на III съезде Компартии Грузии Н.Лакоба говорил: «…Когда мы с Серго (Г.Орджоникидзе – авт.) говорили, что мы хотим независимую республику, он сказал: Пусть так будет. Через несколько времени мы пришли и заявляем, что, теперь мы тяготеем к Грузии. «Валяйте» (Давайте – авт.), сказал он: «Это дело доброе». Теперь мне Ломинадзе заявляет, через год мы вычеркнем слово «договорная республика»… Мы просто говорим, что являемся договорной республикой, и я имею смелость заявить, что через два года даже эти слова крестьяне Абхазии вычеркнут». Возражая против объявления абхазов «особой национальностью» и констатируя, что царское правительство

[1] Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972, с.237-238.
[2] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.342.
[3] Образование Союза Советских Социалистических Республик, с.257-259; 349-359.
[4] Там же, с.381-386.
[5] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с.342.
[6] Правда, 1922, 31 декабря.
[7] З.Папаскири. Очерки…. ч. II. с.98.
[8] Там же, с.98-99.

«противопоставляло культурной грузинской национальности абхазскую народность», Н.Лакоба далее заявил: «Если с исторической точки зрения подойти к абхазцам, конечно, никакой роли в истории человечества Абхазия сыграть не могла, хотя бы потому, что этот народ… не имеет ни своей истории, ни своей письменности, ни своей литературы». В своем докладе Н.Лакоба говорил о «тяготении Абхазии к Грузии» и желании «абхазцев приобщить себя к культуре трудящихся масс Грузии»[1].

Автономной Республикой считал Абхазию Г.Орджоникидзе, санкционировавший провозглашение ССР Абхазии. 21 декабря 1923г. на II съезде Советов Абхазии он говорил: «Абхазцы должны знать, что Абхазия автономная республика и равноправная среди нашего Союза»[2]. Об этом по сегодняшний день ничего «не знает» только сепаратистская историография. 5 сентября 1924г. Г.Орджоникидзе, выступая на заседании Тбилисского Городского Совета, Абхазию назвал автономной республикой. А на пленуме ЦК Всесоюзной Компартии (октябрь 1924г.) он заявил: «Наши автономные республики и области (Аджария, Абхазия, Южная Осетия) и районы негрузинского населения не воспользовались восстанием (против советской власти в 1924г.- авт.) в сепаратистских целях»[3]. Таким был настоящий статус (автономия) Абхазии. И это подтверждается не только приведенными фактами, но и первым основным законом СССР-Конституцией, действовавшей в 1924-1936 годах и в которой черным по белому написано: «Автономные Республики Аджария и Абхазия и автономная область Юго-Осетия, Нагорный Карабах и Нахичеванская посылают в Совет Национальностей (палата Верховного Совета СССР- авт.) по 1 представителю»[4]. Получается, что «независимая» Абхазия в Парламенте СССР была представлена наравне с автономными областями[5]. О реальном статусе, зафиксированном в первой Конституции СССР, хранит полное молчание современная сепаратистская историография.

1 апреля 1925г. III съезд Советов Абхазии без всякого обсуждения утвердил Конституцию, фактически повторившую основные положения Конституции Грузии 1922 года. Ее четвертый пункт провозглашал: «ССР Абхазия, объединившись на основе особого союзного договора с ССР Грузией, через нее входит в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику и в составе последней – в Союз Советских Социалистических Республик». Этому

---

[1] Л.Тоидзе. К вопросу о политическом статусе Абхазии, с.20-21. Автор указывает первоисточник: Архив политических партий (Тбилиси), фонд 14, опись 2, дело 1. листы 230-235.

[2] Съезд Советов Абхазии. Сборник документов и материалов. 1922-1923. Сухуми, 1959. С.153; З.Папаскири. Очерки…, ч. II, с.99.

[3] Сакартвелос Республика, 1991, 19 февраля (публикация протокола пленума с предисловием президента З.Гамсахурдия).

[4] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.489.

[5] По Конституции 1924г. (IV.15), автономные Республики России посылали в Совет Национальностей Верховного Совета СССР по 5 представителей (то есть в 5 раз больше, чем «независимая» Абхазия), а автономные области по 1 (как и Абхазия).

противоречил пятый пункт, согласно которому, Абхазия являлась суверенным государством, осуществляющим «государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти. Суверенитет ССР Абхазии, в виду добровольного ее вхождения в ЗСФСР и Союз ССР, -ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в Конституциях этих Союзов… ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза СССР». 44-й пункт Конституции определял состав Совета Народных Комиссаров (правительства). Он состоял из следующих Народных Комиссаров: Внутренних дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Земледелия и Социального обеспечения. Остальные сферы государственного управления находились в ведении Грузии, Закавказья и СССР[1].

Приведенные пункты Конституции Абхазии 1925 года противоречили Конституциям ГССР, ЗСФСР и СССР. Они противоречили и друг другу. Действительно, если Абхазия объединена с Грузией, то, как она могла быть суверенной республикой; если Абхазия только через Грузию входила в ЗСФСР, а через последнюю – в СССР, то каким образом могла выйти свободно из ЗСФСР и СССР, субъектами которых сама не являлась; если в ведении правительства Абхазии не находились важнейшие сферы государственного управления (Высший совет народного хозяйства, финансы, рабоче-крестьянская инспекция, труд, внутренняя торговля, чрезвычайная комиссия, иностранные дела, оборона, внешняя торговля, пути сообщения, почта, телеграф), то как она осуществляла государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти? Имея ввиду эти противоречия и другие погрешности (объявление государственным языком только русского языка и т. д.), Н.Лакоба назвал принятие Конституции 1925г. «конституционной глупостью»[2], а саму Конституцию – написанную «глупейшим образом»[3].

Конституция Абхазии 1925г. не публиковалась[4], соответственно, не вступала в силу. Более того, в «Бюллетени III Всеабхазского съезда советов», изданной Центральным Исполнительным Комитетом Абхазии, сказано: «Съезд решил доработать представленный съезду проект, согласовав его с Конституциями Грузинской ССР и ЗСФСР»[5]. Таким образом, ЦИК Абхазии Конституцию 1925г., которая нигде не обсуждалась и не публиковалась, признал только проектом. Об этом факте умалчивает сепаратистская историография.

Закавказский Краевой Комитет Всесоюзной Компартии (Заккрайком), ЦК Компартии Грузии, Абхазский областной Комитет Компартии Грузии неодно-

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.489-491.
[2] Н.Лакоба. Статьи и речи. Сухуми, 1987, с.176-178.
[3] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.491.
[4] Опубликован впервые как исторический документ в 1964 году. См.: Съезды Советов союзных и автономных республик Закавказья. Сборник документов (1923-1937годы), т.6. М., 1964, с.686-700.
[5] Съезды Советов,.., т.6, с.673. В качестве источника указан: «Бюллетень III Всеабхазского съезда Советов. Издание АБЦИК, с.10-11.

кратно рассматривали вопрос о Конституции Абхазии. Так, 6 сентября 1925г. Заккрайком, заслушав и утвердив предложение Комиссии Закавказского ЦИК-а, постановил:

Признать необходимым оформить в конституционном порядке взаимоотношения между ССР Абхазии и ССР Грузией и пересмотреть Конституцию Абхазии, принятую на III съезде Советов Абхазии.

1. Предложить областному Комитету партии и Совету Народных Комиссаров Абхазии, в целях урегулирования национального вопроса, разработать на основе существующих директив Закавказского ЦИК-а и грузинского ЦИК-а проект о применении языков и представить ЦК Компартии Грузии.

2. При выборах советских и профессиональных органов принимать во внимание национальный состав данного района и уезда[1].

6 и 31 июля 1925 г. вопрос о Конституции Абхазии рассматривался в ЦК Компартии Грузии[2]. 11 сентября того же года Президиум Абхазского областного Комитета Компартии Грузии предложил правительству и ЦИК-у Абхазии пересмотреть Конституцию Абхазии по вопросу о взаимоотношениях Грузии с Абхазией и представить новый проект Конституции на утверждение областного комитета партии. Конституционная комиссия во главе с Н.Лакоба подготовила проект изменений в Конституцию Абхазии. 27 октября 1925г. его утвердил секретариат ЦК Компартии Грузии, поручив ЦИК-у Абхазии проект «Провести в Советском порядке», то есть утвердить на сессии ЦИК и съезде Советов Абхазии. По новому проекту, ССР Абхазия осуществляла «государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо, поскольку власть эта неограничена договорными отношениями с ССР Грузии и Конституциями ЗСФСР и Союза ССР». Государственными языками объявлялись три языка: абхазский, грузинский, русский[3].

Эти и другие изменения нашли отражение в Конституции Абхазии 1926г. Ее принятию предшествовала выездная III сессия ЦИК Грузии в Сухуми (11-16 июня 1926г.), утвердившая изменения в Конституции Грузии. С отчетом правительства Грузии выступил Ш.Элиава. Осудив «шовинизм» меньшевиков, он остановился на «достижениях» национальной политики большевиков[4].

С отчетом правительства Абхазии на III сессии ЦИК Грузии выступил Н.Лакоба. Он больше говорил о защите в Абхазии интересов других национальностей, о союзе с Грузией. «Мы называемся Абхазской Республикой,- заявил Н.Лакоба,- Абхазскую Республику кое-кто понимает в том смысле, что Абхазская Республика – это значит Республика для абхазцев. Такое положение вещей не соответствует действительному положению дела в Абхазии и вот по-

[1] Л.Тоидзе. К вопросу о политическом статусе Абхазии, с.25.
[2] История Абхазской АССР. Сухуми, 1983, с.197.
[3] Л.Тоидзе. К вопросу о политическом статусе Абхазии, с.25.
[4] Комунисти, 1926, 13 июня (на груз. яз.).

чему. Хотя мы и называемся Абхазией, но в Абхазии мы имеем дело не только с абхазцами. Здесь основными народами, по их численному весу, являются следующие: абхазцы, грузины, армяне и греки…

Нужно, чтобы они чувствовали себя в Абхазии на положении равных с равными, на положении равноправных с абхазами и грузинами». Докладчик заострил внимание на политических противников, строящих свою тактику «вот на чем: Абхазия захочет – уйдет от Грузии, захочет – останется с Грузией…

Имеет ли это под собой почву? Для того, чтоб на этот счет не было никаких недоразумений, надо со всей решительностью заявить, что Абхазия от Грузии уйти не может, не собирается и этого не хочет. От Советской Грузии Советская Абхазия не собирается уйти, но вместе с Советской Грузией, в составе Советской Грузии Абхазия пойдет, если даже угодно на тот свет».[1]

На сессии ЦИК Грузии в Сухуми 14 июня выступил первый секретарь Закавказского краевого Комитета Партии М.Орахелашвили. Он так же осудил меньшевиков, «угнетавших» Абхазию, и заявил: «Абхазская Республика преимущественно, если так можно выразиться, имеет производственный характер. Она призвана создать, выпрямить во весь рост культуру трудящихся Абхазии» (то есть установить фактическое равноправие между национальностями, как проповедовала тогда Компартия[2]). М.Орахелашвили критиковал противников создания ССР Абхазии, а так же и тех, которые примирились с фактом образования такой республики, но требовали обеспечения господствующего положения для грузинского большинства[3]. Нахождение абхазов в меньшинстве, заявил М.Орахелашвили, не имеет решающего значения. «Если мы хотели в Абхазии иметь второе издание Грузинской Республики, - говорил он, - это было бы смешно. Мы дубликата Грузинской Республики не создавали, не думаем создавать.… Поэтому Абхазская Республика является органической составной частью единой Грузинской Республики, но в пределах этого единого целого представляет собой самостоятельный государственный организм, который имеет свои самостоятельные культурные и экономические задания. Поэтому, разумеется, мы не можем ставить вопрос так, что… вся власть первенства, все преимущества политической власти должна принадлежать грузинской части населения»[4]. Подобная большевистская политика в Абхазии, построенная на неравноправии (в Абхазии грузины требовали не «господства», а равноправия) живущих здесь народов, привела к еще большему обострению грузино-абхазских взаимоотношений.

[1] Комунисти, 1926, 15 июня (на груз. яз.); Трудовая Абхазия, 1926, 19 июня.

[2] И.Сталин. Сочинения, т.5.М., 1953, с.24, 35-36, 38, 188-189 и т.д.

[3] По данным переписи населения 1926 года все население Абхазии составило 212 тыс. человек, в том числе грузины – 68 тыс., абхазы – 55,9 тыс., армяне – 34,7 тыс., русские – 20,4 тыс., греки – 27 тыс., другие – 6 тыс. (А.Лежава. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е годы XX в.). Сухуми, 1989, с. 26.

[4] Комунисти, 1926, 16 июня (на груз. яз.); Трудовая Абхазия, 1926, 16 июня.

В выступлениях Ш.Элиава, Н.Лакоба и М.Орахелашвили строго были выдержаны основные требования так называемой национальной политики Компартии 20-30-х годов XX века о необходимости борьбы с великодержавным шовинизмом и мелкобуржуазным национализмом[1]. В соответствии с этой фарисейской политикой, грузинские большевики, как представители «большой» (по сравнению с абхазами) нации, обязаны были осудить «грузинский шовинизм» и защитить абхазов[2]; а абхазские большевики, как представители «малой» нации, должны были бороться с националистическими тенденциями в Абхазии и говорить о необходимости союза с Грузией. Так и поступили основные докладчики на III сессии ЦИК Грузии, проведенной в Сухуми, но подобными фарисейскими выступлениями реальные проблемы, разумеется, не решаются.

III сессия ЦИК Грузии приняла дополнение к Конституции Грузии; ее новая 5 глава «О договорной Социалистической Республике Абхазия» определяла взаимоотношения между Грузией и Абхазией[3]. В качестве второй главы она целиком вошла в Конституцию Абхазии, принятую 27 октября 1926г. на III сессии ЦИК Абхазии и окончательно утвержденную IV съездом Советов Абхазии (5-10 марта 1927г.). В Конституции Абхазии дважды зафиксировано (п. 2.и 17), что ССР Абхазии «в силу особого договора входит в Социалистическую Советскую Республику Грузию и через нее в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику». Государственными языками объявлялись грузинский, абхазский и русский (п.8). Полномочия между Тбилиси и Сухуми разграничивал пункт 21-й. По Конституции 1926 года (как и по Конституции 1925г.), Совет Народных Комиссаров Абхазии включал комиссариаты Внутренних дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Земледелия и Социального обеспечения, действовавшие независимо от соответствующих комиссариатов Грузии. Высший Совет Народного Хозяйства Абхазии находился в двойном подчинении – Правительства Абхазии и Высшего Совета Народного Хозяйства Грузии. В состав Правительства Абхазии входили так же подчиненные непосредственно Тбилиси уполномоченные Народных Комиссариатов финансов, труда и рабоче-крестьянской инспекции, которые только отчитывались о своей деятельности перед ЦИК и Правительством Абхазии[4].

Кодексы, декреты и постановления ЦИК Грузии с распространением их действия на всю свою территорию имели обязательную силу и на территории

---

[1] И.Сталин. Сочинения, т.5.М., 1953, с.27-28, 40, 187-190 и т.д.

[2] В марте 1923г. И.Сталин, проявлявший особую строгость в отношении грузинского народа, писал о мифическом «грузинском шовинизме», направленном против армян, осетин и абхазов (И.Сталин. Сочинение, т.5, с.189). Несмотря на всю лживость этого заявления, грузинские большевики обязаны были «бороться» против вымышленного шовинизма.

[3] Сборник конституционных актов Грузинской ССР, с.117-120 (на груз. яз.).

[4] По договору между Грузией и Абхазией от 16 декабря 1921г. определялись только объединенные комиссариаты: военный, финансовый, народного хозяйства, почт и телеграфов, чрезвычайная комиссия, рабоче-крестьянская инспекция, юстиции, морского транспорта. Иностранные дела передавались Грузии. Железные дороги и внешняя торговля формируемой тогда Закавказской федерации.

Абхазии (пункт 22). Съезду Советов Грузии и ЦИК-у Грузии принадлежали право отмены постановлений съезда Советов, ЦИК и Правительства Абхазии, противоречащих положениям Главы II настоящей Конституции (пункт 24). Бюджет Абхазии являлся составной частью бюджета Грузии (пункт 25 и 92). Абхазия до 1937 года имела собственный флаг и герб [1].

Таким образом, Конституции Грузии и Абхазии 1926 года ясно и четко зафиксировали вхождение ССР Абхазии в состав ССР Грузии[2]. С их принятием была сделана попытка упорядочения и конкретизации правовых отношений между Тбилиси и Сухуми. Если не примем во внимание формальный характер советских конституций, все же можно сказать, что Конституция 1926г. довольно четко разграничивала полномочия между центром и регионом. Но в условиях строжайшей централизации власти по ее главной и ведущей ветви – партийной, эти разграничения имели лишь условный характер. Любые постановления ЦК Компартии Грузии были обязательны для абхазской областной партийной организации, для правительства Абхазии. Кроме того, для Абхазии были обязательны все решения государственных и партийных органов Закавказья и СССР. Шесть народных Комиссариатов, действовавших независимо от Тбилиси, полностью зависели от соответствующих народных комиссариатов Закавказья и СССР. То есть, в исключительном ведении ССР Абхазии реально не оставалась ни одна сфера государственного управления в то время, как до советизации автономная Абхазия в составе Грузинской Демократической Республики, как было показано выше, исключительно ведало вопросами народного образования, культуры, здравоохранения, общественной безопасности и т. д.

Возникает естественный вопрос: с какой целью было санкционировано провозглашение Абхазии Советской Социалистической Республикой в то время, когда, по советским критериям, она отвечала требованиям лишь автономной области? По официальной версии, зафиксированной в материалах местных партийных и советских органов, выступлениях руководящих деятелей временное и формальное объявление Абхазии самостоятельной республикой преследовало целью укрепление идей советской власти в Абхазии, а так же искоренение национальной розни, якобы посеянной меньшевиками между грузинами и абхазами. Надо прямо сказать, что объявление Абхазии Советской Социалистической Республикой действительно привело к укреплению непопулярной раньше среди абхазов идей советской власти. Отныне защита большевистского режима в Абхазии отождествлялась с защитой самостоятельности Абхазии. Этот фактор работает поныне. Сепаратистская историография продолжает восхвалять один из самых бесчеловечных режимов в истории человечества – советскую власть,

[1] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.497-502, 508.

[2] Утверждение Б.Сагария о том, что Конституции 1926 г. закрепили «равноправные федеративные государственно-правовые взаимоотношения» Грузии и Абхазии (Единение, 1990, №3), далеки от действительности.

которая «освободила» Абхазию, предоставив ей более «высокий» статус, чем это сделала Грузинская Демократическая Республика[1]. На самом же деле советская власть никому не предоставляла настоящую независимость. Наоборот, она свергала действительно независимые государства, насильно присоединяя их к советской империи.

Временная «независимость» Абхазии вынуждала Грузию быть более сговорчивой и «благоразумной», чтобы окончательно не потерять «только временно» отторгнутую территорию, а абхазцев заставляла завоевывать право на ту же формальную и временную «независимость» еще большей преданностью и верностью к советской власти, советской империи, большевистскому режиму.

Объявление «независимости» Абхазии объясняется и внешнеполитическими захватническими целями советской власти. Советская Россия, выступавшая за «мировую пролетарскую революцию», обращала тогда свои взоры на этнический пестрый Восток и на примере Абхазии хотела показать всем народам, как она «заботиться» о малочисленных национальностях. В резолюции совещания в Кавбюро ЦК РКП секретарей парторганизаций, представителей профсоюзов Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской Республики и Абхазии об этом сказано: «Независимость советских республик Кавказа является для нас фактом борьбы в международном отношении, фактом борьбы с национальной ограниченностью и отсталостью»[2].

Что касается искоренения национальной розни между грузинами и абхазами, реально такую цель советский режим не ставил. Наоборот, после провозглашения ССР Абхазии национальная рознь, посеянная самодержавным режимом на рубеже XIX и XX веков (а не меньшевиками Грузии) еще больше углубилась, о чем грузинская газета «Социалист-Федералисти» в июне-июле 1921г. опубликовала несколько острых писем[3]. В «независимой» Абхазии, как и во времена самодержавия, усилилась антигрузинская пропаганда, преследование и притеснение грузин. В связи с этим грузинское население Абхазии открыто выражало свое недовольство. Возвысила голос и передовая грузинская общественность. 26 июля 1921г. Вахтанг Котетишвили с возмущением писал о том, как запрещали в «независимой» Абхазии, в «вотчине Эшба-Лакоба» все грузинское, как притеснялось большинство населения. Подобная политика, по его мнению, никак не способствовала национальному возрождению абхазов, наоборот, шел процесс русификации региона. В. Котетишвили призвал Ревком Грузии положить конец антигрузинской политике, отменить принятую где-то в

[1] Сепаратистам не нравятся лишь отдельные представители советского режима, особенно лица грузинской национальности (И.Сталин, Л.Берия и т. д.), обвиняя их во всех грехах (см. об этом подробно: З.Папаскири. Очерки…, II, с.120-131).
[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии, с.121.
[3] Там же, с.474-480.

кабинетах декларацию о «независимости» Абхазии и восстановить территориальную целостность Грузии[1].

Целенаправленная политика притеснения грузин выразилась и в преследовании Цхум-Абхазской епархии, духовенства во главе с митрополитом Амвросием (Хелая). Советская власть с первых же дней своего существования передала Сухумский кафедральный собор русскому духовенству, еще непризнававшему автокефалию Грузинской Церкви; конфисковали архиерейский дом и дома церковнослужителей, лишив жилища самого митрополита и священников; разрушили архиерейскую церковь, уничтожили значительную часть епархиального архива. «Все это произошло в первый же месяц после прихода нового (Советского - авт.) правительства»[2], - говорил Святой Исповедник Амвросий (Хелая).

Противостояние на национальной почве все больше и больше углублялось, принимая опасные масштабы. На пленуме ЦК Компартии Грузии 1 июня 1926 г., заслушавшем доклад Абхазского областного комитета, приводились факты притеснения грузин в Абхазии; говорилось о том, что неравноправное положение национальностей, не всегда оправданные привилегии для абхазов (освобождение от воинской службы, первоочередное наделение землей, преимущества при выдвижении на руководящие должности и т.д.) вызвали насильственную ассимиляцию (обабхазивание) части населения[3]. Серьезность положения признал Н.Лакоба, выступая на вышеупомянутой III сессии ЦИК Грузии, проведенной в Сухуми в июне 1926 г.. По его словам, грузины, армяне и греки не соглашаются с тем, чтобы все управление Абхазии находилось в руках абхазов[4].

Создается впечатление, что «независимость» Абхазии была придумана для обострения межнациональной розни, постепенного отделения Абхазии от Грузии, что подтверждается политикой большевиков еще до советизации Грузии, когда они призывали абхазов присоединиться к России; подтверждается так же вышеупомянутым докладом П.Сытина, содержащем план расчленения Грузии. «Независимость» Абхазии являлась первым шагом на пути реализации этих призывов и планов, переходной формой политического устройства, когда русские советские оккупационные власти формально зафиксировали Абхазию вне юрисдикции Грузии и оставили открытым вопрос о ее дальнейшей судьбе (присоединиться опять к Грузии или России)[5].

---

[1] Там же, с.478-480.

[2] Святой Исповедник Амвросий и Абхазия, с. 351.

[3] Дж.Гамахария, Б.Догия. Абхазия - историческая область Грузии, с.122.

[4] Трудовая Абхазия, 1926, 19 июня. Из всех 14 высших руководителей центральных органов власти в 1927 году было 9 абхазов, 3 грузина, 1 армянин, 1 русский, 1 грек. К 1929 году картина несколько изменилась: 7 абхазов, 5 грузин, 1 русский, 1 грек (Дж.Гамахария, Б.Догия. Абхазия - историческая область Грузии, с.801.).

[5] Приблизительно в аналогичной ситуации оказался Нахичеван, которого не могли поделить Азербайджан и Армения. В июле 1920 г. была провозглашена Нахичеванская ССР. В 1923 году она вошла в состав Азербайджана со статусом автономной области, с 1924 г. - автономная республика.

План отделения Абхазии от Грузии сорвала грузинская общественность. Во избежание излишних осложнений, И.Сталин и Г.Орджоникидзе, видимо, воздержались от совершения очередного преступления против собственного народа, но они разыграли абхазскую карту против Грузии, пытаясь вынудить ее отказаться от независимости и смириться с советской системой ради сохранения Абхазии.

По мере укрепления Советской власти в Грузии, когда будто бы миновала опасность восстановления ее независимости, сдерживающая роль ССР Абхазии исчерпала себя. Кроме того, в 20-30-х годах XX века по всей империи шел процесс реорганизации автономных образований. Более многочисленные нации, чем абхазы, получали или сохраняли статус автономных областей, в лучшем случае, автономных республик. По первой Конституции СССР, как уже было сказано, и Абхазия являлась автономной республикой. Тем самым конституции Грузии и Абхазии, провозглашавшие Абхазию Советской Социалистической Республикой, находились в явном противоречии с вышестоящим основным законом – Конституцией СССР. В таком случае, как известно, действует вышестоящий закон. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что договор между Грузией и Абхазией от 16 декабря 1921 г. к концу 20-х годов уже не соответствовал реальным отношениям, регулируемым конституциями.

В этих условиях вполне закономерно произошло приведение политико-правового статуса Абхазии в соответствие с Конституцией СССР. О предстоящих конституционных изменениях Н.Лакоба 4 июля 1929 г. предварительно докладывал IV съезду компартии Грузии. «Я хочу со всей определенностью заявить, - сказал он, - что вопрос о взаимоотношениях Абхазии с Грузией решен давным-давно. Конституционные взаимоотношения Абхазии и Грузии сформированы таким образом, что Абхазии самой кое-что придется исправлять в своей Конституции; разговор же о том, что Абхазия недовольна Грузией, является сплошным вздором»[1]. По словам Н.Лакоба, давно обеспечено политическое равноправие трудящихся Грузии и Абхазии, а для устранения доставшегося нам по наследству экономического и культурного неравенства, Грузия принимает все необходимые меры. А это означало, что ССР Абхазия свою миссию выполнила. 17 апреля 1930 г. III сессия ЦИК Абхазии пятого созыва обсудила вопрос о пересмотре договорных отношений с Грузией. В справке правительства Абхазии, подготовленной для сессии ЦИК, говорилось: «В связи с тем, что договор от 16 декабря 1921 года потерял реальное значение и, следовательно, его можно рассматривать лишь как соглашение об объединении ССР Абхазии с ССР Грузией, а действительные взаимоотношения этих республик были точно определены в их конституциях – необходимо признать, что наименование

[1] Л.Тоидзе. К вопросу о политическом статусе Абхазии, с. 26.

договорной ССР Абхазии не имеет реального содержания»[1]. Действительно, определенные договором отдельные полномочия Грузии или Абхазии перешли в ведение СССР, а так же Закавказской Федерации (оборона, почта и телеграф, морской транспорт, иностранные дела, железные дороги и т.д.). Конституции Грузии и Абхазии совершенно по другому разграничивали полномочия, чем договор от 16 декабря 1921 г. Поэтому и потерял он реальное содержание. С учетом этого и указанных выше других обстоятельств, сессия ЦИК Абхазии изъяла из Конституции понятие «договорная Республика», заменив его понятием «автономная республика». При этом следует подчеркнуть, что полномочия Абхазии, определенные ее Конституцией 1926 г. (а так же непубликовавшейся Конституцией 1925 г.) не пересматривались.

В Конституцию Абхазии вошло еще одно изменение – произошло слияние Центрального Исполнительного Комитета (законодательного органа в период между съездами Советов) и Совета Народных Комиссаров (правительство). Объединенный орган назывался Центральным Исполнительным Комитетом. Все эти изменения 11 февраля 1931 г. утвердил VI съезд Советов Абхазии, под председательством Багапша[2]. Отныне договор от 16 декабря 1921 г. потерял силу. Выступивший на съезде Н.Лакоба заявил: «Вопрос о взаимоотношениях между трудящимися Грузии и Абхазии разрешен полностью… Мы можем вполне открыто заявить, что вопрос о взаимоотношениях между трудящимися Абхазии и Грузии, как особый вопрос, считается совершенно снятым с повестки дня». Он подверг критике Абхазский институт языка, литературы и истории, который, по мнению Н.Лакоба, без учета возможностей абхазского языка пытался «переводить непереводимое», а так же «доказать, что абхазская литература существовала еще до Адама. Не было ее в истории и поставьте точку»[3]. Такова была официальная позиция Н.Лакоба.

14 февраля 1931г. VI съезд Советов Грузии, заслушав доклад секретаря ЦИК Грузии и Закавказской Федерации С.Тодрия об изменениях в Конституцию Грузии, подтвердил решения VI съезда Советов Абхазии[4]. Отныне Абхазия не только по Конституции СССР, но и по Конституциям Грузии и Абхазии, являлась автономной республикой.

Касаясь вопроса о статусе Абхазии в 20-х годах XX века, С.Червонная писала: «Суть же дела заключалась в том, что как бы не менялись названия, какими бы словами не играли конституции и декларации, единогласно принимаемые очередными съездами Страны Советов (кстати, слово «автономия», если вдуматься в его смысл, гораздо привлекательнее какого-то невразумительного «договорная»),- за декоративной вывеской всех этих «договоров», «автономии»,

[1] Там же, с. 27.
[2] Дж.Гамахария, Б.Гогия. Абхазия - историческая область Грузии с. 125, 503-504.
[3] Там же, с. 503.
[4] Комунисти, 1931, 20 февраля (на груз. яз.); Съезды Советов… т.6, с.557-561.

«союзов» и декларируемых гражданских прав обнаруживалось полное бесправие и жестокое порабощение личности, этноса, гражданского сообщества, населения любой республики, будь оно союзная или автономная, федеративная или «договорная», в общей системе тоталитарного режима»[1]. Совершенно справедливое заключение.

По утверждению сепаратистской историографии, решения VI съезда Советов Абхазии и Грузии вызвали недовольство населения и привели к массовым выступлениям в Гудаутском районе, за которым якобы стоял сам Н.Лакоба[2], слова и дела которого, действительно, расходились между собой. Житель Абхазии, современник этих событий некий С. Данилов в своей тенденциозной антигрузинской статье, опубликованной в Мюнхене (1951 год), массовые выступления абхазов связывает не с конституционными изменениями 1931 года, а с процессом насильственной коллективизации. Благодаря этим выступлениям, методы коллективизации в автономной республике несколько изменились. Как свидетельствует С.Данилов, «кулаков, как таковых, не оказалось вовсе, никого не раскулачивали и не ссылали, верховых лошадей не обобществляли»[3]. Смягчение политики коллективизации в Абхазии (подобная политика проводилась и в других экономически и культурно отсталых регионах с неразвитым частным сектором) не служит основанием для утверждения, что И.Сталин якобы давал понять, что он откажется от проведения коллективизации в Абхазии, если она в качестве автономной республики войдет в состав Грузии[4]. В начале 30-х годов вряд ли И.Сталин нуждался в политическом торге с Н.Лакоба для решения формального вопроса. Далеко от истины еще одно утверждение сепаратистской историографии об ущемлении 1931 году «Суверенных прав Абхазии»[5]. Ни в договоре 1921г., ни в действующей тогда Конституции 1926г. ни слово не говорилось о «суверенитете» Абхазии, входившей в состав СССР через Закавказскую Федерацию, а в Закавказье – через Грузию; представленной в Верховном Совете СССР на уровне негосударственных образований - автономных областей. Сепаратисты закрывают глаза на тот факт, что в 1931 году произошло лишь переименование Абхазии, приведение Конституций Грузии и Абхазии в соответствие с действующей в 1924-1936 годах Конституцией СССР.

Изменения в Конституциях Грузии и Абхазии отражали политику государственного устройства, проводимой советским режимом в 30-х годах XX века. В частности, происходил процесс централизации власти, унитаризации СССР, унификации законодательства (включая Конституций) союзных и автономных республик. Он не мог допустить исключения для Абхазии. Этот процесс по-

[1] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 347.
[2] Подробно об этом см.: З.Папаскири. Очерки..., ч. II, с.110-113, 117, 121-123; Дж.Анчабадзе. Из истории грузино-абхазских взаимоотношений. Тб., 2005, с.76.
[3] Материалы по истории Абхазии, выпуск I. Сухуми, 1990, с.12.
[4] О.Бгажба, С.Лакоба. История Абхазии, с. 343.
[5] Там же, с.344.

требовал разработку и принятие новой редакции Конституции Абхазии. VII съезд Советов Абхазии (2-7 января 1935г.) 7 января 1935г. утвердил ее[1]. Новая редакция Конституции определила правовое положение Абхазии в новых условиях строжайшей централизации власти. Если Конституция 1926 года хотя бы формально разграничивала полномочия между Сухуми и Тбилиси, то ее новая редакция зафиксировала полную централизацию управления – все народные комиссариаты автономной республики обязаны были осуществлять «в своей деятельности директивы и задания соответствующих народных комиссариатов» Грузии (пункт 42). Аналогичные изменения, утвержденные VII съездом советов Грузии (10-14 января 1935г.), вошли и в Конституцию Грузии (пункт 78)[2].

VII съезд Советов Абхазии, по докладу председателя ЦИК Н.Лакоба, принял резолюцию, в которой отмечалось, что конституционная норма о трех государственных языках в реальной жизни не выполняется[3]. Съезд потребовал перевода делопроизводства в селах на родной язык[4].

Процесс унитаризации СССР и формирования тоталитарной политической системы в основном завершился принятием на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов (5 декабря 1936г.) «Сталинской Конституции», якобы ознаменовавшей построение основ социализма. Была упразднена Закавказская Федерация (1936г.) и Грузия непосредственно вошла в состав СССР. На основе Конституции СССР чрезвычайный VIII съезд Советов Грузии (15 ноября 1936г.,10-13 февраля 1937г.) 13 февраля 1937г. принял новую Конституцию ГССР.[5] Она стала основой Конституции Абхазии; 2 августа 1937г. ее утвердил VIII чрезвычайный съезд Советов Абхазии (12-13 ноября 1936г., 30июля – 2 августа 1937г.), заслушавший доклад председателя ЦИК А.Агрба[6]. В исключительном ведении Грузии, тем более Абхазии уже не оставалась ни одна сфера государственной жизни. Из новой Конституции Абхазии исчезли даже статьи о собственной символике - гербе и знамени.

По Конституциям 1937 года и без того слабая государственность советской Грузии и советской Абхазии (как и других союзных и автономных республик СССР) практически потеряла реальное содержание. Союзные и автономные республики стали бесправными придатками строго централизованного тоталитарного государства.

---

[1] Съезды Советов…, т.6, с.766-787.

[2] Всегрузинский VII съезд Советов (стенографический отчет). Тб.,1935, с.284.

[3] В докладе Н.Лакоба отметил, что делопроизводство перешло на родной (грузинский) язык только в Гальском районе (Советская Абхазия, 1935, 16 января).

[4] Советская Абхазия, 1935, 14 января; Съезды Советов…, т.6, с.764-765.

[5] Статус автономных регионов Абхазии и Юго-Осетии в составе Грузии, с.337-343.

[6] Там же, с.343-348; Советская Абхазия, 1937, 4 августа.

Глава XIX. Абхазия в эпоху советского социализма. 1938-1990годы

На основе Конституции 1937г., определившей политическую и социально – экономическую систему автономной республики, началось формирование органов власти и управления. 12 июня 1938г. состоялись выборы Верховного Совета. Первая сессия высшего представительного органа 12-14 июля 1938г. выбрала новый состав Президиума Верховного Совета (председатель - М. Делба, заместитель - И. Зарандия) и Совета Народных Комиссаров Абхазии (председатель - А. Рапава, заместитель –И. Тания)[1].

Генезис советского социалистического строя и строительство основ социализма происходили в рамках общеимперской закономерности и региональной проекции общесоюзных генеральных направлений (индустриализация, коллективизация, культурная революция, формирование новой социалистической управленческой и распределительной системы, создание интеллектуальной элиты коммунистической ориентации).

Завершение строительства основ социализма в Абхазии и объявление о переходе на новый этап развития, как и во всем Советском Союзе, носили доктринальный характер. В то же время, нужно отметить, что новая политика опиралась и на вполне объективные основы. К ним относятся: создание основ промышленной индустрии и тотальная аграрная реформа, радикальное изменение социальной структуры Абхазии (удельный вес слоев, считавшихся опорой социализма, составлял больше 80%, в том числе рабочих - 21%, крестьян - 60-61%), формирование новой социалистической интеллигенции и культурно-просветительской сети. Значительные изменения произошли и в общественной психологии населения. На жизненную арену вышло воспитанное в 20-х-30-х годах поколение, для которой досоциалистический период (в том числе позитивная практика в 1918-1921 годов в Грузинской Демократической Республике) Абхазии был уже собственностью истории. Поэтому объективная возможность прогрессивно-консервативного антисоциалистического движения практически исключалась.

Социалистический режим в Абхазии вступил в фазу политической стабилизации. Именно в этот период над регионом прокатилась волна массового государственного террора и политических репрессий, унесшая жизни сотни граждан абхазской, грузинской и других национальностей. Жертвами необоснованных репрессий стала значительная часть научной и творческой интеллигенции. По официальным данным, с июля 1937г. по октябрь 1938г. репрессированы 2186 человек, из них 794 – расстреляны[2]. Особенно широкий резонанс полу-

[1] Советская Абхазия, 1938,14-16 июля.
[2] История Абхазии, Сухуми, 1991,с.348.

чили процессы по делам «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» и «О контрреволюционной, диверсионно – вредительской, шпионской и троцкистско-террористической организации в Абхазии». Еще раньше, в 1936г. жертвами политических репрессий стали ветераны коммунистического движения и известные идеологи сепаратистского социализма Н. Лакоба и Н. Акиртава.

Политические репрессии в Абхазии являлись частью общего процесса, происходившего в СССР и Грузии государственного террора. Эту общую трагедию инкорпорированным в советскую империю всем без исключения народам принесли коммунистическая система, основанная на большевистско-радикальных марксистско-ленинских идеологических принципах, и репрессивные институты тоталитарного государства. Это была универсальная стратегия блокирования развития общества, в том числе культуры отдельных этносов путем политического диктата, государственного террора и санкционированного насилия. В этом процессе абхазский этнос испытал такой же репрессивный нажим, какой более в широком масштабе испытал грузинский народ, другие народы, входящие в СССР.

Поэтому в рамках проблематики политических репрессий второй половины 30-х годов подчеркивание «предоставления льгот» отдельным народам так же беспочвенно, как и теоретическое конструирование версий об особых нарушениях прав абхазского народа или о специфической антиабхазской направленности репрессий, как этого пытается доказывать абхазская историография. Репрессии нанесли огромный вред и «родине Сталина» путем физического истребления и переселения в Сибирь части населения, ликвидации грузинской аристократии и интеллектуальной элиты.

Абхазия являлась органической частью тоталитарной государственной структуры и командно-административной системы Грузии и всего СССР, ее региональным вариантом. Поэтому политическое, социально-экономическое и культурное развитие автономной республики происходило в рамках универсального процесса утверждения тоталитарной идеологии СССР, укрепления коммунистической диктатуры, в условиях отсутствия демократии и механизмов защиты прав человека, социалистического культурного строительства («по форме национальной, по содержанию социалистической»).

Помимо универсальной линии развития, со второй половины 40-х годов в Абхазской Автономной Республике, появляется параллельная тенденция, оказавшая существенное воздействие на общественно – политическое развитие региона и в значительной мере обусловившая деструктивные процессы конца XXв. Внутренняя структура этого параллельного процесса состоит в стратегическом противоречии между тремя сосуществовавшими и развивавшимися базисными идеологическими системами и сформировавшимися на их основе

общественно - политическими структурами: грузинской идеи государственной независимости, русского империализма и абхазского сепаратизма. С 40-х годов XXв. Абхазия представляла собой поле конфликта этих трех идеологических, мировозренческих систем. Общественно – культурная среда Абхазии, ее политическое пространство было насыщено различными этапами перманентного столкновения грузинской идеи государственной независимости, русского империализма и абхазского сепаратизма. Каждая из них имела специфические интересы, цели, историко-культурные концепции и, что самое главное, собственные модели территориально-политической и правовой идентификации Абхазии.

Надо отметить и то, что этот трехчленный плюрализм политико-идеологического пространства в Абхазии в большинстве случаев был условным и носил формат биполяризма, так как русско-советский империализм и абхазский сепаратизм выступали единым фронтом против Грузии и в Абхазской действительности создавали альтернативу грузинской идее независимости.

Серьезный структурный кризис внутри идеологического «трехугольника» был связан с политикой реформ, проведенных в конце 30-х и в 40-х годах XXв. в культурно-образовательной сфере. Идеологи сепаратизма и абхазская историография при критическом анализе этих реформ (реформы абхазской письменности и общеобразовательной школы) развивают категорическую тезу о Тбилисском происхождении и антиабхазской грузино-имперской направленности этих реформ. Без должной аргументации и объективной оценки они рассматривают реформы в отрыве от проведенных в масштабе СССР аналогичных реформ, в рамках своего рода замкнутой абстрактной модели, как локальную инициативу Грузии и стремятся обвинить грузин в попытке разрушения самобытности абхазов. Анализ соответствующих источниковедческих материалов и учет отдельных специфических аспектов общей политики в сфере культурного строительства в масштабе СССР дает возможность не только конструктивной критики вышеуказанной концепции, но и ее полного опровержения.

Во второй половине 30-х годов в рамках «культурной революции» и «ленинской национально-культурной политики» в СССР, Кремль принял специальное решение о переводе письменности «титульных малых наций» автономных образований на графическую систему письменности государственного языка соответствующей союзной республики[1]. С июля 1938г. Институт языка и письменности Академии Наук СССР приступил к созданию азбук на основе русской графики для 35 языков народов, живущих в РСФСР и других республиках.[2]Формально настоящая графическая реформа не казалась мероприятием имперско-ассимиляторской направленности, проявлением культурно-

[1] З. Папаскири. Миф о разрушении этнокультуры абхазов со стороны грузин в конце 30-х годов и 40 –х годах XX в.- Исторические разыскания ,VI. Тб., 2003, с.134.
[2] Учительская Газета, 1938, 3 августа.

цивилизационного удара по «малым нациям» - их письменность переводилась на графику тех союзных республик, в составе которых входили автономные образования этих «малых наций». Тем самым система письменности гармонизировалась с территориально-административной системой и общей политической моделью подчиненности автономных республик союзным республикам. К тому же, реформа проводилась официально, в рамках Конституции и органического законодательства.

Но совершенно в иной аналитической плоскости следует рассматривать латентную сторону реформы, реально носившей ассимиляторский характер в контексте русификации. Из союзных республик, входящих в состав СССР, только четыре – РСФСР, Азербайджан, Узбекистан и Грузия - имели в территориально-административной структуре автономии и среди них только государственный язык Грузинской ССР – грузинский - имел собственную оригинальную письменность, а письменность остальных республик была основана на славянско-русской графике, на так называемой «кириллице».

Таким образом, совершенно ясно, что главной целью «письменной революции» второй половины 30-х годов являлся перевод письменности «малых народов» на славянско-русскую графику и в рамках подобной модели унификации (в процессе которой в 1938-1941 годах происходил массовый перевод письменностей с латинской графики на «кириллицу»), подготовки действенного базиса для их культурно-институциональной русификации. Реформа абхазской письменности, если сказать более конкретно, перевод письменности с латинского шрифта[1] на грузинскую графическую систему была осуществлена за пределами имперской модели «письменной революции» в контексте ее альтернации. Но причину этого следует искать не в грузинском происхождении И. Сталина и Л. Берия, не в культе личности и якобы специально антиабхазской направленности тоталитарно-репрессивной политики советского режима и в особенности не в игнорировании абхазской этнокультурной самобытности со стороны грузин, а в том бесспорном лингвоисторическом обстоятельстве, что из государственных языков союзных республик, имеющих автономий, как было отмечено выше, только грузинский имел отличную от «кириллицы» графику. Ясно, что имперский центр не мог нейтрализовать эту грузинскую сфецифику и принять отдельное решение для Грузии[2].

Большой интерес представляет процессуальная сторона реформы абхазской письменности. Подготовка реформы началась в мае 1937 года, когда XV конференция абхазской организации Компартии Грузии приняла решение о целе-

[1] Еще в 1862-1865 годах созданная генералом И. Бартоломеем и особенно П.Усларом на основе русской графики абхазская письменность, модифицированная в 1892г. К. Мачавариани и Д. Гулия, прошла два этапа латинизации: в 1926г. Н. Марр составил латинский шрифт, а в 1928г. латинскую графику для абхазского языка создал Н. Яковлев; она действовала до 1938г.

[2] В этом контексте заслуживает внимание тот факт, что в Армении, в состав которой не входило автономное образование, курдская письменность была переведена на армянскую графику.

сообразности перевода абхазской письменности с латинского шрифта на грузинский. После этого была создана комиссия по подготовке реформы во главе с секретарем ЦК Компартии Грузии П.Шария. В состав комиссии вошли известные представители абхазской интеллигенции: Д.Гулия, А.Чочуа, М.Делба, А.Хашба, Д.Чагава, М.Хашба[1]. Именно абхазская интеллигенция и партноменклатура приняли активное участие в кампании по формированию общественного мнения в пользу реформы. Особенную ценность представляет мнение патриарха абхазской литературы Д. Гулия о целесообразности перевода абхазской письменности на грузинскую графику. В связи с этим он писал: «Это мероприятие безусловно будет способствовать укреплению и расширению всей абхазской культуры, поскольку грузинский алфавит является наиболее приемлемым для полной и совершенной передачи звуков абхазского языка».[2]

Настоящая оценка является классическим примером этнокультурной и этнолингвистической оптимизации реформы и свободной от политического нажима аргументации, к тому же она принадлежит классику абхазской литературы. Действительно, нет нужды доказывать, что для абхазского языка и в рамках макросемьи других иберийско-кавказских языков графическая система родственного грузинского языка более оптимальна, чем русско-славянская «кириллица» или латинский. Об этом указывали и русские языковеды XIXв., в том числе создатель «абхазской кириллицы» П.Услар.

4-5 декабря 1937 года в Сухуми в исследовательском институте им. Н. Марра состоялось специальное совещание с участием грузинских, абхазских и русских ученых. На совещании были представлены четыре проекта (А. Шанидзе, С. Джанашиа, Д. Гулия и совместный проект Д. Гулия- А.Чочуа - М.Хашба) реформы абхазской письменности. На основании изучения и сопоставления представленных проектов специальная комиссия[3] на своем заключительном совещании 5 декабря приняла интегрированный проект[4].

Как свидетельствуют протокольные записи совещания комиссии, вопрос о переводе абхазской письменности на грузинскую графику был рассмотрен без серьезной дискуссии. Более того, абхазские ученые и общественные деятели ни слова не сказали против идеи перевода письменности на грузинскую графику[5]. Абхазский ученый Х. Бгажба, оценивая новую абхазскую письменность, писал: «Этот алфавит полным образом выражал единый звуковой состав абхазского литературного языка»[6].

Процесс реформы абхазской письменности завершился в феврале 1938 года, когда на основе совместного заключения комиссии П.Шария и рабочего со-

[1] История Абхазии,1991,с.348.
[2] Советская Абхазия,1937, 11июля.
[3] Из 7 членов комиссии (председатель Д. Гулия) 5 были абхазами.
[4] Т. Гванцеладзе. К истории перевода абхазской графики на грузинский. - Бедия, №6-7.Тб.,2000,с.89.
[5] Т. Гванцеладзе. К истории перевода..., с.88-89; З. Папаскири. Миф о разрушении...,с.9.
[6] Х. Бгажба. Труды, книга I. Сухуми,1987,с.28.

вещания 4-5 декабря 1937 года Центральный Исполнительный Комитет Абхазской Автономной Республики принял постановление о переводе абхазской письменности на грузинскую графическую систему.

Утверждение сепаратистов, что перевод абхазской письменности на грузинскую графику в 1937-1938 годах являлся прогрузинской политической акцией, направленной против абхазской культуры и этноидентичности, абсолютно беспочвенно. Анализ разных аспектов этого процесса дает возможность сделать следующие выводы:

1)Реформа 1937-1938 годов представляла собой определенный этап эволюции абхазской письменности (последующую стадию этапов «Усларовского алфавита», алфавитов Бартоломеевской комиссии, К. Мачавариани-Д. Гулия, латинской графики Н. Марра и Н. Яковлева) и начало грузинского цикла его графической типологии. Известно, что этот цикл оказался кратковременным и просуществовал до 1954 года.

2)Реформа 1937-1938 годов не являлась локальной инициативой грузинской республиканской партийной и интеллектуальной элиты. Она представляла собой органическую составную часть общесоюзного процесса унификации письменностей «автономных национальностей» с письменностями государственных языков соответствующих союзных республик.

3)С процессуальной точки зрения реформа была подготовлена и проведена в формате должного диалога и консенсуса, в режиме солидарности и научных консультаций с абхазской интеллектуальной элитой.

4)Реформа не упраздняла и не могла упразднить абхазскую письменность исходя из той элементарной истины, что абхазский язык (как и языки большинства народов мира) не имел собственную оригинальную графическую систему и нуждался в «заимствовании» графики письменности. Реформа отменила не абхазский алфавит, который в природе не существовал, а, как было выше сказано, латинскую графику заменила грузинским «донором». Поэтому разговоры о попытке ликвидации этноидентичности в то время, когда не существовала графическая самоидентичность письменности, лишены всякого научного основания. Тем более, не вызывает сомнения общепризнанный факт большего соответствия грузинской графической системы звуковой системе абхазского языка. Ничего не говорим о том, что на современной территории Абхазии минимум с раннего средневековья господствовали грузинская письменность, грузинское делопроизводство, грузинская литература.

В 1945г. в Абхазии была проведена школьная реформа. Самым оптимальным путем для создания ее непредвзятой аналитической схемы и на этот раз является рассмотрение данной проблемы в контексте общесоюзной образовательно-школьной политики. В создании этого глобального макропедагогического «фона» большое значение имеет постановление организационного бюро ЦК

Всесоюзной Компартии от 24 января 1938г., являвшееся императивной рекомендацией преобразования школьного сектора в СССР. В постановлении сказано:

«а) Реорганизовать особые национальные школы (немецкие, эстонские, греческие, ижорские и т.д.) в советские школы обычного типа, а так же ликвидировать существующие при обычных советских школах особые национальные отделения; б) ... Необходимо особые национальные школы реорганизовать путем перевода их на учебные программы советских школ обычного типа, **с преподаванием или на языке соответствующей республики или на русском** (подчеркнуто авт.); в) Наркомам просвещения союзных республик лично утвердить сроки, а так же порядок реорганизации каждой особой национальной школы, закончив всю работу к началу учебного года».[1]

Как видим, инициированная с 1945/46 учебного года школьная реформа в Абхазии (ее проведение с семилетним опозданием говорит об осторожном подходе к данному вопросу со стороны тогдашнего руководства Грузии) опять – таки вытекала из директивы Москвы и осуществлялась во всем Советском Союзе. Школьная система Абхазии, ввиду ее специфики, целиком подпадала в ареале реализации императивного постановления от 24 января 1938г. Специфика же состояла в релятивности так называемой «абхазской школы», ибо обучение на абхазском языке велось лишь в I-IV классах, а в последующих классах – на русском; по существу, она являлась русской школой и представляла собой институт русификации абхазов (к сожалению, так продолжается и поныне). Ввиду бинарной структуры, «абхазская школа» удовлетворяла статус как «особых национальных школ», так и статус «существующих при обычных советских школах особых национальных отделений», указанных в пункте «а» постановления от 24 января 1938 г. Действительно, обучение на абхазском языке только в I-IV классах превращал абхазский сектор в особое отделение школы. Поэтому и подпала «абхазская школа» в ареал действия Кремлевской директивы.

Для выяснения сущности школьной реформы 1945г. важен анализ пункта «б» постановления от 24 января 1938г. В нем формальная процедура запланированной реформы представлена таким образом, что в случае Абхазии обучение вводилось на грузинском или русском языке. При этом любая альтернатива исключалась. Введение обучения на грузинском должно было способствовать дерусификации абхазского народа и его реинтеграции в грузинское культурно-образовательное пространство.

Разумеется, отсутствие национальной школы было и ныне является трагедией абхазского народа, вызванной русско-имперским шовинизмом. В сознании цивилизованного человека, тем более цивилизованного грузинского народа не

[1] Г.Лежава. Между Грузией и Россией. М., 1997, с. 121-122.

мог не вызвать чувства неудовлетворенности и нравственной солидарности то обстоятельство, что абхазский народ, имеющий самобытные традиции, обычаи, эпос и другие духовно-культурные институты, не создал национальную школу – фундаментальное средство культурной и образовательной социализации. Но факт остается фактом, причина которого лежит в идеологии и практике советско-русского империализма.

Инициатива школьной реформы 1945 года шла от абхазского педагогического корпуса. Известный абхазский педагог, директор Моквской средней школы Б. Кация в письме в Абхазский областной комитет Компартии Грузии от 28 августа 1944 года, на основании соответствующих аргументов писал: «Я полагаю, что в абхазских школах обучение должно быть переведено на грузинский язык, а абхазский язык должен остаться как предмет»[1].

Аналогичные инициативные обращения в адрес высших партийных и советских органов Грузии, а так же Абхазии сделали заместитель комиссара народного образования Абхазской АССР Н. Герия, заведующий Очамчирским районным отделением народного образования А. Маргания и педагог С. Ашванба (3 октября 1944г.), директор Бедийской первой абхазской школы М. Буава (30 декабря 1944 года)[2] и другие представители абхазской интеллигенции. Утверждение абхазского историка Б. Сагария о том, что вышеупомянутые педагоги заранее были «обработаны» на совещании в областном комитете партии лишено всякого основания[3], поскольку он не смог выявить не только протокольную запись об этом совещании, но и какой-либо репрезентативный материал.

Для подготовки школьной реформы Абхазский областной комитет Компартии Грузии 9 января 1945 года создал специальную комиссию во главе с председателем правительства Абхазии М. Делба. Она постаралась задуманную в Москве в имперских целях реформу[4] повернуть в сторону национальных интересов. После двухмесячной интенсивной работы комиссия представила областному комитету партии свое заключение[5]. В документе особое внимание уделялось таким обусловивших реформу причинным факторам, как наличие общего алфавита, знание грузинского языка значительной частью абхазского населения, лексическая близость грузинского и абхазского языков, общность материальной и духовной культуры обоих родственных народов. Ясно, что

[1] В. Пачулия. Советы Абхазской АССР в период великой отечественной войны (1941-1945 годы). Сухуми, 1990,с.115.
[2] Там же.
[3] Апсны Капш, 1989, 2 августа.
[4] Настоящей целью школьной реформы являлась ускоренная русификация. Об этом говорит принятое вслед за постановлением от 24 января 1938 г. еще одно, уже совместное постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК Всесоюзной Компартии от 13 марта 1938 г. об обязательном изучении русского языка в национальных школах союзных и автономных республик, а так же автономных областей. Один из его пунктов требовал проведения занятий на уроках русского языка только на русском языке (Директивы ВКП(Б) и постановления Советского Правительства о народном образовании за 1917-1947 гг. Выпуск первый. М., - Л., 1947, с. 183).
[5] История Абхазии,1991,с.360.

аргумент недопустимости институциональной и предметной русификации абхазской школы в заключении не мог быть открыто зафиксирован, хотя именно он являлся фактической, так сказать, анонимной целью реформы.

На основе заключения комиссии М. Делба бюро Абхазского областного комитета Компартии Грузии 13 марта 1945г. приняло постановление «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР», предусматривавшее перевод обучения в «абхазских школах» с 1945-1946 учебного года на грузинский язык. Это постановление утвердило бюро ЦК Компартии Грузии[1]. Реформа действительно была осуществлена в начале 1945-1946 учебного года. Одна часть абхазской интеллигенции (К. Шакрыл, Г. Дзидзария и Б. Шинкуба) в феврале 1947 года направила в Москву (на имя секретаря ЦК Всесоюзной Компартии А. Кузнецова) письмо с протестом против школьной реформы[2]. Однако приведенные факты, как и общая тенденция письма, не соответствовали действительности.

Перевод обучения с русского на грузинский способствовал развитию абхазского языка, изучение которого стало обязательным и в грузинских школах. Б. Шинкуба в одной из своих работ писал: «В том году (1945 – авт.) вернулся в Сухуми, начал работать в абхазском институте. Изучал вопрос построения слова абхазского языка, делал замечания об ударениях в абхазском языке. Приступил к систематическим записям абхазской устной словесности. Принял участие в составлении хрестоматии абхазской литературы, написал и ныне издается грамматика абхазского языка для II и III классов»[3]. Во время второй мировой войны были напечатаны поэтические сборники на абхазском языке «Для Родины» (1941г.), «Вперед, на Запад» (1942г.), «Песни о Родине» (1943г.). В 1938-1954 годах на абхазском языке были опубликованы сборники Б.Шинкуба, А.Ласурия, А.Джонуа, Ч.Джонуа и других абхазских поэтов[4].

Приведенные материалы убедительно доказывают ту элементарную истину, что абхазский язык и литература не только не подвергались гонениям, а наоборот, при поддержке и помощи властей переживали явный подъем.

Сферой отдельного рассмотрения являются изменения в ономастике, в частности, в топонимике Абхазии в 40-х годах XX века. И этот вопрос являлся предметом спекуляции со стороны сепаратистов в советский период; эти спекуляции продолжаются по сей день.

14 декабря 1940г. при Президиуме Верховного Совета Абхазской АССР была создана комиссия по транскрипции населенных пунктов под председательством М.Хашба[5]. В состав комиссии входили и в процессе изменения топо-

[1] там же, с.361.
[2] Абхазский лабиринт. Тб., 1999, с.25-26.
[3] Б. Шинкуба. Собрание сочинений в четырех томах, т.III. Сухуми,1989,с.540 (на абхаз.яз.). Здесь и далее перевод абхазоязычного материала принадлежит профессору Т. Гванцеладзе, за что приносим ему благодарность.
[4] История абхазской литературы, книга I. Сухуми, 1986 (на абхаз. яз.).
[5] В Пачулия. Советы Абхазской АССР..., с.15.

нимики активно участвовали виднейшие представители абхазской интеллигенции Д. Гулия и А.Чочуа (директор Абхазского института языка, литературы и истории). На основании рекомендаций комиссии в 1940-1944годах Верховный Совет Абхазии провел широкомасштабную акцию изменения названий населенных пунктов.

Основная хронологическая и ономастическая перечень транскрипций была следующей (сперва указано старое название, затем - новое): 10 мая 1943г. – вместо Володаровки, Граденберга, Нейдорфа - Ахали Сопели (Сухумский район)[1]; 8 сентября 1943г. - взамен Анастасьевки, Владимировки и Ольгинского – соответственно, Ганахлеба, Кодори и Октомбери (Гульрипшский район); 21 октября 1943г. - вместо Пиленково-Гантиади (Гагрская зона); 23 декабря 1943г. – вместо Бешкардаш, Екатериновки и Михайловского – соответственно, Мтис-Убани, Келасури и Шрома (Сухумский район); 12 января 1944г. – взамен Христофорово - Багнари (Гагрская зона), вместо Константиновки и Андреевки – соответственно, Одиши и Ахалшени (Сухумский район), вместо Захарьевки - Хеви (Гульрипшский район); 12 июня 1944г. - вместо Ермоловки и Сальме-Леселидзе (Гагрская зона)[2].

Как видим, изменения в 1940-1944 годах коснулись только русских и турецких (а не абхазских) топонимов. Непонятно, каким образом могли вызвать ущемление достоинства, истории и культуры абхазского народа изменения чуждых для края русских и турецких топонимов? Тем более они не принадлежали к древним историко-географическим названиям, а являлись лишь итогом колонизации и этнодемографической инфильтрации.

Идея отделения Абхазии от Грузии и ее юридическое, экономическое и политическое обоснование впервые была озвучена во в торой половине 40-х годов XX века, когда в высшем руководстве СССР появился проект объединения курортов Абхазии и Сочинского округа, создания на их базе единой курортной области, непосредственно подчиненной Москве. Это был план территориальной деконструкции Грузии.

Сеть курортной инфраструктуры Абхазии охватывала Причерноморскую полосу от р.Псоу до р.Кодори. Его объединением с Сочинской курортной сетью создавалась особая курортная область под прямой юрисдикцией союзного центра. В отношении Грузии проект являлся качественно новой формой русско-советского империализма, так как мотивацией распада единого грузинского пространства называлась идея развития курортной индустрии. Если так можно выразиться, «курортная идеология» действительно являлась новым и оригинальным феноменом в идеологическом арсенале советского колониализма. В то же время, проект имел и антиабхазскую направленность, поскольку

[1] В. Кварчия. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. Сухуми,1985,с.45.
[2] В. Пачулия. Советы Абхазской АССР..., с. 16-17.

его реализация привела бы к упразднению в регионе автономных властных институтов, формированию подведомственной советскому центру курортной администрации, следовательно, к ликвидации автономии Абхазии.

Имперский план создания «Курортной Республики», как вспоминает тогдашний первый секретарь Абхазского обкома и Сухумского комитета Компартии Грузии (1943-1951годы) Ак. Мгеладзе, впервые озвучил в 1945г. секретарь ЦК Всесоюзной Компартии М. Суслов[1]. Видимо, настоящая авантюристическая идея М. Суслова имела функцию лишь постановки вопроса и предварительного зондирования обстановки.

Вопрос формирования интегрированной курортной области более масштабно был поставлен в 1948 году. Инициатива его рассмотрения исходила уже от ближайшего окружения И.Сталина, в частности, от его личного секретаря и заведующего особым отделом ЦК Всесоюзной Компартии А. Поскребышева. Осенью 1948 года, во время отдыха И.Сталина в Абхазии на одном из неофициальных обедов, в присутствии первых секретарей ЦК Компартии Грузии и Абхазского обкома К.Чарквиани и А.Мгеладзе, а так же министра государственной безопасности Грузии Д.Рапава, тот же А.Поскребышев вновь поставил этот вопрос. «Как посьмотрят абхазские и грузинские товарищи, если объединить Сухуми, Новый Афон, Гудаута и Гагра с Сочи и создать единый курортный округ. Будет лучше со снабжением.»[2] На это К.Чарквиани и А.Мгеладзе ответили, что это означает упразднение автономии Абхазии и ее отторжение от Грузии[3].

Если даже не обращать внимание на характерный для партийного функционера крайный цинизм, когда стоящий вне правовых и моральных рамок человек по мотивации улучшения материального снабжения ставил вопрос об отрыве от страны своей исконной территории, идея создания курортной области содержала серьезный фактор риска; стало ясно, что проект разрабатывался в высших партийных и государственных инстанциях, возможно, даже на уровне самого И. Сталина.

Проект создания единой курортной области не осуществился. Мемуары А.Мгеладзе, пока являющиеся единственным доступным источником по этой теме, вопрос о причинах провала проекта оставляют открытым. Анализ этих причин представляется весьма трудным в любой концептуальной конструкции. Сделанные А. Мгеладзе во время беседы с А. Поскребышевым намеки о возможном начале в Грузии движения протеста, нельзя назвать действительными причинами срыва проекта, если учтем сущность советского тоталитаризма и механизма принятия решений, а так же начавшуюся к 1948г. новую волну репрессий.

[1] А. Мгеладзе. Сталин, каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Тб., 2001,с.108.
[2] Там же.
[3] Там же.

Главными факторами, обусловившими срыв грандиозного курортного проекта, могли служить его дороговизна в условиях восстановления разрушенного войной хозяйства, радикальное несоответствие с конституционной системой советского федерализма, не предусматривавшего территориально-административное структурирование на основе принципов курортологии (?). С учетом логики событий, мощным импульсом, затормозившим, а затем сорвавшим осуществление проекта курортной области, могло быть влияние клана уроженца Абхазии Л.Берия. Несмотря на справедливое осуждение деяний советского тоталитарного режима, репрессивной политики Л. Берия, следует отметить, что в конкретно-исторической ситуации 40-х и начала 50-х годов XXв. фактическое господство политического клана Л.Берия в высшей иерархии советской империи обеспечило регулирование законных интересов Грузии в собственной автономии, чем было предотвращено отделение Абхазии.

В политической фигуре Л. Берия, являвшегося типичным советским палачом и организатором репрессивной структуры, одновременно просматриваются черты грузинского регионально-локального эгоцентризма. Проведенная в 1938-1953 годах его политическим кланом политика в Абхазии, параллельно с официальными советскими составными элементами, содержала латентную стратегию программирования культурных и демографических процессов в соответствии с вполне легитимными грузинскими интересами. В связи с этим нельзя не вспомнить организованное переселение в Абхазию в 40-х годах XX века жителей западной Грузии, оставшихся без крова в результате землетрясения. Это было важным государственным мероприятием, обеспечившим национально-культурное развитие коренного населения (грузин и абхазов), экономический подъем автономной республики, а не целенаправленной акцией для ассимиляции абхазов, как утверждает сепаратистская историография[1].

После кончины И.Сталина в марте 1953г. в результате обострения борьбы за власть начался политический кризис, оказавший определенное влияние на политическую обстановку в Абхазии и по существу определивший направление последующих деструктивных процессов. Осенью того же года произошло изменение региональной номенклатуры. По указанию Москвы и рекоменданции ЦК Компартии Грузии, пленум Абхазского обкома партии 2 октября 1953 года первым секратерем вместо Г.Карчава избрал Г.Гегешидзе. В тот же день Президиум Верховного Совета Абхазии освободил с должности председателя Совета Министров Абхазии М. Делба и назначил А.Лабахуа[2]. Во второй половине 1953 года были восстановлены русскоязычные и армянские школы. В марте-апреле 1954 года абхазскую письменность с грузинской графики перевели не

[1] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с.357-358. Переселение жителей западной Грузии в Абхазию, где, как показано выше, только в XVI-XVII веках утвердились апсуа-абхазы, изгнав оттуда грузинское население или ассимилировав его, является вполне законной акцией (см. здесь же, гл. IX).
[2] Сабчота Абхазети,1953, 4 октября (на груз. яз.).

на латинскую, как это было до 1938 года, а на русско-славянскую кириллицу, чем был создан мощный культурологический механизм русификации.

4 января 1954 года ЦК Компартии Грузии принял постановление о состоянии изучения в школах республики (в том числе в абхазских школах) русского языка и литературы и мерах по его усовершенствованию. Оно требовало открытия в Тбилиси русского пединститута, расширения преповадания русского языка в школах Абхазии и Юго-Осетинской области[1]. Примечательно, что постановление не предусматривало восстановление обучения на абхазском и осетинском языках; а это означало, что на указанных языках преподавание никогда не отменялось.

В то же время, надо отметить некоторые позитивные культурно-просветительские инновации, направленные на удовлетворение культурных и духовных потребностей абхазского народа. Например, с 1953 года при Сухумском педагогическом институте им. М.Горького была открыта кафедра абхазского языка и литературы, создан абхазский сектор филологического факультета[2].

Имперский центр окончательно выбрал стратегию перманентного столкновения грузинских и абхазско-сепаратистских интересов, их медиаторского регулирования, то есть сохранения управляемой из Москвы напряженности. Сепаратистская «национальная» идея и коммунистический вариант этносоциализма нуждались в носителе сепаратизма в виде социальной касты. Абхазская этнократия представляла собой привилегированный этнополитический класс, в определенной мере организованную по кастовому принципу замкнутую этнокорпорацию; этнократия являлась формой реализации политической власти абхазского этноса путем создания номенклатуры, состоящей лишь из этнических абхазов.

Начиная с середины 50-х и до конца 80-х годов XX века, благодаря этнократической политике, проводимой в Абхазии в рамках управляемых из Кремля процессов, сложилась стабильная этническая номенклатура с диверсифицированной на всех уровнях структурой – этнической партократией, этнической бюрократией, этнической хозяйственной корпоративной элитой, этнической научно-творческой бюрократией и другими социально-иерархическими слоями.

Своим институциональным дизайном и внутренней политической антропологией абхазская этнократия отличалась неоднородностью, что выразилось в сосуществовании ее так называемых «Гудаутского» и «Очамчирского» секторов. Она, со своей стороны, имела исторические корни. В данном случае не имеет значения, какие исторические факторы определили эту гетерогенность

[1] Заря Востока, 1954, 5 января; Апсны Капш,1954, 8 января (на абхаз. яз.).
[2] История Абхазии, 1991,с.368-369.

и внутренний дуализм, но факт, что абхазский этнос делится на два субэтноса - северо-западный, то есть Гудаутский и юго-восточний, то есть Очамчирский, что является проявлением продолжающегося исторического дуализма Бзыбских и Абжуйских абхазов. Поныне сохранились различия между этими субэтносами в диалекте и культурно-бытовой сфере.

Абхазская этнократия обеспечила реализацию трех имперских функций:

1. Этнократия обеспечивала привилегированный статус и политическое господство в автономной республике малочисленного абхазского этноса. Поскольку этнократический статус абхазов был неэквивалентным их количественных и качественно – культурных характеристик, априори существовало основание для недовольства грузин и представителей других национальностей. Тем самым абхазская этнократия содержала в себе имманентные источники конфликтной ситуации, при разжигании которой Кремль приводил в действие имперский механизм «разделяй и властвуй».

2. Абхазская этнократия представляла собой замкнутую кастовую систему. Ее корпоративная нетранспарентность, определенное дистанцирование от грузинской элиты и от общегрузинской проблематики стимулировала политическую автаркию этнократии. От автаркии до сепаратизма остается лишь один шаг.

3. Абхазская этнократия была главным источником сепаратизма, его идейным и организационным ядром, своеобразной матрицей сепаратистской политической конъюнктуры. Она являлась как ведущей силой сепаратистского движения, так и непосредственным звеном, соединяющим это движение с Москвой. Эту функцию абхазской этнократии теоретически можно оценить, как внутренний колониализм и в этой форме региональный микровариант советского колониализма. Впоследствии основные сепаратистские партии и объединения возникли из недр различных группировок абхазской этнократии.

Этот функциональный триализм вполне логично и недвусмысленно указывает на Кремлевские цели - почему выбрал он курс на создание в Абхазии привилегированной этнокорпоративной элиты путем проведения заранее спланированной и запрограммированной управляемой политики. Ясно, что это было сделано для того, чтобы в соответствующей обстановке использовать абхазскую этнократию для удовлетворения собственных имперократических амбиций, приведения в действие традиционного имперского механизма «разделяй и властвуй», сдерживания и стабильной нейтрализации национально-освободительного движения Грузии.

Как было отмечено, процесс формирования абхазской этнократии начался после прихода к власти Н. Хрущева и в результате возникновения проабхазского лоби в постсталинской генерации партийно-политической элиты. Именно с этого периода берет начало поэтапный процесс формирования в автономной

республике партийно-государственных, административных, экономических и просветительских структур этнократической модели.

Каждая стадия формирования абхазской этнократии и сепаратистской политической конъюнктуры была заранее запланирована и имела форму «вынужденной» оперативной реакции на инспирированные имперским центром абхазские выступления. Так было в 1957, 1967, 1977-1978 и 1988-1989 годах, что в совокупности является стадиальной хронологией генезиса абхазского сепаратизма в виде инспирированных из Москвы отдельных волн сепаратистских политических требований и инициатив. В результате этих акций абхазское меньшинство получало определенные очередные привилегии и этнические преференции в разной сфере общественно-политической жизни. Первое такое деструктивное выступление произошло в 1957 году. Поводом возникновения кризисной обстановки послужило издание в 1954 году книги выдающегося грузинского ученого П. Ингороква «Гиорги Мерчуле» и обсуждение (в 1956 году) в грузинских академических кругах выдвинутых автором положений по кардинальным вопросам истории Абхазии. В связи с этим, определенные силы спровоцировали антигрузинские акции протеста с привлечением части абхазского населения автономной республики. Катализатором этих акций явилось постановление Президиума ЦК КПСС от 10 июля 1956 года (здесь же, с 50-51, 100).

11-13 апреля 1957 года в Сухуми перед зданием обкома партии состоялась акция протеста, в которой участвовали 200 человек; волнения произошли в Сухумском педагогическом институте. Отдельные представители абхазской интеллигенции пошли в деревни для создания массовой базы движения и устройства организованного протеста. Появились политические лозунги. Разные группы абхазской творческой и научной интеллигенции направили письма-петиции в адрес ЦК КПСС и лично на имя Н. Хрущева. Они требовали выполнение решения Президиума ЦК КПСС от 10 июля 1956 года, прекращения внутриреспубликанской миграции и перехода Абхазии под юрисдикцию Российской Федерации[1]. Обстановка нормализовалась после вмешательства руководства Грузии. Решения бюро ЦК Компартии Грузии от 12 апреля 1957г. и Абхазского обкома партии от 15-16 апреля временно разрядили общественно-политическую ситуацию в автономной республике.

Абсолютно ошибочно и нуждается в серьезной коррекции соображение, согласно которому предпосылкой сепаратистской акции 1957г., ее главной причиной явилась книга П. Ингороква якобы изданная в целях научно-идеологического обоснования политики ассимиляции абхазов. На самом же деле акция протеста 1957 года являлась первой организованной попыткой выступления абхазской этнократии против территориальной целостности Грузии, официальной демонстрацией политического проекта абхазского сепаратизма,

[1] Г. Лежава. Абхазия: анатомия межнациональной напряженности. М., 1999, с.127.

во время которой этот деструктивный феномен обнажил свою проимперскую и антигрузинскую самоидентичность. Об этом ясно говорят целенаправленные политические акции – требования о вступлении в состав Российской Федерации в виде автономной республики, направление петиций в центральные структуры власти Советского Союза для реализации этого политического лозунга, попытка созыва собраний в Лыхны и Моквах для придания сепаратистским лозунгам всенародного плебисцитарного начала.

В 1964 году в высших эшелонах власти и непосредственно в ближайшем окружении Н. Хрущева разрабатывался план отделения Абхазии от Грузии и ее инкорпорации в состав Российской Федерации в качестве автономной республики. Об этом стало известно первому секретарю ЦК Компартии Грузии В. Мжаванадзе от тогдашнего первого секретаря Абхазского обкома партии М. Бгажба. Запланированное территориально-административное изменение непосредственно лобировал Н. Хрущев. Как пишет в своих мемуарах Д. Стуруа (секретарь ЦК Компартии Грузии по идеологии), прибывший в Тбилиси в августе 1964 года М. Бгажба рассказал В. Мжаванадзе о том, что его вызвал к себе отдыхающий в Пицунде Н. Хрущев и приказал написать докладную записку с просьбой о включении Абхазии в состав Российской Федерации[1]. Судя по всему, такой план действительно существовал. При этом, следует учесть, по меньшей мере, два момента: во-первых, поощрение абхазского сепаратизма и желание сецессии Абхазии от Грузии всегда фигурировали в имперской стратегии элитных групп Советского Союза, начиная с 1921 года (план П.Сытина – см. здесь же, с. 490-491); во-вторых, Н. Хрущев в 1954 году совершенно безболезненно, характерным для партократической системы монопольным решением осуществил передачу Крыма от Российской Федерации в состав Украины. Так что, у советского руководства уже имелся прецедент изменения «сверху» территориально-административной структуры без какого-либо протеста со стороны общественности.

Почему не осуществился очередной (Хрущевский) план отторжения Абхазии от Грузии? Надо отдать должное мужеству и патриотизму М. Бгажба, глубоко осознавшего неизбежность трагических последствий, в первую очередь, для самого абхазского народа и его культуры в случае реализации имперского плана. Поэтому он немедленно проинформировал руководство Грузии о надвигающейся опасности. Этот факт характеризует М. Бгажба как истинного абхазского патриота, здравомыслящего функционера прогрессивной ориентации. В то же время, ни отказ М. Бгажба, инициировать отделение Абхазии от Грузии, ни локальный протест со стороны партийно-политической элиты Грузии не могли блокировать осуществление плана расчленения Грузии. Руководство

[1] Д. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии в шестидесятые и семидесятые годы нашего столетия. Тб., 1995, с.3-4.

СССР в любой момент смогло бы с использованием различных ресурсов парализовать движение протеста.

Вероломный план присоединения Абхазии к Российской Федерации провалился, видимо, из-за «дворцового переворота» в Кремле в октябре 1964 года и смещения с должности Н.Хрущева.

На ситуацию в Абхазии немалое влияние оказал внутриэлитный кризис – противоречие между этноцентристским «московским» крылом и умеренно-центристским «прогрузинско-проабхазским» крылом абхазской национальной бюрократии. Конкретным проявлением внутриэлитного кризиса в абхазской номенклатуре в форме противоречий между грузиноцентризмом и сепаратизмом следует считать события в сфере кадровой политики в 1964-1965 годах. В декабре 1964 года в ЦК Компартии Грузии поступило анонимное письмо из Абхазии, содержащее негативную характеристику М. Бгажба с подтекстным требованием освобождения его с занимаемой должности. Он обвинялся в ослаблении партийной и государственной дисциплины, неправильном подборе кадров, во взяточничестве, в моральном разложении, покровительстве преступников и т.д[1].

Этот факт явно указывает на существование внутриэлитного кризиса в правящих эшелонах автономной республики в формате дихотомии элита-контрэлиты. В этом случае элиту составляли прогрузинско-проабхазская группа М. Бгажба, а контрэлиту – ультранационалистическая «промосковская» группа во главе с заместителем председателя Совета Министров Абхазии Асланом Отырба. «Подпольный комитет» А. Отырба имел негласную поддержку в кругах абхазской интеллигенции, в руководстве партийных и общественных организаций автономной республики. Психологический портрет самого А. Отырба характеризуется крайным антигрузинским пафосом, он отличался сепаратистским и радикально-этнонационалистическим настроением.

Сбалансированная политика М. Бгажба вызывала недовольство сепаратистов. Поэтому они добивались его смещения и назначения на его место А.Отырба. Кроме карьеристских интересов, здесь прослеживались сепаратистско-корпоративные цели и это было главным – в случае подмены группы М.Бгажба группой А.Отырба в автономной республике нарушался и без того хрупкий баланс и стратегическое политическое преимущество переходило в руки сепаратистско-реваншистской коалиции, что, со своей стороны, радикально меняло структуру политического процесса с точки зрения активизации антигрузинского и промосковского направления. Анонимное письмо из Абхазии ставило целью дискредитацию перед руководством Грузии М. Бгажба

[1] Там же, с. 21.

и подмены его группой А. Отырба. Последний, как пишет Д. Стуруа, и не скрывал об этой своей цели[1].

Содержание анонимного письма от 24 декабря 1964 года рассмотрел Президиум ЦК Компартии Грузии и принял решение оставить М. Бгажба на посту первого секретаря обкома партии с условием исправления указанных в письме ошибок и недостатков[2]. Тем самым руководство Грузии сумело временно блокировать сепаратистскую «кадровую революцию» и сохранить в региональной элите прогрузинско-проабхазскую группу М.Бгажба. Однако в 1965 году под давлением ЦК КПСС М.Бгажба освобождается с поста первого секретаря Абхазского обкома партии. В.Мжаванадзе все же сумел тогда помешать должностному восхождению группы А.Отырба и добился избрания В.Кобахия. Он не отличался ярко выраженным прогрузинским настроением, но и не стоял на ультранационалистической платформе (во всяком случае, в тот период). Он, а также секретарь обкома партии по идеологии М.Хварцкия обладали имиджем коммунистов-интернационалистов, занимая промежуточную позицию и придерживаясь умеренно-центристской тактики между «прогрузинско-проабхазской» и «промосковской» ориентациями.

Не добившись цели, сепаратистская реваншистская коалиция в 1967г. привела в действие модель 1957 года, развязав опять на историографической почве широкомасштабный общественно-политический конфликт. На этот раз поводом послужило написанное академиком Н.Бердзенишвили в 1950 году письмо (опубликовано в 1966г.) под названием «Мелкая заметка по большому вопросу». В нем высказывалось мнение о родстве исторических абхазов, активно участвовавших в строительстве грузинского государства, с иберо-лазами (см. здесь же, с. 99). В абхазской этнократии и близких к ней кругах эта концепция была воспринята как попытка отнесения древних абхазов к грузинской нации, как принятие теории П.Ингороква по вопросу этногенеза абхазов. В полемику вокруг этой теории включились все слои абхазского населения, что затем переросло в широкомасштабное движение протеста.

На состоявшемся 7-9 апреля 1967 года в помещении Сухумского летнего театра сходе абхазов была избрана делегация из семи человек (Т.Шакрыл, Дж.Ахуба, А.Агрба, Х.Чарагуа, О.Шамба, О.Дамения и А.Зухба), которой поручалось официальное информирование руководства СССР о требованиях абхазского населения[3]. Представленный ею в высшие партийные и государственные структуры документ своим пафосом, содержанием и целью носил чисто сепаратистский характер. В преамбуле говорилось об имевшем якобы место притеснении абхазов, недопущении их на руководящие должности, ассимиляции и искусственном заторможении экономического, политического и

[1] Там же.
[2] Там же, с. 22.
[3] Г. Лежава. Абхазия: Анатомия межнациональной напряженности, с.133.

культурного развития Абхазии. Особое внимание заслуживает требование авторов документа о репатриации 200 тысяч мухаджиров из Турции, проведении антигрузинских топонимических изменений и повышении статуса автономной республики до уровня союзной республики (что означало выход из состава Грузии)[1].

Обращает внимание политическая антропология антигрузинского движения 1967 года. В альянсе с членами делегации и представителями интеллигенции, составлявшими неинституциональный сегмент движения, находилось сепаратистское крыло абхазской этнократии во главе А.Отырба и министром культуры Р.Кварчелия. Таким образом, движение протеста 1967 года являлось попыткой организованного на базе альянса этнократии и сепаратистской интеллигенции гражданского путча с целью отделения Абхазии от Грузии.

14 апреля 1967 года бюро ЦК Компартии Грузии приняло постановление, предусматривавшее практические мероприятия для разрядки взрывоопасной обстановки в Абхазии. В нем отмечалось, был отмечено, что при выпуске третьего тома академика Н.Бердзенишвили были допущены определенные недочеты и некоторые формулировки нуждаются в корректировке;[2] признано целесообразным переименовать некоторые населенные пункты (село Накадули Гагрской зоны назван Мехадыром, село Недзона Гульрипшского района – Хизаруха, а села Гудаутского района Бамбуковани, Гогирдцкали и Шуамта переименованы соответственно в Акаламра, Арсаули и Чиргоста)[3]. Секретариату ЦК Компартии Грузии поручалось запланировать и осуществить отдельные мероприятия, связанные с развитием экономики и культуры Абхазии.

18 апреля 1967 года состоялось расширенное собрание партийно-советского актива Абхазии. В принятой резолюции события 7-9 апреля получили квалификацию провокации, препятствовавшей нормализации взаимоотношений двух братских народов[4].

Ситуация урегулировалась в июне-июле 1967 года. Попытка гражданского путча провалилась, хотя она не прошла бесследно. Отрицательные последствия этого выступления сказались на номенклатурные изменения, имевшие антигрузинскую направленность. Пленум Абхазского областного комитета партии 21 апреля 1967 года демонстративно вывел из состава бюро областного комитета второго секретаря Д. Гогохия и председателя Совета Министров Абхазии М.Чиковани[5].

Предлогом для очередного антигрузинского выступления в 1977-1978 годов абхазская этнократия использовала процесс формально-юридического измене-

---

[1]Там же.
[2] Д. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с.44.
[3] Там же, с.35.
[4] Л. Лежава. Абхазия: Анатомия межнациональной напряженности, с.150
[5] З. Папаскири. Очерки..., ч.II,с. 173.

ния конституционной системы в Советском Союзе. Принятие новой редакции Конституции СССР повлекло за собой изменения конституций Грузии и входящих в ее состав автономных республик. На основе решения ЦК КПСС от 3 июня 1977 года бюро ЦК Компартии Грузии 13 июня приняло постановление об организации работ по подготовке проекта новой редакции конституций Грузии и ее автономных республик[1].

В связи с этим 130 представителя абхазской элиты 10 декабря 1977 года письменно обратились в Политбюро ЦК КПСС, лично к Л.Брежневу и председателю Президиума Верховного Совета РСФСР М.Яснову. Письмо отличалось тенденциозностью, грузинский народ и руководство Грузии обвинялись в проведении политики ассимиляции, социально-экономического и культурного притеснения Абхазии. В письме центральное место занимало сепаратистское требование отделения Абхазии от Грузии в рамках текущих конституционных изменений и перехода автономной республики под юрисдикцию РСФСР, в состав Краснодарского края. Авторы письма требовали создания специальной правительственной комиссии на союзном уровне[2].

Из ЦК КПСС письмо было переслано в Абхазский областной комитет партии для соответствующего реагирования. Первая реакция оказалась оперативной и объективной как со стороны Абхазского областного комитета, так и руководства Грузии. На заседаниях 22 и 24 февраля 1978 года бюро областного комитета партии и бюро ЦК Компартии Грузии осудили позицию авторов письма[3]. Но эта радикально-антисепаратистская линия не понравилась имперскому центру. 3 мая 1978 года секретариат ЦК КПСС рассмотрел существующую в Абхазии обстановку[4]. Было принято решение о смене партийного руководства автономной республики. Пост первого секретаря областного комитета партии вместо В.Хинтба занял Б.Адлейба. Для изучения положения на месте и принятия соответствующего решения секретариат ЦК КПСС послал в Абхазию специальную группу во главе с секретарем ЦК КПСС И.Капитоновым. Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э.Шеварднадзе и И.Капитонов 19 мая прибыли в Сухуми. С приездом И. Капитонова произошли активизация сепаратистского путча, радикализация антиконституционных требований, расширение его масштабов; в отдельных случаях ситуация становилась неуправляемой. В Сухуми, Габрах и Гудаутах имели место массовые нарушения общественного порядка и государственной дисциплины. Сепаратисты прибегли к тактике саботажа, устроили массовые забастовки на транспорте и в объектах торговой сети.

[1] Д. Стуруа. Сепаратистское движение в Абхазии..., с.47
[2] Г. Лежава. Абхазия: Анатомия межнациональной напряженности, с.151.
[3] Там же.
[4] Там же,с 152.

21 мая 1978 года на собрании партийно-советского актива Абхазской Автономной Республики И.Капитонов однозначно зафиксировал позицию имперского центра: требования движения протеста антиконституционны и отделение Абхазии от Грузии на этом этапе исключено. Он, в частности, сказал: «Мы готовы обсудить вопросы относительно университета и телевидения, но переход Абхазии в состав РСФСР исключается. Также исключается введение в новую Конституцию специальной статьи о таком переходе»[1].

Высшей точкой эскалации напряженности явилась устроенная сепаратистами обструкция на организованном 22 мая перед домом правительства многотысячном митинге. Выступление И. Капитонова, в основном повторившего высказанные на собрании актива положения, вызвало протест митингующих, а Э.Шеварднадзе даже не позволили выступить, после чего они спешно удалились.

В создавшейся ситуации грузинская партийная номенклатура и лично Э. Шеварднадзе не проявили принципиальность, проигнорировали национально-государственные интересы Грузии, избрав совершенно неоправданную тактику уступок в отношении сепаратистов в то время, когда в отличии от 1957 и 1967 годов имперский центр на этом этапе фактически не был заинтересован в нарушении существующего баланса и стимулировании центробежного движения абхазской этнократии. Более того, как явствуют кулуарные источники информаций, 22 мая 1978г. И.Капитонов предлагал поставить перед Москвой предложение о силовом блокировании сепаратистского митинга, но Э.Шеварднадзе выступил категорически против.

Императивной базой компромиссной тактики Э. Шеварднадзе стало решение ЦК Компартии Грузии от 24 мая 1978 года «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР, усилению организаторской и идейно-воспитательной работы среди трудящихся автономной республики».[2] Именно в рамках реализации этого постановления открылось абхазское телевидение, а Сухумский педагогический институт преобразован в Абхазский Государственный Университет и т.д.

Э.Шеварднадзе в соответствии с интересами абхазской этнократии провел номенклатурные изменения в партийно-государственной элите Абхазии. Председателем Верховного Совета Абхазии избрали В. Кобахия, что явилось капитуляцией перед Гудаутским кланом этнократии. На пост первого секретаря Гагрского городского комитета партии избрали грузина Г.Начкебия, но сразу же его сменил абхаз А.Гварамия, после чего Э.Шеварднадзе заявил, что «исправил ошибку»[3]. Вообще, кадровая политика Э. Шеварднадзе имела печальные последствия, особенно с точки зрения выдвижения в региональной

[1] Там же.
[2] Заря Востока, 1978, 7 июня; Комунисти, 1978, 26 мая (на груз. яз.).
[3] Г.Лежава. Абхазия: Анатомия межнациональной напряженности, с.159.

элите сепаратистских элементов и их кланово-корпоративного самоутверждения. Проведенными кадровыми изменениями в автономной республике завершилось формирование этнократической модели и элитарного политического класса – абхазской этнократии.

Несмотря на внутрикорпоративную дискретную структуру (партийная элита, государственные чиновники, министры, хозяйственная элита и директорский корпус, интегрированная в государственные структуры часть научной и творческой интеллигенции), этнократия приобрела функции единого правящего класса и антигрузинскую сепаратистскую идейную платформу. Обращает внимание тогдашняя фактологическая статистика этнократии, которую приводит Л.Маршания: «Из 15 народных депутатов Верховного Совета СССР, избранных из Абхазской автономной Республики, 8 были абхазами, из 140 депутатов Верховного Совета Абхазии 57(40.7%) являлись абхазами, 53(37.9%)–грузинами, 30 (21.4%)- других национальностей. Абхазы составляли одну треть руководителей городских и сельских советов, половину аппарата Совета Министров и областного комитета партии. Из 12 министров - 8, а из 8 председателей государственных комитетов - 5 были абхазами, из 8 прокуроров городов и районов Абхазии 5 принадлежали абхазской национальности».[1]

В марте 1985 года в высшем руководстве Советского Союза произошли формально-очередные, но по своим содержанием и степенью политической трансформации радикальные изменения. К власти пришла «команда М.Горбачева», провозгласившая курс на ускорение социально-экономического развития страны и перестройки. Первые два с половиной года показали, что тоталитарная система без ее полного демонтажа не подлежала реформам. С октября 1987 года М.Горбачев вынужден был объявить о переходе на второй этап перестройки - политику демократии и гласности. Она дала стимул оппозиционным в отношении советской системы движениям, основательно расшатавшим и подорвавшим коммунистический режим. Именно на этом этапе произошла легализация диссидентского и национально-освободительного движения, официально поставившего на повестку дня вопрос восстановления государственной независимости Грузии. Следует подчеркнуть, что ни одна политическая сила, входившая в состав грузинского национально-освободительного движения, не ставила под сомнение вопрос о целесообразности существования автономии Абхазии. Что касается мифической программы посягательства на права абхазов, необходимо коснуться одного концептуального момента: в теоретическо-концептуальных конструкциях грузинского национально-освободительного движения официально никогда не выдвигалось требование игнорирования законных прав абхазов. Наоборот, поскольку это движение рассматривало абхазский сепаратизм в контексте регионального механизма импе-

[1] Л.Маршания. Трагедия Абхазии. Тб.,1995, с.11-12.

риалистической политики России, оно считало, что гарантирование историко-культурных и политических прав абхазов в едином грузинском пространстве и таким путем «абхазизация Абхазии» совпадает с грузинскими национально-стратегическими интересами. «Абхазизация абхазов» подразумевала параллельную дерусификацию или, во всяком случае, минимизацию идеологическо - культурного влияния России. Поэтому «национализация» Абхазии выбивала ее из имперской вертикали и обеспечивала дистанцирование абхазской этнократии от центрального истеблишмента Российской империи. Таким образом, независимость Грузии и реализация грузинского национального проекта априори исключала дискриминацию прав абхазов, их денационализацию.

В условиях перестройки, плюрализма и гласности первым официальным проявлением абхазского сепаратизма явилось так называемое «Письмо Шестидесяти» - обращение 60 видных представителей науки и культуры Абхазии в адрес XIX конференции КПСС 17 июня 1988г. Это так называемое «абхазское письмо» отличалось радикальным антигрузинским пафосом, грубым искажением исторических фактов; оно содержало антиконституционное требование отделения Абхазии от Грузии. Письмо не стало предметом презентации и рассмотрения на Всесоюзной партийной конференции, однако его публикация крайне накалила общественно-политическую атмосферу в автономной республике.

18 марта 1989 года, в селе Лыхны Гудаутского района состоялся массовый сход абхазского населения, принявший так называемую «Лыхненскую декларацию» - обращение в руководящие органы советской империи об отделении Абхазии от Грузии и о вступлении в состав СССР в качестве союзной республики. Под обращением подписывались и официальные лица автономной республики, в том числе первый секретарь Абхазского обкома партии Б.Адлейба.

Вызывает удивление явно необъективная и неакадемичная концепция абхазской историографии и политической публицистики, квалифицирующей Лыхненское собрание «общеабхазским плебисцитом» (?), а принятое им обращение в центральные имперские инстанции - «актом национального движения абхазского народа» (?)[1]. В правовом понятии не существует прецендента признания плебисцитом организованного собрания без официального акта. Очевидно, что Лыхненский сход никак не являлся официальным собранием, имеющим плебисцитарно-референдумское начало. Его можно квалифицировать неформальным собранием части населения, организованного без соблюдения необходимых формально-юридических процедур в рамках конституционной системы. Принятое им обращение никак нельзя признать волеизъявлением многонационального населения Абхазии и соответственно не являлось

[1] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с. 414.

выражением народного суверенитета. Эта декларация абхазского этнического национализма и сепаратизма была антиконституционной, незаконной и радикально – конфронтационной, она стимулировала эскалацию напряженности как в Тбилиси, так и в Абхазии.

«Лыхненская декларация» особенно накалила общественно-политическую обстановку в Абхазии, стимулировала широкомасштабную дестабилизацию и активизацию абхазского сектора грузинского национального движения. Началом такой активизации явилась организованная отдельными политическими партиями Грузии первая массовая антисоветская акция-митинг в Сухуми 3 декабря 1988 года. На этом митинге видные лидеры грузинского национально-освободительного движения М.Костава, З.Чавчавадзе, а так же лидеры Абхазского сектора этого движения В.Векуа, Н.Мгалоблишвили, Б. Какубава и другие зафиксировали готовность построения нового независимого грузинского государства совместно с абхазским народом. 25 марта 1989 г. в Сухуми и Гали состоялись грандиозные митинги грузинского населения, 1 апреля антиимпериалистический митинг был проведен в Леселидзе; часть митингующих подверглась тогда нападению со стороны экзальтированной массы абхазов, в результате чего многие получили ранения разной степени. В ответ на это, 2 апреля в Сухуми прошли митинги и манифестации грузинского населения, что создала опасность крайней эскалации и в определенной мере выхода ситуации из под контроля.

В этой обстановке грузинское национально-освободительное движение признало целесообразным перенос акции протеста из Абхазии в столицу Грузии. Так началась широкомасштабная акция 4-9 апреля 1989 года в Тбилиси. Ее участники зафиксировали совершенно естественную и закономерную реакцию на абхазский кризис. Акция вскоре переросла в движение протеста с требованием политической независимости. По решению высшего политического руководства советской империи, мирная акция перед домом правительства Грузии была жестоко подавлена спецподразделениями министерств обороны и внутренних дел СССР с применением тяжелой техники, саперных лопат и отравляющих веществ. В результате этой варварской насильственной акции погибло 19 человек, ранено и отравлено несколько тысяч мирных граждан.

Осевой зоной дестабилизации в Абхазии стало культурно-просветительское пространство, а конкретно Абхазский государственный университет. Его грузинский сектор являлся главным очагом грузинской культуры и образования, а также ядром сопротивления абхазскому сепаратизму. Совершенно естественно, что Лыхненскую деструктивную параполитическую декларацию весьма болезненно восприняли именно в университете, тем более, что среди подписавших декларацию фигурировал ректор университета А.Гварамия, внутриуниверситетская политика, которого и без того вызывала недовольство грузинской про-

фессуры и студентов. Все это привело к отделению от университета грузинского сектора и на основе постановления Совета Министров Грузии от 14 мая 1989года образованию Сухумского филиала Тбилисского государственного университета. Открытие филиала университета послужило поводом перерастания гражданских волнений 15-16 июля 1989г. в вооруженное столкновение, когда экзальтированная толпа абхазов устроила нападение на расположенную в I Сухумской грузинской средней школе приемную комиссию филиала и на представителей грузинской общественности, собравшихся в городском парке имени Ш. Руставели. В результате столкновения 15-16 июля погибло 16 человек, в основном грузинской национальности[1], в том числе один из признанных лидеров грузинского национально-освободительного движения в Абхазии Владимир Векуа. Тогда же было ранено до 140 мирных граждан.

Напуганный ростом национально-освободительных движений в республиках Верховный Совет Советского Союза 3 апреля 1990 года принял закон[2], согласно которому, в случае денонсации союзного договора 1922г. и выхода из состава СССР той или иной союзной республики, автономным республикам предоставлялось право проведения собственного референдума и с учетом его результатов остаться в составе СССР.

Не трудно догадаться, что этот закон создавал юридический механизм распада конституционно-правового пространства и территориальной целостности союзных республик, изъявивших желание выхода из СССР. Национально-освободительные движения союзных республик под страхом вступления в действие этого механизма, по замыслу Кремля, должны были отказаться от идей полной независимости. Подобная политика сдерживания независимости союзных республик путем суверенизации автономий являлась стратегическим курсом имперского центра. Что касается микроформата конкретно Абхазии, апрельский закон 1990 года создал атмосферу «войны законов» между Тбилиси и Сухуми, то есть конституционно-правового дисбаланса.

9 марта 1990 года под позитивным нажимом и по инициативе грузинского национально-освободительного движения Верховный Совет Грузинской ССР на 13–й внеочередной сессии принял весьма важный исторический документ- постановление «О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии»[3]. Оно официально подтверждало факт нарушения грузинско-русского договора от 7 мая 1920 года[4] со стороны России, факт оккупации и аннексии Грузии в результате войны в феврале-марте 1921 года. Исходя из этого, все по-

[1] Вооруженный конфликт в Абхазии. 1992-1993 годов. www.wikipedia.org/utiki/.

[2] Известия, 1990, 5 апреля.

[3] Комунисти, 1990 , 10 марта (на груз.яз.).

[4] Президиум Верховного Совета Грузии постановлением от 20 июня 1989г. образовал комиссию по вопросам политической и правовой оценки нарушения договора от 7 мая 1920г. Верховный Совет Грузии 18 ноября 1989г. одобрил составленное комиссией заключение и перед съездом народных депутатов СССР поставил вопрос о правовой и политической оценке нарушения договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920г. (Л. Тоидзе. И интервенция, и оккупация..., с. 309-334).

следующие законы и акты советской власти, включая договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г., признавались недействительными, неимеющими юридической силы.

На это решение Верховного Совета Грузии Москва отреагировала с помощью сепаратистов. 25 августа 1990г. было объявлено, что Верховный Совет Абхазской АССР принял два юридических акта: «Декларацию о государственном суверенитете Абхазской АССР» и постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии»[1]. Эти документы противоречили Конституции Грузии и Конституции автономной республики, принятой 6 июля 1978 года. Президиум Верховного Совета Грузинской ССР в постановлении от 26 августа 1990 года[2] отменил вышеупомянутые акты, как неимеющие юридической силы и нарушавшие территориальную целостность Грузии. Вскоре выяснилось, что сессия Верховного Совета Абхазии от 25 августа 1990 года была сфальсифицирована, в действительности она являлась лишь собранием части депутатов (присутствовали 68 депутатов из 138, то есть меньше половины). Созванная 31 августа 1990 года чрезвычайная сессия Верховного Совета Абхазской АССР отменила принятые с нарушением Конституции и процедурных норм постановления от 25 августа. Информация об этом широко распространилась во всем Советском Союзе, чем был нанесен ощутимый политический и моральный удар по сепаратистам-фальсификаторам.[3]

К осени 1990 года ход событий привел к возникновению предпосылок серьезного политического и конституционного конфликта в Абхазии. Ярко выраженный альянс имперского центра с сепаратистами предпринимал очередную атаку на территориальный суверенитет Грузии. Блокирование подобного сценария политико-ситуационного формата на том этапе обеспечила победа национально-освободительного движения на многопартийных (несоветских) парламентских выборах в Грузии 28 октября 1990г.

[1] Советская Абхазия, 1990, 28 августа.
[2] Комунисти, 1990, 26 августа (на груз. яз.).
[3] Дж.Гамахария. Абхазия…, с.8.

Глава XX. Абхазия в первые годы восстановления государственной независимости Грузии (1990-1992 годы)

На несоветских плюралистических парламентских выборах 28 октября 1990 года политический блок – „Круглый стол – свободная Грузия" получил 57% голосов избирателей и создал конституционное большинство в законодательном органе республики.

Первая сессия новоизбранного Верховного Совета 14 ноября 1990 года избрала своим председателем Звиада Гамсахурдиа, приняла закон о переходном периоде, предусматривавший комплекс мер для обеспечения независимости Грузии де-факто и де- юре.

После октябрьской „парламентской революции" 1990 года национально-освободительное движение Грузии стало официальной государственной властью, высшим субъектом конституционной системы. Но с учетом того, что ещё существовал СССР и Грузия де-факто являлась его составной частью, новая власть Грузии одновременно представляла собой координационную структуру освободительного движения и институт национального неповиновения имперскому центру.

Исходя из создавшейся специфической обстановки, важное значение имеет учет институционального дуализма власти Грузии для объективной оценки ее отдельных неординарных шагов в сфере практической политики.

Проводимая президентом З. Гамсахурдиа[1] политика целиком и полностью вытекала из основополагающей концепции территориальной целостности страны. Новая политическая элита Грузии прекрасно осознавала большое, а то и определяющее значение позитивного разрешения абхазского конфликта в процессе формирования независимой грузинской государственности. При этом, с учетом обстановки в Абхазии и вокруг нее, реальной перспективы оказания Кремлем поддержки сепаратизму и инспирации этнокризиса, данная политика характеризовалась тенденцией вынужденного сотрудничества с абхазской этнократией, использования, так сказать, форсмажорной компромиссной тактики. Эта тактика, направленная на удовлетворение специфических политических прав абхазов в составе Грузии, для правительства З.Гамсахурдиа не являлась самоцельной политогемой: компромисс не распространялся и не подлежал обсуждению территориальная целостность Грузии, неприкосновенность пространства суверенитета до р. Псоу и территориально-административный унитаризм.

[1] На основании референдума 31 марта 1991 года Верховный Совет Грузии 9 апреля 1991 принял Акт о восстановлении государственной независимости, а 26 мая того же года на первых президентских выборах победил З. Гамсахурдиа.

В начале декабря 1990 года оказалась неудачной попытка включения в политические процессы Абхазии, Б. Адлейба и его «Очамчирской группы», которых на начальном этапе поддерживал и З. Гамсахурдиа.[1]

В 1991 году в Абхазии интенсивно происходил процесс формирования прокремлевских сепаратистских организаций, групп, движений и объединений. Итогом этого процесса явилось формирование подчиненного имперскому центру сепаратистско-коллаборационистского политического пространства, того же «резервуара войны».[2]

Политическим ядром абхазской этнократии и своеобразной институциональной основой сепаратизма стал народный форум «Айдгылара» («Единение»), созданный на учредительном съезде 13 декабря 1988 года. Его первым председателем стал абхазский поэт А. Гогуа, его сменил С. Шамба, избранный на внеочередном съезде «Айдгылары» 3 февраля 1990 года. Из-за эклектичности политической концепции, характеристика этого форума по нормативной схеме политологии не представляется возможным. Нельзя причислить его к какому-либо политическому „ареопагу"- правому, левому, центристскому и т. д. Единственное, чем можно характеризовать однозначно политическое реноме «Айдгылары», это ее антигрузинская направленность, сепаратистская идеология: Грузия является «малой империей», ей присущ имперский менталитет, отделение Абхазии от Грузии является „высшей формой самоопределения абхазского народа" и гарантией его безопасности.

«Айдгылара» с самого же начала своей деятельности требовала суверенизацию Абхазии. В условиях 1989-1991 годов единственным средством для обретения желаемого статуса она считала упразднение четырехступенчатой структуры национально-государственного устройства Советского Союза и строительство федерации по принципу горизонтальности.[3] В случае с Грузией федеральная горизонтальность подразумевала расширение статуса автономий Южной Осетии и Абхазии до статуса союзных республик и их непосредственное подчинение Москве. С 1992 года сепаратистская деятельность „Айдгылара " особенно усилилась, а после войны в Абхазии она выполняла функцию инкубации политических лидеров и истеблишмента сепаратистского квазигосударства.

В 1991 г. создается левоцентристская „Народная партия Абхазии" во главе И. Лакоба.[4] Эта партия является фактическим филиалом одноименной Российской партии.[5] Со дня своего создания она оппонировала против движения

---

[1] В. Чания. Конфликт в Абхазии: Историческая закономерность или роковая ошибка. Тб., 2003, с.142-156.

[2] Детальный анализ этого процесса интересен постольку, поскольку послевоенная сепаратистская номенклатура преимущественно сформировалась именно на базе «партии войны».

[3] Единение («Айдгылара»), 1989, №1, 25 октября.

[4] А. Крылова. Абхазский марафон. Кризис СНГ. www.novopol.ru/frticle1283.

[5] И. Лакоба участвовал в 2003 году в выборах в Государственную Думу по спискам Российской народной партии.

«Айдгылара», но по вопросам отношений с Грузией и так называемой самостоятельности Абхазии они выступали единой сепаратистской платформой.

В создании сепаратистской политической конъюнктуры большую роль сыграли представители русских и армянских этнических общин и созданные ими параполитические объединения. 23 апреля 1991 года был образован «Славянский дом – общество русской культуры в Абхазии» (председатель В. Логинов). Несмотря на декларируемые культурные проекты общества, «Славянский дом» являлся строго идеологизированной политической организацией, призванной проводить в Абхазии имперскую политику России. Эту функцию она должна была выполнять совместно со спецслужбами, консолидируя все неабхазские группы на антигрузинской платформе.

В контексте деятельности «Славянского дома» обращает на себя внимание один примечательный момент: во всем Советском Союзе (особенно в Прибалтике и мусульманских анклавах Российской федерации) аналогичные организации действовали в формате защитников прав славянского населения и выступали против представителей «титульных наций» на местах (эстонцев, литовцев, латышей). В Абхазии абсолютно не чувствовалась такая оппозиционность в отношении абхазов. Наоборот, «Дом» пользовался безоговорочной поддержкой сепаратистов и выполнял функцию «мозгового центра»" для них.

«Славянский дом» осуществлял не только культурно - идеологическую помощь, но и оказывал сепаратистам военную поддержку, активно участвуя в формировании казацких добровольческих формирований. Так, на съезде казаков Абхазии, созванном 14 июня 1992г. при активном содействии «Славянского дома», была создана военизированная организация «землячество», атаманом которого стал некто В. Шмаль.[1]

По этнополитическому признаку и для осуществления имперских интересов России было создано армянское объединение «Крунк», всецело находящийся под влиянием абхазской этнократии и «Славянского дома». Лидер этой организации А. Тополян стал активным представителем сепаратистской номенклатуры, а созданный на базе армянского населения так называемый «батальон им. Баграмяна» отличался особенной жестокостью в отношении грузинского населения и принимал активное участие в его геноциде и этнических чистках во время войны 1992-1993годов и после нее.

Так был сформирован сепаратистский сегмент политического пространства в Абхазии, всецело ориентированный на Кремль и готовый исполнять любой приказ из Москвы.

Приход к власти в Грузии З. Гамсахурдиа, имевшего огромную поддержку в народе, на время затормозил проведение сепаратистской политики В. Ард-

[1] С. Червонная. Абхазия..., с.113.

зинба и его окружения, вынужденных принять новые «правила игры» и воздержаться от активного сецессионистского курса.

Если не считать референдума о сохранении СССР, проведенного 17 марта 1991г. путем массовых фальсификаций и даже исключения Гальского района от голосования, а так же незаконное участие В. Ардзинба в инициированном М. Горбачевым для спасения СССР в так называемом «Ново-Огаревском процессе», до государственного переворота в Тбилиси сепаратисты не принимали ни одного сецессионного юридического акта. Отношения между Тбилиси и Сухуми продолжались в условиях «войны законов», но все же в рамках существовавшей конституционной системы. Осенью 1991года, используя конституционные права президента страны, З. Гамсахурдиа отменил неимеющие юридической силы решения Верховного Совета Абхазии о создании таможенной службы Абхазии (27 сентября 1991 года), об обеспечении основ экономического суверенитета (27 сентября 1991 года), о мерах по переходу в юрисдикцию Абхазии расположенных в автономной республике предприятий и организаций республиканского и союзно-республиканского подчинения (22 октября 1991 года), и другие акты.[1]

Зная о замыслах и реальных возможностях имперского центра относительно стимулирования сепаратизма и организации «второго фронта» после Цхинвали, З. Гамсахурдиа продолжил компромиссную тактику в отношении Абхазии и после проведения референдума о восстановлении государственной независимости Грузии 31 марта 1991г., принятия Декларации о восстановлении государственной независимости 9 апреля и президентских выборов 26 мая того же года, нанесших серьезный удар по сепаратистскому движению. Об этом красноречиво свидетельствует и официальная статистика. В Абхазии, несмотря на бойкот со стороны сепаратистских организаций, в референдуме о независимости Грузии приняли участие 61,27% от общего числа (347175тыс.) избирателей, из них 97,73%, то есть почти 60% избирателей автономной республики отдали свои голоса за независимость Грузии. Приблизительно такие же итоги были зафиксированы и во время президентских выборов.[2]

В своей иннаугурационной речи 7 июня 1991 года президент З. Гамсахурдиа еще раз подтвердил незыблемую волю независимой Грузии - защищать неприкосновенность национальных прав абхазского народа на основе конституционных гарантий политической автономии.[3]

В июне-июле 1991 года в результате интенсивных консультаций между официальным Тбилиси и окружением В. Ардзинба, был достигнут компромиссный вариант конституционного соглашения, состоящего из нового избирательного

[1] Региональные конфликты в Грузии: в Южной Осетии и Абхазской АССР (1989-2001). Сборник политико-правовых актов. Составитель и главный редактор Т. Диасамидзе. Тб., 2002, с. 49-50, 54.

[2] Дж. Гамахария. Политика Звиада Гамсахурдиа в Абхазии (1990-1993годы). Тб., 2004, с.7.

[3] Сакартвелос Республика (Республика Грузия), 1991, 8 июня.

закона и пакета конституционных изменений, законодательная реализация которых произошла в июле-августе 1991 года.

9 июля сессия Верховного Совета Абхазии приняла новый избирательный закон «О выборах депутатов Верховного Совета Абхазии».[1] Закон предусматривал демаркацию состоящих примерно из равного числа избирателей одномандатных избирательных округов по этническим зонам и формирование автономного парламента на основе принципа этнических квот. По решению Верховного Совета Абхазии от 27 августа 1991 года абхазская этническая зона (17,3% населения) была представлена 28 одномандатными округами, грузинская (45,7% населения) - 26 округами, для других этнических групп предусматривались 11округов. Таким образом, в парламент автономной республики из 65 мандатов 28 были предоставлены абхазам, 26 - грузинам, остальным-11. Такое распределение мандатов не соответствовало этнодемографической структуре автономной республики и количественно-процентному соотношению этнических общин.

Принцип этноквотирования был нетрадиционным для парламентской практики и в тоже время непопулярным, поскольку этнический состав парламента не соответствовал этнодемографической структуре автономной республики. Вместе с тем формула этноквотирования (28+26+11) шла вразрез с принципами международного гуманитарного права относительно политического равенства граждан, независимо от их национальной принадлежности. С этой точки зрения компромисс имел негативные аспекты, о которых кстати, не раз упоминал и сам З. Гамсахурдиа. С другой стороны, необходим анализ данного вопроса на основе реалистического политического подхода, в рамках политико-технологических схем консенсуса и компромиссного диалога. Это был вынужденный компромисс, обусловленный спецификой глобальной ситуации и факторами, связанными с большими ресурсами имперского центра относительно открытия второго фронта в Абхазии (после Шида Картли). Ясно, что в этих условиях компромисс официального Тбилиси преследовал цели разрядки напряженности, спасения страны от неминуемой войны и государственного распада.

Что касается «внутренней анатомии» документов компромиссного конституционного пакета, он содержал целый ряд уравновешивающих механизмов для надежной защиты интересов грузинского государства. По закону «О внесении изменений в Конституцию Абхазской АССР», утвержденному Верховным Советом автономной республики 27 августа 1991 года, для принятия конституционного правового акта требовалось квалифицированное большинство.[2] В тот же день Верховный Совет принял новую редакцию закона о всенародном

[1] Апхазетис Хма (Голос Абхазии), 1991,18 июля.
[2] Региональные конфликты в Грузии..., с.51 (на груз.яз).

референдуме, в соответствии с которым, референдум по вопросам изменения Конституции назначался Верховным Советом двумя третьями голосов.[1] Такого большинства абхазская этническая депутация не могла собрать даже в случае присоединения к ней представителей других этнических фракций. Таким образом, без взаимного согласия грузинских и абхазских депутатов принятие конституционно–статусных изменений было заведомо исключено. Кроме того, территориальную целостность государства защищало внесенное в 98-ю статью Конституции Абхазии дополнение, согласно которому, закон о правовом статусе автономной республики вступал в силу только с момента утверждения его парламентами Абхазии и Грузии.

Вместе с тем, компромиссный пакет предусматривал грузино-абхазского согласия в вопросах формирования правительственных структур. Прежде всего следует отметить, что в Конституции Абхазии слова «Грузинская ССР» были заменены словами «Республики Грузия». Это было серьезной уступкой со стороны абхазов. Дело в том, что после упразднения советской власти и решения Верховного Совета Грузии от 14 ноября 1990 г. о переименовании «Грузинской ССР» на «Республику Грузия», особенно после восстановления государственной независимости Грузии 9 апреля 1991 г. сепаратисты, по диктовке Кремля, намеревались зафиксировать выход из состава Грузии под тем предлогом, что конституционно Абхазская АССР являлась составной частью Грузинской ССР, входившей в СССР, а не Республики Грузия, объявившей независимость. В результате переговоров летом 1991 г. сепаратисты отказались от задуманной провокации и, заменив в Конституции слова «Грузинская ССР» словами «Республика Грузия», сами же признали Абхазскую АССР частью независимой Грузии.[2]

Номенклатурная преференция грузинского сектора гарантировалась тем, что должности первого вице-спикера Парламента и председателя Совета Министров принадлежали этническим грузинам. Для назначения членов правительства (министров) требовались две трети голосов членов Парламента.

Таким образом, главным достижением компромиссного соглашения являлось то обстоятельство, что грузины и абхазы без диалога и согласия, в одностороннем порядке не могли изменить Конституцию Абхазии, ее статус, назначить правительство. Это толкало сторон к диалогу и компромиссам, вынуждало их работать по правилам двустороннего консенсуса; реально существовавшие противоречия должны были переместиться из улицы во властные коридоры и кабинеты, что способствовало бы ослаблению напряженности в автономной республике.

[1] Там же.
[2] Дж. Гамахария. Политика Звиада Гамсахурдиа в Абхазии, с. 11 (на.груз.яз.).

Главными целями компромисса 1991 г. являлись радикальный поворот интеграционного вектора абхазской этнократии, нейтрализация русской ориентации и начало ее реинтеграции в грузинское пространство. Формула 28+26+11 утверждала в Абхазии понятие коренных (28+26) и некоренных (11) этносов. Абхазская этнократия признавала грузин коренным этносом с соответствующими государственно-правовыми гарантиями, и абхазы, как коренной этнос, получали такие же гарантии.

Самым важным все же было то, что абхазская этнократия признала территориальную целостность Грузии, без посреднических миссий и медиаторства Москвы заключила политическое соглашение с официальным Тбилиси о неделимости грузинского государственного пространства, к тому же без выдвижения требований федерации или конфедерации. Тем самым абхазская этнократия главным источником как своих политических прав, так и всего политического процесса в Абхазии признавала центральную власть независимой Грузии. Абхазская сторона согласилась и конституционно закрепила положение о том, что основой статуса Абхазии является не самоопределение отдельно абхазского этноса, не решение только автономной власти, тем более какой-либо акт имперского центра, а политическая воля власти Грузии и заключенное с ней соглашение.

С учетом всего этого, тем более с высоты сегодняшнего дня можно смело утверждать, что мирная политика Звиада Гамсахурдиа в отношении Абхазии победила. К тому же, эта победа принадлежала обеим сторонам, ибо тогда победил разум и здравый смысл. Поэтому лишена всякой логики и абсолютно неприемлема позиция тех, кто в формуле 28+26+11 видит только признаки аппартеида, не «замечает» уравновешивающие конституционные изменения, новый избирательный закон без всякого основания объявляет причиной обострения конфликта и начала войны. [1]

Необходимо отметить, что принцип этноквотирования всегда существовал в Абхазии. Например, в первом парламенте Абхазии 1919 года (то есть в Народном Совете) из 40 депутатов 17 были абхазами, 15-грузинами, 8- других национальностей; в последнем парламенте советской эпохи - в Верховном Совете созыва 1985-1990 годов из 130 мест 54 принадлежало абхазам, 47 - грузинам и 29 - другим национальностям.

Что касается международной практики, принцип этнополитического или этноконфессионального квотирования лежит в основе конституционной системы некоторых государств, как средство постконфликтного урегулирования или доконфликтной превенции. Например, в Италии, в провинции Трентино-Альто-Адидже гарантированы политические и представительские преферен-

[1] Там же, с. 12-13.

ции немецкого меньшинства, чтобы они не высказались за присоединение к Австрии.

Согласно «Национальному пакту» 1943 года в Ливане, где большинство населения мусульмане, президентом страны должен быть маронит-христианин. Квотированы также посты премьер-министра, спикера парламента, министра иностранных дел и другие должности. Гражданская война в Ливане в 70-х годах XX в. была следствием развала этого квотированного баланса из-за инфильтрации палестинских структур.

Примерами этнополитического квотирования можно считать политическую систему Кипра до кризиса 1974 года и административные структуры некоторых швейцарских кантонов.

Компромисс июля-августа 1991 года в Абхазии создал состояние этноконституционного равновесия и политического баланса. Главным образом он имел своей целью недопущение военного конфликта, локализацию возможной конфронтации в парламентско-конституционные рамки.

На основе нового избирательного закона выборы Верховного Совета Абхазии были проведены 29 сентября 1991года (в некоторых избирательных округах второй тур состоялся 13 октября, а повторные выборы - 1 декабря). Однако процесс формирования системы политического баланса был прерван военным переворотом в Тбилиси в декабре-январе 1991-1992годов.

Во время Московского путча 18-21 августа 1991г. З. Гамсахурдиа избрал тактику позитивного нейтралитета, в создавшейся ситуации наиболее адекватно соответствовавшую национально-государственным интересам Грузии. Разумеется, отстранение группой путчистов от власти президента М. Горбачева и введение чрезвычайного положения являлись актом антиконституционного государственного переворота. Но в контексте антиимпериалистических интересов Грузии фактически невозможна оценка августовского путча, как противостояния тоталитаризма и демократии, поскольку обе противоборствующие стороны почты с одинаковой негативностью относилис к идее независимости Грузии. Поэтому, с точки зрения интересов Грузии путч представлял собой попытку «дворцового переворота». Конечным результатом путча явился не переход к демократии западного типа, а очередная номенклатурная циркуляция в высшей иерархии империи-замена «Горбачевского центра» «Ельцинским центром», принесшим Грузии немало бед.

Президент З. Гамсахурдиа объективно оценил эту латентную сущность августовского путча в Москве и выбрал тактику позитивного нейтралитета, то есть оказанием поддержки одной империократической группировке, он не поставил Грузию перед угрозой возможного удара со стороны другой империократической группировки. Несмотря на это, а возможно, именно, поэтому события в Москве в августе 1991 г. стимулировали развитие деструктивных

процессов в Грузии. При явной поддержке нового имперского центра в стране активизировались антигосударственные силы и сформировалась социополитическая инфраструктура грузинского путча в лице неконтролируемой части национальной гвардии, вооруженных групп оппозиционных партий, некоторой части интеллигенции, ориентировавшейся на псевдолиберальные ценности, парамилитаристских криминальных группировок и бывшей партократии. Окружение Б. Ельцина осуществила настолько широкую политическую, военную и финансовую поддержку этой коалиции, что события декабря-января 1991-1992 годов вышли за рамки гражданского противостояния и приобрели содержание русско-грузинской войны.

Военный переворот привел к свержению власти демократически и единодушно избранного первого президента Грузии З. Гамсахурдиа,[1] роспуску Верховного Совета и приостановлению действия Конституции. 2 января 1992 года был создан «Военный Совет» в составе триумвирата-Т. Сигуа (премьер-министр), Дж. Иоселиани (лидер парамилитаристской группировки ,,Мхедриони") и Т. Китовани (командующий незаконной части национальной гвардии). Модификация незаконного режима произошла после того, как 7 марта в Грузию прибыл бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и 10 марта под его председательством начал действовать Государственный Совет.

Переворот в Тбилиси создал в политическом пространстве Абхазской Автономной Республики качественно новую обстановку с точки зрения перегруппировки региональных политических сил и структур. Распалась компромиссная модель 1991 года и основанная на ней сбалансированная партийно-политическая система. Абхазский сектор этой системы открыто перешел на сецессионистскую платформу и путь сепаратизма. Переворот разрушил главную политическую ось блокирования сецессии Абхазии –президентский институт в Грузии.

Переворот уничтожил также конституционно-правовой механизм предотвращения сецессии Абхазии: Военный Совет Грузии 2 января 1992 года приостановил действие Конституции, а 21 февраля формально восстановил Конституцию 1921 года. Образовавшийся правовой вакуум дал дополнительные аргументы группе В. Ардзинба, чтобы начать с ,,нулевого варианта" форсмажорную суверенизацию. К этим событиям имеет непосредственное отношение принятый сепаратистами 23 июля 1992 года акт о суверенизации Абхазии.

Если при президентстве З. Гамсахурдиа политическое положение в Абхазии можно было характеризовать, как «холодная война» или «холодный мир», то после переворота в Тбилиси политический клан В. Ардзинба окончательно встал на путь отделения Абхазии от Грузии. Именно с этого периода нача-

[1] Сессия новоизбранного Верховного Совета Абхазии открылась именно в тот день, когда президент З. Гамсахурдиа вынужденно покинул территорию Грузии-6 января 1992 года.

лось политическое, военное и правовое обеспечение незаконной суверенизации автономной республики. Еще в ходе путча в столице Грузии - 29 декабря 1991 года В. Ардзинба подписал решение Президиума Верховного Совета о переходе в юрисдикцию председателя Верховного Совета Абхазии воинских частей и военных учреждений, дислоцированных на территории автономной республики.[1] Созданный тогда при председателе Верховного Совета Абхазии так называемый «временный военный совет», по своей структуре и назначению должен был стать координирующим органом будущей военной системы сепаратистского режима.

Постановлением Президиума Верховного Совета от 31 марта 1992 года «О создании полка внутренних войск Абхазии», формировалась абхазская моноэтническая гвардия. По указу от 30 апреля, В. Ардзинба объявил о призыве на военную службу граждан, родившихся в 1965-1974 годах[2]. Примечательно, что поводом для создания абхазских моноэтнических формирований использовалась необходимость защиты Абхазии от грузинских воинских формирований, и это тогда, когда Военный Совет Грузии целенаправленно распустил созданные при президенте З. Гамсахурдиа четыре батальона национальной гвардии - Гагрский, Сухумский, Гульрипшский и Гальский.

В. Ардзинба нарушил условия компромиссного пакета 1991 года и без согласия грузинской депутации сформировал новое правительство Абхазии, куда вошли преимущественно сепаратистски настроенные абхазы.[3]

Эту серию сецессионистских действий политический клан В. Ардзинба осуществил целенаправленно, без какой-либо действенной реакции со стороны официального Тбилиси. К сожалению, в создавшейся политической ситуации умеренные грузинские и абхазские круги не сумели провести блоковую стратегию. Центризм, как стратегия уравновешивания крайних радикальных флангов, потерпел поражение. А ведь именно центристская платформа и восстановление компромисса 1991 года должны были стать разумной альтернативой войны.

5 мая 1992 года Верховный Совет Абхазии, который в знак протеста покинула грузинская депутация, фактически распался по этнополитическому признаку. Созданный еще в марте 1991 года на базе «Айдгылара», «Народной партии Абхазии», «Славянского дома» и армянского «Крунк» сепаратистский центр-блок «Союз», овладевший всей полнотой власти и представлявший антигрузинскую и проимперскую коалицию контрдемократических сил, активизировал свою деятельность.

[1] Региональные конфликты в Грузии..., с.268.

[2] Абхазетис Хма (Голос Абхазии), 1992, 12 мая.

[3] Поскольку для утверждения министров требовались две трети голосов, Верховный Совет простым большинством голосов назначил исполняющих обязанностей министров.

24 июня 1992 года на встрече Шеварднадзе-Ельцина в Дагомысе, кроме принципов урегулирования грузино-осетинского конфликта, был рассмотрен целый комплекс российско-грузинских взаимоотношений. В принятом коммюнике отмечалось: «Правоохранительные органы Грузии и России будут решительно пресекать деятельность незаконных военных, полувоенных и самовольно образованных отрядов и групп на территориях, находящихся под их юрисдикцией».[1] Эта договоренность с Б. Ельциным давала Э. Шеварднадзе санкцию на проведение военной операции в Абхазии с условием гарантии нейтралитета со стороны Российской Федерации.

18 июля 1992 года в Сочи, на государственной даче «Бочаров ручей» состоялась конфиденциальная секретная встреча Б. Ельцина с В. Ардзинба и некоторыми представителями абхазской политэлиты.[2] На этой встрече сепаратисты получили санкцию на инициирование войны, но, на сей раз, им была обещана военная поддержка со стороны России.

В этот период Государственный Совет Грузии, дабы разрядить напряженную обстановку, сделал компромиссный шаг и предложил абхазской стороне создать совместное военное формирование. Привезенный в Сухуми министром обороны Т. Китовани и его первым заместителем Л. Шарашенидзе проект предусматривал создание на базе грузинского и абхазского батальонов внутренних войск единого подразделения с двойным подчинением (Верховному Совету Абхазии и министру обороны Грузии), но в Абхазии этот проект был воспринят некоторыми прошеварднадзевскими грузинскими организациями, входившими в «Совет Национального Единства», как капитуляция центральной власти перед сепаратистами и был отвергнут.[3]

26 июня 1992 года В. Ардзинба созвал совещание силовых ведомств автономной республики, где было решено, что для предотвращения возможных беспорядков, могущих возникнуть в случае отмены актов и указов якобы ущемлявших национальные права абхазов, необходимо принятие определенных мер, в частности: узаконение абхазской гвардии, приведение в боевую готовность военных и милицейских подразделений, взятие под контроль стратегических объектов и т. д. [4] Это был прямой путь создания инфраструктуры войны.

23 июля 1992 года простое большинство Верховного Совета Абхазии с нарушением процессуальных норм и регламента приняло постановление об отмене Конституции 1978 г. (с дополнениями 1991 г.) и восстановлении мертворожденной Конституции 1925 года.[5] Постановление принималось в обход и противовес законодательству 1991 года. Отмена Конституции 1978 года с

[1] Свободная Грузия, 1992,27 июня.
[2] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Хоккайдо, 2001,с.25.
[3] З. Папаскири. Очерки..., ч.II, с.355.
[4] Абхазский лабиринт. Тб.,1999, с.32.
[5] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии, с.415. О Конституции 1925 г. см.: здесь же, с 497-498

правовой точки зрения означала самоупразднения автономии Абхазии и самоликвидацию Верховного Совета автономной республики.

Восстановлением Конституции 1925 года декларировалась суверенизация Абхазии. Поэтому, акт 23 июля можно оценить, как региональный политический переворот или попыткой подготовки почвы для выхода Абхазии из состава Грузии неконституционным путем.

В связи с «конституционной революцией», 28-30 июля 1992 года грузинская часть парламента автономной республики-фракция «Демократическая Абхазия» провела контрсессию и отменила незаконный акт 23 июля. Она приняла решение о переименовании Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики в Абхазскую Автономную Республику.

Глава XXI. Абхазия в 1992-2008 годах

1. Война в Абхазии.1992-1993 годы

На основе постановления Государственного Совета Грузии от 10 августа 1992 г. о введении чрезвычайного положения на железнодорожном транспорте, решения Президиума того же Государственного Совета (Э. Шеварднадзе, Дж. Иоселиани,Т. Сигуа и Т. Китовани) от 11 августа и в соответствии со специальным планом, подготовленным оперативным департаментом генерального штаба Министерства обороны (кодовое название „Меч") 14 августа 1992 г. произошла передислокация частей вооруженных сил на территорию Абхазии. У села Охурей Очамчирского района отряд абхазских формирований открыл огонь по бронированной технике ограниченного контингента грузинских войск, что привело к жертвам. Серьезный бой развязался у поселка Агудзера Гульрипшского района, где так называемый полк особого назначения внутренних войск Абхазии, оказав сопротивление грузинской армии, подорвал бронированную машину[1]. Так началась война в Абхазии.

Несмотря ни на что, решение Тбилиси о введении в Абхазию 14 августа 1992 г. ограниченного контингента вооруженных сил страны не являлось интервенционистской и, тем более, оккупационной акцией. В любом случае, по формально-юридическому аспекту, его следует квалифицировать как перемещение или редислокацию войск в пределах юрисдикции собственного государства. В то же время, с точки зрения позитивного международного права эта мера являлась определенной внутригосударственной репрессалией, военной акцией правительства Грузии в ответ на односторонние антиконституционные действия властей автономной республики (сепаратистское решение от 23 июля 1992г. и др.), создавших угрозу территориальной целостности государства.

К сожалению, официальная интерпретация акции 14 августа была изменена и доведена до необходимости охраны абхазского участка железнодорожной магистрали, что априори привело к поражению Грузии в информационно-психологической войне. Что касается «железнодорожной» версии, она занимает определенное место в комплексе причин, вызвавших войну. В условиях всеобщего хаоса, царившего в стране после насильственного государственного переворота, на территории Абхазии действительно грабились предназначенные для Грузии, Армении и Азербайджана железнодорожные составы. Поэтому «железнодорожная» версия, как одна из причин войны, имеет право на существование. Среди причин конфликта важное место занимало стремление нелегитимных властей Грузии уничтожить (политически и физически) конституционалистское движение сторонников насильственно свергнутого первого

[1] Г. Гасвиани. Т. Гасвиани, Война в Абхазии. Тб.,2005,с.161 (на груз. яз.).

президента Звиада Гамсахурдия, основные центры которого действовали в Абхазии. Впоследствии динамика конфликта приняла совершенно иное направление, что привело к объединению грузиинских сил в единый фронт против Российской агрессии.

Одной из причин войны является внутриэлитный кризис-противостояние в Государственном Совете, где гражданский сектор Э.Шеварднадзе не в состоянии был контролировать милитаристские инициативы (включая ввод войск в Абхазию) военно-криминальной группировки Дж. Иоселиани и Т. Китовани, внутри которой так же не было полного единодушия. Апологеты Э.Шеварднадзе, умело эксплуатируя факт внутриэлитного кризиса, ответственность за ввод войск в Абхазию перекладывают на Т.Китовани. Эту версию трудно принять. В любом случае, полная ответственность за ее инициирование и катастрофические последствия ложится на плечи Э.Шеварднадзе и его тогдашнего окружения, на сепаратистскую группировку В. Ардзинба и высшее политическое руководство России.

Передислокацию ограниченного грузинского военного контингента в Абхазию Президиум сепаратистской части Верховного Совета сразу же оценил как оккупацию территории «суверенной» Абхазии войсками Государственного Совета Грузии (?) и объявил всеобщую военную мобилизацию. Сепаратисты создали так называемый государственный комитет обороны под председательством В. Ардзинба, с 8 января 1993 г. являвшегося и «верховным главнокомандующим» незаконных военных формирований сепаратистов.[1]

15 августа 1992 г. в поселке Гантиади Гагрской зоны высадился грузинский десант, установивший контроль на Российско-Грузинскую государственную границу по р. Псоу. Со стратегической точки зрения это была чрезвычайно важная военная операция, предотвратившая массовый беспрепятственный наплыв в Абхазию «добровольцев» из России и боевиков Конфедерации Горских Народов Кавказа. Грузинский десант вытеснил из Гагры абхазские формирования и 19 августа установил контроль над Гагрской зоной и стратегически важным Гагрским хребтом.

15 августа 1992 г. в Сухуми прибыли премьер-министр Грузии Т. Сигуа и член Президиума Государственного Совета Дж. Иоселиани. Совместно с депутатами Верховного Совета Абхазии Т. Надареишвили, В. Колбая, Н. Месхия и председателем информационно-разведывательной службы Абхазии А. Иоселиани они встретились с делегацией абхазской стороны во главе с С. Багапшом. После долгих и тяжелых дискуссий стороны выработали предварительный проект соглашения, предусматривавший демилитаризацию Сухуми, отвод абхазских формирований до р. Гумисты, а грузинских военных частей - до с. Багмарани, формирование на паритетных началах грузино-абхазского соединения

[1] Д. Джапаридзе. Трагедия в Абхазии. www. Abkhazeti.narod. ru./pages/ 2/161.htm.

из 400 человек для охраны коммуникационных магистралей от. р. Псоу до р. Ингури. По вине абхазской стороны, не подписавшего проект соглашения, был упущен шанс предотвращения эскалации конфликта.[1] 18 августа 1992 г., когда стало очевидным, что сепаратисты использовали переговоры не для достижения соглашения, а для затягивания времени, грузинские военные подразделения вступили в Сухуми. Сепаратистские структуры власти перешли в Гудауту, а абхазские формирования заняли позиции на правой стороне р. Гумиста.

С самого начала войны Э.Шеварднадзе и грузинское командование допустили стратегические просчеты, проявили преступный инфантилизм. Во-первых, грузинские части в течение трех-четырех дней в ожидании достижения соглашения оставались на подступах Сухуми в то время, как другая сторона затягивала переговоры, чтобы обеспечить эвакуацию в Гудауты. Во-вторых, после занятия г. Сухуми и закрепления на левом берегу р. Гумисты грузинские формирования свободно могли овладеть Эшерскими высотами, но этот шаг не был сделан. Продвижением грузинских вооруженных сил в сторону Гудауты грузинская сторона получала возможность изоляции сепаратистского клана, интернирования малочисленных и плохо вооруженных абхазских формирований, как этого предусматривает общая логика войны и ситуационный формат. Решение Э. Шеварднадзе о приостановлении наступления, как и общая тенденция его политики в период войны – когда нужны были переговоры и мирная политика, он ввел войска, а после ввода войск, когда нужны были решительные действия, стал заниматься лжегуманистической и пацифистской лозунгоманией - явно указывает на полную несостоятельность тогдашнего руководства страны, фактически реализовавшего русскую стратегию искусственного затягивания и иманентной эскалации войны. Отказ от наступления по направлению Новый Афон-Гудаута дал возможность абхазской стороне прочно закрепиться на правой стороне р. Гумисты и создать там более или менее стабильную линию так называемого западного фронта.

С первых же дней войны весьма негативную роль сыграла Конфедерация Горских Народов Кавказа (КГНК) – «новый игрок» русской имперской политики. 18 августа 1992 г. президент этой организации М. Шанибов и спикер парламента Ю. Сосланбеков издали приказ, обязывающий все штабы конфедерации, обеспечить переброску в Абхазию добровольцев для оказания вооруженного сопротивления «агрессору»; г. Тбилиси объявлялся зоной бедствия; все граждане Грузии, находящиеся на территории конфедерации, объявлялись заложниками; подлежали задержанию всякие грузы, принадлежащие Грузии.[2] После издания настоящего приказа действительно началась переброска добро-

[1] Абхазский лабиринт,с.125.
[2] Г. Гасвиани, Т. Гасвиани. Война в Абхазии,с.172-173.

вольцев в Абхазию и их концентрация в Гудаутском районе, контролируемом сепаратистами.

С целью формирования на базе волонтеров единой военной структуры были созданы два батальона особого назначения. Общая численность их личного состава достигала до 1700-2100 человек. Главная ударная сила конфедератов, состоящая из 286 боевиков - так называемый «Абхазский батальон» (командир Ш. Басаев из Чечни) - уже 22 августа 1992 года включился в боевые действия на стратегической Гумистинской линии.

Кроме Конфедерации Горских Народов Кавказа в проабхазском (прокремлевском) волонтерском движении активно участвовали казачество и русские добровольцы из разных регионов постсоветского пространства, преимущественно из России. В этом процессе совершенно четко просматривается организующая роль центральных и региональных властей и спецслужб России. Из волонтерских отрядов казачества и Приднестровья был сформирован так называемый „Славянский батальон", активно участвовавший в боевых действиях.

Главным магистральным фактором войны в Абхазии явилось непосредственное участие в ней Российской Федерации. Это участие было настолько открытым и многосторонним, что события 1992-1993 годов можно квалифицировать как Российско-Грузинскую войну в Абхазии. Российское участие в ней осуществлялось по двум основным направлениям – военно-стратегическом и политико-дипломатическом. В военно-стратегическом направлении это участие охватывает следующие сферы:

- непосредственное участие в боевых действиях регулярных частей вооруженных сил России, в том числе Псковской дивизии особого назначения, 345-го воздушно-десантного полка, 643-го зенитно-ракетного полка, дислоцированного на Бомборской (Гудаутский район Абхазии) авиабазе, 529–го авиационного полка военно-воздушных сил, Черноморского военного флота, дислоцированных в Абхазии (Нижней Эшере и Очамчирах) батальонов, подразделений спецслужб;

- снабжение вооруженных формирований сепаратистов и волонтеров вооружением, боевой техникой, материально-техническими средствами (по данным советника В. Ардзинба по линии спецслужб России А. Демьянова, в начале войны 643-й зенитно-ракетный полк вооруженных сил России передал сепаратистам 984 автомата, 267 пистолетов,18 пулеметов,500 ручных гранат,600 сигнальных ракет, больше полумиллиона патронов, военно-грузовые машины, военно-инженерную технику и др.);[1]

- оказание сепаратистам военно-экспертной помощи с обеспечением стратегического управления военных соединений, планированием важных военных

[1] Абхазский лабиринт,с.208.

операций русским генералитетом (Г. Кондратьев, П. Чиндаров, А. Квашнин,И. Сигуткин и др.) и офицерским корпусом;

- организация групп добровольцев на территории России и их переброска в зону конфликта;

- массированные бомбардировки военно-воздушными и военно-морскими силами России позиций грузинских войск и зон проживания грузинского мирного населения;

- перманентные угрозы в адрес Грузии со стороны высших руководителей России (например, вице-президента А. Руцкого, спикера Думи Р. Хасбулатова) о воздушном нападении на Тбилиси, другие регионы и тем самым блокирование важных военных операций грузинской армии.

Политико-дипломатический формат участия России в войне в Абхазии подразумевал коварную политику -путем политического давления на грузинскую сторону и предоставления ложных гарантий в процессе переговоров, обеспечение дипломатическо-договорной базы заранее предрешенного поражения Грузии в войне (в этом роковую роль сыграли постоянный «самообман» и капитулянтская дипломатическая игра Э. Шеварднадзе).

В начальной стадии войны стратегическая ситуация в Абхазии была весьма благоприятной для Грузии. Большую часть территории Абхазии контролировала грузинская гражданская администрация и вооруженные силы. Подконтрольные Гудаутской группировке территории и, соответственно, центры концентрации сепаратистских вооруженных формирований -Гудаутско-Нофоафонская линия и Ткварчельская зона - находились в анклавном положении.

Для осуществления властных полномочий в г. Сухуми и на контролируемой грузинскими войсками территории 31 августа 1992 года был создан временный координационный совет под председательством Г. Ломинадзе[1]. Но вскоре стратегическая обстановка в корне изменилась. 3 сентября 1992 года в результате переговоров на высшем уровне, состоящихся в Москве, Россия и Грузия подписали соглашение о прекращении огня и урегулировании конфликта в рамках территориальной целостности Грузии.[2] Русская и Абхазская стороны воспользовались ослаблением внимания грузинской стороны и в нарушение Московского соглашения подготовили операцию по захвату Гагры.

Она началась 1 октября 1992г. массированным наступлением с участием русских, абхазов и конфедератов. Следует отметить, что до начала наступления русские миротворцы, находящиеся здесь в соответствии с Московским соглашением от 3 сентября 1992г., покинули свои наблюдательные пункты и вернулись на место дислокации. 1 октября противник занял с. Колхиду, а 2

[1] З. Папаскири. Очерки...,ч.II,с. 375.

[2] Абхазский вопрос в официальных документах, ч. I, Тб., 2000, с.81-84.

октября - г. Гагру. Совместно с сепаратистами и конфедератами в операции участвовал 643-й зенитно-ракетный полк вооруженных сил России. Кораблям Российского военно-морского флота, как свидетельствует рапорт капитана I ранга В. Фомина, заместитель министра обороны Г. Кондратьев поставил задачу, не допустить высадку грузинского морского десанта в районе Пицунды-Гагры, осуществить противовоздушную оборону Гудауты и т.д. [1] Гудаутская русская военная база в ходе операции снабжала ее участников боеприпасами, горючим и продовольствием. Общее руководство операцией осуществлял начальник генерального штаба вооруженных сил России генерал-полковник М. Колесников. Так «выполняла» Россия Московское соглашение от 3 сентября 1992 г.

За несколько дней до Гагрской операции к боевым действиям подключилась дислоцированная в Эшерах русская военная часть. Принадлежащая ей боевая машина пехоты 22 сентября 1992 г. открыла огонь по грузинским постам, подавила огневые точки и заняла такие стратегически важные объекты, как нефтебаза и мельничный комбинат.

После оставления Гагры грузинской стороне не удалось организовать эффективную оборону Российско-Грузинской границы и приграничных населенных пунктов. Сказался хаос и дезорганизация, вызванная нарушением со стороны России Московского соглашения и потерей Гагры, а так же некомпетентностью высшего командования во главе с Э. Шеварднадзе. В этих условиях противнику удалось занять поселок Гантиади, село Леселидзе и 6 октября выйти на Российско-Грузинскую государственную границу.

Поражение 1-6 октября 1992 г. сыграла весьма негативную роль в ходе войны в Абхазии. Грузия потеряла контроль на стратегически важную Гагрскую зону, а сепаратистская группировка получила возможность установления непосредственной связи с главными союзниками. Во всей Гагрской зоне оккупанты осуществили массовое зверское истребление мирного грузинского населения, этническую чистку и другие преступления против человечности.

После Гагрской трагедии грузинская сторона осуществтла определенные изменения в политической и военной структуре власти. Был упразднен временный координационный совет и вместо него создан институт государственного министра по делам Абхазии. На пост министра назначается Г. Хаиндрава. 26 ноября 1992года, по постановлению Парламента Грузии, создано правительство Абхазии-Кабинет Министров во главе с Т. Надареишвили.[2]

Народное ополчение г. Сухуми, Сухумского, Гульрипшского, Очамчирского и Гальского районов получило форму структуризированного военного соединения. Был сформирован второй армейский корпус Министерства Обороны

---

[1] Очерки из истории Грузии. Абхазия . Тб., 2007,с.357 (на груз.яз.).

[2] З. Папаскири. Очерки...,ч. II,с.389.

Грузии (командир-генерал- майор П. Датуашвили, затем - генерал- майор З. Учадзе) в составе 23-го (командир - Г. Адамия) и 24 -го (командир - З. Учадзе, затем - Б. Тохадзе) механизированных бригад.

В результате Гагрской операции противник не добился решающего превосходства на остальных фронтах. Грузинские вооруженные силы стабилизировали обстановку на разных участках боевых действий, сохранили стратегическую блокаду Ткварчели. 26 октября 1992 г. предпринятая противником операция по захвату Очамчиры завершилась его разгромом. В то же время, политическое руководство Грузии и военное командование допустили серьезный просчет, упустив реальный шанс нейтрализации Ткварчельской группировки и ликвидации 80 километрового так называемого «Восточного фронта».[1]

3 ноября 1992 г. грузинские войска успешно отразили наступление противника на Шромском участке Гумистинского фронта.[2] Для компенсации указанных неудач русские активизировали тактику «дистанционного боя» - с ноября-декабря 1992 г. начались интенсивные бомбардировки г. Сухуми и других грузинских населенных пунктов с применением авиации, а так же реактивной артиллерии залпового огня. 9 декабря русская авиация подвергла бомбардировке жилые кварталы г. Сухуми и многолюдный городской рынок. В результате этой варварской акции погибло 13 мирных жителей. 11 декабря русская авиация предприняла воздушную атаку на с. Ахалдаба Очамчирского района, в результате которой погибли 11 мирных граждан, более 60 человек получили ранения.[3]

На протяжении первого этапа войны главным фактором, определяющим стратегическое превосходство грузинской стороны, являлся дискретный характер геостратегического пространства, охваченного войной: под контролем вооруженных сил Грузии и грузинской гражданской власти находилась большая часть территории Абхазии, включая г. Сухуми; Ткварчельская группировка противника находилась в блокаде, а блокадная цепь завязывалась линией Гумистинского фронта, поскольку грузинская Сухумско- Гульрипшская группировка обеспечивала размежевание Бзыбско-Гудаутского и Очамчирско-Ткварчельского военных центров сепаратистов.

В первых месяцах 1993 г. противник дважды попытался ликвидировать блокадную цепь, прорвать Гумистинский фронт и занять г. Сухуми. 2 января 1993г. русские с применением ракетных установок типа «Град» открыли массированный огонь по жилым кварталам г. Сухуми, чтобы посеять всеобщую панику и страх. 4-5 января противник с применением русской броневой техники перешел в наступление на Ачадарском участке Гумистинского фронта, форсировал р. Гумисту и создал небольшой плацдарм на левой стороне реки.

[1] О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии,с.380.
[2] Там же.
[3] Г. Гасвиани,Т. Гасвиани. Война в Абхазии, с.180.

Однако, в результате контратаки защитников г. Сухуми и контрударов грузинской артиллерии враг, неся большие потери в живой силе и технике, вынужден был отступить.[1]

Провал «Ачадарской операции», сопровождавшийся большими потерями в живой силе, вызвал серьезные разногласия в верхних эшелонах Гудаутской группировки. В. Ардзинбе на этот раз удалось нейтрализовать внутриэлитный кризис и избежать дестабилизации сепаратистского режима.

Очередную, более масштабную наступательную операцию русские попытались осуществить 14-16 марта 1993 года. После мощной артиллерийской подготовки и массированной воздушной бомбардировки города Сухуми и грузинских позиций противник перешел в наступление. Прорвав оборону грузинских соединений на центральном и южном участках Гумистинского фронта, он продвинулся дальше и проник в окраины города, но оказался в окружении и «котле», образованном в результате оперативно и профессионально открытого грузинской тяжелой артиллерией массированного огня. Противник со дня начала войны понес самые крупные потери в живой силе и технике.

Контрнаступление грузинской армии завершилось 17 марта восстановлением стратегической ситуации, существовавшей до начала операции. Высшее политическое руководство и военное командование Грузии во главе с Э. Шеварднадзе и на этот раз не воспользовались благоприятнейшей обстановкой для контрнаступления и завершения ликвидации Гудаутско-Новоафонской группировки деморализованного противника.

Таким образом, боевые действия января и марта 1993г. не внесли существенных изменений в стратегический формат войны в Абхазии. Грузинские вооруженные силы путем организации твердой и разумной обороны, эффективной дезорганизации наступательных группировок противника и, что самое важное, сильными артиллерийскими контрударами по центру и флангам Гумистинского фронта сорвали попытку русских совместно с сепаратистами занять Сухуми и добиться стратегического превосходства.

Парламент Грузии потребовал от главы государства Э. Шеварднадзе официально поставить в международных организациях вопрос об аннексии Россией части территории Грузии. В постановлении высшего законодательного органа страны от 27 апреля 1993 г. «О выводе воинских частей Российской федерации из зоны Абхазского конфликта» отмечалось, что главной причиной трагического развития событий является попытка России аннексировать часть территории Грузии. В постановлении Парламента сказано: «Главе государства Грузия обратиться к президенту Российской Федерации о выводе из Абхазии Российских войск... В случае неудовлетворения настоящего требования зону абхазского конфликта, территорию к северо-западу от р. Гумисты до

[1] Абхазетис Хма,1993,14 января (на груз.яз.).

Российско-Грузинской границы считать оккупированной Российской Федерацией и Главе Государства Грузия, Министерству Иностранных Дел Республики Грузия, представителю Республики Грузия в Организации Объединенных Наций поставить соответствующий вопрос в Совете Безопасности ООН и в других международных организациях для задействования механизмов, предусмотренных международным правом».[1] Настоящее, очень важное постановление Парламента осталось на бумаге.

29 апреля 1993 г. по указу главы государства был создан Совет Обороны Автономной Республики Абхазия–единый военно- политический орган, которого возглавил председатель правительства Абхазии Т. Надареишвили.[2] Однако, вместо решительных военных и политико-дипломатических действий, оперативного и адекватного реагирования на текущие процессы, продолжался курс на стратегически проигрышную капитулянтскую дипломатическую игру. 14 мая 1993 г. в Москве было подписано соглашение между Грузией и Россией о прекращении огня и об основах мирного урегулирования конфликта. Оно лишь ослабило внимание и бдительность грузинской стороны, приведя, в конечном итоге, к трагическим результатам.

Об ослаблении бдительности свидетельствует временное снятие Ткварчельской блокады в рамках организации «гуманитарного коридора», предусмотренного Московским соглашением от 14 мая. В результате «гуманитарной» акции министерства по чрезвычайным ситуациям России от 16 июня 1993г. Ткварчельская группировка противника получила серьезную помощь живой силой, вооружением, продовольственными припасами и медикаментами. Без всякого мониторинга (?) доставили их в Ткварчели 30 Российских транспортных трайлеров. Настоящая беспрецедентная, не имеющая аналогов в мировой практике акция, дала противнику возможность излечить раны и лучше подготовиться к очередной наступательной операции.

Оперативно-стратегическая обстановка, созданная к середине 1993г., полный провал предпринятых в январе и марте наступательных операций, понесенные при этом большие потери поставили русских перед необходимости изменения стратегии планирования будущих операций. Они убедились, что прорыв Гумистинской линии обороны путем наступления на одном стратегическом направлении практически невозможно, благодаря самоотверженности бойцов и в условиях наличия в руках Сухумско-Гульрипшской группировки внушительного военно-технического арсенала.

Русское военное командование разработало качественно новую стратегию, предусматривающую комбинированный тактический формат - одновременное наступление на всех участках обоих фронтов с применением предваритель-

[1] Известия Парламента Грузии,1993,№5-8,с.135-136 (на груз. яз.).
[2] Абхазский вопрос в официальных документах, I. Тб.,2000,с.171 (на груз. яз.).

ных дезориентирующих отвлекающих маневров. Утверждение сепаратистских историков, что новую стратегию разработало Абхазское военное командование, далеко от истины. Новый план разрабатывался в соответствующих структурах генерального штаба вооруженных сил России, а его практическая реализация в боевых операциях осуществлялась при оперативно-тактической и военно-экспертной помощи со стороны русского генералитета и специальных групп офицеров.

В рамках указанной стратегии генеральный штаб вооруженных сил России разработал специальный секретный план взятия Сухуми, состоящий из четырех пунктов: 1. Захват Ткварчельской группировкой автотрассы Очамчирского района; 2. Высадка морского десанта в с.Тамыш Очамчирского района и соединение его с Ткварчельской группировкой; 3. Параллельное наступление на Гумистинском фронте и захват стратегических высот вокруг Сухуми; 4. В конечном итоге, окружение и взятие Сухуми[1]. С точки зрения стратегической атрибуции ясно, что план предусматривал разделение театра военных действий на две операционные зоны, причем в одной из них планировалось нанесение главного удара, а второй зоне придавалась функция дезориентации грузинской стороны.

2 июля 1993г. десантные корабли русского военно-морского флота у с.Тамыш высадили русско-абхазский десант, состоящий из 300 человек, вооруженных по одной единице танком, бронетранспортером и ракетной установкой «Град»[2]. Грузинские соединения, дислоцированные у с.Лабра и Тамыш, ввиду внезапной высадки десанта, не смогли его блокировать. Десант захватил небольшой плацдарм и объединился с сепаратистскими формированиями, взяв под контроль определенный участок автомагистрали Очамчири-Сухуми.

Видимо, Тамышский десант имел отвлекающую функцию, поскольку в тот же день, 2 июля противник предпринял массированную атаку на Гумистинском фронте. Воспользовавшись захватом значительного участка автомагистрали Очамчири-Сухуми и, следовательно, блокированием Сухумско-Гульрипшской группировки, оккупанты совместно с сепаратистами форсировали р.Гумисту и к северу от Сухуми заняли села Камани, Ахалшени и Гума, 9 июля взяли с.Шрома, овладели стратегически важными высотами Цугуровкой и Ахбюком.

Грузинские соединения и народное ополчение в результате принятия согласованных оперативно-тактических мер, особенно благодаря практически безошибочному действию тяжелой артиллерии, успешно завершили контроперацию по разгрому десанта и соединившихся с ним сепаратистских формирований. Лишь незначительная часть десанта сумела соединиться с Ткварчельской

[1] Абхазский лабиринт,с.150.
[2] Г. Гасвиани, Т. Гасвиани. Война в Абхазии, с.191.

группировкой. Несмотря на это, стратегическая обстановка, образовавшаяся в июле 1993 года была неблагоприятной для грузинской стороны. Противник добился стратегического превосходства на Гумистинском фронте, фактически разделившемся на две части. Он контролировал стратегически важную трассу Шрома-Сухуми, а так же Цугуровку и Ахбюк. На так называемом восточном фронте в результате установления контроля над некоторыми селами Очамчирского района сепаратисты максимально приблизились к центральной автомагистрали, создав угрозу стратегическим коммуникациям на довольно большом участке от с.Лабра до Кодорского моста.

Вместо принятия неотложных мер военно-стратегического характера и изменения в свою пользу неблагоприятной оперативной обстановки, созданной на фронтах после июльского наступления противника, политическое руководство Грузии по-прежнему продолжало капитулянтскую дипломатическую игру с Россией и контролируемыми ею сепаратистами. 27 июля 1993г. в Сочи было подписано трехстороннее соглашение (сепаратисты по настоянию России впервые становятся стороной соглашения) о прекращении огня[1]. Формально оно является обыкновенным мирным актом, предусматривающим прекращение огня, разъединение противоборствующих сторон, демилитаризацию Сухуми и других зон конфликта, создание эффективного контрольного механизма управления и мониторинга миротворческим процессом, возвращение сепаратистских властных структур в Сухуми и т.д. Реально же, соглашение от 27 июля нельзя рассматривать вне контекста существовавшей в Абхазии военно-стратегической и оперативной обстановки. В частности, русско-абхазское наступление 2-9 июля 1993г. обеспечило выполнение трех пунктов вышеприведенного оперативного плана генерального штаба вооруженных сил России, состоящего из четырех пунктов. Оставался невыполненным последний пункт о взятии Сухуми. Непреодолимым препятствием для противника являлась мощная Сухумско-Гульрипшская группировка грузинских войск и находящийся в ее руках стратегическо-технический арсенал. Для полного успеха противника необходим был роспуск этой группировки, вывод из Абхазии ее основной ударной силы и особенно вывоз тяжелой техники, что и предусматривалось соглашением от 27 июля 1993года. Таким образом, оно фактически являлось не соглашением ординарного миротворческого формата, а органической частью оперативного плана русско-абхазской коалиции по взятию Сухуми.

В августе и первой половине сентября 1993 г. в рамках Сочинского соглашения грузинская сторона осуществила целый комплекс капитулянтских мероприятий: роспуск Гумистинского и Очамчирского фронтов, оставление на Гумистинской линии только двух (?) грузинских наблюдательных пунктов, роспуск грузинских военных соединений и батальонов, в том числе 23-й брига-

[1] Региональные конфликты, с.111-112.

ды, оборонявшей г.Сухуми, вывоз из Абхазии тяжелой техники (за это Грузия выплатила солидные суммы российским морским военно-транспортным средствам, обеспечившим вывоз техники).

Таким образом, грузинская сторона, выполняя Сочинское соглашение, произвела полный демонтаж военно-оборонительной инфраструктуры г.Сухуми в то время, когда русско-абхазские формирования не распускались и не разоружались. Более того, в условиях прекращения огня и перемирия они наращивали свой военный потенциал и продолжали интенсивно готовиться к новой операции.

16 сентября 1993г., грубо нарушив Сочинское соглашение, противник перешел в наступление на Очамчирском фронте и занял железнодорожный, а так же автомобильный мосты на р.Кодори. Разоруженный до этого г.Сухуми оказался в окружении. 17 сентября с целью взятия Сухуми противник предпринял глубокоэшелонизированное наступление и на Гумистинском фронте. Первый эшелон составляли специальные подразделения русской регулярной армии и отряды Конфедерации Горских Народов Кавказа, второй эшелон – абхазские формирования. Третий - резервный эшелон состоял из хорошо вооруженных регулярных частей русской армии. Приведение его в действие планировалось в случае неудачи первых двух эшелонов. В конечном итоге, глубина оперативного наступления составила несколько километров. Для отражения вражеского наступления грузинская сторона сумела мобилизовать сравнительно немногочисленную живую силу в основном из местных жителей. Не имея тяжелой техники и достаточного вооружения, она не смогла восстановить эшелонизированную тактическую зону обороны. Одностороннее выполнение Сочинского соглашения исключало такую возможность.

В первый же день наступления противник овладел обоими мостами на р. Гумиста и пригородными селами Тависуплеба, Бирцха и Одиши[1]. В окружении Сухуми большую роль сыграл Российский Черноморкий флот. С 16-17 сентября русские корабли осуществляли перманентные бомбардировки аэропорта и позиций грузинских войск в Сухумско-Гульрипшской акватории, обеспечивали блокирование грузинских коммуникаций. 21 сентября в Адлере состоялась встреча главы государства Э.Шеварднадзе, министра обороны Г. Каркарашвили и руководителя информационно-разведывательной службы И. Батиашвили с министром обороны Российской Федерации П.Грачевым. Грузинская сторона потребовала выполнение Россией обязательств, взятых на себя в рамках Сочинского соглашения, то есть блокирование силовым путем наступления противника или, по крайней мере, соблюдение нейтралитета. П.Грачев, как отмечает Э.Шеварднадзе, потребовал ввод двух полноценных дивизий[2]. Таким

[1] Г. Гасвиани,Т. Гасвиани. Война в Абхазии,с.198.

[2] Э. Шеварднадзе. Размышление о прошлом и будущем. Тб., 2005, с.177 (на груз. яз.).

образом, условием выполнения собственных договорных обязательств Россия ставила не санкционированное Сочинским соглашением вмешательство, для чего у нее имелись в Абхазии достаточные военные силы, а заключение нового соглашения о вводе двух дополнительных дивизий, что означало бы оккупацию значительной части Грузии и долговременное замораживание конфликта на Гумисте. Достичь соглашения, к сожалению, не удалось.

Русско-абхазско-конфедеративные отряды, продолжая наступление, 25 сентября установили контроль над Сухумским центральным железнодорожным вокзалом. Несмотря на героическое сопротивление защитников города, оставшихся без артиллерии и достаточного количества броневой техники, 27 сентября 1993г. пал Сухуми, а 30 сентября оккупанты и сепаратисты вышли на р.Ингури, овладев почти всей территорией Абхазии. Военные действия в Абхазии завершились поражением Грузии и государственной катастрофой.

После эвакуации из Абхазии вооруженных сил Грузии оккупанты и сепаратисты совершили массовые убийства мирного населения, варварские акты пыток и насилия, уничтожения и расхищения принадлежащих грузинам жилых домов и недвижимости. С нарушением норм международного права насильники физически уничтожили председателя Совета Министров Абхазии Ж. Шартава, мэра г.Сухуми Г.Габискирия, министра промышленности Р. Эшба, других членов правительства и сопровождавших их лиц. Широкомасштабная гуманитарная катастрофа произошла при эвакуации мирного населения через Кодорское ущелье. На Чуберском перевале от холода и голода погибла большая часть беженцев, в том числе 400 детей.

В ходе войны, особенно в последующий период тотальной этночистки и геноцида, по некоторым данным, погибло до 30 тыс. этнических грузин, три четверти населения (около 400 тыс. человек) превратились в беженцев или стали вынужденно перемещенными лицами. Целенаправленно проведенная русскими и сепаратистами радикальная трансформация этнодемографического баланса, выразившаяся в насильственном удалении из региона грузинского большинства (см. здесь же, гл. XXII) – главного гаранта обеспечения суверенитета и территориальной целостности Грузии, является самым трагическим и катастрофическим результатом войны в Абхазии. Она нанесла непоправимый ущерб и генофонду абхазского этноса. По официальным данным, погибло до 4 тысяч абхазов, а более 40 тысяч стали беженцами.

Война создала весьма негативный фон и с этнопсихологической точки зрения, были нарушены веками формировавшиеся дружеские и родственные связи между грузинами и абхазами, мирные формы сосуществования двух народов. В то же время, целенаправленно нанесен серьезный удар иберийско-кавказскому самосознанию, идущей из глубины веков идее общекавказского единства.

2. Абхазия в послевоенный период. 1993-2008 годы.

В результате поражения в войне в Абхазии прервалась юрисдикция Грузии над регионом. Постконфликтная Абхазия, с точки зрения регионального политического процесса, превратилась в пространство, находящееся под контролем сепаратистского режима, отвергающего любое проявление попытки восстановления юрисдикции центральной власти.

Сецессия Абхазии от Грузии произошла не на основе международно-правовых механизмов самоопределения наций или плебисцитарного внутриконституционного процесса деволюции[1], а путем антиконституционного мятежа абхазских сепаратистов против центральной власти Грузии и военного неповиновения, путем участия в Российско-Грузинской войне на стороне последней. Поэтому «независимость» Абхазии на деле является направленным против грузинского государства бесспорным международным деликтом - правонарушением, ввиду чего исключено ее статуирование в современной международной системе. Международное право, чтобы не твердили в Москве, никогда не признает факт отделения Абхазии от Грузии и сам продукт этого отделения – государство Абхазия - субъектом международного права.

Несмотря на это, ясно, что Грузия временно потеряла Абхазию, де-факто перешедшую под контроль России. Без разрешения проблемы территориальной целостности под сомнением остается глобальный вопрос национально-государственного строительства Грузии.

Историко-геополитические результаты временной потери Абхазии таковы:

- Потеряно 13% (8.7 тысяч кв. км.) территории Грузии;
- Потеряна около 65-67% морской границы Грузии и, соответственно, сузился выход на глобальные транзитные коммуникации Черного моря и Средиземноморского бассейна;
- С ресурсно-сырьевой точки зрения потеряна 65-67% Черноморского шельфа;
- Потеряно прямое сухопутное сообщение с Российской Федерацией, через нее - с Украиной и всей Европой, в результате чего Грузия оказалась в полуанклавном положении;
- В связи с сокращением территории и перемещения фактической границы к юго-востоку сократилось расстояние от де-факто границы до внутренних районов, городов стратегического значения и других важных объектов (с учетом проблемы Шида–Картли - так называемой Южной Осетии, как показали события августа 2008 года, существует реальная опасность блокирования центральных коммуникационных артерий страны);

[1] Как, например, отделение Словакии от Чехословакии 1 января 1992 г.

- В северо-западной Грузии создан вакуум грузинского населения, что, в случае восполнения этого вакуума другой этнической массой приведет к этнодемографической катастрофе;

- Потеряна часть территории, веками находившейся под канонической юрисдикцией Грузинской Апостольской Автокефальной Церкви;

- В Абхазии осуществляется «культурный геноцид» против Грузии путем целенаправленного уничтожения или попытки присвоения грузинского историко-культурного наследия;

- Потерян северо-западный сектор ареала этногенеза грузинского народа, пространство его культурно-творческой деятельности;

- Ввиду решающей роли России во временной утрате Абхазии, Грузия вынуждена отказаться от геополитического, геостратегического нейтралитета и искать гарантии международной безопасности в рамках Евроатлантической военной системы с перспективой превращения в один из плацдармов этой системы в юго-западной зоне Евразии.

Де-факто существующий сепаратистский режим Абхазии, опираясь на военную поддержку России, контролирует 13% территории Грузии. Он не признан цивилизованным международным сообществом, однако владеет все же внутренними локальными источниками легитимации и характерными для государственной атрибутики признаками: так называемой конституцией, гербом, гимном, флагом, избирательным законодательством, малочисленным электоратом, системой органов власти и управления, партийно-политическим спектром, пятнадцатилетней политической практикой сепаратистского квази- государства.

В условиях фактического выхода из состава Грузии и на основе военно-политической, а также экспертно-политтехнологической поддержки России, де-факто власти осуществили институционализацию сепаратистского режима. Был принят ряд незаконных актов, определивших форму управления сепаратистской Абхазии, образованы де-факто государственные институты и тем самым сформировано квазигосударство. Среди таких незаконных актов можно отметить: принятую «парламентом» 26 ноября 1994г. «Конституцию Республики Абхазия» и избрание «президента»; «парламентские выборы» 23 ноября 1996г.; «выборы» органов местного самоуправления 14 марта 1998г.; «референдум» о «независимости» Абхазии 3 октября 1999г.; «Акт о государственной независимости Абхазии» от 12 октября 1999г.; «выборы президента» 3 октября 2004г. – 12 января 2005г., и другие.

С точки зрения политологической оценки следует отметить, что политическая инфраструктура сепаратистского режима объединила в себе признаки авторитаризма, военной диктатуры, абхазской этнократии, номенклатурной реставрации, фактического протектората России и криминалитета.

Сепаратистский режим переживает хронический внутриполитический кризис, существенной причиной которого является противоречие между различными внутриэлитными группировками. Кульминацией кризиса явились выборы де-факто президента в октябре 2004г. и в январе 2005г. Кризис проявился в форме противостояния политических кланов С.Багапша и Р.Хаджимба. Абхазия оказалась тогда на грани гражданской войны, но явное вмешательство России обеспечило хрупкое политическое равновесие.

Существенным признаком сепаратистской конъюнктуры является де-факто протекторат России. Реально действует режим внешнего управления, когда Москва полностью контролирует происходящие в Абхазии политические процессы. С самого начала конфликта в Абхазии и особенно после окончания боевых действий в автономной республике сложилось протекторатное управление России с признаками политической колонизации. Реальная роль Кремля отчетливо проявлялась в процессе грузино-абхазских переговоров по урегулированию конфликта, происходивших с ноября 1993 года под эгидой ООН и при «посредничестве» России.

«Миротворческая» миссия Содружества Независимых Государств, фактически осуществлявшаяся Россией с 1994 года, с самого начала не выполняла возложенные на нее основные функции. В заявлении Совета Глав Государств СНГ от 15 апреля 1994г. ввод миротворческого контингента в зону конфликта мотивируется желанием прекращения огня, скорейшего разрешения проблемы беженцев, защиты прав человека и национальных меньшинств. В основных документах СНГ, касавшихся использованию миротворческих сил в зоне конфликта (от 22 августа 1994г.), их мандату (от 21 октября 1994г.), особенно уточнению мандата (от 26 мая1995г.), подчеркивается, что главной задачей миротворцев является создание условий для безопасного и достойного возвращения беженцев. В действительности же «миротворческие» силы России, поддерживая лишь режим неприменения силы (и то частично и до определенного времени), выполняли функцию защитников сепаратистов, сохранения и продолжения режима этнической чистки. Только в зоне непосредственной ответственности «миротворцев», в частности, в Гальском районе Абхазии погибло более трех тысяч мирных жителей.

Русский «миротворческий» контингент являлся геостратегическим анклавом и никак не содействовал полномасштабному урегулированию конфликта. Он представлял собой гарантию продления стратегического пребывания России в регионе, политическую и территориальную гарантию для сепаратистов фиксированием де-факто границы по реке Ингури. Более того, Россия, осуществляя политику присвоения территории Абхазии, оставшееся там население путем незаконной паспортизации объявила «собственными» гражданами и с нарушением международных правовых норм стала рядиться в тогу

их защитников. Тем самым Российская Федерация потеряла моральное право называться нейтральной, беспристрастной посредницей между «собственными гражданами» и грузинской стороной.

Шаг за шагом двигаясь к цели, она блокировала выполнение международных актов, направленных на позитивное урегулирование конфликта в Абхазии. ОБСЕ при участии и согласии России трижды принимала акты, признающие и осуждающие этническую чистку в Абхазии (в Будапеште 6 декабря 1994г., в Лиссабоне 3 декабря 1996г., в Стамбуле 17-18 ноября 1999г.)[1]. Стамбульский саммит ОБСЕ одновременно принял решение о выводе из Грузии Российских военных баз, расположенных в Вазиани (около Тбилиси) и Гудаутах (Абхазия). Факт этнической чистки в Абхазии признала и Генеральная Ассамблея ООН в резолюции №62/249 от 29 мая 2008г. Все эти и другие решения авторитетных международных организаций, благодаря неконструктивной позиции России, остались на бумаге.

Обострение за последнее время кризиса вокруг Абхазии логически связано с активизацией империалистической политики России и абсолютизацией аннексионистских тенденций этой политики. Признание государственной независимости Косово в феврале 2008 года против воли суверенной Сербии, а также провал на Бухарестском саммите стран Североатлантического альянса вопроса о принятии Грузии в кандидаты в члены НАТО развязали руки России. После этого саммита Кремлевские лидеры приняли окончательное решение об осуществлении давно планируемой военной интервенции против суверенной Грузии, в целях ее территориальной дезинтеграции, блокирования проходящих через страну глобальных коммуникационных линий и восстановления в Закавказье закрытой геостратегической зоны российского влияния.

16 апреля 2008 года президент Росии В.Путин подписал указ о денонсации решения глав государств СНГ от 19 января 1996г. «О мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия»[2], осуждавшего деструктивную позицию абхазской стороны и предусматривавшего полную военную, политическую и экономическую изоляцию сепаратистского режима. Отныне же Россия устанавливала с сепаратистской Абхазией особые финансовые, экономические, транспортные и культурные взаимоотношения. 1 июня 2008г. Россия ввела в Абхазию части инженерных войск. Они восстановили железнодорожную линию, создав тем самым стратегическую транспортную коммуникацию запланированной войны.

В общем контексте подготовки военной агрессии против Грузии, русско-сепаратистский альянс отверг последний шанс предотвращения военного развития событий - проект поэтапного урегулирования конфликта в Абхазии,

---

[1] Абхазский вопрос в официальных документах (1989- 1999) , ч. 1, с. 408-410; Ч.,3 с.126, 333.

[2] Там же, с. 39-40.

предложенный министром иностранных дел Германии Франк - Вальтером Штаинмайером.

В период военной интервенции России и новой Российско-Грузинской войны 8-12 августа 2008 г. абхазские сепаратисты, открыв второй фронт против Грузии, оказались в фарватере очередного империалистического проекта Кремля. Известно, что после подписания президентом России Д.Медведевым приказа о начале военной операции против Грузии под циничным названием «операции по принуждению к миру», план боевых действий был разработан оперативным управлением генерального штаба вооруженных сил России. Непосредственное руководство боевыми действиями осуществлял расположенный во Владикавказе координационный штаб под руководством генерала В.Болдырева (командующий сухопутными войсками России). Ему подчинялись созданные и вооруженные Россией сепаратистские военные формирования с их системой управления.

Одна из главных задач русских агрессоров заключалась в захвате стратегически важного региона - верхней части Кодорского ущелья. Неоднократные попытки овладения этим регионом еще в 1993 и 1994 годах, благодаря мужеству местного населения, провалились.[1] После проведения антикриминальной силовой операции в июле 2006 г. в Кодорском ущелье разместилось легитимное правительство Абхазской Автономной Республики; контролируемая Грузией горная часть Абхазии, включая Кодорское ущелье, получило название «Верхняя Абхазия». Развернутые здесь грандиозные строительные работы по созданию современной инфраструктуры, восстановлению экономики, системы народного образования, здравоохранения, транспортных (воздушного и автодорожного) коммуникаций и туристических объектов вызывало раздражение Кремля и сепаратистов. 9 августа 2008 года Россия приступила к операции по захвату Кодорского ущелья, подвергнув его интенсивной воздушной бомбардировке. С утра 10 августа по ущелью наносился мощный дистанционный артиллерийский удар. В тот же день боевые корабли Черноморского флота вошли в Очамчирский порт, а 11 августа, ночью в Абхазии высадилась крупная тактическая группировка военно-морских сил России в составе 10 000 десантников. 12 августа объединенная группировка абхазских сепаратистов и русских интервентов заняла всю верхнюю часть Кодорского ущелья, покинутую расположенной здесь ограниченным контингентом внутренних войск Грузии и местным грузинским населением.

Продолжая широкомасштабную военную операцию, Россия оккупировала не только сепаратистские анклавы, но и смежные регионы, образовав так называемые буферные зоны. В западной Грузии враг занял почти всю Мегрелию, включая Потийский порт, а в восточной части страны он приблизился к Тби-

[1] Г.Гасвиани, Т.Гасвиани.Война в Абхазии, с. 215.

лиси. В этот критический для страны период оккупанты, действовавшие варварскими методами, столкнулись с мужеством и единством всего грузинского народа, со стойкостью и героизмом его вооруженных сил и, что самое главное, жесткой реакцией цивилизованного мира, прежде всего Европейского Союза и США. В защите Грузии особую роль сыграла принципиальная позиция Евросоюза, его тогдашнего руководителя, президента Франции Николя Саркози. Миротворческая миссия президента Франции началась 12 августа с его визита в Москве. В результате переговоров с президентом Д. Медведевым был составлен так называемый «документ Саркози». В тот же день президент Н. Саркози прибыл в Тбилиси, где документ согласовал с президентом М. Саакашвили. «Документ Саркози» состоял из трех актов: соглашения о прекращении огня и выводе российских войск из Грузии на позиции, занимаемые ими до 7 августа 2008г; гарантийной ноты М. Саакашвили о невозобновлении войны и неприменении силы; коммюнике Н. Саркозы, где разъяснялось, что в «дополнительных зонах безопасности», предусмотренных V пунктом соглашения о прекращении огня, русские осуществят патрулирование до прибытия международных мониторов. 8 сентября 2008г., когда Н. Саркози вторично посетил Москву и Тбилиси, произошла имплементация «документа Саркози». Подписанный документ предусматривал демонтаж так называемых «зон безопасности» («буферных зон»), ввод миссии наблюдателей Евросоюза и созыв «конференции стабильности и безопасности в конфликтных регионах» («Женевский процесс»).

Под международным давлением Кремль вынужден был деокупировать «буферные зоны». 15 сентября оккупанты оставили Поти-Сенакскую линию, а к 7-10 октября – прилегающий к административной границе Абхазии так называемый «коридор безопасности». Однако Россия полностью не выполнила взятые на себя обязательства, продолжая контролировать верхнюю часть Кодорского ущелья, Ахалгорский район и село Переви Сачхерского района – всего 115 населенных пунктов, до 7 августа 2008 г. находившихся под юрисдикцией центральной власти Грузии.

1 октября 2008г. в Грузии приступила к деятельности миссия мониторинга Евросоюза (EUMM). Она осуществляет наблюдение над выполнением соглашения о перемирии («документа Саркози»).

Общими усилиями удалось остановить агрессию, но при этом Россия совершила очередное, вопиющее нарушение международного права. На основе незаконного решения Государственной Думы России от 25 августа и указов президента Д.Медведева от 26 августа 2008г. она признала «независимость» Абхазии, а также так называемой Южной Осетии. Этот абсолютно незаконный акт, как и следовало ожидать, не поддержало мировое сообщество, даже Содружество Независимых Государств (СНГ). Независимость Абхазии признали лишь президент Никарагуа Д.Ортега и Палестинская террористи-

ческая организация «Хамасс». Таким образом, и в данном вопросе Россия оказалась практически одинокой. Поддержка территориальной целостности Грузии однозначно зафиксирована в резолюции Совета Безопасности ООН № 1839 от 9 октября 2008г., декларации Евросоюза от 1 сентября 2008г.; резолюции Европарламента от 3 сентября, коммюнике от 16 октября 2008г., декларации Парламентской Ассамблей НАТО от 18 ноября 2008 г., коммюнике Совета НАТО от 4 декабря того же года и в официальных заявлениях – актах других международных структур и отдельных государств. Особо следует выделить декларацию Евросовета от 12 октября 2008г., строго осудившую Россию и потребовавшую от нее отмены решения о признании конфликтных регионов. Не менее жесткой в отношении агрессора является резолюция Евросовета от 29 января 2009г.

В современных условиях полностью блокирован миротворческий процесс в Абхазии, а Московское соглашение от 14 мая 1994г. «О прекращении огня и разъединении сил»[1] денонсировано. Административная граница с Абхазией представляет собой линию, разделяющую Грузию на оккупированную (Россией) и не оккупированную части. В отношении Абхазии действует закон Грузии от 23 ноября 2008 г. «Об оккупированных территориях».

«Независимость» мало что принесло Абхазии. Налицо развал экономики. Большинство населения остается безработным и социально незащищенным; господствует антигрузинский аппартеидный психоз; этнос, достигший в составе Грузии невиданных высот в культурном развитии, в «независимой» Абхазии стоит на грани исчезновения. Грузинский язык, по действующей де-факто «Конституции», лишен всяческих юридических прав, однако это не улучшило положение абхазского языка – официальное делопроизводство ведется только на русском языке, массмедия в основном работает также на русском языке, он остается языком обучения в 5-10 классах, что ставит абхазский этнос перед угрозой массовой денационализации.

Перед беженцами из Абхазии и вынужденно перемещенными лицами, составляющими огромное большинство законного населения Абхазии, стоят другие проблемы и задачи, среди которых наиважнейшими являются безопасное и безусловное возвращение в собственные дома, восстановление юрисдикции Грузии над Абхазией, примирение с кровно-родственным абхазским народом.

[1] Абхазский вопрос в официальных документах, ч.1, с.339-341.

Глава XXII. История этнодемографического развития населения современной Абхазии

Население Абхазии вплоть до позднего средневековья, как показано выше, этнически, в основном, было однородно и состояло из грузин . Начиная с XVI – XVII веков численность и национальный состав населения Абхазии, вследствие переселения сюда апсуа-абазин и массовой депортации грузин (см. здесь же, гл IX), претерпевают серьезные изменения. К сожалению, количественная оценка этих явлений почти невозможна по причине отсутствия соответствующих источников. Сведения о численности и национальном составе населения Абхазии становятся известны начиная с XIX века.

Существуют различные данные о численности населения Абхазии и на конец XVIII века. Принято считать, что наиболее реальными являются оценки В. Джаошвили, утверждающего, что к 1770 году население Абхазии составляло 64 000 человек.[1] С учетом того обстоятельства, что в течение XVII – XVIII веков во всей Грузии, в том числе и в Абхазии, складывается сложнейшая политическая ситуация, сопровождавшаяся кризисными явлениями в экономике, маловероятно, что численность населения Абхазии превышала бы данный показатель, как этого утверждают некоторые абхазские ученые[2].

К началу XIX века уже появляются источники, свидетельствующие о численности населения Абхазии. Так, например, по оценкам Дюбуа де Монперэ, путешествовавшего по Абхазии в 1833 году, на территории, расположенной между Гагры и рекой Галидзга проживало 52,3 тысяч человек. Среди них бзыбцы от Гагр до Анакопии составляли 18 700 человек, собственно абхазы от Анакопии до р. Келасури – 8100, абжуйцы между реками Кодори и Галидзга – 10 500, цебельдинцы – 15 тысяч. Фр. Дюбуа де Монперэ считает это остатками «населения, которое было некогда, без сомнения, несравненно значительнее, но вследствие продажи людей в рабство, оно таяло с каждым годом».[3] Автор не подразделял численность населения по национальностям. По расчетам академика П. Гугушвили, число абхазов в 1800 году составляло 30 тысяч, а в 1832 г. – 34,8 тысяч человек.[4] Почти те же цифры, что и Фр. Дюбуа де Монперэ, повторил П.Зубов (все население - 8720 дворов, то есть 52 320 человек), приведя при этом данные (количество семей и численность населения) на начало 30-х годов XIX века по округам и деревням.[5] На основе этих и других данных В. Джаошвили делает вывод о том, что к концу XVIII века на территории совре-

[1] В. Джаошвили. Население Грузии. Тб. 1996 (на груз. яз.).

[2] В.З. Ашуба. К истории формирования современной этнодемографической ситуации в Абхазии. - Население СССР в 20-е годы. М., 1991.

[3] Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1. Сухуми, 1937, с. 123.

[4] П. Гугушвили. Социологические этюды, т. II. Тб., 1971, с.351-352.

[5] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 309-311, 679.

менной Абхазии проживало 7,5 тысяч семей. Известный грузинский ученый С. Какабадзе утверждает, что к тому периоду семья в среднем состояла из 8 членов. С учетом этого можно утверждать, что к концу XVIII века все население Абхазии не превышало 60 тысяч человек.

Численность населения Абхазии на начало XIX века пока еще остается предметом научных споров. В. Джаошвили, суммируя результаты исследований других ученых, утверждает, что в 1800 году население Абхазии составляло 77,8 тысяч человек.[1]

Более или менее оптимальные условия для определения точной численности населения Абхазии сложились лишь в 30-х годах XIX века. Почти достоверно можно утверждать, что население Абхазии в 1832 году составляло 82,0 тысяч человек.[2]

Вторая половина XIX века характеризуется тенденцией снижения численности населения Абхазии. Так, например, в 1865г. население Абхазии составляло 79,2 тысяч человек, в 1867г. – 65 тысяч, из них 22 тысячи проживали в Самурзакано (см. здесь же, с. 410), в 1886 г. – 69,2. Если в 1800 г. удельный вес численности населения Абхазии в общей численности населения Грузии составлял 9,9%, то к 1832г. этот показатель равнялся 9,2 %, к 1865 г. – 6,1%, к 1886 г. – 4,2%.

В этот период отрицательное влияние на показатель динамики населения оказала вынужденная депортация абхазов в Турцию, колонизация Абхазии, искуственные препятствия, создаваемые властями против возвращения грузин. В 1866 – 1878 годах из Абхазии в Турцию были вынужденно переселены десятки тысяч абхазов (см. здесь же, с 409, 417). Неоднозначные, а порой спорные вопросы возникают при определении численности и национального состава населения Абхазии к концу XIX века, в том числе, учитывая данные посемейных списков 1886г. и переписи 1897г.

Для выяснения реальной картины необходимо учитывать данные (полученные из официальных источников) немецкого этнографа Н. Зайдлица, приведенные в его работе «Этнография Кавказа» и относящиеся к 1880 году[3]. По этим данным после мухаджирства численность абхазов (закавказских горцев) сократилась до 13 205 человек и составляла половину численности грузин (мегрелов) – 26 475 человек.

[1] В. Джаошвили. Население Грузии. Тб., 1996, с. 74.
[2] Там же, с. 78.
[3] Дж. Гамахария, Б. Гогия. Абхазия – историческая область Грузии, с. 352.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СУХУМСКОГО ОКРУГА . Таблица №1.

Сухумский Округ	Славяне	Мегрелы (грузины)	Закавказ-ские горцы	Турки	Другие	Всего
город Сухуми					1500	1500
Очамчирский район		26.475	5700	4	–	32.179
Пицундский район	138		6900	42	–	7.080
Цебельда	–	–	605	–	–	605
Всего	138	26475	13205	46	1500	41364

Согласно данных посемейных списков, в 1886 г. в Абхазии проживало 68,7 тысяч человек, в том числе 28 тысяч абхазов и 34 тысяч грузин. Следует отметить, что во время составления списков отдельно было учтено 30,6 тысяч самурзаканских грузин[1].

При переписи же населения в Российской империи 1897 г. абхазы и самурзаканцы учтены совместно как «кавказские горцы», «черкесы».[2] Поэтому, по имперской политизированной статистике, трудно установить точную численность грузин и абхазов в конце XIX века. Приписка самурзаканцев к «кавказским горцам» и «черкесам», под которыми подразумевались абхазы и другие кавказские горцы, не только искусственно снизила число грузин, но и грубо исказила социальную картину Сухумского округа.[3]

Следующая же перепись 1926г. более объективно отражала реальную ситуацию в Абхазии. По данным этой переписи, в Абхазии проживало 67 тысяч грузин и 56 тысяч абхазов. Исходя из анализа вышеприведенных данных, рост грузинского и абхазского населения за 40 лет представляется вполне закономерным.

По данным переписи 1926 года, население Абхазии составляло 210,4 тысяч человек; в 1939 году население составляло 311,9 тысяч человек . В этот период доля населения Абхазии в общей численности населения Грузии возросла до уровня – 8,8 %. В отмеченный период, высокий темп роста населения Абхазии обусловлен и механическим приростом. Центром притяжения постепенно становится г. Сухуми – возрастала транспортная, промышленная, курортная и культурная функция города.

Динамика населения Абхазии имела свои особенности и в 1959 – 1989 годах В этот период также наблюдается механический прирост (из-за пределов Грузии) населения Абхазии, в связи с чем темп роста населения Абхазии пре-

[1] А. Тотадзе. Население Абхазии. Тб., 1994, с. 7.
[2] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г., LXVI. Кутаисская губерния. СПБ., 1905, с. 3, 116.
[3] Дж. Гамахария. Абхазия и православие. Тб., 2005, с.593-594.

вышает соответствующие показатели по Грузии в целом. В 1959 г. население Абхазии составляло 404,8 тысяч человек, в 1979 г. – 505,4 тысяч, в 1989 г. – 535,6 тысяч.

Национальный состав населения Абхазии за последние 100 лет претерпел серьезные изменения. Вынужденная эмиграция абхазов в Турцию, имевшая место в основном в 60-70-х годах XIX века, значительно сократила абсолютную численность абхазов. И в последующем, вследствии колонизации Абхазии, удельный вес абхазов постоянно сокращался, а удельный вес некоренного населения (армяне, русские, греки) постепенно возрастал. С уверенностью можно утверждать, что этот процесс происходил целенаправленно, в результате чего уже к концу XIX и началу XX века национальный состав населения Абхазии был довольно пестрым. К сожалению, данные переписи 1897 г., касающиеся основных групп населения, по политическим соображениям, были искажены, поэтому, можно привести другие, более точные официальные данные о национальном составе населения. По данным начальника округа, на начало 1906 г. в Сухумском округе проживало грузин – 53729 (из них самурзаканцев – 44 623), абхазов – 40 978, армян – 6313, греков – 4946, русских – 3419, турок – 935, эстонцев – 299, молдаван – 254, болгар – 230, других – 113; всего 114 861 человек.[1] В 1921 году, по официальным данным, национальный состав населения Абхазии выгладел следующим образом: грузины – 70 114 (38,5%), горцы и абхазы – 45 705 (25%), разные азиатские народы – 20 196 (11,1%), русские – 18097 (9,9%), другие европейские народы – 13784 (7,6%), армяне – 13038 (7,5%), евреи – 448 (0,3%) (см. здесь же, с 495).

Изменения в национальном составе населения Абхазии за период с 1886 по 1989 год выглядят следующим образом:

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ. ТАБЛИЦА №2

Национальность	1886	1926	1959	1970	1979	1989
Абхазы	28 320	55 918	61 193	77 276	83 097	93 267
Грузины	34 806	67 494	158 221	199 595	213 322	239 872
Армяне	1090	25 677	64 425	74 860	73 350	76 541
Русские	1216	12 533	86 715	92 889	79 730	74 914
Греки	2149	14 045	9101	13 114	13 642	14 664
Евреи			4810	4372		1752
Осетины			1260	1214		1165
Азербайджанцы			410	443		517

Таблица №2 наглядно показывает, что за период с 1886 г. по 1989 г. происходил рост численности, а следовательно, возрастал и удельный вес абхазов и грузин в общей численности населения Абхазии.

Так, например, удельный вес абхазов в 1959 г. составлял 15,1% и в то же время в 1989 г. этот показатель вырос до 17,9 %; для грузинского населения эти

[1]. Святой Священномученик Кирион II и Абхазия. Тб., 2006, с.124.

показатели составляли, соответственно, 39,1% и 45,7%. В это же время удельный вес остальных национальностей имеет тенденцию снижения (исключение составляет только греческое население – удельный вес вырос с 2,2% до 2,8%).

Представители различных национальностей на территории Абхазии были размещены неравномерно. Специалисты справедливо полагают, что изучение этого вопроса имеет большое практическое значение. Например, является важным, какое население преобладало в приграничных с Россией районах, так же интересно какое население преобладало в районах с самым крупным экономическим потенциалом и т.д.

По данным переписи населения 1989 г. в г. Сухуми проживало 119,2 тысяч человек – из них 12,5% составляли абхазы; 41,5% – грузины; 21,6% – русские; 10,3% – армяне; 6,2% – греки; 3,3% – украинцы и т.д. По той же переписи, численность населения г. Гагра составляла 24,1 тысяч человек, причем русские составляли 30,5% населения, удельный вес грузинского населения фиксировался на уровне 28,1%, армян – 19,4%, абхазов – 11,2%.

Следует отметить, что в поселке Гантиади армянское население составляло 43,1%; грузинское – 20,0%; русское – 25,1% и лишь 2,7% населения приходилось на абхазов. Аналогичная картина наблюдалась и в курорте Пицунда, где доля абхазов во всем населении составляла 16%, грузин – 23,3%, русских - 41%, армян – 5,3%.

Население г. Гудаута, по данным переписи 1989 г., составляло 14,9 тысяч человек, из которых – 48% составляли этнические абхазы, 21,2% – русские, 13,1% – грузины.

В то же время в населении поселка Новый Афон преобладали русские – 44,0%, 23,1% составляли абхазы, грузины - лишь 7,6%.

В населенном пункте Гульрипши насчитывалось около 11,0 тысяч человек. Из них грузины составляли 38,4%, русские - 36,4%, армяне - 9,6% и абхазы - только 4,1 %.

Население г. Очамчира составляло 20,1 тысяч человек. Доля грузинского населения – 58,2%, абхазов – 18,2%, русских – 14,7%, армян – 3,3%.

Население г. Ткварчели составляло 21,7 тысяч человек. Из них абхазы составляли 42,3%, грузины – 24,4%, русские – 24,5%, украинцы – 3,6% и т.д.

По данным переписи населения 1989 г., население г. Гали составляло 15,8 тысяч человек. В населении города резко преобладали грузины – 93,3%, русские - 3,2%, а абхазы - лишь 0,6%.

Из 482 сел на территории современной Абхазии в 140 селах преобладает абхазское население, в 171 селе – грузинское, в 71 селе – армянское, в 6 селах – русское, в 4 селах – греческое.

Исходя из приведенных данных, можно заключить, что как население Абхазии в целом, так и население отдельных ее регионов, довольно неоднородно (за

исключением г. Гали и сел Гальского района). Данная ситуация накладывает определенные особенности на социально-экономическое и демографическое развитие региона в целом.

Трагические события, имевшие место в Абхазии в начале 90-х годов, серьезно повлияли на динамику демографической ситуации. Население Автономной Республики Абхазия на 1 января 1992 года, по данным текущего учета, составляло 535 061 человек, а к соответствующему периоду 1997 г. – 145 986. Таким образом, население Абхазии сократилось на 388 075 человек, то есть на 72,7% или же в 3,67 раз.

Необходимо отметить, что сокращение коснулось более или менее всех этнических групп, однако, наиболее пострадало грузинское население Абхазии. Если на 1 января 1992 г. количество этнических грузин составляло 244 872 человека, то есть 45,76% от всего населения, то к соответствующему периоду 1997 г. - 43 442 человек, то есть 29,76% от наличного населения. Указанный процент, хотя и производит на первый взгляд впечатление на фоне сокращения всего населения Абхазии, однако, реально, количество этнических грузин сократилось на 201 430 человек, то есть на 82,2% или же в 5,64 раз[1].

Отдельно надо выделить ситуацию в Гальском районе, где подавляющим большинством населения являются этнические грузины. Количество населения в районе нестабильно и наблюдается тенденция к его уменьшению, что обусловлено как абсолютным бесправием местного населения, так и перманентно проводимыми карательными операциями со стороны русских оккупантов и сепаратистского режима.

Абхазы на 1 января 1992 г. составляли 17,73% от всего населения, то есть 94 767 человек. К соответствующему периоду 1997 г. их численность составила 53 993, то есть 36,98% от наличного населения. Несмотря на то, что процентная доля абхазов по сравнению с предыдущим периодом увеличилась вдвое, в количественном отношении их число сократилось на 40 774 человек. Если сокращение грузинского населения происходит в основном за счет этнической чистки и насильственной депортации, то сокращение абхазского населения обусловлено как политическими мотивами (несогласие с русской оккупацией, сепаратистской политикой), так и теми естественными миграционными процессами, в основе которых лежат существующие сегодня в Абхазии экономический и политический хаос, невыносимые бытовые условия и криминогенная обстановка. Необходимо отметить, что подавляющее число абхазов оставило территорию Абхазии с первых же дней начала конфликта, не желая участвовать в братоубийственной войне. В настоящее время они не возвращаются в родные места из-за боязни преследования со стороны сепаратистов. То же самое мож-

[1] Заключение государственной комиссии Грузии по установлению фактов геноцида и этнической чистки на территории Автономной Республики Абхазия.

но сказать и о части русских, армян и представителях других этнических групп (греков, эстонцев, евреев, украинцев и т.д.).

Таким образом, в Абхазии произошли кардинальные изменения демографической ситуации. Они обусловлены планомерно осуществленным и ныне осуществляемым Российской Федерацией и сепаратистским режимом геноцидом и этнической чисткой, направленной, в первую очередь, против коренного грузинского населения.

Глава XXIII. Северо-Западная Грузия на исторических картах

Сохранилось множество древних, особенно средневековых историко-географических и политических карт, отражающих международную политическую обстановку соответствующих эпох. Создание карт обусловливались колониальной политикой европейских государств, развитием международной торговли, необходимостью поиска новых рынков.

Из – за своего выгодного геополитического расположения, в сфере интересов картографов оказалась и Грузия. Ее политические границы фиксировались с античного периода. Например, по Геродоту (Vв. до. н.э.), северо-западная граница древнейшего грузинского государства - Колхидского царства достигала до Меотийского (Азовского) моря (см.карту №1).

На средневековых королевских картах северо-западные пределы Грузии во всех случаях включают Абхазию и Джикети или только Абхазию. Именно такую Грузию знали Франция, Англия, Португалия, Испания, Италия, Россия и другие ведущие государства той эпохи.

На основе сведений моряков и путешественников или новых портоланов европейские картографы перепроверяли и уточняли границы между государствами. В случае же необходимости они вносили соответствующие изменения в картах.

На отдельных политических картах указаны межгосударственные границы, на других- границы не зафиксированы, но обозначена географическая номенклатура. И в таких случаях легко заметить, что Абхазия всегда являлась составной частью Грузии. Главный Кавказский хребет изначально служил естественной, следовательно, северной политической границей. Например, карта Диего Гомема (1559 год), на которой около современного Причерноморского города Геленджика (Россия) обозначена надпись Mengrelia (Мегрелия), доказывает, что Кавказский хребет и тогда считался границей Грузии. По той же карте, топонимика края представлена в форме переводов географических названий из грузинского (или из грузинских диалектов) на греко-латинские и другие европейские языки. Европейские картографы записали и, благодаря им, до нас дошли многочисленные грузинские географические наименования. Апсуйская и турецкая номенклатура в крае встречается с позднего средневековья, а русская-с XIX века.

Представленные здесь европейские, русские и грузинские карты, а так же «Названия грузинских провинций...» (1732г.) бесспорно и однозначно доказывают, что не только Джикети и Абхазия, но и все восточное Причерноморье до р. Кубани и Азовского моря с древнейших времен составляла часть исто-

Russia
Azerbaijan
Armenia
Turkey
Black Sea
Apkhazeti
Samegrelo
Zemo Svaneti
Racha Lechkhum
Kvemo Svaneti
Imereti
Guria
Ajara
Samckhe Javakheti
Shida Kartli
Mtkheta -
Mtianeti
Kvemo Kartli
Kakheti
Tbilisi
Gagra
Gudauta
Sokhumi
Gulripshi
Tkvarcheli
Ochamchire
Gali
Tsalenjikha
Zugdidi
Chkhorotsku
Martvili
Khobi
Senaki
Abasha
Poti
Samtredia
Lanchkhuti
Chokhatauri
Ozurgeti
Kobuleti
Batumi
Khelvachauri
Keda
Shuakhevi
Khulo
Mestia
Lentekhi
Tsageri
Oni
Ambrolauri
Khoni
Tskaltubo
Kutaisi
Tkibuli
Chiatura
Sachkhere
Terjola
Vani
Baghdati
Zestaponi
Kharagauli
Java
Tskhinvali
Khashuri
Kareli
Gori
Kaspi
Borjomi
Adigeni
Akhaltsikhe
Aspindza
Akhalkalaki
Ninotsminda
Tsalka
Tetri
Tskaro
Dmanisi
Bolnisi
Marneuli
Rustavi
Gardabani
Kazbegi
Shatili
Akhalgori
Dusheti
Tianeti
Mtskheta
Omalo
Akhmeta
Telavi
Kvareli
Sagarejo
Gurjaani
Sighnaghi
Lagodekhi
Dedoplistskaro

рической Грузии. Этот очевидный для любого небеспристрастного читателя, тем более исследователя факт не признают лишь фальсификаторы истории - апсуйские (абхазские) сепаратисты и их Московские покровители. Однако для доказательства своих взглядов оппоненты не приводят соответствующих исторических карт или других документов ввиду отсутствия таковых.

Указатель имен

Оглавление

Компьютерное обслуживание

Александр Джикуридзе
Нана Кварацхелия
Владимир Перанидзе
Нино Харебава